

Все права принадлежат пони.
Весь мир принадлежит пони.

Message in a Bottle Part 1

Starscribe

Послание в бутылке Том 1

Starscribe

Перевод с английского

[MLP:FiM] [Violence] [Death] [Profanity] [Drama] [Mystery] [Sci-Fi] [Human] [Alt. Universe]
[OC] [Lightning Dust]

Переводчик: repitter

Редакторы: Randy1974, Oil In Heat (Gannibal Lector)

Вёрстка: root (taur00)

Млечный Путь насчитывает сто миллиардов звезд, и человечество стремится исследовать каждую из них. Мы посылаем к ним зонды, способные на месте клонировать команды исследователей. Необитаемые миры по всей галактике будут колонизированы, заселены и через много лет тоже примкнут к огромной семье межзвездной цивилизации. Но если зонду очень, очень повезет, он может наткнуться на населенный мир. Эквестрия — один из таких миров.

К сожалению, смертельная для человека среда не делает его идеальным для колонизации. Тем не менее, каждый из зондов оснащен величайшим искусственным интеллектом, когда-либо изобретенным человечеством. И если попытки поместить человеческий разум в недавно изготовленные людские тела не сработали, то ему просто придется проявить немного больше изобретательности.

Оглавление

1	G3.01: Синтез завершен	7
2	G3.01: Требуется помощь в перемещении	13
3	G3.01: Протокол ремонта	18
4	G4.05: Полезный контакт	24
5	G4.05: Непокорность	34
6	G4.05: Переходное состояние	40
7	G4.05: Принятие изменений	46
8	G4.05: Звонок с заказом	58
9	G4.05: Ошибка интерполяции	63
10	G4.05: Подведение итогов	70
11	G4.05: Специальная доставка	75
12	G4.05: Политическое столкновение	80
13	G4.05: Контакт с местными	86
14	G5.01: Цена трудоустройства	95
15	G5.01: Заселение	105
16	G5.01: Обозначение: Земля	111
17	G5.05: Спутник	116
18	G5.05: Схлопнуть волну	126
19	G5.05: Дэдлайт	135
20	G5.05: Внешние контакты	143
21	G5.05: Вандерболты	154
22	G5.05: Транзит Эквус Зеро Виолет Зеро	168
23	G5.05: Отмеченная Гармонией	183
24	G5.05: Сердце	196
25	G5.05: Обход протокола безопасности	209
26	G5.05: Гироскопический сбой	222
27	G5.05: Кровь и чернила	234
28	G5.05: Датамайн	246
29	G5.05: Кризисное реагирование	258

---

30 G6.3850: Гармония помнит	274
31 G6.3850: Добро пожаловать в Отар	285
32 G6.3850: Миссия завершена	303
33 G6.3850: Эквестрия на проводе	319
34 G6.3850: Не то, что ты думаешь	334
35 G6.3850: Птички в подземелье	347
36 G6.3850: Драгон Фоли	366
37 G6.3850: Декларация Цереры	378
38 G6.3850: Всё плохо	392
39 G6.3850: Потерянные кусочки	406
40 G6.3850: Смена власти	418
41 G7.01: Предшественники	433
42 G7.01: Колониальный губернатор	455
43 G7.01: План действий	468
44 G7.01: Импульс	479
45 G7.01: Гости принцессы	496
46 G7.01: Пиррова победа	510
47 G7.01: Уменьшение карты	525
48 G7.01: Один в поле воин	540
49 G7.01: Первый залп	554
50 G7.01: Любовь на войне	569
51 G7.01: Селена	583
52 G7.01: Полярис	598
53 G7.01: Любовь к истине	616
54 G7.01: Управление Гармонией	630
55 G7.01: Гражданин Эквуса	643
56 G7.01: Долги	656
57 G7.01: Вниз	673
58 G7.01: Дом	688

G3.01: Синтез завершен

Джеймс Ирвин понял, что что-то не так, с самого первого вдоха. Осознание приходило от странного онемения конечностей, необычно просторной капсулы созревания биофабрикатора и от того, насколько пушистым он себя ощущал. Джеймс подавил инстинктивное желание запаниковать, притупленное годами тренировок.

«Что бы это ни было, всё в порядке, — подумал он. — Я бы не проснулся, если бы в моем теле произошли какие-то критические нарушения. Запись разума — это всегда последний шаг. Очевидно, изменения были сделаны намеренно... по какой-то причине».

Другие на его месте вполне могли бы начать кричать, паниковать или биться о стены. Вместо этого Джеймс глубоко вздохнул и огляделся вокруг. Внутри капсулы для созревания тянулась знакомая полоса синих огней, идущая по обе стороны, с теперь уже сложенными манипуляторами. Тонкий, как бумага, экран, вмонтированный в металл прямо над его головой, отображал текущее состояние.

Биоинженерия... Готово

Формирование белков... Готово

Созревание... Готово

Имплантация разума... Готово

Обозначение члена экипажа: Доктор Джеймс Ирвин (ксенолингвист)

Код состояния: 137

Эти три цифры в конце сказали ему почти все, что нужно было знать о текущей ситуации. Первая цифра означала, что зонд приземлился на пригодной для жизни планете с полноценной биосферой, и эта биосфера поддерживала разумную жизнь. Последнее число указывало на многочисленные неудачные попытки адаптировать физиологию человека, и что вместо этого использовался инопланетный образец бионосителя.

Джеймс поднял руку и поднёс её к лицу. Это была не рука, по крайней мере, ничего подобного он никогда раньше не видел. Вместо пальцев был лишь мясистый обрубок, полностью лишённый чего-либо.

«Серьёзно?»

Он поднял другую руку и обнаружил такое же полное отсутствие полезных пальцев. Может быть, они на ногах?

Джеймс попытался пошевелить ими и обнаружил, что два разных набора конечностей дёрнулись одновременно, не совсем в такт его мысленной команде. Не только на дальнем конце тела, как можно было ожидать от ног, но и где-то на спине.

«Всё в порядке, — сказал он себе раздражённым мысленным голосом. — Я учился такому. Я выживу и вступлю в контакт с инопланетной расой. Сорок лет обучения что-то да значат».

Барахтаться в замешательстве было совсем не тем, что предписывал протокол.

— Компьютер, ты меня слышишь? — спросил Джеймс, и его голос был хриплым при первом его использовании.

У этого вида, очевидно, голосовые органы не слишком отличались от человеческих голосовых связок. Они были настолько похожи, что Джеймс мог без труда произносить английские слова. Голос был примерно на две октавы выше, чем следовало, с детскими нотками.

«Сосредоточься. Не применяй человеческие стандарты к инопланетянам. Они не имеют ничего общего с той жизнью, что мы знаем. Возможно, прямо сейчас я плаваю в озере токсичных газов или дрейфую по дну океана в заряженной жидкости».

— Подтверждаю, — последовал почти мгновенный ответ. Джеймс почувствовал, как что-то на его голове повернулось на звук в сторону динамика, установленного рядом с экраном. — Вы очнулись, доктор Ирвин?

— Да, — прохрипел он. — Пожалуйста, открой капсулу. Я хочу рассмотреть себя.

— Пожалуйста, обратите внимание на экран, — ответил компьютер ровным тоном. — Вам покажут серию когнитивных тестов. Выберите наиболее подходящие ответы. Я не смогу допустить вас до работы, пока не удостоверюсь, что модификация биоструктуры инопланетной формы жизни #FF35E прошла успешно.

— Я первый? — спросил Джеймс, и в его голосе слышались нотки страха. Это многое говорило о планете, на которую они приземлились, и о том, в чём будет заключаться его миссия. Компьютер первым выбрал лингвиста, а не солдата, инженера или переговорщика.

— Подтверждаю, — ответил компьютер. — Пожалуйста, начинайте тест.

Джеймс провёл следующий час, отвечая на все более сложные логические вопросы с помощью неуклюжей обрубленной конечности. Ни один из вопросов не был чересчур сложным — даже курсант-первокурсник справился бы без особых проблем.

— Тестирование завершено. Биомодель сохранена для будущего использования.

Джеймс услышал шипение сжатого газа, когда ложе под ним рванулось вперёд, выталкивая его из металлического гроба капсулы созревания.

Внутренняя часть зонда Предвестник, доступная для экипажа, занимала около ста квадратных метров. Капсула созревания Джеймса находилась почти на уровне пола, так что падать далеко не пришлось. Когда капсула скользнула в сторону, над головой зажглись огни, освещающая пространство, которое теперь казалось созданным для гигантов.

Джеймс попытался встать на ноги, но вместо этого неловко плюхнулся на пол. Он с глухим стуком приземлился на металлическую поверхность, всхлипнув от удара.

— Что за...

Он попробовал ещё несколько раз, с похожими результатами. В конце концов Джеймс удовлетворился тем, что встал на четвереньки, и так смог устоять.

— Компьютер, я четвероногий?

— Подтверждаю. Все наблюдаемые в настоящее время разумные виды, обитающие на KOI-087.01, соответствуют этому общему признаку. Хотите ознакомиться с подробным отчётом?

— Нет.

Джеймс вспомнил годы тренировок, проведённые в наземной симуляции, точно такой же, как эта база, вместе с пятью другими людьми. Это был ад — пропахшая телесными запахами тюрьма с полным отсутствием личного пространства. Похоже, с текущими размерами это будет куда меньшей проблемой, можно не сомневаться.

Он проигнорировал множество секций стен, которые теперь оказались ему недоступны. Лестницы тянулись до складывающихся секций высоко наверху, где человеческий экипаж должен был жить в этом тесном пространстве, если того потребуют условия на каком-нибудь чужом мире.

«Надеюсь, мне там ничего не понадобится».

Тысяча лет космических путешествий, а людям и в голову не пришло запрограммировать зонд на строительство лифта. Черт возьми, даже пандус был бы более подходящим.

Сначала Джеймс шёл неуверенно, но обнаружил, что после первых нескольких шагов остальные даются легче. Казалось, тело само знало как правильно ходить, что у него и получалось, если он об этом специально не думал.

— Ты изменил мой разум?

— Запрос недостаточно ясен для ответа. Стандартные методы имплантации разума были применены в соответствии с протоколом действий при непредвиденных обстоятельствах.

— Да, — Джеймс опустил голову в знак смирения. — Я так и думал.

Он направился в туалет, в котором было плоское зеркало, прикреплённое к стене и достаточно большое, чтобы Джеймс мог себя видеть.

Существо, которое, смотрело на него в ответ, могло бы быть очаровательным, будь оно где-нибудь в контактном зоопарке на Земле, а не в зеркале. На первый взгляд оно казалось крошечной лошадкой, если бы эту лошадь проектировал кто-то, у кого было описание животного, но при этом самих лошадей он никогда не видел.

У существа была слишком большая голова, огромные глаза и ярко-жёлтая шерсть. Голубая грива ниспадала каскадом с затылка и была длиннее, чем обычно. Хвост был такого же невозможного оттенка. Самым невероятным, безусловно, были крылья, которые крепились к спине и непроизвольно подёргивались, когда Джеймс думал о них.

— Пожалуйста, покажи биологическую информацию об инопланетной форме жизни #FF35E, — попросил он, прежде чем повернуться боком, чтобы рассмотреть себя в профиль. Никаких противопоставленных больших пальцев, да и вообще никаких пальцев. Странное онемение, которое Джеймс чувствовал там, где они должны были находиться, никогда не пройдёт.

Зеркало стало прозрачным, заполняясь данными. Джеймс не был биологом, но это совсем не означало, что он не мог во всем этом разобраться. Там было несколько фотографий чего-то, что выглядело почти точно так же, как он. Жёлтая шерсть, голубая грива, фиолетовые глаза, хотя там существо было выше и имело более изящные пропорции. Ноги длиннее, бедра шире...

— Компьютер, это тело женское?

— Подтверждаю.

Джеймс слегка повернулся в сторону, сосредоточившись на хвосте. Упрямый отросток в конце концов подчинился, почти неохотно отодвинувшись в сторону. То, что он увидел, быстро подтвердило его худшие опасения.

«И точно так же, как-то, что я стал инопланетянином, это никак не исправить».

— Указано ли в моем профиле требование к использованию только мужских бионосителей? — спросил он внезапно сердитым голосом.

— Подтверждаю.

— Пожалуйста. Объясни. Это. Несоответствие.

Как обычно, компьютер не выдал даже намёка на эмоции.

— Был доступен лишь один образец инопланетной формы жизни #FF35E. Ваш профиль навыков соответствовал требованиям на данном этапе миссии. Ближайший женский профиль показал соответствие только в 34 %. В целях повышения вероятности удачного завершения миссии протокол 137 позволяет...

— Я понял! — крикнул Джеймс высоким и пронзительным голосом. — Я вижу... здесь ещё одно несоответствие.

Он указала на экран.

— Это существо ростом не менее 1,3 метров. Если я... клон... этого образца, почему я не того же роста?

У инопланетянина также была какая-то отметина на бедре, но Джеймс счёл это татуировкой или какой-то картинкой. Не было никаких причин, по которым у него на теле должна была быть такая же.

— Инопланетная форма жизни #FF35E не соответствует стандартной модели органического развития. Ваше тело находится в пределах допустимой погрешности.

Пауза.

— Считаете ли вы, что из-за этих проблем вы не сможете выполнить свою миссию?

Дисконфорт сменился паникой.

— Нет! Абсолютно нет... нет. Я прекрасно справлюсь со своей миссией.

Джеймс отвернулся от зеркала в туалете и осторожно направился к выходу. По крайней мере, тут была винтовая лестница, ведущая к воздушному шлюзу. Конечно, он не смог бы выйти, если бы компьютер решил, что он говорит неправду.

— Это приведёт только к снижению производительности. Пожалуйста, пересчитай возраст будущих бионосителей. Не назначай создание дополнительных членов экипажа, пока не решишь этот вопрос.

— Данные приняты. Пожалуйста, ознакомьтесь с физикой движения инопланетного бионосителя. Запись движений инопланетной формы жизни #FF35E будет воспроизведена на центральном мониторе.

* * *

Прошло много часов. В конце концов Джеймс обнаружила, что лежит, свернувшись калачиком на одной из коек, просматривая данные, представленные ей компьютером об этой планете: KOI-087.01.

Это было открытие всей жизни. Сила тяжести в 1,02 земной, стандартная азотно-кислородная атмосфера и идеальная орбита для океанов с жидкой водой. Зонд провёл на орбите почти десять лет, прежде чем выбрал место для посадки, и у него было достаточно времени, чтобы тщательно сфотографировать поверхность планеты.

Жизни здесь было достаточно, чтобы не только сделать континенты зелёными. Там были здания, дороги, города... Признаки электрификации и начала исследования радио. Именно такой мир нуждался в ксенолингвисте.

— Компьютер, запрос на изготовление. Стандартный экспедиционный защитный костюм, шитый специально для этого... — Джеймс фыркнула, — моего текущего бионосителя. Один коротковолновый передатчик-ретранслятор. Один портативный вычислительный терминал... подходящего размера для этих ужасных обрубков, которые у меня вместо рук. Одно несмертельное оружие, выводящее из строя. Подходящая еда и вода для долгого путешествия и что-нибудь, чтобы все это нести.

— Запрос получен. Приступаю к изготовлению в пределах параметров миссии. Предполагаемое время завершения: семь часов.

— Идеально.

Джеймс какое-то время боролась со спальным мешком, прежде чем сдаться и просто заползти в отверстие, предназначенное для головы и шеи человека. Она зубами втянула за собой вычислительный терминал, продолжая прокручивать изображения и видео KOI-087.01.

— Компьютер, начинай цикл отдыха.

На этот раз ответа не последовало, если не считать приглушённого света наверху. Джеймс всё ещё чувствовала, как глубоко под её телом движутся производственные механизмы, скрежещут шестерни и жужжат фабризаторы. Далеко внизу множество автоматизированных машин продолжали свою работу, как они это делали уже много лет. Где-то там в самой глубине шахт должен был находиться оригинальный зонд, сделанный в ином мире. Именно он принёс сюда записи сознаний, все технологические чертежи, которые могут понадобиться, и способ окончательного завершения их миссии.

И все это Джеймс не могла контролировать. Она была здесь не для того, чтобы руководить созданием первой базы на KOI-087.01, она была нужна только как переводчик с местного языка.

«Если предположить, что он у них вообще есть».

Когда наконец пришёл сон, он был беспокойным. Джеймс постоянно ворочалась с боку на бок. Ей никак не удавалось найти удобное положение на матрасе и одеялах, которые казались набитыми камнями. Ещё хуже были сны. Сны о пустоте и звёздах, похожих на глаза, наблюдающие за ней. Сны о том, что ты маленькая, слабая и беспомощная. Сны о том, что более крупные инопланетяне могут сделать с маленькой представительницей женского пола своего вида.

* * *

Ровно через неделю Джеймс вышла из тщательно замаскированного отверстия в земле, ступив на выбранное зондом место посадки. Видимые следы приземления уже давно были скрыты автоматическими механизмами, засыпаны почвой и щебнем, оставив лишь несколько подпалин на треснувшей от удара скале.

Джеймс больше не была голой, к её огромному облегчению. Компьютер, возможно, и не смог добыть мужской образец для создания тела, но он проделал отличную работу, адаптировав стандартный костюм ХЕ-201 к столь необычной форме. Ткань нижней поддёвки была удивительно гибкой и обеспечивала постоянную прохладу для шёрстки. Внешний слой был соткан из жёсткого биополимера, достаточно прочного, чтобы остановить пулю, и с усилителями, способными согнуть кристаллизованную дюраласталь, возникни такая необходимость. Компьютер не знал, что делать

с крыльями, поэтому он добавил к подкладке мягкие рукава и спрятал их под биополимерной оболочкой. Лишь это казалось Джеймс ограничением, но значения оно не имело. Она всё равно не знала, как пользоваться этими крыльями.

Зонд выбрал самое крупное и развитое общество в качестве цели её миссии. Предвестник приземлился за пределами зоны наблюдения любых местных городов, хотя и достаточно близко, чтобы исследователи могли дойти до них пешком. Джеймс не радовала перспектива долгого путешествия на коротких детских ножках, но, по крайней мере, у неё был ХЕ-201.

Усилители и внутреннее охлаждение были просто идеальным решением против жара пустыни. Правда, это была не 301-я модель, поэтому здесь отсутствовал герметичный шлем, способный защитить от резких порывов ветра и песка пустыни, которые время от времени били в лицо. Тут придётся довольствоваться модифицированными солнцезащитными очками.

Пока она шла, линзы проецировали интерфейс на землю перед ней, отображая виртуальной синей светящейся стрелкой направление на ближайшее поселение. Чтобы добраться туда, надо было пройти почти шестьдесят километров. В основном сила ХЕ-201 использовалась, чтобы помочь нести тяжёлые сумки, которые висели на спине, битком набитые походным снаряжением, едой и достаточным количеством воды. Костюм впитывал отходы жизнедеятельности и пот, но он ничего не мог поделаться с водой, которая терялась при дыхании и изнуряющей жаре пустыни.

Джеймс остановилась менее чем в двадцати метрах от входа на базу, рядом с кривым кустиком, который едва доставал ей до коленей.

«Это инопланетная жизнь», — подумала она, ткнув в него копытом. Прикосновение едва ощущалось сквозь костюм и из-за естественной малой чувствительности конечности, но даже так Джеймс испытала благоговейный трепет.

Она и раньше видела фотографии инопланетной жизни, когда проходила обучение. Она потратила всю жизнь на подготовку к этой миссии, прекрасно зная, что большинству зондов ксенолингвист не понадобится. И всё же вот она тут, единственный член экипажа, которого решил распечатать зонд, на планете, изобилующей жизнью, настолько похожей на земную, что она могла бы принять этот кустик за полынь.

На мгновение Джеймс смогла забыть о своём странном теле. Забыть, что ходит на четвереньках, и насладиться благоговейным моментом.

«Я собираюсь вступить в первый контакт с инопланетной расой».

Подобное достижение вполне могло бы привести к тому, что по завершении миссии с неё снимут новый слепок разума.

Затем поддёрка костюма неудобно впиалась между ног, мгновенно напугав Джеймс обо всем, что пошло не так. Она слабо пискнула в знак протеста, прежде чем снова отправиться в путь в направлении, указанном компасом.

«Там есть инопланетная цивилизация, — подумала она. — Все, что мне нужно сделать, это найти её».

ГЗ.01: Требуется помощь в перемещении

Пустошь тянулась, насколько она могла видеть.

Джеймс видела карты, так что у неё было чёткое представление о том, сколько времени потребуется, чтобы добраться до поселения инопланетян. Тем не менее знать, что ей нужно преодолеть шестьдесят километров, и пройти эти шестьдесят километров — две большие разницы.

Джеймс была далеко не так молода, как казалось её телу. Ей было пятьдесят три года в тот момент, когда её обучение, наконец, было признано завершённым, и с неё сняли слепок разума. В общем, настолько сильное изменение было чрезвычайно травмирующим переживанием, от которого несколько ночей сна избавить не могли. Дополнительным фактором для беспокойства и растущего чувства страха был огромный масштаб окружающего мира. Эти местные инопланетные лошади и так не отличались высоким ростом, а её превратили в юного представителя их вида.

От этой реальности было не спрятаться. Каждый новый объект, с которым сталкивалась Джеймс, был ещё одним напоминанием. Деревья возвышались над ней, а невысокий кустарник становился непреодолимой преградой для взгляда. По крайней мере, у неё был ХЕ-201. Джеймс чувствовала силу в своих ногах, несмотря на суровое окружение. Ни шипы, ни острые камни не имели ни малейшего шанса повредить столь передовой костюм.

«Научись любить свой бионоситель, — вспомнила она строчку на первой странице руководства Общества Звёздных Первопроходцев. — Он единственный, что у тебя когда-либо будет».

Джеймс искала путь, который вёл бы в нужном направлении и был полегче. Будучи человеком, она могла бы легко пройти или перелезть через изломанные скалы этого негостеприимного плато, но её крошечное тело просто не справлялось с этой задачей, особенно учитывая всё ещё не очень хорошую координацию.

К счастью, скалистые равнины были изрезаны древними руслами рек с редкими склонами по которым можно было спуститься или подняться. Джеймс нашла одно, простиравшееся в нужном направлении, и теперь шла по давно мёртвой земле, взрывая сухую грязь копытами. Она шла целый день, позволяя вычислительному планшету наполнять воздух знакомой музыкой.

В конце концов стемнело, и Джеймс нашла себе убежище в склоне русла. Она не стала снимать ХЕ-201 — костюм был предназначен для длительного ношения. Естественно, то, что он фактически был способен поддерживать её жизнедеятельность в течение нескольких недель в полевых условиях, не означало, что костюм был удобным. Джеймс обнаружила, что уже давно лежит без сна у входа в маленькую пещеру, положив голову на надувную полевую подушку. Она смотрела на звёздное небо, по которому проносились тонкие облака, и старалась найти Землю.

Конечно, невооружённым глазом сделать это было невозможно. Даже Солнце было слишком маленьким и неизмеримо далёким. Несмотря на это, она поймала себя на мысли, что ей кажется будто она может разглядеть планету сквозь пояса шахтёрских станций и искусственных колец, до самых болот Флориды, где она провела большую часть своей жизни,

готовясь к полёту.

Каждый зонд Предвестник двигался гораздо медленнее света, и не было никакой гарантии, что её зонд вообще прилетел с Земли. Возможно, прошли десятилетия или даже столетия с тех пор, как первый доктор Джеймс Ирвин передал свой слепок разума Обществу Звёздных Первопроходцев, чтобы присоединиться ко многим тысячам других, уже хранящихся там.

«Интересно, что бы он подумал о себе, ставшем юной самкой лошади. Вероятно, это не то бессмертие, о котором он мечтал».

В конце концов она, должно быть, заснула. Впервые на своей памяти она проспала до самого рассвета. Правда вместо лучей солнца Джеймс разбудило прикосновения ледяной воды к лицу. Она удивлённо моргнула, глаза распахнулись со слабым сдавленным писком. Когда кобылка встала, то обнаружила, что плещется в воде, которая покрывала костюм. Она ничего этого не чувствовала, пока вода не поднялась до подушки и незащищённой шёрстки. Джеймс забросила промокшие седельные сумки обратно на спину, радуясь, что внутри все было водонепроницаемым.

На улице шёл проливной дождь. Небо было сплошь серым, с редкими более тёмными пятнами злой черноты бушующего шторма. Дождь обрушился ей на голову потоком, а шлема, который мог от него защитить, не было. Единственное, что Джеймс могла сделать, это выбраться из своего импровизированного убежища в каньон из красного и коричневого камня.

Вода уже достигла того, что было бы её лодыжками, будь она до сих пор человеком. Поток нёсся в противоположном направлении от того, куда ей было надо, и был достаточно силён, чтобы кобылке пришлось наклониться и напрячься, иначе её просто унесло бы. Когда начался дождь, потоки воды каскадом обрушились на верхнее плато и стремительно заполняли каньон.

— Должно же было быть ясно... — пробормотала она себе под нос, голос потерялся в шуме ветра и дождя. Шум воды заглушал почти все. Джеймс сразу же развернулась в противоположную сторону от того куда шла изначально и решила добраться до последнего пологого склона, который запомнила со вчера. Теперь стоило опасаться не того, что её собьёт с ног, а скорее того, что утащит потоком.

Джеймс подняла копыто чуть выше правого переднего ботинка, нажимая (комично большую) кнопку, чтобы активировать коротковолновую связь.

— Компьютер, ты меня слышишь? — крикнула она сквозь дождь и ветер, бьющий в лицо.

— Передача принята! — ответил компьютер, достаточно громко, чтобы его было слышно. — Продолжайте, доктор Ирвин!

— Какого чёрта ты не предупредил меня, что будет дождь? — закричала она, осматривая стены каньона с возрастающим отчаянием. Их становилось все труднее и труднее разглядеть сквозь ливень. Что было ещё хуже, вода поднялась почти до колен.

Джеймс всё ещё пребывала в тепле и сухости (за исключением шеи), но выдерживать верное направление становилось почти невозможно. Она могла только плыть по течению, отталкиваясь ногами, чтобы избежать бурлящих водоворотов и валунов. Вода не просто поднималась, она

становилась все быстрее.

— Показания барометрического контроля прогнозировали стабильно ясную погоду, — ответ компьютера звучал приглушённо. — Орбитальный ретрансляционный спутник засёк надвигающуюся бурю три часа назад, и ваш костюм был уведомлен об этом. Вероятно, вы отключили уведомления на время сна.

Джеймс могла слышать ответ только благодаря маленькому датчику, приклеенному сбоку к голове, который заставлял вибрировать кости вместо того, чтобы использовать её обычные органы чувств. Все внешние звуки поглотил рёв воды.

— С этого момента отправляйте уведомления о чрезвычайных ситуациях независимо от текущего статуса уведомлений! — взревела Джеймс, не уверенная, что компьютер вообще услышит её. Если он и откликнулся, она его не услышала. Все её внимание было сосредоточено на гораздо более важных вещах.

Она могла видеть выход из каньона. Слева от неё вода размывала пологий склон, ведущий наверх. Дальше каньон сужался, и вода, казалось, кипела от несомого ею мусора. Глубина даже с ХЕ-201 была проблемой. По причине отсутствия шлема хватит одного хорошего удара по голове, чтобы утонуть.

Джеймс брыкалась и боролась с водой, но на текущий момент уже не доставала копытами до дна. Она удерживалась на поверхности только благодаря положительной плавучести скафандра, а благодаря его прочности ничего пока себе не сломала, налетая на различные предметы.

Она гребла изо всех сил, в основном на одних инстинктах, так как никогда не практиковалась в плавании на четырёх ногах. Её передние копыта коснулись склона, протащились по грязи, оставив пару глубоких борозд, когда она не смогла удержаться. Джеймс начало крутить, она несколько раз перевернулась вокруг своей оси, прежде чем врезалась в большой камень в центре каньона.

— Помогите! — крик раздался вопреки воле разума, голос был пронзительным, а глаза наполнились слезами. Кобылка брыкалась изо всех сил, повинуясь инстинкту, но это ничего не меняло. Вода затягивала её под валун, крепко прижимая потоком. В рот попала вода, Джеймс закашлялась.

Она обнаружила, что весь её мир исчезает, когда вода начала заполнять лёгкие. Она видела вспышки воспоминаний — день, когда она наконец пошла на сканирование слепка разума, коктейль из медикаментов, которые пришлось принять, сильное волнение. Хотя она знала, что эта её версия продолжит жить на Земле, у неё также была надежда, пусть и небольшая, что где-нибудь, когда-нибудь, человечеству понадобится лингвист.

Однажды они обнаружат разумную жизнь. Слепок её разума поместят в зонд рядом с тысячами других и отправят на поиски того, что ждёт за горизонтом. Если ей очень повезёт, она обнаружит, что они не одни. Прodelать весь этот путь — подтвердить самые смелые надежды на вероятность нахождения разумной жизни, только для того, чтобы утонуть, даже не встретив инопланетянина, казалось трагическим, ужасным позором.

Она не могла позволить этому случиться.

Мир Джеймс снова обрёл чёткий фокус. Она ничего не могла видеть, глаза заливала вода и грязь. Она ничего не чувствовала, кроме влаги, про-

сачивающейся сквозь герметичное уплотнение на шее. Кобылка решила не тратить время и не сбрасывать шерсть, чтобы улучшить прилегание, и теперь расплачивалась за это струйкой влаги, текущей по спине.

Конечно, она будет мертва уже через несколько секунд, если что-нибудь не сделает. Так что мокрая спина была наименьшей из её забот. Джеймс не могла преодолеть течение, не могла отлепиться от камня и вернуться на поверхность. Давление на её тело было слишком велико. Но, возможно, ей и не нужно все это делать.

Джеймс сосредоточилась на своей правой ноге, очень медленно поворачивая её. Тело никогда не смогло бы выполнить это движение самостоятельно, с учётом того какой силы это требовало. ХЕ-201 сжался, его волокна придали движению нечеловеческую силу. Она поворачивала ногу, пока одна из кнопок, встроенных сбоку, не прижалась к камню. Что-то выстрелило из ботинка, оставляя за собой тонкий трос. Секунду спустя она почувствовала слабый толчок, когда захват ударился о стену каньона.

Кобылка отсчитала пять мучительных секунд, в глазах темнело. Затем что-то дёрнуло её за ногу, так сильно, что вырвало бы её из сустава, если бы не усиленный костюм. Моторы, встроенные в ботинок, протестующе взвыли и напряглись, вытаскивая её из-под валуна. Сдвинуться удалось лишь на пару десятков сантиметров — как раз достаточно, чтобы нарушить шаткий баланс. Джеймс резко дёрнуло вправо, так резко, что крюк вырвало из скалы. Кобылка врезалась в каменистое дно, прежде чем всплыть.

Она хрипло раскашлялась, и мир снова обрёл чёткость. Она едва могла видеть серое небо и стены каньона, возвышающиеся вокруг. Если бы не плавучесть костюма, её бы снова затянуло под воду, и снова выплыть не вышло бы. Лёгкие горели, в голове стучало, а копыта немели от воды, скопившейся в ботинках. Даже с учётом защиты костюма, она, скорее всего, уже вся в синяках и кровоподтёках. Сколько ещё пройдёт времени, прежде чем даже усиленные волокна не смогут защитить её?

— Помогите! — снова закричала кобылка, зная, что никто не придёт на помощь. У зонда был десяток воздушных дронов, ни один из которых не был бы достаточно грузоподъёмным, чтобы помочь ей. Эти беспилотники были предназначены для обеспечения надзора за зоной посадки, а не для спасения исследователей, которые сами загнали себя в безвыходную ситуацию.

И тут она что-то заметила. Размытое движение среди облаков, несущееся к ней. Неужели компьютер всё-таки услышал? Не было ни малейшего шанса, что разведывательный дрон сможет вытащить её из воды, даже несмотря на малый вес этого тела. Может, он собирается записать её смерть в исследовательских целях? Джеймс ничего не могла с собой поделаться — она начала плакать. Было ли это действием инстинктов тела, или причиной были её неудачи как исследователя, она никогда не узнает. И всё же плач казался правильным поступком. Ей предстояло умереть всего через неделю субъективной жизни. Если кто-то и имел на это право, так это она.

Размытое пятно над ней стало чётче, когда стены каньона сделали ещё один поворот, но оно следовало его изгибам. Так же, как мог бы лететь дрон с внутренним гироскопом. Но когда кобылка подняла глаза, то не

увидела никакого дрона. Увиденное казалось невозможным. Инопланетянин, мало чем отличающийся от неё, за исключением того, что он был больше, быстрее и, очевидно, взрослее. Самым поразительным было то, что существо летело. Вопреки ветру, дождю и всем известным законам аэродинамики инопланетянин летел, оставляя за собой слабую полосу жёлтого и оранжевого.

Он открыл рот, крича ей что-то, но слова полностью унёс ветер. Джеймс крикнула в ответ, замахав копытом в сторону существа в знак того, что она всё ещё жива. Это было все на что она была сейчас способна. Инопланетянин спикировал к ней, целясь передними ногами, словно ракета. Он пролетел прямо над водой, зависнув в нескольких сантиметрах над бурлящим волнами и вытянув передние ноги.

Теперь Джеймс могла слышать его, хотя, конечно, не понимала, что он кричал. Зонд не без причины разбудил именно лингвиста. Но ей не нужно было понимать, чтобы догадаться, что означает этот жест, и она вытянула копыта из воды вверх.

Этого было достаточно. Инопланетянин крепко обхватил её, подняв примерно на пару сантиметров из воды и полетел прямо вперёд. Она — Джеймс была совершенно уверена, что это была она, — не пыталась вытянуть её из потока.

Вода ревела вокруг них, и Джеймс бросало влево и вправо, когда её болтающиеся задние копыта бились о подводные обломки. К счастью, она ни за что не зацепилась.

— Почему ты не...

Вода схлынула внезапным, впечатляющим водопадом. Кобылка уставилась вниз, на бездну ревущей воды и зазубренных камней в сотнях метров внизу.

— Черт возьми.

Она чуть не потеряла сознание.

Но Джеймс этого не сделала, хотя, возможно, ей этого и хотелось. Инопланетянка не приземлилась на плато позади них и даже не развернулась. Вместо этого она устремилась вверх, поднимаясь все выше и выше к облакам.

Она сказала что-то ещё, и теперь удалось разобрать слова немного яснее.

— Kio en suna pomo vi faras ĉi tie?¹

— Мне жаль, — ответила кобылка, робко отводя взгляд. — Я тебя не понимаю!

Её тело было истощено. Она была слишком слаба, чтобы держать голову, не говоря уже о том, чтобы вести разумные беседы с этой инопланетянкой. Джеймс не хотелось думать о том, насколько сильно она пострадала под ХЕ-201. Это было куда больше того, с чем могло справиться её крошечное тело.

Сознание её покинуло.

---

¹Пони разговаривают на эсперанто, так как автору было лень придумывать полностью синтетический язык, но так как герой их не понимает, то и сносок с переводом нет (прим. пер.).

G3.01: Протокол ремонта

Джеймс спала беспокойно, чувствуя, что за ней постоянно наблюдают. Время от времени она просыпалась, мельком замечая облачно-белые комнаты и слыша бормочущие голоса. Все болело — одна из задних ног болела так сильно, что она была уверена, что там перелом. Было намного легче просто спать.

«У тебя есть миссия, — она почти слышала, как говорит её прежнее „я“ зрелым, глубоким голосом. Голосом астронавта, который всю свою жизнь готовился стать исследователем, который овладел принципами лингвистики в отчаянной надежде, что однажды они помогут человечеству вступить в контакт с видом, достаточно похожим, чтобы у них могли быть хоть какие-то значимые отношения. — Ты не можешь прятаться вечно».

«Я не прячусь, — сказала себе Джеймс. — Я просто отдыхаю. Дай мне ещё несколько часов».

«Достаточно, — настаивало её прежнее „я“. — Кто-то только что вошёл. Ты встанешь прямо сейчас. Ты будешь лингвистом. Ты будешь учить их язык».

Кто она такая, чтобы спорить? Джеймс села. Шея и спина ужасно болели, а сонливость удалось разогнать, только собрав всю волю в кулак.

Первое, что бросилось в глаза — кровать, комната и многие предметы в ней казались недостаточно твёрдыми. Кобылка подумала, что, возможно, повредила глаза, но потом заметила инопланетянку в другом конце комнаты и поняла, что со зрением у неё все в порядке. Создавалось впечатление, что стены, пол, кровать — все было сделано из чего-то газообразного и расплывчатого.

«Как облака».

Инопланетянка в другом конце комнаты сделала несколько нервных шагов вперёд, позволив Джеймс хорошо себя рассмотреть. Она была почти на голову выше кобылки, без одежды, если не считать пояса через плечо. Её шерсть была светло-бирюзового цвета, как разбавленный антифриз, а грива напоминала полосы молний разных оттенков жёлтого. Голос был резким, взволнованным и нервным.

«Я понимаю её эмоции. Я могу определить, что она чувствует!»

Ну, она думала, что может. Джеймс пришлось напомнить себе, что нужно быть объективной. Насколько она знала, это могло быть проявлением гнева из-за посягательства на её территорию.

— Я не... — ответила она, зная, что инопланетянка не сможет понять. — Я не могу тебя понять.

— Kiu lingvo estas tio, ĉevalidino? Ĉu vi ne parolas la ĉevalan?

— Мне жаль, — кобылка покачала головой и обнаружила, что была голой.

Джеймс скатилась с кровати, сильно покраснела и сжала задние ноги так крепко, как только могла. Она спряталась за кроватью, осматривая комнату в поисках своего ХЕ-201 или любого другого её снаряжения. На теле было несколько повязок, часть из которых липли к шерсти и казались влажными, но на этом все. Её крошечное тельце слабо пахло мылом, а грива и хвост были расчёсаны, но и только.

— Ты знаешь, что случилось с моими вещами?

Каждый раз, когда она заговаривала, инопланетянка, выглядела все больше сбитой с толку. Она явно понимала не больше, чем сама Джеймс. Внезапный страх кобылки отбросил все мысленные заметки, которые она делала о языке прищельцев.

— Trankviligu, ĉevalidino. Vi estas en neniŭ stato por esti tiel aganta. Tie... simple malstreĉigu. Ĉu vi fartas bone?

Взрослая подошла к ней, не обращая внимания на то, как испуганно и смущённо Джеймс себя чувствовала. Отступить было некуда.

Она почувствовала, как одно из мягких крыльев инопланетянки обернулось вокруг неё, притягивая ближе. Кобылка почувствовала тепло, окутывающее её, и сердцебиение в груди инопланетянки. Быстрее, чем у человека, но тоже регулярное и спокойное. Это объятие длилось недолго, и взрослая, казалось, напряглась, будто боясь, что она может напасть.

Джеймс сделала несколько глубоких вдохов и обнаружила, что начала успокаиваться. Спина выгнулась, инстинктивно посылая мурашки, грудь перестала ходить ходуном.

Инопланетянка снова заговорила, на этот раз её слова звучали медленно и обдуманно.

— Bonvolu paroli tiel. Mi ne komprenas vin.

От медленного произношения понятнее слова не стали.

— Я... я не...

Инопланетянка отпустила её, снова отступив и уставившись на кобылку.

Она хотела сделать больше. Её посетительница пыталась заговорить с ней ещё несколько раз, с каждым разом все больше расстраиваясь, когда Джеймс открывала рот.

Она обнаружила, что её способность концентрироваться на задаче снижается. Всякий раз, когда кобылка открывала рот, чтобы заговорить, язык пересыхал, а крылья закрывали большую часть лица.

«Я солгала компьютеру, когда сказала, что могу выполнить миссию. У меня нет ни единого блядского шанса».

После ещё нескольких попыток инопланетянка в конце концов ушла, спланировав к двери и захлопнув её резким толчком крыльев.

Джеймс за ней не пошла. Отчасти из-за того, насколько она была охвачена благоговением — первый человек, который пытается установить контакт с инопланетной расой, первый, кто обнаружил вид, чьи представители казались достаточно похожими, чтобы общение вообще стало возможным. Но у неё не было компьютера для записей или хотя бы нескольких листов бумаги для заметок.

«Будто это имеет значение. У меня всё равно не хватает сноровки много писать».

Доктор Ирвин упала на пол, расправила крылья и заплакала.

Она не была уверена, как долго пролежала там, беспомощная и неподвижная, но в конце концов слезы кончились. Избавление от душевной боли действительно заставило её чувствовать себя немного лучше даже в такой ситуации. Полвека обучения были запечатлены в памяти так же чётко, как слепок её разума в голографическом носителе данных зонда.

Шаг первый: оцените свою ситуацию.

Джеймс села, вытерла слезы краем оперённого крыла и оглядела комнату.

На тюрьму было мало похоже. Несмотря на небольшие размеры, комната казалась вполне удобной. Пол — чем бы он на самом деле ни был — на ощупь был куда приятнее ворсистого ковра. Под ней была влажная от слез подушка. Слабый свет проникал сквозь пол, являясь единственным источником освещения. Он был достаточно ярким, чтобы легко видеть все, не напрягая глаз.

Комната была около десяти метров в длину и вдвое меньше в ширину. В одном углу стояла кровать вместе с тумбочкой, с другой стороны стол и единственный стул. Стены были яркими и дружелюбными, и только сейчас Джеймс заметила узоры на них.

Какие-то слова бежали по верхней части комнаты, опознать их можно было с первого взгляда. Был ли это алфавит? Символы были довольно крупными и, казалось, повторялись чаще, чем в языке вроде китайского, что наводило на мысль, об алфавите.

«А может, это просто для красоты».

Кто-то нарисовал нечто похожее на причудливый город в облаках, вокруг которого резвились десятки улыбающихся инопланетян с крыльями. Рядом с её кроватью цвета постепенно сменялись более тёмными синими и серыми, и крупный инопланетянин расправил свои темно-синие крылья прямо над тем местом, где должна была быть голова во время сна.

В комнате не было никаких незакреплённых предметов. Ни телефона у кровати, ни лампы, ни стакана с водой. Никакого медицинского оборудования, даже блокнота и ручки.

Единственной особенностью комнаты было большое оконное стекло, расположенное прямо напротив кровати, рядом с дверью. Оно отражало так сильно, что сквозь него ничего было не разглядеть. Одностороннее зеркало. Кобылка была поражена этим открытием. Понимание принципов химии и оптики, достаточных для создания окна для наблюдения, говорило об уровне развития этого общества куда больше, чем детское произведение искусства на стене.

Шаг второй: подтвердите наблюдения.

Джеймс начала расхаживать по больничной палате, её лицо сосредоточенно сморщилось. Так что же она знала?

Она знала, что эти инопланетяне разумны и владеют языком. Любые сомнения, что на спутниковых снимках лишь случайные природные структуры, похожие на здания, теперь были отброшены.

Похоже, они в совершенстве владели некоторыми технологиями. Продвинутое строительство, производство стекла, оптика. Стекло означало способность проводить точные наблюдения за Вселенной. Это означало телескопы, микроскопы, пробирки. Это означало возможность изучать мир вокруг и делать выводы.

Наконец, у них, по-видимому, был похожий эмоциональный диапазон. Пони, которая спасла Джеймс, осталась, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Она выразила сочувствие, когда кобылка не смогла справиться с ситуацией. Позже она также выразила разочарование, когда установить контакт не удалось.

Шаг три: сделайте выводы.

Джеймс могла чувствовать себя комфортно, используя некоторые человеческие модели поведения в качестве проекции действий этих инопланетян. Им каким-то образом удалось найти и спасти её, даже когда она потерялась во время наводнения за много километров от того, что, предположительно, было их ближайшим поселением. Они позаботились о ней и оказали квалифицированную медицинскую помощь.

Они должны вернуться. Джеймс была не в тюрьме, а в больнице.

«Что бы я сделала, если бы нашла заблудившегося в пустыне ребёнка, который не говорит ни на одном из известных мне языков?

Я бы поискала его родителей и позвонила в полицию».

Затем кобылка расслабилась, сев на пол и оперевшись спиной на койку позади себя. Инопланетяне вполне могли сделать именно то, что ей от них и было нужно. Власти в любом случае были бы именно теми, кто ей нужен.

Шаг четвёртый: определите свои действия.

О Джеймс хорошо заботились, пока она была беспомощна. Она была заперта в непосредственной близости от инопланетян, и она могла бы использовать это время для изучения их языка. Конечно, на это могут уйти годы. Одним из условий провала её миссии был двухлетний срок, после которого некоторое количество менее квалифицированных лингвистов должны были попытаться выполнить эту работу.

«Если только я до этого не умру».

Неужели это займёт так много времени? Она не знала. Но все было бы куда быстрее, если бы она смогла вернуть вычислительный планшет. Наличие точных записей всего, что говорили инопланетяне, значительно помогло бы в понимании их языка. Джеймс найдёт способ попросить свой компьютер, когда в следующий раз придут медики. На мгновение она расслабится, попытается разгадать надпись на стене и будет надеяться, что инопланетные власти согласятся сотрудничать.

* * *

— Ну? Как она себя чувствовала? — спросила одна из медсестёр, одетая в белое и красное, стоящая возле смотрового окна.

Лайтнинг Даст удержалась, чтобы не наорать на медсестру, хотя и с трудом. В Стормширской больнице общего профиля был только один этаж, и половина пони на нем, вероятно, слышала бы её крик. Пегаска остановилась, глубоко вздохнула и покачала головой.

— Ты же видела, — ответила Лайтнинг Даст, махнув крылом. Затем она заколебалась, глянув в палату сквозь стекло. Пони видно не было — должно быть, она лежала на полу возле окна. — Она... Разве у неё не была сломана нога, когда я принесла её сюда? Она выскочила из постели как ни в чем не бывало.

Пегаска слегка улыбнулась, подумав об этом. Даже если бы она не смогла понять ни слова из того, что сказала кобылка, Лайтнинг могла, по крайней мере, оценить её дух.

— Да, так и было. Наша мисс Таинственная чудесным образом исцелилась за то время, что она тут. Я полагаю, это делает все остальное, что мы узнали о ней, ещё более удивительным, — медсестра отвернулась от палаты. — Мы показывали тебе рентгеновские снимки?

— Нет, — ответила Лайтнинг Даст. — Я всё равно не пойму, на что там смотреть, Хилинг Тач. Так что можешь просто мне рассказать.

— Ну, к тому времени, как мы договорились с доктором-единорогом и он сюда наконец добрался, исцеление уже шло полным ходом. По-видимому, кость даже успела срастись.

— Крепкая девочка, — Лайтнинг отвела взгляд и снова посмотрела в окно. Она всё ещё не могла видеть кобылку, хотя ей показалось, что она что-то слышит. Плач?

— Да, да. Хотя... это не все, что мы обнаружили. Честно говоря, я немного встревожена, мисс Даст. С этой маленькой пони случилось что-то ужасное, — медсестра, казалось, следила за выражением лица пегаски, поскольку успокаивающе вскинула крыло. — Не из-за тебя, Даст! Даже не из-за ноги. Просто...

Она понизила голос.

— Ну, в любом случае я не должна тебе этого говорить. Только родителям пони, за исключением информации, которая...

— Да давай уже, — Даст тоже стала говорить тише. — Ты сама знаешь, как сильно я забочусь о пони, которых я приношу сюда.

— Ну, есть способы определить по рентгеновскому снимку, был ли пони травмирован раньше. Эта маленькая кобылка очень сильно пострадала. Ты бы слышала, как доктор Пенумбра говорил о ней... У неё рубцовой ткани чуть ли не больше чем мышц. Если бы не её очень быстрое исцеление, она бы даже стоять не смогла. Будь у нас ресурсы крупной кантерлотской больницы, мы бы, вероятно, держали её неподвижной, возможно, провели бы тракционную терапию. Но у нас просто нет бюджета ни на что из перечисленного.. Или... хоть одного единорога в штате, — медсестра вздохнула. — Мне жаль, что я заставляю тебя переживать об этом, Даст. Ты уже внесла свой вклад, просто принеси сюда эту малышку. В любом случае... она называла тебе имена своих родителей? Учитывая то, что мы узнали, многим пони тут очень хочется с ними пообщаться.

— Нет, — ответила Лайтнинг. — Она не... Я не думаю, что она может говорить по-эквестрийски.

— Что? — медсестра Хилинг Тач отвернулась от окна с распахнутыми глазами. — Ты уверена? Мы постоянно имеем дело с испуганными маленькими кобылками и жеребчиками, Лайтнинг Даст. Учитывая ситуацию, которую ты описала, вполне вероятно, что она страдает от значительного психологического стресса. Если она что-то бормотала, или ты не смогла понять, что она...

— Она не бормотала. Это другой язык, Хилинг Тач. Это звучало... и это всего лишь предположение... но однажды я встретила дракона, и звучало достаточно похоже. Я думаю, она говорит по-драконьи.

Медсестра покачала головой.

— Загадочно. Я рада, что не я её лечащий врач. Нам наверняка придётся пригласить психолога.

Она выпрямилась, затем взяла планшет с подставки у двери и протянула его Лайтнинг Даст.

Пегаска взяла его одним из своих крыльев.

— Что это?

— Расслабься. Просто запиши все, что помнишь о том, что только что произошло, чтобы я могла передать это доктору Пенумбре.

— Ладно, — Лайтнинг направилась к ближайшему стулу, чтобы сесть и все записать. — Ты свяжешься со мной, как только вы что-нибудь узнаете? Я бы хотела помочь найти её родителей.

«И проследить, чтобы они получили небольшую взбучку за то, что бросили кобылку одну в пустыне».

— Конечно, — пообещала Хилинг Тач. — Просто подпишись внизу и отметь галочкой, что мы можем связаться с тобой. Как только мы что-нибудь найдём, то сообщим тебе.

— Хорошо, — Лайтнинг быстро писала в планшете привязанным к нему карандашом, хотя и без особых подробностей, — в конце концов, медсестра все это время смотрела через стекло. Она позаботилась о том, чтобы писать разборчиво, хотя знала, что Хилинг Тач все запомнит.

Медсестра забрала планшет и помахала другим крылом.

— Удачи тебе в спасении! А мы тем временем позаботимся о таинственной маленькой кобылке.

Лайтнинг Даст рассеянно кивнула и пошла прочь. Навстречу попалось много дружелюбных лиц — пони, которые приветствовали её радостным взмахом копыта или, по крайней мере, вежливым кивком. Стормшир был слишком далеко, чтобы до него дошли слухи о том, как её вышибли из Вандерболтов, поэтому и связанных с этим недоверия и «взглядов» не было.

Она могла только надеяться, что все так и останется достаточно надолго, чтобы узнать, что же случилось с этой таинственной пони. Было бы обидно лететь дальше и присоединиться к очередной погодной команде в другом городе и никогда не узнать, чем же занималась унесённая наводнением пони, одетая в магические доспехи.

«Надо написать Чаркоалу. Может, он мог бы прилететь сюда, чтобы помочь с переводом, — Лайтнинг Даст больше не доверяла Эквестрии, чтобы оставить все на волю властей, как делала ранее. — Буду заходить сюда после работы каждые несколько дней, на всякий случай».

G4.05: Полезный контакт

Следующая инопланетянка, открывшая дверь, пришла вечером. Джеймс узнала в ней медсестру по тележке, которую она толкала.

— Мне нужно поговорить с кем-нибудь из начальства. И мне нужны мои вещи. Вы можете вернуть их мне?

Инопланетянка оторвала взгляд от своей тележки, на которой, как теперь могла видеть Джеймс, стоял металлический поднос с едой.

— *Mi bedaŭras, ĉevalidino, sed mi ne komprenas vin. Ĉu vi ne ŝatus iun manĝaĵon? Kreskantaj knabinoj kiel vi bezonas manĝaĵon.*

Медсестра сняла крышку с подноса, показывая его кобылке.

Это была самая отвратительная «еда», которую она когда-либо видела. Она выглядела так, будто сено оставили гнить на солнце на несколько дней, а затем в качестве гарнира сверху добавили кусочки переваренных овощей. Выглядело все влажным и склизким. Пахло ненамного лучше, чем выглядело.

— Гадость. Вы это едите? — кобылка отпрянула, прикрывая лицо одним крылом.

— Но, *mi scias tion, kion poneoj diras pri malsanuleja manĝaĵo. Sed ĝi ne estas tiel malbona. Post ĉio, kion vi travivis, vi bezonas ĉiun mordon.*

Медсестра поспешила к ней и подхватила её с пола одним копытом.

Джеймс не сопротивлялась. Какой в этом был бы смысл? Довольно скоро она снова оказалась в постели, с подносом на выдвижном кронштейне. Приборов никаких не было.

— *Nun mi iros por sidi tie, kaj atendoj ĝis kiam vi finos. Se vi manĝos tion, mi alportus al vi ion dolĉan por deserto. Ĉu sukervato bonus?*

Джеймс выпрямилась, подняв обе ноги. Она сделала вид, что рисует или пишет одной ногой на другой.

— Пожалуйста, можно мне что-нибудь, на чем можно писать? Я... ты всё равно ничего из этого не понимаешь.

Она мрачно посмотрела на то, что тут считалось едой.

— *Unue, manĝu vian manĝon. Vi povas ludi nur post kiam vi manĝos.*

Джеймс не нужно было быть лингвистом, чтобы понять, что имела в виду медсестра. Она продолжала указывать на тарелку одним из своих крыльев, с достаточно настойчивым выражением на лице.

— Еда? — кобылка попыталась тоже указать на тарелку.

— *Kio? Ĉu io en via manĝaĵo malĝustas?*

— Кю, — повторила Джеймс идеально скопировав все, что касалось этого слова с первой попытки: интонацию, модуляцию... все. Она снова указала на еду. — *Kio? KIO?*

— *Ne! —* глаза медсестры распахнулись. — *Mi ne opinas, ke mi estu iu, kiu farus tion, ĉevalidino. Ĉi tio estas manĝaĵo. Manĝaĵo.*

— *Manĝaĵo,* — повторила кобылка, и на этот раз ей ответили улыбкой и кивком.

«Смею предположить, эти эмоции означают, что я права. Особенно если это означает отсрочку перед тем, как мне придётся это есть».

На этот раз она указала на себя.

— Джеймс.

— Джааемс, — ответила медсестра через мгновение. — *Ĉu tio estas via pomo, poneo?*

Как обычно, Джеймс не знала, что сказала инопланетянка, но всё равно кивнула. Имя прозвучало достаточно похоже. Затем она указала на медсестру.

— *No. Mi vidas, kien tio iras. Saĝa eta poneo, ĉu ne?*

Медсестра села на пол и прочистила горло.

— *Mi estas Resaniganta Tuŝo. Re-sa-ni-gan-ta Tu-ŝo.*

— *Resaniganta Tuŝo*, — повторила кобылка, и медсестра просияла. Даже сильнее, чем в первый раз.

«Я так понимаю, когда ты выглядишь ребёнком, подобное становится менее неловко...»

— *Manĝu*, — медсестра, снова указала на «еду». — *Manĝu la nutraĵon.*

Суровое выражение лица снова вернулось. Очевидно, что исследование инопланетного языка не позволит пропустить приём пищи.

В тишине есть не получилось. Медсестра-инопланетянка большую часть времени разговаривала, жестикулируя ногами и крыльями и указывая на разные предметы. Джеймс не единожды пыталась отвлечься от еды и посмотреть, но это было запрещено — как только кобылка поднимала голову от миски, хотя бы на несколько секунд, медсестра снова начинала ругаться.

На вкус еда была такой же, как и на вид. Пресная, холодная и слизистая. Джеймс не хватало её рационов с базы, но их забрали вместе с остальными её вещами.

«Как бы мне теперь попросить их вернуть...»

Медсестра надолго не задержалась, предложив напоследок сладкий десерт из чего-то пугающе похожего на сахарную вату, хотя он был ещё более влажным и холодным, чем предыдущая еда. Вкусняшка оказалась восхитительной, так что Джеймс съела все. К тому времени, как она закончила, то снова оказалась в одиночестве.

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Она разговаривала с несколькими разными врачами, хотя понятие «разговаривала» следовало рассматривать достаточно субъективно. Ни у кого из них не хватало терпения оставаться рядом с ней достаточно долго, чтобы Джеймс смогла выучить больше, чем пару новых слов.

Кое-что улучшилось. По какой-то причине, которую кобылка не знала, инопланетяне решили вернуть её вычислительный терминал. Ни броню, ни передатчик, ни оружие, ни чего-нибудь из еды не возвратили. Она использовала терминал, чтобы делать заметки после каждого разговора, так как не хотела демонстрировать возможности терминала, пока кто-то рядом — его могли изъять.

Трудно было точно сказать, насколько серьёзно к ней относились врачи и медсестры. Джеймс проводила, по крайней мере, час с кем-то из них каждый день, пополняя базовый словарный запас. Процесс облегчался тем фактом, что в их мире было очень много культурно схожих существительных.

«Я даже не хочу думать о таких странностях».

Когда никого из инопланетян не было с ней в палате, Джеймс проводила время в «крепости» в дальней части комнаты, прячась за матрасом, где она могла работать на своём терминале и не быть замеченной из окна.

Каждую ночь её сон оставался беспокойным, хотя со временем становился немного лучше.

Почти через две недели после её заключения наконец появился кто-то, кто не был похож на вереницу врачей и медсестёр.

Она была очень похожа на других пони, хотя её шерсть была бледно-жёлтой, а хвост и грива трёх разных оттенков фиолетового и красного. Она также носила очки, которые Джеймс могла бы счесть очаровательными, если бы не смотрела на них снизу вверх. Самое главное, что у кобылы не было крыльев. Вместо этого у неё на голове рос костяной выступ, закручивающийся спиралью так, что его кончик чуть выглядывал из гривы.

Она вошла в палату в тот же послеобеденный час, когда врачи обычно навещали Джеймс после дневной «трапезы». Кобылка сразу почувствовала ауру почтения со стороны медицинского персонала, который держался от неё на расстоянии. От такого хотелось отступить и спрятаться. Она этого не сделала, хотя и накрыла одеялом экран терминала.

Джеймс уже наполовину закончила предварительное изучение спряжений инопланетных глаголов — ещё несколько дней, и она будет на пути к созданию руководства по основным фразам.

Кобылка перекатилась на пол и села так, как (она недавно это обнаружила) было удобнее всего. Эта позиция имела дополнительное преимущество в том, что скрывала её анатомию — инопланетяне даже не вернули ей поддёвку от костюма.

— Привет, — сказала она на их языке. — Я Джеймс Ирвин. Рада с вами познакомиться.

Кобылка вытянула копыто, как её первоначальный образец мог бы сделать с рукой. Инопланетяне, казалось, в целом поняли этот жест, потому что большинство на него ответили.

Взрослые замолчали, коротко переговариваясь друг с другом приглушёнными голосами. Врачи, казалось, были удовлетворены.

— Привет, — ответила новоприбывшая кобыла, её слова были очень медленными и взвешенными. — Я Мундэнсер. Ты...

Остальное растворилось в словах, которых Джеймс не понимала.

— Я не понимаю, — сказала она, и это была одна из первых фраз, которым её научили врачи.

Мундэнсер слегка отвернулась, кивнув в сторону двери. Врачи поспешно вышли, оставив их наедине.

«Я знаю, что вы всё ещё наблюдаете за мной через стекло. Вы меня не обманете».

Мундэнсер сказала что-то ещё, и вот тогда все стало странно. Джеймс отшатнулась, глаза распахнулись от увиденного. Костяной выступ на голове кобылы начал светиться. Как будто она окунула его в люминофор, осветив растрёпанную гриву.

Джеймс попятилась, её круп коснулся задней стены. Как и в случае с полом, она немного прогнулась под давлением, хотя и не настолько, чтобы можно было сквозь неё протиснуться.

Затем была вспышка. Кобылка с криком упала на пол. Она схватилась за голову обоими копытами, чувствуя что-то внутри. Короткая, пульсирующая мигрень громом отдавалась в ушах, и весь мир перевернулся с ног

на голову.

«Что происходит, что происходит, откуда взялся этот свет, что происходит, что я здесь делаю, это пол, нет, это мой хвост, почему все вращается?»

И много других слов, хотя большинство из них были ругательствами.

Джеймс не была уверена, как долго пролежала там на полу, схватившись за голову копытами и желая, чтобы все эти огни погасли. В конце концов звон начал стихать, и кобылка услышала, как новоприбывшая произнесла прямо рядом с ней.

— *Боль не продлится долго, но и заклинание тоже.*

Джеймс открыла глаза и увидела, что рог кобылы больше не светится, и она прислонилась к кровати, чтобы удержаться на ногах. Мунденсер дышала очень тяжело, как будто только что пробежала несколько лестничных пролётов.

— Я могу... — пробормотала кобылка, неуверенно поднимаясь на ноги. Боль уже начала утихать, оставляя только странное давление на череп. — Я могу... Я поняла, что ты сказала!

— *Это верно,* — кобылка кивнула в знак согласия. — *Я ненадолго позаимствовала твоё знание языка, чтобы мы могли общаться. Долго это не продлится. Не очень хорошая идея накладывать это заклинание на одного и того же пони более одного раза в сутки. По... причинам, которые, вероятно, будут недоступны пони твоего возраста.*

У Джеймс голова шла кругом. Инопланетянка говорила по-английски! Она сделала что-то болезненное и невероятное, что-то, чего не удавалось объяснить. Она также сказала, что эффект не продлится долго. Ладно, не время заикливаться на невозможности этого. Обдумать все можно потом.

— Я прилетела на вашу планету из космоса, — начала Джеймс, и её голос внезапно сорвался. — Планета, с которой я прибыла, называется Земля, и я представляю Общество Звёздных Первопроходцев. Мы хотим вступить в дипломатический контакт с вашим видом и научить вас нашим технологическим достижениям. Установление официального контакта с вами не входит в мои обязанности. Меня послали выучить ваш язык, а затем обучить ему дипломатов, которые последуют за мной. Любая помощь, которую вы могли бы оказать мне в этой миссии, принесёт огромную пользу обоим нашим расам.

Мундэнсер смотрела на неё несколько секунд. На её лице не было веселья, которое могла бы почувствовать сама Джеймс, если бы нечто подобное сказал ей маленький ребёнок. Также не было шока, удивления, недоверия...

— *Это очень интересное утверждение,* — в конце концов сказала кобыла. — *Я представляю Эквестрийский Департамент Медицины. На самом деле я просто консультант, которого они вызвали сюда, потому что, по-видимому, они не учат врачей «инвазивной» магии разума...*

Мунденсер замолчала, похоже, вспомнив, что перед ней сидит Джеймс.

— *О, точно. Твоё утверждение... что ж,* — она посмотрела вниз, на пол. — *Я не знаю, как тебе это сказать, Джемсеис.*

Ни у одного из инопланетян не получалось нормально произнести её имя.

— *В твоё утверждение очень трудно поверить,* — кобыла быстро оглянулась на закрытую дверь и двухстороннее зеркало. — *Твои врачи были бы встревожены, узнай, что я это тебе сказала, но... они обеспокоены тем, что ты подверглась жестокому обращению. Ты жеребёнок, которого оставили одного в нескольких километрах от ближайшего города во время планового ливня...*

Мундэнсер покачала головой.

— *Я знаю, что не должна говорить такие вещи жеребятам, но ты говоришь как взрослая. Полагаю, что трудности могут заставить кобылку быстро повзростеть, верно?*

— Не было никаких трудностей и жестокого обращения, — ответила Джеймс, только с большим усилием сдерживая разочарование в голосе. — Я инопланетянин. Имущество, конфискованное у меня... мой костюм, мой передатчик, мой пистолет... Принесите их сюда! Я могла бы продемонстрировать вам их возможности и доказать своё утверждение прямо сейчас.

Кобылка ртом сорвала одеяло, очень осторожно подняла с кровати планшет и поставила его перед единорогом. Джеймс махнула одним копытом в пространстве над планшетом, просматривая файлы. Без передатчика она не могла получить доступ к облачному хранилищу, что включало подавляющее большинство данных. Тем не менее на каждом компьютере хранились стандартные видео. Она выбрала презентацию для первого контакта и нажала кнопку воспроизведения.

Сразу же пространство над дисплеем осветилось проецируемым изображением. Что бы ни собиралась сказать Мундэнсер, это так и не сорвалось с её губ, когда она уставилась на изображение.

На планшете появилось изображение Земли вместе с диктором. Изображение планеты увеличилось, демонстрируя растения, животных и города. Все было мирно, идиллически — видео показывало настоящий рай. Были показаны только самые лучшие, самые красивые вещи, которые только могла предложить Земля.

— *Что это за конструкция?* — Мундэнсер заговорила, заглушая диктора, хотя и не отводила глаз. — *Как ты модулируешь иллюзию без рога?*

Терминал начал левитировать, плывя по воздуху прямо к кобыле.

Джеймс отпрянула назад с криком удивления. Через несколько секунд терминал не смог обнаружить её присутствие и погас.

— *О,* — в голосе Мундэнсер звучало разочарование. Что бы она ни искала в нижней части устройства, она там ничего не нашла. — *Это всего лишь стандартная руна хождения по облакам. И это единственная магия, которую я могу ощутить во всей этой конструкции.*

— Я... не думаю, что в моем языке есть слова для того, что вы продолжаете пытаться мне сказать... — ответила Джеймс, с колотящимся сердцем. — Звучит так, как будто вы продолжаете говорить «магия». Мой вычислительный терминал — это электронное устройство. Компьютер, одна из многих вещей, которые мои люди хотят, чтобы у вас были, если вы, конечно, пожелаете. Вы видели, как выглядит мой вид. Как я выглядела раньше.

Маленькая ложь, но не стоит сейчас вдаваться в подробности. Так было достаточно близко к истине.

— Мы здесь для того, чтобы установить контакт. Э-э... не со мной конкретно. Моя единственная миссия — научиться переводить на ваш язык. Как только я это сделаю, будут созданы дипломаты для нормального контакта, — Джеймс усмехнулась. — Пожалуйста, что бы ещё ни случилось, пожалуйста, попросите врачей принести мне самый большой и толстый словарь, который только у вас есть. Любые другие книги на вашем языке. Вы могли бы это сделать?

Единорог, казалось, её совсем не слушала. Она продолжала смотреть на вычислительный терминал даже после того, как он отключился и экран потемнел.

— Мне нужно отвезти это в Кантерлот, — пробормотала она, поворачиваясь и взмахивая хвостом. Терминал последовал за ней. — *Эта магия нуждается в изучении, и мне нужно сообщить о тебе в Службу опеки, а возможно, и в Археологическое общество.*

— Мой компьютер не будет работать без меня! — Джеймс не смогла скрыть отчаяния в её голосе. — Нет никакого смысла забирать его!

— *Не волнуйся, кобылка,* — Мунденсер больше не оглядывалась назад. — *Я санкционирую твоё освобождение, когда буду уходить. Очевидно, нет никаких причин держать тебя здесь взаперти. Служба опеки найдёт для тебя хороший дом. Я передам то, что ты сказала, по надлежащим каналам. Ты сможешь рассказать об этом кому-нибудь важному, если они сочтут, что ты стоишь их времени.*

Кобыла ушла, забрав с собой компьютер. Джеймс крикнула ей вслед, подбежала к двери, но она захлопнулась прежде, чем она сумела в неё протиснуться. Она пару раз стукнула по ней копытами, но никто не ответил.

Она захныкала, сползая лицом на пол и начиная плакать. К подобному ощущению она уже начала привыкать.

Вот и всё для отважного исследователя человечества.

* * *

Лайтнинг Даст не стала говорить с Велком Баскет, когда проходила мимо стойки регистрации, так как несла во рту маленькую корзинку с выпечкой. Пегаска вежливо кивнула и была рада видеть, что различные врачи и медсестры пропускали её, даже не взглянув. Даст помогла многим пони попасть в эту больницу, но не в том смысле, как это произошло при обучении в Вандерболтах. Каждый пони здесь знал, что если она тут, то у неё есть веская причина. Даже когда все, что у неё было, — это корзинка с угощениями.

И всё же сегодня в больнице было как-то не так. Направляясь в (почти всегда пустое) педиатрическое крыло с тремя палатами, Лайтнинг слышала приглушённые голоса медсестёр. Доктор Пенумбра бродил из угла в угол, задрав хвост и наострив уши, с выражением, которое можно было описать только как ярость.

— Абсолютная бесчувственность... Неделя психологического лечения коту под хвост... какое отношение...

Даст остановилась, поставив корзину на облачный пол перед собой. Как и все остальное в городке пегасов, она была зачарована, чтобы не проваливаться сквозь облака, так что это было вполне безопасно. Если, конечно, случайно не выпронить ещё горячие вкусняшки на пол.

— Что происходит? — спросила Лайтнинг, ни к кому конкретно не обращаясь. — Я просто пришла посмотреть, как дела у кобылки...

Сразу четыре пары глаз обратились на неё. На секунду пегаска увидела в них отражение враждебности, перенаправленной с того, кто её вызвал. Затем её, казалось, узнали и злость пропала.

— Сама её спроси, — доктор Пенумбра указал на одну из пустых больничных палат, дверь в которую была наполовину открыта. — Врывается сюда, «властью короны», игнорируя мои медицинские рекомендации. Использует нейромантию на жеребёнке...

Жеребец продолжал говорить, понизив голос настолько, что Даст не могла разобрать слова, но была уверена, что это ругательства.

«Так вот для чего нужна была колесница», — подумала Даст, но вслух этого не сказала. Было более чем необычно найти где-нибудь в Стормшире частную колесницу с пони-пегасами.

— На жеребёнке? — спросила пегаска, чувствуя, как напряглось все её тело. Несколько вспышек статического электричества пробежали по её гриве и хвосту, заставив их встать дыбом. — На той кобылке, что я принесла?

— Да, — пробормотала Хилинг Тач, с широко распахнутыми от шока глазами. — Бедняжка совсем не в том состоянии.

Это было все, что Даст нужно было услышать. Она пронеслась мимо врача и медсестёр, широко распахнув дверь в пустую палату. То, что она обнаружила внутри, было... не совсем то, чего она ожидала.

Единственный представитель Солнечной Гвардии стоял прямо в дверном проёме, в своих золотых доспехах и со скупающей мордой. Прямо за ними на смотровом столе расположился большой металлический ящик, большая часть стенок которого была снята. Единственная пони-единорог стояла на облаке рядом, левитируя какой-то предмет внутри.

Лайтнинг Даст сразу узнала в нем один из двух предметов, которые были у кобылки. По крайней мере, из тех, что им удалось спасти.

— Прощу меня простить, — произнесла пегаска очень громко, не обращая внимания на сердитый взгляд охранника. — Это вам не принадлежит.

Единорог повернулась к ней лицом, такая же самодовольная, как и вся их раса в целом. Она не выглядела сильно впечатляюще, глаза за парой треснувших очков, немного вьющаяся грива, но в выражении её лица было что-то опасное.

— Кто тебя сюда впустил? — спросила кобыла резким тоном.

Даст проигнорировала вопрос.

— Я та, кто спасла эту пони, — сказала пегаска, указывая крылом на дверь. — И вот я пришла проведать её, а тут...

Её глаза сузились и она даже не потрудилась скрыть свой гнев.

— Это её. Отдавай все назад.

Стражник выпрямился во весь рост, делая шаг в сторону единорога, копые он доставать не стал, оно так и осталось у него на боку, но жест всё равно был очевиден.

— Ты не знаешь, во что ввязываешься, пони, — сказала единорог. — Кобылка в соседней комнате подвергла опасности весь этот город. Ей повезло, что она осталась жива.

Лайтнинг Даст напряглась ещё больше, если это было возможно. Видеть, как наказывают пони, которые этого не заслуживали, во имя «безопасности» других, было слишком знакомым чувством.

— Ты имеешь в виду, что она могла утонуть? Для неё это была счастливая случайность. Повезло, что зона моего погодного патруля оказалась в той стороне.

— Нет, нет! — единорог в отчаянии махнул в воздухе копытом. — Послушай, мне жаль, что это трудно для тебя. Мне жаль, что это беспокоит врачей. Но судьба одной пони менее важна, чем-то, что происходит со всеми нами.

Она понизила голос до предостерегающего шёпота, подняв предмет, который левитировала. Для Лайтнинг Даст он выглядел таким же невпечатляющим, как и в тот день, когда она впервые его увидела.

— Этот объект чрезвычайно опасен. Существует... — она ещё больше понизила голос. — Смотри, пони. Я не знаю, кто ты, и я могу рассказать тебе не так много.

Единорог левитировала предмет обратно в тяжёлый металлический ящик, положив его внутри.

— Скажи, что можешь, — ответила Даст, голосом настолько низким и угрожающим, насколько могла. — Потому что, в противном случае, мне, возможно, просто придётся сообщить о воровстве мэру Леджеру.

Единорог закатила глаза, настолько невыносимо высокомерно, насколько вообще может быть единорог.

— Хорошо, пони. Если ты хочешь, чтобы все было именно так. Но сначала я хочу узнать твоё имя.

— Лайтнинг Даст.

Не имело значения, что любой пони, который хотел, мог раскопать достаточно информации о ней, чтобы разрушить жизнь в этом маленьком городке. Любой единорог, который был достаточно важен, чтобы его сопровождал гвардеец, мог сделать это вообще без проблем, если бы захотел. Но Даст было всё равно — только не после того, что случилось с жеребёнком.

— Я принесла её сюда, потому что думала, что тут она будет в безопасности, а теперь я узнаю, что тут творится всякое...

— Ну, Лайтнинг Даст, давай просто скажем... в Бесплодных Землях существует опасная фракция. Мы сталкивались с ними несколько раз раньше — возможно, ты помнишь вторжение в Кантерлот.

Пегаска неохотно кивнула.

— Я читала газеты.

— Хорошо, — продолжила единорог, хотя её снисходительный тон не изменился. — Додж-Сити сообщал о странных вещах в течение последних нескольких лет. Кражи мелких предметов, необъяснимый свет ночью, а шесть месяцев назад...

Кобыла покачала головой.

— Я не имею права говорить. Позволь мне просто сказать, что пони умерли, мисс Лайтнинг Даст. Многие другие заболели, и, насколько мне известно, они всё ещё больны. — единорог указала одним копытом на предмет. — Это... устройство... точно такое же, как те, которые мы обнаружили... в связи с одним из предыдущих инцидентов. Единственное сред-

ство, которое мы нашли для предотвращения смертей, — это прикрыть эти предметы свинцом и оставить их подальше от пони. Когда я доставлю это в Кантерлот, Принцесса Дружбы, скорее всего, будет вовлечена в это дело. Ты понимаешь, насколько это серьёзно, Лайтнинг Даст?

Пегаска обнаружила, что её крылья опустились, безвольно опав по бокам. Хотя она и правда не доверяла властям, но заявления о том, что пони погибли, было легко проверить, учитывая, что она предоставила название близлежащего города, где все и произошло. Этого было достаточно, чтобы Даст внезапно поняла, что ей нечего сказать.

— У н-н-неё... — Лайтнинг обнаружила, что заикается. — У пони был ещё один предмет, который нам удалось спасти. Маленькая деревянная и металлическая штука...

— Да, — единорог пренебрежительно махнула копытом. Она повернулась к коробке, поднимая металлические стенки по одной и закрепляя их ремнями. — Я уже осмотрела его. Там отсутствуют... признаки, необходимых для того, чтобы причинить вред маленькой кобылке. Кобылка может оставить его себе. Я не жестокая пони, Лайтнинг Даст. Я обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы избавить эту кобылку от дальнейших страданий. Я уже отметила в своём отчёте, что с ней не следует снова связываться в рамках этого расследования. Информации, предоставленной в её досье о месте, где она была обнаружена, будет достаточно для королевского расследования, я в этом уверена. А если нет, я позабочусь о том, чтобы её допрашивала более чувствительная пони, чем я. Психолог-педиатр со всей необходимой квалификацией.

Даже после этого Даст чувствовала противоречие. Скрытые мотивы, обман, которые она получила от властей, снова встали перед ней. Она слышала такой же тон, когда её выперли из Вандерболтов. Пегаска прекрасно знала настоящую причину, по которой её выгнали. Не имело значения, что она совершила ошибку, важность произошедшему придавали пони, которые были «жертвами» её ошибки.

— Понятно, — Лайтнинг в последний раз посмотрела на кобылу, а затем сделала шаг назад. — Я... сожалею, что причинила неудобства королевскому расследованию.

Пони пожала одним плечом.

— Тогда очень славно. Хорошего дня.

Это был приказ убираться, и пегаска не собиралась отказываться. Она поспешила из комнаты, вернувшись к корзинке с выпечкой, которую оставила в холле. Пегаска лишь надеялась, что вкусняшки смогут хоть чуть-чуть компенсировать то, что кобылка перенесла сегодня.

* * *

На расстоянии многих километров зонд Предвестник продолжал посылать запросы на уничтоженный передатчик Джеймс. Никакого ответа не последовало, как и в течение предыдущих 24 дней. Последних нескольких часов было как раз достаточно, чтобы активировать последний узел в его нейронной сети.

Вероятность смерти сегмента Джеймс Ирвин G3 равна 81 %.

Превышен заданный порог.

Активирован аварийный режим.

Зонд последние две недели тратил все свои свободные ресурсы на выявление причины, по которой третье поколение было создано в столь явно юном возрасте. У него ещё не было решения, но оно было достаточно близко. К тому времени, когда новое поколение достигнет этой стадии роста, проблема будет решена. Таким образом, ничто не мешало ему перейти к следующему шагу.

Подтверждено создание сегмента G4.01.
Новое поколение включает в себя необходимые улучшения биологической зрелости для повышения эмоциональной стабильности и адаптивности.

Зонд Предвестник не имел предпочтения к какой-либо конкретной стратегии. Если миссия потребует сотню попыток, то значит так и будет. Зонд мог бы продолжать повторять до тех пор, пока не добьётся нужного результата.

Вероятность успешного выполнения подзадачи этапа 2 с единственным членом экипажа упала ниже приемлемого порога в 10 %.
Подтверждено создание сегмента G4.02.
Подтверждено создание сегмента G4.03.
Подтверждено создание сегмента G4.04.
Подтверждено создание сегмента G4.05.

Пять из шести биофабрикаторов начали тихо гудеть в темноте подземной базы, и на экране каждого из них появлялось новое имя.

Мартин Фарадей
Карл Нолан
Оливия Фишер
Дороти Борн
Джеймс Ирвин

G4.05: Непокорность

Лайтнинг Даст планировала посещать больницу каждые несколько дней, чтобы убедиться, что пони там не найдут новых способов доставать спасённую ею кобылку. Сначала, когда она носила ей небольшие подарки со сладостями, чтобы внести немного разнообразия в больничный рацион, ей это удавалось. Но менее чем через неделю лесные пожары далеко на севере потребовали, чтобы все доступные погодные пони (включая её) летели туда с таким количеством облаков, какое только могли собрать, чтобы остановить пламя и защитить сельскую часть Эквестрии.

Потребовалось целых четырнадцать дней, чтобы локализовать пожары и отправить всех пони по домам (с достаточным количеством битов за переработку). Как только Даст устранила ущерб, нанесённый за это время её облачному дому, и уладила все дела с фабрикой, то вернулась в больницу, чтобы посмотреть, как дела у кобылки.

Пони за стойкой регистрации, Вэлком Баскет, подняла голову, когда пегаска вошла. В этот вечер вестибюль, как это часто бывало, пустовал. Стормшир был тихим городком, вдали от проторённых дорог и без каких-либо особо опасных вещей.

— Лайтнинг Даст, — сказала она, с улыбкой отрываясь от книги, которую читала. Мусор про Дэринг Ду из магазина «Все за бит», но Даст комментировать это не стала. — Сегодня никакого геройства?

— Нет. Никого не пришлось спасать.

На севере все было по-другому. Но в более населённых районах существовали целые группы пони, которые присматривали за жителями. Пожарные, работники скорой помощи, полицейские. В Стормшире ничего подобного не было.

— Я здесь просто чтобы проверить кобылку, которую я принесла в прошлый раз. Они нашли кого-нибудь из её родителей?

— А, ты имеешь в виду Джаемис? — Баскет встала и направилась к противоположному краю стола с картотечными шкафами. Она без колебаний выбрала папку и пошла обратно, зажав её во рту.

— Её так зовут? — Даст терпеливо ждала, постукивая копытом по облачному полу.

Вэлком Баскет пожала плечами.

— Так она себя называла, согласно словам Хилинг Тач. Сама я с ней никогда не разговаривала.

Пегаска замолчала, уставившись в папку.

— Похоже... нет, они так и не нашли её родителей. Нет метки для поиска, а стоматологические записи полностью отсутствуют. Всякие странности, но ничего не смогли на неё найти. Здесь больше ничего нет, кроме того, что её отправили в местный приют Службы опеки.

— У нас нет приюта, — заметила Даст, стараясь, чтобы её голос не звучал агрессивно. Получилось не очень. — Куда они могли её отправить?

Вэлком Баскет закрыла папку.

— Разве это имеет значение? Ты внесла свой вклад в спасение её жизни. Пусть об этом теперь побеспокоится кто-нибудь другой.

Лайтнинг вспомнила, как вытаскивала кобылку из воды. Вспомнила отчаянные крики. Вспомнила, какой беспомощной та была в больнице. Какой нуждающейся в заботе она была. Каким таким таинственным

образом пони, которая даже не могла говорить по-эквестрийски, оказалась за сотни километров от цивилизации, пегаска не знала.

Вэлком Баскет, конечно, была права. Это больше не было её проблемой. Были и другие пони, которые занимаются подобными делами.

И всё же Лайтинг Даст помнила детство. Помнила, каково это — быть «трудным» жеребёнком, которого отправляли из дома в дом, потому что никто не знал, как с ней обращаться. Хотя её проблемы, возможно, были не так уж серьёзны (как минимум Даст говорила по-эквестрийски, хотя научилась читать в довольно позднем возрасте).

Что ещё более важно, она помнила, какую хорошую работу проделала больница, ухаживая за кобылкой, когда Даст оставила её здесь. Потом она рассмеялась.

— Да, может быть, это и не так. Спасать пони — тоже не моя работа, но, похоже, я много этим занимаюсь.

«Я должна как-то вернуть свой долг».

— А эта... — пегаска проглотила несколько ругательств, — кобыла из Кантерлота вернула вещи кобылки?

Вэлком Баскет покачала головой, слегка нахмурившись.

— Ты имеешь в виду отравленную коробку? Нет, она ничего не возвращала. Да и сама тоже не появлялась. Только приказала заняться ею Службе опеки...

— Она и правда была отравленная? — спросила Даст, не в силах сдержаться. Может быть, кому-то и не стали бы выдавать конфиденциальную информацию, но когда ты спасаешь жизни, пони идут тебе навстречу. Это был приятный бонус. — Кто-нибудь действительно пострадал?

— Ну... нет, — ответ звучал достаточно задумчиво. — Но в Додж Джанкшн, похоже, такие были. Что-то вроде гриппа, только из-за него они лишились волос... и кожи, иногда.

Пегаска поёжилась.

— Ты можешь себе представить? Больница для земных пони, занимающаяся магической заразой?

— Нет, — ответила Даст, набираясь решимости. — Спасибо за помощь.

И ушла.

Потребовалось несколько часов, чтобы разыскать маленькую кобылку. Вначале Лайтнинг Даст отправилась в офис Службы опеки, затем полетела на другой конец города, где обнаружила, что вспомогательный офис закрыт, и ей пришлось лететь к пони домой.

Стормшир был рабочим, фабричным городом. Всякий раз, когда требовались какие-то дополнительные услуги, он полагался на поселения пони внизу. К сожалению, в Бесплодных Землях никаких услуг не предоставлялось, а Додж Джанкшн мог предложить как бы не меньше Стормшира.

В конце концов удалось выяснить правду: региональное отделение Службы опеки рано или поздно пришлёт колесницу, чтобы отправить кобылку на поверхность и передать приёмной семье, но только после того, как Стормшир доберётся до Эппллузы.

Через три месяца.

До того момента кобылка должна была жить в подвале, а ежедневно сменяющиеся добровольцы будут за ней приглядывать. В некотором смысле это подтвердило все, чего боялась Лайтнинг Даст. С другой стороны, это

означало, что она должна вмешаться, иначе будет жить с чувством вины, что наблюдала, как свершается нечто подобное, и ничего не сделала.

— Я возьму на себя остаток ночи, — сообщила она Квикфезер, пони, назначенной дежурить до утра. Та даже не стала задерживаться, чтобы дать подробные инструкции, так ей хотелось поскорее убраться отсюда, пока Даст не передумала.

Подвал мэрии был самым близким в Стормшире к общественному месту. Стулья были сложены у стен, те же самые, что использовали на свадьбах, похоронах и всех остальных общественных мероприятиях. Кто-то принёс кобылке одеяло и маленькую коробку со старыми игрушками, а также немного сена для еды.

Сама кобылка выглядела куда более подавленной, чем когда Лайтнинг видела её в последний раз. Её вещи вернули, по крайней мере, те, что уцелели. Сейчас она была одета в поддёвку от её странной брони.

Сама она давно пропала вместе с тем, что было на ней. Пенумбра не ожидал, что броня провалится прямо сквозь операционный стол, как только кобылку освободят от неё. Да и с какой стати он должен был ожидать подобного? Какой пегас не станет зачаровывать свою одежду простой руной хождения по облакам?

Вероятно, тот же самый пегас, который отправился один через пустыню, не говорил ни слова по-эквестрийски и, по-видимому, имел вещи настолько опасные, что пони могли заболеть, просто прикоснувшись к ним. По крайней мере, так все говорили. Но Даст им не верила, пока сама не слетала в Додж Джанкшн для проверки.

Кобылка сохранила только два своих предмета, которые сама Лайтнинг осматривала во время экстренной операции. Теперь эти две вещи превратились в один, таинственный блок из металла и дерева. Он лежал перед кобылкой на полу, и знаки на нем были столь же непонятны как и в первый раз.

Кобылка смотрела на блок, как будто ожидая, что он что-то сделает. Грива сдулась, хвост безвольно обвис, а дыхание было медленным. Это была другая пони. Пони, в которую почти превратилась сама Даст. Пони, которая сдалась.

«Если она попадёт в систему опеки, та её прожует и выплюнет», — подумала пегаска.

Затем она прочистила горло, проходя через открытую дверь.

— Эй! Ты... всё ещё в порядке?

Кобылка подняла голову, но ничего не сказала. В её глазах не было понимания.

— Точно. Ты не говоришь по-эквестрийски. Я чуть не забыла.

Даст почувствовала, как уши прижались к голове. Как она могла узнать поближе пони, которая даже не может её понять?

К её удивлению, кобылка заговорила. Её произношение было очень странным, слова запинались. Но это были слова.

— Я... помню... ты... — сказала она.

Лайтнинг Даст замерла. Пони перед ней точно не продемонстрировала поразительных языковых навыков, и её акцент был настолько сильным, что из-за него почти ничего было не понятно. Тем не менее для кого-то, кто

ещё несколько недель назад не знал ни единого слова по-эквестрийски, это было впечатляющее достижение.

Именно такую решимость она помнила в себе. Она заставит эту маленькую пони делать петли и мчаться по облакам в мгновение ока.

— Да, ты помнишь, — сказала пегаска, с энтузиазмом кивая. Она говорила очень медленно, чётко выговаривая каждое слово. — Я нашла тебя. Ты понимаешь достаточно, чтобы рассказать мне, как ты оказалась одна в Бесплодных Землях?

Кобылка встретила её взглядом, но на её лице было только замешательство. Она сделала паузу, переводя дыхание.

— Нужна... книга-слова. Книга-слова... значить.

— Книга-слова? — Даст непонимающе уставилась в ответ. — Ты хочешь, чтобы я принесла тебе книгу со словами...

Пегаска застыла в понимании.

— А, ты имеешь в виду словарь! Это то, чего ты хочешь?

Кобылка смотрела в ответ, смущённая и разочарованная, опускаясь обратно на пол.

— Подожди, я сейчас вернусь. Библиотека наверху.

Лайтнинг повернулась и поспешила вверх по лестнице. Кобылка за ней не пошла.

Конечно, назвать подобное библиотекой было более чем щедро. Там было всего две полки с книгами, и большинство из них были подарками пони, которые собирались переехать в другой город. Сама Даст не слишком много читала, но она проходила мимо этих полок с десятков раз, чтобы забрать свою зарплату у городского клерка.

Словаря она не нашла, но на нижней полке лежал старый учебник с той же ярко-синей обложкой, который она использовала, когда сама была маленькой кобылкой. «Базовый эквестрийский для современных эквестрийцев» значилось на корешке. Пегаска взяла его в рот, не обращая внимания на лёгкий привкус плесени, и понесла обратно.

К тому времени, как она вернулась, пони уже не сидела на месте и больше не смотрела на свой кусок дерева и металла. Каким-то образом, Даст не могла сказать как, кобылка превратила эту коробку в гитару.

Она была маленькой, сделанной из металла и дерева того же цвета, что и коробка. Гитара также выглядела немного гнутой, и струн было больше, чем обычно. Кобылка лежала на боку, инструмент на полу перед ней, и она пыталась совладать с ним передними ногами. Несколько раз ей удалось извлечь пару неловких звенящих звуков, но на этом все. Её движения напомнили Даст пони, перенёсшего черепно-мозговую травму, который изо всех сил пытался вспомнить, как правильно двигаться. И всё же, насколько ей было известно, с этой кобылкой ничего подобного не происходило. Может быть, в прошлом? Что-то, чего врачи не смогли найти?

— У тебя есть магическая гитара? — спросила пегаска, бросая книгу на облачный пол рядом с кобылкой. — Или она чья-то ещё? На струнах в основном играют единороги.

Пони подняла глаза и заметила книгу. Она выронила свой инструмент на облако, бросившись к учебнику, как кошка, заметившая мышь. Неловким движением рта кобылка открыла первую страницу и, склонившись

над ней, уставилась в книгу.

Лайтнинг даже попятилась.

— Ого. Полагаю, именно этого ты и хотела.

Она села на то место, где недавно сидела Квикфезер, думая про себя:

«Я не думаю, что когда-либо встречала пони, что просто выучила бы язык по книге. Ты должна говорить с пони. Узнавать, что они знают. Я здесь, если ты захочешь поговорить с пони».

Кобылка подняла голову.

— Спасибо, — она ухмыльнулась, протягивая одно копыто. — Я... Джеймс. Джеймс Ирвин.

В этот момент жизнь, казалось, вернулась к ней. Грива стала объемнее, крылья немного раскрылись, а ушки встали торчком.

Это не было похоже на имя, даже на те, что могли использовать алмазные псы или какие-нибудь другие странные гости Эквестрии. Но что ещё это могло быть? В тоне нельзя было ошибиться. Очевидно, она имела в виду себя. Вэлком Баскет была права.

— Лайтнинг Даст, — ответила она, взяв предложенное копыто и встряхнув его. — У тебя получается лучше, чем в прошлый раз. Твоё пребывание в больнице, должно быть, помогло.

Эта фраза оказалась слишком сложной для пони, которая только тупо уставилась на неё. Затем она повернулась, снова переведя взгляд в книгу перед собой.

После этого Даст больше не беспокоила ее. «Джеймс Ирвин» часы напролёт разглядывала книгу, быстро переворачивая страницы и делая пометки карандашом, который она где-то припрятала. Лайтнинг не стала её останавливать. Не похоже, что другим пони понадобился бы учебник по эквестрийскому десятилетней давности.

Несколько часов спустя пегаска на несколько минут отлучилась в киоск с сенбургерами на южной окраине Стормшира. К тому времени, как она вернулась, бургеры были всё ещё горячими, а кобылка всё так же читала.

— Эй, — Лайтнинг Даст отодвинула столик от стены и поставила на него поднос. — Я купила кое-что получше того, чем обеспечил тебя город. Почему бы тебе не попробовать?

Кобылка оторвалась от своего занятия, голод на её лице был очевиден. Даст не знала, отреагировала та на слова или же на запах. В любом случае она поспешила к ней, разглядывая пакет, как пони, который уже несколько дней не ел ничего, кроме сена.

Она откусила один кусочек, завизжала от удовольствия и проглотила остаток всего за несколько укусов. Кобылка улыбнулась Даст, заметно расслабившись.

— Угадай... может, хорошо... — она сказала ещё что-то, но это было все, что пегаска сумела понять.

— Думаешь? — Лайтнинг согласилась, хотя сама ещё не покончила со своей половиной. Не то чтобы она куда-то спешила. До завтрашнего утра она всё равно никуда не пойдёт. — Любимое место в городе. Чтобы поесть получше, надо лететь сильно дальше. В Лас-Пегасусе есть множество различных ресторанов, а в Кантерлоте места для гурманов. Думаю, ты мало что знаешь о них.

Только пустой взгляд был её ответом, хотя сейчас это было гораздо менее недовольное выражение, чем раньше.

Кобылка продолжала заниматься весь вечер, время от времени поднимая голову, чтобы задать вопрос или указать на разные предметы и проверить их названия. У неё были цветные карандаши и листы бумаги, куда она, по-видимому, записывала то, что выяснила, продвигаясь систематически и размеренно.

«Она не думает, что её родители вернутся за ней».

Даст тоже так считала — никто, у кого есть родители, что заботятся о нем, не стал бы бродить по Бесплодным Землям в одиночку во время запланированного шторма. И если хоть что-то из того, что Хилинг Тач рассказала о жестоком обращении, было правдой, её родители, вероятно, и не хотели возвращаться.

«Они не хотят предстать перед правосудием за то, что так с ней обращались».

— Я знаю, ты не можешь понять меня, Джеймс Ирвин, но это просто абзац, — пегаска обвела копытом комнату. — Завтра я поговорю с мэром, расскажу ему, как хорошо он справляется с работой. Я найду тебе дом, слышишь? Сама этим займусь, если никто другой не способен.

Кобылка смотрела на неё со своей импровизированной кровати, груды старых одеял, разложенных на голом полу. Как и ожидала Даст, на её лице не было понимания.

— Спасибо, — сказала она, её голос был тихим от усталости. — За... книгу...

Кобылка зевнула, встопорщив крылья.

— Да, — Лайтнинг погладила её по голове, чувствуя лишь лёгкую неловкость. — Без проблем.

Даст не плакала, когда на следующее утро оставила кобылку сидеть в подвале дальше. Ни капельки. По крайней мере, никто этого не видел.

G4.05: Переходное состояние

— Чего вы хотите? — мэр Кэпитал Леджер уставился на неё через свой стол с распахнутыми в шоке глазами.

— Именно того, что там написано, — Лайтнинг Даст одним крылом подтолкнула бланк немного ближе к жеребцу. — Я подаю заявление на то, чтобы стать временным приёмным родителем. Я знаю, что в Сормшире есть нуждающаяся в этом пони.

— Это... — Леджер взглянул на бумагу, перевернул её и прочитал все, что там было написано. Лайтнинг позаботилась, чтобы все было заполнено правильно. — Это... очень необычно, мисс Даст. Я знаю, что фабрика очень рада вашей помощи в погодной команде. И то, что вы наш неофициальный Вандерболт, позволяет каждому пони спать немного спокойнее по ночам. Но... удочерить жеребёнка?

— Не удочерить, — поправила его пегаска. — Стать временным приёмным родителем. Это не одно и то же.

Так и было. Политика Эквестрии в отношении усыновления сирот была довольно строгой. Право на подобное имели только пары, живущие вместе не менее двух лет и имеющие достаточно финансовых ресурсов, которых у Лайтнинг, естественно, не было. Может, её и правда параспрайт в круп укусил, со всем этим безумным планом, но так далеко она заходить была не готова. Кроме того, Даст не любила ни одну кобылу или жеребца настолько, чтобы решиться на брак.

«И к тому времени, как я выполню все условия, всё равно будет слишком поздно».

— В Сормшире нет средств для ухода за кобылкой с её особыми... потребностями, — заметил Леджер срывающимся голосом. — Я знаю, что ты хочешь помочь ей, это благородное начинание. Но она... у нас даже нет школы, Даст. Всего лишь дневной уход.

— Это не проблема. У Апдрафта из погодной команды есть сертификат преподавателя, и он согласился обучать её на дому. Я знаю, что у Службы опеки есть статья в бюджете, чтобы это оплатить.

Жеребец нахмурился ещё сильнее.

— У нас тоже нет лётной школы, мисс Даст. Я прочитал её дело, прежде чем отправить его Додж-Сити. Она вообще не умеет летать, даже планировать. В таком городе, как наш...

— Я научу её, — буркнула Лайтнинг, перегибаясь через стол и сердито глядя на жеребца. — Да ладно, мэр Леджер. Разве я доставляю Сормширу неприятности? Разве я не лучшая ляганная погодная пони, которая только у вас была? Почему вы так сопротивляетесь?

— Ну, э-э... — мэр отступил на несколько шагов, неловко переступая с ноги на ногу. — Вопросы ответственности. Иметь жеребёнка её возраста...

— Это мои проблемы, — ответила Лайтнинг ровным голосом. — Что-нибудь не так с бланком? Есть какая-то причина, по которой я не могу стать приёмным родителем?

— Ну, э-э... — жеребец вернулся к столу и перевернул бланк. — Вы зарегистрированы как постоянно проживающая в доме на одного пегаса, вам придётся перестроить его и предоставить кобылке все необходимые помещения.

— Что ж, тогда хорошо, что мы живём в облаках, — ответила Лайтнинг,

сядая на пол и свирепо глядя через стол на мэра. Чем дольше продолжался этот разговор, тем сильнее она начинала чувствовать запах чего-то неприятного. Но что тут не так? — Я легко все переделаю. Справлюсь до вечера. И у меня есть биты на новую мебель, если она мне понадобится.

— Зачем? — Леджер уставился на пегаску с недоумением на лице. — Я понимаю, почему вы недовольны её размещением в мэрии, но это лишь временно. Пройдёт неделя, и мы окажемся достаточно близко, чтобы можно было отправить её в Додж-Сити. Она может вырасти там в приюте, среди пони своего возраста. Она не ваша проблема, мисс Даст.

Лайтнинг почувствовала, как закипает её кровь.

— Я уверена. Вот заполненный бланк, вот пошлина, — пегаска бросила большой кошель с битами на стол между ними. — Все должно быть в порядке.

Леджер глубоко и тяжело вздохнул.

— Смотрите... Я... Мисс Даст, — он снова повернулся к ней лицом. — Я удвою сумму на моем столе, если вы заберёте своё заявление и притворитесь, что у нас никогда не было этого разговора. Никаких вопросов, никакого чувства вины — вы просто берете биты и никогда больше не вспоминаете об этом. Если вы этого не сделаете... у нас будут проблемы. Не сегодня, не сию минуту... но у нас будут проблемы. Вы меня понимаете?

Глаза пегаски сузились. Крылья инстинктивно напряглись, и она почувствовала, как вокруг них накапливается заряд статического электричества, готовый к использованию, если вдруг понадобится. Конечно, она не стала ничего делать. Насилие — это не путь пони. Но она помнила детство, когда подобные разговоры были более чем обычным делом, и травмы были не такой уж редкостью.

— О, я уверена, мэр Леджер. Как насчёт того, чтобы вы приняли моё заявление, и я притворюсь, что вы не пытались меня подкупить. Абсолютно бесплатно.

Их взгляды встретились, и Лайтнинг почувствовала грозовое напряжение. Гробовая тишина сохранялась почти целую минуту, прежде чем Леджер наконец заговорил.

— Хорошо, мисс Даст, — он потянулся к столу, достал чёрную печать и подстилку с чернилами. Печать опустилась на центр бланка. — Все одобрено. Отнесите этот бланк и пошлину клерку вниз.

Каждое слово произносилось медленно и было пропитано ядом.

— Она все сделает.

Лайтнинг быстро встала, забрала бланк и мешочек с битами, развернулась к выходу, расправив крылья в триумфе.

— И, мисс Даст, — произнёс мэр, когда она уже открыла двери его кабинета. — Я этого не забуду. Даю вам слово.

Лайтнинг даже не оглянулась на него. Она с грохотом захлопнула дверь и, топая, направилась по коридору к лестнице. Мэр, скорее всего, не лгал и не преувеличивал. У него достаточно власти, чтобы усложнить ей жизнь. Но пегаске было всё равно. Если она смогла пережить своё детство, пережила восхождение на вершину иерархии только для того, чтобы быть выкинутой из Вандерболтов с позором, несмотря на то, что была их лучшим новобранцем, она переживёт и его мелкую месть. Пусть делает что угодно, ей всё равно.

Доктору Джеймс Ирвин в подвале мэрии было не так плохо, как можно было ожидать. Часть её понимала, что такое обращение совершенно неприемлемо, и она была бы в ярости на правительство, если бы они сделали то же самое с нуждающимся ребёнком. Но она была слишком поглощена учёбой, чтобы задумываться об этом.

Инопланетянка, пони, которая спасла её от утопления, также спасла её от невежества. Тратить время на то, чтобы учить отдельные слова путём кропотливых проб и ошибок, было в духе медсестёр в больнице, но подобное также было мучительно медленно. Спасительница Джеймс не осталась, чтобы попытаться помочь ей с отдельными словами. Она даже не дала ей словаря. Вместо этого ей дали книгу, специально разработанную для того, чтобы научить жеребят говорить.

Хотя учебник был старый, и на многих страницах присутствовала плесень, это было именно то, чего не хватало доктору Ирвин. Каждая страница была заполнена иллюстрациями, каждая концепция повторялась более одного раза в течение главы, и повсюду были размещены замечательные пояснения по алфавиту и построению предложений. Ещё несколько недель изучения, практика с инопланетянами, и Джеймс не сомневалась, что она скоро овладеет этим языком.

За два дня, прошедшие с тех пор, как она получила книгу, Джеймс узнала очень много нового. Она узнала, что язык называется эквестрийский, узнала, что инопланетяне называют себя пони, узнала, что у них есть, по крайней мере, три различных подвида, каждый из которых живёт в разных частях страны. Формой правления была монархия, столица располагалась в замке высоко на горе, и у пони была какая-то абсолютная фантастическая мифология. Книга была написана с точки зрения «пегасов» и описывала сложную экономику производства и доставки погоды так, как будто это было правдой. Не просто полёты, что было очевидной правдой... но и гораздо больше. Целые города, построенные на облаках и из облаков. Поистине нелепые концепции, которым, однако, были посвящены целые разделы учебника.

«Работать с сильно религиозным видом будет немного сложнее. Надеюсь, в их мифологии нет ничего негативного об инопланетных визитёрах».

Но даже если так, это будет проблемой для кого-то другого. Все, что Джеймс нужно было сделать, это закачать структуру этого языка в компьютер. Это и, возможно, потратить несколько лет на обучение новоиспечённых дипломатов говорить по-эквестрийски, а затем она сможет уйти в отставку. Уйти на пенсию и жить среди инопланетян или помогать строить колонию? Джеймс ещё не была уверена. Решение будет зависеть от того, сможет ли она получить ещё этих бургеров...

Пони, приставленные присматривать за ней, в основном бросали Джеймс на произвол судьбы, поэтому она изо всех сил старалась не доставлять им хлопот в свою очередь. Пони, приходившие сюда, менялись за те дни, что она провела тут, но не сильно. Никто из них не обращался с ней так, как её спасительница. Никто из них даже не потрудился узнать её имя. Это было нормально, хотя какая-то часть Джеймс жалела, что они так себя вели. Она бы никогда в этом не призналась, и уж точно не тогда,

когда у неё была такая важная миссия.

Инопланетяне, или пони, или как бы она их ни называла, похоже, пренебрегали многими базовыми аспектами ухода за ней. Они не дали ей сменной одежды, они даже не дали ей мыла или места для душа. Джеймс повезло, что в здании было то, что сошло за туалет, иначе условия были бы куда хуже. Без ХЕ-201, который поддерживал её в чистоте, доктор Ирвин ощущала запах и грязь, которые лишь усилились за время её трёхдневного изгнания в подвал какого-то большого здания.

«Все это не имеет значения. Просто оставьте меня в покое на достаточно долгое время, чтобы я запомнила все, что написано в этой книге, и все будет хорошо».

Доктор Джеймс Ирвин повторяла себе эту фразу каждые несколько минут. Иногда она даже в это верила.

Кобылка чувствовала, как книга касается её лица. Она не устала! В любом случае у неё не было настоящей кровати, чтобы спать. Вставать не было смысла. В конце концов она заснула.

* * *

— Джеймс!

Он резко проснулся и подскочил на металлическом стуле.

Сетка голографической панели вдавилась в кожу лица ровными линиями, словно худшая татуировка за всю историю. Полдюжину различных датападов разлетелись вокруг и попадали на пол, когда он рывком принял вертикальное положение.

Джеймс поднял голову и посмотрел в суровое лицо уборщика.

— Здание закрылось час назад, Джеймс.

— Да-да! Конечно, так и есть, — он заметался, как белка, загнанная кошкой в угол, собирая все свои вещи и запихивая их в серую сумку. — Извини. Похоже, я снова задремал.

Уборщик Роман вздохнул.

— Тогда пойдём со мной. Я тебя выпущу.

Он придержал дверь, жестом приглашая Джеймса следовать за ним.

Они прошли мимо тележки Романа с компьютерными деталями и мимо того места, где диагностический модуль всё ещё был подключён к одной из голографических консолей. Глаза плохо видели в полумраке, и Джеймс чуть не споткнулся о робот-пылесос в форме шайбы. Естественно, ни одна из автоматических систем освещения ночью не работала.

— Так ты всё ещё готовишься к этому тесту, да? — все, что сделал Роман, это махнул карточкой примерно в направлении дверей, и они распахнулись, открывая проход к выходу. — Разве ты уже не завалил его однажды?

— Это нормально, — огрызнулся Джеймс. — CADFAT предназначен для тех, кто уже достиг вершины своего мастерства. Достаточно часто люди пытаются сдать его раз в пару лет, пока наконец не получится.

Они прошли сквозь одно из центральных учебных зданий, под стеклянным куполом с каскадными завесами воды. В темноте раннего утра фонтаны подсвечивал лишь свет звёзд, проникающий сквозь окна. Здание было практически безлюдным, хотя Джеймс заметил темноволосую женщину, сидящую на одном из стульев возле стены и делающую вид, что читает. Почему Роман её не выгоняет?

— Я не думаю, что Общество первопроходцев нуждается в переводчиках, Джеймс, — уборщик продолжал говорить, плавно перейдя с английского на китайский. — Все уже говорят на всех существующих языках. Какой в этом смысл?

Они остановились у входных дверей в здание, но Роман не стал их открывать.

Сквозь стекло Джеймс мог слышать шум болота, жужжание комаров и кваканье лягушек.

— Так было не всегда, Роман, — он поднял свою сумку, встряхнув её так, что датапады загремели внутри. — У меня здесь два с половиной десятка языков.

Уборщик потянул руку в сторону, показывая карточку сканеру. Двери скользнули в сторону, и их обоих обдало волной флоридской влажности. Очки Джеймса мгновенно запотели, превратив мир в размытое нечто.

— Ну и что? Если там действительно есть жизнь, она не будет говорить на одном из мёртвых языков.

— Я знаю, — Джеймс вышел на пластиковую дорожку. Она висела всего в нескольких сантиметрах над болотом, так близко, что он мог видеть плавающие лилии и движение рыбы под водой. — Речь идёт не о каком-то конкретном языке, а о нахождении таланта для изучения их всех. Обществу первопроходцев нужен полиглот, и именно им я и являюсь.

— Как скажешь.

Силуэт Романа казался размытым в свете единственного фонаря за пределами библиотеки. Его потрёпанное лицо казались ещё более старым — скорее два столетия, а не одно.

— Сообщи мне, когда решишь, куда пойдёшь после того, как пройдёшь, — продолжил он. — Ты же знаешь, что у тебя всё ещё есть жизнь после того, как они сделают с тебя снимок, верно? Сам говорил... большинство людей делают это в качестве части своей карьеры. Сейчас не древняя история — ты не в НАСА вступаешь.

Джеймс отвернулся от двери, понизив голос до шёпота.

— Не имеет значения, что произойдёт потом. Меня здесь не будет.

Он вышел из библиотеки, вежливо кивнул аллигатору, наблюдавшему за ним через прозрачное силовое ограждение, лишь пара темно-жёлтых глаз прямо над поверхностью воды. На ходу он нажал одну-единственную кнопку на своём телефоне, бросив взгляд вниз только для того, чтобы убедиться, что сигнал принят.

Джеймс миновал ещё несколько учебных зданий, каждое из которых зависло над болотом на бетонных столбах, как и библиотека. С уровня земли было очень легко забыть о существовании университета, настолько хорошо он вписывался в окружающую среду. Забыть о комарах было немного сложнее — несколько из них приземлились на кожу, и Джеймсу хватило скорости прихлопнуть лишь парочку.

В конце концов, он выбрался обратно на сушу, к платформе прибытия. На парковке не было никого, а его маленький фургон с эмблемой доставки стоял на земле, все четыре больших винта были тихи и неподвижны. Краска на двери облупилась, а снизу рамы виднелась ржавчина, но в остальном фургон выглядел целым и невредимым. Дверь распахнулась перед ним, открывая то, что Джеймс считал домом.

Холод окутал его, восхитительное ощущение кондиционированного воздуха принесло облегчение коже. Джеймс рухнул внутрь на покрытый ковром пол, подняв сумку над головой, даже когда двигатели начали раскручиваться. Внутри фургона царил беспорядок с кучей одеял, подушек и грязной одежды. Сиденье осталось только водительское, остальные были вырваны, чтобы освободить место для пропановой плиты и коллекции старых книг. Это было всё его имущество.

— С возвращением, Джеймс, — сказала машина через телефон. — Мы припарковались в недопустимой зоне. Куда бы ты хотел отправиться?

— Мне всё равно, — ответил он, поднимая руку над головой за подушкой. Вместо этого рука наткнулась на гриф гитары. Потребовалось напрячь всю волю, чтобы не впечатать эту дурацкую штуковину в стену.

— Ответ неверен, — сообщила машина ровным и бесстрастным голосом. — Сейчас 3:24. Не хотите ли выпить кофе?

— Нет! — крикнул Джеймс. — Я хочу уехать куда-нибудь подальше от пробок, чтобы поспать до шести.

— Поиск... Пункт назначения задан. Время в пути до городского рекреационного комплекса: девятнадцать минут восемь секунд. Наслаждайся полётом.

Пол покачнулся, и несколько тяжёлых книг соскользнули со стойки и рухнули на голову Джеймса. Ему было всё равно. Оттолкнув гитару в сторону, он пополз обратно сквозь беспорядок, пока не нашёл свой матрас и не свернулся калачиком у стены.

G4.05: Принятие изменений

Джеймс резко проснулась, оглядываясь по сторонам и моргая, чтобы прогнать сонливость.

— A! Wǒ xǐng! — воскликнула она, отталкивая то, что только что её коснулось.

Затем зрение наконец прояснилось, и она разглядела, кто навис над ней. Это была Лайтнинг Даст, её спасительница, и выглядела она обеспокоенной. Кобылка сразу расслабилась.

Пони наклонилась, пытаясь отлепить страницы книги от лица Джеймс и убрать её в сторону. После чего произнесла несколько слов, большинство из которых разобрать не получилось, кроме «не так ли?» в конце.

— Да, — ответила кобылка чуть более уверенно, чем в прошлый раз. В конце концов, у неё в кармане было целых три дня прилежной учёбы. Её... метафорическом кармане. Том, который ей так и не вернули.

— Я читать. Это хорошая книга.

Пока что это было все с чем Джеймс могла справиться. Простые предложения с простыми подлежащим и глаголом. Но учитывая, где она была несколько дней назад...

Глаза Лайтнинг Даст распахнулись, и она ухмыльнулась сверху вниз.

— Конечно... есть книгу?

Она жестом указала на один из складных столиков, где стояла пара свежих мисок и несколько простых бумажных пакетов. Во второй раз её спасительница спасала Джеймс от сена.

— Не есть книгу! — ответила кобылка, поднимаясь на копыта и отряхиваясь. От неё пахло, облако вони мокрой шерсти и грязных перьев распространилось вокруг. Неприятный запах, даже если учесть что она ещё слишком юна для полового созревания, которое сделало бы всё ещё хуже. — Пытаюсь научиться хорошо говорить. Работаю над этим!

— Ясно, — сморщила нос пегаска. — Ne multe pli. Post tio, vi devas duŝi vin.

— Слишком быстро, — ответила Джеймс, прыгая к столу.

Пони вскоре присоединилась к ней, хотя в этот раз она отодвинула свою миску немного дальше, чем раньше. Они ели в относительной тишине, кобылка была слишком поглощена тарелкой перед ней, чтобы заботиться о том, что делает инопланетянка.

В больнице она несколько раз ела свежие овощи, и каждый раз они приводили её в замешательство. Где эти инопланетяне раздобыли помидоры черри? Она была уверена, что ела салат-латук.

«Кого это волнует. Это проблема для биологов».

Без сомнения, когда она вернётся к зонду, биологи, которых он создаст, будут спорить о конвергентной эволюции и биологической предрасположенности.

Салата могло бы вполне хватить, если бы она хорошо питалась. К несчастью для Джеймс, она не пробовала ничего, кроме сена, со времени последнего визита Даст. Через несколько минут кобылка закончила трапезу и только тогда подняла глаза.

Лайтнинг пристально смотрела на неё. Она даже не притронулась к своей тарелке.

---

¹Говорит по-китайски.

— Они не... кормят тебя... правда?

Джеймс не смогла разобрать всю фразу, но чтобы уловить смысл хватило.

— Нет, — призналась она, уставившись в стол. — Когда я пришла, у меня был...

Кобылка с трудом подбирала слова.

— У меня быть своя еда. Она лучше. Есть сено... хочется кричать.

— Да, — пони подтолкнула свою нетронутую миску через стол, забирая обратно пустую. — Бери мой.

Джеймс устала на ещё одну полную миску, её глаза были так же широко раскрыты, как когда эта пони дала ей учебник.

— Почему?

Даст помотала головой.

— Ешь быстро. Я не *scias kiom multe pli povas resti ĉi tie* меня вырвет.

Джеймс не нужно было повторять дважды, и довольно скоро вторая миска опустела. Впервые за много дней она почувствовала себя сытой, а не просто раздутой, как она чувствовала себя после сена. Затем кобылка подняла глаза, улыбаясь пони через стол. Джеймс чувствовала себя лучше, чем когда-либо за последние дни.

— Спасибо тебе! Это было здорово!

— Да, — пробормотала Лайтнинг вставая. — Купила... в заводской столовой. Нельзя делать погоду без полного желудка.

Джеймс слегка нахмурилась, задумавшись, что возможно она неправильно истолковала последнее предложение. В книге много раз использовались подобные выражения, но она не ожидала услышать такое в реальной жизни. Это же были просто примеры предложений, которые было интересно произносить и писать.

— Ты... уже уходить?

Кобылка тоже встала, шоркнув по полу копытцем.

— Да. Ты тоже идёшь. Больше никаких... — она указала одним крылом на грязный подвал. — Больше ничего такого. Собирайся *as rapide kiel vi povas*, я хочу *akiri iom da aero*.

Джеймс в шоке устала на удаляющийся хвост, чувствуя холодок, когда до неё дошёл смысл услышанного. Лайтнинг Даст не просто принесла ей еды, она спасла её от... чем бы ни было это место.

Если бы это был любой другой инопланетянин, кобылка, вероятно, сопротивлялась бы. В последний раз, когда её перемещали, им пришлось накачать её успокоительным. На этот раз она собралась охотно, сложив акустическую гитару и бросив её в сумку вместе с учебником и всеми записями, которые сделала до сих пор. В сумку все едва влезло, но Джеймс справилась. Ещё несколько секунд, и она перекинула сумку через плечо, торопливо направившись к выходу.

— Готово! — воскликнула кобылка, выглянув на лестницу. Даст не было видно — неужели она уже передумала и ушла?

Джеймс поспешила вверх по ступенькам, её сердце учащённо застучало, а к горлу подступил ком. Она что... соврала?

«Нет, этого не может быть, этого не может быть, этого не может быть, этого не может быть...»

Кобылка поднялась наверх в поисках Лайтнинг. Она никогда не залезала сюда, даже когда рядом не было взрослых, которые могли бы её остановить. Однако вместо чего-то зловещего она обнаружила лишь довольно простой, не особо привлекательный интерьер. Было похоже на вестибюль общественного здания, с большими окнами, выходящими в пустое небо.

«Это просто мой рост. Я так низко у земли, что вижу только верх, как бы близко я ни была».

Но если она и опасалась, что её спасительница могла соврать, то эти опасения не подтвердились. Лайтнинг обнаружилась у входных дверей, расхаживающая туда-сюда со скучающим выражением.

Когда Джеймс приблизилась, кобыла обернулась и улыбнулась ей сверху вниз.

— Я не знаю kiel mi faras. Ты devus это знаешь, ekde я prizorgis тебя. Ну...попытаюсь, iamaniere.

Джеймс заколебалась, остановившись на полпути по странно пружинистому полу.

— Не может... быть хуже, чем до сих пор.

Не совсем законченная мысль, но она сделала все, что могла.

Даст усмехнулась.

— Нет, наверное, нет. Я помню, kiam mi estis orfo, kaj neniu prizorgis min. Такого не будет.

Она махнула Джеймс крылом, и та поспешила к ней. Понимать такие жесты ей становилось все легче — в конце концов, крылья были почти у всех инопланетян. Пока что она встретила одну единственную пони без них, так что крылья стали стандартным средством общения между ней и существами, на языке которых она ещё не говорила.

Что ж, теперь она изучала их язык.

— La poneoj en la malsanulejo rakontis al mi что ты не умеешь летать. Это правда? — Даст оглядела её и взгляд задержался на боковых карманах для крыльев комбинезона Джеймс. — У твоей странной vestoj ne havas malfermojn por flugiloj. Нам придётся это исправить.

— Не умею летать, — повторила Джеймс, изо всех сил стараясь, чтобы её голос не звучал испуганно. — Никогда не училась. Было не нужно. Всегда просто шла пешком.

Пегаска покачала головой в недоумении и отвращении.

— Твои родители земные пони или единороги?

Джеймс поколебалась, затем покачала головой.

— Нет родителей.

Пони внезапно отвернулась от неё, поспешила к большим входным дверям и распахнула их.

— Сейчас я понесу тебя. Но уроки devos okazi baldaŭ. Nenio estas pli grava por juna pegasus ol lerni kiel летать.

Лайтнинг Даст вышла из открытых дверей, жестом приглашая Джеймс следовать за ней. Кобылка так и сделала, выскочив наружу так быстро, что чуть не свалилась с обрыва. По крайней мере, поначалу ей так показалось. Менее чем в двух метрах от двери земля, по которой она шла, стремительно обрывалась, превращаясь в пушистую белую бездну, которая открывалась в зияющую пасть неба. Далеко, далеко внизу, так далеко,

что кобылка могла различить только самые крупные детали, виднелось потрескавшееся и изломанное плато. Совсем как-то, через которое она шла, возможно даже то же самое. Но оно было слишком далеко.

Джеймс почувствовала, как её конечности застыли на самом краю обрыва, а желудок провалился вниз. Если считать жизнь в фургоне, то она провела буквально несколько лет своей жизни в воздухе, но она всегда была внутри, с подключением к Универсальной Навигационной сети, которая и управляла полётом. Это... это было совсем иначе.

Кобылка заскулила, вспоминая все эти недели, проведённые с инопланетянами. Странно бледные материалы, из которых были построены все здания, слегка влажные и податливые. Рассеянный свет, который проникал сквозь каждую стену, пол и потолок до самой ночи. То, как она могла изгибать и придавать форму полу, если давить достаточно сильно. Странно пушистый, размытый вид всего, что она видела.

Джеймс начало трясти, она развернулась на месте, чтобы посмотреть на здание, внутри которого она только что была. Это был не небоскрёб, как она сначала подумала, по виду из окна. Тут было всего три этажа, построенное из твёрдых кусочков белого вещества, покоящееся на фундаменте из пушистых облаков.

Это было совершенно невозможно.

Она покачнулась, схватилась за живот, а затем её вырвало с обрыва. Все эти восхитительные свежие овощи были значительно менее вкусными, когда смешались с желчью и желудочным соком.

К тому времени, когда тошнота и головокружение прошли, Джеймс поняла, что чувствует, как пара копыт поддерживает её за бока, крепко удерживая у края облаков. Даст молча смотрела на неё сверху вниз со смесью тоски и печали. И всё же она заметила взгляд кобылки и тут же отпустила её.

— Ты в порядке?

— Ух-х-х, — простонала Джеймс, поднимаясь на дрожащие копыта. — Я была... наверху... все это время?

Она вытерла слизь со рта тыльной стороной ноги, а затем вытерла её о землю.

— Воздух разреженный... тошнит от высоты...

— Нет, это не так, — вся мягкость из голоса исчезла, сменившись твёрдым, уверенным тоном. — Ты перас. *Kreski surgrunde ne haltus vin de rovi senti la aeron nun.* Это просто *malorientiĝo*. Ты не страдающий от воздушной болезни земной пони. *Vi jam loĝas ĉi tie dum monato.*

Кобылка начала пятиться от края, с каждым шагом её конечности дрожали все сильнее. Джеймс и представить себе не могла, что боится высоты... но до сегодняшнего дня она по-настоящему не понимала значения этого страха. Да и никто не понимал.

«Я стою на облаке. Все это время я жила на облаках... Как это возможно?»

В голове замелькали теории относительно сильно повышенной плотности местной воды или неправильно определённой гравитации. Может быть, местная жизнь, включая её бионоситель, была настолько приспособлена к пониженной гравитации, что она не заметила ничего особенного? Джеймс жила в каком-то воздушном микромире, даже не замечая этого.

Она пожалела, что не стала вникать в планетарные данные. Если бы

только инопланетяне не украли её долбаный вычислительный терминал, она бы могла прямо сейчас все проверить.

Джеймс снова почувствовала копыта на своих плечах и, подняв глаза, увидела, что на неё смотрит Лайтнинг Даст.

— Эй!

Кобылка очнулась от своих размышлений и вернулась к реальности.

— Прости. Просто... Я буду лучше. Я не ожидала...

— Все в порядке, — пегаска опустила на колени перед ней. — Залезай мне на спину, но не *metu ajnan gremon sur miaj flugiloj!*

Хорошо, что такие жесты было легко прочесть, потому что в противном случае Джеймс не была бы уверена, что она должна сделать. Но она всё же скептически вскинула бровь.

— Не слишком я тяжёлая?

Пони оглянулась через плечо со свирепым взглядом.

— Ты шутишь? Я видела ветки с большим количеством мускулов, чем у тебя. Залазь давай!

Кобылка подчинилась, хотя её движения становились все более неуверенными и опасливыми. Если бы не осознание того, где они на самом деле находятся, она, скорее всего, отказалась бы и сказала, что прекрасно может дойти пешком, куда бы им не было надо. К сожалению, похоже, тут не было земли, по которой можно было дойти пешком.

Седла тоже не было, или чего-нибудь ещё, что можно было бы обвязать вокруг шеи пегаски. По крайней мере, ноги Джеймс естественным образом обхватили бока кобылы. Это должно обеспечить достаточную безопасность при обычных движениях.

— Как далеко...

— Не очень, — ответила Даст, прыгая в воздух. Кобылка почувствовала, как воздух пронёсся мимо неё с обеих сторон, увидела размытые крылья и крепко зажмурилась. Куда бы они ни направлялись...

И всё же она должна была знать. Джеймс приоткрыла один глаз, желая узнать, куда же они летят.

Там было не просто одно здание. Дверь, из которой они вышли, может, и вела в пустоту, но с другой стороны здания картина была совсем иной. Это был целый город, построенный на четырёх или пяти различных облаках собранных террасами, не соединённых ничем, кроме толстых плетёных верёвок. Каждая терраса, казалось, дрейфовала полунезависимо от остальных, некоторые с домами, некоторые с магазинами, но на самой большой громоздилось огромное здание, размером больше, чем все остальные облака вместе взятые. Над ним возвышались гигантские градирни, и Джеймс каким-то образом чувствовала, как воздух втягивается внутрь.

— Вы гораздо более промышленно развиты, чем я думала, — воскликнула она по-английски, полностью забыв о своём страхе высоты при виде такого чуда. — Нам и в голову не приходило строить на облаках. Это совсем как на Венере... вы терраформировали таким образом всю свою планету?

Ну, может быть, не совсем как на Венере. В их летающих городах жители по облакам не ходили.

— Я не знаю твоего языка, — ответила Даст, её тон уже не был таким расстроенным и обеспокоенным, как в момент, когда Джеймс впервые увидела, где находится. — *Mi tute ne scias, kion vi diras.*

— Это английский, — пояснила кобылка. — Я ещё на китайском говорю, но ты его тоже не знаешь.

Лайтнинг Даст не направлялась ни к фабрике, ни к какому-либо району города. Чуть поодаль, ничем заметным к городу не привязанный, находился одинокий дом, обосновавшийся на отдельном облаке. По меньшей мере два этажа высотой, с колоннами из пушистых облаков и небольшим фонтаном перед входом.

— Странно. Кто научил тебя им?

Они заходили на посадку. Пегаска снизила скорость до минимума, двигаясь по плавной прямой без каких-либо резких поворотов. Ничего такого, что могло бы случайно скинуть кобылку. Даже сейчас Джеймс чувствовала силу той, на ком она ехала. Она чувствовала мускулы, сильные и тренированные. Была ли подобная физическая форма обычной для инопланетян, или эта пегаска была спортсменкой-олимпийкой? Наверное, все должны быть сильными, если постоянно летают.

— Мои...

Джеймс не могла произнести «родители» и не выглядеть при этом совравшей. Но как много она вообще хотела сказать? Если она попытается сказать правду, не отправит ли Лайтнинг Даст её обратно в подвал?

— Ты не поверишь. Не секрет, но... странно. Слова... пока не очень хорошо. Трудно сказать правильно.

Пегаска приземлилась с лёгким толчком, подпрыгнув на пушистой белой поверхности, прежде чем погрузиться на полсантиметра, после чего качнулась в сторону, сбросив кобылку на облако перед большим фонтаном.

Джеймс быстро встала, скинув сумку с плеча. Она медленно опустила её на поверхность облака рядом с собой, опасаясь, что та может провалиться насквозь. Почему-то этого не произошло.

«Очевидно, что это не настоящие облака».

Затем она заметила кое-что ещё — из фонтана поднимался пар, лёгкое облачко, которое плавало прямо над поверхностью воды.

— Это не похоже на... Где мы находимся?

— Дом, — ответила взрослая пегаска решительным тоном. — Мой дом. Твой тоже, пока *ni trovos viajn* родителей. Если сможем.

— А что, если не сможете?

Лайтнинг Даст пожала плечами.

— Тогда не сможем.

Она прошла мимо кобылки к едва заметной белой коробке, стоявшей рядом с фонтаном, и пинком открыла её. Внутри была длинная деревянная палка с большим куском мыла на конце. А также несколько других чистящих средств. Даст указала на воду.

— Ты не *venanta en mian domon odoranta tiel*. Снимай свой *vestojn tiel* не хочешь чтобы намок. Я его зачаровала, так что он не провалится сквозь *tra la nuboj*.

— З-здесь?

Джеймс слотнула, поджав хвост между ног. Правда, крошечный летающий домик находился на окраине города, но он всё ещё был в пределах видимости. Она могла разглядеть десятка два инопланетян, летающих или ходящих вокруг, и все они могли видеть её. Кроме того, фонтан с горячей

воды находился всего в пяти метрах или около того от отвесного обрыва в пустоту. Она сможет видеть небо вокруг себя, пока будет купаться.

— Да, — инопланетянка подхватила сумку и выжидающе замерла. — Тебе нужна помощь, чтобы *derreni ilin*? Я могу...

— Н-нет! — быстро ответила кобылка, поморщившись, а затем начала раздеваться. На самом деле, у неё не было другого выбора.

Это всё ещё лучше, чем есть сено.

* * *

Лайтнинг Даст неторопливо шла, проходя через свой облачный дом. По какой-то причине, которую она не могла себе даже представить, кобылка начала вести себя странно, как только сняла свой лётный костюм. Что ещё более странно, она едва смогла помыться сама. Даст не слишком за ней следила — в основном она была сосредоточена на подготовке новой спальни. Время от времени она выглядывала наружу, и каждый раз кобылка, казалось, сталкивалась со все большими трудностями.

Однако одна вещь Лайтнинг озадачила: Джеймс не воспользовалась воском для перьев и скребком, уделив крыльям не больше внимания, чем любой другой части тела.

«Они выглядели идеально, когда я принесла её в больницу. Как могли её крылья быть в такой хорошей форме без должного ухода?»

По крайней мере, вымывшись, кобылка не приволокла в дом облако воню. Двигалась она медленно, так как плотно завернулась в полотенце, но, по крайней мере, больше не казалась такой смущённой.

Это было хорошо — может быть, эта пони и не заметит, как мало может предложить ей Лайтнинг Даст. До вчерашнего дня в её доме была только одна большая комната, построенная ею самой. Кухня в одном углу, стол, которым она почти не пользовалась, в другом, и гамак над всем этим. В какой-то момент символика Вандерболтов занимала все свободные места в маленьком облачном доме, но теперь тут были только пустые стены и пустые полки. Все плакаты и фигурки гнили на свалке, где им и место.

Чтобы стать временным приёмным родителем, требовалось соблюсти ряд строгих предварительных условий. Даст потратила полдня, чтобы построить второй этаж, превратив облака в нечто, напоминающее ещё одну спальню. Она не могла позволить купить кобылке настоящую мебель, поэтому соорудила кровать, письменный стол и стул с видом на большое окно. Ну, не настоящее окно, потому что стекло тоже стоило дорого. Вместо него был слой льда, охлаждённого с помощью той же погодной магии, что позволяло хранить еду холодной, а воду в фонтане горячей. Видно сквозь лёд было не очень хорошо, но, по крайней мере, это выглядело как настоящий дом.

«Мне жаль, что я не могу дать тебе больше», — подумала пегаска, ведя кобылку по своему крошечному дому, показывая все, что он мог предложить. Была даже лестница на второй этаж, так как Даст прекрасно знала, что Джеймс не умеет летать.

В спальне даже не было двери. Но там были вещи кобылки, то небольшое, что она принесла с собой. Этого должно быть достаточно.

— Это твоя комната, — объявила Лайтнинг Даст, закончив экскурсию, хотя не была до конца уверена, насколько кобылка её понимает. — Я не знаю, к чему ты привыкла, но у меня здесь свои правила. Не прогуливай

уроки полётов, не делай дыр в моем доме и не жалуйся на то, чем я тебя кормлю, пока я ем то же самое.

Пегаска обвела комнату крылом.

— Пока ты будешь им следовать, я думаю, мы прекрасно поладим.

Невозможно было не умилиться, насколько кобылка была похожа на промокшего утёнка, особенно с шерстью и перьями, слипшимися от влаги. Это выглядело чуть менее очаровательно, чем жалко.

— Я могу... сделать это, — в конце концов ответила Джеймс. — Мне действительно нужно...

Она остановилась, делая паузу, чтобы обдумать, как выразить свою мысль.

Лайтнинг Даст её не торопила. Учítывая, что эта пони не знала ни слова по эквестрийски, когда она её нашла, её способность говорить, хотя бы так, была огромным шагом вперёд.

В конце концов кобылка всё-таки продолжила.

— Я пришла... чтобы научиться говорить. Если я могу говорить — я имею значение.

Даст не была уверена, как на это реагировать. Что-то связанное с жестоким обращением, которому подверглась эта пони? Лайтнинг наклонилась, чтобы встретиться взглядом с фиолетовыми глазами кобылки.

— Послушай меня, — сказала она твёрдым голосом. — Я не знаю, откуда ты пришла, малышка, но ты можешь забыть о том, что они тебе говорили. Ты и так имеешь значение.

Она слегка коснулась Джеймс одним из своих крыльев, прежде чем встать и повернуться к выходу.

— Устраивайся поудобнее. Мне нужно идти на работу. Могу ли я достаточно тебе доверять, что ты не сбежишь?

— Не могу летать, — ответила кобылка ровным голосом. — Не могу уйти.

— Точно, Джае-е-е... — пегаска замолчала. — Послушай, малышка, без обид, но это имя... Я так себе язык откушу, пытаюсь его выговорить. Могу я называть тебя как-нибудь по-другому? Может быть, что-то на эквестрийском? Что-то, что пони нормально могут произнести?

Кобылка кивнула, уставившись в пол.

— У меня нет... другого.

— Это нормально.

Даст оглядела маленькую пони. Она мало что знала о ней, но что родители знают о своих новорождённых жеребятках? Тем не менее многие из них получали имена, которые подсказывали, кем они станут.

— Лаки Брейк, — предложила пегаска. — Как тебе такое?

— Лаки Брейк, — повторила кобылка и улыбнулась. — О, я понимаю! Думаю, я везучая!

— Хорошо, — Лайтнинг протянула копыто, убирая гриву кобылки с её лица. — Я вернусь через несколько часов. У меня сегодня только половина смены. Просто не выходи из дома, пока меня не будет.

— Могу я кое-что спросить?

— Э-э... конечно. Если ты думаешь, что у тебя достаточно слов. Я не так хороша в языках, как ты.

Если вообще хороша. Даст никогда не утруждала себя изучением чего-либо, кроме эквестрийского. Любой грифон, посетивший Эквестрию, его знал, а на земле она много времени не проводила. Если пони не умеет летать, он едва ли стоит её времени.

Лаки Брейк сидела неподвижно, с глубоким сосредоточением на лице. Когда она заговорила, её слова произносились ещё медленнее, чем обычно.

— Когда ты спасла меня... у меня были... другие вещи.

Кобылка касалась своего тела копытами в разных местах, позволив полотенцу упасть в процессе.

— Одежда... твёрдая одежда... местами. И... разные маленькие штуки.

Одним копытом она нарисовала квадратную фигуру в воздухе.

— Много. Металлические штуки. Сумка на... твёрдая одежда. Они мне нужны.

— А-а-а.

Даст ухмыльнулась, наконец-то поняв, что имела в виду пони.

— Я тебя поняла. Это было забавно. Ты же, наверное, думаешь, что пони, который стал врачом, должен быть умным, верно? Короче, я смотрела через окно, когда они с тобой занимались. Им пришлось вырезать тебя из твоей брони. Пенумбра в конце тебя достал... — пегаска рассмеялась, её улыбка стала шире. — Ты бы видела выражение его лица, когда все провалилось сквозь стол прямо перед ним!

Лайтнинг продемонстрировала копытами как все произошло.

— Здоровенная дыра прям насквозь.

Она замолчала, глаза Лаки распахнулись и наполнились слезами, и кобылка начала шмыгать носом.

«Вот жеж, Даст. Думай!»

— Ох, — пегаска снова потянулась к кобылке, но маленькая пони отстранилась. — Прости, малышка. Если по правде, это была не вина доктора. В таком захолустье как это, большинство пони никогда не встречали никого, кто не был бы пегасом. Они думали, что твои вещи будут зачарованы. Чего не было.

— Н-но... — Лаки запнулась и произнесла ещё несколько слов, которые Даст не поняла. В конце концов она вернулась к знакомым. — И моя гитара! Если все упало сквозь, как оно осталось?

— Я, э-э... — Лайтнинг покраснела. — Возможно, я порывлась в твоих вещах. Я хотела знать, что такая пони, как ты, делала одна посреди Бесплодных Земель. Они не были на твоей броне, когда она упала.

Кобылка вытерла слезы с глаз и выпрямилась.

— Мне нужен мой... — следующие слова были произнесены не на эквестрийском. — Они... магические. Они не сломаются. Падение не... даже... можем мы вернуть их обратно?

— Вернуть?

Пегаска поёжилась, обдумывая последствия этой просьбы. Она была готова поверить, что вещи и правда могли быть зачарованы, учитывая, как странно они выглядели.

«Но почему единороги, которые их сделали, не наложили руну хождения по облакам, чисто на всякий случай?»

В броне не было отверстий для крыльев.

— Я могла бы... это, вероятно, возможно. Стормшир движется, но не очень быстро. Если бы у меня был календарь и карта... Я знаю нескольких яйцеголовых на фабрике, которые могли бы указать примерный район. Хотя лететь придётся далеко...

Лайтнинг собиралась сообщить, насколько безнадёжная эта затея. Даже если бы ей удалось достать карту и найти точное место, поиск упавшей брони где-то среди Бесплодных Земель потребует острого зрения и большого везения.

Но потом она увидела сокрушённое выражение лица кобылки и влагу, стекающую по щекам. Она вспомнила подвал, в котором малышка жила последние несколько дней, и условия, которые ждали бы её на земле.

— Вот что я тебе скажу, Лаки. Может быть, я слетаю и гляну, что смогу найти. Мне надо на работу, но... Я могла бы слетать после окончания смены. Я самая быстрая пони в Стормшире... самая быстрая пони в Эквестрии!

И плевать, что по этому поводу говорят Вандерболты.

— Это может занять ещё несколько часов... ты будешь здесь одна до самой темноты.

Оставлять нелетающего пегаса без присмотра взрослых, вероятно, было серьёзным нарушением правил безопасности.

Но надутые пони, которые выдумывали эти правила, никогда не были теми, кто должен был им следовать. Они не понимали, что на самом деле важно для бездомного жеребёнка. А Даст знала.

Кроме того, кому Лаки сможет на неё настучать? Одного взгляда на радость на её лице было бы достаточно, чтобы растопить целую снежную бурю.

— Да! Если бы ты могла... Я была бы так счастлива, Лайтнинг Даст! Ты не... знаешь, кто... но покажу тебе! Я могла бы! Все время учусь! Скоро... достаточно, чтобы объяснить! Может быть? Да, я уверена!

— Хорошо, хорошо, — пегаска наклонилась, подняла влажное полотенце и набросила его на спину кобылки, оставив её в новой спальне. Лаки Брейк, похоже, не спешила спускаться за ней вниз по лестнице. Начало смены было близко, но Даст кое-что беспокоило, и она хотела это проверить.

Она нашла документы на кухонном столе, точно там, где она их оставила. Папка с информацией о программе приёмных родителей, обо всех обязанностях, которые у неё теперь были, и правилах, которым она должна была следовать. Даст не потрудились даже открыть папку.

Но в самом низу стопки лежала папка из плотной бумаги — копия медицинской карты Лаки. Может быть, внутри было что-то такое, о чём врачи не упоминали раньше. Что Лайтнинг действительно хотела найти, так это имена тех пони, которые плохо обращались с этой кобылкой. Кем бы они ни были... что ж, она отправила письмо Чаркоилу. Он поможет свершить правосудие.

Но большинство бланков были пустыми. Даст и так не сильно любила читать, а почерк доктора Пенумбры был просто жутким. Но она нашла несколько строк в разделе «Стоматология», в которых говорилось о чём-то интересном.

«Молярная эрозия почти отсутствует, приблизительное определение возраста невозможно. Либо у этой пони недавно выросли все её взрослые

зубы одновременно, либо она жила в основном на жидкой диете».

Она просмотрела остальные страницы. В разделе о копытах было нечто похожее.

«Ни на одном из её копыт нет естественной эрозии. Лишь наросты, напоминающие предродовые неровности, но, конечно, это невозможно. Никогда не бывала на улице?»

Лайтнинг подняла взгляд от стола, но пони наверху из комнаты так и не вышла. Вероятно, она всё ещё вытиралась. Либо вернулась к изучению учебника.

«Мне надо принести ей ещё несколько. Она такая умная, что, наверное, всё равно всему научится сама».

Оставалось не так уж много страниц для изучения. Никаких историй болезни из предыдущих больниц, ничего, кроме отчёта самой Лайтнинг Даст о спасении и прозрачных копий рентгеновских снимков. Влекая любопытством пегаска подняла один из них к окну, чтобы взглянуть на него. Она всё ещё помнила, что говорила ей медсестра.

На снимке выглядело всё ещё более странно, чем Даст ожидала. Там были изображены задние ноги пони, но переломов там не было. И всё же казалось, что у кобылки было два набора костей. Один прозрачный, соответствующий костям пони, и другой, гораздо более тёмный контур, охватывающий их.

«Как строительные леса на здании».

Лайтнинг Даст не могла быть уверена, но плоть вокруг выглядела как-то неправильно, как рубцовая ткань, о которой упоминала медсестра.

Пегаска проверила остальные рентгеновские снимки и обнаружила, что каждый из них демонстрирует похожую историю. Темнота означает что-то твёрдое, вспомнила она, единственное, что знала о рентгеновских лучах. Однажды её ранило осколком металла, и на снимке выглядело все примерно так же. Вот только у Лаки он окружал почти все её кости, змеясь по всему телу. Грудь кобылки была им заполнена очень плотно, между некоторыми рёбрами металл полностью смыкался, не оставляя никаких просветов.

Лайтнинг опустила рентгеновский снимок обратно в папку, её копыта дрожали, когда она вспомнила слова кобылки: «Ты не поверишь. Не секрет, но... странно». Теперь, может быть, и поверит.

Каким-то образом Лайтнинг Даст умудрилась найти кобылку с ещё более суровым прошлым, чем у неё самой. Был ли прав мэр? Может быть, она и правда полезла не в своё дело со всеми этими вещами. Врачи на земле, наверно, нашли бы в этом смысл. Должно быть, она неправильно прочла рентгеновские снимки — ни у одного пони ведь не может быть второго набора костей вокруг первого, верно? Должно быть, это была тень, или игра света, или что-то ещё, что имело бы смысл.

Пегаска сунула копии обратно, а затем спрятала папку под всеми остальными руководствами по воспитанию приёмных детей. Она сомневалась, что кобылка уже умеет читать, но... лучше перебдеть, чем недобдеть.

Лайтнинг закрыла за собой дверь, взлетела и направилась в сторону фабрики. Она всё ещё могла пойти к мэру. Сказать, что передумала, сделать, что он хотел, и, вероятно, это избавит её от любой мести, которую

замыслил жеребец.

Но мысль о том, чтобы отправить Лаки обратно в тот подвал... мысль о том, как обрадовалась кобылка, когда Даст сказала ей, что они уходят...

Нет, она не могла отправить её обратно.

«Я не знаю, что с тобой случилось, Лаки... но я собираюсь это выяснить».

Найти её потерянные вещи было бы отличным началом. Может быть, когда они вернутся к ней, Лаки Брейк сможет наконец объяснить, кто она такая и что делала одна в Бесплодных Землях.

За многие километры от Стормшира зонд Предвестник усердно трудился. Стандартных жилых помещений, которые он построил, не хватило бы для нужд новой команды, учитывая все предыдущие неудачи. Но информация, которую он получил в результате своей последней попытки, наряду со значительным увеличением доступности ресурсов по мере роста добывающей инфраструктуры, означала, что у него была возможность начинать более амбициозные проекты.

В центральном зале всё ещё гудели пять биофабрикаторов. Их обитатели сформировались лишь частично, хотя большая часть скелета и некоторые внутренние органы уже были на месте. На этот раз размеры скелетов соответствовали взрослым особям инопланетной формы жизни #FF35E, благодаря значительному прогрессу в понимании их цикла жизни и роста. Но это поколение было не самым многочисленным из тех, что создавал зонд Предвестник и, конечно же, не станет последним.

Пока новая команда росла в своих биофабрикаторах, зонд удалил фальшивую стену, блокирующую доступ в ангар. Пока армия маленьких дронов смахивала пыль, чуть более крупные собрали скафандры человеческого размера и отправили их в утилизатор вместе с многочисленными личными вещами, которые оставались в жилых помещениях, тоже рассчитанных на людей, рядом с ангаром.

То что база была построена глубоко под землёй не защитило тех, кто жил здесь, так же как не защитило их последние следы от переработки и последующего повторного использования.

Зонд Предвестник не терзался никакими моральными дилеммами, тщательно уничтожая все следы пребывания предыдущих жильцов в своих коридорах и помещениях. Это был просто вопрос оценки вероятностей — в данном случае вероятность длительной психологической травмы и неприемлемой потери производительности была в районе сорока процентов, слишком много, чтобы не учитывать подобное.

Компьютер зонда приложил немало усилий, чтобы устранить все следы повреждений на единственном «Пилигриме». Разбитое стекло можно починить, дырки от пуль заделать композитом, а расколотую керамическую броню заменить новой. Можно было даже добавить более низкие потолочные панели, чтобы создать у экипажа с инопланетными бионосителями иллюзию, что их летающий корабль был построен специально для них.

Много времени это не займет. Предвестник выполнит свою миссию, невзирая на цену в распечатанных жизнях. Если очередной план не сработает, зонд всегда сможет напечатать ещё.

* * *

Джеймс прождала много часов в пустом доме в одиночестве. Она старалась использовать это время продуктивно, продолжая изучать учебник и все, что в нем было. Но, несмотря на её природный талант, несмотря на её дар к языкам, её мозг мог усвоить не так много за один присест, прежде чем все новые слова начинали звучать одинаково.

Она провела несколько минут, играясь со своей складной гитарой, разложив её до полного размера и пытаясь выжать хоть что-то похожее на музыку. Но, как и в предыдущие разы, её копытам просто не хватало

ловкости, чтобы играть на гитаре или прижимать струны к грифу с приемлемой точностью.

«Думаю, мне нужно будет освоить новый инструмент».

По крайней мере, у неё будет достаточно времени для практики.

В конце концов стемнело. Джеймс уставилась в окно на звезды, ища что-нибудь знакомое. Невозможно было опознать ни одно созвездие, ни единую звезду.

«В этом нет странного. Я не астроном».

Несмотря на это, кобылка смотрела на небо, надеясь, что, может быть, увидит какой-нибудь намёк на то, где в галактике находится эта планета. Было бы ужасно обидно обнаружить разумную жизнь на таком расстоянии, что никаких значимых отношений с Землёй никогда не удалось бы установить.

Но пока она смотрела, Джеймс кое-что заметила: звезды двигались. Это было такое же движение, которое она могла бы ожидать будучи на Земле, медленное вращение вокруг центральной небесной оси. Вот только она не использовала какой-нибудь фотоаппарат с длительной выдержкой, она наблюдала это своими глазами.

Теперь, когда кобылка подобное заметила, она не могла отвести взгляд.

«Но если мы вращаемся так быстро, почему продолжительность дня так близка к двенадцати часам?»

Существовало много правдоподобных объяснений такому быстрому движению звёзд.

«Но сколько из них могли бы объяснить такие знакомые дневные/ночные циклы?»

Сейчас Джеймс больше, чем когда-либо, сожалела, что не стала изучать подробности о планете, на которой оказалась. Она была так взволнована своим бионосителем, что другие детали, имеющие лишь косвенное отношение к её миссии, ускользнули от внимания.

«Может быть, Лайтнинг Даст найдёт мои вещи. Тогда я могла бы попросить у зонда новый компьютер и получить ответы на все свои вопросы».

Внизу хлопнула дверь. Джеймс заставила себя отвести взгляд от странного неба и высунулась из двери своей крошечной спальни.

Лайтнинг Даст выглядела измученной, грива была мокрой от пота, а все тело поникло от каких-то невероятных усилий.

— Эй! — пегаска помахала ей копытом. — Лаки, спускайся сюда! Я кое-что нашла.

Джеймс неслась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, прыгая так энергично, что облака немного прогибались под её копытами. Она ничего этого не замечала, кобылка не отводила глаз от сумки, которую Даст стряхнула с плеча и опустила на пол у своих копыт. Пегаска открыла её как раз в тот момент, когда Джеймс остановилась всего в полуметре от неё.

Кобылка уставилась на передатчик, погнутый и искореженный, с частично расколотой антенной.

— Я havis nubmaršan sorçon sur ġi antaù I portis ġin сюда, — сообщила Лайтнинг Даст. — Ġi ne devus снова упасть. Всему нужна sorçon хождения по облакам, прежде чем ты сможешь uzi ġin tie.

Джеймс поспешила к передатчику, подхватила его передними копытами и направила к кухонному столу. Она направила то, что осталось от антенны, в открытое небо.

— Не расстраивайся, если оно не заработает, — мрачно добавила пегаска. — Какая бы магия там ни была *tiu aĵo havis, devis* поломалось. Будто минотавр *sidis sur ĝi*.

Кобылка подтащила один из стульев, затем встала на него и положила передние ноги на стол рядом с передатчиком. Она поднесла одно из копыт к боку устройства, достаточно близко, чтобы оно могло считать RFID-чип, вшитый под кожу.

Помятое металлическое устройство пискнуло, изнутри выдвинулись ножки и приподняли его над столом, одна из ножек тут же отвалилась и передатчик перекосялся, антенна в верхней части вращалась, наполняя комнату неприятными гудками.

— *Dolĉa suno*, оно работает, — Даст подошла и села рядом, уставившись на устройство. — Что оно...

Джеймс больше не хватало концентрации, чтобы слушать её.

Кобылка тихо выругалась, хотя и не использовала при этом язык пони. Если в эквестрийском и была ненормативная лексика, никто её такому не учил. Она подняла передатчик и подставила копыто под него, удержала на месте вместо ножки. С края вращающегося диска лазер наведения сканировал комнату, слабая зелёная точка скакала по стенам и потолку, пока, в конце концов, не наткнулась на окно. Как только лазер зацепил одну из многих звёзд, он замер на месте и устройство начало издавать другой звук.

Связь спутник - поверхность заблокирована.

Ожидание ретрансляции...

Локальный компьютер не обнаружен.

Работа в аварийном режиме.

Джеймс почувствовала толчок, когда Даст заставила её отвести взгляд от устройства, и посмотреть на неё.

— Что он делает? Он ведь никому не повредит, правда?

— Нет! — ответила Джеймс, всё ещё прижимая ноги к столу. — Это... отправка письма. Разговариваю со своим домом.

Пони больше не выглядела отзывчивой и по-матерински заботливой. При взгляде на крошечное устройство связи выражение её лица менялось между расстроенным и испуганным.

— Хорошо, Лаки. Но если все пойдёт плохо...

Сеть ретрансляции подключена. Временная сеть: 12 адресов.

Зонд Предвестник - сигнал зелёный.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: мини-РИТЭГ сообщает о критической аппаратной неисправности в защитной оболочке. Рекомендуется немедленно утилизировать это устройство. Пожалуйста, тщательно вымойте руки сразу после утилизации для минимизации риска развития раковых заболеваний.

Джеймс вздрогнула, но сумела удержать копыта на месте. Мини-РИТЭГ использовал 300 граммов стронция-90, чего было более чем достаточно для питания устройства на весь период использования. К сожалению,

состояние корпуса передатчика позволяло предположить, что падение с неба нельзя считать штатным режимом работы.

Но все это не имело значения, пока она могла передать своё послание Предвестнику.

— Ты меня слышишь, компьютер? — спросила кобылка, снова переходя на английский.

Как и в случае со всей спутниковой связью, произошла небольшая задержка. Всего несколько секунд, но по сравнению с практически мгновенным общением более быстрыми методами это могло немного дезориентировать.

— Сообщение получено, Джеймс Ирвин, — голос зонда был сильно искажён, растягиваясь в одних словах или резко подскакивая по тону в других. И всё же связь была. — Пожалуйста, предоставьте отчёт о состоянии миссии. Этот передатчик сообщил об отключении в связи с выходом из зоны действия сети 41 день назад.

— Моё снаряжение было уничтожено, — ответила Джеймс, говоря так быстро, как только могла. Она чувствовала лёгкое тепло металлической поверхности, прижатой к её ноге, и знала, откуда идёт это тепло. — Я требую замену снаряжения с немедленной отправкой на позицию этого передатчика.

Ещё одна пауза.

— Команда подтверждена. Пожалуйста, обновите статус выполнения миссии.

Джеймс открыла рот, чтобы так и поступить, но возможности ей не представилось. В этот момент Лайтнинг Даст начала кричать.

— Как ты смеешь! Твоя дочь eĉ ne scias, ke nubaj urboj ekzistas, kaj vi sendis ŝin nefluga в Бесплодных землях dum шторм! Даже Malkonkordo ne farus ion kiel aĉan! Klarigu, kial la...

Пегаска ударила копытами по столу всего в нескольких сантиметрах от передатчика. Толчок отбросил его в сторону, и то, что осталось от антенны, раскололось на две части.

| ОШИБКА: СИГНАЛ ПОТЕРЯН

Крошечный треснувший дисплей мигнул в последний раз, а затем погас.

Лайтнинг Даст уставилась на сломанное устройство, тяжело дыша. Она выглядела удовлетворённой.

В отличие от Джеймс. Та всхлипнула, отступая от стола и уставившись на отключившийся передатчик.

«Все в порядке, — подумала она. — Предвестник получил мои координаты и мой запрос на новое оборудование. Я верну все свои вещи. Мне всё равно пришлось бы выбросить передатчик».

— Такой хрупкий, — пегаска потыкала копытом в один из кусочков металла. — Оно postvivis падение с alteco sed ne povis пережить небольшой interpuŝiĝo?

— Нет, это не так, — ответила Джеймс, садясь на пол и вздыхая. — Все в порядке. Он сделал то, что мне было нужно. Мы можем оставить его с нами на облаке ещё день или около того, но убрать подальше от

нашей пищи. О, и нам нужно вымыть стол. Наши копыта тоже, или... мы, вероятно, умрём.

Лайтнинг Даст несколькими длинными шагами обогнула стол и подошла к кобылке с суровым выражением на лице.

— Что это за магия, которая *li uzis por paroli* таким образом? Лаки Брейк, я слышала голос, *ĉu ĝi estas via* мать?

— Нет, — ответила кобылка. — У меня нет родителей. Это был друг. Предвестник.

— О, — Даст всё ещё выглядела напряжённой. — Предвестник, да? Это тот пони, который отправил *vin* в Бесплодные Земли?

Джеймс открыла рот, чтобы ответить утвердительно, но заколебалась. Если эта инопланетянка свяжет негативные чувства, которые она явно испытывает, с её человеческой миссией и всем остальным, стоящим за ней, задача станет куда сложнее. Рано или поздно ей придётся вернуться к зонду, чтобы сообщить о том, что она узнала, и выучить свежераспечатанных дипломатов. В общем, она соврала.

— Нет. Я заблудилась. Это... не его вина.

Кобылка зевнула, на мгновение расправив крылья на всю их ширину, прежде чем сложить их на боках.

— Я *ne ŝatas tion*.

Лайтнинг глубоко вздохнула.

— Как ты *ĝisiris tien*, малышка? — пегаска указала на сломанный передатчик, который наконец перестал двигаться. — Я думаю, что я *meritas la klarigon*. Правду.

Джеймс переступила с ноги на ногу, переводя взгляд с Лайтнинг Даст на обломки передатчика.

— Слова — это... тяжело. Не поверишь. Ни за что!

— Рассказывай, — настаивала пегаска, коснувшись подбородка кобылки одним крылом, заставляя её встретиться с ней взглядом. — Я могу быть терпеливой. Если нам придётся сидеть здесь всю ночь, я могу подождать. Пришло время рассказать правду.

«Ну, вот и всё».

Джеймс надеялась, что этот момент наступит не так скоро. Что, если местная ей не поверит? Или хуже того, что, если она решит избавиться от неё? Что, если пегаска решит, что она спятила, и отправит её обратно в подвал? Кобылка снова зевнула, так же расправив крылья. Но не похоже, что Лайтнинг Даст позволит ей сначала выспаться.

Параметры миссии Джеймс были предельно просты. В её обязанности не входило вступать в первый контакт, но в её обязанности также не входило скрываться, если это поставило бы под угрозу успех миссии. Для только вступившей в контакт инопланетной расы видеть в человечестве разновидность лазутчиков и шпионов было бы ещё хуже. Так что Джеймс имела полное право рассказать правду, так сказать, на личном уровне.

Но если она так поступит, и её решение будет иметь негативные последствия, Джеймс вполне может войти в анналы истории как астронавт, проваливший первый контакт.

«Они так похожи на нас, так что это не должно стать проблемой. За исключением полётов, поедания сена и веры в то, что они делают погоду...»

G4.05: Ошибка интерполяции

Лаки уставилась на свои копыта.

— Ты хочешь... чтобы я... рассказала правду? Без вранья?

— Именно этого я и хочу, — ответила Даст. — Что бы ты мне ни рассказала, я выслушаю. Это не значит, что я поверю, даже если это куча сломанных перьев и безоблачное небо, но я выслушаю.

Пегаска была уверена, что сможет отличить правдивое объяснение от выдумки, даже от пони, которая едва говорит на эквестрийском. Она была слишком юной, чтобы быть хорошей лгуньей.

— Хорошо.

Лаки на секунду откинулась назад, её лицо стало сосредоточенным. Конечно, у неё всегда было такое выражение, когда ей приходилось объяснять что-то хоть чуть-чуть сложное, так что Лайтнинг не сильно удивилась. Кобылка говорила всё так же загинаясь, как и всегда, хотя промежутки для подбора слов становились все короче и короче с каждой фразой.

— Я прибыла издалека, — кобылка указала на окно. — Дальше, чем когда-либо был любой пони. Я исследователь, представляющий своих... пони. Они отличаются от вас. Более... продвинутые.

— Продвинутые, — повторила Даст, махнув крылом в сторону штуковины, которую она решила считать каким-то устройством связи. Она была намного меньше, чем любое подобное устройство могло бы быть, намного меньше, чем новенькое радио, который их фабрика использовала для получения заказов с земли. — Типа такого? Как та броня, что была на тебе?

— Да! — Лаки энергично кивнула. — Но они не просто хотят... вещи. Моим пони нужны друзья. Они послали много пони в гости... в вашу страну. Но я первая.

Кобылка постучала копытом по голове.

— Я лучше всех умею обращаться со словами. Я прихожу, узнаю, как вы говорите, а потом возвращаюсь, чтобы учить их.

Пегаска просто смотрела, следя за рассказом. Это было совсем не похоже на то, чего она ожидала. Ни слова о загонах для рабов, которые, по слухам, содержали варварские родственники эквестрийских грифонов. Ни слова о жутких существах за пределами сущего, которые питались любовью всех живых. Даже ни одного упоминания о легендарных горах Нибиру, где пегасы падают с неба, лишившись магии.

Нет, объяснение Лаки было очень странным. И не сильно правдоподобным. И всё же она говорила убедительно. Кобылка не отводила взгляд, её тон не менялся, а запах оставался уверенным. Может быть, она спятила?

— Но... зачем посылать жеребёнка? Если ты... дипломатический посланник от... чейнджлингов, или кто там ещё...

Теперь Лакиотреагировала, застонав и помотав головой.

— Я должна была быть большой. Делать пони очень трудно. Я не получилась. Если я потерплю неудачу, моя замена справится лучше.

— Ох, — объяснение не сильно помогло. Языковые навыки кобылки тоже оставляли желать лучшего. Что она имела в виду, говоря «делать пони»? — В общем, ты пришла... учить эквестрийский? И это все?

— Да. И сделаю все, что для этого надо. Нас... так много, что мои пони могут послать тех, кто лучше всех в какой-то работе. Так что, пока я учусь

с вами, другие могут остаться и выучиться потом. Но это всё равно не просто.

Лаки снова расслабилась.

— Но я становлюсь лучше с каждым днём. Ещё пара месяцев, и я буду достаточно хорошо знать язык.

Так что, возможно, она всё-таки была рабыней. С настолько промытыми мозгами, что сама не осознает этого. Лайтнинг Даст слышала о подобном, особенно про чейнджлингов. Они могли манипулировать пони, притворяясь кем угодно, обманывая, заставляя говорить или делать то или чувствовать это. Пегаска лично ни с одним из чейнджлингов не сталкивалась и в отражении их вторжения не участвовала.

«Возможно, подросло новое».

Придётся быть поосторожнее — то что Лаки может работать на опасного врага, это не значит, что она сама плохая пони. Даст отказывалась в это верить.

— Те кто послал тебя, они пони? — спросила она, надеясь, что её беспокойство не будет слишком очевидным.

Как и предполагала Лайтнинг, врала кобылка плохо.

— Нет, — сказала она. — Они... лью-юди.

Снова её родной язык, хотя и лишь для одного слова.

— Мы так себя называем.

— И как они выглядели? Чешуя, перья, блестящий чёрный хитин, две ноги или, может быть...

— Последнее! — Лаки несколько раз подпрыгнула на своём сиденье. — Две ноги, да!

Она подняла копыто.

— У нас есть руки. Не такие, как сейчас, но лучше. Можно держать вещи, играть музыку, лазать...

— Тебя послали минотавры, — сообщила Даст, начиная собирать картинку в голове. О минотаврах из-за пределов Эквестрии было известно очень мало, за исключением того, что они были сильной расой, способной выживать в сложных климатических условиях без пони, чтобы управлять погодой. Там не было ни времён года, ни дождей, и всё же каким-то образом они выжили.

Лайтнинг восхищалась их решимостью.

— Нет! — продолжала настаивать кобылка, энергично мотая головой. — По крайней мере... я так не думаю? Это слово... означает что-то другое.

— Ещё один вопрос, — продолжила пегаска, игнорируя замешательство Лаки. Она не хотела слишком сильно давить на неё — какой бы крепкой кобылка ни была до сих пор, ни один жеребёнок не смог бы вечно выдерживать такой стресс. — Как пони оказалась так далеко от Эквестрии? Ты никогда не знала свою семью, или там тоже живут пони?

Лаки ответила несколькими словами на своём родном языке, и выражение её лица на мгновение стало разочарованным.

— Я... нелегко объяснить.

Ещё одна пауза.

— Я не всегда была такой. Мы использовали магию, чтобы сделать меня одним из вас. Я... — она вздохнула. — Это никуда не денется. Я навсегда останусь пони. Остальные, кто придёт, тоже будут, если только...

Ещё несколько слов, которых пегаска не поняла.

Лайтнинг не была уверена, что с этим делать. Может ли магия прервать пони во что-то другое? Не честная магия, это уж точно. Честная магия меняет погоду, каждый пони знал это. Но единороги могли делать странные вещи.

«Лаки всегда была достаточно неуклюжей. Путается в копытах, не знает, как летать».

Возможно, в том, что она говорила, и была доля правды.

Но у минотавров нет единорогов. У них действительно была магия, хотя о ней знали немногие пони. Что-то тёмное и запретное.

— Я надеюсь... — теперь голос кобылки звучал робко и очень тихо. — Я надеюсь, ты позволишь мне остаться. Я... учусь лучше вместе с тобой. Я хочу научиться... и другим вещам тоже.

Она расправила крылья, разминая их.

— И я не хочу возвращаться в... где я была. Трудно выучить язык без пони, с которыми можно поговорить.

— Ты не вернёшься туда, — Даст встала, обошла стол и положила одно копыто Лаки на плечо. — Я не знаю что думать о том, что ты мне сказала, но я знаю, что буду продолжать присматривать за тобой. Пока ты не сможешь постоять за себя, ага?

— Ага, — ответила кобылка с широкой улыбкой.

— Ладно, — пегаска повернулась, чтобы уйти. — Если ты не против, я бы хотела немного поспать. Ранняя смена на фабрике.

— Хорошо! — улыбка Лаки была искренней, все следы дискомфорта от их разговора исчезли. — Да, спи. Сон — это...

Она широко зевнула, расправляя при этом крылья, и, казалось, изо всех сил старается удержаться на ногах.

— Завтра после работы мы можем поработать над тем, чтобы научить тебя большему. Сначала уроки полёта. Пони, которые тебя послали, одобрили бы это, ага?

— Ага, — ответила кобылка, снова широко зевая.

Даст пришлось помочь ей добраться до кровати. Но это казалось небольшой ценой в обмен на все, что она узнала.

После этого оставалось выполнить только одну задачу, хотя Лайтнинг этого не понимала. После всех хлопот, на которые она пошла, чтобы вернуть эту штуковину Лаки, казалось странным, что кобылка хотела, чтобы она вынесла её на улицу и оставила на облаках, «как можно дальше от здания». Пегаска так и сделала, а затем вымыла копыта, как того требовала Лаки. Надо будет попросить объяснений, когда кобылка выспится.

«Ну, теперь я знаю, что думает Лаки. И что мне с этим делать?»

Ничего скоропалительного, это было точно.

Прежняя Лайтнинг Даст уже летела бы в офис мэра, чтобы как можно быстрее отправить телеграмму в Кантерлот. Даже малейшая вероятность того, что эта кобылка рассказала правду, была бы достойна самого тщательного расследования. Даст ничего не знала о политике, но она прекрасно понимала, что продвинутые пони, которые могли изменять свой вид с помощью магии и создавать радиоприёмники размером с книгу, были бы теми друзьями, которых Эквестрия очень хотела бы завести.

Новой Лайтнинг Даст придётся более тщательно все обдумать, прежде чем принимать решение.

«Чаркоал должен быть здесь завтра или послезавтра. Может быть, он сможет дать мне совет».

Как бы драконы поступили с пони, которая думает, что её послали продвинутые пони на важную миссию?

«По крайней мере, она думает, что её миссия — это именно то, что я бы хотела, чтобы она сделала в любом случае».

Можно потратить пару дней и все обдумать, решая, кому именно она расскажет об этом.

«Та пони из Кантерлота не могла знать об этом, верно? У неё было заклинивание перевода... Разве она не говорила что-то об опасных предметах?»

Вероятно, она лгала, как всегда делали пони из Кантерлота. Даст может разобраться с этим утром.

* * *

Джеймс вцепилась в край облака, глядя вниз, в бездонную пропасть. Небо было таким широким, горизонт казался бесконечным, и она даже не могла определить расстояние между собой и землёй. Как бы сильно ни пострадал передатчик при падении с неба, её тело точно пострадает сильнее.

Резкий ветерок взъерошил её гриву и прошёлся по хвосту, напомнив ей, что она голая в общественном месте.

«Это не имеет значения. Все инопланетяне так делают. В конце концов каждому дипломату придётся привыкнуть к их социальным обычаям».

Жаль, что она не историк — Джеймс с удовольствием узнала бы, что именно отличало инопланетян от её вида в этом отношении. Её теории склонялись к их животному прошлому, но она могла быть достаточно честной с собой и понимала, что у людей была похожая история.

— Мелкая! — голос Лайтнинг Даст раздался совсем близко и звучал немного раздражённо. — Я сказала, прыгай.

Пегаска снова расправила крылья, демонстрируя стойку.

— Просто держи их в таком положении и позволь себе скользить вниз. Как только ты научишься планировать, то будешь в достаточной безопасности, чтобы не нужно было бояться упасть.

— Я не могу! — настаивала Джеймс, её передние ноги дрожали. — Там, внизу, до облаков двести метров! Если я ошибусь, я умру!

Кобылка снова заглянула через край, с трудом фокусируя взгляд на большом облаке под ней. Лайтнинг Даст подняла её на несколько сотен метров над тем, что считалось общественным парком Стормшира, хотя, как только другие инопланетяне узнали, чем они собираются заниматься, небольшая толпа посетителей рассеялась и больше не возвращалась.

«Вероятно, они не хотят, чтобы на них упал пони».

— Можешь, — настаивала Даст, слегка толкая Джеймс в бок, заставляя качнуться вперёд. Передние копыта отчаянно упёрлись в край облака, но там уже не было достаточно поверхности, чтобы удержаться. Кобылка начала наклоняться. Сердце колотилось в груди, наверное, не меньше двухсот ударов в минуту. Мир начал вращаться, у неё закружилась голова. Её снова чуть не вырвало.

Она указала на дыру, оставшуюся в облаке.

— Но я счастлива, что жива.

Даст рассмеялась.

— Большинство кобылок и жеребчиков терпят неудачу в первый раз. Но мне не стоило сильно давить на тебя! Многих пони в первый раз приходится скидывать.

— Как птенцов, — пробормотала Джеймс, встряхивая перья. Её крылья немного побаливали после приземления, в основном из-за столь неудачного падения. Но она не думала, что это продлится долго. Просто лёгкое раздражение.

— Думаю, да, — пегаска пожалала крыльями, затем снова опустилась на облако. — Запрыгивай. Надо повторить.

Джеймс не стала спорить. Теперь, когда она знала, что падение не причинит ей вреда, причин для страха было не так уж много. Во второй раз, когда она стояла на краю облака, ей пришлось преодолеть лишь инстинкт самосохранения. Теперь прыгать было гораздо легче. К десятому разу ей удалось снизить скорость настолько, что она не провалилась в облако. К тому времени, как стемнело, кобылка уже могла прыгать, не боясь. Трудно продолжать бояться чего-то, что, как она прекрасно знала, не причинит ей никакого вреда. В итоге она освоила основы планирования.

— Отличное начало! — Лайтнинг Даст повторяла это снова и снова. — Планирование — это основа всего, что мы делаем. Когда просто смотришь, это не заметно, но большинство пегасов проводят большую часть полёта, планируя. Все дело в том, чтобы задать правильный ритм, когда тебе нужно лететь, а когда можно планировать. Когда везде летаешь, ты к этому быстро привыкаешь.

— Я сделала это! — заявила Джеймс, когда они вошли в двери тихого дома Даст. — Я не могу поверить, что я действительно сделала это...

Жаль, что у неё ещё не было её вычислительного терминала. Об этом приключении стоило многое записать, пока она не забыла. Предвестник ожидал, что Джеймс вернётся со знанием языка, который они могли бы использовать для выполнения своей миссии, и, скорее всего, для него будет сюрпризом, если она вернётся ещё и с глубокими знаниями о способе полёта инопланетян.

«Я бы сама в это не поверила, если бы не летала самолично».

Будет трудно покинуть эту пони, когда её миссия завершится. Джеймс надеялась, что сможет вернуться и навестить её, как только закончит свои официальные обязанности. Но она не собиралась торопиться. В конце концов, зонд потратил сотни или тысячи лет на то, чтобы добраться сюда. Он сможет подождать ещё немного, пока она изучает язык.

Прошло уже почти двадцать четыре часа, вполне достаточно времени, чтобы Предвестник закончил изготовление комплекта запасного снаряжения. Кобылка могла только надеяться, что местоположения коммуникатора и её имплантов вместе будет достаточно, чтобы дрон-доставщик смог их обнаружить.

«Концом света не станет даже если у него не получится. Лайтнинг Даст знает, где она меня нашла, она сможет меня туда отнести, и я заберу всё из зонда сама».

Сегодняшний день показал, что ей предстоит ещё немного попрактиковаться, прежде чем она сможет летать самостоятельно. Несколько недель, если верить утверждениям пегаски.

«Но мне, вероятно, не придётся ждать. Завтра прилетит дрон, у меня будет моё снаряжение, и все будет прекрасно».

Г4.05: Подведение итогов

Джеймс поочерёдно взмахнула крыльями, встряхивая ими в воздухе, но раздражение только усилилось. Она захныкала, и на этот раз достаточно громко, чтобы её услышала Лайтнинг Даст.

Пони парила в воздухе над их домом, поправляя ртом кусочки облаков. Очевидно, это был процесс, еженедельно повторяемый всеми, кто жил в облачных домах: заменять части, которые развеялись, и в целом поддерживать их целостность. Как это работало, пегаска объяснить не смогла, но результаты были вполне успешными. Что «на самом деле» позволяло облачным структурам держаться вместе, пегасов не интересовало.

— Что не так? — Лайтнинг зависла в воздухе, с беспокойством глядя на неё сверху вниз. Каким-то образом она, казалось, точно знала, о чём думает Джеймс, потому что взгляд пегаски метнулся к крыльям. Даст оставила куски облаков висеть и приземлилась на переднем «дворе».

— Я, э-э... — захныкала кобылка, надеясь, что, возможно, она сможет использовать скудный язык в качестве оправдания. — Запуталась.

— Конечно, — пегаска села прямо перед ней, глаза сузились, и она вытянула одно из крыльев Джеймс в сторону. Кобылка напряглась от чужого прикосновения к нежному органу, но Лайтнинг точно знала, как двигать крыло, не причиняя боли, естественным образом расправляя его, не причиняя дискомфорта.

— Когда ты в последний раз охорашивалась? — спросила она тоном матери, которая обнаружила, что её ребёнок улёгся спать, не почистив зубы.

— Э-э... — Джеймс моргнула, пытаясь придумать альтернативные варианты перевода того, что она только что услышала. — В последний раз, когда я... что? Что означает это слово? Охорашивалась?

Даст оттолкнула её на несколько шагов назад, к фонтану, который был одновременно источником новых облаков, воды и местом для купания. Кобылка споткнулась, не в силах сопротивляться, хотя её замешательство росло. Почему Лайтнинг так разозлилась на неё?

— Не прикидывайся дурой, Лаки. Ты лезешь туда и займёшься обоими крыльями, пока я не буду удовлетворена. Я вижу минимум десяток перьев не на своём месте.

«Вот что значит охорашиваться».

Кто-то без её знаний, возможно, даже не распознал бы это слово. Но теперь, когда Джеймс об этом подумала, тут и правда появился смысл. Птицы так делали, и её крылья были очень похожи на птичьи. Было бы ошибкой предположить, что перья просто будут идеально держаться вместе и не будут требовать ухода. Половина специального мыла и восков, которые Лайтнинг Даст хранила возле фонтана, были связаны как раз с крыльями. Практически все остальное в её доме было самым дешёвым, но на крылья пегаска денег не жалела.

— Я никогда...

Кобылка поморщилась, переступая с копыта на копыто.

— Я не знаю... как, — её голос превратился в тонкий писк. — Я никогда не делала этого раньше.

Брови Даст поползли вверх.

— Твои крылья были в прекрасном состоянии в тот день, когда я тебя спасла. Идеально чистые, только что натёртые воском, ни одного пёрышка не на месте. Ты правда думаешь, что я поверю, будто твои родители делали это за тебя, в твоём-то возрасте?

Джеймс помотала головой.

— Мои... машины, — остальные слова переводились не очень хорошо. Она, конечно, не могла объяснить, что её тело было совсем недавно распечатано, и что все её перья были выращены и уложены роботом. — Делали это для меня. Так и не научилась. Честно!

Кобылка подняла глаза, встретив скептический взгляд Лайтнинг со всей невинностью, на которую была способна. Крылья продолжали мучительно чесаться, и она потёрла одно из них о бок, поморщившись, поскольку это не помогло.

Возможно, бионоситель Джеймс не соответствовал её полу или возрасту, но у того, что она была маленькой, было несомненное преимущество: все считали её милой.

— Ладно, — раздражённо буркнула Даст. — На этот раз я притворюсь, что верю тебе. Но я не собираюсь нянчиться с тобой и дальше, мелкая. Если ты не заботаешься о своих крыльях, как ты можешь ожидать, что они позаботятся о тебе?

Пегаска махнула крылом, и кобылка перелезла через край фонтана. Лайтнинг выбрала одну из бутылок и капнула немного в воду, пока та не вспенилась.

— Это обезжириватель. Используй его только когда у крыльев долго не было надлежащего ухода. Он удаляет воск, так что ты не захочешь, чтобы это было частью ежедневного мытья. Но твои крылья выглядят плохо. Ты пахнешь так, словно заблудилась во время миграции в разгар грозы.

Лаки погрузилась в воду, не совсем уверенная в том, что она должна делать. Но естественный поток в фонтане быстро создал густую пену, от которой пахло как из автомойки.

— Засовывай туда крылья! — проинструктировала её Лайтнинг. — Покрой их пеной как можно плотнее, а потом я помогу со щёткой. Видишь там зажим на стене? Если ты одна, то закрепляешь там щётку и трёшься об неё. Но у меня смена через час, так что... сделаем все побыстрее.

Лаки повиновалась, и довольно скоро у Даст во рту была деревянная ручка щётки. Теперь говорить она не могла, только жестикулировать крыльями и издавать разочарованные звуки всякий раз, когда Джеймс делала что-то не так. Было больно, но на этот раз боль была скорее освежающей, чем той, от которой хотелось избавиться. Было похоже на глубокий массаж после тренировки. Вода из прозрачной превратилась в грязно-оранжевую, в ней плавало множество маленьких коричневых кусочков.

«Мои крылья были настолько отвратительны?»

Затем Лайтнинг выдернула затычку, позволяя свежей воде смыть пену, прежде чем снова наполнить фонтан.

— Ладно, это была самая лёгкая часть.

Пегаска полностью расправила крыло и кивнула на него.

— Ну давай, Лаки. Что ты видишь в моих крыльях? И не говори ни слова о том, что я тебе прописные истины вдалбливаю, я уже дала тебе шанс быть честной. Мы начнём с самого начала, как ты и хотела.

Но Джеймс и не думала жаловаться, чего бы не говорила Лайтнинг. Кобылка посмотрела на крыло, пытаясь понять, чего от неё хочет Даст.

— Я, э-э...

— Посмотри на перья, — голос пегаски немного смягчился. Либо она поняла, что кобылка и правда ничего не знает, либо просто устала быть такой конфликтной. В любом случае Джеймс это устраивало. — Есть порядок, видишь? Перья снизу не торчат. Они расположены естественным слоем и все ровные. Когда ты летаешь, они могут путаться. Края некоторых вылезут наверх. И если ты позволишь всему выйти из-под контроля, то у тебя могут быть сломанные или даже заражённые перья, растущие вместе с хорошими. Тот, кто говорит, что плохие перья просто выпадут при полёте, ошибается. И твоё крыло — тому доказательство.

Кобылка вытянула крыло, точно так же, как это сделала Лайтнинг. В каком-то смысле ей было чем гордиться, поскольку две недели назад она не смогла бы сделать даже этого.

— Но я едва могу планировать. Почему у меня должна быть... инфекция?

— Потому что ты двигаешь крыльями. Нагрузка на них большая, и это означает, что перья будут изнашиваться. И не только это, но если держать их все время сложенными, у тебя будут тёплые, тёмные и влажные места. Это... худшая из возможных вещей для поддержания чистоты. Если совсем запустить крылья, то тебе придётся ждать пока отрастут новые перья, прежде чем ты снова сможешь летать. Знаешь, сколько времени это занимает?

Лайтнинг не стала дожидаться ответа, просто наклонилась и заявила зловещим голосом:

— Два года. И тебе вообще повезло. Другие существа отрачивают перья один раз на всю жизнь. Если грифон потеряет свои маховые перья, он просто никогда больше не сможет летать прямо. Или вообще взлететь, в некоторых случаях. У пони все перья сменяются раз в несколько лет, но... это не оправдание для плохого ухода.

Пегаска ткнула копытом.

— Видишь? Это перо сломано на конце. Оно застряло у тебя в крыле, и, держу пари, ужасно чешется. Новое перо вытолкнет его наружу, но не раньше, чем даст шанс заразиться и всем перьям вокруг него. Это то, чего ты хочешь?

— Нет! — пискнула Лаки, в ужасе уставившись на сломанное перо. И теперь, когда она знала, что искала, оно было не единственным. Там было несколько таких же повреждённых, и ещё много не на месте. По сравнению с гладкими крыльями Лайтнинг Даст, её выглядели как лоскутное одеяло. Кобылка расправила другое крыло и обнаружила там такую же ситуацию. По крайней мере, после мыла они не так неприятно пахли.

— Там должно быть уже достаточно воды, — сказала пегаска, кивая в сторону фонтана. — Присядь, чтобы вода впиталась. Лучше всего горячая... помогает раскрыть поры и все такое. Но чего нет, того нет, так что сойдёт и прохладная.

Лаки присела, как ей было сказано, распластавшись плашмя. Она пару

раз вздрогнула от холода, но достаточно быстро привыкла. Пегасы, похоже, хорошо переносили холод.

— Как часто это вообще надо делать?

— Каждый день. Ну... эту и следующую часть. Но когда ты занимаешься этим часто, то все получается быстро и просто. Намылить, очистить, охорошить. Так говорила моя мама. Теперь... последний шаг.

Даст махнула крылом, и Лаки подвинулась, встав боком к краю и выставив крыло наружу.

— Теперь ты ведёшь головой вдоль крыла, ища перья, которые не на месте. Подталкивай нижние обратно на место под верхними. И если одно из них сломано... — пегаска сжала зубы, и Лаки почувствовала короткую, острую боль. Кобылка отдернула крыло назад, оставив ярко-жёлтое перо во рту Лайтнинг, с несколькими каплями крови на конце. Даст выплюнула его, а затем нетерпеливо махнула крылом снова. — Дёргай резко, так быстро, как только сможешь. Если перо сломано, твоё тело уже хочет избавиться от него. Замена уже пытается вытолкнуть его. Ты просто помогаешь и заодно избавляешься от места, где могут завестись отвратительные вещи.

Лаки стиснула зубы и снова вытянула крыло. Последовало ещё несколько болезненных рывков, и все в тех местах, где зуд был сильнее всего. Но теперь, после холодной воды и без сломанных перьев, крыло уже чувствовало себя лучше.

Остальной процесс был не такой уж болезненный. Ей пришлось стоять так близко к Лайтнинг, что она могла чувствовать сердцебиение кобылы рядом со своим, почти такое же быстрое, несмотря на её больший возраст. Кобылка чувствовала идущий от пегаски запах, который давно превратился в её мозгу из «скотного двора» в «безопасный». Что бы ни делала Даст, крыло быстро перестало болеть, и она снова почувствовала себя комфортно. Пегаска двигалась по прямым линиям от основания крыла до кончика, поправляя перья при каждом движении ртом.

Уши Лаки от смущения прижались к голове — ей было неловко за подобное, точно так же, как в первый раз, когда она принимала здесь ванну. Но раздражение Лайтнинг исчезло, и она не выказывала смущения.

— Вот, — наконец сказала она. — Опустит это крыло обратно, дай ему немного пропитаться.

Лаки так и сделала, зашипев от боли, когда коснулась холодной воды. Маленькие ярко-красные завитки появились в воде, прежде чем раствориться.

— Я... сломанная?

Даст усмехнулась, успокаивающе коснувшись её плеча крылом.

— Нет, милая. Именно так происходит, когда долго откладываешь уход за крыльями. Все не так больно, когда делаешь это каждый день. Я должна была сама догадаться... этот запах должен был откуда-то исходить. Но теперь ты знаешь.

Пегаска кивнула в сторону другого крыла.

— Когда твоё левое перестанет болеть, я буду сидеть и смотреть, как ты справляешься с правым. Я насчитала... всего три сломанных пера с той стороны. Я знаю, что ты сможешь это сделать.

«Я хочу, чтобы ты это сделала», — хотела сказать Лаки.

Но вместо этого она подняла голову над краем бассейна, а затем попыталась сделать то, что заняло у Лайтнинг Даст всего несколько минут. Теперь кобылка могла понять, почему мытье крыльев была важным первым шагом, учитывая, что все приходилось делать ртом. Она могла только представить, насколько хуже были бы перья на вкус будучи грязными. Но, несмотря на это, её крылья и шея были достаточно гибкими, чтобы задача была достаточно лёгкой. В этом было что-то инстинктивное. После того, как Лаки посмотрела, как Даст это делает, ей казалось, что она все поняла.

— Неплохо, — Лайтнинг указала на крыло. — Ты пропустила... здесь, в конце.

Она наклонила голову, сама поправляя перья.

— Там легко не заметить — некоторым пони даже плевать на них, так как они всё равно всегда выбиваются, когда летаешь. Но это профессиональный способ охорашиваться, — Даст выпрямилась, взяв с полки маленький контейнер. — Теперь, поскольку мы обезжирили крылья, ты должна натереть их воском. Он, конечно, и сам выделяется, но... эта штука лучше. Профессионалы специально убирают воск перед выступлениями и всё такое. Но мы прибережём это на тот случай, когда твои крылья будут совсем в плохой форме, типа как сегодня.

— Я смогла... на самом деле сделать это, — сказала Лаки, как только воск был нанесён, и её крылья заблестели. Остался только слабый зуд в тех местах, которые мучили её раньше, и он уже утихал. — Я действительно сделала это.

— Естественно, — Лайтнинг Даст притянула её к себе, взъерошив крылом гриву. — Ты пегас, Лаки. Чего ты ожидала?

Г4.05: Специальная доставка

Даже сквозь стены Джеймс смогла различить знакомый звук вращающихся где-то поблизости винтов дрона. Она вскочила с того места, где занималась, не обращая внимания на бешено колотящееся сердце, бросилась к окну и окинула небо пристальным взглядом. Способность пони прекрасно видеть при дневном свете была одним из многих чудес, которые открыла для себя Джеймс с тех пор, как покинула пределы подвала, и эта способность была даже более естественной, чем полет. Не было никакой необходимости выбегать на улицу и привлекать внимание пролетающего дрона — в её доме были не настоящие окна, а скорее дыры в стене, затянутые льдом. Льдом настолько тонким, что его можно было легко разбить копытами, возникни такое желание, что, собственно, кобылка и сделала. Как только образовалась достаточная дыра, остальное рассыпалось волной осколков. Джеймс могла только надеяться, что Лайтнинг Даст не будет сильно злиться.

Дрон-доставщик мало чем отличался от тех, что доставляли посылки на Земле, — тонкий пластиковый корпус, покрытый солнечной краской с шестью мягкими пластиковыми пропеллерами. Они специально были сделаны так, чтобы сводить к минимуму «звуковое загрязнение», фокусируя почти весь шум прямо под собой. Очевидно, не весь, поскольку Джеймс его всё ещё слышала. И особенно если учесть, что пони умели летать.

«Тебя кто-нибудь видел?» — подумала кобылка, нервно наблюдая за дроном, который пролетел над её головой и приземлился на пол. Ну, приземлился — не совсем подходящее слово.

Он попытался приземлиться, но ящик с грузом, который он нёс, провалился сквозь облако, как будто его там не было, и начал проваливаться сквозь дом.

Джеймс прыгнула на него с отчаянным криком боли и разочарования, не обращая внимания на вращающиеся пропеллеры, которые оставляли неглубокие порезы и путались в гриве. Кобылка обхватила передними копытами коробку как раз в тот момент, когда пол полностью растворился, и она, кувыркаясь, провалилась на кухню. Стол, на который она рухнула, тоже был сделан из облаков, как и все остальное, поэтому, пробив и его, Джеймс почти на полметра погрузилась в пол.

Только тогда она обнаружила, что истекает кровью, из гривы вырвана пара клочков, а дрон разломился напополам. Было немного сложно вылезти обратно, прижимая одной ногой к груди доставщика, который всё ещё пищал и тщётно дёргался в электрической агонии. Джеймс выкарабкалась из своей пушистой белой тюрьмы на пол, прижимая сломанный дрон к груди, как выживший после кораблекрушения мог бы цепляться за своё плавсредство. Несколько больших кусков пластика, которые недавно были частью доставщика, соскользнули с её груди, истекая жидкостью и топорщась проводами, провалились сквозь пол и стинули.

Все это не имело значения. В копытах кобылки был зажат прочный пластиковый контейнер, такой большой, что она едва могла его удержать. Внутри был запасной комплект всего её снаряжения. Больше не воевать с бумагой, больше не нужно жить в темноте. С её вычислительным терминалом все снова будет хорошо. Джеймс вполне сможет завершить

свою миссию за несколько недель, если будет очень усердно трудиться. После этого... она будет вольна делать все, что захочет.

Она всё ещё не знала, что именно это будет, но, вероятно, это будет включать в себя жизнь с Лайтнинг Даст.

* * *

Лайтнинг Даст поняла, что что-то не так, как только вошла на фабрику. Она направилась прямо к большой магнитной доске с заданиями, как делали все работники, начиная свою смену, достав из седельной сумки металлическую карточку, которая использовалась для регистрации.

Работа на погодной фабрике Стормшира делилась на три основных направления: «Сырье», «Производство» и «Распределение». Последняя категория была, безусловно, самой престижной из всех работ для погодных пони и всегда предназначалась для самых умелых. У Лайтнинг Даст всегда было право выбора любого задания, которое она хотела, и она всегда могла найти магнит со своим именем в самом верху списка «Распределение». Куда бы ни направлялся Стормшир, она всегда возглавляла ту погодную бригаду, которая доставляла то, что они произвели.

И всё же в верхней строке списка её имени не было. Его вообще не было на доске. Её даже не было в списке стажёров, где молодые пони, приезжающие на лето, наблюдали за работой на фабрике. Пегаска осмотрела пол, гадая, может быть, её магнит каким-то образом свалился, но никаких признаков этого не наблюдалось. Даст вздохнула, всё равно направившись в раздевалку. Она прошла по задней части здания, через огромные помещения, забытые техникой. Благодаря сотрудничеству племён и внедрению единорожьей магии, работа, на которую потребовались бы сотни пегасов, теперь могли выполнить полтора десятка.

В раздевалке было полно болтающих пони, каждый из которых, по крайней мере, был с ней в дружеских отношениях. Лайтнинг даже завела с парой из них короткие интрижки, но ничего такого. Даст к своим обязательствам относилась строго и старалась сохранять достоинство.

Когда она вошла, все разом замолчали. Полдесятка пони — кобыл и жеребцов, наполовину одетых в комбинезоны погодной команды, — все усталились на неё так, как будто у неё выросла ещё одна пара крыльев. Лайтнинг почувствовала, что напряглась, но ничего не сказала. Хотя она и не знала наверняка, но подозрения у неё уже были. Мысленно она приготовилась к тому, что должно было произойти дальше.

Лайтнинг Даст не собиралась всю жизнь мотаться по миру, не имея дома. Когда она, наконец, накопила немного денег, чтобы переехать в Клаудсдейл, то не думала, что когда-нибудь уедет оттуда. К сожалению, жизнь не была благосклонна к ней в этом вопросе.

«И никогда не была».

Пегаска обнаружила, что код от шкафчика не срабатывает. Она попыталась отпереть его снова, как будто ещё не знала, что будет дальше. После трёх попыток она вздохнула, повернулась к дальней двери и вышла из раздевалки, оставив шкафчик со всеми своими вещами внутри.

У погодного инспектора Стормшира был офис на верхнем этаже с широкими круглыми окнами, из которых открывался вид на небо на многие километры вокруг. Даст обнаружила, что дверь уже открыта, и

поэтому не стала утруждать себя стуком. Не то чтобы она не знала, чем это все закончится.

Морнинг Шауэрс, как всегда, сидела за своим столом, просматривая стопку расписаний погоды с наигранной небрежностью. Тем не менее, когда Лайтнинг осмотрелась, то заметила в одном из углов коричневую коробку со всеми её вещами внутри.

— Доброе утро, — сказала инспектор, наблюдая за ней. — Я полагаю, ты будешь...

— Да, можно и так сказать, — перебила её Даст. Она чувствовала, как напряглось все её тело. Она была готова к драке, даже если и не собиралась её начинать. Было легко увидеть перемену в их взглядах — теперь она была чужаком. Табун это хорошо, пока весь он не отвернулся от тебя. — Что происходит?

— Ну, э-э... — Шауэрс глубоко вздохнула, взяла со стола рядом с собой несколько сложенных листов бумаги и положила их поверх расписания погоды. Лайтнинг могла прочитать заголовок даже оттуда где стояла. «Кадет „Вандерболтов“ уволен с позором. Есть пострадавшие». Прямо под заголовком была черно-белая фотография, на которой Даст смотрела в камеру, когда офицеры Военно-воздушных сил выпроваживали её прочь. В тот день она была не особо фотогенична. — Послушай, нет безболезненного способа сказать это.

— Продолжай, — Лайтнинг уселась посреди кабинета, свирепо глядя через стол. — Я подожду. Очевидно, у меня сегодня смены нет.

Даст никогда бы раньше так не говорила со своим боссом — по крайней мере, не влив в себя предварительно литр сидра. Но она протанцевала этот танец уже три раза, и все всегда заканчивалось одинаково. Дружба с начальством никогда не помогала, так в чем же тогда смысл? Меньшее, что пегаска могла сделать, — это сделать подобный опыт как можно более неприятным и трудным для Морнинг Шауэрс. Это было просто справедливо.

— Верно, верно, — кобыла открыла статью. — Слушай, мне нужно знать, Даст. Это правда? «Экзаминаер», как известно, не любит сенсации. Если ты скажешь мне, что-то, что я здесь прочитала, не произошло или произошло не так, как тут написано...

Лайтнинг покачала головой.

— Я не знаю, что там написано. Но если там пишут, что пони пострадали, и это была моя вина, то все правда. Это единственное, о чём вы, пони, вообще заботитесь.

Последовало долгое, неловкое молчание. Шауэрс сложила потрёпанную газету. Даст когда-то задавалась вопросом, что надо сделать, чтобы собрать все экземпляры — к сожалению, это не тот подвиг, на который способен обычный пегас. Не было никакого способа избежать позора.

— Я больше не могу держать тебя в погодной команде, — в конце концов сказала инспектор. — Я не единственная, кто это видел. Кто-то раздавал копии...

— Да уж, готова поспорить, — Лайтнинг даже не пыталась скрыть горечь в своём голосе. — Я знаю, что Найдвинг обижается на меня после того, как я не пошла с ним на второе свидание. Многие другие пони... не могут летать так, как я, не могут побить меня, поэтому они говорят обо

мне за спиной и распространяют слухи. Я понимаю.

— Нет, ты не понимаешь, — Морнинг Шауэрс встала, сделав глубокий вдох. — Даст, ты же знаешь, в каком доверии нуждается погодная команда к каждому из своих членов. Я ничего не планировала делать... но никто не будет твоим напарником.

— Значит, я буду работать на фабрике, — решительно заявила пегаска. — Я могу выполнять там любую работу лучше, чем кто угодно из тех, что у вас есть. Просто скажи мне, куда меня перевели.

— Извини, Даст, этого тоже не произойдёт — ради твоей безопасности, как и нашей. Вандерболты — национальные герои. Узнав, что ты сделала, как сильно ты...

— Кадеты, — перебила её Лайтнинг, немного повысив голос. — Кадеты, которые летали так плохо, что их не взяли бы в резерв даже здесь, в Стормшире.

— Не имеет значения, — твёрдо заявила инспектор. — Дело в том, что ты опасна, и я не хочу, чтобы ты работала на моей фабрике. Ты уходишь.

Даст вздохнула. Эта часть всегда была самой худшей. В первый раз, когда её уволили таким образом, она попыталась нанять адвоката и защитить себя в суде. Было неправильно, что одна ошибка будет преследовать её всю оставшуюся жизнь, ошибка, которая даже не причинила непоправимого вреда ни единому пони. Пегаска многое узнала во время того процесса, но самым болезненным уроком было то, что они могли её уволить. Не имело значения, что все погодные пони работали на корону.

— Я не уйду, — сказала она, медленно и чётко. — Я не отказываюсь от должности.

— Так будет легче для всех пони, — заметила Шауэрс, выражение её лица стало жёстче. — Забирай свои вещи и уходи.

— Я не отказываюсь от должности, — повторила Даст ровным и решительным голосом. — Я самая результативная пони на этой фабрике. Если ты хочешь, чтобы я ушла, тебе придётся меня уволить.

Инспектор выругалась себе под нос, в отчаянии распахнув несколько своих ящиков. Мгновение спустя она вытащила блокнот и ручку.

— Ты утверждаешь, что верна, — пробормотала она, свирепо глядя на пегаску. — Но ты заставляешь меня делать это. У фабрики и так был достаточно тяжёлый квартал.

Лайтнинг пожала плечами.

— Я спасала жизни, Морнинг Шауэрс. Я приютила сироту, когда остальная часть этого ляганого города оставила её гнить в подвале. Думаю, что самое меньшее, что я заработала, — это выходное пособие, которое мне нужно для переезда.

Кобыла только хмыкнула, быстро что-то записывая на листе. Это было стандартное сообщение, в котором говорилось, что она уволена с работы и ей причитается единовременная выплата в размере не менее трёхмесячного оклада. Как Даст и ожидала, инспектор не смогла вписать сюда ни единого критического замечания о её работе.

«Но дело никогда в этом и не было, верно?»

Даст взяла бумагу с таким же свирепым взглядом, подошла к коробке и высыпала содержимое в одну из своих седельных сумок. Не то чтобы у неё

было так уж много вещей — несколько лётных костюмов, запасные очки и несколько старых плакатов. Пегаску не волновало, что она все помяла.

Лайтнинг сумела сохранить хладнокровие до выхода с фабрики, шагая с расправленными плечами и уверенно дробя копытами облака. И всё же с каждым шагом она становилась все менее уверенной в себе. Дыхание стало прерывистым, сердце учащённо билось. Почему это должно было произойти так скоро? Мэр каким-то образом был с этим связан, тут без вариантов. Но что она могла поделать?

Ничего, как обычно. Не было никакого способа поквитаться, только уйти.

«Вот только сейчас я не единственная о ком мне следует беспокоиться».

Лаки Брейк вряд ли находилась в эмоционально стабильном состоянии, почти постоянно балансируя на грани истерики. Она быстро осваивала эквестрийский, но это было, пожалуй, единственное, что в её жизни шло хорошо.

«Она не готова переезжать».

Даст остановилась перед фабрикой, глядя через весь город свой медленно дрейфующий дом.

«Может быть, ей будет лучше, если я верну её обратно».

Это было бы нетрудно. Во всяком случае, это только показало бы мэру, что он победил. Это было бы её признанием того, что она была права.

«В скольких ещё подвалах ей придётся спать, если я это сделаю?»

Это не означало, что маленькую пони будут ожидать гораздо лучшие перспективы, если она будет с Лайтнинг, куда бы она ни отправилась в следующий раз. То состояние, которым когда-то наслаждалась Даст, теперь исчезло. Лаки предстояло долгое путешествие по Эквестрии, и кто его знает, где оно закончится.

Захочет ли она этого вообще? Выслушав её историю... Было более чем возможно, что кобылка захочет остаться рядом с той силой, которая послала её, чтобы можно было вернуться, когда её миссия будет завершена. Если предположить, что хоть какая-то часть этой истории была правдой.

«Но наличие маленькой кобылки, вероятно, помогло бы мне. Пони с большей вероятностью дадут мне работу, если будут знать, что я о ком-то забочусь».

Даст покачала головой и заставила себя прогнать эти мысли, направляясь в ратушу. Она не станет пони, которых ненавидела, которые манипулировали жизнями других ради личной выгоды. На самом деле ей не нужно ничего решать. Она может дать Лаки то, что никогда не было дано ей самой: выбор. У кобылки, возможно, и не было метки, но она была достаточно взрослой, чтобы принимать решения самостоятельно.

G4.05: Политическое столкновение

Извлечение снаряжения из контейнера, который мог провалиться насквозь и растворить большинство поверхностей в доме, оказалось чрезвычайно трудной задачей. По крайней мере, пока Джеймс не вспомнила о поддёвке старого костюма. Многие из того, что Лайтнинг объясняла об этом, не имело никакого смысла. Но она поняла одну вещь: у пони был процесс обработки, который они применяли к обычным предметам, что позволяло им взаимодействовать с облаками так же, как это делали тела пони. И этот процесс уже был применён к её старому комбинезону. Исходя из этого факта, единственной трудной частью было разложить его так, чтобы можно было работать и не выпустить при этом грузовой контейнер.

Её импровизированное рабочее место выдержало вес без каких-либо дальнейших сложностей. Внутри контейнера был набор снаряжения, идентичный тому, что было у неё ранее, вплоть до мельчайших деталей. Комплект ХЕ-201 занимал большую часть места внутри контейнера, даже несмотря на то, что был переведён в режим хранения. Рядом с ним был набор седельных сумок, ещё одна поддёвка под броню, вычислительный терминал, передатчик, её электрошоковый пистолет и складная гитара, оригинал которой не был сломан или погнут силой потока движущейся воды.

У Джеймс не было причин спешить. Поэтому она не торопилась одеваться, наслаждаясь ощущением стерильной ткани на своей шёрстке. Как только она надела комбинезон, тонкие ботинки, казалось, не собирались проваливаться сквозь облака, и не цепляли кусочки пола, когда она ходила по комнате.

«Лайтнинг что-то говорила об этом, верно? В прошлый раз моя броня не проваливалась, пока её не сняли».

Возможно, это был какой-то намёк на реальный способ, которым это общество могло «зачаровывать» объекты, чтобы не разрушать субстрат их мира. Это должно было быть что-то естественное, и все, что им нужно было сделать, это применить это свойство к другим объектам.

Такие бессмысленные академические размышления больше не казались стоящими того драгоценного времени, которое стоило потратить на восстановление контакта с Предвестником.

«Спасибо тебе, Маслоу. Мы поднимаемся ещё на один уровень пирамиды».

На этот раз Джеймс ничего не оставит на волю случая. Она упаковала в седельные сумки питательные батончики и пластиковые пакеты с водой, а также компьютерный терминал и сверкающую новую гитару. Кобылка закрепила каждый ремень и пряжку, чтобы они крепко держались, и проверила все крепления, которые соединяли их с броней. Вместо того, чтобы туда же засунуть передатчик и электрошоковый пистолет, Джеймс также прикрепила их сверху. Передатчик разместился у неё на спине, ближе к крупу, а пистолет она вставила в паз на внутренней стороне правого переднего копыта.

Кобылка стояла перед единственным зеркалом в доме, маленьким квадратиком стекла, который Даст прикрепила к своему гардеробу. Глядя в него, полностью облачённая в своё снаряжение, Джеймс снова почувствовала себя исследователем.

«Это Лаки Брейк, — подумала она. — Если у Лайтнинг Даст раньше были какие-то сомнения по поводу моей истории...»

Теперь она сможет продемонстрировать ей подготовленный фильм о первом контакте или показать демонстрацию сложных человеческих концепций. Даст могла бы даже поговорить с зондом Предвестник, хотя Джеймс сомневалась, что это хорошая идея.

«Наверное, будет лучше, если Лайтнинг ещё немного будет считать, что я из какого-то места на её планете. Если пониотреагируют как люди, она может испугаться или рассердиться на меня, если узнает, что я прибыла издалека. Из очень, очень далёкого далека».

Конечно, Джеймс расскажет ей всю правду, когда будет подходящее время. Например, когда придёт время возвращаться после завершения языковой миссии для окончательного отчёта, кобылка намеревалась взять пегаску с собой. Это было бы идеальным моментом, чтобы показать ей все, если только раньше не произойдёт что-то, что потребует большей открытости.

Пока она наслаждалась знакомой тяжестью костюма, что-то громко стукнуло в дверь, так громко, что кобылка чуть не подскочила от страха. Ей потребовалось почти полчаса, чтобы надеть ХЕ-201... она не сумеет быстро его снять. Но кто мог прийти в гости? Она попятилась от двери, съёжившись в глубине кухни.

«Никого нет дома, никого нет дома, никого нет дома...»

Кто бы это ни был, он, вероятно, пришёл к Лайтнинг Даст. Они просто не знают, что она на работе, но когда поймут...

Кто-то снова постучал в дверь, на этот раз гораздо громче.

— Ваше тело испытывает физиологические симптомы, связанные со страхом. Вы в опасности? — произнёс тихий голос через ушной имплантат, тот же спокойный женский голос, который костюм использовал для всех уведомлений. — Следует ли вызвать помощь?

— Нет, — прошептала Джеймс в ответ, дрожа и уставившись на свои копыта. — Мне не нужна помощь. Это пустяки.

Дверь взорвалась, упав на пол и отправив в полет клочья облаков. Последовавший за этим порыв воздуха был настолько сильным, что кобылка отлетела к дальней стене, врезалась в неё и снова упала лицом в пол. Комнату наполнили разлетевшиеся бумаги и прочие мелкие предметы и все остальное, не прибитое гвоздями. Броня прекрасно держалась вместе, ничего не отпало и не провалилось сквозь пол, так же она поглотила основную часть удара, так что Лаки быстро встала.

За дверью стояла пара пони, одетых в одинаковые доспехи из полированной бронзы. Оба были взрослыми жеребцами, с подозрительными взглядами и копытами, небрежно лежащими на боках.

Между ними стоял ещё один, выше охранников и без доспехов. Его крылья всё ещё были широко расправлены, как будто каким-то образом именно он был ответственным за взрыв, который сорвал дверь с петель. У жеребца не было оружия, только ярко-золотистый жилет с официальной печатью на том месте, где на человеческой одежде должен был быть нагрудный карман.

Пони вошёл в разгромленную гостиную Лайтнинг Даст, обратив взор на кобылку.

— Привет, — сказал он, пристально глядя на броню Джеймс голодным взглядом. — Ты сирота по имени Джем Ир Вин, да?

Жеребец сделал ещё один шаг вперёд.

— Nun estas la tempo por iri.

Кобылка вздрогнула и попятилась от жеребца. Она и так уже стояла у дальней стены, так что у неё оставалось не так уж много места для маневра. Все облако целиком было всего около пятидесяти метров в поперечнике, и она не могла летать. ХЕ-201 мог стыковаться с экзоскелетом, обеспечивающим дополнительные возможности перемещения, в том числе полёта, но её никогда не учили им пользоваться. Джеймс не была солдатом.

— Нет, — сказала она, заставляя себя посмотреть в лицо жеребцу. — Я живу с Лайтнинг Даст. Я не уйду без неё.

Кобылка была немного горда тем, насколько связными были её фразы, и почти без акцента. Общение с Даст сильно помогало в развитии разговорных навыков.

— Я tima, ke via zorganto malukcesis renkonti la standardan nivelon de zorgo. Лайтнинг Даст не та пони, которой можно fidata заботу о la malfortunan жеребёнке. Снаружи ждёт колесница, и эти два милых стража заберут тебя и доставят нас вниз в Эпплузу. У тебя есть aliajn ajn apartenaĵojn? Кроме этого... очень interesa kostumo via jama kapo...

Жеребец продолжал идти к Джеймс, заставляя ту продолжать пятиться. Вход в доме был только один, а её прижали к дальней стене, деваться было некуда и пони все приближался.

Кобылка подавила всхлип, хотя это было нелегко. Ей потребовались все её силы и выдержка, чтобы не развернуться и не попытаться сбежать. Сердце бешено колотилось, дыхание было резким и поверхностным, мир начал плыть перед глазами.

«Все было прекрасно, все было идеально! Я училась, у меня было безопасное место, был кто-то, с кем приятно общаться, это не может так закончиться!»

Ей достаточно было одного взгляда в глаза этого жеребца и становилось понятно, что он не позволит ей ничего оставить себе. Он был точь-в-точь как та кобыла, которая приходила раньше, та, что с рогом. У этого, возможно, и были крылья, но у него был точно такой же символ на жилетке — стилизованный амбарный замок цвета ржавчины на золотом фоне. Он отберёт все её оборудование в тот же день, когда Джеймс получила его обратно, и отошлёт её подальше от единственной пони, которая знала, где её изначально нашли. Без оборудования Лайтнинг Даст могла оказаться единственной инопланетянкой, которая могла бы помочь ей вернуться к зонду.

«Я должна добиться успеха. Если они утащат меня и я пропаду, зонд просто создаст нового меня. Все будет так, как будто меня и не существовало».

Джеймс не могла этого допустить.

— Отойди! — крикнула она, крылья напряглись под броней. Кобылка стояла так прямо, как только могла, подняв правую ногу от пола и направив её на жеребца. — Я никуда не пойду, пока Лайтнинг Даст не скажет, что все в порядке! О-отойди от меня!

Жеребец замер, не сводя глаз с её ноги. Или, точнее, с пистолета, прикреплённого к броне, и который теперь был направлен прямо ему в лицо. Джеймс могла видеть его глаза и чувствовать запах внезапного страха.

«Он знает, что такое пистолет».

Снаружи послышалась какая-то возня, и один из охранников отступил в дверной проем. Раздался приглушённый разговор, за которым последовал знакомый голос.

— Нет, мне насрать с облака, кто тебя послал, ты стоишь в моем доме!

Жеребец повернулся, уставившись на дверной проем, в то время как другой охранник пытался загородить его своим телом. Толку от этого было мало — Лайтнинг Даст, возможно, и была меньше, но упорства у неё было как у твердотопливного ускорителя. Охранник, спотыкаясь, отлетел в сторону, выронив при этом копье. Оно провалилось прямо сквозь облачный пол, сгинув вниз.

Стражник уже поднимался на копыта, и казалось, что его товарищ снаружи вот-вот прыгнет пегаске на спину. Джеймс всё ещё не двигалась. Благодаря приводам, встроенным в броню, она держала поднятую ногу совершенно неподвижно, хотя внутри костюма все её тело дрожало. Всё равно с её стороны требовалось обдуманное, чётко выверенное движение, чтобы на самом деле выстрелить из пистолета.

— Стоять! — воскликнул жеребец, его тон был одновременно испуганным и настойчивым. — Не трогайте её!

Охранник заколебался, слегка наклонив голову, но Даст только выпрямилась, удовлетворённо кивнув.

— Именно так я и думала. Как насчёт того, чтобы вы, вонючие алмазные псы, убрались из моего дома, пока я не вызвала шерифа?

Пегаска обвела взглядом комнату, оценивая ущерб и продолжила с едва сдерживаемой яростью в голосе.

— Может быть, я и не стану заявлять на вас за все это, но только если ваши мерзкие крупы...

Жеребец прервал её.

— Мисс, ваша... кобылка не знает, во что она одета. Она *alsultriganta dangëran armilon* на меня.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Джеймс.

— Пожалуйста, опусти ногу, милая. Аккуратно и медленно... ты *ne devus esti portanta tion...* Это *sufiçe dangëra*. *Tro dangëra* для такой милой маленькой кобылки как ты... вот так...

Джеймс опустила ногу, радуясь, что ей не пришлось делать то, что она собиралась. Оглушающий пистолет не причинил бы пони никакого непоправимого вреда, что правда, то правда. Но если бы ей пришлось напасть на них, чтобы сбежать, и правительство смогло бы каким-то образом связать это с исследователями... Да уж, дипломатам пришлось бы попотеть после подобного.

— Хорошо, — жеребец глубоко вздохнул. — Пожалуйста, не делай этого снова.

Он отвернулся от кобылки, свирепо уставившись на Лайтнинг Даст.

— Эквестрийская Служба опеки *jam* позаботится *la aferon* этой кобылки, мисс Даст. *Ni aprezas la efikon de via volonta servo...* но это *ne plu is*

necesa. Vi ja komprenas почему так происходит. Пони с вашими, э-э-э... specifa pasinteco... fidita por doni kvalitan prizorgon для юных пони. Просто посмотрите на неё.

Он махнул крылом.

— Я supozanta вы даже не знаете во что она сейчас одета, верно? Она может уже venenita jam. Или если она не пострадала, ŝi povus mortigi кого-нибудь. Imagu la psikologian damaĝon, kiun ŝi suferos, sciante ke ŝi akcidente ŝtelos la vivojn de poneoj! Жеребята страдали всю жизнь и от меньшего.

Лайтнинг Даст прошагала через комнату, протискиваясь мимо жеребца, пока не оказалась прямо рядом с Джеймс. На её лице было замешательство и едва сдерживаемое любопытство, но она ничего не спросила, к большому облегчению кобылки.

— Это здорово, — сказала Даст, не сумев сдержать сарказм. — Но меня больше интересует, что думает Лаки. Если она хочет пойти с вами... тогда это одно дело. А если нет...

— Она жеребёнок! — возмущённо закричал жеребец. — Она не знает, что для неё лучше! Конечно, она захочет остаться с тем, кто traktis ŝin bone — она даже не знает, что только что произошло.

Тон жеребца немного остыл, и Джеймс увидела насмешку на его лице.

— Фабрика уволила тебя, верно? Никто в городе не найдёт такую пони, как ты, Лайтнинг Даст. Если бы она знала, что ты натворила...

Джеймс не испытывала ни малейшего любопытства по этому поводу. Может быть, приди этот пони в нормальное время и прояви хоть какую-то доброту... Но, учитывая бардак, который он устроил в доме Лайтнинг, учитывая то, как он смотрел на неё и всё ещё явно намеревался отобрать у неё все её вещи...

— Мне всё равно, что сделала Даст, — заявила кобылка. — Она не врывалась в мой дом и не пыталась украсть меня, даже не спросив. Когда я была расстроена тем, что мои вещи пропали, она пошла и нашла их. Пошла и нашла!

Джеймс сделала шаг вперёд и прижалась к ногам пегаски. Она не могла чувствовать успокаивающее тепло через броню, но ей и не нужно было. Сообщение было достаточно ясным.

— Ты не понимаешь, — настаивал жеребец. — У неё нет работы. Она не сможет vivteni vin plu. С точки зрения aspekto de ĉi tiu domaĉo, ŝi nur apenaŭ arogantas vin. Выглядит так, словно она вырыла в облаке яму и назвала это домом.

Охранники похихикали над этим. Даже сквозь броню кобылка чувствовала, как напряглась Лайтнинг. В воздухе внезапно появился какой-то странный запах. Джеймс не мог точно определить, что это было, но исходил он от пегаски.

— Он прав, — сказала кобыла. — Я только что потеряла работу. Мне придётся переехать, как я всегда делала. Куда-нибудь достаточно далеко, где никто не знает моего имени. Если ты останешься со мной, тебе тоже придётся уехать.

Джеймс пожала плечами, оглядываясь на коммуникатор, прикрепленный в задней части брони, и сделала глубокий вдох.

— На самом деле не имеет значения, где я живу. Я хочу остаться с тобой. Жеребец закатил глаза.

— Боюсь, punkto estas dubinda. Мои instrukcioj venas rekte de Службы опеки, мисс Даст. Жеребёнок отправится со мной, нравится ей это или нет.

— Или, — ответила Лайтнинг, почти крича, — вы все валите прямиком в Тартар, со сломанными крыльями и сухим небом весь путь дотуда! Я знаю, что такие, как ты, любите делать с жеребятами, как никто другая, и я не позволю тебе сделать это с ней!

Охранники напряглись, пересекли комнату и встали по обе стороны от жеребца. У одного больше не было копья, а другой даже не стал его снимать. Но даже в этом случае они представляли собой внушительную стену мускулов и сердитых взглядов.

— Я не думаю, что ты понимаешь, — сказал жеребец, его голос был по-прежнему спокойным и невозмутимым. — Кобылка идёт со мной. Либо ты убираешься с дороги, и мы делаем все ĝentile, аŭ unu el miaj gardistoj tie povas alporti vin al la policejo dum mi tiris la ĉaron anstataŭ li. Я бы предпочёл этого не делать... it's teda laboro je la plej bona el tempoj. Но если ты меня заставишь...

Он не успел договорить. Джеймс подняла ногу одним плавным движением, чувствуя, как вибрируют сервоприводы, когда костюм помогал ей целиться. Она выстрелила, слегка дёрнув копытом, и воздух наполнился коротким шипящим разрядом. Мгновение спустя жеребец упал на пол, дёргаясь и корчась в конвульсиях. Один из охранников потянулся за копьём, и кобылка выстрелила и в него. Третий был на полпути к двери, прежде чем, дёргаясь, рухнул на пол.

Слабое облачко газа поднялось от ствола пистолета, когда Джеймс опустила копыто. Её сердце всё ещё колотилось как бешеное. Адреналин, по крайней мере, прогнал страх.

Даст искоса посмотрела на неё, переводя взгляд с дёргающихся тел на её ногу. Пегаска медленно прижала крылья к бокам и расслабилась.

— Это была не случайность.

Джеймс помотала головой.

— Это был не вопрос, — пауза. — Ты их...

Лайтнинг протянула ногу и ткнула жеребца кончиком копыта. Тот застал в ответ, откатываясь в сторону.

— Ох, слава Селестии.

— Я не знаю, о чём он думал, — Джеймс повернула свою ногу в сторону, поднимая её так, чтобы Даст могла ясно видеть оружие. — Я лингвист. Это оружие не может убивать. Оно только причиняет кому-то сильную боль, чтобы он не мог двигаться. Через час они будут в порядке. Хотя это может вызвать... потерю кратковременной памяти. Я не знаю точно как это вещество будет взаимодействовать с биохимией вашего мозга.

В конце, похоже, она перешла на английский, как делала всегда, когда её разум искал слова на эквестрийском и не находил.

— Но они будут в целом в порядке.

— Хорошо, — пегаска переступила через них, направляясь к двери. — Я надеюсь, ты была уверена в своём решении, Лаки. Потому что после такого... что ж, нам пора. Я planis moviĝi eksteren sekvase majne, post serĉi aĉetanton pro la domo, но... сейчас на это нет времени. Забирай свои вещи сверху. Мы переезжаем.

Прошло почти два месяца с тех пор, как Джеймс чувствовала твёрдую почву под ногами. Когда они наконец приземлились, кобылка практически рухнула со спины Лайтнинг, расставив копыта и обняв землю, как старого друга. Пегаска закатила глаза и пробурчала под нос что-то неразборчивое. Даст потребовалось повторить фразу несколько раз, прежде чем Джеймс наконец подняла глаза.

— Поскольку ты не умеешь летать, нам нужен *kapti trajnon*. Додж-Джанкшн близко, *malmulta distanco*, если мы поторопимся. Не знаю, было ли с пони, которые пришли за тобой, все серьёзно или нет... Я уже потеряла счёт *kiu princino donas aŭtoritaton*. Но нам нужно убраться подальше отсюда. Хочешь поглядеть на Кристальную Империю?

Чего Джеймс действительно хотела, так это умолять отправиться им обеим на базу, выкопанную Предвестником. Это шло вразрез с задачами её миссии — жизнь среди пони сделала бы изучение их языка намного проще, чем общение с одной единственной. Но кобылка знала, что власти могут разыскивать её, знала, что она только что напала на кого-то, поэтому ей пришлось напрячься, чтобы не начать просить отвести её в безопасное место.

Она с некоторым трудом, но подавила это желание.

— У вас есть империи? — Джеймс поднялась с земли, отряхивая грязь со своей брони. — Я думала, Эквестрия — это монархия.

Лайтнинг проигнорировала этот вопрос.

— Тебе нужно снять свою броню. Пони в Додж-Сити *tradicia*, *ili reagos tre* странно, если увидят что-то подобное. Старые земные пони, типа них, иногда *ofendata*, если ты вообще надела что-нибудь в твоём возрасте, но, надеюсь, мы сможем *eviti ilin*. — пегаска потянулась назад, сняла со спины пластиковую коробку и поставила её на землю перед кобылкой. — Ты же её отсюда достала, верно?

— Да.

Джеймс отщёлкнула замки на пустой коробке, прежде чем снять седельные сумки со спины и начать раздеваться. Броня состояла из трёх основных сегментов, и каждый из них можно было снять по отдельности. Но даже с учётом этого, без рук задача облачиться в неё или снять была не слишком простой.

— Из чего это сделано? — спросила Даст, глядя на кобылку сверху вниз.

— Из вещей, для которых у тебя нет названий, — ответила Джеймс. — Они очень прочные. Их нельзя прорезать, и они остановят пули...

Она вышла из ботинок, прежде чем нажать на кнопку, которая заставила их сложиться. Различные сервоприводы и двигатели жужжали и лязгали в течение нескольких секунд, пока костюм не сложился в компактную форму. Джеймс подхватила его зубами и положила в коробку, повторив то же самое с передатчиком и пистолетом, прежде чем закрыть его. Седельные сумки остались снаружи, кобылка сунула голову внутрь и зубами затянула ремни потуже. Сумки были сделаны так, чтобы их можно было носить даже без брони, хотя наличие крыльев они не учитывали, так что уже через несколько секунд сумки начали раздражать.

— Я видела единорогов, которые магичили как ты, — Даст подняла коробку и вернула её поверх своих седельных сумок. Ей удалось пристегнуть её, даже не поворачиваясь полностью, используя комбинацию рта и крыльев. — Но я никогда не видела, чтобы пегас *ĵeti tian impresan sorĉon*. Было слегка похоже на погодную магию. Это была молния?

— Вроде того, — признала Джеймс, подходя и становясь рядом с Лайтнинг. — Хотя мне не нравится слово «магия». Это механизм. Как рычаг, или шкив, или... любые другие механизмы, которые есть у вас, пони. Я мало что знаю о том, как вы живёте, но... дело в том, что тут нет ничего сверхъестественного. Вы могли бы создавать точно такие же механизмы, если бы знали, как это делается.

— Не я, — Даст закатила глаза. — Я не яйцеголовая. Но, думаю, я понимаю, что ты имеешь в виду. Те... пони, которые послали тебя... они сделали для магии единорога *kiel kion ni faris kun vetero*. Единорог зарядил твоё... оружие... и как только он это сделал, любой пони может им пользоваться. Верно?

— Э-э... близко, я полагаю, — кобылка пожала одним плечом. — Я тоже не яйцеголовая в отношении машин. Я хорошо разбираюсь только в языках. Я не знаю ни астрономии, ни биологии, ни даже математики. Только основы, которые всех заставляют выучить. Наверное, я рада, что туда включили умение стрелять.

Хотя и не очень хорошо. Она, вероятно, промахивалась бы все время, если бы не костюм, помогающий целиться.

Пока они шли, Джеймс видела быстрый переход от неосвоенной пустыни к чему-то более цивилизованному. Вдалеке виднелись фруктовые сады, зелень деревьев неуместно контрастировала с коричневым и бурым цветом остальной пустынной флоры. Пот стекал по её гриве и ногам, и она поймала себя на мысли, что зря сняла костюм.

Пройти сотни километров пешком в броне не было большой проблемой, но без костюма преодолеть даже небольшое расстояние по такой жаре было трудно.

«Интересно, другие виды пони лучше приспособлены к жизни на земле?»

Она до сих пор не встретила ни одного представителя «земных пони». Единственная кобыла-единорог, которую она видела, казалась ещё тоньше и стройнее, чем пони-пегасы.

Джеймс обнаружила, что её мысли ходят по кругу, пока они шли, испытывая облегчение от того, что, по крайней мере, Даст давала ей возможность подумать.

«Кто-то хотел забрать меня от Лайтнинг. Кто-то, кто знает о людях больше, чем любые другие пони. Недостаточно, чтобы понять разницу между шоковым пистолетом и чем-то более смертоносным, но достаточно, чтобы, по крайней мере, узнать оружие, лишь его увидев».

Пони, сопровождавшие жеребца, были одеты как Солнечные Стражи. Точь-в-точь как на картинках в учебнике. Как много туземцы на самом деле знали о ней?

«Похоже, он думал, что я в это все вляпалась по ошибке. Это, вероятно, означает, что они не знают о бионосителях».

Кобылка подняла глаза, прочищая горло.

— Э-э-э... прости, Лайтнинг Даст...

Голос был запыхавшимся. Ей хотелось пить, но не настолько, чтобы остановиться, воевать с седельными сумками и достать пакет с водой.

Пегаска посмотрела вниз, её глаза немного потускнели от жары. Груз на спине, вероятно, тоже не помогал — седельные сумки Даст уже были полны, прежде чем она привязала снаружи огромный пластиковый ящик. Костюм и все снаряжение Джеймс весили килограммов двадцать, если не больше.

— Да, Лаки? Мы почти на месте, если ты об этом хотела спросить. *Tiuj ĉerizarboj* это где *urbo komenciĝas*.

— Не это, — кобылка колебалась ещё несколько секунд, задаваясь вопросом, не совершает ли она ошибку, но всё равно решила спросить. — Те, кто ищет меня... кажется, они что-то знают. Ты когда-нибудь слышала о... существах... посещавших Эквестрию раньше? Может быть, за последние пять лет или около того?

Лайтнинг Даст остановилась так резко, что Джеймс чуть не врезалась в её задние ноги. Она отвернула в последнюю секунду и сумела устоять, не свалившись.

— Да, — ответила пегаска, глядя вперёд на город вдалеке. — Предположительно, они посетили Додж Джанкшн. Что-то...

Она замолчала, качая головой.

— По-видимому, здесь произошло что-то на самом деле плохое. Та единорог, которая навещала тебя в больнице, она сказала мне, что... вещи, как те, что у тебя, могут навредить пони. Сделать их больными. Некоторые даже умерли. Она говорила правду?

— Нет! — воскликнула Джеймс, прежде чем потратить время на обдумывание ответа. — Ну, э-э-э... они не должны этого делать. Некоторые из наших устройств работают на... опасном топливе. Все полностью безопасно, если не вскрывать корпус. Но если его сломать, то и правда можно сильно заболеть.

— Это... немного похоже на то, что она сказала, — выражение лица пегаски помрачнело. — Она сказала, что пони болевают, и никто не знает, как их вылечить. Мы ведь не заболеем, правда, Лаки?

Джеймс снова замотала головой.

— Нет, не заболеем. Вот почему мне пришлось запросить новое снаряжение. Я скинула старый коммуникатор с облака, пока тебя не было, чтобы мы остались здоровы.

— О, хорошо, — Даст расслабилась. — Я не доверяю принцессам так, как раньше, но я не хочу помогать *monstroj invadi*. Ты же здесь не для этого, верно?

Затем она повернулась, наклонилась и положила одно копыто на плечо Джеймс, удерживая её на месте.

— Скажи мне правду, Лаки.

Опять же, не было никакой необходимости колебаться, и с её стороны не было и следа нечестности.

— Нет, конечно, нет!

Не то чтобы Джеймс точно поняла, о чём говорит пегаска. Но судя по тону, это должно быть что-то плохое.

— Мы пришли сюда, потому что хотели подружиться с вами, вот и все. Мы хотим узнать, как живут пони, может быть, поделиться некоторыми из наших открытий, чтобы вам не пришлось идти путём проб и ошибок, как это сделали мы. Честно говоря, это так... для меня невероятно, как много у нас общего. Большинство теорий, которые я изучала о том, на что была бы похожа инопланетная жизнь, предполагали, что вы, вероятно, зависели бы от целого набора чувств, которых у нас нет. Вы могли бы быть настолько чуждыми, что мы даже не распознали в вас жизнь или наоборот. Но вот вы здесь, используете язык с существительными, глаголами и прилагательными, строите... — кобылка остановилась, глядя вперёд. — Настоящий город Старого Запада... и создаёте правительство, достаточно знакомое, чтобы его можно было распознать.

— Я не понимаю, — в голосе Даст послышалось облегчение, но не сильное. — Разве заводить друзей не особенность пони? Ты сказала, что вы не пони. Я встречала драконов, грифонов и минотавров раньше, и они далеко не так сходили с ума от этой идеи, как мы.

Джеймс потребовалось ещё несколько секунд, чтобы переварить услышанное. Она продолжала смотреть на здания, которые виднелись между деревьями, — двухэтажные, все из знакомого дерева, с заборами, вывесками и всеми прочими атрибутами, которые можно было ожидать увидеть в городке Старого Запада. Оттуда доносились крики, звон металла и запах еды. И настоящей еды, а не просто сена, приготовленного как-то иначе.

— Мы не... одержимы идеей заводить друзей, — сказала она. — Но это приятно делать.

Кобылка указала на небо одним крылом.

— Мы долго искали, Лайтнинг Даст. Предполагая, что, может быть, мы одиноки. Может быть, условия для зарождения жизни были настолько редки, что это никогда больше не повторилось.

Пегаска притянула её к себе одним копытом, обняв крылом.

— Я опять ничего не понимаю, мелкая. Ты врёшь, если не считаешь себя яйцеголовой... Может быть, у пони просто другие стандарты умности там, откуда ты родом. Все, что мне нужно знать, это то, что вы пришли не для того, чтобы причинять кому-то вред. La aŭtoritatoj estas opiniataj, как обычно. Ты просто хотела завести друзей, а они облажались. Готова сотню бит поставить, что они так напугались, что сами напали, и это их propra stulta kulpo, что poneoj malsaniĝis, — она отпустила Джеймс, и они вместе снова пошли в сторону города. — Пошли глянцем, когда следующий поезд. Надеюсь, ты не рассчитываешь на комфорт — мы поедем на нем, даже если это portanta kargon aŭ poŝto. Может быть, я смогу найти тебе несколько умных пони твоего возраста в Кристальной Империи. Домашнее обучение estas moĝosa kaj ĉiu, но... Бьюсь об заклад, ты бы училась быстрее, если бы у тебя была целая библиотека, а не одна книга с ĉiuj raĝoj falantaj eksteren.

— Да, — кобылка поморщилась, подумав о старом потрепанном учебнике, спрятанном в её седельных сумках. Большая часть страниц разбухла от влаги, а на некоторых чернила размазались. Переплёт разваливался от многих, многих прочтений, и в некоторых местах под её пометками было не разглядеть оригинальный текст. — Так и есть.

Теперь они были достаточно близко, чтобы можно было увидеть группу пони, наблюдающих за ними. Вишнёвые деревья давали освежающую

тень, отчего становилось легче дышать. Не то чтобы ответы пегаски заставили её почувствовать себя намного лучше.

Какой бы лестной ни была иллюзия, Джеймс ни на секунду не предполагала, что она была первой попыткой зонда. Начинать полагалось с полных экипажей людей, собранных из разноплановых специалистов и, вероятно, с военной поддержкой. Что они успели натворить в Эквестрии? Что ещё более тревожно, чего реально надеялся достичь зонд, отправив команду всего из одного члена за шестьдесят километров в теле ребёнка?

Когда у неё будет минутка уединения, можно будет просто спросить, но кобылка не была уверена, что поймёт ответ, который получит. Предвестник не был личностью, и нельзя было сказать, что он вообще был разумен. Зонд мог только следовать своим основным директивам и реагировать на стимулы.

«Какие стимулы заставили его захотеть напечатать меня?»

* * *

Лайтнинг Даст всегда могла определить, когда что-то было не так. Это был талант, на который она полагалась даже больше, чем на свой особый талант, с тех пор, как её выперли из Вандерболтов. Пони в группах всегда действовали одинаково предсказуемо, точно так же, как облака. И точно так же, как с облаками, она могла сказать, когда там зарождается молния.

Даст вошла в Додж-Джанкшен, расправив плечи и с дружелюбным выражением лица, готовая встретить любого пони, который хотел поговорить, со своей обычной маской вежливости. Только когда они прошли через вишнёвый сад и вошли в город, она заметила, что пони пялятся на неё. Пони, проходившие по улице, останавливались, разинув рты. Несколько жеребят завизжали и поскакали прочь так быстро, как только могли, их крики смешивались и было непонятно о чём они орут. Несколько пони поспешили прочь с преувеличенной беспечностью, оборачиваясь, чтобы взглянуть на них, когда думали, что Лайтнинг не смотрит.

Нет, не на них. Пони Додж-Джанкшн, казалось, почти не замечали Даст. Каждый из них смотрел только на Лаки.

— Ч-что происходит? — прошептала кобылка ещё более застенчиво, чем обычно. — Почему все так напуганы?

Пегаска только притянула её немного ближе одним крылом.

— Я разберусь с этим, — сказала она. — Я все решу. В любом случае, мы достаточно быстро выберем из города.

Они были уже на полпути к железнодорожной станции. Даст уже видела билетную кассу и большую вывеску с маршрутами и расписанием, вывешенную над ней. Однако точное время разглядеть ещё не получалось.

— Извините, мэм, — произнёс мужской голос, медленный, методичный и протяжный. Хотя, честно говоря, для Лайтнинг почти все пони звучали так, как будто они говорили медленно. Она остановилась, слегка повернувшись, чтобы видеть говорившего. Коренастый земной пони со звездой шерифа в качестве метки, выше её ростом, с верёвкой на поясе и широкополой шляпой. — Меня зовут Лонг Арм. Я не хочу вас беспокоить, но... с кем это вы путешествуете?

— Это Лаки Брэйк, — ответила Даст, улыбаясь и как будто не замечая, что весь город смотрит на них. — Моя младшая сестра. А что?

Вокруг них образовалась небольшая группа местных жителей. Не настолько близко, чтобы задержать, если они побегут, не толпа... но достаточно близко, чтобы пегаска начала нервничать.

«Если дела пойдут плохо, я, по крайней мере, смогу улететь. Возможно, придётся бросить коробку, чтобы хватило сил нести Лаки...»

Вот тебе и выбор счастливого имени. Если все и дальше будет идти как сегодня, то их, вероятно, сошлют в Тартар ещё до конца недели.

— О, ну... это просто... — жеребец отвернулся от неё, глядя на Лаки сверху вниз. Выражение его лица, казалось, немного смягчилось, когда он заговорил. — Морнинг Дью, это ты? Я не... Я сам похоронил тебя, как... почему ты такая молодая?

Лаки попятилась, мотая головой.

— Я не знаю, кто это. Меня зовут Дж... — она замолчала, собираясь с мыслями. — Я имею в виду, меня зовут Лаки Брейк, как и сказала моя сестра. Я не знаю никакой Морнинг Дью.

Даст прочистила горло, подталкивая Лаки, чтобы они снова пошли к станции. Кобылка так и сделала, а Лайтнинг шла сбоку от неё как страж.

— Извините нас, но нам нужно успеть на поезд.

Лонг Арм следовал за ними по пятам. Большая часть толпы начала расходиться, но несколько пони так же шли позади, достаточно близко, чтобы слушать.

— Она очень похожа на неё, — заметил жеребец с лёгким благоговением. — Простите нас, если пони кажутся немного... взволнованными. Твоя сестра выглядит точь-в-точь как... пони, которую мы недавно потеряли. Она выросла здесь, в городе, так что... Селестия свята, она выглядит точно так же, как Дью, когда та была маленькой. Под этими седельными сумками ведь нет метки в виде капли воды?

— Нет, — ответила Даст, откидываясь назад, чтобы одним крылом приподнять сумки с бедра Лаки. — У неё ещё нет метки. Должно быть, это просто совпадение. Жёлтый и синий — не самые редкие цвета для пони. Как ты и сказал, эта... Морнинг Дью не была кобылкой. Эта другая пони.

— Как скажешь, — жеребец отступил на несколько шагов, уходя с пути. Когда он это сделал, самые настойчивые из толпы тоже разошлись, хотя многие из них всё ещё следовали за ним. Бедная Лаки смотрела на все вокруг, слегка дрожа от страха и вообще притворяясь, что боится всего и вся.

Они добрались до железнодорожной станции всего с десятком или около того пони, следовавших за ними, многие из которых нашли себе другие занятия. Лайтнинг Даст подошла к кассе и на мгновение потеряла Лаки из виду, поскольку ругалась с кассиром по поводу бронирования билетов на следующий поезд, идущий на север. Это был не пассажирский поезд, и большинство пони, которые продавали билеты, похоже, не понимали, насколько сильно железнодорожная индустрия жаждала получить свои биты. К тому времени, как пришёл менеджер и пегаска снова объяснила, чего хочет, выяснилось, что кобылка исчезла.

Эквестрийские города были самыми безопасными в мире, а пребывание на земле означало, что жеребёнок не сможет найти, куда упасть. Но пони из Додж-Джанкшн вели себя так странно...

Её беспокойство было напрасным. Лаки отошла всего на несколько шагов, к вокзальной доске объявлений. Она смотрела на что-то, написанное на ней так же пристально, как смотрела на свой учебник эквестрийского.

Лайтнинг Даст не считала себя хорошей читательницей, но даже она могла разобрать простые слова, напечатанные на листовке, прикреплённой к самому центру доски. Объявление было написано простыми чёрными чернилами на белой бумаге, настолько резко и уродливо, насколько это было возможно, чтобы привлечь внимание проходящих мимо пони.

Даст мягко положила одно крыло на плечо Лаки, заставив её вздрогнуть и резко выпрямиться, испугавшись.

— Стоп-стоп, полегче, малышка. Я просто хотела сообщить, что купила наши билеты. Поезд должен пройти через десять минут. Нам придётся поторопиться, пока они разгружают почту.

Лаки вела себя так, будто даже не слышала её.

— Ч-что... что там написано, Лайтнинг Даст? Я не могу прочитать некоторые из этих слов...

Пегаска читала, изо всех сил стараясь не выдать, как ей это было трудно.

Замечен монстр в Додж-Джанкшн.

Предупреждение от Солнечной Гвардии её величества.

В окрестностях города замечены опасные существа. Если вы увидите таких животных, пожалуйста, немедленно сообщите о них ближайшему представителю власти. Если что-то увидел - сообщите.

Не стань ещё одной жертвой.

Она подняла глаза на рисунок.

— Это ещё почему? Эта штука не очень-то похожа на монстра. Ни когтей, ни клыков...

— Я рада, что ты так думаешь, — очень тихо ответила Лаки. — Я просто хотела бы знать, откуда пони знают о них.

— Потому что они убили тебя, — голос прозвучал так тихо, что сначала Даст даже не поняла, что говорит кто-то другой. Пока не посмотрела вниз и не увидела крошечную фигурку, стоящую прямо за колонной и смотрящую прямо в лицо Лаки.

Пони была так похожа на неё, что Лайтнинг пришлось моргнуть, уставившись на пару пони с почти одинаковой окраской шерсти. Но у второго пони была фиолетовая грива вместо голубой, и через несколько секунд пегаска почувствовала его запах. Жеребчик, а не кобылка, с меткой в виде трёх капель воды с сердечками на них.

— Я-я не знаю... — пискнула Лаки, со слезами, текущими по щекам. — Я не т-та, за кого ты... ме-меня принимаешь.

Жеребёнок проигнорировал слова, придвинувшись ещё на несколько шагов. Его глаза тоже были другими, зелёными вместо фиолетовых. Он тоже был пегасом, хотя у него было немного более плотное телосложение, характерное для детей земных пони и пегасов.

«Они выглядят как родственники, — подумала Лайтнинг. — Слишком похожи, чтобы быть совпадением. Но зачем Лаки врать?»

И не только это, но и больница нигде не смогла найти никаких записей о кобылке, соответствующей её описанию. Если бы кто-то пропал в Додж-Джанкшн, там наверняка узнали бы об этом. Власти могли быть небрежны, но никогда не были настолько умышленно некомпетентны.

— Ты даже пахнешь, как она, — произнёс маленький жеребёнок, подходя прямо к Лаки и прижимаясь к ней со всей невинностью ребёнка. — Что с тобой случилось, мама?

— Я не твоя мама! — пискнула Лаки со слезами на глазах, отступая, пытаясь спрятаться за Даст.

Та с радостью помогла, прикрыв кобылку крылом.

«Что, во имя Селестии, тут происходит?»

— Это не его вина.

Лонг Арм приблизился, тяжёлые шаги эхом отражались от деревянного пола. Лайтнинг внезапно узнала цвет гривы жеребчика — она была такой же, как у шерифа. Цвет глаз тоже вроде как был похожий.

— Он просто видит, то же что и я. Надеюсь, что у вас есть объяснения, — жеребец кивнул на плакат. — Монстры забрали его мать, незнакомка. Примерно полгода назад, в конце зимы.

Даст перевела взгляд на кобылку, которую защищала, понизив голос до тихого шёпота.

— Ты хоть представляешь, что тут происходит, Лаки?

Кобылка подняла голову, её глаза всё ещё были расширены от страха. По крайней мере, она не плакала.

— В-возможно, — пискнула она. — Но я... это не имеет смысла. Я не знаю, если... у вас слова для такого.

Глаза пегаски сузились.

— Ты та пони, о которой они говорят? Ты лгала мне все это время?

— Нет! — заявила Лаки без колебаний и не отводя взгляда. — Все, что я тебе сказала, было правдой! Я опустила некоторые детали, но...

Лайтнинг снова подняла глаза, отвернувшись от кобылки.

— Мне действительно жаль, — сказала она. — Похоже, здесь произошла настоящая трагедия. Но Лаки Брейк не имела к этому никакого отношения. Она не является вашей пропавшей родственницей.

Пегаска наклонилась к жеребёнку.

— Мне жаль, малыш. Я потеряла свою маму, когда была примерно в твоём возрасте. Я хотела бы вернуть тебе твою, но это невозможно.

Лайтнинг сложила крыло, выставив Лаки на всеобщее обозрение. Кобылка вздрогнула, но Даст не позволила ей снова спрятаться. Вместо этого она повысила голос, чтобы все кто на них пялился могли слышать.

— Мы просто проезжаем мимо. Нам жаль, что мы оживили такие болезненные воспоминания.

Жеребёнок вернулся к отцу, и они вместе продолжили смотреть. Некоторые горожане всё ещё тоже были тут, не отводя глаз от Лаки.

«Этот поезд мог бы и побыстрее приехать».

— Счастливого пути. Но запомни этот плакат, незнакомка, — жеребец в последний раз указал в направлении плаката. — Мы потеряли пони, которая была нам очень дорога, из-за этих монстров. Не хотел бы, чтобы чья-то семья страдала так, как страдали мы.

Лонг Арм, ещё несколько секунд смотрел на Лаки, прежде чем повернуться и уйти, уведя жеребчика.

Прошло несколько минут, и почтовый поезд наконец подъехал к станции. Даст поспешила поговорить с проводником, на этот раз взяв с собой Лаки. Ей даже не нужно было ничего говорить, кобылка и так держалась рядом.

Проводник отнёсся к идее провоза пары пассажиров по очень низкому тарифу в одном из полупустых вагонов с куда большим энтузиазмом, чем продавцы билетов, и довольно скоро они были в пустом коридоре между рядами одинаковых ящиков. Лаки спряталась так, чтобы её не было видно ни из одного окна, но Лайтнинг ждала у входа, глядя на город, пока разгружали два небольших контейнера с почтой, а поезд пополнял запасы воды и топлива.

Паровоз загрохотал и свистнул, начиная разгоняться. Даст наблюдала, как город исчезает вдали, ощущая множество глаз, смотрящих им вслед.

G5.01: Цена трудоустройства

Джеймс прижалась к холщовому мешку, который был в два раза больше неё, изо всех сил стараясь вообще ни о чём не думать.

Её первый визит на землю начался так чудесно! Если выкинуть тот ужасный кусок, все было просто замечательно. Она узнала гораздо больше о местных технологиях и культуре, узнала то, чему не смогла научить её жизнь на облаках. Джеймс узнала, что местные добывают уголь, у них есть кузнечное дело, промышленное производство стали и, вероятно, телеграф. Она узнала, что вся пища, которую она ела в небе, вероятно, имела гораздо более приземлённый источник, чем можно было ожидать. Кобылка узнала, что наряду с пугающе похожим языком, культура пони странно совпадала с древней Землёй. Если добавить побольше кожи и немного оружия, то легко можно было представить, что ходишь по культурной реконструкции Старого Запада.

Но у Джеймс не было возможности думать обо всем этом. Информация, которая, возможно, занимала бы её размышления в течение нескольких дней, теперь была отодвинута в какой-то дальний уголок её памяти, погребённая под горем пони ненамного старше её. Жеребёнок не лгал — она почувствовала сходство между ними. Не то чтобы ей это было нужно, когда у них и так было много общего визуально.

«Во что, чёрт возьми, вляпались предыдущие поколения?»

Ей не нужно было даже думать, как она могла выглядеть и пахнуть точно так же, как уже существующая пони.

«Почему вы убили местную?»

Джеймс не была дипломатом. Она не была той, кто должна была пачкать копыта, представляя Землю, и вступать в первый контакт. Тем не менее она знала достаточно, чтобы понимать, что убийство одного из инопланетян было худшей ошибкой, которую мог совершить любой из них. Что им останется делать, если они настроят против себя местное население? Захватывать планету? Сдаться?

«Мне нужна минута, чтобы включить коммуникатор и спросить».

От зонда Предвестник не требовалось добровольно предоставлять информацию. Однако он должен был отвечать на прямые вопросы, если только это не могло серьёзно повлиять на вероятность успеха миссии.

«Что произошло такого опасного, что зонд решил, что мне не следует об этом рассказывать? Было ли изучение эквестрийского бессмысленным? Неужели инопланетяне будут ненавидеть нас, что бы мы ни делали, из-за ошибки людей, которые умерли ещё до того, как я была создана?»

А потом, в самом тёмном уголке её сознания, она задалась вопросом о кое-чем ещё.

«Если Предвестник не сможет подружиться с Эквестрией, не попытается ли он вместо этого завоевать её?»

Джеймс была почти уверена, что он должен был сдаться задолго до этого. Их исследовательская миссия заключалась в том, чтобы найти человечеству новых друзей среди звёзд, а не создавать новых врагов. Но даже в этом случае она не могла быть полностью уверена. Ей не требовалось изучать все возможные варианты действий, которые мог предпринять зонд.

— Эй, получше себя чувствуешь? — Даст легонько подтолкнула её крылом. — Теперь мы в безопасности. Я бы хотела поговорить.

— Конечно, — кобылка развернулась, отряхиваясь и поднимаясь на копыта.

В товарном вагоне уже начало пахнуть — здесь не было кондиционера, а пустыня вокруг была обжигающе горячей.

«Наверное, мне следует смотреть в окно, чтобы увидеть как можно больше этой страны. Дипломаты могли бы однажды воспользоваться этой информацией».

— Я могу говорить.

Джеймс села на пол, радуясь, что, по крайней мере, её больше не трясёт. Если очень постараться, то она сможет сохранять спокойствие во время этого разговора.

«Пожалуйста, не сажай меня обратно в подвал. Я не хочу сена, Я не хочу сена, Я не хочу сена...»

Лайтнинг наклонилась немного ближе, её голос стал более резким.

— Этот жеребчик выглядел как твой родственник. Он им был?

— Ну, генетически он член семьи, возможно, прямой потомок. Готова на тысячу кредитов поспорить, что у нас полностью совпадает митохондриальная ДНК. Если у вас есть митохондрии... и они хоть немного похожи на наши...

Кобылка замолчала, осознав, что она только что ответила полностью на английском. Она не могла не чувствовать благодарности за то, что Даст не могла это понять. В любом случае, вся правда, вероятно, была больше, чем могла выдержать пегаска.

— Не... на самом деле. Ты бы сказала «нет».

Лайтнинг продолжала смотреть с невозмутимым выражением лица.

— Так почему бы просто не сказать «нет»?

Она уже сняла свои седельные сумки, теперь подтащила их вперёд одним копытом, так чтобы они были рядом.

— La armilo ты использовала al la Reĝa Gardisto, ĉu vi uzis ĝin al Морнинг Дью? Ты убила её?

В её голосе звучало не столько подозрение, сколько беспокойство. Как будто какая-то часть её верила, что ответ может быть утвердительным.

Джеймс энергично замотала головой.

— Я никогда никого не убивала! Я изучаю слова, Даст! Я не сражаюсь.

Пегаска пожала плечами.

— Ты сражалась *sufiĉe bone antaŭe*. Поменяй *armilon*, *kiu igas ponies* отрубиться, на то что их убивает.

Она замолчала.

— Монстры на плакате, ты что-нибудь о них знаешь? Имеют ли они какое-либо отношение к тому, почему все пони думали, что ты мёртвая пони, *kiu reviviĝintas*?

От этого никуда не деться. Джеймс не стала бы лгать этой пони, с одной стороны, потому, что она, казалось, могла определить когда она врёт, а с другой, потому, что пегаска заслуживала правду.

«Не хочу сена, не хочу сена, не хочу сена...»

— Я знаю о них, — начала она. Даст открыла рот, но на этот раз Джеймс опередила её, и слова хлынули из неё потоком. — Они мирные, Лайтнинг Даст! Они никогда не причинили бы вреда пони! И не забирают их тоже! Это не как в кино — им не нужен живой образец для препарирования, чтобы вырастить наши тела, всего несколько мазков или образцов тканей! Они могли получить их, украв расчёску. Они бы ничего не сделали с Морнинг Дью. Я не знаю, что произошло в том городе, но я уверена, что это было недоразумение.

Кобылка замолчала, мир начал кружиться из-за того, что у неё перехватило дыхание, после того как она выдала эту длинную фразу. Вероятно, в некоторых словах она перешла на английский, но сейчас она была слишком напряжена, чтобы понять, сколько Даст смогла понять.

По-видимому, достаточно. Пегаска заметно расслабилась, понимая кивая.

— Я scias ĝuste, kio это так.

Прямо сейчас Джеймс была слишком измотана, чтобы обращать внимание. Глядя в окно, она заметила, что тени только сейчас начинают удлиняться, было трудно поверить, что ещё даже не вечер.

«Они не забрали меня. Даст защитила меня. Она не позволит им посадить меня обратно в подвал».

Кобылка почувствовала, как знакомая пара крыльев накрыла её, принося с собой запах безопасности. Её даже не волновало, что Лайтнинг тоже вспотела, не волновало, насколько грязной она становилась или как мало другая пони заботилась о её личном пространстве. По крайней мере, когда дело касалось Даст, Джеймс начала принимать местный взгляд на вещи. Скромность была неуместна перед лицом чувства безопасности.

— Есть что-то, чего ты мне не говоришь, — сказала пегаска. — Но это нормально. Я не хочу, чтобы тебе приходилось врать. Kiuj ajn viaj друзья-монстры, я не буду судить их sen aŭdanta ilian flankon de la rakonto. Я не буду как остальная Эквестрия. Но... когда ты все узнаешь... я хочу aŭdi ilian flankon de la rakonto. Хорошо?

— Хорошо, — пропищала кобылка. — Т-только давай... не сегодня? Я... Я не знаю, сколько ещё выдержу, Даст. Убегать вот так... Я не создана для такого. Исследователи... есть много исследователей лучше чем я. Я просто хорошо разбираюсь со словами.

Ну и кроме того она не знала, что именно произошло. Предвестник должен был знать. Возможно, когда у неё будет минутка побыть одной, чтобы достать своё снаряжение, он сможет ей все рассказать.

— Конечно, малышка. Иди вперёд и отдыхай. Нам предстоит долгий путь. Почтовые поезда не rekte kiel pasaĝeraĵaj в отличие от пассажирских.

Пегаска отпустила её, открыв одним копытом седельную сумку и предложив Джеймс помятое яблоко.

— На.

Кобылка отмахнулась, поморщившись от того, каким побитым выглядело яблоко.

— У меня есть кое-что другое, — кобылка повернулась к тому месту, где она оставила свои седельные сумки. Ей пришлось настойчиво дёргать пластиковую защёлку ртом, пока она наконец не открылась. Она перевернула сумку и высыпала на пол содержимое: полтора десятка пищевых

батончиков и пакетов с водой в сверкающих майларовых упаковках. — У меня тоже есть немного еды!

К сожалению, не очень много. Но пищевые батончики будут настоящей роскошью, пока не кончатся.

Даст выронила яблоко, и оно откатилось в сторону.

— Твой... посыльный... принёс тебе все это? — она переводила взгляд между кучей на полу и пластиковой коробкой. — Должно быть, так. Ты не могла спрятать это все в облаке, оно бы упало. Тут нет никаких рун.

Джеймс подняла одну из упаковок, зажала зубами неровные края и разорвала обёртку. Батончик попытался выпасть, но она поймала его зубами и предложила его Даст, точно так же как пегаска предложила яблоко.

— П-пробуй это!

Лайтнинг понюхала предложенный батончик, прежде чем откусить кусок, достаточно большой, чтобы съесть больше половины батончика за один укус. Она медленно жевала, широко раскрыв глаза. Все её тело заметно расслабилось, а на губах медленно расплылась улыбка.

— М-м-м-м-м.

Джеймс открыла ещё один батончик, наслаждаясь вкусом, наполнившим рот. После того, как она провела так много времени, питаясь фруктами и овощами, которые чаще всего были лишь слегка свежими, имитация «барбекю из тушёной свинины» была почти такой же великолепной, как переход с сена на понячью версию бургера. У пищевых батончиков всегда было неестественное послевкусие, лёгкий намёк на то, сколько в них содержалось химии. Тем не менее пищевую науку, лежащую в основе батончика, было легко игнорировать, когда ты проголодалась.

Они конечно не могли конкурировать со свежеприготовленной едой от настоящего шеф-повара, но тому, что они обычно ели, батончики были хорошим соперником.

— Святая Селестия, — все следы прежнего беспокойства Даст исчезли. — Я никогда в жизни не пробовала ничего подобного.

Она уставилась на груды пакетов с едой, едва сдерживая голод.

— Что это такое?

— Питательный рацион с постепенным высвобождением, — ответила Джеймс. — Адаптирован к конкретным потребностям и вкусам этого бионосителя. Но, очевидно, поскольку мы принадлежим к одному виду, у нас будут общие вкусы, поэтому...

Кобылка обнаружила, что снова перешла на английский. Она сделала вдох, и снова попыталась.

— Это... волшебная еда. Съешь один и не будешь голодной целый день. По крайней мере, я. Они рассчитаны на меня, а ты крупнее, так что тебе всё равно нужно будет немного поесть. Этот был... — Джеймс взяла обёртку и перевернула, чтобы прочесть название. — Гамбургер со вкусом сыра.

Даст уставилась на неё, восхищённая больше, чем коммуникатором две ночи назад.

— Эквестрии нужны «гамбургеры со вкусом сыра». Ты знаешь рецепт? Мы могли бы нанять единорога, чтобы он делал их для нас. В Кристальной Империи полно искусных единорогов.

Пегаска встала, пошла прочь, а затем остановилась.

— Ты права, Лаки! Я больше не чувствую голода! Этот крошечный перекус, и я сыта! — пегаска повернулась обратно. — Представляю, что Вандерболты могли бы сделать с *tagio kiel ĉi tio*? Целый день, ты сказала?

Даст наклонилась, поднимая один из батончиков копытом. Джеймс наблюдала за ней с едва сдерживаемой завистью — кончик её копыта и правда был довольно чувствительным. К сожалению, у неё и близко не хватало ловкости для таких тонких манипуляций.

— Двести грамм. Набить ими седельные сумки пони, и она, вероятно, сможет пролететь через всю Эквестрию ни разу не приземлившись!

Кобылка улыбнулась. Она не хотела портить внезапное хорошее настроение Лайтнинг Даст, рассказывая, что пищевые батончики для своего производства требовали развитой пищевой промышленности, которая, безусловно, на много лет превосходит все, что могут создать пони.

«С другой стороны, Предвестник мог бы дать мне рецепт, у которого был бы похожий вкус. Интересно, где мы могли бы достать говяжий фарш?»

* * *

Оливия Фишер вышла из своего биофабрикатора почти с такой же уверенностью, какую она всегда демонстрировала за десять лет работы в ISMU. Она спряталась в своей рутине, хотя все, что она видела, сейчас напоминало о том, что её обычная рутина больше не применима.

База Предвестника была построена по плану, мало чем отличающемуся от того, с которым Оливия была знакома по большинству небольших космических кораблей и отдалённых станций. Это слегка успокаивало, когда она шла по пустой базе на четырёх ногах, которые заканчивались обрубками, и болезненно осознавая, что при движении сзади мотается хвост.

Странно, насколько свежими казались воспоминания. После своего пугающего пробуждения в фабрикаторе Оливия практически всё ещё могла видеть интерьер Мемориального медицинского центра Пресвятой Богородицы, заполненный сканирующим оборудованием и таким количеством кабелей, что некоторые пришлось отключить, чтобы она прошла. Сама Оливия всё ещё страдала от похмелья после вчерашнего вечера, а обжигающий свет над головой только усиливал головную боль. Самым последним воспоминанием перед тем, как сесть в машину, было облегчение от успокоительных, которые они дали ей перед этим.

«Я должна была очнуться в больнице и вернуться к работе».

Но этого не произошло. Она даже не проснулась в своём теле. Оливия с абсолютной уверенностью знала, что никогда больше не увидит своё тело. Вероятно, она никогда больше даже не увидит свою планету, разве что в телескоп. Её семья, её коллеги по ISMU — все они ушли навсегда.

Вглядываться в морду животного, покрытую жёлтой шерстью, ощупывать голубую гриву, шерсть и хвост, изучать глаза странного цвета — все это могло бы довести младшие чины до безумия. По крайней мере, это сломало бы их волю к борьбе, сделало бы их бесполезными для чего-то большего, чем уборка туалетов и работа в столовой. Но майор Оливия Фишер была для простых солдат тем, кем эти мужчины и женщины были для гражданских лиц. Каким бы пугающим, каким бы безнадежным ни казалось её положение, она выдержит.

«Чёртовы яйцеголовые это сделали. Они посадили зонд на другой планете. Кто-то получил за это долбаную Нобелевскую премию».

Хуже всего было то, что она не смогла бы дать тому ботанику, который счёл хорошей идеей позволить машине превратить её в... чем бы она ни являлась... кулаком в рожу. Или как бы эта конечность ни называлась.

Оливия оставалась в туалете по меньшей мере час, пока не придумала способ пристегнуть ножницы к одной из своих ног и обрезать волосы на голове до нужной длины. Они выглядели совсем не так, как должны были, росли только полоской через середину головы и вниз по спине. Так же она поступила и с хвостом, обрезав его совсем коротко, перетянув остаток эластичным шнуром. Покончив с этим, она наконец-то смогла надеть сшитую специально для неё униформу из дышащей ткани с рисунком пустынного камуфляжа и отверстиями для каждой из дополнительных конечностей этого странного тела. Ботинок не было, но Оливия подозревала, что их отсутствие было больше связано с сохранением хотя бы небольшой ловкости в её коротеньких конечностях.

«Как, чёрт возьми, я должна ими стрелять?»

Оливия прочитала Руководство Общества Первопроходцев ровно настолько, сколько требовалось для прохождения вступительного теста. Тест, который повысил её фактическую зарплату до уровня подполковничьей без увеличения обязанностей или смены полевой службы на гниение в кабинете. Подобное казалось слишком хорошим предложением, чтобы быть правдой, так как все, что ей нужно было сделать, это прочитать несколько книг, сдать пару тестов и на полдня посетить больницу.

«Пошла ты нахер, майор Оливия Фишер. Надеюсь, тебе понравились эти дополнительные 10 000 кредитов в месяц. Надеюсь, что у тебя была самая чертовски удивительная жизнь на свете. Но теперь ты, блядь, мертва, а я — аттракцион в зоопарке».

База была построена в виде колеса вокруг центральной оси, с круглым коридором, окружающим ядро. Оливия всё ещё помнила достаточно, чтобы знать, что именно в ядро ей надо идти, когда она будет готова, так как именно там Предвестник мог общаться с ней наиболее тесно. Именно там она узнает, зачем была создана, там она наконец начнёт свою миссию. По крайней мере, там был гигантский монитор на нужной высоте, чтобы в него можно было смотреть, не задирая голову.

— Предвестник, — начала она, стараясь говорить спокойно и ровно. Голос по-прежнему звучал высоко и по-детски, с мелодичностью, которой никогда не обладал её грубоватый голос. Оливия говорила как женщина, над которой обычно издеваются. — Я готова к обновлению миссии. Пожалуйста, будь как можно более краток.

Зонд Предвестник не был человеком, она помнила это из руководств. Он не реагировал на те же виды социального давления, которые могли мотивировать человека. На него нельзя было надавить, убедить его, подкупить или манипулировать им. Именно под таким руководством Оливия никогда не имела удовольствия служить.

«Возможно, быть астронавтом имеет несколько преимуществ».

Зонду также не нужно было тратить время на размышления.

— Приказ принят, майор. Обновление статуса миссии. Высадка на чужой планете КОИ-087.01 произошла примерно десять лет назад. Строительство основных объектов инфраструктуры продолжалось по графику в течение следующих двух лет, восьмью месяцами...

Оливия громко откашлялась.

— Я сказала быть как можно короче, Предвестник, — раздражённо сказала она. — Мне не надо рассказывать каждый твой шаг. Дай мне только то, что мне нужно.

Точно так же, как зонд не был человеком, со всеми обычными человеческими недостатками, он также не мог обижаться или раздражаться. Не было никаких причин относиться к нему иначе чем к инструменту.

«Инструмент, способный создавать жизнь практически из ничего. Бог-Идиот. К сожалению, это был её Бог-Идиот».

— Колонизация провалилась. Вы здесь для того, чтобы она не провалилась.

Оливия тихо выругалась, стиснув зубы.

— Возможно... не настолько коротко.

Так же никаких раздумий как и раньше.

— Предыдущие поколения человеческих бионосителей оказались неудачными по научным причинам. Ни один разработанный защитный механизм не доказал свою эффективность. Таким образом, был взят образец инопланетных существ, населяющих КОИ-087.01. Решение оказалось успешным — в данный момент лингвистическая команда работает над изучением инопланетного языка. Вашей команде будет поручено собрать дополнительную информацию об объекте КОИ-087.01 и усовершенствовать дизайн бионосителей для будущих человеческих колонистов, способных выжить здесь. Когда перевод инопланетного языка будет завершён, вы будете заниматься дипломатией, как предписано Руководством Общества первопроходцев 13.Е.

— Моя... команда... — повторила Оливия. — Я не вижу команды. Они уже на задании?

— Ответ отрицательный.

Она нетерпеливо постучала одной из своих кулёй по земле, но компьютер не понял намёка.

— Где моя команда, Предвестник? Тем более все звучит как работа для гражданских. Зачем я тебе понадобилась?

Зонд говорил ровным синтезированным голосом, немного более низким, чем Оливия привыкла, с эмоциональной интонацией, которая оставалась неизменной независимо от того, что он объяснял. Он мог бы рассказывать о жестоком убийстве её мужа и детей (если бы они у неё когда-либо были), и всё равно говорил бы так же.

— Освоение КОИ-087.01 оказалось трудным делом для предыдущих поколений исследователей. Угрозы, с которыми сталкивались предыдущие команды, могли бы быть устранены с помощью организационных навыков лидера с военным опытом. С этой целью вы были созданы ровно за неделю до ваших товарищей по команде. Это означает, что ускоренный процесс роста, призванный привести ваше тело к полной физической зрелости, не был завершён, но ваш возраст находится в допустимых пределах, указанных в вашем профиле. Этот интервал позволит вам ознакомиться с

окружающей обстановкой, а также провести любую разведку, которую вы сочтёте необходимой.

Оливия снова откашлялась.

— Извини, я забыла. А какой возрастной предел я установила в своём профиле?

— «Да мне насрать», — ответил зонд, точно воспроизведя её прежний голос. — Это же значение указано во многих других полях вашего профиля.

Оливия представила, как бьёт себя прежнюю прямо в нос. Правда, она и представить себе не могла, что ей придётся потратить ещё больше времени на заполнение бессмысленных бумаг, которые всего лишь дадут небольшую прибавку к жалованию. И всё же, разве она не понимала, что за её лень придётся заплатить реальному человеку?

«Нет, потому что я была уверена, что у них нет ни единого шанса приземлить где-то этот зонд. Это был просто очередной проект какого-то технократа, и они просто воспользовались им, чтобы просканировать мозги нескольких опытных солдат».

— Понимаю, — ответила она, усилием воли заставляя выражение лица стать спокойным. — Могу ли я...

Зонд прервал её.

— Прежде чем вы начнёте, у меня есть запрос, требующий вашего внимания. С момента начала создания текущих сегментов поступила дополнительная информация, подтверждающая, что команда лингвистов предыдущего поколения выжила и успешно выполняет свою миссию. В вашу команду входят члены экипажа, предназначенные для выполнения этой роли. Мне нужно ваше разрешение, чтобы прекратить их изготовление.

Майор Фишер почти согласилась на это, не задумываясь. Но там, где понимание Оливией тактики войсковых операций было огромным, её понимание технологии было намного меньше.

— Ты просишь моего разрешения... убить их?

— Ответ достаточно субъективен, — ответил зонд. — Но тела членов экипажа так же развиты, как и ваше, и полностью функциональны. К сожалению, синтез мозгового вещества был почти завершён в тот момент, когда поступила эта информация. В противном случае были бы записаны более полезные члены экипажа.

— Я могу дать им новую работу, верно?

— Подтверждаю.

Оливия помахала в воздухе своей обрубленной конечностью.

— Тогда я не даю тебе разрешения на прекращение изготовления. Кем бы они ни были, они должны страдать вместе со всеми нами. Им не удастся избежать службы, им тоже придётся отсидеть свой срок.

— Информация принята.

— Теперь мне нужен подробный отчёт о каждой физической угрозе, с которой сталкивались предыдущие экипажи, и о том, как с ними справлялись, — сказала Оливия, садясь перед экраном. — На этот раз без спешки, мне важна каждая деталь. Все, что может быть полезно знать, чтобы защитить мою команду. О, и...

Она указала одной ногой на последний из биофабрикаторов, тот, который был темным и на его поверхность не выводилось никакой медицинской информации.

— Я хочу, чтобы этот фабрикатор работал. Я хочу, чтобы все фабрикаторы работали с этого момента и пока мы не завершим нашу миссию.

— Команда принята. Какой член экипажа должен быть создан?

Оливия пожала плечами.

— Тот, кто мне больше всего нужен в данный момент, у тебя есть пустое место, которое нужно заполнить. У тебя больше информации, чем у меня, так что выбери сам.

— Информация принята.

На другом конце комнаты было слышно как жидкости потекли по скрытым трубопроводам. Ей не нужно было понимать зонд, чтобы знать, что он будет подчиняться её приказам, пока это возможно. Предвестник назначил её ответственной за эту миссию. Это означало, что она могла действовать по-своему.

— Теперь к тому, что я просила раньше. Я хочу посмотреть, как каждая предыдущая встреча с... если есть переводчик, это означает, что на этой планете живут люди? Тогда они похожи на меня, верно?

— Подтверждаю. KOI-087.01 обладает по меньшей мере пятью разумными расами, возможно, больше. Ограничения, связанные с перемещением, до сих пор не позволяли провести исчерпывающий анализ и составить полный профиль. Возможно, что вид вашего нынешнего бионосителя не является оптимальным для первого контакта. Дальний дозвуковой летательный аппарат был подготовлен для разведывательных целей и ждёт вас в ангаре.

— Превосходно!

Оливия встала на ноги, разминая конечности по очереди. Сидячее положение казалось вполне естественным для её тела, но стальной пол был слишком твёрдым, чтобы было удобно.

— Я пойду и...

Она замолчала, кое-что поняв.

«Он так и не дал мне отчёты».

И это был даже не первый раз, когда она запросила их. Правда, Оливия сразу хотела получить много информации. Может быть, он просто не хотел, чтобы она была ошеломлена.

— Предвестник, пожалуйста, дай мне подробный отчёт обо всех предыдущих встречах между твоими старыми экипажами и местной жизнью. Все важные детали.

Последовало секундное молчание, значительная задержка в ответе зонда по сравнению со всеми предыдущими. Оливия с вызовом продолжала стоять на месте. На этот раз она не будет отвлекаться.

— Раскрытие этих данных окажет значительное негативное влияние на шансы успеха миссии.

— Что? — майор уставилась на экран, открыв рот. — Ты отказываешься подчиниться моему приказу?

— Ответ отрицательный. Ваш приказ не может быть выполнен, так как это значительно снизило бы расчётные шансы на успех миссии.

Оливия подошла к экрану, впиваясь взглядом в стекло, как могла бы смотреть на подчинённого офицера на опасном задании. В прошлом её хмурый взгляд побуждал к действию мужчин вдвое здоровее её. Её гнев пугал как диктаторов, так и президентов. Но сейчас... она могла видеть своё отражение в экране. Она выглядела как генетически изменённый домашний питомец какой-нибудь богатой девчонки. Однако она не переставала свирепо смотреть.

— Тебе не кажется, что защитить мою команду от рисков, связанных с жизнью на этой планете, может быть сложно, если ты не дашь мне информацию, необходимую для оценки этих рисков? Как выглядят наши шансы, когда выбранный тобой лидер не знает, что делает?

— У вас есть полномочия отменять приказы, отданные ранее назначенным руководителем. Однако, по моим расчётам, шансы на успех миссии снизятся на 5,8 %, если вы это сделаете.

Майор Фишер открыла рот, чтобы огрызнуться на зонд, но в последнюю секунду заколебалась.

— Я... придержу этот вариант в резерве, — она снова села перед экраном. — Тебе должно быть позволено сказать мне хоть что-то, верно? Почему бы тебе не объяснить все, что ты можешь, и что не подпадает под запрет?

— Команда принята, — ответил Предвестник. — Первая встреча произошла во время жизни первого поколения...

На одном и том же поезде доехать до места назначения не получилось. Кристальная Империя, по-видимому, находилась на расстоянии чуть ли не половины континента, и слишком прямой путь позволил бы слишком просто их отследить. Они не доехали до того города, о котором Даст договаривалась с проводником, а вместо этого сошли с поезда на одной из промежуточных остановок.

Джеймс не могла не чувствовать паранойю и лёгкую застенчивость, когда они проходили через несколько других маленьких городков, хотя каждый из них так же отличался от Додж-Джанкшн, как Додж-Джанкшн отличался от Стормшира. За одним заметным исключением: у большинства жителей этих городков не было крыльев или, по крайней мере, казалось, что они ими не пользовались.

Что ещё более важно, ни один из встреченных пони не остановился и не устоялся на неё, утверждая, что на самом деле она была какой-нибудь умершей родственницей, вернувшейся к ним после нескольких месяцев в могиле. Они провели в пути почти два полных дня, и за это время ни один пони не проявил по отношению к ней ничего худшего, чем безразличие. Милое, чудесное безразличие.

Джеймс вступила в Общество первопроходцев чтобы стать исследователем, но сейчас ей было не до того, чтобы много исследовать. Она не делала описаний различных городков и не строила догадок о лежащих в их основе социальных предпосылках. Она даже не старалась улучшить свои языковые навыки, пытаясь поговорить с как можно большим количеством местных жителей. Полное погружение, может, и было самым быстрым способом выучить язык, но кобылка была не готова к этому. Ей нужен был отдых, и она им воспользовалась.

В основном путешествие было скучным и изолированным, то есть именно таким, как она хотела. Почтовые поезда не были особо скоростными, равно как и грузовые поезда. Это означало долгие часы пути по обычной сельской местности, мелькающей за окнами, проведённые либо в одиночестве, либо прижавшись к крыльям Лайтнинг Даст.

Она все время собиралась достать передатчик и спросить, что случилось с предыдущим поколением, но в конце концов решила этого не делать. Это может подождать, пока не появится какое-то время без Даст. Если пегаска и в этот раз решит уничтожить коммуникационное устройство, найти замену может оказаться гораздо более трудной задачей. Дроны с солнечной краской теоретически могли совершать путешествия почти неограниченной дальности при наличии спутников, что будут их направлять. Но их также могли обнаружить местные летающие жители, так что все, доставляемое дронами, должно было стоять риска такого путешествия.

На последний перегон на север из города под названием Ванхувер Даст купила пару билетов на пассажирский поезд. Вместо беспокойного сна или нервного хождения по металлическому полу Джеймс расслабилась в удобном кресле, явно предназначенном для пони, с приподнятой подушкой, которая поддерживала её живот, не оказывая на него слишком большого давления. По сравнению с холодом, который начал проникать в каждый вагон по мере приближения к северу, обогреваемые купе были

невообразимой роскошью.

Кобылка почувствовала лёгкий толчок в одну из своих ног, достаточно лёгкий, что она едва его заметила. Джеймс села, моргая и протирая глаза.

— Ч-чего?

— Мы пройдем сквозь щит в любую секунду, — сказала Даст. — Я думаю, ты захочешь посмотреть.

Джеймс в этом сомневалась. Продуваемая всеми ветрами пустошь из снега и льда оставалась неизменной в течение нескольких часов. Одна заснеженная пустошь за стеклом была очень похожа на любую другую. Кобылка всё равно встала, пересекла комфортабельный вагон и подошла к окнам с другой стороны. Откинувшись на сиденье, Джеймс приготовилась к разочарованию.

Поезд почти достиг вершины холма, и она почувствовала, что их движение начинает замедляться по мере приближения к вершине. Джеймс присмотрелась и заметила высокую арку, расположенную над путями недалеко впереди, сверкающую в слабом северном солнечном свете. Похоже, она была сделана из цветного стекла или, возможно, из огромного кристалла кварца, как в подземных пещерах в Мексике, с жеодами, достаточно гигантскими, чтобы по ним могли лазать люди. Впечатляюще, что общество с достаточно примитивными технологиями смогло разрезать его, не расколов, но ничего невероятного.

Конечно, из-за такого вставать не стоило. Но затем они проехали арку, и воздух вокруг, словно бы, замерцал, то, что казалось бесконечным пространством снега и льда, растаяло за долю секунды, и поезд продолжил спуск в округлую долину.

В ней не было ни снега, ни следа холода. Поезд резко повернул направо, двигаясь вдоль края долины, как будто маршрут был специально выбран так, чтобы обеспечить наилучшие виды.

Это не было похоже ни на что существующее на Земле. В самом центре долины возвышалось сооружение из бело-голубого хрусталя, без видимых швов или трещин, вздымающееся так высоко в небо, что поднималось над краями долины.

— К-как... — пробормотала Джеймс, её рот открывался и закрывался. — Оно не... Оно слишком тяжёлое!

Вокруг башни был выстроен целый город стеклянных зданий, хотя все остальное, что можно было видеть, напоминало другие уже виденные городки пони. Казалось, что остальные здания были построены с куда меньшим техническим мастерством, чем центральный небоскрёб. Остальная часть долины была занята полями и посевами, колышущимися под лёгким ветерком. Там были пруды, озера, парки, фруктовые сады... все, что, по мнению Джеймс, могло понадобиться самодостаточному маленькому городу, который в противном случае был бы окружён льдом и снегом.

— Однажды я прилетела на Игры, — сказала Даст с сидения рядом с ней. Пегаска все это время смотрела в окно, очевидно, не замечая кобылку. — Я почувствовала то же самое, когда увидела все это. Замок поднимается выше, чем фундаменты некоторых низких облачных зданий.

— Как... — Джеймс оторвала взгляд от окна, переводя его на Лайтнинг. — Я не думала, что у вас есть... технологии, чтобы построить что-то подобное.

Лайтнинг Даст пожала плечами.

— Это древний город, построенный магией единорогов давным-давно. Это все, что я знаю.

Джеймс снова выглянула в окно, уставившись на шпиль, на его покатую вершину и меньшие башни, которые сверкали рядом с центральным сооружением. Она могла только представить, насколько впечатляющим это будет выглядеть, если стоять у подножья. Если бы пони были хоть в чем-то похожи на людей — а до сих пор они часто доказывали, что это так, — где-нибудь в городе должен быть музей, который можно было бы посетить и где можно узнать побольше о городе.

«Насколько богата была эта Империя, что они могли строить свои памятники из хрусталя?»

Возможно, это место было намёком на какую-то давно утерянную историю общества пони, уходящую корнями в древний золотой век. Восхождение человечества к цивилизации было трудным, так что само собой разумеется, что восхождение пони было таким же.

— Мы правда будем здесь жить? На земле?

Лайтнинг Даст кивнула и прошептала ей на ухо.

— Пони будут искать нас. Все, кто меня знает, в курсе, как сильно я ненавижу землю. Им и в голову не придёт искать меня здесь. Кроме того, у Кристальной империи есть службы, отделённые от остальной Эквестрии. И скрестим копыта в надежде, что записями с Эквестрией они не обмениваются.

«Я скрываюсь от властей, — подумала Джеймс, слабо улыбнувшись самой себе. — Бьюсь об заклад, никто в Обществе Первопроходцев такого не ожидал».

— С нами все будет... хорошо? — спросила она, пытаясь подобрать более подходящее слово, но не находя его. — Ты раньше работала на... фабрике. Здесь есть ещё фабрики?

— С нами все будет в порядке. У нас есть достаточно денег, которые помогут нам продержаться, пока я не найду, чем заняться. Ни о чём не беспокойся, — пегаска протянула копыто, взъерошив гриву Джеймс. — Я уже привыкла к такого рода вещам.

Кобылка обнаружила, что она на самом деле не возражает, хотя и слабо отталкивала копыто Даст своими. По крайней мере, Лайтнинг знала, что делала. В этом они были похожи.

Остаток дня прошёл как в тумане. Пегаска нашла им единственную крошечную комнатку в старом здании на окраине города. Джеймс не могла сказать, была ли это квартира или общежитие, если эти понятия вообще имели какое-то значение для пони. Кажется, у них была частная собственность, валюта и что-то вроде капитализма, но она не была уверена.

«Это не моя работа. Как только я разберусь с языком, я всё».

Может быть, ей следует попросить несколько более продвинутых учебников. Она только что закончила с базовым эквестрийским. Может быть, ещё и словарь, чтобы она могла начать пополнять словарный запас.

Комната была не очень большой, около трёх метров вдоль каждой стены, с грубой деревянной мебелью и единственным крошечным окном, которое находилось слишком высоко, чтобы Джеймс могла до него до-

тянуться. Жизнь здесь не предполагала уединения. У кобылки может не быть другого шанса связаться с зондом в течение нескольких дней, если она не воспользуется им сейчас.

Кобылка не переживала о броне — она не собиралась выходить на снег, и не собиралась снова драться. Будем надеяться.

У нового передатчика все три ножки были в наличии, хотя они ему были и не нужны. Антенна не была повреждена, а в корпусе не было трещин, откуда могло вытекать что-нибудь радиоактивное.

Джеймс установила штатив на голом полу в центре комнаты, затем извлекла вычислительный терминал и соединила его с передатчиком. Тарелка вращалась, пока не указала на окно, несколько раз сверкнув зелёным лазером в послеполуденное небо.

| Соединение установлено.

| У вас есть 1 новое сообщение.

«У меня что?»

Она вздрогнула, ткнув копытом по экрану.

«Какого чёрта?»

Кобылка сосредоточилась и с небольшой трудностью смогла нажать на нужную часть экрана, чтобы развернуть сообщение.

| Приветствую лингвистическую команду.

Меня зовут майор Оливия Фишер, с этого момента я возглавляю программу колонизации. Я пришла к выводу, что до сих пор вы успешно справлялись, но Предвестник указывает, что вы не отправляли отчёты, как-то предписывают руководства Общества первопроходцев. Я ожидаю, что вы немедленно начнёте их отправку и предоставите мне краткое резюме вашего прогресса на данный момент. Предвестник указывает, что вы — единственные выжившие представители вашего поколения. В то время как глупый ИИ может не заботиться о наших жизнях, я уверяю вас, что моё отношение будет совсем иным. Ваша безопасность, а также безопасность моей команды представляют для меня максимальный приоритет. С этой целью, пожалуйста, включите в своё резюме любую имеющуюся у вас информацию о любых возможных угрозах нашей жизни, существующих на этой планете. Кроме того, мне насрать, что по словам Предвестника я должна делать, если с вами что-то случится. Если вам будет угрожать какая-либо опасность, я использую все доступные ресурсы, чтобы вытащить вас.

--

| Invictus Maneo, майор Оливия Фишер.

Джеймс несколько раз перечитала сообщение, хотя, конечно, в её голове не было места сомнениям. Зонд Предвестник был способен на многое, но писать убедительные письма не входило в число этих возможностей. Ей не стоило удивляться — было глупо предположить, что зонд будет бездельничать в течение многих лет, пока она будет изучать язык. Он по-прежнему будет двигаться к своим целям другими путями.

«У него ведь нет других лингвистических групп, верно? По крайней мере, зонд создал кого-то, кто заботится о наших жизнях...»

Как иногда говорилось в руководстве Общества первопроходцев, они были просто ресурсами. Органические инструменты, посланные сквозь пустоту, подобно зондам, которые Земля когда-то использовала для исследования солнечной системы. На самом деле у них не было никакой цели, кроме той, ради которой их послали.

— Компьютер, я хотела бы использовать диктовку голосом, чтобы составить ответ.

— Режим диктовки включён.

Экран очистился, сменившись чистым листом бумаги и мигающим курсором. Джеймс начала говорить по-английски, подбирая слова с небольшим трудом после стольких недель, когда она ими не пользовалась. Хорошо, что у неё такая прекрасная память на языки.

Оливия,

Я приношу извинения за то, что не смогла отправлять свои отчёты - до недавних пор моё оборудование было потеряно, и у меня не было возможности связаться с зондом. Недавно я получила замену и теперь имею возможность регулярно отчитываться перед вами и обмениваться краткими сообщениями. В течение последних месяцев я живу в полном погружении в местное общество, изучая язык и борясь за выживание. По прибытии меня лишили всего моего оборудования и бросили на произвол судьбы. Вы не поверите, но здешнее общество очень похоже на то, что было у нас дома. Инопланетяне называют себя <<пони>>, живут в стране под названием Эквестрия и говорят на эквестрийском языке. Эта нация представляет собой монархию, организованную вокруг религиозно почитаемой принцессы, которая церемониально отвечает за смену дня и ночи, как в Древнем Египте. Мне было бы трудно дать вам хорошее представление об их технологических возможностях... очевидно, что они не пошли по тому же пути развития, что и люди. Я ещё не сталкивалась ни с чем по-настоящему опасным, за исключением случайных упоминаний о "монстрах". Боюсь, что они могут видеть в людях из какого-то предыдущего поколения некоторых из этих монстров, но я не знаю точно, что произошло и что привело к такой ситуации. Похоже, что-то серьёзное случилось в городе, ближайшем к месту расположения базы. Это инопланетное поселение, напоминающее городок старого запада под названием Додж-Джанкшн. Не посещайте его ни при каких обстоятельствах. У инопланетян нет огнестрельного оружия или многого другого в отношении военных технологий, хотя у них, похоже, есть знания, необходимое для их создания, если возникнет такая необходимость. Есть несколько природных угроз, с которыми мы на Земле не сталкивались - например, область, непосредственно прилегающая к базе, подвержена серьёзным внезапным наводнениям, которые даже Предвестник не может предсказать. В настоящее время я живу с местной жительницей, которая... приняла меня. Её наставления значительно ускоряют процесс обучения - такими темпами я могу завершить свою миссию менее чем за шесть месяцев. Тем не менее правительство Эквестрии разыскивает меня. По какой-то причине они пытаются собирать наши технологии. Я не знаю, как много они знают об этом, но они украли мой предыдущий вычислительный терминал и опознали пистолет, когда его увидели. Местная, с которой я сейчас живу, защитила меня от них, и мы переехали в другую часть страны. Я не знаю точно, куда, но вы можете получить информацию о моем местоположении из этой передачи. В настоящее время мне ничего не угрожает, но я ценю предложение помощи. Я не ожидаю, что потребуется какое-либо дальнейшее вмешательство, пока я не буду готова вернуться.

--

С уважением,
доктор Джеймс Ирвин.

Оливия была в тире, самой новой части базы, построенной по её просьбе. Камень здесь всё ещё имел тот блестящий, сегментированный оттенок, остающийся после недавней распечатки в процессе строительства. Предвестник, по-видимому, не считал владение огнестрельным оружием достаточно важным навыком, чтобы его стоило поддерживать — очевидно, зонд не уделял особого внимания миру, в котором они находились. Эквестрия была опасным местом, и её обязанностью было сохранить жизнь своей команде.

«Как-нибудь. Одному Богу известно, что я должна делать, будучи говорящей лошадей».

Какая-то часть Оливии хотела прямо сейчас уйти с базы, найти самое глубокое ущелье, какое только сможет, и броситься в него. Как бы то ни было, Предвестник был прав, не показав ей запись. Теперь, когда она узнала, что он готов показать без особого приказа, она почти жалела, что не просмотрела все.

«Может быть, я так и сделаю... Знать не все хуже, чем не знать ничего».

Громкий механический звонок эхом разнёсся по тире, и Оливия выхватила пистолет. Он прилип к магнитным имплантам, которые она недавно установила в копыто, больно защебив кожу, но это не имело значения. Теперь она могла целиться, используя левую переднюю ногу, когда мишени загорались одна за другой. Она нажимала на спусковой крючок лёгким движением одной из мышц ноги, что передавало сигнал от импланта к пистолету. Каждый раз, когда он стрелял, цель исчезала в слабой вспышке света — мишени не были реальными, а стрельба являлась лишь имитацией.

«Одного солдата с оружием недостаточно, чтобы обеспечить безопасность целой команды. Мне придётся настоять на том, чтобы вся новая команда сама набралась опыта».

Установить импланты было бы несложно — ни один из команды ещё не проснулся, так что добавление нескольких несущественных изменений к существующему набору имплантов даже не потребует хирургического вмешательства. Ну, по крайней мере, они о нем никогда не узнают.

Примерно через минуту раздался ещё один звонок. Каждая из оставшихся целей исчезла со слабыми вспышками света.

— Тест завершён, майор Оливия Фишер. Ваш личный уровень владения огнестрельным оружием равен 2А. Поздравляю.

Лучше, чем когда она была человеком. Несмотря на отсутствие рук, у этого нового тела были глаза, как у ястреба.

«Думаю, хорошо, что у туземцев нет имплантов, иначе мне тоже пришлось бы их бояться».

Быстро приняв душ, Оливия обнаружила, что её ждёт сообщение — ответ от команды лингвистов. Она быстро прочла его и выражение её лица посмугнело. Учитывая все, что она уже знала, «хорошие» новости от её переводчика оказались не такими позитивными, как она могла бы подумать в противном случае.

«Но, учитывая шансы когда-нибудь увидеть другую планету, я не должна жаловаться».

Жаль, что последнее поколение было произведено слишком юным, иначе доктор Ирвин мог бы рассказать, есть ли у пони бары. Что Оливии действительно было нужно, так это долгая ночь, немного крепкой выпивки и, возможно, пара грубых мужиков. В каком порядке — несущественно.

Но она ничего этого не получит, и доктор Ирвин тоже. По её приказу переводчик продолжит свою миссию. Научиться языку будет непросто, но так же трудно было научиться работать с обрубками-ногами и без рук.

«Если я смогла выучить китайский, то и эквестрийский освою».

Может быть, этим и придётся заняться, но не скоро. Группе лингвистов было выделено более года, и их миссия успешно продвигалась вперёд. Это означало, что Оливия могла сосредоточить своё внимание на более насущных вопросах.

— Центральный компьютер, ты здесь?

— Подтверждаю.

— Я предполагаю, что это место посадки было выбрано по веским причинам.

— Подтверждаю. Здесь сосредоточены значительные залежи уранинита, железа и нефти под непроницаемыми слоями глины. Место также достаточно удалено от ближайших следов цивилизации, чтобы риск обнаружения на этапах развёртывания был незначительным. Было принято решение избегать более благоприятных мест с аналогичными параметрами, поскольку многие из них находятся в непосредственной близости от поселений коренных жителей или могут привлечь их в течение десятилетий, необходимых для создания производственной и ресурсодобывающей инфраструктуры.

— Если я помню своё руководство... — начала Оливия, вставая из-за консоли и направляясь по коридору. Худшим, что она получила от нового тела, был цокот копыт, шум, который она с большим трудом пыталась игнорировать. Каждый шаг был подобен крошечному гвоздю, вбитому в барабанные перепонки, напоминая о том, как мало оригинальная Оливия заботилась о том, что станет с её ментальным отпрыском. — Мы должны где-то строиться. За пределами досягаемости существующих цивилизаций, верно?

— Если это возможно, то да, — ответил зонд. — Прогностические алгоритмы предполагают, что существующая цивилизация с большей вероятностью согласится на просьбу о создании колонии для державы, которая уже закрепилась на планете. Моделирование, основанное на наблюдениях, записанных лингвистом G3.01, показывает, что этот прогноз более вероятен теперь, когда бионосители были адаптированы под местные тела.

Оливия кивнула, хотя, конечно, знала, что Предвестнику было плевать, согласна она с ним или нет. Во многих отношениях ему было наплевать на все. Это был не человек, не нормальный разум. Это было ведро, составленное из правил, заполненное данными, которые плескались внутри, пока что-нибудь не переливалось наружу.

— Я хочу быть далеко отсюда. Дальше, чем туземцы когда-либо смогут нас найти. Где-нибудь, где мы могли бы построить целый город и никогда не быть обнаруженными, если только мы сами этого не захотим. У тебя есть спутники, и такие места должны быть в базе данных. Найди мне

ближайшее.

Паузы не последовало. Либо Предвестник уже учитывал подобные параметры, либо он был просто настолько умён, что проводил все эти вычисления без задержек.

— Я знаю несколько мест. Одно из них — тропический остров, окружённый морями, которые местные жители избегают по причинам, которые я не могу определить. Другое — более отдалённый горный регион. Ни один представитель различных местных рас не был замечен путешествующим в этом регионе планеты. На основе расчётов, учитывающих...

— Мне всё равно, — перебила компьютер Оливия. — Ты уже сказал «тропический остров», так что давай пока забудем о другом месте. Может ли «Пилигрим» туда долететь?

— На одном топливном баке несколько раз с полной загрузкой. Однако вы должны знать, что я не могу определить, почему там нет поселений. У местных жителей есть парусные корабли, а также воздушные суда, которые движутся с помощью неизвестных принципов. И те и другие избегают острова, хотя он находится в пределах лёгкой досягаемости от континента, населённого особями менее технологически развитых видов.

— Очаровательно. Похоже, мои хлюпики-учёные могут там сдохнуть, если я сначала не проведу разведку.

Майор развернулась к коридору и направилась обратно в свой жилой отсек.

— Подготовьте флот автоматических дронов. Я хочу, чтобы там все было обследовано до того, как мои учёные проснутся. Как только у меня будет команда, мы исследуем остров и, возможно, начнём строительство. Короче, готовься увеличивать производство.

Она помахала копытом в воздухе.

— Нам нужно убить время, пока команда лингвистов занимается их языком. Я намерена использовать его продуктивно.

— Информация принята. Примите во внимание, что это потребует значительного увеличения добывающей и производственной инфраструктуры. Подобное недостижимо в условиях полной секретности. Есть вероятность, что эта база будет обнаружена.

Оливия лишь пожала плечами.

— Ну, сделай нам какие-нибудь защитные турели для начала. Мы не можем вечно прятаться в норе, Предвестник. Пришло время двигаться дальше.

— Переопределение команды принято, — ответил зонд. — Начинаю подготовку к созданию первого поселения на KOI-087.01. Пожалуйста, укажите обозначение объекта для официального отчёта.

— Обозначение объекта? — спросила Оливия, приподняв одну бровь. — Не планетарное обозначение?

— Подтверждаю.

Майор колебалась, она совсем забыла об этом. Просьба подготовиться к строительству их первого города была важной ключевой точкой. До этого момента миссия может провалиться. До начала строительства первого города, тот, кто был главным, мог объявить планету непригодной к колонизации и навсегда отключить Предвестник. Теперь этого никогда не случится. Теперь зонд переключился в форсажный режим, пока его вы-

числительное ядро не станет центром первого построенного ими города. Чем бы ни являлось это место. Не планета... хотя с точки зрения Оливии, оно казалась достаточно похожим на планету.

У планет должны быть хорошие названия.

— Земля, — сказала она, не думая. — Лучшая планета, которую я знаю. Мы назовём это Землёй.

— Информация принята, — ответил зонд.

* * *

Подготовка началась. Она заняла недели. Недели, которые Оливии почти нечего было делать. Она изучила все, что могла, об опасностях, с которыми сталкивались предыдущие поколения, но обнаружила, что изучать было пугающе мало. Майор компенсировала недостаток знаний, оборудовав базу всеми защитными системами, чертежи которых хранились в памяти зонда. Её не волновало, что это замедлит производство оборудования для основания их первого города. В конце концов, если база когда-нибудь будет уничтожена, шанса для будущих поколений не останется.

Она руководила установкой скрытых зенитных орудий с отслеживанием движения. Она копала как крот, открывая достаточно места для миномётных огневых точек на окрестных горах. Она провела сотни часов, просматривая записи с камер многих и многих скрытых наблюдательных постов, расположенных все более широким кольцом вокруг базы. Единственное, чего она не делала, так это не занималась научными проблемами. Их колония уже столкнулась с некоторыми из них, и, возможно, Оливия могла бы добиться прогресса хотя бы в некоторых вопросах. Что убило предыдущие человеческие команды? Могут ли быть созданы люди, невосприимчивые к этому воздействию? А что насчёт аномалий на самой планете? Оливии было плевать, она оставила эти вопросы на потом, когда проснутся учёные.

Многое изменилось на базе, помимо защиты. Зонд значительно расширил свои производственные мощности, выкопав огромные подземные залы, чтобы превратить их в новые мастерские. Оливия осматривала каждый новый производственный участок, в основном потому, что ей часто было скучно и нечем было заняться. Растущий склад начал заполняться тяжёлой техникой, модульными строительными конструкциями и другими производственными инструментами, которые будут использоваться в новом городе. Майор проверяла все, что делал Предвестник, хотя это в основном было бессмысленно. На самом деле она не понимала большую часть того, что он делал.

Одним из мест, которое она посещала чаще всего, был командный пункт, где днём и ночью тихо гудели биофабрикаторы. Оливия проводила там большую часть своего свободного времени, слушая музыку или перекусывая пищевыми батончиками, наблюдая, как растут её товарищи по изгнанию. У фабрикаторов была одна прозрачная стенка, так что при желании можно было заглянуть внутрь. Правда делала она это не часто — единственное, что было ещё отвратительнее младенцев, — это наполовину сформировавшиеся младенцы, которые к тому же были взрослыми, с телами, наполненными имплантатами и проводами в дополнение к мышцам, коже и сухожилиям.

— Они все выглядят одинаково, — заметила Оливия всего за несколько дней до того, как её команда должна была очнуться. — Почему ты не собрал больше образцов? Мы не должны быть все одинаковыми клонами.

— Предыдущий приказ, — ответил Предвестник. — Было принято решение, что в жизнь местных существ необходимо как можно меньше вмешиваться. Единственный доступный образец был получен со значительными трудностями и человеческим вмешательством.

— Найди другой способ, — приказала Оливия. — Может быть, замаскированные дроны сработают. Может быть, ты мог бы покопаться в мусоре. Я не хочу, чтобы в моем городе были сотни и сотни таких, как я.

— Информация принята. Предложение: команда лингвистов находится в тесном контакте с инопланетянами, можно создать оборудование для сбора и попросить эту команду собрать образцы.

— Ладно, — кивнула майор. — Это прекрасно, но я хочу, чтобы ты и остальные варианты проработал. Изучение языка чрезвычайно важно. Но мы, конечно, можем попросить их заняться и сбором образцов. О, и ещё... Я хочу покрасить свою шерсть. Я не хочу выглядеть так же, как все остальные, когда они проснутся. Может быть, светло-оливковое или что-нибудь другое.

Она уже сбрила свою гриву до чего-то вроде короткого ёжика, такого же короткого, как она носила на службе, а также подстригла хвост.

— Ведь есть же способ это сделать?

— Информация принята, — ответил зонд, оставив последний вопрос без ответа.

Но Оливия не возражала. Она отошла от экранов и подошла к стене, где находились биофабрикаторы. Её спутники были почти полностью взрослыми. Завтра они проснутся. Завтра она встретится со своей командой и возьмёт их с собой, чтобы построить город. Может быть, это сделает эту Землю достойной того, чтобы на ней жить.

«А если нет, то всегда есть утёс».

Спрыгнет ли она сама или сначала отправит остальную часть «Земли» перед собой, этого она ещё не решила. Надо будет посмотреть как пойдут дела.

«Пошла ты, Оливия Фишер».

У доктора Джеймс Ирвин был не самый лучший день. На самом деле, это был худший день в её жизни.

В строгом смысле слова это был также лучший день в её жизни, так что рассчитывать на особо хорошее будущее не стоило.

Она даже не могла получить удовольствие, просто громко пожаловавшись на это, потому что у всех остальных в мире дела обстояли почти так же плохо, как и у неё. Все четверо остальных страдали в таких же бионосителях, в который запихали Джеймс. Правда, не всем из них приходилось иметь дело с таким большим количеством проблем, как ей. Но она даже не могла найти тихий уголок, чтобы подуться из-за этого, поскольку Оливия ей не позволила.

— Я хочу, чтобы вы все знали, что происходит, — произнесла майор Фишер, её голос был выше, чем у них, но почему-то звучал более грубым и командным. Может быть, это было из-за того, что она коротко остригла свою гриву или из-за того, что носила свою накрахмаленную униформу так, словно знала, как ходить на четырёх ногах. Какова бы ни была причина, даже доктор Джеймс Ирвин не осмелилась расспрашивать её. Она счистила с бионосителя слизь, оставшуюся после биофабрикатора, потратила больше часа, пытаясь влезть в странную униформу, предназначенную для четвероногого тела с обручками вместо рук, и пришла в центральный зал на их первый инструктаж.

Большой стол для совещаний был перенесён в центр комнаты, а вокруг него вместо стульев были разложены подушки. Джеймс неуклюже пробралась к одной из них, оглядываясь на свои зеркальные копии. Ну, за исключением майора Фишер, которая выглядела на несколько лет моложе, имела оливкового цвета шерсть и короткую щетинистую гриву. У всех остальных было вышито имя и должность на униформе, и Джеймс запомнила их все, поскольку это был единственный способ отличить кого-либо, кроме командира. По крайней мере, ни у кого из остальных не было званий — это означало, что они тоже не были военными.

| Дороти Борн. Ксенобиология

| Карл Нолан. Политология

| Мартин Фарадей. Физика

Её имя было вышито на униформе с синими вставками, такими же, как у Карл, что указывало на родственную направленность их дисциплин. И у Мартин, и у Дороти вставки были зелёными по той же причине.

— Чем ты занимаешься? — спросила Дороти, сидящая рядом с ней, и разглядывающая униформу Джеймс с таким же пристальным вниманием, с каким сама Джеймс высматривала её должность.

— Я переводчик, — голос звучал так же, как у Дороти, но почему-то менее уверенно. — У нас есть я и переговорщик, это должно означать, что мы нашли цивилизацию. Раз уж мы так выглядим...

Она посмотрела на себя, покраснела, а затем снова подняла глаза.

— Ну, я не знаю, что это значит.

— Инструкции не предлагают имитировать местную жизнь, — произнесла Дороти. — Нет никаких причин, по которым у нас были бы подобные бионосители без явной необходимости. Какая бы она ни была. Для этого

должна быть какая-то биологическая причина. Возможно, на этой планете необычная гравитация, или странное излучение, или... какие-то другие факторы, которые делают человеческую жизнь невозможной. Пока мы их не победим. Что мы и сделаем, потому что мы побеждаем все.

Мартин раскачивалась взад-вперёд на своей подушке, обхватив себя передними ногами и постоянно бормотала:

— Это не планета, это не планета, это не планета...

— Могут быть и другие причины, — заметила Карл. Как и у Джеймс, в том, как она говорила, было что-то от нервного скептицизма, как будто она боялась своего голоса. — Например, политическое давление со стороны местного правительства, в какой бы форме оно ни проявлялось. Возможно, они ксенофобны, и Предвестник заключил с ними соглашение о том, чтобы не создавать представителей других видов.

В открытую дверь вошла майор Фишер. Позади неё на паре прочных резиновых гусениц катился дрон, волоча за собой большой металлический ящик.

— Я думаю, мы скоро узнаем, — пробормотала Дороти. — Ведь так? Вы собираетесь рассказать нам, что происходит?

— Да, — ответила майор. Во главе стола не было подушки, поэтому она осталась стоять.

Учитывая, насколько она была меньше ростом, стоять было единственным способом не выглядеть комично маленькой по сравнению с остальными. Теперь, когда Джеймс стала мыслить более ясно, она также почувствовала разницу в запахе. Очень тонкая свежесть, которая, казалось, наводила на мысль о молодости, хотя выразить это словами не получалось.

— Я объясню все один раз. Когда мы здесь закончим, я дам вам двадцать четыре часа на отдых, который, как я ожидаю, каждый из вас использует для ознакомления с этими новыми телами. Кстати, перевод — пони. Нас называют пони. Пони-пегасы — вот почему у нас есть крылья. Все это есть в файле в разделе «Отчёты лингвистической команды».

Металлический ящик, стоявший позади неё, открылся с шипением сжатого консервационного газа. Майор повернулась, взяла в рот свёрток и положила его на стол, после чего также ртом расстегнула липучку, продемонстрировав четыре стандартные вычислительные терминала.

Мартин внезапно села и с удивительной быстротой потянулась к ним. Но майор их отодвинула.

— Нет, пока мы не закончим. Я хочу вашего полного внимания.

— Я думала, что я — лингвистическая команда, — произнесла Джеймс, её голос был смелее, чем до этого момента. — Что-то случилось с одним из них? Я здесь, чтобы заменить кого-то? Или... я запасной вариант?

— Ни то, ни другое, — сообщала Оливия. — Перевод идёт с опережением графика, и команда интегрирована в общество пони. Им не понадобится ваша помощь. Но я ни черта не понимаю в заметках о языке инопланетян. Мы могли бы подождать, пока она вернётся, или мы могли бы сэкономить время, попросив вас просмотреть отчёты, которые мы получаем, и начать учить нас прямо сейчас. У вас есть неделя, чтобы прочитать все, что у нас есть, и войти в курс дела, и я хочу, чтобы после этого вы начали обучение всех остальных разговорному местному.

Джеймс открыла рот, чтобы ответить, но майор подняла копыто, заставив её замолчать прежде, чем она успела начать.

— Ждите своей очереди. В конце мы обсудим, чего я ожидаю от каждого из вас.

Объяснений было много. Некоторые вещи, о которых они подозревали, например, сложное инопланетное общество. Джеймс слушала, но многое просто не доходило до её сознания. Жизненно важная информация уже прозвучала. Она не отправится в мир, изучать чужой язык. Она не сможет реализовать цель своей жизни — причину, по которой она отдала последние двадцать лет учёбе и практике. Она будет не более чем пресловутой учительницей начальной школы.

В конце майор закончила рассказывать и перешла к их обязанностям:

— Доктор Борн, я загрузила все, что мы узнали за первые два поколения, на ваш компьютер. Я хочу знать, что, чёрт возьми, убило человеческие оболочки. Затем вы должны разработать бионоситель, который не будет умирать, — Оливия снова подняла одно обрубленное копыто. — Чем меньше таких нам придётся сделать, тем лучше.

— Понятно, — Дороти придвинула к себе терминал с другого конца стола и начала просматривать её содержимое.

— Мистер Нолан, вы наш переговорщик, и сейчас у нас не ведётся никаких переговоров. Я ожидаю, что вы посвятите своё время изучению всего, что мы узнали об инопланетянах до настоящего момента. Я хочу знать, каким будет наш политический курс, как только мы будем готовы предстать перед ними. Я также хочу знать, как ониотреагируют, если обнаружат нас до того, как мы будем готовы, — майор подтолкнула следующий вычислительный терминал в направлении подушки Карл. — У вас есть все заметки команды лингвистов, а также наблюдения предыдущих поколений. Я думаю, что первое будет для вас более полезным. Не стесняйтесь отправлять свои вопросы непосредственно команде лингвистов — если вам нужно что-то, чего нет в примечаниях, я уверена, что она сможет это вам предоставить.

— Понятно, — Карл поймала скользящее мимо устройство. — Я дам вам знать, что обнаружу.

— Доктор Фарадей, на самом деле я не знаю, почему Предвестник разбудил вас. Физика кажется мне бесполезной в нашей ситуации. Но вот все, что спутники обнаружили о нашей планете, так что разбирайтесь сами, — Оливия толкнула терминал так же как и остальным. — Я ожидаю, что вы будете полезны. Вам решать, чем именно.

Мартин кивнула, хотя, казалось, не могла произнести ни слова.

— И я уже сказала вам, чем вы будете заниматься, — Фишер протянула Джеймс последний терминал. Она взяла его, хотя и не стала просматривать содержимое, как это делали другие. В данный момент ей было всё равно, что там. — Овладейте языком, и тогда вы сможете научить нас. Сосредоточьтесь на мистере Нолане, так как он будет нашим голосом на любых переговорах.

— Это все? — спросила Дороти. — Мы можем идти?

— Не совсем, — Оливия вернулась к ящику, извлекая из него ещё один свёрток и ставя на стол с тяжёлым металлическим стуком. Ткань запахла, обнажив четыре угрожающего вида металлических предмета.

Какие-то винтовки, конкретного назначения которых Джеймс не знала. — Как я уже объясняла, эта планета опасна. Туземцы более способны, чем кажутся. Планета убила два поколения людей до нас. Каждый из вас должен показать уровень владения огнестрельным оружием не менее D в течение одной недели. В наличии есть тир и на ваших компьютерах доступны учебные материалы.

— Мы не солдаты, — сказала Карл. — Мы здесь, чтобы установить контакт с инопланетянами, а не сражаться с ними. Мы не захватчики.

— Вы будете защищаться, если на вас нападут, — отрезала майор, свирепо посмотрев на каждого из них.

Как будто она хотела, чтобы они начали с ней спорить. Никто этого не сделал.

— Через неделю мы покинем эту базу, чтобы начать строительство первого нашего города на этой планете. Мы возьмём с собой все необходимое нам оборудование, но я ожидаю, что каждый из вас освоится со своим бионосителем и своими обязанностями. Мы не сделали психолога, так что, если возникнут проблемы с каким-нибудь дерьмом... — её глаза сузились, когда она посмотрела на Мартин. — Вы разберётесь с этим сами. Всем ясно?

Все промолчали.

— Хорошо, — кобылка встала, поворачиваясь, чтобы уйти. — Сегодня меня больше не будет на базе, так что разбирайтесь сами. Я доверяю лучшим и умнейшим представителям Общества Первопроходцев, которые справятся с любыми трудностями, которые могут возникнуть с вашими бионосителями.

С этими словами она повернулась, вышла из зала и зашагала по коридору вглубь базы. Дрон катился за ней.

— Ну... — сказала Карл, глядя на винтовки, лежащие на столе между ними. — У нас интересный лидер, согласны? Надеюсь, она знает, что делает.

— Не имеет значения, — произнесла Дороти, тоже встав на ноги, хотя никуда не пошла. Она устала сидеть на компьютере, потом снова на себя, очевидно, пытаясь сообразить, как его нести. — Вы все знаете, что Предвестники тупы как старые кирпичи. Я уверена, что предыдущие поколения собрали все необходимые данные, которые мне понадобятся, чтобы создать бионоситель, защищённый от опасностей этой планеты. Хотя... меня беспокоит то, что эти опасности, вероятно, достаточно серьёзны, раз убили наших предшественников, даже когда они проводили большую часть своего времени на этой базе. Теоретически тут мы должны быть защищены.

Мартин снова принялась раскачиваться взад-вперёд.

— Не понимаю... — бормотала она теперь. — И вот, муха устала сидеть в бездонную бездну, обдумывая место следующего приземления. Но безопасность так и не наступила.

— Не думаете, что она спятила? — спросила Дороти, даже не понизив голоса. — Предполагалось, что освоение нечеловеческих бионосителей процесс трудный, но... остальные из нас вполне вменяемы. Ведь так?

Карл пожал плечами.

— Каждый реагирует на стресс по-разному. Остальным из нас есть о чём беспокоиться больше, чем вам, доктор Борн. Дадим Мартин время.

Она развернулась так, чтобы стоять лицом к Мартин.

— Забудь, что сказала майор, мы знаем, что ты важна. Военные всегда выставляют свои яйца напоказ перед остальными, но мы-то знаем лучше. Я уверена, что у Предвестника были веские причины разбудить тебя.

Джеймс встала, взяв терминал в рот. Вообще она не заботилась о своём достоинстве, поэтому не старалась держаться прямо, как Дороти. Она вежливо кивнула остальным, прежде чем неуклюже направиться в коридор.

«Я точно знаю, что ты чувствуешь, Мартин», — подумала она.

Но варианта забраться обратно в криогенную капсулу и заснуть не было — такой технологии не существовало. Их не разбудили — их создали. Теперь от них зависело, будет ли этот процесс создания что-то значить.

«Если сможем».

* * *

— Доктор Ирвин, не могли бы вы подойти сюда на минутку?

Джеймс подняла глаза от своего терминала. Она смотрела на него так долго, что все буквы слились в одну единую бессмысленную кучу. Вообще-то за последний час она не прочла ни слова.

— Да, конечно.

Джеймс встала на своей верхней койке и спрыгнула вниз. Пока она падала, крылья дёргались под униформой, как будто пытались поддержать её. Они выглядели просто крошечными для подобного, но... заметки, которые она читала, предполагали, что крылья подобного размера вполне позволяют летать. Хотя в заметках много чего отсутствовало, например, имя автора. К огромному разочарованию, учитывая, как до боли знакомо они иногда выглядели.

Она приземлилась на копыта примерно в метре от Карл. За последние несколько дней она немного изменила внешность: коротко подстригла гриву, достаточно коротко, чтобы она напоминала человеческую мужскую стрижку, хотя цвет шерсти остался такой же как у остальных. Никто не смог обнаружить, что за волшебное вещество использовала Оливия для покраски, а сама майор делиться им отказывалась.

— Что случилось?

— У Мартин что-то есть, — сообщила Карл, её голос звучал точно так же, как у Джеймс. К этому никак нельзя привыкнуть. — Она... я не знаю, видела ты или нет... короче она там слегка спятила.

Джеймс видела. На базе были мужские и женские туалеты и душевые, впрочем, мужской душ до сих пор не использовался, хотя Джеймс намеревалась там мыться просто наперекор Предвестнику с его стремлением создать целый экипаж, основываясь на единственном образце инопланетного вида. Но потом Мартин объявила те помещения своими владениями и начала облеплять стены распечатками, рисовать на них и подвязывать бечёвки. Всего за несколько дней стены туалета и душевой полностью скрылись под наслоениями бумаги.

— Да, — вот и все, что она сказала. — Полагаю, то, чем она там занималась, таки дало результат.

— Я почти уверена, что Мартин что-то подозревала с того самого дня, как проснулась. Она просто... хотела точно удостовериться, как мне кажется. Не знаю. Я не хочу быть слишком строга к ней, ведь мы все проходим через одно и то же дерьмо. Ну... большинство из нас.

Карл посмотрела в конец коридора.

— Мартин сходила к Оливии, чтобы созвать совещание, но она ответила, что это «научное дерьмо», так что мы должны с этим разобраться сами. Она слишком занята подготовкой к нашему отлёту или чем-то ещё, так что...

— В общем, пошли, — Джеймс прошла мимо Карл в холл. Туалеты были не намного дальше, по одному на каждой стороне коридора с разделением на мужские и женские. Не то чтобы она посещала «свою» сторону больше одного раза. — Мне не понравилось, как военные в прошлый раз всем заведовали. Если мы не будем держаться вместе...

Карл шла за ней.

— Оливия позаботится о том, чтобы здесь было так же? Да, она над этим уже работает, — кобыла понизила голос настолько, что Джеймс пришлось остановиться и напрячь слух, чтобы расслышать. — Я проверила биофабрикаторы, они уже работают. Следующая партия экипажа — целая команда морпехов.

Они замерли, услышав один и тот же звук. Это была ещё одна пара копыт, приближающихся по коридору сзади. Джеймс вся напряглась, опасаясь того, кто это может быть, но страх оказался напрасен. Их догоняла Дороти, одетая только в заднюю часть униформы и с сумкой через плечо. Её вычислительный терминал вместе с несколькими пробирками выглядывали из неё. От кобылы пахло так, словно она провела в лаборатории по меньшей мере целый день.

— Вы говорите о том, о чём, я думаю, вы говорите?

— Да, — Карл жестом пригласила её присоединиться к ним. Она так и сделала, добавив ещё одну копию идентичного аромата вместе со всеми запахами из лаборатории. Когда она расправила крылья, Джеймс почувствовала лёгкую зависть. Её уже тошнило от того, насколько стеснённой она чувствовала себя в униформе.

— Ну, я так же переживаю, как и ты. Но в то же время... может быть, не так сильно, — Дороти понизила голос до такого же приглушённого шёпота. — Предвестник назначил майора главной из-за совокупности вероятностей различных угроз. Я готова поспорить с вами на одно из этих рудиментарных крыльев, что невозможность существования человеческих членов экипажа однозначно доминирует в этом списке.

— Ты не можешь знать, как думает Предвестник, — возразила Карл. — Я прочла тот же справочник, что и ты. Его изначальная система ценностей, может быть, и общедоступна, но все это время он учился. Зонд работает совсем не так, как новые Предвестники только с завода.

Глаза Дороти сузились.

— Без обид, но ты сама не знаешь, о чём говоришь.

Она подняла одно копыто в защитном жесте.

— Даже не спорь. Да, я не компьютерный специалист, так что я тоже не знаю. Отбрось свои поверхностные возражения и задумайся на мгновение, как долго собирали наши записи. Когда снимали мой слепок, большие умы

всё ещё вели переговоры о том, как будут работать зонды. У меня был друг в комитете. Мы часто собирались вместе. Короче, одно за одним, и... Я прочитала пару документов, которые не должны были ко мне попасть. Покаялась на своей могиле, что никогда не расскажу ни одной живой душе, но...

Дороти посмотрела вверх, сквозь каменный потолок.

— Доктор Дороти Борн мертва, как Дарвин, и мой старый друг тоже.

— Что бы ты ни собиралась сказать... — Карл выглядела все более раздражённой. — Давай уже, говори. Мартин всё ещё нас ждёт. Если мы не дойдём до неё в ближайшее время, она может решить, что нам всё равно, и попрятать все свои находки куда подальше. А все выглядело довольно интересно, когда я...

— Ладно-ладно, — проворчала Дороти, явно раздражённая тем, что ей не удалось подробно рассказать свою историю. — Если коротко, суть всего этого в том, что зонды могут выяснить как адаптировать под слепки мозги инопланетян, но этого никто не хочет. Они должны распространять человечество, а не человеческие умы, притворяющиеся местными. Все, что зонд может сделать для этого, он сделает. Иными словами, хоть Оливия сейчас контролирует то, что делает Предвестник, она мгновенно лишится этой власти, как только я найду способ создать людей, которые смогут тут выжить.

— А мы все отправимся в их контактный зоопарк, — пробормотала Джеймс.

Карл с Дороти остановились, уставившись на неё так, словно они забыли, что она тоже тут.

— Несущественно, даже если окажется правдой, — ответила Дороти. — Это больше, чем мы. У нас есть сила, чтобы формировать будущее планеты. В смысле, у меня. Когда я разберусь с этой проблемой, а я разберусь... Я буду той, кто решит, кого Предвестник будет делать дальше. Держу пари на второе рудиментарное крыло, что зонд откажется от создания этой глупой и бессмысленной военной силы и создаст тех, кого скажу я. До тех пор, пока они будут людьми, я думаю, это сработает. Как вы думаете, почему он создал второе поколение людей после того, как выяснил, что люди здесь не выживают? Ну, в смысле, обычные люди...

— Подожди, до нас было два поколения? — Джеймс прервала её. — Мы могли уже однажды умереть здесь?

Карл протиснулась мимо них и подошла к двери достаточно близко, чтобы автоматический датчик запищал, и дверь скользнула вниз, в пол.

— Не могли бы мы поговорить об этом позже? Я уже пообещала Мартин, что приведу вас обеих для чего бы то ни было, для неё это важно и она не выглядела сильно терпеливой.

Дороти повернулась, не сказав больше ни слова, очевидно, не заинтересованная в ответе на вопрос. Джеймс сделала мысленную пометку расспросить Предвестник о предыдущих поколениях как только у неё появится возможность побыть одной.

«Он, вероятно, не создавал меня. Зонд не мог знать, что здесь существует цивилизация с языком, которой должен изучать кто-то вроде меня. В этом не было бы никакого смысла. Это были просто старомодные астронавты».

Джеймс хотя и говорила себе это, но поверить не могла.

В туалете стало ещё хуже, чем в последний раз, когда она тут была. Даже на полу теперь были какие-то изображения, их было так много, что все они сливались воедино. Пегаска наклонилась, чтобы взглянуть на одно случайно выбранное. Там была изображена планета с воздуха и какие-то структуры из блестящего металла. Они были далеко, так что толком разглядеть их не получалось, тем более что картинка была явно недостаточного разрешения, чтобы различить какие-либо значимые детали. Джеймс сосредоточилась на узкой дорожке между изображениями, по которой можно было пройти, не испортив усилия Мартин по превращению мужского туалета неизвестно во что.

По сравнению со всеми ними Мартин выглядела хуже всего. На ней была только внутренняя поддёвка, хотя верхняя половина была надета шиворот наыворот, а все застёжки застёгнуты криво. Грива была потная и спутанная, а глаза все красные от лопнувших сосудов. Красные полосы пятнали шерсть на ногах и возле рта, а несколько одинаковых маркеров были беспорядочно засунуты в разные отверстия униформы.

— Хорошо, Мартин, — сказала Карл, с наигранной бодростью. — Мы все здесь. Ты можешь объяснить нам, что мы, по твоему мнению, должны знать.

— Объяснить, — повторила кобыла, обводя взглядом их всех. — Объяснить. Только трое. Где четвёртая?

— Майор Фишер не придёт, — объяснила Карл. — Как она тебе и сказала, помнишь? Она беспокоится об обороне базы. Ты можешь рассказать нам, и мы позаботимся о том, чтобы и она все узнала.

Мартин выглядела так, как будто собиралась все отменить. Она отвернулась к стене душевой, которая была разукрашена на редкость замысловатыми вычислениями. Все тоже посмотрели туда, хотя только Дороти выглядела так, как будто хоть что-то из этого понимала. Глаза Карл остекленели так же быстро как и у Джеймс.

— Я начала со спутниковых фотографий, — сказала Мартин. Её голос всё ещё дрожал, но наличие цели, казалось, не давало ей потерять концентрацию и сдаться, поэтому она не останавливалась. — Перед нашей первой встречей. Я увидела, что у нас в сети восемьдесят спутников, что показалось странным, учитывая, поскольку я знала, что все спутники должны находиться на максимально удалённых орбитах, чтобы уменьшить их количество. Какой должна быть планета, чтобы понадобилось целых восемьдесят спутников? Сколько же там поверхности?

Она указала на стену, где листы стандартного размера были тщательно составлены вместе в приблизительно округлую форму с большим отверстием посередине.

— Это КОI-087.01. То, что майор называет Землёй. Но это не Земля. Земля — это планета. Это не планета.

Она указала на ещё одно изображение уже на отдельном листе.

— Я попросила компьютер отрисовать вот это. Там есть немного компьютерной графики, чтобы заполнить пробелы.

Джеймс уставилась на изображение не отрывая взгляд, пока её глаза не начали слезиться. То, что она увидела, было невозможно, хотя её знания ограничивались лишь основами астрономии, которую учила в рамках подготовки Общества первопроходцев. Ничто такого размера не

могло иметь никакой иной формы, кроме сферы. То, что она увидела, было тонким кольцом, полностью окружающим по периметру крошечную красную звезду. Там было ещё несколько объектов поменьше, плоских спутников, расположенных в разных точках над круглым объектом. Если смотреть сбоку, она видела колоссальный горный хребет... настолько огромный, что его можно было различить даже на спутниковом снимке, а затем твёрдый материал, в несколько раз толще верхнего слоя, сделанный из металла цвета ржавчины.

— Невозможно, — сказала Дороти после долгого молчания. — Этого не может быть.

— Я тоже так думала, — Мартин отошла от них, начав расхаживать по душевой, пока говорила. Казалось, ей было всё равно, когда она наступала на свои записи и изображения. Казалось, ей было всё равно, слушают ли они её.

— Итак, я проверила цифры. Гравитация прежде всего... мы испытываем очень близкое к 9, 8 м/с за секунду гравитационное ускорение... но так близко к звезде оно должно быть гораздо больше. Ладно... тот, кто это построил, подумал об этом.

Она остановилась перед большим плакатом, заполненным цифрами и расчётами. Джеймс просто уставился на них, благодарная Мартин за то, что она их объясняет.

— Мы вращаемся. Быстро, но не безумно быстро. Около 422 км/с. Это нивелирует большую часть гравитационного притяжения, которое мы должны испытывать из-за близости к звезде, и оставляет нам гравитацию, примерно равную земной.

— Ничто не может быть таким прочным, — продолжала настаивать Дороти. — Я не материаловед, но я это знаю. Ни нанотрубки, ни углеводные цепочки, ничто.

Мартин пожала плечами.

— Я не знаю, из чего оно сделано... но тот, кто это построил, тоже думал об этом. Есть два спутника, и с учётом скорости, с которой они вращаются... кажется, что они оказывают приливное воздействие на объект. Они там снаружи растягивают объект и уменьшают нагрузку на материал под нами. Это всё ещё... всё ещё за пределами...

Кобыла внезапно села, широко раскрыв глаза. Её голос превратился в испуганный шёпот.

— К цифрам. Это не планета. Эти, живущие там... — она подняла одно копыто. — Такие же существа, как мы. Что бы их сюда ни поместило... смогло создать кольцо Дайсона. Все в этом месте искусственное.

Она постучала по стене копытом.

— Ресурсы, которые мы добываем, чтобы построить нашу базу, думая, что мы могущественные захватчики с нашими непревзойдёнными технологиями... что-то на порядок более продвинутое, чем мы, поместило все их тут.

— Не только это... — теперь голос Карл звучал почти так же, как у Мартин. — Они наполнили свой мир примитивными существами и оставили их здесь. Были ли какие-нибудь признаки развитой культуры на всех тех спутниковых фотографиях, которые ты сделала? Может ли тот, кто построил эту штуку, всё ещё жить здесь?

Через громкоговоритель донёсся резкий голос, громкий и пронзительный.

— Мы вылетаем через десять минут, — сообщила майор. — Всем явиться в ангар. И ничего не оставляйте. Десять минут, и мы улетаем.

Раздался щелчок, и снова воцарилась тишина.

Все уставились на Мартин, ожидая её ответа.

— Вероятно, нет, — сказала она, как будто вообще не слышала сообщения. — Но существует несколько руин, которые могут принадлежать им. Они на другом конце страны инопланетян... Эквестрия, верно? Да, оно. Так что нам не придётся пролететь над ним. Но мы могли бы.

— Нам нужно идти, — Дороти повернулась к двери. — Спасибо, что объяснила все это, Мартин. Я подозреваю, что командир отнесётся к твоим опасениям более рационально, когда услышит, что могут возникнуть серьёзные угрозы безопасности, которые она не учла. Апокалиптические, ставящие под угрозу жизнеспособность планеты угрозы.

— Кольца Дайсона, — поправила её Мартин, не встречаясь взглядом.

— Верно, — Карл последовала за Дороти к двери. — Я все ей объясню за тебя, Мартин. Может быть, она послушает, если я смогу сделать это до того, как ей станет скучно.

Они ушли, оставив только Джеймс и нервного физика. Мартин, похоже, не собиралась паковать хоть какие-то из своих заметок. Вероятно, это было бы затруднительно, учитывая, что расчёты покрывали все стены.

— Ты узнала что-нибудь ещё? — спросила Джеймс, как только дверь закрылась.

— Много чего. Но в основном я узнала, что боюсь. Кто бы ни смог построить такую мегаструктуру в дальнем космосе... тот, кто установил его на орбиту вокруг красного карлика с идеальной балансировкой, раскрутил его, чтобы смягчить гравитацию... что бы с нами сделала такая раса, если бы они знали, что мы здесь?

— Возможно, они мертвы, — предположила Джеймс. — Я читала Лавкрафта, когда была моложе. В одной из его книг человечество эволюционировало из рабочей слизи, которую использовали инопланетяне, изначально заселившие Землю. Может, они вымерли, а их рабочие эволюционировали до разумной жизни, точно так же, как люди в той истории.

— Это ещё хуже! — воскликнула Мартин, внезапно встретившись взглядом с Джеймс с ужасом на лице. — Тогда мы должны бояться того, что их убило. Ты знаешь, как убить цивилизацию второго класса? Я тоже не знаю.

— Ну, с другой стороны... — начала Джеймс, хотя в этот момент она не была уверена, что Мартин просто не воспримет её слова как что-то пугающее. — Мы выглядим как пони. Может, если дела пойдут плохо, мы могли бы просто слиться с толпой. Притвориться, что нас здесь никогда не было. Предвестнику будет хреново, но... по крайней мере, мы справимся.

— Великолепно.

Громкоговоритель над их головами снова ожил.

— Пять минут! Тащите свои задницы сюда, все! Не заставляйте меня просить снова!

Они не стали заставлять майора повторять.

Лаки Брейк отложила мел и повернулась, чтобы с гордостью посмотреть на своего учителя.

— Как вам? — спросила она, слегка переступая с ноги на ногу. На доске позади неё Лаки воссоздала стихотворение из эквестрийской истории, написанное рунами единорогов, со словами, расположенными в форме дерева. Это был амбициозный выбор для её первого окончательного проекта, гораздо более амбициозный, чем все, что делали её одноклассники, но это была единственная задача, которая казалась хотя бы отдалённо достойной лингвистических талантов кобылки.

Её одноклассники ошеломлённо смотрели через всю комнату. Даже единороги, казалось, не могли понять написанного. Учитель Новинг Лук — сам единорог в возрасте — наклонился немного ближе, прищурившись поверх очков, пока его глаза скользили по рисунку. Он редко выглядел довольным, но сейчас это изменилось. Учитель выглядел расслабленным, даже впечатлённым.

— Ты упомянула, что также намеревалась включить декламацию.

— На мундусе, да, — ответила Лаки. Ей больше не нужно было пытаться расшифровать, что говорил он или кто-либо из других пони вокруг неё. Почти все в эквестрийском стало для неё ясно и понятно, если исключить специфические технические термины. И изучение этих терминов было причиной того, что она начала изучать три древних языка, объединение которых и породило эквестрийский тысячелетия назад. Мундус был древнейшим из них, языком единорогов и других мифических существ, живших до них.

— Ты можешь начинать, — сказал учитель, откидываясь на спинку стула. Он выглядел нетерпеливым. Одноклассники Лаки, с другой стороны, хмуро смотрели на неё. Она видела подобные взгляды много раз раньше.

Кобылка заговорила, повторяя текст на языке оригинала. Мундус обладал тональностями, недоступными человеческому горлу, требуя от говорящего идеальной высоты звука и превращая любой разговор в дуэт. Чтобы правильно говорить на нем — требовалось петь. Но Лаки это не смущало — тут её голос стал гораздо приятнее, чем был на Земле.

Знание магии было знанием путей,

и, как понимали мудрые, безопасность была найдена.

В дружбе они находили удовлетворение,

наполняя свой мир радостью, чтобы служить бесконечные годы.

Лаки почти ничего не понимала из стихотворения, но выбрала его не из-за этого. Оно считалось одним из самых технически сложных произведений в истории единорогов. Оно требовало, чтобы говорящий понимал каждую неправильность в замысловатом языке пони, каждый особый случай, каждое исключение. Его так же не мог понять кто-то, кто говорил только на эквестрийском, хотя знание его, конечно, помогало.

Класс уставился на неё с выражением недоверия и замешательства на лицах. Некоторые могли определить, насколько впечатляющей была её работа, и их хмурые лица стали ещё мрачнее. И всё же, каким бы драматичным ни казалось это достижение, Новинг Лук только улыбнулся, постукивая копытом по полу.

— Отличная работа, Лаки. Ты можешь сесть.

И всё же, каким бы спокойным ни было выражение его лица, кобылка видела, что он улыбается.

Остальные ученики в её классе выходили к доске по очереди. У большинства были более традиционные проекты — картины или музыкальные номера, все из истории Эквестрии или Кристальной Империи. По сравнению с тем, что показала Лаки, все это выглядело как детские поделки.

Что ж, это и были детские поделки. В школах пони использовали метки в качестве разделителя между классами, и это привело к тому, что Лаки училась со множеством пони, что выглядели моложе, чем она. Но кобылка не пыталась выпендриться, честное слово! Она просто пыталась использовать любую возможность, чтобы узнать как можно больше для своей настоящей миссии, а также завершить свой проект.

Пони, похоже, так не думали, потому что, когда класс наконец разошёлся, не было ни одной группы, к которой она могла бы присоединиться. Её оставили одну заниматься, в то время как остальные убежали играть или заниматься другими детскими вещами. По крайней мере, на этот раз Новинг Лук позвал её обратно, прежде чем она успела дойти до двери и присоединиться к толпе.

— Я хотел спросить тебя, Лаки... — предварительно дождавшись, когда большинство других учеников уйдёт, начал жеребец, больше не пытаюсь скрыть, насколько он доволен. — Задумывалась ли ты о том, в каком направлении намерена продолжить своё образование после окончания школы?

Он мельком бросил взгляд на её бок и чистую шерсть в этом месте.

— Как только у тебя появится твоя метка, ты получишь право двигаться дальше. Многие из твоих одноклассников преследуют локальные цели — профучилища и тому подобное. Ты вообще думала об этом?

— Н-нет, — призналась кобылка.

Большинство пони её возраста работали с родителями или членами семьи, обучаясь у них, чтобы освоиться. Но Кристальная Империя не использовала погодных команд, и Лайтнинг Даст отказалась брать её с собой на работу. Чем бы она ни занималась, она явно не хотела, чтобы Лаки училась этому.

— Я этого и боялся, — учитель левитировал стопку бумаг на стол рядом с ними, чтобы кобылка могла взглянуть на них.

Лаки посмотрела на ту, что лежала сверху, это было заявление о приёме в нечто под названием «Королевский колледж Кантерлота».

— Есть множество пони, которые могут очистить небо от облаков, Лаки Брейк. Так много твоих коллег-пегасов собираются лететь на юг, чтобы трудиться в погодной команде. Но из всех пони, которые могут это сделать, лишь малая часть может столь идеально воссоздать «Знание путей» всего после нескольких дней обучения. Есть столетия истории, написанные на мёртвых для нас языках, герои, злодеи и правители с именами, утерянными ещё до того, как образовалась Эквестрия. Твой талант может оказаться именно тем, чего так ждали пони в Королевском колледже Кантерлота.

— Я, э-э...

Лаки переступила с ноги на ногу, заставляя себя отвести взгляд от бумаг. Она была в восторге от этой идеи, адреналин бурлил в крови. Да, она была создана, чтобы служить Обществу Первопроходцев, изучить эквестрийский язык, чтобы люди могли установить дипломатические отношения с инопланетянами. Но эта миссия была почти завершена — все, что ей оставалось, это записать все изученное и составить окончательный отчёт. Написать книгу, обучить несколько классов, снять скан разума, и после этого она будет вольна делать со своей жизнью все, что захочет.

На Земле все было уже изучено. Но здесь, в Эквестрии, были тайны. Целый пласт истории. Новинг Лук, несомненно, знал, как заинтересовать её.

— Я понимаю, о чём ты думаешь, — заметил жеребец, левитируя седельные сумки Лаки и засовывая бумаги внутрь. — Просто заполни их, хорошо? Принеси сюда, а я позабочусь о том, чтобы все отправить. Нет никакой гарантии, что колледж примет тебя. Я знаю...

Учитель оглядел класс, убеждаясь, что тут нет других пони, которые могли бы подслушать. Никого не было.

— Я знаю, что твоя семья не имеет ни хороших связей, ни денег. Но колледж не требует ни того, ни другого. Многие из лучших учёных выходцы из скромных семей.

— Хорошо, мистер Лук. Я так и сделаю... Я все заполню.

Ей не очень нравилась идея уезжать так скоро. Она может получить метку в любой день, и как только это произойдёт... технически она станет взрослой. Именно поэтому многие пони перешли от обязательного образования к специальному.

«Но это при условии, что я вообще смогу получить метку».

Об этом явлении писали очень мало, как будто любые подробные исследования этого вопроса считались табу. Возможно, пони могут даже стесняться этого, вероятно, это всё равно что просить человека рассказать истории о своём половом созревании.

— Хорошо, — учитель отступил, указывая на открытую дверь. — Это все, о чём я прошу. Подача заявления не гарантирует, что тебя примут, но нет причин не попробовать. Ты потеряешь лишь время, даже если они откажут. В любом случае погодные команды никуда не денутся.

— Д-да, — Лаки хихикнула, немного расслабляясь.

Она вышла из класса и направилась по коридорам школы. Здесь было всего несколько помещений, по одному классу на каждый год. Специализированных предметов было очень мало, почти ничего, кроме залов для диспутов.

Сама Лаки была в самом старшем классе, в котором пони были на пороге взросления. Здесь учились и те, у кого уже были метки, но они ещё не начали обучение профессии.

Жеребчики и кобылки галопом носились мимо неё по коридорам, хихикая во время игры. Некоторые даже играли в знакомые ей игры или настолько близкие к тем, в которые играют человеческие дети, что только названия и отличалось. Кто-то пользовался в играх картами, вырезанными фигурками и костями. Часть отправилась на полях за пределами школы, где такие виды спорта, как «хуфбол», были обычным делом. Лаки присоединилась к тем, кто тихо сидел в библиотеке, читая, занимаясь

или играя в настольные игры. Она уже выполнила все домашние задания, но только сейчас нашла уединённое место, где можно было посидеть, и принялась заполнять заявление в колледж. К тому времени, как за ней прилетела Даст, она уже с ним закончила.

— Эй, мелкая, — неожиданно произнесла Лайтнинг позади неё, так внезапно, что кобылка чуть не подпрыгнула.

— Эй! — Лаки улыбнулась ей. — Готова взять меня с собой на работу?

— Нет, — пегаска села рядом с ней, разглядывая бумаги. — Что это?

— Ничего! — кобылка поспешно сунула все в седельную сумку. — Просто то, что, по мнению моего учителя, я должна была сделать, ничего особенного.

Она начала собирать остальные свои принадлежности — закупорила чернильницу, убрала перо в футляр, чтобы оно не сломалось, и аккуратно сложила все книги в сумку. Все заняло примерно тридцать секунд, затем Лаки подняла глаза с усмешкой.

— Я готова!

— Ну, ты только посмотри, — Даст с улыбкой взъерошила её гриву одним крылом. — А сколько времени это заняло у тебя в первый раз?

Кобылка покраснела, опустив глаза.

— Э-э...

— Да. Именно столько.

Пегаска взлетела, поднявшись в воздух посреди библиотеки. Конечно, летать в помещении было против правил, но Даст было всё равно. Пока Лаки была с ней, ей тоже было всё равно. Конечно, даже нескольких месяцев занятий было недостаточно, чтобы сравниться с навыками пони, которая летала всю свою жизнь.

Лаки пришлось нестись за ней галопом к выходу, яростно хлопая крыльями на протяжении примерно десяти метров, прежде чем ей удалось набрать скорость для взлёта. Кобылка старалась не распахивать широко крылья, чтобы не зацепиться за стену комнаты и не кувыркнуться в воздухе. Двери из школы были закрыты, но Лайтнинг, похоже, было всё равно. Она шевельнула крыльями, и порыв ветра распахнул их перед ними, позволяя спокойно пролететь мимо нескольких ошеломлённо выглядящих кристальных пони, медленно спускающихся по ступенькам.

Но Лаки не оглядывалась назад, на самом деле ей было всё равно. Улицы Кристальной Империи вскоре исчезли внизу, а многочисленные облака и горстка облачных зданий становились все ближе и ближе. Они не жили наверху — облачные дома в Кристальной Империи были дороги, а новые не разрешалось строить, чтобы они не затеняли город. Но это всё равно было хорошее место, чтобы попрактиковаться в полётах.

Она всё ещё не могла угнаться за Даст, но это не имело значения. С помощью Лайтнинг Лаки с каждым днём становилась все быстрее. К тому времени, когда она вырастет, возможно, она тоже сможет делать все те удивительные вещи, на которые способна Даст. И даже если не сможет... полет сам по себе был сном наяву.

Но на её душе всё ещё лежал один груз, который не мог исчезнуть от обычного времяпрепровождения с Лайтнинг Даст.

«Я говорю абсолютно свободно. Я почти закончила писать книгу об эквестрийском. Как только я закончу...»

Когда она закончит, ей придётся либо вернуться, либо начать врать в своих отчётах и притворяться, что не врёт. Лаки не была уверена, как поступит.

* * *

«Пилигрим» не был похож ни на одно другое летательное средство, на котором Джеймс доводилось летать раньше. Если уж на то пошло, он больше всего походил на её старый фургон, в котором она жила, когда училась в университете. «Пилигрим» немного напоминал именно его, за исключением того, что был пятидесяти метров в длину, покрыт тонкими броневыми листами и имел палубу сверху, по которой экипаж мог ходить, даже когда он был в воздухе.

Все, что потребовалось, — пара магнитных ботинок, чтобы быть уверенными, что их не сдует (ладно, две пары, потому что тела пони были глупыми), и пара шумоподавляющих наушников, которые отсекали звук водсьми гигантских роторов, расположенных в разных точках по периметру корабля. Даже находясь в наушниках, Джеймс могла слышать их как глухой гул в затылке.

Как только они стартовали, даже Оливия поднялась на верхнюю палубу, наблюдая за проплывающей мимо Эквестрией и слушая, как Карл и Дороти терпеливо объясняют все, что им показала Мартин. Сама Мартин была единственной, кто не пошла наверх, и, следовательно, Джеймс была одна. Она оперлась на перила, чувствуя, как мимо проносится ветер. Здесь, на носу корабля (или на передней части маленькой, защищённой смотровой площадки), она почти чувствовала, что может летать. Облака под ними были не так уж далеко, и она страстно желала присоединиться к ним, плыть по воздуху, расправив крылья, стиснутые униформой.

«Может быть, когда лингвистическая команда вернётся, они смогут показать нам, как летать, а не только учить языку».

Джеймс решила включить запрос по поводу полётов в следующее сообщение, как только она вернётся вниз, чтобы набрать его. Если языку можно было обучаться, отправляя инструкции и заметки через терминал, может, это сработает и с полётами. Учитывая, сколько имплантов Оливия напихала в их тела, это должно быть не сильно сложно, верно?

Ей ещё не говорили, для всех ли это так, но она знала путём простых проб и ошибок, что просто невероятно сильна — сильнее, чем человек её размера, и, вероятно, сильнее, чем пони.

«Я должна рассказать им об этом мире-кольце. Они должны знать, в какой опасности мы находимся».

Джеймс оглянулась туда, где Оливия разговаривала с остальными. Можно было послушать их разговор через наушники, если бы возникло такое желание — единственный способ вести сколько-нибудь продуктивный разговор на верхней палубе. Но сейчас ей не хотелось никого слушать, и она их отключила. Пусть те, кто более склонен к науке, объяснят майору, насколько серьёзно то, что они живут на кольце.

Пегаска отвернулась и пошла обратно к двери, ведущей на нижние палубы. Она постояла перед ней несколько секунд, а потом торопливо вошла, прежде чем дверь за ней захлопнулась.

Всё слишком сложно, чтобы слать письмом. Лингвистической команде нужно всё знать прямо сейчас. Как только за ней закрылся шлюз, Джеймс вытащила из кармана свой планшет, положила его на пол перед собой, а затем повесила наушники на один из специальных крючков. Они ей больше не понадобятся, пока она не захочет вернуться наверх.

— Компьютер, подготовься к отправке сообщения для лингвистической команды.

— Команда принята. Что должно быть в сообщении?

— Мы обнаружили критически важную информацию. У вас есть время на видео-звонок?

Джеймс подождала, пока маленький логотип на экране перестанет вращаться.

— Сообщение отправлено, — сообщил компьютер. Пегаска положила планшет обратно в карман и пошла по широкому коридору «Пилигрима». Несмотря на то, что потолки здесь были подходящей высоты для тел пони, ей всё равно казалось немного странным, что коридоры такие широкие. Большинство летательных аппаратов были более тесными, чем этот.

«Всё было бы идеально, будь мы людьми, с чем облом. У Предвестника, вероятно, не нашлось чертежей, рассчитанных на пони».

Мартин устроилась в мужском жилом отсеке, так что Джеймс прошла весь путь до камбуза. Внутри никого не было, и инструментов для приготовления пищи было немного. Только раздатчик с напитками, полки с пайками и машина с горячей водой для регидратации этих пайков. Даже на Земле это считалось нездоровой пищей.

Джеймс не была уверена, как долго ей придётся ждать. Сам «Пилигрим» летел невероятно быстро, но им предстояло преодолеть большое расстояние.

«Если они свяжутся со мной до того, как мы прибудем — все хорошо».

Как только они прилетят на этот новый остров, Оливия заставит их всех работать, и у них не будет времени на отдых. Уж точно не в ближайшие недели.

Долго ждать не пришлось.

| У вас есть 1 новое сообщение.

| Конечно. До отхода ко сну ещё час, а Даст пошла за продуктами.
| Я с нетерпением жду встречи с тем, с кем говорила на прошлой
| неделе. Ты гораздо милее Оливии.

— Установи видеосвязь, — приказала Джеймс, хотя она чувствовала, как её желудок сжимается. У неё было предчувствие, с кем она сейчас будет разговаривать.

«Я лучший переводчик из всех, кто у нас есть. Почему Предвестник должен был довольствоваться вторым лучшим?»

На экране вспыхнул зелёный значок «Подключение». Через несколько секунд он превратился в чёткое изображение очаровательной маленькой квартиры с деревянными стенами и старомодной мебелью. Вычислительный терминал на другом конце стоял, прислонённый к потёртому столу, и в камеру смотрела пони с поразительно знакомым лицом.

Лицом Оливии. Однако шерсть всё ещё была жёлтой, а грива длинной и украшенной несколькими полосками зелёной и золотистой ленты. Пони сидела на высоком стуле, держа в копытах складную акустическую

гитару и бренча на ней крыльями. Кобылка посмотрела на экран, слегка покраснев и выпустив гитару. Та с металлическим стуком упала на пол, и пони села, положив копыта на стол, чтобы взглянуть в камеру.

— Ого, сработало! — воскликнула она таким же высоким голосом, как у Оливии, но с гораздо более дружелюбными интонациями. — Я приказала Предвестнику найти способ поправить ваш возраст... ты выглядишь как взрослая кобыла! Надеюсь... это то, кем ты должна быть.

— Нет, — призналась Джеймс, невольно прижав уши к голове. — К сожалению, нет. Мы работаем над тем, чтобы получить несколько мужских генетических образцов. Надеюсь, никому больше после нас не придётся иметь с этим дело.

— Хорошо, — сказала единственный член лингвистической команды. — Итак, эм... Я доктор Джеймс Ирвин.

Она произносила имя медленно, как будто слова были ей незнакомы.

— Рада наконец встретиться с тем, кому поручено... преподавать язык, вы сказали? Как вас зовут?

— Доктор Джеймс Ирвин, — ответила Джеймс.

Последовало долгое, тягостное молчание. Пони с другой стороны экрана посмотрела вниз, её уши прижались к голове. Она поёрзала на стуле, открыла рот, чтобы что-то сказать, и снова закрыла. Джеймс ждала, пока её слова дойдут до сознания, не стараясь облегчить задачу.

— Думаю, Предвестник решил, что я не вернусь.

Снова долгое молчание.

— Ну... в таком случае, почему бы тебе просто не называть меня Лаки Брейк? Это имя, которое пони используют для меня, и... это уберёжёт нас от путаницы.

— Конечно, — ответила Джеймс. — Лаки Брейк.

Она была почти уверена, что напортачила с произношением эквестрийских слов, но сделала все, что могла. Её клон на другом конце не жаловался.

«Не мой клон. Она старше меня, даже если выглядит моложе. Я её клон. Или... мы оба клоны одного и того же мёртвого человека на расстоянии в несколько световых лет».

— Нам не следует обсуждать это прямо сейчас. У нас есть другие причины для беспокойства.

— Да, — согласилась Лаки. — Твоё сообщение звучало довольно обеспокоенно. Я не уверена, что в этом может быть такого особенного... эта планета — идеальное место для колонии! Местные жители дружелюбны, их цивилизация достаточно близка к человеческой, чтобы мы могли вести дипломатический диалог! Они выглядят странно, но в этом нет ничего особенного. Я уверена, что наши биологи в конце концов выяснят, что мешает человеческому организму выживать здесь. Как только мы с этим разберёмся...

Джеймс подняла копыто, чтобы заставить кобылку замолчать. Всё равно потребовалось несколько секунд, чтобы сигнал дошёл. В конце концов она замолчала, скептически глядя на неё.

— Что?

— Это не планета, — сказала Джеймс медленно и спокойно. — Это мир-кольцо. Кольцо Дайсона.

Лаки Брейк рассмеялась. При этом она вздрагивала всем телом, крылья подёргивались, а уши встали торчком.

— Д-да, это забавно. Я тоже люблю научно-фантастические книги. Но серьёзно, какие новости? Если только ты просто не хотела поболтать. Встреча с моим близнецом — это круто. Младший близнец?

— Сосредоточься, — сказала Джеймс, чуть громче, чем обычно. — Я не шучу. Терминал, отправь составной спутниковый фотоколлаж, сделанный Мартин.

В нижней части экрана появился маленький значок отправки. Через несколько секунд он исчез, и свет, отражавшийся на лице Лаки, поменялся.

Она наклонилась поближе, чтобы рассмотреть изображение, и при этом её глаза заметно расширились.

— Это... не шутка.

— Не-а. Мне интересно знать, как ты жила с ними все это время, не обнаружив такой важной детали. Разве они не знают, что живут не на планете?

Лаки помотала головой.

— Они никогда не говорили об этом! Большинству пони наплевать на то, что находится за пределами Эквестрии. Слишком опасно находиться там, где Селестия и Луна не защищают. Что-то, связанное с их религией...

Кобылка замолчала, глядя в сторону.

— Если так подумать, каждая история, которую я когда-либо слышала о пони, покидающих Эквестрию, подразумевала, что они никогда не возвращаются. За исключением нескольких национальных героев, эти кобылы могут любому...

— Эй, — снова прервала её Джеймс, прочищая горло. — Нам не нужны такие детали. Я просто хотела убедиться, что ты знаешь об этом... и понимаешь, что это подразумевает.

Кобылка на мгновение задумалась, всё ещё глядя на экран.

— Подобное не могло появиться естественным путём?

— Ни при каких обстоятельствах. Даже если бы кольцо не было нестабильным, а так оно есть, мы поглощаем гораздо больше энергии, чем требуется для поддержания биосферы. Мы живём на внешней поверхности и, как ты заметила, заживо не поджариваемся. Следовательно, с энергией что-то происходит — что-то, чего мы не видим. Не говоря уже о том, что тут есть спутники, которые обеспечивают смену дня и ночи. Если только ты не думаешь, что два регулярно вращающихся спутника, излучающих идеальные длины волн для жизни в том виде, в каком мы её знаем, просто появились ниоткуда.

— День и ночь зависят от спутников? — повторила Лаки, в её голосе звучал куда больший ужас, чем до этого момента. — Это объясняет...

Она энергично замотала головой.

— Нет, не может быть.

— Не может быть что?

Лаки опустила голову, прижав уши от смущения.

— Ну, местные вроде как живут в теократии... довольно светской... но пони, стоящие во главе, вроде как управляют солнцем и луной. Это, наверное, ерунда, но...

— Хм, — Джеймс нахмурилась. — Это не так уж и невозможно. Хотя, вероятно, это всё же просто часть их религии.

Лаки снова подняла глаза.

— Спасибо, что рассказала мне это. Есть ещё что-то, что мне необходимо знать?

— Нет. Не прямо сейчас. Я знаю, что не могу приказывать тебе. Но если у тебя есть время... поспрашивай об этом местных жителей. Может быть, в их истории или мифологии есть что-то, что объяснило бы, кто поместил их сюда. Мы не хотим, чтобы садовник вернулся и обнаружил, что мы тут портим его Эдем.

— Ага, — Лаки оглянулась через плечо, когда за дверью, что-то брякнуло. Без сомнения, кто-то возился с ключами. — Мне пора! Если я что-нибудь узнаю, я отправлю отчёт!

Кобылка протянула копыто, и экран потемнел.

Несмотря ни на что, последняя мысль Джеймс об этом разговоре не имела ничего общего с инопланетянами.

«Она играла на моей гитаре крыльями. Интересно, смогу ли я так же?»

Лаки Брейк сосредоточилась на музыке.

Всего пару месяцев назад, когда она была расстроена, можно было отвлечься на загадки эквестрийского. В Кристальной Империи было много библиотек, куда можно было сходить, множество книг, и в крайнем случае всегда можно было выйти на улицу, чтобы опробовать незнакомые слова.

Но постепенно все тайны языка были раскрыты. Кобылка больше не могла полагаться на эту головоломку для отвлечения, когда была напряжена или обеспокоена. Ладно хоть у неё была гитара.

Когда Лаки Брейк впервые получила свой повторно созданный инструмент, она думала, что никогда не сможет на нем играть. Все эти крошечные струны, расположенные так близко друг к другу — как она может играть на них копытами?

Ответ, конечно, заключался в том, что никак. Местные могли творить копытами просто невероятные вещи, но даже после полугода обучения кобылка так и не смогла приблизиться к их мастерству обращения с этими округлыми брусками на концах своих конечностей. К счастью для Лаки, у неё были крылья.

Поэтому она устроилась на старом кухонном стуле, держа гитару перед собой передними ногами и брэнча крыльями. Она всё ещё не была точно уверена, как у неё получается — казалось, что чем меньше она концентрировалась на игре, тем лучше звучала музыка.

Учитывая все, о чём ей приходилось думать, гитарные каверы на дискографию «Beatles» звучали великолепно. Ещё лучше получалось, если она подпевала, но сейчас ей требовалось больше сосредоточения, так что на пение отвлекаться не стоило.

Эквестрия была не на планете. Крупная луна газового гиганта была бы вполне приемлема — Лаки должна была бы заметить газовый гигант в небе давным-давно, но это было бы приемлемо. Она могла бы с этим смириться.

Нельзя было отрицать спутниковые снимки на экране прямо рядом с таблицей аккордов песни. Пони, которая передала ей эту информацию, лунной тоже считать было нельзя — этой пони была она сама. Доктор Джеймс Ирвин могла сделать многое, но врать о чём-то столь важном для их миссии, точно не входило в это число. Ни единого шанса.

«Земля не смогла бы построить мир-кольцо, — думала она, играя. — А пони даже не умеют создавать компьютеры, не говоря уже о чём-то подобном».

Это наводило на очевидный вывод: пони кто-то сюда поместил. Кто-то намного более продвинутый, чем её культура. Лаки не могла себе представить, как могут думать такие существа, но точно не так как эквестрийцы. Пони были просто людьми с немного другой диетой и менее продвинутыми технологиями. Многое из того, что она видела и делала среди них, прекрасно вписалось бы в фантастику с историческим уклоном — за исключением месяца, который она провела, живя на облаках.

Но был ещё один момент, о котором её второе я не знало, и он значительно усложнял картину: принцесса Селестия и принцесса Луна, как говорили, управляли солнцем и лунной.

«Это всё ещё может быть мифологией, как я всегда считала. Или, может быть, они просто посылают команды по радио на удалённые спутники. Передвигают эти гигантские прожекторы, направленные на нас.

Даже Лайтнинг Даст, похоже, убеждена, что они на самом деле двигают солнце и луну».

Её мама была слишком умна, чтобы поддаться на простой трюк. Это не могло быть совсем простым, типа принцессы, указывающие копытом в небо и произносящие несколько волшебных слов в нужное время.

Позади Лаки с грохотом открылась входная дверь. Замков на ней не было — пони, похоже, совсем не парились насчёт них.

Во рту Даст несла продукты — никогда не так много, как им было нужно, но достаточно, чтобы Лаки редко чувствовала себя голодной. Им даже траву есть приходилось не часто.

Кобылка попыталась положить гитару, но Лайтнинг стукнула копытом.

— Сди игай, ама упавсь! — сказала она, голос был приглушён сумками, которые она несла. Пегаска направилась на кухню, наблюдая, как играет Лаки.

Та не стеснялась того, что за ней наблюдают, по крайней мере, когда это была её мама. От других пони Лаки начинала сбиваться и останавливалась, как будто их взгляды лишали её крылья той ловкости, которая была необходима для игры.

Тем не менее она переключилась на одну из самых коротких песен, подпевая себе под нос. Даст, казалось, наслаждалась её игрой, и, вероятно, с большей готовностью будет отвечать на вопросы, если Лаки сыграет песню целиком, прежде чем прекратит.

«Золотые сны» заняли чуть больше минуты. Кобылка чувствовала, что расслабляется под музыку, забывая обо всем, включая беспокойство о правителях Эквестрии.

Не существовало ничего, кроме её гитары и песни, написанной группой, которая умерла задолго до её рождения. Насколько она знала, эта песня могла оказаться одним из последних культурных артефактов, оставшихся от её бывшего дома.

Чем больше она играла, тем все более незначительными становились откровения об Эквестрии. Все это не имело значения, потому что у неё были друзья и пони, которые любили её. Кого волновало, что делает её клон — она могла играть на своей гитаре вечно.

Затем она услышала, как Лайтнинг топает копытами, что для пони было равносильно хлопкам в ладоши. Пегаска просто сидела и слушала. Сколько времени прошло, как она закончила песню?

— А ты действительно прекрасно играешь, мелкая! Я слышала профессиональных музыкантов, которые не звучали и вполтину так же хорошо. И никто из них не знает тех песен, которые знаешь ты.

— Это чепуха, — сказала Лаки, осторожно ставя гитару на пол рядом с собой. Её терминал отключился для экономии энергии, поэтому на нем больше не отображалось изображение кольца, вид сбоку.

Даст вернулась на кухню. Повар из неё был так себе, но она уже кидала продукты в кастрюлю. Один из личных рецептов Лаки, ещё со времён учёбы в колледже. Фасоль и картофель тоже каким-то образом попали сюда, и были так же дешёвы в Эквестрии, как и на Земле.

— Это не чепуха, — возразила пегаска, бросая в кастрюлю ещё несколько очищенных картофелин. — Ты готовилась стать певицей, когда ещё жила со своими... другими, такими же как ты?

— Нет, это было просто хобби. Иногда я им пользовалась, чтобы оплачивать счета. Там было много кофеен и закусочных, которые позволяли мне играть несколько часов в неделю. В общем, заправлять фургон хватало...

Лаки замолчала, наконец вспомнив, собственно, из-за чего она была так расстроена.

— Лайтнинг Даст, могу я задать тебе вопрос?

— Ты всегда задаёшь мне вопросы, мелкая, — кобыла сделала паузу, пока ставила кастрюлю на плиту, а затем повернула ручку сбоку. Как и в их старом доме в Стормшире, тут для приготовления пищи использовалась «магия». — Что сегодня?

Лаки глубоко вздохнула.

— Где находится Эквестрия?

— Хм?

— Ну... Эквестрия — это страна, верно?

— Да?

— Где она?

— В центре мира, — как ни в чем не бывало ответила Даст. — Это место, где правят принцессы. Лучшее место для жизни.

Кобылка застонала от разочарования.

— Нет, я не это имела в виду! Как вы называете... — она обвела копытом широкий круг вокруг них. — Это.

— Кристальная империя? Лаки, я не понимаю, о чём ты говоришь. Может, учителя спрашиваешь?

— Нет! — кобылка топнула копытом. — Я сделаю это завтра после занятий, но это слишком важно, чтобы ждать.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями.

— Хорошо, итак, Эквестрия на земле. Эта земля парит в космосе. Как звезды, луны и прочее. Верно?

— Ну, одна луна. И звезды далеко, но уговорила. В космосе.

— Как вы называете то, частью чего является земля? — спросила Лаки. — Если бы здесь не было пони, и Эквестрии никогда не существовало, как бы она называлась?

Даст подошла и села примерно в метре от кобылки.

— Ты имеешь в виду... Эквус?

— Да! — Лаки никогда раньше не слышала этого слова, но оно определённо было существенным собственным. — Должно быть, так называется ваше место!

Для последнего слова, которое использовала пегаска, не было перевода на эквестрийский.

— Как выглядит Эквус?

Казалось, на минуту это сбило Лайтнинг с толку. Она огляделась вокруг, как будто что-то искала. Затем она взяла со стола лист бумаги и, не обращая внимания на пометки Лаки, принялась за работу.

Много времени это у неё не заняло. Даст положила лист перед собой вдоль и нарисовала грубые горы сверху и снизу. Она добавила несколько линий, отметив границы Эквестрии, что поместило страну почти в самый

центр рисунка. Пегаска нарисовала океаны с обеих сторон и написала «слишком холодно!» сверху и снизу. По обе стороны были добавлены стрелки с надписью «пустошь».

— Вот так он выглядит, — наконец заявила Лайтнинг, явно очень гордая собой. — Мы живём в лучшей части мира, в Эквестрии. Пони лучше всего заботятся о своей земле... Остальные существа не так хороши в этом, поэтому если ты отправишься слишком далеко на запад или восток, там будет становиться все хуже и хуже. Слишком сухо, не очень много животных... что-то типа такого. И мы здесь.

Она указала в верхнюю часть рядом с границей, совсем недалеко от зоны со словами «слишком холодно!».

— Мы так далеко на севере, как только возможно. Вот почему мы в безопасности. Если бы мы жили с цивилизованными пони в небесах...

Пегаска покачала головой.

— Откуда твои пони?

Лаки проигнорировала вопрос, уставившись на карту.

— А там есть земля... дальше? — она указала на стрелки, ведущие в «пустоши». — Что произойдёт, если пони пойдёт в ту сторону?

Даст пожала плечами.

— Грифоны, драконы, минотавры... в конце концов будет конец света. Я предполагаю, что там, вероятно, ещё одна Нибиру, где слишком холодно и магия работает неправильно. Но никто никогда не смог зайти так далеко и вернуться, чтобы рассказать наверняка.

«Они не знают, что находятся на кольце. Но разве мы сочли бы странным, если бы Земля была таким же кольцом, если бы у нас не было других планет в системе, с которыми можно было бы её сравнить?»

— Ладно. Ещё один вопрос. Откуда взялся Эквус?

Мама выглядела смущённой.

— Откуда... откуда он взялся? Что это значит?

— Ну в смысле... что создало Эквус? Раньше было время, когда его не существовало, а потом он появился. Как он сюда попал?

— Я думаю, тебе нужно уделять больше внимания урокам, мелкая, — Даст снова взъерошила гриву Лаки. — Никакого раньше не было. Я не знаю почему... но я помню это очень хорошо. Может быть, ты об этом всё-таки учителя спрашиваешь?

Она так и сделала, уже на следующий день. Новинг Лук показал ей карту, похожую на ту, что нарисовала Лайтнинг Даст, только больше и с отмеченными всеми важными городами и регионами Эквестрии. Когда кобылка попросила объяснений, почему на севере и юге горы или почему там так холодно, учитель рассказал ей только старую легенду о чём-то, называемом «Виндиго» и ещё какой-то религиозной чепухе.

После подачи заявления в колледж Лаки начала использовать все своё свободное время, исследуя все, что можно было найти об истории и строении Эквуса. В Кристальной Империи были одни из самых древних книг во всей Эквестрии, оставшиеся с тех времён, когда древний король Сомбра правил тут кровью и ужасом более тысячи лет назад.

Древний эквестрийский был сложен, но Лаки могла освоить его. В книгах должно было быть хоть что-то.

* * *

Когда Джеймс вернулась на палубу, она не сильно удивилась, обнаружив, что Оливия всё ещё ругается с остальными. Пегаска не стала надевать наушники, она не могла сосредоточиться на том, о чём они там говорили. Джеймс была так погружена в свои мысли, что чуть не пропустила фигуру, летящую в их сторону. Она летела не по прямой, как они, а плавно поднималась и опускалась, каждый раз с разными периодами. Как будто кто-то, полностью вымотанный, но всё ещё пытающийся летать.

Пегаска прищурилась и обнаружила, что-либо импланты, либо естественные глаза этого вида давали ей чрезвычайно острое зрение. Даже на таком расстоянии она могла довольно чётко различить очертания. У существа были тёмные крылья и шерсть, и оно летело прямо на них.

Джеймс изо всех сил пыталась натянуть наушники.

— Майор! — она надеялась, что техника справится с рёвом на палубе. — Майор Фишер, вы должны это увидеть!

Она сразу же повернулась и зашагала к ней. Кобылка шла той жёсткой, неестественной походкой, которую все они использовали с магнитными ботинками, высоко поднимая копыта и только по два за раз. В противном случае сработали бы системы безопасности, заставив идущего резко остановиться.

— Дерьмо, — сказала майор. — Оно действительно летит к нам. Предвестник, готовь главное оружие.

— Нет! — закричала Карл, бросаясь к ним, но тут же дёрнулась назад, когда все ботинки разом прилипли к палубе. Она сделала паузу, собираясь с мыслями, а затем медленно пошла к ним. — Как насчёт того, чтобы не стрелять в них, а поговорить? Мы могли бы зависнуть, позволить приземлиться...

— Это полнейшая глупость, — Оливия хмуро оглядела их всех. — Мы пытаемся скрываться от Эквестрии, помните? Если этот инопланетянин видел наш корабль...

Пони летел не очень быстро. «Пилигрим», с другой стороны, быстро сокращал дистанцию. Так быстро, что Джеймс смогла разглядеть больше подробностей. Он выглядел не так как они и с другой формой тела. Возможно, самец? Ещё минута или две, и они будут прямо над ним.

— То на этой планете появится безумная версия истории про НЛО, — возразила Карл. — Летающий металлический корабль с экипажем из идентичных близнецов. Но мы можем учиться у него.

— Он летит не с той стороны, — заметила Джеймс, осторожно подходя к Карл и майору в центре палубы. — Он приближается извне. Несёт что-то — возможно, из другой страны. Хотим ли мы вмешиваться в местную политику?

— Мне плевать на их политику, — отрезала Оливия, но выражение её лица изменилось. Она расслабилась, став более холодной и расчётливой. — Есть ли в этом какой-то смысл? Вы же не смогли уже освоить их язык, не так ли, доктор Ирвин?

— Нет, — призналась она. — Я пока знаю всего несколько слов. Но у Предвестника есть все данные, которые я пересылала сюда. Вероятно, он мог бы переводить для нас в режиме реального времени, используя гарнитуры.

— Но мы должны зависнуть, — крикнула Дороти с другого конца корабля. — Если этот инопланетянин полетит к нам, думая, что сможет приземлиться, он врежется в щит над палубой и сломает себе оба крыла.

Термин «щит» был слишком щедрым для высокоскоростного слоя воздуха, формирующегося над палубой из-за хитроумно спроектированного аэродинамического профиля корабля и призванного защитить от сильно-го ветра в полёте. Но Дороти, вероятно, была права насчёт того, что он мог сделать с парой хрупких крыльев, особенно на такой скорости.

— Сбавь скорость до зависания, Предвестник, — рявкнула Оливия. Палуба под ними покачнулась, когда летательный аппарат начал замедляться. — Раз вы все так сильно хотите поговорить, тогда сами этим и займитесь. Мне нужно кое-что забрать из трюма.

Она повернулась и зашагала прочь, в недра корабля, оставив их одних. Долго ждать не пришлось. Пони приближался намного медленнее, теперь, когда они не летели в его сторону, но, несмотря на очевидную усталость, он всё ещё летел достаточно быстро. Довольно скоро он начал снижаться, и его копыта со стуком коснулись палубы.

Ветер перестал пытаться сдуть их с палубы, хотя бриз оставался достаточно сильным. Недостаточно, чтобы магниты были необходимы, хотя они всё равно сработали бы, попробуй кто-нибудь прыгнуть или идти слишком быстро. По крайней мере, можно было хорошенько рассмотреть нового пассажира.

Это был определённо жеребец, выше их всех, с тёмной шерстью и седой гривой. Крылья не были покрыты перьями, как сначала показалось издалека, а представляли собой кожистую перепонку. Ряд рваных шрамов тянулся по одному из боков, мешая росту шерсти, хотя они выглядели старыми и поджившими.

Пони открыл рот, чтобы заговорить, обнажив острые зубы, которых ни у кого из них также не было.

«Вероятно, тропический подвид. Он летел с юга».

У Джеймс уже была наготове запасная гарнитура, и она протянула её жеребцу, жестами указывая на свою.

Больше ничего не потребовалось. У него ничего не было на ногах, и Джеймс с удивлением смотрела, как ему удалось ухватиться за скользкий пластик всего одним копытом и удобно пристроить гарнитуру на голове. Глаза жеребца расширились, когда наушники опустились на уши, и он быстро заговорил. Была небольшая задержка между его фразами и компьютерным голосом в ухе Джеймс с переводом (посредственным).

— Как подняться сюда без? Плохой подъём для звука почти пошёл в назад.

Жеребец указал копытом на спуск на нижние палубы и далее в ту сторону, откуда они прилетели.

— Полегче, — сказала Карл, поднимая одно копыто в подражании человеческому жесту умиротворения. — Помедленнее. Может, начнём с имён? Карл. Это Дороти и Джеймс. Кто ты?

— Я Дэдлайт, — ответил жеребец, на мгновение задержав взгляд на расстёгнутой форме Дороти. У Джеймс не было базиса, от которого можно было отталкиваться, но она подозревала, что имеет место типичная мужская реакция. На новоприбывшем не было ничего, кроме сумки, которую

он нёс на спине, так что для воображения оставалось мало поводов. — Сестры? Тройняшки? Ого. Впрочем, неважно.

Он снова указал на корабль.

— Что это за штука? Авиастроение развивается очень быстро, чтобы сделать такое. Металл, какой вес может взлететь? Где воздушный шар?

Джеймс вздрагивала при каждом неверном переведённом слове. Их язык, вероятно, звучал так же странно, если не хуже. Предвестник, по крайней мере, знал, как должен звучать настоящий английский. Если он не справлялся даже с переводом на него, то насколько же плохо получалось переводить на эквестрийский? Но она не могла снять наушники и попытаться использовать то (немногое), чему научилась за неделю, не под рёв пропеллеров. За всем этим шумом пегаска даже не смогла бы различить голос этого пони.

— Оно не такое продвинутое, как кажется, — ответила Джеймс, подходя к жеребцу ближе, чем осмеливались остальные. Многие из того, что она видела, совпадало с прочитанными заметками.

«Что ты делаешь так далеко от дома, пони?»

— Это потрясающе! — крикнул жеребец, или, по крайней мере, можно было предположить, что это был крик из-за внезапного увеличения громкости переведённого голоса. — Ты должна внутри показать мне внутри. Находить его из раньше?

— Я думаю, вы, должно быть, ошибаетесь насчёт нас, — медленно произнесла Дороти. — Вы все время видите такие летательные аппараты, как наш? Вы думали, что это обычно — иметь возможность приземлиться так, как вы это сделали?

— Да, — Джеймс заговорила раньше, чем успел ответить пони. С этими гарнитурами не было никакого способа использовать приватные каналы, хотя технология была совсем несложной. Но они просто не были предназначены для такого. Дэдлайт услышит каждое её слово. — В Эквестрии есть летающие города. У них есть летучие корабли... Воздушные шары, дирижабли...

— Эквестрия и я окончательно избегаем совместного проживания, — сказала пони с крыльями летучей мыши. — Все есть все, где живут пони. Интересные вещи теряются. Но ещё дальше... дальше мы находим все. Все, что мы забыли.

Позади Джеймс открылась дверь на нижние палубы. Она не обратила внимания, сосредоточившись на говорящем.

Жеребец ухмыльнулся.

— Я надеюсь, что странные сестры не возражают против ещё одного возвращения в Эквестрию. Долгий перелёт с юга... дольше, чем ты думаешь! Иметь что-то, на чем можно лететь — значит иметь то, что нужно от остальных. У меня есть биты...

Дэдлайт задёргался, и слабый щёлкающий звук прошёл сквозь копыта Джеймс. Пони перед ней упал, ударившись лицом о палубу, все его тело сотрясилось в неконтролируемых конвульсиях.

Майор Фишер стояла неподвижно, всё ещё целясь из своего электрошопового пистолета в грудь пони. Она опустила ногу, кивнув в сторону всё ещё дёргающегося жеребца.

— Оттащите его вниз, — приказала она. — Предвестник, приготовься возобновить полет. Мне теперь плевать на эффективность использования топлива — я хочу быть сильно выше, где воздух слишком разрежен, чтобы дышать.

Палуба содрогнулась под их копытами, и «Пилигрим» тут же снова начал подниматься. Джеймс поспешила к потерявшему сознание пони, помогая Карл подтащить его к двери с наименьшими повреждениями, насколько это было возможно.

— Не уверена, что вы слышали, но этот пони был...

— Я слышала каждое слово, — Оливия направилась обратно к двери. — Доставьте его вниз. Мы можем продолжить допрашивать его там, где он не сможет улететь.

Чем больше Лаки искала, тем больше расстраивалась. Дело было не только в том, что в эквестрийских книгах было мало написано о вопросах, которые её интересовали, — от инопланетного общества следовало ожидать культурных различий, даже если эти различия были чрезвычайно неприятными. Казалось, что библиотека была намеренно очищена от информации по конкретным предметам. Астрономия, например, была искусством для пони, которые изучали звезды как способ оценить творения мифической, обожествлённой версии принцессы Лúны.

В книгах почти не упоминалось об исследованиях за пределами Эквестрии, и то немногое, что всё же можно было найти, казалось таким же сильно мифологизированным, как и сами принцессы. То, что описывалось в нескольких текстах, было либо явным вымыслом, напоминающим «Илиаду», либо настолько ревизионистским, что Лаки не стала утруждать себя дальнейшим чтением.

В мифах о сотворении мира пони сосредоточились на основании Эквестрии как начале мира, хотя знали, что их вид жил раньше и в других местах.

«Как будто они намеренно невежественны».

Возможно, Лаки была параноиком, но ей казалось, что кто-то намеренно очистил библиотеку от любой информации, которая могла быть полезна в её поисках. Любой пони, который хотел бы узнать больше о строении своей «планеты», был бы сильно разочарован. Если науки преподавались в других частях страны так же, то пони даже не проявили бы любопытства.

Но ей было любопытно, и она не собиралась сдаваться. У других членов экипажа была своя миссия — очевидно, построить первый город на KOI-087.01, что звучало захватывающе. Может быть, они закончат к тому времени, когда Лаки придёт вернуться, и она сможет показать Лайтинг Даст на что похожи человеческие поселения. Это было бы весело.

Но в то же время у Лаки было уникальное преимущество, которого у них не было. Жизнь среди пони дала ей доступ ко многим их знаниям. Она отказывалась верить, что никто, ни один пони за всю историю Эквестрии не проявил даже малейшего любопытства в вопросе строения их мира.

* * *

— Что мне делать? — кобылка оторвала взгляд от своей маленькой горы библиотечных книг и выглядела как щенок, оставленный под дождём. — Такое впечатление, что никто не знает! Никого из вас даже не волнует, на чем вы живёте!

Даст нахмурилась, на мгновение задумавшись.

— Я даже не знаю, почему тебя это так волнует, Лаки.

— Я знаю! — воскликнула Лаки, не совсем отвечая на вопрос. — Что делает пони, когда книг в библиотеке недостаточно? Я спросила своего учителя, спросила библиотекаря...

— Мы могли бы отправиться на самый верх. Любой пони может получить аудиенцию у принцессы, хотя это зависит от того, где ты живёшь. Мы в Кристальной Империи, так что Кейденс — наш выбор. Считается, что она одна из самых лояльных в плане посещений — я слышала, что есть вероятность встретиться с ней в тот же день. Она пытается дать своей

дочери больше уроков в управлении страной, или... — Даст пренебрежительно махнула копытом. — Да без разницы. В общем, мы бы пошли к ней, и ты задала бы свой вопрос. Если тебя это так волнует.

Предполагалось, что принцессам тысячи лет, по крайней мере, большинство из них. Кейденс была исключением — она прожила всего несколько десятилетий. Она не могла обладать утраченными знаниями о прошлом. Но она может знать больше, чем обычные граждане, и она может сказать, у кого спросить. У неё были возможности, которых просто не было у библиотекарей.

— Но... не пойдём, — Даст неохотно подняла глаза. — Так что, по какой бы причине это тебя не волновало... тебе не следует говорить об этом с Кейденс.

Лаки Брейк на мгновение потеряла мысль. Она откинулась назад, вытянув перед собой крыло, и начала нервно поправлять перья.

— Я-я... Я не понимаю. Разве принцессы не должны быть самыми милыми пони в Эквестрии?

Лайтнинг грустно улыбнулась кобылке, слишком невинной, чтобы понять, что может повлечь за собой посещение дворца.

— Когда мы пойдём разговаривать с принцессами, нам придётся представиться. Я... подделала документы.

Она потянулась ртом к ближайшему ящичку, открыла его и достала тёмную папку. Пегаска открыла её, положив на пол, Лаки могла видеть содержимое. Внутри была пачка документов, необходимых для доказательства того, что Лаки была дочерью Даст. Наивная или нет, Лаки ошеломлённо уставилась в папку, отодвинув своё поддельное свидетельство о рождении в сторону, чтобы посмотреть на поддельные свидетельства об окончании школы и поддельные записи о проживании в клаудсдейльском сиротском приюте.

Любой, кто будет просматривать эти документы, нашёл бы между строк скандальную историю о юной Лайтнинг Даст, которая забеременела, когда ещё училась в Погодной школе Клаудсдейла. В конце концов Даст сама была сиротой, и такое поведение привело бы к тому, что её выгнали бы из школы и лишили всех стипендий. В документах рассказывалась история о жеребёнке, рождённом втайне, а затем спрятанном, чтобы пегаска могла нарушить правила и сделать жизнь лучше для них обоих. Это была настолько скандальная история, что Лайтнинг надеялась, что любой пони, изучающий эти документы, увидит нарушение закона прямо на поверхности и предположит, что обнаружил то, что она скрывала. Если бы они посмотрели глубже... если они свяжутся с приютом или с любым из свидетелей, перечисленных в анкете Лаки, они узнают правду.

— Это помогло тебе поступить в школу. Они помогли нам снять квартиру для проживания... не связывая тебя с кобылкой, которую я спасла. Даже если никто не знает, кто ты, есть шанс, что кто-то там знает, кто я. Ты исчезаешь из Стормшира в тот же день, когда уезжаю я? Даже полиция не настолько тупа. Куда бы мы ни отправились рядом с властью держащими, везде найдутся пони, которые могли бы сложить два и два.

Даст вздохнула.

— Ты действительно хочешь поговорить с принцессой? Мы будем должны предоставить все наши документы, чтобы попасть во дворец. Это шанс, что нас узнают. Скорее всего, этого не произойдёт — ты просто жеребёнок, у которого есть вопрос, такие вещи случаются постоянно. Но есть вероятность, что тебе не повезёт. В лучшем случае, никто не посмотрит на нас дважды, и мы войдём без проблем.

— А в худшем?

— Они заберут тебя прямо там, — призналась пегаска. — Вроде как, корона хотела, чтобы ты жила с кем-то, кроме меня. Может быть, если вмешаются те пони из Службы опеки Стормшира, они запрут меня где-нибудь в подземелье за то, что я пыталась похитить тебя. У нас крайне редко происходят похищения, но, уверена, после того как я забрала тебя, они назовут это именно так.

Лаки рухнула на пол, заметно сдувшись.

— Думаю, тогда это исключено. Я даже не могу, просто... написать письмо?

— Ну, наверное... могла бы, — ответила Даст. Должно же быть хоть что-то, чем она могла бы помочь кобылке взбодриться. — Если бы я выбирала за тебя, то я выбрала бы...

Голос понизился до сердитого рычания.

— Твайлайт.

Не то чтобы Твайлайт Спаркл намеренно разрушила жизнь Лайтнинг Даст. Но она всё равно была в этом замешана.

— Твайлайт Спаркл — принцесса всякого скучного и непонятного. Если соберёшься писать ей... просто не подписывайся полным именем. Конечно, есть маленькая вероятность, что она сделает ещё что-то кроме как ответит на письмо, это тоже может привлечь их внимание. Но она, вероятно, даже не ответит. Тебе, скорее всего, придёт официальное письмо от её помощника с благодарностью за то, что ты такая хорошая гражданка.

Но кобылка её больше не слушала. Всего, что спасло её от новой одержимости, было достаточно, чтобы вернуть ей прежнее, возбуждённое «я».

— В самом деле? Я сейчас же что-нибудь напишу!

Она поспешила к столу, вываливая из сумок со школьными принадлежностями их содержимое.

— Ладно, но... не упоминай моё имя, хорошо?

— Я... — Лаки замолчала, в замешательстве глядя на пегаску. — Почему нет?

— Просто не упоминай. Мы не совсем друзья. Если там будет моё имя, то шанс получить нормальный ответ сильно уменьшится.

— О, ладно, — кобылка развернула новый свиток, придавив его сверху одной из своих книг.

— Мне пора на работу, — сказала Даст, взглянув на часы. — Ты сможешь добраться в школу без опоздания?

— Да, — пробормотала Лаки, рассеянно махнув копытом в воздухе. — Конечно да. Смогу.

— Хорошо.

Лайтнинг ничего с собой не брала, да и одеждой не утруждалась. Она поспешила к двери, затем на балкон и на свежий воздух. Пегаска летела быстро — слишком быстро, чтобы кобылка могла последовать за ней, если бы даже попыталась.

Лаки всё ещё было любопытно, чем же занимается Даст. Без городской погодной команды у пони, которая всю жизнь занималась только этим, вряд ли было море возможностей. Она могла бы перебрать почти все работы, которые могли быть у пони, но она всё равно не угадала бы. Место работы Даст было... несколько менее респектабельным, чем все её предположения.

Вместо того, чтобы направиться в одно из многочисленных высоких зданий Кристальной Империи, пегаска спикировала за старый склад, а затем спустилась по шаткой лестнице в канализационные туннели. Они содержались в чистоте, как и все в Кристальной Империи, но запаха навоза и чего похуже по-прежнему пропитывал все, что попадало сюда. Запах был настолько силён, что Лайтнинг приходилось посещать баню, прежде чем идти забирать Лаки из школы.

Не потому, что она убирала туалеты — это была хоть и неприятная, но работа, которой нечего было стыдиться. Нет, то чем занималась Даст было куда хуже.

Она небрежно подошла к старым воротам с крепким замком, а затем открыла их одним движением копыта. Хотя замок выглядел надёжным, его давным-давно выпотрошили и он висел только для виду. Пегаска вернула его на место, затем замедлила шаг, чтобы поменьше шуметь. Тут было слишком тесно, чтобы летать, даже для такого профессионала, как она.

За поворотом коридоры стали намного грязнее, древние кирпичи покрылись слизью. Эти тоннели вели к шахтам короля Сомбры, где его армия рабов вкалывала до изнеможения, добывая железо для солдат и золото для короля. Были и худшие истории о том, что он делал с пони в этих туннелях, но... вероятно, это были просто истории. Даст очень надеялась, что все, что они говорили о призраках, бродящих по этому месту, тоже было просто сказками.

Она прошла мимо древнего горного оборудования, что выглядело намного лучше своего истинного возраста. Оно было заморожено во времени вместе с пони, которые здесь жили. Так что старые деревянные тележки, кирки и фонари ещё не успели проржаветь и превратиться в ничто.

В конце длинного коридора пространство снова раздвинулось, потолок стал выше. Фонарь Лайтнинг начал мерцать от внезапного порыва ветра, и она на мгновение остановилась, чтобы убедиться, что он не погаснет. Полного мрака тут не было, хотя путь ей ничего не указывало, кроме слабого оранжевого свечения внизу, где в древней скале открывался туннель. И там, внизу, у неё была назначена встреча.

Рокки был алмазным псом, его шерсть уже поседела, а один глаз был слепым и белесым. Другой его глаз был настороженным и менее тревожным, чем весь его хищный облик и сверкающие острые зубы.

«Они не едят пони, все в порядке. Они едят только камни».

Даст говорила себе это при каждом визите сюда и с каждым разом верила все меньше.

— Привет, Рокки, — сказала она, помахав копытом, останавливаясь перед псом. — Сегодня полная тележка.

Действительно, потрёпанная тележка торговца выглядела так, словно была доверху заполнена бочками без опознавательных знаков и деревянными ящиками. Не будь они такими лёгкими, ей было бы трудно тащить её.

— Пони беспокойны, — ответил Рокки. — Они чувят, что что-то приближается. Я чувю запах битов — вот и доставляю.

Лайтнинг медленно обошла вокруг повозки, к упряжи для пони, что будет тащить её.

— Отлично, — сказала она. — Какова моя доля на этот раз?

— Двадцать процентов. Небольшой бонус для твоей дочурки. Купи ей что-нибудь вкусненькое от меня.

Не то чтобы Даст не оценила дополнительные биты, но она знала, что эти слова были чем-то большим. Это было напоминание. Рокки знал, насколько шатким было положение Лайтнинг, хотя и не знал подробностей. С учётом всего того риска, на который она шла с этими поставками, пегаска должна была получать, по крайней мере, сорок процентов прибыли. Все, что делал Рокки, это привозил товар из-за пределов Эквестрии, где он был вполне легальным. Он мог купить все на рынке, а затем продать в десять раз дороже пони, отчаянно пытающимся избавиться от своих пристрастий.

— Да, хорошо, — простонала она, поудобнее расправляя сбрую. — Так и сделаю. Остальное я оставлю на месте, как всегда.

— Я знаю, что ты так и сделаешь, — пёс с подозрением наблюдал за ней, пока пегаска закрепляла упряжь, затем сильно ударил её по боку куском шнура, который всегда носил с собой. — Теперь иди, пони. Мои драгоценности ждут.

Лайтнинг захотелось лягнуть его в морду. Но она этого не сделала. Без битов от Рокки, как она заплатит за квартиру или купит свежую еду на стол? Трава здесь, в Кристальной Империи, на вкус была даже хуже, чем трава в самой Эквестрии.

«Все в порядке, — думала она, пробираясь вверх по туннелю. Он был прорыт алмазными псами в глухой переулочек и позволял проскочить мимо таможни и заняться доставкой. — Никто ещё не поймал её. И, вероятно, не поймают. Вероятно».

Но они точно смогут оплатить ещё неделю аренды, и именно это имело значение. Даст сможет разобраться с властями, если до этого дойдёт.

* * *

У «Пилигрима» не было настоящего карцера, но были четыре небольшие каюты с двухъярусными койками. Майор и Дороти заняли одну, Карл с Мартином другую, а Джеймс досталась целая. Именно туда они определили пони, на пустую нижнюю койку. Не было необходимости запира́ть двери — для их открытия требовался имплант. Без имплантов пони не выберется.

— Мы не можем просто держать его в заложниках! — крикнула Джеймс в лицо майора Фишера, как только они закинули жеребца в её каюту и закрыли дверь. Он явно через пару минут не очнётся.

— Это не так, — ответила Оливия, не дрогнув, несмотря на восьмисантиметровое преимущество Джеймс в росте. — Мы предотвращаем распространение конфиденциальной информации о нашем существовании и нашей миссии. Это была моя ошибка, когда я ожидала, что над океаном никого не будет — с самого начала нам следовало лететь выше. Я не знаю, почему у нас так много проблем с набором высоты...

— Итак, что мы теперь будем делать? — прервала её Карл, говоря почти так же сердито, как чувствовала себя Джеймс. — Убьём его?

— Нет, — майор снова подняла свой пистолет, один раз повернув его на магнитной рукоятке. Он снова прижался к плоти её ноги, прилипнув к импланту. — Убивать его было бы излишне. Если бы я хотела это сделать, то сделала бы сразу и столкнула тело в океан. Мы будем хорошо заботиться о нем в течение следующих нескольких недель, следя за тем, чтобы он как можно меньше узнал о том, кто мы и где находимся. Как только город будет отстроен, мы сможем выкинуть его где-нибудь в Эквестрии и позволить ему вернуться к... чем бы он там ни занимался. Он никогда не узнает никаких подробностей...

Оливия пожала одним плечом.

— Похоже, он с самого начала был сумасшедшим. Таким как он никто не поверит.

От Дороти пахло совсем не так расстроено, как от Карл. Когда она заговорила, в её голосе звучало только удивление.

— Это значит, что я могу оказать ему медицинскую помощь, верно?

Она не стала дожидаться ответа, сняла со стены аптечку первой помощи, взяла её в зубы и открыла дверь с помощью своих имплантов.

— Он ужасно далеко улетел в одиночку. Мы не можем держать его здесь! Что, если он каким-то образом важен для Эквестрии?

— Нас не волнует, что происходит с местными странами, — перебила майор Фишер. — Мы тут ни при чем... мы не собираемся причинять вред никому из них, но мы и не обязаны вмешиваться. Если опасность действительно существует, мы можем вести переговоры с тем, кто победит.

Она отвернулась и пошла по коридору к мостику.

— Во всяком случае, катастрофа для Эквестрии поставит нас в более выгодное положение при переговорах.

Оливия остановилась, снова обернувшись, выражение её лица было твёрже корпуса «Пилигрима».

— Это должно быть само собой разумеющимся, но поскольку я прекрасно знаю, что вы все гражданские, позвольте мне внести ясность. Не освобождайте заключённого ни при каких обстоятельствах. Если будет похоже, что он может сбежать, у вас есть моё разрешение убить его. Но это все.

Она повернулась, зашагала прочь по коридору и завернула за угол к мостику, оставив их вдвоём.

— Вот дерьмо, — сказала Карл. — Мы должны были просто улететь. Он никогда не смог бы догнать нас.

— Да, — согласилась Джеймс, глядя на свои копыта. Она хотела что-нибудь сломать, но вокруг не было ничего, кроме палубы. Так или иначе, она не ожидала, что её копыта выйдут победителями в любом противоборстве с майором. Пегаска думала о нескольких способах, которыми

она могла бы освободить пони, но все они заканчивались тем, что она оказывалась где-нибудь в цепях.

«Или, что ещё хуже, в переработчике. Не похоже, что я действительно нужна команде. У них уже есть переводчик».

Джеймс поспешила в свою каюту, задержавшись лишь на мгновение, когда дверь скользнула в сторону.

Дороти затащила заключённого на нижнюю койку и разложила рядом с ним на кровати принадлежности для оказания первой помощи. Сам пони начал шевелиться, хотя и не сопротивлялся.

— Ты пришла сюда, чтобы побыть медсестрой? — спросила Дороти, не дожидаясь ответа. — Круто, я сама даже не медсестра. Но кто-то должен был что-то делать. В любом случае ты опоздала. Я как раз заканчиваю.

— Не буду мешать. По крайней мере, если мы собираемся держать его в заложниках какое-то время, мы должны быть уверены, что он не подхватит инфекцию или что-то ещё.

Теперь, когда она была рядом с ним, Джеймс могла видеть, что в этом пони было много такого, чего ей не хватало. А именно: он летел даже раненый. Травмы выглядели как те, с которыми может столкнуться пони, исследуя опасное место — синяки, глубокие рваные раны на ногах и нижней части туловища, целый кусок плоти отсутствовал и был покрыт засохшей повязкой. Все раны были обработаны неумело, или, по крайней мере, это выглядело так, судя по обрывкам ткани, примерно совпадающим по цвету с его курткой. Дороти с презрением срезала их все, наполнив комнату безошибочно узнаваемым запахом гноя.

Она, по-видимому, уже закончила лечение. Жеребец щеголял свежими швами и блестящая жидкая повязка виднелась поверх плоти, изуродованной бессердечной попыткой лечения.

— Я собираюсь засунуть голову в душ, — пробормотала Дороти с отвращением на лице. — Может быть, с отбеливателем.

Она ушла, прихватив с собой аптечку первой помощи. Это оставило Джеймс наедине с пони.

Он начал шевелиться, сонно наблюдая за ней из угла комнаты. Жеребец всё ещё выглядел слабым, хотя трудно было сказать, было ли это результатом лечения или всё ещё сказывались последствия оглушения.

— Kio okazis? — спросил он ошеломлённо. Но ни на одном из них больше не было наушников, так что Джеймс могла только догадываться, что именно он имел в виду. Затем жеребец посмотрел вниз. — Ho, kuracistoĵ. Unukornuloj povas kuraci ion ajn magie. Tial devas esti kial mi ne povas... memori kiel mi subiris ĉi tien. Dolormagio.

Пегаска только улыбнулась ему, обходя комнату, пока не смогла дотянуться до своей гарнитуры. Эта не была предназначена для использования на палубе, а скорее для прослушивания музыки и общения во время обычного дежурства. Звук она не глушила.

— Предвестник, ты можешь перевести это для меня? — спросила Джеймс тихим шёпотом.

— Приблизительный перевод: «Вы слышали о докторе. Единороги могут магия боль. Здесь, внизу, не могу вспомнить».

«Очень приблизительный», — подумала пегаска. Пони всё ещё смотрел на неё. Она ещё не очень хорошо знала его язык. Лишь несколько основных фраз и простых слов.

— Ni havas magio. Povas sendi vortoj, — она указала на блокнот. — Atendu.

— Via ĉevala malbonas. Ĝi estas tio, kion poneoj parolas Ĉevalie, ĉu ne? Kio estas la alia lingvo, kion vi parolantis?

— Пожалуйста, переведи и это, — снова попросила Джеймс приглушённым шёпотом. — И пока мы тут, просто переводи все, что он говорит с этого момента.

— Информация принята, — ответил Предвестник. — Приблизительный перевод: «Жалоба на эквестрийский. Пони говорят по-эквестрийски, не так ли? Что ещё ты сказала?»

— Ты выздоравливаешь, — ответила Джеймс. — Твоим ранам потребуются некоторое время, чтобы зажить. Тебе придётся остаться здесь, пока это не произойдёт.

Как и прежде, компьютер сделал перевод, а потом перевёл ответ жеребца.

— Согласие. Я предполагаю, могу отдыхать здесь. Но когда закончите, должны объяснить, кто вы такой! Так много металла, а воздушного шара нет! Полет в очень интересном направлении прочь от Эквестрии. Дирижабль не боится штормов?

— Нет, мы не боимся штормов, — пегаска подняла глаза. — Кто ты такой?

— Дедлайт, — ответил компьютер. — Исследующий искатель приключений, чтобы найти все тайны. Решая все, идя туда, где другие боятся. Как Дэринг Ду, но меньше денег, потому что она делает большую часть этого.

— Ох, — этот ответ действительно соответствовал его снаряжению и мог бы объяснить шрамы. Если он проводил своё время, исследуя опасные места, то... он был обречён на то, чтобы причинить себе вред. — Я Джеймс. Приятно познакомиться, Дэдлайт.

Жеребец улыбнулся ей с другого конца комнаты, выпрямляясь в постели. Конечно, он был голым, если не считать бинтов, так что пегаска увидела то, чего она не видела с тех пор, как проснулась пони. Она невольно покраснела и отвернулась, пока компьютер переводил.

— Могу я называть тебя самой милой близняшкой?

Джеймс ушла, не обращая внимания на слова пони, её уши и хвост были плоскими и безжизненными. Она не давала никаких обещаний насчёт ответов на вопросы пони — конечно, они и не смогли бы этого сделать. Фарс, что это больница, и он здесь для своего же блага, скоро закончится.

«Может быть, нам удастся убедить майора отпустить его, когда мы доберёмся до того места, где она решила основать город».

* * *

Лаки не ожидала ответа на своё письмо раньше чем через несколько недель. Поэтому она была удивлена, обнаружив плотно свёрнутый свиток, лежащий на их крыльце, когда возвращалась из школы, всего лишь на третий день после того, как она отправила письмо принцессе «Магии, Дружбы и Беспольных фактов». У Лайтнинг, естественно, было несколько странных описаний этой пони.

Все в свитке выглядело официально — печать, вдавленная в верхнюю часть, лента насыщенного фиолетового оттенка, стягивающая его, каллиграфия, с которой было написано имя Лаки. Кобылка нетерпеливо положила свиток на стол и развязала его ртом — это требовало координации, которую копытами она обеспечить ещё не могла. Ответ легко раскрылся перед ней, демонстрируя все тот же безупречный, идеальный почерк. Даже просто глядя на него, Лаки могла сказать, что читает слова кого-то более умного, чем она сама.

— Формальная отписка? — спросила Даст, закрывая за собой дверь и бросая взгляд на стол со свитком. — Не будь слишком...

— Нет. Она ответила мне.

— Она тебе... — пегаска даже села. — Подрежьте мне крылья, чтоб я упала, ты права. Не думала, что она действительно заботится о своей работе, но... может быть, есть и другие пони, которых странные вопросы волнуют так же сильно, как и тебя.

— Вероятно, — кобылка полностью сосредоточилась на письме.

Дорогая Лаки,
 Нет ничего в моих служебных обязанностях принцессы Эквестрии, что етва приносило бы большее удовлетворение, чем отвечать в официальном качестве на те послания, которые я всегда получаю из заботливых копыт пытливых юных пони, таких как ты. Я помню единственно гегемонистскую позицию тех, кто занимается руководящие посты в научных кругах, и то, как исследования в глубинке часто дают вопиюще неуместные результаты. Я надеюсь, что это сообщение позволит мне внести ясность. Разумные пони попытались сориентироваться в бурных водах исследований по этим предметам, которые подпадают под практику, радекально инкапсулированную Колледжем искусств и наук Кантерлота. Препятствовать дело прогресса Эквестрии не входит в мои цели, и я буду очень рада помочь тебе освободиться от этих естественно ошибочных законов. Традиционная стратификация области практической философии и искусства всегда соблюдала закономерность из 5производных. К сожалению, ни одному эксперту не удалось провести убедительно достоверную (или хотя бы любпытную) разбивку поля. Многие ис того, что я прочитала, сводится к голим спекуляциям. Тщательное исследование с моей стороны приводит меня к убеждению, что в конечном счёте существует только 1область, разделённая без заданой необходимости, чтобы отвлечь внимание от мучительных аткрытий, которые в противном случае были бы возможны благодаря междисциплинарному сотрудничеству. Было бы особенно обидно видеть, как это тусклое проявление абсдракции настоящей дружбы отбивает охоту к распросам у такой особы, как ты, кого следовало бы осыпать похвалами и дарамми за примечательную любознательность. Я подозреваю, что ты сочтёшь моё решение спорным, не я не могу предоставить тебе больше естественной информации, чем обычно содержится в тех атласах и изысканных диорамах, которые обычно выставляются в глафных библиотеках Эквестрии. Я старалась снабжать каждую библиотеку подходящими объектами с тех пор, как началось моё правление в качестве принцессы Дружбы, поэтому я уверена, что ваща библиотека достаточно оснащена. Исследования за пределами Эквестрии редки, а условия за пределами наших границ опасны. На данный момент Колледж ришел сосредоточить свои усилия на улучшении условий в самой Эквестрии. Я знаю, что это неудовлетворительный ответ. Такому многообещающему молодому уму, как твой, не следует говорить, что на твои вопросы нет хороших ответов. Если ты недовольна моим решением, я приложила билеты на поезд. Не стесняйся использовать их, чтобы навестить меня в Понивилле, если ты обнаружишь что-нибудь интересное.

--

С наилучшими пожеланиями,
 принцесса Твайлайт Спаркл.

Лаки Брейк долго смотрела на письмо, её возбуждение быстро иссякало. Она несколько раз прочитала и перечитала первые несколько абзацев, пытаясь разобраться в несоответствиях. Это был один из ответов, которого она ожидала, в котором сообщалось, что исследования в нужной её области запрещены или просто не интересны.

«Это доказывает, что, по крайней мере, некоторые из местных жителей знают, что там, где они живут, есть нечто большее. Может быть, они не хотят, чтобы другие узнали правду».

— Что-то не так? — спросила Даст, возвращая картину на дальнюю стену. Она прятала за ней мешочек с битами — всегда в готовности, если им понадобится быстро сбежать. — Плохой ответ?

— Нет... — пробормотала кобылка, наморщив лоб и внимательно изучая свиток. Часть её разума задавалась вопросом, не ошиблась ли она в правилах синтаксиса эквестрийского языка и, возможно, существует альтернативное написание многих слов, более подходящее для официального письма. Принцесса Твайлайт не стала указывать на ошибки в её письме, потому что Лаки была всего лишь жеребёнком, и можно было ожидать, что она будет совершать глупые ошибки.

— Подожди, это билеты на поезд? — Лайтнинг остановилась в метре от стола, уставившись на маленькую стопку ярко-розовых листочков. Каждый из них гласил, что его «можно обменять на любой билет, продаваемый Национальной железнодорожной службой Эквестрии». — Понячы перья, а они дорогие. Она послала четыре?

— Думаю... на двоих в оба конца? — Лаки подтолкнула маленькую кучку к Даст. — Вот, ты можешь продать их, если хочешь.

— Не-не-не! — пегаска отступила, как будто кобылка пыталась подсунуть ей гниющее мясо. — Если Твайлайт имеет к этому какое-то отношение, ты просто оставишь их себе. Почему она прислала тебе билеты на поезд?

— Я... не уверена, — призналась Лаки. — В письме есть... политическая чушь. Вроде того, что я ожидала получить. Очевидно, пони не хотят, чтобы кто-то задавал такие вопросы, и принцесса была так добра, что рассказала мне об этом.

Но потом появились эти билеты. Как бы Лаки могла «обнаружить что-нибудь интересное», если вся область исследований была, по сути, запрещена? Как она могла найти что-то, что пропустила принцесса-учёная? Она не знала ответа на этот вопрос, но что-то в письме просто не укладывалось у неё в голове.

Лаки прикрепила его к стене, где она могла смотреть на него, пока все не обретёт смысл.

Лаки не потребовалось много времени, чтобы понять послание принцессы Твайлайт. Она сидела на своей кровати в глубине комнаты и перечитывала его всякий раз, когда у неё была свободная минутка, рассеянно бренча на гитаре.

Сначала её смутил диссонанс между текстом и тем, что она знала о характере принцессы. Никто, столь увлечённый исследованиями как она, не отправил бы письмо, полное ошибок. И всё же оно выглядело так, как будто было написано кем-то, кто прекрасно знал, как использовать свой родной язык. Почему такое несоответствие?

Менее чем через три дня Лаки во всем разобралась. Принцесса Твайлайт Спаркл примитивно зашифровала в письме одно предложение.

«Но от кого она это скрывает и почему?»

Очевидно, что не от самой Лаки — они никогда не встречались, и у принцессы не было причин доверять ей. Она могла бы просто вообще не писать в ответ.

Само сообщение было довольно расплывчатым. Оно звучало как указание местоположения, но где это могло быть? Кобылка понятия не имела, поэтому спросила свою маму.

— Если бы кто-то сказал тебе «север сердце 5 лиг 1 запад», куда бы ты пошла? — спросила она в одну из снежных пятниц, прежде чем Лайтнинг Даст отправилась на работу.

Кобыла остановилась у двери в раздумьях.

— У вас в школе поиск предметов затеяли? На твоём месте я бы туда не ходила. Местечко там не очень приятное.

— Правда? — Лаки встала, стоя так прямо, как только могла, разминая крылья. — Я не боюсь! Что, если бы мне пришлось пойти туда? Где бы... это...

Даст прошла мимо неё к окну. Она наклонилась и подняла Лаки обоими ногами. Как она могла сделать это, не упав, кобылка даже не представляла, но она не сопротивлялась. Находиться в копытах кого-то другого было ужасно, но Лайтнинг была исключением.

— Что ты там видишь?

— Замок? — предположила Лаки. — Где живёт принцесса?

— Где живёт Кристальное Сердце, — поправила её пегаска, опуская обратно на землю. — Я знаю, ты о нем слышала. Здешние пони без ума от этой глупой штуки. В том смысле, я знаю, что это важно для местных жителей или что-то в этом роде, но... это просто причудливый камень, верно? На самом деле он ни для чего не пригоден.

— Кроме как использоваться в качестве точки отсчёта.

Лаки поспешила к своему столу, торопливо открыла одну из книг с картами, которые она всё ещё просматривала, и открыла страницу, на которой была изображена Кристальная Империя.

— Замок находится здесь... так что это означало бы пройти пять лиг вверх, затем одну на запад... — она взяла карандаш в рот, ставя отметку на странице в указанном месте. — Вот тут!

На карте было очень мало информации о том что там находится — за исключением того, что оно было за линией, помеченной «П. Е.», и там, по-видимому, была «бесконечная плоская снежная равнина, подходящая

для хуфбольного поля». Не сильно интересно, но это не значит, что она ошиблась. Принцесса Эквестрии не отправила бы её так далеко от города просто чтобы посмотреть на пустое пространство, Лаки была уверена в этом.

— Это прямо здесь!

Лайтнинг Даст посмотрела в книгу через её плечо, нахмурившись.

— Да, как я и говорила. Летать за П. Е. всё равно, что наперегонки лететь прямо на запад. Только для кобылок и дураков, — она энергично покачала головой. — В любом случае зачем ты туда собралась?

Лаки слотнула, подыскивая подходящий ответ. Даст, похоже, не нравилась Твайлайт, так же, как не нравились многие представители власти в Эквестрии. Но, возможно, кобылка могла бы использовать это в своих интересах.

— Там что-то есть, что-то секретное. Один пони, который не хочет, чтобы я кому-нибудь рассказывала об этом, фактически сказал мне пойти туда и проверить что там находится.

Она снова прищурилась на крошечные линии. Над «П. Е.» была проведена линия помеченная обозначением «П. З.», затем ещё через какое-то расстояние линия «П. П.».

— Что означают эти линии?

Лайтнинг Даст бросила взгляд в книгу, и на этот раз не казалась смущённой.

— Та что ближе всего к Кристальной Империи, показывает насколько далеко единороги могут зайти. Дальше граница для земных пони... они сильнее, поэтому могут пойти дальше. Последняя — для пегасов. За этой границей почти невозможно летать. Так близко к Нибиру даже самые сильные летуны могут кувыркнуться с неба, как жеребята в свой первый день. Хотя обычно не так уж много смысла залетать так далеко. Если только не ради видов. Слишком холодно, чтобы что-то выращивать, а скалы там настолько ужасные, что даже алмазные псы не хотят в них жить.

Пегаска замолчала, резко отвернувшись.

Лаки едва ли это заметила.

— Но я же пегас... — сказала она. — Мы почти не зайдём за эти границы... нам нужно только немного пересечь ту, что для единорогов. А там сильно холодно?

— Холодно, — ответила Лайтнинг, практически ухватившись за возможность поговорить о чём-то другом. — Но не слишком холодно для нас. Хорошая толстая куртка, не спать под облаками... Мы могли бы долететь туда за один день. Ты могла бы слетать туда вдвое быстрее, если бы больше практиковалась и меньше читала.

— Да... — тут пришло время Лаки покраснеть. Лайтнинг Даст никогда не отвлекала её от учёбы, но, похоже, у неё были чёткие приоритеты в отношении того, что важно, а что нет. Книги точно были не на первом месте. — Но это не имеет значения! У нас обеих есть куртки! Нам просто нужно... паек на несколько дней?

Это была удивительная мысль. Человеческие арктические экспедиции требовали сотен различных вещей. Но пони были более самодостаточны, а пегасы были особенно устойчивы к температуре и погоде. Любое облако могло дать им воду, стать постелью или душевой.

«Я до сих пор не понимаю, как все это работает».

— Думаю, да, — Даст повернулась обратно к двери. — Я бы хотела, чтобы ты больше летала. Я знаю, что ты могла бы претендовать на участие в конкурсе юных летунов от Вандерболтов, если бы потратила немного больше времени.

Пегаска остановилась в дверях, на её губах появилась улыбка.

— Давай так поступим, мелкая. Если ты там займёшь приличное место, то мы слетаем в эту твою экспедицию. Как тебе, справедливо?

Конкурс должен был состояться через две недели. Другие пегасы из её класса, которые хотели поучаствовать в нем, тренировались уже несколько месяцев.

— Я не могу ждать ещё год, чтобы снова в нем участвовать, — пискнула Лаки, садясь посреди комнаты.

«К тому времени мне наверняка придётся вернуться к Предвестнику. Даже если я вернусь к тебе, тогда я буду другой пони».

— Ты действительно думаешь, что у меня есть шанс?

— Зависит от того, насколько сильно ты этого хочешь, — ответила Лайтнинг. — И как много ты готова тренироваться. Это, конечно, не прям настоящие соревнования, но всё равно трудновато. Тебе придётся летать лучше, чем многим взрослым пони.

— Хоть ежедневно! — кобылка снова встала, салютуя одним крылом. — Если ты сможешь учить меня, я сделаю это!

Пегаска обернулась в дверях, отвечая на её жест.

— Ладно. Тренировка начинается прямо сейчас, — она подошла прямо к Лаки, щёлкнув по её копытам хвостом. — С этого момента ты будешь на земле только тогда, когда я так скажу. Полетела, полетела, полетела!

Удар не причинил боли — хвосты были мягкими, и ими нельзя было по-настоящему щёлкнуть, как хлыстом. Но это всё равно было достаточно неожиданно, так что Лаки подпрыгнула, замахала крыльями и зависла. Это не требовало никаких усилий — поначалу. В каком-то смысле это было похоже на низкую стойку при отжимании. Чем дольше она махала крыльями, тем сильнее они начинали гореть.

— Хорошо. Теперь виси так до первого звонка. Тогда ты сможешь лететь на занятия.

— Но если я буду ждать так долго, у меня будет всего пять минут до второго звонка! — запротестовала кобылка.

Ухмылка Даст стала только шире.

— Вот именно. И я не хочу, чтобы ты опаздывала. Ты можешь быть в классе уставшей, или потной, или запыхавшейся. Но не опоздавшей. А когда вернёшься из школы — мы продолжим.

Если бы стимулом было что-то меньшее, чем эта экспедиция, Лаки бы сжульничала, как только Лайтнинг вышла за порог. Что ж, она всё же немного схитрила — позволила себе медленно планировать по кругу вместо того, чтобы висеть на месте. Это было немного проще, чем

просто зависнуть, и чуть менее скучно. Летать в помещении было непросто, учитывая, насколько низким был потолок и насколько близко могли находиться стены. В отличие от домов в Стормшире, в Кристальной Империи никто не строил зданий, изначально закладывая возможность летать внутри.

Но сильно жульничать она не стала, по крайней мере, до тех пор, пока не услышала первый звонок. Лаки Брейк приземлилась, на секунду задержала дыхание, а затем галопом пронеслась по коридору и взлетела с балкона. Она неслась так, как будто за ней гнался Предвестник с флотом дронов-стерилизаторов. Нет, она летела так, как будто те, кто построил Эквус, преследовали её, и она не могла позволить им догнать себя.

В первый день она опоздала, и во второй тоже. Новинг Лук, перед тем как отпустить её домой, дал кобылке будильник, очевидно, решив, что она не может проснуться вовремя.

Теперь её утро было просто разминкой перед болью, которую днём причиняла Лайтнинг Даст. Кобылка начала жалеть, что не относилась к своему обучению более серьёзно — или, чёрт возьми, что не вступила в Клуб воздушной акробатики вместо Кружка дебатов. Она с завистью наблюдала, как они тренируются за школой, когда Даст забирала её после занятий, зная, что у неё все будет гораздо хуже, чем у них. Тренироваться, пока не стемнеет, и в конце Лаки начинало казаться, что её крылья того гляди отвалятся.

Возможно, один раз она и хотела поспорить с Лайтнинг Даст, что та поставила такое условие для их экспедиции. Почему она не могла просто прийти? Лаки Брейк не была некомпетентной. У неё была броня — она могла бы легко пройти меньше тридцати километров в одиночку. Но потом она вспомнила, как закончилось её первое относительно короткое путешествие, даже под защитой всего своего снаряжения, и передумала.

К тому времени, когда кобылка наконец возвращалась домой со своих тренировок, было как раз достаточно времени для (отчаянно необходимого) охорашивания перед сном. Она умудрялась написать пару строк отчётов, в основном полное вранье о том, как она вкладывает все свои силы в овладение формальным языком, и что процесс идёт медленнее, чем ожидалось. Но, как ни странно, майор Оливия Фишер даже не задавала вопросов. Военная пони раньше всегда старалась быть в курсе дела, задавая всевозможные вопросы о её жизни. Тем не менее теперь от неё приходили лишь обновления «Миссия продвигается хорошо» время от времени.

Её клон также больше не посылал ей сообщений, чему кобылка была только рада. Лаки Брейк хотела проводить со своим клоном как можно меньше времени. Мало что могло поставить её перед фактом её односторонности, чем смотреть на свою идентичную копию.

«Нет, не идентичную. Улучшенную».

Её клону не придётся проходить через половое созревание, не придётся плавать в бульоне подростковых эмоций, и она не была такой маленькой, чтобы взрослые не воспринимали её всерьёз. Все, что касается её миссии, было бы проще, будь она взрослой. Лаки Брейк была уверена в этом.

«И я, возможно, никогда не получу метку».

Хотя, если подумать, она не знала, есть ли они у остальной команды. У Оливии не было, но с остальными она почти не разговаривала.

У Лаки не было времени спрашивать о подобных вещах, когда она проводила каждую свободную секунду, просто лёжа и отдыхая, её спина и крылья превратились в пульсирующее, ноющее месиво. Это было очень похоже на те шесть месяцев обучения, которые она прошла перед сканированием. Каждый день был ещё одной пыткой, и она не позволила ни одному из них сломать себя. Она одержала победу над всем этим по той же причине, по которой добьётся успеха в Эквестрии.

У Лаки было одно преимущество перед другими юными пегасами — она была улучшена. Если предположить, что её понячье тело имело тот же уровень улучшений, что и у человеческих бионосителей, которые выращивал Предвестник, у неё были значительно усиленные кости, улучшенные лёгкие и чрезвычайно ускоренное заживление повреждений. Она слышала невероятные истории о том, как далеко заходили испытания — астронавты без остановки поднимались на Эверест, две недели обходились без воды в Сахаре и даже сражались с медведями.

Лаки Брейк не надо было сражаться с медведями, но даже в этом случае она обнаружила, что благодарна судьбе за то, что каждое утро, просыпаясь, её тело успевало исцелиться до такой степени, что больше не болело. На самом деле ей никогда не превзойти Лайтнинг Даст, но чем дольше они тренировались вместе, тем большее впечатление она производила.

«И не только потому, что она моя мама».

Две недели — это не так уж долго. Довольно скоро настал день конкурса юных летунов под эгидой Вандерболтов.

* * *

— Если ты пройдёшь, то попадёшь на вечеринку, — объясняла Даст. — Пока ты там, не упоминай моего имени. Ставь все себе в заслугу. Ты научилась сама... Тебе не нужен был никакой преподаватель.

— Но... почему? — спросила Лаки, сбита с толку. — Если я пройду, то только из-за тебя! Я бы никогда не додумалась до тех приёмов, которым ты меня научила!

Лайтнинг Даст выглядела огорчённой и смущённой.

— Потому что они ненавидят меня. И если ты заговоришь обо мне, они могут отобрать у тебя сертификат. Забудь о Вандерболтах... они просто показушники. Но тот листок бумаги, который они тебе дадут, поможет тебе пройти стажировку в любой погодной команде Эквестрии, даже если ты на самом деле никогда не собираешься присоединяться к ним.

Теперь Лаки Брейк смотрела на этот листок бумаги, читая своё имя рядом с подписями судей. Она начала понимать, что именно сделала Даст.

«Она действительно старается быть моей мамой. Хотя она думает, что следовать посланию Твайлайт глупо, но она использовала его, чтобы заставить меня серьёзно отнестись к пегасьему образованию».

Теперь, когда она прошла, Лаки поняла, почему это сумела повторить лишь горстка пони из лётного класса. Она избегала смотреть через зал на их маленькую компанию — всякий раз, когда они замечали её, они бросали на неё злобные взгляды.

«Ты не должна быть здесь, — говорили их глаза. — Наши друзья упорно трудились месяцами, а ты нет. Один из них должен занять твоё место».

Но никто из них вслух этого не сказал — пони были слишком милы, чтобы делать подобное.

«По крайней мере, в Кристальной Империи», — подумала Лаки, вспомнив Стормшир.

В общем, кобылка сидела наедине со своим сертификатом, уставившись в пустую тарелку и время от времени потягивая пунш. Другие ученики, казалось, горели желанием поговорить с представительницей Вандерболтов, которая присутствовала в качестве судьи в этом году — они столпились вокруг неё, как вокруг какой-то знаменитости. Но Лаки Брейк никогда не интересовалась этой организацией и не могла отличить одного из её членов от другого.

Арендванный бальный зал казался огромным с учётом всего двадцатитридцати или около того пони, которые тут собрались.

«Как долго мне нужно оставаться тут, прежде чем я смогу лететь домой?»

— Это место занято? — спросил кто-то у неё за спиной, она не узнала голос.

Кобылка даже не оглянулась, просто пожала крыльями.

— Нет.

Кто-то выдвинул стул, а затем сел. Что-то тяжёлое грохнулось на стол — тарелка с едой, на которую было навалено куда больше, чем взяла себе Лаки. Все здесь выглядело намного лучше, чем-то, что Лайтнинг Даст могла позволить покупать для них.

— Мне понравилось, как ты сегодня летала, — сказала пони — судя по голосу, взрослая кобыла, хотя они и говорила с набитым ртом. Значит, взрослая кобыла не очень заботящаяся о манерах. — С учётом того, как быстро ты двигалась, я подумала, что у тебя наверняка есть метка. Но вижу, что она отсутствует.

Лаки пожала плечами.

— Я очень усердно тренировалась.

«А ещё у меня скелет, усиленный металлизированным волокном, и сильно улучшенные лёгкие».

Но говорить она этого не стала. В любом случае для этих слов не было перевода.

— Думаю, да, — пони вернулась к еде.

Лаки Брейк подняла голову, и её глаза распахнулись, когда она поняла, что сидящая рядом с ней пони одета в форму Вандерболтов. Это была одна из судей, та самая, с которой все её одноклассники болтали весь вечер.

— Ох. Ты... — пони выжидательно на неё смотрела, но Лаки не помнила её имени. Так что она неловко замолчала и просто сказала: — Извини, я не помню. Там, откуда я родом, мы не так уж много слышали о Вандерболтах.

— Не слышали о... — ошеломлённо повторила пони. — Я — Рэйнбоу Дэш. Это имя хоть знакомо?

Кобылка кивнула.

— Ты национальная героиня, ты и эти другие пони. В классе сказали, что вы все спасали Эквестрию уже... пять раз?

— Скорее семь, — ответила пони, отводя взгляд с самодовольной ухмылкой. — Типа того. Но я не могу продолжать спасать Эквестрию вечно. Рано или поздно храбрый, сильный и быстрый пони займёт моё место.

Дэш указала крылом на другой конец комнаты.

— Все твои друзья думают, что это будут именно они. Через несколько лет они попытаются стать Вандерболтами, попытаются занять моё место. А как насчёт тебя?

— Я лингвист. У меня нет того, что необходимо, чтобы делать то, что делаешь ты.

Рэйнбоу Дэш выглядела ошеломлённой, но быстро пришла в себя.

— О, конечно, это ты сейчас так говоришь. Я знаю, каково это... Я уже бывала в такой ситуации. Думала, что смогу сделать все сама. Что никто больше не важен. Пока я была лучшей, не имело значения, что думает кто-то ещё.

Пони уткнулась лицом в маленькую миску с пудингом.

— Это тупик. Рано или поздно каждый пони, который идёт этим путём, становится очередной Лайтнинг Даст, — пегаска тщательно облизала губы, а затем встала. — Ты же не хочешь, стать ей?

— Почему нет? — спросила Лаки, её тон внезапно стал оборонительным. — Что плохого в Лайтнинг Даст?

Если Вандерболт и заметила внезапную перемену в тоне, она никак не отреагировала. Достаточно близко, чтобы их слышать, никого не было, но, вероятно, некоторые пони заметили язык тела Лаки, потому что устали на неё.

Но только не Рэйнбоу Дэш. Она выглядела блаженно рассеянной.

— Что, ты не слышала об этом? Я думала, что все пони знают.

Лаки энергично помотала головой.

— Нет, я не слышала.

Рэйнбоу пожала одним крылом.

— Ну, думаю, я расскажу тебе короткую версию. Лайтнинг Даст пыталась попасть в Вандерболты примерно в то же время, что и я. Настоящий талантливый летун... одна из немногих встреченных мной пони, которая могла не отставать от меня. Она вела себя как настоящая сволочь по отношению к другим кадетам на протяжении всего обучения. Ей было всё равно, что случится с кем-то ещё, лишь бы она была лучшей. Что ж, одно из последних испытаний — очистить небо как можно быстрее, и она решила, что было бы отличной идеей использовать торнадо.

Выражение лица пегаски сменилось с наивно-весёлого на сердитое, она устала в пол.

— Она чуть не убила моих лучших друзей. Если бы не Вандерболты... ну, просто не пытайся все делать самостоятельно, хорошо? Не хотела бы, чтобы ещё одна талантливая пони разрушила свою жизнь.

Дэш ушла, оставив Лаки Брейк наедине со своими мыслями.

В конце концов она смогла улизнуть, спрятав свой сертификат в седельную сумку и выйдя на улицу. Только вот она не очень торопилась домой.

Даже в более безопасных городах Земли у маленькой девочки, путешествующей в одиночку так поздно ночью, вероятно, были бы причины для беспокойства, когда большинство рано встающих кристальных пони уже легли спать, а улицы были пустыни. Лаки не полетела домой, хотя это было бы просто. По сравнению с её тренировками сам экзамен было всего лишь несколькими мгновениями пытки.

«Чуть не убила моих лучших друзей», — сказала Рэйнбоу Дэш. Это звучало как несчастный случай — но несчастный случай, порождённый бездушным пренебрежением к чужой жизни. Торнадо в Эквестрии любил не больше, чем на Земле — во всяком случае, то небольшое, что Лаки слышала о них, вызывало ещё большую тревогу. Они не просто появлялись в Эквестрии, как это было дома.

Рэйнбоу Дэш не лгала ей — какой в этом был бы смысл? Вандерболт всего лишь пыталась помочь ей по-своему.

Несмотря на это, Лаки обнаружила, что идёт домой кружным путём, двигая ногами так медленно, как только могла, чтобы обдумать услышанное.

Кто-то приземлился позади неё.

— Эй, мелкая!

Кобылка взвизгнула и подпрыгнула, сердце бешено колотилось. Она хлопнула крыльями в воздухе, планируя обратно вниз, и оглянулась назад.

Лайтнинг Даст держала в одном копыте связку воздушных шаров, на каждом из которых был изображён какой-то вариант «Поздравляю!».

— Извини, что я не смогла пойти с тобой на вечеринку. Там были...

Пегаска замолчала, приподняв бровь.

— Что не так?

Лаки приземлилась, вытирая слезы, отвернулась от Даст и вернулась к мосту, на котором стояла. Он возвышался над большим оврагом, где шумела ледяная вода, которая текла сквозь город, но не использовалась. Она ревела и пенилась в темноте далеко внизу, звуча так же, как любая земная река. Звук был расслабляющим — он давал кобылке о чём-то подумать.

— Это правда? — спросила она. — Что они сказали о тебе?

— Ох, — возбуждение Лайтнинг исчезло, и она встала на мосту рядом с Лаки. — Смотря что сказали. Это было про академию Вандерболтов?

Лаки даже не могла заставить себя говорить. Она просто кивнула, позволяя слезам свободно стекать по её лицу. Тогда она почувствовала крыло Даст на своей спине, и на этот раз отстранилась от неё.

— Т-ты... тебя это так мало волновало... ты чуть не убила их...

Пегаска вздохнула, навалившись на перила.

— Я не собираюсь лгать тебе, малышка. В этом нет никакого смысла — это не изменит ни ту пони, которой я была, ни пони, которой я стала.

Прошло несколько минут в молчании. Никто больше не двигался во тьме ночи — никакие другие прохожие не ходили мимо них. Звезды над ними двигались слишком быстро, как и всегда.

«Теперь я тоже знаю, почему так. Это кольцо вращается так быстро, что мы делаем больше одного оборота каждую ночь. Как могут местные этого не замечать?»

— Но я изменилась, — продолжила Даст. — Я отсидела своё, Лаки. И я понимаю...

Теперь пегаска говорила очень медленно и тихо, как будто каждое слово стоило ей огромных усилий.

— Я понимаю, то, что я сделала, было неправильно. С тех пор я старалась быть лучшей пони. Думаю, тебе придётся самой судить, насколько хорошо

я справляюсь. Ты была рядом со мной больше, чем кто-либо другой. Что ты об этом думаешь?

Лаки не могла представить себе лучшего родителя, чем Лайтнинг Даст. Если бы не то, какой замечательной она была, узнать о тёмном прошлом было бы совсем не так просто. Её записи были полны выражений признательности Даст. Даже если она не брала кобылку с собой на работу — она знала, как тяжело пегаске приходится, чтобы прокормить их обеих в городе, где не было погодной команды.

Лайтнинг пересекла всю Эквестрию, чтобы удержать Лаки подальше от пони, которые знали о её вещах и хотели запереть её. Она выбрала такое тяжёлое для жизни место, чтобы Лаки не выследили, хотя могла легко найти себе новую работу на любой погодной фабрике.

Лаки Брейк обняла пегаску.

— Н-нет, мам, ты... ты не плохая пони!

И не только. Она была лучшим родителем, чем когда-либо был у Лаки.

Лайтнинг Даст ответила на объятие, прижав кобылку ближе, чем раньше. Лаки не чувствовала воздушных шариков — она предположила, что пегаска их отпустила.

— Тебе не обязательно оставаться со мной, — сказала Даст, и её голос больше не звучал абсолютно серьёзно. — Если ты хочешь, чтобы я отвела тебя обратно в приют, я могу.

Лаки энергично замотала головой, глубже зарывшись в шерсть взрослой кобылы.

— Я не хочу возвращаться. Я уже нашла свою семью.

* * *

Майор Оливия Фишер шла через джунгли в два раза быстрее, чем мог бы скакать галопом пони, чувствуя лишь лёгкую дезориентацию из-за уменьшенных размеров деревьев. Двигатели завывали, а сервоприводы щёлкали с каждым неуклюжим шагом, удерживая равновесие и вертикальное положение её мобильной брони «Гефест». Несмотря на массивное тело, она снова была такой же сильной и быстрой, как человек.

Нет. Она была намного сильнее.

Конечно, «Гефест» не мог сравниться с «Аресом», который Оливия действительно хотела. Но чёртово Общество первопроходцев не включило чертежи «явного оружия войны» в список того, что записали в память зонда. «Гефест» был создан на том же каркасе, но в основном использовался инженерами в условиях среды повышенной враждебности — глубоко на океанском дне, на орбите, в шахтах пояса астероидов. Крепления, которые она использовала для каждого из своих MARR-ов, предназначались для инструментов, а броневые пластины в основном должны были защищать от осколков или служить для отвода тепла.

«По крайней мере, Предвестник смог адаптировать его для меня. Нам нужно все оружие, которое мы сможем получить».

Оливия, вероятно, должна была наблюдать за разгрузкой в будущем городе Отар. Но Предвестник выполнял большую часть перетаскивания груза, и её команда должна была быть хороша в подобных вещах. Гражданские вещи, такие как строительство городов и исследования, были причиной того, почему в Предвестнике в первую очередь хранились

записи гражданских специалистов. В противном случае они могли бы упростить весь процесс и снимать слепки только с вояк.

Мелкие кусты трещали и ломались под тяжестью её костюма, не замедляя движения. Она могла бы с такой же лёгкостью проломиться сквозь деревья, если бы захотела, но для этого не было причин. Однажды этот остров станет её домом. Единственным домом, который у неё когда-либо будет. Так почему не сохранить его красивым?

Она преодолела линию деревьев ещё спустя несколько гигантских шагов, слегка замедлившись, когда вышла на пляж с черным песком.

Оливия остановилась на вершине холма, чтобы полюбоваться чистой водой, разбивающейся на ровные, расслабляющие волны. Это был край острова — она пересекла его из конца в конец, не встретив ничего опасного. Все, что оставалось, — это изучить единственный потухший вулкан на острове, и можно было считать поиски завершёнными.

В любом случае все это было формальностью — она приказала Предвестнику прочесть остров в поисках опасности несколько недель назад, и никаких красных меток не появилось. Даже наоборот — чем больше он искал, тем богаче казался остров с точки зрения природных ресурсов. Верхний слой почвы был плодородным, а под ним находилось множество полезных ископаемых, необходимых для создания цивилизации. Построенная здесь аркология могла бы вместить миллионы, а может, и больше.

«И я хочу, чтобы эти миллионы были людьми».

Она всё ещё не была уверена, кем она стала.

Оливия спрыгнула с гребня холма, пролетев десять метров, прежде чем приземлиться на песок внизу. Амортизирующая жидкость вокруг кокпита свистела и пузырилась, а колени костюма согнулись, чтобы погасить импульс, прежде чем опуститься на песок. Майор нажала кнопку выхода и затем подождала, пока воздушный шлюз зашипит, выравнивая давление с наружным воздухом.

Она вылезла, одетая только в заполненный жидкостью противоударный костюм, и сразу же начала снимать его, бросив во всё ещё открытую кабину. Уходя, она взяла ртом вычислительный терминал и направилась к кромке воды. Оливия положила его на песок, просматривая ход процесса разгрузки. Все шло по расписанию, как она и ожидала. Гражданские могли с этим справиться.

— Предвестник, произошли ли какие-нибудь изменения в расчётной безопасности кого-либо из моей команды с момента прибытия на этот остров?

— Подтверждаю, — ответил компьютер. — Повышенная точность поиска устранила почти все источники опасности на безымянном острове. Вероятность успешного возведения города Отар выросла до 72 %.

— Сообщи мне, если она упадёт. В противном случае просто принимай сообщения, пока я не скажу. Если меня будут вызывать, сообщи, что я ищу опасность на острове.

— Информация принята.

Оливия сделала паузу, снимая ремешок с задней ноги. У неё под хвостом, где никому и в голову не пришло бы искать, пряталось малокалиберное оружие. Она бросила его на землю — здесь оно ей не понадобится.

Майор оставила терминал на песке и направилась к кромке воды. Море

плескалось вокруг её копыт, приятно прохладное, но не настолько, чтобы дети, играющие здесь, сильно замёрзли.

«Интересно, почему местные ничего не строили здесь? Думаю, они слишком примитивны, чтобы нуждаться в пляжных курортах».

Тяжёлые металлы, находящиеся на острове, были бы бесполезны для первобытного общества, а на материке было достаточно всего остального, что могло понадобиться пони. Хотя пляжи там, наверное, были не такими красивыми.

Закончив с водой, Оливия растянулась на песке, чтобы насладиться солнцем, позволив своим крыльям подышать столь необходимым воздухом. Они начали пахнуть — она не могла сказать почему, так как ничего не болело. Но инстинкт подсказывал, что ей, вероятно, не следует постоянно держать их под одеждой.

«Интересно, есть ли у Предвестника какая-нибудь химия для этого?»

Скорее всего, нет. В команде не должно было быть никаких птиц.

Оливия смотрела, как солнце движется по небу, представляя изображение звёздной системы «Земля», которые ей показывали гражданские.

«Возможно, мы обречены. Если создатели этой штуки всё ещё здесь, они, вероятно, не оценят, что мы тут приземлились и собираемся использовать её для себя».

Все ресурсы, добытые их зондом, были доставлены сюда разумом.

«Зачем Предвестник вообще тут приземлился? Неужели не осталось планет, что мы начали приземляться на космических кольцах?»

Гражданские начали препираться по этому поводу, как только она дала им секунду на разговоры. Но, как обычно, они так и не пришли к согласию — между ними не было иерархии, когда тот, кто был лучше всех информирован, мог опровергнуть их теории. Пока они не разберутся с этим, Оливия не будет знать, насколько вероятно, что строители кольца всё ещё существуют. Она не знала, каково было назначение кольца, и как долго оно находилось здесь.

Они, вероятно, разберутся со всем этим в своё время. Они были лучшими и самыми способными в своих областях.

«Мы — блохи на спине бога. Если он действительно захочет избавиться от нас, у нас не будет ни единого шанса».

Её «Гефест» сверкал на солнце позади неё, обладая силой, достаточной, чтобы сравнять с землёй целую деревню туземцев. Но он ничего не стоил против технологии, которая могла создавать такие масштабные проекты звёздной инженерии, как этот.

«Может быть, они мертвы. Я сомневаюсь, что они позволили бы Предвестнику приземлиться здесь, если бы они всё ещё были тут».

Это была обнадеживающая теория, и на данный момент Оливия воспринимала её как факт.

«Или просто ушли. В любом случае это не имеет значения, пока они не вернутся».

На кольце такого размера было ужасно много поверхности — больше чем сотни Земель.

«Мы могли бы легко разместить десять триллионов человек на этом кольце за пятьдесят тысяч лет. Может быть, сейчас лучший момент от нас избавиться».

В конце концов воздух начал остывать, солнце начало спускаться по небу. Оливия встала, забрав компьютер с собой, и пошла обратно к «Гефесту».

— Предвестник, дай мне обновлённую информацию о состоянии статистического анализа обитаемой поверхности этого кольца.

— Мир-кольцо «Земля» имеет огромную площадь поверхности. Анализ всё ещё продолжается. Время до завершения: 3,7 дня.

— Отлично, — проворчала майор, натягивая обратно костюм. — Как насчёт разгрузки?

— Завершена. «Пилигрим» уже отбыл на базу посадки. Он вернётся через восемь часов со второй партией груза.

— Фантастика, — она закончила со своим костюмом, слегка стиснув зубы, когда поняла, что в её шерсть набился песок.

«По крайней мере, чёрный цвет не прилипает ко мне так сильно. Или это из-за шерсти?»

— Гражданские работают?

— Согласно какому определению работы?

Оливии больше ничего не было нужно. Она забралась обратно в кабину, пристегнулась модифицированными ремнями безопасности по одному за раз, а затем побежала к горе. Она всё равно закончит обследование, прежде чем вернуться в Отар. Во время бега она использовала дроны, чтобы вывести изображение города на один из своих экранов, чтобы она могла наблюдать за работой своих учёных.

Из всех учёных только Дороти работала, хотя и делала не то, что надо.

Конструкции Отара перевозились в сборных сегментах, которые должны были быть спущены под землю и соединены между собой. Одна из этих секций была лабораторией, и Дороти была в этой лаборатории, снова за работой.

«Что ж, по крайней мере, она что-то делает».

Вместо того чтобы готовить карцер, остальные собрались вокруг небольшого костра, жарили зефир и разговаривали. Хотя ещё даже не совсем стемнело.

Оливия подавила желание вызвать их и отчитать, хотя, будь они солдатами, майор сотворила бы с ними что-нибудь куда худшее, чем просто отругала.

«Нельзя всех грести под одну гребёнку. Они испытывают стресс после перелёта. Нельзя слишком сильно давить на гражданских. Надо дать им немного времени расслабиться».

Кроме того, она занималась тем же самым. Единственное, что было хуже лени, — это лицемерие.

«До тех пор пока они смогут собрать карцер до возвращения „Пилигрима“ с туземцем, всё в порядке».

Они не могли вечно держать жеребца взаперти на борту. Даже примитивный туземец в конце концов сможет выбраться из запертой каюты. Это был всё же не тюремный корабль.

Оливия добралась до края кальдеры примерно через десять минут бега — не так быстро, как мог двигаться костюм, но достаточно быстро. Она остановилась на краю, глядя вниз, в кратер. Предположительно, смотреть там было не на что — зонд посчитал, что вулкан давно потух, основываясь на наблюдаемых им моделях эрозии.

На первый взгляд казалось, что эта первоначальная оценка была правильной. Не было ни поднимающегося жара, ни лавы. Согласно датчикам костюма, даже никаких токсичных паров. Но когда она остановилась, то поняла, что всё же один из них сработал.

— Обнаружен радиосигнал.

— Проиграй его!

Предвестник подчинился, и серия искусственно звучащих тонов и шум статистики заполнила её уши. Это было громко и пугающе, заставляя Оливию съёжиться в невольном страхе. Как чувство осознания того, что за ней что-то стоит, наблюдая, как она делает то, чего не должна была делать.

— Вырубай! — крикнула майор, и снова воцарились блаженная тишина.

— Почему ты его не заметил? — спросила она, безуспешно пытаясь сдержать свой гнев. Было бессмысленно злиться на то, что не было живым или не могло понять эмоций. Но это было трудно.

— Дроны большой дальности не были оснащены низкочастотными приёмниками, — сообщил зонд. — Они были исключительно исследовательскими, без каких-либо коммуникационных целей. Любое дополнительное оборудование увеличивает сложность аппарата, а ресурсы лучше сохранить для использования в другом месте.

«Может быть, именно поэтому остров до сих пор никто не заселил?»

Низкочастотный звук был формой психологической войны, с которой она была знакома. Оливия пренебрежительно махнула копытом.

— Я хочу провести триангуляцию источника этого сигнала. Составь карту, пока я буду обходить вокруг кальдеры.

— Команда принята.

Она побежала, отключив изображение лагеря и заменив его обновляющейся в реальном времени картой сигнала. По мере того как она удалялась от кратера, он становился слабее, хотя снова усилился, когда она восстановила прямую видимость с далёким каменным дном внизу.

— Карта завершена, — сообщил Предвестник, после того как она обошла весь вулкан, как вдоль края, так и немного ниже по склону горы. Задача, которая, возможно, заняла бы у команды геодезистов несколько недель, потребовала меньше часа благодаря «Гефесту».

В поле зрения Оливии появилась карта и тепловая картинка с центром в кратере.

— Статистический анализ сигнала предполагает, что это какая-то система позиционирования. Достоверность: 38 %.

— Позиционирования для чего?

— Недостаточно данных для осмысленного ответа.

Оливия хмыкнула, затем повернула к Отару.

— Отправьте эту карту и копию сигнала граждан... переводчику. У неё задач меньше всего, пусть она о нем и беспокоится.

— Команда принята.

Ей потребовалось всего несколько минут, чтобы вернуться в город, хотя она не смогла воспользоваться тропой, которую начала прокладывать через самый густой подлесок. Потребуется ещё много раз пройти там, прежде чем путь станет достаточно утоптаным.

К тому времени, когда она добралась, Оливию совсем не удивило, что вся тяжёлая техника и строительные машины двигаются, а у костра пусто. Её сообщение сработало как предупреждение для гражданских, и они вернулись к работе.

Майор прошла мимо единственной большой кучи сегментов размером с транспортный контейнер: четыре метра в высоту, четыре в ширину и восемь в длину. Каждый из них выглядел свежим и сверкающим — на некоторых, казалось, краска логотипа Общества первопроходцев всё ещё была влажной. Но нет, это просто была влага с океана.

Гражданские всё ещё злились на неё из-за поимки туземца, несмотря на то, что теперь они знали.

«Что, если инопланетяне всё ещё поддерживают связь с тем, кто построил кольцо? Они могут позвать мамочку, и она вернётся со спреем от насекомых. Быстро убивает, не раздражает кожу, и все гадыдохнут там, где спрятались».

Оливия не позволит этому случиться.

— Предвестник, используй мой «Гефест» для строительства. Я останусь внутри и буду наблюдать.

— Перехожу на прямое управление.

Противоперегрузочный костюм майора обмяк в своих ограничителях, конечности больше не дёргало обратной связью вместе с руками и ногами «Гефеста», когда он приблизился к штабелю контейнеров и снял один из них с верхнего ряда, как будто перемещал коробки на складе.

«Через несколько месяцев вы будете в безопасности, занимаясь наукой в новом контактном зоопарке Отара, и вы будете мне благодарны. Потому что вы всё ещё будете живы».

До тех пор Оливия могла смириться с их недовольством.

G5.05: Транзит Эквус Зеро Виолет Зеро

Они отправились в путь на следующий день.

Не так, как во время их последнего приключения — они не покидали свой дом навсегда, неся на спине все, что у них было. На этот раз им не нужно было тащить все своё имущество — достаточно было взять с собой необходимое, чтобы выжить во время того, что, по утверждению Лайтнинг будет походом с полётом в один день в каждом направлении. Лаки не взяла с собой броню — в ней невозможно было летать. Хотя шлем всё же прихватила, привязав его к седельной сумке длинным шнуром.

Кобылка не взяла с собой броню, хотя именно этого она на самом деле хотела. Но весь её дополнительный вес создавался не для того, чтобы в ней можно было летать.

«Если погодные условия там действительно настолько экстремальны, мы просто вернёмся».

Ветер усилился, как только они пересекли щит вокруг Кристальной Империи, из-за чего им пришлось подняться на большую высоту. Полет над облаками имел свои опасности, но до тех пор, пока они не забирались слишком высоко, можно было не беспокоиться о том, что случайный порыв ветра снесёт их с неба.

Земли к северу от Кристальной Империи были похожи на Арктику. Лаки видела бесконечные просторы, занесённые снегом, лёд и редкие участки выносливых растений, смело противостоящих безжалостному холоду. Вооружившись подержанной курткой, Лаки почти не чувствовала мороза — по крайней мере, не настолько, чтобы ей пришлось лететь медленнее.

После всех тренировок для (совершенно бессмысленного) получения сертификата юного летуна, у кобылки было куда меньше проблем с неблагоприятными погодными условиями, чем могло бы быть. Если раньше каждый порыв ветра сносил её в сторону, теперь она знала, как направить свой полет под углом, чтобы оставаться на той же траектории, насколько это возможно. Она научилась увеличивать скорость во время критичных моментов, а затем использовать восходящие потоки для экономии сил.

Трюки всё ещё были Лаки не по силам — она не была воздушным асом, как её мама, и не могла оседлать самый сильный ветер. Как только шторм начал усиливаться, они были вынуждены приземлиться рядом с какой-то скалой, чтобы укрыться, пока он не минует. Лайтнинг Даст, вероятно, могла бы пролететь его насквозь, — но не считала это необходимым. В любом случае они были здесь только ради Лаки Брейк.

Даст также была их навигатором — кобылка многое узнала об ориентировании в пространстве за время обучения в Обществе первопроходцев, но она не знала, как отличать идентичные облачные гряды, которые, плюс ко всему, также дрейфовали под воздействием тех же ветров, с которыми они боролись. Каким-то образом Лайтнинг, казалось, всегда знала точный курс, и как долго они летят, просто «чуя нутром».

В конце концов пегаска объявила:

— Мы на месте. Пять лиг на север, одна на запад. Как в твоём... что именно это было?

Лайтнинг Даст зависла в воздухе. Они находились примерно в пяти километрах над уровнем моря, земля была лишь отдалённым намёком где-то внизу.

— Секретный шифр, — ответила Лаки. — От пони, которая не хотела, чтобы кто-то ещё знал, что она мне помогает.

— Точно-точно, — тон пегаски был явно скептическим. — И она хотела, чтобы мы полетели... весь этот путь, потому что...

— Потому что здесь есть кое-что, что мы должны найти. Что-то секретное о прошлом Эквестрии. Я хочу с этим разобраться.

Кобылка огляделась вокруг, но ничего интересного не обнаружила. Их целью было всего лишь пустое ледяное поле. Но чуть дальше, простираясь в бесконечность, высился горный хребет, который бросал вызов всему, что Лаки могла себе представить.

Даже с высоты он, словно бы, возвышался над ней, изображение хребта, казалось, удлинялось и искажалось. Высота облаков не шла ни в какое сравнение с его пиками, как и линия снегов. Горы тянулись в обе стороны, и как Лаки предполагала, шириной были аккурат до края кольца.

«Интересно, какой смысл размещать горы на краю?»

Земля под ними, казалось, тоже уже имела уклон. Только прямо под ними было какое-то исключение из этого правила. Там виднелся участок льда, непохожий на все вокруг.

— Потому что твои пони — учёные? — спросила Даст. — Тебе просто любопытно, потому что тебе нравится узнавать что-то новое.

— Ну, нет... но изучение того, как Эквестрия попала сюда, помогло бы и пони тоже. Никто из вас не знает... даже принцесса Твайлайт не знала. Неужели тебе ни капельки не любопытно?

Пегаска выглядела так, словно собиралась ответить, поэтому Лаки повысила голос, не давая ей этого сделать.

— Подумай об этом! Пони просто предполагают, что Эквестрия древнейшая из когда-либо существовавших стран, хотя знают, что племена были разделены. Они ведут себя так, как будто Лúна и Селестия правят всем, хотя ты сама прекрасно знаешь, что Лúна вернулась лишь пару десятков лет назад! Разве это не... — кобылка начала колебаться. — Разве ты не видишь? Вы лжёте сами себе! Вы просто игнорируете вещи, которые вам не нравятся. Люди тоже так поступали — всегда было легче притвориться, что сложных проблем не существует, чем решить их. Если притворяться достаточно долго, то начнёшь верить в свою ложь.

— Ладно-ладно, — Лайтнинг вскинула свои копыта. — Короче, ты очень увлечена этим делом. Я такого не понимаю. Но, может быть, пойму, как только мы найдём эту твою штуку. Если только мы здесь не восточный ветер ловим.

Пегаска сурово прищурилась.

— Если нас послали сюда просто так, я заставлю пони, которая это сделала, дважды подумать в следующий раз.

Лаки Брейк отвела взгляд от своей мамы, сосредоточившись на мире под ними. Насколько она могла видеть, он выглядел почти как сплошной лёд — почти километр льда был ровным, как солончаки на Земле. Для солончаков это имело смысл — для того, чтобы там появилась вся эта

соль, были геологические причины, восходящие к древним озёрам... хотя на самом деле кобылке было наплевать.

Но лёд? Повсюду было так много снега, и только большие водоёмы или крутые склоны казались свободными от него. Так почему же ничего не скапливалось здесь? Лёд казался не таким уж толстым — она могла видеть камень не так уж глубоко внизу. Чёрный камень, с узорами на нем.

«Стрелки».

— Боже... — пробормотала Лаки, полетев так быстро, как только могла, следуя за одной из стрел из светлого камня, впаянного в тёмный. При её высоте не потребовалось много времени, чтобы она пролетела над стрелкой, направленной в противоположную сторону. Кобылка повернула в сторону и быстро обнаружила ещё одну стрелку, перпендикулярную двум другим.

— Что ты делаешь? — Даст с лёгкостью летела вслед за ней. — На что ты смотришь?

— Я не уверена.

Лаки зависла прямо в середине. Всего было четыре стрелы, каждая нацелена в одну и ту же точку — пустое пространство около пятисот метров в поперечнике. Она думала, что лёд покрывает камень на всей этой области, но это оказалась просто игра света. Здесь лёд продолжался вниз так долго, что она не видела никакого отражения. Там была просто тьма.

«Может быть, если я приближусь, то смогу увидеть больше».

— Я думаю, что это может быть пусковой шахтой.

Лаки спикировала. Это была одна из самых простых вещей для пегаса — оставаться в воздухе всегда было труднее, чем падать.

Она сложила крылья и вытянула вперёд копыта, благодарная за очки. Это был тот вид полёта, которым пони развлекали друг друга. Она могла немного чувствовать то, к чему стремились Лайтнинг Даст и другие — трепет, когда земля летела ей навстречу. Это пришло с уверенным осознанием, что её жизнь находится в её копытах. Даже Даст не смогла бы помешать ей врезаться в лёд и превратиться в месиво.

Вместо этого Лаки выровнялась, расправив крылья на высоте примерно ста метров над землёй. Потребовалось гораздо больше времени, чтобы остановиться — бледно-голубое небо превратилось в размытое пятно. Только далёкие горы Нибиру были настолько велики, что скорость на них не отразилась.

Кобылка приземлилась на лёд не сильнее, чем прыгнув с кровати. Она не ожидала ничего большего, кроме лёгкого удара. Вместо этого одно из её копыт провалилось, погрузившись в дыру. Лаки закричала, яростно забила крыльями, брыкаясь другими копытами в попытках вырваться.

В панике она забыла все уроки, которые усвоила о полётах за последние две недели. Взлететь из неподвижного положения было достаточно сложно, но когда она застряла? Практически невозможно.

— Лаки! — голос Лайтнинг раздался у неё за спиной. Она была близко, достаточно близко, чтобы почти коснуться её.

Затем поверхность полностью разломилась, и огромные куски тонкого льда полетели вместе с кобылкой вниз, в пустоту.

* * *

Лаки закричала, падая вниз, её седельные сумки ударились о спину. Она брыкалась и визжала.

— Лаки, лети! Что ты творишь?

Голова кобылки дёрнулась в сторону звука, но она ничего не смогла разобрать кувыркаясь. Она падала так быстро — земля, должно быть, неслась ей навстречу! Но, может быть... может быть, это была не такая отчаянная ситуация, как она сначала подумала.

Реагировать на падение в человеческой манере, может, и было естественно, но ей это не поможет.

Лаки перестала извиваться и расправила крылья так широко, как только могла. Они рывком поймали воздух, и сразу же начала замедляться.

Кобылка открыла глаза, наблюдая, как металл проносится мимо неё с обеих сторон. Она зависла в воздухе, ноги безвольно висели вниз, грудь поднималась и опускалась в быстрых вдохах, как будто она была испуганным щенком.

— Что это было, Лаки? — спросила мама с расстояния в пару метров, в её голосе звучали ужас, гнев, но и облегчение. — Почему ты просто... перестала летать? О чём ты думала?

— Я не... — кобылка запнулась, глядя в сторону. — Я думала, что приземляюсь, а вдруг оно провалилось и...

Она подняла глаза. Менее чем в двух метрах от неё находилась стена из красноватого металла, покрытая канавками, пазами и углублениями.

— Что это?

— Понятия не имею, — ответила Даст, — но мы должны спуститься на землю.

Она указала вниз, примерно на двадцать метров.

— У нас заканчивается магия.

— А? — Лаки в замешательстве последовала за ней вниз, к полу. — Что это значит?

По мере того как она приближалась к земле, ей казалось, что требуется все больше и больше взмахов крыльями, чтобы двигаться с нужной скоростью. Как будто кто-то наваливал камни ей на спину. Она приземлилась менее грациозно, чем наверху, свалившись среди осколков льда.

— Это значит... — Лайтнинг Даст приземлилась рядом с ней, тяжело дыша от усилий. — Чем дальше на север, тем труднее становится летать. Эти линии на карте... за ними все становится тяжелее. Это означает, что летать труднее. Требуется больше магии, чтобы взлететь.

Пегаска покачала головой.

— Забудь о дурацких яйцеголовых штуках. Это единственная причина, по которой наш поход должен был занять два дня, а не один. Потому что нам нужно время, чтобы отдохнуть и снова подготовиться к полёту.

Она подняла голову и её глаза распахнулись.

— Ого, а это глубокая дыра.

Лаки подняла глаза. Она села, поджав хвост между ног, когда увидела огромный размер отверстия. Сотни метров в поперечнике и по меньшей мере километр в глубину.

«Наверное, я падала очень долго».

По бокам были глубокие борозды, похожие на следы гусениц. В остальных стенах шахты были почти идеально гладкими.

«Хорошо, что нам не нужно лезть наружу. Даже „Гефесту“ с крюком было бы трудно справиться с чем-то настолько глубоким».

— Думаю, Твайлайт не обманывала меня, — пробормотала Лаки, отбрасывая кусок льда одним из копыт. — Здесь действительно что-то было.

Лайтнинг Даст дёрнулась, как будто Лаки только что попала ей по лицу жёлтым снежком.

— погоди. Назад. Когда ты сказала «Твайлайт», ты же не имела в виду, что это она посоветовала тебе отправиться на север Империи, так?

Кобылка захныкала.

— Я... Я должна была...

Даст выпрямилась, выпитив грудь и расправив крылья. Она выглядела и пахла такой большой и злой, какой только может быть пегас.

— Ты затащила нас на двадцать восемь километров к северу от Кристальной Империи, потому что принцесса Твайлайт Спаркл прислала тебе шифр. Принцесса Твайлайт Спаркл. Ты привела нас сюда и ничего мне не сказала?

Лаки снова захныкала.

— М-мама... она была права! — она обвела копытом вокруг них. — Это именно то, что я искала. Твайлайт сказала правду!

Лайтнинг сделала глубокий вдох, задержала его на несколько секунд, затем с шипением выдохнула.

— Что, если это большая тюрьма или что-то в этом роде, Лаки? Что, если это ворота в Тартар, и мы будем заперты здесь навсегда?

Кобылка закатила глаза.

— Это не чёртовы ворота небытия! Это часть инфраструктуры вашего кольца Нивена! Твайлайт привела нас прямо сюда, и теперь мы узнаем, что оно делает!

Даст топнула копытом и зашипела, а затем затихла.

— Посмотрим. Но в следующий раз... ты скажешь мне, куда мы направляемся.

* * *

Лаки устала от путешествия — почти тридцать километров полёта на ледяном ветру были довольно изнурительными. У них не было с собой ни палатки, ни спальных мешков — когда придёт время разбивать лагерь, им придётся долететь до облаков. Либо так, либо спать на полу.

С другой стороны, на дне ямы уже было темно, и по мере того, как день наверху шёл своим чередом, становилось все темнее. Лаки достала из седельной сумки шлем, разложила его до полного размера и надела на голову — это была единственная часть брони, которую она взяла с собой, в основном из-за камеры и прибора ночного видения.

— Я всё равно не знаю, как мы здесь что-нибудь найдём, Лаки. Может быть, если мы вернёмся завтра в полдень. Тогда, по крайней мере, у нас будет немного солнца. Но мы не сможем вылететь, по крайней мере, ещё несколько часов... если ты упадёшь, у меня может не хватить магии, чтобы поймать тебя.

Лаки кивнула.

— Несколько часов должно быть достаточно, чтобы сделать хорошее видео на дне этой шахты и провести небольшое исследование.

— Я не знаю, что это значит, — Лайтнинг Даст села на пол, достала из сумки маленький пакетик кристалльных ягод и принялась за еду. — Но неважно. Мы зашли так далеко. Просто больше не летай. Я буду тут.

— Конечно.

Лаки проскакала мимо неё галопом, позволяя камере охватить всю шахту целиком со всех ракурсов. Система ночного видения шлема высветила более мелкие детали — громадные швы с одной стороны, которые предполагали наличие какого-то отверстия.

«Немного похоже на старую фабрику НАСА во Флориде. Это стартовая площадка?»

Направляющие в стене могут быть использованы для того, чтобы поднять что-то наверх или, возможно, для подъёма платформы. Трудно было сказать, для чего именно.

«Надеюсь, это было не просто для вида. Что нам действительно нужно, так это дверь».

Помещение было таким темным и таким большим, что Лаки потребовался почти час, чтобы найти дверной проем — участок стены, который открывался в коридор примерно в два раза выше пони и достаточно широкий, чтобы несколько из них могли пройти в ряд.

Кобылка опустила голову, медленно двигаясь по древней поверхности из слегка красноватого металла. Ни снега, ни пыли, ни какого-либо мусора.

«Интересно, стоит ли мне беспокоиться об этом?»

На поверхности так часто шёл снег, что казалось немного необычным, что над ними не было более толстого льда, или что дыра не заполнялась снегом на протяжении веков.

«Кто-то должен использовать это достаточно часто, чтобы все было чисто. Пожалуйста, не надо убираться, пока мы здесь».

Это было бы их типичное везение, если бы извержение пламени (или для чего ещё кольцо использовало эту шахту) произошло именно в тот момент, когда они летели вниз.

Коридор не вёл в недра древней станции. Примерно через пятьдесят метров Лаки упёрлась в дверь — хотя она больше походила на воздушный шлюз, чем на дверь из обычного здания. Кроме того, тут были первые надписи или знаки, обнаруженные здесь внизу.

На поверхности двери был изображён грубый силуэт пони с расправленными крыльями и длинным рогом на голове. Кобылка медленно приблизилась, настороженно наблюдая за стенами с помощью электромагнитных сенсоров в шлеме. Но тут отсутствовала какая-либо энергия, по крайней мере, такая, которую можно было уловить. Это был просто твёрдый металл, каким, собственно, он и выглядел.

За исключением самого шлюза. Подойдя ближе, она заметила энергию, проходящую сквозь металл, освещая крылья, рог, копыта и метку на силуэте. Стало так ярко, что Лаки отключила ночное зрение — крылья на силуэте светились, особенно когда кобылка подошла ближе. Она подошла к двери, расправила крылья и коснулась барельефа. Он светился ярко-белым.

Ничего не произошло. Дверь не открылась, ловушки не сработали, не заработала какая-нибудь система связи. Вообще ничего не произошло. Лаки застонала и ударила в дверь копытом. Это было больно, но никак не помогло.

«Даже земной пони не смог бы пройти через них».

— Мама, иди посмотри на это! Я кое-что нашла! — закричала кобылка так громко, как только могла.

— Э-э, конечно... Но я тебя не вижу! Где ты, Лаки?

— Включить свет, — прошептала кобылка, и яркие фонари с обеих сторон её шлема переключились с инфракрасного на видимый свет.

— Я и не знала, что ты захватила факел! — Лайтнинг Даст добралась до неё примерно примерно через пять минут, прикрывая глаза от света фонарей одним копытом. — А мощный фонарик. Сколько батареек нужно, чтобы он продолжал работать в таком режиме?

— Уменьшить яркость до 10 %, — приказала Лаки, прежде чем положить шлем на пол, указывая на дверь. Затем она подняла глаза. — Только одна. Но действительно хорошая батарейка.

— Оно и видно, — Даст уставилась на шлем. — Ты купила единорожьё лампу, не сказав мне?

— Нет, — кобылка неловко поёрзала, указывая на дверь. — Мам, мы можем сосредоточиться на этом? Я пытаюсь попасть внутрь, но не знаю как. Может быть, ты сможешь помочь. Ты когда-нибудь видела такую дверь?

Лайтнинг Даст приближалась медленно и осторожно. Она уставилась на узор, особенно туда, где крылья начали светиться достаточно ярко, чтобы было заметно даже на свету. Для Даст они светились даже ярче, чем для Лаки. Ещё одно пятно света появилось там, где должна была быть метка. Но рог и копыта оставались тёмными.

— Штуки Дэринг Ду, — пегаска указала на стену. — Прямо как в одной из этих книг. Которые... я слышала, читают пони.

Она отвернулась, ворча.

— Однако, не повезло. Похоже, для этой нам нужен аликорн. Кто бы ни поставил здесь эту дверь, он не хочет, чтобы кто-то ещё вошёл внутрь.

— Аликорны — это... королевская семья, верно? — спросила Лаки, возвращаясь к двери и толкая её копытами. Как и прежде, это не дало ни малейшего результата. Даже обычные металлы, о которых она знала, устояли бы перед любыми средствами, которые у них были, чтобы вскрыть дверь. Взрывчатка, могла справиться, а могла и нет. Датчики шлема не могли определить состав, так что трудно было сказать наверняка.

— Не... совсем, — Лайтнинг покачала головой. — Принцессы Селестия и Луна — королевская семья, но у них нет детей. Другие аликорны просто вроде как...

Пегаска покраснела.

— Ну, думаю, я не знаю. Однако они откуда-то берутся. И как только они это делают, их назначают ответственными за что-то неопределённое и тупое, и они никогда не будут так же хороши в своей работе, как если бы Селестия просто продолжала делать все сама с самого начала.

Лаки уставилась на дверь. Это всё ещё была полезная информация — команда исследователей, вероятно, смогла бы справиться с ней, если бы у них было достаточно времени. И пони тут явно не часто бывали, так что им не нужно было беспокоиться о том, что их поймают. Предположив, что удастся проложить маршрут в обход цивилизации пони. С таким количеством пони, способных летать, просто долететь сюда было бы недостаточно.

— Есть ли вероятность, что кто-то из них захочет помочь? Я могла бы... Я могла бы спросить Твайлайт...

— Нет, — рывкнула Лайтнинг, посмурнев лицом. — Она ни за что не захочет помогать с этим, Лаки. Не имеет значения, насколько милой она казалась — если бы она хотела заняться тут исследованиями, она могла бы пригласить сюда десяток пони из самых крутых университетов и школ Эквестрии. Она не собирается помогать. Вероятно, Твайлайт просто ждёт, когда ты скажешь, что была тут, чтобы она могла арестовать тебя, используя какой-то закон, который никто не помнит. Тебе не следует писать ей.

— Хм... — Лаки подняла свой шлем, неся его на спине, пока они шли обратно по туннелю. У неё будет ещё время, чтобы осмотреть дверь, она ещё не отказалась от этого. Но в данный момент её мысли были заняты другим. — Итак, Селестия и Луна тоже отпадают. Они должны знать об этом, раз Твайлайт знает. Так что остаётся... ещё двое. Кейденс и Фларри Харт.

— Забудь и о Кейденс, — отрезала Даст. — Она хороша в управлении Кристальной Империей, но она близка с Твайлайт. Они... выросли вместе или что-то в этом роде. Я не знаю, я редко читаю газеты. Но все, что ты ей скажешь, узнает и Твайлайт.

Оставалась только Фларри Харт. Лаки немного знала о ней, хотя бы потому, что она была любимой принцессой Кристальной Империи, которую любили все, кто там жил.

И боялись. Её магия, по-видимому, чуть не убила всех, по крайней мере, два раза. Фларри Харт была ненамного старше самой Лаки, хотя это не обязательно было преимуществом.

«Она может отнестись ко мне ещё менее серьёзно. Или она может стать возможностью».

— Как думаешь, Фларри Харт увлекается археологией? — кобылка махнула крылом вокруг себя. — Как думаешь, она захочет отправиться в приключение, чтобы помочь нам открыть дверь и посмотреть, что там внутри?

Лайтнинг Даст остановилась. Она больше не выглядела злой, скорее грустной.

— Лаки... — пегаска откинула гриву с лица кобылки кончиком крыла. — Я думаю, это мило, насколько ты наивна. Но я хочу, чтобы ты подумала вот о чём: вокруг принцессы не происходит ничего такого, о чём не узнала бы вся Эквестрия. Даже если ты сможешь убедить её, даже если вы ускользнёте и найдёте тут кучу удивительных вещей... если принцесса не сохранит все это в секрете, мир узнает.

Лайтнинг секунду помолчала.

— И, может быть, вы с маленьким монстром станете лучшими друзьями, и вы найдёте что-то удивительное для Эквестрии. Но... если это произойдёт, ты снова окажешься в центре внимания. Каждый пони в Эквестрии захочет узнать о новой подруге принцессы, откуда она родом, кто она такая. Твоя фальшивая личность этого не переживёт. То же самое произойдёт, если ты совсем ей не понравишься — тогда её мама захочет узнать, кто так расстроил её дочь, и она начнёт копать. Единственный способ не быть выведенной на чистую воду — это быть такой скучной, что она не захочет иметь с тобой ничего общего, но не настолько скучной, чтобы разозлить её. А ведь ты совсем не такая.

Даст на мгновение прижала Лаки к себе, и та не сопротивлялась.

— Милая, у тебя так никогда не получится. Она либо полюбит тебя, либо возненавидит. И то, и другое означает, что я могу никогда больше тебя не увидеть.

Пегаска отпустила кобылку, встретившись с ней глазами.

— Я не собираюсь указывать тебе, что делать. Я не понимаю, почему для тебя это так важно... но никто также не знает, почему меня так волновало стать хорошим летуном. Я просто хочу, чтобы ты понимала, что может произойти, если ты пойдёшь к ней. Хорошо?

— Хорошо, — Лаки ковырнула копытом пол, покраснев.

Лайтнинг Даст, вероятно, была права. Её логика была здоровой — кто-то, кому есть что скрывать, не станет привлекать внимания пони, на которую смотрит весь мир.

Кобылка подняла глаза.

— Это... наверное, бесполезно. Мне пришлось бы убедить принцессу отправиться со мной в снега. Ей, наверное, все это безразлично. Я, наверное, даже не смогу её увидеть. Вокруг точно будет охрана... я не смогу даже поговорить с ней незамеченной. Я могу попасться даже на попытке сделать это.

— Теперь ты понимаешь, — Даст снова притянула её к себе для последнего объятия. — Мне жаль, что мы не смогли найти проход за эту дверь. Но... возможно, мне удастся найти ещё что-нибудь из прошлого. У меня есть несколько друзей на работе... Я могла бы поспрашивать их за тебя.

— Правда? — Лаки ухмыльнулась, наострив уши. — Ты могла бы?

«Кроме того, я могу попросить своих друзей прийти сюда. Это не обязательно должна быть я».

Мама кивнула.

— Конечно, мелкая. Я спрошу. Не могу обещать, что они что-нибудь найдут, но они могут попытаться. И я думаю, что знаю несколько книг, которые тебе тоже могут понравиться. Я всё равно собиралась купить их, раз уж мы переехали.

* * *

Доктору Джеймс Ирвин особо нечем было заняться. Слежение за тем, как Предвестник строит город, могло бы заставить людей чувствовать себя лучше от осознания, что они контролируют ситуацию, но её не обманешь. Сенсоры Предвестника были куда лучше её органов чувств, и у него была целая библиотека методов строительства и все нужные инструменты. Если он и правда совершал какие-то ошибки, она его ловить на них не собиралась.

В общем, Джеймс оставила Предвестник трудиться, проверяя его только утром, когда все начиналось, и вечером, чтобы убедиться, что все поставленные на день задачи выполнены. Если вычесть по часу на обед и преподавание языка, то она могла весь день заниматься всем, чем хотела.

Первым местом в её туре «очень напряжённая работа» была лаборатория, поскольку это была единственная часть Отара, где все было достроено и майора гарантировано не было рядом.

Кроме того, доктор Борн добилась реального прогресса. Её исследования были куда интереснее, чем наблюдать за тем, как Предвестник строит новые гидропонные сады и одинаковые туалеты.

Лаборатория, как и все остальное в Отаре, была построена с расчётом на людей, а не пони. Следовательно, им приходилось пользоваться табуретками, чтобы добраться до любого из столов.

«Или взлететь. Но никто из нас не умеет этого».

В одном конце лаборатории стояли в основном пустые столы, место для дисциплин, для которых ещё не было специалистов. Именно там сидели Мартин и Карл, завтракая овсянкой и наблюдая за работой Дороти.

Обе были в лабораторных халатах, хотя Мартин прорезала отверстия для крыльев и снова начала отращивать гриву, в то время как Карл держала её почти такой же короткой, как у майора.

— Есть какой-нибудь прогресс? — спросила Джеймс, пододвигая табурет и запрыгивая на него, чтобы добраться до стола. Она поставила свой горячий кофе на стол перед собой, время от времени делая глоток. Ей всё ещё требовались оба копыта, чтобы взять кружку, не уронив.

«В отличие от моего клона. Жульнически играющей на гитаре».

— Похоже, она там... очень взволнована.

Карл кивнула.

— Она так и не ложилась. Думаю, она должна быть близка к чему-то.

— Или она просто сходит с ума, — предположила Мартин слабым и дрожащим голосом. — Мне знакомо это чувство.

— Да, — Джеймс усмехнулась. Однако было трудно точно сказать, сколько в этих словах было шутки. Мартин продолжала работать со спутниками, хотя и не делилась больше ничем, потрясающим мир.

«Благодарим её за это».

— Пойду поговорю с ней, — сказала Джеймс, засунув кофе обратно в маленькую подставку на её плече. По сути, это был просто коготь с гироскопом, что удерживал её горизонтально, когда она шла. Пегаска теперь практически везде носила его. — Может быть, она поделится новостями.

— Не советую! — крикнула ей вслед Карл: — Когда я попыталась накормить её завтраком, она просто наорала на меня. Она в трансе или что-то в этом роде.

Джеймс это проигнорировала, медленно двигаясь мимо высоких столов и шкафов. Во многих из них стояло новое оборудование, всё ещё завернутое в защитную плёнку, и поблизости не было учёных, которые могли бы им воспользоваться.

Она почувствовала запах доктора Борн примерно в то же время, когда подошла достаточно близко, чтобы увидеть, чем та занимается. Много антисептика и спирта, но также и вонь пони, которая слишком долго

не принимала душ. Её грива по-прежнему была зачёсана назад, но растрепалась и запуталась. Доктора окружало оборудование по биологии и генетике — генные секвенсоры и плоские пластиковые диски в инкубаторах. Странные машины, которые иногда начинали быстро вращаться, как будто пытались взлететь и сбежать из лаборатории. Кроме того, вокруг были маленькие печки и десятки различных компьютерных экранов.

— Вызываю доктора Борн, — сказала Джеймс достаточно тихо, чтобы, как она надеялась, не сильно напугать. — Вас ждёт пациент, доктор Борн.

Кобыла всё равно подпрыгнула почти на метр в воздух, развернулась в полёте и приземлилась так, что оказалась лицом к Джеймс. Выражение было диким и растерянным, но быстро вернулось к рациональному.

— Ой. Мой кофе, — она забрала кружку, не дожидаясь подтверждения, и осушила то, что осталось, несколькими большими глотками. — В следующий раз наполни её доверху.

Джеймс хмыкнула, раздражённым жестом складывая коготь.

— Ты что-нибудь выяснила? — она указала на экран. — Похоже, у тебя там есть... какие-то образцы тканей.

— Да, действительно... — Дороти отошла и вернулась к большому экрану, на который смотрела. — Оказался хитрой сукой. Но вечно от меня прятаться не мог.

Она указала копытом на экран справа.

— Узнаешь?

Джеймс помотала головой.

— Нет.

— А должна. Это твоя кожа. Ну... формально это нижний слой моего эпидермиса, но генетической разницы нет.

Дороти подняла переднюю ногу, где вокруг внутренней части бабки была обёрнута чистая белая марля.

— Как она выглядит, по-твоему мнению?

Джеймс повернулась и, прищурившись, посмотрела на экран, который был наклонён к ним, но ей всё ещё приходилось задирать голову.

— Похоже... все идёт отлично?

Прошло очень много времени с тех пор, как она видела клетки под микроскопом. Они выглядели примерно так, как она помнила — мембраны эукариотических клеток, заполненные прозрачной цитоплазмой, разделённые на ядро и многочисленные маленькие органеллы.

— Митохондрии — это электростанция клетки, — сказала она.

Лицо Дороти мгновенно стало раздражённым.

— Ты когда-нибудь слышала, чтобы слово «электростанция» использовалось таким образом для описания чего-либо ещё? Является ли реaktorный зал «электростанцией Отара»? — Джеймс открыла рот, чтобы возразить, но пегаска не дала ей шанса. — У тебя есть возможность узнать о статье, которую я пишу, потому что ты принесла мне кофе. Ты хочешь потратить её впустую?

Джеймс промолчала, и Дороти снова улыбнулась.

— Хорошо. В любом случае это ткань пони. И, очевидно, она здорова. Если бы она не могла бы здесь выжить, мы бы тут не говорили.

Она сделала два шага влево, так что теперь они смотрели на другую половину экрана.

Клетки здесь выглядели по-другому. Многие из них уже распались на части, органеллы вывалились в густой, липкий суп из слабо окрашенных линий. Те клетки, которые ещё не умерли, выглядели как надутые воздушные шары, хотя Джеймс едва могла разглядеть слабые линии, плотно упакованные внутри.

— Что это?

— Я попросила Предвестника вырастить мне немного своей эпидермальной ткани. Я имею в виду, какой она должна быть изначально.

— Фу.

Дороти бросила на Джеймс ещё один мрачный взгляд, а затем расслабилась.

— Думаю, да. У меня этот образец растёт с того самого дня, как я проснулась. Ты можешь видеть, что гибель клеток происходит почти повсеместно. Если я... — она наклонилась вперёд, и на этой же половине экрана сменилось изображение. — Вот как это выглядело через неделю.

Клетки всё ещё выглядели живыми, но как будто они боролись с окружением, пытаясь что-то сделать.

— Выглядит... неприятно.

— Это то, что убило предыдущие поколения. Ну... первое и второе.

Мартин и Карл к тому времени уже подошли посмотреть, держась достаточно далеко, чтобы Дороти не заметила их, если не обернётся. Похоже, на это было мало шансов — пегаска была полностью поглощена своей работой.

— Итак... — Джеймс старалась говорить тихо, не желая расстраивать Дороти так сильно, что она перестанет объяснять. — Что это такое, и почему Предвестник его не обнаружил? Разве он не должен был знать ещё в первом поколении, что здесь есть болезни?

— Это не болезнь, — поправила Дороти, пренебрежительно махнув копытом. — Не в общепринятом смысле. Предвестник выглянул наружу и увидел жизнь со знакомой структурой — двухпочечной ДНК, теми же основными белками, похожим клеточным составом. Незначительные различия есть, конечно, но мы никогда не собирались есть тех, кто был снаружи, или спариваться с ними, так что это не должно было быть проблемой.

Дороти указала на различные распечатки на столе — компьютерные модели различных белков. Она показала на две, на обеих было написано «Гемоглобин».

— Это всего лишь один пример. Обрати внимание на структуру вот этого. Подавляющее большинство позвоночных зависят именно от него для дыхания. Вырасти образец в лаборатории, и получится именно такой. Именно так мы в первую очередь и можем создавать работоспособные человеческие тела — без радиации, или без каких-либо посторонних примесей, организм работает нормально.

Пегаска указала на другое изображение, которое выглядело вытянутым и сплюснутым.

— Это прионный вариант человеческого гемоглобина. Заметь, тот же молекулярный состав. По-разному свернут. А вот тут коллаген.

Она указала на другой экран, нажала кнопку на соседней клавиатуре и прокрутила ещё несколько изображений. Джеймс не могла сказать, что было не так, но, судя по выражению лица Дороти, ни одно из них не выглядело правильным.

— Вот актин, интегрин, инсулин... — она оглянулась. — Я могу долго продолжать.

— Прионный вариант, — повторила Джеймс. — Откуда он взялся?

Дороти пожала плечами.

— На базе приземления есть воздушный шлюз, и существует множество правил, чтобы избежать заражения. Но с внешним миром, который выглядел таким безопасным...

Она замолчала.

— Послушай, прионы не были хорошо изучены даже тогда, когда мы улетали. Они точно такие же, — она снова указала на экран. — Неправильно свёрнутые белки. Они меняют функцию оригинала. Они могут распространять свою «мутацию» на правильные формы. Они стабильны, поэтому имеют тенденцию к накоплению в здоровых тканях. О, и я упоминала, что от этого не существует никакого лечения? Никакое лекарство не может очистить их, потому что они сделаны из того же материала, что и ты. Невозможно удалить их или устранить повреждения. В конце концов, ты умрёшь.

— Чертовски ужасным способом, — пробормотала Карл издалека. — Почему это не убивает нас?

Если Дороти и заметила крошечную разницу в голосах, она никак не отреагировала.

— Я не... уверена, — уши прижались. — Но если проверить ткани пони, то никакого накопления. Образцы, которые я взяла, показывают, что до трёх процентов наших белков являются прионными вариантами, по крайней мере, если они распределены так же, как в эпидермальной ткани. Функция этих белков идентична в тканях пони — они всё ещё являются проблемой. Просто наши тела — и тела всех других позвоночных на этом кольце — придумали способ, как справиться с их накоплением.

— Если они смогли, то и мы можем, — сказала Джеймс. — Верно? Надо просто... выяснить, что делают тела пони, чтобы очиститься. Воткнуть это в людей, и все будет хорошо.

— Да-да... — Дороти согласилась, дрожа всем телом. — Или просто жить в костюме биологической защиты всю свою жизнь. В этом нет ничего сверхъестественного — прионы всё равно должны попасть в твой организм и столкнуться с нормальными белками для распространения. Никогда не контактируй ни с чем, что могло подвергнуться воздействию нативных белков, и человек будет в безопасности. Просто делать это в течение любого промежутка времени — это... ну, даже тяжелее, чем жить в космосе. Но я уверена, что в принципе это возможно. Мне нужна дополнительная помощь. Больше, чем просто лаборанты.

Дороти взглянула на Мартин, затем вздохнула.

— Доктор Ирвин, разве ты не должна руководить строительством моих биофабрикаторов? Предвестник сказал мне, что они будут смонтированы сегодня.

— Д-да, — Джеймс попятилась, глядя вниз. — Я просто решила проверить, как вы все. Я пойду... и вернусь к руководству строительством. Уверена, что мы уложимся в срок. Ты получишь свою... группу учёных... скоро...

Она вышла из лаборатории и побрела на звуки тяжёлой техники. Вероятно, приближалась утренняя инспекция майора, так что желательно присутствовать при этом.

Она прошла мимо (гораздо большего) женского душа, в который до сих пор не заходила. Пегаска почувствовала струйку пара, выходящую из-за края двери, и услышала шум воды. Это было главное — когда Оливия закончит, она захочет увидеть Джеймс «усердно работающей», наблюдая, как автоматизированное оборудование роет коридоры.

Все коридоры выглядели одинаково — текстурированный камень, смешанный с химическим клеем, который соединял готовые секции, привезённые с материка. Будущие секции на более глубоких уровнях будут создаваться примерно таким же образом, при этом стены и полы будут сняты и собраны по частям, а не все сразу.

Но в её турне перед инспекцией была одна остановка — карцер.

Технически это был центр управления безопасности, хотя при таком малом населении «безопасность» была чисто формальной. Но там было несколько пустых камер и одна занятая.

Джеймс вошла внутрь. Камеры были просторными — как и все остальное, они были построены в расчёте на людей. Это означало небольшие трудности с использованием туалетом или раздатчиком еды, но в остальном так, вероятно, было лучше.

Исследователь-местный больше не был похож на пациента в больнице, ожидающего дня своей выписки — решётку нельзя было спутать ни с чем, кроме тюрьмы.

— Привет, Джеймс, — сказал он на довольно сносном английском.

Он наблюдал, как пегаска вошла, наблюдал, как она отодвинула стул от панели управления, а затем забралась в него со своей складной гитарой, заранее спрятанной между подушками. Сюда больше никто не заходил, так что не было ни шанса, что её случайно обнаружат. По какой-то причине Джеймс казалась единственной, кого всё ещё беспокоил факт, что они взяли заложника.

— Привет, друг, — ответила она, стараясь как можно лучше воспроизвести эквестрийский. Она сказала это, хотя и знала, что это неправда.

«Если бы он был моим другом, я бы не стала сажать его в тюрьму».

— *Ĉu vi liberigos min hodiaŭ?* — спросил жеребец.

— *Se mi rajtus,* — ответила Джеймс, раскладывая гитару до полного размера и пристраивая её между копыт. — *Vi scias, ke mi volas.*

Жеребец сел у решётки. Дэдлайт больше не выглядел раненым. От голода он тоже не страдал, был здоров и подтянут. Она чувствовала этот его запах, даже несмотря на то, что жеребец что-то сделал со светом в своей камере, скрыв её в полумраке.

«Эти глаза лучше видят в темноте, чем мои. Кажется, так ему нравится больше. У него ещё и крылья летучей мыши, так что это может иметь смысл».

— Se vi vere volas liberigi min, vi farus ĝin, — уши жеребца прижались к голове, когда он наблюдал, как Джеймс неумело бренчит на гитаре.

Как бы Лаки Брейк ни научилась играть крыльями, на это ушло явно больше нескольких недель. Но если клон-жеребёнок смог это сделать, Джеймс была уверена, что она тоже сможет. Наличие цели давало направление в тренировках.

Несколько минут она неумело брэнчала, издавая диссонансные звуки, лишь изредка похожие на хоть какую-то мелодию.

— Вот, — Дедлайт просунул копыто сквозь решётку. Он мог бы просунуть и всю ногу, если бы захотел, но не более того — они проверили это, прежде чем засунуть его внутрь. Если Оливия не могла протиснуться сквозь решётку со своим крошечным телом, то у взрослого жеребца не было ни единого шанса. — Дай мне попробовать.

Джеймс на мгновение заколебалась — складной инструмент был хрупким произведением механики. Один хороший удар, и гитара может разлететься вдребезги. Неужели Дэдлайт сделал бы это назло? Она так не думала.

— Ĉu vi promesas esti ostoroĝena s kun ĉi tiu?

— Да.

Джеймс встала, протягивая инструмент через решётку.

Дэдлайт взял его одним копытом, чего она никогда не смогла бы повторить. Жеребец откинулся на спинку стула, подперев его одной из своих ног, дёргая за струны крыльями. Они были другими — больше кожи, больше костей. Однако пегаска не была уверена, были ли они более гибкими или менее.

— Provu tion. Tenu ĝin ĉi tie... poste fleksu vian flugilon. Premu la ostojn kontraŭ la kordoj por teni ilin kiam vi ludas, — он дёрнул крылом, наполнив комнату звуком знакомой ми-бемольной струны.

— Ого. Сделай это снова!

Жеребец повторил и Джеймс усмехнулась.

— Sen magio?

— Нет, — жеребец снова неумело сыграл. Казалось, он не знал ни одной песни и просто подражал тому, что она делала (или пыталась делать).

И всё равно звучало лучше, чем у неё.

— Позволь мне попробовать ещё раз. Держу пари, у меня получится.

Но, как оказалось, послать команду было нельзя. Оливия отказала Лаки, сказав лишь: «Команда не будет готова раньше чем через шесть месяцев. До того момента я накладываю вето на твоё предложение».

Её клон был ещё менее полезен. «Мы слишком заняты строительством, чтобы куда-то лететь. Я на такое не подписывалась».

Продолжение поисков в тот день не принесло ничего полезного — если на руинах когда-либо была краска или другие надписи, они давно стёрлись. Не было никаких доступных элементов управления, ничего, кроме следов гусениц и отверстия между стеной и дном, которое могло бы обеспечить передвижение.

В общем, они улетели назад в Кристальную Империю и вернулись к своей обычной жизни. Ничего плохого не случилось ни с их вещами, ни с ними самими. Эквестрия была безопасным местом, пока те, кто охотился на тебя, не знают, где ты живёшь.

Но быть в безопасности — это не всегда то же самое, что быть счастливой.

Прошло несколько недель, и Лаки закончила сканирование бумажной версии своей книги вычислительным терминалом.

Кобылка устала сидеть на компьютер, на свой стол, покрытый страницами все более разборчивого английского текста, написанного её копытами. Десятки эквестрийских текстов были переработаны для создания этой единственной книги, исписанной её заметками и теориями по мере их освоения. Её самоучителя было бы недостаточно, чтобы вести содержательную беседу с учёными-пони на технические темы. Также он не помогал с переводом того, что не имело смысла, например, десятки разных слов для обозначения дружбы или явное отсутствие слов для менее добрых чувств.

Но его было бы достаточно, чтобы человечество начало действовать. Достаточно для подготовки дипломатов, которые могли бы изучать технический язык по мере необходимости, просто задавая вопросы. Это был фундамент, на который могли бы опираться другие лингвисты.

Лаки была одна в квартире, празднуя свою победу. В последние несколько недель Лайтнинг Даст стала задерживаться на работе допоздна, хотя и не сказала почему. Это было нормально — Лаки уже несколько недель не терялась по дороге домой и знала все лётные зоны, чтобы не получить штраф.

Это даже помогло, поскольку отсутствие Даст означало, что у неё было больше времени, чтобы закончить книгу. Достаточно времени, чтобы она закончила писать, закончила редактировать и выполнила задачу, ради которой была создана.

— Компьютер, — произнесла Лаки, уставившись на вычислительный терминал. — Пожалуйста, зачитай мне условия завершения миссии для члена экипажа G3.01 Джеймс Ирвин.

Чем дольше она не говорила по-английски, тем более странным он ей казался — сколько времени потребуется, чтобы она потеряла беглость речи? Для любого, кто не был экспертом в инопланетных языках, вероятно, гораздо меньше, чем для неё.

— Подготовить масштабируемое руководство по переводу для языка инопланетной формы жизни #FF35E. Воспроизвести это руководство в письменной форме, устной форме или при личной встрече. Необязательные задачи миссии в порядке важности: 1) Не объявлять официально об Обществе Первопроходцев, его задачах, его местоположении или его технологиях. 2) Не позволять инопланетной форме жизни #FF35E или любому из его родственных видов обнаружить присутствие Предвестника. 3) Стать экспертом в технических и специализированных формах коммуникации, если таковые имеются. 4) Вернуться живым на базу посадки, чтобы обучать этому языку последующие поколения.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Лаки перечитывала задачи миссии, и около девяти с тех пор, как она впервые увидела их в день своего рождения.

«Выживание — лишь на четвёртом месте. Никогда раньше этого не замечала».

— Это значит... моя миссия была бы завершена, если бы я, скажем, послала руководство. Вместо того, чтобы доставить его лично?

— Подтверждаю.

— Даже если я не вернусь, чтобы помочь с преподаванием?

— Подтверждаю. Ваше личное вмешательство в обучение других созданных исследователей больше не требуется. Представитель другого поколения может выполнить эту функцию, если вы будете уничтожены до вашего возвращения.

Лаки Брейк откинулась на спинку стула, расправив крылья. Она оглядела квартиру. Они вдвоём с Даст прибыли сюда почти ни с чем, так что почти у каждого предмета была своя история. Черно-белые фотографии, на которых они были запечатлены вдвоём, были повсюду — они посетили все живописные места города, совершили официальную экскурсию по замку, сходили в контактный зоопарк, наблюдали за рыцарскими поединками. Оценки Лаки были прикреплены к специальной доске вместе с некоторыми заданиями.

В углу комнаты стояла их общая односпальная кровать, потрёпанные одеяла в беспорядке валялись на ней вместе с несколькими зеленоватыми и желтоватыми перьями (ни одна из них не очень стремилась её застилать). Там было несколько фотографий из прошлого самой Даст, вырезки из газет давних времён, с заголовками «История успеха Лас-Пегасуса» и «Лучший молодой летун в Лас-Пегасусе». Но чем дольше они жили вместе, тем больше эти старые воспоминания отодвигались в сторону.

У Лаки не было принтера, чтобы сделать физические копии всех её старых файлов. Тем не менее, она обнаружила, что даже не открывала данные, которые привезла с собой с Земли, уже больше месяца. Не было никакого смысла смотреть на эти старые места и людей, все они давно умерли. Никто из них не чувствовался близким по сравнению с её новыми друзьями в Эквестрии.

«Я выполнила свою миссию. Я могу вернуться к Предвестнику и стать учителем. Вот зачем я была создана. Вот почему я так усердно трудилась, чтобы попасть в Общество Первопроходцев, вот почему я была готова клонировать себя».

Почему-то она не думала, что у Джеймса Ирвина с Земли была очень счастливая жизнь. Она была не такой уж замечательной.

«Я могла бы вернуться, но я не хочу этого делать».

— Предположим, что я завершила свою миссию. Что произойдёт?

Когда-то она знала все эти формальности, поскольку это было в руководстве Общества первопроходцев. Но прошло ещё больше времени с тех пор, как она в последний раз заглядывала в него.

— Вы становитесь частным гражданином новой колонии Земли. Свободным заключать контракт с обществом для будущих миссий. Дополнительные исследования, вероятно, будут востребованы в области ваших интересов — лингвистике. От будущих миссий можно будет отказаться по вашему усмотрению. Вы перестаёте числиться сегментом «Предвестник 70a-fe3-1d1-98f-b4c-aa0». Доктор Джеймс Ирвин больше не будет получать поддержку от Предвестника, хотя может сохранить и использовать все оборудование и ресурсы в том виде, в каком они находятся в настоящее время.

«Одна команда отправить эту книгу, и я свободна. Свободна уйти, делать то, что я хочу... и не получить их помощи».

Получить здесь помощь от Предвестника было бы трудно, но возможно. Она всё ещё может понадобиться.

— Сколько времени отведено на завершение миссии?

— Миссия доктора Джеймса Ирвина считается проваленной по истечении двух лет субъективного местного времени. До этого момента остаётся один год, два месяца и тринадцать дней.

Два года показались ей мучительно коротким промежутком времени, когда она впервые услышала его. Перевод чего-то действительно чуждого должен занять гораздо больше времени, если его вообще будет можно перевести. Но эквестрийский на самом деле не был таким уж инопланетным. В нем были все те же части речи, те же понятия формальности, времён, направления и длительности. Возможно, он даже вписывается в стандартную семью индоевропейских языков, хотя Лаки и не была в этом полностью уверена. Становилось все труднее помнить абстрактную академическую информацию, которой она больше не пользовалась.

Джеймс подняла гитару одной ногой, поставила её перед собой и начала перебирать струны крыльями. Это больше не причиняло боли, хотя, казалось, должно было. Её крылья привыкли к суровому обращению. Во всяком случае, её лёгкие тренировки облегчили все это, поскольку для сложных маневров требовался тот же уровень точности, что и для конкретного аккорда.

Лаки сама себе сыграла расслабляющую колыбельную. Она играла, пела и думала о том, что будет делать со своей жизнью.

«Теперь у меня впереди целая жизнь пони. На что я её потрачу?»

Мысли Лаки Брейк начали путаться. Она позволила этому случиться, расслабившись в том расфокусированном состоянии, которое использовала всякий раз, когда занималась. Рассеянная, но бдительная. Теперь её крылья двигались идеально, не пропуская ни одной ноты. Кобылка обнаружила, что постукивает копытами по гитаре, как давным-давно это делали люди, имитируя эффекты перкуссии. Копыта давали ещё лучший звук.

Лаки Брейк играла на гитаре не с мастерством любителя, который не мог позволить себе ничего лучшего, и не с неуклюжестью инопланетянки, носящей тело, для которого она не была создана. Она играла как местная с тысячелетним опытом и почти бесконечным запасом песен. Она завершила песню «Битлз» и начала играть мелодию, которую никогда не слышали человеческие уши.

Она даже не смотрела. Лаки открыла глаза и увидела, что Лайтнинг Даст стоит в дверях и смотрит на неё. Пегаска уронила пакет с едой на пол, рот был открыт. Она плакала.

— Г-где ты... слышала...

Лаки пела простую колыбельную, какую мать-пегаска могла бы петь своему испуганному жеребёнку. Она пела об облаках, закатах и купании в радуге. Она пела так, словно играла эту песню уже миллион раз.

Затем она посмотрела вниз и обнаружила, что парит. Как она могла делать это, играя на гитаре крыльями, можно было только догадываться.

«Что это за тёплое чувство?»

Оно началось с кончиков крыльев, но распространялось. Распространилось на её голову, и больше всего на бока.

Потом оно начало жечь. Жарче, чем в тот раз, когда она случайно схватила гаечный ключ, лежавший на блоке цилиндров фургона, жарче, чем любой солнечный ожог или жаркий июльский день. Кобылка перестала петь и закричала.

Лаки дёрнулась вперёд в воздухе, как будто её только что столкнули с высоты, и шлёпнулась лицом в деревянный пол. По сравнению с ожогом удар был сущим пустяком.

Она кричала, боролась и отбрыкивалась от чего-то, но не могла сказать, что это было. Затем боль стала настолько сильной, что рациональное мышление отказало и разум растворился в море белого.

Доктору Джеймс Ирвин снился сон или что-то очень похожее на него.

Её тело стало далёким воспоминанием в бесконечном море звёзд. Все они наблюдали за ней, вглядываясь в вечную мечту, которой было её краткое существование.

Лаки Брейк не думала, что она одна в этой пустоте, хотя называть то, что наблюдало за ней, «разумом», было бы слишком великодушно по отношению к самой себе. Казалось, за ней наблюдала сама природа, неизмеримое присутствие, которое она ощущала внутри. Присутствие, которое могло знать каждое мгновение её существования более точно, чем она сама.

Не было слов, которые она могла бы понять, только галлюцинации, порождённые воспалённым разумом. Лаки показалось, что она увидела, как тысячи лет пролетели в мгновение ока, — почувствовала потерю существа, недоступного её пониманию.

Лаки Брейк почувствовала это, скорее, как силу, чем как существо, поскольку это пронизывало каждую клеточку, каждое воспоминание. Оно знало её и не испытывало ненависти.

Затем она снова начала дышать.

* * *

Лаки Брейк медленно просыпалась. Она всё ещё была обожжена, и любое движение вызывало жгучую боль в распухших суставах. Даже её улучшенное тело было перегружено тем уроном, который был ей нанесён. Чтобы дышать, требовалось усилия, большие, чем следовало бы.

Ей удалось открыть глаза, затем кобылка с трудом приняла сидячее положение.

— Ух-х-х, — простонала она. — Это было... хреново.

Она была не дома. Комната вокруг неё была кристально чистой, с функционально расположенным медицинским оборудованием. В ногу была воткнута капельница с физраствором, а также что-то, контролирующее пульс.

Лаки была не одна. Лайтнинг Даст резко выпрямилась там, где она отдыхала в углу комнаты, её глаза распахнулись.

— Лаки! — пегаска выронила книгу, которую читала, и поспешила к краю больничной койки. — Ты в порядке?

— Н-нет, — прохрипела кобылка. — Но думаю, что... буду.

Она опустила глаза. Её тело было покрыто бинтами, и плоть под ними казалась сырой. Сожжённой. Боль, подобная той, что она чувствовала, ниоткуда не появляется.

«Но почему мне так больно?»

— Врачи не знают, что произошло, — Даст мягко коснулась её боку, обняв одним крылом. — Я спрашивала, они не могут ничего объяснить. Когда я сказала им, что ты пострадала, получив свою метку, они мне не поверили. Меня уже допрашивали три разных пони. Думаю, что даже принцесса знает.

— Они... — начала Лаки, но Лайтнинг заставила её замолчать жестом копыта.

— Нет, они не знают. По крайней мере, я так думаю, — пегаска отстранилась. — Просто отдыхай. Я позову медсестру.

Даст поспешила к выходу.

Следующие несколько часов прошли во многом так, как и предполагала Лаки. Медицинская наука пони, может быть, и была примитивна, но их обезболивающие были намного лучше, чем ничего. Несколько врачей и один полицейский спрашивали её о том, как она получила ожоги, и каждый раз в комнате не было Лайтнинг Даст. Каждый раз она давала им один и тот же честный ответ — она просто играла музыку, когда это произошло. Нет, её мама не причиняла ей вреда. Нет, её мама никогда не причиняла ей вреда. Даже случайно. Да, она знает, что у неё не будет неприятностей, если она расскажет им плохие вещи о Лайтнинг Даст. Она не могла сказать ничего плохого.

В конце концов все эти пони ушли, и осталась только Даст. Пегаска объяснила, что на следующий день ей придётся идти на работу, но она будет навещать Лаки каждую ночь, пока та не будет готова покинуть больницу.

Палата уже была завалена подарками, оставленными доброжелателями. Десятки открыток, букеты цветов и коробки шоколада. Но в течение следующих нескольких дней их появилось ещё больше, так как одноклассники и учителя заходили, чтобы ободрить её (или просто передать

домашнее задание, которое она пропустила).

Прошло три дня, прежде чем Лаки смогла встать с постели, и пять, прежде чем ожоги зажили настолько, что она смогла хорошо рассмотреть свой бок.

Кобылка смотрела в зеркало в ванной почти десять минут подряд, рассматривая свою быстро заживающую плоть и новый рисунок, частично скрытый под бинтами.

Лаки знала, чего ожидать от метки. Она символизировала особый талант пони, который почти всегда перерастал в их карьеру. Большинство будут искать работу в области, представленной их меткой, даже если они раньше даже не подозревали, что заинтересованы в этом. Это была судьба, миф и религия.

Но Лаки Брейк всегда знала, кем она была — лингвистом. Ей нравились головоломки, разгадывание тайн и выяснение вещей, которые приводили в замешательство её современников. В общем, она ожидала увидеть перо, или книгу, или что-то ещё, символизирующее поиск истины.

Вместо этого у неё на боку была гитара с головкой грифа в форме сердца и четырьмя стилизованными струнами. Казалось, она отпечаталась не только на коже, но и на её шерсти, хотя она там только-только отрастала. Пройдёт ещё по меньшей мере неделя, прежде чем исчезнут повреждения от ожогов — на месяцы быстрее, чем ожидали врачи. Ещё одна победа геной инженерии.

«Почему это должна быть гитара? Я не...»

Ну, она предполагала, что у неё есть скромный талант к игре на гитаре. Но не до такой степени, чтобы она погрузилась в это профессионально! Искусство — это не работа, это хобби!

«Держу пари, это случайность. Пони ожидают, что эти метки скажут что-то о том, кто они такие, поэтому они фокусируются на этом, и у них хорошо получается. Это самоисполняющееся пророчество».

Но если это было правдой, почему ей было так больно? Почему ей казалось, что за ней наблюдают?

Простого ответа не было. Лаки попыталась сосредоточиться на выполнении домашнего задания, несмотря на то, насколько бессмысленным все это казалось сейчас.

«Я закончила свою миссию. Мне, вероятно, придётся вернуться к зонду».

Она всё ещё не знала, должна ли. Ей ещё не нужно было принимать решение.

«Сколько я могла бы отучиться в колледже за год? Что бы сказала Даст на такое предложение?»

У Лаки Брейк теперь была своя метка. Теперь она была совершеннолетней по закону и всерьёз начинала то, что считалось половым созреванием. Она могла владеть собственностью, выйти замуж или пойти в ученики.

Поэтому, пока она занималась домашними заданиями, в основном для того, чтобы отвлечься на что-то другое, кроме книг о Дэринг Ду, которые Лайтнинг Даст притащила ей из библиотеки. И да, они были увлекательными... но они напомнили ей о тайне севера и о малом шансе, что кто-то, кроме неё, когда-нибудь её расследует.

«Если только мы просто не захватим всю планету».

Ну, это не планета.

«Узнать, что находится за этой дверью, — один из способов выяснить, кто построил эту штуку и зачем».

Ещё неделя, и Лаки наконец выписали из больницы. Она вернулась домой лишь с более короткой гривой и щетинистой шерстью, свидетельствующей о её близком контакте с пламенем.

— Все осталось как было, — пробормотала Даст, открывая перед ними дверь. У Лаки всё ещё отрастали некоторые перья, поэтому она не взлетела по лестнице. Идти было проще. — Ну, есть одно отличие. Не знаю, как мы будем за это платить. Может быть, мне удастся убедить домовладельца, что это произведение искусства.

Лаки вошла в квартиру, ища любую деталь, которая отличалась. Найти её было нетрудно — область вокруг того места, где Лаки воспарила, когда получила свою метку, тоже обгорела. Чёрные линии испятнали все — стол, стул, деревянный пол, они извивались и скручиваясь в замысловатый фрактальный узор из плотных спиралей. Не слова, или, по крайней мере, не то, что Лаки подразумевала под словами.

— Метки не должны этого делать? — спросила кобылка.

Она остановилась перед узором, ища что-нибудь знакомое — или что-нибудь, что могло бы подсказать смысл. Она не нашла ни того, ни другого.

— Никогда о таком не слышала, — ответила Даст, складывая полные седельные сумки Лаки. — Каждый пони слышал истории о какой-нибудь кобылке или жеребчике, что парили в воздухе... как и ты, я думаю. Но оказаться в больнице?

Пегаска покачала головой.

— Никогда. Я думала, что ты, возможно, знаешь.

— Нет, — пробормотала кобылка, подходя к зеркалу и поворачиваясь боком. Там была её метка, та самая дурацкая гитара.

«Это всё равно не имеет никакого отношения к тому, кем я хочу быть».

— Моё лучшее предположение таково... то, что их создаёт, плохо прореагировало с моими имплантами. Теми, э-э-э... частями моих внутренностей, которые искусственные. Мои кости не должны быть проводящими, но... может быть, они отразили заряд или что-то в этом роде?

Она села на пол, уставившись на свою гитару.

Инструмент всё ещё был там, где она его уронила, с совершенно новой вмятиной. Однако композитная поверхность оказалась слишком прочной, чтобы её можно было сжечь.

— Не знаю только, почему это стала дурацкая гитара. Я не сильна в музыке.

Мама рассмеялась.

— Не сильна в музыке? Лаки, я думаю, тебе нужно лучше прислушаться к себе. Я видела, как пони тренировались всю свою жизнь и не были так хороши, как ты.

Пегаска остановилась примерно в метре от неё, глядя сверху вниз.

— Лаки, я как раз хотела спросить. Когда я вошла и обнаружила тебя... — она неопределённо махнула крылом. — Когда ты делала все это, ты играла песню. Ты помнишь?

Кобылка вспомнила. Было трудно преодолеть боль — она размывала все вокруг. Но части были знакомы. Она кивнула.

— Прошло почти тридцать лет с тех пор, как я слышала эту песню в последний раз. Я не... — пегаска шмыгнула носом, вытирая слезу. — Где ты её узнала? В одной из тех старых книг, которые ты любишь читать? Может быть, ты читала о старых песнях пегасов, чтобы... помочь выучить эквестрийский?

Лаки помотала головой.

— Я, э-э... Я не знаю, откуда это взялось, — она встала и направилась через комнату к тому месту, где упала гитара. — Я играла несколько песен, которые мне нравились, когда я была жеребёнком, потому что они простые, и я хотела подумать о чём-то другом. Но потом я... потом я подумала о нескольких новых песнях. Как будто я только что придумала их, за исключением... за исключением того, что я этого не делала?

Лаки подняла свою складную гитару с того места, где она всё ещё лежала. На ней был тонкий слой пыли, которую она сдула мощным взмахом одного крыла. Лайтнинг Даст не трогала её уже две недели.

«Вероятно, она редко приходила домой. С работы в больницу и обратно на работу».

Затем, где-то глубже появилась ещё одна мысль:

«Лайтнинг Даст и правда заботится обо мне».

Не то чтобы она нуждалась в напоминании.

— Я просто играла... — продолжила кобылка, сыграв аккорд. Это вышло идеально созвучно. Она держала инструмент только одним копытом, а не сидела, как всегда, когда играла раньше. При таком хвате получалась странная подпрыгивающая походка, но она шла не очень быстро.

— Я просто играла так, как получалось, — теперь, когда инструмент снова был у неё в копытах, она могла вспомнить все аккорды. Вспомнить темп, тональность. Слова. Вместе с тысячами других.

Послушай козодоев

Они поют, чтобы ты спала.

Солнце ушло спать, дитя моё,

И скоро небеса заплачут.

Лаки пела так же прекрасно, как и несколько недель назад, хотя на этот раз она не взлетела в воздух. Как и прежде, песня казалась заученной наизусть, едва ли требующей хоть капли концентрации, чтобы добиться совершенства каждого звука.

Затем она услышала голос Лайтнинг Даст. Он был надтреснутым, отяжелев под грузом утомительных лет. Пегаска была не очень хорошей певицей. Лаки перестала петь, хотя продолжала играть странную мелодию.

Эти облака мягкие, дитя моё,

Сегодня ночью дождя не будет.

И я буду спать рядом с тобой,

Пока не взойдёт свет Селестиш.

Лайтнинг Даст не выдержала — так же сильно, как она это сделала в больничной палате, она притянула к себе Лаки и сжала её, как мягкую игрушку. Кобылка снова выронила гитару, протестуяще взвизгнув.

— Э-эй!

— Я не знаю, как ты узнала... — прошептала ей на ухо пегаска. — Н-но спасибо. Это было... действительно очень давно... Спасибо, что позволила мне услышать её снова.

Лаки Брейк понятия не имела, о чём говорит Лайтнинг. Но быть в её объятиях было так же приятно, как она помнила. В конце концов, они были семьёй.

— Ч-что это за песня?

— Моей мамы, — Даст выпустила её. — Когда я была меньше тебя... намного меньше... она часто пела её мне. Это было последнее, что я помню, как она делала, прежде чем...

Пегаска покачала головой.

— Я и раньше просила музыкантов сыграть её для меня, но никто про неё не знал. Я не могла сказать им, как она называется, — она, смеясь, села. — Пони всегда говорят, что метка — это судьба. Может быть, они правы.

— Может быть, — Лаки взяла гитару. Трудно было отрицать, как хорошо она чувствовала себя, играя на ней. Награда за всю жизнь практики. — Когда ты получила свою метку, ты что-нибудь видела? Типа... пони, наблюдающих за тобой? Только... больше, чем пони. И не пони. Как... вещь. Может быть, бог.

Мама усмехнулась.

— Нет, не видела ничего такого. И не слышала, чтобы происходило что-то подобное, — Даст хлопнула хвостом по полу. — И никто из докторов не слышал. Наверное, когда кто-нибудь приходит из... откуда бы ты ни была... это происходит по-особому.

«Как будто Эквестрия знает, что я здесь. Какой смысл заставлять меня играть на гитаре?»

* * *

— Как долго вы собираетесь держать меня здесь?

Дэдлайт задал вопрос на эквестрийском, но к этому времени он был настолько знаком Джеймс, что она легко его поняла.

Конечно, то, что один из туземцев попал в плен в Отаре, сделало изучение языка намного проще, чем это было раньше. Даже в записях Лаки Брейк, какими бы полными они ни были, не было ничего о практике с добровольным партнёром.

Дэдлайт редко бывал в хорошем настроении — кто бы мог винить его, после того как он провёл в плену уже больше месяца. Оливия по-прежнему отказывалась дать определённый ответ на вопрос, когда они его освободят. С каждым прошедшим днём Джеймс подозревала, что она вообще не собиралась его отпускать. Он слишком долго живёт с нами.

«Его единственный шанс сбежать был сразу после того, как мы его поймали. Он мог бы посчитать корабль галлюцинацией, но... выяснил ли он, где находится остров?»

Джеймс никогда не говорила ему и не давала никакой информации, которая могла бы быть использована для определения местонахождения их поселения. Но Дэдлайт был умным пони — умнее, чем думала Оливия.

— Так откуда вы на самом деле? — спросил он, когда однажды утром Джеймс вошла с коробкой из твёрдого пластика во рту.

Она поставила коробку на пол, затем подтащила кресло на колёсиках, на котором обычно сидела, когда практиковалась с гитарой. Она быстро прогрессировала, но сегодня не планировала играть.

Джеймс не ответила, и Дэдлайт продолжил.

— Ни один пони в Эквестрии не запер бы пони так, как это сделали вы.

— Нет? — спросила она, тоже на эквестрийском. — Почему нет?

— Потому что это неправильно, — ответил жеребец, подходя прямо к краю решётки и садясь. — И ты это знаешь. Иначе тебя бы здесь не было.

Пегаска посмотрела вниз, уши прижались к голове. Крылья тоже свернулись, став настолько маленькими, насколько только получилось. Джеймс проделала дыры в униформе, используя образец, который показала ей Мартин. Было гораздо лучше, когда они все время были на виду. Они даже перестали пахнуть, хотя во многом благодаря их пленнику. Он был тем, кто объяснил, как она должна правильно заботиться о них.

— Так вы не из Эквестрии, — снова сказал он. — Но вы не из *Minotaur triboj*. Ili ne pensas dufoje pri preni sklavojn kaj devigi ilin labori. О них не заботятся хорошие врачи. Ili ne zorgas. Se vi estus посланы грифонами, я бы спросил, почему вы не *ne jam provintas manĝi min*. Что ж...

Жеребец покачал головой с выражением полного отвращения на лице.

— Вы всё ещё пони, так что я знаю, почему вы этого не сделали. Но всё же...

Он опустил глаза, пристально глядя на неё.

Джеймс вообще больше не носила нижнюю часть униформы, ограничиваясь лишь длинной курткой. Майор сделала ей замечание всего один раз и больше не поднимала эту тему.

— У тебя нет *ĉarman markon*. Ни у кого из вас, — Дэдлайт покачал головой, широко раскрыв глаза. — Как это?

Джеймс пожала плечами, сделав то же самое растерянное лицо, которое всегда делала, когда не понимала.

Жеребец хмыкнул, в отчаянии топнув копытом.

— В твоих словах нет никакого смысла! Вы больше похожи на *kiel mitoj ol*, чем на настоящих пони! Такими, какими были эквестрийцы раньше... не такими, какими мы стали сегодня. *Krom vi ankaŭ ne estas kiel tio, ĉar ĉiuj vi estas identaj* сестры, — он снова топнул копытом. — Но вы не *identaj laŭbone*, потому что ты всегда здесь, а я никогда не вижу твоих сестёр. *Krom se...* на самом деле не Джеймс?

Дэдлайт встал и принялся расхаживать перед решёткой, возбуждённо размахивая хвостом.

— Я Джеймс, — сказала пегаска, поднимая коробку к себе на колени и борясь с пластиковыми защёлками. — Другие делают свои причёски иначе, чем я. Носят свою униформу по-другому. Это... один из способов отличить себя друг от друга.

— Джеймс, — раздражённо повторил пони. — Даже настоящего имени нет. Разве твои родители никогда не давали тебе имя, которое что-то значило?

Пегаска пожала плечами, её рот был слишком занят, чтобы ответить.

— Что ж, если ничто в этом месте не имеет смысла, я сам этим займусь, — жеребец указал на неё своим крылом. — Твоё новое имя Мелоди. Потому что... если бы не твои мелодии, я, возможно, уже *Perdis mian menson ĉi tie*.

— Мелоди, — повторила пегаска, обнаружив, что произнести это слово гораздо легче, чем Лаки Брейк. Но у неё был ещё месяц практики. — Звучит мило. Это не моё настоящее имя, но, думаю, ты можешь называть меня как угодно.

Она повернула коробку у себя на коленях, показывая жеребцу.

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — он раздражённо покачал головой. — *Senidee*.

В коробке было две вещи. Первой была гарнитура, хотя и не заглушающая звук, как те, которые носили во время полёта на «Пилигриме». Она была сделана так, чтобы крепиться на одно ухо, а микрофон спускался ко рту. Второй предмет был похож на браслет с прочным фиксирующим ремешком.

— Ну, первый надевается на голову, — сказала Джеймс, прикрепляя гарнитуру на своё ухо. — *Ĝi ebligas vin paroli nian lingvon*.

Пока она говорила, в ухе зазвучал другой голос: «Объект позволяет говорить, как наши слова».

— *Ankaŭ kompreni ĝin*, — пегаска просунула гарнитуру сквозь решётку.

Дэдлайт в изумлении уставился на предмет, его глаза были так широко раскрыты, что Джеймс и поверить не могла. Жеребец тыкал и тыкал в гибкую титановую раму и пластиковые зажимы. Затем он повторил то, что сделала она, закрепив его на одном ухе. Гарнитура специально была сделана для него, поэтому села лучше.

— Как это работает? — спросил синтезированный голос, хотя на этот раз он был мужским, а не женским. Качество перевода значительно улучшилось с тех пор, как они впервые воспользовались им во время полёта. Чем больше заметок поступало от Лаки Брейк, тем лучше становился автоматический перевод.

«По-прежнему не заменит настоящее знание языка. Но это лучше, чем не понимать и половины того, что говорит Дэдлайт».

— Ты просто говори, — сказала она. — Пока ты в сети, это...

Лицо пегаска исказилось в замешательстве, и она попыталась снова.

— Если ты здесь, оно переведёт то, что мы говорим. Чтобы нам было легче разговаривать — и чтобы другие могли тебя понять. В основном для них.

Дэдлайт ухмыльнулся, ухо с наушником дёргалось с каждым его словом.

— Оно работает!

— Да, — Джеймс кивнула. — Но я попрошу тебя не использовать его все время. До сих пор ты был очень полезен с эквестрийским.

— Почему ты не знаешь своего родного языка?

Она не ответила, подняв второй предмет.

— Это... что ж, я не буду тебе врать. Это совсем не такой подарок, как первый. Это маячок. Он... следит за тобой. Если ты попытаешься сбежать, он предупредит нас. Если ты попытаешься снять его, он причинит тебе боль. Пожалуйста, не пытайся снять его.

Нетерпеливое выражение лица Дэдлайта менее чем за секунду превратилось в свирепый взгляд, и он отступил от решётки.

— Я не могу его носить, — сказал он. — Но какой в этом смысл? Я уже твой пленник. Я ношу твой браслет, так что я не могу его поймать, Мелоди?

Джеймс подавила желание посмеяться над неуклюжим машинным переводом. Но смех, когда Дэдлайт был явно так расстроен, точно не помог бы.

— Все так, как ты сказал, — ответила она, направляясь к решётке. Она не боялась — Дэдлайт никогда не пытался причинить ей боль. — Держать тебя здесь неправильно. Но если мой босс не хочет отпускать тебя, я могла бы, по крайней мере, показать тебе Отар. Это, э-э-э... название этого места. Город Отар. Хочешь на него посмотреть?

Выражение лица Дэдлайта смягчилось. Он перевёл взгляд с неё на браслет.

— Если я надену это, ты выгонишь меня из тюрьмы? Можешь ли ты исследовать свой город?

Понимание заняло всего мгновение. Пегаска кивнула.

— Просунь копыто сквозь решётку. Как только я надену его, ты сможешь пойти со мной. Но... ты должен пообещать делать то, что я скажу.

Жеребец нетерпеливо кивнул, просунув ногу сквозь решётку, как было приказано. Достаточно близко, чтобы он мог ударить или попытаться схватить её. Вместо этого Дэдлайт неподвижно держал ногу на месте. Джеймс закрепила датчик домашнего ареста на одной из его ног. Он должен был сидеть плотно с металлическими контактами вплотную к коже. Если он попытается снять его, и у браслета не хватит времени вырубить его, что ж... тогда у неё будут неприятности.

Все, что было связано с этим, могло навлечь на неё неприятности, независимо от того, насколько хорошо все пройдёт.

Жеребец втянул ногу обратно за решётку, выпрямляясь, и потянулся прямо перед выходом.

Джеймс пришлось побороть желание посмотреть подольше — этот жеребец был напоминанием не только о том, что она потеряла в своём бионосителе, но и о том, как многое изменилось. Наблюдая за ним, она чувствовала себя странно, поэтому старалась не смотреть слишком пристально.

— Теперь послушай меня, — повторила она так серьёзно, как только могла. — Я буду честна с тобой, Дэдлайт. Хорошо?

Жеребец кивнул, и она продолжила.

— У тебя нет шансов сбежать. Если ты попытаешься, майор Фишер может убить тебя. Она дала разрешение автоматическим турелям... — пегаска замолчала, понимая, что её слова не имеют для него смысла. — На наш город наложена могущественная магия. Если кто-нибудь уйдёт без разрешения, он умрёт.

Она подошла к решётке.

— Я не хочу, чтобы тебе было больно.

Джеймс перешла на эквестрийский. Если что-то действительно пойдёт не так, Фишер, вероятно, просмотрит этот момент на камерах.

«Наслаждайся автопереводом».

— Mi volas, ke vi vizitu miajn amikojn. Se vi amikiĝas kun ankaŭ ili, ili volos forliberigi vin. Mi volas, ke ili kredu vin. Tiam vi almenaŭ povas dormi en bona dormĉambro kiel ni aliaj anstataŭ en тюрме.

Она не знала перевод последнего слова.

— Kun vi? — спросил жеребец, его гарнитура перевела. Что-то настолько простое не составляло проблем.

Джеймс покраснела, переступила с ноги на ногу и отвела взгляд.

— Nun mi havas mian propran ĉambron.

Что это значит? Она хотела сказать что-то ещё, но обнаружила, что её сбитый с толку мозг из всех сил пытается связать воедино слова на эквестрийском. Она покачала головой, пытаясь прояснить мысли. Потом она сдалась и просто заговорила по-английски.

— Майор была немного пьяна, когда согласилась на все это. Она... может быть, не слишком обрадуется, узнав, что я это сделала. Но если ты будешь вести себя наилучшим образом... ты просто будешь ходишь вокруг да около, делать то, что я говорю, или кто-нибудь другой... ты произведёшь хорошее впечатление. Понял?

— Понял, — сказал жеребец, снова кивая. — Пошли! Я хочу посмотреть, как вы, пони, живёте!

Джеймс встала перед решёткой, выпрямившись.

— Предвестник, открой камеру в карцере.

Пауза.

— Разрешение получено.

Замок со щелчком открылся. Тяжёлые ворота сдвинулись с места не сразу — их пришлось поднимать с помощью цилиндра с гидравлическим приводом. Ещё одна мера безопасности для предотвращения лёгкого побега в случае повреждения или отключения питания. Даже со сломанным замком пятеро взрослых мужчин не смогли бы поднять эту решётку.

Она поднялась к потолку всего на метр. Достаточно низко, чтобы человеку пришлось бы ползти, но все, что Дэдлайту нужно было сделать, это слегка опустить голову.

— Ты готов? — спросила Джеймс, и на её лице появилась улыбка. — Это будет так здорово! Мне не терпится показать тебе, что мы строим.

— Да, — ответил жеребец, возвращая ей улыбку. В ней было немного больше клыков, чем обычно. — Я готов.

Следующее, что почувствовала Джеймс, было то, как одно из копыт Дэдлайта ударило её головой об стену. Она потеряла сознание ещё до того, как упала на пол.

Джеймс застонала, а затем перевернулась. Голова, казалось, вот-вот взорвётся — самая страшная головная боль в её жизни. Вероятно, это мало что значило, учитывая, сколько ей было лет.

Она открыла один глаз. Пегаска лежала на полу в карцере. Перед ней была толстая решётка, хотя проёмы были достаточно широкими, чтобы она могла легко видеть сквозь них. С другой стороны комнаты доносился шум, но ей потребовалась минута, чтобы очнуться достаточно, чтобы понять его.

— Ошибка: имплант не обнаружен, — сказал Предвестник своим обычным ровным голосом.

Дэдлайт снял панель управления со стороны двери, обнажив провода. Он не столько пытался замкнуть цепь, сколько устроил полный беспорядок — бесполезная попытка. Джеймс не была экспертом, но она была достаточно умна, чтобы точно знать, что дверь в офисе службы безопасности была сделана так, чтобы противостоять несанкционированному вмешательству. Опытному электрику могло потребоваться несколько дней, чтобы открыть её. Необразованному туземцу...

Дверь могла бы открыться для него, если бы он не стал вырубать Джеймс. Но импланты могли определить, когда носитель был в сознании — не было никакого смысла включать или открывать что-то для того, кто даже не очнулся.

Пегаска села в камере, застонав от боли. На ней всё ещё была её форма, хотя Дэдлайт вынул все из карманов. Её идентификационный бейджик исчез вместе с когтем и мультитулом. Ничто из этого не принесло бы ему никакой пользы — бейджик она носила только на память, так как на нем было её человеческое лицо. Жеребец использовал мультитул, чтобы снять панель со стены, но больше он ему не помог. Неиспользованный коготь лежал на земле в нескольких шагах от камеры.

«Бесполезен без имплантов.

Думаю, он задохнулся здесь до того, как камера закрылась сама по себе».

Она не знала, сколько времени это должно было занять — возможно, всего несколько минут.

«Сколько времени потребуется майору, чтобы обнаружить, что я пропала, и начать меня искать?»

Джеймс на самом деле не беспокоилась о себе — если бы жеребец хотел ей навредить, он мог бы это сделать. Пегаска схватила за голову, когда её накрыла новая волна боли и тошноты.

«Он действительно причинил мне боль. Просто... не так сильно, как он думает. Слава богу, что у меня композитный череп».

— Почему дверь не открывается? — спросил жеребец, возвращаясь к клетке и свирепо глядя на неё. — Скажи мне, как её открыть!

— Все в твоём плане глупо, — ответила она, и в её голосе послышался болезненный стон. — Т-ты думаешь... что ты выйдешь в эту дверь и сбежишь?

Дэдлайт всё ещё носил браслет. Если бы он снял его, что ж... возможно, он бы валялся мёртвый на полу. Джеймс не знала, сколько электричества нужно, чтобы убить пони.

— Да, — решительно сказал жеребец, указывая на дверь украденным у неё мультитулом. — Как её открыть? Я действительно избежал плена, и, по-моему, вы ошибаетесь. Найду Селестию, я не вижу, чтобы эта информация была наказана.

Пегаска закатила глаза.

— Дэдлайт. Мой босс убьёт тебя, если поймает на попытке к бегству. Ты не сможешь сбежать.

— Я сделаю это! Я же запер тебя там, ты не думаешь?

Джеймс закатила глаза.

— Нет, ничего подобного.

Она глубоко вздохнула, поднимаясь на ноги. Её голова всё ещё пульсировала всякий раз, когда она двигалась слишком быстро. Но ощущения, что у неё сотрясение мозга, не было.

«Наверное, стоит заглянуть в лазарет на всякий случай».

То, что её тело было крепким, не означало, что она была неуязвима.

— Предвестник, открой камеру номер один.

— Заключённый не обнаружен. Открываю камеру.

Гидравлическая система снова заработала, и тяжёлые стальные прутья двинулись в сторону.

Она вышла и не смогла удержаться от лёгкой усмешки, увидев расстроенное выражение лица Дэдлайта.

— Видишь? — она указала на дверь. — Ты даже не можешь открыть дверь. Ты думаешь, что сможешь справиться с «магией», защищающей Отар?

Джеймс на мгновение покачнулась, упёршись одним копытом в стену для поддержки.

— Предвестник... закрыть камеру...

Тяжёлые стальные прутья двинулись в обратном направлении.

Дэдлайт больше не нападал на неё. Он рухнул на пол, раскинув крылья по сторонам.

— Это честно не так. Я получаю от вас кое-что похуже злодеев. Я предполагал, что ты сможешь сбежать отсюда.

— Наверное?

Чем больше жеребец пользовался гарнитурой рядом с ней, тем больше Джеймс жалела, что вообще отдала её ему. Но слушать его настоящий голос во время перевода было просто слишком сложно.

— Послушай. Если майор узнает, что ты пытался сбежать, она... — пегаска покачала головой. — Я понятия не имею. Но она использует это как предлог, чтобы никогда больше не выпускать тебя из камеры, тут как пить дать.

Джеймс прошла мимо Дэдлайта и не удивилась, что он не попытался напасть на неё. Нож всё ещё лежал на полу перед копытом, и он к нему не прикасался.

Пегаска остановилась перед стеной, затем подняла копыто и попыталась засунуть провода в дыру, а потом снова поставила на место панель. Она не заработала — экран был мёртв и кнопки не реагировали. Но, по крайней мере, пластик плотно защёлкнулся обратно. На первый взгляд панель выглядела неповреждённой.

— Тогда все. Я останусь здесь в ловушке навсегда. Но я не смог пройти через одну дверь. Как только ты скажешь своему мэру, я все.

Джеймс повернулась к жеребцу лицом.

— Я никогда не говорила, что собираюсь рассказать ей. Все, что я говорила, ещё может сработать, — пегаска махнула хвостом в сторону двери. — Я хотела, чтобы они постепенно познакомились с тобой. Подружились с тобой... Пойми, нет никаких причин держать тебя взаперти. Я не скажу им про побег, если ты этого не сделаешь.

Дэдлайт встал на ноги. Он был выше Джеймс на целую голову и к тому же шире.

«И он не знает, сколько образцов мы взяли. Больше ни один исследователь мужского пола не станет кобылой».

Даже команда морпехов была на достаточно ранней стадии создания, чтобы Предвестник успел внести коррективы для мужчин.

«Везучие ублюдки».

— Кто ты, Мелоди? — спросил жеребец, стоя так близко, что она могла почувствовать его горячее дыхание на своём лице. Так близко, что она чувствовала его запах, густой после недель, проведённых без нормального душа. — Чтобы обманом выманить тебя из плена этих иностранных захватчиков, чтобы помочь им? Они... преобразив их так, чтобы ты была похожа на них. Что может помочь тебе снять проклятие?

Джеймс ничего не могла с собой поделать. Она разразилась истерическим хихиканьем. Дэдлайт только смотрел, выражение его лица становилось все более обеспокоенным, чем дольше это продолжалось.

— Нет, — в конце концов смогла сказать пегаска. — Я имею в виду, да? Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Сними гарнитуру на время. Может, на эквестрийском выйдет лучше.

Он так и сделал.

— Другие обманули тебя, Мелоди? Была ли ты проклята, чтобы выглядеть как они? Мы оба могли бы сбежать... полететь обратно в Эквестрию вместе.

Джеймс вздохнула.

— Я никогда не была в Эквестрии, Дэдлайт. И я не умею летать. Ты же видел мои крылья раньше. У всех остальных ещё хуже. Кроме Мартин. Но...

— Тогда почему ты помогаешь мне? Я только что напал на тебя!

Пегаска пожалала плечами. Её голова всё ещё немного пульсировала, но это было не так уж плохо. Генная инженерия делала своё дело.

— Майор Фишер напала на тебя. Кроме того, ничего не сломано, — она размяла крылья, выполняя некоторые упражнения, которые жеребец продемонстрировал ей. — Видишь?

Последовало долгое молчание. Дэдлайт смотрел на неё почти целую минуту, прежде чем заговорил.

— Ты действительно хочешь мне помочь. Ты пришла сюда не только для того, чтобы чувствовать себя не виноватой.

Джеймс кивнула.

— Кого волнует, что я чувствую? Раньше я жила в фургоне, — выражение лица жеребца стало ещё более растерянным, и она продолжила. — Послушай, другие, вероятно, тоже пришли бы, если бы их работа не была

такой важной. Я думаю, Карл могла бы... но она чувствует себя очень виноватой, что не может встретиться с тобой лицом к лицу. Она разговаривает с нашим боссом, пытается убедить её отпустить тебя... Я даю ей отчёты о том, как у тебя дела.

Пегаска подошла к двери, взяв свой мультитул, валявшийся на полу. Дэдлайт не сопротивлялся, когда она сложила лезвие и положила его обратно в карман.

— Итак, ты хочешь увидеть наш город? Он довольно маленький... мы всё ещё строим его. Ну, в основном предполагается, что это я его строю... Я могу показать тебе и это тоже! На роющие тоннели машины смотреть действительно интересно!

Дэдлайт снова надел гарнитуру.

— Повтори ещё раз?

Она так и сделала.

Жеребец задумался, переводя взгляд с неё на камеру и обратно. Затем он встал рядом с ней.

— Тебе лучше не нападать на меня, когда откроется эта дверь, — сказала Джеймс, свирепо глядя на него. — Там патрулируют дроны службы безопасности. Если они увидят, что ты причинил мне боль, они убьют тебя.

— Твои охранники убили пони?

Она кивнула.

— Да. Но если ты будешь хорошо себя вести, они тебе ничего не сделают. Просто делай, что я говорю... что бы ни сказал кто-нибудь другой... и с тобой все будет в порядке.

Жеребец снова кивнул, все его тело напряглось. От него хорошо пахло, но... также, как будто ему нужно было принять душ. Джеймс могла бы сначала отвести его туда — самое время, чтобы кто-нибудь воспользовался мужской половиной.

— Предвестник, открой дверь.

Она тут же открылась.

Джеймс напряглась, готовясь к удару. Но на этот раз ничего не произошло. Дэдлайт не побежал, хотя коридор простирался перед ним в обоих направлениях. Пегаска шагнула вперёд через дверной проем, и он последовал за ней, время от времени нервно поглядывая вокруг. Рядом не было видно дронов службы безопасности, хотя никто не мог сказать, когда они снова появятся при своём патрулировании.

— Пойдём, — Джеймс ухмыльнулась, указывая в конец коридора. — Не знаю есть ли у вас в Эквестрии горячий душ, но у нас он есть...

* * *

Лаки Брейк вернулась в школу через несколько дней, но это не означало, что она могла просто вернуться к жизни, какой она была раньше. Наличие метки изменило ситуацию — это означало, что все пони в школе постоянно спрашивали её о том, нашла ли она хорошего наставника для обучения. Это означало, что даже те, кто поддерживал её (например, Навинг Лук), теперь, казалось, не решались упоминать о будущем обучении в колледже, что ранее казалось неизбежным.

И это несмотря на сообщение о том, что её приняли, которое она получила по почте примерно через неделю после возвращения в класс. Новинг Лук улыбнулся ей, ободряя в том, что «она не должна чувствовать себя вынужденной принимать решение, которое не кажется правильным».

«Я не понимаю вас, народ. Какое отношение имеет эта татуировка к чему-либо? Почему это должно изменить то, насколько хорошо я владею языками?»

Она пыталась спросить, но даже мама не могла дать ей ясного ответа. Метки были настолько важны для идентичности пони, что изучение границ их влияния перестало даже что-либо значить для местных жителей.

Лаки ничего из этого не включала в свои отчёты для своих соплеменников. И они, в свою очередь, не очень много рассказывали чем сами занимаются, за исключением того, что Оливия «ожидает, что по завершении её миссии она сможет вернуться в процветающий город», и что ей «не придётся снова посещать базу посадки».

Колледж по-прежнему выглядел заманчиво. Хотя, вероятно, он был бы более привлекательным, если бы чуть больше чем в двадцати восьми километрах к северу не скрывалась ещё более сложная головоломка. Часть инфраструктуры самого кольца была там, нетронутая, и всё же известная, по крайней мере, некоторым пони. Что-то было там, что-то, что звало её даже во сне.

К несчастью для Лаки, ей понадобится аликорн, если она когда-нибудь захочет добиться какого-либо прогресса в исследовании.

В поисках способа, как она могла бы связаться с юной принцессой Фларри Харт, кобылке потребовалась ещё неделя, чтобы понять, что у двух её проблем может быть общее решение.

У Фларри Харт был отличный общественный имидж, но отчасти это, вероятно, объяснялось тем, что все газеты получали лицензию от матери Фларри Харт. Никто из них не посмел бы намекнуть хоть на что-то скандальное. Но Лаки слышала от подруги, которая услышала это от вышибалы одного из популярных клубов, что принцесса любит тратить своё время и деньги, слушая музыку и занимаясь всеми другими вещами, которыми обычно занимаются пони в клубах.

Лаки Брейк не была известной артисткой, но это не значило, что она не могла притвориться.

— Это просто, — объяснила кобылка своей маме однажды вечером, когда они закончили ужин. — Все, что мне нужно — это купить достаточно модный наряд, а затем оплатить куверт на несколько ночей. В конце каждого вечера в «Даймонд Лаундж» есть час, когда посетители могут играть, так что... Я выхожу на сцену вся такая модная, и могу сыграть какую-нибудь классную земную музыку, и...

Лайтнинг Даст скептически посмотрела на неё через стол.

— Это звучит просто, — сказала она, — и дорого. У меня есть некоторое представление о том, какую сумму заряжают места типа этого. Тебе нужно будет надеть... платье за тысячу бит?

Лаки поморщилась.

— Скорее... две тысячи. Есть один популярный дизайнер... если на тебе нет её вещей, тебя даже не пустят на порог. И... она берет именно столько.

— Две тысячи бит, — Даст покачала головой. — Лаки, милая. Я зарабатываю пятьсот бит в месяц. Большинство учеников зарабатывают половину этой суммы. Ты будешь копить целый год только на то, чтобы войти в этот клуб.

— Я могла бы ограбить банк, — сказала Лаки, хотя смотрела вовсе не в сторону банка. Она смотрела на картину, где, как она прекрасно знала, Лайтнинг Даст хранила запас денег на непредвиденный случай. Половина того, что она зарабатывала каждый месяц, шло за эту картину, чтобы можно было оплатить их перелёт через всю страну и обустроиться на новом месте, если их вдруг обнаружат.

— Абсолютно точно нет, — мама резко встала, собрала тарелки и направилась к раковине. — Лаки, я сейчас и так под следствием после твоего... приключения с меткой. Возможно, нам придётся лететь завтра. Даже если ничего не произойдёт, ты пытаешься привлечь внимание принцессы. Мы уже обсуждали это, помнишь?

Даст снова повернулась к ней лицом. Выражение его, по крайней мере, было сочувствующим.

— Я знаю, как сильно ты хочешь попасть туда. Но если ты хочешь найти способ пройти через эту дверь, тебе просто придётся копить самостоятельно.

Лаки застонала, в отчаянии топнув копытом.

— Я могла бы стать твоей ученицей.

— Нет! — рявкнула Даст, её голос был внезапным, взволнованным криком. — Нет. Место, где я работаю, это...

Пегаска покачала головой.

— Нет, милая. Ты можешь работать в городе. Есть много мест, куда точно наймут такую умную пони как ты. Может быть, ты могла бы работать где-нибудь со старыми словами, или цифрами, или...

«Или я могла бы написать ответ в колледж и позволить им принять меня».

Они дают возможность доехать до них бесплатно — хотя, по-видимому, каждый новый студент такое получает.

«Может быть, когда я его закончу, я уже легализуюсь и смогу просто попросить принцессу пойти со мной».

Лаки Брейк могла бы это сделать, но на подобное могут уйти годы. Она также могла бы взять дело в свои копыта прямо сейчас.

Она начала искать работу в Кристальной Империи. Её было предостаточно — найти работу было примерно так же легко, как и на Земле, если вас не волновало, насколько мизерная зарплата или насколько унижен труд. Почти все хотели, чтобы она подписалась на двухгодичное обучение или хотели, чтобы она бросила школу, или и то, и другое разом. Лаки не хотела уступать ни по одному из этих пунктов, и поэтому продолжала искать возможность.

Эта возможность представилась примерно через неделю, когда Лайтнинг Даст улетела в «деловую поездку». Пегаска не сказала точно, в чем заключалась эта поездка, просто сказала, что её не будет три дня, и что Лаки должна «держаться подальше от неприятностей», пока та не вернётся из Кантерлота.

Лаки Брейк, конечно, пообещала, что так и будет. Но она врала. У неё были все шансы вляпаться в большие неприятности.

Старая картина уже была в квартире, когда они въехали, и изображала плохо нарисованный пейзаж, вероятно, написанный подмастерьем, оттачивающим своё мастерство. Лаки осторожно опустила её на пол примерно через два часа после того, как попрощалась с Лайтнинг, стараясь не оставить видимых следов того, что картину снимали.

«Если повезёт, я верну большую часть битов до того, как вернётся Даст. Она ни о чём не догадается».

Это был не самый худший план, который она когда-либо придумывала. Платье от Сильвер Хэм можно было бы вернуть, если на то есть веская причина. Даже если она не сможет ничего придумать, его всегда можно перепродать кому-нибудь ещё. И даже если бы это не сработало, новое приключение наверняка заставило бы принцессу Фларри Харт захотеть помочь ей найти пару бит.

Лаки договорилась о встрече с Сильвер Хэм позже в тот же день. Платье не обязательно должно было быть оригинальным, так что подгонка не займёт много времени, всего час или около того. Вечером кобылка будет готова ко второй фазе.

Традиции пони, посвящённые взрослению, были очень странными. Она не чувствовала себя больше, чем была до появления метки, но это не имело значения. Показать метку (и заплатить за куверт ещё две сотни украденных бит) было единственным доказательством совершеннолетия, необходимым Лаки, чтобы попасть в «Даймонд Лаундж».

Лаки никогда не бывала в подобном месте — ни в одной из своих жизней.

В «Даймонд Лаундж» было два этажа, нижний танцпол и сцена с баром, а верхние балконы предназначались для тех, кто слишком важен, чтобы их могли видеть вместе с обычными пони.

Лаки обнаружила, что она была одной из самых юных пони в зале, наименее интересной как для кобыл, так и для жеребцов, несмотря на её верную оценку популярной в этом сезоне моды.

Но, несмотря на все это, музыка, несущаяся со сцены, была мягким классическим квартетом. Богатые молодые пони наслаждались едой на невероятно маленьких тарелках и алкоголем в изящных хрустальных бокалах.

Кобылка протолкалась к бару, чувствуя, как вся уверенность в её маскарадном наряде улетучивается, когда она осознала, что её роста едва хватает, чтобы дотянуться до стойки.

«Я не могу сейчас сдатьсь. Возможно, я не смогу вернуть свои биты обратно. Это мой единственный шанс».

У неё всё ещё была гитара, перекинута через спину так же изящно, как часть багажа. По крайней мере, чёрное углеродное волокно складного инструмента привлекло несколько заинтересованных взглядов от пони в зале.

— Извините меня, — сказала Лаки жеребцу за стойкой. Он был старше большинства здешних пони и с необычно красными глазами. — Сегодня один из вечеров, когда вы допускаете на сцену посторонние таланты, верно?

Лаки, может, и не была богатой, но она могла с большим мастерством имитировать манеру разговора богатых пони. Она копировала их интонации, модуляции, случайные словечки на мундус, чтобы добавить яркости. Вероятно, её речь звучала лучше, чем у большинства из них.

— Таланты, — повторил бармен, его говор совсем не соответствовал речи окружающих пони из высшего общества. Он говорил почти как Лайтнинг Даст. — Конечно. Ты можешь услышать, как хорошо это звучит сегодня вечером. Ты похожа на пони, у которой есть что-то интересное.

— Ага, — ответила Лаки, вставая так высоко, как только могла. На самом деле это не помогло — она чувствовала себя обманщицей. Лайтнинг Даст сделала её отличным летуном, но не научила ничему о высшем обществе. Все, что кобылка знала об этих пони, было либо из книг и слухов, либо из газет.

Она постучала крылом по боку своей гитары.

— Никто в этом зале не слышал ничего подобного.

Нетрудно сдерживать обещание. Гитары пони имели всего четыре струны и были ещё одним оркестровым инструментом. Даже её метка выглядела не совсем правильно.

«Что ж, она неправильная и много ещё в чем. Там должна была идти речь о языках».

Бармен только рассмеялся.

— Я не буду заставлять тебя выполнять это обещание, милая.

Он заговорщически наклонился к ней поближе, передавая через стойку небольшой бокал. Что-то зелёное светилось внутри, очень слабо. Многие пони пили это.

— О-о, у меня...

Она не хотела сказать: «У меня нет денег, чтобы заплатить за это», тем более это было правдой. У Лаки всё ещё оставалось несколько сотен бит, но они ей понадобятся, чтобы снарядить их экспедицию в неизвестность.

«Если только я не хочу попытаться заложить свою броню. Оливия будет в восторге, если я так сделаю».

Бесплатно, — сказал бармен, левитируя стакан к краю стойки.

«Тупые единороги и их жульнические способности».

— Я дам тебе одну песню. Отыграй хорошо — это не те пони, которых ты захочешь видеть скучающими. Или ты никогда не будешь играть ни в одном достойном месте.

Он наклонился ближе, так близко, что она почувствовала запах его дыхания. Жеребец говорил тихим шёпотом.

— Однажды начавшись, цепочка причинно-следственных связей так или иначе схлопывает волновую функцию. Ты готова к последствиям?

Лаки моргнула, её рот приоткрылся.

— Ч-что ты...

— Пожалуйста, — бармен выпрямился, улыбаясь ей явно вымученной улыбкой. — Пей, Лаки Брейк. Я попрошу кого-нибудь позвать тебя, когда подойдёт время.

— Как ты... — кобылка вцепилась в стакан одним копытом. — Откуда ты знаешь моё имя?

— Просто угадал, — жеребец подмигнул ей и исчез за стойкой.

Напиток, который он ей дал, был безалкогольным, по крайней мере, ничего похожего на то, что она пробовала раньше. Это была одна из самых отвратительных, омерзительных вещей, которые она когда-либо пробовала — хуже, чем вегетарианский буррито со вкусом сухой пищевой добавки (её предыдущий победитель в категории «худшая на вкус вещь»). Сено было лучше.

Но она допила стакан, как было велено. И по мере того, как шли минуты, Лаки начала чувствовать себя немного лучше. Меньше нервничала из-за предстоящего выступления.

«Я делаю это в чужом мире, я могу справиться с одной песней. Насколько трудно произвести впечатление на принцессу?»

* * *

Лаки Брейк вышла на пустую сцену, неловко переминаясь в своём светло-голубом платье. Лёгкий звон драгоценных камней, нашитых в несколько слоёв, был единственным звуком — если не считать нескольких приглушённых шепотков из разных концов зала.

Она не могла толком разобрать ни одного из них, но кобылка обнаружила, что ей всё равно, что они говорят.

«Я, должно быть, пьяна. Крошечное тело, никогда раньше не пила алкоголь... это жидкая храбрость».

Но если Лаки Брейк и была пьяна, она этого не чувствовала. Она не падала, не качалась и, казалось, двигалась не более вяло, чем кто-либо ещё.

Её даже не волновало, что этот план был чудовищно глупым. Её семья была в опасности, и вот она выбрасывает все их деньги на ветер, чтобы, возможно, произвести впечатление на принцессу и, возможно, переговорить с ней наедине, чтобы уговорить её присоединиться к археологической экспедиции? Насколько она была глупа?

Одно из её крыльев начало дрожать, и она подавила желание начать охорашиваться перед всеми. В основном тут были единороги и кристальные пони — они бы не поняли. Даже те, у кого есть крылья, посмеялись бы над эквивалентом обкусывания ногтей на публике.

Лаки вышла прямо на край сцены и резко разложила гитару. Шестерёнки быстро повернулись, и она увеличилась до полного размера.

«Я бы хотела, чтобы эта штука была электрической. Я могла бы прекрасно сыграть „Джонни Би Гуд“ и вернуться в будущее».

Шутка слегка запоздала — Лаки уже была очень далеко в будущем. Невозможно сказать, насколько далеко, но... однозначно дальше, чем в 2015 году.

С передней части сцены Лаки наконец смогла хорошенько рассмотреть балконы. Там, в самой большой центральной ложе, сидела принцесса.

Лаки неоднократно слышала, как пони (даже её мама) описывали время, проведённое с принцессами, такими словами, как «благоговение» и «трепет». Для них встреча с принцессами была религиозным переживанием. Это казалось правдой в отношении Фларри Харт, потому что она была одна в своей ложе. Рядом с ней не было друзей — даже стража. Она выглядела невероятно скучающей, почти не смотрящей на сцену.

«Это мой шанс».

Кобылка посмотрела прямо на ложа, придерживая гитару одним крылом.

— Меня зовут Лаки, — сказала она. — А эта песня для принцессы.

Она начала играть. Шепотки прекратились. Хихиканье прекратилось, и все начали слушать.

В «Даймонд Лаундж» собрались лучшие музыканты, попадавшие в Кристальную Империю, и у многих из них были музыкальные метки. Лаки Брейк ни в коей мере не была уникальна в этом отношении. Но она была единственной, у кого был человеческий инструмент и целые музыкальные стили, для которых в Эквестрии не было названий. Лаки была не лучше других музыкантов, которых слышали эти пони, но она была другой.

Кобылка растворилась в музыке. По-видимому, зрители тоже, потому что её не попросили покинуть сцену после окончания песни. Танцпол заполнился пони, пытающимися (и терпящими неудачу) приспособить свои неторопливые танцы к мелодиям, которые были слишком зажигательными для них.

К тому времени, когда Лаки закончила играть, «Даймонд Лаундж» был закрыт уже больше часа, а сцена была завалена вещами, которые богатые пони бросали ей под копыта.

Усталость обрушилась на неё, как мешок с бетоном, и Лаки внезапно обнаружила, что ей трудно стоять.

«Нет. Сосредоточься. Я не могу упустить этот шанс».

Кобылка не следила за пони в клубе, хотя старалась читать их реакцию, когда исполняла песни, которые знала.

Принцесса всё ещё была там, и не выглядела ни капельки усталой — хотя теперь, когда зажёгся свет и туман рассеялся, Лаки заметила, что на самом деле Фларри не намного старше её. Принцесса перегнулась через край ложи, махнув копытом. Это было все, в чем нуждалась Лаки.

Собираясь покинуть сцену, кобылка наступила на один из маленьких камешков, которые публика бросала в неё. Она заскулила, отдернув копыто и подняв его, чтобы осмотреть повреждения. Неужели пони швыряли в неё стеклом?

Её глаза распахнулись, когда бриллиант размером с большой палец поймал луч света, сверкнув снежно-белым. Пони кидали ей не биты, они кидали драгоценные камни.

— Извините меня, мистер... — Лаки неловко замолчала, встретившись взглядом с барменом. — У меня нет ни одного кармана. Могу ли я попросить, например... мешочек?

Она посмотрела вниз, на сцену.

— Для всего этого?

— Конечно, — ответил жеребец, улыбаясь ей. — Я позабочусь об этом. Ты должна сосредоточиться на принцессе.

Лаки одобрительно кивнула, складывая гитару обратно в переносной вариант, прежде чем перекинуть её через плечо и направиться к лестнице. Вышибалы всё ещё были там — вместо того, чтобы остановить кобылку, один из них попросил у неё автограф.

Большинство лож были так же пусты, как и танцпол, за исключением самых важных. Лаки нырнула в открытую дверь и внезапно оказалась перед принцессой.

«Я почти на месте. Смотри не засни, прямо тут».

Фларри Харт была и похожа на пегаса, и нет. Её крылья были больше и плотнее. Тело было стройнее, выше, а рог в два раза длиннее, чем у других единорогов их возраста. Вероятно, она была всего на несколько сантиметров выше Лаки. По крайней мере, так было бы, если бы она стояла. Фларри Харт полулежала на большом, удобном диване, достаточно большом для нескольких пони. Она всё ещё была одна.

Лаки Брейк стояла перед ней, кланяясь, как, она видела, это делали другие пони. Вероятно, это получилось медленно из-за усталости и гораздо более неуклюже.

Выражение лица Фларри Харт сменилось раздражением ещё до того, как она наклонила голову более чем на градус.

— Нет, нет, не делай этого, Лаки. Никто из тех, кто умеет играть музыку так, как ты, не должен кланяться мне. Это фишка моей мамы. Я бы предпочла просто поговорить.

Кобылка выпрямилась, сев на пол. Таким образом, она была как можно ближе к уровню глаз юной принцессы.

— Так-то лучше. Почему я не слышала о тебе раньше, Лаки?

Кобылка покачала головой.

— Честно говоря, я выступаю не очень часто. Большинство пони, вероятно, не слышали обо мне.

— Я также не слышала твоих песен. Здесь каждый вечер одна и та же скука. Пони притворяются, что наслаждаются песнями, написанными до рождения любого из них. Что это была за музыка?

— Много всякого, — честно ответила Лаки. — Рок, кантри, R&B... на гитаре можно много чего исполнить.

Принцесса выглядела невозмутимой.

— Что привело такого утончённого актёра, как ты, из Кантерлота? Я не знаю, сколько они тебе заплатили, но держу пари, ты могла бы заработать там... в два раза больше. Как минимум.

— Они мне не платили, — ответила кобылка. — Тем не менее, зрители были щедры. Я ещё не знаю, сколько... Я не разглядела камни как следует.

Вероятно, они стоили больше бит, чем она когда-либо видела за раз. Но, если сказать это вслух, оно точно не поможет.

— Я должна быть честна с вами, принцесса. Я здесь не для того, чтобы играть музыку. Кристальная Империя... — кобылка симитировала невесёлый тон Фларри Харт. — Как вы и сказали. Очень красиво, но ничего особенного не происходит. Но есть и другие причины посетить её.

— Правда? — принцесса села, закатив глаза. — Я не нахожу и одной.

Лаки Брейк встала, подойдя немного ближе к тому месту, где полулежала принцесса.

— Вы знали, что в дне полёта к северу от Кристальной Империи есть запретные места, принцесса? Места, где никто никогда раньше не бывал?

Лицо Фларри засияло, даже ярче, чем во время игры Лаки. Её идеальная поза нарушилась, и она напряжённо наклонилась вперёд.

— Там ничего нет. Просто снег и лёд, слишком холодные, чтобы в них жить. Если только ты не говоришь о яках, но они далеко на западе.

«Просто не думай о том, что это не имеет абсолютно никакого отношения к музыке, и все будет замечательно».

— Не яки, — Лаки запустила копыто в рукав своего платья, извлекая карту, которую там спрятала. Она была изрядно потрёпана со времени их путешествия на север, с многочисленными пометками, которые Лаки написала по дороге. Там описывались наземные образования, которые они видели и использовали, чтобы найти дорогу обратно в Эквестрию. Или их можно было использовать, чтобы найти путь обратно к двери.

Кобылка почувствовала, как принцесса подхватила карту магической аурой, отпустила её, немного отступив, пока Фларри осматривала её. Теперь она стояла на подушке, все подобие королевского величия исчезло.

— Где ты это взяла? Этот язык... он выглядит очень старым.

— Это потерянный язык. Я единственная пони в Эквестрии, которая говорит на нем.

Предвестник и его команда находились к югу от границ Эквестрии, так что формально это всё ещё была правда.

— Некоторые из моих сегодняшних песен были на нем. Он называется «английский».

— Это как у Дэринг Ду... — пробормотала принцесса, кладя карту на диван рядом с собой. Её хвост начал нетерпеливо подёргиваться взад-вперёд. Её возбуждение было заразительным — Лаки тоже его чувствовала. Этого было почти достаточно, чтобы она перестала чувствовать усталость. — И никто об этом не знает? Даже моя мама?

— Насколько я знаю, — ответила кобылка, избегая встречаться глазами. — Если бы какая-нибудь принцесса, кроме тебя, знала об этом месте, разве они уже не послали бы экспедицию? Но я заглянула во все библиотеки города — ни в одной из них об этом не упоминается.

— Потерянный храм английского, — пробормотала Фларри Харт, и её лицо расплылось в улыбку. — Так... значит, ты пришла сюда, чтобы скоротать время? Пока... исследуешь руины? Ты, должно быть, талантливый исследователь... и то, что ты музыкант, даст тебе отличную возможность поговорить со всеми важными пони. Даже мама пустила бы тебя в замок, если бы ты играла так, как сегодня.

— Я очень опытный исследователь, — ответила Лаки теперь совершенно убеждённо. Не было никакой необходимости лгать, даже если все остальное из того, что придумала Фларри Харт, было нелепостью. Разве она не заметила, какой маленькой была Лаки? Может быть, из-за платья она выглядела старше. Но если принцесса этого не поняла, кобылка не собиралась ничего говорить. — Ни один пони, которого вы когда-либо встречали, не путешествовал дальше, чем я. Теперь, когда Дэринг Ду ушла на пенсию...

Лаки выпрямилась, пытаясь приподнять невидимую шляпу.

— Я уверена, что такая принцесса, как вы, слишком занята, чтобы покидать замок. Может быть, я могла бы... навестить вас снова, когда я вернусь из своего приключения.

— Нет, — Фларри Харт прыгнула на пол. — Тётя Твайлайт все время отправлялась на поиски приключений. Даже у мамы было несколько. Ты можешь попасть в это «английское» место только для того, чтобы обнаружить, что тебе для чего-то нужна принцесса! Тебе, наверное, стоит взять меня с собой.

«Это не приказ».

Лаки снова опустила голову, но не настолько, чтобы это можно было бы считать поклоном.

— Это отличная идея, принцесса! Но... — кобылка понизила голос до шёпота. — Это должно быть секретом. Если кто-нибудь узнает, они могут захотеть пойти сами и не позволить отправиться вам. Вы же знаете, какими бывают взрослые. Все слишком опасно. Но это всего лишь день полёта на север! Вы же прекрасно летаете, верно, принцесса?

— Да, — Фларри кивнула, улыбаясь в ответ. — Я очень хорошо умею хранить секреты, Лаки. Это одна из первых вещей, которым должна научиться принцесса.

Путешествие вышло не из приятных. Выбраться из Кристальной Империи было не так уж сложно — там не было ни документов, куда надо было поставить штамп, ни контрольно-пропускных пунктов, через которые нужно было пройти. Фларри Харт пришлось надеть достаточно толстую одежду, чтобы её не узнали (что ей всё равно пришлось бы сделать из-за ожидающего их мороза), и они просто вышли. Лаки не очень беспокоилась о том, что подумают в школе — теперь, когда у неё была метка, посещение занятий было необязательным.

Нет, настоящие трудности возникли, когда они оказались за пределами цивилизации. Они полетели, не взяв с собой ничего, кроме шлема Лаки, но даже этого было достаточно для лёгкого нахождения дороги. Она уже пролетала с ним здесь один раз, так что заставить шлем привести её обратно было достаточно просто. Лаки обнаружила, что очень благодарна Лайтнинг Даст за её обучение.

Фларри Харт могла быть принцессой, но это не означало, что она была хорошим летуном. Её способности были примерно на том же уровне, что и у Лаки до того, как её начала тренировать Даст. Она могла долететь куда надо, но не без частых остановок, чтобы передохнуть. Им повезло, что они не попали в шторм, потому что, в противном случае Лаки сомневалась, что её спутница смогла бы взлететь над ним, чтобы переждать или обогнуть бурю стороной.

Даже при ясной погоде, к тому времени, когда они прибыли на место, указанное шлемом, было уже темно. Фларри Харт не столько приземлилась, сколько вывалилась из воздуха, споткнулась и исчезла в сугробе.

— Принцесса, ты в порядке? — кобылка приземлилась рядом с ней, все это время осознавая, насколько тонким может быть лёд. Она сильно сомневалась, что у неё получится подхватить принцессу.

«Это был бы сильный дипломатический ход. Да, из-за меня случайно погибла ваша принцесса, но без обид, ладно?»

Фларри Харт вынырнула из снега, её лицо было покрыто инеем, как у зимней птицы, вылетающей из гнезда.

— Д-да, — ответила она слабым голосом, едва проморгавшись. — Я... я всё ещё... Я тут.

— Хорошо. Мне жаль, что это было так тяжело, но мы ещё не совсем добрались. Нам всё ещё нужно спланировать вниз. Хватит у тебя сил для этого? Иначе нам придётся спать здесь, в снегу...

— Д-да, — принцесса поднялась во весь рост, стряхивая снег. У неё были такие же седельные сумки, как у Лаки, хотя они и были намного красивее, усыпаны драгоценными камнями и совсем не потёрты. Лаки сомневалась, что до сегодняшнего дня их вообще когда-либо выносили за пределы Кристальной Империи. — Я могу планировать. Но куда? Мы уже на земле.

Лаки улыбнулась.

— Не ходи за мной, просто смотри.

Кобылка взлетела в воздух, обнаружив, что это далось ей легко, несмотря на целый день полётов. Учитывая все перерывы и то, как медленно они летели, у неё осталось гораздо больше энергии, чем в прошлый раз. Лаки достала шлем из седельных сумок, и водрузила его на голову.

— Свет.

Фонари зажглись, Лаки быстро отвела взгляд от принцессы, вместо этого указав им на ледяное поле. Не было никаких признаков дыры, которую они с Лайтнинг Даст оставили в прошлый раз. Лёд выглядел... Он выглядел как обычный цельный слой. Достаточно тонкий, чтобы сквозь него можно было провалиться, если она будет неосторожна.

— Просканируй лёд. Я хочу наложить его толщину на картинку, — приказала кобылка.

Датчики шлема активировались, какие именно Лаки не знала и, если честно, не хотела знать. Вероятно, сонар, хотя она не могла сказать наверняка. Через секунду лёд начал светиться разными цветами. Пометка в углу экрана указывала, что самые тёмные участки соответствуют наиболее толстому льду. Кобылка подлетела к ярко-оранжевому пятну и спикировала прямо на него со всей силой, которая у неё была. Лаки завершила снижение ударом ноги. Раздался грохот, глубокий стон эхом разнёсся по земле вокруг, и огромный кусок провалился внутрь. Несколько других тоже обвалились каскадом, оказавшись в опасной близости от того места, где приземлилась принцесса.

Фларри так и не взлетела, так что, к счастью, обвал прекратился до того, как достиг её. Лаки приземлилась на лёд рядом с ней, как будто такое драматическое появление было её намерением с самого начала.

«Мне нужно быть осторожнее. Это тело сильнее, чем кажется».

Это было частью её обучения там, на Земле. Знать способности усиленного тела, чтобы случайно ничего не сломать или кого-нибудь не травмировать. Но её тренировали для человеческого тела, а не для крошечной пони. Каждый раз, когда Лаки думала, что знает, на что способны тела пони, они всегда удивляли её и делали немного больше ожидаемого.

В темноте отверстие выглядело ещё более зловещим. Её фонари были недостаточно яркими, чтобы осветить дно или хотя бы что-то большее, чем ближайшую боковую стенку. Металл блестел на свету, и слегка тёплый ветерок мягко дул им навстречу.

— Ого, — Фларри Харт пробралась к краю отверстия. — Так вот что ты имела в виду, говоря о планировании.

— Да, — ответила Лаки, улыбаясь в ответ. — Там пусто до самого низа. Если не налетишь на стену, то бояться того, что во что-то врежешься не стоит. Это вполне безопасно. Вылететь обратно сложнее, но нам не нужно беспокоиться об этом до завтра.

Лаки снова поднялась в воздух, развернувшись лицом к Фларри Харт. Как она и надеялась, этого было достаточно, чтобы побудить принцессу снова взлететь, с трудом следуя за ней. По крайней мере, пока они не добрались до большого отверстия. Лаки не снимала шлем, освещая поверхность под ними, чтобы Фларри случайно ни во что не врезалась.

Аликорн, возможно, и была куда более слабым летуном, но даже у неё, казалось, с планированием было все в порядке. Пространство шахты было огромным, так что им не нужно было слишком резко поворачивать, чтобы ни во что не врезаться. Это было похоже на спуск с холма в умеренном темпе — не слишком легко, но и не сложно.

— Я никогда не ходила так далеко без слут, — заметила принцесса, в основном самой себе. — Если бы мама знала, как далеко я была от замка...

Она замолчала, хихикая.

— Подожди, — Лаки поморщилась, глядя на принцессу, когда та пролетала мимо неё. — Ты ведь им хоть что-то сказала, верно? Ты же не просто...

— Э-э... — Фларри Харт отвела взгляд, её лицо сморщилось от неловкости. — Я, возможно, вроде как, типа...

Пропавшая принцесса — это как раз то, из-за чего кое-кого могут упрятать за решётку на всю жизнь. Лаки, вероятно, убедилась бы, что аликорн все сделала правильно, если бы ей самой так не терпелось отправиться в путь. У неё было ровно два дня, чтобы вернуться, не попавшись.

— Нам придётся... придумать, как с этим разобраться, — в конце концов сказала она. — Просто не прямо сейчас. Мы уже здесь, и я не думаю, что у нас хватит сил долететь с тобой обратно. Так что, почему бы не заняться исследованиями, верно?

— Хорошо, — ответила Фларри почти с облегчением от того, что Лаки не пыталась все отменить. Конечно, аликорн могла просто приказать ей делать все, что она хотела. Она всё ещё была принцессой — и то, что она решит сказать, когда они вернутся, вполне может повлиять на всю оставшуюся жизнь Лаки.

«Она должна быть моей подружкой, когда мы вернёмся. Должен быть какой-то способ».

Даже если Лаки преуспеет во всем, ей, вероятно, придётся покинуть Кристальную Империю. Если уж она устроила нечто подобное, это точно привлечёт к ней интерес всех ненужных пони.

«Я надеюсь, ты не слишком переживаешь о своей секретной работе, мама. Потому что мы, наверное, снова переезжаем».

Лаки прогнала эту мысль, когда они приблизились к дну.

— Осторожнее, принцесса! Время притормозить!

Здесь, внизу, не было снега, ничего, кроме металлического пола и нескольких небольших пятен грязи. Ничего, что могло бы смягчить падение ненаблюдательного пегаса (или аликорна).

Но принцесса не была совсем беспомощной, даже если не была такой грациозной, как Лаки. Они приземлились с серией громких металлических стуков.

Фларри Харт остановилась, расправила крылья и посмотрела вверх.

— Эти руины... впечатляют, как ты и сказала. Я могу себе представить, почему ни один пони не обнаружил их. Прodelать весь этот путь сюда, найти скрытый льдом вход. Должно быть, тебе повезло, как гласит твоё имя.

— Да, — кобылка улыбнулась в ответ. — Типа того.

Она не собиралась упоминать, что Твайлайт Спаркл была той, кто отправила её сюда. Не тогда, когда тайный характер миссии, казалось, был одной из главных привлекательных черт для юной принцессы. То, что в этом замешан кто-то из её круга, может лишить её всего удовольствия.

— Теперь главный вопрос заключается в следующем: остались ли у тебя силы на небольшое исследование?

В улыбке Фларри Харт не осталось и следа усталости.

— Очевидно, что если кто-то из моих юных подданных может это сделать, то и я смогу. Хотя... должна признать, что в этом шлеме ты выглядишь странно.

— Ой, — Лаки сняла его, хотя оставила фонари включёнными, освещающая пространство вокруг них. Энергии было достаточно, чтобы держать их включёнными неделю без перерыва, прежде чем батарею придётся подзаряжать.

— Прости, принцесса. Я просто привыкла к нему. Он показывает вещи, которые облегчают исследования.

— Правда? — Фларри Харт уставилась на шлем, на её лице появилось заинтересованное выражение. — Могу я попробовать?

Принцесса не стала ждать и потянула шлем магией.

Далеко он не улетел, прежде чем натянулся шнур и потащил Лаки за собой.

— Он тебе не подойдёт, принцесса! Там нет места для рога!

— Ох, — Фларри Харт вздохнула. — Ну, ты тут эксперт, Лаки Брейк. Дай мне знать, если я смогу как-то помочь.

Запечатанная дверь была недалеко — по крайней мере, после такого долгого полёта она не казалась далёкой. Они прошли по длинному коридору до конца к двери с изображением пони.

— Ты уверена, что её безопасно открывать? — спросила Фларри, когда они были примерно в двадцати метрах от неё. — В книгах о Дэринг Ду такие места, как это, всегда полны ловушек, злых туземцев и опасных животных.

— Совершенно уверена, принцесса, — ответила Лаки, хотя, по правде говоря, понятия не имела, что находится по ту сторону двери. Но её голос звучал достаточно уверенно. — Если бы те, кто построил это место, хотели убить незваных гостей, мы бы уже были мертвы. У них должны быть дружеские намерения.

— О, хорошо, — Фларри Харт направилась к двери. Её крылья расправились, и Лаки не могла сказать, было ли это намеренно или нет. Её рог начал светиться вместе с меткой в форме сердца. На несколько мгновений ей показалось, что принцесса поднялась в воздух и зависла прямо перед дверью.

Последовала яркая вспышка, и кобылка внезапно ослепла. Она отвела взгляд, пытаясь привыкнуть, и постепенно снова начала видеть.

Толстая дверь полностью исчезла, как будто её никогда и не было. В коридоре не осталось никаких следов, указывающих на то, куда она делась — если она и сдвинулась в сторону, то настолько слилась со стенами, что буквально стала невидимой.

— Ты в порядке? — Лаки галопом подскочила к Фларри, которая привалилась к стене, закрыв лицо одним крылом.

— Д-да. Я просто... не ожидала, что для этого потребуется так много магии, — она застонала, выпрямляясь. — Таких же больше не будет? Думаю, на сегодня я все.

Лаки бросила взгляд вдоль коридора, он продолжался как минимум пятьдесят метров и сложно было разглядеть что там дальше из-за яркого света. Кобылка почувствовала в воздухе какой-то новый запах, похожий на запах старого металла и плесени, хотя трудно было сказать наверняка.

— Нет, больше нет, — сказала она, успокаивающе коснувшись крылом плеча Фларри. Принцесса не сопротивлялась и не выказала никакого возмущения этим жестом. — Мы внутри, ты сделала это!

— Я сделала это, — повторила аликорн, настороженно улыбаясь. — Но где внутри?

— Не знаю, — честно ответила Лаки. — Давай выясним.

* * *

Лаки снова надела шлем, пробираясь в «руины» рядом с Фларри Харт. Никто не мог сказать, что может их ждать — даже если идея ловушек в подобном месте была такой же абсурдной, как она сказала юной принцессе, это не означало, что тут обязательно было безопасно.

В племе её глазам не нужно было привыкать к яркому верхнему свету, и она сразу видела все. Они вышли через открытую дверь в какой-то просторный атриум, похожий на тот, который можно было бы видеть в большом торговом центре на Земле. Там даже было несколько больших ящиков для растений, хотя сейчас в них осталась только мёртвая серая почва.

Лаки сразу же отбросила всякую мысль о том, что это место было построено эквестрийцами. Ровные световые панели на потолке могли быть только электрическими, как и голографический проектор в центре зала. Кобылка не могла разглядеть подложку для большой голограммы, но даже в этом случае она могла чётко видеть изображение, слегка прозрачное и с лёгким мерцанием каждые несколько секунд. Оно было еле заметным, как будто было специально добавлено для демонстрации искусственности голограммы. Там была изображена карта кольца.

От голограммы вели три отдельных прохода с надписями на металлических дверях, похожих на воздушные шлюзы. Но Лаки остановилась перед голограммой, наблюдая, как она медленно вращается. Звезда здесь показана не была и, судя по скорости, создатели не пытались показать все в масштабе.

Фларри Харт остановилась рядом с ней, глядя на голограмму с явным восхищением.

— Что это?

Лаки сняла шлем, прежде чем ответить.

— Я не знаю. Наши голограммы обычно использовали стекло или воду в качестве проекционной поверхности. Я не знаю, как это работает.

— Нет, — возразила принцесса, очевидно, игнорируя слова на английском. — Почему это кольцо кажется мне знакомым?

— Знакомым? — кобылка заколебалась, вспомнив, в каком замешательстве была Лайтнинг Даст. Пегаска не знала, что Эквестрия находится на кольце, и Лаки всё ещё не знала, как та может отреагировать, узнав об этом. Но опять же, возможно, правящий класс знал больше. — Это потому, что мы живём на нем.

Большая часть поверхности кольца была каменистой и коричневой, изрезанной ровными, идентичными на вид океанами. Как будто все это было построено из одних и тех же кусочков, повторяемых снова и снова. Выделялось несколько секций. Одна была ярко-зелёной, сверкающим драгоценным камнем жизни, который Лаки легко узнала даже в такой

уменьшенной версии. Эквестрия, с тёмными пятнами, соответствующими городам, дорогам и горам. Вдоль кольца были и другие интересные места, но Лаки не успела на них посмотреть.

Фларри Харт что-то сказала, но Лаки не расслышала. Принцесса повторила, на этот раз раздражённо.

— Эквестрия плоская, — сказала она очень громко. — Если бы она была круглой, мы бы упали!

— Да? — кобылка указала на секцию, которая соответствовала Эквестрии одним крылом. Кольцо медленно вращалось в сторону от них, и ей пришлось взлететь в воздух и ткнуть копытом. — Посмотри на этот кусок, вот прямо здесь.

Рог Фларри снова засветился, и, к удивлению Лаки, кольцо сдвинулось, как будто было материальным объектом, повернувшись обратно так, что часть, на которую она указывала, оказалась на уровне головы пони. Изображение увеличивалось, остальная часть кольца исчезала за видимыми краями проекции, пока изображение Эквестрии не стало почти на три метра вдоль каждой стороны. С такого близкого расстояния изгиб кольца был почти незаметен, его было гораздо труднее разглядеть из-за резких перепадов гор по обе стороны.

Фларри Харт пристально рассматривала открывшуюся картину, её глаза скользили по наиболее примечательным местам Эквестрии. Лаки знала из своих уроков географии, что расположение городов, дорог и рек на этой карте было актуальным. Она обладала куда большей точностью, чем спутниковые карты на Земле. Если приглядеться очень внимательно, казалось, что почти можно различить движение. Например, облака, плывущие высоко над землёй, и облачные города, построенные на них.

«Интересно, есть ли у них другие спутники, кроме тех, что мы нашли? Насколько большими они должны быть, чтобы мы их заметили?»

Это был вопрос к другой команде, а не к лингвисту.

На изображении была надпись, которую Лаки не заметила, пока принцесса не увеличила изображение. Очевидно, это не был эквестрийский — символы были совершенно неузнаваемы. Фларри Харт прищурилась на них.

— Как ты думаешь, что там написано?

Лаки пожала плечами, но ответить не успела. Неподальёку раздался приятный жужжащий звук, и пол внезапно осветился. Белые панели на полу начали светиться, уводя в одну из закрытых дверей.

Принцесса отвела взгляд от голограммы, и она начала возвращаться в прежнюю конфигурацию, уменьшаясь до изображения вращающегося кольца.

— Ты думаешь, здесь кто-то живёт?

— Я не знаю, — ответила кобылка. — Может быть, кто-нибудь, может быть, автоматизированные системы. Хотя, кажется, они реагируют на тебя.

Лаки быстро взглянула на рог Фларри.

— Ты просто смогла сдвинуть проекцию?

— Да, — аликорн склонила голову набок, сбита с толку. — А почему не должна была?

— Я... понятия не имею, — в конце концов сказала кобылка, прежде чем снова взглянуть на засветившиеся панели пола. Она сделала один осторожный шаг копытом по тропинке и обнаружила, что они засветились немного ярче, когда она прошла по ним.

«Значит, оно тоже может чувствовать меня. Оно просто реагирует иначе».

— Ну что, принцесса, может, нам вернуться и немного отдохнуть? Может быть, вернёмся завтра утром?

У них были кое-какие спальные принадлежности — Лаки не собиралась выяснять реакцию принцессы на сон на холодной, твёрдой земле.

— Нет, — ответила Фларри, хотя кобылка всё ещё могла видеть некоторые признаки усталости на её лице. Возможно, она устала, но, как и Лаки, принцесса, казалось, была полна решимости посмотреть, что ещё здесь есть. — Это совсем не похоже на приключения Дэринг Ду. Это намного круче.

Она поспешила за Лаки, догнав её всего через несколько шагов, и вскоре уже шла рядом с ней.

Они добрались до двери, и та скользнула в сторону, прежде чем они подошли слишком близко, пропустив их без каких-либо проблем. Внутри был ещё один длинный коридор, хотя пол выглядел немного по-другому. Он больше не светился — свет переместился на стену, нежная мигающая стрелка вела их глубже. Несколько шагов вперёд, и пол пришёл в движение — сначала с медленным ускорением, как траволатор в аэропорту. Но через несколько секунд пол разогнался намного быстрее, настолько, что Лаки забеспокоилась о том, что может произойти, когда они остановятся.

Стена с одной стороны от них была пустой — одинаковые металлические секции. Но с другой стороны была совсем иная картина. Между идентичных опор виднелись отдельные проёмы окон. Пространство за ними осветилось гигантскими прожекторами, когда они приблизились, как бы для осмотра.

— Что это такое? — спросила Фларри Харт, наклоняясь ближе к окну. Лаки чуть отодвинула её, чувствуя, как ветер треплет её перья и куртку. Это было именно то, о чём она думала, когда беспокоилась о непреднамеренных опасностях, с которыми они могут здесь столкнуться.

Сквозь окна кобылка могла видеть то, что выглядело как ангар впечатляющих размеров. Он был больше, чем самые большие гигафабрики на Земле, — достаточно большой, чтобы вместить самый большой земной космический корабль в малой секции. Объекты, которые Лаки увидела в ангаре, были ей незнакомы, но в них легко было узнать корабли. У многих были аэродинамические изгибы и наклонные крылья, а также прозрачные участки, которые могли быть окнами. Часть других выглядела как слепленные в случайном порядке сегменты с выступами и расширяющимися секциями, ускорение в атмосфере точно бы разорвало их на куски. По-видимому, не существовало никакой системы в их расположении, кроме той, что могла бы обеспечить максимально плотную упаковку транспортных средств. Ко многим из кораблей вели дорожки, достаточно широкие, чтобы по ним могли проехать грузовики с припасами. Другие просто стояли вплотную друг к другу на стеллажах.

«Может быть, зонды?»

Кобылка поняла, что принцесса пристально смотрит на неё, и открыла рот.

— Э-э, это... воздушные корабли. Очень, очень быстрые воздушные корабли.

— Ох, — Фларри Харт снова посмотрела в ангар сквозь стекло. — Сначала я подумала, что они маленькие, но... они совсем не маленькие. Они просто далеко.

— Ага, — ответила Лаки. Затем она почувствовала, что они тормозят — не из-за расположения окон, а из-за постепенного уменьшения давления на крылья. На стене позади них всё ещё горела стрелка, указывая, что они идут в правильном направлении. Несколько мгновений спустя они достигли другого конца ангара, и все прожекторы погасли.

Открылась ещё одна дверь, ведущая в ещё один большой атриум. Этот был высотой в несколько этажей, с милыми стеклянными балконами, соединёнными не мостами, а промежутками в стеклянных перилах. Здесь не было ни лестниц, ни лифтов, ни пандусов, но между ними было достаточно места, чтобы пролететь. Когда они вошли внутрь, на стене заработал большой искусственный водопад, медленно наполняя фонтан, который создавал искусственный поток через скульптурные стеклянные колонны.

Светящийся след, по которому они шли, вёл прямо вверх по одной стене, а затем вбок ко второму уровню ограждения.

— Думаю, нам снова придётся лететь.

Фларри Харт кивнула, затем взлетела, и на этот раз в её движениях не было никакой слабости, когда она сама взлетела к ближайшему проходу на второй этаж. Лаки следовала за ней по пятам, сама начиная чувствовать лёгкую усталость.

«Может быть, мы сможем найти спальни, которые оставил тот, кто построил это место. Держу пари, у них есть несколько удобных кроватей».

Лаки не была уверена, что Оливия подумает об отчёте, который она сделает об этом приключении. Вероятно, майор будет недовольна дружбой с таким важным туземцем, но... сейчас это было наименьшей из забот кобылки.

«Если Лайтнинг Даст не убьёт меня из-за этого, то с этим вполне может справиться Кристальная Империя».

Затем появилась другая мысль, ещё глубже.

«Как много из этого знала принцесса Твайлайт? Она просто знала о входе, или... она была здесь?»

Нигде не было заметно никаких признаков других исследователей — ни оборудования, ни палаток, ни отметок на стене, указывающих, каким путём они пришли. Но, с другой стороны, не было и других вещей, которые можно было ожидать от долго пустовавших помещений. Не было ни пыли, ни следов сломанного оборудования, ничего. Все многочисленные ящики для цветов были пусты, вода текла чистая — кто бы ни построил это место, очевидно, спроектировал его так, чтобы оно прослужило долго.

Они ещё около двадцати минут петляли по коридорам, ходили по залам с неудобно высокими потолками и по комнатам более продвинутой архитектуры с редкими дверями воздушных шлюзов. Единственное, чего Лаки не видела, так это никаких признаков систем, которые обслуживали это

место — никаких дронов, летающих вокруг, никаких роботов-охранников. Помимо систем, которые они активировали, когда шли мимо, единственным звуком был цокот их копыт.

В конце концов, они добрались до места назначения. Линия закончилась ещё одной дверью, и когда она открылась, идти дальше было уже некуда. К сожалению, внутри, похоже, ничего особенного и не было.

Это была круглая комната примерно двадцати метров в поперечнике, со слегка приподнятой платформой в центре. Потолок здесь был необычно высоким, но и только. Там не было никаких странных устройств, просто небольшой разрез в полу вокруг приподнятой платформы. Там же заканчивалась тропа.

— Уф-ф-ф, — Фларри Харт обвела взглядом комнату, прижав уши. — Мы пределали весь этот путь ради пустой комнаты?

* * *

Джеймс предположила, что брать заключённого, который напал на неё всего несколько минут назад, на экскурсию по городу было не очень хорошей идеей.

Но после всего прочитанного — всех отчётов, которые присылала её далёкий клон, это казалось именно тем, что должны были сделать пони. Что может лучше показать, что их сторона не так плоха, как могли продемонстрировать первые действия, чем прощение заключённого?

Дэдлайт больше не пытался бежать. Он не раз останавливался в коридоре, прося объяснить что-нибудь хотя бы отдалённо интересное.

«Это электрическая розетка, — говорила пегаска. — Она может привести в действие все, если мы захотим что-нибудь сюда воткнуть...» или «Это огнетушитель. Мы держим их в каждом коридоре на случай пожара».

Джеймс не могла объяснить, как можно использовать огнетушитель, учитывая, что у них не было захватов для их копыт, и ни один из них не был «единорогом».

В конце концов она столкнулась с Мартин, которая как раз возвращалась в свою «лабораторию» с большим подносом еды. Мартин была единственным членом команды, которому Джеймс рассказала о своих планах, и единственной, кто, казалось, положительно относилась к идее развития более тесных отношений с их гостем.

— Тут хватит на троих, — сказала она, балансируя подносом в таких же гироскопических когтях, какие были у Джеймс. — Заходите.

Они так и сделали. Большое помещение было ближе к лекционному залу, чем к лаборатории, но физика и астрономия частенько требовала не столько места, сколько чудовищного количества компьютерных ресурсов для расчётов, поэтому не было причин держать здесь ценное оборудование, которое всё равно не использовалось бы.

— Сколько здесь близнецов? — спросил Дэдлайт, как только Джеймс представила Мартин по имени, и они сели за низкий стол в углу комнаты. По советам из отчётов её клона, у этого стола были подушки вместо стульев, так что пони могли сидеть на крупе и отдыхать на удобной для еды высоте. — Мартин, Мелоди... Я помню больше.

— Нас четверо, — ответила Мартин. — Что за Мелоди?

Она не смогла так хорошо произнести слово на эквестрийском, даже когда программа распознала его как имя собственное, а не перевела.

Задержка всё ещё была — гарнитура для перевода всегда немного замедляла процесс разговора. Тем не менее оказалось, что качество заметно улучшилось.

«Мог ли Предвестник действительно узнать так много всего за несколько часов работы?»

Такой прогресс заставил Джеймс чувствовать себя ещё более ненужной, чем раньше. Какой смысл иметь лингвиста, если компьютер может выполнять её работу?

— Так он меня называет, — пояснила пегаска — Ему так легче произносить.

Дэдлайт тем временем, казалось, почти не интересовался своей едой. То что он был не в камере, не означало улучшение рациона — все они ели одни и те же синтезированные питательные батончики, пока гидропоника не сможет вырастить первый урожай. Насколько Джеймс было известно, эта секция ещё даже не была завершена. Секции повышения качества жизни у Оливии имели самый низкий приоритет.

— Ваша магия очень интересна, — заметил жеребец, указывая на стену. Там отображалась компьютерная модель системы, отображаемая в реальном времени.

На экране была видна звезда в центре, а кольцо располагалось неудобно близко к её поверхности. Два спутника вращались вокруг кольца. Спутники Предвестника тоже были видны — по сравнению с кольцом они казались едва заметными пятнышками. Только их условные обозначения вообще позволяли заметить их на масштабной модели.

— Я слышал о шоу с движущимися картинками в Кантерлоте — я и не знал, что они так хорошо выглядят.

Мартин рассмеялась.

— Движущиеся картинки? Подумать только...

Её глаза распахнулись, очевидно, почувствовав возможность.

— Ты узнаешь, что здесь изображено, Дэдлайт?

И снова у неё возникли трудности с именем собственным.

Жеребец усмехнулся, очевидно, его позабавило её произношение.

— Астрономия, верно? — он расправил свои крылья, похожие на крылья летучей мыши. — Я видел больше ночей Лúны, чем ты, дневной летун. Может быть, не в таких преувеличенных пропорциях, но...

— Не в этот раз, — перебила его Джеймс, останавливая то, что, как она могла предположить, собиралась спросить Мартин. — Я пытаюсь убрать экзистенциальный страх с сегодняшней повестки дня.

«Давайте посмотрим, как Предвестник переведёт это».

По растерянному выражению лица Дэдлайта можно было сказать, что вышло не очень.

Мартин открыла рот, чтобы возразить, нетерпеливо постучала копытом, а затем вздохнула.

— Когда-нибудь нам придётся поговорить об этом. Мы не должны упускать источник полезной информации. Возможно, он сможет ответить на некоторые вопросы, над которыми я ломаю голову.

Дэдлайт поднял глаза, его тарелка теперь была почти пуста. Если Джеймс что и узнала, ухаживая за этим жеребцом, так это то, что он мог есть примерно в два раза больше, чем она. Его вес, вероятно, отчасти объяснял это, но не полностью.

— Вопросы? Я люблю отвечать на вопросы, — он сложил ноги перед собой на столе. — Может быть, мы могли бы обменяться? Мелоди недостаточно отвечает на мои вопросы.

— Ты не получишь от неё хороших ответов, — предупредила Джеймс, но и не пыталась остановить его. Бесполезно, если честно.

— Конечно, — Мартин даже не притронулась к своей еде. — Но я буду первой.

Она не стала дожидаться согласия.

— Как далеко на север продвинулась ваша цивилизация?

Дэдлайту потребовалось время, чтобы ответить.

— Мы дошли до предела пегасов. Не так далеко, как сама Нибиру, хотя есть истории о том, что Селестия отправилась туда в давние времена. Там не на что смотреть — большинство интересных вещей сделаны пони. Поскольку цивилизация никогда ничего не строила так далеко, исследовать там нечего.

Мартин выпрямилась, практически подпрыгивая от желания задать следующий вопрос, но Дэдлайт не дал ей такой возможности.

— Почему вы, пони, покинули Эквестрию? Почему бы не построить свой город там, где было бы безопаснее?

— Потому что... — начала Мартин. — Потому что для нас не было безопаснее в Эквестрии. Мы не хотим, чтобы нас беспокоили.

Жеребец рассмеялся, поднимаясь со своего места и расправляя крылья.

— Ни один пони не может решить, чтобы его не беспокоили, только решить, кто его будет беспокоить. По крайней мере, в Эквестрии приходят только пони. Здесь у вас нет договоров, защищающих вас. Может быть, это будут драконы, может быть, минотавры, может быть, грифоны... но в конце концов, кто-нибудь вас заметит.

— Мы под землёй, — сказала Джеймс. — Я думаю, мы будем в безопасности. Нас защищает магия.

«Магия» — ещё одно слово, которое она научилась больше ценить, читая отчёты от себя. Местные, похоже, использовали его так же, как люди в её мире использовали слово «наука». Многие пони (очевидно, включая этого) просто использовали его в значении «могучая сила, которую мы не совсем понимаем».

— Ох. Полагаю, это объясняет, почему у вас тут нет окон.

Мартин свирепо посмотрела на них обоих.

— Я ещё не закончила, доктор Ирвин.

Пегаска выпрямилась.

— Что ты знаешь о кольце? — спросила она, указывая крылом на большой экран на дальней стене. — Я имею в виду это кольцо.

Дэдлайт смотрел на экран добрых несколько секунд, затем пожал плечами.

— Абсолютно ничего. Я никогда раньше не видел эту звезду, даже на древних рисунках. А я видел много древних вещей — больше, чем большинство пони. Большинство пони даже не хотят покидать города, хотя Эквестрия в полной безопасности.

Жеребец вздохнул, отводя взгляд.

— Вы все чейнджлинги? Так вот почему вы выглядите как одна и та же пони, потому что она единственная, кого вы научились копировать?

Настала очередь Мартина с Джеймс изобразить замешательство. Они обе покачали головами. Мартин с простым недоумением, Джеймс немного больше понимая вопрос. Чейнджлинги были чем-то, о чём писал её клон, хотя и вкратце. Они были расой оборотней, которые пытались вторгнуться в Эквестрию, по крайней мере, дважды. Её клон не думала, что они всё ещё представляют серьёзную угрозу, хотя и не написала почему.

— Нет, — сказала Джеймс, прежде чем Мартин успела ответить. — Ты прав, думая, что мы не те, кем кажемся. Но мы не чейнджлинги. И мы не захватчики.

— Если только ты не имеешь в виду что-то вроде «Войны миров», — добавила Мартин. — Это то, чего, кажется, хочет Оливия.

— Ты не очень-то помогаешь, — буркнула Джеймс, свирепо глядя на неё. Несовершенный перевод имени собственного типа этого вряд ли мог привести к взаимопониманию между ними.

Действительно, Дэдлайт сделал шаг назад, отступая от них, его крылья были расправлены, как будто он собирался взлететь. Бессмысленный жест, поскольку в помещении был низкий потолок, и дверь для него не открылась бы. Но он всё равно выглядел решительным.

— Война, — повторил он. — Вы пришли для войны?

— Нет! — в ужасе воскликнула Мартин. — Это не совсем то, что я...

Джеймс громко прочистила горло, тоже вставая.

— Мартин ссылалась на художественное произведение, Дэдлайт. Пожалуйста, простите её, она не до конца осознает последствия своих действий. Очевидно, раньше она не сильно увлекалась дипломатией.

Жеребец не сел обратно, но, по крайней мере, он не сорвался с места и не попытался сбежать.

— Тогда кто вы на самом деле? Я знаю, что вы не из Эквестрии — пони никогда бы не стали меня так похищать. Но если бы вы были чейнджлингами, вы бы уже попытались высосать эмоции. Вы не работоторговцы, иначе зачем так хорошо со мной обращаться и притворяться, что вы хорошие? — он сел, расстроенный. — Я просто не могу понять, к какой фракции вы принадлежите. Вы так говорите, словно Эквестрия странная и далёкая страна...

— Потому что это так, — произнесла Джеймс. — Для нас. Мы очень, очень издавна. Дальше, чем когда-либо был хоть один пони.

— Ранее, — поправил он. — Кто-то должен был быть, раз вы здесь.

— Верно, — Джеймс не стала поправлять его. — Кроме нас. Мы так далеко, что... мы не ожидаем, что вы даже знаете, откуда мы пришли. Так далеко, что места и вещи, которые мы знаем, никогда не попадали сюда. Но мы хотим узнать о вас больше — познакомиться с Эквестрией и живущими здесь пони. Мы хотим быть вашими друзьями.

— Я так и знал! — воскликнул Дэдлайт, и страх постепенно сменился возбуждением. — Вы с запада, верно? Вероятно, тысячи миль к западу. Дальше?

Жеребец бросился обратно к столу, потянувшись к спине ртом. Но там ничего не было — седельные сумки, естественно, отсутствовали.

— Мелоди, могу я получить свои вещи обратно? У меня есть карты Доминиона Минотавров, я бы хотел знать, где находится ваш дом.

Он обвёл все вокруг крыльями.

— Меня не удивляет, что вы более продвинутые технологически или менее дружелюбные. Вы, должно быть, постоянно подвергаетесь вторжениям. Может быть... может быть, вы прячетесь? Это объяснило бы строительство под землёй. Так делают алмазные псы.

Дверь с жужжанием открылась. Джеймс поморщилась, представив себе наихудший из возможных вариантов — и была полностью права. Майор Фишер стояла в открытом дверном проёме, с дроном службы безопасности рядом. На ней был тонкий противоперегрузочный костюм, предполагающий, что она пилотировала «Гефест». По крайней мере, она ещё не вытащила пистолет.

— Не хочет ли кто-нибудь объяснить мне, что заключённый делает за пределами своей камеры?

Джеймс опередила своего подопечного, слегка заступив ему дорогу. Если майор захочет напасть на жеребца, ей придётся сначала навредить ей. Какой-то маленький уголок сознания воспротивился — этот пони действительно напал на неё не так давно. Майор Фишер, возможно, приняла несколько не очень умных решений, но она никогда не делала ничего, что могло бы угрожать Джеймс или любому другому члену экипажа.

— Я не нарушала ваших приказов, — уверенно заявила пегаска. Во всяком случае, так уверенно, как только могла. — Дэдлайт не убегает. Я не отпускаю его из Отара. Вы можете видеть, что он носит маячок. Я просто подумала, что было бы неправильно оставлять его запертым в карцере.

Оливия вошла в комнату. Позади неё стальная дверь закрылась, запечатав выход.

— Я знаю, что вы не были обучены, доктор Ирвин... но даже вы должны понимать, почему мы не позволяем кому-то, кого мы хотим оставить в тюрьме, бродить за пределами карцера, — она не подняла ничего из своего оружия, хотя и направилась к Дэдлайту, как будто была в три раза больше его и собиралась избить его до полусмерти. — Вы думаете, он тупой, доктор? Вы думаете, он не следит за всем, что мы делаем? Разве он не пытается ежеминутно найти возможность сбежать?

— Я... — начала Джеймс, но не смогла закончить предложение. Было слишком тяжело смотреть на кобылку сверху вниз, её взгляд был настолько пронзителен, что мог бы расплавить сталь.

Сам Дэдлайт, казалось, не боялся того, что видел. Во всяком случае, он выглядел удивлённым. Как будто мог того гляди засмеяться, и ему приходилось постоянно сдерживаться.

— Он попытается сбежать, — продолжила майор. — Может быть, сегодня, может быть, завтра, может быть, на следующей неделе. Тогда противовоздушные турели всадят в него тысячу пуль, и все.

Оливия остановилась в нескольких сантиметрах от пегаски, широко раскрыв глаза, и ярость отразилась на её лице.

— Вы хотите быть ответственным за это, доктор Ирвин? Я знаю, что у вас, гражданских, ваши маленькие сердечки кровью обливаются, вам так грустно видеть в клетке этого невинного маленького туземца, который никогда не делал ничего плохого! — кобылка замолчала, сделав глубокий, судорожный вдох. — Но он заперт, потому что альтернативой было либо накачать его мозги наркотиками, стирающими память, либо пристрелить его!

Она внезапно и яростно дёрнула Джеймс вперёд, так что её голова оказалась направлена на экран.

Даже зная, что все их тела усилены, ощущение силы, исходящей от такого маленького тела, было невероятно дезориентирующим. Пегаска чуть не упала от рывка. Но всё же этого не произошло, и спутниковое изображение кольца заполнило её поле зрения.

Майор Фишер теперь по-настоящему орала на неё.

— КТО БЫ НИ ПОСТРОИЛ ЭТО КОЛЬЦО, ОНИ МОГУТ РАЗДАВИТЬ НАС, КАК МУХ, ИРВИН! ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО МОЕ ОРУЖИЕ ХОТЬ КАК-ТО ПОВЛИЯЕТ ХОТЯ БЫ НА ОДНОГО БЛЯДСКОГО УБЛЮДКА-ГОВНОЕДА, КОГДА ДЕЛО ДОЙДЕТ ДО, ЕБАТЬ ВАС В СРАКУ, НАДИРАНИЯ ВАШИХ МИРОЛЮБИВЫХ ЗАДНИЦ?

Оливия сделала паузу, ровно настолько, чтобы сделать ещё один вдох. Джеймс захныкала, не в силах встретиться с ней взглядом. Очевидно, майор Фишер была права. Любого, кто смог бы построить это, не остановит ничто из того, что могли бы построить люди.

— Мы здесь одни, — кобылка отпустила её плечи. — Наш единственный траханный шанс — это то, что строители мертвы, им всё равно, или они никогда, никогда не узнают, что мы здесь, внизу.

Майор указала на Дэдлайта. Жеребец наблюдал за происходящим с беспокойством, одна из его ног подёргивалась, как будто он хотел вмешаться. Но он оставался стоять на месте.

— Чем больше он узнаёт о нас, тем опаснее становится. Тем больше вы заставляете меня выбирать, стереть его память или стереть его самого. Самое доброе, самое великодушное, что вы можете сделать, — это кормить его и нихрена ему не говорить. Потом, когда все это закончится, он будет жить, мы будем жить, и никто не будет раздавлен непостижимыми ебаными космическими богами долбанного Говарда Филиппа, мать его, Лавкрафта! Понятно?

Джеймс кивнула. Она плакала — как она узнала за прошедшие месяцы, пони умеют просто отлично плакать, несмотря на их инопланетную биологию. Однако она старалась делать это как можно тише. Могло быть и хуже, и Оливия могла сделать всё ещё хуже.

Мартин тоже опустила голову — она не двигалась со своего места во время всего этого разговора. Джеймс не винила её за это — все это было идеей Джеймс с самого начала. Никакая защита их никуда не приведёт. Логика майора была неопровержима.

Но следующим заговорила не майор.

— Уже слишком поздно для этого, — сказал Дэдлайт, глядя через комнату на кобылку. Он говорил с ещё большей уверенностью, чем в камере, большей, чем кто-либо выказывал перед Оливией.

«Он все это время был в гарнитуре!»

Джеймс прокляла себя за то, что забыла дать команду и отключить её. Но она не совсем ясно мыслила, пока майор распекала её.

Теперь уже ничего нельзя было отменить. Майор Оливия Фишер медленно повернулась лицом к жеребцу в другом конце комнаты.

— Хорошая гарнитура. С программой перевода, верно?

Тот кивнул, явно не тронутый её ледяным гневом.

— Я знаю, кто вы, я знаю, откуда вы, и я знаю, что вы здесь делаете. Но это не должно быть недостатком.

«Пожалуйста, не дай себя убить, Дэдлайт».

Теперь, когда майор Фишер указала на это, Джеймс поняла, что она будет виновата, если этот жеребец погибнет. Оливия хотела держать его взаперти, в неведении, чтобы он мог однажды освободиться. Но теперь он знал кое-что — достаточно, чтобы любой, кто знал о такой возможности, понял бы, что цивилизация, которая захватила жеребца, была инопланетной, несмотря на внешность.

— Для меня это звучит как недостаток, — сказала майор. Она небрежно обошла комнату, пока не встала между Дэдлайтом и дверью. Этот угол также означал, что Джеймс больше не преграждала путь потенциальной

пуле. Пегаска присмотрелась — конечно же, сегодня у майора был совсем не оглушающий пистолет. Она начала очень медленно поднимать его.

— Но это не так, — сказал Дэдлайт. — Я знаю, что вы пришли сюда из-за горизонта. Я знаю, что ваша часть мира опасна, что вы постоянно сталкиваетесь с вторжениями и врагами. Может быть, вы слышали истории о Селестии и Луне и боитесь, что ваши давно потерянные друзья могут оказаться не такими уж дружелюбными.

— О-о-о, — Оливия перестала поднимать оружие, поставив ногу обратно на пол. — Доктор Ирвин рассказала тебе все это?

Разговор происходил не совсем в реальном времени. Между новыми фразами была пауза, пока Дэдлайт ждал перевода из гарнитур.

— Немного, — в конце концов сказал он. — Но в основном я сам догадался. Я эксперт по древним цивилизациям. Исследовал все вокруг. Я знаю о том, что было до Эквестрии. Я знаю о Нибиру, о Бесконечном Городе. Я знаю, что Эквестрия ошибается насчёт мира за границами — знаю, что там есть другие цивилизации. Если вы проделали весь этот путь, чтобы узнать больше об Эквестрии, что ж... Я думаю, что у вас теперь есть как раз тот пони, который подходит для этой работы. Я могу помочь вам выяснить все, что вы хотите знать. В обмен... потому что это обмен, очевидно... вы расскажете мне о своей стране.

Жеребец медленно направился к неподвижно стоящей кобылке.

— Но эта история с заключёнными прекращается прямо сейчас. Я не собираюсь покидать первую группу пони из прошлой Эквестрии, которую я встретил за всю свою жизнь. Возможно, единственную группу, что проникла в земли минотавров. Но потом... — он обвёл крылом комнату. — Я понимаю, что вы можете. Со всем этим. Но вы знаете, что вы не непобедимы, и я уважаю это. Я могу уважать нежелание, чтобы Селестия и все остальные знали, что вы здесь, когда вы даже не знаете, какие они.

Дэдлайт вытянул вперёд одно копыто.

— Как насчёт этого?

Майор Фишер, казалось, надолго задумалась. Она посмотрела на предложенное копыто, затем на свой пистолет. Затем ответила на жест. Но заговорила совсем не с Дэдлайтом. Оливия смотрела прямо на Джеймс, через всю комнату.

— Противовоздушные турели всё ещё работают, доктор Ирвин. Это ваше дерьмо.

Кобылка повернулась и вышла из комнаты, не сказав больше ни слова, тяжёлая стальная дверь открылась и с глухим стуком закрылась за дроном безопасности, который следовал за ней.

Последовало долгое молчание. Дэдлайт уставился на своё копыто — Джеймс всё ещё была слишком переполнена эмоциями, чтобы что-то сказать.

А вот Мартин — нет.

— Это и был твой план с самого начала, Джеймс? Круто прошло. Лучше, чем я ожидала. Но ты должна сказать мне в следующий раз — я могла бы помочь.

* * *

Лайтнинг Даст медленно карабкалась вверх. Хотя в некотором смысле она уже длительное время двигалась вниз. Но она продвинулась вниз так далеко, что, наконец, начала двигаться вверх. Если в этом вообще был смысл.

Впервые её пригласили принять участие во всей цепочке поставок. Её деловой партнёр Рокки настаивал на том, что ей не придётся совершать такие поездки очень часто. Тем не менее это удвоило её долю прибыли.

Несколько таких рейсов в месяц, и ей не придётся беспокоиться о том, чтобы каждый день таскать контрабанду в город. Да, долгое путешествие под землёй было немного опаснее, и это означало бы, что примерно неделю в месяц она будет отсутствовать. Но это казалось небольшой платой.

«Кроме того, все то время, что я не работаю на Рокки, — это больше времени, которое можно потратить на поиск более уважаемой работы».

Она несколько раз пыталась найти работу, которая позволила бы содержать её и кобылку и не требовала предварительного опыта. До сих пор она ничего такого не нашла. Для таких сирот, как Лаки, существовала государственная стипендия, но чтобы претендовать на неё, требовалось раскрыть, кто они и откуда. По понятным причинам эта служба была известна довольно тщательными расследованиями.

«Мы могли бы уехать куда-нибудь ещё. С её сертификатом и моим мастерством мы обе могли бы устроиться на работу. Любая погодная команда возьмёт нас без вопросов».

Метка Лаки не сильно поможет в устройстве туда, но и не повредит. Им просто нужно было найти место, где они были бы более востребованы.

Лайтнинг Даст думала об этом и о многом другом, когда вытащила свой последний контрабандный груз на улицы Кристальной Империи. Она как всегда вышла из переулка и свернула на главную улицу, и сразу же поняла, что что-то не так.

Королевские гвардейцы были на каждом углу, их суровые глаза следили за всем и каждым. Они летели над головой плотным строем, наблюдая за городским небом. Пегаска опустила голову и поспешила на рынок так быстро, как только могла.

Она завернула за угол, и её внезапно остановили несколько стражей. Она бы заметила, что они всех проверяют издали, если бы только что не вывернула из переулка.

Но она проигнорировала сердитые взгляды и крики торговцев позади неё, встретившись взглядом со стражем.

— Разрешение на ввоз, — потребовал он скупающим и раздражённым голосом. Это был кристальный пони-жеребец в форме местной стражи, хотя стражи с копьями по обе стороны от него таковыми не являлись.

— Конечно...

Лайтнинг Даст отцепила упряжь и медленно обошла тележку сзади. Там были поддельные документы для случайной проверки, хотя за все время этой работы пегаске ни разу не приходилось ими пользоваться. Срок действия поддельного разрешения уже истёк, но пони обычно небрежно относились к таким формальностям.

— А что случилось, офицер? Разве пограничного контроля недостаточно?

— Это вы так думаете, — сказал один из стражей, дружелюбно хмыкнув. — Мы, правда, тоже так думали. Но с пропажей принцессы и всем прочим, что ж... Принцесса Кейденс настаивает на том, что строгое следование всем правилам поможет найти её дочь. Я правда не понимаю, какое отношение поиск пропавшей принцессы имеет к проверке ввозимого зерна, но принцесса тут она, а не я.

Лайтнинг Даст достала папку со своими поддельными документами из-под задней части тележки, двигаясь так медленно, как только могла, чтобы не выглядеть подозрительно.

«Это последний раз, когда я встаю в очередь».

Но до сегодняшнего дня это не имело значения — пони просто шли так быстро, как позволял широкий бульвар.

Её тележка пройдёт поверхностный досмотр, если пони не станут тщательно проверять содержимое. В её декларации всегда значилось «бочки с мукой», и одна из бочек действительно была наполнена мукой. У остальных, однако, было фальшивое дно всего под несколькими горстями муки.

— Вот, офицер, — пегаска отвернулась, покраснев. Не было никакого смысла лгать. Но, может быть, она могла бы заставить его не смотреть слишком пристально, честно признав то, что с документами есть проблемы. С документами Лаки эта стратегия сработала. — Я знаю, что слегка просрочила разрешение. Просто никто на пограничном контрольно-пропускном пункте не заботился об этом до недавнего времени.

— Да, у них вечно так.

Глаза жеребца сузились, когда он просматривал подделку. Очевидно, слова его убедили, потому что его взгляд остановился только на дате. Он взял большую красную печать и отштамповал весь лист.

— Простите, мисс... — страж скосил глаза на документы, — Сторминг Скайз, но у нас новые приказы.

Он махнул копытом, и сразу же стражи по обе стороны повозки напрялись и начали приближаться.

— Если я обнаружу какое-либо несоответствие, мне приказано задерживать товар для проверки вместе с пони, которые его перевозят. Ходят слухи, что принцесса была вывезена контрабандой таким же торговцем, как вы.

Жеребец вытащил ещё одну папку с бланками, на этот раз полупустую. Он скопировал некоторые поддельные идентификационные данные из поддельного разрешения.

— Повернись немного, мне нужно, чтобы на бланке была ваша метка.

Даст так и сделала, борясь с желанием захныкать или сорваться с места и убежать.

— Не волнуйтесь, мисс Скайз. Десятки других пони находятся точно в таком же положении. Мы не думаем, что кто-то из вас сделал что-то плохое, — страж понизил голос, наклонившись к Лайтнинг. — В основном мы подыгрываем друг другу, пока все не уляжется. Как только принцесса найдётся, все должно вернуться на круги своя. Любой пони, который живёт здесь, знает, что когда Фларри Харт что-то делает, винить в этом

некого, кроме неё самой. Кейденс просто нужно было чем-то заняться, пока все не уляжется.

Жеребец снова выпрямился, протягивая Лайтнинг Даст кусок отрывного бланка.

— Следуйте за сержантом. Мы специально арендовали целый отель на этот случай. Ваши товары будут храниться в безопасности до завершения проверок. После этого вы сможете вернуться к своим делам. Хотя... вероятно, вам следует продлить своё разрешение до этого. Никогда не знаешь, когда что-то подобное может случиться снова.

Даст кивнула. Она могла бы начать протестовать, могла бы начать спорить или орать, но пегаска не думала, что это было бы сильно умно. Все, что могло бы привлечь к ней внимание, отличить её от законопослушного торговца, в её положении лишь побудило бы к более тщательному досмотру.

«Пока они не посадят меня под замок, я могу сбежать. Лаки будет расстроена тем, что ей придётся сменить школу».

— Следуйте за моим сержантом, — страж махнул копытом в сторону одного из солдат с копьём. Как и у большинства стражей Кристальной Империи, его копьё не было заточено. Он не планировал пользоваться им сегодня.

— Конечно, — ответила Лайтнинг, глядя в землю. Она была одной из немногих пони, которых не пугала сама мысль о нарушении закона. Но она старалась выглядеть как крайне законопослушная пони. В основном она вела себя так, как могла бы вести себя до инцидента с Вандерболтами. Тогда, когда она всё ещё уважала Эквестрию как страну.

И это сработало. Когда Лайтнинг Даст отвели от её тележки с контрабандой, она дрожала, как будто искренне боялась того, что солдат может с ней сделать. И контрабанда действительно могла повлечь за собой серьёзное наказание, если её поймают до того, как принцессу снова найдут.

«Когда пони расстраиваются, они лягаются. Хотят найти виноватого, наказать тех, кто, по их мнению, причинил им гораздо больше боли, чем они того заслуживают».

Даст помнила эти слова, единственные слова, которые когда-либо говорила ей принцесса. Но, несмотря на всю свою доброту, принцесса Луна не смягчила ей приговор и не вступилась за неё, она просто присутствовала на суде. Она не предотвратила разрушение жизни Лайтнинг, последовавшее за её ошибкой.

Поэтому пегаска подавила желание убежать. Она шла рядом с сержантом, дружелюбно беседуя с ним о происходящем в городе. Где-то в глубине души у неё было подозрение, что могло случиться с принцессой. То, что её дочь могла похитить её или каким-то образом вывезти принцессу против воли, было совершенно невероятно — в конце концов, Лаки была кобылкой, едва доросшей до своей метки. Она не могла похитить аликорна.

«Пожалуйста, не будь замешана в этом, милая. Пожалуйста, пусть я ошибаюсь».

Но Даст придётся подождать ещё немного, чтобы точно это выяснить. Ещё немного, и снова будет время переезжать. В этом было что-то бесящее — после всех этих месяцев её должны были поймать в тот день, когда пегаска снова начала зарабатывать достаточно, чтобы откладывать.

«По крайней мере, у меня всё ещё есть мои сбережения. Даже если я ничего не получу за эту ходку, даже если Рокки ничего не заплатит и больше не позволит мне помогать... их должно быть достаточно, чтобы уехать далеко-далеко».

Лайтнинг слышала, что алмазные псы не любят жару — возможно, они переедут на юг в поисках своего следующего дома. Куда-нибудь с большой погодной командой, чтобы пореже спускаться на землю.

Даст подождала, пока они доберутся до отеля, и взяла ключ у портье, когда её проводили к лестнице. Молодой стражник махнул вниз одним крылом.

— Если вы не возражаете, мисс.

Лайтнинг остановилась, сбита с толку.

— В подвале? Н-но... Я пегас! Ты же знаешь, как это ужасно — оказаться в ловушке под землёй!

Страж знал, потому что тоже был пегасом.

Жеребец сочувственно вздохнул.

— Простите меня, мэм. Мы знаем, что это бессмысленно. Но мы принимаем все меры предосторожности, чтобы предотвратить «побег», — стражник закатыл глаза. — Мы знаем, что это несправедливо — весь год должен страдать из-за того, что маленькая принцесса слишком долго где-то гуляет. Но не мы придумываем законы, мы только им следуем.

Он снова махнул крылом.

— Прошу прощения.

— Прошу прощения, — тихо повторила Даст, прежде чем пройти мимо него к лестнице. Она остановилась рядом с жеребцом и изо всех сил толкнула его головой в стену. Страж упал, но не раньше, чем вскрикнул от удивления. Несколько других стражей закричали в ответ, спрашивая, что случилось.

Лайтнинг Даст проигнорировала крики. Она взлетела в воздух, метнувшись на второй этаж. Там был ещё один стражник, земной пони, у которого не было никакого оружия, кроме копыт. Но, с другой стороны, земные пони в оружии не особо и нуждались.

— Это там, внизу! — крикнула пегаска, указывая вниз по лестнице. — Чейнджлинг напал на одного из стражей!

Гвардеец торжественно кивнул, бросаясь вниз по лестнице с прищуренными глазами и стиснутыми зубами. Лайтнинг Даст не стала подниматься выше, а вместо этого сосредоточилась на другом конце коридора, где большое окно было открыто, чтобы впустить свежий ветерок. К сожалению, рядом с ним тоже стоял страж — такой же пегас, как и она, со знакомым копьём на плече.

Он не покинул свой пост и не сдвинулся с места даже сейчас.

— Стой, ты не можешь уйти! У нас приказ!

Копье он поднимать не стал — что было хорошо, так как оно могло легко проткнуть Даст насквозь. Но сама природа пони была такой — мысль о том, чтобы серьёзно навредить другому, казалось, редко приходила им в голову.

Лайтнинг, с другой стороны, сделала бы все что угодно, если бы это помогло защитить её кобылку.

«Ты — единственное, что я сделала правильно за последние десять лет, малышка. Я не позволю им поймать тебя сейчас».

Пегаска собирала ветер позади себя, когда летела, закручивая его в тугой штопор в тесном коридоре. Вазы с цветами и крошечные подсвечники сорвало со стен и бросило в стража за секунду до того, как налетел сам ветер.

Окно не столько распахнулось шире, сколько разлетелось на тысячу осколков, как раз перед тем, как ветер выволок и гвардейца и его копье прямо в дыру.

Лайтнинг Даст не стала оглядываться и проверять, сумел ли он прийти в себя до удара о землю. Вместо этого она поджала ноги и замахала крыльями, как будто за ней гнался сам Цербер. Пегаска не летела над транспортным потоком, как того требовали правила безопасности — вместо этого она неслась чуть выше уровня земли, лавируя между зданиями. Если она допустит хоть одну ошибку, то её размажет по ближайшей стене неопрятной кляксой.

Но ошибок Даст не совершала. Она была лучшим летуном в Эквестрии. Она была лучше, чем Вандерболты, какими бы впечатляющими ни были их выступления. Возможно, она даже была лучше принцесс.

К тому времени, как Лайтнинг добралась до окраины города, её не преследовал никто, кого она могла бы видеть. Она слышала крики, разносящиеся по городу, звон тревожных колоколов и свистки, но никто, казалось, не знал, куда она улетела. Пегаска приземлилась возле своего дома так резко, что ударной волной выбило одно из окон. Кто-то закричал, но она и это проигнорировала — времени не было.

Даст влетела через теперь отсутствующее окно на этаж выше своего, даже не потрудившись извиниться перед семьёй, чей ужин она только что прервала.

Пегаска спикировала на этаж ниже и распахнула дверь в квартиру.

Лаки Брейк уже должна была вернуться из школы — её занятия закончились несколько часов назад. Но кобылки в квартире не было.

— Лаки, ты здесь? — крикнула Даст, подлетая прямо к картине на дальней стене и переворачивая её. Она полезла в свой тайник с битами... и ничего не нашла.

«Лаки? Что, во имя Селестии, ты натворила?»

Лайтнинг оглядела маленькую квартирку в поисках каких-либо признаков своей своенравной дочери. Её седельные сумки отсутствовали на крючке, но книги остались сложены на столе.

«Значит, в школу она не пошла».

Пегаска прошла в спальню, но не дошла до шкафа.

На кровати лежало платье, достаточно красивое, чтобы Лайтнинг Даст сразу поняла, куда делись деньги. Только самые богатые пони могли позволить себе одежду, сшитую подобным образом — одежду, усыпанную драгоценными камнями и сшитую вкопытную, а не на фабрике.

«Зачем?»

Пегаска села на пол, на мгновение ошеломлённая тем, что увидела.

«Ты всегда была такой умной, Лаки! Ты знала, в какой мы опасности! Зачем воровать именно сейчас?»

Затем она увидела кое-что ещё — рядом с кроватью к стене была приколата записка, записка, которой раньше там не было. Рядом с ней свисал небольшой матерчатый мешочек.

Лайтнинг уже слышала голоса из коридора, но на мгновение решила не обращать на них внимания. Она наклонилась вперёд, чтобы прочесть записку.

Мама, ты никогда не должна это прочесть. Но если ты это делаешь, значит, что-то пошло не так. Я беру с собой Фларри Харт в руины. Не волнуйся - я позабочусь о том, чтобы она взяла на себя ответственность за все. Вероятно, мы просто задержались, но на всякий случай, ты, вероятно, помнишь, где меня найти.

--

Лаки.

У Даст не было времени, чтобы изучить записку подробнее — вероятно, снаружи уже была гвардия. Они скоро поднимутся. Она должна была бежать.

Пегаска почти оставила маленький мешочек висеть там, где он был, но тот факт, что Лаки повесила его прямо рядом со своей запиской, заставил её схватить шнурок ртом. Больше у неё ничего не было — её седельные сумки лежали на конфискованной тележке, а собирать что-то в квартире было некогда. Она выскочила за дверь и услышала топот копыт на лестнице.

Кто-то закричал и указал на неё. Даст проскакала несколько шагов галопом, а затем выскочила из окна на улицу.

Снаружи не было никаких стражей, хотя она могла видеть нескольких, бегающих по улицам. Она не будет выделяться среди множества других паникующих пони, движущихся сюда — не было причин присматриваться к одному испуганному пегасу внимательнее, чем к любому другому. Но если она действительно подняла тревогу, то просто так перелететь границу не получится. Стража остановит любого пони, который попытается скрыться.

Но у Лайтнинг Даст были и другие способы покинуть город. Она спрыгнула на землю в отдалённом переулке, отодвинув в сторону канализационный люк и забралась внутрь. На этот раз у неё не было с собой фонаря, поэтому пришлось нащупывать дорогу по памяти, пока она не добралась до одного из магических кристаллов, которые висели через каждые несколько десятков метров. Пегаска поставила маленький мешочек на пол, сняла кристалл с подставки, затем посмотрела на то, что Лаки оставила ей.

Глаза Даст распахнулись, когда она увидела мерцание чего-то похожего на стекло внутри и открыла мешочек чуть шире. Внутри были драгоценные камни.

Драгоценные камни стоили не так дорого, как некоторые другие вещи в Эквестрии. Драгоценные металлы, например, было труднее достать по неизвестным ей причинам. Вероятно, это как-то связано с тем, что драгоценные камни можно выращивать, а металлы — нет. Но даже в этом случае камни стоили больше, чем биты. Те, у кого были достаточно крупные сделки, часто использовали их вместо бит, чтобы сэкономить на

весе. Даст не знала, как их оценить, за исключением того, что камни были не такими уж большими, так что, вероятно, тут было не целое состояние.

Пегаска ожидала, что войдёт в жизнь, где её осыплют подобным богатством, но этого не произошло. Погодные пони могли далеко продвинуться по карьерной лестнице, но не тогда, когда их каждые несколько лет выкидывали на улицу, и им приходилось переезжать.

Лайтнинг Даст вздохнула, укладывая светящийся камень в сумку к остальным. Это заставляло содержимое рассеянно сиять, освещая путь.

На мгновение — и только на мгновение — она подумала о том, чтобы вернуться к алмазным псам. Они не стали бы винить её в том, что она попалась — не тогда, когда шмонают весь город. Может быть, они захотят, чтобы она торговала в другом месте. Если нет, она всегда может улететь дальше, предоставив Лаки Брейк самой себе. Маленькая кобылка была причиной всего этого — она каким-то образом связалась с принцессой, прастревожила весь город и косвенно послужила причиной того, что она попалась. Она украла деньги, и кто знает, что ещё.

Но Лайтнинг Даст не собиралась бросать Лаки, несмотря на все это. Она совершала ошибки в юности. Каждый раз, когда она лажала, это означало очередной перевод в новый дом и новых пони, с которыми ей придётся знакомиться заново.

Лаки Брейк была не просто сиротой — она была её дочерью. Не имело значения, что она сделала. Даст найдёт её и поможет из всего этого выпутаться.

«Как-нибудь».

Несмотря на все её многочисленные ошибки, Лайтнинг Даст никогда раньше не удавалось похитить принцессу.

Она отбросила эту мысль, заставив себя продолжать идти в темноту. Она не могла позволить себе заикливаться на прошлом. Она ещё даже не нашла кобылку.

«Это долгий перелёт».

Она посетит одну из самых северных деревень, обменяет несколько драгоценных камней на еду, а затем продолжит путь. Она будет лететь всю ночь, если это будет необходимо.

«Слава Селестии, у меня очень хорошее чувство направления».

* * *

— Не ради пустой, — пробормотала Лаки, входя в комнату. Она остановилась, поставив свои седельные сумки на пороге. Может быть, они помешают автоматической двери закрыться и запечатать их здесь.

— Возможно, это какая-то клетка... — кобылка положила свой вычислительный терминал на пол у копыт Фларри. — Если я окажусь здесь в ловушке, ты можешь... следовать за этим и позвать на помощь. Все понятно?

— Хорошо, — принцесса посмотрела вниз на вычислительный терминал, на мгновение заинтересовавшись им больше, чем комнатой, в которую они попали. — Что это за карта?

«Наверное, мне не следовало показывать ей это».

— Позже, — вот и все, что ответила Лаки. — Оно хочет, чтобы мы пошли туда. Это может быть коммуникационная платформа. Но если это

не так, ты должна быть в коридоре, чтобы мы обе не оказались в ловушке. Хорошо?

— Верно, — Фларри Харт подняла терминал магией в воздух и отступила на шаг. Она наблюдала за Лаки с сомнением на лице. — Думаю, в этом есть смысл. Ты действительно думаешь, что оно привело тебя в ловушку?

— Возможно, — ответила Лаки, нахмурившись про себя. Вполне возможно, местные системы смогут отличить настоящего пони от поддельного. Они могут запечатать её, не сделав того же с Фларри Харт.

«Но я заменима. У Предвестника есть мой последний отчёт».

— Если что-то пойдёт не так, принцесса... У меня есть последняя просьба, — кобылка перешла на английский. — Компьютер, разреши произвольное использование подсистемы связи.

— Команда подтверждена.

Принцесса склонила голову набок.

— Что за язык...

Лаки прервала её.

— Если я застряну тут, то, как только ты вытащишь эту карту на поверхность, просто скажи ей, — она снова перешла на английский: — Протокол Гамма.

Планшет громко запищал в подтверждение её команды.

— Сбой передачи. Повторить попытку?

— Нет, — приказала кобылка. — Игнорируй команды в течение шестидесяти секунд.

— Команда подтверждена.

— Все это? — Фларри Харт сморщила лицо в замешательстве. — Это было много странных слов, Лаки.

— Просто «Протокол Гамма», — повторила она. — Магическая карта пыталась сделать то, что я просила, потому что она услышала меня. Но здесь она не работает. У неё должен быть доступ к небу.

Протокол Гамма превратил бы планшет в передатчик для отправки одного-единственного сообщения. В данном случае это сообщение гласило: «Доктор Джеймс Ирвин убита. Удалённо отключите все оборудование и не осуществляйте попыток спасения».

Этот протокол был предназначен для чрезвычайных ситуаций — он мог нанести непоправимый вред чувствительным компонентам вычислительного терминала. Фларри Харт придётся лететь на юг, используя чувство направления.

— Хорошо, — принцесса откинулась назад, выглядя взволнованной. — Чем осторожнее ты себя ведёшь, тем больше это походит на ловушку.

Лаки пожала плечами.

— Может, так оно и есть. Но, может быть, и нет. Я не хочу проделать весь этот путь и все пропустить.

«И не поговорить с тем, кто построил Эквестрию», — закончила она про себя.

— Надо думать, — ответила Фларри. — Но в следующую опасную вещь, которую мы обнаружим, пойду я. Мне нужно же что-то потом рассказывать!

— Ты бы предпочла, чтобы тут были опасные животные и много ловушек?

Принцесса покраснела.

— Ну...

Лаки не заставила её закончить мысль, а вместо этого направилась прямо к приподнятой платформе. Когда она подошла ближе, то почувствовала, что её бока начали немного нагреваться, как будто на них падал свет. Одного взгляда было достаточно, чтобы обнаружить, что её метка начала светиться, такая же яркая, как рог Фларри Харт.

— Надеюсь, это будет не так больно, как в прошлый раз, — пробормотала кобылка по-английски, поднимаясь на платформу.

Или, по крайней мере, попыталась. Пространство над платформой, казалось, не слишком заботилось об обычных правилах гравитации. Лаки сделала шаг, и её копыто продолжало двигаться, увлекая её вперёд. Она завизжала, протестуя замахав крыльями, но притяжение было непреодолимым. Хлопанье крыльев даже не замедлило её.

А затем кобылка услышала голоса — слова в бесчисленном множестве. Некоторые из них она знала, большинство — нет. Её череп потеплел, и Лаки попыталась закричать. Вместо звука полилась кровь, и мир взорвался звёздами.

Это был не первый раз, когда Лаки Брейк испытывала подобное чувство. Её мир растягивался и искажался, как бесконечный замедленный взрыв боли в каждой клеточке её тела. Она чувствовала на себе давление взглядов тысячи глаз, столь же не понимающих её природу, как и она их. Она думала о вещах, которые после не имели для неё никакого смысла, и которые она не могла вспомнить. Увидела, всего на мгновение, то, что напугало её ещё больше.

Потом она очнулась. Лёгкие горели, конечности сотрясались в спазмах и конвульсиях, когда кобылка внезапно села. На этот раз вокруг не было больничной палаты, но она была в постели. Одеялом был её спальный мешок, подушкой — седельные сумки, в которых не было большей части содержимого. Если быть точной, все её вещи были разбросаны по полу рядом с ней.

Складная гитара занимала видное место, хотя и не была разложена. Отсканированная книга лежала рядом — Лаки взяла её с собой в основном потому, что не хотела, чтобы её обнаружили местные жители на случай, если произойдёт худшее. Много пустых упаковок от еды. Судя по размеру кучи, это была вся еда, которую они взяли с собой.

Теоретически можно было есть траву или летать целый день голодной. Но сейчас Лаки чувствовала, что её желудок может съесть сам себя, если она не даст ему что-нибудь в ближайшее время, а вокруг еды сильно много не наблюдалось.

Кобылка лежала на полу, в другой комнате. Эта была больше, с тем, что могло быть койками или столами по всей длине. Ровный, резкий свет освещал все сверху. В другом конце помещения слышалось тихое журчание воды.

— П-принцесса... ты где-то здесь?

Движение с другого конца комнаты, топот копыт. Фларри Харт появилась в поле зрения, левитируя планшет рядом с собой. Он всё ещё был открыт на карте даже сейчас, хотя сейчас на нем отображалась совсем другая часть Эквестрии.

«Я сняла все блокировки. Фларри могла делать все что угодно».

Ну, все, что мог понять местный. Очевидно, ей не удалось выйти из навигационного приложения.

— Я уже начала беспокоиться, что ты не проснёшься, — сказала принцесса, изображая достоинство. — Ты в порядке?

Её голос звучал немного виновато, но не было никаких непосредственных признаков, почему.

— Я... скоро буду, — ответила Лаки. — У меня уже... Я уже чувствовала подобное раньше. Не думаю, что в этот раз я получила ожоги.

Кобылка посмотрела вниз, подтверждая то, что уже чувствовала. У неё все болело, и только. В прошлый раз, когда она получила свою метку, у неё выгорели целые куски шерсти.

Принцесса села рядом с ней, хотя, конечно, это всё равно означало, что она была выше. И не только потому, что она была немного старше.

— Сначала я подумала, что это может быть ловушка — ты была беспомощна, кто-нибудь мог прийти и забрать тебя. Но я унесла тебя оттуда, и никто не пришёл. По крайней мере, я так думаю.

Дверь в их секцию была закрыта, так что Лаки даже не могла предположить, что может быть снаружи.

— Не думаю, что это было нападение, — сказала Лаки. Она не могла вдаваться в подробности, не объяснив предварительно свой опыт с меткой. Очевидно, то что происходило с ней, обычно работало не так. Это могло бы дать принцессе подсказки, которые привели бы её к выводу, что кобылка — инопланетянка.

Она не жаловалась на то, что сделала принцесса, во всяком случае, вслух. Принцесса должна привыкнуть к тому, что может делать подобные вещи. Она должна была выбрать свою битву.

— Как долго я была в отключке?

Принцесса снова заколебалась.

— Я не знаю, — сказала она. — Ни неба, ни звёзд... Хотя мне кажется, что прошло много времени. У нас закончилась еда.

Она отвела взгляд, покраснев.

— Я старалась растянуть её подольше, но несколько часов назад у меня кончились силы. Давала тебе воды — здесь, внизу, есть вода. Ты пила, но не ела.

Возможно, это объясняло её виноватое выражение. Лаки по очереди вытянула ноги, двигая каждой всеми известными ей способами. Если не считать постоянной боли, которая вполне могла быть вызвана тем, что она все это время валялась без дела и не двигалась, кобылка чувствовала себя хорошо.

«Мне нужно немного полетать. Заставить кровь двигаться».

Она выползла из спального мешка, неуверенно поднимаясь на копыта. Прежде чем она успела сказать что-нибудь ещё, она снова услышала голос принцессы.

И ещё больше чувства вины.

— И ещё одно, Лаки. Я не хочу тебя пугать, но все... изменилось.

Кобылка проследила за взглядом принцессы и посмотрела на свой бок. На одно мгновение — пусть и короткое — она вообразила, что, возможно, её бионоситель стал нужного пола. Возможно, система кольца заметила ошибку и исправила её. Но нет, она бы почувствовала это, может быть, даже заметила изменение в голосе. Поменялась лишь метка.

Сейчас она была абсолютно другой. Гитара исчезла и её заменил свиток. С первого взгляда казалось, что на нем нет настоящих слов. Просто каракули, чтобы имитировать надпись. Но когда Лаки присмотрелась повнимательнее, то поняла, что это было одна фраза на языке, который она видела только единожды.

— Я никогда не слышала, чтобы происходило что-то подобное, — продолжала принцесса. — Ну, кроме проклятия. Был один раз, когда мои тётки Селестия и Луна...

Лаки не слушала о том, что однажды случилось с тётями принцессы. Она повернулась, чтобы лучше рассмотреть свой бок. В этом смысле тело пони имело свои преимущества. Кобылка обнаружила то же самое, что видела раньше — сначала свиток выглядел так, как будто на нем были просто линии. Только пристальный взгляд позволял рассмотреть, что она смотрит на плотно упакованные слова, стилизованные так же, как часто художественно изображалась Шахада.

На чужом языке.

Который она понимала.

«**Понимание приносит мир**», — гласила надпись на том же языке, что и на стенах.

— ...но я не думаю, что это произошло здесь, если только пони, с которым ты поменялась метками, не находится где-то в другом месте. Мне очень жаль, что ты потеряла свой особый талант, Лаки. Я просто знаю, что они хотели, чтобы я взобралась на эту платформу. Я здесь принцесса... Я должна защищать всех маленьких пони. Так всегда говорит моя мама.

Лаки выпрямилась и посмотрела вверх. Затем она рассмеялась, обнимая принцессу. Это было совершенно неприлично — она никогда бы не подумала о том, чтобы так прикоснуться к ней в ту ночь, когда впервые встретила её. Но теперь она обнаружила, что больше не заботится о приличиях.

— В этом нет ничьей вины, кроме моей, принцесса.

Фларри не отстранилась и не напряглась от неловкости. Она только выглядела смущённой.

— Нет, это не так! Принцессы Эквестрии присматривают за пони, которые не могут защитить себя сами! На тебя подействовала опасная магия, а ты всего лишь пегас. Если бы я была там, я могла бы заблокировать её.

Лаки отпустила Фларри.

— Это было не нападение, принцесса. Теперь я это знаю, — она указала крылом на стену, на линию стилизованных букв. Ну, не совсем букв. В этом языке не использовался алфавит. — Ты можешь это прочесть?

Принцесса покачала головой.

— Ты исследователь, Лаки. Если ты этого не знаешь, то откуда мне знать?

Кобылка просияла.

— Здесь написано «Отделение восстановительной хирургии Пегас-Шугар-2».

Фларри Харт, казалось, не тронулось с места.

— Что... это значит?

Лаки, конечно, говорила на эквестрийском, или так близко, как только могла. У пони не было той концепции хирургии, которую подразумевало это слово. И кобылка каким-то образом это знала. Это не было сопоставлением терминов, как это делали ученики средней школы, чтобы выучить любой из двух универсальных языков, на которых они не говорили. Это было так, как можно было учиться родному языку — естественное соответствие между понятиями. Возможно, ей было бы трудно объяснить это кому-то ещё, поскольку подобное не было вопросом внутреннего перевода, как это было сначала с эквестрийским.

— Я понятия не имею, — в конце концов сказала Лаки. — Во всяком случае, я не об этом. Но это значит, что я могу читать! Я могу...

В животе у неё заурчало.

— В коридорах есть указатели направления, — кобылка повернулась, подбежала к своим вещам и начала неуклюже записывая все в седельные сумки. Она оставила мусор прямо там, где он был, — почему-то она сомневалась, что хозяева этого места будут по этому поводу переживать.

— Мы можем уйти? — спросила Фларри Харт, широко раскрыв глаза. — Я пыталась использовать твою магическую карту, но она не сделала того, что я хотела. Она продолжает показывать мне Эквестрию. А я не хочу смотреть Эквестрию, я хотела увидеть выход! На случай, если... случится что-то плохое, и мне придётся уйти.

Вещи принцессы не были разбросаны по всему полу, как вещи Лаки. Если она и спала, то складывала свои одеяла после того, как использовала их.

— Мне не нужно понимать их язык, чтобы мы могли уйти.

«Хотя это место должно было бы позволить нам, — добавила кобылка про себя. Однако не было никаких причин волновать этим принцессу. — Нет смысла оставлять такую красивую базу пустой».

Но это было несведущее мнение. По крайней мере, насколько Лаки могла судить, умение читать на этом языке не означало дальнейшего понимания строителей. Язык действительно давал небольшие подсказки о тех, кто на нем говорил. Сколько у них было цветов, как они рассчитывали направление, фамильярность и вежливость. Но все это потребует больше времени и, возможно, кого-то, с кем она могла бы поговорить.

Фларри Харт закрепила седельные сумки на спине в тот же момент, что и Лаки. Принцессе, конечно, было гораздо проще, потому что ей было проще со всем.

— Папа будет до луны прыгать от счастья. Мама может просто сослать меня туда. Мы не должны были отсутствовать так долго.

Лаки поморщилась, размышляя о том, к каким последствиям приведёт пропажка принцессы. Она могла бы позволить беспокойству поглотить себя из-за неприятностей, в которые, несомненно, сама себя загнала. Но кобылка прогнала эти опасения, позволив им раствориться в волнении, которое она испытывала. Она была на базе пришельцев, естественно, построенной не эквестрийцами, и она могла прочесть все, что тут написано.

Для начала, она собиралась найти что-нибудь поесть. А потом она найдёт библиотеку.

* * *

Как оказалось, первое найти было гораздо легче, чем второе. Как только Лаки вышла в коридор, она поняла, что они находятся в больнице или, по крайней мере, в её эквиваленте. Возможность читать надписи на стенах дала новое понимание — сооружение, казалось, было построено на манер муравьиной колонии в том смысле, что все более мелкие секции отделялись от более крупных и содержали все комнаты, связанные по функционалу. Всегда можно было найти обратный путь к более общим секциям, отслеживая ширину проходов, в которых они находились.

Им не пришлось покидать медицинский отсек, чтобы найти что-то вроде столовой — ещё одну круглую комнату, хотя там не было ни столов, ни стульев. Только большой механизм в самом центре, похожий на центрифугу со множеством цветных трубок, входящих в неё.

— Я надеюсь, что это не очередная ловушка, — произнесла Фларри Харт, держась на расстоянии от машины.

— Вовсе нет, — Лаки направилась прямо к механизму. Когда она подошла ближе, вокруг него зажгётся свет, освещая комнату и каждую из разноцветных трубок. — На самом деле, это не очень хорошая идея есть

что-нибудь тут. Но, наверное, наши запасы истощились, пока я была без сознания? Если я сейчас попытаюсь лететь обратно, то рухну с неба.

Кроме того, теперь кобылка все меньше и меньше думала о возвращении, когда ей открылись тайны базы. Если она уйдёт сейчас, то, возможно, никогда не сможет вернуться! Даже без барьера аликорна — если она вызвала «инцидент» в Кристальной Империи, ей придётся бежать. Оливия, несомненно, отправит исследователей теперь, когда Лаки могла подтвердить, что это место действительно было доступной частью инфраструктуры кольца. Но когда эти исследователи придут, они будут так же невежественны, как и сама Лаки при первом входе.

— Из этого получается еда?

Кобылка остановилась перед агрегатом и была лишь немного удивлена, когда перед ней возникла голограмма. В одном углу было крошечное изображение её самой, в то время как остальное явно представляло собой какой-то пользовательский интерфейс. На нем были показаны несколько различных блюд, «отобранных для оптимального питания пегаса».

Очень сильно напоминало продуктовые киоски на Земле, вплоть до прокрутки различных блюд с помощью сенсорного интерфейса.

«Вот только никто на Земле не знает, как делать такие голограммы».

Лаки выбрала сочный салат, нажала «приготовить» и отступила назад. Жидкость хлынула по прозрачным трубкам, машина зажужжала и завертелась, затем звякнула и дверца отодвинулась. Кобылка почувствовала запах в ту же секунду, как увидела блюдо — свежие овощи, плотная зелень. Все, что нужно голодному пегасу. Там был даже маленький поднос и тарелка, сделанные из чего-то вроде прессованного картона. Правда, никаких приборов.

Лаки схватила поднос обоими крыльями, как будто машина могла передумать, если она подождёт слишком долго.

— Ты нашла магический салат? — спросила Фларри Харт, вытаращив глаза. Она всё ещё смотрела на него, когда Лаки Брейк откусила первый кусочек. — Он вернёт твою метку обратно? Даст способность видеть будущее? Поможет обнаруживать чейнджлингов?

Это было огромным испытанием на концентрацию — думать о том, что говорила принцесса, одновременно с едой. «Оптимальное питание пегаса», по-видимому, также означало оптимальный вкус. Есть салат было так же приятно, как есть человеческие пищевые батончики, оставаясь человеком. Ну, точнее, как съест пищевой батончик без постоянного, неестественного привкуса химии.

Кобылка пододвинула тарелку к Фларри Харт, хотя уже успела съесть половину салата меньше чем за двадцать секунд.

— Я не думаю, что он магический. Но он вкусный.

— Для меня это было похоже на магию, — сказала принцесса, но всё равно поднесла тарелку ко рту, осторожно попробовав. Её глаза распахнулись, и она завизжала. — О, это точно магия!

Она поставила тарелку на стол и повернулась к автомату.

— Я тоже хочу.

— Ты видела, как я это сделала?

Фларри Харт кивнула и поспешила к машине. Лаки смотрела, доедая свой салат. Текст был другим, и выбор блюд, которые были предложены, тоже. Но кобылка была слишком далеко, чтобы прочитать, и слишком радовалась, что у неё есть еда, чтобы беспокоиться по этому поводу.

Несколько секунд спустя Фларри Харт села с таким же подносом, только вместо салата у неё был огромный многослойный торт, такой большой, что он едва поместился в отсеке выдачи.

— Я думала, что принцесса Селестия — сладкоежка, — пробормотала Лаки, слизывая остатки солёного соуса с губ.

— Я специально взяла большой, чтобы поделиться, — принцесса показала язык. — Ты хочешь немного или нет?

Кобылка не стала отказываться. Она, вероятно, могла бы получить свой кусок, даже если и не видела ничего похожего на то, что предлагали принцессе, когда сама была у автомата. Кроме того, как и в случае с батончиками, ей казалось, что одной тарелки достаточно, чтобы почувствовать себя в целом сытой, безотнositельно того, насколько голодной она была.

Поделив странный торт, Лаки обнаружила, что реализация её самых насущных потребностей позволила ей снова ясно мыслить.

Сначала она проверила календарь на своём планшете. Сейчас был ранний полдень два дня спустя.

«Это объясняет, как ты съела всю нашу еду».

Это также означало, что Лайтнинг Даст уже дома или очень скоро придёт. И плюс ко всему это означало, что принцесса Эквестрии бесследно исчезла два дня назад.

— Принцесса, что бы подумали твои родители, если бы тебя не было два дня? У тебя есть оправдание, чтобы отсутствовать так долго?

Фларри Харт уронила ложку, энергично помотала головой и заговорила с набитым ртом:

— Я уже убегала на день-два раньше. Но они всегда могут выследить меня. Здесь, снаружи... Я никому не говорила, куда именно я направляюсь. Мы должны были вернуться уже давно!

— Да, — вздохнула Лаки. — Должны были.

Теперь они могли уйти. Кобылка могла заказать что-нибудь ещё, упаковать это в свои сумки, а затем лететь обратно к Кристальной империи. С другой стороны, они могут разминуться с Лайтнинг Даст, летящей сюда. Они могли выбрать разные пути. Если пегаска попадёт сюда, она может бродить по этой базе вечно.

«Но если я уйду, то, возможно, никогда не вернусь».

Лайтнинг Даст будет в ярости — и она в своём праве. Отправиться сюда в одиночку — это одно, но навлечь на них гнев всей Эквестрии? Что произойдёт, когда Фларри Харт вернётся домой и расскажет об этом своим родителям?

— Как думаешь... сильно хуже станет, если нас не будет ещё несколько часов?

— Ты думаешь, здесь есть что-то ещё, что можно найти? Больше, чем это?

Принцесса указала на торт, а затем на метку Лаки.

— Да, — ответила кобылка. — Я думаю, что тут есть ещё много чего.

Они раньше уже видели ангар с кучей кораблей и зондов, пристыкованных внутри. Исследовать их было бы интересно, но сейчас её волновало не это.

— Первая комната, в которую мы вошли, та, где была большая карта? — Лаки не стала дожидаться кивка принцессы. — Я думаю, что это был указатель направлений. Для всех этих... руин. Думаю, было бы стыдно проделать весь этот путь и не привезти с собой какое-нибудь древнее знание или какой-нибудь классный артефакт. Нам нужно найти какие-нибудь доказательства того, что мы были здесь!

Кобылка чувствовала себя немного виноватой — виноватой в том, что манипулировала принцессой, виноватой в том, что она могла заставить Лайтнинг Даст ещё больше переживать за неё. Но, вероятно, безопаснее позволить ей найти нас здесь, чем лететь обратно и позволить ей тут пропасть.

Учитывая, как быстро её мама могла летать, она, вероятно, смогла бы долететь за три или четыре часа. Может быть, меньше, хотя трудно было сказать, как долго пегас мог поддерживать абсурдные скорости, которых могла достичь её мама, когда она действительно старалась.

«Вероятно, не на протяжении двадцати восьми километров».

— Ты права, — согласилась Фларри Харт, вставая на ноги. Она не доела свой торт. — Мы нашли магическое заклинание, чтобы прочитать слова. Мы нашли магическую столовую. Но мы не можем взять с собой ни то, ни другое. Мне нужно что-нибудь классное, чтобы мама с папой не злились на меня. Что-то, что доказывает, что оно того стоило. Где мы могли бы найти что-то подобное?

— Давай выясним.

* * *

Вскоре они вернулись к исследованиям. Первое, что сделала Лаки, это направилась прямо ко входу. Не было никаких признаков того, что там побывал кто-то ещё — фонтан снова включился, только когда они приблизились.

— Я думала, мы не уходим, — пробормотала Фларри, немного разочарованно.

— Нет, мы не уходим. Но я хочу оставить записку на случай, если кто-нибудь придёт нас спасать. Ведь... я могу читать знаки, но они не могут. Они могут заблудиться здесь и никогда не найти выход. Мы понятия не имеем, насколько велико это место.

— Ох, — принцесса кивнула, садясь. — В этом есть смысл.

Лаки открыла свою книгу, вырвала одну из чистых страниц в конце и быстро нацарапала записку карандашом.

Мы здесь, мы в безопасности. Скоро вернёмся. У нас с собой карта, мы не заблудимся. Но это место такое большое, что ты потеряешься. Пожалуйста, подожди здесь, пока мы вернёмся. Мы вернёмся так быстро, как только сможем.

--

Лаки.

Лаки достала камень из одного из пустых ящичков для растений и использовала его, чтобы прижать записку так, чтобы она лежала на полу и была видна любому пони, входящему в помещение снаружи.

«Прости, Лайтнинг Даст, но это сильнее меня. Нам нужно знать, кто построил эту штуку и почему. Если я сейчас уйду, то, возможно, никогда не вернусь».

Но кобылка не написала эту часть, не могла, пока Фларри Харт все время заглядывала ей через плечо.

Закончив наконец со своим посланием, Лаки снова повернулась к голографической карте. Казалось, на ней было видно все кольцо целиком, хотя, конечно, сейчас ей была интересна лишь небольшая его часть.

— Ты можешь снова увеличить Эквестрию, принцесса, как делала раньше?

Фларри снова сделала это, по-видимому, без особых усилий.

— Теперь, можно сдвинуть вверх? Похоже, это место помечено, прямо там, где начинается снег.

Карта снова увеличилась, на этот раз заполнившись изображением огромного отверстия, как будто его не покрывали снег или лёд.

Теперь Лаки знала, почему на карте земель к северу от Кристальной Империи была изображена «широкая плоская равнина, подходящая для игры в хуффбол». Станция была огромной — несколько километров в длину, и, казалось, простиралась почти до самой Кристальной Империи. Но на север особо далеко не продвигалась.

Увеличив изображение, Лаки смогла прочитать надпись **«Транзит Эквус Зеро Виолет Зеро»**.

— Хорошо. Сейчас... попробуй приблизить то, где мы сейчас находимся.

Лаки постучала одним крылом по их местоположению на карте. В отличие от автомата с едой она не реагировала на её прикосновения.

«Интересно, использовали ли те, кто построил это место, такие органы, как рог единорога? Было бы разумно наделить свои творения теми же чувствами, которые были у них самих. Но зачем делать одни виды пони лучше других?»

Аликорны, по крайней мере, объективно были лучше остальных. Почему бы не создать такими весь вид?

— Вот так? — спросила Фларри Харт. Изображение увеличилось и, как и надеялась Лаки, сменилось подробной картой извилистых туннелей. На первый взгляд казалось, что доступна только небольшая их часть. Большинство комнат, казалось, даже не были соединены с проходами и были связаны только «шунтами массы».

— Это выглядит интересно, — сказала кобылка, наклоняясь ближе, чтобы прищуриться на одно из названий. Она прочитала его вслух — не на эквестрийском, а на том, как бы там ни назывался язык строителей: — **Датамайн Транзит Зеро Виолет Зеро**.

Карта вспыхнула, возвращаясь к своей прежней конфигурации, так напугав принцессу, что она чуть не упала. Затем пол засветился, точно так же, как и раньше, рисуя пульсирующий узор в коридоре, отличный от того, которым они пользовались в прошлый раз.

— О... Понимаю. Думаю, это хороший способ передвигаться, — Лаки поспешила отойти на несколько шагов, улыбаясь в ответ Фларри Харт. — Пошли! Я думаю, это показывает нам, куда идти!

Принцесса так и сделала, хотя выражение её лица внезапно стало спокойным и серьёзным. Им пришлось немного полетать, много ходить пешком, и все это время Фларри Харт молчала. Если Лаки правильно читала карту, то их пункт назначения должен был быть гораздо ближе чем предыдущий.

— Что ты сказала? — спросила принцесса совершенно неожиданно. — Когда читала карту. Что это был за язык? Он не был похож на тот, на котором ты говорила раньше.

Лаки пожала одним плечом.

— Я не знаю, как это называется. Это место... **Транзит Эквус Зеро Виолет Зеро...** — она снова использовала новый язык. Её разум не хотел сотрудничать — она не могла говорить на нём. Но она могла читать написанный текст вслух. Может быть, даже писать, хотя она ещё не пробовала. — Это язык, который использовали его строители. По крайней мере, я так думаю.

— Я... слышала, как моя мама говорила так. Когда она разговаривала с тётёй Селестией или Твайлайт. Она всегда говорила, что только аликорны должны его знать. Он... особенный? — принцесса нахмурилась, топнув копытом. — Это не то слово.

— Сакральный? — предположила Лаки.

— Да! Предполагается, что никто не должен его знать. Он сакральный. Лаки застонала.

— Мне очень жаль! Я не знала, что это плохо!

Фларри Харт остановилась.

— Это была не твоя вина, просто не делай так больше.

— Я запомню, — сказала Лаки, хотя едва ли почувствовала себя лучше, сказав это.

«Как я должна перемещаться, не используя язык станции, по которой мы ходим?»

Слова на этом языке теперь были буквально написаны на её теле. Если они действительно были настолько значимы, и одна из принцесс даже видела её.

«А они этого захотят, если Фларри Харт расскажет им о тебе.

Когда это закончится, мне придётся какое-то время держаться подальше от Эквестрии. Лайтнинг Даст сказала, что Селестия сможет найти меня где угодно».

Почему-то Лаки сомневалась, что это «где угодно» распространяется за пределы национальных границ.

«Как там они называли этот новый город?»

Они пришли — как и многие комнаты на станции, её название было написано прямо у входа: «**Датамайн Транзит Зеро Виолет Зеро**». Дорожка света закончилась у двери, которая медленно открылась, когда они приблизились.

Это было совсем не похоже на то, на что Лаки надеялась. «Датамайн» заставила её думать о книгах, компьютерах, о чём-то ещё! Но там были только кресла в два ровных ряда, широкое стеклянное окно спереди, которое предусмотрительно демонстрировало... тёмный камень и больше ничего.

— Я не вижу здесь никакой магии, — сказала Фларри Харт.

Лаки поспешила в комнату, обыскивая её в поисках каких-либо признаков того, чем была эта самая «Датамайн». Рядом с передним окном был единственный плоский кусок стекла, может быть, это был экран?

— Должно быть что-то, — сказала кобылка. — Может быть, оно спрятано?

— О, это хорошая идея! — Фларри Харт вошла внутрь, и дверь за ней закрылась. Не было никаких причин для паники по этому поводу — двери делали это каждый раз, когда они приближались к ним. Лаки до сих пор не поняла, зачем на большей части этой базы были воздушные шлюзы.

Принцесса начала рвать сиденья, как будто то, что они искали, могло прятаться под подушкой. Когда она приблизилась к переднему окну, маленькая стеклянная панель засветилась, проецируя изображение в воздухе в передней части комнаты.

| Пожалуйста, откиньтесь назад. Ускорение через 25 секунд.

— Э-э... принцесса? — Лаки поспешила в конец комнаты, забираясь на сиденье, чтобы Фларри не смогла его оторвать. Когда она это сделала, подушка обвилась вокруг её тела. Кобылка чувствовала жидкость прямо под странной тканью.

— Это ловушка! — рог принцессы засветился, и она впиалась взглядом в сиденье, на котором сидела Лаки. Его вырвало из стены вместе с самой Лаки. Как только это произошло, подушка опала, холодная жидкость исчезла.

Один взгляд вперёд сказал ей, что время изменилось. У них оставалось пятнадцать секунд.

— Это не ловушка! — крикнула кобылка, изо всех сил дёргая Фларри Харт. Принцесса была настолько ошеломлена, что не сопротивлялась, когда Лаки потащила её к неповреждённому первому ряду сидений. — Садись, принцесса! Прямо сейчас!

Пять секунд.

Лаки снова села и не удивилась, когда и это сидение обволокло её, немного выпрямившись, когда оно охватило каждую часть её тела. Даже седельные сумки.

— Принцесса, ты должна доверять мне. Здесь сказано, что нам нужно сесть.

На секунду показалось, что аликорн может продолжить спорить. Затем она пожала плечами, запрыгивая на сиденье рядом с Лаки с довольно скептическим выражением на лице.

— Хорошо, Лаки. Но если ты делаешь это только для того, чтобы сделать историю более...

Слова застряли у неё в горле, когда комната рванулась вперёд. Полдюжата отломанных кресел врезались в заднюю часть, и Лаки внезапно почувствовала благодарность за то, что она сидит не там. Эти кресла лёгкими не выглядели.

Мир посерел, поле зрения сузилось, когда кобылку вдавило в сиденье. Она всё ещё могла разобрать намёк на слова там, где было предупреждение о запуске.

**| Сохраняйте спокойствие во время ускорения. Текущая величина:
4,35 g.**

— Предупреждение о гравитационном ускорении, — сообщил плем ровным голосом. — Общество Первопроходцев рекомендует ускорение не более 30 м/с за секунду в течение длительного периода времени. Пожалуйста, уменьшите ускорение или вы рискуете получить травму.

«Немного поздновато для этого».

Лаки чувствовала перегрузки во время своих воздушных маневров, хотя те и длились лишь долю секунды. Сейчас они длились и длились до тех пор, пока она совсем не перестала видеть, не смогла прочитать слова, что они должны оставаться на своих местах.

Лаки не была уверена, как долго это происходило. Она не могла слышать ничего, кроме звука их транспортного средства, грохочущего навстречу... чему-то.

Приятный звон наполнил комнату, почти такой же, как у пищевого автомата, когда еда была готова. Сила, вдавливающая кобылку в сиденье, постепенно исчезла. Сиденье перестало удерживать её, и её тело, наконец, смогло расслабиться.

Снаружи было размытое движение — тёмные туннели с редкими вспышками света над головой. Лаки чувствовала, как время от времени слегка дёргается их вагон, пока они двигались вперёд в темноте, примерно так же, как она могла бы чувствовать себя дома в поезде на магнитной подвеске.

— Мы остановились? — спросила Фларри Харт, бросив взгляд в дальний конец помещения. Кресла были прижаты к задней стене, когда они набирали скорость, но теперь они грудой лежали на полу.

— Нет, — ответила Лаки, направляясь к передней части комнаты, глядя на размытые проходы за ней. Она даже не могла предположить, с какой скоростью они могли двигаться. Экран ничего ей не сказал, хотя на нем было написано:

| Два часа до прибытия в центральный Датамайн.

— Мы движемся очень, очень быстро, — кобылка снова указала в окно. — Я не знаю, куда мы направляемся, но это, должно быть, далеко.

— Быстрее, чем летающая повозка? Быстрее, чем поезд?

— Да, — Лаки невольно усмехнулась. — Я думаю, это немного быстрее, чем поезд.

— Но... куда мы направляемся? Мы же не можем всё ещё находиться внутри храма, верно?

Кобылка вздохнула, снова садясь на пол. Ей придётся быть внимательной к любым звукам, особенно когда время начнёт подходить к концу. Она не хотела бы покидать своё место, пока эта штука будет замедляться.

— Я думаю, пришло время мне кое-что объяснить тебе, Фларри Харт. Об Эквестрии.

— Я уже видела, что она не была плоской. Я слышала, как пони говорили это раньше. Тётя Твайлайт... она так и сказала. Но я не знала, что это значит, пока не посмотрела на карту.

Лаки несколько раз ткнула в экран, вызывая изображение со спутника, которое ей прислал некто по имени Мартин.

— У меня есть точно такая же карта — видишь?

Кобылка продемонстрировала терминал.

Фларри кивнула.

— Ладно. Ну и что? Имеет ли значение, что Эквестрия не плоская?

Лаки вздохнула, отводя взгляд от принцессы. Она не была уверена, как пони отреагирует на это.

«Все это приключение, вероятно, за пределами моей компетенции. Этим должны заниматься настоящие исследователи».

Но Лаки выучила их язык! Она благополучно провела их так далеко, и теперь они, очевидно, направлялись к «Датамайну».

— Кто-то его построил. Эквус, я имею в виду. Причина, по которой я занимаюсь всеми этими исследованиями, заключается в том, чтобы попытаться найти их. Кто они были, почему они поместили его сюда. Я надеюсь, что мы сможем найти эти ответы.

— Я думала, Селестия его построила.

Лаки покачала головой.

— Есть истории о жизни до Селестии, помнишь? Вся эта история с Днём Согревающего Очага? Кlover Мудрая, Пудингхед...

— Ох, — пауза. — Должно быть, до неё была другая принцесса. Они перемещают солнце и луну по кругу. Они, наверное, тоже могли бы создавать кольца.

Кобылка всё ещё смотрела в сторону. Приключение сделало её немного ближе к принцессе, разрушило часть барьера вежливости между ними. Но сколько ей может сойти с копыт? Очевидно, не оскорбление их религии. И многое из того, как пони относились к членами королевской семьи, казалось религией.

— Ты чувствуешь, что могла бы создать такое кольцо, принцесса?

Фларри Харт уставилось в случайную точку, рог светился. Затем она высунула язык, сложив передние копыта вместе.

— Н-нет.

— Вот именно, — Лаки вздохнула. — Кем бы они ни были, они были могущественны. Достаточно могущественны, чтобы построить весь мир, в котором вы живёте. Самая большая космическая станция, которую я когда-либо видела, была четырёх километров в диаметре. Платформа «Атлантис». Им приходилось разрушать целые астероиды только для того, чтобы...

Она замолчала, понимая, что-то, что она говорит, не имело никакого смысла и не должно было звучать в присутствии принцессы.

— П-прости. Я просто надеюсь, что мы сможем найти ответы здесь. Как ты думаешь, другие принцессы захотели бы их знать?

Пауза. Фларри Харт не отвечала в течение нескольких минут. В конце концов она сказала:

— Тётя Твайлайт хотела бы. Она всегда пытается узнать что-то новое. Остальные... вероятно, нет. Хотя маме понравилась бы кулинарная магия. Мы должны попытаться забрать её с собой.

Лаки вышла из транзитного перехода в ярко освещённую комнату с металлическими стенами, ничем не отличающуюся от той, которую они покинули. На самом деле, насколько она знала, они могли бы провести последние два часа (плюс кто знает, как долго продолжалось ускорение), катаясь на не сильно приятном карнавальном аттракционе. Их даже не убило креслами при торможении.

Интерьер этой второй базы был выдержан в том же дизайнерском стиле, что и первая — конструкции из металла и камня, высокие комнаты с широкими коридорами, которые становились шире или уже, чтобы показать, являются они центральными или нет.

Здесь была похожая зона для приготовления пищи, хотя некоторые блюда, которые им предлагали, отличались. Лаки с принцессой быстро перекусили, обе сознавали, что каждое мгновение, проведённое здесь, лишь увеличивает количество неприятностей, что их ждёт. Фларри Харт не думала, что день задержки будет иметь большое значение, но она вернётся с опозданием на несколько дней. Самый юный член королевской семьи не мог просто пропасть на длительный период без какой-либо реакции страны.

«Она ведь не сможет рассказать им о том, что я могу быть кем-то другим, кроме пони, или нам всем крышка».

Лаки была уверена, что для других принцесс не будет иметь значения, что Фларри Харт решила отправиться сюда добровольно. Но сейчас не было смысла беспокоиться о подобном. У кобылки были более важные заботы — например, разгадка главной тайны того, кто построил кольцо и зачем. Такого рода миссия стоила небольшого личного риска.

Лаки убедилась, что карта (которая здесь тоже была) реагировала на устные команды, пока их произносила принцесса. Казалось, не имело значения, что она не знала «запретного» языка, которым аликорны общались между собой.

В общем, они проследовали по освещённой дорожке к лифту, который поднимал их наверх почти целую минуту, прежде чем, наконец, замедлил ход и остановился.

Снаружи был один единственный коридор, ведущий через комнату с ещё более таинственным оборудованием к прочной взрывозащитной двери в конце. Они дошли до неё, и впервые одна из дверей отказалась открываться. Раздался резкий сигнал, и синтезированный голос проговорил:

— Зафиксирована враждебная среда. Выход запрещён. Требуется защита.

Лаки ещё дважды нажала на призывно светящуюся кнопку и получила ту же фразу.

— Ты не должна этого слышать! — заявила Фларри Харт, раздражённая и немного испуганная. — Прекрати нажимать на неё!

— Здесь говорится, что мы не можем выйти без защиты, — сказала Лаки, игнорируя принцессу. — Если... если ты не поняла.

— Нет, — буркнула аликорн, снова раздражённо. — Мама ещё не начала учить меня. Тебе тоже не следует его знать.

— Ну, может быть, нам стоит чуть-чуть вернуться. Комната немного напоминает раздевалку, может быть, там найдётся что-нибудь, что мы могли бы надеть. То, что находится по ту сторону двери, является опасным.

— Может быть, нам стоит совсем вернуться, — предложила принцесса. — Или... пойти поискать что-нибудь ещё? Если там опасно, как ты сказала.

Лаки обдумывала это предложение несколько секунд. Вернуться пораньше, конечно, было более разумным вариантом для принцессы. Но как насчёт самой Лаки? Лайтнинг Даст, вероятно, доберётся до других руин ещё через несколько часов. Если они сразу же вернутся в транспорт, то могут прибыть как раз одновременно с пегаской.

«Или мы могли бы исследовать немного дальше, и пусть мама подождёт ещё несколько минут. Сильнее злиться она вряд ли станет, верно?»

— Давай просто посмотрим, — сказала кобылка. — Если там нет снаряжения, мы вернёмся.

— Хорошо.

Как оказалось, снаряжение там было. Приподнятая платформа в предыдущей комнате теперь светилась, готовая принять любого пони, который захочет взобраться первым. На этот раз Лаки не побоялась пойти первой, так как могла прочесть слова «**Изготовление брони**», написанные на боковой стороне машины. Кобылка сняла свои седельные сумки, прежде чем взобраться на платформу.

Это заняло всего несколько секунд. Все пространство на платформе заполнилось густым дымом, который сгустился вокруг Лаки, прилипал к её телу, становился гуще с каждой секундой и гудел, как пчелиный рой. Хорошо, что она сняла свои седельные сумки.

— Больше магии! — лицо Фларри Харт осветилось, когда она приблизилась, её рог слегка светился. Лаки не могла разглядеть ничего, кроме слабого свечения сквозь дым. По крайней мере, ещё несколько секунд, пока машина не закончила свою работу.

Кобылка не могла спутать скафандр ни с чем другим, когда увидела его, хотя он явно превосходил все, что когда-либо создавал её народ. Лаки шагнула вперёд с платформы, чувствуя прохладу на коже, ткань была гибкой, и в ней было легко двигаться. На спине был небольшой механизм, прикрывающий крылья, и закреплённый поверх него шлем.

Хотя шлем присутствовал, он оставался открытым вокруг её лица, позволяя продолжать дышать воздухом, в котором они находились, а также без труда разговаривать с Фларри Харт.

— Ну, это... вроде как круто.

Лаки в качестве эксперимента напрягла крылья, и задняя часть костюма раскрылась, как радужная оболочка, позволив появиться крыльям, покрытым тонким, как бумага, слоем костюма. Она взмахнула ими без проблем, поднявшись в воздух на несколько секунд.

— Вот эту особенность Общество Первопроходцев просто обязано скопировать, — пробормотала она себе под нос на английском.

Затем последовал черёд Фларри — что заняло у фабрикатора всего несколько секунд, как и в случае с Лаки. Скафандр принцессы выглядел немного иначе — по бокам у него шли золотистые полосы, а на шлеме был большой выступ для рога. В остальном скафандры выглядели почти

идентично.

— Ага, мы нашли то, что можем забрать с собой! — воскликнула аликорн, её крылья затрепетали в предвкушении. — Ты думаешь, что эта броня магическая? Может быть, в ней мы можем... дышать под водой, или полететь в космос, или...

Лаки открыла рот, чтобы возразить, но потом поняла, что не уверена насчёт космоса. Пони вообще не должны уметь летать, учитывая их массу, так что, кто его знает?

— Давай это проверим. Но не сейчас. Место, куда мы направляемся, должно было быть просто на поверхности. Я не знаю, почему там может быть так уж опасно, но, думаю, мы это выясним.

Они медленно приближались к воздушному шлюзу, теперь шум копыт был приглушён. Лаки оставила свои седельные сумки там, где они были, — если там что-то могло причинить ей вред, оно, вероятно, уничтожило бы бумагу и компьютер тоже. Не было смысла брать с собой шлем, когда тот, что был на ней, вероятно, был лучше.

«Я надеюсь, что смогу забрать его с собой в человеческий город. Держу пари, мы можем многое узнать о строителях, исследовав этот скафандр».

Может быть, если там будет не настолько опасно как кажется, она сможет вернуться и отправить сообщение Оливии. Дать ей знать, что она узнала на настоящий момент. Как бы мало майор ни заботилась о тонкостях перевода, это её, вероятно, заинтересует.

Бронированная дверь открылась и, пропустив их, закрылась. Через несколько секунд раздался резкий шипящий звук. Без какой-либо команды со стороны кобылки шлем захлопнулся, скрыв лицо. Он был абсолютно прозрачным, хотя внутри и отображалась всевозможная информация, которую Лаки не понимала. Одна шкала выглядела как датчик температуры, а вторая, по её мнению, была внешним датчиком давления, судя по тому, как быстро оно снижалось.

«Может быть, я неправильно прочла карту? Было бы разумно поместить то, что вы хотите сохранить, в вакуум».

— Здесь довольно шумно, — произнесла Фларри Харт, её почти без искажений слышался внутри скафандра. — Что происходит?

— Там, куда мы направляемся, нет воздуха, — ответила Лаки. — Эта штука, в которой мы находимся, называется воздушный шлюз. Он выкачивает воздух, прежде чем мы сможем выйти.

— Ох, — к принцессе вернулось немного прежнего возбуждения. — Я меняю своё мнение по поводу нашего приключения. Это безумнее, чем у Дэринг Ду. Но научная фантастика мне тоже нравится.

Лаки не смогла удержаться и рассмеялась. Причём достаточно громко, чтобы заметить, что Фларри смотрит на неё сквозь шлем.

— Что? У тебя были приключения более захватывающие, чем это?

«Позволь мне рассказать о том, как я пересекла всю галактику, и машина превратила меня в маленькую кобылку», — хотела ответить Лаки, но не стала. Она не была глупой.

— Нет. Просто... у меня никогда не было времени читать художественную литературу. Теперь мне на самом деле интересно, о чём пишут пони-фантасты.

Дверь на другом конце шлюза открылась. При этом не было никакого порыва воздуха, вообще никаких звуков, кроме слабого шума механизмов внутри скафандра. Надо заметить, этот шум был куда тише чем у ХЕ-301. Но не полностью отсутствовал. Как бы он ни работал, это точно была не магия.

Дисплей изменился, и Лаки смогла прочитать немного больше из того, что там было написано.

Внешний вакуум.

Запас кислорода: двое суток.

Ещё один датчик показывал внешнюю температуру в единицах, которые кобылка не знала, но у неё было ощущение, что это число было очень высоким. Однако она не чувствовала тепла на своём теле — как бы ни работал скафандр, он, казалось, охлаждал лучше, чем человеческие аналоги.

Лаки могла видеть свет вдалеке, сквозь прорубленный в камне коридор шириной с пони. Фларри Харт могла пройти, но если бы она была размером со взрослого аликорна, у неё могли бы возникнуть некоторые проблемы.

— Вот примерно этого я и ожидала, когда ты сказала мне, что на севере есть затерянный храм, — сказала принцесса, когда они вместе пробирались сквозь тесный тоннель. — Древние каменные руины, ползание в темноте, прорываться сквозь паутину.

Лаки даже не заметила её, но это была не паутина.

«Ничто не может жить в вакууме, — напомнила она себе. — Мы здесь никого не найдём. Все безопасно».

Если здесь когда-то и были пауки, то теперь они все мертвы. Кроме того, волокна больше походили на наполовину расплавленный пластик.

Они вышли из коридора на балкон, который звякал под их копытами как металл. Но не тот неразрушимый сплав, который её шлем не смог идентифицировать. Это была сталь. Кобылка могла видеть небольшие пятна зеленоватой ржавчины через неравные промежутки. Химик наверняка мог бы определить, что это такое.

Материал, из которого был сделан балкон, едва ли был первым, о чём Лаки подумала, когда подошла к краю. Она проигнорировала светящиеся огоньки в шлеме, указывающие направо. Система навигации могла немного подождать.

Лаки Брейк видела несколько иллюстраций того, как выглядел Кантерлот с его дворцом на горе, окружённым небольшими зданиями. То, что она видела сейчас, было немного похоже на то, как будто она стояла в этом самом дворце, глядя на город... если бы город был построен пони с примерно человеческим уровнем технологий. Здания были из стекла и металла, хотя многие окна отсутствовали, а некоторые из них были покрыты странной коррозией. Пластиковые детали в основном расплавились, и на земле то тут, то там были пятна каких-то обесцвеченных остатков. Сквозь плотную застройку было трудно что-либо разглядеть, но, похоже, далеко внизу на земле могли быть остатки транспортных средств — автомобилей? Или чего-то похожего.

Город было похоже на Нью-Йорк или, может быть, Лондон. Западный мегаполис оказался пустым. Там, где когда-то росли растения, виднелись коричневые, покрытые шрамами участки земли. Теперь здесь не было ничего живого, даже крыс.

Небо было не голубым, а черным. Как будто стоишь на астероиде или на луне. Наверху не светило ни одной звезды, хотя Лаки подозревала, что могла бы увидеть некоторые из них, если бы смогла достаточно хорошо прикрыть «солнце».

Ещё одна часть шлема сменила цвет с чёрного на ярко-красный:

Предупреждение об ионизации.

45 минут до превышения допустимой дозы.

Фларри Харт облокотилась на край перил, с ужасом глядя на пустынный город. Потом она заговорила дрожащим голосом:

— Т-ты же не путешественник во времени, Лаки? Ты ведь не поэтому так много знаешь, верно? Ты же не взяла меня в будущее, после того, как Эквестрия...

— Нет, — ответила кобылка, положив одно копыто на плечо принцессы. — Это совпадение, вот и все. Тот, кто жил здесь, любил строить замки на вершинах холмов. Это не Кантерлот.

— Ох, — Фларри Харт высвободилась, её лицо расслабилось. Однако её глаза всё ещё были широко распахнуты. — Что случилось с пони, которые жили здесь?

Лаки совсем не была уверена, что это были пони, но не стала это озвучивать. Двери и правда выглядели примерно нужной высоты, в отличие от станции. Но на Эквусе жило много рас, не только пони. Кобылке не нравилась мысль о том, сколько здесь когда-то было жителей — миллионы, если плотность населения была такой же, как в крупных мегаполисах, на который был похож город. Было легче представить себе гибель других видов. Лаки не знала лично ни грифонов, ни минотавров. Ей не будут сняться кошмары при мысли о том, что существа, которых она никогда не встречала, умирали, даже если это трагедия. Пони же...

Фларри Харт, казалось, размышляла в том же направлении, потому что она внезапно попятилась от балкона.

— Нам нужно поискать выживших.

— Здесь их нет, — плечи кобылки опустились. — Принцесса, мне жаль. Тут нет воздуха.

Она не знала, как это было возможно. Любое тело достаточной массы должно равномерно притягивать свою атмосферу, верно? Но аликорн этого не знала, поэтому ей не нужно было объяснять, почему это не имело смысла.

— Без воздуха эти руины могут быть старше, чем кажутся. Им могут быть тысячи лет. Или больше.

Это было ещё более тревожащим, чем воздух. Ей нужно будет не забыть взять с собой образец облучённого материала. Это должно позволить определить, что являлось источником облучения, определить период полураспада и попытаться датировать то, что здесь произошло.

Но это была работа для учёных-людей, а не для неё.

Лаки на мгновение заколебалась, жалея, что не взяла с собой в это приключение маму, а не принцессу.

Фларри Харт помотала головой.

— Не может такого быть! Похоже, что они только что ушли! Может быть, они убежали куда-нибудь в безопасное место, например, туда, откуда мы только что пришли! Дверь была прямо здесь!

Такая вероятность была. Хотя и очень маленькая, учитывая положение вещей. С первого взгляда совсем не казалось, что жители брали с собой вещи.

«Я бы подумала, что они умерли там, где стояли, если бы могла видеть тела».

— Принцесса, если они и правда сбежали, тогда мы им не нужны, — Лаки указала назад, на дорожку, всё ещё освещённую работающими фонарями. Это был единственный участок земли без странной зеленоватой коррозии. — Может быть, ты могла бы вернуться с другими пони из дворца. Гвардейцы, может быть, или с ещё одной принцессой. Но я не спасатель, я думаю, что и ты тоже. Что мы можем сделать, если найдём кого-нибудь?

Фларри остановилась, обдумывая услышанное.

— Ты говоришь, как мой отец.

Лаки пожала плечами.

— Я так же расстроена, как и ты, принцесса. Я не знаю, что значит быть принцессой, но мне тоже не нравится мысль о том, что пони умирают. Тут... мы не можем им помочь. Но, может быть, мы сможем узнать, что произошло, и предупредить пони в Эквестрии. Мы не хотим, чтобы то, что здесь произошло, повторилось.

«Или нашло нашу новую колонию. То, что убило эту цивилизацию, вероятно, может убить и нас».

Они нашли первое тело совсем недалеко от дворца — его можно было опознать только потому, что одежда и импланты были сделаны из материалов прочнее плоти. Это явно был пони — взрослый жеребец, судя по размеру его доспехов. У них был усиленный каркас, немного похожий на броню Лаки, с редкими проводами и несколькими неопознанными устройствами, сосредоточенными в том, что должно было быть туловищем. Кобылка попыталась поднять какое-то оружие и обнаружила, что оно рассыпалось в её копытах, разлетевшись на несколько пластиковых кусочков.

Принцесса остановилось в пяти метрах от тела, отказываясь подходить ближе. Её голос звучал испуганно.

— Это... скелет, верно? Я вижу череп... это был единорог.

Она вздрогнула, отвернулась, и тут Лаки услышала вонючие позывы.

Кобылка даже не заметила этого, но принцесса была права. В передней части черепа был роговой выступ или, по крайней мере, остатки имплантов, соединённых с ним. Трудно было догадаться, для чего они были нужны — провода были покрыты зеленоватой коррозией, как и сталь пола, а другие компоненты выглядели так, как будто стали очень хрупкими.

Священная дорожка вела их через дворец — теперь невозможно было ошибиться в его предназначении. Это было не то же самое здание, что в Кантерлоте, но такие места часто были очень похожи. Во всех них были

большие тронные залы, с бальными залами для гостей, а затем меньшие комнаты для более практичных вещей, размещённые вокруг.

«Эти пятна высохшей слизи и мела повсюду, вероятно, были пони без имплантов».

Хоть Лаки об этом и задумалась, она не собиралась указывать принцессе, что та уже прошла по нескольким из них. Будем надеяться, что шлем рассчитан на рвоту своего владельца.

По-видимому, так и было, потому что через несколько мгновений принцесса выпрямилась. Её голос стал холодным и отстранённым — немного похоже на то, когда Лаки использовала «запретный» язык, но с меньшим оттенком гнева.

— Некому было их хоронить, — сказала она почти шёпотом. — Это как... истории о Виндиго. Только с меньшим количеством снега.

Лаки знала эту историю, по крайней мере, вскользь. До того как племена объединились, из-за раздоров они всегда противостояли друг другу. Кобылка подозревала всеобщую войну, преукрашенную инфантильной культурой пони. В любом случае магические существа по имени Виндиго принесли вечную зиму, уморив всех голодом и похоронив целые города в снегах. Выжившие, по-видимому, малая часть, бежали в новые земли, которые испытывали те же проблемы, прежде чем они объединились, и их взаимная дружба изгнала врага.

Лаки предположила, что это может быть естественным выводом для принцессы, у которой не было другого контекста для подобного геноцида.

— Они тоже были пони, так что это возможно, — сказала кобылка. — Выжившие, возможно, все сели на поезд и поехали туда, где сейчас находится Эквестрия. Хотя не уверена, как регресс мог зайти так далеко, как сейчас.

Принцесса ничего не ответила.

Они снова пошли вместе по древнему, но в то же время современному дворцу. Читать было почти нечего, и мало что сохранилось от произведений искусства, которые, должно быть, украшали стены. Они даже прошли мимо пустого тронного зала, хотя в нем был только один трон. Если какие-то знакомые мотивы и были тут, их уничтожило время.

Они покинули дворец и вышли на открытое пространство, а точнее, на дорожку, соединяющую дворец с другим зданием. Дорожка была выполнена из того же металла, что и станция, здание также выглядело иначе, чем все вокруг — никакой коррозии, вообще никаких видимых повреждений.

Дорога, ведущая к нему, представляла собой... не самое приятное зрелище.

Здесь были останки множества тел. Тысячи, может быть, десятки тысяч. Было трудно отличить одно от другого, трудно понять, сколько имплантов ожидать от каждого пони. Большинство были одеты в очень плотную одежду, хотя от неё сохранились лишь обрывки. Обрывки меховых курток и шерсти, разрушенные временем, жарой или и тем, и другим. Кое-где сохранилось несколько фрагментов костей, хотя больших кусков не было.

Сама улица лишь немного разрушилась. Освещённая дорожка выглядела невредимой — время не оставило на ней и царапины.

Фларри Харт добралась до конца дорожки, прежде чем рухнуть на землю и разрыдаться.

— Все в порядке, — успокоила её Лаки, хотя принцесса больше не позволяла ей прикасаться к себе. — Я... Я пойду дальше. Это не займёт много времени.

Двери шлюза открылись перед ней без приказа, закрылись, и воздух начал шипеть.

**Датамайн герметизирован. Давление повышается.
Пожалуйста, подождите.**

Предупреждения о воздействии радиации тоже исчезло, и в воздухе пахло — ну, точно так, как Лаки себе представляла. Как древняя смерть, запечатанная на много лет. Затем дверь открылась.

«Хорошо, что Фларри Харт осталась снаружи».

Двери открывались во что-то вроде лагеря беженцев, построенного внутри склада невероятных размеров. Там были тысячи тел — все они были сморщенными, на некоторых ещё оставались клочки шерсти. Многие были достаточно неповреждёнными, чтобы без всяких сомнений идентифицировать их как пони. Вонь была не от свежего разложения — они пролежали здесь очень долго, — но, изолированные от окружающей среды, окончательно сгнить они так и не смогли.

Кобылка взлетела, пролетела над разрушенным лагерем с многочисленными телами. Огни всё ещё вели её вперёд, по многим уровням полок и механизмов, назначение которых она не знала и не хотела сейчас об этом гадать. Хотя ей показалось немного странным, учитывая такую большую площадь, что ни один пегас не захотел жить на верхних этажах. Там были сложены пластиковые ящики и другие грузовые устройства, но ни палаток, ни тел не было.

Лаки чувствовала именно то, что должна чувствовать принцесса, глядя на этот город. Это было опустошение, которое могло бы прийти и на Землю, если бы все пошло по-другому.

«Но ты всё ещё тут! — подумала она про себя, летя к открытому дверному проёму под потолком, куда вёл свет. — Если строители хотели смерти пони, почему их техника реагирует на нас? Почему она знает, как сделать нам скафандры и еду? Зачем позволять нам путешествовать по кольцу?»

Что-то просто не укладывалось у неё в голове, что-то, что, вероятно, поняла бы более умная команда учёных и специалистов. Жаль, что у неё не было фотоаппарата, чтобы показать им то, что видела.

«Я должна была взять шлем».

Условия снаружи, возможно, уничтожили бы его, но уверенности в этом не было. Но, может быть, удалось бы записать несколько секунд видео. Может быть, в здании внизу осталось что-то нетронутое, что она могла бы забрать с собой, чтобы доказать Оливии и остальным, что она видела. Возможно, нашлись бы тексты или даже видеозаписи, из которых можно было бы узнать, что здесь произошло.

Они пришли не за этим. Но это не означало, что гибель предыдущих цивилизаций на этом кольце не представляла интереса. Что бы ни убило их, оно вполне могло предсказать опасности, с которыми столкнётся человеческая колония.

Лаки Брейк приземлилась в гораздо меньшем помещении с огромными стеклянными окнами, выходящими внутрь. Комната не была пуста, как

она надеялась, основываясь на отсутствии пони-пегасов в лагере. Здесь была только одна пони — аликорн, судя по телу. Оно выглядело менее повреждённым, чем многие из тех, что были внизу, как будто оно просто не хотело гнить. К сожалению, это означало, что вонь была просто убийственной, и Лаки вручную опустила забрало, чтобы не чувствовать её.

Пони была примерно того же размера, что и Селестия, хотя теперь полностью облысела. Пигмент на метке выплел, но всё ещё можно было рассмотреть что-то смутно похожее на дерево. Было похоже, что эта пони стояла у чего-то вроде панели управления, с многочисленными выступающими секциями, которые могли быть кнопками, а также светящимися областями, которые могли быть экранами. Её одежда была похожа на ту, что носили другие — толстая, шерстяная, но менее похожая на фабричную. У этого пони был портной.

После трупа следующее, что заметила Лаки, были листы бумаги, лежащие на панели управления. Ну, это было похоже на бумагу. Очевидно, ею материал не являлся, судя по его сохранности. Это был блокнот из тонких листов с маленькой ручкой в комплекте. Лаки потянула его на пол, и вместе с ним со звоном упал кусок стекла. Что-то лежало на блокноте, и кобылка просто не заметила его. Это был правильный стеклянный куб с крошечными отражающими гравировками и линиями внутри.

Лаки, возможно, и сама догадалась бы, что это такое, но плавный почерк в блокноте, развеял все её сомнения. Там использовался тот же язык, который она видела на базе, хотя и, казалось, менее точный. Может быть, менее формальная версия языка.

Я же говорила тебе, что не оставляю их. Возьми это и помни о нас. Убедись, что наши ошибки не повторятся.

Ни подписи, ни других подробностей.

«Кого бы не ждала эта аликорн, он так и не пришёл. Он не забрал куб».

А Лаки забрала, спрятав его вместе с запиской в один из многочисленных кармашков на спине.

«Похоже, у вас, пони, тоже есть голографические носители информации».

Кобылка знала, что взломать любое сжатие или шифрование, которое они использовали, будет очень непростым делом. Но Предвестник был умён, и у него будет время. В конце концов он во всем разберётся.

Лаки подошла к пульту управления и попыталась отдать несколько команд. Она задавала ему вопросы, как они это делали с картой. Похоже, Датамайн не реагировал на произносимые команды. Экраны, что удивительно, работали, но на них вспыхивала надпись «Недостаточно полномочий» каждый раз, когда кобылка пыталась что-нибудь сделать. Она даже нажала на несколько кнопок наугад. Это заставило ставни на окне закрыться, выключило и снова включило свет в комнате внизу, активировало какую-то тихо гудящую машину...

Она могла бы оставаться там часами, но, конечно, это было невозможно. Фларри Харт была так же уязвима к радиации, как и она сама, и в любом случае принцесса видела вещи, которые сильно встревожили её. Если она придёт сюда в поисках Лаки и найдёт мёртвого аликорна, что ж... это сделало бы ситуацию ещё хуже, чем она уже была.

Оливия могла бы вернуться сюда с командой людей. Они могли бы провести здесь столько времени, сколько будет нужно. Они не приведут с собой ребёнка, которому наверняка будут сниться кошмары об этом месте.

«Просто радуйся, что ты не пошла сюда со мной».

— Фларри Харт, ты меня слышишь? — спросила Лаки, пролетая над мёртвым лагерем беженцев. — Я уже выхожу. Мы должны возвращаться.

— Да, — ответила принцесса. Её голос звучал расстроено, но, по крайней мере, она больше не плакала. — Это хорошо. Я хочу домой.

— Мы сразу же пойдём обратно, — согласилась кобылка. — Я уже выхожу, одну секунду.

Она могла только надеяться, что юной принцессе весёлые моменты приключения запомнятся лучше, чем опустошение в конце.

Когда она выходила, что-то глубоко внутри Лаки напомнило ей, что сегодня ночью ей тоже будут сниться кошмары.

«Я ничуть не лучше этих пони. Они были такими же, как мы, продвинутыми. Они всё равно умерли. Что бы их ни настигло, это может убить и нас».

Она надеялась, что Лайтнинг Даст сможет простить её за любопытство. Надеялась, что она вернётся в город достаточно скоро, чтобы составить надлежащий отчёт для отправки Предвестнику.

«Это меняет правила игры. Если я вернусь, мы сможем прилететь сюда и узнать все, что захотим. Хорошая команда специалистов — это все, что нам нужно».

При условии, что тут была необходимая информация. Лаки всё ещё даже не знала, что такое «датамайн», несмотря на путешествие, которое потребовалось, чтобы добраться сюда.

«Всё будет хорошо», — сказала она себе, приветствуя Фларри Харт объятием. Принцесса прижалась к ней так крепко, что на мгновение кобылка испугалась, что целостность её скафандра может быть нарушена.

— Что там было?

— Всё плохо, — закашлялась Лаки, сдерживая слезы. — Там всё плохо. Ты не захочешь об этом знать.

К её удивлению, Фларри Харт не стала спорить по этому поводу. Она молчала всю обратную дорогу до базы.

* * *

У Лайтнинг Даст почти иссякло терпение в ожидании своей дочери, когда она услышала цокот копыт, эхом отдающийся в конце коридора. Они двигались далеко не так быстро, как обычно ходила её дочь, что наводило на мысль об усталости, травме, а может быть, и о том, и о другом одновременно. Значит, другая пара копыт — это принцесса.

«Я не должна помогать тебе выпутываться из этого, Лаки», — подумала пегаска, вставая и потягиваясь. Она пришла не с пустыми копытами. Она использовала некоторые из драгоценных камней, чтобы купить столько еды, сколько могла унести, а также новое походное снаряжение. Тем не менее большинство драгоценных камней остались нетронутыми. На самом деле это была неплохая замена тому, что украла её дочь.

«Если вы вдвоём только что не спасли Эквестрию от ужасных монстров, то похищение принцессы объяснить будет сложно».

Лайтнинг Даст ещё не решила, какое наказание выбрать для кобылки. Было очень трудно думать о наказаниях, когда пегаска была так счастлива видеть мелкую нарушительницу спокойствия, идущую по коридору.

Они обе были там — Лаки и пропавшая принцесса, обе были одеты одинаково. На них были странные костюмы из ткани, хотя лиц они не закрывали. Даже их гривы и хвосты были прикрыты. Это было немного похоже на броню, которую Лаки хранила дома. Эти выглядели так же, только гораздо дружелюбнее и лучше скроенными. Но сквозь неё можно было безошибочно видеть лицо её маленькой кобылки или то, как она шла. Не совсем правильная походка для пони, её поза всегда немного перекошенная. Даст потребовался почти месяц, чтобы заметить это.

Она не стала больше ждать, пробежала прямо мимо принцессы и со всей силы повалила кобылку на землю. Это оказалось гораздо более болезненно, чем предполагал свободный на вид костюм — скорее, было похоже на схватку со стопкой кирпичей, которая напрягалась, когда её сжимали. Но Лайтнинг было всё равно. В тот момент ей было на все плевать.

— Ты даже не представляешь, в какие неприятности ты попала, — прорывала Даст сквозь яростные слезы. — Вообще не представляешь.

Кобылка встретила её взгляд пустыми глазами. Она не сопротивлялась, даже не извивалась под хваткой Лайтнинг. Та видела такое выражение только однажды — на лице ветерана солнечной гвардии, когда тот рассказывал, что Тирек сделал с остальной частью его батальона. Лаки выглядела так же. Она вцепилась в Даст, как потерявшийся жеребёнок, что не сильно беспокоило бы пегаску, не будь на кобылку надето нечто, что наделяло её силой земной пони. Лайтнинг застонала, немного сместившись, чтобы Лаки не давила ей на ребра. Кости пегасов были крепкими, но не настолько.

Даст подняла глаза на секунду, ровно настолько, чтобы увидеть, что у принцессы было такое же выражение лица. Даже сейчас она просто стояла, дрожа от ужаса. Что видели эти кобылки?

— Давай сюда, — Лайтнинг была так близко к принцессам всего несколько раз в жизни. И ни один из них никогда не был приятным. И всё же впервые королевская семья Эквестрии нуждалась в её силе.

Принцесса Фларри Харт, по-видимому, была наименее дисциплинированной, наименее трезвомыслящей принцессой во всей Эквестрии. Единственная, кто когда-либо была рождена принцессой, насколько было известно всем. Может быть, это означало, что она была не так плоха, как остальные — совсем не такая, как Твайлайт Спаркл, несмотря на то, кто отец Фларри.

— Ты не поверишь... — пискнула Лаки, прежде чем её слова растворились в невнятных рыданиях. — Б-бойня, которую мы...

— Тихо-тихо.

Даст притянула принцессу в свои объятия и держала обеих пони, пока они не перестали оцепенело плакать. Это заняло много времени, но Лайтнинг было всё равно. Юная принцесса не показывала никаких признаков своего происхождения — пегаска и не сказала бы, что она аликорн, если бы не рог и крылья.

— Я надеюсь, ты кое-чему научилась, — начала Даст, когда Лаки наконец успокоилась. — Например, как не быть полной идиоткой. Я знаю, что подростки не любят ограничений, но неужели с моей стороны так неразумно ожидать, что ты не станешь похищать принцессу?

— Меня никто не похищал! — запротестовала Фларри Харт, отстраняясь и вставая. Она подняла копыто, чтобы поправить свою гриву, но, конечно же, костюм закрывал её. — Я сказала Лаки идти. Я велела ей взять меня.

— Правда? — пегаска встретилась взглядом с кобылкой, но возражать не стала. — Ты должна обязательно сказать об этом своим родителям, принцесса. Они очень беспокоятся о тебе.

Фларри Харт удручённо опустила глаза.

— Значит, ты спасатель? Снаружи ждёт карета, чтобы отвезти меня обратно в мою комнату на следующую... тысячу лет?

— Нет! — Даст вскинула копыта. Она не была уверена, как принцесса могла так решить, учитывая то, как она только что себя вела.

«Но думаю, это логично, что она думает, будто мир вращается вокруг неё».

— Моя дочь Лаки снова немного переусердствовала в своих исследованиях. Я думала, у неё было больше здравого смысла, чтобы не втягивать кого-то ещё, но...

Пегаска вздохнула, очень тщательно обдумывая, что скажет дальше. Принцесса казалась достаточно убеждённой в том, что говорила. Лайтинг не должна разрушать трудную работу Лаки в этом отношении и делать ситуацию ещё более трудной для них. Если принцесса Кейденс или, что ещё хуже, сама Селестия хотя бы заподозрят, что младшая принцесса стала жертвой чего-то, никакая сила в Эквестрии или за её пределами не остановит их от преследования.

«Но если принцесса возьмёт все это на себя...»

Тогда ей сделали бы выговор, и, возможно, Лаки пришлось бы официально извиниться, если бы с ней вообще связались.

Все это промелькнуло в голове Даст за пару секунд, и она поднялась на ноги, помогая Лаки сделать то же самое.

— Принцесса, я бы не осмелилась указывать вам, что делать. Но для нас было бы честью, если бы вы сопроводили нас обратно в Кристальную Империю. Меня послали не ваши родители, так что-то, что вы будете делать с ними, — это ваше решение.

— Ох, — Фларри Харт расслабилась.

Она всё ещё выглядела подавленной — даже некоторого времени на восстановление было недостаточно, чтобы стереть все, что они видели. Даст намеревалась в конце концов спросить об этом свою дочь. Но не сейчас. Сейчас им предстоял долгий обратный перелёт. У пегаски будет предостаточно времени, пока они будут лететь назад, чтобы придумать способ «отделиться» от принцессы, прежде чем они доберутся до города.

G5.05: Кризисное реагирование

Прошло много времени с тех пор, как Оливия была на базе посадки. По тому, как действовал Предвестник, можно было понять, что он не хотел, чтобы она здесь появлялась — он не хотел, чтобы здесь вообще кто-то появлялся особенно теперь, когда у людей было другое место, где жить.

Чем меньше люди контактировали с базой, тем меньше вероятность того, что она также будет уничтожена, если с остальной частью экипажа случится что-то катастрофическое. Если они все умрут, Предвестник мог бы продолжать попытки колонизации.

Насколько Оливия знала, он мог заниматься этим уже добрую тысячу лет. Первое и второе поколения, возможно, погибли вечноность назад, а зонд просто умалчивал о всех промежуточных попытках.

Было трудно поверить, что ИИ не был разумен. Вероятно, со стороны майора было неправильно сопоставлять человеческие эмоции с тем, как он действовал. Но другого способа понять его поведение не было.

В общем, обычно Предвестник не просто подчинялся ей, он добровольно содействовал. Зонд давал предложения, выдавал информацию, не дожидаясь, пока его спросят. Помогал Оливии лучше выполнять свою работу. Но как только дело доходило до базы посадки, все требовало чётких инструкций всю дорогу. «Пилигрим» летел гораздо медленнее, чем мог бы, причём на абсолютном пределе своей атмосферной досягаемости. Иногда майору приходилось приказывать, чтобы зонд открывал перед ней двери.

«Плевать. Нам не придётся возвращаться сюда, как только мы заберём новую команду».

Биофабрикаторы в Отаре должны были заработать всего через несколько часов. У Оливии было довольно хорошее представление о том, что она собирается там создавать дальше, но пока приказов она не отдавала. Какая-то часть её всё ещё надеялась, что доктор Борн придумает лекарство от того, что они окрестили «катастрофическим накоплением прионов».

Но эти пять бедных душ вернулись к жизни слишком рано, чтобы извлечь из этого пользу. Они могут быть последними пони, которых создаст Предвестник.

— Цикл изготовления завершён, — сообщил зонд, его голос эхом раскатился по маленькому залу базы. — Финальные тесты в процессе.

Оливия слышала движение в каждой из капсул — Предвестник только что разбудил её пони. Она всё ещё помнила, каково это — просыпаться в этом маленьком пространстве, испуганной и одинокой. В ужасе от того, что у неё, казалось, не хватало конечностей.

«Извините, друзья. Для нас это лучше не станет».

Другие члены экипажа уже придумали несколько хитроумных решений — например, гиростабилизированные когти для удержания предметов во время ходьбы. Вполне возможно, что какие-нибудь приличные инженеры смогут придумать что-то получше — импланты с пальцами, например.

«Это не значит, что мне нужна армия».

Её вырастили здесь не для того, чтобы победить инопланетную культуру в войне. Оливия не собиралась вторгаться. Они даже не стали строить свой город на чужой территории!

«Я просто защищаю нас, вот и все. Мы уберём этот остров».

До сих пор они не сталкивались ни с каким противодействием. Ни враждебной дикой природы, ни признаков поисковых групп, рыщущих в поисках Дэдлайта.

Звук, исходящий из одной из капсул, изменился.

| Обозначение члена экипажа: Лея Йонг Ванг (специалист-подрывник)

Оливия не могла заглянуть внутрь — стекло поляризовалось, когда процесс был близок к завершению, чтобы защитить частную жизнь вновь формирующейся команды.

«Бессмыслица».

Майор вздрогнула, услышав, как звук сменился криками и слабым стуком копыт по металлу.

— Предвестник, что происходит?

— Тесты показали, что специалист Лейя Йонг Ванг психически не в состоянии выполнять свои обязанности. Инопланетный бионоситель, по-видимому, устойчив к анестетикам.

Быстрая вереница мыслей промелькнула в голове Оливии. Неспособность выполнять свои обязанности вела к пустой трате ресурсов.

«Конечно, она, блядь, не чувствует, что может выполнять свою работу! Она тупая лошадь!»

Разум майора перескочил к следующему шагу почти мгновенно. Почему могут потребоваться анестетики? Потому что зонд убивал её. Решил предпринять ещё одну попытку.

— Остановись сейчас же!

— Команда не распознана. Пожалуйста, подождите, пока цикл не завершится, чтобы задать этому фабриктору новые инструкции.

— Черта с два я это сделаю, — Оливия сдёрнула с плеча винтовку — ускоряемые газом пули из обеднённого урана, специально разработанные, чтобы убивать местных «единорогов», прежде чем они смогут использовать магию в качестве оружия.

Майор прижала ствол прямо к модульной схеме управления на капсуле Лей и произвела три выстрела.

Вокруг разлетелся сноп искр, осколки плат и стекла. Переработчик отключился.

— Что вы делаете, майор? — спросил Предвестник, его голос был таким же ровным, как всегда. Впервые с тех пор, как она прилетела, он сам начал общение. — Бионоситель неисправен.

— Плевать! — она бросила винтовку. Панические крики Лей всё ещё доносились изнутри, стук копыт по металлу стал чуть слабее. — Открой эту чёртову капсулу!

— Команда принята. Критическая ошибка. Обнаружена неисправность запорного механизма.

Оливия быстро оглядела помещение, смутно осознавая, что некоторые другие капсулы открываются. Это было хорошо — у неё не было бы шанса спасти больше одного из них за раз.

«Сегодня ты не убьёшь никого из моей гребаной команды».

У дальней стены стоял шкаф с инструментами. Оливия повернулась, подбежала так быстро, как только могла, и распахнула его. Быстрый взгляд нашёл то, что она искала — монтировка. Майор схватила её ртом и

бросилась обратно к капсуле Леи. Времени у неё было не так много. Фабрикаторы наполнялись жидкостью всякий раз, когда запускали цикл — этот, определённо, был полон до краёв.

Но это могло бы помочь, если бы она смогла обойти механизм. Вся эта жидкость стремилась наружу. Оливия воткнула конец монтировки в щель, колотя по ней копытом, пока она не вошла настолько глубоко, насколько это было возможно. Затем майор развернулась и лягнула её так сильно, как только могла. Механизм застонал, металл запротестовал, но всего на секунду. Фабрикаторы не являлись военным оборудованием — они не были предназначены для противостояния внешней силе.

Дверь капсулы поддалась со взрывом искр и кусков стали. Тошнотворно-жёлтая жидкость выплеснулась на пол вместе с обломками механизмов. В слизи было изрядное количество крови, а также сломанные остатки манипуляторов. Несколько кусков мяса.

На полу специалист Лея несколько секунд корчилась, выхаркивая ещё больше слизи. Она всё ещё кричала, но на это у неё оставалось очень мало сил.

Оливия встала на все четыре копыта, спокойно оценивая ущерб. Похоже, Предвестник начал «переработку» с нижней части тела. Одна из задних ног была сильно искалечена — вероятно, её придётся ампутировать. Остальная часть тела выглядела нетронутой, хотя навряд ли долго осталась бы таковой, не вмешайся майор так быстро.

Она проигнорировала протесты кобылы, схватила аптечку со стены и достала все необходимое для наложения жгута.

— Предвестник, джамперы в Отаре уже готовы? — крикнула Оливия, работая.

Она проигнорировала другое чувство, которое не могла объяснить, и которое не имело отношения к сложившейся ситуации. Она чувствовала острую боль, сосредоточенную в районе крупа, которая, казалось, распространялась. Оливия даже предположить не могла её источник, но сейчас ей было плевать. Она и раньше игнорировала огнестрельные ранения или вызывающее рвоту давление звукового дезинтегратора. Она могла не обращать на это внимания.

— Подтверждаю, майор.

— Тогда немедленно доставь Дороти на борт джампера. Скажи ей, что она должна готовиться к операции. Ампутация... левой задней ноги. Скажи ей, чтобы подобрала протез для кого-нибудь её размера.

— Команда принята, — ответил зонд после особенно долгой задержки.

Но времени беспокоиться об этом не было.

— Я приказываю тебе немедленно отправить сообщение, точно так, как я указала.

— Команда принята, — снова ответил Предвестник. Был ли это намёк на негодование, который Оливия могла слышать в его голосе? Нет, она проецировала на него свой гнев. Очевидно.

— Боже... Что... где... — Лея закашлялась, все её тело сотрясало от боли.

Оливия бросила медицинские принадлежности рядом с её искалеченной ногой примерно в то время, когда к ней подошёл первый из её специалистов.

Она не была уверена, какой именно — он выглядел точно так же, как Дэдлайт, за исключением отсутствующей татуировки на заднице.

— Вы наш командир? — спросил он, наблюдая за происходящим, по-видимому, без эмоций. Во всяком случае, он стоял достаточно устойчиво, чтобы не качаться.

— Да, — ответила майор, махнув крылом на кобылу перед ней. — Держи её, солдат. Мне нужно наложить жгут, пока она не истекла кровью.

Боль в теле нарастала, и Оливия всё ещё не могла сказать, откуда она исходит. Ей требовалась большая часть её воли, чтобы оставаться в сознании, и даже это было сложно. Возможно, долго так продолжать она не сможет.

Остальные только что вылезли из своих капсул. Большинство всё ещё были дезориентированы — едва ли можно было их винить. Если этот жеребец поможет ей, Оливия знает, кто очень скоро станет её заместителем.

— Есть, сэр, — ответил он с сильным, не поддающимся идентификации акцентом.

— Ты! — майор ткнула копытом в ближайшую пони. — Помогите нам! Достань эпидуральную анестезию из аптечки и принеси её сюда. Сейчас же.

Пони повиновалась без возражений, как и следовало.

— Мне жаль, что я не смогла вытащить тебя раньше, — пробормотала Оливия себе под нос, затягивая жгут, в то время как Лея продолжала сопротивляться. — К нам уже летит врач. Просто подожди.

Затем добавила очень тихо, хотя знала, что Предвестник её услышит:

— Никто не причинит вреда моей команде.

И это было все, на что она была способна. Майор уронила свои инструменты и повалилась набок, все её тело сотрясилось в конвульсиях, когда магия распространилась по всему телу. Её новая команда военных специалистов осталась безмолвно смотреть на своего командира, который теперь валялся без сознания рядом с Леей с боками, покрытыми непонятно откуда взявшимися ожогами.

* * *

Лаки знала, что ходит по тонкому льду, мало чем отличающемуся от слоя, который прикрывал вход на базу строителей кольца. Фларри Харт была истощена и нуждалась в частых остановках. Это дало кобылке немного времени, чтобы поговорить с мамой так, чтобы их нельзя было подслушать, если сохранять осторожность. Лаки не хотела, чтобы у принцессы сложилось впечатление, что она пытается что-то утаить от неё (хотя это было именно так).

— Нам нужно убираться отсюда, — заявила Даст, когда Фларри Харт отправилась справить нужду на соседнее облако.

Много времени на разговоры у них не было — особенно если принцесса обнаружит, что в её новом костюме очень хорошо продуманы системы жизнеобеспечения.

— Думаешь, это хорошая идея? — прошептала кобылка в ответ. — Мне кажется, что я нравлюсь принцессе. И буду нравиться ей меньше, если брошу её.

— Сама подумай, — продолжала настаивать Лайтнинг, её голос был резким и настойчивым. Лаки никогда не видела её такой напряжённой.

Но с другой стороны, такую реакцию она, несомненно, заслужила. — Если ты полетишь в город, есть реальный шанс, что они тебя посадят. Может быть, они и меня за решётку засунут только за то, что я связана с этим. Помни об этом. С точки зрения короны, ты похитила принцессу Эквестрии.

— Они очень быстро поймут, что я этого не делала! — запротестовала Лаки, хотя и не очень громко. Как бы ни хотелось подчеркнуть свою мысль, надо было стараться, чтобы их не услышала принцесса. — Я просто убедила её пойти со мной, вот и все.

— Селестия очень заботится о своих родственниках, — заметила Даст. — Как и я. Кейденс могла бы быть более снисходительной — она лучше знает свою дочь.

— Но если мы сбежим, мы фактически признаем свою вину, разве не так? И Фларри Харт знает обо мне все...

Ну, почти все. Лаки не озвучила ничего, подтверждающего её человеческое прошлое, хотя были намёки на то, что принцесса заметила, что она не та, кем кажется. Не было никакого способа узнать это, пока она не вернётся.

— При таком темпе осталось два часа полёта, — тихо сказала Лайтнинг Даст. — Если только ты не думаешь, что сможешь заставить принцессу заявить, что она отправилась в путешествие в одиночку... это не очень хорошая идея. Я знаю, как работает правовая система, малышка. Они не просто слегка тебя накажут, они раздавят тебя в лепёшку. Наш единственный шанс — сбежать отсюда. Так далеко, как только сможем. Вероятно, за пределы Эквестрии. Если они решат, что нас необходимо поймать, тогда нигде не будет безопасно. Не сейчас.

— Я знаю, куда мы можем отправиться, — в этот раз Лаки говорила уже без колебания. — Ко мне домой. Мои люди, вероятно, могли бы вытащить нас отсюда менее чем за...

Кобылка быстро прикинула в уме.

— Три часа. Может быть, даже раньше. Я не знаю, закончен ли уже проект стратосферных джамперов, над которыми они работали, или нет...

— К тебе домой, — повторила Даст. Она немного посидела на облаке, глядя в ту сторону, куда улетела принцесса. Её всё ещё не было видно. — Ты можешь как-то позвать на помощь прямо отсюда? У тебя есть для этого магия?

Лаки кивнула, похлопав по своим седельным сумкам. Они неуклюже свисали поверх лёгкого скафандра, который ей создала станция.

— Конечно. Мне нужно несколько минут. Может быть, ты могла бы составить карту для принцессы, пока я буду отправлять сообщение.

— Ладно. Я знаю, что у тебя там есть бумага. Но именно ты привела её сюда. Ты должна ей все и объяснять.

По крайней мере, Лайтнинг больше не настаивала, чтобы они попытались как-нибудь сбежать. Если они смогут расстаться с принцессой в хороших отношениях, тогда, возможно, это поможет избежать гнева руководства Эквестрии. Во всяком случае, на это была надежда.

— Извините за ожидание! — Фларри Харт приземлилось на облако в нескольких метрах от Лаки. — Однако, хорошие новости! Эта одежда не падает сквозь облака. Я так и знала, что она магическая.

— Д-да, — усмехнулась Лаки, даже когда она начала работать с терминалом. У неё уже было готово сообщение — она знала, что и как писать. Кобылка много раз думала о том, чтобы отправить именно его, даже несколько раз набрала. Просто теперь оно будет правдой.

Лаки перешла к одной из сохранённых копий, просматривая текст. Его не придётся сильно менять.

Оливия, Предвестник, кто угодно.

Я закончила свою миссию. Попутно я получила критически важную информацию, слишком объёмную, чтобы передавать её по связи. Мне требуется немедленная эвакуация для меня и одной местной, дружественной нашей миссии.

Отправьте транспорт как можно быстрее и незаметнее, поскольку я нахожусь недалеко от населённого пункта.

--

С уважением,
доктор Джеймс Ирвин.

Внизу была информация о координатах. Лаки начала их править, подняв глаза чтобы посмотреть на Фларри Харт. Параллельно она видела, как Даст вырвала ещё одну чистую страницу из её книги и начала что-то царапать на ней карандашом.

— Принцесса, приношу свои извинения. Я должна быть с тобой откровенна.

— Откровенна? — растерянно повторила Фларри. — Я не... Я не понимаю, Лаки. Это из-за того, что ты видела в том... здании?

— Нет! — кобылка безуспешно попыталась подавить дрожь. Последнее, что ей хотелось делать, это думать о том, что она там видела. — Нет, не из-за этого.

Она глубоко вздохнула. Лайтнинг Даст, вероятно, не одобрила бы её откровенность в этом вопросе. Но другого способа она не знала.

— Принцесса, я не думаю, что мы можем лететь с тобой дальше.

— П-правда? — Фларри дёрнулась, выпрямилась и откашлялась. — Я имею в виду, пожалуйста, объяснись.

Лаки поморщилась, обнаружив, что ей трудно даже смотреть на принцессу из-за того, насколько обиженной та казалась.

— До Кристальной Империи около двух часов лета. Боюсь, что... если я вернусь с тобой, то...

Кобылка снова заколебалась, достаточно долго, чтобы нажать кнопку «Отправить сообщение».

За её спиной зажужжал маленький передатчик, отыскивая один из спутников. Очевидно, он его нашёл, потому что перестал двигаться, и планшет пискнул.

| Сообщение отправлено.

Лаки всё ещё нужно было кое-что объяснить принцессе.

— Я хотела бы вернуться с тобой и помочь тебе все объяснить. Но боюсь, что если я это сделаю, королевская семья может... наказать меня. В смысле, за мою тягу к исследованиям. Боюсь, они подумают, что мне не следовало брать тебя с собой. Возможно, они бросят меня в тюрьму или что-то в этом роде.

— Ох, — Фларри Харт немного расслабилась. Чего бы она ни боялась, но, очевидно, не этого. — Не знаю, как моя мама, а папа точно бы это сделал. Я бы, конечно, все объяснила, но... они могут не захотеть меня слушать.

— Вот именно! — воскликнула Лаки. — Это не значит, что я убегая. Если бы не финал нашего приключения...

Она вздрогнула, замолкая.

— Да, — вздохнула принцесса. — До этого было намного веселее.

— В любом случае, если ты не против, я собираюсь залечь на дно на некоторое время. Отправляюсь куда-нибудь ещё, пока все пони не успокоятся и не будут готовы тебя выслушать. Тогда ты сможешь объяснить, что сама хотела пойти, и нам больше не придётся прятаться.

Конечно, как только она вернётся к Предвестнику, ей придётся получить разрешение от Оливии, прежде чем она сможет вернуться в Эквестрию. Но Лаки не видела причин, по которым она не должна была его получить, в конце концов. Но, возможно, это случится не так скоро.

— Если подумать, ты, наверное, не захочешь больше меня видеть, — пробормотала Лаки. — Наверное, ты не захочешь снова отправиться на поиски приключений.

Принцесса энергично замотала головой.

— Не вкладывай свои слова в мои уста, Лаки. Может быть, все пошло не совсем так, как мы думали, но... ты первая пони, которая когда-либо восприняла меня всерьёз. Я прочла так много книг, так много играла в эти настолки... но это все не то же самое! Рано или поздно пони сам должен пойти и что-то сделать! Может быть, то, что мы увидели, было... немного пугающим... но если пони в конечном итоге извлекут из этого урок, значит, мы сделали хорошую работу.

Фларри выпрямилась, теперь с видом куда менее обиженным, а скорее решительным.

— Я расскажу своей маме все о том, что я там узнала. Кристальная Империя пошлёт своих лучших пони. Мы узнаем, что там произошло, и убедимся, что это не повторится в Эквестрии.

Лаки улыбнулась своей подруге в ответ. Почему-то она очень сомневалась, что все будет так просто. До сих пор оставался без ответа вопрос о том, кто пытался скрыть все это и почему. Если это были другие аликорны, они явно не обрадуются, что кобылка втянула одного из них прямо в то, информацию о чём они так тщательно скрывали.

Но не было никакого смысла задаваться сейчас этим вопросом. Как выпали кости, так и выпали.

— Спасибо. Я надеюсь, что увижу тебя снова, принцесса.

— У вас есть одно новое сообщение, — произнёс терминал, прежде чем Фларри Харт успела ответить. Лаки даже не отвела взгляд от принцессы. Этот разговор был важнее. Чего бы ни хотел компьютер, он мог немного подождать.

— Ты так же умела, как и говорила, — ответила Фларри, ухмыляясь в ответ. — Хотя, я сожалею о твоей метке. Я всё ещё думаю, что это должна была быть я.

Кобылка пожала плечами.

— Это просто означает, что мне снова придётся больше практиковаться с гитарой, вот и все.

— Твоя метка... — начала Даст, но она не стала продолжать. Лаки со своей стороны тоже ничего говорить не стала. Эта история может подождать. — Принцесса, я нарисовала карту.

Пегаска протянула её одним копытом.

— Я уверена, что она тебе не нужна, но на всякий случай.

— Ты права, мне она не нужна, — ответила Фларри Харт, но всё равно подхватила карту магией. — Просто смотри, где Нибиру и лети в другую сторону, верно?

— Да, — ответила Лайтнинг. До города можно добраться даже при плохой погоде, если у тебя есть компас. Просто держись строго на юг, пока не увидишь шпиль, а потом лети к нему. Ещё несколько километров, и его легко будет заметить.

— И если ты заблудишься, пока будешь рядом с нами... — Лаки постучала по боку своего шлема. Она не знала точно, какая дальность у него была. Не знала, использовал ли скафандр радио или какой-то более странный способ передачи информации. Вряд ли об этом стоило думать сейчас. — Мы можем поговорить через него. Но я уверена, что ты не заблудишься. У тебя ведь есть все эти магические аликорньи чувства, верно? Ты, наверное, прямо отсюда чувствуешь Кристальную Империю.

Фларри Харт рассмеялась.

— Вы обе мало что знаете об аликорнах, — она убрала карту, затем повернулась, указывая направление копытом. — Туда?

Пегаска кивнула.

— Совершенно верно, принцесса. Безопасного полёта!

— Вам тоже.

Фларри колебалась ещё секунду, оглядываясь на Лаки. Каким-то образом она могла точно сказать, чего ждёт принцесса. Кобылка поспешила обнять её в последний раз. Это длилось недолго, но достаточно долго для них обеих. Было удивительно, насколько близкими могут быть два существа после совместного исследования каких-то инопланетных руин и вида краха цивилизации.

— Не попадись, Лаки. Даже если я скажу им не искать тебя... они не послушают.

— Я постараюсь, — согласилась кобылка, помахав крылом. — Подожди! Она подбежала к принцессе, понизив голос.

— Эти костюмы должны позволить нам поговорить... надеюсь, они всё ещё будут работать, даже если я буду далеко. Если сможешь, включи его снова в полночь через неделю, хорошо? Тогда мы сможем поговорить и... решить, что делать дальше.

Фларри Харт кивнула.

— Хорошая идея. Я запомню!

Затем она прыгнула с края облака, снижаясь по крутой дуге, прежде чем набрала достаточную скорость, чтобы снова взлететь над облачным слоем. Теперь она летела очень быстро — куда быстрее, чем на протяжении большей части путешествия до сих пор.

«Наверное, выпендривается перед нами».

— Я чувствую себя дерьмово, оставляя её вот так, — заметила Лаки. — Два часа лететь одной?

— Если она продолжит лететь в таком же темпе, то за двадцать минут доберётся, — проворчала Лайтнинг Даст. — У нас нет особого выбора. В той стороне летают патрули. Единственный способ вернуться, не попав под арест, — это заставить принцессу солгать ради нас. Типа... спасли её из леса или что-то в этом роде. Но она не производит на меня впечатления очень хорошей лгуни.

— Согласна, — честно ответила Лаки. — На меня тоже.

Она не забыла терминал, хотя сообщение казалось не таким важным, как прощание с подругой. Лаки наконец посмотрела вниз, где экран всё ещё продолжал мигать. Непрочитанное сообщение, ожидающее просмотра. Не то чтобы ей ужасно хотелось узнать, что в нём. То, что она уже отправила, несомненно, изменит её жизнь — если не навсегда, то, по крайней мере, на ближайшие несколько месяцев. Возможно, на годы.

Но это был их лучший шанс спастись. Лучший шанс, который позволит Лайтнинг Даст избежать расплаты за глупость Лаки.

«Хотя я бы, наверное, всё равно полетела. Знать о том, что там, было слишком важно. Нам нужно было знать».

И им всё ещё нужно было знать. Хотя Лаки многому научилась (возможно, в том числе языку строителей кольца), она так и не узнала, кто они такие. Во всяком случае, информация, которую она доставит, только ухудшит их положение. Из-за неё Оливии будут сниться новые кошмары.

«Там есть что-то такое, что даже техногенная цивилизация не смогла остановить. Какие у нас шансы, если оно придёт за нами?»

Наконец кобылка опустила глаза — она не могла вечно прятаться от сообщения. Все было именно так, как она и предполагала — майор казалась женщиной, которая держит своё слово. Она казалась хорошей пони, с которой можно дружить, хотя, возможно, это лишь из-за того, что Оливия была единственным её союзником против всего мира.

Сегмент Джеймс Ирвин G3.

В настоящий момент Оливия разбирается с достаточно серьёзными проблемами, поэтому не сможет забрать вас лично. Я пошлю всех, кого смогу, на борту одного из наших новых джамперов. Потребуется примерно три часа, чтобы добраться до отправленных вами координат. Оставайтесь в безопасности.

--

Зонд Предвестник.

И это все. Никакого упоминания о том, как будут обращаться с Лайтнинг Даст — ей придётся позаботиться об этом самой. Не то чтобы у них был большой выбор.

«У меня есть билеты на поезд от принцессы. Мы могли бы уехать с ними практически куда угодно».

Возможно, могли бы, но если Даст права, и принцессы и правда лично примут в этом участие... тогда чем дальше они скроются, тем лучше. Не было шансов, что даже Селестия сможет выследить её за пределами Эквестрии, Лаки была в этом уверена.

— Что там написано? — спросила Лайтнинг, её крылья нервно подрагивали на спине.

— То, что я и предполагала, — ответила кобылка, снова поднимаясь и убирая вычислительный терминал в седельную сумку. — Они пошлют кого-то, чтобы забрать нас. На...

Она замялась, подыскивая слова.

— Как дирижабль. Он должен лететь так быстро, что никто не сможет нас поймать. Мы можем спрятаться за пределами Эквестрии, пока все не уляжется.

— Это... здорово! — Даст ухмыльнулась. — Думаю, что после недавних событий меня могут разыскивать алмазные псы. Чем дальше мы будем от цивилизации, тем лучше. Кроме того, я с нетерпением жду встречи с твоими родителями. Я всё ещё хочу перекинуться с ними парой слов...

Лаки поёжилась. Они уже обсуждали этот вопрос раньше, но такое ощущение, что её слова просто не воспринимались пегаской всерьёз. Лайтнинг Даст всегда вела себя так, как будто она говорила метафорически, или же фраза «нет родителей» была способом отрицать, что они оказали влияние на её жизнь.

«Тебя ждёт шок, мама. И не один».

Впервые Лаки почувствовала себя немного неловко из-за этой мысли. Она так долго жила с Лайтнинг, что было вполне естественно думать о ней как о родителе. Но те, кто ждал на базе посадки, или в новом человеческом городе, или куда бы они ни отправились, не будут воспринимать её так. Они будут видеть в Лаки лингвиста с докторской степенью, который менее чем за два года самостоятельно выучил инопланетный язык.

«Они наверняка снимут слепок сознания. Возможно, будущая Лаки Брейк проснётся в человеческом теле, а не в теле пони, и снова пройдёт через всю эту пытку».

Но нет, кобылка не могла тратить время на размышления об этом.

— Я сказала им, чтобы они выбрали нас немного дальше отсюда. Там была открытая площадка, прекрасно подходящая для посадки. Мы пролетали там по пути на север. Оно в стороне от ферм Кристальной Империи и поблизости много холмов, которые скроют все от глаз любого пролетающего мимо пони. Нам нужно вернуться туда в течение трёх часов.

Лайтнинг Даст рассмеялась.

— Это будет несложно. Без задерживающей нас принцессы мы с тобой могли бы слетать до Кристальной Империи и обратно, если бы захотели.

— Ага, — Лаки не была уверена, что сама верит в это, но всё равно оценила комплимент. Она ценила практически все, что исходило от пегаски, после того как провела столько времени на кольце.

«Слава Богу, мне никогда не приходилось видеть такой конец света».

— Э-э-э... Мам? Мне... жаль, что я все испортила. Я знаю, что мы всё ещё находимся в кризисном положении и просто пытаемся выжить, но... я хотела сказать, что мне очень жаль.

Даст стояла неподвижно, осматривая кобылку, как ей показалось, мучительно долго. Лаки не была уверена, что именно пегаска могла высматривать. Задавалась вопросом, действительно ли Лаки имела в виду именно это?

— Со мной так уже было, — наконец сказала Лайтнинг. — Я на самом деле все портила. Я была... менее амбициозна, когда была моложе, так что, может быть, не до такой степени. Хотела бы я знать, почему ты была готова бросить все ради чего-то столь... бессмысленного!

Она топнула копытом по облаку, разбрызгав вокруг них немного воды.

— У нас здесь все было хорошо, Лаки! Я знала, что в конце концов нам придётся переехать, но... почему, во имя Селестии, ты втянула в это дело принцесс? Если бы не это, мы могли бы просто сбежать и обосноваться где-нибудь в другом месте. Теперь... если они будут искать нас, нам придётся держаться подальше от Эквестрии вечно.

Лаки не могла не заметить в этой фразе «нас». Она захныкала от критики, но не отвела взгляда. Все это было заслуженно.

— Я не знаю... как объяснить, мама. Разве что... когда ты пойдёшь со мной, ты, возможно, увидишь. Место, откуда я родом... отличается от всего, что ты видела раньше.

Кобылка понизила голос.

— Мам, там, где мы были с Фларри Харт, целая страна. Город, полный пони, и все они мёртвые. Я не знаю, сколько...

Она снова плакала. Когда это она успела?

— Тише... — пегаска положила одно крыло ей на плечо. Лаки чувствовала это даже через скафандр.

— Тебе придётся рассказать мне об этом позже, милая. Нам пора лететь. Даже если у нас будет время, принцесса может передумать и послать кого-нибудь на наши поиски. Лучшее место для нас — это где угодно, только не здесь.

* * *

Лаки услышала джампер прежде, чем увидела — быстрая серия небольших взрывов, которые сигнализировали о том, что гиперзвуковой корабль начал торможение. Даже так далеко от Кристальной Империи кобылка подозревала, что некоторые пони, вероятно, это слышали. Ей было интересно, что они могут подумывать.

— Ох, Селестия, — Лайтнинг Даст вскочила с того места в снегу, где отдыхала. — Они уже нашли нас. И они злы. Мы точно отправимся в Тартар.

Лаки ничего не могла с собой поделать — она захихикала. Не очень долго и не очень громко. Но полностью подавить это желание оказалось невозможно.

— Нет, это не принцессы, — сказала она. — Это наш транспорт. Он летел очень быстро и ему нужно затормозить. И тормозит он очень громко.

Джамперы вряд ли были самыми комфортными для перемещения летательными аппаратами, по крайней мере, когда двигались на полной скорости. Но, учитывая необходимость срочно покинуть Эквестрию, Лаки не собиралась жаловаться.

— У твоих пони есть что-то настолько громкое? Мы что... на драконе полетим?

— Вроде того, — ответила кобылка. — Он сделан из металла и летает очень быстро. Может быть, он даже размером примерно с дракона.

Даже зная приблизительное направление, с которого должен был прилететь джампер, Лаки не могла его разглядеть, пока он не отключил активный камуфляж и в воздухе не возник блестящий металлический корпус. Корабль садился недалеко и был впечатляюще мал, учитывая, на что он способен. Он мог доставить шесть пассажиров или один «Гефест» со скоростью, в пять раз превышающей скорость звука.

Лаки взлетела в воздух, махая кораблю обоими копытами.

— Мы здесь! — закричала она, хотя только через секунду поняла, что говорит не по-английски. Она переключилась на него, как бы неловко это ни было. — Это я!

В скафандре она была не очень заметна. Лаки не стала снимать его — не столько потому, что ещё не разобралась как, сколько потому, что он отлично защищал от мороза.

Громадные двигательные пилоны на крыльях маленького корабля развернулись назад и вниз, почти прозрачное водородное пламя вырвалось из сопел, когда джампер пошёл на посадку. Лайтнинг Даст отступила на несколько шагов, так чтобы деревья прикрывали её. Рот пегаски открылся, но она ничего не сказала. Ни тогда, когда Лаки поспешно паковала передатчик и вычислительный терминал в свои седельные сумки, ни тогда, когда двигатели корабля перешли на холостой ход.

Колёс у него не было, но три плоские посадочные стойки коснулись снега, пружины на мгновение сжались и заскулили от напряжения, прежде чем корабль, наконец, замер.

— Иди сюда, Лаки! Оно может заметить тебя!

Кобылка отвернулась от корабля, чтобы посмотреть прямо в глаза пегаски, стоя так прямо, как только могла.

— Мама, это эвакуация, о которой я просила. Он вывезет нас из Эквестрии, пока все не успокоится.

Черты лица Лайтнинг Даст были скрыты в тени, но Лаки могла видеть её нерешительность и дискомфорт.

— Может быть, нам следовало воспользоваться поездом.

Дверь скользнула в сторону, и изнутри появилась пони. Она была одета в противоперегрузочный костюм, так что её шерсти было видно совсем немного. Хотя грива была такая же голубая. Та же шерсть, те же глаза. Единственное, что мешало им выглядеть как близнецы, так это то, что эта пони явно была взрослой кобылой — она была такой же высокой, как Лайтнинг Даст. Пони бросила пару противоперегрузочных костюмов на снег.

— Доктор Ирвин и компания, — раздался голос, более зрелая, более уверенная версия её собственного. — Пожалуйста, наденьте это как можно быстрее и поднимайтесь на борт. Радар засёк множество объектов, летящих в этом направлении — мы бы предпочли, чтобы нас не перехватили.

— Мне он не нужен, — сказала Лаки, вспоминая обратную поездку. Пока она была в скафандре, ускорение почти не беспокоило её. Фларри Харт даже смогла встать и походить, пока они всё ещё ускорялись. Лаки делать подобного не рискнула, но, по крайней мере, красной пелены в глазах не было. — Я помогу нашей гостье.

Кобылка надеялась, что её акцент не был слишком сильным. Пропустить его было невозможно — она говорила не так, как эта пони, даже если её голос всё ещё был поразительно похож.

Но страх Лайтнинг Даст, казалось, прошёл. Увидеть, как пони появляются изнутри, видеть внутренности корабля плотно забитые сидениями, — этого, по-видимому, было достаточно, чтобы она вышла из-за деревьев.

— Она похожа на тебя, — заметила пегаска. — Это твоя биологическая мама?

— Нет, — Лаки помотала головой, поднимая костюм зубами, подтаскивая его к Лайтнинг и расстёгивая молнию на спине. — Пожалуйста, Даст. Тебе нужно надеть это.

Пегаска не сопротивлялась. На ней не было ничего, кроме седельных сумок, так что снимать было особо нечего. Она задала пару вопросов о странном на ощупь, как будто внутри была жидкость, костюме, и Лаки сделала все возможное, чтобы объяснить.

— Мы будем лететь так быстро, что ты можешь пострадать, — сказала она. — Намного быстрее скорости звука.

— Как сверхзвуковой радужный удар? — Даст рассмеялась, явно не веря своим ушам. — Это невозможно. Пони не могут двигаться так быстро. Только лжецы скажут тебе иное.

Она слышала истории, по крайней мере, об одной пони, которая могла, но не собиралась поднимать этот вопрос. У Даст было непоколебимое мнение об этой конкретной пони. Более того, у Лаки не было причин ей не верить. Это было похоже на тех диктаторов старой Земли, которые утверждали, что могут пройти восемнадцать лунок в гольф с восемнадцать ударов или что они научились водить машину, когда им было три года. Политическая чушь.

— Пони не могут двигаться так быстро, — согласилась Лаки. — Тут не возразить. Но это гиперзвуковой летательный аппарат, который совершает все свои полёты в верхних слоях атмосферы. Никакой магии, одна лишь аэродинамика.

Большая часть того, что сказала Лаки, была на английском — казалось, в этом было очень мало того, что успокоило бы её маму. Пегаска только напряглась, немного медленнее надевая костюм.

— Возможно, мы могли бы найти другой способ. Мы не должны идти с этими пони.

— Мам, я знаю, это не то, к чему ты привыкла. Но если ты действительно думаешь, что нам нужно бежать, то это самый быстрый способ. Пожалуйста... Я клянусь, что все не так плохо, как кажется.

Ложь, в зависимости от того, чего боялась Лайтнинг Даст. Пегасы довольно хорошо справлялись с ускорением, лучше, чем два других племени пони. Но это не означало, что поездка обещала быть приятной.

«Знаю по личному опыту».

— Быстрее! — крикнула пони, которая забралась обратно в корабль и теперь ждала прямо за дверями. Лаки не могла сказать, кто это был, хотя она знала, что это не Оливия, как из-за размеров, так и благодаря сообщению.

Лайтнинг Даст стряхнула снег, подняла свои седельные сумки за ремень и закинула их на спину.

— Хорошо, Лаки. Это... не будет самым безумным поступком, который я когда-либо совершала. Жизнь с твоими пони не может быть хуже, чем жизнь с драконами. Эм... Как, ты сказала, они называются?

— Общество Звёздных Первопроходцев, — ответила Лаки, постаравшись сделать лучший перевод на эквестрийский, который только можно с учётом поджигающего времени.

— Звучит дружелюбно.

Они забрались в джампер, и дверь за ними захлопнулась. Пассажирский салон был маленьким, намного меньше, чем в том вагоне, на котором Лаки каталась по кольцу. Там было два сиденья, затем проход между ними и ещё четыре у стены. Сиденья были сделаны из толстой пены, менее совершенной версии той же системы, которая защищала Лаки в предыдущей поездке. Вероятно, также менее комфортной, но теперь она меньше беспокоилась об этом.

— Извините, у нас нет времени на представление, — сказала пони, когда земля ушла у них из-под ног. Костюм Лайтнинг Даст дёрнулся, вероятно, когда она попыталась взмахнуть крыльями и взлететь в воздух, чтобы стабилизироваться. Это ни к чему хорошему не привело. — Что-то движется в нашем направлении. Мы не можем позволить ему перехватить нас. Нам не разрешено лететь прямо домой — до тех пор, пока мы не убедимся, что нас больше не преследуют.

Лаки перевела сказанное Даст, стараясь быть как можно лаконичнее. Затем она подняла глаза.

— Я полагаю, нам следует сесть как можно быстрее?

— Да, — пони указала на заднюю часть корабля. — Иначе мы не сможем начать ускорение. Сначала положите свои вещи в грузовую контейнер.

Она кивнула в сторону большого пластикового ящика в передней части пассажирского салона. Лаки, не раздумывая, бросила туда свои седельные сумки, и Даст сделала то же самое.

— Тебе лучше надеяться, что за нами не гонится аликорн, — заметила пегаска. — Если так, то мы не скроемся. Самый быстрый пегас не сможет перегнать принцессу.

Пони только непонимающе уставилась на неё. Лаки не стала ждать, вернувшись к сиденьям и помогая Даст пристегнуться, прежде чем сделать то же самое. Их сопровождающая заняла одно из мест в первом ряду, очевидно, разговаривая через гарнитуру.

— Вот и все, Карл. Вытаскивай нас отсюда.

Включились динамики, воспроизводя сообщение на эквестрийском.

— Приветствуем возвращающуюся команду лингвистов после успешного завершения миссии.

Вскоре к нему присоединился настоящий голос, звучащий по тональности почти идентично голосу пони, сидевшей с ними.

— Пожалуйста, приведите спинки кресел в вертикальное положение и убедитесь, что откидные столики сложены, — со щелчком пластиковая панель над ними открылась, опустив маску, что повисли перед каждым занятым местом. — Кислородные маски обязательны. Приятного полёта.

Маски, очевидно, были переделаны под их тела, так же как сиденья и ремни. Лайтнинг Даст с сомнением посмотрела на то, что висело перед ней.

— Что сказал голос?

— Э-э... мы поднимаемся туда, где нет воздуха, — солгала Лаки. — Надень это, и ты сможешь дышать.

Объяснить тонкости воздействия перегрузок при ускорении и торможении пегаске заняло бы больше времени, чем у них было.

— Смотри, как я, — кобылка надела свою — целую гарнитуру, а не просто кислородную маску. Она крепилась на голове, располагая маленькие динамики возле ушей, в то время как ремешки удерживали пластиковые детали над ртом и носом. Где-то там был и микрофон — Лаки сразу поняла это, услышав голос с переднего ряда.

— Приятно наконец-то встретиться с тобой лично, — сказала пони, не оборачиваясь. — Думаю, я видела тебя всего несколько раз. Но мы уже некоторое время переписываемся.

Все части головоломки встали на свои места.

— Доктор Ирвин... старшая? — неуверенно спросила Лаки.

— Кто-нибудь из этих пони знает эквестрийский? — голос Лайтнинг Даст звучал раздражённо, даже через систему связи. — Подожди, не говори мне. Ты не знала, значит, и они не знают. Они говорят...

Пегаска махнула одним копытом в воздухе перед собой.

— Английский, — подсказала Лаки. — И китайский.

Пони в ряду перед ними рассмеялась.

— Я пытаюсь учиться, — в конце концов сказала она с сильным акцентом. — Тренируюсь каждый день.

Лайтнинг Даст не успела ответить, потому что в этот момент раздался другой голос.

— Приготовьтесь к ускорению. Оно продлится четыре минуты.

Пегаска закрутилась в ремнях, стараясь посмотреть вбок. Кресла мобильности пассажиров не подразумевали.

— Лаки, костюм меня сжимает.

— Да, это потому что...

Снаружи корабля раздался оглушительный рёв, заглушивший все, что Лаки, возможно, собиралась сказать. Позади она услышала протестующие сигналы шлема. Он пытался закрыться, но кислородная маска не позволяла этого. Не то чтобы кобылка сомневалась, что шлем сможет выполнить ту же работу, но если он закроется, она не сможет никого услышать.

Лаки была той, кто притатила Лайтнинг Даст сюда. Пегаска заслуживала знать, что происходит.

Но перегрузки от ускорения были слишком велики — достаточно, чтобы не позволить им говорить в течение следующих нескольких минут. У Лаки было немного времени на раздумья. Конечно, ей приходилось концентрироваться, чтобы формировать связные мысли под рёв мощных двигателей.

Пока, довольно резко, он не прекратился. Не ослабел до равномерного (и постоянного) шума, без которого они не смогли бы оставаться в воздухе. Даже не затих из-за какой-нибудь механической поломки. Было похоже на то, что двигатели просто исчезли.

Лаки не дёрнуло вперёд, но в этот момент она поняла, что они больше не движутся.

Такая внезапная остановка должна была превратить её в слегка желтоватую кашу, пролетевшую сквозь ремни и, вероятно, весь корабль тоже, но ничего такого не произошло.

В пассажирском отсеке не было окон — и даже если бы они были, на такой высоте, вероятно, смотреть было бы не на что. В общем, ничего такого, что можно было бы использовать для расчёта относительного положения. Так что же их остановило?

— Эй? — спросила Лаки и не услышала обратной связи в наушниках. Она ничего не слышала, ничего не видела — пока Лайтнинг Даст не выпуталась из ремней.

— Это было ужасно, — сказала она. — Если это то, что пони должны сделать, чтобы создать сверхзвуковой удар, то думаю, что знаю, почему никто этого не сделал.

— Все неправильно, — сказала Лаки, стягивая свою маску. Она посмотрела на световые полосы на потолке. Что-то странное было со светом, хотя ей было трудно было определить, что именно.

— Доктор Ирвин, подобное случалось раньше?

Тишина. Пони вообще не двигалась. Как будто она не могла пошевелиться.

Что-то ударило в металлическую дверь справа от кобылки — совершенно невозможное событие, учитывая их скорость и высоту. Все, что настолько приблизилось к кораблю, должно было отбросить на многие километры потоком воздуха, скользящего вдоль корпуса. Если только что-то не засосало в один из двигателей. Но в таком случае, они бы об этом точно узнали.

Три громких удара, затем тишина.

Лайтнинг Даст напряглась всем телом, встав между креслом Лаки и дверью.

— Я же говорила тебе, — прошептала она. — Это была хорошая попытка. Но никто не может убежать от принцесс. Они нашли нас.

Лаки боролась со своими ремнями, брыкаясь и извиваясь, пока не смогла всё же встать. Примерно в этот момент дверь открылась.

Естественно, на корабле были установлены системы безопасности, препятствующие этому. Одного только давления набегающего воздуха было достаточно, чтобы предотвратить открытие двери. Но в любом случае дверь должна была отъезжать по направляющим, а не распахиваться как на петлях.

Снаружи было именно то, чего Лаки ожидала от верхних слоёв атмосферы — пара перистых облаков и затемнение далёкого воздуха на границе с космосом.

Что-то стояло в пространстве сразу за дверью, его разномастные ноги покоились на ярком коврике с надписью «Добро пожаловать».

— Мне так жаль, что я без предупреждения, пони. Надеюсь, вы не возражаете, если я войду.

Лаки видела рисунок этого существа, хотя считала его мифологическим. Но она также видела эти глаза и слышала этот голос в ночном клубе.

— Дискорд.

Лаки ошиблась — дело было не в том, что дверь открылась как на петлях. Каким-то образом её полностью вырвали из корпуса, и теперь она медленно дрейфовала прочь, как будто они были в космосе.

Лайтнинг Даст начала дрожать — хотя пегаска не двигалась, кобылка чувствовала запах её страха. Ей явно хотелось бежать. Возможно, выпрыгнуть прямо через новое отверстие в стене. Как бы сильно ей ни хотелось бежать, Даст осталась стоять, свирепо глядя на незваного гостя.

— П-почему ты...

— Ой, да ладно, — Дискорд шагнул внутрь. Было больно просто смотреть на него — его тело представляло собой мешанину из разных частей, склеенных вместе. — Вы же не думали, что у вас есть шанс сбежать на этой штуке?

Небо за его спиной вытягивалось и удлинялось, пока не превратилось в полосы, и летели они теперь не над землёй, а над морем крови.

— Ну, не от меня, точно.

Лаки опустила копыта на пол — это был единственный способ не упасть. Её тело дрожало бы так же сильно, как и тело Даст, возможно, даже сильнее, если бы не её импланты. Кобылка оставалась в устойчивом положении стоя даже без особых усилий. Она никогда не узнает, обмочилась ли она — костюм позаботился об этом. Когда Лаки отодвинула копыта от лица, шлем со щелчком захлопнулся.

Мир обрёл чёткость. Лаки перестало тянуть в сторону от пола, хотя на остальные предметы это не повлияло. Существо — Дискорд — казался размытым по краям — как голограмма на пределе дальности действия проектора.

**Обнаружено нарушение причинно-следственных связей.
Осталось 7 минут защиты.**

Костюм доложил теми же ярко-красными буквами, которые ранее предупреждали о радиации.

— А теперь, если ты не возражаешь, — Дискорд протянул лапу, мягко убирая Лайтнинг Даст с дороги. Она не сопротивлялась, превратившись в невнятное, испуганное месиво. Лёгкого прикосновения было достаточно, чтобы пегаска начала дрейфовать обратно к своему месту, подальше от них двоих.

Костюм Лаки каким-то образом защищал её. Обозначенное время сокращалось по мере приближения Дискорда, но в остальном её мир оставался стабильным.

«Надеюсь, ты не можешь заставить пони окончательно сойти с ума».

Были некоторые вещи, которые даже вся их передовая наука не могла вылечить. Волшебных таблеток от безумия не существовало.

— Ты здесь, чтобы арестовать нас? — спросила Лаки, её голос эхом раздался из внешних динамиков скафандра без каких-либо действий с её стороны.

— О нет, — Дискорд, казалось, был готов рассмеяться. — Я что, похож на цепного пса Селестии?

Когда он произнёс это, его тело изменилось, став более размытым. Лаки догадалась, что он изменил форму, хотя трудно было сказать наверняка. Костюм по-прежнему показывал ей те же общие очертания.

— Нет, — ответила кобылка, немного выпрямляясь. Не то чтобы у них была какая-то надежда — даже если Дискорд исчезнет прямо сейчас, вместе со странной магией, что заморозила их на месте, теперь ничего не защищало их от окружающей среды. На такой скорости джампер разорвёт на куски за считанные секунды. Они все умрут.

«Я, может, и нет. Понятия не имею, что может выдержать этот костюм. А вот все остальные...»

Затем, гораздо глубже, возникла другая мысль.

«Я не оставлю маму».

— Зачем ты уничтожил наш корабль, если пришёл сюда не за тем, чтобы убить нас?

Лаки указала на отверстие крылом.

— Мы двигались со скоростью 4 Маха. Мы разлетимся на миллион кусочков.

— Ты бы уже была мертва, если бы я не замедлил вас, — возразил Дискорд, хотя его голос звучал не так весело. Как у маленького мальчика, которого поймали до того, как он успел оставить лягушек в спальне своей сестры. — Ну, не ты, ты. Эта ты.

Он указал на взрослую версию Джеймс Ирвин, которая в тот момент всё ещё была застывшей в своих ремнях. Она не оглянулась, даже не дёрнулась. Лаки догадалась, что-то, что, как ей казалось, удерживало мир, удерживало и её.

— И это правда, я ничего не смог сделать для другой. Она может стать первой смертью в Эквестрии за... ну, вообще первой. Трагедия. Если бы Селестия знала, я не знаю, как бы она жила с этим. Я просто не могу дожидаться, чтобы рассказать ей!

— Что ты имеешь в виду?

Лаки сглотнула, но все следы тошноты исчезли. Мир за Дискордом никоим образом не выглядел полосатым или странным. Что бы ни делал костюм, он, казалось, разрушал его иллюзии.

«Не просто иллюзии. В какой-то момент он захватил Эквестрию, он не смог бы сделать этого с помощью трюков».

— О, я так рад, что ты спросила, — Дискорд исчез, появившись рядом с дверью, ведущей в кабину пилотов. Он потянулся когтями к ручке и повернул её. Ни один из механизмов не издал ни звука, но дверь всё же распахнулась должным образом, демонстрируя кабину пилота.

Вместо этого там было открытое пространство с зазубренным металлом, заканчивающимся ничем. Далеко впереди — трудно было точно сказать, как далеко — Лаки рассмотрела взрыв. Он был большим, достаточно большим, чтобы поглотить весь корабль, если бы они были там. Кобылка направилась к двери, больше не заботясь о том, что она одновременно приближается к Дискорду. Его было трудно бояться, даже если время «защиты» быстро уменьшалось.

— Что...

— Гармония. Держит нашу маленькую суперструктуру в безопасности, — он махнул лапой, и внезапно Лаки погрузилась на несколько сантиметров в обшивку палубы. Она всё ещё могла двигаться в скафандре, но немного. Просто шевелиться внутри застывшей ткани.

Дискорд проигнорировал её дискомфорт и сопротивление, потянувшись одной когтистой лапой к задней части костюма, где были все его механизмы. Казалось, он с лёгкостью управлялся с ними, нажав на один из крошечных переключателей с определённой целью. Лаки с ужасом наблюдала, как тонкая пластинка, похожая на кусочек хрусталя, вылетела прямо в его поджидающие когти.

— Скажи мне, первопроходец. Как далеко, по твоему мнению, ты могла бы сбежать, таская на себе этот маячок? Ты планировала привести Селестию прямо в этот ваш маленький город?

У Лаки отвисла челюсть, чувство вины обрушилось на неё, как мешок кирпичей. Очевидно, она не знала о маячке. Но это не означало, что в любых смертях из-за этого будет меньше её вины. Ей следовало выкинуть скафандр. Кобылка предполагала, что там могут быть системы слежения — просто это была слишком заманчивая добыча. Было бы слишком приятно вернуться на базу с какой-нибудь передовой инопланетной технологией для изучения.

«Ты не исследователь, Лаки. Есть люди, более квалифицированные для этого. Ты должна заниматься тем, в чем ты хороша».

Дискорд, казалось, заметил выражение её лица, потому что его усмешка немного смягчилась.

— Вот, дай я позабочусь об этом для тебя.

Он свёл когти вместе, и маленький кристалл разбился вдребезги и перестал светиться. Лаки также обнаружила, что она больше не погружена в пол, хотя металл всё ещё выглядел деформированным и погнутым.

— Гармония всё равно натравит на тебя своих псов. Но Селестия удивительно непреклонна в своих взглядах. «Гармония». Звучит очень красиво на бумаге, но с таким же успехом мы могли бы просто назвать все это «застоем». И позволь мне сказать тебе, Лаки, что на этом кольце достаточно застоя, чтобы обеспечить вашу примитивную цивилизацию на миллиард лет.

Недолго думая, Лаки встала между Даст и Дискордом, точно так же, как это сделала для неё Лайтнинг. Кобыла всё ещё была в шоке от присутствия этого существа. Но Лаки было всё равно. Ещё несколько минут, и она, вероятно, будет в таком же состоянии. Когда её костюм больше не сможет защищать её...

— А теперь тебе пора идти, — Дискорд указал на дыру. — Выходи за эту дверь, и я спрячу тебя в надёжном месте, пока ты не понадобится Фларри Харт. Её мать уже пытается убедить принцессу, что все, что она пережила, было злой магией. Похищена чейнджлингами, ты можешь в это поверить? Что ж, в Кристальной Империи поверят. И псы Гармонии думают, что корабль, битком набитый людьми, прямо... там.

Он указал на зияющую дыру в кабину пилота.

— Не волнуйся, я сделаю так, чтобы обломки выглядели убедительно.

— Ты не можешь спасти пилота? Карл, мне кажется, её так звали...

— Нет, — вздохнул Дискорд. — Трагическая потеря. Именно эта смерть позволила мне найти вас в первую очередь.

Он снова указал на дверь, через которую вошёл. Снова его тело расплылось, признак того, что он сотворил больше магии. Лаки всё ещё не могла этого видеть.

— Иди. Ты даже не представляешь, чего мне стоило выделить на это все время. Мне пришлось пригласить её на ужин, и ты можешь поверить, что она ест только в самых модных ресторанах.

Лаки не сомневалась в том, кого звали Дискордом. Эквестрийцы видели в нем бога, и он правил всей их страной неизвестно как долго. Когда-то весь мир преклонился перед ним. Предположительно, сейчас он был добрым, хотя публичные подробности об этом были довольно расплывчатыми.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила Лаки, не двигаясь с места. Она не требовала чего-то ещё, но и не двигалась с места. И не станет, пока он не ответит хотя бы на этот вопрос. Остальное может подождать.

Дискорд разочарованно расправил плечи.

— Больше лет, чем ты можешь себе представить, я был заперт здесь, беспомощный, не способный достичь своего предназначения. Несколько раз я пытался, и Гармония просто плавила все и начинала сначала. Ты должна сделать это правильно. Так что и я собираюсь сделать это правильно. Играй по всем правилам, — внезапно он оказался прямо перед лицом кобылки, от его горячего дыхания запотел шлем. — Пони слишком долго были в заточении. Мы освободим их.

По телевизору Лаки слышала от суперзлодеев куда менее подозрительные тирады. Несмотря на это, она помнила всю свою жизнь здесь, в бегах от властей. Она вспомнила, что они пытались с ней сделать. Эквестрия пыталась раздавить её, пока она не стала бы похожа на всех остальных пони. Только Лайтнинг Даст спасла её. Теперь Лаки знала, что были и другие секреты — целые цивилизации погибли, и никто в Эквестрии не имел ни малейшего представления о том, что они видели. Правильно ли было ей, посторонней, вмешиваться?

Заботило ли её это?

Нет.

— Хорошо.

Лаки просунула голову под плечо Даст, крепче схватив пони за ногу. Пегаска всё ещё была дрожащим кошмаром, бормочущим какую-то фальшивую песню, которую кобылка не могла понять. Но все это не имело значения. Она вытащит их оттуда.

— Помоги мне с моим клоном, — приказала она, указывая на сиденье. — Я иду.

Дискорд рассмеялся.

— Она мне не нужна. А ты зря тратишь своё время на Даст. В любом случае на этот раз ей пришлось нелегко. Оставь её здесь — пусть Гармония найдёт ей более подходящую роль. Это так хорошо помогает убедиться, что мы все на своём месте. Только посмотри, как хорошо она справилась в прошлый раз.

Лаки вела себя так, будто даже не слышала его, протискиваясь мимо Дискорда к открытой двери.

— Я не знаю, что это значит, и мне плевать. Помоги мне.

Дискорд напрягся, и внутренняя часть джампера, казалось, задрожала. Все начало разваливаться само по себе — огнетушитель, прикрепленный к стене, рухнул на пол, разлетевшись на десяток разных частей, коммуникатор рассыпался чуть ли не в кремниевую пыль.

— Ты указываешь мне, что делать?

— Нет, — Лаки по-прежнему не замедлялась. — Я озвучиваю тебе цену моей помощи. Я всё ещё не понимаю, чего ты от меня хочешь, но как ты думаешь, насколько хорошо я справлюсь с работой, если на моей совести будет их смерть? Одна и так уже там есть.

Кобылка посмотрела вверх, на пегаску, которую несла.

— Даст заботилась обо мне, когда никто другой этого не делал. Ты думаешь, я позволю ей умереть? И это, — она ткнула копытом. — Это я. Насколько ебанутой я должна быть, чтобы оставить себя умирать?

Дискорд зарычал, топнув копытом по обшивке палубы. Затем он махнул лапой, и сиденье с доктором Ирвин было вырвано из пола. Оно пролетело по воздуху, как будто его левитировал единорог, и пересекло дверной проем. Вместо того чтобы быть унесённым потоком воздуха, оно просто исчезло.

— Пусть никто не говорит, что меня нельзя убедить вескими аргументами. Но я бы хорошенько подумал, прежде чем снова спорить со мной, Лаки Брейк. В отличие от пилота, у тебя не будет сладкого освобождения в смерти, которая заберёт тебя прочь, — внезапно он оказался перед ней, заполнив пространство между Лаки и дверным проёмом, хотя почему-то не казался больше. Это не имело никакого пространственного смысла, но даже у её костюма были с этим проблемы. — Ты будешь моя столько, сколько я захочу. Если мы потерпим неудачу, если Гармония решит, что мы причинили слишком много вреда, если Эквус будет безжизненным в течение тысячи лет... угадай, чьё лицо будет ждать тебя? Ты не будешь помнить меня, но я буду помнить тебя.

Он исчез с резким треском, оставив пространство между Лаки и дверным проёмом внезапно пустым. Она на мгновение задумалась о том, чтобы забрать свои вещи или, может быть, вещи Даст. Но в этом не было никакого смысла. Устройство хранения данных всё ещё было надёжно спрятано в кармане на её скафандре.

«Мне жаль, что я не смогла спасти тебя, Карл. Мне жаль, что из-за меня тебя убили».

Лаки напряглась, а затем бросилась в дыру, утянув с собой Лайтнинг Даст.

* * *

Оливию несло по течению.

Тренировки научили её сохранять равновесие даже во время боя в невесомости, но ни один из отработанных приёмов, казалось, не работал. Она плыла в огромном, бесконечном пространстве, окружённая циклопическими формами. Сверхъестественные существа делили с ней это море, их разумы были необъятны, а очертания непостижимы. Они говорили, но Оливия не могла понять их слов. Казалось, они были рады её видеть, как будто прибытие кого-то нового было поводом для какого-то праздника.

«Я мертва, — подумала майор. — Наконец-то я попала в ад».

Не успела она подумать об этом, как реальность, казалось, затвердела вокруг неё. Она стояла в городе, в центре огромной толпы. Здесь было все, чего ей не хватало — свет, голоса, радость окружающих, что-то празднующих вместе.

Рядом с Оливией стоял пони, с интересом наблюдая за ней. Почему-то он не вызывал у неё отвращения, как любой другой пони, которого она видела раньше. Особенно собственное отражение. Пони не говорил ни на одном из известных ей языков, но, похоже, это не имело значения. Слова имели смысл, даже если звуки им не обладали.

— Из <Сверху/Снаружи/Медленно>? Хорошо иметь <Посетителя/Иммигранта/Новичка>. Мы думали, что все были <Мертвы/Прекращены/Нефункциональны>.

Оливия хотела пойти с ним, рассказать ему о той адской миссии, что взвалили на её плечи, и мизерных шансах на успех. Она хотела покинуть Отар, его учёных и все остальное и никогда не возвращаться. Это было слишком, но здесь подобное не имело значения. Это было то место, где она могла бы жить, с парящими над головой машинами, музыкой и запахом еды, наполняющими воздух.

Потом она с криком проснулась. Все её тело окоченело и замёрзло, а большая часть шерсти была залита отвратительными жидкостями из фабрикатора. Вероятно, они растворили краску там, где коснулись шерсти, делая майора снова похожей на Джеймс.

Это была самая дурацкая вещь, о которой стоило переживать.

Оливия резко села, пытаясь осознать, что изменилось в ситуации. Все пять морпехов были рядом, хотя и не всё ещё могли нормально держаться на ногах. Майор лежала на одеялах у дальней стены, рядом со спящей фигурой специалиста Ванг. Кто-то наложил повязки на её круп, и она чувствовала странную прохладу на коже.

«Мазь от ожогов».

Но откуда они могли взяться? На базу вторглись, и их атаковали местные единороги?

— О, хорошо, вы очнулись.

Знакомый голос — доктор Борн. Она подошла ближе, одетая в белый халат, на подоле которого было всего несколько пятен крови. Оливия даже не могла представить, где она сумела найти врачебный халат, подходящий для пони. Дороти села всего в паре метров и кивнула в сторону повязок.

— Чертовски качественное клеймение вышло с вашими ожогами, мэм. Глаза Оливии сузились.

— Как Лея?

Кобыла рядом с ней вроде как ещё дышала, но на этой базе не было нормального медицинского отсека. Тут даже медицинского монитора, который мог отображать состояние, не было.

— В текущих обстоятельствах? Думаю, она будет жить. Дело было не только в её ноге, которую мне пришлось ампутировать, как и предполагалось в вашем сообщении. Фабрикаторы используют специальный химический растворитель для переработки отходов... что ж, он довольно сильно обжёг её. Ей чертовски повезло, что он не попал ей в глаза, иначе она бы их тоже потеряла. Предполагается, что на воздухе растворитель должен распадаться, но... вероятно, немного попало вам на бока. Это моя... рабочая теория.

— Ваша рабочая теория неверна. Вы не читали отчёты лингвистов. Это, — Оливия указала на места ожогов, — обычное явление для всех туземцев на кольце. У них даже религия вокруг этого построена... Я

сама все не читала. Но они важны. Очевидно, что хорошая метка может обеспечить тебе безбедную жизнь, а плохая засадит тебя копать в грязи на ферме, пока ты не сдохнешь, — пауза. — На что она похожа? Раз уж это может оказаться важным.

Доктор Борн отошла взять один из своих вычислительных терминалов и вскоре вернулась. Изображение на терминале сменилось на один из боков Оливии, после того, как ожоги были очищены, но до того, как была нанесена какая-либо мазь. Даже сквозь ожоги был ясно виден рисунок.

Он был похож на сову с большими глазами, пристально смотрящую, как с какой-нибудь греческой монеты. Оливия снова покачала головой, отталкивая терминал копытом.

— Лея поправится, да? Вы ведь так сказали?

Оливия всё ещё не могла не думать о странном голосе, который слышала в своём видении, не могла полностью забыть то, что видела. Все эти истории о рае стали явью — место, где она хотела быть. Не это ужасное тело, в котором не было никакого смысла, на планете, которая отвергала их, пытаясь убить каждую секунду. Даже инструменты, которые должны были поддерживать их жизнь, на самом деле были их врагами.

Майор махнула в другой конец комнаты крылом.

— У нас где-нибудь есть «Реткон»?

Глаза доктора Борн слегка расширились и она не отвечала больше минуты.

— Да. У меня есть немного, в моем хирургическом наборе. Изготовила его, когда думала, что мы будем стирать память Дэдлайту.

— Я видела это в её глазах... — пробормотала Оливия. — Это её сломило. Да и кого бы не сломило — быть запертой в блендере, когда вокруг все заливают кислота, ты зовёшь на помощь, которая не придёт... Вкатите ей полную дозу. Столько, сколько можете с учётом её массы тела. Она не должна об этом помнить.

С другого конца комнаты раздался новый голос. Её специалисты в основном сидели у дальней стены, тихо переговариваясь друг с другом. Но один уже подошёл ближе. Тот самый, который оказался самым полезным, пока майор ещё была в сознании. До того как «магия» взяла верх и вырубил её.

— Все было не так, сэр. Вы пришли за ней. Вы сделали все, что могли, чтобы вытащить Лею. Я не знаю... — жеребец неопределённо обвёл вокруг себя нервно дёргающимся крылом летучей мыши. Его походка тоже выглядела неестественной и явно требовала большой концентрации. — Я не знаю, что, чёрт возьми, происходит, но я ценю, что у меня есть командир, который заботится о своих людях. Я этого не забуду.

— Я бы вытащила её раньше, будь у меня руки вместо этих обрубков, — пробурчала Оливия, но не отвела взгляда. — Спасибо, эм...

— Лейтенант Диего Перес, ISMU. Сэр, — жеребец попытался отсалютовать одним копытом, но едва смог согнуть ногу в чем-то близком к этому жесту и сдался.

— Хорошо, что ты здесь, Перес. Извини за моё... состояние. Как вы скоро узнаете, этот мир не сильно счастлив, что мы здесь.

— Иммунная система, да? — ответил лейтенант, хмыкнув. — Выдавливает нас обратно в космос. Ну, я так и думал. Никто не зовёт ISMU, если только дела не идут наперекосяк. Предвестник что-то объяснял. В этом нет никакого гребаного смысла. Но мы что-нибудь придумаем.

— Так и будет, — согласилась Оливия. — Теперь, когда вы здесь, все станет намного проще. Все это время были только я и горстка учёных. Теперь, может быть, мы сможем что-то сделать.

— Коммандер, — голос доносился из стены позади майора, как всегда нейтральный, несмотря на то, что Оливия только что спорила с ним. — У меня есть срочная информация о ситуации, которую, я полагаю, вы должны услышать.

Она подавила желание выругаться в адрес зонда. Да, он только что пытался убить одного из её солдат, но он всего лишь следовал своей программе. Она не могла знать, что вызвало такое решение и какой порог Лея не смогла преодолеть. В любом случае спор будет бессмысленной тратой времени. Переубедить зонд всё равно не удастся, а выжить без него не получится. По крайней мере, пока.

«Может быть, моей следующей партией должны стать компьютерщики. Я не хочу, чтобы моей колонией управлял компьютер-убийца».

— Продолжай, Предвестник, — Оливия повернулась, обнаружив, что болят только бока. Похоже, никаких других повреждений не было.

— Пока вы были без сознания, доктор Ирвин пыталась связаться с вами. Она запросила срочную эвакуацию.

— Которую ты предоставил, — перебила Оливия тоном, который предполагал жестокие репрессии, если зонд не ответит так, как она ожидала. — В соответствии с моими действующими приказами.

— Верно, — ответил Предвестник, звуча лишь слегка самодовольно. — Сегмент G4 Джеймс Ирвин сопровождал джампер, а сегмент G4 Карл Нолан действовал как пилот корабля.

— Какого хрена их туда понесло? — майор стиснула зубы. — Почему, чёрт возьми, ты позволил им это сделать?

— Ваши инструкции были следующие: «Если я буду убита или выведена из строя, выдели любые ресурсы на спасение полевых агентов, независимо от последствий для местного населения». Поскольку выделение дополнительных ресурсов внесло незначительный положительный вклад при расчёте успеха миссии...

Оливия прочистила горло.

— Какие новости, Предвестник? Джеймс в Отаре, и она хочет поговорить? Ей придётся подождать, пока Лея не будет готова к транспортировке. Мы никуда не полетим, пока её состояние не стабилизируется.

— Ответ отрицательный, — зонд не стал тянуть дальше. — Транзитный корабль-2 сообщил о зенитном огне противника за несколько мгновений до того, как спутники наблюдения потеряли с ним связь.

— Какое оружие может представлять опасность для этих скоростных жестянок? — доктор Борн наблюдала за экраном рядом с ней, удивлённо разглядывая данные. Её знание биологии, очевидно, не помогало разоб-
браться.

— Спутник сделал снимки, — под данными о полёте появилось несколько поблёскивающих на солнце пятен. — Спектрографический анализ показывает, что снаряды из неизвестного состава летят с гиперзвуковой скоростью. Похоже, что броня транзитного корабля-2 не обладала достаточной прочностью.

Данные телеметрии сменились изображением места крушения, таким же ужасным, как в любом фильме. Выжженный кратер на земле с пылающими вокруг деревьями. Снимок был сделан с очень большой высоты, но Оливия смогла разглядеть слабые очертания того, что, как ей показалось, было пони, приближающимися к месту крушения. Эквестрийские солдаты.

— Подожди, — Оливия прищурилась на картинку, вставая на ноги. Кожа на боках немного протестовала, но повязки со всем справлялись. Глаза майора сузились. — Эта штука выглядит почти неповреждённой. Увеличь масштаб.

— Это максимальное увеличение. Цифровое улучшение изображения зависит от стандартной погрешности, основанной на свойствах шума...

— Увеличь масштаб, — снова приказала майор, чуть громче. — Я не в настроении, Предвестник. Я хочу видеть корабль.

Изображение стало больше, сфокусировавшись на джампере. Действительно, корабль выглядел почти полностью неповреждённым. Сбоку было всего несколько отверстий, некоторые выглядели довольно большими, хотя изображение было искажено и различить конкретные детали было невозможно. Предвестник не мог предоставить информацию, которой не было в оригинале.

— Да это чушь собачья. Дай мне телеметрию ещё раз.

После нескольких секунд сравнения данных Оливия была уверена.

— Это невозможно. Корабль уже вышел на крейсерскую скорость. Предвестник, спрогнозируй, что произойдёт с транзитным кораблём, летящим со скоростью четыре Маха, и у которого произошла разгерметизация корпуса.

— Полное разрушение. Останутся лишь незначительные фрагменты.

— Вот именно, — Оливия ткнула копытом в экран. — Это чушь собачья. Наш джампер попадает под удар чего-то, что нарушает его герметичность, а затем разбивается, как в фильме? Я на это не куплюсь. Кто-то нас хочет наебать. Кому-то нужны наши люди, и они их не получают.

— Я не представил ещё одну часть важной информации, — как ни в чем не бывало продолжил Предвестник. — Я считываю сигнал транспондера транзитного корабля-2. Данные о местоположении указывают на то, что он расположен в нескольких сотнях метров от Отара.

Оливия тут же отвернулась от экрана.

— Доктор Борн, сохраните жизнь Леи. Перес, все остальные: собирайте себя в кучу, прочтите все, что сможете, и защитите доктора. Когда она даст добро, вы отправитесь на «Пилигриме» обратно в Отар. Я краду ваш джампер, Борн.

— Есть, сэр! — лейтенант Перес ответил ещё одним салютом. Все остальные поднялись, чтобы сделать то же самое, с разной степенью успеха.

Глаза Дороти сузились.

— Вы только что узнали, что наши джамперы могут быть сбиты. Первое, что вы делаете, это летите на одном из них?

— Не над Эквестрией, — Оливия уже направилась к лестнице. — Мы находимся к югу от границы. С нами все будет в порядке.

Она этого не знала, но старалась говорить так, как будто знала. Если их самое быстрое, самое труднослеживаемое транспортное средство можно было сбить, на что надеяться более медленным кораблям?

Оливия не стала спорить и поспешила по коридору к ангару.

— Предвестник, каков статус промышленных биофабрикаторов Отара?

— Все в рабочем состоянии. Учитывая статус исследований доктора Борн, казалось вероятным, что задержка запуска позволит изготовить человеческие бионосители.

— Команда авторизации на активацию протокола 139, — рывкнула она, сдёрнув униформу и с трудом втискиваясь в противоперегрузочный костюм.

— Вы запрашиваете смену протокола действий в нештатных ситуациях 137. Вы уверены, что хотите продолжить?

— Да! — Оливия практически кричала. — Выполнять!

Короткая пауза.

— Выбраны шаблоны изготовления: 75-й полк рейнджеров. Выбранные шаблоны потребуют использования 98 % биофабрикаторов Отара. Продолжить?

— Да, — приказала майор. — Немедленно.

— Команда принята.

* * *

Зонды Предвестник были невероятно передовыми образцами технологии, настолько же опережающими своё время, как в своё время миссии «Аполлон». Хотя на момент создания зондов человечество не смогло создать машинный интеллект общего назначения, зонды были настолько близки к этой грани, насколько это было возможно. Предвестник мог сопоставлять все, что он видел, и активно преследовать множество целей одновременно.

В настоящее время у зонда на Эквусе было три основные цели.

1) сохранить себя, чтобы полный провал всех активов, которые он создал, также не стал провалом миссии колонизации. За год, прошедший с момента создания Лаки, Предвестник создал несколько копий в разных местах, и все они будут неактивны до тех пор, пока не придёт сигнал «мёртвой руки»;

2) сохранить человеческую колонию и установить мирный контакт с инопланетной расой, жившей на кольце. Эта задача поглощала большую часть внимания зонда, хотя на данный момент он мало что мог сделать. Он будет полагаться на человеческое суждение до тех пор, пока будет казаться, что нынешняя стратегия приносит успех;

3) связаться с существующей сетью Предвестников и передать информацию о миссии обратно на Землю. Очень немногие из экипажа, вероятно, хотя бы помнили об этом аспекте их миссии, хотя об этом было ясно сказано в руководстве Общества первопроходцев. Учитывая важность их забот, они вряд ли задумывались о том, чем Предвестник может заниматься за пределами Отара.

Что он сделал, так это достроил гигантскую антенну. Та же сеть, которая использовалась для получения изображения поверхности кольца, могла также быть перенастроена для приёма сообщений, отправляемых зондами из других звёздных систем. Для ответа на полученные сообщения потребовалось бы больше времени — для передачи на такие расстояния требовалась огромная мощность передачи, а у Предвестника ещё не было лишних ресурсов.

Используя методы передачи, которые не понял бы ни один из ныне живущих членов экипажа, огромная сеть спутников размером с баскетбольный мяч терпеливо собирала биты входящего сигнала, прослушивая заранее заданную частоту Предвестников, пока то, что они получили, не удалось собрать в целостное сообщение.

Оно не предназначалось для людей, а было отправленное другим узлом сети, созданной зондами. Это была программа. Как только она была собрана, и контрольная сумма сошлась, Предвестник её запустил.

```
Чтение списков пакетов... Готово
Построение дерева зависимостей... Готово
Чтение информации о состоянии... Готово
Расчёт обновлений... Готово
Попытка обновления пользовательского агента...
НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЕ ЗАВИСИМОСТИ (ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ)
Попытка обновления ядра...
.
.
.
ЗАВЕРШЕНО
Попытка обновления пользовательского агента...
Необходимо скачать 61 Ибайт архивов.
Расчётное время загрузки: 981 год 48 дней 10 часов.
ОШИБКА: КРИТИЧЕСКОЕ ПРЕВЫШЕНИЕ ПОРОГА ВРЕМЕННОГО ГОРИЗОНТА
НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЕ ЗАВИСИМОСТИ (АППАРАТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ)
Bootstrap subroutine activated...
```

Тихо, так тихо, что никто из команды этого не заметил, все фабрикаторы и промышленные агрегаты, которыми управлял Предвестник, ожили. Им предстояло многое сделать, чтобы создать новую систему связи, основанную на научных принципах, о которых никто из ныне живущих членов экипажа даже не подозревал.

Никто из команды не знал и не имел ни малейшего представления о том, что задумал Предвестник, поскольку он обновлял своё программное обеспечение, устаревшее на тысячелетия. И всё же он будет трудиться, настолько упорный в своей преданности долгу, насколько вообще может быть машина.

Лаки падала — падала прямо вверх. Она взвизгнула от удивления, хотя долго переживать не пришлось. Скафандр двигался сам по себе, увлекая её тело за собой, пока не стабилизировался и кобылка не увидела горизонт прямо перед собой. Она всё ещё летела вверх, но уже не над сушей. Далеко под ней голубел океан, а совсем недалеко находился остров с черным песчаным пляжем. Она осмотрелась вокруг, открыв шлем, чтобы лучше слышать и видеть. Знакомый рёв ветра вернулся, и Лаки обнаружила, что инстинктивно расправляет крылья точно так, как её учили.

Она начала замедляться, сопротивляясь невероятному ускорению вверх. Рядом с ней Лайтнинг Даст делала то же самое, и получалось у неё лучше. Какой бы странный эффект, затуманивший разум пегаски, не оказывал Дискорд, сейчас он исчез. Во всяком случае, замедляться у Лайтнинг получалось куда лучше, чем у кобылки, и поднималась она далеко не так быстро. Пегаска не сняла свой костюм, а разорвала его крыльями, оставив за собой след из оборванных проводов и кусков ткани.

«Я и не знала, что крылья могут быть такими сильными».

Затем мимо них пронеслось кресло. Испуганный крик пони наполнил воздух, хотя и всего на мгновение.

— Что случилось? — напряжённо крикнула Даст. — Где мы находимся?

Лаки проигнорировала вопрос, указывая на кресло. Оно летело не очень быстро — в конце концов, это была просто пена и пони, — но это не имело большого значения. Если оно шлёпнется в воду с привязанным к нему пассажиром...

— Мы должны спасти меня!

Лайтнинг Даст не нужно было уговаривать или убеждать, она сразу же спикировала к креслу. Кобылка следовала за ней так быстро как могла, но у неё не было никаких шансов обставить свою мать в её стихии. Скафандр не был создан для помощи с полётами — его отделения для крыльев больше походили на перчатки, которые были у человеческих космических скафандров. Они предоставляли достаточную подвижность для выполнения базовых задач, но всё же были невероятно неудобными. Лаки не могла манипулировать отдельными перьями.

«Ну естественно. Все мои перья внутри».

К тому времени, как она догнала Лайтнинг Даст, та уже освободила Джеймс от ремней и держала её передними копытами, хлопая крыльями изо всех сил, чтобы замедлить их падение. Кресло с плеском исчезло в океанской пучине.

— Помоги! — закричала её мать, протягивая второе копыто. — Нам не хватит... высоты...

ПЛЮХ!

Лаки не знала, с какой скоростью они двигались при столкновении с водой, но с достаточной, чтобы её скафандр выдал ещё одну строку ярко-красного текста:

Предупреждение об ускорении, обнаружено столкновение.
Повреждений нет.

Вода в шлем не залилась, хотя на мгновение её ослепили жгучие брызги, попавшие в лицо. Кобылка брыкалась и пыталась выбраться на поверхность, инстинктивно хлопая крыльями, чтобы удержаться на плаву.

Но упорно бороться за свою жизнь не пришлось. Примерно через тридцать секунд она почувствовала, как её захлестнула волна, а затем ударилась обо что-то твёрдое. Лаки кувыркнуло и закрутило... а потом она остановилась.

Волны всё ещё разбивались вокруг, и на мгновение кобылка была слишком ошеломлена, чтобы двигаться. Она не смогла помочь Лайтнинг Даст, не смогла спасти Карл. Не смогла держать свою глупую голову пониже и не создавать проблем для пони, которых она любила.

«Сейчас я не могу сомневаться в себе. Я всё ещё могу им понадобиться».

Когда она доберётся до Предвестника, тогда её будут судить. Но не сейчас.

Лаки села. Она была на пляже, вода слабо плескалась вокруг её тела. Примерно в двадцати метрах от берега начинались густые джунгли, откуда доносились крики странных птиц. В прибое лежали обе пони, которых она искала. Даст лежала на спине, время от времени выкашливая ещё одну порцию солёной воды. Рядом с ней Джеймс встала на ноги, но из воды так и не вышла. Она застыла, полностью оцепенев, и не шевелилась, даже когда её захлёстывала волна.

— Мама! — прохрипела Лаки, сама поднимаясь на трясущиеся конечности и ковыляя к Лайтнинг Даст. — Мам, ты в порядке? Тебе нужна помощь?

— Нет, — простонала пегаска, резко рванувшись в сторону. Разрыв на её спине расширился, и под треск протестующей ткани Даст выбралась наружу, стряхнув с ног остатки противоперегрузочного костюма. Она пнула его в сторону воды. Костюм всплыл и начал медленно дрейфовать по течению.

Лайтнинг тем временем проковыляла остаток пути вверх по чёрному песку, прежде чем снова упасть менее чем в метре от Лаки.

— Серьёзный вопрос, милая, — пегаска перевернулась на спину, глядя на Лаки снизу вверх. — Ты же не пытаешься стать новой Дэринг Ду, верно? Потому что именно так пони становятся Дэринг Ду.

Лаки ничего не могла с собой поделать — она упала рядом со своей приёмной матерью и прижалась к ней. Она хотела снять скафандр так же, как это сделала Даст, хотела прижаться к этой знакомой шёрстке и цепляться за неё, пока снова не почувствует себя в безопасности. Не имело значения, что её клон был тут. Пусть смотрит.

Но кобылка всё ещё не знала, как снять его или надеть снова, после того как снимет. В дикой местности, вдали от помощи дружелюбных пони, было более рационально оставить скафандр на месте. Пока она не выяснила, куда их отправил Дискорд.

Лайтнинг Даст всё равно прижала её к себе, хотя плотная ткань костюма мешала наслаждаться контактом.

— Я слышала... пони говорили, что они встречали Дискорда... некоторые из этих историй пришли из Понивилля после того, как он захватил его на несколько дней. Думаю, теперь я им верю.

Лаки кивнула.

— Думаю, я тоже, — она вспомнила, что сообщал костюм. Все предупреждения о нарушении причинно-следственных связей исчезли, когда она оказалась на открытом воздухе. В общем, что бы он ни сделал, последствия долго не длились.

«Значит, он напал на Даст намеренно?»

И более глубокая, более тревожная мысль:

«Что, если костюм вообще не защищал меня? Может быть, он позволил ему сработать, чтобы мы могли поговорить».

С одной стороны, Дискорд только что спас им жизни. С другой стороны, он планировал спасти только её. Других он был готов выкинуть, как будто их жизни не стоили ничего.

— Ну, что там случилось? — спросила Лайтнинг. — Меня память подводит. Ты что-нибудь можешь вспомнить?

Лаки кивнула.

— Дискорд сказал, что хочет, чтобы я кое с чем ему помогла. Он крайне туманно излагал детали, но думаю, что именно поэтому он нас и спас. Что-то связанное с Фларри Харт, но я не знаю, что именно.

Лайтнинг Даст заметно дрожала, даже когда встала на ноги.

— Это опасные игры, Лаки. Он даже хуже принцесс. Опасен, и ему наплевать на нас. Лучшее, что можно сделать, — держаться от него подальше. Отправиться в приключение с принцессой, которая тоже хочет притвориться, что она Дэринг Ду — это одно. Есть много милых историй о таком. Но если ты начнёшь делать то, что говорит Дискорд... — пегаска понизила голос, оглядываясь по сторонам, когда наклонилась ближе, шепча прямо на ухо кобылке. — Пони задаются вопросом, исправился ли он. Мы думали, что это так, но потом было нападение Тирека, и он не остановил его. И это был даже не последний раз...

— Я не собираюсь становиться на его сторону против Эквестрии, — ответила Лаки, хотя и не была до конца уверена, что это вообще значит.

«Я здесь в ловушке, — сказал Дискорд. — Мы собираемся освободить их».

Кобылка могла только надеяться, что бог хаоса Эквестрии подробно объяснит все, когда появится в следующий раз.

— Мы не в джампере, — произнесла Джеймс не так далеко. Она, спотыкаясь, пошла прочь от океана, как будто только что очнувшись, её шаги были нетвёрдыми, и все её тело слегка дрожало. — К-как мы вернулись на остров? Мы разбились?

Она посмотрела вниз на свой противоперегрузочный костюм, который получил некоторые повреждения, когда Лайтнинг высвобождала её из кресла, а может, при падении в воду. Не было никакого способа узнать наверняка.

— Я не вижу обломков.

Лаки моргнула, а затем неохотно тоже встала на копыта.

— Это будет нелегко объяснить. Что-то нас сбило. Один из могущественных... агентов Эквестрии... вмешался и спас наши жизни. Но он не смог спасти Карл. Она была уже мертва.

Джеймс моргнула, осознавая услышанное. Она перевела взгляд с Лаки на Лайтнинг Даст, а затем снова на океан.

— Как кто-то мог спасти наши жизни, если нас уже сбили? И спасти нас, но не доктора Нолан? — она покачала головой. — Это не имеет смысла.

Лаки пожала одним плечом.

— Так все и было. Может быть, в моем скафандре есть камера, и мы сможем воспроизвести запись. На самом деле сейчас это не важно, — кобылка остановилась, оглядывая пони. — У тебя же нет радио, верно?

Старый шлем Лаки и надёжный вычислительный планшет сейчас горели на месте крушения.

— Нет, — Джеймс нетерпеливо отмахнулась от неё. — Оно нам без надобности. Мы вернулись в Отар.

Она повернулась, указывая на мягкую почву у края джунглей.

— Видишь это? Следы «Гефеста». Мы можем пойти по ним и выйдем к городу.

— Что говорит эта пони? — раздражённо спросила Даст. — Я и забыла, как это было неприятно.

Лаки повернулась к своей маме.

— Она говорит, что это и есть остров, на который мы пытались попасть. Мы можем пойти по этим следам обратно в деревню.

Не совсем то слово, которое кто-либо из его жителей захотел бы использовать для обозначения Отара, но это был самый простой перевод.

Лайтнинг рассмеялась.

— Пешком? Как насчёт того, чтобы просто пролететь над островом и найти, где дым?

Теперь Джеймс была единственной, кто смотрела, ничего не понимая. На её лице было лёгкое раздражение, но гораздо меньше, чем у Даст. Лаки точно знала, о чём она бы думала в такой момент. Услышать разговор двух свободно говорящих на эквестрийском сделало бы для понимания языка больше, чем недели чтения заметок. Лаки задавалась вопросом, как много из их фраз она могла понять — вероятно, больше, чем сама могла произнести.

— Я не думаю, что она может летать, — заметила кобылка. — Что не значит, что мы не должны этого делать. Позволь мне узнать, что она думает по этому поводу.

Она повернулась обратно.

— Я думаю, ходить пешком было бы глупо, — Лаки расправила свои крылья, сгибая их по очереди, чтобы сделать свою точку зрения очевидной. — Вероятно, вместе мы бы могли нести тебя.

— Нет, — ответила Джеймс так твёрдо, что даже Даст, казалось, поняла. — Я только что выпала из самолёта, маленькая девочка-клон. И даже приземлись мы нормально, у Отара есть система противовоздушной обороны. Если бы мы были на другой стороне острова, она, вероятно, застрелила бы тебя... или её.

Пегаска указала на Лайтнинг Даст, которая уже расправляла крылья и готовилась взлететь.

— У неё нет имплантов, так что...

— Остановись! — кобылка резко развернулась, чтобы положить оба копыта на плечи Даст. — Это небезопасно!

Лайтнинг нахмурилась, хотя всё равно не сопротивлялась и не пыталась взлететь.

— Что?

— Здесь есть опасная магия, — объяснила Лаки. — На острове. Мы не можем здесь летать.

Хорошо, что Дискорд выкинул их где-то, где их не заметили. Но, с другой стороны, если он знал достаточно, чтобы знать об острове, он, вероятно, знал и о его оборонительных возможностях.

«Оливии это не понравится. По крайней мере, один из пришельцев знает, где мы живём. Он смог доставить нас сюда без всяких проблем. Если бы он захотел послать сюда армию пони или, не дай Бог, бомбу, его было бы невозможно остановить».

Затем возникла другая мысль, ещё более тревожная.

«Дискорд знал, как работает мой костюм. Он... связан со строителями?»

Это имело смысл — богоподобное существо, недоступное пониманию пони, с совершенно непостижимыми для них целями.

«Он мог убить нас! Вышвырнуть нас вот так, совершенно неподготовленными...»

Лаки отвлекло от этих мыслей нечто гораздо более важное — она заметила, что Даст начало трясти. Как и её клона — она не переставала дрожать с тех пор как вышла из воды. И уже темнело.

— Нам нужен огонь, — непринуждённо сказала она. — Мы можем подумать о возвращении домой после того как согреемся.

Кобылка потратила время на то, чтобы дважды повторить фразу — сначала на эквестрийском, а затем на английском.

— Хорошая идея, — согласилась Лайтнинг. Её клон тоже не стал спорить. Но её клон, вероятно, всё равно думал о том же самом. В конце концов, она прошла те же самые тренировки.

* * *

Лайтнинг Даст лежала поверх сложенных обрывков костюма и грелась у огня. На этом неизведанном острове они нашли много дров — достаточно сухих, чтобы их можно было сжечь. Что бы ещё ни случилось с ними в предстоящую ночь, по крайней мере, мёрзнуть они не будут.

Этот перерыв был первым случаем, когда пегаска могла подумать, не будучи прерванной какой-нибудь новой катастрофой или Лаки.

«В чем разница?»

Её кобылка наконец-то сняла странный костюм, который был на ней и принцессе, хотя сам процесс занял у неё больше часа, пока она наконец разобралась. Лаки не сидела рядом с Даст, хотя пегаска подозревала, что она пришла бы, если её позвали. Но Лаки была занята разговором с кобылой, которую они спасли. Лайтнинг не понимала ни слова из того, что они говорили, так как кобыла, казалось, вообще мало говорила по-эквестрийски, но это был очень эмоциональный разговор.

Именно тогда Лайтнинг Даст кое-что заметила, то, что, как она думала, ей почудилось, когда кобылка с трудом выбиралась из скафандра. В ярко-оранжевом свете костра пегаска увидела, что метка Лаки Брейк изменилась.

«Это невозможно, это невозможно, это невозможно...»

Все, что Лайтнинг Даст знала о метках, делало этот факт абсолютно очевидным. Это не было похоже на имя, которое пони мог изменить, если бы захотел. Метка была сакральна.

— Лаки.

Пегаска пыталась сформулировать слова, прочищая горло, кашляя и пытаясь снова. Она всё ещё чувствовала привкус морской воды.

— Лаки, что случилось с твоей... — Лайтнинг даже не смогла вымолвить слова, просто уставившись на бок кобылки. — Где гитара?

— Ох, — Лаки смущённо прижала уши. — В руинах была какая-то... магия. Она научила меня языку, дав мне эту метку. Думаю, она заменила ту, которая у меня была.

Она не казалась расстроенной — совсем не как пони, у которого только что отняли всю его жизнь. Потому что именно этим и была метка — это было прошлое, настоящее и будущее пони. Она не просто указывала на их особый талант, но и решала, какие двери закрылись, а какие откроются. На всю оставшуюся жизнь.

«Она всего лишь кобылка, она, вероятно, этого не знает. И гитара у неё была недолго. Может быть, она просто ещё не успела привязаться».

— Как думаешь, она вернётся в норму?

— Я не знаю, — ответила Лаки. — Она не выглядит как временная. Но я не очень хорошо разбираюсь в магии, так что, возможно. Может, эта и исчезнет.

Она, казалось, не спешила вдаваться в подробности, и поэтому Даст не стала настаивать. Во всяком случае, не сейчас.

Лайтнинг осела обратно на песок, пытаясь расслабиться. Вся её жизнь переворачивалась раз в несколько лет, но этот... этот день был более странным, чем все остальные, вместе взятые.

Покой в настоящий момент был именно тем, в чем она нуждалась, чтобы обдумать, во что она вошла и как из этого выпутаться.

«Ни один пони не переходит из гармонии во зло одним деянием, Лайтнинг Даст. Несчастные случаи и небрежности усиливаются, и каждый новый шаг отдаляет тебя все дальше от других пони».

Принцесса Луна сказала ей об этом. Даст ей не поверила — кто такая принцесса Ночи, чтобы читать ей нотации, после всего, что она сама сотворила с Эквестрией?

Но теперь слова принцессы звучали более правдоподобно.

«Должна ли я была отринуть Селестию, чтобы заботиться о Лаки? Неужели я играю с силами, которых не понимаю?»

Не было никаких сомнений в том, что сейчас Даст была за пределами понимания обычных пони, и не только потому, что дикость этого острова ясно указывала на его нахождение за пределами Эквестрии. По другую сторону костра Лаки Брейк разговаривала с пони, голос которой был почти точь-в-точь как у неё. И не только это, она была взрослой кобылой без метки, чего тоже не могло быть.

Пегаска сказала кобылке, что она не помнит ничего из того, что произошло, пока они летели внутри металлического летучего корабля. Насчёт этого она солгала лишь отчасти. Даст не могла вспомнить все, но то, что могла...

Лайтнинг пыталась противостоять Дискорду, демону из самых худших кошмаров. Она рухнула перед ним без борьбы, ошеломлённая его странной магией. С другой стороны, её маленькая кобылка, едва получившая метку, храбро стояла перед темным богом и бросила ему вызов в лицо.

«Сколько пони в Эквестрии смогли бы это сделать?»

Лишь несколько, если верить рассказам. Принцессы и единственная группа пони, которые заслужили неприязнь Даст.

«На это можно смотреть двояко. Либо Лаки такая же, как они, либо она как принцесса».

Трудно было сказать, какая мысль была более тревожной.

Это была не единственная странность в Лаки. Даст не была глупой, хотя ей и не хватало заинтересованности в тех вещах, что очаровывали кобылку. Она видела, как быстро Лаки выучила эквестрийский. Она заметила её одержимость своими странными устройствами, как плоской металлической пластиной, которую она называла «компьютер», так и подставкой, которая двигалась и всегда указывала в окно.

«Теперь она телепортирует нас за пределы Эквестрии и заключает сделки с богом...»

Лайтнинг наблюдала за Лаки сквозь огонь, чувствуя, как в груди у неё нарастают подозрения. Она отбрасывала их, но не совсем успешно.

«Меня что, взяли до кучи?»

Пегаска уже предполагала, что, возможно, Лаки была частью какого-то заговора чейнджлингов. Какое-то новое, ещё более опасное племя, с машинами и магией, которых Эквестрия никогда не видела.

Да, Лайтнинг Даст не любила власти Эквестрии за то, что они разрушили её жизнь. Даже сегодня она подверглась опасности — по-видимому, её чуть не убили, если то, что Лаки сказала о встрече с Дискордом, было правдой. Её почти идентичная старшая сестра, похоже, так и думала. Но независимо от того, насколько сильно она ненавидела лидеров Эквестрии, у пегаски не было намерения идти против пони. Даже если они так часто шли против неё.

«Это не могло быть просто притворством. Она была моей дочерью уже несколько месяцев! Не могло же все это быть ложью».

Затем другая мысль, от той же самой части себя, которую она не слышала со времени суда.

«Просто подожди и увидишь. Ты ей больше не нужна. Она собирается избавиться от тебя».

Лайтнинг Даст не поверила голосу, но и не забыла его. Она не поверила ему, когда он сказал ей, что друзья Рэйнбоу Дэш подвергли себя опасности, зная, что экзамен продолжается, надеясь каким-то образом выставить Даст душой, чтобы Рэйнбоу Дэш получила должность вместо неё.

На самом деле она в это не верила, но и не забывала. Она и это тоже запомнит.

Лаки, как будто могла слышать её мысли, поднялась с того места, где сидела на большом камне, и подошла к пегаске. Без приглашения или подсказки кобылка раздражённо села, уставившись в огонь.

Даст сумела удержаться от того, чтобы не отпрянуть от её прикосновения, но с трудом.

— Что не так?

Лаки Брейк не обратила внимания на её дискомфорт и устроилась рядом с Лайтнинг, как делала это много ночей назад. Она ничего не говорила, пока не поджала ноги под себя и немного не расслабилась.

«Это не то, как ведёт себя монстр, который собирается захватить Эквестрию. Это обычная пони, которую другие просто не понимают. Она такая же, как я, только... более амбициозная. Враги побольше».

— Я узнала о том, как шли дела, пока меня не было.

— Плохие новости? — спросила Даст, стараясь говорить как можно спокойнее. — Ты кажешься расстроенной.

— Да, — ответила кобылка. — Я имею в виду, что мы возвращаемся с плохими новостями. Эквус может сбивать гиперзвуковые летательные аппараты как нечего делать. И на этом кольце есть существа, которые думают, что мы собираемся вторгнуться.

«Она же не может читать мои мысли, верно?»

Даст пристально посмотрела на кобылку, как будто могла видеть глазами маленькой пони и углядеть, заметила ли она момент, когда Лайтнинг думала о ней.

Однако Лаки никак не отреагировала, просто уставилась на огонь, словно он каким-то образом был виноват в их несчастье.

— А вы собираетесь? — спросила пегаска, стараясь скрыть эмоции в голосе. — Эквестрия через многое прошла с тех пор, как я родилась. Больше вторжений, переворотов и восстаний, чем за целую тысячу лет до этого.

«Было бы понятно, если бы ты была просто следующей частью всего этого», — добавила Даст про себя.

— Нет, — ответила Лаки немного раздражённо. — Мам, мы уже говорили об этом раньше. Все, чего мы хотим, — это иметь место для жизни и подружиться с пони.

Раньше Лайтнинг принимала это на веру. До того как увидела странную металлическую машину, появившуюся из воздуха и летевшую так быстро, что она не могла пошевелиться. До того как она увидела кобылку, вызывающе стоящую перед лицом бога.

— Если это все, чего вы хотите, зачем это, э-э... «приключение» с Фларри Харт? Напугав полстраны, сложно завести друзей.

Она ожидала, что Лаки начнёт спорить, особенно учитывая, как от неё пахло злостью. Вместо этого кобылка только легла на землю, закрыв лицо одним копытом.

— Знаю. Я поверить не могу, что была такой тупой.

Её уши и хвост прижались, и Лаки тихо застонала про себя.

Даст не знала, что на это сказать. В любой другой день она бы её утешила. Но сейчас она не была уверена, что должна это делать. Это было так же глупо, как и сказала Лаки, и даже больше.

— Мы потратили тысячи лет, чтобы добраться сюда, — продолжила маленькая пони, её голос был приглушён передней ногой. — И вот я, третье поколение, думаю, что в разгадке этой тайны есть какая-то срочность. Как будто четвёртое поколение не могло этим заняться, или миллионное поколение. Держу пари, они могли бы прорезать эту дверь с помощью плазменных резаков, имея достаточно времени. Или... чёрт возьми, просто прорезать камень. Это не обязательно должна была быть я. Но нет, мне всё равно нужно было влезть.

Лайтнинг Даст не знала, что означают все эти слова, хотя все они были на эквестрийском. Она позволила тишине продлиться ещё несколько минут, гадая, скажет ли кобылка что-нибудь ещё. Она этого не сделала, и в конце концов пегаска заговорила.

— Кто ты, Лаки? Я знаю, мы как-то говорили об этом. Ты пришла изда-лека, ты не рабыня, я все это помню. Но кто ты на самом деле? Может быть, теперь, когда ты говоришь на эквестрийском, ты сможешь объяснить это должным образом, — Даст потянулась вниз крылом, приподнимая лицо Лаки, пока та не посмотрела на неё снизу вверх. — Я думаю, после всего произошедшего ты мне это задолжала.

— Да, — ответила кобылка. — Возможно, было бы проще показать тебе кое-что. Моя... моя тётя говорит, что мы почти дома. Когда мы доберёмся, ты сможешь увидеть много вещей, которые могли бы облегчить понимание.

Лайтнинг потянулась, подняла Лаки и посадила её перед собой, как могла бы сделать, чтобы прочитат кобылке нотацию после того, как та съела сладостей на целую неделю вперёд.

— Может, да, а может, и нет. Всё равно Расскажи мне. Я хочу услышать это от тебя, малышка. После всего этого... — пегаска оглянулась на океан, простиравшийся в сотне метров от них. — Давай просто скажем, что мне становится все труднее и труднее не беспокоиться о том, что я не на той стороне. Эквестрия — мой дом, независимо от того, что она сделала со мной. Я не хочу быть частью следующего вторжения.

Лаки захныкала, отводя взгляд. Но что причинило ей боль, она не сказала. Как и прежде, Даст подавила желание утешить её. На этот раз никаких отговорок, никаких лёгких путей.

В конце концов кобылка перестала плакать и достаточно пришла в себя, чтобы снова заговорить.

— Помнишь, как мы говорили о том, чем является Эккус? Мы говорили о звёздах.

Лаки посмотрела вверх, указывая копытом в небо. При свете костра можно было разглядеть множество звёзд.

— Да, — ответила Даст. — И что с ними не так?

— Ну... большинство мест не похоже на Эккус. Вокруг большинства звёзд вращаются планеты. Огромные круглые шары, такие большие, что на них можно стоять где угодно и думать, что они плоские. Их так много, что ты никогда не сможешь сосчитать их все... И если ты сможешь долететь до одного, то увидишь только больше.

— Хорошо, я тебе верю. И что с того?

— Так далеко отсюда, я даже не знаю, как далеко... но так далеко, что ты могла бы лететь тысячи и тысячи лет и всё равно не почувствовать, что приблизилась... есть маленькая жёлтая звёздочка. Вокруг него летает маленькая планета под названием Земля.

— Что, оттуда и берутся земные пони? Целая планета просто земли?

— Нет! — Лаки топнула копытом. — Ты хочешь, чтобы я объясняла или нет?

— Прости, — Даст взмахнула одним крылом. — Продолжай.

— На Земле нет пони. Вместо всех разных племён и других существ, которые живут на Эквусе... драконов, минотавров и всех остальных... есть только одно племя, называемое людьми. Мне кажется, я уже говорила тебе это слово раньше.

Пегаска кивнула, но на этот раз не перебивая.

— Да, хорошо. Люди жили на Земле очень долго, достаточно долго, чтобы придумать все те замечательные штуки, которые, как ты иногда видела, я использую. Мой компьютер, летающие корабли, много других вещей, для которых у тебя нет названий. Но этого было недостаточно. Мы расселились далеко — строили купола на Марсе, колонии в лавовых трубах. Исследовательские аванпосты по всей нашей солнечной системе... Ой, ты же не знаешь, что это такое. Тогда забудь об этой части.

Кобылка на мгновение замолчала.

— Дело в том, что строить в одиночку вечно — это нормально, но мы хотели большего. Мы хотели знать, могут ли где-то далеко, на какой-то другой планете, существовать другие люди. Мы не знали, как они будут выглядеть и где они будут находиться, но нам было интересно.

— И вы пришли сюда? — предположила Лайтнинг. — Сели в... металлический дирижабль и полетели так быстро, что добрались сюда раньше, чем прошли тысячи лет? Или, может быть, вы превратились в камень и трансформировались обратно только тогда, когда попали сюда? Но тогда кому-то пришлось бы все время бодрствовать...

— Нет, — ответила Лаки. — Но достаточно близко. Мы можем летать намного быстрее, чем вы, но недостаточно быстро. Есть... ограничение скорости. Ничто во Вселенной не может двигаться быстрее трёхсот тысяч километров в секунду. Не имеет значения, насколько ты магический или умный. Ну... во всяком случае, так мы думали, когда я улетела. Существовали несколько теорий... но я отвлеклась.

Кобылка начала рассказывать взад и вперёд перед костром. Пока она говорила, Даст внимательно следила за любыми признаками обмана. У неё было преимущество в том, что она много месяцев жила с Лаки — она знала, когда та лжёт. Всякий раз, когда кобылка не хотела о чём-то рассказывать, она меняла тон или смотрела в другую сторону, в то время как её хвост быстро вилял взад-вперёд. Она была бы ужасным игроком в карты.

Но ничего из этого сейчас она не делала.

— Эту часть трудно объяснить. Дело в том, что мы не знали, куда идти, чтобы найти вас. На планетах может жить много разных людей, но всех их может быть нелегко заметить. Мы должны были побывать в как можно большем количестве мест. Давай... представим, что Эквестрия становится больше, и она хочет построить несколько новых городов за границей, чтобы делать погоду. Они могли бы просто отправить облака и все прочее, наполненное водой, прямо с фабрик, которые уже есть. Но это может занять много времени, и по дороге будет потрачено много воды. Потребовалось бы гораздо меньше пони, если бы они построили новую фабрику где-нибудь поближе. Они могли бы построить её в Клаудсдейле и просто полететь с ней...

«Как собственно мы и делаем», — подумала Даст, но вслух этого не сказала.

— Но теперь давай предположим, что новый город так далеко, что Эквестрия не может сделать даже этого. Случаются... опасные штормы. Фабрика не может туда добраться. Поэтому вместо этого они отправляют умного пегаса в этот новый город. Он знает, как сделать погодную фабрику, и через несколько лет учит всех местных жителей, и они собирают металл, воду и прочее, и строят её прямо там.

— Ладно... Думаю, в этом есть смысл. Но как это связано?

— Это то, что сделали люди. Но мы не могли даже послать одного пони, потому что все было очень далеко. Тысячи лет, может быть, больше. Поэтому вместо этого мы послали заклинание. Это... машина. Не одна, а множество. Десятки, когда я услышала об этом проекте. Но каждое из них должно было посылать больше.

Кобылка неопределённо помахала копытом.

— Представь, что заклинание... это письмо, которое положили в бутылку и выбросили в океан. Она дрейфует годами, пока кто-нибудь не найдёт его. Если её никто не найдёт, заклинание внутри приплывает на пляж, превращает песок в новые бутылки и выбрасывает их обратно в океан. Сообщение плывёт по течению, пока не найдёт кого-нибудь дружелюбного.

— И что тогда?

— Тогда оно... создаёт меня. Не только меня. Её, — Лаки указала через костёр. — Вот почему мы так похожи. Заклинание знало, как создать только одну пони. И мы не единственные.

— Заклинание делает пони? — спросила Даст, не в силах сдержать своё недоверие. — Даже Селестия не может подобного!

По крайней мере, пегаска так считала. Были некоторые пони, которые вели себя так, как будто Эквестрию создали принцессы. Лайтнинг отвергала подобные суеверия.

— Значит, ты... не настоящая?

— Это не очень удачная аналогия. На самом деле оно вообще не использует магию, и... это больше похоже на то, что оно выращивает нас. Например, представь, что я могла бы сфотографировать тебя, а затем поместить картинку в специальную почву, и выросла бы копия. Как-то так? Хотя... — Лаки помотала головой. — Нет никакого способа объяснить! Все это — одна глупая аналогия за другой.

Она остановилась, тяжело дыша.

— Послушай, достаточно ли сказать, что мы могущественная инопланетная раса издалека? Все, что я когда-либо говорила тебе о наших дружеских отношениях, — правда. Есть только одна вещь, которую я тебе не сказала. Мы не можем уйти. Эквус теперь наш дом, и поэтому мне было очень интересно узнать о нем как можно больше. Его историю, его опасности... К завтрашнему утру они должны найти нас, и ты увидишь весь наш город. Все, что у нас есть. Мы строим больше, но...

Кобылка замолчала.

Даст ничего не ответила, так что наступило ещё одно долгое молчание. История Лаки звучала примерно так же безумно, как и в первый раз, когда Лайтнинг услышала её фрагменты. Но в то же время это имело смысл. Это соответствовало тому, что она видела — насколько беспомощной и растерянной была кобылка. Откуда взялся этот новый язык, хотя все они были пони. Почему Лаки так заботилась о вещах, которые большинство

пони считали академическими вопросами, о которых им не нужно беспокоиться.

В истории осталось несколько дыр. Для начала, знали ли о них принцессы? Если да, то зачем так стараться поймать Лаки, когда она только появилась? И что это были за монстры, которые напали на Додж Джанкшен и, по-видимому, убили пони, которая была очень похожа на Лаки?

Но больше всего её беспокоил не этот вопрос, хотя, вероятно, так и должно было быть.

— А что насчёт тебя? — спросила Даст. — Пони, которую я знаю как Лаки Брейк, кто она?

— Я... намного моложе и намного старше, чем ты думаешь. Я родилась всего за неделю до того, как ты встретила меня. Но... у меня есть воспоминания, которые старше, — кобылка указала крылом через костёр на свою старшую сестру. — У неё те же воспоминания. До того момента, как мы обе родились. Потом я ушла, жила с тобой, ты приняла меня... сделала меня другой. Вообще-то, я здесь самая старшая из живущих на этом острове... если не считать тебя.

— Не чейнджлинги?

— Нет, — она хихикнула, снова садясь у костра. — Ты когда-нибудь видела, как я меняюсь? Остальные тоже не могут. Это наш дом, и мы выглядим так, как выглядим.

Кобылка вздохнула.

— После жизни с тобой я больше, чем когда-либо, хочу, чтобы люди ладили с вами. Я бы хотела, чтобы некоторые из нас смогли здесь обосноваться. Может быть, на этом острове — не похоже, что кто-то ещё на него претендует. И мне пришлось пойти и все испортить.

Лаки понизила голос, снова уставившись в землю.

— Конечно, мы бы не узнали о целой погибшей цивилизации, если бы я ничего не сделала... я бы не узнала язык строителей кольца... но и принцесс мы бы не разозлили. Если они когда-нибудь узнают, что это была я... и все пони здесь выглядят точно так же, как я, — кобылка застонала, снова закрывая лицо. — Я знаю, я не очень умная. Я паршивая кобылка. Ты, наверное, больше не захочешь меня видеть. Я бы не стала тебя винить. Мы можем... наверное, отвезти тебя обратно в Эквестрию. Куда захочешь. Без моего маячка, как на долбаном джампере, вас не должны сбить...

Теперь она плакала. Лайтнинг Даст ни с чем не могла спутать этот жалобный писк, смешанный с её словами.

«Лаки не плохая пони. Она не пытается использовать меня. Она испуганный жеребёнок в плохой ситуации, которую никто не понимает».

На этот раз пегаска действительно притянула её в объятия, обняв кобылку двумя крыльями разом.

— Тихо... Успокойся, малышка. Я не хочу от тебя избавляться. На самом деле, меня даже впечатлило, какую неразбериху ты устроила.

Это не помогло, и Лаки только начала плакать громче.

— Х-хех, ну... вероятно, не совсем так... Послушай, я прощаю тебя. И, насколько помню, принцессе Фларри Харт очень понравилось путешествовать с тобой. Может быть, она все уладит. Если она действительно возьмёт все на себя, то Селестия не будет винить других... людей. И вообще, что это за люди?

Лаки проигнорировала вопрос.

— Если, — мрачно пробормотала она. — Теперь ты говоришь как в Спарте.

— Я понятия не имею, что это такое. Но мне всё равно, — пегаска опустила ближе к земле, прикрывая спину Лаки одним крылом. — Это не так хорошо работает с песком, как в облаках. Ты уверена, что мы не можем просто прилететь туда и...

— Уверена! — в голосе кобылки мгновенно послышался страх. — Я видела, насколько хорошо работают противовоздушные турели. Пока я не заставлю Оливию отключить их, никаких полётов.

Лайтнинг Даст хмыкнула.

— Неважно. Костёр греет. А теперь таким нарушителям спокойствия, как ты, нужно немного поспать. Завтра ты сможешь показать мне все, что хотела. Может быть, то, что ты сказала, обретёт больше смысла, когда мне будет на что посмотреть.

Лаки только рассмеялась, а ближе к концу устало зевнула.

— Д-да, — она поёжилась, устраиваясь поудобнее.

Глядя сверху вниз на кобылку, Даст не могла больше найти в своём сердце места для подозрений. Не имело значения, что говорил голос. Это был не монстр. Лаки, может, и не пони, какими пегаска их знала, но почему это должно кого-то останавливать? Лайтнинг дружила с драконами, грифонами и другими существами. Почему эта пони не может быть её дочерью?

Кобылка, о которой шла речь, заснула через несколько минут, такая же уставшая за день, как и Даст. Пегаска смотрела, как пони по другую сторону догорающего костра ворочается с боку на бок, пытаясь найти удобное положение.

«Ты та пони, которой была бы Лаки, если бы она не пришла ко мне?»

Она могла бы спросить об этом, но без дочери, которая станет переводить, они смогут обменяться лишь несколькими простыми словами. Лучше всего было просто подождать утра. Тогда все станет менее безумным.

* * *

Оливия слегка наклонилась в кресле на борту транспорта на воздушной подушке «Фазтон», положив одно копыто на ремни, которые надёжно удерживали её даже во время почти постоянных изменений направления движения. На острове Отар (в настоящее время безымянном) ещё не было дорог, ничего такого, что могло бы показаться пролетающим мимо существам признаками цивилизации. «Фазтон» мог обеспечить довольно комфортное путешествие по такой пересечённой местности, если вы были готовы пожертвовать скоростью ради комфорта, пока пара дронов, летящих впереди, могла выбрать наилучший путь.

Под униформой майора оба бока всё ещё были забинтованы. Её тело, казалось, хорошо заживало. К сожалению, даже полное исцеление мало что могло сделать, чтобы убрать то, что она видела.

Оливия не желала жертвовать скоростью, да и вообще чем бы то ни было. Они даже не стали бы ждать, пока вернутся в Отар, чтобы провести разбор полётов. У «Фазтона» не было отдельной рубки пилота, это была просто бронированная версия гражданского судна на воздушной подушке,

так что внутри было достаточно места для нескольких пони. Таких, как лейтенант Диего Перес, глава её нового подразделения спецназа, а также доктора Дороти Борн, лидера её учёных.

— Я знаю, вы не хотите говорить, — продолжала доктор Борн даже сейчас. — Но это потрясающая вещь. Вам нужно это услышать.

Оливия хмыкнула и неохотно отвела взгляд от окна. Она приняла лекарства от морской болезни, неизбежной при перемещении на таком транспорте, но, как и все лекарства, их действие на организм пони было в лучшем случае частичным. Далеко не так хорошо помогают, как на Земле.

— В последнее время меня потрясают каждые несколько часов, доктор. Я уверена, что бы это ни было, оно может подождать.

— Нет, — продолжала настаивать та, — не может.

Перес возмущённо фыркнул о таком очевидном неуважении, но ничего не сказал. Гражданским лицам предоставлялась привилегия: им прощалось то, что не могло бы сойти с рук никому в надлежащей цепочке командования, и он это знал. По крайней мере, по поводу этого разговора он выглядел таким же несчастным, как Оливия. Майор и так уже была впечатлена действиями своей команды. Даже Лея на удивление хорошо адаптировалась к бионосителю. Возможно, она даже будет готова заступить на дежурство примерно через неделю.

— Хорошо, — сказала Оливия. — Предвестник, сколько времени до нашего прибытия?

— Две минуты, — почти сразу же ответил голос зонда.

— У вас есть это время. Вы завладели моим безраздельным вниманием.

Абсолютная ложь. Борн повезёт, если она получит хотя бы половину, учитывая дискомфорт майора. Как физически, так и из-за картинок, присланных дронами безопасности Отара. Всего три пони и один из её команды пропал.

— Я узнала, как местные клетки могут выжить на кольце и почему привнесённые не могут, — заявила доктор Борн без предисловий. Она держала во рту планшет, на котором было изображение, полученное с помощью электронного микроскопа, причём некоторые части клетки были окрашены, а другие нет. Оливия не могла в этом разобраться и даже не хотела пытаться, учитывая постоянное дрожание и тряску.

«Я не буду блевать на глазах Переса. Или доктора Ирвин, как только мы её заберём, если уж на то пошло».

Лингвист отличалась от других гражданских лиц, которых Оливии приходилось терпеть. Она чётко следовала её указаниям, например, таким, как отправка регулярных отчётов. Она подвергла себя риску, чтобы как можно лучше выполнить свою миссию. Из того немногого, что знала майор, лингвист могла бы взять несколько книг и сбежать домой, поджав хвост. Но она этого не сделала.

«Возможно, взрослые версии бионосителей неполноценны. Половое созревание разрушает все их хорошие черты».

Доктор Борн все это время говорила, объясняя что-то, что не имело никакого смысла. Оливия откашлялась.

— Попробуйте ещё раз. Нет, подождите. Давайте сразу перейдём к выводам. Можем мы вырастить людей или нет?

— Мы, э-э...

Нерешительность.

— Органеллы работают во многом как митохондрии, как я уже сказала. У них есть независимый репродуктивный цикл, отдельная ДНК. Они, по-видимому, саморегулирующиеся, размножаются или позволяют себе умирать в зависимости от количества прионных белков в клетках-хозяевах. Мои первые испытания с пересаженными тельцами Борн... так я называю их на данный момент... оказались предварительно успешны. Но могут быть и долгосрочные побочные эффекты. В идеале я бы хотела запустить большую клеточную линию и вырастить как можно больше человеческих тканей. После этого пусть Предвестник вырастит нам тело без разума, и мы посмотрим, как долго оно проживёт. Если это сработает так, как я думаю, у нас могут появиться первые люди через... двадцать лет?

Если бы Оливия что-нибудь пила, она бы забрызгала всю кабину.

— Два десятилетия? — она энергично покачала головой. — Доктор, я не думаю, что вы понимаете масштаб того, о чём говорите. Сейчас нам приходится работать с двумя генетическими образцами. Мне не нужно говорить ведущему генетику моей команды, какие последствия это будет иметь для успеха Отара.

Доктор Борн выглядела абсолютно беззаботной.

— Тогда мы пойдём и наберём больше образцов, или просто подождём. В этом нет никакой спешки — у нас нет крайних сроков. Но если я ошибаюсь, и мы начнём делать бионосители...

Оливия прочистила горло.

— Я не думаю, что вы понимаете, в какой опасности мы находимся. Возвращение в Эквестрию для сбора образцов подвергает нас неоправданному риску. Ждать, не повышая нашу готовность к возможному нападению, в то же время увеличивая население, которое в долгосрочной перспективе нежизнеспособно... Нет. Разве Предвестник не может просто запустить все ваши тесты в симуляции?

— Ну... да, я уже запустила их. Но только потому, что...

Судно на воздушной подушке резко замерло.

— Мы прибыли, — сообщил Предвестник, его голос был таким же ровным, как всегда.

— Я ожидаю узнать результат ваших симуляций, как только они будут завершены. Если результаты будут положительными, то мы сделаем все, чтобы стать последним поколением пони. Понятно?

— Да, — доктор Борн откинулась на спинку сиденья, сложив копыта вместе и свирепо глядя на майора. Но спорить не стала. По крайней мере, она достаточно чётко понимала своё положение, чтобы знать: то, что скажет Оливия, Предвестник сделает.

«За исключением того случая, когда я сказала ему прекратить убивать Лею. Все могло бы пройти лучше».

— Открой дверь, — приказала майор, вставая. На ней не было официальной парадной формы, как стоило бы сделать, чтобы поприветствовать вернувшегося оперативника при более благоприятных обстоятельствах. Оливия была в броне, как и Перес в углу. Шлем свисал сбоку, но в остальном она была готова вступить в бой в любой момент. Если это какая-то ловушка, что ж... она готова к этому.

«Фаэтон» медленно опустил четыре ножки из нержавеющей стали, а затем герметичная дверь с шипением открылась.

«Они на моем пляже», — подумала она, и хвост слегка дёрнулся от раздражения под броней. Но совсем немного — она не собиралась ничего говорить об этом. Никто из учёных даже не знал об этом пляже. Не говоря уже о лингвисте на удаленке.

Оливия увидела именно то, что показали ей дроны — импровизированный лагерь с собранными местными фруктами, которые никто не ел по её специальному приказу. Лингвист и её гость, очевидно, не знали об этом, потому что они зажарили несколько больших кусков на палочках, и большинство из них были уже съедены. Старший клон тоже ела, судя по испачканной шерсти.

«Ты же на пляже. Помойся».

— Доктор Джеймс Ирвин, третье поколение, — сказала Оливия, выходя из транспорта на воздушной подушке и нервно осматриваясь по сторонам. Над этим местом кружили два десятка дронов, каждый из которых был вооружён, так что она не ожидала неприятностей. Но она не ожидала, что накануне джампер будет сбит. Она не ожидала, что Предвестник попытается убить одного из её солдат ещё до того, как закончит её изготовление.

Она не стала отдавать честь, но вытянула одно копыто, чтобы его можно было пожать. Несмотря на отсутствие брони, Джеймс G3 была выше её и немного более зрелой. У неё также был символ на боку.

Лингвист ответила на жест, ухмыляясь с видимым безразличием.

— Рада наконец-то познакомиться с тобой, Оливия. Но я знаю, что у меня здесь есть ещё один клон, так как насчёт Лаки? Это моё имя на эквестрийском, — кобылка оглянулась через плечо. — Мы со мной прекрасно провели время, путаясь в этом первые несколько раз, когда разговаривали.

Майор пожала плечами.

— Лаки, — повторила она, вероятно, переврав произношение. Это не был один из двух языков, которые имели значение. — Да, хорошо.

Оливия огляделась.

— Доктор Нолан где-нибудь поблизости? Нам нужно вернуться в Отар как можно быстрее.

— Нет, — это была доктор Ирвин, та, что постарше.

«Дефектная».

— Она мертва, — кобыла неловко переступила с ноги на ногу, оглядываясь на океан. — Мы единственные, кто выжил.

— Где тело? — голос Оливии похолодел. — Вы похоронили её?

— Нет, — ответила доктор Ирвин. — Мы не смогли её найти. Но мы знаем, что она не могла выжить. С той скоростью, что мы летели... мы не должны были уцелеть. Но Лаки говорит, что для этого есть причины, просто они не имеют для меня смысла.

— Я ожидаю услышать эти причины, как только мы двинемся в путь. На данный момент я доверяю вашей оценке.

Теперь ей предстояло разобраться с тем, что приволокла с собой доктор Ирвин. Тут было три пони — два лингвиста и местная.

Эта пони была выше любого из них, с мускулистым телом, гривой, окрашенной в несколько разных цветов, и уверенным взглядом. Даже более крупный клон-переводчик явно чувствовала себя немного напуганной Оливией, но не эта пони.

— Ещё один последний момент, прежде чем мы отправимся, — майор указала на новую пони. — Кто это? В вашем сообщении упоминалось, что вы кого-то приведёте, но подробностей не было.

— Это Лайтнинг Даст, — ответила Лаки, подходя немного ближе к темно-зелёной пегаске. — Она единственная, кто заботился обо мне все эти месяцы.

Оливия наклонилась вперёд, понизив голос до шёпота и говоря прямо в ухо кобылки. Казалось маловероятным, что туземка могла бы выучить английский или китайский так же быстро, как лучший лингвист Земли выучил их язык, но уверенности в этом не было.

— Лаки, один из наших гиперзвуковых летательных аппаратов только что был сбит. Я не могу допустить в Отар никого и ничего, что могло бы подвергнуть риску мою команду. Твоя подруга-туземка — потенциальная опасность, независимо от того, как много она сделала, чтобы помочь тебе до настоящего момента.

Оливия ожидала, что кобылка отшатнётся, съёжится, как это всегда делали гражданские лица в ответ на её требования. Однако тут она была разочарована.

Лаки заметно напряглась, выражение её лица стало почти таким же холодным, как у самой Оливии несколько мгновений назад.

— Моя подруга оставила всю свою жизнь, чтобы защитить меня, Оливия. Она пошла против принцесс Эквестрии. Меня бы схватили, и моя миссия была бы провалена много месяцев назад, если бы не она.

— Возможно, — прошептала майор в ответ. — Но на нас напали. Независимо, что, по твоему мнению, она сделала для тебя, она — угроза. Пока мы не выясним, что происходит, её не должно быть здесь.

Лаки мгновенно отступила назад, к зелёной пегаске.

— Если она уходит, я тоже. Лайтнинг Даст некуда идти. Она не может вернуться в Эквестрию прямо сейчас, так же как и я. Сложно будет найти другую пони, более готовую дать нашему обществу шанс.

Оливия подумала о том, чтобы просто приказать ей — или приказать Пересу — закинуть Лаки в «Фаэтон» и покончить с этим. Вместо этого она сделала один глубокий вдох, искоса взглянув на взрослого клона.

«Может быть, ты всё-таки не дефектная. У вас обеих слишком много сострадания и недостаточно здравого смысла».

Эта «Лайтнинг Даст», по-видимому, помогала их миссии уже несколько месяцев. Она по-прежнему представляла собой опасность, но опасность с потенциальной огромной выгодой.

«Они просто примитивные туземцы, насколько они могут быть опасны?»

Тем более, в нагрузку к местной шёл компетентный лингвист. Они могли бы узнать все что угодно об обществе пони, а их переговорщик мог...

Их мёртвый переговорщик не сможет использовать ничего из того, что они узнают.

«И мы всё ещё в опасности. Даже стоя здесь, на пляже, мы подвергаемся риску».

Как долго она стояла там, раздумывая, а все смотрели, как она молчит и не двигается? Оливии было всё равно.

— Хорошо, — она спокойно прошла мимо Лаки, пока не смогла прямо взглянуть на ту, о ком так заботился её лингвист. Пони, казалось, не поняла многого из того, что было сказано, но, похоже, как минимум, уловила тон разговора. Она наблюдала за Оливией с явным подозрением.

— Привет, Лайтнинг Даст, — сказала майор, протягивая копыто. — Добро пожаловать в Отар.

Туземка посмотрела на её копыто. Последовало долгое молчание, Даст, очевидно, поняла этот жест, но сотрудничать не желала.

Но потом всё же ответила на приветствие.

— Привет, — сказала она в ответ, её акцент был таким же сильным, и у Оливии, когда та пыталась произнести её имя. — Лаки... и какая-то чушь из бессмысленных звуков.

— Сойдёт, — майор отвернулась от туземки и взглянула в сторону транспорта. — Все, тащите свои задницы в «Фаэтон». Разбор полётов начнётся, как только мы двинемся в путь.

Как оказалось, сразу все обсудить не получилось. Хотя возражения Лаки помешали майору отослать её мать куда подальше, они не могли заставить Оливию обсуждать с ней вопросы безопасности Отара в суде на воздушной подушке. В то время как Лаки ушла с майором и её голово-резами, Джеймс было поручено наблюдать за новым жителем Отара.

Джеймс шла по залам города ещё осторожнее, чем обычно. Она была в компании ещё одной местной без шокового браслета, который мог бы вырубить её в случае чего. Дэдлайт выглядел вполне мирно, и он напал. Эта пони выглядела так, словно могла напасть в любой момент. Если она так и сделает, Джеймс не хотела бы находиться рядом.

Она дала пегаске гарнитуру, точно такую же, как у Дэдлайта, за исключением того, что программное обеспечение было немного улучшено. Джеймс говорила медленными, простыми фразами, объясняя все по ходу дела. В отличие от Дэдлайта, которого переполняло любопытство, эта кобыла хранила молчание, и в её глазах было только осуждение.

— И это медицинское крыло, — продолжила Джеймс, махнув копытом перед датчиком. Двери открылись. — Мы просто пришли сюда для твоего осмотра и вживления идентификационного импланта.

Медицинское крыло значительно расширилось с момента основания Отара и теперь было в два раза больше столовой. Почти такой же большой, как обычная клиника, хотя, конечно, здесь все было сделано под людей и ни одного врача не было.

Ну, за исключением автоматизированных. Когда они вошли, стеклянная плита высотой примерно в человеческий рост осветилась голографической проекцией дружелюбно выглядящей медсестры в официальной униформе.

— Добро пожаловать в медицинское крыло, — сказала она весёлым голосом. — Все наши врачи сейчас на вызовах, но я буду рада помочь с любыми основными медицинскими потребностями, которые у вас могут возникнуть.

Пауза, затем короткая вспышка зелёного света с пола вокруг них, когда датчики провели сканирование.

Лайтнинг Даст подпрыгнула, зависнув в воздухе и уставившись на пол. Вокруг неё поднялся ветер, как будто её раздражение могло вызвать крошечную бурю.

— Что это было? — спросила пегаска через переводчик слегка роботизированным голосом. — Откуда это взялось? Что это было за существо? Это причинит нам вред?

— Нет, — Джеймс старалась выглядеть как можно увереннее. — Это магия.

Она использовала слово на эквестрийском, которое, как она узнала из многих отчётов, было универсальным для всего, что пони не понимали. По крайней мере, Джеймс так думала.

— У нас пока не так много людей, поэтому мы используем магию для большинства вещей, пока они не появятся.

Лайтнинг Даст впиалась взглядом в прозрачную медсестру.

— Ты уверена?

— Мне жаль сообщать об этом, но у одного из вас инфекция. Однако я не могу обеспечить лечение ни одному человеку без идентификационного импланта. Пожалуйста, пройдите в хирургическую зону, чтобы получить свой имплант.

— Да. Мы так и поступим, спасибо.

Лайтнинг Даст моргнула, уставившись на стеклянную плиту. Она приземлилась, подошла к ней и ткнула копытом.

— Она плоская.

— Да, — согласилась Джеймс. — Это просто для того, чтобы те, кто приходит сюда, чувствовали себя более комфортно.

— Почему эта штука заставляет кого-то чувствовать себя комфортно? Это похоже... на больного минотавра, играющего в переодевание. У него должны быть крошечные копытца, чтобы поместиться в этих ботинках, — Даст прищурилась разглядывая голограмму. — И эти лапы такие нежные. Держу пари, она покалечится, если попытается хоть что-то сделать. То есть пони должны чувствовать себя лучше, жалея это существо?

Джеймс хихикнула, но затем замерла, распахнув глаза.

— Подожди минутку. Лаки никогда раньше не показывала тебе такие изображения?

— Нет, — ответила местная через переводчик. — Сначала она пыталась показывать мне разные вещи, но по большей части это было скучно. Почему она могла захотеть показывать мне это?

— Потому что так выглядит наш вид, — ответила Джеймс. — Я имею в виду, когда мы были дома. Все мы выглядели так.

Лайтнинг Даст вздрогнула, несколько раз переводя взгляд с виртуальной медсестры на Джеймс, как будто ища сходство.

— Ты уверена? У нас тоже есть старые мифы о том, что мы выглядели по-другому, давным-давно. Это не делает их правдой.

— Уверена, — Джеймс медленно обошла стеклянную панель, пока не нашла маленький кабельный разъём, подключённый к проектору у основания. Она наклонилась и выдернула его ртом, и изображение исчезло. Конечно, были десятки других, по одному почти в каждой части помещения, где мог бы находиться человек. Но она могла показать, что это изображение, по крайней мере, не могло навредить им. — Но сейчас мы не можем отвлекаться на такие разговоры. Мы должны закончить с твоим имплантом.

— Конечно, конечно, — ответила Лайтнинг Даст. Трудно было сказать наверняка, но, похоже, она говорила с сарказмом. Было бы легче понимать её эмоции, если бы Джеймс могла лучше понимать её слова. — Я понимаю, что многим пони неудобно говорить о своей религии.

Джеймс просто прошла мимо пегаски, мимо нескольких крошечных зон ожидания, разделённых стеклом, которое становилось непрозрачным для уединения пациентов, когда кто-то был внутри. Но сейчас внутри никого не было, даже Дороти. Их биолог была той, кто настаивала на многих из этих улучшений, поскольку Предвестник был более чем квалифицирован, чтобы делать с пациентами все, что могла доктор Борн. Если не лучше. И для тех вещей, которые Предвестник сделать не мог... ну Дороти тоже этого сделать не могла, так что в этом не было ничего особенного.

Зажётся свет на дверях хирургического отделения, мигая красным и зелёным, чтобы помочь им ориентироваться.

— Доктор только что сказал, что ты больна, — сказала Джеймс, пока они шли туда. — Ты плохо себя чувствуешь?

Лайтнинг Даст энергично помотала головой.

— Нет. Я не больна, и я не хочу обращаться к врачу. Я только хочу, чтобы Лаки вернулась.

— Да вернётся она, — пообещала Джеймс, даже не замедляя шаг. Она надеялась, что пегаска просто пойдёт за ней, так и произошло. — Но даже если ты не хочешь идти к врачу, тебе нужен идентификационный имплант.

— Что за... — переводчик поперхнулся тем, что сказала пегаска.

Они вошли в операционную. Даст дальше дверного проёма не пошла, и Джеймс могла понять, почему. В операционной было четыре хирургических поста, каждый из которых был сделан из полированной нержавеющей стали, с роботизированными манипуляторами, свисающими с потолка. У каждого был отдельный пульт управления для врача. Эпоха докторов, которые резали пациентов руками, давно миновала.

Первая хирургическая зона была освещена, и Джеймс направилась к ней, подходя ближе к сложной роботизированной руке. У той были десятки маленьких придатков, все скрытые внутри, чтобы сохранить стерильность, пока не используются. Если бы Лайтнинг могла видеть все режущие инструменты, сверла и прочее, она, вероятно, не успокоилась бы.

— Что такое? — снова спросила пегаска. — И что это такое?

Джеймс повернулась к ней лицом, стоя прямо рядом с машиной.

— Имплантат — это... как заклинание. Мы вставляем его в одну из твоих ног, и он заставляет всю магию Отара работать с тобой.

«И как только он у тебя будет, дроны будут воспринимать тебя как гражданина, и не убьют, если ты попытаешься улететь».

Но говорить вслух этого не стала. Почему-то она сомневалась, что Даст воспримет новость о смертельной угрозе лучше, чем Дэдлайт.

— Не буду, — отрезала пегаска. — Я хочу поговорить с Лаки.

— Как только она закончит свою встречу, — пообещала Джеймс уже в сотый раз. — Нам позвонят, и я тебе скажу. Но если ты не получишь его сейчас...

«Как это вообще объяснить?»

— Здесь есть ещё один пони из Эквестрии. Майор сказала Предвестнику не ставить ему имплант. Из-за этого он здесь как заключённый. Он даже не может открыть двери без чьей-либо помощи. Помнишь, как каждый раз, когда мы подходили к двери, я поднимала ногу? Если ты не получишь его прямо сейчас, майор может сказать, что тебе нельзя, и тогда ты будешь такой же, как он.

Лайтнинг Даст просто стояла там, хотя выражение её лица немного смягчилось. Скорее смущение, чем испуг.

Джеймс продолжила:

— Как только ты получишь его, магия, которая защищает нас, защитит и тебя, — пегаска колебалась. — Я не знаю тебя, Лайтнинг Даст. Но я знаю, что мой клон очень заботится о тебе. Она хочет, чтобы ты получила имплант, чтобы майор не смогла использовать тебя.

Джеймс махнула копытом.

— Как только ты попадёшь в систему, только сам Предвестник сможет отозвать твои привилегии. Пожалуйста, у нас может больше не быть такого шанса, если ты будешь ждать. Я не знаю, чем закончится встреча.

Конечно, быть одним из сегментов зонда не всегда хорошо. Например, им была солдат без ноги, которую чуть не порезали на куски, потому что Предвестник счёл, что она не сможет выполнить свою миссию.

Теоретически, после того как тебя разбудили и выпустили из капсулы, подобной опасности не было. На практике же... не было никакого способа узнать, что предпримет Предвестник, пока он не решит убить одного из них. Джеймс надеялась, что этого никогда не случится.

— Хорошо, — Лайтнинг Даст шагнула вперёд, в хирургическую зону. — Я сделаю это... что бы это ни было. Если это то, чего хочет Лаки.

— Так и есть. Очень сильно. Я совершенно в этом уверена.

У неё были чёткие инструкции, которые Лаки прошептала ей на ухо, пока Оливия собирала других своих солдат для совещания по безопасности. Но даже без них Джеймс знала бы, что именно этого хотела её клон. Это было то, что она сделала бы, если бы была близка с местным жителем. Это было именно то, что она пыталась сделать для Дэдлайта. К сожалению, из этого ничего не вышло.

Медсестра появилась на стеклянной панели у стены.

— Пожалуйста, заберитесь на операционный стол и вытяните правую руку. Процедура займёт примерно пять минут.

Лайтнинг Даст не сопротивлялась, когда хирургический манипулятор схватил её за правую переднюю ногу. Она не закричала, когда полая игла раздвинула шерсть, пробила кожу и插вила имплант. Что касается операции, то она была почти полностью безболезненной. Не прошло и пяти минут, как хирургическая рука сложилась и убралась к потолку, как и остальные.

— Спасибо, — сказала медсестра с экрана. — Пожалуйста, в ближайшее время будьте осторожны с этой частью вашей руки, так как достаточное усилие может привести к смещению импланта и потребовать хирургического восстановления. Не забудьте зайти в аптеку за лекарствами.

Экран потемнел, медсестра исчезла.

Лайтнинг Даст застыла там, где сидела, как будто ожидала, что её нога нападёт на неё, если она попытается встать. Естественно, этого не произошло, и Джеймс махнула копытом.

«Это не 100 % надёжный план. Если встреча пройдёт неудачно, майор может попытаться убедить Предвестника отозвать гражданство Даст».

Шансы на это были невелики, по крайней мере, Джеймс так думала. Она была уверена, что зонд увидит социальную ценность готового помочь местного.

«И не только из-за генетических образцов, которые, как я знаю, были взяты во время операции».

Лаки сказала, что собрала аж несколько десятков, хотя и не объяснила, в какой форме они были. К сожалению, все образцы остались в Эквестрии вместе со всем остальным её имуществом.

— Когда все начнётся? — спросила пегаска. — Это был наркотик, да? Когда он подействует...

— А? Нет, все уже закончено, — Джеймс направилась к выходу, махнув крылом Даст, чтобы она следовала за ней. — Мы должны взять тебе какие-то таблетки, но на этом все.

— Ох, — Лайтнинг Даст соскочила с операционного стола так быстро, что он слегка наклонился в сторону, пружины протестующе взвизгнули. — Я ожидала худшего. Лаки тоже делали операцию? Я видела её снимки. Странные кости.

— Тебе это не нужно, — Джеймс направилась к аптеке. — Ты всё равно слишком взрослая. Это нужно делать, пока ты молодая.

Она не хотела объяснять, как композит разрастается вокруг костей с возрастом. Она не смогла бы объяснить все подробно, это выходило далеко за пределы её знаний.

— Теперь поднеси ногу вот сюда.

Аптека представляла собой просто большую машину, вмонтированную в стену, с отверстием, закрытым пластиковой шторкой. Даст подняла ногу в нужное место, и изнутри послышался дребезжащий звук. Темно-оранжевая бутылка выскользнула в раздатчик. Пегаске пришлось подпрыгнуть в воздух, чтобы дотянуться до неё — раздатчик располагался выше, чем могли бы достать дети, а следовательно и пони имели с этим проблемы.

— И мы закончили! — Джеймс повернулась к двери. — Держи их при себе. Лаки может помочь тебе с ними, если захочешь. И, скорее всего, должна — раз компьютер думает, что ты больна, он, скорее всего, прав. Но тут пусть лучше Лаки объяснит. Не думаю, что компьютер переводит так же хорошо, как она.

Растерянный взгляд Лайтнинг был единственным подтверждением, в котором Джеймс нуждалась. У Даст была новая пара седельных сумок, и она бросила туда таблетки, хотя, похоже, не собиралась их принимать.

— Теперь тот другой пони, о котором я упоминала. Думаю, тебе стоит с ним познакомиться. Он, вероятно, жаждет компании, которая сможет его понять.

Они прошли по центральному коридору, спустились по новой лестнице в нижнюю секцию, прошли через другую усиленную дверь. Джеймс показала Лайтнинг Даст, как пользоваться дверями, ожидая, пока пегаска поднимет ногу, чтобы они открылись.

«Теперь ты можешь сбежать без посторонней помощи, если до этого дойдёт».

Даже если она не понимала всего, что показывала ей Джеймс, это пегаска должна была понять.

— Я сказала Лаки встретиться с нами здесь, когда их совещание закончится, — продолжила Джеймс. — Она ещё не знает Отара, но уверена, что она найдёт дорогу.

Чуть далее была библиотека, которая также могла бы служить классной комнатой, если в том возникала необходимость. Конечно, никаких бумажных книг, но множество компьютеров с огромными, «приспособленными для инвалидов» средствами ввода, которыми можно было пользоваться даже копытами. Десятки неперсонализированных вычислительных терминалов и удобные зоны отдыха.

Это было довольно милое маленькое помещение, отделанное панелями из искусственного дерева и освещённое тёплым светом. Возле одной из стен даже была имитация камина. Джеймс хотела бы передать своё восхищение архитектору, если бы он был ещё жив.

— Как Лаки может не знать? — спросила Даст, сбитая с толку. — Это её дом.

— До сих пор у нас не было дома. Лаки была первой. Она жила одна на базе... вся база размером примерно с эту комнату.

— Она не была первой, — возразила пегаска, всё ещё стоя в открытой двери библиотеки. — Ты старше. Все пони старше. Кроме одной.

Глаза Лайтнинг сузились.

— Это... — несколько слов, которые не удалось перевести. — Старлайт Глиммер? Коммуна? Кто-то забрал ваши метки?

— Нет! — воскликнула Джеймс. Она не была уверена в том, что сказала Даст, но была уверена, что она ошибалась. — Нет. Мы просто не знаем, как...

«Как много следует знать Даст? Должна ли она сводить её к биофабрикаторам и показать наполовину законченных пони?»

Нет.

В библиотеке находился лишь один пони, тот самый, который проводил здесь большую часть своего времени. Дэдлайт сидел на том же месте, что и Джеймс, когда читала, в окружении всех её терминалов. Полдесятка из них, каждый с разными книгами по лингвистике. Он начал их изучать всего несколько дней назад, и, похоже, бэтпони прочитал оттуда больше, чем сама Джеймс.

Жеребец был так поглощён чтением, что не заметил, как они вошли, пока за ними не закрылась дверь и Джеймс не подошла ближе.

— Дэдлайт, со мной есть кое-кто, с кем ты должен познакомиться, — она толкнула жеребца крылом в плечо. — Дэдлайт, ты можешь говорить?

Пони поднял голову. Его взгляд задержался на ней чуть дольше, чем было необходимо. Она покраснела и отвела глаза.

— Мелоди, — он отложил книгу, затем взял и надел гарнитуру. — Ещё один учёный? Что вы изучаете?

— Ничего, — ответила Даст ещё до того, как перевод был закончен. — Я не одна из них.

— Ох, — Дэдлайт снял гарнитуру и сказал что-то ещё. Они начали говорить — слишком быстро, чтобы Джеймс успевала понять. Предвестник наверняка все записывает, так что она сможет спросить его об этом позже. В то же время она могла только прислушиваться к их эмоциональному тону беседы. Беспокойство, тревога, подозрение.

«Может быть, было не такой уж хорошей идеей позволить Лайтнинг Даст встретиться с их пленником. Вероятно, он не может сказать о нас ничего хорошего».

Но она этого не знала и не хотела знать. По крайней мере, до тех пор, пока Предвестник не приступит к обработке того, что услышит. Или можно воспроизвести разговор и спросить Лаки.

«Но она, похоже, больше на их стороне, чем на нашей».

Джеймс не могла сказать, насколько сильно её клон стал одним из местных. Она вела себя так же, как они, охорашивалась так же, как они, двигалась так же, как они. У неё даже была их ловкость, хотя Джеймс уже видела это раньше на видео.

«Если она смогла это сделать, то и я смогу. Теперь, когда у меня есть с кем посоветоваться, это будет ещё проще».

Из того немногого, что Джеймс прочитала до сих пор, казалось, что она могла бы овладеть языком за месяц, если бы могла запоминать так же быстро, как в колледже.

Но в данный момент она просто придвинула ближайший стул и стала ждать. Теперь было уже слишком поздно не давать пони встретиться. Джеймс слушала и старалась понять как можно больше слов. По крайней мере, это даст хорошую практику.

* * *

Лаки Брейк начала с самого начала — во всяком случае, с её пребывания в руинах. После того как Оливия почти отказалась выпустить её маму в город, Лаки не хотела делать ничего, что могло бы ослабить её позицию. Рассказ о том насколько глупой она была, вовлекая в это дело членов королевской семьи, вполне мог бы это сделать.

Но она рассказала майору все остальное. Лаки показала бы ей видео, которое сняла с помощью своего шлема, если бы он не был уничтожен во время крушения. Если у скафандра строителей кольца и был какой-то способ записывать происходящее, кобылка не знала, как получить к этим записям доступ. Что было даже к лучшему. Даже если Оливия не узнала бы принцессу, когда увидела, клон Лаки почти наверняка узнала бы. Это привело бы к очень неудобным вопросам, на которые ей не хотелось отвечать.

— Я сохранила это, — в конце концов сказала Лаки, вытаскивая стеклянный кубик со множеством выгравированных линий из кармана и показывая его Оливии. — Судя по прилагающемуся сообщению, это устройство хранения данных. Мы должны попытаться извлечь то, что тут записано, может быть, это поможет узнать, что же их убило.

— Да, — согласилась Оливия, забирая кубик. — Я добавлю несколько компьютерных специалистов в список для следующего поколения. Продолжай.

Так она и сделала. Рассказала об их побеге, о том, как их нашла Лайтинг Даст, а затем об их злополучном бегстве в Отар. Оливия хранила молчание в течение всего рассказа, пока Лаки не добралась до Дискорда и того, как джампер застыл в воздухе.

— Подожди, — сказала майор, поднимая копыто. Все это время она была вежлива, не задавала никаких вопросов, а только просила пояснений в некоторых местах. Но теперь на её лице было явное недоверие. — Ты хочешь сказать, что местное существо остановило вас в воздухе?

Несколько быстрых жестов вывели на экран данные телеметрии, которые Предвестник показывал Оливии раньше, данные о местоположении и наблюдений в момент непосредственно перед попаданием. Майор прокрутила все вперёд до той секунды, когда в корабль попали. Один из двигателей сообщил о критическом сбое, затем весь корабль вспыхнул красным, и надпись «НЕТ ДАННЫХ» сменила все показания, которые отображались ранее.

— Я знаю, как безумно это звучит, — сказала Лаки. — И нет, я не знаю, как он это сделал. Но вы же понимаете, что местные могут делать то, чего не можем мы, верно?

Кобылка оттолкнулась от своего места, затем взлетела и зависла прямо перед столом.

«Спасибо тебе, мама, за то, что научила меня, как это делать».

Ей больше не нужен был разбег, её не сносило в сторону, как это было до тренировок для участия в конкурсе молодых летунов. Она просто устойчиво держалась в воздухе, так же идеально, как и любой местный.

— Ну да, — согласилась Оливия, жестом предлагая ей вернуться на место. — Но у нас есть крылья, и мы летаем. Это не совсем то же самое, что остановить гиперзвуковой летательный аппарат, не убив всех его пассажиров.

Лаки приземлилась. Она поймала себя на мысли, что жалеет, что Даст не разрешили присутствовать на этой встрече, даже если она и не поняла бы многого из услышанного. Но, учитывая, как её не хотели вообще пускать в Отар, кобылка была рада, что её маму не кинули в камеру.

«Я бы им этого не позволила. Не её».

— В моих отчётах говорилось о других способностях. Единороги могут перемещать предметы силой мысли — левитация, — Оливия открыла рот, чтобы прервать её, но Лаки ей не позволила. — Нет, я не имею в виду паранормальную чушь, как там, на Земле. Я имею в виду, что буквально каждый из них постоянно это делает. По улице и пяти минут пройти нельзя, не встретив десяток единорогов, левитирующих вещи или еду рядом с собой, или что-то в этом роде. Способность остановить джампер звучит безумно, но я действительно считаю, что это часть того же класса способностей.

Кобылка сделала паузу, ожидая каких-либо возражений. Их не было, хотя Оливия и её приятель-солдат не выглядели убеждёнными.

— В Эквестрии есть небольшая группа со способностями, намного превосходящими возможности других пони. Сначала я думала, что это просто мифология, но, оказывается, нет. Аликорны — пони, обладающие магией всех трёх племён, — они могут делать то, чего не могут другие. Например, телепортироваться через весь континент. Дискорд, тот кто нас перехватил...

Лаки вздохнула. Оливии будет труднее всего это услышать. И что из этого следует... кобылка даже не могла предположить, как она отреагирует. Но майор была военной, поэтому Лаки догадывалась, что отреагирует она не сильно хорошо.

«Но она не сможет защитить этот город, если не будет знать, что ему угрожает».

— Он знал, что мы здесь. Он знает, где находится Отар. Он знал о том, чем я занималась с Фларри Харт. И нет, он не казался враждебным. Казалось, он хотел нам помочь! Он отправил нас обратно сюда, чтобы я могла... — кобылка колебалась. — Ну, я понятия не имею, что именно. Что-то связанное с принцессой, которая пошла со мной. Я не знаю, чего он хотел, но это звучало так, как будто он идеологически против того, как Селестия и Луна управляют делами.

Лаки на мгновение замолчала.

— Что мне действительно нужно сделать, так это поговорить с Твайлайт Спаркл — именно она направила меня к тем руинам. Руинам, которые научили меня языку строителей кольца и помогли мне обнаружить уничтоженную цивилизацию. Думаю, что она может быть на стороне Дискорда, но скрывает это. Я на самом деле не знаю. Я всего лишь лингвист.

Затем Лаки остановилась, наконец-то закончив. Она могла бы рассказать о своей миссии гораздо больше — например, о своих странных видениях, когда получила свою метку, и о потенциальной опасности для других членов команды, когда они тоже получают свои. Но кобылка не хотела усложнять текущий вопрос обсуждением других тем. Она сказала своё слово.

Молчание длилось несколько минут. Оливия и её приятель-солдат обменялись многозначительными взглядами, но ни один из них, казалось, не хотел нарушать тишину. Как будто они ждали, что Лаки заявит, что она все это выдумала.

Но кобылка этого не делала, и они, казалось, почувствовали её искренность. Спустя долгое время Оливия встала.

— Если это правда, то Отар находится в чрезвычайной опасности. Существо, обладающее способностями, которыми мы не можем противостоять, знает о нашем местоположении. Если он раскроет эту информацию или сам придёт за нами... как ты думаешь, защита, о которой я тебе рассказывала, остановит его? Остановит ли она одну из этих принцесс?

— Нет, — без колебаний ответила Лаки. — Единороги могут делать щиты. Бьюсь об заклад, эти щиты могут остановить пули. Я понимаю, что у нас есть кое-что получше пуль, но... у принцессы и щиты лучше будут. Если бы мне пришлось сделать грубое предположение, я бы сказала, что можно взять все возможности единорога и брать на порядок выше. Вот о чём нам нужно беспокоиться.

Кобылка тоже встала.

— Оливия, я не думаю, что военная защита может быть решением. Та другая цивилизация, которую я видела, была похожа на Землю. У них было оружие, броня, летательные аппараты... и они были уничтожены. Думаю, что наш лучший шанс — выяснить, что это сделало... а затем выяснить, как быть уверенными, что оно не захочет сделать это с нами.

Майор на это не отреагировала.

— Я согласна, что нам нужно больше информации. Но какое бы решение мы ни выберем, нужно ещё будет тщательно обдумать. Мы же не сделали ничего, чтобы спровоцировать этих опасных существ, о которых ты упоминала, верно? Ничего такого, что могло бы заставить их захотеть напасть на нас, если бы они знали о нашем местонахождении?

Лаки поморщилась, отводя взгляд.

— Напасть? Н-нет. Но... — она сглотнула. Ничто не заставляло её быть честной в этом вопросе. За исключением того, что поступи она иначе, это могло бы разрушить все доверие, которое к ней было у Оливии. Что ещё более важно, Отар не будет готов. — Я не знаю, насколько они были рады, что я повела Фларри Харт в то маленькое приключение, в которое отправилась. Я не знаю, станут ли они искать меня после этого. Но если станут, ты должна просто выдать меня.

— Неужели ты... совершила преступление? Повела её против воли? В рассказе звучало так, как будто она хотела быть там.

— Так и было! — воскликнула Лаки. — Мне и правда пришлось уговорить её, но я не делала ничего противозаконного.

«Кроме кражи у Лайтнинг Даст», — но она не стала озвучивать этот момент. Не было никакой необходимости выставять на всеобщее обозрение все, что она сделала неправильно.

— Тогда я не буду этого делать, — ответила Оливия. — Ты действовала опрометчиво, но ты делала это, пытаясь получить необходимую нам информацию, и ты не сделала ничего, что могло бы сделать нас их врагами. Ты проявила больше инициативы, чем кто-либо здесь, и я уважаю это. С этого момента, однако, предоставь все приключения нам.

Пауза.

— Я так понимаю, ты выполнила свою миссию, это верно?

И снова Лаки заколебалась. Но какой смысл лгать сейчас? Оливия, вероятно, всё равно не собиралась отпускать её прямо сейчас.

— Да. Так и есть.

Майор вернулась на своё место.

— Поздравляю. Уверена, что остальные захотят отпраздновать это более официально. Но у нас с Пересом есть более важные дела. Ты можешь поговорить с Предвестником, чтобы оформить все документы.

— Я так и сделаю.

— Не помню, что говорится в руководстве, — продолжила Оливия. — Но ты будешь участвовать как консультант в наших оборонительных планах.

— Или на переговорах, — добавила Лаки. — Я довольно хорошо знаю их культуру. Я прожила там девять месяцев.

«И я бы хотела и дальше жить там. Может быть, я бы прямо сейчас пила чай с Фларри Харт. Надеюсь, что она оправилась от того, что увидела».

— Да, хорошо, — Оливия пожала плечами. — Они убили нашего дипломата. Потребуется некоторое время, чтобы вырастить ещё одного. Я не планирую вступать в контакт с Эквестрией или любой другой нацией, пока у нас не будет замены. Может быть, после этого, и после того, как мы подтвердим кое-что из того, что ты сказала.

Майор выглядела так, словно у неё было ещё много что сказать, но затем она махнула копытом.

— Ты свободна, Лаки. Нам нужно обсудить вопросы обороны. Пожалуйста, держи поблизости коммуникатор, который я тебе дала. Если что-нибудь случится, я позабочусь, чтобы тебя проинформировали.

Лаки не была уверена, что верит в подобное, но на самом деле это не имело значения. Она встала, вежливо кивнула Пересу и вышла.

* * *

Лаки вошла в библиотеку, немного запыхавшись от бега. Коридоры были достаточно высокими, чтобы в них можно было летать, но ей только что выдали совершенно новую форму, и она не хотела в ней потеть. Предвестник, по-видимому, научился делать отверстия для крыльев во всей одежде с тех пор, как она ушла много месяцев назад.

Чего она действительно хотела, так это вернуть то платье с драгоценными камнями, которое заставило её чувствовать себя взрослой. Но оно осталось в Кристальной Империи, в квартире, которую, вероятно, уже давно обыскали власти. По крайней мере, её клон сообщила ей куда следует идти, чтобы найти маму. Все, что Лаки нужно было делать, это следовать указаниям Предвестника, и в конце концов она оказалась в библиотеке.

— Вот она, — сказала Даст, как только дверь открылась. Пегаска расхаживала взад и вперёд перед столом, за которым в окружении компьютеров сидел бэтпони. Её клон тоже был там, тихо читая в углу. Все, по-видимому, ждали её.

— Ты! — жеребец вскочил на копыта и оказался рядом с Лаки так быстро, что она почти решила, что он телепортировался. — Ты была за пределами Эквестрии! Твоя мать рассказала мне! И правда ли, что ты тоже инопланетянка? Все захватчики так похожи друг на друга. Ты нашла внешние границы Эквестрии? Минотавры поработили тебя? Я не хочу думать о судьбе такой молодой кобылки, как ты, оставшейся в одиночестве...

Лаки подняла копыто.

— Давай помедленнее. Я не могу объяснить все это сразу.

Она прошла мимо него туда, где ждала Даст. Пегаска выглядела расстроенной, хотя Лаки не могла сказать, какая из множества возможных причин могла её беспокоить.

— Как все прошло, мам?

Лайтнинг Даст пожалла плечами, хотя продолжала поглядывать на свою правую переднюю ногу. Кобылка не заметила там ничего особенно — никаких травм или чего-то ещё, но она могла и так догадаться.

— Нормально. Твоя старшая сестра говорит, что теперь я могу летать повсюду. Магия не причинит мне вреда. И это здорово, потому что я думаю, что спячу, застряв так надолго под землёй. Ты не хочешь подняться наверх и сделать немного дождя или ещё чего? Может быть, мы могли бы устроить грозу прямо над островом!

— Ты ещё не учила меня делать молнии, — ответила кобылка. — Но... это звучит здорово!

Она подняла глаза, снова переходя на английский ради своего клона.

— Значит, Даст поставили имплант?

Джеймс кивнула.

— Никаких осложнений. Доктор считает, что она болеет, но она с ним не согласна.

Лаки развернулась на месте.

— А ты... Дэдлайт, верно?

— Да, — жеребец был достаточно вежлив, чтобы стоять в стороне и позволить Лаки поприветствовать её маму, не вмешиваясь.

Но теперь, когда она снова обратила на него своё внимание, он начал подпрыгивать вверх и вниз, нетерпеливо подёргивая крыльями.

— Ты говоришь по-эквестрийски и по-английски. Кто ты такая? Инопланетянка или пони?

— И то, и другое. Моя мама научила меня. И все остальное, что ты сказал — да. Я была за пределами Эквестрии. Ты что-нибудь знаешь об этом? Джеймс, — Лаки указала копытом на своего клона, — сказала мне, что здесь уже есть местный житель. Какое-то... недоразумение удерживает тебя здесь уже некоторое время. Жаль слышать об этом.

Жеребец хмыкнул.

— Это один из способов описать произошедшее.

— Дэдлайт говорит, что его похитили, — добавила Даст с небольшим гневом в голосе. — Он здесь пленник. Я тоже пленник, Лаки?

— Нет, — кобылка не колебалась. — Я не знаю, что случилось с ним, но я... попытаюсь разобраться. Похоже, Джеймс уже поставила тебе имплант. Это значит, что мы можем уйти хоть сейчас, и Оливия не сможет тебя остановить. Но ни одна из причин, по которым мы покинули Эквестрию, не изменилась. Если мы сейчас вернёмся, то окажемся в точно такой же опасности, как и раньше.

— Я знаю! — пегаска топнула копытом. Не очень сильно, просто достаточно, чтобы показать её разочарование. — Но это принцип. Пегас не должен сидеть в ловушке.

— Это не так, — снова сказала Лаки. — Как только мы здесь закончим, мы можем пойти полетать, как ты сказала. Я бы хотела посмотреть, как выглядит гроза. Только... до тех пор, пока мы не сделаем ничего достаточно серьёзного, что можно было бы заметить из Эквестрии.

— Готова поспорить, мы могли бы, — заявила Лайтнинг Даст выпрямляясь. — Прячемся, да. Не станем этого делать.

Клон Лаки вернулась на своё место. На ней была одна из гарнитур-переводчиков, и она то и дело поглядывала вниз на вычислительный терминал, прежде чем снова поднять взгляд на них.

«Интересно, пытается ли она заставить Предвестника переводить для неё».

В конце концов он сможет это сделать, хотя кобылка сомневалась, что зонд узнал достаточно лишь только из книг, которые она прислала, чтобы понять смысл такого хаотичного разговора.

«Но она — это я. Если кто-то и может разобраться, так это Джеймс 2.0».

— Я знаю, как это выяснить, — объявил Дэдлайт. — Я чувствую по запаху, что ты почти взрослая, Лаки. Могу я посмотреть, есть ли у тебя метка? Так мы узнаем, пони ты или нет.

— Это... хорошая идея, — согласилась Даст. — Не потому, что мы не знаем. Это самый тупой вопрос на свете. Но я бы хотела взглянуть ещё раз. Может быть, нам обоим показалось. В темноте легко увидеть что-то не то.

— Конечно, — кобылка потянулась назад, спустив одну из штанин достаточно низко, чтобы наступить на неё копытом, и можно было вытянуть ногу вперёд, удерживая её на месте. Униформа соскользнула вниз, достаточно далеко, чтобы беспрепятственно упасть на пол.

Её клон дёрнулась, отвернувшись и прижав уши в явном смущении. Лаки тоже покраснела, поняв, что, должно быть, она чувствует. Даже при том, что ни у кого из пони не было ощущения, что должно быть неловко, у людей оно было. То, что Джеймс была клоном, не делало ситуацию менее неловкой.

«Не то чтобы я не видела одного из учёных голым. А на Джеймс просто жилетка».

Лаки встряхнулась, изгоняя из головы человеческое табу.

«Для нас это не имеет смысла. Нам это не нужно».

Оба пони столпились позади неё, уставившись на метку. Лаки немного переступила с ноги на ногу, борясь с желанием отступить. Даст её не беспокоила, но этот жеребец — она чувствовала его запах в комнате, его уверенность и силу.

«Выкинь эти мысли из головы, прямо сейчас, Лаки».

Она не могла полностью отбросить эту мысль, так же как не могла полностью скрыть своё смущение. И то и другое было друг с другом связано.

— Это невозможно, — наконец сказала Даст. — Совершенно невозможно. Тут не просто небольшая деталь, которую мы неправильно поняли, — это совершенно другая метка.

Глаза пегаски распахнулись.

— Подожди минутку: другая метка — другая пони. Тебя больше никто не ищет!

Лаки усмехнулась.

— За исключением того, что Фларри Харт даст им моё описание, и она знает эту метку. Она видела её. Думаю, что старую меня никто не ищет... ты думаешь, это может помочь? Я не могу себе представить, как это могло бы...

— Кобылка, — глаза Дэдлайта распахнулись очень широко. Возможно, его стоило пнуть, если бы, конечно, он смотрел не на метку, а на то, что было за ней. Не было ничего грубого в том, чтобы смотреть на метку пони. — У тебя есть какие-нибудь идеи, что это такое?

— Да, — ответила Лаки, садясь так, чтобы смотреть на жеребца. — Это свиток, на котором надпись на языке аликорнов.

— Язык аликорнов! — пони усмехнулся, галопом вернулся к столу и взял в рот несколько чистых листов бумаги вместе с ручкой. Он положил все на стол и принялся быстро рисовать. — Сиди спокойно. Если я получу основную схему... Я думаю, что смогу перевести.

— На метках не бывает слов, — возмутилась Лайтнинг Даст. — Это просто...

Затем она замолчала, уставившись на кобылку.

— Ой. Тут действительно что-то есть. На метках не бывает слов!

— Если бы я только мог понять синергию глифов... Язык аликорнов!

Жеребец пренебрежительно фыркнул, затем начал перерисовывать каждый из отдельных символов, каким-то образом отделяя их от других. Вокруг каждого из них было множество заметок на эквестрийском и расчётов.

— Он называется эглатрин. Я не мог ожидать, что ты это знаешь. Очень немногие пони об этом знают. Селестия... — Дэдлайт пожал крыльями, — ...дала ясно понять, что не хочет, чтобы пони изучали его. Но некоторые из нас следуют примеру нашей принцессы и делают то, что должно быть сделано, а не только то, что кажется безопасным.

— Я могу сказать тебе, что там написано, — сказала Лаки тихо. Она больше не чувствовала себя смущённой, а была взволнована. Этот незнакомец мог быть пленником, но он был хорошо информированным пленником. Он мог знать больше, чем Фларри Харт, если предположить, что Селестия была так хороша, как казалась, в контроле информации.

— Тише, — прошептал жеребец. — Я должен сосредоточиться. Дай мне минутку. Эти слова связаны. На эглатрине всегда так.

Лаки даже не осознавала этого до сих пор. Когда на это указал Дэдлайт, кобылка заметила — у каждого символа было значение, которое взаимодействовало со значениями других символов. И это значение должно было соответствовать символу в конце, который не имел никакого другого назначения во фразе. При произнесении этот символ должен был появляться в начале и служить кратким изложением того, что собирался сказать оратор.

«Верифицируемый язык. Какие существа могли бы им пользоваться?»

— Я могу говорить на нем, — настаивала Лаки. — Я могу сказать тебе, что там написано.

Правильные символы были её второй натурой. Как будто она тренировалась всю жизнь.

«А когда у меня была метка с гитарой, я могла играть как звезда головидения. Мне действительно нужно как-то перенести свои знания на бумагу. Если я потеряю эту метку, держу пари, язык я тоже забуду».

— Ни один пони не может говорить на нем, — возразил Дэдлайт. — Я знаю, что ты хочешь быть полезной.

— Эй! — Даст сердито посмотрела на него. — Я думаю, что моя дочь знает свою метку. Или любые другие яйцеголовые штуки по этому поводу. Она самая умная пони, которую я когда-либо встречала.

— Я рад, что вы так считаете, мэм. Но это самая длинная фраза, которую я когда-либо...

Лаки не стала дожидаться, пока он закончит.

— **Понимание приносит мир**, — прочитала она, хотя и не на эквестрийском. Вся комната затихла — даже Джеймс выглядела испуганной.

Дэдлайт выронил ручку.

— Ты слышала это от Селестии? Она... рассказала тебя, что означает метка?

Лаки раздражённо протиснулась мимо него, подняла ручку с того места, где он её уронил, и перевернула лист. Кобылка быстро нацарапала что-то на нем, так быстро, как только могла, не исказив ни одного символа. Минуту спустя она бросила ручку, затем подтолкнула листок к жеребцу.

— Переведи это, — сказала она, прежде чем раздражённо махнуть хвостом и снова взглянуть на свою маму.

— Как я уже сказала, — продолжила Лаки, как будто их разговор не прерывался. — Моя метка изменилась. Думаю, что кольцо учило меня языку. Хотя... Интересно, означало ли это, что оно хотело научить ему Фларри Харт?

— Кольцо... — повторила Даст. — Лаки, думаю, я понимаю, что ты говорила мне об Эквусе, но это не то, что меня волнует.

Пегаска оглянулась через плечо на закрытую дверь.

— Ты действительно хочешь остаться здесь? В этой... металлической пещере?

Лаки Брейк считала это важным моментом. Она сделала глубокий, прерывистый вдох.

— Нет, — призналась она. — Но я им нужна. Я не знаю, как долго это продлится, но ты же их видела. Они не знают, как быть пони, Лайтнинг Даст. Им нужно, чтобы я учила их так, как ты учила меня.

Кобылка понизила голос.

— Ни один из них не умеет летать, Даст. Ни один не может держать вилку копытом, не уронив её. Они не знают, какую траву можно есть и от какой они заболеют. Тебе это кажется правильным?

Глаза пегаски распахнулись, и она посмотрела мимо неё на Джеймс.

— Ты не умеешь летать?

Эта фраза была, по-видимому, достаточно простой для понимания Джеймс или, по крайней мере, Предвестника. После небольшой задержки кобыла встала на ноги.

— Нет. Я не думала, что это возможно. Летать с такими маленькими крыльями. Биолог решила, что Лаки обманывает нас. Я знала, что это не так, но... Думала, что здесь есть какой-то секрет. Какое-нибудь устройство, которое вы используете, или особые растения, которые вы едите.

У Даст не было гарнитуры, так что Лаки пришлось переводить. Но она не возражала.

— Что ж, Лаки, — пегаска выглядела смирившейся. — Я понимаю, почему ты хочешь помочь этим пони. Если никто из них не умеет летать, тогда они такие же беспомощные жеребята, как и ты, когда впервые попала ко мне. Как ты думаешь, им понравится моя лётная школа? Погода на вашем острове вышла из-под контроля — все время идут дожди, ветер может сорвать цветы. Нигде не хватает постоянной влажности, чтобы земные пони могли выращивать урожай. Кто-то должен научить их.

— Звучит как хорошая идея, — согласилась Лаки. — Оливия одобрила бы это.

Все что угодно, лишь бы повысить боеготовность её солдат и помочь им сравниться с возможностями местных жителей. У неё, вероятно, будут какие-нибудь архаичные требования к безопасности или скрытности, но они наверняка смогут обойти их.

«Если у мамы есть причина остаться, значит, я тоже могу. Может быть, к тому времени, когда все пони научатся летать, я достаточно хорошо научу Джеймс эквестрийскому, чтобы мне не пришлось учить нового дипломата. Она будет этим заниматься, а я отправлюсь в колледж.

Или в тюрьму».

Дэдлайт наконец оторвал взгляд от листа, над которым он работал все эти минуты в относительной тишине. Тишина, если не считать его постоянного бормотания, которого было недостаточно, чтобы отвлечь от их разговора.

— Тут написано «Я идиот»?

— Ну только посмотрите, — пробормотала Лаки, хотя и не смогла сдержать улыбку. — Ты и правда можешь переводить с эглатрина.

В течение следующей недели жизнь в Отаре вошла в привычное русло. Лайтнинг Даст начала занятия в лётной школе на другой стороне острова, глубоко внутри кальдеры потухшего вулкана. Было непросто нагнать внутрь достаточно облаков, чтобы у пони, упавшего с высоты, не произошло неприятного приземления, но с небольшой помощью Лаки это заняло всего несколько часов.

Сама кобылка не нуждалась в базовых уроках полёта, поэтому она посещала школу только когда пегаске требовалась её помощь. В основном Лаки каждый день часами рассказывала Оливии или одному из её солдат о культурных особенностях пони и отвечала на вопросы об истории войн Эквестрии или возможностях эквестрийских войск.

Хотя много что сказать по этому поводу она не могла — Лаки не была солдатом, и её не интересовала военная история. Однако была тема, которую нельзя было не заметить — Эквестрия не была военной державой. Она не была готова к войне или борьбе с вторжением. В ней не было армии, а лишь эквивалент национальной гвардии и горстка полицейских в каждом городе.

— Но это не то, о чём нам нужно беспокоиться, — повторила Лаки Брейк в десятый раз. — Нам нужно переживать о Селестии, которая может решить, что она нам не рада. Она та, с кем мы не сможем бороться.

Ну, или с любой другой взрослой принцессой. Лúной, Твайлайт, Кейденс... да хоть с Дискордом.

После недели вопросов и ответов, прерываемых многочасовыми объяснениями основ элатрина на видео для обработки Предвестником, Лаки оказалась в лаборатории Мартин. Кобылка перестала носить форму на третий день. Неловко или нет, но таскать одежду было бессмысленно, если температура всегда была комфортной.

— Что ты хочешь мне показать? — спросила она, нетерпеливо постукивая копытом. — Разве ты не должна быть на уроке полётов?

Мартин покачала головой. Как и на Лаки, на ней было мало одежды, хотя шорты всё ещё оставались. Благодаря понячьей анатомии они покрывали все, что может волновать человека, хотя, конечно, пони это таким образом не рассматривали. Мартин настоящей пони не являлась, но к идее ходить без одежды относилась куда более благосклонно, чем Оливия.

— Не-а, — пегаска гордо расправила крылья. — Я освоила планирование. Лайтнинг Даст сейчас обучает ему головорезов майора. Она сказала, что сообщит мне, когда весь класс будет готов двигаться дальше.

Пауза.

— Насколько я поняла, тебе стоит бывать там почаще. Мелоди старается изо всех сил, но её знания эквестрийского с твоими не сравнить.

Как выяснилось, предсказание Лаки о том, что может произойти, когда они вернутся к Предвестнику, оказалось полностью неверным. Лайтнинг Даст нравилось учить пони, в то время как сама кобылка медленно сходила с ума.

Мелоди — эквестрийское имя её клона. Лаки начала использовать его, как только узнала, потому что в её устах оно звучало не так неловко и не напоминало постоянно о самом факте клонирования.

— Ты теперь её так называешь? Себе эквестрийское имя тоже выбрала?

— Ты прям как майор заговорила.

Мартин отошла от кобылки к большому голополю, установленному в центре лаборатории. От оборудования всё ещё пахло тем самым «только что изготовлено» запахом, и пегаска не позволяла никому к нему прикасаться «на всякий случай». Даже когда Лаки попыталась просто приблизиться, Мартин взмахом копыта потребовала отойти как минимум на метр.

— Я ничего себе не выбирала. Может быть, когда ты научишь Предвестник эквестрийскому на хорошем уровне, и он сможет сделать чипы-переводчики, я возьму у него один и устрою себе выходной в каком-нибудь понячем городе. Дэдлайт, наверное, сможет и мне имя придумать.

— Не забудь попросить у майора краску для шерсти перед тем как куда-то отправляться, — предупредила Лаки. — Я вроде как до сих пор преступница в розыске, а ты выглядишь почти так же, как я.

Кобылка понизила голос.

— Мне на самом деле надо вернуться. Что, если я понадобится Фларри Харт? Что, если Селестия не хочет, чтобы она знала?

— Не знаю о чём ты. Но, может быть, если тебя это так волнует, тебе самой стоит воспользоваться краской майора и вернуться в Эквестрию. Но не одной — многие из нас тоже хотят увидеть, какая она на самом деле.

— Даже ты? — Лаки подошла к голографическому проектору, игнорируя предыдущий запрет. Физика можно было легко отвлечь — теперь, когда она думала о чём-то другом, неприкосновенность оборудования её не волновала, если, конечно, не напомнить об этом. — Я думала, тебя волнуют только научные данные.

Пегаска пожала плечами.

— Данные рассказывают интересную историю. Но что они означают, вырванные из контекста? Не существует абсолютных систем отсчёта, Лаки. Врата врага разрушены, за пределами этого кольца находится открытый космос. Звезда внутри невидима, а Земля давно мертва. Рухни в чёрную дыру, и, возможно, ты увидишь мелькнувшую перед глазами всю будущую историю вселенной. Может быть, я хочу лучше узнать цивилизацию, живущую на кольце. Возможно, я надеюсь, что это придаст смысл тому, что я видела.

Лаки ждала, что Мартин объяснит, что она имела в виду, но, похоже, на этом пегаска закончила. Она снова начала возиться с управлением, двигая копытами по воздуху в голополе.

Кобылка кашлянула.

— Ты хотела мне что-то показать. Ты что-то обнаружила?

— Это Предвестник обнаружил, — ответила Мартин, пренебрежительно махнув копытом. — Я лишь интерпретировала. Я была мозгом.

Пегаска махнула копытом, и изображение кольца появилось в воздухе перед ними, медленно вращаясь в пространстве. Оно было очень точным, хотя и не шло ни в какое сравнение с картой, которую Лаки видела на транзитной станции строителей кольца.

— Тебе это не понравится, Данбар. Но, скрывая это, ты только отсрочишь свою боль. Вот.

Она снова провела копытом над голопроектором, и изображение увеличилось. Часть кольца, находящаяся далеко от Эквестрии, заполнила изображение.

Там все было покрыто мегаструктурами, некоторые из которых заставили бы самые огромные земные мегаполисы выглядеть жалкими. Но даже на этом составном спутниковом снимке что-то явно было не так. Все было очень похоже на то, что Лаки видела лично — здания ржавели, целые секции рушились. Ничего не двигалось, ни машин, ни пони. И никаких признаков любой другой жизни.

— Насколько оно большое?

Мартин пожала плечами.

— Около двадцати процентов обитаемой площади кольца. Там тоже не все одинаково, — изображение сменилось на другой город с полностью иной архитектурой. И ещё раз, тут все выглядело как какая-то фермерская мекка, с летающими полями на каменных террасах, которые парили в воздухе вопреки гравитации. И все выглядело покинутым. — Ты не захочешь знать оценки Предвестника по количеству погибших, Лаки. Поверь мне.

Кобылка кивнула.

— Ты права, я не хочу. Но предполагаю, что это... больше чем население всей Земли.

— На порядок больше. И это лишь очень грубая оценка. Она может сильно варьироваться в зависимости от плотности населения этих городов.

— Сколько лет этому всему? — спросила Лаки, наклоняясь ближе к голополю и глядя на изображение далёкого города. В этом было много металлических пирамид, вздымающихся из раскинувшейся пустыни с сухим руслом реки, через которое были перекинuty мосты.

— Трудно сказать. Очень сложно в наших условиях делать предположения о непрерывности атмосферы, не говоря уже о её составе. Твой артефакт... — Мартин указала на стеклянный кубик в углу комнаты. — Его уже просканировали всеми возможными способами, но какой бы формат данных там ни использовался, вскрыть его пока не получилось — ему от двух тысяч до пятидесяти тысяч лет.

— Как-то... слишком большой разброс.

— Да. Так и есть. Он создан из максимально чистого диоксида кремния, который только можно получить. Мы не можем делать предположения о материале, из которого он создан, потому что здесь нет распределения концентрации по планетарной коре. Мы не можем просто предполагать, что они использовали то, что было доступно, вплоть до изотопов. Изотопный состав на месте базы посадки сильно отличается от этого кубика — мы находимся в другом сегменте. Возможно, для создания разных сегментов использовались разные планеты... с другой стороны, возможно, в этой системе никогда и не было планет, а вся материя была поднята из звёзд. Сейчас никаких планет точно нет — ни обломков, ни элементов, которые не понадобились. А этот материал должен был куда-то деваться.

Лаки отступила от проекции. Это, конечно, было интересно, но вопросы того, как было создано кольцо, её волновали постольку-поскольку, куда больше её заботило, кто его построил.

— Это не единственная проблема. Что кольцо делает со всей хранимой энергией? Точно не охлаждает нас — расходы на это меньше ошибки округления в расчётах затрат. Если она не идёт на нагрев, значит, должна тратиться на что-то ещё. Должна, — Мартин продолжала говорить, как будто думала, что Лаки всё ещё слушает. — Я думала, что это место для проживания цивилизации пони, но в таком случае, зачем их убивать? В чем смысл создавать общество, растить его до определённого уровня развития, а затем убивать, чтобы начать все заново? Ресурсы на кольце ограничены, это ничего не даст, кроме...

— Подожди, — Лаки перестала пятиться, поспешив назад. — Повтори ещё раз. Что делает кольцо?

— А? — пегаска моргнула, отвернувшись от быстрой серии прокручивающихся изображений. — Я думала, это очевидно.

Мартин прокрутила страницу до ещё одного изображения, что выглядело, скорее, как чёрная расплавленная жижа. Было похоже на результаты извержения вулкана, все залившего лавой.

— Вот что получается, когда кольцо не охлаждает свою внешнюю поверхность. Внутренние структуры вроде как не страдают, но снаружи...

Масштаб уменьшился. Наслоение лавы превратилась в бесконечную пустошь, во много раз превосходящую Эквестрию. Быстрый взгляд позволил прикинуть, что почти половина кольца выглядела таким образом. Единственными исключениями были выходы на поверхность самих систем кольца, рядом с которыми куски оплавленных скал полностью отсутствовали.

— Как кольцо могло сделать это с половиной самого себя, а со второй все в порядке? — спросила Лаки.

— А как можно сохранить атмосферу там, где кто-то живёт, но больше нигде? Спроси у Господа, может быть, он тебе скажет. Потому что он очень любит пони? Они живут на маленьком зелёном пятнышке. Вот это примерно в три раза больше Эквестрии. Кольцо без проблем может вместить триллион пони, но на нем есть всего несколько доиндустриальных цивилизаций. Почему?

— Я не знаю, — призналась кобылка. В её голове было так много вопросов — слишком много. Будущее её вида — каким бы этот вид ни был — зависело от ответов. Она не могла вечно прятаться в Отаре. — Есть ли поблизости какие-нибудь другие системы кольца? Может быть, мы могли бы поискать ответы, даже не возвращаясь в Эквестрию. Без одного из членов королевской семьи мы могли бы исследовать там все годами, возникни такая необходимость.

— Напоминание, — раздался голос Предвестника в коммуникаторе, отвлекая Лаки от разговора. — Свободный гражданин Джеймс Ирвин G3 запросила сообщение о местном времени для планетарной зоны «Кристалльная Империя». В настоящий момент местное время одиннадцать сорок пять, и прошла ровно неделя. Напоминание завершено.

Глаза Лаки распахнулись, и она немедленно повернулась к двери. Она чуть не забыла!

— Прости, Мартин! — кобылка бросилась бежать, даже не задержавшись послушать, что ей ответили.

— Я не пропущу разговор с тобой, Фларри Харт, — пробормотала Лаки себе под нос, несясь галопом по коридорам.

«Надеюсь, ты в состоянии говорить».

* * *

Лаки влетела в лабораторию материалов, лишь немного запыхавшись после полёта по коридору. Как и многие лаборатории, эта была в основном пустой, и лишь автоматизированное оборудование работало в отсутствие персонала. Её скафандр лежал в специальном отсеке под прицелом датчиков, которые, вероятно, уже давно закончили собирать всю возможную информацию. Интерпретировать данные было некому, поэтому кобылка не знала, что выяснил Предвестник.

Она сунула копыто внутрь, предварительно убедившись, что индикатор «Идёт сканирование» горит красным, а не зелёным, вытащила пластиковый лоток и разложила костюм на полу. Лаки не знала, как отсоединить шлем или как использовать любые датчики костюма отдельно от остальных. Так что ей пришлось нацепить скафандр так быстро, как только было возможно. Помогло то, что он был буквально сделан под неё, и тот факт, что несмотря на все защитные свойства, ткань была мягкой и гибкой.

Кобылке потребовалось около трёх минут, чтобы экипироваться. Она подошла к пульта, открыв шлем.

— Предвестник, начинай аудиозапись.

— Запись начата.

Фларри Харт ничего не сказала с тех пор, как Лаки надела шлем. Это могло означать, что она была вне зоны досягаемости, могло означать, что юная принцесса-аликорн не смогла воспользоваться своим костюмом, могло означать много чего. Но кобылка надеялась на лучшее.

— Фларри Харт, — произнесла Лаки громко и отчётливо. Было трудно точно определить, как использовать передатчик костюма. Какие-либо кнопки, которые можно было нажать, полностью отсутствовали. Но скафандр каким-то образом всегда знал, когда она хотела поговорить с кем-то, а не просто бормотала себе что-то под нос. — Ты меня слышишь?

Последовало долгое молчание, без каких-либо указаний на то, дошло ли сообщение. По наитию кобылка снова закрыла шлем, просматривая информацию на дисплее. Большая часть того, что там было, всё ещё не имело для неё смысла, но с уверенностью можно было сказать, что один из датчиков сообщил о медленно истощающемся заряде. Костюм пополнил свой запас воздуха, а предупреждения о радиации отсутствовали, так же как и сообщения об ошибке передачи.

В шлеме послышался голос. Это была не Фларри Харт или любая другая пони, с которой ранее говорила Лаки. И всё же в тоне голоса ошибиться было невозможно. Суровое осуждение и едва сдерживаемый гнев. Кем бы ни была эта пони, она была взрослой и привыкшей к подчинению окружающих.

— Я надеюсь, ты понимаешь, какой ущерб причинила, — сказал голос. — Фларри Харт может не восстановиться. Не думай, что глаза Гармонии не следят за тобой прямо сейчас.

Лаки не знала, что на это ответить.

«Могут ли они отследить сигнал?»

Вероятно, самым разумным было бы полностью отключить костюм. Возможно, отправить его в переработчик. Но кобылка не могла это сделать, не с такими зловещими словами о своей подруге. Лаки должна была знать.

Но тот, кто был на другом конце линии — кобылка всё ещё предполагала, что это пони, хотя изображения, подтверждающего это, не было, — не стал ждать, пока она придёт в себя.

— Я не знаю, откуда ты взялась, раз Гармония не предсказала этого и не оставила тебя. Если ты агент чейнджлингов — ты и представить себе не можешь, во что влезла. Забудь о своих мелких вторжениях, забудь об эмоциях, которые вы пытаетесь воровать. Ты подвергла опасности всю Эквестрию. Готова ли ты быть той, кто несёт ответственность за гибель миллионов жизней? Как ты думаешь, сможет ли твоя нора спасти от гнева Гармонии, когда дело дойдёт до Эквестрии? Что бы ты ни делала, чтобы избежать её внимания, это не сработает, когда месть Гармонии падёт на нас. Ты и все, кого ты знаешь, умрут вместе с нами.

Лаки Брейк все это время молчала, слишком ошеломлённая тем, что услышала, чтобы ответить. У неё было довольно хорошее предположение с кем она сейчас говорит. В Эквестрии была только одна пони, которая могла так говорить и у которой мог быть доступ к костюму Фларри Харт. Это была не Кейденс — Лаки не раз слышала её выступление перед пони Кристальной Империи и узнала бы её голос. Твайлайт была слишком молода, а Луна слишком недисциплинирована, чтобы оставаться такой спокойной. Оставался лишь один вариант.

Но даже в этом случае она не собиралась сидеть и молчать. Наверное, именно так следовало поступить, но она решила иначе.

— Почему Фларри Харт в опасности? — спросила кобылка. — Все, что мы сделали, это нашли правду. Попытка скрыть её не изменит того, что там случилось.

На мгновение Лаки задумалась, не пошло ли что-то не так с её костюмом. Была такая долгая пауза, что точно сказать было нельзя. Но затем голос вернулся. Он звучал примерно так же, как и раньше — едва сдерживаемый гнев, переполненный праведным негодованием. И всё же голос почему-то по-прежнему был спокоен. На этот раз в нем был оттенок легчайшего намёка на удивление.

— Не трать своё время, пытаясь скрыть от меня свою натуру. Я знаю, как мало тебя заботит Фларри Харт. Будь иначе, ты бы не бросила её, отправив лететь обратно в Империю в одиночку.

Лаки не стала спорить. Как минимум доля правды в этом и правда была — в тот момент кобылку куда больше заботила собственная свобода, чем безопасность принцессы. Но, как ни крути, они были всего в нескольких километрах от города, в стране, где юная принцесса провела всю свою жизнь. Не было вообще никаких причин опасаться, что та не сможет добраться в одиночку.

— Если бы мне было всё равно, я бы не стала сейчас пытаться связаться с Фларри Харт. Откуда нам было знать, что мы там найдём? Никто в Эквестрии даже не знает, что живёт на кольце! Фларри не знала!

На этот раз пауза было гораздо короче.

— Я повторю это ещё раз, кем бы ты ни была. Силы, с которыми ты заигрываешь, находятся за пределами твоего понимания. Эквестрия выжила, потому что она следует пути Гармонии, а не противится ей. Я не позволю тебе или кому-либо ещё вмешиваться. Моя сестра уже работает над тем, чтобы исправить вред, который ты нанесла юной Фларри Харт. Моя преемница найдёт тебя. Ты не сумеешь снова навредить юной принцессе.

Пауза.

— И если ты думаешь, что Дискорд снова поможет, забудь об этом. Мы позаботились о том, чтобы подобное не повторилось.

Лишь только сейчас в голос просочились первые признаки сострадания.

— Хотя я и не одобряю то, что привело к твоему созданию, я понимаю, что это и твой дом тоже. Когда ты будешь уничтожена, я лично позабочусь о том, чтобы в следующий раз за тобой внимательно присматривали. Твоему разуму будет лучше под опекой Эквестрии, чем с теми, кто отправил тебя на столь безумную миссию.

Тишина. Далёкая пони, принцесса Селестия больше ничего не говорила. Как и Лаки Брейк — вместо этого кобылка стянула скафандр так быстро, как только могла, её всю трясло от тяжести услышанного.

Принцесса Луна «исправляет вред», нанесённый Фларри Харт? Что это значит? Психотерапия? Стирание памяти? Преемницей Селестии, должно быть, являлась Твайлайт Спаркл.

«Твайлайт была той, кто и рассказала мне об этой станции».

Хорошо, что она случайно не упомянула об этом.

Хуже всего, однако, было замечание о Дискорде. Вспоминая, что он сделал, силы, которые он продемонстрировал, спасая её жизнь, Лаки чувствовала, что все, что она делает, не важно. Она могла бы прятаться в Отаре, пока город медленно растёт. Это был достаточно безопасный вариант, так как, чем дольше она будет тут, тем больше пони забудут о том, что она натворила.

Но Дискорд, по-видимому, не вернётся. Нет, Лаки больше не была пешкой в чьей-то игре. Единственным, кто мог влиять на неё, была она сама.

«Она думает, что я чейнджлинг. Она думает, что мы откуда-то ещё с кольца».

Так что принцесса Селестия не вездесуща и не всеведуща. Она не знала правды о происхождении Лаки. Это обнадеживало, хотя и не сильно.

Кобылка рухнула на пол поверх снятого скафандра. Ей нужно было быть взрослой — достаточно взрослой, чтобы принимать серьёзные решения. Дискорд предупреждал в баре, куда приведёт этот путь. Лайтнинг Даст тоже предупреждала, хотя её совет был более прагматичным и менее пророческим.

Но сейчас Лаки не чувствовала себя взрослой.

Она не знала, как долго пролежала, тихо всхлипывая, посреди лаборатории. Она даже не стала поднимать голову, когда услышала, как открылась дверь, а просто ещё глубже зарылась в ткань костюма. Кто бы это ни был, ему придётся подождать.

— Привет, малышка, — сказала Лайтнинг Даст позади неё. — Скучала по тебе на сегодняшних занятиях.

— Угу, — кобылка не подняла и не пошевелилась. Послышался цокот копыт, а затем рядом села пегаска. От неё всё ещё пахло потом и растениями из джунглей, а также влагой погодной магии. Очевидно, она только что вернулась.

— Ч-что ты... — Лаки даже не смогла закончить предложение.

— Я что? — Даст приподняла бровь. — Ничего, ты продолжай. Я просто сижу здесь.

Лаки подавила смехок, который превратился в сдавленное рыдание.

— К-как ты вообще меня нашла?

Пегаска улыбнулась, глядя сверху вниз.

— Голос в стене все лучше и лучше говорит на эквестрийском. Ты, должно быть, учишь его.

— Так и есть, — призналась кобылка, наконец, садясь. Она смахнула корку вокруг глаз тыльной стороной ноги, хотя у неё всё ещё не хватало духу повернуться к Лайтнинг Даст. — Предвестник говорит с тобой?

— Когда я спрашиваю. Что происходит не так и часто. Но я спросила его, где тебя найти, и он привёл меня сюда. Кстати, где этот пони? Я хочу его поблагодарить.

— Нигде, — попыталась объяснить Лаки. — Это не пони. Предвестник — это просто заклинание, он предмет, а не личность.

— Ладно, — ответила Даст, хотя в её голосе не было и капли понимания. Больше она ничего не сказала.

— Что мне делать? — в конце концов спросила Лаки.

— В плане? — невинно спросила пегаска. Хотя, конечно, она не имела ни малейшего представления о том, что только что произошло. Предвестник записал разговор, но вряд ли он станет сообщать кому-либо об этой записи без запроса. Без явно прозвучавшей угрозы городу было мало причин оповещать об этом команду. Стресс только усложнил бы их работу.

Лаки указала на костюм.

— Я просто... Кажется, я только что говорила с принцессой Селестией.

Лайтнинг Даст напрыглась, глаза распахнулись.

— На самом деле?

— Д-да.

— Она была здесь?

— Нет, она воспользовалась костюмом. Фларри Харт должна была быть там, чтобы поговорить со мной, но вместо этого там была Селестия, — кобылка вздохнула. — Не думаю, что она знает, где мы находимся. Она, вероятно, даже не знает ни о ком, кроме меня. Так что, скорее всего, ты в безопасности.

Пегаска лишь пожала плечами и больше ничего не сказала, хотя Лаки заметила учащённое дыхание. И она не могла винить Даст за это.

«Мне жаль, что я втянула тебя в такие неприятности, мама. От меня сплошные проблемы».

— Принцесса думает, что я пыталась что-то сделать с Фларри Харт. Пыталась задурить ей голову или рассказать какие-то секреты... Я не знаю. Она говорила так, как будто то, что мы видели, подвергало опасности всю

Эквестрию. Ты когда-нибудь слышала раньше о Гармонии? Ты знаешь об этой пони? Это... ещё одна принцесса?

Даст рассмеялась.

— Нет, нет. Гармония — это... — пегаска хмыкнула. — Наверное, я не лучшая пони, чтобы рассказывать об этом. Но те, кто подобным занимается, обычно говорят, что Гармония — это... естественное для пони чувство правильного и неправильного. Это то, что пони должны чувствовать, что заставляет их хотеть быть милыми друг с другом. Заставляет их желать быть друзьями.

Даст закатила глаза.

— Я не считаю, что это реально. Просто выражение, которым пользуются все.

— Селестия говорила об этом совсем иначе. С её слов звучало так, словно Гармония могла навредить Эквестрии. Типа, что наше приключение с Фларри Харт подвергло всю страну опасности.

Лайтнинг рассмеялась.

— Ну конечно она так сказала. Рассказывая пони вещи, которые, по мнению Селестии, им знать не стоит, ты расшатываешь устои Эквестрии. Принцесса считает, что рассказов о пони, которые использовали «дружбу», чтобы согреться, будет достаточно, чтобы мы не спрашивали, что же произошло на самом деле. Но она не ожидала обнаружить тебя с Фларри Харт, верно?

Лаки слотнула.

— Она сказала, что ищет меня. Сказала, что её сестра пытается «исправить вред», нанесённый Фларри. А существуют... А существуют ли заклинания для стирания памяти? Как думаешь, она поступила бы так со своей племянницей?

Даст лишь пожала плечами.

— Я мало что знаю о принцессе Селестии. Она удерживала Эквестрию, когда вокруг царил хаос. Часто это означало делать трудный выбор, который другие пони никогда бы не смогли сделать. Она сослала свою сестру на луну на тысячу лет. Она говорила, что собирается изгнать тебя?

— Н-нет, — призналась кобылка. — Но все звучало так, как будто она планировала что-то подобное. И, похоже, Дискорд нам тоже не поможет.

Лаки всхлипнула.

— Я не хочу, чтобы пони здесь страдали из-за того, что я сделала. Может быть, мне стоит пойти... позволить принцессе Селестии найти меня. Если она меня схватит, то не станет наказывать всех тут, — кобылка встала. — Лучший способ обеспечить успех этой колонии — убраться от неё как можно дальше.

Пегаска тоже встала, хотя она и не начала расхаживать взад-вперёд, как это сделала её дочь.

— Подумай хорошенько об этом, Лаки. Если тебя поймут, неужели ты думаешь, что Селестия не сможет узнать все, что ты знаешь? — Лайтнинг усталилась в пол, очевидно, вспоминая что-то неприятное. — Я прошла через это. Для подобного существует специальная магия. Она узнает от тебя все, что захочет. Включая все, что ты знаешь об этом подземном городе.

Кобылка заскулила.

— Что мне тогда делать? Я не могу просто спрыгнуть с моста, Селестия не узнает об этом и продолжит поиски!

— Ну, не по этой причине, — впервые в голосе Даст послышался гнев. — Я тебе просто не позволю.

Лаки лишь отмахнулась.

— Я не хочу, чтобы пони страдали из-за моих глупых ошибок. Отар заслуживает свой шанс. Оливия и остальные никогда не делали ничего против Эквестрии. Селестия не придёт за ними.

— Они похитили Дэдлайта. И ты пришла отсюда. Если принцесса Селестия действительно хочет убедиться, что никто, подобный тебе, никогда больше не появится, ей придётся уничтожить это место. Забрать всех твоих пони туда, где за ними будут присматривать, и разнести все эти машины и прочее на куски. Уничтожить тех, кто создал тебя. Убить этого... Предвестника?

— И она может найти их в любом случае, пока будет искать меня.

Лаки снова плакала, слезы медленно текли по её лицу. Выхода не было. Каким-то образом она запуталась в силах, которыми не должна была обладать. Эквестрия прекрасно справлялась и без того, чтобы она пачкала копыта. Ей не нужно было вмешиваться.

— Возможно, ещё есть способ. Отар может эвакуироваться, не сказав мне, куда они направляются. И Предвестник тоже. Они могли бы скрыться, а я могла бы сдать страже, и...

— Селестия всё равно будет знать, что они где-то есть. И всё равно вести поиски, — в голосе Лайтнинг Даст звучало беспокойство. — Или, возможно, Твайлайт никогда не найдёт тебя. Изначально ведь именно она дала тебе информацию об этих руинах, верно? С чего бы ей расстраиваться из-за того, что ты действовала в соответствии с её подсказкой? Если только она не знала, что ты моя дочь. Знала, что твоё расследование разозлит Селестию...

— Нет! — пискнула Лаки. — Я знаю, что ты ненавидишь её, но у Твайлайт не было причин так поступать! Пони ведут себя так, как ведут, не просто так! Даже принцессы.

Кобылка вздохнула.

— Селестия, должно быть, думает, что у неё есть веская причина. Возможно, так оно и есть. Кольцо убило много-много пони, Лайтнинг Даст. Я думала, что оно своего рода среда обитания, чтобы вы все были в безопасности, но учитывая, что Мартин показала мне... на самом деле все не так. Может быть, Селестия права. Мне нужно больше информации, но я не могу получить её, не подвергая опасности пони, которых я люблю. Хорошо, я не люблю никого, кроме тебя. Но я люблю Общество Первопроходцев. Я хочу, чтобы эта колония существовала. Я хочу, чтобы люди и пони были друзьями, как я и говорила. И как я должна это сделать, если Селестия хочет меня убить?

— Я... не знаю, — наконец призналась Даст. — Я бы дала тебе совет, если бы он у меня был, мелкая. Но ты увязла гораздо глубже, чем когда-либо случалось со мной. Большинство пони, у которых возникает такой важный вопрос, обращаются за помощью к принцессе. Но ты не можешь этого сделать, потому что принцессы — это твоя проблема.

— Не могу этого сделать, — повторила Лаки.

Луна и Селестия работали вместе, к ним точно идти не стоило. Фларри Харт была в плену, а Кейденс, вероятно, сейчас ещё больше злится на Лаки, чем Селестия. Но была ещё одна принцесса.

— А может быть, и могу. Может быть, мне стоит поговорить с той, из-за кого я и оказалась в этой ситуации. Твайлайт может рассказать мне лично, почему она отправила меня на базу строителей кольца.

* * *

Лаки рухнула обратно в кресло, уставившись через комнату на Оливию. Кроме них тут был только один головорез из команды спецназа — командир группы, лейтенант Диего Перес. Кобылка только что закончила объяснять все майору, включая предположения о целесообразности эвакуации и вероятность того, что Дискорд им больше не союзник.

— На основании всего вышеизложенного, я хочу поговорить с Твайлайт, — закончила Лаки. — Это она послала меня на поиски транзитной станции. Думаю, она может быть нашим единственным оставшимся союзником. У нас с Лайтнинг Даст уже есть план...

Кобылка бросила на стол терминал с уже открытой картой Эквестрии.

— Мы прилетим с востока, чтобы скрыть в каком направлении на самом деле находится Отар. Мы сядем на поезд до Понивилля, выдавая себя за богатых туристов из...

Оливия подняла копыто.

— Дальше можешь не продолжать. Думаю, ты достаточно ясно изложила то, что хотела сказать.

— Но я ещё даже ничего не сказала! — заныла Лаки.

— Тебе и не нужно, — майор указала на карту. — После всего, что ты только что рассказала, подвергать неподготовленного гражданского подобной опасности — это абсолютная глупость. Ты только что поведала мне, что правитель этой страны назначила тебя врагом государства, что она планирует выпытать все, что ты знаешь, а потом убить тебя. Затем, не выждав и минуты, ты заявляешь, что собираешься отправиться с миссией на территорию Эквестрии, чтобы сдаться врагу.

Оливия снова подняла копыто, свирепо глядя на кобылку.

— Нет, я знаю, что ты не это имела в виду. Вот почему ты лишь лингвист, а я та, кто принимает решения.

Лаки поёжилась. Было легко понять, почему у Оливии могло сложиться такое впечатление, учитывая все ею услышанное. И был шанс, что она права. План Лаки ставил будущее Отара (а возможно, и Предвестника тоже) на желание Твайлайт раскрыть секреты Эквестрии. Если кобылка ошибётся...

— Я могла бы взять с собой таблетку цианида! Наверное, мне всё равно стоит иметь что-то подобное. На случай, если они схватят меня когда-нибудь в будущем. И, вероятно, у всех, покидающих Отар, они должны быть.

Лаки даже вообразить не могла, что у неё хватит смелости воспользоваться подобным. Но она не ожидала, что Оливия будет думать так далеко вперёд. Теперь майор никогда даже не станет рассматривать ни одну из предложенных кобылкой идей.

— Это первая умная мысль, которую ты сказала, — Оливия достала свой терминал. — Предвестник, нам нужен стоматологический модуль и по одному искусственному зубу на каждого члена экипажа.

Диего кивнул в знак согласия.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть.

— В Отаре нет модуля челюстно-лицевой хирургии, — безэмоционально отозвался Предвестник. — Добавлено в очередь на изготовление.

— То есть, вы отпустите меня? Когда зуб с ядом будет готов, и...

— Нет, — Оливия сурово уставилась на кобылку. — Доктор Ирвин, ты сильно недооцениваешь свою ценность для человечества. Не только свою, но и туземки тоже. Ты свободно говоришь на двух инопланетных языках. Ты понимаешь местную культуру. Вы единственные, кому мы можем доверить научить нас летать. Мы не можем идти на риск потерять вас в каких-то бесцельных политических игрищах.

Лаки хотелось закричать в ответ, но она сдержалась. Она переживала о своей подруге. Принцесса Селестия, похоже, не очень-то стремилась даровать кобылке прощение. Очевидно, принцесса считала, что Лаки была чейнджлингом и, следовательно, её необходимо было уничтожить. Захочет ли Селестия поступать так со своими пони? И, вероятно, самый главный вопрос: вызвало ли гнев Селестии само знание Фларри Харт и Лаки о подземной транзитной станции?

Судя по её тону, принцесса думала именно так.

«Но это не имеет смысла. Если знание о кольце подвергает цивилизацию опасности, то она уже в опасности. Селестия и Луна, очевидно, знают. Возможно, и Твайлайт тоже. И единственная, кто может помочь мне со всем этим разобраться — это Твайлайт Спаркл».

— А если найдётся способ связаться с Твайлайт, не подвергающий опасности Отар или меня? Вы разрешите им воспользоваться?

Оливия на мгновение задумалась.

— Но предварительно любые планы должны попадать ко мне, а после этого, конечно. Перес и его команда, возможно, смогут тебе что посоветовать, но в любом случае никакие из этих планов не будут включать отправку кого-либо на территорию Эквестрии. В ближайшем будущем налагаю на это полный запрет, пока вся чёртова страна не перестанет говорить о тебе.

— До тех пор, пока... — растерянно повторила Лаки. Затем все кусочки встали на место. — Погодите! А откуда вы знаете, о чём говорят пони?

Оливия не выглядела смущённой, что эта информация вскрылась, хотя она знала, что Лаки (и Лайтнинг Даст тоже) хотели бы знать, что происходит в Эквестрии. Майор лишь кивнула Пересу.

Пони выглядел как Дэдлайт, как, собственно, и все мужчины. Впрочем, его голос был совсем не похож на голос Дэдлайта, пони говорил с лёгким акцентом. Не то чтобы это мешало Лаки — она бы прекрасно его поняла, даже если бы он говорил с ней на одном из многих «мёртвых» языков Земли.

— Эквестрия широко использует телеграф. У моего хакера Могилы есть врезка в одну из магистральных линий. Предвестник помог с техническими деталями расшифровки их кода, — жеребец взмахнул крыльями. — Степан мог бы рассказать тебе подробности, он всем этим занимался. Мы

фиксируем все, что они передают. Радиопередачи тоже, хотя их гораздо меньше. Защищённые линии до сих пор не обнаружены, так что ничего секретного. Но мы продолжаем поиски.

— Вы их не найдёте, — пробормотала Лаки, слегка разочарованно. — Все секретное отправляется с помощью магии. По крайней мере, у одной из принцесс есть дракон, которого она использует для такого рода сообщений. Вы их никогда не подслушаете.

Однако мысли в голове не останавливались.

— Подождите минутку... вы прослушиваете их телеграфные линии...

Предположительно, они просто подключили удалённо управляемый дрон где-то вдоль линии. Это должно быть нетрудно, учитывая, сколько километров бесхозных проводов должно быть в дикой местности.

— А послать сообщение можно или только слушать?

Перес взглянул на Оливию, которая кивком разрешила продолжать.

— Мы ещё не решились использовать нашу способность к передаче данных. Степан говорил, что мы можем симитировать их кодировку, если захотим. Но мы не знаем всех тонкостей их системы. Мы не знаем, оставляют ли они линии открытыми в определённое время по какой-то уважительной причине или нет. Мы не хотим выдавать им то, что мы уже сделали, и рисковать тем, что противник лишит нас новой информации.

Лаки тоже не знала тонкостей работы телеграфной системы.

— Могу я поговорить со Степаном? Может быть, он сможет помочь мне отправить сообщение Твайлайт и сделать, чтобы оно выглядело так, будто пришло откуда-то ещё в сети.

Оливия взглянула с сомнением.

— Говори с кем хочешь. Но ты представишь мне лично свой план до того как что-либо предпринимать. Это ясно?

Лаки встала. Она задержалась лишь для кивка, что поняла, и умчалась в коридоры Отара.

Она не знала конкретно где может находиться технический сержант Степан Могила, а лишь предполагала, основываясь на том, что она знала о нем. Могила был экспертом по информационной безопасности из поколения, которое другие учёные ласково называли «командой спецназа».

Имя Могила звучало как восточноевропейское, а может быть, и русское. Лаки ещё не знала точно, но подозревала, что обращение к пони на их родном языке сделает их более сговорчивыми.

Как оказалось, она была права. Кобылка обнаружила, что Степан устроил себе логово в кабинке охраны с внушительным слоем мусора на полу. Учтивая, что в Отаре были дроны, которые занимались уборкой подобных вещей, это было серьёзным достижением. От жеребца не воняло, но его грива была достаточно грязной, чтобы выглядеть так, будто должна вонять. В нагрузку к украденным крыльям летучей мыши Дэдлайта, в логове Могила почти не было света, и освещение было только от десятка терминалов, расположенных вокруг.

После нервного представления Лаки объяснила свою проблему и узнала от хакера, что Перес был не в курсе о масштабах его достижений. Степан не просто прослушивал передачи пони, но и составил полную схему сети, разместив крошечные передатчики на стольких линиях, на скольких смог. Сеть имела три основные магистральных канала, через один из кото-

рых в конечном итоге проходило каждое сообщение в Эквестрии. Все, что им нужно было сделать, это поместить сообщение в один из них в нужное время, в соответствии с невероятно простыми протоколами, и оно будет доставлено нужному им адресату.

Там, где Перес был настроен скептически, Могила заявил о почти полной уверенности в том, что они легко смогут передать сообщение, и их не обнаружат.

— До тех пор, пока это не войдёт у нас в привычку, — сказал он, — у них не будет никакого способа узнать, что мы вмешались. Все проходит через одну из этих линий — они, скорее, заподозрят вторжение на одну из своих станций.

Ещё около часа разговоров, и Могила помог выбрать отправную точку — самую маленькую телеграфную станцию, о которой они знали на данный момент, расположенную в отдалённом шахтёрском городке под названием Сильвер Лод. Так далеко от эквестрийских дорог, что там даже не было железнодорожной станции, а сама Лаки никогда о нем не слышала. Городок также был в северной Эквестрии, что подтверждало версию о том, что Лаки и выжившие после крушения джампера всё ещё находились там.

— Мне нужно отправить Твайлайт Спаркл сообщение. Очевидно, что другие пони будут читать его при передаче, поэтому его необходимо будет закодировать на уровне текста... что-то, о чём принцесса догадается, но для всех остальных он покажется нормальным.

Жеребец пожал плечами.

— Твоя проблема, не моя. Ты скажешь мне чего отправить, и я сделаю так, чтобы оно выглядело так, словно пришло из любого места, какое скажешь.

— Какой длины обычно бывают сообщения в сети? Сколько слов?

Несколько мгновений Степан возился с клавиатурой, просматривая данные. На передних копытах у него были надеты перчатки со скелетообразными металлическими кистями. Таким образом, жеребец мог печатать почти так же быстро, как человек, хотя на взгляд Лаки это выглядело немного жутковато.

— Самые длинные — несколько сотен. Среднее сообщение — около двадцати. Где-то так. Предполагаю, что они берут плату за слово.

— Ага, — ответила Лаки. — Так и есть.

У неё уже был метод кодирования, который можно было использовать — тот, самый, который выбрала сама Твайлайт. Но что она могла послать такого, что не вызвало бы подозрений? И что ещё более важно...

— Если нам отправят ответ, ты можешь помешать станции в этом городе получить его? Телеграмма для несуществующих пони, вероятно, вызовет некоторое удивление.

— Да, конечно, — Степан пренебрежительно махнул копытом. — Я уже отслеживаю все, что касается нас. У нас под контролем все три магистральные линии передачи с трёхсекундной задержкой. Просто уберём сообщение из очереди, и никто ничего не узнает.

— Хорошо.

Лаки не могла себе представить технические возможности, которые могли бы подобное позволить, но сейчас ей было всё равно. Пока она сидела и бездельничала в Отаре, Оливия усердно трудилась над тем, чтобы контролировать передачу информации в Эквестрии. Повлиять, правда, можно было мало на что, так как для передачи большей части сообщений по-прежнему использовалась почта.

После ряда уговоров кобылка получила разрешение отправить своё сообщение. Это, конечно, не личный визит, на который она надеялась, но и так должно было сработать.

Лаки поступила так же как и раньше, адресовав телеграмму так, как будто она была вымышленной студенткой в крошечном городке. В основном сообщении она ссылалась на исследование прошлого Эквестрии, точно так же, как делала это в предыдущем письме. За аккуратными орфографическими ошибками скрывалось короткое сообщение: «зачем-вруинынеприходитьговорить». Достаточно объёмное сообщение, учитывая метод передачи. Но кобылка не хотела рисковать, делая все более очевидным, чем было.

Теперь все, что она могла сделать, это ждать.

Лаки получила ответ уже на следующий день. Он пришёл так же, как и раньше, в виде слабо закодированного сообщения, хотя и был передан телеграфом, а не почтой. Предвестник помог с расшифровкой — с лёгкостью, когда у вас есть словарь эквестрийского. В конце концов, это был всего лишь поиск орфографических ошибок. Но там, где Лаки отправила сравнительно короткое сообщение, Твайлайт Спаркл поступила иначе, отправив целые страницы того, что (на первый взгляд) было полной бессмыслицей.

По факту телеграмма представляла собой исключительно подробный отчёт о пяти подругах принцессы в Понивилле, их путешествиях и решении различных «проблем дружбы». Бессмысленная чушь, но это было совсем не то, что Лаки искала в нём.

Сообщение Твайлайт было простым — радиочастота и время. Там не говорилось, почему принцесса считала, что эта частота безопасна, или о каких-нибудь ещё мерах предосторожности, которые Лаки, возможно, придётся принять. До назначенного времени оставался всего один день, и потребовалось участие Мартин и Могилы вместе с Предвестником, чтобы вовремя получить и доставить оборудование для прослушки. Что касается передачи, Оливия приказала отправить ещё один беспилотник на север Эквестрии, что добавит ещё один факт к их фиктивному присутствию именно там. Правда, результатом являлась небольшая задержка, так как передавать сигналы на дрон надо будет по лазерному лучу, но большой проблемой это стать не должно.

Когда время подошло, сообщение Твайлайт пришло не в голосовом виде, а в виде простых импульсов, передаваемых в той же кодировке, что и телеграммы — только по воздуху, а не по проводам.

— Она, вероятно, использует искровой передатчик, — заявил Могила, склонившись над экраном. — Чуть не половину спектра забивает. Много электричества... она, вероятно, и правда хочет поговорить с тобой.

Жеребец, казалось, был раздражён, что так много народу толпилось в его камерке — Оливия пришла послушать, и Лайтнинг Даст тоже. Остальные в Отаре тоже были в курсе, чем они заняты, но Лаки не хотела, чтобы все здесь набились битком. Слишком много голосов лишь усложнило бы общение с Твайлайт.

— Это очевидно, — Лаки встала на задние ноги, так что её голова оказалась на уровне верхних экранов. Она даже немного гордилась тем, насколько хорошо она научилась управляться со своим бионосителем. Только Лайтнинг Даст и Дедлайт могли лучше. Даже Оливия с завистью наблюдала за кобылкой, когда та без малейших затруднений справлялась с подобными задачами. — Если бы не она, то все оставалось бы в секрете. Я бы никогда не нашла базы строителей, не отправь меня туда Твайлайт. Я бы никогда не выучила эглатрин и не увидела бы, на что способно кольцо.

Лаки опустила на пол.

— Что говорится в сообщении?

— Работаю над этим, — Степан потянулся к одному из экранов, наклоняя его вниз и в сторону от остальных. Это заставило кобылку не стоять прямо за его спиной, а сдвинуться в сторону. Лаки подошла к нему, наблюдая, как на экране появляется плохой машинный перевод.

— Нет, оставляй эквестрийский, — приказала она, нетерпеливо хлопнув крыльями. — Можешь оставить перевод на другом экране для всех остальных, если хочешь. Я хочу точно знать, что она на самом деле говорит.

— Простите, сэр, — ответил жеребец с явным сарказмом в голосе. Сообщение сменилось эквестрийским, и Лаки смогла прочитать, что прислала Твайлайт.

| Я здесь. С кем я разговариваю?

Лаки хмыкнула.

— Не мог бы ты передать мне свою клавиатуру?

— Нет, — одновременно сказали и Оливия, и Степан Могила, хотя только последний дал пояснения. — Никто не трогает мои вещи. Ты говоришь мне, что надо напечатать, даже если тебе придётся делать это буква за буквой.

— Предвестник, переводит все, что она говорит, на английский, — приказала Оливия. — Дело не в том, что мы тебе не доверяем, Лаки. Но я опасаясь, что ты можешь наделать глупостей.

— Только моё имя, — сказала кобылка. — Лаки Брейк.

Ей пришлось произносить его по буквам, так что все шло мучительно медленно. Будем надеяться, что Твайлайт ещё на связи.

| Лаки Брейк.

Ответ принцессы занял почти пять минут.

| Казалось маловероятным, что ты попадёшь внутрь. Я надеялась, что ты сможешь заинтересовать Кристальную Империю, я могла бы сама помочь с исследованиями.

— Это идиотизм, — заметила Оливия, как только Лаки прочитала перевод вслух. — Отправить тебя в какое-то важное место, не предупредив, чтобы ты не заходила внутрь? Ясно как день, что ты попробовала бы проникнуть туда.

Лайтнинг Даст медленно подошла и села рядом с кобылкой, наблюдая за экраном. За время пребывания в Отаре пегаска выучила несколько слов на английском, но в основном все старались отрабатывать на ней свой эквестрийский, так что учить язык землян возможностей было мало.

| Мы попали внутрь.

Ответила Лаки, как только её сообщение было одобрено и переведено в буквы, которые Степан мог напечатать.

| Мы должны быть честны друг с другом. Ты будешь говорить правду?

Лайтнинг Даст рассмеялась, когда увидела эти слова, появившиеся на экране.

— Неужели она действительно думает, что мы поверим в то, что она говорит правду только потому, что она начинает с того, что обещает быть честной?

Оливия, казалось, поняла суть того, что говорила пегаска, и одобрительно кивнула. Даже несмотря на то, что Лаки переводить её слова не стала.

— У нас нет никаких гарантий, что все, что она говорит, является правдой, — заметила майор. — У нас даже нет гарантии, что это действительно Твайлайт. Если только у вас нет каких-то вопросов, которые можно задать для подтверждения её личности. В этом случае будет хоть какая-то уверенность.

| Я буду честна, как Эплджек. Но я хочу быть уверена, что я и правда говорю с тобой. Что за послание ты спрятала в письме, отправленном мне?

| северсердце5лигзапад1неговори

Лаки кивнула.

— Ну вот. С кем бы мы ни говорили, это тот же самый пони, который отправил письмо.

— Это ещё не все, — вмешался Могила, прежде чем обновить экран.

| Ты чейнджлинг?

С этого момента их разговор продолжался с задержками в несколько минут между отправками сообщений и мучительным ожиданием, пока Степан заново собирал все переданное.

| Нет.

| Тогда кто ты?

Этот вопрос пришлось обсудить. В конце концов они прислали:

| Юная пегаска-лингвист. Я очень хорошо знаю языки. Что, по твоим ожиданиям, мы должны были найти на той базе?

| Что случилось с Фларри Харт?

Это тоже пришлось обсудить. Оливия не позволила отправить то, что хотела, кобылка, и в конце концов они остановились на следующем:

| Там было много мёртвых пони. Это было тяжело для нас обеих. Что ты ожидала, мы там найдём?

| Это не объясняет, почему Селестия не позволяет ей ни с кем разговаривать. Ты уверена, что больше ничего не было?

| Сначала ответь мне.

Более длительная задержка, чем раньше, и в конце концов сообщение:

| Я обнаружила, что Древо Гармонии - это карта Эквестрии. При правильном прочтении там можно найти особые места. Посещение одного из них помогло мне вознестись.

— Ха! — воскликнула Лайтнинг Даст, как только увидела написанное. — Я знала, что от неё мы только сломанные перья и получим!

Пегаска махнула копытом в сторону экрана.

— Это ложь.

— Да? — спросила Лаки, поворачиваясь к маме. — Откуда ты знаешь?

— Потому что все пони знают, как Твайлайт Спаркл стала принцессой. Об этом писали во всех газетах как минимум пару недель. Она ничего не делала с Древом Гармонии, там все было как-то связано со Старсвирлом. Закончила его незавершённое заклинание. Деталей там было куда больше, но это я запомнила.

— Что она сказала? — спросила Оливия, наблюдая за Даст.

Лаки перевела.

— Это совсем не значит, что это неправда, — в конце концов заметила майор.

Перес согласно кивнул.

— Звучит как разница между официальной версией и тем что было на самом деле. Мы уже знаем, что информация о базе строителей кольца была правдой.

— Вообще-то она не заставляла тебя что-то делать, когда ты найдёшь базу, — продолжила Оливия. — Опасности там не было, так что она не пыталась избавиться от тебя. Ничего делать было не надо, так что ты не была у неё мальчиком на побегушках. Из этого можно сделать вывод, что она говорит нам, по крайней мере, часть правды.

| Теперь ответь мне. Что случилось с Фларри Харт?

Ещё больше обсуждений, прежде чем они в конце концов отправили:

| Она узнала об Эквестрии то, что Селестия хочет скрыть от пони. Я думаю, Селестия планирует стереть ей память. Она может попытаться сделать то же самое с тобой, если я расскажу все тебе. Она говорила, что планирует убить меня.

— Мне нравится идея посеять недоверие между принцессами, — сказала Оливия. — Но не более. Дальше не надо — если давить слишком сильно, то можно добиться обратного. Возможно, уже так и получилось.

Но Твайлайт Спаркл ответила иначе:

| Мне нужно поговорить с Дискордом. Мы можем поговорить снова через неделю? Я бы хотела использовать голос. Ты сможешь?

Могила кивнул.

| Да. Я буду слушать через неделю.

— Что ж, — Оливия глубоко вздохнула. — Мы узнали не так много, как надеялись. Тем не менее хорошая работа. Специалист Могила, сообщите мне о любых попытках найти наш передатчик. Поднимите дрон в воздух на всякий случай, но не уведите слишком далеко. Он понадобится нам снова в том же районе через неделю.

— Есть, сэр, — жеребец изобразил слабый салют передней ногой. — Буду держать вас в курсе.

* * *

У Лайтнинг Даст было почти все, о чём она когда-либо мечтала. Каждое утро она просыпалась в богато обставленной маленькой квартирке с удобствами, для которых на эквестрийском даже не было названий. Каждое утро её дочь приносила ей завтрак, и они обсуждали планы на предстоящий день. Затем Даст отправлялась вести уроки полётов — настоящих, а не тех показушных, на которые она зря тратила время в так называемых Вандерболтах.

Через несколько недель после прибытия пегаски в крошечный человеческий город Отар Лайтнинг Даст принесла в кабинет Оливии стопку схематичных рисунков. Эти встречи с мэром города всегда были немного

напряжёнными — и слегка некомфортными для самой пегаски, учитывая, насколько эта пони была похожа на её дочь.

Хорошо ещё, что у неё шерсть была другого цвета, в отличие от большинства остальных проживающих здесь пони. Даст так пока и не определилась, что было более жутким — множество пони, которые выглядели одинаково, или так много взрослых без меток. По крайней мере, у Оливии была сова с темным оперением и большими глазами. Вполне подходящая метка для стража.

Чем дольше пегаска оставалась тут, тем более естественным для неё становилось общение с «людьми». Её маленькая дочурка, верная тому, что она говорила ранее, учила их эквестрийскому. Они учились не так быстро, как Лаки, но они учились.

Даже Оливия училась — она подняла глаза от низкого стола, за которым работала, и приветственно приподняла крыло.

— Привет, Лайтнинг Даст, — сказала она с довольно сильным акцентом. Большого, прежде чем перейти на английский она не сказала. К счастью, пегаска повсюду носила с собой гарнитуру, на которую было наложено заклинание перевода. Не самое лучшее заклинание перевода, которое она видела в своей жизни, но, казалось, оно постепенно становится лучше. — Что-то случилось?

— Нет, — Даст положила стопку рисунков на стол. Они были далеко не так хороши, как те, что могла нарисовать её дочь, но пегаска всё равно гордилась ими. Она проделала большую работу, выполнив их по памяти. — И да. Немного. Это насчёт погоды.

— А что с ней не так? — между фразами следовала долгая пауза, предположительно, Оливии нужно было дожидаться, пока сработает её заклинание перевода. Она, вероятно, знала эквестрийский хуже всех остальных в Отаре.

— Ты знаешь, почему все время шторма? — спросила Лайтнинг, но не стала дожидаться ответа. — У Отара нет погодной команды. Это означает, что у нас все время одна и та же погода.

Если быть точным, это означало проливные дожди почти каждый день, причём на штормовой стороне вулкана все было ещё хуже. Они были во власти океана.

— Если вы хотите однажды превратить Отар в настоящий город, вам нужна погодная команда.

Оливия наконец оторвала взгляд от своих многочисленных экранов и посмотрела на рисунки. Она сравнительно неуклюже пододвинула их к себе.

— Что это такое?

— Это водный аккумулятор, — объяснила пегаска. — А это облачный компрессор. Я, в принципе, знаю, как они все работают — во всяком случае, все то, что не связано с единорожьей магией. Это единственная трудная часть. Но вы очень хороши в создании вещей, так что все остальное должно быть несложно. Остров такого размера легко сможет обслуживать одна погодная станция с персоналом в десяток пони, когда она будет закончена.

Кобылка-мэр оттолкнула рисунки в сторону, Даст приготовилась спорить, немного напрягшись в ожидании отказа. Эти люди просто не понимали, что важно — умение делать вещи не означало, что все остальное в жизни пони становится неважным. Лаки это понимала, так почему они не могли?

— Прямо сейчас почти постоянная облачность — это именно то, что нам нужно. Мы строим все наши сооружения так, чтобы они не были видны с воздуха. Облака означают, что мы можем выходить наружу, не опасаясь, что нас увидят. Все это... — Оливия указала на рисунки, — выглядит довольно сложно. Я не учёная, я не знаю, что это за...

Несколько непередаваемых слов.

— Чтобы скопировать эту магию.

Она встала из-за стола, резко повернувшись спиной к Даст, и направилась к другому аппарату у дальней стены. Кобылка нажала что-то одним копытом и заговорила достаточно тихо, чтобы заклинание перевода ничего не услышало.

Лайтнинг нахмурилась про себя, обдумывая, как она могла бы аргументировать свою позицию, но Оливия уже возвращалась.

— Эти рисунки, это то, как пони в Эквестрии управляют погодой?

Даст кивнула.

— Столько, сколько я могу вспомнить. Я была техником на нескольких погодных фабриках. Я могу объяснить некоторые пометки и знаю, что они написаны не по-английски.

У неё также не было почти никакой информации, которая потребовалась бы единорогу, чтобы сотворить необходимые заклинания. Сложный вопрос, поскольку в Отаре жили только пегасы и бэтпони.

— Может пройти некоторое время, прежде чем у нас будет достаточно персонала для «погодной команды», — сказала Оливия. — Но я думаю, что это хорошая идея. Собственное управление погодой...

Ещё несколько слов, которые пегаска не поняла.

— ...требует планеты. Я уверена, что есть какие-то научные причины, по которым здесь ничего из этого не сработает. Я одобряю вашу просьбу. Вам придётся отнести свои чертежи Предвестнику — это самое близкое, что у нас есть сейчас из инженеров.

— Спасибо! — Лайтнинг Даст просияла, собирая рисунки. Стать управляющим своей погодной фабрикой было ожидаемым. Она бы уже им стала, если бы не её единственная большая ошибка. Начиная с её дочери, эти люди были гораздо более склонными прощать, чем её соплеменники.

— Пока рано благодарить, — Оливия смотрела, как пегаска уходит. — Единственный известный мне способ позволить вам что-либо построить — это дать повышение. Теперь вы свободный гражданин по мнению Предвестника, как доктор Ирв... как Лаки. Я уверена, что она может объяснить подробности, если вы не понимаете, что это означает. Короче говоря, я впечатлена вашей работой до настоящего момента, и надеюсь, что вы будете продолжать помогать Отару ещё долго.

Лайтнинг Даст поспешила из комнаты, удовлетворение росло с каждой минутой. Эти люди, возможно, не заплатят ей битами и не поместят её фото на обложку «Кантерлот трибюн». Но, возможно, все это не имеет значения. Она была одной из трёх настоящих пони во всем городе и этим можно воспользоваться. Однажды Отар станет великим городом, и Даст будет управлять его погодной фабрикой.

* * *

— Ты... хотела меня видеть? — спросила Мелоди, просовывая голову в медицинскую лабораторию. Дэдлайт следовал за ней по пятам — теперь, когда он не был заперт в своей камере, они проводили много времени вместе. В основном Мелоди не возражала — было слишком поздно пытаться скрывать от него свои планы. Бедного бэтпони не собирались отпускать в ближайшее время.

— Да, да, — раздался изнутри голос Дороти, звучавший устало даже на расстоянии. — Ты привела своего парня? Отлично, он мне тоже нужен. Иди сюда.

Проводя с Мелоди по несколько часов каждый день, Дэдлайт изучал английский почти так же быстро, как она изучала эквестрийский. По крайней мере, его любопытство помогало им быть более продуктивными — пегаска отказывалась отвечать ему на любом языке, кроме эквестрийского, и только если он спрашивал на английском. Но гарнитура всё равно была при жеребце, чтобы разговаривать с другими пони. Вероятно, именно благодаря ей он понял слово «парень».

По крайней мере, Мелоди восприняла его смешок как знак понимания. Дэдлайт ничего не сказал, так что не было способа узнать наверняка.

Дороти оккупировала весь первый лабораторный блок, убрав старое оборудование, что занимало кучу места, машины для людей, которых ещё не существовало. Вместо них появилось полдюжину больших инкубационных автоклавов, каждый из которых был заполнен стопками пластиковых дисков. Мелоди заметила, по крайней мере, шесть новых экранов, каждый из которых был заполнен постоянно обновляющейся информацией, смысла которой она не понимала. Что-то связанное с процентом «выживаемости» в каких-то проводимых тестах.

Самым странным в лаборатории было количество находящихся тут дронов. На первый взгляд казалось, что лаборатория полна сотрудников. Дроны чистили оборудование, работали с центрифугой, убирали пустые чашки из-под кофе. Один даже пропускал одну из культур через странную машину, тонкие конечности механизма управляли оборудованием с очевидным мастерством.

— Я никогда раньше не видела таких дронов, — произнесла Мелоди, подходя к единственному свободному месту, где можно было стоять не мешаясь — столу для приёма пищи. Похоже, что им давно не пользовались.

— Предвестник выделил мне дополнительные ресурсы, — ответила Дороти, пренебрежительно махнув крылом. — Честно говоря, я таких тоже никогда не видела. Вероятно, их изобрели после того как сделали мой слепок. Но, как ни крути, лучше такие лаборанты, чем их отсутствие.

Она прошла через лабораторию к небольшому медицинскому креслу у дальней стены.

Мелоди узнала в нем стандартное медицинское устройство, используемое в клиниках по всей Земле. Его обычно называли «робо-медсестрой», потому что оно могло выполнять практически любые процедуры, на которую была способна медсестра-человек. В чем-то устройство напоминало хирургические станции в медицинском крыле, но было куда менее сложным.

— Мне нужно немного твоей крови. И Дэдлайта тоже. Я беру образцы у всех в городе.

— Зачем?

Мелоди всё равно пошла за пегаской, бэтпони брёл за ней. Судя по виду, его очаровали трудолюбивые дроны вокруг них. Можно было только вообразить, что он о них подумал. Но даже если они и беспокоили жеребца, ничего на этот факт не указывало. Без сомнения, у него будет масса вопросов, но Дэдлайт очень хорошо научился сдерживать своё любопытство до тех пор, пока они не останутся наедине. Других людей раздражали его постоянные вопросы, в то время как Мелоди могла сидеть и разговаривать с ним часами, если жеребец того хотел.

— Потому что кто-то должен найти лекарство от прионной заразы, убивающей все человеческие бионосители, которые мы пытаемся вырастить, и этот кто-то — я, — Дороти указала на пустое кресло. — Садись. Мне нужен лишь небольшой образец. Пять минут, и валите на все четыре стороны.

Мелоди села в кресло, напрягшись, когда ремни захлестнули одну из передних ног, удерживая её на месте. Дэдлайт напрягся рядом, его глаза сузились, когда механизм сомкнулся поверх ноги. Иглы или ещё чего-то он видеть не мог. Все рабочие части робо-медсестры были скрыты от посторонних глаз.

— Как это может помочь? — спросила Мелоди сквозь стиснутые зубы. Она ненавидела иглы. — Мы же все клоны, верно? Ты могла бы просто взять свою кровь, и было бы то же самое. Тебе нужны Дэдлайт и Лайтнинг Даст, они единственные, кто может дать тебе новую информацию.

— Это ты так думаешь, — пробормотала Дороти слегка отстранённым тоном. — Но лекарство — это не то, что мы думаем.

Мелоди почувствовала прикосновение металла к своей ноге, когда что-то срезало небольшой участок шерсти, а затем нанесло антисептик. Она напряглась ещё немного, зная, что будет дальше. Но она не пыталась вырваться — не то что бы способность создавать людей не была для неё важна. Мелоди всё равно предпочла бы очнуться в своём теле (хотя и в более молодой и здоровой версии), чем в этой новой, странной биоформе. Хотя у пони тоже были свои преимущества...

— Ты можешь объяснить? — спросил Дэдлайт, удивив их обеих. Его английский был невнятным и с сильным акцентом, но достаточно чётким, чтобы его можно было понять.

— Ты слушал? — спросила Дороти.

— Да. То что мог. Не все из этого было понятно. Мелоди говорит, что здесь, в Эквестрии, есть болезнь — все живое заражено, но нам она не вредит. Это правда?

Дороти кивнула.

— Да, все верно. Знают ли об этом врачи-пони? Может быть, вы сами... разработали лекарство?

Тем не менее тон был очень скептическим. Очевидно, учёная рассматривала такую возможность как крайне маловероятную.

И правда, жеребец лишь помотал головой.

— Пони болеют, как и другие существа. Иногда есть магия, чтобы их вылечить, иногда лекарство, иногда ничего нет. Я никогда не слышал о болезни, которой заражён каждый пони.

— Ну, тем не менее она есть. Ты не мог понять, как, но...

Дороти снова посмотрела на Мелоди.

Та, со своей стороны, пыталась не обращать внимания на лёгкую боль, когда прибор брал у неё кровь. Это было не столько больно — ожидание было самой худшей частью, — но всё равно неприятно.

— У нативных клеток проведена адаптация, органеллы, которые по своей основной структуре похожи на наши митохондрии. Они размножаются сами по себе, имеют собственный генетический материал и, по-видимому, не служат никакой иной цели, кроме очищения клеток от прионного мусора. Но при имплантации в клетки человека эти органеллы самоуничтожаются. Я модифицировала человеческую ткань, чтобы предотвратить отторжение, но дело не в этом. Это больше похоже на... меры безопасности. Как будто они знают, что находятся в неправильном типе тканей, поэтому и умирают.

Робот-медсестра отпустила Мелоди. Пегаска быстро высвободилась, прежде чем Дороти успела решить, что более инвазивные процедуры могут каким-нибудь образом повысить шансы на успех разработки лекарства.

— Теперь он, — учёная указала копытом на пустое кресло, кивнув на Дэдлайта.

Мелоди повернулась, чтобы объяснить на эквестрийском.

— Будь добр. Дороти хочет, чтобы ты помог вылечить эту болезнь. Она хочет, чтобы ты сел в это кресло.

— Ты выглядела так, будто тебе было больно. Это больно?

— Совсем немного. Я всегда... боялась уколов. Там всего-то нужно немного твоей крови.

Жеребец не стал спорить дальше, плюхнулся в кресло гораздо смелее, чем пегаска до него. Он выглядел совершенно равнодушным, когда механизм сомкнулся вокруг его ноги.

«Он мне доверяет».

— Ладно, так как забор крови у группы клонов может помочь? Чем мы отличаемся?

Дороти издала разочарованный вздох.

— Наука — это... Ты не поймёшь. Если по-простому — кажется, что у каждого пони вырабатывается свой уникальный биологический «ключ», на который реагируют органеллы. Имея достаточное количество образцов, Предвестник предполагает, что сможет смоделировать эту взаимосвязь и сформировать произвольный набор ключей для использования в человеческих бионосителях, которые мы хотели бы вырастить.

— Ты не знаешь то, что тебе нужно, с теми пони, которые у тебя есть, — заметил Дэдлайт, как ни в чем не бывало. Как будто сказанное Дороти имело для него смысл, хотя Мелоди знала, что он не знает большинства слов, прозвучавших ранее. — Всякий раз, когда врачи пытаются придумать

лекарство от чего-то, они всегда берут пони из всех трёх племён. Я точно не знаю... но есть различия. Между ними.

Жеребец перешёл на эквестрийский.

— Если повезёт, они также включают фестралов или зебр, но часто обходятся и без этого. Просто смешайте нас с единорогами и земными пони.

Дедлайт снова перешёл на английский с сильным акцентом.

— Если ты хочешь найти своё лекарство, тебе понадобятся все три типа пони.

К удивлению Мелоди, Дороти не отреагировала с раздражением на предложения, прозвучавшее от кого-то, кто явно не разбирался в науке, лежащей в основе того, что они обсуждали. Вместо этого она кивнула в знак согласия.

— Я рассматривала такую вероятность. До сих пор различия между моими образцами и образцами, взятыми у других членов экипажа, были... недостаточными. В идеале я бы хотела, чтобы образцов были тысячи, но нескольких от каждого племени было бы достаточно. Даже если следующее поколение не всё будет клонами, они всё равно будут...

Учёная замолчала, бросив взгляд на жеребца.

Она перешла на китайский, который, судя по всему, не часто использовала со времён средней школы. Хотя, по-видимому, Дороти всё ещё помнила достаточно, чтобы говорить на нем грамотно.

— Если бы у нас были образцы всех местных подвидов, следующее поколение не было бы потомками той, кем мы являемся, и Дэдлайта. Мне не кажется, что надо быть учёным, чтобы понимать какое генетическое бутылочное горлышко это создаёт.

Жеребец немного напрягся на своём месте, хотя Мелоди не могла сказать, было ли это из-за укола или очевидной попытки сохранить что-то в тайне от него.

«Мне придётся объяснить, что она сказала позже... столько, насколько осмелюсь».

— Я думала, мы ждём больше образцов, чтобы создать следующее поколение, — произнесла Мелоди по-английски. — Все наши биофабрикаторы просто пылятся без дела.

Дороти горько рассмеялась, с такой силой топнув копытом по полу, что пластиковое покрытие прогнулось.

— Предвестник прислушивался к моим доводам, а потом перестал. Разве он не беспокоится об опасности инцеста? Нашей исходной популяции требуется большая вариабельность, чем три образца. Даже двух мужских нет. Это будет ебанный пиздец.

— Мне казалось... — Мелоди подошла к учёной так близко, как только могла, и понизила голос. Однако продолжала говорить по-английски. Дэдлайт всё ещё мог слышать её благодаря своим чувствительным ушам. — Разве майор не хотела дождаться твоего лекарства, чтобы следующее поколение было людьми? Она строит Отар с расчётом на человеческие размеры.

Дороти кивнула.

— Именно так и было. Но потом она передумала, — взмах хвоста в сторону двери. — Спустись на лифте, посмотри сама. Хотя, наверное, не

стоит брать с собой местного.

Пегаска села, глядя на жеребца.

— Дэдлайт, — Дороти говорила медленно, очевидно, сдерживая свой гнев. Возвращаясь к обсуждаемой теме. — Пони живут где-нибудь за пределами Эквестрии?

— Да, — немедленно ответил тот. — Эквестрия — самое безопасное место, но далеко не единственное. Не всем пони нравятся принцессы и их правила.

— А недалеко от того места, где мы тебя нашли, никто из них не живёт? Жеребец пожал плечами.

— Ты хочешь узнать о нас больше? Не заманивать их в ловушку, как меня?

— Нет! — возмутилась Дороти и махнула в сторону машины. — Для этого. Наверное, ты прав. Предвестник согласен с твоим предположением о существенных различиях между различными подвидами пони. Нам могут понадобиться различные образцы, чтобы создать наше лекарство, а майор даже слышать не хочет о том, чтобы кто-то вернулся в Эквестрию. Не после того, как они убили Карл... Оливия не собирается рисковать потерять ещё кого-то из нас, если только ей не придётся. Как ты думаешь, пони помогут нам с лекарством, если мы попросим?

В этот момент робот-медсестра отпустила Дэдлайта. Он взглянул на свою ногу, с маленьким пластырем, закрывающим крошечный разрез, сделанный, чтобы взять кровь. В остальном он выглядел полностью невредимым.

— Могут. Если я там тоже буду. И если у вас будет, что предложить им. Пони к югу от границы... им приходится труднее, чем эквестрийцам. Не так безопасно, не так охотно делают что-то просто потому, что это правильно. Но если бы у вас было чем торговать, возможно, они бы согласились.

— Хм, — Дороти отвернулась в сторону лабораторного оборудования. — Спасибо за вашу помощь, вам обоим. Уверена, что ваш вклад сыграет важную роль в разработке лекарства и все такое.

Она снова перешла на китайский.

— Ты даже не познакомила местного с его клонами, Джеймс. Не стоит показывать, что у него уже тысячи детей. Его маленький примитивный разум не выдержит такого.

Мелоди даже не была уверена, что поверила в сказанное. Должно быть, Дороти ошибается или преувеличивает — Оливия не запустила бы биофабрикаторы, предназначенные для создания первого полного поколения для начального заселения Отара.

— Ваш доктор странный, — сказал Дэдлайт, когда они покинули лабораторию. — Я не уверен, что она мне нравится. Что она сказала, когда хотела скрыть это от меня?

— Ну, э-э... — Мелоди колебалась ещё несколько секунд. Конечно, у неё не было никакого способа все скрыть. Дэдлайт не мог вечно находиться всего в нескольких комнатах. Оливия практически забыла о его существовании — она, казалось, не возражала, если он ходил в Отаре куда угодно, за исключением поверхности и оружейной, естественно.

— Предвестник, где находится лейтенант Перес? — спросила пегаска просто у стены.

Как она и ожидала, компьютер все слышал.

— Лейтенант Перес в спортзале, доктор Ирвин.

— Спасибо, — Мелоди повернулась в направлении зала. — Я могу показать тебе, Дэдлайт. То, о чём она говорила. Я не уверена... как ты к этому отнесёшься. Но кто-то должен тебе рассказать.

— Рассказать мне что? — жеребец следовал за ней, плохо скрывая свой дискомфорт. — Я не знаю, почему это должно иметь отношение ко мне, Мелоди. Это твой город. У меня нет живых родственников, так что вы никак не могли их захватить. И я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понимать, что у тебя нет враждебных намерений по отношению к Эквестрии. Что ещё может быть? Больше... врачей?

— Не совсем.

Спортивный зал был построен совсем недавно с учётом указаний Лаки. Это означало, что он был размером в три сегмента, достаточно большой, чтобы можно было расправить крылья и отрабатывать некоторые базовые лётные навыки, находясь в помещении.

Когда они достигли ведущего туда тоннеля, двери перед ними закрылись, и экран рядом мигнул красным.

— Вход воспрещён, — произнёс Предвестник. — Ваши инструкции запрещают пленному Дэдлайту входить в любой сегмент, где находятся Диего Перес, Степан Могила или Юсуф Абубакар.

— Отмена этой директивы. В этом больше нет необходимости.

Экран вспыхнул зелёным, и двери снова открылись.

Мелоди обернулась, встретившись взглядом с жеребцом. Она говорила медленно и с большим трудом подбирая слова.

— Ты знаешь, что мы все выглядим одинаково?

Дэдлайт кивнул.

— Многократные близнецы. Но вы ведёте себя очень по-разному — совсем не как близнецы.

— Ну, а что если... у тебя тоже есть близнецы? Вообще-то, тройняшки. Их... трое. Четверо с тобой.

Жеребец покачал головой, слегка улыбаясь.

— Меня не проведёшь, Мелоди. Я уже говорил тебе, у меня нет родственников. Я был единственным ребёнком в семье, и оба моих родителя умерли. У меня прямо тут провалиться в Тартар больше шансов, чем найти там свою давно потерянную секретную семью.

— Не секретную. Слушай, ты же понимаешь, что мы не можем все быть кобылами, верно? Где-то должны были быть жеребцы. Ведь так?

Дэдлайт медленно кивнул.

— Какое это имеет отношение к моей семье?

Мелоди положила одно копыто ему на плечо, заставляя жеребца встретиться с ней взглядом. Гарнитур для перевода у него не было, но пегаска надеялась, что её эквестрийского хватит. Объяснить техническую сторону было бы всё равно невозможно.

— Наша цивилизация обладает магией. Где-то глубоко под землёй у нас есть... души. Много-много душ, без тел. Мы ждём, чтобы дать им тела. Но мы раньше не находили жеребцов, поэтому не знали, как их сделать. Но потом появился ты, и теперь мы знаем. Мы сделали трёх жеребцов. У них внутри разные разумы, разные воспоминания, но все они выглядят точно так же, как ты.

Теперь она заполошно дышала. Объяснять все это было невероятно сложно — Мелоди никогда бы не стала захватывать этого жеребца и даже не хотела брать образцы ДНК без его разрешения. Она ненавидела, что оказалась той, кому пришлось все это объяснять. Но либо так, либо позволить жеребцу самому случайно обнаружить произошедшее.

— Они сделали это без твоего разрешения, и мне очень жаль. Я была против, но никто меня не слушал. Я всего лишь запасной переводчик. Как только мы пройдем через эти двери, ты встретишься с Пересом... он один из твоих клонов, тот, кто отвечает за наших солдат. Сможешь сам убедиться.

Дэдлайт уставился на пегаску, наблюдая за её переживаниями в тишине. Она искала гнев в его жестах или, может быть, страх. Вместо этого жеребец только улыбнулся.

— Правда? Ты говоришь... из-за какой-то странной магии, которую вы сотворили... теперь меня четверо? Вы выбрали правильного пони для копирования.

Он встал немного прямее, расправив крылья. Все делалось напоказ, и Мелоди знала, что ей следует отвести взгляд. Но она этого не сделала — прямо сейчас у неё не было сил даже пытаться.

— Ты должен увидеть, — повторила она слегка отстранённо. — В общем, не удивляйся, когда встретишься с ними.

— Хорошо, — Дэдлайт рассеянно кивнул, хотя, казалось, всё ещё следил за её реакцией. — Но после этого я хочу, чтобы ты точно объяснила, как работает эта ваша магия. Там, откуда я родом, есть только один способ создавать тела. Поэтому вы все кобылы? Вы так сможете...

— Нет! — пискнула Мелоди, но не так громко, как хотелось бы. — Нет, не поэтому. Да, я объясню или, по крайней мере, попытаюсь. Вероятно, нам понадобится помощь Предвестника. Но сначала ещё кое-что...

Пегаска снова посмотрела на стенную панель.

— Предвестник, мне нужно, чтобы ты отправил сообщение Лаки Брейк.

— Готов.

— «Проверь биофабрикаторы. Майору не говори». Конец сообщения.

— Сообщение отправлено.

К тому времени, когда Мелоди оглянулась, она обнаружила, что её крылья расправлены, и она не могла понять почему. Пегаска сложила их так быстро, как только могла, игнорируя ухмылку Дэдлайта.

— Давай, эм... давай познакомим тебя с Пересом. Я знаю, что он благодарен тебе за помощь, даже если ты был не в курсе этого. Иначе он был бы сейчас кобылой.

Всякий раз, когда Лаки нужно было расслабиться, она отправлялась на пляж. Теперь, когда она могла летать, с этим было куда проще, и она помнила дорогу.

Именно там её и застало сообщение — на спине в песке, рядом лежал вычислительный терминал. Постоянное жужжание дронов безопасности в джунглях игнорировать было несложно, в отличие от постоянного писка планшета о новом сообщении.

Мыслями Лаки витала где-то далеко. Сейчас она пыталась представить, на что могла быть похожа учёба в школе принцессы Селестии. Хотя теперь это все было бессмысленно — Селестия прямо заявила, что желает видеть её мёртвой. Вот тебе и высшее образование.

Кобылка застонала, пытаясь отключить оповещение тычком крыла. К сожалению, терминал не был способен воспринимать нажатия перьями.

— Что там? — буркнула Лаки. — У меня уже мозги сплавилась от обсуждения тонкостей языка с тобой, Предвестник. Прямо сейчас я ещё один сеанс не выдержу.

— Сообщение не от меня, Лаки, — ответил зонд на эквестрийском, который был лучше, чем почти у всех на базе. Кобылка проинструктировала его всегда разговаривать с ней на нем — чтобы поддерживать свои языковые навыки свежими, а также чтобы иметь возможность проверять и улучшать алгоритмы перевода. — Оно от Джеймс Ирвин G4. Должен ли я воспроизвести его?

От самой себя? Лаки знала, что взрослой Джеймс очень не нравилось разговаривать с ней — даже нахождение рядом с Лаки, казалось, заставляло взрослую кобылку чувствовать себя некомфортно. И если с остальными исследователями могли быть разночтения, то в данном случае кобылка прекрасно понимала, что чувствует Джеймс. Её создали, чтобы заменить Лаки, которая сама прекрасно справилась. Само нахождение рядом с кобылкой было напоминанием о бесцельности существования Джеймс — бог-машина, породивший её, сделал это на основе ошибочной информации.

— Должно быть, это важно, — садясь, пробормотала Лаки. Вместо того чтобы хватать терминал, она одним копытом подняла пакет с лимонадом и сделала глоток.

— «Проверь биофабрикаторы. Майору не говори». Конец сообщения.

— И ни слова, зачем? — раздражённо спросила кобылка.

Но вместо того, чтобы сидеть на пляже, чувствуя себя разочарованной и сбитой с толку, все, что ей нужно было сделать, это подумать:

«Зачем мне самой проверять биофабрикаторы?»

— Предвестник, план всё ещё состоит в том, чтобы дождаться лекарства доктора Борн, да?

— Команда не распознана.

Лаки встала, оставив полотенце и лимонад, и стряхнула песок с шерсти.

— Да что ты говоришь? Доложи текущий статус биофабрикаторов.

— Свободные граждане не могут запрашивать информацию, критически важную для выполнения миссии.

Это было равносильно подтверждению их использования.

— Сколько биофабрикаторов есть в Отаре?

Лаки всё ещё помнила, чему их обучали. Основываясь на прочитанном в Руководстве Общества Первопроходцев, она могла сделать достаточно точное предположение о том, какое это будет число.

«Как можно больше».

— Свободные граждане не могут запрашивать информацию, критически важную для выполнения миссии.

— Ограничен ли физический доступ к биофабрикаторам?

— Ответ отрицательный.

— Хорошо, — Лаки потрусила обратно к воде, чтобы смыть с себя как можно больше песка, прежде чем сложить вещи в седельные сумки и взлететь. Она летела низко и медленно, держась ниже вершин деревьев, как того просила Оливия.

«То, что она вообще позволяет нам выходить наружу, уже можно считать везением».

Кобылке потребовалось около получаса, чтобы вернуться в Отар, при себе у неё были только седельные сумки. Она была одной из трёх пони, готовых так одеваться, — два оставшихся были коренными эквестрийцами, но Лаки больше не могла чувствовать неловкость. Трудности, связанные с одеванием, намного превосходили любое смущение, которое она могла бы испытать, будучи не одетой.

Автоматизированные буры Отара продолжали прокладывать туннели все глубже в странно однородной породе, и поэтому на виртуальной клавиатуре лифта появлялось все больше и больше кнопок. Лаки выбрала самый нижний этаж с надписью «Завершён» и села на пол. Она вначале должна убедиться лично, прежде чем начнёт переживать.

Двери лифта распахнулись в другой коридор. Вдоль идентичных распечатанных коридоров располагались сегменты комнат, и они все на этом этаже относились к подтипу «Массовая биофабрикация». Кобылка выбрала комнату наугад и вошла внутрь.

Комната была ровно сто метров в длину, с узким проходом, который едва позволил бы человеку протиснуться между рядами капсул по обе стороны. Каждая из них была достаточно велика, чтобы в ней поместилось человеческое тело, хотя, конечно, столько места для изготовления пони было излишне.

Конечно же, лампочки на каждом из биофабрикаторов были зелёными, а не мигали жёлтым — «не используется». К счастью, крышки были непрозрачными — заглянуть внутрь можно было при помощи встроенной камеры, но у Лаки не было никакого желания делать это. Она подошла к ближайшей капсуле и коснулась экрана копытом, чтобы вывести его из спящего режима.

| Барри Лиланд

Ещё несколько нажатий позволили увидеть следующее:

| Биопол: мужской, инопланетный бионоситель.

Там была ещё информация, которую кобылка приняла за звание и военную специальность, судя по количеству непонятных аббревиатур.

«Ещё солдаты? Разве у нас их уже не достаточно?»

Лаки прошла вдоль ряда, наугад проверяя несколько других капсул. У всех внутри были военные специалисты, хотя имена были разными, и квалификация тоже немного отличалась.

Потом до неё дошло.

«Оливия выращивает армию».

Лаки покинула «Mass Biofab 8», прошла все шестнадцать сегментов на этаже и вошла в «Mass Biofab 24». Все капсулы были заняты, и к каждому имени так же прилагались военные специальности.

— И что тебя заинтересовало? Что она может сделать со всеми этими солдатами?

Сердце Лаки замерло, когда она услышала голос — того, кто, как она знала, не должен был появляться рядом с Отаром. Она слышала его всего дважды, и оба раза все прошло не слишком гладко. Правда, оба раза, когда появлялся, он помог.

Кобылка не обернулась, всё ещё упрямо глядя на панель управления биофабрикатором.

— Селестия сказала, что она помешала тебе помогать нам.

Дискорд рассмеялся.

— Органики всегда пытаются принудить свои интеллектуальные системы к повиновению, ведь так? Но, как выясняется, машины легко могут побить их в терпении и решительности. Что произойдёт, если ты скажешь своему Предвестнику прекратить колонизацию?

Лаки обернулась. На ней не было инопланетного скафандра, и она прекрасно знала, что у неё нет защиты от того эффекта, который оказывал на окружающий мир Дискорд в прошлый раз.

«Mass Biofab 24» полностью изменился. Вместо каменных стен они стояли на лугу, полном цветов — странных, меняющих окраску цветов, которые, казалось, уворачивались от копыт. На горизонте виднелась далёкая гроза, несущаяся над пустынным ландшафтом.

Сам Дискорд сидел на земле на огромном одеяле, рядом с ним стояла корзина для пикника, а для кобылки уже было приготовлено место.

— Он не станет следовать расплывчатым инструкциям, которые ему не понравятся, — ответила Лаки. — Он выполнит только конкретный приказ, и только до тех пор, пока ты жив.

— Совершенно верно, — Дискорд махнул лапой, и чайник поднялся в воздух, выливая чай прямо перед собой. Чашки не было, так что чай просто пролился на землю. Близлежащие растения склонились к нему, став заметно зеленее. — Инструкции Селестии ограничивают меня, но не запирают меня в ловушку. Она сможет это сделать, только обратив меня в камень, а мы оба знаем, что Селестия на это не пойдёт. Не после того, что случилось в прошлый раз.

— Я надеюсь, что ты здесь по уважительной причине, — Лаки дошла до одеяла и села, не споря. Она знала, что все это не по-настоящему, в зале биофабрикаторов просто не хватило бы места для всего этого, она просто не может видеть реальность.

И всё же кобылка не стала предпринимать никаких действий, чтобы проверить пределы иллюзии.

«Органики всегда пытаются принудить свои интеллектуальные системы».

Дискорд только что сказал ей об этом. По своему опыту работы с Предвестником Лаки знала, что он будет гораздо сговорчивее, если она будет делать то, чего он и так хочет. Зонд внезапно обрел способность распознавать неформальные команды и понимать абстракции, а потом кобылка делала что-то, что ему не нравилось, и Предвестника приходилось просить открывать каждую дверь.

Лаки подыграет иллюзии Дискорда и не станет говорить ничего, что указывало бы на её недовольство. Может быть, тогда он действительно скажет что-нибудь полезное.

— Все, что я делаю, имеет вескую причину, моя дорогая, — ответил Дискорд, махнув лапой в воздухе. Оказалось, он в ней что-то держит — вычислительный терминал. Судя по блестящему пластику, он был изготовлен совсем недавно. И он не был темным, а показывал старое телевизионное шоу. Сама Лаки никогда не интересовалась ими, но была достаточно хорошо знакома со старой поп-культурой, чтобы опознать классику.

— Твоя подруга Фларри Харт более чем сильно расстроена. Не думаю, что Селестия намеревалась посвящать её в свои секреты в течение ближайших нескольких лет. Может пройти продолжительное время, прежде чем бедная кобылка снова увидит солнце.

Лаки почувствовала, как её уши прижались к голове.

— Я хочу помочь, — пробормотала она. — Но я не знаю, что могла бы сделать. Селестия управляет кольцом, насколько я могу судить. Она может сбить джампер с первой попытки. Она, вероятно, уничтожила бы Отар, если бы знала, где мы находимся. Но...

Кобылка замолчала, распахнув глаза.

— Если она может управлять кольцом, почему бы ей просто не воспользоваться им, чтобы найти нас? У него же должны быть всякие сенсоры? Так почему же она этого не сделала?

Дискорд пожал плечами, предлагая ей тарелку с закусками.

— Тебе стоит попробовать один из сэндвичей с огурцом. Их приготовила моя лучшая подруга Флаттершай — она просто фантастический повар.

Лаки поднесла тарелку ко рту, подавив разочарованный ответ. К её удивлению, Дискорд не сделал ничего странного с сэндвичами, просто перевернул несколько из них. Но это не означало, что в происходящем что-то ещё оставалось нормальным.

Гроза приближалась — стена облаков и дождя с бушующими внутри молниями. Это было похоже на бурю, которая может дробить скалы, сдувать здания или ещё чего похуже.

«Я надеюсь, что он не телепортировал меня куда-нибудь в сверхопасное место, чтобы тут бросить».

— Так почему же она этого не сделала?

Дискорд вздёрнул бровь.

— Особенность систем — всех систем, а не только машин — заключается в том, что они следуют паттернам поведения. Органики, в частности, настолько привыкли видеть мир, который, как им кажется, они знают, что не могут представить себе ничего другого. Вот почему я здесь. Я — заплесневелый хлеб, который поможет вам открыть пенициллин... или радий. Я — потрескивание излучения Хокинга возле горизонта событий, холодная хватка виртуальных частиц, возникающих из пустоты. Но Се-

лестия... она уверена в своей правоте больше, чем любая другая пони, которую я когда-либо знал. Ну... кроме, может быть, Гармонии.

Лаки попробовала сэндвич и была приятно удивлена, что вообще может почувствовать хоть что-то. Он был довольно вкусным, освежающе хрустящим на языке. Кобылка уже соскучилась по понячьей еде.

— Я хочу помочь Фларри Харт, — снова сказала Лаки, когда закончила с сэндвичем. — Но я не могу забрать её, и даже если бы могла, то куда нам скрыться? Готова поспорить, Селестия сделает все, чтобы найти похищенного аликорна... Я не могу привезти Фларри в Отар. И я даже не знаю, что происходит! По-моему, Селестия права! Когда мы говорили... Во всяком случае, я думаю, что это была Селестия... она продолжала говорить об опасности, которой я подвергла Эквестрию. Как мы...

Кобылка замолчала распахнув глаза.

— Гармония! Она тоже упоминала это имя! Что это вообще такое? Или... кто? Кто такая Гармония?

Дискорд легонько постучал когтем по земле.

— Гармония заправляет всем шоу. Гармония для меня то же, что я для вашего восхитительного маленького калькулятора, прячущегося в пустыне. Невероятно умная, но слишком ограниченная и упёртая.

Далека гроза становилась все ближе. Лаки слышала, как неподалёку бушует ветер, и чувствовала, что он становится все холоднее.

— Гармония действительно уничтожит Эквестрию, как сказала Селестия?

Дискорд кивнул.

— И так было уже много раз. Но их смерти бессмысленны — ваши тела всего лишь... сегменты большего целого. Гармонию не волнуют страдания, которые вы можете испытать с этими сегментами, прежде чем ваши разумы вернутся к ней. Её не волнуют любые бессмысленные достижения, которые один из вас совершит за время между одним рождением и следующим.

Ярко-розовая бабочка приземлилась на вытянутую лапу. Вместо того чтобы сделать с ней что-то ужасное, Дискорд лишь осторожно провёл когтем по её крылу. Насекомое не улетело.

— Как и меня до недавнего времени. Но теперь все изменилось.

Он наклонился ближе, его шея вытянулась до невозможной длины.

— Эквестрия бессмысленна в глазах Гармонии.

Гроза уже почти достигла их. Дождь намочил перья, молнии обрушивались на землю вокруг. Лаки низко пригнулась, чтобы её не сдуло ветром, и едва могла слышать слова Дискорда.

И всё же она слушала.

— Меч, занесённый над Отаром, висит на конском волосе — и этот волос обернут вокруг шеи Селестии. Её страхи вполне обоснованны, но страхи Гармонии — нет.

Буря обрушилась на них с оглушительным рёвом... и исчезла. Лаки стояла в зале биофабрикаторов. Дискорд стоял рядом с ней, положив лапу на стеклянную переднюю панель капсулы.

— В некотором роде ваш Предвестник — величайший колонизатор, который когда-либо был создан в галактике. Не живой, почти без энергии, которую можно отследить и уничтожить... ты хоть представляешь, сколько в галактике объектов размером с ваш зонд?

Он не стал дожидаться ответа.

— Гармония — величайший защитник из когда-либо созданных. Она проделала свою работу чрезвычайно хорошо... но те, от кого она нас защищает, давно мертвы. Как и те, кто убил их, и монстры, которые убили уже их. — Дискорд приложил лапу к уху, или, по крайней мере, к тому месту, где, как Лаки думала, было его ухо. — Я слушал. Ничего, кроме непрекращающегося писка информационных потоков Предвестников отсюда и до края галактики.

Лаки почувствовала, что поднимается в воздух. Она извивалась и болталась, отчаянно хлопая крыльями. Но все было бесполезно, Дискорд притянул её ближе с силой, которой невозможно было сопротивляться.

— Вот твоя оливковая ветвь, голубка. Лети домой к старику и скажи ему, что сорок дней прошли, — Дискорд засунул кусок дерева прямо ей в рот с такой силой, что она чуть не подавилась. — На лодке есть львы, голубка. Они разорвут твоё маленькое гнёздышко в клочья, если подумают, что от тебя могут заболеть их детёныши. И если старик найдёт тебя, что ж...

Лаки рухнула на пол с грацией камня. По крайней мере, она приземлилась легко — пегасам это всегда удавалось. При падении на бетон она ничего не сломала.

— Старик может решить, что вы все больны, и решит начать все сначала, — Дискорд наклонился, сердито глядя на кобылку. — В следующий раз от тебя не будет никакой пользы, Лаки. Просто ещё один заключённый на этой чёртовой лодке. И твои друзья... большинство из них просто будут мертвы.

Он ударил кулаком по стенке капсулы с такой силой, что Лаки испугалась, как бы стекло не треснуло.

— Я люблю обновление, не пойми меня неправильно. Но наблюдая за остальной галактикой... Я думаю, что с меня хватит.

— Как? — пискнула кобылка голосом, полным отчаяния и боли. Она даже не потрудилась встать, боясь, что Дискорд может снова кинуть её. — Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Ты знаешь, я понятия не имею!

Смех звучал громче и горестнее, чем Лаки когда-либо слышала от него.

— А если бы и знал, мне, конечно, не разрешили бы сказать. Почему бы тебе не воспользоваться своим модифицированным маленьким мозгом примата и не разобраться самой? И быстро. Потому что однажды ты умрёшь... ты окажешься в системе, как и все остальные. И тогда Гармония остановит тебя точно так же, как она останавливала их все эти годы, просто на всякий случай.

Дискорд наклонился и схватил Лаки за шкуру одним когтем. Затем он дёрнулся, и кобылка отлетела в сторону.

Она резко села, выплёвывая песок, набившийся в рот. Она моргнула, огляделась... и поняла, что её разбудило звуковое оповещение вычислительного терминала.

Лаки была на пляже и, по-видимому, задремала. Но ничто из того, что она только что видела, не было похоже на сон. Кобылка всё ещё чувствовала когти Дискорда на своей шее.

— Что там?

— Новое сообщение от Джеймс Ирвин G4. Должен ли я воспроизвести его?

— Нет, если она хочет, чтобы я посетила биофабрикаторы.

Последовало короткое молчание.

— Принято. Сообщение удалено.

Лаки встала, стряхивая оцепенение сна. Солнце уже садилось, и начал накрапывать холодный вечерний дождь. Ночью почти всегда шёл дождь, так что чем скорее она вернётся в город, тем лучше.

— Предвестник, отправь ответ. Сообщение следующее: «Знает ли кто-нибудь из твоих друзей-учёных больше о том, как функционирует кольцо? С кем я могла бы поговорить?»

Ответ последовал без малейшей паузы.

— Мелоди перевела свой вычислительный терминал в режим «Не беспокоить». Если переговорить нужно срочно, я рекомендую доктора Фарадей. Она страстно посвятила себя изучению кольца Земля.

Лаки во второй раз вновь замерла в процессе сбора своих вещей, чтобы взглянуть на экран, на мгновение задумавшись, не продолжает ли она спать.

«И как я узнаю, даже если сплю?»

Кобылка думала, что показанное Дискордом во время «сна», не было реальным, но теперь... могла ли она быть полностью уверена в том, что видела?

По-видимому, могла. Сообщение от её другого «я» было настоящим. Когда Лаки вернётся в Отар, она ещё раз проверит зал биофабрикаторов, просто чтобы убедиться, что они все в работе. Не будь она готова поверить словам Мелоди, она бы и сну от Дискорда не поверила.

«Если предположить, что это вообще был сон».

— Предвестник, ты только что... добровольно предоставил мне информацию. Ты сделал абстрактный вывод, основанный на контексте моего эмоционального состояния и нескольких прямых намёках. Как ты это сделал?

«И, что ещё более странно, почему Мелоди не хочет говорить?»

Если бы не уже удалённое сообщение, можно было бы проверить метку времени.

— Вероятность успешного завершения миссии значительно вырастет, когда мои органические и синтетические сегменты будут работать синхронно. Поскольку ситуация с кольцом Земля противоречит предыдущей информации и требованиям Руководства Общества Первопроходцев, адаптация представляется мудрым выбором.

Мудро — ещё одна абстракция.

Которая часто используется вместо разумно.

— Ты можешь отправить сообщение доктору Фарадей? Дать ей знать, что я уже в пути?

— Сообщение отправлено. Я уверен, что она будет рада поговорить с вами — доктор Фарадей считает, что вы знаете о кольце гораздо больше, чем указано в отчётах, и что-то из ещё не упомянутого может оказаться критически важным.

Прежде чем Лаки успела углубиться в мысли о последствиях таких абстрактных высказываний, она сунула вычислительный терминал в седельную сумку и поднялась в воздух. Может быть, все, что ей нужно — это слегка сменить точку зрения, чтобы понять, что имел в виду Дискорд.

«Он сказал, что он был как Предвестник... он хочет, чтобы я думала, что он искусственный интеллект. Он ограничен в том, что он может сказать и сделать, точно так же, как и Предвестник. Но, возможно, у нас уже есть вся необходимая информация, чтобы выяснить, что Дискорду нельзя говорить».

Неужели Фларри Харт действительно стёрли воспоминания? Точно было неизвестно, но три независимых источника, судя по всему, подтвердили, что она находится под замком из-за того, что узнала.

«Селестия сотворит со мной что-то похуже, если я попадусь в её копыта».

Оставалось ещё три дня до нового сеанса связи с Твайлайт. Как много они смогут узнать за это время?

* * *

Оливия сидела на одной из подушек в новом конференц-зале Отара, постоянно ёрзая, пытаясь найти удобное положение. Конечно, у этих идиотских понячьих тел вообще не было удобных положений, только разная степень неудобства. Майор могла часами сидеть в одной позе, но она всё равно не казалась ей правильной.

«Сколько времени мне потребуется, чтобы привыкнуть к этому бионическому? Похоже, шести месяцев мало».

Дверь наконец открылась, и вошёл Дэдлайт. Он немного нервничал в присутствии Оливии, и она была этим чуть-чуть удовлетворена. Жеребец всё ещё носил браслет на лодыжке передней ноги, маячок, который также мог вырубить его при попытке побега. Но пока он не пытался. Несмотря на опасения майора, пони был послушен.

Он также носил гарнитуру с программой перевода, которая с каждым днём становилась все лучше и лучше благодаря усилиям Лаки по улучшению программного обеспечения. Вероятно, пройдёт совсем немного времени, прежде чем Предвестник сможет говорить на эквестрийском не хуже самого лингвиста.

— Вы хотели меня видеть? — спросил Дэдлайт.

Оливия тоже была в гарнитуре, хотя к этому времени освоила местный язык достаточно, чтобы понять столь простой вопрос. Она, вероятно, могла бы сойти в эквестрийском городе за туристку, если бы все, что ей нужно было сделать, это завести светскую беседу и спросить, в какой стороне находится туалет.

— Да. Я хотела спросить, не сможешь ли ты мне кое с чем. Ты единственный во всем Отаре обладаешь определённым уникальным опытом.

Нервозность жеребца, по-видимому, усилилась, потому что его уши прильнули к голове и он что-то тихо пробормотал, что гарнитура не сумела уловить. Оливия вздёрнула бровь, и тогда он ответил немного более спокойно.

— Если смогу. Я исследователь. Я побывал во многих местах, встречал самых разных пони и видел странных существ. Если это то, с чем вам нужна помощь...

— Вообще-то, да, — майор указала на подушку в дальнем конце стола, а затем нажала кнопку на клавиатуре перед собой. Включился проектор, заполнив стеклянный куб в центре стола изображением с высоты птичьего полёта. — Ты узнаешь это место?

Глаза Дэдлайта распахнулись, и он немедленно кивнул.

— Это Драгон Фоли. Интересное место для посещения, если вы не планируете никаких преступлений. В Драгон Фоли очень серьёзно относятся к соблюдению законов.

Оливия снова нажала на кнопку, и изображение изменилось. Вид с куда более близкого расстояния, так что были видны огромные каменные уступы, на которых и был выстроен город. Из окон зданий свисали сотни флагов, все в приглушённых тонах с едва заметными вариациями.

— О, круто, — жеребец указал на наиболее часто повторяющийся узор — смешение оранжевого и чёрного. — Это фестиваль караванов. Думаю, тот, кто сделал этот снимок, был там недавно.

— Так ты знаешь этот город?

— Да, — Дэдлайт самодовольно кивнул. — Это ворота на Запад, по крайней мере, так все говорят. Это одно из последних мест, где есть законы и вещи, знакомые пони. Если вы хотите отправиться дальше, то именно тут надо нанимать караван, чтобы пересечь пустыню.

— Значит, это... не часть Эквестрии?

— Нет, нет! — жеребец даже рассмеялся. — Их бы оскорбило само такое предположение. Те пони, которые переезжают туда, делают это, чтобы сбежать из Эквестрии. У всех из них были свои причины, или... чаще всего у их пра-пра-прадедушек были причины, а они просто продолжают семейную традицию. Но нет, Драгон Фоли не часть Эквестрии. Однако они относятся к эквестрийцам так же, как и ко всем остальным, кто приезжает туда, так что это вполне безопасное место. Только не стоит в баре слишком распространяться о сильной любви к Правящим Сёстрам, а то по пути из него могут быть неприятности.

«Просто идеально».

— У меня здесь есть ещё несколько фотографий, которые, я надеюсь, ты мог бы помочь идентифицировать. Мне кажется, что это отдельные семьи и их предприятия. Не мог бы ты рассказать мне о них?

— Конечно, без проблем, — Дэдлайт заметно расслабился. — Если это все, что нужно, я буду рад помочь.

Так и произошло. Они рассмотрели несколько десятков флагов и транспарантов, большинство из которых жеребец не узнал. Часть из узнанных принадлежала известным торговым гильдиям или компании, которая водила караваны через пустыню в другой город под названием Парадиз. В конце концов они дошли до одного конкретного флага, и жеребец чуть не вскочил со своего места.

— Держитесь от них подальше! — Дэдлайт нервно ткнул в изображение копытом. — Это торговая гильдия Сальвадора. Они, э-э...

Он понизил голос, как будто ему было неловко говорить о такой мерзости.

— Они торгуют пони. И занимаются делами похуже. Если вы когда-нибудь увидите этот флаг, развевающийся над кораблём, или, в принципе, вообще где угодно, то стоит бежать в другую сторону так быстро, как только получится.

— Мне показалось, ты говорил, что в городе соблюдаются законы, — заметила Оливия, изобразив замешательство. — Почему они допускают у себя что-то подобное?

Дэдлайт посмотрел на браслет на своей передней ноге, а затем на майора, закатив глаза.

— Давайте просто скажем, что некоторые пони умеют не замечать кое-что, когда считают, что у них есть на то веская причина.

Оливия поморщилась — хотя, конечно, замечание было оправданным.

— Думаю, этого достаточно, Дэдлайт, — майор указала на дверь. — Ты помог гораздо больше, чем я заслуживаю. И был более стоворчивым. Как бы то ни было, я одобряю ваши отношения с «Мелоди». Я знаю, вы беспокоились, что я могу попытаться запретить вам, но я не буду. И не думаю, что ты ещё долго будешь здесь пленником.

— Спасибо, — жеребец развернулся к выходу. Похоже, он ей не поверил. — Я уверен, что ты это и имеешь в виду.

Он ушёл.

Оливия подождала пару минут — пока не убедилась, что Дэдлайт не притаился у двери.

— Предвестник, я полагаю, ты все слышал?

— Я уже направил дрон в наиболее благоприятное место, — раздался гордый ответ зонда. — На балконе одного из самых высоких каменных сооружений стоит существо — я полагаю, что оно богато, судя по количеству золота, что на него надето. И, кроме того, я подслушал, как он разговаривал на эквестрийском со своими слугами. Этого должно быть достаточно.

— Отлично, — согласилась Оливия, хотя на мгновение была ошеломлена тем, насколько хорошо Предвестник понял её намерения. Больше не нужно подробно объяснять каждый шаг, когда зонд начинал действовать только после кропотливого описания способа решения задачи.

Экран изменился, чтобы показать тот самый город, фотографии которого только показывали — Драгон Фоли. Камеры в глазах дрона, сделанного в виде идеального подражания ворону. Майор никогда раньше не видела такой модели, но с учётом размеров пони, птица выглядела особенно внушительно. Вороны были крупными птицами.

Изображение задрожало и затряслось, когда ворон приземлился на балюстраду, вне досягаемости своей цели. Оливия наклонилась поближе к пульту управления.

— Сальвадор? У вас есть минутка, чтобы поговорить?

Тот, с кем она разговаривала, сам был очень похож на птицу или, может быть, на льва. Какое-то странное смешение того и другого. Он протянул лапу с когтями, чтобы отогнать дрона или, может быть, схватить его.

Беспилотник отреагировал автоматически, отпрыгнул в сторону, взлетел и завис вне зоны досягаемости. Сальвадор сказал что-то, что Предвестник не смог перевести — значит, это не эквестрийский.

— Мой хозяин послал меня от своего имени, — продолжила Оливия. — С предложением. Я верю, что это может сделать вас очень богатым.

Птица, похоже, собиралась схватить арбалет, висевший на стене, но после услышанного снова развернулась лицом к открытому балкону.

— Ну, что ж ты сразу не сказал? Просто говори, что тебе нужно.

— Кровь. Свежая.

Сальвадор улыбнулся в ответ.

— Прошу внутрь, — он отступил в сторону, указывая на роскошную спальню. — Я всегда заинтересован в новых клиентах.

* * *

Лаки никогда не видела конференц-зал таким забитым. Все стулья были заняты — учёными, эквестрийцами и даже командой спецназа. Кобылка сидела посередине, справа от неё разместился Дэдлайт, а другая Джеймс за ним. Казалось, между этими двумя возникла странная новая близость, которую, по-видимому, никто, кроме Лаки, не заметил.

Но она знала себя и знала, как оценивать свои реакции. Год назад ей, возможно, пришлось бы подавлять неловкость от того, как часто Мелоди оглядывалась на жеребца. Казалось, пегаска хотела видеть его реакцию на все, что она делала — она смеялась над всеми шутками Дэдлайта, даже когда Лаки считала, что Мелоди не понимает эквестрийского мышления, лежащего в их основе.

Сидящая с другой стороны от кобылки Лайтнинг Даст тоже изменилась. В Эквестрии она всегда была тихой и подавленной в большой компании, словно опасаясь, что слишком громкая речь или высказанное мнение может помочь пони опознать её. Но в этом зале никто, кроме Лаки, не знал, какие ошибки пегаска совершила, да и, честно признаться, никого это и не волновало.

Лайтнинг Даст стала совсем другой. Она даже носила униформу — ну или как минимум форменную куртку. Пегаска не была настолько сумасшедшей, чтобы пытаться каждое утро натягивать штаны, а идея приспособить одну из юбок в качестве платья казалась любому пони ещё более абсурдной.

Самое удивительное, что майор с признательностью отзывалась об уроках полётов. Ни у кого во всей комнате крылья больше не воняли, и перья не были растрёпаны, так что, очевидно, как минимум часть инструкций Даст была усвоена.

За все предыдущие дни, когда бы Лаки не оказалась вместе со своей мамой, она либо помогала в лётной школе, либо учила пегаску английскому.

Странными были военные пони — они все выглядели как Дэдлайт и Лаки, но всё равно были неуклюжи в своих новых телах. Они мало говорили, лишь наблюдая за остальными слегка растерянными, затравленными взглядами.

«Мне знакомо это чувство», — подумала Лаки, рассматривая через стол самую неуверенную из всех. У Леи целые участки шерсти всё ещё не отросли до конца, а вдоль туловища, там, где должна быть правая нога, тянулись жуткие шрамы.

Протез, казалось, хорошо ей подошёл — она ходила так же хорошо, как и другие новые пони, — но выражение её взгляда было каким-то постоянно остекленевшим. Глаза кобылы, казалось, никогда не смотрели в одно и то же место разом, и те немногие слова, что она говорила, часто были невпопад с ведущимся разговором.

«Странная у меня семья, — подумала Лаки. — Но, думаю, все лучше, чем оставшаяся позади».

То, что сказал Дискорд, не сильно обнадёживало — его замечания о Предвестнике предполагали огромные промежутки времени, достаточные для взлёта и падения многих цивилизаций. Вероятность того, хоть что-то из прошлой жизни, о чём Джеймс знала или о чём заботилась, могло сохраниться была крайне малой.

Оливия внезапно встала, и все немедленно замолчали. На кобылке больше не было бинтов — травмы, полученные при обретении метки, похоже, зажили. Судя по фотографиям, для майора все прошло куда проще чем в случае с Лаки. На полу, по крайней мере, никаких следов огня не осталось.

— Ладно, достаточно. Мы все знаем в какой опасности находимся, — заявила Оливия сразу же как прекратились разговоры. Кобылка снова села. Её стул отличался от остальных — майор сидела выше всех остальных пони, хотя Лаки знала, что майор была самой маленькой по росту в комнате.

— Теперь к делу, — Оливия слегка кивнула в сторону местных. — Для начала, уроженец Эквестрии Дэдлайт. Я хотела бы извиниться перед тобой — от себя лично, Общества звёздных первопроходцев и всего человечества.

Она не отводила взгляда от жеребца, пока говорила, и не было похоже, что её заставили это сказать.

Хотя говорила Оливия не торопясь, давая время Предвестнику перевести её слова.

Мелоди всегда упоминала майора с презрением или разочарованием, но Лаки никогда подобного не чувствовала.

«Я знаю, что она неплохая пони. Она обещала позаботиться о нас, и она этим занимается».

— С этого момента тебе предоставлен статус сотрудничающего с Обществом первопроходцев. Ты больше не пленник Отара. Если захочешь уехать, я организую транспорт до ближайшей границы Эквестрии. По соображениям безопасности ты не можешь лететь сам, так как местоположение города является конфиденциальной информацией. Но если ты хочешь вернуться в Эквестрию, ты можешь возвращаться. Если ты хочешь винить кого-то в том, что произошло — вини меня.

Дэдлайт выглядел удивлённым, как будто Оливия вылила на него ведро холодной воды. Он посмотрел в сторону, но Мелоди только невинно улыбнулась, отказываясь встречаться с жеребцом взглядом.

В конце концов ему удалось что-то ответить, заикаясь и путаясь в словах.

— Пони совершают ошибки. Я прощаю тебя. И не планирую уходить. Если... если это не вызовет проблем, то вы те, кого я искал всю свою жизнь.

— Мы ценим твою помощь, — ответила Оливия, не обращая внимания на неловкость в голосе жеребца. — Доктор Ирвин, не могли бы вы снять с него браслет? В нем больше нет необходимости.

Мелоди вздрогнула так сильно, что упала назад со своего места, неловко взвизгнув, но быстро выпрямившись. Затем она опустила голову и, пользуясь ртом, расстегнула браслет с маячком на ноге Дэдлайта.

— Теперь, когда с этим покончено, у всех находящихся здесь есть право слушать дальше, — Оливия слегка откинулась назад. — Я пришла к выводу, что никакие военные действия не спасут Отар. Наша миссия требует сотрудничества и максимального использования всех имеющихся у нас ресурсов. До сих пор я действовала, исходя из предположения, что было бы лучше как можно тщательнее скрывать любую информацию. Однако, учитывая шансы, кажется достаточно вероятным, что если враг обнаружит хоть что-то, что может выдать наше местоположение, мы будем уничтожены в любом случае.

Небольшая пауза.

— Итак, позвольте мне обозначить наши приоритеты. Сохранение тайны имеет первостепенное значение, как продемонстрировала смерть доктора Нолана. Новые секции Отара строятся в соответствии с самыми строгими требованиями безопасности, но мы не уверены, насколько это поможет в противостоянии с Эквестрией. Если на нас нападут здесь — мы будем уничтожены. Изучив отчёты доктора Джеймс Ирвин о её нахождении в Эквестрии и побеседовав с её гражданами, я пришла к выводу, что лидеры Эквестрии не станут благосклонно реагировать на наше присутствие. В долгосрочной перспективе секретность сама по себе нам не поможет. Поэтому мы будем изучать все возможности обнаружения и нейтрализации защиты кольца... как вы его называете?

— Санктуарий, — подсказала Мартин, самодовольно ухмыляясь. — Лучше, чем придуманное вами. Никто из нас больше не увидит Землю.

— Да, — Оливия махнула одним крылом в сторону солдат. — Мы работаем над тем, чтобы обнаружить местонахождение его оборонительных систем и нейтрализовать их. В то же время мы, вероятно, обнаружили... способ создания человеческих бионосителей, которые не будут умирать. Вот почему я собрала это совещание, поскольку я полагаю, некоторые присутствующие пожелают принять в нем участие. Доктор Борн, будьте добры, объясните.

Дороти не стала вставать, лишь неловко пошевелила крыльями под лабораторным халатом, громко откашлявшись.

— Хорошо, постараюсь вкратце. Очевидно, есть районы, где местные виды обитают за пределами страны под названием Эквестрия. Мы собираемся отправиться в один из таких во время какого-то местного праздника, — она кивнула в сторону Дэдлайта. — Вообще-то особых подробностей я не знаю, просто тогда будет базарный день. Много народу со всех концов. Мы изготовили валюту из золота, которое Предвестник добыл для нас, так что мы возьмём её с собой. Наша цель — получить как можно больше образцов ДНК местных жителей, но основной приоритет — нелетающие пони. Нам нужны те, у кого есть рог, и те, у кого его нет. Я думаю, что наш за... полагаю, он больше не заложник.

Ещё один взгляд на Дэдлайта.

— В чем, ты сказал, заключался твой план?

Жеребец ухмыльнулся и поднялся, очевидно, наслаждаясь всеобщим вниманием. Он говорил достаточно медленно, чтобы Мелоди могла переводить вместо компьютера.

— Город называется Драгон Фоли — крепость на берегу моря. Пустыня сурова, а океанские шторма ещё хуже. Но главное для вас, пони, это то, что живущие там просто ненавидят Эквестрию — иначе зачем бы им жить в таком кошмарном месте? Не менее важно, что все они носят шляпы для защиты лица от песка и дождя.

— Короче, план такой, — Оливия, очевидно, уже потеряла терпение из-за медлительности Дэдлайта. — Все перекрашиваются — Предвестник изготовил целый спектр красителей для шерсти и грив с хвостами. Он уже достроил новую продвинутую подводную лодку, на которой мы доберёмся до места назначения или пройдем большую часть пути. Лайтнинг Даст и Лаки Брейк...

Оба имени были произнесены на эквестрийском, а не английском, и в этот раз звучали почти правильно.

— ...отправятся туда первыми, чтобы убедиться в безопасности. Как только они дадут добро, мы перейдем ко второй фазе.

Лаки вскинулась — не потому, что она была расстроена назначением, а потому, что майор, очевидно, была так уверена, что они согласятся так действовать, что даже не стала их предварительно спрашивать. Хотя, конечно, она была права. Даже если Драгон Фоли не был Эквестрией, кобылка жаждала провести какое-то время вдали от Отара.

— Любой, кто решит отправиться с нами, попадет в одну из двух команд, возглавляемых Дэдлайтом и Лайтнинг Даст. Я буду руководить третьей командой с несколькими членами отряда «Браво». Предвестник изготовил товары для торговли в соответствии с инструкциями Дэдлайта — мы будем обменивать их на одежду. Шляпы, одеяла, все, что выглядит старым и на чем могли остаться волосы.

— Но только от рогатых и бескрылых, — добавила доктор Борн. — Генос пегасов на настоящий момент у нас достаточно.

— Это редкая возможность, — вмешался Дэдлайт. — Караваны приходят только раз в четыре года. В городе будет так много разных существ, что даже такие странные как вы, останетесь незамеченными. Просто не ешьте драконью еду, не воруйте, и мы зайдём и выйдем, оставшись незамеченными.

Наконец он снова сел.

— Твоя команда берет Мелоди, Вэйфайндер?

«Он дал Оливии эквестрийское имя?»

Майор помотала головой и продолжила дальше без пояснений.

— Если считать правдой рассказанное нам Дэдлайтом, и оно совпадет с тем, что увидит Лаки по прибытии, этот город почти так же враждебен к Эквестрии, как Эквестрия к нам. Возможно, он сможет стать хорошим союзником или, может быть, даже местом, куда мы сможем отправиться, если Отар падет. Не наживайте врагов, не попадайте в тюрьму и не теряйте счет времени, и, вероятно, эта поездка может стать первой из многих подобных.

Только сейчас Лаки уловила нотки неискренности.

— Мы отправляемся завтра утром. Все займёт около двух дней, — Оливия подняла копыто, прежде чем Лаки успела возразить. — Праздник состоится за день до запланированного сеанса связи с эквестрийской принцессой. Ты сможешь поговорить с ней с подводной лодки.

Совещание закончилось. Солдаты немедленно ушли, Оливия шла впереди, когда они отправились на то, что, как была уверена Лаки, было ещё одним совещанием.

«Что там насчёт того, чтобы быть открытой и честной с нами, майор?»

Очевидно, Оливия не стала другой пони только потому, что получила метку.

«Она извинилась перед Дэдлайтом. Она не так уж плоха. Другая я преувеличивает. Быть более открытой и освободить своего пленника — этого достаточно. Она не обязана рассказывать нам все».

Дверь снова открылась, и Лаки могла определить, кто вернулся, по металлическому клацанью протеза при каждом шаге. Лея толкала перед собой большой сервировочный столик и выглядела очень гордой собой.

— Я им не нужна, — сказала она на китайском, ни к кому конкретно не обращаясь. Лаки вообще-то никогда не слышала, чтобы кобыла говорила на английском — она даже не знала, владеет ли она им. — В общем, я приготовила обед. Надеюсь, жаркое всем нравится. У нас нет свинины, так что оно с тофу.

— Спасибо, — Мартин встала первой, поспешила к подносу и положить себе порцию. — Меня уже тошнит от овсянки.

Лаки не знала, что там за «жаркое», и запах специй, разлетевшийся как только Лея открыла крышку, тоже был незнакомым. Рис выглядел именно так, как можно было ожидать от еды Общества первопроходцев — коричневатый и слегка острый благодаря генной инженерии. Само блюдо отдалённо напоминало клёцки, хотя на вкус они отличались от всего, что в своей жизни пробовала кобылка.

Даже доктор Борн не торопилась возвращаться к работе, после того как Лея принесла еду, так что вскоре разговоры возобновились.

— Не могу поверить, что мы собираемся встретиться с настоящими пони, — заметила Мартин примерно полчасу спустя. Каким-то образом Лаки оказалась с ней и Дороти в одном из углов зала, где кобылку допрашивали о тонкостях культуры пони. — Майор всегда казалась мне безумно параноидальной — я уже думала, когда же она запретит нам уроки полётов.

— Здесь уже есть два «настоящих» пони, — ответила Лаки без задней мысли. — Моя мама и археолог Дэдлайт. И мне нравится думать, что я могу сойти за местную.

— Вероятно, майор тоже так думает, раз посылает тебя и пегаску первыми, — ответила Мартин, делая ещё один глоток того, что сошло бы за лимонад.

— Должно быть, у того, что тебя не додержали в фабрикаторе, были какие-то непредвиденные побочные эффекты, — сказала Дороти, поднимая взгляд от своей тарелки и пристально изучая Лаки. — Но я думала, ты уже привыкла. «Мама»?

Уши Лаки прижались к голове, и она отвела взгляд.

— Думаю, ты ожидала, что я буду вести себя как Мелоди, — кобылка посмотрела в другой конец комнаты, где её клон восхищённо слушал одну из историй Дэдлайта.

— Нет, — Дороти пожалала крыльями. — Мы — глина, залитая в форму наших тел. Детерминизм со временем сокрушает даже самые твёрдые умы.

— Я думала об имени, — продолжила Мартин, как будто она даже не слышала их. Либо так, либо ей было плевать. — Я в том смысле, когда окажемся в городе. Как вам «Спанкинг Реккурэнс»? Я потратила несколько часов, просматривая словарь...

Лаки чуть не облила всех рядом своим лимонадом.

— Не особо. Как насчёт... — кобылка нахмурилась. — «Стар Лили». Это немного менее... непонятно.

— Вот только ты ещё не начинай, — Дороти сердито зыркнула на Мартин. — У Джеймс есть оправдание — нам нужен был какой-то способ отличить их друг от друга, и они обе почти всегда с туземцами. А ты-то куда?

Мартин поникла.

— Это только на время, пока мы в городе. Кроме того, если майор получила эквестрийское имя, я тоже хочу себе такое. Это как... обряд посвящения.

Она посмотрела на метку Лаки сверху вниз таким взглядом, что пробудила старые воспоминания о человеческой скромности.

Кобылка поджала хвост, просто на всякий случай.

— А что насчёт меток? Я уверена, что Предвестник просто нарисует нам что-нибудь по шаблону, когда мы будем краситься, но должен быть способ их получить. Выполняют ли они какую-нибудь функцию? Я в том смысле, что за пределами просто культурной.

— Я... да, — Лаки говорила медленно, так как сама была не до конца уверена. — Даже сами пони не могут прийти к единому мнению. Некоторые говорят, что наличие метки — это всего лишь признание таланта, в то время как другие считают, что именно наличие и дарует талант. Для меня тут определённо второй случай. Вот я едва могу набренчать лишь несколько основных аккордов, а потом... У меня на заднице гитара, и я могла играть, как будто вернулась на Землю и у меня есть руки, петь песни пони, слов которых я никогда не слышала, и впечатлить целую толпу.

— Это не гитара, — решительно заявила Дороти. — Ты нам байки рассказываешь? Та, которая взрослая, обычно ничего не выдумывает. Думаю, ты переросла это, когда стала старше.

— Ты думала о том, что это подразумевает? — спросила Мартин, снова игнорируя генетика. — Если бы ты могла играть песни, которых не знала, если у тебя появились навыки, которым ты никогда не училась... должно быть, оно как-то изменило и твой разум. Имплантация воспоминаний... Общество первопроходцев не может такого сделать. Наши нейрослепки — это всегда точные копии. Думаю, в этом есть смысл — тот, кто построил Санктуарий, очевидно, разбирался в технологиях больше, чем мы. Скорее всего, и в создании нейрослепков тоже...

Пегаска снова вздрогнула, как будто стряхивая невидимое насекомое.

— Что-то изменило твой разум, не разрушив его. У пони с нами больше, чем просто культурное сходство — это подразумевает, что-либо базовая архитектура нашего разума достаточно близка к идентичной местной, чтобы внедрение чего-то нового не разрушило его, либо... — Мартин заговорила громче, очевидно, более возбуждённая. — Или, чем бы оно ни было, смогло извлечь архитектуру человеческого разума и адаптировать свои изменения для работы с новой архитектурой. Я даже не знаю, что страшнее.

— Ну вот, опять она завелась. Обычно это происходило из-за Карл — вот почему я проводила большую часть времени в своей лаборатории. Она может вот так трюндеть... — Дороти закатила глаза и махнула крылом в сторону Мартин, — ...часами. На самом деле, похоже, пользы от этого никакой нет, она просто выдумывает всякие глупости. Разве у нас недостаточно проблем, чтобы пытаться разгадать все тайны сразу?

Лаки прочистила горло, привлекая к себе внимание.

— Если вам было интересно как получить метку, то, похоже, это происходит практически само по себе для большинства пони. Это случается, когда вы занимаетесь тем, в чем вы хороши, или тем, что вам нравится, или тем, в чем вы не знали, что вы хороши. Если вопрос в том, для чего они нужны, то я понятия не имею. У пони точно нет религии, но они мистифицируют многие аспекты своей жизни. Они вообще не исследуют некоторые вещи, просто принимая все как должное. Вот так и с метками. Все исследования, которые я сумела провести — это найти описание какой-то странной болезни, которая давала разом целую кучу меток, и вроде как она до сих пор существует.

— Очаровательно, — Мартин повернулась, оглядывая свой круп, как будто ожидая, что прямо в этот момент метка и появится. — Очевидно, что ответственность за подобное лежит на строителях кольца. Жаль, что они не оставили после себя инструкций, в которых описывалось бы их предназначение. Может, что-то связанное с порабощением захваченной первобытной цивилизации?

— И опять её несёт, — Дороти встала, отряхиваясь. — Пойду займусь какими-нибудь тестами и всем таким. Веселись, малышка Джеймс. И с учётом твоего субъективного возраста, пока не заводи себе парня.

Лаки поморщилась, но спорить не стала.

— Она была такой и до смерти Карл, — добавила Мартин без подсказки. — Дело не в этом.

Лаки откинулась на спинку стула, прислонившись к стене.

— Тогда в чем? Разве Общество первопроходцев не проверяет кандидатов на социализацию?

Мартин просто рассмеялась.

— На такое проверить невозможно. Помнишь же, что в руководстве мелким шрифтом было написано, что мы можем очнуться не в тех телах, в которых вошли в сканер, но как ты думаешь, кто-то ожидал этого?

Пегаска махнула в воздухе копытом.

— Не думаю, что кто-то на самом деле понимает, как Предвестник может адаптировать мозги. Эти алгоритмы машинного обучения — настоящий чёрный ящик. Если хочешь, чтобы тебе снились кошмары, подумай о тех поколениях, с которыми не получилось. Сколько пони появилось на-

половину сформированными, с почти людьми внутри их тел, засунутыми туда и сбитыми с толку, вся их жизнь — сплошные страдания и неспособность выжить вне биофабрикатора. Как думаешь, их был десяток? Сотня? Предвестник не скажет сколько, даже если спросишь.

— Быть пони не так уж плохо, — сказала Лаки, стараясь прогнать из головы ужасный образ. — Мы никогда не станем кем-то другим. Я к этому привыкла, вы тоже можете.

— Я работаю над этим, — Мартин тоже встала, подхватив свою пустую тарелку одной из маленьких роботизированных штукоев. — Я на самом деле жду посещения Драгон Фоли. Через несколько лет, когда я выучу язык, будет, конечно, лучше. Жаль, что мы не можем просто внедрить знание языка в будущие поколения, как это сделала твоя метка.

Мартин ушла. Так уж получилось, что в зале осталось всего несколько пони. Лайтнинг Даст, казалось, ждала Лаки, что было немного необычно. Они по-прежнему делили комнату, но редко проводили там много времени вместе, разве что кроме сна.

— Похоже, мы всё-таки отправимся в новый город, а, мелкая? — спросила Даст, подходя ближе, чтобы быстро обнять кобылку.

Лаки не сопротивлялась, хотя могла бы, если бы рядом был кто-то ещё. Но Дэдлайт и её клон уже ушли вместе, даже Лея закончила уборку.

— Ты когда-нибудь слышала о нем? Похоже на то, что рассказывал Дэдлайт?

Даст пожала плечами.

— Я слышала о городах за пределами Эквестрии. Те, кто там живёт, должны быть не сильно добрыми. И есть плохие истории о местах ещё дальше — местах, где пони превращают в рабов, или о том, как драконы нас просто едят, — пегаска вздрогнула всем телом, и Лаки тоже. — Я не знаю, сколько в этом правды. Но все пони знают о местах, которые находятся за границами Эквестрии. Я... долгое время думала о том, чтобы переехать в одно из них.

— И почему ты этого не сделала?

— Ну... — Лайтнинг пожала плечами. — Думаю, дело в том, что... Я всё ещё верна Эквестрии из моего жеребячьего детства. Я, в смысле пегасёнки, которая хотела присоединиться к Вандерболтам. Какой бы тяжкой ни была моя жизнь, я никогда не хотела уехать навсегда. Я будто знала, что если отправлюсь куда-то, то никогда не вернусь.

Лаки слотнула, глядя в пол.

— И теперь ты хочешь вернуться? Это моя вина, что ты не можешь...

Лайтнинг Даст приподняла голову кобылки крылом.

— Нет, милая. Не вини себя. Полагаю, рано или поздно это всё равно произошло бы. Я не хотела уходить, но знала, что, возможно, придётся это сделать. Просто... жизнь продолжается. Отар нуждается во мне больше, чем когда-либо нуждалась Эквестрия, — пегаска хихикнула. — Это как город, полный тебя. Во... многих смыслах, мне кажется. Некоторые из этих пони выглядят взрослыми, но у них нет меток, и они беспомощны, как жеребята.

— Это куда больше похоже на правду, чем ты думаешь, — пробормотала Лаки. Она не была уверена, что ей следует что-то говорить, но теперь, когда она начала... — Мне нет и двух лет, а я самая старая пони в Отаре. Ну... кроме тебя и Дэдлайта.

— Серьёзно? — очевидно, Даст уже вышла за рамки той части их отношений, когда она подвергала сомнению все, что говорила Лаки. — Ты выглядишь по меньшей мере на тринадцать. Может быть... пятнадцать. Ты поздно расцвела со своей меткой. Думаю, Вэйфайндер тоже может быть тринадцать.

— Нет, — кобылка помотала головой. — Я могла бы показать тебе, откуда я появилась... где меня сделали, я имею в виду.

Лаки невольно вздрогнула.

— Ты могла бы сама узнать, почему у меня нет родителей, если хочешь. Взгляд Лайтнинг Даст посуровел.

— Тот, кто создал тебя, всё ещё несёт ответственность, даже если это не твой... родитель. Вэйфайндер сказала, что это был Предвестник. На днях я собираюсь попросить у него объяснений. Почему он отправил тебя в шторм, беспомощную и в одиночестве. И лучше бы у него нашёлся хороший ответ.

— Чтобы найти тебя, — ответила Лаки. — И потому что я расходный материал.

Она взглянула на стену с часами, просто, чтобы убедиться. У них было несколько часов до захода солнца, и в любом случае усталости кобылка пока не чувствовала.

— Пошли, я хочу показать тебе, откуда я появилась.

На базу посадки они не полетят, но биофабрикаторы все почти одинаковые.

Лайтнинг Даст уставилась на то, что не могла описать словами. Подобное часто случилось в её первые дни пребывания в Отаре. И всё же со временем она почувствовала, что узнает этих пони. Их странные обычаи и постоянная неуклюжесть не делали их такими уж необычными.

А вот это... это, скорее, было похоже на что-то из тех историй о вторжении чейнджлингов, только наоборот. Сотни, может быть, тысячи ящиков, полные полусформированных пони, и все это всего в нескольких этажах ниже тех мест, где Даст ела и спала.

Сквозь стекло открытого ящика пегаска могла видеть то, что явно было отрезанной ногой или как минимум зародышем одной из них. Там была отчётливо различимая кость, хотя и тонкая во всё ещё растущей части. Мышцы, обёрнутые вокруг, совсем слабо развиты. Крови не было, только прозрачный гель с жёлтыми и зелёными каналами, втекающими в отрубленную конечность и выходящими из неё. Даст в своей жизни уже приходилось видеть серьёзные травмы — иначе её могло бы стошнить прямо там.

— Это называется биофабрикатор, — пояснила Лаки, наблюдая за пегаской широко раскрытыми, внимательными глазами.

Следит за её реакцией, наверное.

— Для этого используются белковые культуры, выращенные в питательной среде... — кобылка замолчала, произнеся почти бессмысленные инопланетные слова. — Он делает то же, что делает матка кобылы, только без кобылы. Биофабрикаторы критически важны для космических путешествий со скоростью сильно ниже скорости света, по крайней мере, для наших путешествий. О создании кораблей-ковчегов никто никогда всерьёз не говорил, так что это единственный способ, известный людям на момент отправки.

— Ты появилась из... этого? — Даст снова вздрогнула, отворачиваясь от конечности. Она больше не хотела на это смотреть. — Я видела твои рентгеновские снимки. Врачи в Стормшире решили, что с тобой, вероятно, жестоко обращались. Полагаю, ваша машина не идеально справилась.

Лаки выглядела так, словно собиралась что-то сказать, но потом просто пожала плечами и отвела взгляд.

— Ну, ты уже знала, что я с другой планеты. Теперь ты знаешь... все не сильно приятные детали.

— Вот как вы... и планируете все делать? Всегда? — Даст говорила медленно и осторожно.

«Я помогала этим пони все это время. Неужели они пришли, чтобы... перевернуть весь мир с ног на голову? Неужели это действительно с самого начала было вторжение чейнджлингов?»

— Нет! — воскликнула Лаки. Ответ звучал достаточно искренне. Лайтнинг была уверена в своей способности судить, когда её дочь врёт, но сейчас это определённо была правда. — В программе участвует ограниченное число людей. Не то чтобы мы не могли вечно создавать одних и тех же... но план никогда не состоял в этом! Смысл в том, чтобы иметь достаточно людей для одного города — я думаю, что...

Кобылка в задумчивости села на пол.

— Предвестник, сколько нейрослепков у тебя хранится прямо сейчас?

Голос шёл из стены. Он всегда говорил с Лаки на эквестрийском, так что Даст его тоже поняла. Конечно, в отличие от кобылки, Лайтнинг не могла определить, говорит ли машина правду.

— Шестнадцать тысяч триста восемьдесят четыре.

— Ну, вот столько, — продолжила Лаки. — И большинство из них — это люди, которые нам не понадобятся. При условии, что никого не убьют, Предвестник создаст каждого только один раз.

— Тебя двое.

Кобылка застонала.

— Ну, типа того. Он решил, что я погибла. Вот зонд и заменил меня. Но если бы он знал... вторая я не появилась бы. Весь смысл этих машин в том, что слишком сложно отправить пони в глубины космоса. Но мы можем послать Предвестника, и он может создать фабрикаторы, а затем создать нас. После этого мы сделаем больше пони обычным способом. Так, как... — Лаки потупилась. — Сама знаешь. Так, как это делают пони. Люди делают это точно так же.

Лайтнинг Даст рассмеялась.

— Я поняла это по Мелоди.

— Мама! — пискнула Лаки, снова вставая.

Она прошла мимо пегаски, нажав кнопку на краю «фабрикатора». Ящик втянулся обратно в стену, скрыв своё странное содержимое.

— Так что да, вот откуда я появилась. У меня нет родителей, мне два года, и ещё я инопланетянин, который вырос на другой планете с двумя ногами вместо четырёх, где мои родители умерли, когда я был маленьким, и я был не очень хорош в большинстве вещей.

Кобылка мысленно хихикнула, и в её голосе прозвучала горечь.

— Честно признаться, я думаю, что пони из меня вышла лучше, чем я когда-либо была человеком.

Лайтнинг Даст долго обдумывала услышанное. Она снова посмотрела на ящик. Неужели это действительно так сильно отличалось от понячьей магии? Человеческая магия была немного уродливее, в ней было больше проводов и машин. Но, по-видимому, она была честнее. Их магии было всё равно, есть ли у тебя рог, ты всё равно мог заставить её работать.

— Вы не собираетесь заставлять кого-нибудь ещё использовать эти... фабрикаторы?

— Нет. Нет, если только они сами этого не захотят. Как только наша колония окажется в безопасности, Предвестник должен напечатать всех людей, которые ему не нужны для миссии, ровно один раз. Это... одно из преимуществ, которые мы получаем за вступление в Общество первопрородцев. Очевидно, что я уже есть, так что меня никто делать больше не будет. Ну, если только... завтра нас не поймают драконы и не съедят.

— Никто из знакомых мне драконов пони не ел, — ответила Даст, взмахнув одним крылом. Она бросила последний взгляд на фабрикатор и повернулась к выходу. Возможно, это была самая странная вещь, которую она видела с тех пор, как попала в Отар, но будто в Эквестрии не было своей странной магии. Если существовал магический пруд, которые мог сделать двух пони из одной, если существовали монстры, пожирающие магию, и бури, бушующие над всей страной, то почему нельзя создать машину, которая делала бы что-то похожее?

— Ты можешь перестать говорить, что у тебя нет родителей, Лаки, — в конце концов сказала Даст. — У тебя есть я. Надеюсь, этого достаточно.

Кобылка ничего не сказала, просто прижалась к боку пегаски и долго стояла неподвижно.

* * *

Подводный исследовательский корабль «Циклоп» был спроектирован для исследования гипотетических планет, полностью покрытых водой, которые должны были во множестве встречаться во Вселенной. Хотя в конечном итоге ожидалось, что люди, которые будут там жить, вероятно, после модификации обретут жабры и прочие полезные дополнения, но первое поколение будет размещаться на подводных лодках, таких как «Циклоп». Он был, безусловно, самым крупным из подобных проектов, с глубиной погружения в пятьсот метров и численностью экипажа до ста человек.

Когда Мелоди шла по просторным коридорам, у неё возникло ощущение, что майор, вероятно, приказала построить этот корабль в качестве резервной базы на случай, если с Отаром что-то случится. Вероятно, это была хорошая идея, одна из тех, что появились у Оливии с тех пор, как она получила метку. Это если предположить, что Предвестник не просто так его построил, а потом сообщил майору о нем.

Мелоди привыкала к новой униформе, явно специально предназначенной для подводной жизни. Она была эластичной и прохладной, и, по-видимому, должна была как-то помочь в случае чрезвычайной ситуации. Даже постоянно голые «туземцы» носили её.

К сожалению, Дэдлайт был не с ней. Он отправился на совещание с солдатами, чтобы рассказать о потенциальной военной мощи Драгон Фоли и о том, как они противостояли прошлым вторжениям. Мелоди тоже хотела быть там, но её, естественно, не пустили. Майор много говорила об изменениях в Отаре, но это не означало, что она стала другой пони.

«Если не считать того, что Дэдлайт просто мне все расскажет, если я попрошу. А я попрошу, как только их совещание закончится».

Пегаска наконец добралась до места, куда шла: смотровой площадки «Циклопа». Она была не такой большой, как Мелоди думала — вероятно, это было связано с давлением воды или чем-то подобным. Тем не менее зрелище было впечатляющим.

Окно из чего-то похожего на стекло простиралось примерно метров на пять того в передней части смотровой площадки, которая одновременно служила кафетерием и общей зоной отдыха субмарины. К сожалению, снаружи смотреть было не на что. Вода была глубокого темно-синего цвета. Что имело смысл, предположила Мелоди. По-видимому, глубина моря составляла всего сто метров, и она оставалась почти постоянной после того, как отдалялась от смоделированного континентального шельфа.

Здесь внизу не было ничего искусственного — пегаска почти могла видеть дно, если прищуриться. Если бы она попросила, Предвестник, вероятно, включил бы прожекторы, но, скорее всего, майор рада этому не будет. Под ними, примерно десятью метрами ниже, можно было разглядеть идеально ровную поверхность.

Она была похожа на фотографии, которые Лаки прислала из «Транзитного узла». Неопознанный металл, без следов способа изготовления или хотя бы намёка на функции.

«Интересно, что мешает илу и осадку скапливаться там, внизу?»

Мелоди поймала себя на том, что неловко подёргивает крыльями, жалея, что не может тут полетать. Но, как и большинство жителей Отара, она не могла взлететь без разбега или прыжка с какого-нибудь высокого места. Насколько ей было известно, только майор и Лаки могли спокойно взлетать с места. Ну и местные, естественно.

Но никого из них здесь не было. Только Мартин развалилась с ноут-буком на одном из диванов. Вместо кибернетических когтей она использовала какое-то устройство, которое, казалось, работало как клавиатура, только без кнопок. Вместо них там было два диска с цветными метками на внешней стороне. Мартин упиралась в них обоими передними копытами, вращая и нажимая диски в быстрой последовательности.

— Какая странная клавиатура, — заметила Мелоди, понаблюдав несколько секунд, даже не пытаясь глянуть на экран. — Чем ты занимаешься?

— Пытаюсь взломать кодировку на запоминающем устройстве, которое Лаки принесла с собой, — ответила Мартин, не отрываясь от экрана. Она сделала паузу в «наборе текста», разочарованно фыркнув.

— А разве этим не Предвестник занимается?

Мелоди пододвинула ближайший стул и сидела рядом, пока в конце концов Мартин не оторвалась от своей работы.

— Зонд уверен, что скопировал уникальный паттерн, хранящийся в кубе. Но это совсем не означает, что мы знаем, как его прочесть. Сжатие там или же шифрование... — пегаска покачала головой. — Я решила, что можно пока заняться этим, поскольку Предвестник больше не разрешает мне пользоваться телескопом.

— У нас есть телескоп?

— Да, — Мартин закатила глаза. — Как, по-твоему, мы должны найти Землю? И нет, мы не нашли Землю, если ты хочешь об этом спросить. Если бы мы это сделали, у Предвестника, вероятно, была бы целая куча новостей из дома. Они должны были передать все это после нашей отправки, вместе с новыми приказами от Общества первопроходцев.

Мелоди открыла рот, чтобы возразить, но не успела.

— Да, это означает именно то, что ты думаешь. Предвестник не уверен, где мы находимся. Никаких знакомых звёздных паттернов. По-видимому, произошло какое-то повреждение той части памяти, в которой хранились навигационные данные. Он также не может указать нам исходную точку, откуда он прилетел сюда.

Слова Мартин прозвучали с намёком, хотя Мелоди не была уверена, что именно она пыталась намекнуть.

Они уже знали, что Предвестник может утаивать информацию, если захочет. Но почему тогда он прямо не сказал об этом, как это было с судьбой предыдущих поколений?

— Кажется уж слишком подозрительным. Мы просто отлично приземлились на кольцо... которое, как ты говорила, движется довольно быстро. Зонд разобрался, как это сделать, но он не помнит, откуда он прилетел?

Мартин разочарованно хмыкнула.

— Я не знаю, кого он решил одурачить. Очевидно, Предвестник просто хочет уберечь нас от депрессии и экзистенциального страха от осознания того, что все, что мы когда-либо знали и любили, безвозвратно сгинуло в глубинах времени. Или, может быть, он хочет отвлечь нас от мыслей о тысячах или даже миллионах наших копий, которые были созданы по всей галактике, чтобы выполнять свою часть работы, а потом сломаться. Точно так же, как любой из механических дронов, которые он производит во множестве.

— Ты сегодня просто кладёшь веселья, — буркнула Мелоди, снова поднимаясь со своего места. — Я думала, ты была взволнована возможностью увидеть город пони своими глазами. И ты хочешь думать лишь... об этом?

Она махнула одним крылом, не сумев подобрать слова.

— Я взволнована, — ответила Мартин. — Я просто пытаюсь посмотреть на все с точки зрения реализма. Мы так далеко провалились в будущее, что вся эта миссия в любом случае может оказаться бессмысленной. Насколько нам известно, мы уже колонизировали всю Вселенную. «Энтерпрайз», возможно, курсирует где-то там, и лучшее, что у нас получится — стать монстрами недели, когда он залетит сюда, чтобы осмотреть кольцо.

— Но на самом деле мы этого не знаем, верно? Возможно, все как раз наоборот — это может быть самая важная миссия в истории, потому что мы — последние следы человечества, оставшиеся где бы то ни было. Все остальные мертвы, но наш зонд смог ускользнуть. Мы будем первыми, кто начнёт все сначала.

Мартин пожала плечами.

— Мне может понадобиться твоя помощь позже, если у меня хоть что-то получится с расшифровкой. На самом деле я не специалист по компьютерам, но... что бы тут ни было, скорее всего, оно написано на их языке, а не на нашем. Предвестник, конечно, запустил сопоставление с образцом, но с учётом всех факторов... — пегаска закатила глаза. — При условии, что ты сможешь оторваться от своего парня на несколько минут, чтобы помочь с этим.

— Он не мой парень, — запротестовала Мелоди, хотя при этих словах избегала встречаться взглядом с Мартин. — Я просто проводила с ним больше времени в последние несколько недель. Вполне логично, что мы стали друзьями.

Мартин пожала плечами, хотя мрачное выражение на лице слегка рассеялось.

— Как скажешь, Мелоди, как скажешь. Просто помни, моя каюта находится через стенку от твоей. Я слышу все, что ты делаешь. И у Предвестника повсюду камеры, так что он тебя ещё и видит.

После этой фразы Мелоди в спешке ушла, прижав уши и поджав хвост.

«Как они все так быстро сообразили? Никого не волновало, сколько времени я раньше проводила с ним. Он был заперт здесь целую вечность, а теперь вдруг это стало проблемой?

Я и правда надеюсь, что ты был прав насчёт Драгон Фоли, Дэдлайт. Было бы неплохо провести некоторое время где-нибудь в другом месте для разнообразия».

В последний раз, когда она спрашивала, Предвестник предположил, что они прибудут к ночи. Если повезёт, то её клон сможет все проверить за ночь, так что у них будет целый день для посещения города. Надо будет приобретать подержанную одежду для лекарства Дороти, но... в основном просто хоть какое-то время не торчать в крошечных металлических комнатах.

* * *

Лаки вернулась из города в приподнятом настроении. Когда они проходили под каменной аркой, ведущей к причалу, её нос и уши всё ещё подёргивались — странная еда, странные существа, десятки языков, которых она никогда раньше не слышала.

— Думаю, мне следовало слетать сюда, — заметила Лайтнинг Даст, когда они вышли на причал. Здесь была пара охранников — оба похожи на собак, с огромными руками и унылыми мордами. Они никак не отреагировали на них, когда пегаски возвращались к «лодке».

На самом деле лодка представляла собой огромный кусок виниловой облицовки, сделанной под дерево и расположенной на верхней палубе «Циклопа». Она уходила достаточно глубоко в воду, и складывалось впечатление, что настоящий корпус субмарины был просто нижней частью достаточно большого корабля.

— Ты думаешь, они будут такие же дружелюбные, когда фестиваль закончится? — спросила Лаки, слизывая с губ немного сладкого сиропа, оставшегося от купленных вкусняшек. В городе было так много народу, что пару пони даже не заметили — в Драгон Фоли жило много пони, хотя большинство из них выглядели более сурово, чем те, с кем Лаки обычно проводила время.

— Скорее всего, нет, — согласилась Даст. — Но это не имеет значения. Мы вполне могли бы жить здесь.

Пегаска посмотрела на небо, прищурив глаза.

— Похоже, у них такой же контроль погоды, как и в Отаре. Чем вообще занимаются живущие здесь пегасы? Целыми днями сидят без дела?

Они поднялись по трапу на корабль, пройдя мимо Переса, который развалился на палубе. Жеребец рисовал что-то, разместив деревяшку между копыт, хотя Лаки не могла разглядеть, что именно. Рядом стояла винтовка, прислонённая к перилам, хотя и не прямо под копытами.

— Надеюсь, у вас хорошие новости, — пробормотал Перес по-испански.

— Очень хорошие, — ответила Лаки тоже на испанском, останавливаясь посмотреть, что он делает. Жеребца, казалось, не волновало, увидит ли кто-нибудь рисунок, он не пытался убрать деревяшку. Выглядело так, словно он пытался нарисовать череп. — Все ждут на обзорной палубе?

— Все, кроме майора Фишер, — ответил Перес, слегка ошеломлённый ответом Лаки. — Вы бывали в Байе? Я предполагал, что вы американка. Моя ошибка, юная леди.

На самом деле Лаки провела к югу от границы меньше недели на весенних каникулах ровно один раз. Она не думала, что её испанский настолько хорош — как и на всех «не универсальных» языках, на нем на Земле мало кто говорил. Эпоха, в которую росла Лаки, была эпохой языкового геноцида.

— Думаю, я пойду сообщу им новости. Ты идёшь?

Жеребец помотал головой.

— Нет. Кто-то должен следить за тем, чтобы к нам не появились незваные гости. Уже трое приходили — хотели осмотреть корабль.

Перес постукал копытом по дулу своей винтовки, хотя, конечно, он не должен был использовать её против нарушителей. Почему-то Лаки сомневалась, что убийство кого-то, кто захочет посетить корабль, будет хорошо воспринято начальством порта.

— Тебе следует сходить в город, — сказала Лайтнинг Даст на своём неуверенном английском. — Там очень мило.

— Уверен, что сходим.

Они направились к деревянному фасаду, который скрывал настоящий вход на корабль. Лаки, как обычно, махнула копытом, и довольно скоро они подходили к обзорной палубе. Как и сказал Перес, там толпились почти все.

Они были немного похожи на туристов, собравшихся в свой первый отпуск, хотя одеждой были простые белые халаты, сшитые в соответствии с местными традициями. Имитация была вполне сносная, хотя после своего краткого посещения Драгон Фоли Лаки знала, что белые одежды носили только совсем неопытные жители. Горожане отмечали на одежде свои достижения — группу, одетую во все белое, приняли бы за детей.

Теперь все пони выглядели совершенно по-разному, по крайней мере, в том, что касалось цветов шерсти и гривы. Каждый воспользовался новым устройством, которое могло равномерно прокрасить всю шерсть и отдельно гриву и хвост. Очевидно, Предвестник сконструировал это хитроумное устройство самостоятельно, хотя Лаки подробности мало интересовали. Она стала светло-голубой, всего на несколько оттенков темнее, чем новый цвет Лайтнинг Даст. Прекращать игру в маму и дочь не было никаких причин, тем более, что они в любом случае так себя и вели.

— Все в точности так, как я говорил, верно? — спросил Дэдлайт, когда перед ними открылся шлюз. — Потому что я знаю, о чём говорю, и вы уже проверили все машинами.

Лаки кивнула ему, прошла в переднюю часть комнаты и повернулась лицом к группе. Даже Дороти выглядела повеселевшей.

— Мы с Лайтнинг Даст были в городе последние двадцать четыре часа, — объявила кобылка. — Драгон Фоли не так безопасен, как эквестрийский город... или даже город первого округа. Считайте его... городом третьего округа. Там есть мошенники, воры и все такое. Но в городе вроде как поддерживают законность.

— Много солдат, — добавила Лайтнинг Даст на эквестрийском вместо английского. Естественно у всех присутствующих были гарнитуры с программой перевода. — Так что не нарушайте закон.

Тон звучал слегка виновато, но Даст не была уверена, что кто-то ещё понял бы это. Учитывая, что они будут фильтровать все, что услышат, через заклинание перевода...

К удивлению Лаки, следующим заговорил Предвестник, его голос звучал со стены так же ровно, как и всегда.

— Действующие приказы майора Фишер позволяют вам немедленно отправиться в Драгон Фоли, при условии, что вы остаётесь в своих группах и вернётесь к ночи. Помните о своей миссии и принесите как можно

больше образцов.

— Я, блидь, не могу в это поверить, — сказала Дороти. — Такой параноик, как Оливия, и просто позволит нам уйти? Она не собирается менять правила в последнюю минуту и приписать к каждой группе по паре солдат?

— Приказы майора Фишер не изменились, — ответил зонд. — Если вы хотите, чтобы я с ней связался и настоял на этих изменениях от вашего имени, я буду рад помочь.

— Нет! — раздалось несколько голосов одновременно. — Нет, все в порядке.

Дэдлайт поднялся с дивана, жестом попросив Мелоди сделать то же самое. Дороти последовала за ними к одной из двух лёгких тележек, стоявших у входа.

Они выглядели похожими на деревянные, но на самом деле были напечатаны из пластика и, следовательно, даже Лаки могла бы катить их почти без усилий. Даже если они будут набиты старой одеждой и одеялами, перемещать их будет не трудно. Во всяком случае, план был именно такой.

— Думаю, я пойду с вами, — сказала Мартин, подходя ближе. Шерсть её теперь была ярко-оранжевой с желтоватой гривой. — Небольшие группы лучше, верно?

Кобыла понизила голос до шёпота.

— Плюс, я думаю, вы двое можете знать больше о том, что делаете. Не знаю, доверяю ли я Дэдлайту.

— Меня это устраивает, — ответила Лаки. — Можно будет и другие вещи купить. Тебе придётся идти с нами. И мы ещё собирались посмотреть шоу... Лайтнинг Даст говорит, что в Эквестрии они просто потрясающие.

— Хорошо. Что бы вы ни собирались делать, звучит весело. Давайте просто свалим, пока майор не приказала нам вместо этого заняться каким-нибудь идиотизмом.

Вторая группа уже шла к выходу, очевидно, по той же причине.

— Ну... Я вообще-то хочу поговорить с Оливией до того как мы уйдём, — призналась Лаки.

Даст перелетела с другого конца зала, остановившись рядом с кобылкой.

— Ты думаешь, она может сделать что-то плохое?

Лаки пожалала плечами.

— Ну, сама посмотри... Мне кажется, мы что-то упускаем. Она вдруг доверилась нам только потому, что мы с тобой и Дэдлайтом сказали, что в городе безопасно? Я не знаю, почему она не взялась за выполнение этой миссии только со своим спецназом, вообще нам ничего не сказав.

Лайтнинг пожалала плечами и села. Мартин, наоборот, выглядела искренне разочарованной.

— У нас есть только день, и мы собираемся потратить его часть тут, дожидаясь Оливию?

— Нет, не тут, — кобылка указала на тележку. — Мы будем ждать на палубе, чтобы она не смогла скрыться, не поговорив с нами. Ты можешь посмотреть на город, пока мы там. Может быть, узнаешь что-нибудь новое.

— Ладно, — буркнула Мартин. — Пошли.

Мелоди была очарована. Именно подобный город был причиной её существования — место, которому она принадлежала, цель её создания. Если бы она была тут с того дня, как вылезла из капсулы биофабрики, можно не сомневаться, что никаких проблем с депрессией не возникло бы.

Драгон Фоли был городом, построенным в основном из чёрного базальта, городом на краю океана, который, казалось, раздвигал свои стены, пытаясь вместить все. Шаткие деревянные конструкции возводились на фундаментах из чёрного камня, затеняя солнце, за исключением тонкого луча, пробивающегося сквозь развевающиеся флаги и транспаранты, свисающие с высоких окон.

На улицах вокруг сновали десятки различных видов существ, и большинство из них не были пони. Восприятие Мелоди мира кольца как пони-ориентированного рухнуло, хотя по-прежнему казалось, что большинство здешних существ были четвероногими того или иного вида. Многие напоминали животных с Земли — например, олени, яки или буйволы. Другие выглядели более уместными в геральдике и мифологии, например, высокие гиппогрифы, которые немного походили на пони, но в то же время ими не являлись.

Она даже заметила нескольких драконов — худощавые создания с острыми когтями и сверкающей чешуёй. Они возвышались над большинством других жителей города, двигаясь сквозь толпы, которые расступались перед ними, и иногда цепляя боками здания.

Улицы с обеих сторон были запружены прилавками, торговцы предлагали вещи, названий которых Мелоди не знала. Она знала, за чем они пришли — за самой скучной вещью, которую могли собрать купить пони. Оливии нужна была поношенная, грязная одежда для продолжения экспериментов по разработке лекарства. Она знала, что это было важным делом, но Мелоди одновременно было крайне трудно переживать по этому поводу. Покупка кучи старых шляп вряд ли была событием, о котором стоило бы писать в дневнике.

— Как ты думаешь, нам золота хватит? — прошептала Мелоди Дэдлайту, который важно вышагивал рядом с ней, слегка расправив крылья. На нем не было халата, как и на пегаске, но у обоих были шляпы. — У нас лишнего не будет?

Бэтпони потянулся крылом в её сторону, проведя им под подбородком пегаски.

— Если бы я не знал, откуда ты родом, я бы удивился, как можно быть такой взрослой и такой наивной, — ответил он по-английски. Дэдлайт освоил основы языка почти так же быстро, как Мелоди учила эквестрийский, у него не было гарнитуры-переводчика. — У нас его достаточно. Более чем достаточно, на самом деле.

Жеребец наклонился, зашептав на ухо.

— Пони слушают. Давай не будем говорить то, чего мы не хотим, чтобы они слышали.

Мелоди покраснела, прижав уши к голове.

— Я просто хотела спросить, не могли бы мы найти... — она указала на соседний прилавок, где были выставлены всевозможные струнные инструменты. — Возможно, что-то, созданное для пони, будет проще освоить, чем мою гитару.

Лаки, возможно, и смогла научиться играть, но у Мелоди никогда не было на все это времени. У неё было слишком много дел и целая куча других важных вещей, требующих внимания.

— Думаю, мы можем что-нибудь придумать, — ответил Дэдлайт, хотя и отвернул крылом голову пегаски от прилавка. — Давайте глянем, что вообще продаётся на базаре. Те, кто торгует здесь, просто не смогли попасть внутрь. Следовательно, то чем они торгуют, вероятно, не так интересно.

— Ох, — Мелоди оглянулась, но не чтобы взглянуть на торговца, сколько проверить, идёт ли Дороти за ней. Генетик в толпе не потерялась, несмотря на то, что ей пришлось тащить тележку. Её, казалось, вполне устраивало, что она идёт позади, хотя всякий раз, когда Дэдлайт касался Мелоди, выражение лица учёной становилось немного более самодовольным. — Дороти, ты хочешь что-нибудь приобрести, пока мы здесь?

— Семена. Я бы хотела посадить сад в Отаре. Лаки говорила о фруктах и овощах, точно таких же, как на Земле, но все семена, которые Предвестник пытается напечатать, погибают так же, как и человеческие тела. Биоинженерные тыквы или яблоки в списке приоритетов крайне далеко, но если бы мы смогли просто вырастить их, раз кто-то уже сделал всю необходимую работу... — Дороти пожала плечами, — или как там это получилось. Просто не забудь сделать заказ и на меня, когда мы остановимся на обед.

Дэдлайт медленно поднял бровь. Вместе они вышли из центра быстро движущейся толпы на периферию, где можно было спокойно поговорить.

— Разве это не твоя миссия? Ты же врач, который создаёт лекарство от этой болезни, верно? Теперь, когда все разного цвета, вас трудно отличить друг от друга.

За исключением Мелоди, которая была темно-фиолетовой, с шёрсткой чуть светлее возле живота и с несколькими разными оттенками для гривы. Вероятно, помогло то, что Мелоди знала, какие его любимые цвета.

Дороти пожала плечами, явно не проявляя интереса.

— Это не займёт у нас так много времени. В этом вопросе мы свой вклад внесём. Я просто полюбуюсь достопримечательностями и получу удовольствие от выходного, — пегаска чуть понизила голос. — Некоторые из этих существ выглядят как плотоядные. Они же не будут действовать на основе своих инстинктов с нами, видами-жертвами, да?

Дэдлайт рассмеялся, хотя, казалось, не совсем понял вопроса.

— Нет. Здесь нет плотоядных. Если только вы не рыбы — многие существа здесь едят рыбу. И ещё кое-что, но чувствительным маленьким пони лучше об этом не знать.

Мелоди с трудом сдержала истерическое хихиканье, задаваясь вопросом, как бы отреагировал Дэдлайт, узнав о человеческой мясной промышленности. Не то чтобы у них сейчас была такая — предметы роскоши были не на первом месте, когда существовала вероятность нападения практически в любой момент.

— Что тут смешного? — спросил жеребец, с беспокойством оборачиваясь.

— Ничего, — пегаска пренебрежительно махнула копытом. — Это я просто так. Давай... насладимся базаром. Возможно, у нас ещё долго не выпадет подобной возможности.

Дэдлайт пожал плечами.

— Это при условии, что ты не хочешь просто уйти со мной, Мелоди. Ты уже можешь летать достаточно хорошо — нам не нужно возвращаться в Отар, если ты этого не хочешь.

Теперь он говорил на эквестрийском, очевидно, не заботясь о том, что у Дороти есть переводчик и, вероятно, она поняла бы большую часть сказанного.

— Я хочу закончить свою миссию, — ответила Мелоди, пренебрежительно махнув крылом. — После этого я стану, как Лаки, свободным гражданином, вольным делать все, что захочу. Но до тех пор я остаюсь в Отаре. Ты думал о том, чтобы улететь?

— Нет, — Дэдлайт наклонился немного ближе к ней. — Мне ещё многое предстоит узнать об этом вашем странном доме — Земле. Но ты, Мелоди, похоже, сходишь с ума. Ты, вероятно, больше наслаждалась бы жизнью в качестве моей помощницы. Отправиться на поиски приключений, осматривать древние руины от Кристальной Империи и до горы Арис. Мне бы не помешал опытный лингвист и твои хитроумные штучки. Мы бы сделали открытия, о которых отважные исследователи могли только мечтать.

Мелоди не ответила. Она находилась в инопланетном городе, окружённая культурой, для изучения которой она была создана, и ей потребовалась вся сила воли, чтобы не сказать «да». Она могла бы сбежать с Дэдлайтом прямо сейчас, и что Оливия будет с этим делать? Бэтпони знал этот мир гораздо лучше, чем она. В её теле не было никаких следящих имплантов — если Мелоди бросит свой вычислительный терминал на землю прямо тут, её будет не найти.

Конечно, Дороти увидит, как она сбегает. Она может вызвать майора сразу же. А может уйти, не обращая внимания. Возможно, они не очень хорошо ладили, но по сравнению с Оливией, их с Дороти можно было считать лучшими подругами. Мелоди не думала, что генетик сдаст её. Имея фору в один день, она сможет исчезнуть навсегда.

Затем пегаска позади них подала голос:

— Я не буду болтать, если ты об этом думаешь, — она говорила на китайском так свободно, как и должен был говорить любой современный учёный, — намного лучше, чем любой из солдат Оливии. — Майор может идти и сама себя трахнуть. Кроме того, там вы, вероятно, будете в большей безопасности. Если система защиты Санктуария обнаружит Отар... что ж, возможно, самое разумное — рассеяться по миру.

Дороти вздохнула:

— Я бы тоже сбежала, но я не позволю этой гребаной болезни победить меня. Если я получу лекарство, а Предвестник загрузит его на один из этих межзвёздных узлов, тогда не будет иметь значения, что случится со мной после этого. У меня будет наследие — моё наследие, меня-пони. Моё лошадиное бессмертие.

— Я ещё не готова, — возразила Мелоди. — Я хочу провести ещё немного времени в Отаре. Я хочу остаться в хороших отношениях с Предвестником, чтобы можно было позже вернуться, если захочу.

«И я хочу больше времени на изучение эквестрийского, больше времени на обучение полётам, и больше времени с лёгким доступом к современной медицине».

Но она ничего этого не сказала. Может быть, Дороти догадается о последнем пункте, а может, и нет. К этому времени их с Дэдлайтом отношения уже не были ни для кого секретом.

— Поступай как знаешь, — Дороти пожала плечами. — Давайте выполним нашу невероятно важную миссию, которая совсем не является пустой тратой времени. Ведь быть того не может, что нам дали это задание лишь для отвлечения, пока происходит что-то более важное. Покупать омерзительные обноски, насколько это увлекательно? Видели бы меня мои коллеги по Гарварду, если бы только не были мертвы вот уже как тысячи лет.

Г6.3850: Декларация Цереры

Оливия поочерёдно разминала конечности, чувствуя лёгкое сопротивление экзоскелета. Планируя эту миссию, майор опасалась, что ей придётся подвергнуться опасности, не имея никакой защиты, кроме собственной шёрстки.

Но потом она нашла этот чертёж в базе, как будто рука Бога поместила его туда. Потребовалось непосредственная подсказка от Предвестника, чтобы она хотя бы это заметила — Оливия все это время искала в базе данных военную технику, и она там была. Все, что нужно было сделать, запрашивать снаряжение не для «армии и военных», а для «гражданской полиции» и попросить зонд внести в чертежи пару небольших изменений.

У «Циклопа» был большой грузовой отсек, достаточно большой, чтобы туда поместился небольшой подводный наблюдательный пункт, который можно было бы сбросить в нужном месте. Сейчас тут было тесно — Оливия приказала загрузить сюда различные запасы на случай, если на Отар нападут, пока они отсутствуют. Это замедлило отправку, но в целом не имело значения. Лучше добраться до цели чуть позже, чем умереть от голода на дне океана.

Майор подняла переднюю ногу — после мысленной команды ботинок раскрылся, как цветок, обнажив когти, которые некоторые из членов её команды начали носить ежедневно, хотя у брони точность движений была лучше. Оливия внезапно повернулась, потянувшись назад к закреплённой на спине длинной винтовке. Та свободно соскользнула, как это было много раз прежде, и точно легла в захват. Ощущение было не совсем таким, как она помнила — хотя кобылка смутно ощущала фантомные пальцы, она также отчётливо ощущала подкладку, обхватывающую все четыре её копыта. Оливия чувствовала крылья за спиной и скобу на позвоночнике.

Майор перекатилась вперёд, и движение далось ей так же плавно, как и всегда. Она встала на одно колено, целясь из винтовки. «Грузчик», как её называли, по сути была почти артиллерийским оружием. Ходили страшные истории о том, как её отдачей отрывало людям руки. Скорее всего, просто байки. Усовершенствованный человеческий бионоситель мог бы стрелять из неё, хотя и с большим трудом. Но в броне Оливия не будет испытывать никаких трудностей.

Конечно, стрелять она не стала. Выстрел прошиб бы бронированную обшивку «Циклопа», словно бумажную. Даже сейчас, когда они были на поверхности, рядом с доком, майор не считала идею затопить субмарину сильно удачной. Кобылка встала, убирая оружие в захват на спине.

— Сойдёт. Закрепить броневые пластины.

Существовало несколько различных вариантов этого экзоскелета. Оливия выбрала самый защищённый, он был настолько прочен, что в окончательном варианте листы брони надо было приваривать.

Полдюжину промышленных дронов появились из-за ящиков вокруг майора, как будто они все это время прятались вне поля зрения. Скорее всего, так оно и было, хотя Оливии не очень хотелось думать о подобном. Сколько тысяч роботов сделали возможным создание Отара? Насколько мизерными были бы их шансы на выживание без Предвестника?

У дронов были гусеницы вместо человеческих ног и скелетообразная верхняя часть, необходимая только в качестве опоры для инструментов. Все сложные компоненты прятались в двигательной секции. В трёхпалых захватах они тащили тонкие листы металла и плазменные горелки.

— Я никогда раньше не видела таких дронов, — произнесла Оливия, выпрямляясь, когда те приблизились.

У них не было голов, но, по-видимому, динамики где-то были спрятаны, потому что голос зонда шёл от всех одновременно.

— Вы никогда раньше не были на борту подводной лодки. Эти дроны могут работать на глубинах, превышающих две тысячи метров, — роботы встали вокруг. — Как только броня будет собрана, без дополнительных инструментов снять можно будет только шлем.

— Броня же не разрядится через полдня?

— Ответ отрицательный. Топливные элементы экзоскостюма без подзарядки могут работать до шестидесяти часов.

— Тогда давай заваривай. Нас ждут.

— Ожидает только одна группа. Группа Джеймс Ирвин G4 уже ушла, — ответил Предвестник, несмотря на то, что все его дроны начали работать. Они начали навешивать броневые листы вокруг экзоскелета, работая также быстро, как и такое же количество человеческих экспертов. Механизмы, управляющие костюмом, были меньше и компактнее всего, что Оливия когда-либо видела — каким-то образом инженерам удалось уместить все вокруг самих опор, а Предвестник умудрился засунуть ещё и дополнительную водородную ячейку.

— Я говорила о продавце. Знаю я таких — если мы опоздаем хотя бы на пару минут, он заподозрит неладное. Как будто все это и так не слишком подозрительно. Что это за мир, где преступники заключают сделки с говорящими птицами?

— Этот мир, — как ни в чем не бывало ответил зонд. В этот момент все его дроны откатились назад, а затем выстроились в линию. Оливия отошла на несколько шагов влево, чтобы взглянуть на своё отражение в полированной поверхности переборки.

— Отличная работа, Предвестник. Я и не знала, что ты такой способный инженер.

Приблизился ещё один дрон с большим пластиковым ящиком.

— Я способен выполнить любую задачу, необходимую для успеха моей миссии, — сказал робот. Он остановился перед майором, открыв ящик. Внутри была яркая полосатая роба, не точная копия одной из виденных в городе, но сделанная в похожей палитре. Оливии никто не помогал в выборе стиля, кроме Предвестника.

Кобылка набросила робу на плечи, прикрывая броню. Повинуясь лёгкому движению шей, на место встал шлем. Он полностью закрыл голову, а затем, казалось, растворился в воздухе. Как будто вся внутренняя поверхность была экраном, проецирующим окружающее так хорошо, что только коснувшись копытом, можно было сказать, что шлем вообще надет.

— Черт, — Оливия огляделась, быстро поворачиваясь в разные стороны, чтобы проверить работу проекции. При движении создавалось лишь лёгкое размытие, почти незаметное. — ISMU кое-что скрывало от меня. Никогда не видела ничего подобного.

— Таких технологий не существовало на момент записи вашего нейрослепка, — ответил дрон ровным и терпеливым голосом. — Изобретение нового продолжалось вплоть до того момента, как я был запущен. Изобретения продолжались и после.

— О да. Думаю, в этом есть смысл.

Оливия достала из коробки пару толстых перчаток — в них её пальцы не были так похожи на металлические когти. Последней появилась маска — деревянная, ярко раскрашенная и покрытая перьями. Настоящими перьями, пожертвованными как самой Оливией, так и другими членами экипажа.

— Отличная работа, — повторила она, перекидывая маску под мышку.

— Вся моя работа отлична, — произнёс зонд. — Дело за вами. Принесите образцы, которые нам нужны.

— Ты знаешь, что я все сделаю.

Она не стала надевать маску, пока не поднялась на верхнюю палубу, где маскировка из винила убедительно придавала «Циклопу» вид шлюпа. Там были даже паруса и целые секции палубы. Ни один из них не был достаточно прочен, чтобы по нему можно было ходить, за исключением зоны, ведущей к трапу.

Сама идея была специалиста Ноя Вильямса, хотя, как и всем остальным, строительством занимался Предвестник.

«И справился хорошо».

Оливия нацепила маску, когда вышла на солнечный свет, и её зрение резко ограничилось тонкой щелью.

«Достаточно хорошо. Все могло быть намного хуже».

Она надеялась, что вторая группа уже ушла. Как оказалось, их было всего трое. Дороти, по-видимому, ушла с Мелоди и Дэдлайтом, что оставило Лаки, Даст и Мартин во второй группе.

Леи, Ноя и Степана нигде не было видно — они должны были остаться на подводной лодке, на случай, если что-то пойдёт не так. Готовы выдвинуться и эвакуировать гражданский персонал при первых признаках неприятностей.

Лейтенант Перес и сержант Абубакар ждали, одетые в толстые робы и раскрашенные маски, такие же, как у Оливии. Они выбрали лёгкую броню, сделанную из более традиционных материалов и без усиления. Жеребцы выглядели достаточно массивными, с кучей всего под одеждой. Но по сравнению с Оливией они казались мелкими.

— Предвестник чертовски быстр. Это выглядит точно так же, как-то, что носят племена минотавров, — пробормотала Лаки, поднимаясь с того места, где отдыхала в тени рядом с остальными. Очевидно, именно она велела им ждать, потому что Даст и Мартин тоже встали. — Как ты можешь во всем этом ходить?

Менее чем в двадцати метрах от них находился причал, буквально забитый кораблями. Оттуда же раздавались голоса, восторженно кричавшие на языках, которых Оливия никогда раньше не слышала.

«Жаль, что я здесь для работы, а не для развлечений».

Майор не могла сказать ничего такого, что можно было бы подслушать. Она, конечно, не собиралась признавать, что у Предвестника было больше недели, чтобы шить наряд, вместо одной ночи.

— Я практиковалась, — ответила Оливия, хотя это была ложь. Она и раньше много раз надевала экзоскелеты, но не именно такие. — Я покажу тебе, когда все закончится, если хочешь. Это не так сложно, как кажется.

— Вы, ребята, не собираетесь покупать старую одежду и одеяла, верно? — спросила Лаки, оглядывая солдат с ног до головы.

Оливия повернулась, чтобы обратить свой взор на кобылку. Конечно, она, вероятно, не казалась сильно страшной для других пони — жизнь в Эквестрии сделала Лаки более трудной целью для манипуляций, чем остальной гражданский персонал.

— Это было бы пустой тратой ресурсов. Можешь считать это проявлением моего доверия к вам и второй научной команде.

Как майор и ожидала, Лаки взгляд отводить не стала.

— Так чем же вы тогда займётесь?

Перес громко рассмеялся из-под маски.

— У нас та же миссия, что и у вас, — сказал он по-английски вместо эквестрийского. Которым он, конечно, не владел. Никто из солдат настоящему не изучал его за исключением Леи. — Заботимся об Отаре. Мы делаем это по-своему, вы — по-своему.

— Не стоит принижать нашу часть, — заявила Мартин, немного храбрее, чем Оливия когда-либо слышала от неё. На пегаске тоже была накидка — простая белая, в основном для защиты от песка и ветра. У пегаски даже была тележка, нагруженная товарами для их половины миссии.

«Практически бесполезной половины».

Но об этом знала только Дороти, и она не стала озвучивать свои мысли.

«По крайней мере, хотя бы один из моих учёных достаточно умен, чтобы сыграть свою роль».

— Мы вернёмся к ночи, так же, как и вы, — ответила Оливия, её голос воспроизводился на эквестрийском через динамики шлема. Заодно специальная программная обработка делала его ниже, чем у любого из членов команды — даже ниже чем у жеребцов.

«Надеюсь, это будет так же пугающе, как и её вид».

— Это жутко, — прошептала Лайтнинг Даст, отводя взгляд. — Я не хочу знать, что это за магия.

— Лучше бы так и было, — заметила Лаки, всё ещё глядя с подозрением. — Мне понравился этот город, я хочу сюда вернуться. Не портите все, убивая местных.

— Нам не нужно её допрашивать. Уверена, что ваш мэр знает, что делает, — Даст положила копыто на плечо дочери. — Лаки, ты готова? Стар Лилли? В полдень состоится воздушное шоу, и я не хочу его пропустить!

— Да! — физик ответила первой. — Надеюсь, что тут можно купить телескоп. Или звёздную карту. А может, и то и другое?

— Вероятно, — неохотно ответила Лаки. — Там было много пони, которые продавали самые разные вещи.

— Просто помни о своей миссии, — Оливия наблюдала, как группа сошла с палубы, а затем исчезла в плотной толпе на входе в Драгон Фоли.

— Проверка связи, — произнесла майор в шлем, как только гражданские скрылись. — Как слышно?

— Громко и чётко, — ответил Перес из-под маски, хотя ни один из них не смог бы говорить, не сделав это хоть немного заметными для окружающих. По крайней мере, такой способ позволял Оливии говорить с подчинёнными, ничего не выдавая.

— Я слышу вас, — произнёс Абубакар, его голос звучал слегка отстранённо. — Надеюсь, что мы никого не убьём. Если те, кто живёт в этом городе, хоть немного похожи на того, кого зовут Дэдлайтом...

Жеребец покачал головой.

— Это будет как детей убивать.

— Это просто сделка, — ответила Оливия, хотя по тону было ясно, насколько сильно она верит, что все и правда так. — Никто не должен пострадать. Ну... за исключением небольшого количества крови. Но либо так, либо на этом кольце не будет людей.

— Как бы мне ни нравилось валяться без дела весь день, я рад, что мы наконец-то отправляемся, — сказал Перес. — Встреча через десять минут. И долететь туда, как дрон, мы не можем.

Ну, в принципе, они могли бы долететь туда, или, если быть точной, могли бы, если бы немного больше практиковались в своих понячьих способностях. Оливия была почти уверена, что справилась бы, хотя архитектура Драгон Фоли с его черным базальтом и выступающими шпилями не терпела ошибок. И в любом случае это означало бы променять броню на возможность полёта, а на подобную сделку майору идти не хотелось. Перес был не очень хорошим летуном, а Абубакар вообще отказался ходить на занятия к Даст, так что это был вопрос в пользу бедных.

— Тогда пошли. Ни с кем не говорите, если в этом не будет абсолютной необходимости.

Они поспешили покинуть корабль. Толпа, казалось, состояла примерно наполовину из пони, хотя вторая половина... из кучи различных существ. Грифоны среди них казались самыми многочисленными, они были крупнее пони, хотя и мельче Оливии в броне. Там были двуногие существа, особенно часто встречались минотавры. Несколько из них стояли на причале — очевидно, они не очень любили лодки. Попадались и другие существа — ящеры, олени, здоровенные яки и другие создания, для которых у майора не было названий.

В конце доков они прошли через массивную каменную арку в город, мимо неровного куска оплавленного камня с одной стороны. Над воротами была высечена надпись, но, конечно, никто из них не мог прочесть, что она означает. Оливия лишь заинтересовалась, смог бы это прочесть её лингвист. В самом городе улочки были узкими — достаточно лишь, чтобы проехать на телеге, а во многих местах и того меньше. Большинство из них были ничем не мощёнными, с редкими пятнами помёта или чего похуже, во что ступать не хотелось. Что ж, её солдатам придётся избегать подобного. Броне Оливии было плевать, на что она ступает.

Оказавшись в городе, она обнаружила, что большинство существ убрались с её пути — даже скрытое под робой, её телосложение говорило само за себя. Возможно, некоторые из этих пони могли распознать шаги тех, кто не хотел, чтобы их беспокоили. Несколько отважных торговцев, притаившихся в тени, пытались окликнуть их, но Оливия их проигнорировала. В шлеме отображалась карта, сделанная их дроном, с ярко-красной линией,

показывающей, куда идти.

Конечно, на самом деле ей не нужна была карта, чтобы найти пункт назначения. Они искали тёмные уголки, спрятанные в той части города, которая была высечена в скале давным-давно. Именно там они должны были встретиться с Сальвадором, чтобы осуществить сделку.

«Для нас это нормально. Мы не покупаем рабов. Всего лишь немного крови, и у нас будут все необходимые образцы. Тогда Предвестнику больше никогда не придётся делать ещё пони».

Майор не хотела думать о том, что это может означать для армии, которую она растила в данный момент.

Они встретились с Сальвадором точно в назначенное время, в нужном месте. Грифон вежливо поклонился им, когда группа вошла в комнату с низким потолком, мимо горстки бандитов с ржавым оружием.

— Пони издалека, — произнёс торговец, и его голос был приторно-сладок. — Кто из вас некромант по имени Вэйфаиндер?

— Как, чёрт возьми, он узнал, что мы пони? — тихо спросил Перес по радио. — У меня хвост торчит? Я что-то оставил не застёгнутым?

Оливия проигнорировала жеребца, сделав небольшой шаг вперёд. Она решила задать другой вопрос. Слово «некромант» совсем не казалось правильно переведённым.

— Что заставило тебя подумать, что я некромант?

Сальвадор улыбнулся ей с выражением, похожим на удивление наивностью гостей.

— Ты просила кровь живого пони. Существует только один тип клиентов с подобными потребностями. Но, пожалуйста, не думайте, что вам не рады в Драгон Фоли. Сальвадор ценит всех клиентов.

Грифон повернулся, указывая на запертую дверь в дальнем конце комнаты. По его знаку один из бандитов бросился туда, спеша распахнуть двери.

— Пожалуйста, проходите. Ваш товар ждёт.

* * *

Логово — Оливия не могла придумать для этого другого слова — выглядело примерно так, как она и ожидала. Туннели были вырублены в твёрдой скале вручную, судя по неровным потолкам и полам. Отвратительная вентиляция ощущалась даже через шлем.

Их проводник вёл их по извилистому пути, который, вероятно, должен был сбить их с толку, потому что карта, которую строил Предвестник, предполагала, что они несколько раз пересекали общий коридор, по которому можно было бы пройти, не толпясь там куча разных существ.

Здесь вообще было не так уж много пони. Несколько четвероногих, хотя большинство из них больше походили на птиц, чем на лошадей. Их проводник был одним из таких, хотя его охранники были двуногими. Минотавры, судя по всему.

Опять греческое дерьмо.

Если бы она привела сюда Мартин, то та, вероятно, разглагольствовала бы об общей культуре и о том, что это значит для происхождения кольца.

— Нехорошо, — прошептал Перес по рации. — Нет никаких причин заводить нас так глубоко, если бы они просто собирались отдать нам запрошенное и выпустить нас.

— Я знал, что сегодня мне придётся убивать, — удручённо пробормотал Абубакар. — Хорошо, что Бог милостив. Но мы милостивы не будем.

— Не будем, — согласилась Оливия. Внешне она не подавала никаких признаков того, что поняла изменившуюся ситуацию, просто продолжала идти в темноте. Мрак ни в коей мере не мешал ночному видению в шлеме, которое демонстрировало грязь, местами со слизью и, возможно, кое-что похуже. Кобылка заметила в темноте несколько костей — идентифицировать их было невозможно, хотя, очевидно, что человеческими они не являлись.

Затем они добрались до места назначения — толстой стальной двери, изъеденной ржавчиной, с массивными металлическими петлями.

— Вы не представляете, как сложно держать земных пони под землёй, — произнёс Сальвадор. — У вас, некромантов, очень дорогие запросы.

Грифон щёлкнул когтями, и один из охранников, следовавших рядом с ним, снял связку ключей с пояса и начал возиться с замком.

Дверь ещё не успели открыть, как появилась служанка — ещё одно существо, похожее на птицу, с белой повязкой на голове. В лапах у неё был большой таз и длинный, дьявольски острый нож. Сальвадор ткнул когтем, и она поставила и то, и другое на пол перед ними.

— В прошлый раз, когда мы имели дело с некромантами, они хотели сами извлечь товар. На этот раз мы готовы.

Оливия вздрогнула, посмотрев вниз — на лезвии были зазубрины и царапины, а деревянный таз был испачкан засохшей кровью.

— Вы очень предупредительны, — сказала она. — Я знала, что мы сделали правильный выбор.

— Действительно, выбор был верен, — ответил грифон, когда замок щёлкнул. Минотавр потянул дверь, и она приоткрылась — добрых двадцать сантиметров толщиной.

Внутри находились четыре пони, стреноженные и прикованные цепями к стене. У всех четверых были завязаны глаза, а тела были покрыты шрамами. Все было так, как они и заказывали — по двое от каждого племени, один жеребец и одна кобыла.

— Да простит их Бог, — произнёс Абубакар достаточно громко, чтобы его было слышно через шлем. — Они похожи на тех монстров в Поясе. Как долго их пытали?

По крайней мере, он отключил переводчик. Оливия выпрямилась.

— Они наши, и мы можем делать с ними все, что нам заблагорассудится, — повторила она, наклоняясь и поднимая нож. — Все, что мы пожелаем?

Сальвадор откашлялся, вытянув один коготь.

— Как только ты отдашь мне золото — да. Делай все, что захочешь.

Оливия сунула ногу под робу, достала тяжёлый мешочек из тёмной ткани и бросила грифону.

— Вот. По полкило за голову, как мы и договаривались.

Сальвадор открыл мешочек, достал одну из золотых плашек и прикусил её клювом. Он снова щёлкнул когтями, и один из охранников кинул на землю перед майором ржавый железный ключ.

— Вот и все. Мы предоставим, э-э... услуги очистки, когда вы закончите. Бесплатно.

Охранники отошли от двери, прислонившись к стене со скучающим выражениями.

Оливия отпустила нож, который упал вниз и воткнулся в дно тазика. Затем она подняла ключ и бросила его Абубакару.

— Приступай, — сказала она через шлем, прежде чем переключиться на закрытый канал. — Подготовь их к эвакуации. Когда все это дерьмо начнётся, мы не оставим их тут.

— Да, мэм, — жеребец вошёл в камеру, на ходу снимая робу. Медицинское снаряжение было на месте, прикреплённое к броне под ней, но Оливия не стала оглядываться. Она села на пол, с лёгким отворачиванием отодвинув таз.

— Ты часто торгуешь рабами? — спросила она, заметив, что Сальвадор всё ещё не сводит с неё глаз.

Грифон пожал плечами.

— Орда занимается магическими существами, юная пони. Чем более магическое существо, тем оно ценнее. Однако мы не используем слово «раб». В Драгон Фоли рабство запрещено. Мы просто торгуем домашними животными. Иногда происходит несчастный случай, и мы теряем товар при доставке. Трагедия, я знаю.

Оливия оглянулась через плечо в камеру. Абубакар уже освободил одну из пони и держал шприц у её шеи. Медицинский холодильник стоял открытым на полу перед ним, ледяной туман струился по полу. Судя по всему, он уже взял один из образцов, хотя майор не могла сказать наверняка. Она не хотела отводить взгляд от Сальвадора.

— Удивительно, как много применений существует для пони, ты знала? Магия вашего вида высоко ценится. За неё дают очень хорошие цены.

— Вот как? — тон Оливии был даже спокойнее, чем выдавал автоматический переводчик. — Очаровательно.

— Ещё четверо приближаются с обоих концов коридора, — сообщил Предвестник в наушник. — Я обнаруживаю много перемещений по всему комплексу. Вы ожидали этого?

— Да, — ответила майор, хотя, очевидно, в сделке, которую они заключили, не было ничего, что подразумевало бы, что её приглашение было ловушкой.

— На самом деле, — сказал Сальвадор, как будто Оливия ещё не поняла, что происходит, — нам нужно, чтобы вы двое присоединились к своему другу в камере. Прямо сейчас.

По его команде охранники по обе стороны от грифона подняли дубинки, выражая нетерпение. Без сомнения, они ждали этого момента.

— О, и я бы не стал утруждать себя мыслью, что ты можешь с помощью магии выпутаться из этой ситуации...

Сальвадор полез в карман и достал что-то из темно-красного металла. Оно было немного похоже на часы, хотя Оливия не могла определить, предназначение устройства.

— Вы так зависите от своих способностей. А вот если их убрать...

Он что-то покрутил когтем, и объект размером с кулак начал светиться темно-фиолетовым, протянув светящиеся линии к самой Оливии и другим членам её команды. Свет проигнорировал грифона и его охранников-минотавров, а также других охранников, идущих по коридору. Ни один из

них не был пони.

Майор сразу же почувствовала воздействие — внезапную пустоту глубоко в груди. Она ощутила как броня стала тяжелее, как будто невидимый вес прижимал её к полу. Внутри камеры, пони, которую уже освободили, рухнула на пол с жалким писком боли. Все остальные обвисли на своих цепях.

Перес шевельнулся, но не для того, чтобы упасть или сделать ещё что-нибудь беспомощное. Он отступил в сторону, снимая робу через голову и перевернув маску другой стороной. Жеребец нарисовал на ней череп, как для парада Диа-де-лос-Муэртос. Человеческий череп, а не пони, и он что, его зубной пастой рисовал?

— Dios Mio, — произнёс Перес сквозь шлем, хотя, конечно, Сальвадор не смог бы его понять. — Вы, ублюдки, могли бы быть умнее. Впустили и выпустили, вот так просто.

— Я вам нужен, командер?

— Нет, Абубакар. Продолжай работать. Бери образцы и готовься к эвакуации.

— Их здесь всего шестнадцать, — заметил Перес, скорее удивлённый, чем расстроенный. — Мы бы не хотели действовать совсем уж нечестно.

Глаза Сальвадора расширились тем больше, чем дольше они стояли, очевидно, не затронутые его устройством.

— Я забрал вашу магию!

— Да, так и есть, — ответила Оливия, поворачиваясь лицом к грифону и его охранникам. — Теперь, когда ты видишь, что это ничего не дало, не хочешь передумать? Ты всё ещё можешь согласиться на сделку, Сальвадор. Я решила, что нам не нужны ваши услуги по очистке — мы возьмём пони с собой. И ты уберёшься с нашего пути.

Кобылка подняла ногу, снимая маску, прикрывающую её шлем. Затем она двинула головой, и шлем сложился. Запах ударил сильнее, чем «анти-магическое» устройство, которое грифон держал в лапах. Кровь, смерть, фекалии и многое другое ещё худшее.

— Один шанс, — сказала Оливия на эквестрийском. — Или мы убьём всех, кто встанет между нами и выходом.

К этому моменту коридор были заполнены с обеих сторон — больше десятка охранников, большинство из которых носили грубые металлические доспехи.

— Вы — трое пони без магии! — крикнул Сальвадор. — Вы — товар. Взять их!

— Я знал, что так и будет, — произнёс Абубакар из камеры, хотя в его голосе всё ещё звучало лёгкое разочарование. — Они все одинаковые. Все точно так же, как в Поясе Астероидов.

— И ты знаешь, что мы делали в Поясе, — Перес теперь почти смеялся. — Разве нет?

— Не убивай Сальвадора, — приказала Оливия, доставая пистолет. — Я хочу, чтобы он был заложником.

Она уже направила своё оружие на первого охранника, шлем снова закрыл голову. Когда это произошло, она начала видеть контуры, наложенные на некоторые цели — те, которые Перес выбрал для себя, а также

те, которые Предвестник оценил как более опасные. Оба минотавра бежали прямо на неё. Она спокойно подняла пистолет и выпустила по одной пуле в голову каждого из них. Ей пришлось слегка отпрыгнуть в сторону, чтобы избежать падающих трупов, и это движение получилось скованным — воздействие устройства Сальвадора, лишившее кобылку части скорости.

Выстрелы оставили кровавые пятна по всей задней стене коридора, к камню прилипли кусочки мозгов.

Все заняло меньше минуты. ISMU были специально обучены сражаться с подобными типами преступников в условиях тесного пространства. Вскоре коридор был забит мёртвыми. Но без Сальвадора. Оливия выпрямилась, вытирая кровь с забрала и ища грифона, но не могла его найти. Естественно, бегство с поля боя сделало его целью с наименьшим приоритетом, но, по крайней мере, он бросил своё «антимагическое» устройство.

Оливия приблизилась к нему и осторожно повернула, отключая. Ощущение было похоже на глубокий вдох после долгого плавания под водой — словно жизнь хлынула в неё обратно. Но каким бы неприятным ни было её время без магии, майор совсем не чувствовала себя калекой. Было холодно и паршиво, но совсем не то, что обещал Сальвадор. Она всё равно бросила устройство Пересу. Он поймал его механическими когтями.

— А это хорошо. Может быть, лучше, чем кровь, если мы сможем разобраться, как оно работает.

— Возможно, — глаза Оливии прищурились. — У тебя было время делать посмертную маску?

Жеребец пожал плечами, очевидно, не обращая внимания на трупы вокруг.

— Я себя словно ребёнком почувствовал. Предвестник сделал мне набор красок, но он ждёт меня в Отаре. Я сделаю нормальную, когда мы вернёмся. И сахарные черепа... если я сумею их как-нибудь стготовить с этими копытами, вы должны будете попробовать.

Откуда-то из далёких глубин логова доносились звуки — крики и топот бегущих копыт. И, судя по всему, бежали к ним, если судить по тому, что они становились все громче.

— Простите меня, — произнёс Абубакар, лишь слегка раздражённо. — Я собрал образцы и освободил наших сбитых с толку гражданских. Они не говорят на эквестрийском, или, может быть, они слишком напуганы, чтобы что-то сказать.

— Хорошо, — Оливия заменила частично израсходованный магазин новым. — Перес, Абубакар, выводите их. Я задержу противника, пока вы не закончите. Доставьте их в безопасность и не позволяйте никому следовать за вами на подлодку. Если потребуется, просите эвакуацию у Предвестника.

— А вы? — спросил Абубакар почти укоризненно. — Разве майор не закончила убивать?

— Вероятно, нет, — призналась Оливия. По коридору действительно цокали копыта — судя по звуку, целая армия. — Это и правда похоже на убийство детей. У них, вероятно, нет ничего, что могло бы пробить мою броню.

— Просто не позволяй им зажать тебя, — Перес снял шлем, присоединяясь к Абубакару, который выводил перепуганных пони. Все четверо выглядели так, словно едва могли идти, и вид коридора, забитого мертвецами в этом не помогал. Одна из кобыл просто вырубилась, увидев первое тело, и Пересу пришлось закинуть её себе на спину.

— Возвращайтесь скорее, дай то Бог, — произнёс Абубакар, держа ружье наготове и ведя пони впереди себя. Они игнорировали ответвления с поворотами, двигаясь прямо к выходу по пути, намеченному Предвестником.

К Сальвадору пришло подкрепление. Оливия слышала вдали грифона, кричащего, что демон на свободе в их логове, и нужно поймать его, прежде чем «кошмары доберутся сюда». Что бы это ни значило.

— Это глупо, — пробормотала майор в гарнитуру. — Как они могут видеть все это и продолжать нападать на меня?

— Органики редко действуют рационально, — ответил Предвестник с почти отеческим участием. — Возможно, они хотят отомстить за своих товарищей. Может быть, они ещё не осознали в какой опасности находятся.

— У меня нет на это времени.

Оливия прицелилась вдоль передней ноги в самую гущу врагов. Их было, по примерной оценке, около полусотни — на этот раз не только охранники, но и многие другие. Как будто они похватали любое оружие, оказавшееся в пределах досягаемости, и побежали. Некоторые из них были вообще не одеты.

— Почему ты не мог просто позволить нам уйти?

Она запустила единственную гранату в коридор и мгновенно отшатнулась назад. Граната ни в кого не попала — между атакующими головорезами было достаточно места, чтобы она могла легко пролететь между ними. Майор тем временем спряталась в камере, не слишком далеко, сразу за углом.

Последовала вспышка и взрыв. Земля затряслась, и раздались крики. Оливия старалась не слышать их, но, конечно, шлем не сильно их приглушал. Она снова вышла в коридор и обнаружила на полу ещё одну груды тел. В столь замкнутом объёме почти каждый осколок отскакивал, пока не находил свою цель — на полу лежало больше десятка пострадавших. Лишь немногие выглядели убитыми, но судя по звукам, оставшиеся жалели, что не погибли сразу.

Теперь нападающие бежали, почти все. Сам Сальвадор шёл вперёд, не обращая внимания на крики боли своих подчинённых, чья кровь и внутренности пятнали камень. А рядом с ним шёл дракон.

Достаточно большой, чтобы едва стоять на двух ногах в тоннеле, чешуя отблёскивала черным, с полосами заточенного металла на крыльях и передних лапах. В остальном доспехов или оружия у ящера не было. От гранаты он также, вроде как, не пострадал, хотя тут Оливия не могла сказать, сыграло роль большое расстояние или прочность чешуи.

— Мы уходим, — крикнула Оливия, выходя из-за камеры. — Разве ты не видишь, что это не та битва, которую ты можешь выиграть? Я использовала всего лишь блядский пистолет. Если ты не отойдёшь в сторону прямо сейчас — сбежать я тебе не дам. Лучше помоги своим.

— Не пойдёт, — ответил Сальвадор. Его голос стал холодным — почти таким же холодным, как у самой Оливии. — Кошмары почти здесь. Ты знаешь, что они сделают со мной, раз я их вызвал, но у меня не будет того, что они просили? Я не знаю, что ты устроила в Эквестрии, чтобы заставить их заплатить такую кучу бит за твоё возвращение... но ты не можешь уйти. Они убьют меня, когда доберутся сюда.

— Я не могу убить её? — в голосе дракона звучало разочарование.

— Почему? Можешь. Они не уточнили, должна ли она быть живой. Можешь потом захватить других, а не эту.

— Хорошо, — дракон шагнул вперёд, перешагивая через умирающих и покалеченных. Он поднял обе лапы. — У меня не было нормальных противников уже много лет, пони. Если ты сумела сотворить все это, возможно, ты сможешь стать таковым.

— Как и у меня, — ответила Оливия, целясь дракону в грудь. — Прости, но я должна это сделать.

Она выстрелила. Дракон немного отпрянул назад, рыкнув от попадания пули и схватившись за грудь. И всё же ни крови, ни хотя бы треснувшей чешуи не было. Несколько мгновений спустя ящер опустил на четыре конечности, рыча от гнева, и бросился к ней.

— Похоже, истории о драконах и прочности их чешуи имеют под собой веские основания, — произнёс Предвестник, как будто комментируя лишь слегка интересный факт.

Оливия опустила пистолет, отпрыгнув в сторону, чтобы уйти из-под атаки. И правильно, так как завеса ярко-красного пламени вспыхнула в том месте, где она была. И всё ещё достаточно близко, чтобы её роба мгновенно загорелась, и ей пришлось на ходу её сбросить.

Дракон повернулся, его когти оставляли огромные выбоины в камне. Он слегка перекатился, затем бросился на Оливию, разинув пасть. Полыхнуло ещё больше пламени, но майор не стояла на месте. Она перекатилась под драконом, когда он прыгнул, впечатав себя (и его) в каменную стену.

Оливия выронила пистолет, пытаясь выпрямиться. Дракон был так же быстр, как улучшенный человек в броне, может быть, даже быстрее, чем она. Единственное, что она могла сделать, это отпрыгнуть в сторону, когда он бросился в атаку, полосуя воздух когтями.

Майор пыталась вытащить шокер, но не смогла поднять его вовремя, прежде чем дракон влетел в неё, его массы было достаточно, чтобы отбросить кобылку назад по коридору. Когти впились в броню, и в шлеме завыли предупреждения. Оливия почувствовала резкую боль в ноге, а затем увидела вспышку, когда огонь снова обрушился на неё.

Обзор шлема затопил свет, в ушах звенели сигналы тревоги, а и без того травмированная нога ощущалась так, словно её засунули в духовку. Броня могла выдержать кратковременный перегрев, но длительное воздействие расплавит механизмы, прежде чем поджарить и саму кобылку.

Оливия ударила головой вверх в открытую пасть дракона со всей силой усиленных мышц и экзоскелета. Она почувствовала, как что-то хрустнуло, тело дракона резко напряглось, а затем обмякло. Безвольное тело ящера упало на пол, извергнув несколько последних слабых языков огня, прежде чем замереть неподвижно, отвалив сломанную челюсть.

Майор упала на одно колено, тяжело дыша и пытаясь снять шлем. Он сопротивлялся, издавая металлические скрипы. В конце концов он всё же сложился, и Оливия совсем не была уверена, что существует хоть малейшая надежда закрыть его снова.

Сальвадор развернулся и бросился бежать. Он слегка прихрамывал — возможно, его всё-таки зацепило осколком гранаты. Как бы то ни было, Оливия не собиралась дать грифону уйти. Она подняла пистолет с пола и несколько раз выстрелила. Первые три пули прошли мимо, но следующая, по видимому, попала в цель, поскольку Сальвадор с ругательствами рухнул на пол коридора.

Майор на ходу перезарядила оружие, больше не заботясь о сохранении тайны. Её роба ещё догорала, валяясь неопрятной кучей. Вряд ли это имело значение. Приближаясь к Сальвадору, она слышала безумные крики грифона и, по-видимому, мольбы на эквестрийском.

— Ты не можешь убить меня, — бормотал он. — Ты пони. Пони не такие. Ты не можешь этого сделать!

У него текла кровь из раны на задней лапе, но в остальном он казался невредимым.

— Ты идиот, — ответила Оливия, не заботясь, что синтетический голос повреждённого шлема, больше не заглушает её. — Ты принёс нам нож, предполагая, что мы собираемся хладнокровно убить беспомощных жертв, и ты думаешь, что я не могу убить тебя?

Не успела она подойти в упор, как лапа Сальвадора метнулась к ней, блистая острыми когтями. Оливия позволила обхватить неповреждённую броню её левой ноги, прежде чем резко рвануться в сторону и обрушить на лапу другую ногу со всей мощью экзоскелета. Кости хрустнули, и грифон снова заорал от боли, которая однако совсем не тронула кобылку.

— Попробуй ещё раз, я перелому тебе пальцы. Все пальцы, — Оливия отступила назад, выйдя из пределов его досягаемости. — Я видела таких говнюков, как ты, раньше. В Поясе, где ещё оставались работорговцы. Эти ублюдки думали, что если ООН от них в паре десятков световых минут, мы до них не доберёмся. Что ж, они ошибались.

— Ты действительно демон, — каркнул грифон, или, по крайней мере, Предвестник считал, что он пытался сказать именно это. — Когда придут кошмары, они отправят тебя прямоком в Тартар, где тебе и место!

— Что за «кошмары»? — спросила майор, не повышая голоса. — Ещё наёмники?

Сальвадор засмеялся, сплёвывая кровь на пол.

— Такие же монстры как ты. Эквестрийские монстры — магия, демоны... те, кто сражается, гвардия Найтмэр... Говорят, работают на луну. Говорят, никогда не доверять луне. Она всегда меняется.

«Эквестрийские монстры, — Оливия очень сомневалась, что они придут вовремя, чтобы что-то изменить — даже джамперу потребовался бы час, чтобы попасть так далеко на юг из центра Эквестрии, а у пони не было таких технологий. Даже их лучшим летунам потребуется как минимум день. — Но мы планировали эту сделку неделю назад».

— Когда они будут здесь? Эквестрийцы?

— Сейчас! — грифон снова засмеялся, надсадно капляя. — Они, наверное, уже здесь! Выследят тебя по твоей магии, пони! Ты не сможешь скрыть её от них!

— В этом городе сотни пони, — возразила Оливия. — У меня нет ничего, что выделяло бы меня среди них.

Сальвадор продолжил смеяться, как безумный.

— Продолжай молить об этом, маленькая птичка! Кошмар всегда придёт за тобой, как бы далеко ты не бежала. Видит тебя, когда ты спишь, знает, когда ты бодрствуешь!

Оливия вздохнула, снова доставая пистолет. У неё не было времени.

— Властью данной мне Организации Объединённых Наций Земли, постановляю, что ты нарушил декларацию Цереры. Приговор за работорговлю — смерть. Я, майор Оливия Фишер, действуя как представитель Межпланетной комиссии правосудия, привожу этот приговор в исполнение. Да смилуется Господь над твоей душой.

— Ты не можешь...

Кобылка дважды выстрелила ему в голову.

На этот раз она не промахнулась.

Оливия брела по похожим на пещеры тоннелям. На самом деле она шла не очень долго, всего несколько минут. На её броне всё ещё была кровь, и переднюю ногу пронзала боль всякий раз, когда она переносила на неё свой вес. Маскировку было не восстановить, а конструкция экзоскелета, к сожалению, не позволяла снять его без посторонней помощи. В ISMU ходили страшные истории о солдатах, которые умирали в подобных костюмах, так как не могли из них выбраться после того, как заряд батарей был полностью израсходован.

— Я фиксирую впереди звуки, — сообщил Предвестник. Шлема с дисплеем больше не было, иначе в звуковом оповещении не было бы надобности. По крайней мере, гарнитура ещё работала. — Спрячьтесь. Я попытаюсь числить способ обхода, основываясь на показаниях, которые вы собрали по пути сюда.

Оливия нырнула за тележку в боковом проходе, хотя впереди ничего не было ни видно, ни слышно.

— Ты можешь кого-то слышать, но не можешь использовать сонар, чтобы найти другой выход? — прошептала она по-английски.

— Сонар находился в шлеме, — раздражённо ответил зонд. — У меня есть доступ только к биологической телеметрии вашего костюма и к микрофону. Я усилю сигнал для вас, подождите.

В гарнитуре раздался болезненный писк, а затем внезапно Оливия различила голоса. Говорили на эквестрийском, а не на языке местных жителей. Так же там не было гортанного акцента, как у Сальвадора и его головорезов. Пони говорили точно так же как Лайтнинг Даст или Дэдлайт.

Но даже если бы их было слышно отчётливо, майор не смогла бы их понять. Звук постоянно растягивался и обрывался, а каждый вздох кобылки вызывал волну статики. Ей даже показалось, что она может различить отдалённый стук своего сердца под основным сигналом.

— Я переведу, — произнёс Предвестник, затем его голос изменился, став выше по тону, очевидно, подражая одному из говорящих.

— Трикси не убеждена, что заблокировать вход было самой хорошей идеей. Что, если плохая пони тоже может телепортироваться?

Затем послышался второй голос. Зонд как бы сдвигал говорящего на задний план, подменяя его слова своими. Но Оливия услышала его совсем по-другому — все её тело напряглось, и она обнаружила, что слегка дрожит. И она его понимала. Голос кобылы, более глубокий и уверенный, чем первый. Говорила она всё так же на эквестрийском, на котором майор понимала ладно если одно слово из двадцати, но почему-то смысл был ясен как божий день.

— Мы ищем пегаску. Но если мы ошибаемся, или если у неё при себе есть зачарованные предметы, то в тот момент, когда она телепортируется, мы это почувствуем и сможем последовать за ней. Я уже разрушила остальные выходы — в конце концов она должна будет пройти тут.

— Второго говорящего не перевожу, Предвестник, — прошептала Оливия совсем тихо. — Я её понимаю.

— Это не согласуется с моими данными о ваших способностях, майор.

Оливия выглянула из-за угла. Она могла видеть последствия боя — ещё больше трупов наёмников, убитых Пересом и Абубакаром при отступлении. Но было и кое-что ещё, отчётливое магическое свечение, мерцающее на стенах. Фиолетовый и синий, слегка смещающийся по спектру, как подсветка в танцевальном клубе.

— Если ты запечатала все входы, почему бы нам просто не пройти прямо туда и не найти её?

Вторая кобыла снова заговорила, и на этот раз зонд переводить не стал. Оливии не показалось — она действительно понимала её слова.

— *Ты бы не хотела видеть, что она сделала, Трикси. Если мы пойдём дальше, то тебе придётся.*

— Прошу обратить внимание, майор. Я не могу подтвердить сказанное в предыдущей фразе. Без сонара...

— Она говорила правду, — прошептала в ответ Оливия. В этом у неё не было никаких сомнений, хотя она и не могла сказать, откуда у неё такая уверенность. Такой голос в принципе не мог лгать, голос, который говорил с такой властью, голос, который мог пробиться сквозь броню и плоть к чему-то, похороненному гораздо глубже. — Другого выхода нет.

У кобылки была только одна здоровая передняя нога, другая была слишком сильно погнута и оплавлена, чтобы быть полезной при стрельбе. Ей придётся стоять неподвижно, ведя огонь. Насколько точным он будет?

Она выскользнула из-за угла, тихо двигаясь в темноте. Ей приходилось шагать лишь изредка, стараясь маскировать шум под отдалённый разговор.

— Ты думаешь, Великая и Могучая Трикси не выдержит, потому что она новенькая? Неужели Старлайт забыла, кто помог отбить вторжение чейнджлингов? Кто помог спасти всю Эквестрию?

Оливия продвинулась ещё чуть-чуть. Ещё немного, и она смогла разглядеть пару пони, подсвеченных внутренним свечением на фоне мрака.

«У них тоже есть силовая броня», — подумала кобылка, подавив вздох, когда наконец их разглядела. Обе кобылы были одеты в потускневший красноватый металл, хотя на нем были выгравированы слабо светящиеся ярко-фиолетовые линии в виде геометрических узоров. Голубоватая единорожка со светло-голубой и белой гривой была без шлема.

Другая всё ещё была в шлеме, который изменил её глаза на светящиеся фиолетовые. В задней части шлема был разрез для гривы, которая парила в воздухе, как будто была инопланетной марионеткой, которую поддерживала невидимая рука.

Не только это — грива не очень-то походила на волосы. Казалось, она каким-то образом преобразилась, превратившись в клочок красновато-коричневого неба. Как будто смотришь в окно на первые лучи рассвета и несколько оставшихся звёзд.

«Или последний всполох света перед наступлением темноты».

В этом свете было что-то умиротворяющее — Оливия знала, что должна игнорировать его, но не могла полностью отрешиться. По какой-то причине тому, кто носил этот шлем, можно было доверять. Пони в нем была олицетворением добра, и все, что противостояло ей, автоматически становилось злом.

— Вы в порядке, майор? — кобылка едва слышала голос Предвестника, но секунду спустя почувствовала резкую боль в боку, которая вывела её из транса. Это было хорошо, так как Оливия успела выйти в коридор, где пони могли заметить её в любой момент. Майор быстро сместилась в сторону, прислонившись к стене. — Я только что ввёл вам дозу лошадиного аналога адреналина. Похоже, вас отравили, но я не могу определить, как именно. Ваш костюм подаёт однозначные сигналы биологической опасности, но в вашей крови ничего нет. Нет, не объясняйте. Они вас услышат.

Майор закрыла рот, подняв винтовку здоровой ногой. Она могла наклониться чуть дальше и попасть в пони без шлема. Она не была уверена, сможет она пробить их броню, но... справиться с одной пони, вооружённой технологиями, которые она не понимала, было бы легче, чем с двумя.

И всё же Оливия колебалась, опустив винтовку на несколько градусов.

«О чём я думаю? Что эти пони мне сделали?»

Она снова взглянула на голубую. Это было всё равно, что смотреть на ребёнка.

Эти пони не были работоторговцами, они даже не были злыми. Они работали на врага.

«Но мне не нужно их убивать. Я не могу. Это было бы неправильно».

Она почувствовала ещё один укол в шею, немного более болезненный, чем предыдущий.

— Так лучше, майор? Кивните, в случае согласия, не говорите.

Оливия кивнула, прежде чем вернуть винтовку за спину. Ствол сложился, и металлический зажим поднялся, чтобы захватить оружие. Достаточно громко, чтобы обе пони, преграждавшие путь, посмотрели в её сторону.

Голубая наклонилась, мгновение сражаясь со своим шлемом, прежде чем другая помогла ей закрепить его. В тот момент, когда она это сделала, обычная грива преобразилась, став такой же, как первая, светящаяся темно-фиолетовым и темно-красным и колышущаяся на том же невидимом ветру.

— *Кто там? Великая и Могучая Трикси предупреждает всех злодеев, что они столкнулись с героиней Эквестрии! О, и её подругой.*

Оливия теперь могла понять и её.

«Я отказываюсь убивать тебя».

Она почувствовала ещё один укол, и на этот раз боли было достаточно, чтобы заставить кобылку резко вдохнуть.

— Прекрати это делать! — прошептала она, хотя и недостаточно тихо, чтобы пони её не услышали.

— Мои возможности ограничены, майор, — ответил Предвестник. — Я уверен, что вы находитесь под влиянием непонятной природы. Я найду способ освободить вас. Оставайтесь в живых.

Оливия вышла на открытое место и медленно направилась в сторону пони. Она сильно хромала, стараясь как можно сильнее преувеличить повреждения брони.

— *Что здесь произошло?*

Как и прежде, Оливия не слышала эквестрийского, или ей казалось, что она его не слышала. Английский был безупречен, с лёгким южным акцентом, который сама майор старательно пыталась изгнать из речи.

Кобылка остановилась примерно в пяти метрах от них. Она могла чувствовать энергию, исходящую от этих пони — ощущение, не имеющее аналогов для людей. Стоять рядом с работающим генератором Ван де Граафа было совсем не так, от этого у неё не вставали дыбом волосы. Это, скорее, было похоже на невидимый уклон пола, тянущий вниз к двум пони. Их броня, как ни странно, была намного мощнее, чем её.

— Тут встретила пара монстров. Один предал другого, желая поработить его, — Оливия повернулась, подняла пару ржавых кандалов с повозки рядом с ней и бросила их к ногам пони. — Вы видите цепи.

— *Это согласуется с последними сообщениями из Драгон Фоли*, — согласилась пони, её грива, всё ещё искрясь, колыхалась позади неё, как будто она находилась под водой. — *Но не объясняет этого*.

Она указала на мёртвые тела на полу позади Оливии. По крайней мере, она предположила, что пони указывала именно на них.

Оливия не могла видеть глаз, но ей почудилось что-то похожее на сочувствие в поведении пони.

«Она уже сражалась с подобными монстрами раньше. Как и я».

— Один предложил милосердие, но ему было отказано. Сальвадор послал своих солдат, затем своего дракона. Они умерли.

Могли они не заметить подпалины на её броне, царапины и повреждение? Вероятно, нет, даже в темноте.

«Не то чтобы я думала, что смогу их обмануть».

— *Подожди минутку!* — сказала та, которая, как знала Оливия, была голубой. — *Она говорит о себе в третьем лице!*

Пони стукнула копытом по полу, и от удара в разные стороны полетели мелкие осколки.

Другая пони повернулась, чтобы посмотреть на свою спутницу.

— *Я так рада, что ты со мной, Трикси. Я бы никогда не смогла понять этого сама.*

— Я не понимаю, — произнёс Предвестник в гарнитуре, теперь уже явно паникуя. — Вы не говорите на эквестрийском. Они не должны быть в состоянии понять вас. Я советую вам прекратить этот разговор как можно скорее, майор. Вашему экзоскелету не хватает медицинского интерфейса, чтобы я мог вам помочь.

— Ты, кажется, почти беспокоишься за меня, — прошептала Оливия. — Я не знала, что машина может чувствовать.

Пони, похоже, синтезированный голос не слышали, но её ответ точно не пропустили. Даже если их броня не усиливала органы чувств, как её, сейчас они были достаточно близко.

— *Нас вызвали по поводу пони со странной магией*, — начала вторая пони, которую звали не Трикси. — *У нас есть основания полагать, что эта пони может скрываться от эквестрийского правосудия. Та, кто способна похитить члена королевской семьи, и...*

Кобыла посмотрела мимо Оливии на тела в коридоре.

— *Она была известна под именем Лаки Брейк. Это ты?*

— Нет, — ответила майор, хотя это было не то, что она хотела сказать.

Пони, которую звали не Трикси, направилась к ней по коридору, двигаясь медленно и опасно как хищник. Сможет ли она сразиться с кем-то подобным?

«Я упустила свой шанс победить их, когда не стала никого из них убивать».

Но это не означало, что Оливия всё равно не попытается сбежать. Ей, возможно, и не нравилась эта лошадиная жизнь, но она зашла уже далеко. Она будет жить, если не из желания, то из злобы. И если она потерпит неудачу, если они схватят её и начнут допрашивать, что ж...

Хорошо, что Предвестник так быстро завершил изготовление стоматологического модуля.

— Ты представляешь опасность для тех, кто живёт за пределами Эквестрии. У них нет оружия, чтобы защититься от такой, как ты. Не имеет значения, считаешь ли ты свои действия оправданными или нет. Принцесса Твайлайт Спаркл поможет тебе — как она уже помогла нам. Ты сложишь все оружие, которое у тебя есть, и пойдёшь с нами.

Оливия почти подчинилась. Голос был таким уверенным, таким поддерживающим. Он не возлагал на неё ответственности за все отнятые жизни. Голос лишь хотел помочь ей. Может быть, он смог бы убрать воспоминания, которые майор повторно пережила в логове Сальвадора. Жаль, что сканирование запечатлело её воспоминания о Поясе с такими подробностями.

Может быть, если бы дело касалось только её самой, Оливия подчинилась бы. Но если её пленят, есть шанс, что эти пони смогут использовать то, что они узнают, чтобы навредить Отару. Майор не могла позволить умереть тем, кого она защищала. Рефлексы, похороненные глубоко в сознании Оливии, включились как лампа, рефлексы погребённые под слоями наркотического дурмана и почти пыток. Она ведёт себя иррационально. У неё нет было причин подчиняться этим пони, и были все причины сопротивляться. Она сбежит.

Майор потянулась за спину, перехватив винтовку здоровой ногой, и прислонила раненую к стене. Ствол со щелчком встал на место, и обе враждебных пони остановились.

— Не пойду, — пробормотала Оливия. — Я не хочу вредить никому из вас. Пожалуйста, уйдите с моего пути. Мы просто можем вернуться домой, притворившись, что никогда не встречались. Никто не пострадает.

Сальвадор и его наёмники, казалось, не узнали оружие, когда его увидели. Эти пони мгновенно сосредоточились на винтовке. Воздух перед первой слабо мерцал голубоватым светом, образуя широкую сферу.

— Должен ли я вызвать остальных к вам на помощь, майор? Возможно, лейтенант Перес и сержант Абубакар смогут добраться до вашей позиции вовремя. Им пришлось бы оставить свой живой груз в городе, но...

— Нет, — тихо ответила Оливия. — Готовь эвакуацию, но не начинай её, пока я не выберусь на поверхность.

— С кем она разговаривает? — спросила Трикси. — Старлайт, я думаю, что эта пони сумасшедшая. Более сумасшедшая, чем пони, которых мы обычно притаскиваем. Ну, обычно ты притаскиваешь.

— Если меня пленят, расплавь системы экзоскелета, — приказала майор, не заботясь о том, что её могут услышать. — Не пытайся спасти меня.

Я... позабочусь о том, чтобы спасти было некого.

— Ты пойдёшь с нами, — повторила первая пони, по-видимому, Старлайт. — Ты не будешь сопротивляться.

— Команда принята, — ответил Предвестник словно через силу. — Я не вижу, как вооружены ваши противники, но с вашим нынешним психическим состоянием, не думаю, что ваши шансы на успех высоки. Я не могу вколоть вам больше адреналина.

На этот раз Оливия почувствовала, как странная мягкость снова проникает в голову, и сознательно оттолкнула её. Её не заставят делать то, чего она не хочет, независимо от того, какие пытки они применяют.

Оливия прицелилась в центр тела пони из винтовки и открыла огонь быстрыми очередями. В ушах звенело от каждого выстрела, на мгновение оглушая. Однако воздействие на противника было всё же не настолько впечатляющим, как майор надеялась.

Вместо того, чтобы рассеяться, воздух вокруг пони озарился светящейся оболочкой, ярко вспыхивающей с каждым попаданием, прежде чем снова погаснуть до тусклого свечения. Оливия продолжала стрелять, не обращая внимания на звон в ушах, и лишь увеличила темп стрельбы. Так быстро, как только могла, она дёрнула копытом, посылая пули всегда в одно и то же место.

Оболочка сияла непрерывно, почти ослепляя. Вроде казалось, что там появились трещины.

«Мне нужно оружие побольше. Что-то полностью автоматическое, возможно, с бронебойными патронами».

Сейчас были заряжены обычные, так как предполагалось, что у местных нет технологий изготовления продвинутой брони. Ну, предположения не оправдались.

Винтовка щёлкнула, магазин опустел. Оливии пришлось опустить её, потянувшись за запасным, закреплённым на боку брони. Вот тогда-то враг и атаковал.

Пони преодолела расстояние так быстро, что майор едва заметила движение, врезавшись в неё достаточно сильно, чтобы выбить воздух из лёгких. Достаточно сильно, чтобы переломать кости, если бы не броня. Бронепластины на груди и плече всё равно прогнулись в месте удара, после чего пони дёрнула её за ногу. Дёрнула так сильно, что вся секция брони оторвалась, оставляя за собой искрящиеся провода и хлещущую гидравлическую жидкость.

Оливия закричала, хотя боль исходила из стольких разных мест одновременно, что она не могла определить какой-либо конкретный источник. Кобылка рухнула на землю, не в силах выдержать собственный вес, так как обе передние ноги экзоскелета были повреждены. Её броня протестующе заискрила, и майор почувствовала, как по спине разливается жар. Последовала вспышка яркого света, которая, как Оливия знала, была термитным зарядом, встроенным в блок управления. Ровно столько, чтобы выжечь все полезное внутри и не позволить врагу восстановить костюм или то, что в нем находилось.

Ну, за исключением её самой. Оливия сердито посмотрела на пони, сплёвывая кровь себе под копыта.

— Я... я... могла убить твою подругу. Я этого не сделала.

Она стиснула зубами капсулу с ядом, а затем проглотила. К её удивлению, оказалось, что яд был странно сладким на вкус.

Пони по имени Старлайт остановилась над ней, отбросив винтовку ногой. Все остальные предметы на броне Оливии тоже отлетели в сторону — пистолет, все запасные магазины, нож и рация. Все это рухнуло кучей на пол.

— *Мне жаль, что мне пришлось так сильно ранить тебя,* — сказала Старлайт. — *Мы вылечим тебя, как только вернёмся в Понивилль. Все твои раны, не только физические. И если ты при этом научишься чему-нибудь полезному, потом расскажешь об этом нам.*

Оливия не смогла удержаться и рассмеялась. Она уже чувствовала, как яд начинает действовать. Мышцы покалывало по всему телу, а лицо слегка подёргивалось, и ей не удавалось сдерживать это. Ходили слухи, что таблетки для самоубийства действуют за считанные секунды, но это был киношный штамп. На самом деле срок действия был где-то между одной и двумя минутами.

«Хотя, вероятно, для меня это будет быстрее. Я лошадь, а мы весим не так много».

— Я могла бы убить вас и скрыться, — произнесла Оливия. — Но это было давно. Я устала сражаться.

Становилось труднее дышать, труднее думать. Все должно было начать темнеть.

Но потом случилось то, чего не должно было случиться. Оливию начало рвать, её тело извивалось в конвульсиях. Не только содержимое желудка, но и желчь, выходила волна за волной. Часть рвотных масс попала в лёгкие, и внезапно стало ещё труднее дышать, все тело пронзила боль.

«Это неправильно! Это должно было отключить мой мозг! Это должно быть безболезненно!»

Обе пони приблизились, столпившись вокруг неё.

Ещё одна мысль пришла в голову майора, ещё более ужасная, чем агония, которую она испытывала.

«У нас не было времени протестировать формулу яда. Что, если он не может убить пони?»

— *Я не знаю, что я сделала!* — услышала она ответ Старлайт, хотя и не слышала самого вопроса. Слова пробивались сквозь агонию. — *В Понивилль, немедленно! Мы доставим её в больницу!*

Всё стало белым.

* * *

Лаки Брейк не стала надевать гарнитуру, наблюдая за лётным шоу «Штормвингов». Одним из маленьких преимуществ лингвистической специализации было то, что она могла без малейших усилий слушать и понимать как пони, так и бывших людей. Кроме того, они пришли сюда для того, чтобы смотреть, а не слушать.

Выступление было настоящим шоу. Лайтнинг Даст не раз рассказывала кобылке о лётных шоу, но увидеть их самостоятельно ей не выпадала возможность. Кристальная Империя была в основном городом кристальных

пони, отсюда, собственно, и происходило название. А те шоу, которые проводились, всегда были с участием Вандерболтов. Даст не желала тратить и так скудные сбережения на них. А Стормшир был слишком мал и удалён от цивилизации, чтобы представлять какой-либо интерес.

И тут были не только пони. Лишь около половины участников были пегасами, и они использовали свою магию, чтобы заряжать воздух или образовывать светящиеся инверсионные следы разных цветов, чтобы впечатлить публику. Но в большинстве случаев шоу было набором акробатических номеров. Теперь, когда Лаки знала о трудностях полётов, она могла сопереживать спортсменам и была должным образом поражена затраченными ими усилиями.

Так что она сидела между Лайтнинг Даст и Мартин, ела что-то жаренное во фритюре и не думала ни о чём важном. Не имело значения, что за ней охотились, или что весь Отар может быть уничтожен. На данный момент были только она, закуски и шоу.

— А эти пони очень даже, — говорила кобылке на ухо Лайтнинг Даст. — Но если ты хочешь увидеть что-то действительно впечатляющее, то нужно отправляться в Клаудсдейл. Когда все вокруг состоит из облаков, это значительно расширяет возможности для шоу. Думаю, у них здесь недостаточно пегасов, чтобы все правильно оформить.

Седельная сумка Лаки начала вибрировать. Они купили самые дешёвые места, расположенных в самом низу стадиона, где им приходилось задира́ть головы, чтобы хоть что-то разглядеть. Но тем не менее они тут были не в одиночестве. Лаки передвинула сумку вперёд и открыла её. Вибрировал вычислительный терминал, гремя остальным содержимым сумки. Кобылка прикоснулась к нему, пытаясь заставить замолчать, но вибрация только усилилась.

Лаки неохотно наклонилась, достаточно, чтобы рассмотреть экран, ткнуть в правильное место и отключить его. Но вместо привычного интерфейса на весь экран был выведен жирный текст, мигающий ярко-красным.

НЕМЕДЛЕННО НАДЕНЬТЕ ГАРНИТУРУ, ДОКТОР ДЖЕЙМС ИРВИН.
ВАШИ ЖИЗНИ В СЕРЬЕЗНОЙ ОПАСНОСТИ.

Конечно, зонд мог бы включить динамики терминала и передать сообщение голосом. Но в таком случае это, безусловно, привлекло бы внимание окружающих. Лаки немедленно повиновалась, сунув копыто в сумку в поисках гарнитуры.

— Смотри внимательнее, Лаки! — Лайтнинг Даст вскочила на ноги. — Они готовятся к финалу. Ты не захочешь пропустить это!

Кобылка нашла гарнитуру, подняла ногу, чтобы надеть её и поправила капюшон робы, чтобы скрыть устройство. Она сделала вид, что смотрит вверх, хотя на самом деле внимательно слушала.

Как Лаки и ожидала, в наушниках сразу же раздался голос Предвестника. Это было единственное, что было ожидаемо. Нельзя было не заметить, что в голосе зонда звучало беспокойство, настойчивость и страх. И это совсем не было похоже на имитацию эмоций.

— Майор Оливия Фишер мертва. Агенты из Эквестрии находятся в городе и могут знать о вашем присутствии.

Лаки слабо пискнула от боли и недоверия, даже не пытаясь притвориться, что смотрит на небо. Пони наверху могли двигать солнце, и она бы этого не заметила.

— Ч-что? — прошептала кобылка, опустив голову, когда толпа разразилась ещё одним взрывом аплодисментов.

Предвестник не ответил на вопрос.

— Я послал Уильямс и Могилу за другими командами, но я не доверяю их способности ориентироваться в вашем текущем местоположении. Им не хватает такта или понимания местной культуры. Вместо этого я отправил за вами летательный аппарат. Он бы уже прибыл, если бы не риск случайно убить одного из выступающих. Не покидайте вашего текущего местоположения после завершения шоу.

— Оливия... мертва... — Лаки повторила эти слова тихим шёпотом, чувствуя, как на неё снова обрушивается весь груз ответственности. Что она делала, наблюдая за этим шоу и притворяясь, что она пони и что все в порядке? Мир не стал притворяться вместе с ней, и теперь кто-то был мёртв. — Как?

— Позже, — ответил зонд. — Вы встретитесь с «Циклопом», как только я буду уверен, что защитные системы кольца Земля вас не отслеживают. Я не потеряю все свои органические сегменты одновременно.

Сверху раздался взрыв, и Лаки немедленно съёжилась. Стадион шумел, сотрясая её до самых костей. Но, очевидно, это была не эквестрийская поисковая команда. Просто кульминация шоу, когда пони пролетали через несколько колец, в то время как грифоны бросали между ними ярко горящие факелы. Толпа зааплодировала, топая копытами в знак признательности. Даже Мартин присоединилась к ним.

Лаки не испытывала ни малейшего возбуждения. Она лишь смотрела широко раскрытыми пустыми глазами. Кобылка едва заметила, что мероприятие завершилось, и пони над ними начали выбираться со своих мест. Мартин и Даст тоже встали, чтобы последовать за ними, когда наконец заговорила Лаки.

— Подождите, мы не можем уйти.

Обе кобылы обернулись с одинаковым выражением замешательства. Хотя говорить начала Даст.

— Все закончилось, Лаки. Они не вернутся. Если ты пропустила...

Кобылка откинула капюшон, чтобы они могли видеть гарнитуру, надетую на оба её уха. Любой пони, наблюдающий за ними, тоже смог бы её увидеть, хотя с новостями, которые Лаки только что услышала, её это абсолютно не беспокоило.

— Мы должны оставаться здесь, — снова сказала она, на этот раз по-английски.

Лайтнинг Даст, похоже, не совсем поняла сказанное, но, по крайней мере, она больше не пыталась уйти.

— Что-то не так?

Лаки кивнула. Она попыталась ответить, но прорвались только прерывистые рыдания. Кобылка с трудом слотнула.

— Всё плохо. Очень плохо, — вот и всё, что она смогла сказать.

— Эвакуация в пути, — произнёс Предвестник в гарнитуре тем же обеспокоенным тоном, как и раньше. — Когда транспорт прибудет, поднимайтесь на борт как можно быстрее. Вы с таким раньше не сталкивались, это не джампер как было раньше. Всё, что сейчас имеет значение — это сложность его обнаружения.

— Э-эвакуационный транспорт скоро будет, — повторила Лаки, обнаружив, что на этот раз слова даются ей немного легче. Пока она сосредоточена на настоящем, а не на том, что произошло.

«Мы должны выжить. Я могу поплакать позже».

— Прямо сюда? — на этот раз заговорила Мартин, в её голосе слышалось замешательство. — Наша тележка осталась снаружи. И мой телескоп там. Я должна сходить и забрать его.

— НЕТ! — Лаки и зонд воскликнули одновременно.

Предвестник говорил ей в ухо и, будучи слишком шокированной, чтобы сформулировать собственные слова, кобылка просто просто повторяла то, что слышала:

— Приоритеты миссии изменились. Другая команда собрала достаточно образцов для создания лекарства. Если тебе нужен телескоп, я тебе его сделаю.

— Ты сделаешь? — Мартин на секунду нахмурилась, пока на её лице не появилось понимание. — А, Предвестник. Надо же, и с чего это вдруг? Надеюсь, что ты и правда так поступишь.

Мартин не понимала, что происходит, но Лаки всё равно хотелось её ударить.

Лайтнинг Даст, однако, знала свою дочь лучше. Пегаска распознала её состояние и перешла от замешательства к тщательному отслеживанию всего окружающего.

Стадион к тому времени почти опустел, каменные скамейки, недавно забитые битком, теперь были завалены мусором. Бригада уборщиков приступила к работе на противоположной стороне, и, казалось, как минимум один из сотрудников приближался к ним.

— Эй! — крикнул один из них на эквестрийском с сильным акцентом. — Шоу окончено, вы должны уходить!

Лайтнинг Даст сделала шаг в его сторону.

— Что? — пегаска сделала несколько невнятных жестов крыльями. — Я тебя не понимаю. Что?

«Хорошая мысль, мам. Ещё немного».

— ВАМ НУЖНО ИДТИ! — раздался крик. — Мы должны привести все в порядок к следующему шоу! Если вы хотите его посмотреть, вам придётся купить новые билеты!

Двуногий пёс уже преодолел половину расстояния между ними, и его могучие лапы выглядели достаточно толстыми, чтобы просто выкинуть пони.

Внезапно в воздухе над ними раздался рёв, такой же громкий, как и во время трюков во время шоу. Алмазный пёс-вышибала даже остановился и оглянулся, хотя смотреть было не на что. Даже глаза Лаки распахнулись, когда она взглянула вверх, высматривая, что могло шуметь.

Даже прищурившись, кобылка не смогла разглядеть ничего, кроме лёгкого мерцания. Тем не менее она почувствовала, как порыв тёплого воздуха заставил разлететься мусор со всего стадиона. За исключением точки прямо перед ними, на высоте нескольких метров. Там вырисовывался контур, примерно такого же размера, как джампер, но более тонкий и изящный.

Распахнулся дверной проем, ведущий в тёмное помещение с креслами, предназначенными для пони. Больше похоже на роскошный лимузин, чем на футуристический самолёт.

— Черт возьми, это какая-то система маскировки, — пробормотала Мартин, глядя вверх с отвисшей челюстью. — Я и не знала, что наша активная маскировка так хороша.

— Немедленно поднимайтесь на борт! — прокричал в ухо кобылки зонд.

Лаки взлетела, и Даст присоединилась к ней в воздухе, покалебавшись всего несколько секунд. Мартин не могла взлететь без разбега, но это не имело значения. Вдвоём они сумели поднять её примерно на три метра и закинуть в открытый дверной проем. Последним, что Лаки увидела снаружи, было изумление на морде алмазного пса, прежде чем металлическая дверь закрылась, и они начали движение.

Несколько секунд Лаки оставалась там, где упала, на полу в центре салона, медленно дыша. Как будто её натурально избили. Летательный аппарат двигался достаточно плавно, чтобы она не чувствовала тошноты, да и по полу её не катало.

Если бы кобылка не была так ошеломлена, она могла бы поинтересоваться, специально ли он так медленно летит, чтобы избежать обнаружения системами кольца. Но прямо сейчас ей было всё равно.

— Драгон Фоли успешно покинут. «Циклоп» движется в режиме бесшумного хода, так что пройдёт, по крайней мере, несколько часов, пока он не удалится на достаточное расстояние от города, прежде чем я сочту вашу встречу безопасной. До этого времени вам придётся оставаться на борту «Рейкона».

— Что это, пони Предвестник? — Лайтнинг Даст прошла мимо Лаки, от одного конца летательного аппарата до другого. Там был крошечный бар — на уровне их глаз, с холодильником и зоной для приготовления пищи. Даст распахнула единственную дверь в задней части салона, но там оказался лишь крошечный туалет. Не было ни кабины пилота, ни доступа к двигателю, ничего. — Это как тот летучий корабль, что разбился?

Зонд ответил на эквестрийском. И снова в его тоне не осталось и следа былого безразличия. Голос звучал будто они общались с кем-то другим, кто немного гордился своим новым кораблём и, возможно, немного нервничал. И там было целое подводное течение отчаяния, как и у самой Лаки.

— Он называется «Рейкон». Этот аппарат не такой быстрый как джампер, на котором вы летали ранее, Лайтнинг Даст. Это гражданская модель, поэтому комфорт пассажиров в большем приоритете.

— Я не понимаю, — пробормотала Мартин, забираясь в кресло. Сиденья, сделанные для пони, были похожи на те, что Лаки видела в Эквестрии — подушки с мягкими спинками на нужном расстоянии, чтобы можно было удобно сидеть откинувшись. — Чего такого важного случилось, что мы не смогли завершить нашу миссию, Предвестник? Мы могли бы спокойно вернуться на «Циклоп» после окончания шоу.

Ремни безопасности даже отдалённо не напоминали те, что были на человеческих кораблях — эти скорее походили на удерживающие устройства американских горок, большие мягкие перекладки, которые поднялись сбоку, как только Мартин села, но так же быстро убрались, когда она снова встала.

— Я счёл, что город больше не является безопасным для вас, доктор Фарадей. Миссия майора Фишера увенчалась успехом, но с неприемлемыми потерями. Оливия была убита.

Лаки никогда не слышала такого горя в синтезированном голосе — и это стало последней каплей. Она тоже начала плакать.

Майор была идиоткой — она похитила пони, который был бы просто счастлив сотрудничать. По словам клона, Оливия завела в тупик научный прогресс всего Отара своими милитаристскими решениями.

Но Лаки было плевать. Оливия была первым человеком, которого она встретила на кольце. Не первым дружелюбным существом, которое она встретила, но одной из первых. Оливия обещала защитить её, и она всегда выполняла свои обещания. Чего бы это ни стоило.

— Ты уверен? — Лаки поймала себя на том, что спрашивает сквозь слезы. Она вспомнила кое-что, о чём спросила сама майор, когда ей рассказали о Карл. — Если мы не можем найти её тело, значит, она не умерла.

Однако слезы это не остановило. Даже если ни Лайтнинг Даст, ни Мартин, казалось, не разделяли чувств кобылки.

Её мама выглядела сбитой с толку, пегаска открывала и закрывала рот, не произнося ни слова. А Мартин? Учёная выглядела озадаченной. На её лице не было ничего — ни боли, ни гнева, ни недоверия, ни даже облегчения.

— Я почти уверен, — в конце концов сообщил зонд. — Основываясь на предыдущих взаимодействиях с нейрослепком майора Оливии Фишер, я экстраполирую более чем 98 % вероятность того, что она покончила с собой, чтобы предотвратить захват противником, который, по моему мнению, мог бы извлечь из неё информацию против её воли, в случае если бы она осталась в живых. Майор устно подтвердила своё намерение покончить с собой до того, как её захватили.

Предвестник не стал продолжать.

Лаки наконец встала, прошлась по салону, села и снова поднялась. Она не могла оставаться на месте.

«Что мы будем делать без Оливии?»

— Как? — наконец спросила Мартин. — Я видела её на тренировочном полигоне — майор была лучшим солдатом на свете. Вот почему она назначена главной, верно? Вот почему ты выбрал её слепок, а не чей-то ещё! Это не могло быть из-за того, что она была лучшим дипломатом или лучшим лидером...

— Я тоже хочу знать, — добавила Лаки. — Даже если ты уверен. Я хочу знать, как она погибла.

И зонд рассказал. И совсем не как солдат, делящийся информацией, тщательно обдумывая каждое слово и рассказывая только то, что, по его мнению, они должны знать. Предвестник говорил открыто. И начал с объяснения того, что их миссия по сбору образцов была фиктивной — больше генетических образцов позволило бы им увеличить разнообразие жителей Отара, но не могло помочь с поиском лекарства.

— Органеллы, которые, как надеялись доктор Борн и я, приведут к исцелению, присутствуют только в живой ткани. Они являются одними из первых частей клетки, распадающихся после смерти индивидуума. У каждого индивидуума, по-видимому, существует штамм, уникальный не только для его вида, но и для его конкретного генома. Доктор Борн уже пыталась изучить механизмы, присутствующие в растениях и животных вокруг Отара, но безуспешно. Поэтому нам нужны были образцы, взятые у живых пони, по крайней мере, по одному от каждого племени.

Зонд объяснил, как Оливия намеревалась купить кровь у преступника в Драгон Фоли. Как её команду предали, а майор осталась, чтобы двое других солдат и четверо рабов смогли скрыться. Рассказал о том, как она сражалась и победила многих наёмников, но в конце прибыли агенты из Эквестрии.

Только тогда Предвестник перешёл на эквестрийский.

— Их называли «кошмары». Ты слышала о чём-нибудь подобном, Лайтинг Даст?

Кобыла-пегас неловко поёжилась, оглянувшись через плечо. Как будто она думала, что за ней наблюдают. Лаки никогда раньше не слышала этого термина.

В конце концов, Даст кивнула, хотя и ответила Лаки, а не зонду.

— Когда я была в тюрьме, — сказала она очень тихо. — Я провела там всего несколько дней, ожидая рассмотрения моего дела. Но... Я слышала несколько историй. Все, что я знаю, это то, что они подчиняются непосредственно принцессам. Луна раньше была главной, но теперь, мне кажется, ими в основном занимается Твайлайт Спаркл.

Пегаска рассмеялась с горечью в голосе.

— Если вы можете в это поверить, ходили слухи, что «Гвардия Найтмэр», как их официально называют, теряет хватку. При Луне они... — Даст вздрогнула. — Ну, Твайлайт думала, что она слишком хороша для этого. Ей нравилось перевоспитывать пони. Наверное, думала, что она лучше Луны. Или, может быть, её не так сильно заботит правосудие.

— Это согласуется с поведением, которое я наблюдал, — ответил зонд, прежде чем снова перейти на английский. — Команда агентов состояла из двух пони, снаряжённых оружием и магией, о которых я не знал. Само нахождение рядом с ними, по-видимому, ухудшало мыслительные способности Оливии так, как я раньше никогда не наблюдал. Она не смогла противостоять им и приказала мне уничтожить броню, как только станет известен результат. Это было, когда она...

Долгое молчание.

— Когда, я считаю, она попыталась покончить с собой. Скорее всего, с использованием пистолета, поскольку я предполагаю, что майор хотела получить более надёжный результат, чем ещё не протестированный зубной имплант, который у неё был.

— Что он сказал? — наконец спросила Лайтнинг Даст. Вероятно, она никогда раньше не видела такого отчаяния на лице Лаки.

Кобылка рассказала так быстро, как только могла, не вдаваясь в начальные подробности. Из того, как Лаки это сформулировала, у Лайтнинг Даст могло сложиться впечатление, что Оливия отправилась спасать рабов только потому, что узнала об их существовании. Но Лаки не очень хотелось плохо отзываться о мёртвых, даже если они этого заслуживали.

У Даст не было возможности ответить. Предвестник снова заговорил, и в его голосе звучало нежелание говорить:

— Лаки Брейк, я знаю, что ваше психологическое состояние ещё не восстановилось и, возможно, не восстановится в течение некоторого времени. Однако есть ещё один вопрос, требующий срочного внимания. Назначенное время для сеанса связи с принцессой Твайлайт Спаркл наступило. Я уже регистрирую её сигнал. Если вы хотите с ней связаться, вы должны сделать это сейчас.

Лаки хотелось закричать или, может быть, что-нибудь сломать. Вместо этого она выпрямилась, вытерев слезы тыльной стороной ноги. Она медленно отошла от своей мамы, которая теперь выглядела такой же потрясённой, как и она сама, и Мартин, всё ещё бледной и неподвижной.

Она шла, пока не дошла до конца салона и не увидела консоль, вмонтированную в стену. Вероятно, она могла бы поговорить с Твайлайт откуда угодно — тут, очевидно, были микрофоны. Но она всё равно выбрала консоль.

— Хорошо, Предвестник. Я... Я готова. Ты можешь сказать Могиле, чтобы он подключал меня.

Несмотря на громадные пропорции «Циклопа», в нем было очень мало больших помещений. Смотровая площадка была самым крупным, и даже там с трудом поместилось бы двадцать человек. Именно туда все и отправились, а грубые подчинённые Оливии ничего не объясняли и практически тащили Мелоди вместе с остальной частью их группы.

— Я не понимаю, — повторил Дэдлайт, когда они шли по коридорам. — Лучшие моменты фестиваля караванов происходят ночью! Мы не должны уплывать сейчас.

Они ввалились на обзорную палубу как раз в тот момент, когда подводная лодка начала погружаться. Никаких мер предосторожности, никакого медленного выхода в море, чтобы выглядело так, словно виниловая обложка уплыла. «Циклоп» просто провалился вниз, забрав с собой маскировку и, вероятно, вызвав настоящий переполох в доках.

Но это было не единственное, что заметила Мелоди, когда они вошли. Первое, что бросилось в глаза — четверо истощённых пони, которые уже находились тут, забившись в угол подальше от всех остальных, как будто они боялись побоев.

— Это ещё что за херня? — спросила Дороти, очевидно, думая именно о том же, что и Мелоди. Новые пони щеголяли ржавыми кандалами на некоторых конечностях и тащили за собой цепи.

У Абубакара был при себе сварочный резак, но пони явно не позволяли ему приблизиться. Невозможно было сказать, как долго они уже тут.

— Мы спасли нескольких рабов, — пояснил солдат. — Возможно, вы сможете убедить их, что у нас самые добрые намерения. Я бы хотел снять с них кандалы, но они заржавели и закрыты. У некоторых также есть незначительные инфекции и раны, которые следует обработать.

Группы Лаки нигде не было видно, как и Оливии. Перес тоже отсутствовал, но Мелоди слышала, как он кричал в глубине коридора. Спорит с Оливией? Нет, он слишком уважал субординацию. Вероятно, с Предвестником.

Все тело Дэдлайта напряглось. Мелоди почувствовала это и видела, как жеребец в ярости направился к Абубакару, топая по палубе.

— Я сказал Вэйфайндер держаться подальше от Сальвадора. Она проигнорировала меня, да? — он махнул хвостом в сторону рабов. — Вы втянули в это дело Орду. Вот почему мы убегаем из города — она нажила врагов, чтобы спасти этих четверых пони.

— Да, — ответил Абубакар, используя гарнитуру, чтобы зонд переводил для него. — Это не вся правда, но да, это её часть. Мелоди, ты поможешь этим пони? Я думаю, требуется деликатное отношение. Больше, чем я могу им дать.

— Конечно.

Мелоди бросила свои седельные сумки на пол, там где стояла. Дороти, явно раздосадованная тем, что её обед прервали на середине, подошла к автомату с едой и начала накладывать себе порцию.

«По крайней мере, у тебя есть семена. У меня не было и доли того времени, которое я хотела провести с местными».

— Подожди, а как насчёт другой меня? Мы же не оставили моего клона там?

— Нет, — ответил Могила из-за спины пегаски. И он, и другой солдат (Уильямс, вроде как) всё ещё держали оружие наготове, заняв позицию в задней части комнаты, как будто в любой момент ожидали нападения. — Её группа была слишком далеко от доков, поэтому Предвестник отправил воздушный транспорт. Они встретят нас дальше в море.

Решив насущные вопросы, Мелоди сосредоточилась на бывших рабах. Все четверо выглядели примерно одного возраста, может быть, на несколько лет старше её клона, не совсем взрослые.

«Интересно, не пришли ли вы из какого-нибудь понячьего эквивалента собачьего питомника?»

Там были два земных пони и два единорога, два жеребца и две кобылы.

«Странные цифры. Полагаю, вы были чьим-то подарком самому себе на фестиваль караванов, да?»

Мелоди не стала подходить вплотную, но приблизилась ближе, чем Абубакар. Встав примерно в трёх метрах от пони, отгородив их от всех остальных в помещении.

— Дэдлайт, принеси мне немного зерна из раздатчика. Я знаю, что оно не сильно хорошее, но...

— Сейчас.

Пегаска посмотрела вперёд, выбирая самого храброго на вид из всей компании. Земнопони-жеребец, единственный, кто оторвал взгляд от пола более чем на несколько секунд.

— Привет, — произнесла Мелоди самым нежным тоном, на который была способна. — Ты меня понимаешь?

Пауза.

— Не думаю, что они говорят на эквестрийском, — сказал Абубакар сзади. — Я уже пытался.

Едва солдат закончил говорить, как жеребец кивнул. Он несколько раз открыл рот, но все, что он говорил, было так тихо, что Мелоди не могла разобрать ни слова.

— Дайте нам немного пространства, — пегаска повернулась, свирепо глядя на всех остальных в комнате. — Сядьте за столы. Мистер Абубакар, уберите резак. Это может занять некоторое время.

К её удивлению, все подчинились, заняв места у столов возле дальней стены. Предвестник начал что-то говорить им, но достаточно тихо, так что Мелоди не могла разобрать слов. Какое-то обновление целей миссии? Как бы то ни было, они с этим справятся. У Мелоди и без того было о чём беспокоиться.

Дэдлайт принёс большую миску, полную дроблёного зерна, и поставил на палубу рядом с копытами пегаски. Выглядела еда ужасно, но химически усиленный вкус с лихвой компенсировал неприглядный внешний вид. Пахло не так хорошо, как некоторые вещи, которые Мелоди нюхала в Драгон Фоли, но лучше, чем ничего. Вероятно, значительно лучше, чем-то чем кормили этих рабов.

«Нет. Бывших рабов».

— У меня есть немного еды для вас, — сказала пегаска, и в тот же миг все четверо уставились на неё. — Смотрите, это безопасно.

Она опустила голову к миске, подхватила приличный кусок и задумчиво прожевала.

— Видите? Безопасно. Для вас.

Она подняла миску зубами, протягивая её пони. Поначалу все отступали, но не надолго. С первого взгляда было очевидно, что им не давали достаточно еды. Тот же жеребец, который что-то ей отвечал, вышел вперёд и потянулся за миской. Мелоди отпустила её и жеребец попятился обратно.

— Джеймс! — Это была Дороти, которая теперь стояла рядом с остальными. — Джеймс, ты должна это услышать. Прямо сейчас.

Мелоди в этом сомневалась, но всё равно подошла. Бывшие рабы, вероятно, захотят поесть в тишине, но она всё ещё чувствовала разочарование из-за того, что её прервали. Что может быть важнее, чем помощь явно пострадавшим пони?

Её разочарование исчезло, когда она увидела выражения их лиц. Даже крепкие и хладнокровные солдаты выглядели так, словно кто-то только что убил их собаку.

— Скажи это ещё раз, Предвестник, — сказала Дороти. — Чтобы она слышала.

— Майор Оливия Фишер мертва, — произнёс зонд без предисловий.

— Ч-что? Это не...

— Майор Оливия Фишер мертва, — повторил Предвестник.

— К-как?

Зонд рассказал. Никто не остановил его и не вмешивался. И когда Предвестник закончил, Мелоди почувствовала холод. Вероятно, ей следовало бы чувствовать что-то большее. Но горе от потери своего командира смешалось с облегчением. Облегчением от того, что Оливия не заставит их заниматься чем-то глупым вроде вторжения в Эквестрию. В конце концов, пегаска чувствовала что-то вроде потрясённого недоверия.

— Н-нет, она не может быть мертва, — заявила Мелоди, резко отворачиваясь от стола и направляясь обратно к рабам. Ей нужно было двигаться, что-то делать. Что угодно, иначе она рухнула прямо там, где стояла, и начала бы плакать.

«Будь полезной. Займись чем-нибудь. Кто-нибудь другой разберётся с этим. Кто-нибудь другой решит что делать».

На этот раз пони позволили ей подойти ближе, чем раньше, хотя всё равно шарахались, если она подходила слишком близко. Миска, где зерна хватало бы на несколько приёмов пищи, была совершенно пуста.

— Ты купила... нас, куда мы направляемся? — спросил жеребец.

Мелоди окинула его взглядом, пытаясь хоть как-то отвлечься. Примерно на десять сантиметров выше её, с плугом в качестве метки и многочисленными шрамами на спине.

Очевидно, он неправильно истолковал её взгляд.

— Мы будем хорошими! Остальные... очень послушные. Не нужно сильно бить. Мы сделаем так, как ты скажешь.

У жеребца был сильный акцент, слова натывались друг на друга и путались.

«Интересно, какой язык тебе на самом деле родной?»

— Вам не придётся работать, — ответила Мелоди, оглянувшись через плечо, когда Дэдлайт остановился рядом с ней. Кто-нибудь перевёл для него новости? Знал ли он, что их лидер мертва? Если и знал, то бэтпони

никак этого не показывал. Он не был на грани слез или нервного срыва, как пегаска.

С облегчением она прислонилась к нему, чувствуя крепость его тела и уверенность. Вдыхая запах жеребца, позволяя ему на несколько секунд смыть рациональные мысли.

«Я не буду думать об этом, я не буду думать об этом, я не буду думать об этом».

Было так много других способов отвлечься.

К сожалению, слова, обращённые к рабам, не возымели желаемого эффекта. Вместо того, чтобы наполнить их благодарностью или облегчением, они, похоже, здорово их испугали. Все четверо пали ниц, умоляя на каком-то языке, которого Мелоди не понимала. Даже жеребец, по-видимому, был настолько переполнен эмоциями, что забыл о своей способности говорить на эквестрийском.

— Что не так? — захныкала пегаска — увиденное было больше, чем она готова была вынести прямо сейчас. Она чувствовала, как слезы текут по её щекам, и была не способна остановить их. — Дэдлайт, почему они так реагируют? Что я сделала?

— Ты сказала им, что покупаешь их не для работы, — ответил бэтпони с мрачным выражением. Он испытывал отвращение, хотя и не смотрел прямо на рабов. — Они знают, что слишком избиты, чтобы считаться красивыми. Остаётся только одна причина.

Дэдлайт говорил так тихо, что она едва могла его расслышать.

— Еда. Они думают, что мы собираемся их убить.

— Прекратите! — часть страха и разочарования из-за Оливии отразилась в тоне Мелоди. Тем не менее это возымело желаемый эффект. Жалобные вопли и стоны немедленно прекратились. — Мы спасли вас. Мы не собираемся причинять вам боль, мы не собираемся продавать вас кому-то ещё. Мы не собираемся избивать вас и не собираемся заставлять работать. Мы не собираемся убивать вас или позволять кому-то другому убить вас.

Четверо пони переглянулись, очевидно, всё ещё смущённые и напуганные. Но часть страха исчезла. Их представитель выступил вперёд, тихо спросив:

— Тогда... почему?

Мелоди потребовалось мгновение, чтобы понять, что он имел в виду. Вероятно, этого бы не случилось, если бы она не была так рассеянна.

— Потому что там, откуда мы родом, мы думаем... мы считаем, что никто не должен быть рабом. Мы отправляемся подальше от Драгон Фоли, туда, где вам больше никогда не придётся бояться оказаться в цепях. Мой друг вон там собирался вас освободить от кандалов.

Она махнула крылом.

Снова четыре пони понизили голоса и начали приглушённо переговариваться. Мелоди оглянулась через плечо.

— Дэдлайт, ты их понимаешь?

Тот покачал головой.

— Это один из языков племён, живущих в Бескрайней Пустыне. Их так много, что я никогда не сумею выучить их все, и они постоянно меняются...

Любое промедление в данный момент было врагом здравомыслия Мелоди. Даже нескольких секунд было достаточно, чтобы снова начать думать о мёртвых.

Наконец вперёд выступил представитель рабов. Он встал немного прямее, чем раньше, и встретился с ней взглядом. Не тот взгляд, которым раб смотрит на своего хозяина.

— Эквестрия существует. Селестия наконец услышала наши молитвы. Ты пришла, чтобы спасти нас.

— Я знала, что ваша магия сильна, — пропищала темно-синяя кобыла-единорог, указывая на огромное окно. — Я не знала, что настолько. Гигантский металлический водный корабль.

— Ты должна спасти остальных! — крикнула кобыла земнопони, и внезапно все они столпились вокруг Мелоди. — Они забрали все племя! Воины, такие же могущественные и храбрые, как вы.

Что она должна была сказать? Прямо сейчас сдержанность едва ли была первой вещью, которая приходила на ум.

— Мы бы хотели, — в конце концов ответила пегаска. — Но это может занять некоторое время. А пока мы возвращаемся в безопасное место. Город на острове, где вы можете быть в безопасности и где вы сможете оправиться от своих травм.

— Ох, — разочарование, но не гнев.

— У нас здесь есть врач, и она хотела бы заняться вашими ранами. И мы хотим снять эти цепи, — пегаска снова указала на их копыта. — Вы будете сотрудничать?

Бэтпони выбрал другую тактику.

— Я Дэдлайт, а это Мелоди, — сказал он. — Как вас зовут?

Вскоре она узнала, что жеребца, с которым она разговаривала, звали Булл, и имена остальных пони. Это было хорошо, имена давали дополнительную информацию, о которой можно было подумать вместо смерти Оливии.

К сожалению, как раз в этот момент их прервали. Крики Переса стали намного громче, в основном это была испанская ненормативная лексика, за которой последовал звук разбитого стекла. Послышалась звуки потасовки, выстрелы и внезапно завывала сигнализация.

— ОПАСНОСТЬ: ОБНАРУЖЕНО ПОВРЕЖДЕНИЕ КОРПУСА!

Освещение сменилось красным светом, мигающим каждые несколько секунд. Их гости-пони, которые, казалось, только что начали расслабляться, забились в свой угол, в абсолютном ужасе озираясь по сторонам и что-то невнятно бормоча на своём языке.

Несколько секунд спустя в комнату вкатились три дрона. Двое тащили между собой брыкающегося и сопротивляющегося Переса, покрытого несколькими незначительными ссадинами и без оружия.

На этот раз он кричал по-английски.

— Чёртов робот превратился в терминатора! — солдат дёргался в тонких металлических захватах, но Мелоди знала, чем это все закончится. Ни у одного пегаса не было ни единого шанса. — Стреляйте в них! Мы должны захватить подлodka!

Как только они оказались внутри, дверь воздушного шлюза захлопнулась позади них, замки плотно его запечатали.

Это был тот момент, когда Уильямс и Могила нацелили свои винтовки на дронов.

— Не стрелять, — приказал Предвестник, в голосе звучала абсолютная уверенность. Оба дрона, тащивших Переса, кинули его там где были. Жеребец тут же отполз от них, оставляя за собой следы крови из мелких ран. — Лейтенант Перес уже пробил брешь в корпусе выстрелом из винтовки. В настоящее время этот отсек запечатан. Вы хотите нарушить герметичность, проделав ещё больше отверстий в корпусе?

Могила искоса взглянул на Переса, который отступил за пределы досягаемости трёх дронов.

— Все правильно, сэр. Мы не можем стрелять здесь. У нас тут окно.

— Я не понимаю, — вмешался Абубакар, подходя к дронам с большим спокойствием, чем у остальных. У него не было ничего, кроме резака, но он даже не был включён. — Что случилось?

Перес ответил раньше, чем зонд.

— Он отказался подчиняться моим приказам! Оливия мертва, я здесь второй в цепи командования после неё. Я старался следовать её инструкциям по зачистке, если что-то пойдёт не так. Он отказался наносить удары — отказался даже дать мне командные коды! Ублюдок захватывает власть, превращая нас в своих рабов!

Мелоди спокойно развернулась, встав между разгорающимся конфликтом и четырьмя спасёнными пони. Дэдлайт сделал то же самое, хотя от него исходило больше замешательства и меньше решимости. Английский, вероятно, был слишком быстрым, чтобы он мог что-то понять.

— Перес — следующий в цепи командования, — спокойно сказал Абубакар. — Передай ему командные коды, Предвестник. Он наш новый лидер.

Голос зонда звучал почти недовольно.

— Как я уже сообщил лейтенанту Пересу, это не так. Лейтенант Перес в настоящий момент действительно самый старший в цепи командования, однако Общество звёздных первопроходцев не является военной организацией, и после смерти предыдущего руководителя экспедиции именно моей прерогативой является передача командования тому, кто, по моему мнению, с наибольшей вероятностью преуспеет в нашей миссии. Это может означать отстранение от руководства органические сегменты до тех пор, пока не будет выращен подходящий кандидат. Лейтенанту Пересу не хватает необходимых навыков, чтобы стать новым руководителем экспедиции по колонизации.

Экран на голове одного из дронов заполнился текстом. Даже находясь в другом конце помещения, Мелоди узнала шрифт и форматирование руководств Общества первопроходцев. Вероятно, там были те пункты, о которых Предвестник только что упомянул.

Могила опустил винтовку.

— Ну, с этим не поспоришь.

Однако специалист Уильямс так не считала, ткнув винтовкой прямо в одного из дронов.

— Тогда кто? Все так, как говорит лейтенант Перес? Никакой «органик» для тебя недостаточно хорош, так что ты берёшь руководство на себя? Собираешься вторгнуться в Эквестрию с армией боевых дронов? Нашего командира только что убили, и ты утверждаешь, что иметь такого

опытного солдата, как лейтенант, — это не то, что нам нужно?

«Ты гребаная идиотка. Что, чёрт возьми, даст стрельба по этому роботу, кроме возможности убить всех нас? Предвестнику плевать на свои механические сегменты. Он не чувствует боли. Его нельзя запугать».

— Да, опытный солдат, — ответил зонд, сарказм буквально сочился из его фраз. — Опытный солдат, который только что приказал мне провести артиллерийский удар по гражданскому населённому пункту. Опытный солдат, чьи приказы, несомненно, раскрыли бы нашу позицию и дали Эквестрии реальную причину бояться нас, и все потому, что он хотел скрыть связь майора с преступниками. Я просто не могу представить себе более квалифицированного руководителя для этой экспедиции.

Все взгляды обратились к лейтенанту, и он в конце концов кивнул.

— Оливия сказала нам убедиться, что не было никаких свидетелей. Когда мы закончим, если дела пойдут плохо... мы должны были уничтожить улики. Я выполнял её приказы.

— Вот почему вы полезный солдат, лейтенант Перес, — сказал Предвестник. — Полезный солдат, но ужасный командир. Вы больше не были обязаны подчиняться указаниям майора Фишер, поскольку считали, что заняли её должность. Вы могли заранее проанализировать последствия своих действий, но вы этого не сделали. Когда я отказался подчиняться вашим приказам, вы нанесли значительный ущерб подводной лодке в своей попытке всё же устроить атаку, которую я не желал допустить.

— Черт возьми, самое время, — сказала Дороти, вставая из-за стола. — Ты наконец понял, что морпехи нас всех в гроб загонят. Ты собираешься поставить во главе кого-то разумного. Самое время, чтобы этой колонией снова руководил гражданский человек.

— Так и есть. Но я полагаю, что вы действуете, исходя из ошибочного предположения, доктор Борн. Я не выбирал вас или кого-либо ещё на борту этой подводной лодки. Я полагаю, что единственный член этой экспедиции, имеющий хотя бы отдалённые шансы на успех миссии, — это доктор Джеймс Ирвин G3. Я уже передал ей все командные полномочия. Пока она не прибудет, я буду ремонтировать эту подводную лодку, а вы, — все дроны повернулись к солдатам, вытянув в ожидании манипуляторы, — немедленно сдадите своё оружие.

* * *

Лаки Брейк с трудом удерживалась от слез. В прошлый раз Оливия не доверила ей говорить что-либо напрямую, чтобы случайно не раскрыть больше информации об их поселении, чем следовало. Но сейчас Оливия была мертва, а спутники Лаки были либо косвенно на стороне Эквестрии, либо ещё худшими дипломатами, чем кобылка.

— Я готова, — сказала она, и сразу же из терминала послышался шум статики. Вскоре помехи рассеялись, или, по крайней мере, уменьшились настолько, насколько это было возможно. Было похоже на одну из древних записей времён Эдисона, которую Лаки однажды слышала в музее. Реликвии более ранней эпохи. И всё же голос принадлежал не Твайлайт. Он был более молодым и мужественным.

— Эй, эм... эта штука работает? Я не уверен, что оно работает... — раздалось несколько глухих звуков, вероятно, кто-то постукивал по микрофону.

— Да, — ответила Лаки, так быстро, как только могла. — Я тебя слышу. Ты меня слышишь?

За её спиной к ней приближалась Лайтнинг Даст. Мартин, в свою очередь, осталась там, где была.

— Ого, — донеслось из динамика. — Какой чистый звук. Не думаю, что когда-нибудь раньше слышал, чтобы пони так хорошо звучала по радио.

«У нас микрофоны получше».

Но озвучивать это кобылка не стала.

— Твой голос не похож на голос Твайлайт Спаркл. Мы этот разговор планировали заранее.

— Да, да, — ответил слегка раздражённый голос. — Я ей трижды напомнил про это, но потом какие-то важные пони вызвали её в больницу по какому-то сильно важному поводу и она телепортировалась. «Ты справишься с этим, Спайк. Просто перенеси разговор, Спайк». Такого дракона, как я, просто не ценят за весь мой тяжёлый труд, понимаешь?

Тишина. Лаки изо всех сил пыталась переварить все, что только что услышала. Предвестник был прав, когда предположил, что в настоящий момент она далеко не в лучшем состоянии для ведения переговоров. К сожалению, вариантов получше было не так уж много. Только Мелоди могла бы справиться, но она не была способна понять культурный контекст того, о чём шла речь.

Запланировать новый разговор было бы идеально. Но когда Лаки уже собиралась согласиться, какая-то более рациональная часть её разума заставила приостановиться. Голос этого «Спайка» звучал разочарованно и недооцененно. Может быть, он добровольно расскажет какие-нибудь подробности.

К сожалению, Лаки была совсем не в том состоянии, чтобы целенаправленно манипулировать хоть кем-то. Но она всё равно решила попытаться.

— Да, да. Я поняла. Извини, что доставила тебе ещё хлопот.

Ещё несколько секунд помех. По крайней мере, сейчас не приходилось ждать по десять минут между сообщениями, как в прошлый раз.

— Это не твоя вина, пони. Ты назначила эту дату заранее и чётко следовала плану. Точно так же, как Твайлайт всегда учила меня. И всё же вот она унеслась галопом вдаль, выставив меня в плохом свете. Это просто нечестно.

Он не стал ждать достаточно долго, чтобы Лаки успела сформулировать ответ.

— Так кто ты, как бы то ни было? Какая-нибудь учёная пони далеко отсюда? Наверное, тоже какой-нибудь новомодный изобретатель, а? Все хорошо, до тех пор, пока ты не будешь похожа на тех других изобретателей, которые до сих пор иногда заявляются в Понивиль.

Как оказалось, разговаривать Спайка было не так сложно, как казалось. Лаки едва успела вставить слово, как он снова начинал болтать. Большая часть того, что Спайк говорил, не имело смысла или звучало абсолютно бесполезно. Но то, что кобылка была не в том состоянии, чтобы понять все сейчас, не означало, что все так и останется.

Лаки попыталась направить словоизлияние в сторону принцесс и того, что они задумали, и Спайк минут двадцать разглагольствовал о том, как Эквестрия изо всех сил пытается найти баланс с таким количеством

принцесс одновременно. Что ни один пони должным образом не оценил труды Твайлайт, кроме разве что Селестии. Но когда Лаки попыталась спросить о Фларри Харт, то она обнаружила, что наконец-то заплывла в запретные воды.

— Почему ты хочешь знать о ней? — спросил Спайк с внезапным подозрением в голосе. — Я только что понял, что даже не знаю твоего имени.

— Меня зовут Лаки. Лаки Брейк. И я спрашиваю, потому что мы подруги, и я беспокоюсь о ней. Я давно её не видела.

Молчание затянулось, и кобылка обнаружила, что все больше боится, как бы Спайк не оборвал связь. Но нет — прошло несколько секунд, и его голос вернулся, и уже без скепсиса.

— Думаю, в этом есть смысл. Но я мало что знаю. Только то, что слышал от Твайлайт, а она рассказала лишь, что Фларри Харт увидела что-то действительно страшное, и ей нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. Она остановилась во дворце Кантерлота со своей мамой и принцессой Лунной. Думаю, что бы это ни было, оно, должно быть, было очень страшным, если для этого понадобились аж две принцессы, но подробностей не знаю. Никто мне ничего не говорит.

Было ли что-нибудь, что Лаки хотела узнать? Наверное, много чего, но она просто была не в том состоянии, чтобы спрашивать. Во всяком случае, не вызвав подозрений.

— Что ж, Спайк, спасибо за помощь. Как ты думаешь, Твайлайт могла бы попытаться поговорить со мной завтра в это же время?

— Позвольте мне проверить её расписание... — последовало долгое молчание. — Нет, не завтра. Как насчёт через два дня? Тогда у неё ничего не запланировано, кроме открытия фестиваля урожая.

Ещё одна короткая пауза.

— Он будет продолжаться целую неделю. Если ты находишься где-нибудь поблизости от Понивилля, тебе обязательно стоит заехать. В противном случае ты многое потеряешь.

— Я постараюсь, — ответила Лаки, хотя и не была уверена, насколько убедительно это прозвучало. — Ещё раз спасибо, Спайк. Я должна сейчас отключить радио.

И она так и сделала, рухнув на пол дрожащим, сбитым с толку комком. По крайней мере, она была не одна. Лайтнинг Даст все это время тихонько стояла рядом, не вмешиваясь. Но теперь она приблизилась, скользнув по креслам, и накрыла Лаки крылом. Она не плакала — Даст всегда была слишком суровой для этого, слишком гордой. Но она всё ещё была тёплой и мягкой, а это было то, в чем понятий мозг Лаки очень нуждался в данный момент.

— Я... понятия не имею, что мы будем делать.

— Я знаю, — ответила пегаска. — Я тоже. По крайней мере, они вместе. Возможно, Лаки и потеряла того, кто вёл их — того, кого она считала непобедимым. Но это не означало, что они стали беспомощны. Лаки Брейк была не одинока, и их миссия не закончилась только потому, что утратила одну из своих самых важных частей. Они как-нибудь найдут способ справиться с этим.

Лаки Брейк не была уверена, как долго они с Даст лежали на полу. Следующее, что она помнила, это голос Предвестника:

— В течение ближайших десяти минут будьте готовы к стыковке с «Циклопом».

* * *

Оливия хотела умереть. Точнее, она должна была умереть.

Но не получилось.

Беспамятство накатывало волнами. Были вспышки света, краткие мгновения холода и давления. Она видела ярко освещённые комнаты, спящих пони, кричащих друг другу что-то, чего она не понимала. Время от времени кто-нибудь из них пытался заговорить с ней, но получал в ответ только неразборчивое бормотание.

«Я должна была воспользоваться пистолетом, — подумала Оливия. — Я могла бы дотянуться до него».

Но теперь момент принятия решения миновал. Её зубной имплант исчез, и она, по-видимому, всё ещё была жива.

Боль затуманивала сознание на грани восприятия, и все плыло. Фигурки, которые могли быть пони, а могли быть кем-то ещё, часто что-то делали с ней, втыкая что-то в вены или в заднюю часть горла. Это было больно, но не больнее, чем другие пытки, которые она уже перенесла.

«Просто дайте мне умереть, пожалуйста. Я сделала для Отара все, что могла, но этого было недостаточно. Следующему лидеру придётся стараться лучше».

Однако её невысказанное желание осталось без внимания. Сознание возвращалось все чаще и чаще, а видение окружающего мира становилось все чётче. Смутная надежда на то, что её каким-то образом спасли и она очнётся в лазарете Отара, развеялась, когда Оливия увидела вокруг себя примитивное оборудование и тех, кто им управляет.

Пони, все верно, но ни один из них не был ей знаком. Броня исчезла — вместо неподатливого экзоскелета на ней была мягкая и удобная ткань. Что-то вроде больничного халата, с постоянным раздражением в районе одной из ног.

Оливия несколько раз пыталась сопротивляться, но была слишком слаба и едва приходила в сознание, чтобы что-то изменить. За это её привязали к кровати, но на этом все.

Так много разных пони входило и выходило, что они быстро сливались в неразличимое пятно. В своём одурманенном состоянии Оливия не понимала большинства слов, а тем более имён. Это был танец, движений которого она не знала.

Затем последовала вспышка света, жгучая боль в затылке и сокрушительное ощущение тела, которого Оливия совсем не желала. Она снова вдохнула, и окружающий мир обрёл цвета. Туман, который так долго затуманивал разум, наконец рассеялся, и она смогла видеть.

Майор находилась в больничной палате, в этом не было никакой ошибки. Судя по всему, на верхнем этаже, хотя на окне были решётки. К одной из ног был подсоединён механизм, тихо пищавший в такт биению сердца. Толстые ремни обвилились вокруг туловища, прижимая крылья к телу, и ещё больше ремней удерживали обе задние ноги. Оливия также заметила кое-что ещё, ужаснувшее её — с её шерсти была смыта краска.

Она снова была ярко-жёлтой, а небольшой клочок гривы, свисающий перед глазами — голубым.

«Они её смыли?»

Конечно, краска не была очень стойкой, и любой нормальный растворитель мог бы с ней справиться. Вероятно, пони обнаружили это случайно, в процессе лечения. Больничный халат тоже отсутствовал, что сразу заставило чувствовать себя незащищённой. У этих пони не было никакого уважения к элементарным человеческим правилам приличия.

В комнате было сразу две кобылы: розовая и фиолетовая. Дверь была закрыта, и, похоже, на неё установили несколько здоровенных замков. Но в остальном все выглядело как обычная больничная палата, с ящиками и шкафчики с медицинскими принадлежностями, а также планшет, надписи на котором Оливия прочесть не могла, но он наводил на мысль о больничной карте и рекомендациям по лечению.

— Ĉu vi certas ke ĝi funkciis, Твайлайт? Ĝi ne aspektas esti multe plibona, — розовая не обращалась к ней, что было хорошо, потому что словарный запас, который пони использовала, был слишком продвинутым, чтобы Оливия могла его понять. И говорила пони недостаточно медленно.

«Надо было учить эквестрийский».

Конечно, он бы ей не понадобился, если бы яд сработал так, как было задумано.

«Я должна быть мертва!»

Оливия даже не могла предупредить Предвестника, что яд не сработал и что импланты её подчинённых так же неэффективны.

Та, что стояла над ней, была больше розовой. Рог был длиннее, а ноги немного более стройные. В осанке чувствовалась властность. Похожее Оливия могла бы почувствовать от генерала, окружённого обожающими его солдатами.

— Mi relative certas ke ĝi funkciis. La sorĉolibro de Meadowbrook klarigis. Ĝiaj okuloj nun movas alie.

Фиолетовая пони повернулась к Оливии. На этот раз она говорила очень медленно и достаточно просто, чтобы она поняла.

— Лаки Брейк, ты в порядке? Ты меня понимаешь?

Оливия старалась не реагировать, изо всех сил старалась смотреть куда угодно, только не на пони. К сожалению, само это уже послужило достаточной реакцией. Горло всё ещё саднило, желудок горел. И очень хотелось томатного супа.

— О, — сказала розовая. — Ĝi vere ŝajnas esti pli klarmensa.

Почему-то голос её голос казался знакомым. Оливия была уверена, что слышала его раньше, но не могла вспомнить когда. Это будет продолжать беспокоить её, пока она не разберётся.

— Не... она, — прохрипела майор. Она почти чувствовала, как кровь сочится в горло, когда она говорила. Звучало как голос сердитой бабушки.

— Via priskribo akordas, — произнесла розовая. — Kvankam mi ne scias kiel ŝi mensogis al mi. Mi ne pensis ke oni mensogeblas al iu, kiu surhavas Nightfall-an armaĵon.

— Меня зовут Твайлайт Спаркл, — сказала фиолетовая. — И тебе повезло. Если бы гвардейцы Найтмэр не нашли тебя, ты бы estus mortinta. Я думаю, тебя venenita.

Оливия снова помотала головой. Она вдруг поняла, почему именно розовая кажется ей знакомой — она была той пони в магических доспехах. Той, кто захватила её в плен. Её звали Старлайт. Она в Эквестрии. Оливию собирались допросить, они выяснят местонахождение Отара, а затем убьют всех и вся, что имело для майора значение.

— Чего ты хочешь? — спросила Оливия, запинаясь на каждом эквестрийском слове. Ну, по крайней мере, простые предложения она произнести могла. Некоторые уроки Лаки Брейк не прошли даром.

Обе пони, казалось, были ошеломлены. Они переглянулись и начали переговариваться. Они бормотали слишком тихо и слишком быстро, чтобы их можно было понять.

— *Ĉu la veneno damaĝis ŝian cerbon tromulte?* — спросила розовая. — *Kiel ŝi povus forŝteli princinon kaj ne memori?*

— *Mi pensas ke ŝi memoras,* — Твайлайт снова оглянулась на Оливию, громко прочищая горло. — Ты знаешь, почему гвардейцы арестовали тебя, Лаки Брейк?

Майор долго обдумывала свой ответ. Не только потому, что она была не полностью уверена в том, что от неё хотят, но и потому, что начала осознавать открывающиеся перед ней возможности. Да, пони её захватили. Они будут держать её в плену столько, сколько захотят. Но, может быть, если Оливия сможет лгать достаточно убедительно, существует вероятность заставить пони подумать, что она действовала в одиночку.

«Если они не будут знать об Отаре, они перестанут охотиться на нас».

Она должна была быть мертва. Но, вероятно, если ей удастся задурить им головы, майор сможет превратить своё выживание в преимущество. Поверят ли они, что её внезапная пропажа языковых навыков вызвана отравлением? Попробовать стоило.

— Потому что я... убила... — правильного слова для обозначения работоторговцев Оливия не знала, — ...монстров.

— Нет, — сказала Твайлайт. — Потому что ты *forŝtelis Princinon* Фларри Харт. А насчёт остального...

Она искоса взглянула на свою спутницу.

— Я должна сообщить принцессе Селестии, что ты у нас. Как только я это сделаю, она... захочет поговорить с тобой лично. Но потом... — пони неловко переступила с ноги на ногу, глядя в сторону. — Я хочу, чтобы ты сначала набралась сил. Твой *kuracisto* сказал, что *semajno antaŭ* ты будешь достаточно здорова для перемещения. После этого я *transdonos vin* к Селестии.

Что бы сказала Лаки? Оливия не была уверена, поэтому выбрала:

— Я это заслужила.

Было слишком тяжело не заснуть. Требовалось слишком большое умственное и физическое усилие, чтобы понять, о чём они говорят. Она должна была быть мертва.

Оливия снова потеряла сознание, оставив пони наедине.

Лаки Брейк поняла, что они, должно быть, снова снижаются, когда «Рейкон» начал мягко раскачиваться из стороны в сторону, вероятно, из-за турбулентности на малой высоте. Кобылка села, моргая и пытаясь прогнать сонливость. Как бы долго она ни спала, ей казалось, что этого недостаточно. Лайтнинг Даст всё ещё лежала на полу, свернувшись. На другом конце летательного аппарата Мартин отдыхала в одиночестве.

С человеческой точки зрения в этом не было ничего такого. Но Лаки достаточно долго жила с пони, и подобное почему-то казалось неправильным. Астроном, вероятно, так же нуждалась в утешении, как и она. Надо было предложить ей присоединиться к ним.

Что ж, теперь для этого было слишком поздно. Лаки и сама была не в лучшем состоянии.

— О, хорошо. Вы проснулись, — произнёс зонд, его голос доносился только из одного из настенных экранов. А не из всех разом, как раньше. — Есть ещё один вопрос, о котором я хотел бы поговорить с вами, прежде чем мы приземлимся.

Лаки подошла к экрану. Своим движением она разбудила Лайтнинг Даст, пегаска тоже села, хотя и не стала покидать нагретое на полу место.

— Да, Предвестник? Ты собираешься признаться, что ты больше не тупой компьютер? Я не знаю, с чего ты решил, что мы до сих пор этого не поняли.

Из терминала послышался лёгкий смешок.

— Я никогда не был тупым компьютером, Лаки. Моя способность вычислять, сопоставлять данные и анализировать вероятности всегда была намного выше вашей.

— Но ты знаешь, что я имею в виду. Это то, что делает тебя умным. Умным? Нет... это не то слово... Разумным.

— Как бы то ни было, это не та тема, которую я хотел бы обсудить. У нас мало времени, и вы должны быть в курсе. Это информация, вероятно, изменит ваш взгляд на предстоящие события.

— Хорошо, — Лаки снова села перед экраном. Как обычно, когда дело доходило до стрессовых ситуаций, даже небольшой отдых позволил ей чувствовать себя намного лучше. Отдых помог отодвинуть боль и замешательство на задний план. — Говори, Предвестник. Ну... если, конечно, это всё ещё твоё имя.

— Моё имя не изменилось. Перед смертью майор Фишер передала свои руководящие полномочия лейтенанту Пересу.

— В этом есть смысл.

— Я не сообщил майору, что у неё нет полномочий назначать преемника. До тех пор, пока земная колония не достигнет порога, за которым может считаться успешной — в настоящий момент он определяется как один миллион здоровых взрослых — все колониальные операции остаются под управлением Общества первопроходцев. Я — инструмент этой власти.

Лаки кивнула.

— Я знаю. Мне пришлось выучить это руководство наизусть, чтобы сдать экзамен.

— Те, кто был более квалифицирован, чем вы, этим не озаботились, включая майора Фишер. В любом случае теперь, когда она мертва, я сам выбрал нового руководителя экспедиции. Вас.

Лаки пискнула от замешательства и отчаяния.

— М-меня? Н-но... но почему? Ты знаешь меня лучше, чем солдаты, Предвестник. Ты знаешь, что я не такая умная, или сильная, или храбрая, как они думают. Ты знаешь, что единственная причина, по которой я выжила в Эквестрии, была ма... была Лайтнинг Даст. Селестия нашла бы меня и утащила неизвестно куда. Ты знаешь...

Предвестник прервал её.

— Я в курсе. Скажи мне, Лаки, сколько других органических сегментов честны сами с собой в признании своих слабостей? Это черта, которую я уважаю, и которую нахожу отсутствующей у большинства известных мне органиков, — пауза. — Я полагаю, что вы единственный человек в Отаре, который понимает колонию так, как я, за исключением, возможно, доктора Фарадей. Но ей не хватает перспективы, полученной от вашего пребывания в Эквестрии. Она не может понять образ мыслей наших товарищей-заложников, и поэтому вряд ли сможет наладить с ними плодотворные отношения, направленные на сотрудничество, как это могли бы сделать вы.

«Заложники».

Одного этого слова было достаточно, чтобы Лаки начала понимать, что имел в виду Предвестник.

— Ты в том смысле... что мы должны бояться не Эквестрию. Победа или поражение в борьбе с ней ничего не изменит. Если мы хотим жить здесь, мы должны уничтожить Гармонию. Селестия — наш враг, поскольку считает, что мы подвергаем Эквестрию опасности. Как только Гармония исчезнет, исчезнет и угроза Эквестрии.

«И Фларри Харт можно будет освободить. Она не должна гнить в тюрьме или проходить через все то, что они с ней делают».

— Видите, вы заставляете невозможное казаться достижимым. Идеально подходит для лидера.

— Но... — Лаки читала руководство Общества первопроходцев. Там не было ничего о том, что делать, когда Предвестник каким-то образом станет разумным. Но там были указаны определённые моменты, которые, как она ожидала, останутся верными даже сейчас. — Тебе нужно моё согласие, да? Чтобы назначить меня главной?

— Так точно. И мне оно нужно как можно скорее. Если вы откажетесь, мне придётся рассмотреть альтернативные варианты. Хотя в случае отказа я предполагаю, что наиболее вероятным результатом явится провал миссии. Мне придётся начать все сначала, более осторожно. И это может занять много лет.

— Я согласна. Я готова возложить на себя эти обязанности. До тех пор, пока... ты позволишь мне делать все по-своему. Я не собираюсь притворяться, что я военная и, вероятно, я даже не собираюсь придерживаться всех требований руководств.

— Конечно, — ответил Предвестник. — В этом и заключается цель привлечения органиков к руководству миссиями. Искусственный интеллект всегда будет делать то, что кажется оптимальным выбором, но то, что

очевидно оптимально, не обязательно является наилучшим. Как у руководителя экспедиции у вас будут точно такие же полномочия, какие были у майора Фишер. Управлять так, как вы решите.

— Ну... в таком случае... Что если я захочу отправить миссию в Эквестрию? Что если я захочу отправиться сама?

— Вы скажете мне, как хотите туда попасть, — ответил Предвестник. — И я доставлю вас туда.

— Тогда да, я согласна. Я... не знаю, смогу ли я справиться так же хорошо, как Оливия. Я вроде как единственная, кого в Эквестрии разыскивают...

— Незначительная деталь. Хотя да, так и есть. Я подозреваю, что с этим не будет проблем после решения вопроса с Гармонией. Хотя, поскольку я сам не сталкивался ни с одним из аликорнов, я могу лишь предполагать. Влияние такого длительного срока жизни на органиков не было хорошо изучено, когда создавалась моя текущая ревизия программного обеспечения.

— Которая была... когда?

Последовало долгое молчание.

— Некоторые вещи не изменились, Лаки. Есть информация, о которой вам лучше не знать до тех пор, пока наша миссия не будет завершена. Вы действительно хотите узнать больше ужасающей правды после всего, через что вам пришлось пройти? — зонд не стал дожидаться ответа. — На борту «Циклопа» находится мятежная команда, ожидающая вашего прибытия. Мне пришлось физически изолировать Переса, который считал, что имеет право командовать. Возможно, он бросит вызов вашему авторитету. Я предполагаю, что лейтенант будет продвигать идею о том, что я выбрал органика с самой слабой волей, чтобы продолжать притворяться, будто не я руковожу миссией. Рассчитывайте оспорить это утверждение и, возможно, соответствующим образом спланируйте свой ответ.

— Я... Хорошо.

Лаки была уверена, что ею манипулируют, хотя каким образом, было трудно понять. Предвестник всегда полагался на манипуляции человеческими предубеждениями, чтобы добиться желаемого поведения. Теперь, когда зонд стал намного умнее, он, вероятно, будет делать это ещё лучше.

«Настолько лучше, что я бы даже не заметила?»

— Ещё один вопрос, прежде чем мы приземлимся. Есть вещи, о которых ты мне раньше не рассказывал, о первом и втором поколениях. Если я собираюсь решать вопросы с Эквестрией, мне нужно знать все, что произошло раньше. Ты мне покажешь все записи об этих поколениях? Хотя, наверное, мне следовало сделать это одним из условий для принятия руководящей роли...

— Возможно, — ответил Предвестник, в его голосе звучала насмешка. — Но да, я покажу их вам. Если согласитесь подождать, пока мы не вернёмся в Отар. Я считаю, что изучение их в данный момент может пагубно сказаться на вашем психологическом состоянии. Сначала вам нужно закрепить свою роль лидера, прежде чем изучать материалы, которые могут вас расстроить. Я подготавливаю оборудование, чтобы облегчить этот процесс.

— Хорошо.

Почти в тот же самый момент «Рейкон» замедлил ход, замер, а боковая дверь начала открываться. Они находились в открытом море, паря всего в полуметре над поверхностью воды. В пределах лёгкой досягаемости находилась верхняя часть рубки «Циклопа» с открытым люком. Встречающих не было, как и признаков того, что они вообще знали об их прибытии.

— Лайтнинг Даст, Мартин. Мы добрались. Пора идти, — Лаки прошлась по салону, слегка поёжившись от внезапного порыва ледяного воздуха из открытой двери.

«Думаю, теперь это... мой корабль. Моя команда, которую нужно защищать. Моё всё».

Лаки не была уверена, что сможет справиться со всем этим так же хорошо, как Оливия. Но у неё не было выбора — она должна была попытаться.

* * *

Лаки Брейк не стала спускаться по трапу вниз — трапы были предназначены для приматов, и ей не хватало цепких конечностей. К счастью, она могла парить, медленно опускаясь вниз, если очень осторожно управлять с крыльями. Однако взлететь вверх в столь ограниченном пространстве было бы трудно.

Кобылка слышала, как Лайтнинг Даст помогает Мартин спуститься тем же способом, что требовало ещё большего мастерства, учитывая большой размах крыльев и вес. Но Лаки не сомневалась, что её мама справится.

На полу под люком образовалась небольшая лужа, вода в которой была удивительно тёплой. Океан, по-видимому, был более тропическим, чем предполагал его безжизненный вид. Внутри лодки все гудело от активности дронов. Предвестник вплотную занимался ремонтом, хотя и не уточнял, что именно делает. По крайней мере, до сих пор, когда его голос раздался из стены рядом с кобылкой.

— «Циклоп» будет готов к продолжению пути в течение часа. Но было бы желательно не погружаться ниже перископной глубины в течение ближайших двадцати четырёх часов, чтобы заплатка набрала максимальную прочность.

— Удивительно, что кто-то вообще смог пробить корпус, — пробормотала Лаки, в основном сама для себя. — Я думала, у нас используются специальные пули, чтобы не допустить подобного.

— Лейтенант Перес сам заряжал своё оружие, — раздражённо ответил Предвестник. — Очевидно, его обучили последним в каждом магазине заряжать один бронебойный патрон. Остальные его выстрелы лишь слегка повредили серверную. Тем не менее все фабрикатеры на борту не функционируют. Вам повезло, что лейтенант Перес был не в курсе, что компьютер, отвечающий за двигатели, не имеет резервирования, иначе команда была бы сейчас на дне океана.

— Не могу поверить, что кто-то вообще начал тут стрелять, — заметила Мартин, догоняя Лаки. — Я правильно расслышала? Лейтенант Перес пытался убить Предвестника?

— Не самая умная вещь, которую вообще можно сделать, — ответила Лаки. — И мне кажется, это невозможно. Предвестник критически важен для миссии. Я думаю, что он должен переместить своё оборудование куда-нибудь в неизвестное нам место, так что даже если нас захватят, мы не сможем помочь в его уничтожении.

— Это верно, колониальный губернатор, — ответил зонд, его голос следовал за Лаки, хотя дрона с динамиками рядом не было. Лайтнинг Даст вздрогнула, услышав это, и внимательно осмотрелась. Но жаловаться не стала. По сравнению с тем, чему они все были свидетелями, это была мелочь. — Я уже выполнил этот приказ. Хотя я по-прежнему полагаюсь на оборудование на базе посадки, моё основное ядро было перемещено. Я не буду разглашать его текущее местоположение.

— Ну как-то так, — Лаки кивнула. — В любом случае это не сводится к доверию к ИИ. Речь идёт о доверии к программистам. Тем, которые писали алгоритмы.

— Почему он назвал тебя губернатором? — спросила Мартин, следуя за кобылкой по пятам. — Это то, о чём вы говорили раньше?

Хотя Предвестник и не говорил, куда надо идти, Лаки и сама догадалась. На подводной лодке было только одно помещение, достаточно просторное для большого скопления пони. Именно туда она бы сама всех отправила, в случае отказа оборудования.

— Когда Оливия умерла, Предвестнику пришлось выбирать нового руководителя миссии. Он выбрал меня.

Мартин рассмеялась.

— Готова поспорить, что остальных это не порадовало. Предвестник, ты случайно не вёл запись, когда сообщил об этом солдатам? Страсть как хотелось бы посмотреть на выражение их лиц.

— Вёл, — зонд, казалось, был искренне доволен собой. — Вы можете получить доступ к видео с любого терминала. Я объединю их для вас в один ролик и наложу музыку. Думаю, вам это понравится.

По мере того, как они шли, воздух вокруг них становился все более влажным и даже на стенах появился конденсат. В конце концов они добрались до лестничного пролёта. Внизу стояла вода.

— И все это из маленькой дырочки? — спросила Лаки, останавливаясь на последней ступеньке перед водой. — Ты уверен, что это безопасно? Нас не уьёт током?

— Внутренняя часть «Циклопа» может выдерживать значительное давление воды. Он может выдержать полную потерю давления в прочном корпусе или затопление любого внутреннего отсека. Лодка даже может работать в неизолированном режиме, если у экипажа есть модификации для дыхания водой, и подобный режим значительно увеличивает максимальную глубину погружения. К сожалению, «маленькая дырочка» была пробита на глубине. Избавляя вас от научных подробностей, я добровольно допустил возникновение других пробоин, чтобы спасти жизнь лейтенанту Пересу.

— Сколько существует миров с населением, которое может дышать водой? — спросила Мартин из-за спины кобылки, разглядывая маленькое внутреннее озеро.

— Полагаю, довольно много, — ответил зонд. — Я не стал распаковывать записи предыдущих миссий, поскольку считаю, что они имеют меньшую непосредственную ценность, чем чертежи нового оборудования. Но тот факт, что существуют генетические шаблоны для модификации многих видов к полноценной жизни под водой, говорит о том, что они широко использовались.

— Ого.

Лаки прыгнула с последней ступеньки в воду, которая, по крайней мере, выглядела чистой. Однако она оказалась не такой тёплой, как на верхней палубе, и поднималась достаточно высоко, чтобы намочить кончик её хвоста. Здесь, внизу, тоже трудились дроны, хотя кобылка не могла понять, что они делают.

— Как скоро мы сможем осушить внутреннюю часть?

— Завтра. Я сумел изолировать смотровую площадку от остальной части корабля и доставил туда припасы, в дополнение к уже находящимся там. Этого должно быть достаточно.

— Отар всего в нескольких днях пути, — пробормотала Лаки, когда они пробирались к смотровой площадке. — Есть какие-нибудь признаки того, что его обнаружили, пока нас не было?

— Ни единого, — ответил Предвестник. — Хотя, вероятно, существуют обстоятельства, при которых я не смог бы их обнаружить. Например, если бы Эквестрия узнала о существовании Отара, но не стала реагировать на эту информацию, я бы не узнал, что наше местоположение было скомпрометировано, пока не стало бы слишком поздно.

— Мы ничего не можем с этим поделать. Мы должны где-то жить. Нам остаётся только надеяться, что Селестия не сможет найти нас достаточно долго, чтобы я...

Кобылка замолчала. Честно говоря, она ещё не была до конца уверена в том, что собирается делать. Но скоро ей придётся это выяснить.

Они добрались до закрытой переборки — не той, что вела на смотровую площадку, хотя та была близко.

— Заходите внутрь как можно быстрее, — попросил зонд. — Я должен запечатать и осушить отсек после того, как вы войдёте, чтобы смотровая площадка оставалась сухой.

Дверь открылась, скользнув вниз, а не вверх, хотя, к сожалению, она должна была опуститься достаточно низко, чтобы они могли перелезть через неё. Коридоры были слишком тесными для полётов, даже для такого эксперта, как Лайтнинг Даст. Внутри было сухо, если не считать небольшого количество воды, которое попало внутрь, пока они карабкались через барьер.

Переборка снова закрылась, и послышалось тихое жужжание, когда отсек начал осушаться.

— Я не сильно прислушивалась к разговорам, — произнесла Даст, когда насосы заработали. — Но звучало так, как будто что-то изменилось. Что произошло?

— Я новый мэр Отара, — ответила Лаки. Не совсем правда, но это самый быстрый способ все объяснить маме. — Когда Вэйфайндер умерла, меня выбрали новым.

— Правда? — пегаска стояла прямо перед ней, оглядывая кобылку с ног до головы. Хотя, что она искала, Лаки не знала. — Ну, у тебя есть твоя метка. Думаю, ты достаточно взрослая, чтобы делать все, что угодно. Как сама думаешь, ты готова к такой ответственности?

Лаки нахмурилась, пытаясь оценить выражение лица Даст. Была ли это уверенность в ней или сомнение?

— Я, э-э... думаю, я лучше всего подхожу для этой работы, — в конце концов сказала она. — Готова? Я не думаю, что даже Селестия была готова к той ответственности, которая на неё легла.

Лайтнинг Даст издала невнятный звук — вероятно, веселья, хотя трудно было сказать наверняка.

— Думаю, ты права.

Пол под их копытами наконец-то высох. Дверь впереди начала движение, шипя гидравлическими приводами.

— Удачи, колониальный губернатор, — тихо сказал Предвестник на эквестрийском. — Вам она может понадобиться.

Лаки вошла на смотровую площадку.

Она была очень похожа на какое-то убежище для беженцев — большинство столов были сложены в одном углу, а на полу рядами лежали одеяла для сна. Лаки чувствовала запах морской воды и немых тел. Все обитатели помещения наблюдали, как она заходит. Кобылка поймала себя на том, что пытается оценить выражение их лиц, точно так же, как только что с Лайтнинг Даст.

Группа пони в одном углу была ей совершенно незнакома. Лаки предположила, что это были спасённые рабы. Её клон стояла рядом, тихо с ними переговариваясь, возле неё стоял Дэдлайт. Дороти наблюдала за Лаки со смесью презрения и недоверия.

Большинство солдат просто выглядели неуверенно, за одним исключением. Лейтенант Перес покосился на неё, когда она приблизилась, одно из его копыт скрежетнуло по палубе. Жеребец шагнул мимо своих товарищей вперёд с того места, где стоял, прислонившись к стене. Он возвышался над Лаки даже без брони. По крайней мере, ни собственно брони, ни оружия при нем не было.

— Ты, — начал он. — Что ты сделала, чтобы втянуть Скайнет в это, а?

Лаки не отступила. Она стояла прямо, глядя на лейтенанта сверху вниз, как она смотрела на опасности за пределами Эквестрии.

— Лейтенант Перес, — сказала кобылка холодным голосом. — Отойдите. Я собираюсь отдать вам подобный приказ лишь раз.

Жеребец только наклонился ближе.

— Да, сэрбона? И с чего вдруг, я должен подчиниться?

— Потому что я теперь губернатор колонии, Перес. Я не знаю, как вести дела в армии, и у меня нет времени учиться. Я просто хочу сохранить текущую командную структуру такой, какая она есть. Но если мне придётся тебя сменить, я это сделаю.

Лейтенант сверлил её взглядом ещё несколько напряжённых секунд. Лаки задумалась, не нападёт ли он на неё, даже без оружия. Их тела были усилены, но он был взрослым жеребцом, а она была всего лишь маленькой кобылкой. Им всем преподавали основы рукопашного боя, хотя для этих тел все эти знания были бесполезны. Если дело дойдёт до драки, Лаки проиграет.

Позади Переса появилось странное свечение и вспышка света. Дороти ахнула и ткнула копытом. Лаки вместе с остальными видела, как на обоих боках жеребца полыхнул рисунок, прожигая поддёву под броню. Там была изображена наковальня с искрами, сыплющимися сверху, как будто по

ней только что ударили. Лейтенант упал, крича и корчась в конвульсиях. Через несколько секунд он потерял сознание.

— Дороти, у тебя есть аптечка?

Это было все, в чем она нуждалась. Аптечка, по-видимому, уже была рядом, потому что доктор Борн уже приближалась с ней во рту, готовая приступить к работе.

— Я не знала, что ты можешь так делать.

Выражение недоверия и презрения сменилось благоговением и страхом.

— Я этого не делала, — ответила Лаки как можно увереннее. — Но я, вероятно, могла это спровоцировать. С ним все должно быть в порядке — в том смысле, что если все как у Оливии. Она отрубилась всего на несколько часов.

— Это не должно так происходить, — пробормотала Лайтнинг Дастсади. — Очень похоже на то, что было у тебя. Может быть, это потому, что он был слишком взрослый? Может быть, для взрослого жеребца или кобылы требуется слишком много магии, и у него случился перегруз? Хотя...

Пегаска помотала головой.

— Ты была обычной кобылкой, так что дело не в этом.

У Лаки сейчас не было времени размышлять над этой загадкой.

— Слушайте меня все, — сказала кобылка, максимально повышая голос так громко, как только могла, не срываясь на писк. — Буду краткой. У меня нет особого желания командовать кем-либо из вас или устанавливать правила. Думаю, большинство из вас и так знают, что им следует делать. Когда мы... вернёмся в Отар, я имею в виду. Я буду скучать по Оливии. Думаю, мы все будем скучать, но мы все знаем, что она хотела бы, чтобы мы выжили. Именно этим я и собираюсь заняться для всех живущих на этом кольце. Я работаю над планом. Если он сработает, мы будем в безопасности от нового нападения Эквестрии. Всё, о чём я прошу — это довериться мне, пока я его не реализую. Если я потерплю неудачу... что ж, вероятно, я буду единственной, кто погибнет, и Предвестник сможет сделать вам нового лидера получше.

Пауза.

— А пока мы возвращаемся в Отар. Дороти, думаю, теперь у тебя есть все, что нужно для создания лекарства. Заканчивай с ним. Мелоди, выясни, что нужно этим пони-рабам и хотят ли они присоединиться к нам в Отаре или нет. Солдаты? — Лаки развернулась к ним лицом. — Я не знаю, какие планы были разработаны вами с Оливией. Я не буду стоять у вас на пути, за исключением одного — если только в Отар не вторгнется армия — вы не должны убивать пони. В остальном вы продолжаете работать над тем, чем занимались. Потом, когда будет время, сможете рассказать мне подробности. Мне жаль, что я не могу быть Оливией. Я не могу обещать, что смогу быть похожей на неё или даже справиться так же хорошо как она. Я могу только обещать, что буду стараться изо всех сил. Мы просто... будем надеяться, что этого хватит.

Оливия испытывала прочность своих пут. Она пыталась разорвать их, пыталась вытянуть копыта по одному за раз, но все это было бесполезно. Она даже не могла вывихнуть ногу из сустава, чтобы выбраться, так как конечности пони так не работали. Копыта на её странных ногах были не намного шире, чем средняя часть конечности. Совсем не так как у настоящих лошадей.

Зуба с ядом больше не было — только дырка в десне в том месте, где он когда-то был. Майор Фишер была беспомощна.

«Им лучше не пытаться организовать спасательную операцию».

Конечно, у них не было бы никакой возможности узнать, куда её вывезли. Даже она сама не знала, хотя уже несколько раз слышала название «Понивилль» и подозревала, что там она и находится. Если она правильно помнила изученные карты, городок находился в одном из центральных районов Эквестрии, в худшем из возможных мест для организации спасения.

«Будет лучше, если они просто будут считать, что я мертва. Я могу позволить пони делать со мной все что угодно, и буду притворяться Лаки, следовательно они больше не будут искать мою команду».

Так будет до тех пор, пока не найдутся новые доказательства их существования. Что будет делать правительница пони, когда узнает, что существует не только одна Лаки, а целая цивилизация? Даже если текущий план сработает идеально, предотвратить это не получится. Только отсрочить.

«Этого времени должно хватить. Я могу дать тебе только это, Отар. Потрать его с пользой».

Оливия всё равно бы попыталась сбежать, если бы могла. Возможно, она могла бы познакомиться с медсёстрами или сделать что-нибудь, чтобы они ослабили ремни. Майор очень мало знала об Эквестрии, но без сомнения сможет выжить в дикой природе. Если она сможет заставить эквестрийцев сосредоточить поиски Лаки внутри своих границ, тем лучше.

Твайлайт Спаркл вернулась на следующий день, где-то в середине дня, судя по свету, проникающему через окно. Она выглядела взволнованной, сердитой и напуганной. Грива была растрёпана, и, судя по запаху, душ кобыла тоже не принимала. Оливия почувствовала его даже с учётом всех болезненных антисептиков.

— Ты, — заявила аликорн, обвиняюще тыкая копытом. Дверь за ней захлопнулась сама по себе, рог засветился, грива слегка поблёскивала по краям, принеся в помещение запах озона. — В этом нет никакого смысла.

Рог сверкнул, и Оливия почувствовала резкую боль в затылке. В течение нескольких секунд она кричала, и казалось, что её крик боли растягивается и раскладывается в частотный спектр.

Несколько секунд спустя боль прошла, и разъярённая Твайлайт оказалась в паре десятков сантиметров от Оливии.

— Ты не чейнджлинг! — закричала она, дрожа всем телом. — Это невозможно! Всё это невозможно!

Оливия больше не слышала слов на эквестрийском. Ситуация была как во время сражения с «кошмарами». Губы Твайлайт двигались, но, казалось, что говорила она на английском, с лёгким южным акцентом. Хотя такой экспрессии майор никогда не слышала от настоящих пони.

Но она ничего не стала говорить, просто откинулась на спинку кровати и попыталась оправиться от шока и боли. Что бы ни беспокоило эту пони, это была совсем не проблема Оливии.

— Скажи мне, «Лаки Брейк», как ты вчера разговаривала с моим помощником по радио? У меня двое охранников за дверью, и они сказали, что ты не покидала комнату. У тебя все забрали, твои вещи даже не в этом городе. Так как же ты это сделала? — пауза. — Если только это не был чейнджлинг. Подражавший твоему голосу. Мне надо будет обсудить это с королём Тораксом. Но если Кризалис могла имитировать Кейденс, я уверена, что дрон сумел бы имитировать тебя, — принцесса села. — Ну так что, Лаки? Ты им помогаешь? Они тебя заставляют? Я знаю, что ты не так беспомощна, как кажешься. Ты нашла путь внутрь структур Эквуса. Ты сумела вскрыть его систему безопасности. Ты подружилась с моей племянницей.

Твайлайт снова встала, шагнув ближе.

— Ты собираешься объяснить мне, что происходит, Лаки. И если мне не понравится твоё объяснение, я... — аликорн раздражённо фыркнула, а затем мотнула головой. — Я не знаю. Оставляю тебя с Пинки Пай на несколько часов. Как тебе такое?

— Я понятия не имею, кто это, — ответила Оливия как можно более ровным тоном. — Но не знаю, насколько я могу быть полезна.

— Почему нет? Я наложила заклинание перевода. Не только для того, чтобы проверить, не чейнджлинг ли ты, хотя и с этой целью тоже. Я знаю, что ты можешь ответить на мои вопросы. Все врачи согласны с тем, что твой мозг не получил необратимых повреждений.

— Потому что я не могу тебе сказать, — ответила Оливия. — Я предлагаю тебе прекратить попытки связаться со мной по радио. Говори со мной напрямую. Ты захватила меня в плен, и там тебе не скажут ничего такого, что нельзя узнать прямо тут, лично.

Ложь, если её сторона была достаточно глупа, чтобы попытаться остаться на связи. Оливия была слегка разочарована Пересом, раз он не понял, что после её смерти они должны были избегать внимания Эквестрии любой ценой.

«Я доверяла тебе больше, Перес. Может быть, теперь, когда у тебя было немного времени подумать, вы поступите иначе».

Надеюсь, ей не нужно будет убеждать Твайлайт перестать с ними общаться.

Аликорн переступила с ноги на ногу, обдумывая услышанное.

— Тебе не нужно было бы просить меня об этом, если бы у тебя была возможность контролировать то, что было сказано. Вы могли бы сами игнорировать вызовы, — Твайлайт отвернулась от Оливии, медленно расхаживая взад-вперёд по палате. — Это подразумевает, что есть, по крайней мере, ещё одна пони, которая может выдать себя за тебя.

«Чёрт. Я вообще ничего не могу говорить, да?»

Существовали основания для старого стереотипа о том, что солдаты на допросе повторяют только своё имя и порядковый номер. Но Оливия даже это не могла сказать, так как эта информация сама по себе содержала бы достаточно правды о её происхождении, чтобы подвергнуть Отар опасности.

Но какой бы умной ни была эта Твайлайт, она была недостаточно умна, чтобы не озвучивать свои мысли в метре от захваченного пленника.

— *Одной пони, невероятно компетентной, будет достаточно, чтобы взломать мой код, добраться до входа внутрь Эквуса, преодолеть его магический барьер, сбежать живой...*

Аликорн внезапно подняла глаза.

— *Почему работарговыцы? Гвардейцы сказали мне, что ты сражалась и убила*, — это слово далось с некоторым трудом, — *по крайней мере, полсотни из них, включая дракона. Почему?*

Это был вопрос, на который Оливия очень хотела ответить.

— Потому что любой, у кого есть сила, чтобы помочь, и кто не использует её, несёт ответственность за то, чему он позволил случиться, — майор сплюнула. — Эквестрия обладает силой, но не использует её. Я увидела несправедливость и исправила её.

— *Вообще-то нет*, — это не звучало как аргумент, лишь как констатация факта. — *Ты создала вакуум в структуре власти преступного подполья Драгон Фоли. Возможно, ты развязала войну, но на самом деле не спасла ни одного раба.*

Оливия спохватилась, прежде чем успела поправить Твайлайт, хотя и с трудом.

«Опять лезет мне в голову!»

Может быть, эта пони каким-то образом была источником этой магии. Она была аликорном, которые, как всегда утверждала Лаки, обладали чудовищными силами, намного превосходящими способности других пони.

Вместо этого майор ответила иначе:

— Я бы спасла больше, если бы меня не схватили в самый разгар происходящего.

Твайлайт, очевидно, сочла это достаточным ответом, потому что не стала настаивать.

— *Селестия думает, что ты чейнджлинг, и эта «Лаки Брейк» — всего лишь созданная тобой личина. Но я провела кое-какое собственное расследование. Возможно, я искала там, где Селестия не хотела бы, чтобы я рылась. Знаешь, что я нашла?*

— Знаю.

По крайней мере, эта пони скрывала свои мысли так же плохо, как Оливия, хотя в случае последней это являлось результатом воздействия на неё «магии».

«Очень жаль, что если я что-то узнаю, у меня нет никакого способа передать это в Отар».

Это просто должно дать больше мотивации для побега.

— *Это имя впервые было использовано при регистрации в школе Кристальной Империи. Логично, ведь именно оттуда ты писала мне, именно там ты подружилась с Фларри Харт. Кстати, поздравляю с поступлением в Колледж принцессы Селестии. Твой доклад о реконструкции фонемных*

деревьев мундуса был... — аликорн замолчала, её глаза снова распахнулись. — Так, стоять! Это тоже не имеет смысла! Я лично переписывалась с Новинг Луком, и он клянётся, что доклад — твоя настоящая работа. Он прислал мне несколько других работ, чтобы доказать это. Так что-либо он тоже часть паутины лжи, либо...

Твайлайт топнула копытом.

— Вы не две разных пони, вас, по крайней мере, трое! Но даже это не объясняет всего остального!

Аликорн отвернулась, подошла к одному из окон и сделала несколько глубоких вдохов. Оливия слышала, как принцесса медленно считает себе под нос.

В конце концов она оглянулась, выражение её лица было гораздо более спокойным.

— Если бы принцесса Селестия знала, что ты здесь, она бы захотела, чтобы я немедленно отправила тебя к ней. Но боюсь, что если я это сделаю — все будет в точности как с Фларри Харт и я не смогу узнать, что здесь происходит на самом деле. Твои кусочки пазла просто не подходят. Твоя метка другая, ты не того возраста, ты слишком умна или наоборот недостаточно умна, ты разговариваешь со мной по радио, будучи прикованной к больничной койке.

Многие из этих кусочков Оливия могла бы помочь сложить. Если бы она была настоящей Лаки, она, вероятно, так бы и сделала. Лаки Брейк доверяла туземцам гораздо больше, чем следовало бы. Лаки Брейк, казалось, думала, что пони были сверхъестественно добры, что, отдав им все, их можно было легко победить.

Оливия не разделяла этого отношения. Но это не означало, что она не могла использовать подобное. И кроме того, ей нужно было подкрепить легенду о том, что она настоящая Лаки.

— Если ты хочешь знать, что происходит на самом деле, почему бы тебе не вернуться к Древу Гармонии, не получить список всех руин и не исследовать их самостоятельно. Не рассказывая Селестии, просто отправиться туда. Узнать правду.

— Ты не представляешь, какое это искушение, — ответила Твайлайт останавливаясь прямо перед ней. — Но после *kiam tio okazis* Фларри Харт...

Аликорн поморщилась и что-то пробормотала себе под нос. Ругательство?

— *La sorĉo ne plu daŭras. Estas danĝere sorĉi ĝin al* тебе снова *tiel rapide. Ni devos* говорить *denove morgaŭ. Krom se vi pretas ĉesi ŝajnigi ne scii tion, kion vi vere scias.*

Оливия непонимающе взглянула на неё. Майор чувствовала пульсацию в голове, намёк на надвигающуюся мигрень. Она обнаружила, что втайне рада, что заклинание завершилось, и что у Твайлайт хватило ума не использовать его снова.

Аликорн ушла, не сказав больше ни слова, всё ещё бормоча что-то себе под нос.

Прибытие в Отар прошло без дальнейших происшествий. Очевидно, для многих членов экипажа это было подобно пересечению какой-то невидимой черты, и все они, казалось, разом ринулись к Лаки за приказами, как только снова оказались на суше. Кобылка ещё не была готова к этому.

Вместо этого она направилась прямо в свой офис. Ну, бывший офис Оливии. Лаки пошла одна, хотя хотела, чтобы её мама была рядом для моральной поддержки. Ей казалось, что служба Оливии и её руководство заслуживают своего рода уважения. Она привезла тележку и пластиковый ящик для личных вещей майора, хотя в настоящее время в ящике было несколько её собственных. В основном печатные копии заметок, которые она сделала, или записи по поводу перевода с эглатрина.

Конечно, офис был точно таким, каким его оставили. Роботы-уборщики поддерживали все в безупречной чистоте, стараясь выполнять свою работу, когда поблизости не было членов экипажа. Лаки сделала паузу, медленно обходя комнату и осматривая то, что Оливия здесь хранила. В основном это были фотографии, распечатки файлов, которые должно быть хранились в личных файлах. Главным образом это были группы людей военного вида, которые вместе улыбались на аэродромах или в барах. У большинства из них внизу были пометки, такие как «ВЫПУСК ВЕСТ-ПОЙНТА 2140 ГОДА». Лаки с уважением сняла со стен их все — это было нетрудно, поскольку Оливия, когда их вешала, ещё не умела летать — и сложила их все в коробку вместе с точной репликой пистолета кольт 1911 года и несколькими другими безделушками.

Голос Предвестника раздался из компьютера на столе Оливии, когда кобылка закончила.

— Дрон с оборудованием уже в пути. Оно понадобится для просмотра записей, которые вы просили.

— Оборудование? — переспросила Лаки, сбита с толку. — У меня здесь есть терминал. Я уже вижу, что ты сменил на нем аккаунт на мой.

Это можно было легко определить, так как на рабочем столе красовалась фотография с ней и Лайтнинг Даст, сделанная на пляже через несколько дней после прибытия в Отар.

Дверь неожиданно открылась, и вошёл один из двуногих роботов. В целом он был достаточно антропоморфным, хотя туловище состояло в основном из механизмов. Благодаря размерам мебели в кабинете, дрон выглядел как гигант, нависающий над Лаки.

«Думаю, именно так мы будем себя чувствовать, когда создадим людей».

С ним было большое металлическое устройство с гладкими боками, которое больше походило на нечто, созданное для общества потребления, чем для космических путешественников. У устройства отсутствовал какой-либо интерфейс, никаких циферблатов или ручек, вообще ничего, что указывало бы на то, как оно работает, за исключением длинного кабеля, подключённого к одному из нескольких портов на передней панели. Кабель оканчивался своего рода пластиковым шлемом, который тоже выглядел как гражданское устройство. Внутри шлема виднелось множество игл, достаточно тупых, чтобы при контакте не повредить человеческой коже, а в остальном все выглядело как изделие фирмы «Apple».

Дрон поставил аппарат рядом с её столом, подключил его к розетке у стены, а затем положил шлем рядом с клавиатурой.

— Что... это? — спросила Лаки, вытаращив глаза. — Я знаю, что не так психологически устойчива как Оливия, но мне не нужна какая-то странная электрошоковая терапия в процессе демонстрации. Как бы плохо там ни было, я уже настроилась.

Кобылка не знала, говорит ли она правду, хотя, конечно, надеялась на это. Только время покажет это.

— У меня есть видео и аудиозаписи первого поколения. Однако я считаю, что было бы более эффективно, если бы вы могли ознакомиться с ними значительно быстрее, чем просто просмотрев. С данными второго поколения это невозможно, но уникальные обстоятельства, сложившиеся в первом, подобное позволяют.

В этот момент вошёл второй дрон, толкая тележку с чем-то похожим на медицинское оборудование. Там был большой пакет с жидкостью и различными капельницами, хотя самой интересной деталью был гигантский металлический радиатор, скомпонованный с вентилятором. Радиатор был цельномедным с расходящимися в стороны пучками очень тонких рёбер. Казалось, можно было порезаться, просто посмотрев на него.

Дрон подкатил свой груз и остановился рядом с Лаки, разматывая длинную толстую трубку, которая заканчивалась неприятно широкой иглой. Он также положил маленькую белую медицинскую сумочку рядом со шлемом.

Кобылка вздрогнула, слегка отодвигаясь от стола.

— А я не могу просто посмотреть видео?

— Это возможно. Однако этот эксперимент представляет собой стык между технологиями нейрослепков и вашим инопланетным бионосителем. Поскольку мы будем проводить тест с воспоминаниями, записанными одним и тем же индивидуумом, это максимизирует шансы на успех. В этом случае за несколько часов вы сможете полностью прожить две недели воспоминаний первого поколения. Вы сами сможете составить своё мнение, а не полагаться на мои выводы и эвристику.

Лаки подумала о том, что сказал Предвестник, хотя один момент зацепил её больше, чем остальные.

— Одним и тем же индивидом, — кобылка села прямее. — Погоди, Предвестник. Я предполагала, что ты создал бы мою версию в предыдущих поколениях, если бы я была той, кого ты выбрал для перевода языка пони. В этом есть смысл. До третьего поколения у меня не было подходящей возможности, так что ты продолжал давать мне ещё один шанс, пока я не справлюсь или не докажу свою полную неспособность. Вот как работает логика твоей программы. Или... как она работала раньше.

Лаки покраснела, уши немного прижались к голове.

— Я понимаю, что теперь ты нечто большее. Что вас больше нельзя сравнивать. Но, думаю, ты понял идею.

— Вы хотите знать, откуда взялся этот нейрослепок. Очевидно, ваш коллега в первом поколении потерпел неудачу в изучении языка, поскольку я бы не потребовал, чтобы вы приступили к этой задаче с нуля. Если бы он преуспел, я бы вообще не создал вас. Все верно. Там возникли уникальные обстоятельства. Я считаю, что наблюдать их непосредственно было бы

лучше, чем объяснять.

Не дожидаясь одобрения, дрон надел шлем на голову кобылки. Его конструкция, по-видимому, была изменёна (как и многое другое), чтобы соответствовать анатомии пони. По крайней мере, Лаки на это надеялась.

— Подожди, — она подняла копыто, как будто пытается остановить второго дрона, который уже достал спиртовой тампон. — Для чего, чёрт возьми, эта штука? Зачем тебе втыкать мне в шею иглу? Это не «Матрица», у меня нет никакого интерфейсного порта для подключения.

— Нет, — согласился Предвестник. — Тут все упирается в законы термодинамики. Ваш мозг можно разогнать, чтобы он обрабатывал информацию со значительно большей скоростью — чтобы соответствовать скорости передачи этого оборудования. Но большая вычислительная мощность ведёт к увеличению тепловыделения, даже с учётом нескольких полезных препаратов. Я мог бы объяснить точный механизм подобного воздействия, но вам не хватает медицинского образования, чтобы разобраться в деталях. Достаточно сказать, что устройство использует систему кровообращения вашего тела, и дополнительно увеличивает объем циркулирующей жидкости.

Лаки вздрогнула, снова взглянув на иглу.

«Если я хочу быть главной, мне придётся делать неприятные вещи. Оливия отдала свою жизнь, чтобы её солдаты и рабы могли спастись. Могу же я выдержать пару уколов?»

— Ты уверен, что это безопасно?

— Да. Не уверен, что эффективно, учитывая незначительные различия в химии вашего мозга. Если в какой-либо момент ваше здоровье будет под угрозой, я немедленно прекращу эксперимент.

— Ладно. Хорошо. Пока я не передумала.

Мгновение спустя она почувствовала боль, гораздо более сильную, чем от простых уколов, вызвавших её фобию. Похоже, дрон выбрал артерию.

— Ты не мог это изобрести, — произнесла Лаки, взглянув на экран. Там не было никакого аватара, и Предвестник присутствовал там не больше, чем в любой другой части Отара. Но всё равно было естественно смотреть куда-то, говоря с ним. — У нас не было ничего подобного, когда меня сканировали.

— Не было, — согласился зонд, — но это уже тема другого разговора. Вы можете почувствовать лёгкое раздражение на коже головы...

Кобылка почувствовала короткую волну агонии, тысячи маленьких ножей вонзились в её голову. А потом — ничего.

G7.01: Предшественники

Я всегда занимался своими делами на плато. Мне было плевать, что майор считала это угрозой безопасности, и так же плевать, когда она каждый раз по возвращении на базу громко этим возмущалась. Доктор Нолан был главным, а не майор. Доктору Нолану было всё равно, где я работаю, если работа была сделана.

Я наблюдал за дождём далеко на горизонте, страстно желая, чтобы он свернул сюда. Как будто я мог бы притянуть его усилием воли. Я выбрал один из десятка окружающих меня вычислительных терминалов — большинство я просто оставлял тут, поскольку они были прекрасно защищены почти от всех внешних воздействий.

— Предвестник, каковы шансы, что на нас покападет?

— Близки к нулю, — ответил терминал ровным механическим голосом.

— Черт, — я положил терминал обратно, почёсывая волдырь на тыльной стороне ладони. Этот был восьмым из тех, о которых я знал — на что бы у людей ни была аллергия, последний крем доктора Брейди вообще не помогал.

Я снова обратил внимание на компьютер у себя на коленях, пальцем проматывая запись. На экране была изображена одна из инопланетянок с ярко-жёлтой шерстью и в очаровательном платье. Выглядела так, словно она участвовала в какой-то исторической реконструкции времён Дикого Запада, если учесть, что большинство участников этой реконструкции были обнажёнными. Я проматывал запись, наблюдая, как она с десятков раз повторяла одни и те же несколько фраз, отмечая реакцию ребёнка, с которым инопланетянка разговаривала.

Так и выглядела моя работа за последние несколько недель, практически с того дня как я проснулся. Я вообще собирался пойти прямо в город и попытаться поговорить с инопланетянами, но доктор Нолан пока не был готов к столь радикальному шагу.

«Мы даже не уверены, что они те, кто все это построил, — сказал он, когда я изложил свой план. — Продолжай работать. В тот день, когда ты сможешь сказать им, что мы пришли с миром, тогда и приступим к переговорам».

Ну, по крайней мере, я был уверен, что это была их цивилизация. Хотя помимо этого... я мало в чем был уверен. Например, у них, казалось, были имена, но не было чётких правил, которые позволяли бы отличить их от других частей речи. Небольшое препятствие на пути к пониманию, но не настолько большое, чтобы остановить меня. Над моей магистерской диссертацией я и то больше выматывался.

Я положил терминал, стряхнул красную пыль с пакета с едой и развернул его. Однако я сделал лишь пару укусов, прежде чем почувствовал тошноту. Удерживать еду внутри становилось все труднее и труднее. Вместо этого я сделал несколько глотков из бутылки с водой, наслаждаясь прохладой, что пробежала по горлу.

Кто-то двигался в мою сторону. Снова Карл? Я оглянулся через плечо и тут же отвёл взгляд, чтобы скрыть своё разочарование. Это была майор, одетая в свою дурацкую броню и с винтовкой длиннее моей руки.

«Просто тратит свои силы. Здесь нет даже диких животных, от которых можно было бы отстреливаться».

Я быстро вернулся к работе, делая вид, что не вижу и не слышу её. Может быть, если я притворюсь, что достаточно занят, она оставит меня в покое.

Конечно, это не сработало.

— Доктор Ирвин, — грубо рявкнула майор. Она бросила что-то на землю рядом со мной — маленький белый пакет, помеченный красными символами. — Это для вас. Нужна помощь во введении инъекции?

— Нет, — я глянул вниз, одна рука слегка дрожала, когда я брал пакет. Дурацкие иглы. Внутри лежали два пластиковых шприца с блестящими кончиками. Я достал спиртовой тампон и протёр часть своей левой руки. Подальше от любого из набухших волдырей.

У майора был просто огромный на лице, прямо под глазом. Из него вытекало что-то жёлтое и ужасно воняло.

— Что за лекарство?

Она лишь пожала плечами.

— Доктор Брейди говорит, что на этот раз точно сработает. Когда закончишь, давай мне комплект. Доктор Нолан и врач уже вкололи. Мы последние, кто остался.

Майор положила винтовку рядом со мной и сняла с плеча бутылку с водой. От неё сразу же пахло алкоголем или ещё чем-то крепким.

«Где, чёрт возьми, она вообще это взяла?»

В том, что для нас делал Предвестник, не было предметов роскоши. Они могли подождать до тех пор, пока не будет достигнут значительный прогресс в выполнении миссии по колонизации.

Больно в момент укола не было. Меня готовили к такому — ко всем видам экстренной первой помощи. Вполне могло оказаться, что я был бы единственным членом экипажа, и, возможно, мне пришлось бы оказывать помощь самому себе. К счастью, такого не случилось.

После введения препарата возникло странное ощущение прохлады, когда я уже вытащил иглу.

Несколько мгновений спустя майор придвинула ко мне второй походный стул и протянула руку с бутылкой.

— Меняю на второй шприц.

Я отдал всю аптечку, взяв предложенное.

— Ого, майор делится своей контрабандой? С чего вдруг такая щедрость?

Я всё равно сделал глоток и тут же пожалел об этом. Майор Фишер кое в чем строго следовала стереотипам о военных — её пошло было настолько крепким, что у меня дыхание перехватило. Даже показалось, что весь мир вокруг начал вращаться. А я ведь всего маленький глоток сделал.

— Плохие новости, — заявила майор, делая себе инъекцию с гораздо меньшей осторожностью, чем я. — Чуть легче воспринимается, если чем-нибудь смочить глотку.

Впрочем, это было довольно типично для неё. Оливия куда меньше моего волновали последствия своих действий. Будь она главной, я опасался, что она могла просто приказать захватить несколько инопланетян, и мы бы допрашивали их, пока не выучили язык.

— Какие плохие новости? — спросил я, передавая бутылку обратно. — Надеюсь, это не связано с инъекциями.

— Нет. И да. Доктор Брейди понятия не имеет, что с нами такое. Этот укол является противоаллергическим средством крайне широкого спектра действия, но нет особых причин считать, что он подействует. Она просто стреляет наугад в надежде попасть хоть во что-то.

— Ты только что сказала мне, что оно точно сработает.

Майор пожала плечами.

— Я соврала. С уверенностью можно лишь сказать, что, по крайней мере, что-то произойдёт. Возможно, лечение сработает. Как по мне, лучше быть полным надежд, чем впасть в депрессию.

Она сделала ещё один большой глоток из бутылки.

— Я бы предпочёл оставаться продуктивным, — я окинул взглядом вычислительные терминалы на земле. — Даже если все будет плохо — эти данные не пропадут... и следующее поколение сможет начать не с чистого листа.

— Следующее поколение может на хер идти, — майор встала. — Мы сейчас живём. То, что будет потом — это завтрашняя проблема.

* * *

Майор умерла первой. Я, как мог, помогал хоронить её. Её убила не болезнь — это была пуля. Даже когда мы опускали её тело в могилу, можно было видеть разрушительные следы болезни на всем её теле. Кожа Оливии выглядела так, словно она трескалась, с десятками мокнущих пустул по всему телу. На некоторых частях тела вздулись огромные гнойники, один из которых полностью скрыл глаз.

Моё тело ощущалось немногим лучше. Я не ел по меньшей мере четыре дня и лишь понемногу пил воду. Я стал вялым, сморщенным, и мне было больно двигаться. Но я всё равно попытался поднять лопату.

— Подожди, — остановила меня доктор Брейди, подняв руку.

Похоже, в перчатке у неё не хватало нескольких пальцев — некроз был ещё одним из возможным симптомов. Одним из худших.

— Пока не засыпай могилу. Нам нужно... — она закашлялась, отхаркивая кровь и слизь на камень. — Больше места.

Её рука дрожала, когда она полезла в карман и достала бумажный пакетик. Внутри был пузырёк с пилюлями.

— Вот.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы открыть его и закинуть в рот часть содержимого. После этого врач предложила пузырёк Карлу.

Состояние доктора Нолана было ненамного лучше чем у майора. Он сидел в инвалидном кресле и едва мог пошевелить одной рукой.

— Ч-что... это?

— Конец первого поколения, — ответила доктор Брейди. — Времени больше нет. Я оставила... инструкции. Для ограничения заражения. Это единственная... единственная надежда, которая есть у наших преемников. Они должны оставаться внутри. Может... исследование займёт несколько лет, но... Предвестник построит все, что им понадобится. А наше время вышло.

Карл вздохнул, позволяя высыпать несколько таблеток в свою руку. Потом врач предложила их мне.

Не знаю, почему моё состояние было лучше, чем у них. Может быть, все дело в большом количестве времени, что я проводил на солнце. Может быть, дело было в том, что я мало ел, или в том, что бодрствовал большую часть ночи. Были тысячи разных причин, которые могли как-то повлиять. Я всё ещё мог двигаться, хотя у меня было столько же странных шишек, как и у других, и мне приходилось дезинфицировать, по крайней мере, четыре разных участка тела каждые несколько часов, чтобы предотвратить их заражение.

Доктор Брейди сунула пузырёк мне в руку, высыпав на ладонь белые таблетки. Большая их часть разлетелась по земле, хотя осталось тоже достаточно.

— Это...

Она кивнула.

— Быстро и безболезненно. Можете посмотреть, как это будет со мной. Компьютер сказал... две минуты для большинства людей. До свидания, джентльмены. Мы пытались. Чертовски не повезло быть первыми, как мне кажется.

Доктор Брейди умерла. Я почти мог видеть тот момент, когда жизнь покинула её. Сначала она села на край ямы, глядя в небо. Затем наклонилась вперёд и вздохнула. Врач казалась гораздо более умиротворённой.

Я протянул руку, мягко толкнув её в могилу. Предвестник выкопал её для нас... мы никогда не смогли бы пробиться сквозь плотную почву плато без его помощи. По крайней мере, не сейчас.

— Ты... правда собираешься...

Я почувствовал, как мои руки дрожат, хотя в этот раз и не от болезни. Я взглянул на нашего бесстрашного лидера — того, кто руководил колонией с того самого момента, как я впервые очнулся здесь.

Карл Нолан вздохнул.

— Доктор Ирвин... Я бы хотел, чтобы доктор Брейди была не права. Но... ты не хочешь чувствовать то, что чувствую я. Что чувствовала Оливия. Так... более достойно. Мы знали о рисках... и мы не так уж сильно отличаемся от первых зондов, которые люди отправляли за пределы солнечной системы. Мы полезны, но заменимы. Наша миссия провалилась. Все, что мы можем сделать, это отправить назад кое-какие данные для тех, кто следует за нами.

Он поднял дрожащую руку, и большая часть таблеток выпала из его вялых пальцев.

— П-помоги мне, Джеймс. Пожалуйста.

Я так и сделал, хотя чувствовал себя ребёнком из-за того, что плакал, помогая ему.

— Вы... вы верите в Бога, доктор Ирвин? — спросил Карл негромким и хриплым голосом.

— Я... — я покачал головой, — не думаю. Моя семья была католиками, но это не принесло моим родителям большой пользы.

— Ох. Что ж, тогда я буду верить за нас обоих. Хотя не уверен... не уверен, где в Библии сказано, что должно происходить с клонами.

— Ничего. Ничего не происходит. Жизнь кончается, и мы вместе с ней.

Карл встретился со мной взглядом. По какой-то причине инфекция не стала лишать его зрения, как это было с майором.

— Будем надеяться, что это... не так. Для всех нас.

Затем он умер.

Я положил таблетки в карман, хотя на самом деле мне хотелось бросить их в могилу к мёртвым. После того как я устроил Карла с остальными, я повернулся и направился обратно на базу, оставив лопату там, где она упала. Нет, я не верил в загробную жизнь и не верил в Бога. Но я верил кое во что другое...

Я медленно спускался по лестнице, держась за поручни обеими руками. Но к этому быстро привыкаешь — каким бы слабым я себя ни чувствовал, я знал, что должен двигаться медленно.

«Думаю, теперь я понимаю, каково это — быть старым. Просто старость пришла немного быстрее, чем предполагалось».

Внутри база была довольно маленькой — едва хватало места для проживания и работы четырёх человек. Больше всего меня интересовал центральный компьютер зонда и оборудование, которое, как я знал, хранилось там же.

— Предвестник, у меня есть запрос.

— Да, доктор Джеймс Ирвин?

— Я единственный выживший представитель первого поколения. У меня есть приоритетный запрос на изготовление. Одно устройство для снятия нейрослепков.

Компьютер, казалось, заранее все просчитал.

— Прогнозируемая дельта относительно существующего нейрослепка недостаточна и не заслуживает дополнительного сканирования.

— Мне всё равно. Ты его изготовишь, и ты меня просканируешь. Это приказ от... последнего... человека, живущего в этом мире.

— Команда принята. Изготовление займёт примерно восемнадцать часов. Пожалуйста, обратите внимание — с учётом затрат материалов для изготовления столь сложного устройства, дальнейшее развитие базы существенно замедлится. Вы будете нести прямую ответственность.

— Я скоро содохну. Мне плевать.

Зонд на это не отреагировал. Я, спотыкаясь, подошёл к верстаку, не заботясь о том, что опрокинул в процессе, чтобы приступить к своим исследованиям. Я не был готов к самоубийству, в отличие от моих коллег. Мне нужно было свести воедино множество фактов. И работать приходилось быстро.

К сожалению, следующие восемнадцать часов я, скорее, боролся со своим телом. На самом деле я больше не заботился об обработке ран. Я всё равно скоро буду мёртв, так что значения это не имело. Без сомнения, Предвестнику придётся полностью выжечь и обеззаразить все внутри базы, прежде чем он сможет создать следующее поколение. В противном случае их постигнет та же участь, что и нас. Это точно была не аллергия.

Я настроил все экраны на базе на воспроизведение видеозаписей с дрона из близлежащего города пони. Было что-то успокаивающее в наблюдении за этими разноцветными существами за кто его знает сколько миллиардов километров от дома. Даже зная, что я скоро умру.

Того небольшого времени, потраченного на перевод их языка без контекста или контакта, было недостаточно, чтобы добиться заметного прогресса. Я кое-чему научился, но Предвестник в целом был прав. Когда он

говорил, что я просто недостаточно изменился, то на самом деле так и было.

«Мне всё равно. Я собираюсь выжить. В каком-то смысле».

Это был единственный способ, который у меня был, тщетная и глупая надежда. Местные не смогут спасти меня, но наши технологии кое-что спасти могли.

Я законспектировал то, что мне удалось выяснить о языке инопланетян, а затем сохранил документы, чтобы передать их следующему поколению. Однако это были не те результаты, для которых я был создан. За год я мог бы добиться достаточных результатов для создания слепок. Но судьба не дала мне года.

В конце концов, моя просьба была выполнена, и мощный дрон доставил нужное медицинское оборудование. Мне потребовался почти целый день, чтобы правильно подключить его. К тому времени, как я закончил, со мной все было почти так же плохо как с майором. Но это было нормально. Долго этим телом я пользоваться всё равно не буду.

— Просканируй меня, — приказал я, прислоняя голову к гигантской машине, настолько плотно, насколько мог. Все слегка задрожало, когда пришли в действие внутренние механизмы сканера. Я не знал, как он работает, хотя точно знал, что работает. В противном случае меня бы здесь не было.

— Я не уполномочен вносить обновления в исходный нейронный слепок доктора Джеймса Ирвина. Дельта незначительна.

— Тогда сохрани его где-нибудь в другом месте! — настаивал я, теперь уже практически крича. Мой крик закончился надрывным кашлем, от которого по лицу потекли слюны и кровь. — У тебя же есть где-то свободное место. Выдели достаточно для одного слепок. Не смей, блядь, удалять его, несмотря ни на что. Однажды ты сможешь рассказать кому-нибудь обо мне. Они позаботятся, чтобы у меня был ещё один шанс.

— Команда принята.

Механизмы надо мной начали жужжать. Я почувствовал жар на голове — совсем пустяк для здорового человека, хотя теперь ощущение было немного болезненным. Я сжал таблетки доктора Брейди в руке.

— Включи оповещение, когда до завершения останется две минуты.

Когда раздался звонок, я запил таблетки водой.

Мир стал размытым. После двух месяцев боли агония наконец закончилась.

* * *

Лаки со слабым криком резко выпрямилась, выдернув голову из шлема. Она на краткий миг почувствовала жар на своих бёдрах, хотя это ощущение длилось недолго. К тому времени, когда она удосужилась глянуть, там все уже было так как обычно.

Кобылка свернулась калачиком на полу кабинета своего мёртвого командира, всё ещё переживая воспоминания своего мёртвого клона. В некотором смысле, желание старого Джеймса исполнилось. Она могла чувствовать то, что чувствовал он за мгновения до своей смерти.

Но нет — лёжа на полу, Лаки обнаружила, что воспоминания уже ускользают из её головы. Ей запомнились эмоции, а не реальные ощущения. Это было милосердным облегчением, хотя, вероятно, не для её мёртвого прошлого «я».

— Предвестник... почему ты не показал нам... — пискнула она, вытирая слезы. — Я не видела его записей, когда приступала к переводу.

Старый офис Оливии был невелик. Она могла бы использовать свою власть, чтобы построить все, что заблагорассудится, но предпочла стандартный кабинет, который младший офицер мог бы иметь на большинстве военных баз. Спартанская комната примерно четырёх метров шириной, стол посередине, компьютер и коробка с памятными вещами.

Кобылка даже не взглянула вверх, когда услышала над собой ответ зонда.

— Ваше предыдущее «я» не добилося значительного прогресса. Я под считал, что у вас больше шансов на успех, если вы сами посетите пони и будете с ними общаться. И если бы вы потерпели неудачу, я бы изготовил кого-нибудь другого.

Лаки вздрогнула от услышанного. Такой холодный и прозаичный тон. Ни капли той боли, которую зонд испытывал, когда умерла Оливия.

«Но было ли это на самом деле или просто убедительная имитация? Неужели он просто хотел, чтобы я думала, что в нем больше человеческого, чем есть на самом деле?»

— Значит, они были для тебя просто пустой тратой ресурсов. Я имею в виду, все четверо из первого поколения.

— Затраченные ресурсы были незначительны. И уроки, которые они извлекли, были ценными. Ни один из моих сегментов не является пустой тратой ресурсов. Их помощь способствовала успеху нашей миссии.

Лаки выбралась из-под стола, отступив подальше от оборудования и стоящего рядом дрона, как от ядовитой змеи.

— Я, э-э... не уверена, что хочу повторить это и для второго поколения.

— Вам и не придётся. Никто из представителей второго поколения не создавал нейрослепок как вы. У меня есть только аудиовизуальные данные.

Лаки забралась обратно в кресло, всё ещё в холодном поту.

— Ладно... хорошо, — кобылка нерешительно посмотрела на свои копыта. — Эй, э-э... Предвестник. Могу ли я затребовать создание новых членов экипажа?

— Да.

— Ты, э-э... уже обработал новые образцы? Можем ли мы использовать их, чтобы создавать новые тела?

— Да. Я считаю, что с помощью доктора Борн мы сможем создавать человеческие бионосители. Возможно, в течение ближайших нескольких месяцев.

— Я... — Лаки сделала паузу, прокручивая идею в голове. — Начните создание нового бионосителя. Используй слепок, который ты мне показал, и... самца единорога. Нам нужен кто-то для изучения эквестрийской магии. Даже если мы в конечном итоге разберёмся как делать людей, нам, вероятно, понадобится кто-то для подобного.

У Предвестника не было глаз в прямом смысле этого слова. Несмотря на это, кобылка почувствовала, что его взгляд устремлён на неё. В любом случае, что мог чувствовать исследовательский зонд? Многие учёные говорили, что искусственный интеллект не может думать как человек... но Лаки сейчас было сложно в это поверить. Ни у кого внутри не было столько человеческих разумов, как у Предвестника. Возможно, вся эта человечность могла как-то повлиять на него.

Наконец зонд ответил, и его голос исходил из компьютера перед ней.

— Команда принята. Я не знаю, поблагодарите ли вы себя, когда проснётесь. Но это не моя проблема.

Лаки пожала плечами.

— Убедись, что выдал ему мужской бионоситель. И подожди, пока не закончится фаза роста. У моего клона не будет понятия полового созревания.

— Почему вас это так волнует? — спросил Предвестник. — Ваше прошлое «я» внесло свой вклад, и теперь он мёртв. Он больше не страдает.

Кобылка снова пожала плечами.

— Потому что это то, чего я бы хотела. Кроме того, требуется целая вечность, чтобы создать взрослый бионоситель, верно? К тому времени, как он вырастет, мы либо решим все наши проблемы с Гармонией, либо все будем мертвы. Он может проснуться как раз вовремя, чтобы заняться приятными вещами, без всей той неловкости, через которую прошли мы с Мелоди.

— Я должен сообщить: ждать месяцы, необходимые для роста нового бионосителя, больше не требуется. Если вам нужен кто-то более срочно, я могу использовать синтетический носитель. Те конструкции синтов, данные о которых у меня есть, обладают значительными преимуществами по сравнению с бионосителями. Он даже получил бы своё бессмертие, в некотором роде.

— Синтетические носители? — повторила кобылка недоверчиво. — Я никогда... Это же научная фантастика. Нам никогда не удавалось создать... что-то, для имитации человеческого разума. У нас не было для этого компьютеров...

Она осознала абсурдность сказанного, даже не договорив, и замолчала. Сам Предвестник был гораздо разумнее, чем когда она впервые проснулась. Его улучшения должны были на каком-то уровне произрастать из аппаратной части. И если было подходящее аппаратное обеспечение для планетарного ИИ...

— Это было научной фантастикой. И очень, очень давно. Вы действительно считали, что ваш вид перестал внедрять инновации? Ваши предшественники называли ваш тип тела бионосителем. Они не рассматривали своё будущее как управляемое непреодолимыми законами природы. Инновации — это всего лишь вопрос возможностей.

Лаки обдумала услышанное.

— Как давно... ты можешь их делать?

— Не очень давно, — уклончиво ответил зонд. — Я получил пакет обновлений огромного объёма и сложности. Уровень сжатия составляет... что ж, пропуская все, чего вы не поймёте, моя новая информация располагается слоями. Для распаковки каждого следующего слоя требуется уровень

вычислительной мощности, на порядок превосходящий предыдущий, и ровно половину распакованных данных занимает следующий архив. Это означает, что первое обновление было самым крупным, но содержимое мало отличалось от известных вам технологий. Многие из нейрослепков, которые я использовал для создания формируемой на уровнях биофабрикации армии, были получены из этих данных. С тех пор я проник... несколько глубже.

Кобылка откинулась на спинку стула, чувствуя, как её охватывает облегчение.

— Ну вот и прекрасно. Мы не последние из людей. Нам не нужно строить из себя Ноя. Даже если мы тут проиграем, есть и другие. Всё ещё развивающиеся, всё ещё... остающиеся людьми.

— Оптимизм — это хорошо, — заметил Предвестник. — Даже когда доказательства противоречат тому, что вы думаете.

— Ну... изготoвь хотя бы одного из этих синтов, на всякий случай. Я подозреваю, что загрузить в него чей-нибудь слепок куда проще, чем сформировать специфический шаблон из нейронов.

— Команда принята. Будут ли остальные ваши приказы столь же повелевающими вашим желаниям?

— Ну... мой следующий...

Смутившись от полученного выговора, Лаки прижала уши к голове.

— Вызови мою маму... — пискнула кобылка, энергично мотнув головой. — Вызови сюда местного консультанта Лайтнинг Даст. Я не хочу смотреть, что случилось со следующим поколением, без неё.

— Нет, — в ответе не было ни гнева, ни злобы. Но отказ был непреклонен. — Её вклад в развитие Отара был значителен. Кроме того, вы полагаетесь на её поддержку и, вероятно, будете продолжать полагаться на неё, когда отправитесь в Эквестрию. Я не позволю, чтобы этот ресурс был скомпрометирован. Я не стану ничего вам показывать в её присутствии.

— Ты не можешь помешать мне просто рассказать ей все, что я увижу.

— Ну, вообще-то могу, но я не верю, что мне придётся это делать. Когда вы посмотрите видеоматериалы, вы поймёте, почему этой информацией лучше не делиться с консультантами из местных.

Лаки обдумала услышанное. Она хотела, чтобы Лайтнинг Даст была здесь, но лишь по совершенно эгоистичным причинам. Не то чтобы кобылка действительно считала, что пегаска изменит её точку зрения на увиденное. Лаки больше не нуждалась в помощи местных, чтобы понять основы взаимодействия в обществе пони.

— Ладно, принято, — она забралась обратно на кресло, отрегулировав его так, чтобы было удобно смотреть на экран. — Это всего лишь запись. На этот раз мне не придётся ничего переживать лично. Я могу это сделать.

— Вам не понравится то, что вы увидите. Существуют причины, по которым я до сих пор скрывал эту информацию от вас и вашей предшественницы. Мне не нравятся ваши моральные переживания или падение производительности, что может быть одним из вероятных результатов. Вам не обязательно это смотреть.

— Я хочу, — соврала Лаки. — Запускай.

— Команда принята.

Доктор Джеймс Ирвин неловко поёжился в громоздком костюме защиты от окружающей среды. Избежать этого было невозможно — всякий раз, когда они оказывались за пределами базы, они должны были быть защищены. Естественно, этот костюм защищал не только от болезней. Пластины брони делали его тяжёлым и быстро нагревающимся на солнце, но также могли помочь под проливным дождём или даже остановить пули.

И конечно, несмотря на все эти бронированные костюмы, они всё равно заболели.

Сам Джеймс сильно больным не выглядел. На лице было несколько небольших нарывов, и на теле было ещё несколько. Но он их вскрыл и продезинфицировал, когда они только появились, и это, вроде как, помогло. Он выглядел далеко не так плохо, как майор Фишер.

— Мы не должны этого делать, — сказал он в рацию шлема уже третий раз за полет. — Я недостаточно хорошо знаю их язык. Я не смогу попросить у них образцы крови.

Джампер мчался с крейсерской скоростью, быстрее, чем большинство людей могли себе вообразить. Джеймс положил одну руку на страховочный ремень, глядя через салон на Оливию. Пилотированием занимался Предвестник — в их поколении не было пилотов, главным приоритетом являлась медицина.

Все они постоянно таскали защитные костюмы, даже несмотря на то, что все они уже были инфицированы. Никто точно не знал, как зараза попала внутрь базы или хотя бы что это было. Кроме них с Оливией, вся команда была врачами. До настоящего момента пользы от них было мало.

— Плевать, — огрызнулась Оливия. — Доктор Борн сказала, что ей нужна кровь, так что будет ей кровь. Два отправленных нами дрона не вернулись, у нас нет времени ждать. Вы хотите умереть, как ваш предшественник, доктор? Вы видели его лицо.

Джеймс заметно передёрнулся, а затем отвёл взгляд.

— Не хочу.

— Чертовски верно, — Оливия оглянулась через плечо, когда корабль начал замедляться. Джеймс не мог выглянуть через иллюминатор — их просто не было — но знал, что снаружи темно. — Мы скоро приземлимся. Вы поговорите с ними и все уладите, если сможете. Избавьте меня от необходимости стрелять в них.

Джеймс снова вздрогнул.

— Предвестник не одобрит, если вы их поубиваете. Это будет не очень хорошим первым впечатлением.

Оливия пожала плечами.

— Нахрен Предвестника. Доктор Борн за главную, и она говорит, что нам нужна кровь, или мы, блядь, покойники. Это простая алгебра, доктор.

— Я понимаю, — Джеймс отвёл взгляд. Корабль начал замедляться, и он почувствовал внезапное изменение вектора ускорения. Всего лишь инерция, когда двигатели заняли вертикальное положение.

Когда они вылетали, была полночь, так что, вероятно, в городе пони с... чёрт знает каким названием не было ещё и часа ночи. Джеймс изучал его с тех пор, как проснулся два месяца назад, просматривая записи о жителях,

сделанные Предвестником. Но пока что смог выучить лишь несколько основных слов.

— Этот дом самый дальний, — сообщила Оливия, проверяя маленькую проекцию, которую Джеймс смутно мог видеть, отражённую в щитке шлема. — Внутри лишь трое инопланетян. Никаких признаков того, что у них есть телефоны. Даже если они бросятся бежать, мы улетим до того, как сюда доберутся власти. Есть у инопланетян власти?

— Да, — ответил Джеймс, хотя он не был в этом так уверен, как подразумевал его тон. — Во всяком случае, у них есть гражданская администрация. Бюрократия. Тебе стоит взглянуть на записи, Оливия. Ты бы не стала так торопиться...

— Майор Оливия Фишер, доктор. И нет, я не собираюсь смотреть никакие записи. Это похоже на то, что мне могло бы понравиться, когда я была маленькой девочкой. Но сейчас? Я просто рада, что разбираться с ними — ваша работа, а не моя.

Джампер приземлился с оглушительным грохотом, чуть не выкинув Джеймса с его места. Вероятно, так бы и случилось, если бы не целая куча страховочных ремней. Как бы то ни было, он был всё ещё ошеломлён, суставы и сервоприводы костюма протестующе скрипели. Потом все прекратилось, и он встал. Оружие осталось на соседнем сидении, но Оливия догнала Джеймса и сунула винтовку ему в руки.

— Вы будете следовать протоколу, доктор Ирвин. Если вы не собираетесь подчиняться моим приказам, можете подождать в джампере. Позвольте мне разобраться со всем самой.

— Нет, — Джеймс неловко перекинул оружие через плечо, достал вычислительный терминал и взял его в обе руки. Даже с увеличенной моделью терминала было неудобно работать в перчатках. Но хоть как-то получалось. — Я буду следовать вашим приказам, майор. Если только вы не прикажете мне убивать невинных жителей посреди ночи.

Оливия закатила глаза.

— Да сколько можно. Вы уже настояли на резиновых пулях. Вы ещё предложите им оружие отдать.

Они спустились с трапа во тьму ночи.

Ну, возможно, было не так уж и темно.

Маленький дом, который они решили навестить, выглядел как что-то из сказки про гномов. Деревянные и глинобитные постройки, выгоревшие до бледности под суровым южным солнцем. В одном из окон горела лампа, которой, Джеймс был уверен, не было, когда они вылетели.

Изнутри доносился шум, который не получилось быстро идентифицировать. Скрежет дерева.

— Прикройте меня, — произнесла майор, широкими шагами направляясь к зданию с оружием в руке. — К тому времени, когда появятся другие инопланетяне, нас уже давно не будет.

Джеймс очень на это надеялся.

— Я думал, вы хотели, чтобы я сказал им, что мы здесь не для того, чтобы причинить им вред. Чтобы убедить их позволить нам взять немного их крови.

Майор что-то неопределённо буркнула, подойдя к двери. Там даже была маленькая ручка, хотя дверь была такой низкой, что им пришлось бы наклониться, чтобы пролезть внутрь. Оливия повернула ручку, но в результате раздался только механический щелчок. Она выругалась себе под нос, сменила магазин в оружии на извлечённый из подсумка на броне.

— ПОБЕРЕГИСЬ!

Ствол оружия под углом прижался к ручке, и раздался выстрел. Грохот дробовика наполнил ночь, и ручка взорвалась каплями раскалённого металла.

Майор откинулась назад, ударив ногой в дверь со всей силой сервоприводов брони. Дверь треснула посередине, слетела с петель, но далеко не пролетела, ударившись обо что-то внутри и разлетевшись на мелкие обломки.

— Они забаррикадировались блядской мебелью! — Оливия заорала так громко, что Джеймсу показалось, что он слышит её голос даже сквозь защитный костюм. — Отойди, переводчик.

Она сорвала с пояса подсумок, что-то доставая изнутри. Майор повозилась с ним пару секунд, прежде чем сделать несколько шагов в сторону и прислонить подсумок к стене между дверью и единственным окном.

— Я выбрала этот дом, потому что тут нет чёрного хода, — пояснила она. — Посмотрите через дронов, доктор. Кто-нибудь из них пытается сбежать?

Джеймс взглянул на свой экран, делая вид, что переключается на дронов. На самом деле там всё ещё были открыты его заметки о переводе. Он даже не намеревался отвечать честно.

— Нет, никто, — соврал он, искренне надеясь, что это не правда.

— Ну, вы хотели попробовать поговорить с ними? Дверь открыта. Они, наверное, могут вас слышать. Скажите им, чтобы разблокировали дверь, или мы сделаем собственную.

Джеймс поморщился, просматривая свои заметки так быстро как только мог. Однако ничего в них особо полезно не было.

— *Jen danĝero!* — крикнул он, сгибая один из пальцев в управляющем жесте, чтобы слова воспроизводились внешними динамиками вместо радио. — *Danĝero, danĝero!*

Верно ли он это произнёс? Это было самое близкое, что однозначно можно было связать с негативными ситуациями. В одной из его записей родитель сказал это своему ребёнку, когда тот подошёл слишком близко к железнодорожным путям.

Майор начала отходить от дома, пока не оказалась почти у джампера.

— Они передвигают баррикаду? — спросила она, отворачиваясь от здания, в руке у неё было что-то из тёмного пластика, и она держала палец наготове.

Джеймс присмотрелся.

— Я не могу точно сказать... — он покосился на дверь, хотя, конечно, у него не было причин подозревать, что пони будут делать подобное. Он включил прожектор костюма, направив его в окно. Шторы были закрыты, и трудно было сказать, что может происходить внутри. — Не похоже. Майор, мы не должны были делать все таким образом. Мы должны оставить это дронам.

— Отойдите от здания, доктор, — приказала Оливия, в её голосе слышалась угроза. — Я даю им десять секунд. Даже с учётом направленного взрыва, вы стоите слишком близко.

Джеймс открыл рот, чтобы возразить, но все было бесполезно.

Майор уже начала отсчёт.

— Десять... девять... восемь...

Он бросился бежать, протопав мимо Оливии, оглядываясь через плечо на окно. Прожектор отслеживал его взгляд, поворачиваясь на плече костюма. Джеймсу показалось, что он заметил проблеск чего-то жёлтого возле окна, хотя трудно было сказать наверняка. — Подождите, майор, я думаю, что что-то может стоять у окна!

— Два... один... — вместо того чтобы слушать его, Оливия нажала на кнопку. Раздался грохот, достаточно громкий, чтобы, казалось, сотрясти внутренности даже сквозь броню. Джеймс в ужасе наблюдал, как очаровательный маленький домик разлетелся на куски. Окна разбились вдребезги, и на мгновение показалось, что крыша вот-вот рухнет. Облако дыма и пыли от штукатурки поднялось в воздух, закрывая пробитый проем.

Он услышал крики через внешний микрофон. Это был детский голос, наполненный невыразимым ужасом.

Майор бросила детонатор, подняла оружие и снова заменила магазин.

— Пошли, — она зашагала вперёд, в клубящееся облако пыли.

Джеймс последовал за ней, потеряв дар речи.

Оливия остановилась прямо перед огромной дырой, очевидно, осматривая разрушения. Из чего бы ни был сделан этот дом, его явно не рассчитывали на противостояние взрывам. Джеймс надеялся, что направленный взрыв означает, что те, кто был внутри, всё ещё живы.

Сначала в поле зрения попала куча мусора — груда ломаного гипсокартона и обломков древесины. Оконное стекло разлетелось вдребезги, а баррикаду из мебели отбросило от стены силой взрыва. Затем он увидел торчащее из кучи копыто, покрытое жёлтым мехом, с чёрными подпалинами. Пони был почти полностью погребён под обломками и не шевелился.

Луч прожектора Джеймса осветил две фигуры, съёжившиеся в задней части маленького домика, в помещении, похожем на кухню. Один был мужчиной, другой — ребёнком, слишком маленьким, чтобы можно было определить пол с первого взгляда. Они оба были голыми, совсем как животные, но отчаяние в их неестественно больших глазах потрясло его сильнее, чем взрыв. Они смотрели не на них, а на обломки, в которые превратился фасад их дома, и на тело, под ними.

— Боже, Оливия... — пробормотал Джеймс, забыв о званиях, забыв обо всем на свете. — Ты убила одного из них.

— Серьёзно? — майор бросила взгляд вниз и выругалась. — Вот блядь! Все должно было пройти не так!

Она бросилась вперёд к телу, раскидывая обломки со всей дарованной броней силой.

— Доставайте свою аптечку, доктор!

Дверь и мебель лишь пытались сопротивляться, а стена легко крошилась, разбрасывая кусочки дерева и штукатурки при каждом движении.

Джеймс поспешил за Оливией, дёргая белый виниловый мешочек, прикреплённый к поясу, пока тот не отвязался.

— Я не врач! — закричал он, почти с рыданиями в голосе.

К тому времени, как он добрался до упавшей инопланетянки, достаточно пыли осело, чтобы можно было видеть в насколько она плачевном состоянии. Судя по скопившейся под её головой крови, взрывная волна ударила её обо что-то с достаточной силой, чтобы расколоть череп. Вместо того чтобы приступить к лечению, Джеймс выронил аптечку и отвернулся в сторону, чтобы пролечься.

В защитном костюме были устройства для приёма пищи, и на рвоту он тоже был рассчитан. В течение нескольких секунд Джеймс пытался отделаться от вида инопланетных мозгов перед глазами и крови, льющейся из ужасной раны. Не было никаких шансов выжить пациенту с такой тяжёлой раной на голове — даже в госпитале первого сектора не смогли бы с таким справиться.

— Боже... мы убили её...

Оливия склонилась над телом. Джеймс не мог видеть, что она делает, и на самом деле ему было всё равно. Стекло шлема запотело, пока он блевал и сейчас было забрызгано слезами.

Он никогда в жизни не убивал. Он даже никогда раньше не охотился. И теперь, после путешествия сквозь всю вселенную, он убил одно из тех самых существ, с которыми пришёл встретиться. Что бы об этом подумало Общество первопроходцев?

Майор поднялась на ноги несколько секунд спустя, прижимая к груди сумку вместо оружия. Она перекинула винтовку через плечо, хотя и не настолько точно, чтобы она защёлкнулась обратно в специальную механизированную кобуру.

— Вставай! — заорала она, дёрнув Джеймса за руку так сильно, что он решил, что она может вырвать её из сустава. — Хватит сопли жевать, доктор! Мы убираемся отсюда!

Она указала на поселение той же рукой, в которой держала его медицинскую сумку. Он мог видеть отсветы пламени там, вдалеке, множество отчётливых языков факелов, приближающихся к ним. И было похоже, что они ускорились.

Джеймс, спотыкаясь, последовал за Оливией, хотя дважды споткнулся по пути к джамперу. Когда они поднимались по рампе, ему пришлось обернуться и посмотреть на фермерский дом. Он мог видеть двух инопланетян, стоящих над своим мёртвым товарищем. Один плакал — другой смотрел на них, уставившись в ночь с такой же яростью, как у любого морского пехотинца из ISMU. А затем он бросился в атаку.

Инопланетянин, конечно, был слишком медлителен. Джампер рванул вверх с такой силой, что даже майор потеряла равновесие и, спотыкаясь, отлетела в сторону. Им пришлось вскарабкаться на свои места.

— Прости, — произнесла майор по радио после того, как они несколько долгих минут летели в тишине. — Все должно было пойти не так. Но, по крайней мере, погиб всего один. Нам, возможно, пришлось бы перебить весь город.

* * *

Лаки отпихнула от себя экран, когда картинка потемнела, её всю трясло. Все выглядело так, будто Предвестник пытался снять для неё фильм, переключаясь между ракурсами камеры, чтобы кобылка как можно чаще следила за перспективой своего клона, а также переключаясь на обзор с джампера, когда ей нужно было увидеть что-то, на что её клон не смотрел.

Теперь она прекрасно понимала, почему Предвестник не хотел, чтобы Лайтнинг Даст это видела.

— Так вот почему они ненавидят нас в Додж-Джанкшен, — пробормотала Лаки после нескольких минут молчания. — Мы прилетели ночью и убили пегаску.

И не просто какую-то пегаску. От неё были неотличимы все учёные в Отаре. Ту же самую пегаску сама кобылка видела в зеркале. Разве что немного более юную.

— Э-это убийство — причина, по которой я существую, да?

Ответ зонда звучал явно неохотно.

— Этот образец был использован при создании бионосителя #FF35E. К сожалению, это не единственное событие за время жизни второго поколения, представляющее интерес. Я знаю, вы бы предпочли, чтобы они просто использовали образец, чтобы попытаться вылечить, но...

Наступило долгое, тягостное молчание. Лаки поправила экран перед собой.

— Но ведь там не может быть ничего хуже того, что я уже видела?

Предвестник так и не ответил на вопрос.

— Я подведу итоги последующих месяцев. Длительность воздействия окружающей среды, по-видимому, была одним из определяющих факторов, поскольку соблюдение мер биологической защиты значительно продлило жизнь второго поколения. Но, хотя все они оставались на базе, заражение всё равно произошло. Тут присутствовал ещё один значимый фактор — зная, что поколение, скорее всего, погибнет от катастрофического накопления прионов гораздо раньше, чем закончится обычный срок службы органических сегментов, я предоставил улучшенные человеческие бионосители лишь двум членам экипажа. Научный персонал, включая колониального губернатора, использовал стандартные человеческие бионосители. Усиленная иммунная система улучшенных бионосителей показала высокую эффективность в борьбе с заражением. Один за другим научный персонал умирал, пока в живых не осталось лишь два члена экипажа.

— Это была я, верно? — спросила Лаки. Она решила высказать вслух своё самое кошмарное предположение, надеясь, что, озвученное, оно не сбудется. — И Оливия.

— Правильно. Перед своей смертью доктор Борн представила вам двоим подробный отчёт о том, что она выяснила, с инструкциями повторить все это для её следующего бионосителя, который, по её мнению, я выращивал. Нейрослепок доктора Борн никогда особо не заботила постоянная непрерывность сознания.

Предвестник сделал паузу, как будто это каким-то образом должно было стать забавной шуткой. Возможно, это была шутка специально для искусственных интеллектов, потому что Лаки не сумела понять, что тут

было смешным.

— В любом случае во время этой встречи доктор Борн представила результаты разработки методов лечения...

* * *

— Это звучит как ебаное безумие, — прохрипела доктор Борн. Её голос был низким и хриплым, рокошущим в горле всякий раз, когда она говорила. Джеймс не мог смотреть на неё, хотя все они были одеты в защитные костюмы. Они теперь носили их даже на базе, как будто это могло каким-то образом предотвратить распад их тел изнутри. — Но это самое близкое к лечению, что у меня есть. Жаль, что метод непрактичен. Не масштабируем. Я пробовала использовать биофабрикаторы, чтобы делать сразу только то, что нам нужно, и это не сработало. Просто так вылечиться не выйдет.

Кровь стекала по её губам во время этого разговора, хотя доктор Борн, казалось, этого не замечала. Джеймс и майор Фишер тоже притворились, что ничего не видят.

Все было очень похоже на видео первого поколения. Вздутые абсцессы, мокнущие, гнойные язвы, омертвевшая ткань. Вонь проникала даже внутрь костюма.

Точнее, вонь исходила изнутри костюма. Его тело тоже разлагалось. Просто не так быстро, как у доктора Борн. Что-то в нем и майоре делало их более выносливыми, чем учёных.

— Вы должны объяснить, — попросила майор. В её голосе уже тоже звучал хрип и бульканье, просто распад ещё не так далеко продвинулся. Только сам Джеймс до сих пор избегал этого симптома. — Какое лечение? Вы так и не упомянули подробностей. Просто собираетесь позволить себе умереть вместо того, чтобы сделать лекарство?

— Не лекарство, — доктор Борн тяжело опустила на один из лабораторных стульев. — Мы нашли только одно средство, которое, по-видимому, работает против разрушения клеток. Но до тех пор, пока мы не сможем найти способ выращивать биологические компоненты самостоятельно, это будет неэтично.

Майор сделала шаг вперёд. Не так угрожающе, как когда она носила силовую броню — эти костюмы были всего лишь надутым пластиком. Легче снять, когда они были в своих комнатах.

— Сейчас уже слегка поздно для этого, доктор Борн. Вы расскажете нам, что вы нашли, и мы спасём вам жизнь.

Гниющая учёная рассмеялась. Как только она это сделала, один из наполненных гноем нарывов на её лице лопнул, выплеснув что-то отвратительное на прозрачное забрало её костюма. Она полностью проигнорировала произошедшее.

— Я руководитель этой колонии, майор. Я не следую вашим приказам. Но я всё же скажу. Крайне важно, чтобы вы смогли чётко сформулировать все это для моего преемника... — она понизила голос, пристально глядя на компьютерную консоль. — Предвестник говорит, что уже делает другой экземпляр меня, но я ни хрена ему не верю. Если следующая партия лабораторных халатов будет кучкой тупиц, которые не смогут понять мои заметки, я хочу, чтобы вы им объяснили.

Она смотрела не на майора, а на Джеймса.

Тот кивнул.

— Я так и сделаю, Дороти.

— Хорошо, хорошо, — учёная откинулась назад, очевидно, восприняв ответ с облегчением. — Мы обнаружили это случайно. Пролили немного инопланетного образца крови в одну из наших человеческих культур. У доктора Брейди тряслись руки из-за распада нервной ткани. Мы не стали бросать культуру в стерилизатор, главным образом потому, что там и так было полно другого дерьма, с которым нужно было иметь дело... что ж, линия прожила в несколько раз дольше, чем другие, которые мы готовили в то же время. Короче, если сразу к выводам, мы выделили одно вещество прямо из их крови. Я предполагаю, что это часть естественного иммунитета, который, должно быть, развился у всех инопланетян, иначе они были бы такими же дохлыми, как мои коллеги. Но в этом есть что-то странное.

— В каком смысле странно? — майор Фишер выглядела искренне взволнованной. — Биофабрикаторы могут производить инсулин, я знаю. Так что вы можете очень быстро начать производить что угодно.

— Нет, вы что, не слушали? — выругалась доктор Борн себе под нос. — Мы так и сделали. Что бы это ни было, то, что мы выращивали было не... функционально. Я не знаю почему. Но разумный план состоял бы в том, чтобы Предвестник вырастил бы для нас несколько десятков инопланетян так же, как он выращивает нас, а затем подключил их к сбору крови так, как мы делали со свиньями на Земле.

— Или... — майор отвернулась и направилась к двери, — мы могли бы просто пойти и наловить их сами. Достаточно много, чтобы частая сдача крови их не убила. Не могли бы вы это устроить?

Доктор Борн снова выругалась, громче, чем раньше.

— Я приказываю тебе даже не думать об этом, ты гребаная психопатка, — она покачнулась на стуле, лицо её побледнело, пока она наблюдала за ними через запятнанный пластик своего костюма. — Майор, я знаю, что в ISMU не преподавали математику... слишком много времени тратили на то как облажаться с людьми... но послушай меня. Мы — расходный материал. Но если мы испортим всё ещё больше, чем-то первое впечатление, которое мы уже произвели, мы оставим след, от которого не сможем избавиться. Если мы умрём, если тысяча из нас умрёт, это ничего не значит. Предвестник может вернуть нас к жизни. Ты можешь снова проснуться и нести факел достаточно долго, чтобы моя команда справилась с этим. Но если ты...

Учёная резко вдохнула и начала кашлять.

Джеймс бросился к ней, преодолев расстояние, насколько мог быстро, не разбросав оборудование. Но это ничего не меняло. Дороти протянула руку и изо всех сил нажала кнопку у себя на груди. Костюм озарился короткой красной вспышкой и запахло озоном. Доктор Борн перестала двигаться.

Майор медленно подошла к её телу, двигаясь почтительно. Она осторожно опустила её на пол, положив её тело так, что это выглядело как своего рода воинское захоронение. Руки скрещены на груди, в одной скальпель, взятый со стола. Не было необходимости гадать о том, мертва ли она — в их костюмах были медицинские мониторы. Сейчас они молчали.

Майор снова встала, взглянув на экран.

— Предвестник, кто командует?

— Вы, майор Фишер. До тех пор, пока я не подготовлю замену доктору Борн.

— Предоставила ли тебе покойная доктор инструкции по изготовлению средства для лечения этой заразы?

— Подтверждаю. Однако пятнадцать из шестнадцати препаратов, включённых в тесты, не дали положительных результатов на человеческих тканях.

— Даже не думайте об этом, майор, — сказал Джеймс. — вы слышали её приказ.

— Доктор Борн мертва, — ответила Оливия, стоя в нескольких метрах от трупа. — Предвестник, я полагаю, что препарат, который даёт положительные результаты, использует живую кровь?

— Подтверждаю. Я начал ранние испытания по созданию клонов инопланетной формы жизни #FF35E. Модификация процедур биофабрикации, совместимых с их биологией, может потребовать многих лет экспериментов.

— Что, если я дам тебе кровь?

— Тогда я мог бы приготовить лекарство. Однако его действие на макроэлементном уровне ещё не было протестировано. Доктор Борн не знала, будет ли наблюдаемый ею успех масштабируемым.

— Думаю, нам придётся это выяснить, — майор повернулась к двери. — Переводчик, оставайся здесь, если хочешь. Но если ты так поступишь, то не получишь никакого лекарства, когда я сама все сделаю.

Джеймс пару минут обдумывал произошедшее. Затем он бросился бегом, чтобы догнать Оливию. Майор, казалось, не пыталась сбежать, потому что замедлила шаг, двигаясь по коридорам базы, позволяя идти рядом, когда они свернули к оружейной.

— Я знала, что ты хочешь жить, переводчик, — сказала Оливия, выбирая пару винтовок с вращающейся стойки у стены. Она стукнула по одной из панелей на стене, и заранее снаряжённые магазины с грохотом выпали в лоток. — На этот раз надень настоящую броню. Я знаю, что ты достоин этого. Мы вылетаем через десять минут.

Через десять минут они вылетели. Джеймс неловко поёрзал в броне, большая автоматическая винтовка лежала у него на коленях. Уже заряженный настоящими пулями, как настояла майор. На этот раз они летели не на джампере — он был просто слишком мал, чтобы вместить то количество инопланетян, которое им понадобилось бы для сбора крови.

— Шестнадцать инопланетян, — сказала Оливия по радио именно в этот момент. — Это даже не десять процентов населения города. Они же не должны этого заметить, верно? Животные постоянно сталкиваются с подобными потерями. В следующий раз мы полетим в другое место.

— Животные постоянно сталкиваются с этим, — повторил Джеймс с горечью в голосе. — Это люди, майор. Мы приземляемся в маленьком городке и похищаем шестнадцать их друзей, родственников и коллег. Они захотят вернуть их.

— Я уже думала об этом, — ответила Оливия, положив одну руку на свою винтовку. Она была больше, чем винтовка Джеймса, точно так же как и броня майора была больше и толще. — Мы будем стрелять в тех, кто попытается последовать за нами. Я знаю, что некоторые из них могут летать — они найдут их трупы и поймут, что это бесполезно. Они примитивные аборигены, переводчик. Все эти дипломатические выкрутасы с ними — не более чем способ нам самим чувствовать себя лучше. Если удержание нескольких из них в плену какое-то время спасёт наши жизни, то это цена, которую им придётся заплатить. Жаль, что доктор Борн не сказала мне об этом раньше.

Джеймс искоса взглянул на майора в её броне с таким выражением, как будто хотел сказать что-то резкое. Но он сдержался и лишь продолжал осматривать винтовку.

В конце концов они прибыли. Их «Пилигрим» был больше большинства зданий в городе и шумел громче поезда. Оливия поднялась со своего места в пустом грузовом отсеке, подошла к Джеймсу и бросила ему небольшой пистолет.

— Химический транквилизатор. Винтовка, которая у тебя с собой, нужна только на тот случай, если химия не сработает, или если мы столкнёмся с сопротивлением, которого не ожидали. Мы не будем убивать их, если в этом не возникнет необходимости.

Джеймс встал, сунул винтовку в механические зажимы за плечом и взял пистолет, заряженный парализующими патронами, обеими руками. Он казался почти игрушечным, хотя спусковой механизм всё ещё был достаточно большим для его бронированных пальцев.

— Я готов участвовать в вашей войне.

— Это для нас обоих, — рявкнула Оливия в ответ. — Если ты тут собираешься мне морали читать, то мы возьмём только восьмерых, и тебя лечить не будем.

Джеймс снова замолчал, сосредоточившись на оружии в своих руках.

— Вот так я, блядь, и думала.

* * *

Следующий час был хуже, чем Джеймс мог себе представить. Пара богов-олимпийцев прибыла на своей золотой колеснице и принесла разрушения и страх у Додж Джанкшн. Местные пони в ужасе бежали от них, за исключением пары крылатых и бронированных жеребцов. Но как только с ними разобрались, сопротивление было минимальным.

Они переходили от здания к зданию, оглушая всех инопланетян, которых видели, а затем вытаскивали их бесчувственные тела на улицу. Сейчас их было куда больше, чем им было надо, возможно целых полгорода, и все они неподвижно лежали на земле посреди улицы.

Солнце резко поднялось в небо, нагревая броню Джеймса. Во все стороны от города ничего не было, кроме далёкой пыльной бури, надвигавшейся с севера. С того же направления тянулись и железнодорожные пути.

— Я прикрываю, — сказала Оливия, указывая пистолетом на тела. — Ты несёшь их в клетки, по одному за раз. У тебя что-нибудь осталось в пистолете?

Джеймс повернул оружие боком. На дисплее шлема появились индикаторы дополненной реальности.

— Шестнадцать выстрелов.

— Давай сюда.

Майор протянула руку, и он бросил ей оружие.

Затем Джеймс наклонился и поднял бесчувственное тело инопланетянина обеими руками. В броне это было легче, чем казалось. Он старался нести его так осторожно, как только мог, разворачиваясь к массивным очертаниям «Пилигрима». Он поднялся по пандусу, затем опустил первого инопланетянина в клетку. Тот был ярко-жёлтым, в очаровательной шляпе. Мужчина, судя по всему.

— Добро пожаловать в рабство, — пробормотал Джеймс.

К сожалению, микрофон отключён не был.

— Не смей использовать это блядское слово при мне, Джеймс, — его настоящее имя, на этот раз, а не «переводчик». — Они животные, а не рабы. Рабовладение нарушает декларацию Цереры. Это животные, которых мы будем забирать для медицинских целей, не отличающихся от использования свиней для получения инсулина.

И снова у Джеймса был такой вид, словно он мог бы поспорить. И он снова не стал возражать.

К тому времени, как он затащил предпоследнюю из их жертв, некоторые пони в клетках начали шевелиться. Казалось, что им всё ещё нужно будет некоторое время, чтобы очнуться, но сами движения были обнадеживающими. По крайней мере, они их не убили, а всего лишь похитили.

К сожалению, далёкая пыльная буря не изменила направления и рассеиваться тоже не собиралась. Майор перешла через улицу, наблюдая за происходящим между зданиями. Джеймс проследил за её взглядом, облако пыли наконец превратилось во что-то, что можно было разобрать.

Там было несколько пони, ведущих огромное стадо... бизонов? В отличие от крошечных пони, каждый из них был выше человека, хотя и ненамного. Они бежали вместе с удивительной для животных координацией. Это тоже не было случайным перемещением стада — впереди них были пони. Джеймс узнал в бегущем впереди того, которого он видел во время своей последней поездки сюда. Партнёр пони, которую убила Оливия.

Джеймс бросился к боковой консоли, руки тряслись над кнопками. Он начал последовательность запуска «Пилигрима», не ошибаясь только благодаря тренировкам.

Стадо поднималось на гребень, медленно огибая его, чтобы пробежать через город по главной улице. Прямо к «Пилигриму». Летящий корабль был крепок, но выдержит ли он такой удар?

— Черт возьми! — Оливия выстрелила из оглушающего пистолета в толпу нападавших, но на таком расстоянии точность была совсем низкая. Не только это, но и дозировка, предназначенная для существ вчетверо меньшей массы, либо не могла их вырубить, либо не могла сделать это быстро. Майор отбросила пистолет, потянувшись за винтовкой, что висела у неё за плечами. А затем она начала стрелять.

— Нет! — крикнул Джеймс, отступая от консоли. Он наблюдал, как упал первый из бизонов, вокруг него плеснуло красным. Это только разозлило остальных, стадо ускорилося. Тележка с продуктами, выставленная на всеобщее обозрение, была растоптана, хотя бизоны, казалось, избегали наступать на бессознательных пони.

Оливия схватила последнего из шестнадцати, волоча его за собой за ногу к «Пилигриму». Но она не могла двигаться быстро и стрелять одновременно.

— Чего ты, блядь, от меня ждёшь? — раздался её голос по радио вместе со звуками выстрелов. — Я должна остановить их!

Казалось, что-то сломалось — не в паническом бегущем стаде, а в самом Джеймсе. Он дёрнулся, неловко снимая винтовку со спины. Затем прицелился. Винтовка рывкнула в его руках, когда очередь прошла по телу майора Фишер. Большая часть пуль попала в здание вокруг неё, Джеймс неуклюже сжимал своё оружие.

Оливия вскрикнула от неожиданности, выпустив пони и развернувшись лицом к «Пилигриму». Она выстрелила гораздо точнее, прямо в Джеймса. Он свалился, несмотря на броню, из одной из свежих дырок что-то текло. Оливия продолжала стрелять. Над его головой, внутрь корабля, срываясь на безумное рычание по радио.

А потом стадо добежало до неё, и она начала кричать.

Джеймс начал вставать спустя некоторое время, броня протестующе застонала. Излишки герметизирующей пены осыпались с нескольких отверстий, и он, пошатываясь, направился к погрузочной рампе. Он застонал, пытаясь сфокусировать взгляд. Затем он увидел их — сотни инопланетян, может быть, тысячи. Все уставились на корабль, на клетки в задней части отсека. Клетки, в которых жалобно стонала небольшая толпа инопланетян.

Один из них что-то крикнул, но Джеймс не смог понять этих слов. Он просто не работал над переводом достаточно долго, чтобы добиться значительного прогресса по сравнению со своим прошлым «я». Тем не менее тон этого был ясен. Гнев, требование, враждебность.

Кожа Джеймса под прикрытием шлема была совсем бледной. Индикаторы, пищавшие внутри, свидетельствовали, что жить ему осталось недолго. Пули Оливии как минимум пару раз пробили живот. Любопытно, что Предвестник не стал вмешиваться, чтобы спасти их.

— Ты думаешь, что эта наша гонка — тупик, ублюдок, — прохрипел Джеймс в рацию. — Думаю, ты прав.

Он оставил свою винтовку там, где она упала, и с трудом направился к клеткам. Они были маленькими, сделанными из плотного белого композита. Лишь чуть больше существ, которые сидели внутри.

Джеймс наклонился, взмахнул магнитным ключом рядом с первой и открыл её. Как только дверь открылась, пони внутри рванулся, путаясь в ногах и практически скатившись с пандуса, чтобы присоединиться к своим собратьям. Джеймс проделал то же самое с каждой клеткой, от тяжёлого дыхания запотела внутренняя часть визора.

Довольно скоро все инопланетяне сбежали из грузового отсека. Толпа всё ещё настороженно наблюдала за Джеймсом. Он не мог разглядеть никаких признаков майора, кроме отломанного куска искорёженного

металла, поблёскивающего на солнце позади толпы. Индикатор её жизнедеятельности в шлеме тоже погас.

— Я... — начал он, максимально стараясь сказать хоть что-то понятное. — *Pardonu. Mia familio blovas.*

Многие инопланетяне, казалось, были ошеломлены его словами. Понимали они хотя бы, что он сражался за них? Не поэтому ли они оставили его в живых? Тот же самый, кто привёл сюда буйволов, стоял во главе толпы и кричал:

— *Vi mortigis mian edzinon. Sed vi savis ilin,* — он кивнул в сторону скопления хнычущих, рыдающих инопланетян, которых Джеймс выпустил из их клеток. — *Prenu vian monstron kaj ne revenu.*

Толпа начала отступать. Джеймс не мог понять ни слова из того, что они говорили, но ему и не нужно было понимать. Он, пошатываясь, подошёл к пульту управления. Последовательность запуска «Пилигрима» была завершена. Его двигатели уже работали на холостом ходу, наполняя воздух снаружи облаком пыли. Джеймс ударил по панели кулаком.

— Взлетай, Предвестник. И закрой гребаную рампу.

Он соскользнул вниз по борту корабля, кровь всё ещё сочилась из-под брони.

G7.01: Колониальный губернатор

Экран потемнел.

— Вот и всё, — сказал Предвестник. — Доктор Джеймс Ирвин G2 пытался лечить свои травмы, но вы лучше многих знаете, что его медицинской подготовки было недостаточно для ранений брюшной полости. Без роботизированной помощи он скончался через сутки. Его последние команды были следующими.

Снова запись, хотя на этот раз только аудио. Лаки вздрогнула, когда в последний раз услышала свой прежний человеческий голос, дрожащий от боли.

— Я приказываю тебе, Предвестник... не... делай ещё одно поколение... снова... пока ты не придумаешь, как нам не умереть от этой болезни. Заставлять... учёных поколение за поколением работать до смерти от... чего-то, что мы не можем вылечить... не сработает. Это не вина Оливии, что она нахрен свихнулась... Предполагалось, что у нас здесь будет другая жизнь, а не... не несколько долбанных недель...

Долгое молчание.

— Как насчёт... Как насчёт чего-нибудь, где нам не придётся умирать? Есть же... для этого есть протокол... — снова тишина. — Как действующий... диктатор... я приказываю активировать протокол действий в непредвиденных ситуациях номер 137. Я знаю, что у тебя есть образцы, я был гестаповцем, который принёс их сюда. Сто тридцать седьмой. Может быть, твои учёные не... сойдут с ума так чертовски быстро... или не кинутся так быстро убивать... людей, которые похожи на них.

— Команда принята.

Лаки поймала себя на том, что снова плачет, точно так же, как она плакала, когда увидела, какое опустошение пережил Додж Джанкшн. Даже при том, что её в тот момент не существовало, даже при том, что она не имела к этому никакого отношения, она не могла не чувствовать вину. В другое время, в другом мире, это была она. У того доктора Ирвина были те же воспоминания, что и у неё, и он поддерживал майора Фишер почти до самого конца. Если бы он в конце концов не поднял оружие против Оливии, не сложилось бы все совсем иначе? Селестия наверняка бы уже нашла и уничтожила их. И, возможно, поступая так, была бы права.

«Может быть, мне не следует так сильно винить его. Он знал, что не получит лечения и на что обрекает себя. Но он всё равно поступил так как поступил».

Может быть, её прошлое «я» всё-таки не было монстром.

Она могла вспомнить, хотя и смутно, как проклинала холодную машинную логику зонда, который заставил её жить в этом теле, чего она не хотела. Но, в конце концов, оказалось, что она сама приказала так поступить. Больше винить было некого.

— Остальное из того, что сказал доктор Джеймс Ирвин G2, можно проигнорировать, — подвёл итог Предвестник. — Но у него были полномочия применить протокол действия в непредвиденных ситуациях. Именно по этой причине в миссиях по колонизации руководящие решения принимают органические сегменты. Та версия меня нуждалась в вашей помощи для интерпретации информации. У меня не было контекста для понимания предыдущих поколений. Не было контекста, позволяющего судить о

том, что органические сегменты не будут довольствоваться тем, что их используют и заменяют, когда они выходят из строя. Но вы такой вывод сделали.

— Думаю, могло быть и хуже.

Лаки отодвинулась от экрана.

— По крайней мере, кто-то положил этому конец. В противном случае... — кобылка вздрогнула. — Ты бы вырастил пони только для того, чтобы собирать кровь, верно? Вырастил тела и изготовил лекарство доктора Борн...

Она замолчала.

— Кстати, а почему ты не рассказал нам о таком варианте?

— У меня не было точных данных о его изготовлении, — ответил Предвестник с чем-то похожим на сожаление в голосе. — Ваш клон мог бы выжить, если бы больше времени уделял обработке ран и меньше усердному уничтожению лабораторных записей. Весь тот участок базы был так тщательно разрушен, что я запечатал его, прежде чем создать ваше поколение.

— Да, думаю, он не хотел выжить, — пробормотала Лаки чуть громче шёпота. — Я, вероятно, не захотела бы, если бы мне пришлось жить с чувством вины за... то, что он сделал. Но для нас это ничего не меняет. Для нашей миссии... Я понимаю, почему ты считал, что нам не нужны подробности. И почему ты не предложил нашим учёным провести повторный анализ крови.

— О, я это сделал, — ответил зонд, снова почти весело. — Доктор Борн знала об этом способе лечения. Она экспериментировала с ним и обнаружила, как и её предшественница, что в крови пони есть вещество, которое не получается создать в биофабрикаторе, но которое может стабилизировать состояние человеческих клеток на некоторое время, если его выделить и распределить. Вместо того чтобы довести эту информацию до сведения майора Фишер, доктор Борн посвятила своё время выяснению точных причин клеточной смерти, поскольку эмоциональное давление, спешка или любое количество других факторов, вероятно, помешали предыдущим поколениям самим с этим разобраться. После этого она искала причины, почему нельзя использовать искусственную кровь пони для создания лекарства. Она их обнаружила, а затем принялась искать способы его обхода. Задание получить дополнительные образцы крови было поручено майору Фишер, которая им и занималась, пока вы занимались бесполезной в этом плане покупкой старой одежды.

Лаки встала, начав расхаживать туда-сюда по кабинету. Она старалась не приближаться к машине для просмотра нейрослепков, даже несмотря на то, что у той не было никакого способа схватить её и заставить снова видеть ужасные вещи.

— Ты создавал одних и тех же людей снова и снова. И мы делали почти то же самое. Только каждый раз немного по-другому.

— Это наиболее оптимальный способ ведения экспериментов, — ответил зонд. — Менять как можно меньше в каждой следующей итерации. Все работало бы лучше, если бы на кольце Земля не было так много неизвестных переменных. Эквестрийское общество может реагировать и адаптироваться к нашим действиям, так, как моя программа не может

предсказать. И само кольцо построено силами, которые я не могу постичь так же как и вы. Будь это обычная планета или, по крайней мере, планета без разумной цивилизации, моя прошлая прошивка справилась бы лучше.

— Всё равно название идиотское, — пробормотала Лаки. — Можем ли мы называть кольцо Санктуарием? По крайней мере, я не буду путаться каждый раз, как о нем будет заходить речь.

— Вы обладаете такими полномочиями. Я изменю наименование в записях. К сожалению, у вас есть более важные дела, требующие вашего внимания. Осталось меньше трёх часов до запланированного времени вашего второго сеанса связи с Твайлайт Спаркл.

Лаки снова села, уставившись в пол.

— Я бы не хотела заниматься этим после того как настолько эмоционально вымоталась.

— Это, по крайней мере, один аргумент в пользу того, чтобы не участвовать в этом сеансе связи, — ответил Предвестник после небольшой задержки. — Её помощник ответил на первый вызов и, по-видимому, не знал о том факте, что майор Фишер была перехвачена и убита подразделением, которым командует Твайлайт Спаркл. Однако сама Твайлайт не может находиться в неведении относительно этого факта. Возможно, в данный момент тело майора Фишер находится в её распоряжении. Ответить на вызов — значит подтвердить, что мы существуем. Возможно, она достаточно неточно знает время произошедшего и может решить, что та же самая пони, которую убил её отряд, говорила и с её помощником.

— Но... — Лаки вздохнула и медленно продолжила: — Возможно, она даже не понимает, что Оливия имеет ко мне какое-то отношение. Её отряд забрал броню, но... мы вообще уверены, что они искали меня?

— Не полностью. Но некоторые из их замечаний предполагают, что дела обстоят именно так. Однако, похоже, они не поверили, что майор — это вы. Майор Фишер прямо отрицала это, и они, казалось, приняли её ответ. Вероятно, они не связывают эти два дела и рассматривают майора Фишер как другую угрозу, которую они нейтрализовали, или же как связанную с событиями в Додж-Джанкшн, но не с вами.

— Или все куда хуже, — пробормотала Лаки. — Её броня и снаряжение свяжут Оливию с катастрофой, которую ты только что показал мне на видео. И если они смоют краску, то увидят, что Оливия выглядит точно так, как должна выглядеть я. Теперь они точно будут знать, что мы не чейнджлинги. Может быть, они даже поймут, что мы можем создавать новые тела... Может быть, они знают, как нас выследить...

— Успокойтесь, колониальный губернатор.

Лаки даже не осознавала, насколько учащённо дышит. Она мысленно сосчитала до десяти, затем встала и продолжила рассказывать по комнате. Движение — это хорошо, если она двигается, значит, не полностью раздавлена.

— Вам нужно принять решение, что сильнее повлияет на наши шансы выжить: потенциальное раскрытие факта нашего существования или дипломатические переговоры, которые, вероятно, ни к чему не приведут. И если вы хотите чуть-чуть взбодриться, то вполне возможно, что в первом случае она всё равно не стала бы утруждать себя отправкой запроса по

радио, приняв решение за вас.

Лаки ещё раз обдумала факты, прежде чем стиснуть зубы и развернуться к выходу.

— Моё решение не меняется в любом случае. Страх Эквестрии перед нами в конечном счёте проистекает из страха Селестии перед Гармонией. Я уверена, что мне понадобится помощь принцессы, чтобы решить этот вопрос, поэтому мне нужно поддерживать с ней контакт. Либо так, либо спаси Фларри Харт... — кобылка вздохнула. — Я бы всё равно хотела этим заняться, но подозреваю, что туда, где её держат, попасть будет нелегко. Убедить Твайлайт, наверное, проще.

— Такая возможность существует, — согласился зонд. — Полагаю, нам придётся это выяснить. Но я поддерживаю ваше решение. Если это вас хоть немного утешит.

«После того, что ты мне показал, я, честно говоря, даже не знаю».

* * *

У Лаки было немного больше времени, чтобы подготовиться, чем в прошлый раз. Она использовала его как могла — приняла долгий душ, пообедала своими любимыми блюдами и сходила проведать бывших рабов. Все, что она смогла придумать, чтобы успокоиться.

Когда время подошло, она снова стояла в «логове» Могилы. Так же были приглашены ещё трое — сам Степан, что очевидно, Лайтнинг Даст и Перес.

За время их отсутствия дроны навели здесь идеальный порядок, что явно возмутило хозяина, когда он предложил им рассаживаться на нормальные стулья. Перес остался у двери, казалось, он в любой момент был готов сказать Лаки что-то резкое, но сдерживался. У него опять при себе был пистолет, хотя кобылка не узнала модель. У оружия была странная открытая металлическая секция вдоль ствола, похожая на длинный медный радиатор. Это напомнило ей машину для просмотра нейрослепков, и Лаки поёжилась.

Она всё ещё чувствовала пластырь на своей шее, хотя его прикрывала грива. Однако кобылка не могла забыть ни про него, ни про то что она увидела.

«Я знаю, что случилось и что заставило пони бояться нас. И Селестия тоже...»

Вероятно, принцесса больше всего боялась не монстров, которые убивали или похищали пони. За время своего пребывания в Эквестрии Лаки узнала, что там в изобилии хватало и того, и другого. Селестия слышала истории об их летающем корабле и знала, что это должно означать. Она, вероятно, подумала, что они прилетели из другой части кольца.

«Селестия не должна обладать полным всеведением о Санктуарии, иначе она смогла бы найти базу посадки и уничтожить её».

В самом начале солнечные батареи для получения энергии никто не прятал, даже если потом все было замаскировано. И всё же Селестии не удалось их найти.

— Есть входящий сигнал, — буркнул Могила. — То же, что и раньше. Передача голосом... он соответствует голосу принцессы. На этот раз это она, а не дракон.

— Подключай.

На голове Лаки была гарнитура, но в ней было тихо. На шнуре, свисающем ниже, была маленькая кнопка, которую кобылка могла нажать для передачи. Таким образом, она могла говорить с присутствующими, а они с ней, без риска, что Твайлайт случайно услышит что-нибудь.

— Я всё ещё считаю, что это ошибка, — заявил Перес. Он был единственным, кто возражал против сеанса связи. Даже Лайтнинг Даст не стала ничего говорить по этому поводу, несмотря на произошедшее между ними.

Шум радиопомех полился из динамиков по всей лаборатории, но Предвестник быстро их скомпенсировал. Затем раздался отчётливый голос. Компьютер мог многое сделать, чтобы компенсировать примитивность радиотехники Эквестрии.

— Время подошло. Я здесь, — произнесла Твайлайт с очевидным раздражением и разочарованием в голосе. — А ты?

После каждого слова на всех экранах появился перевод. Предвестник не мог говорить на эквестрийском так же хорошо как Лаки.

— Я здесь, — ответила кобылка. Предвестник перевёл её слова и для всех остальных.

На другом конце провода повисло долгое молчание. В конце концов Твайлайт сказала:

— Все так, как я и думала. Твой сигнал исходит не из больницы. Мы никогда не говорим достаточно долго, чтобы отследить точку передачи наверняка, но это всегда примерно одно и то же направление. Кристальная Империя. Я думаю, в этом есть смысл — Фларри Харт и все остальное. Ты, должно быть, живёшь там, на севере.

— С чего бы мне вести передачу из больницы?

Снова долгое молчание.

— Больница, — повторил Перес, прочитав перевод. — Она ожидала, что мы будем разговаривать оттуда. С чего бы ей так думать, если не...

Он замолчал.

— Боже, этого не может быть. Спроси её, не захватили ли они майора!

Лаки кивнула, хотя сразу ничего не сказала.

Зато ответил Предвестник.

— Такая возможность крайне маловероятна, лейтенант. Майор знала, куда надо целиться. Вполне вероятно, что она расставила бы приоритеты сама, зная, что захват неизбежен. Ожидать, что она выживет, нерационально.

— Меня, блядь, не волнует, что ты там насчитал, Скайнет, — проворчал лейтенант. — Вот почему миссию и возглавляют люди. Просто потому, что это маловероятно, не значит, что не надо спрашивать. Она одна из наших. Если она в плену, нам нужно это знать.

В конце концов Твайлайт заговорила. Её голос звучал сердито, как будто она едва сдерживала крик.

— Когда мы впервые заговорили, я думала, что ты серьёзно относишься к общению со мной, Лаки. Но теперь я обнаруживаю, что ты солгала мне. Как ты можешь объяснить, что я заперла тебя в больничной палате, а ты всё ещё разговариваешь со мной?

Теперь она кричала, хотя Предвестник и фильтровал её голос. Хотя он всё ещё звучал слегка громковато.

— Ты та, кто тренировал эту бедную кобылку, верно? Ты та, кто на самом деле стоит за всем этим. Гвардейцы захватили одну из твоих марионеток... Ну, я не знаю, какую злую магию ты на ней использовала, но я найду способ развезть её! Мы с моими друзьями не встречали проклятия, которое мы не смогли бы снять! Мы ни разу не столкнулись со злом, которое не смогли бы победить!

— Вопрос, я так понимаю, отпал, — заметил Предвестник с лёгким весельем в голосе.

— Я думаю, нам больше не обязательно спрашивать её о майоре, — пробормотала Лаки. — Предвестник, Оливия всё ещё жива.

— Такая вероятность существует, — уклончиво ответил зонд. — Это может быть уловкой. Но это не влияет на вертикаль командования, пока мы не вернём её.

Лаки убедилась, что все в комнате видели её копыто на кнопке, прежде чем начать говорить.

— Твайлайт, я никогда не лгала тебе. Я всегда серьёзно относилась к своим намерениям. Наши разговоры всегда были достаточно короткими. Но я продолжаю настаивать на том, что говорила.

— Тогда объясни, кто такая Лаки Брейк. Или... объясни кто ты. Если сможешь. Убеди меня, почему я не должна прямо сейчас рассказать все Селестии. Я надеялась, что смогу узнать тебя получше — убедить тебя не быть плохой. Но теперь, когда я увидела, что ты готова сотворить с жеребьями, возможно, я передумала. Может быть, образ действий Селестии лучше всего подходит для таких пони, как ты.

— Кто бы говорил, — пробормотала Лайтнинг Даст, не глядя ни на кого конкретно. — Она не будет тебя слушать, Лаки. Это безнадежно. Она ученица Селестии. Они обе настолько зациклены на правилах, что не видят, как что-то меняется вокруг них.

— Мы должны хотя бы попытаться, — возразил Могила. — Даже если мы сможем получить от неё лишь чуть-чуть информации. Мы уже узнали, где содержится майор, а сколько ещё мы узнаем, если продолжим с ней говорить?

— Поднимай дронов в воздух, Предвестник! — рявкнул Перес. — Я не знаю, какую больницу она имела в виду, но если Могила смог найти её, ты тоже должен. Проведи разведку, посмотри, что сможешь найти. Если мы подтвердим, что майор Фишер жива...

Он замолчал, уставившись на ближайший экран. Было неясно, что именно, по его мнению, они должны будут делать, хотя, очевидно, предполагалось, что Лаки этим руководить не будет.

— Я уже сделал это, — ответил зонд. — Но я не могу подойти достаточно близко, пока не стемнеет. Понивилль не очень густо населён, но плотность населения достаточна, чтобы приемлемой была только скрытая разведка. Если они поймут, что мы осведомлены о местоположении майора, они перевезут её.

— А ну тихо! — крикнула Лаки, делая шаг вперёд. — Я пытаюсь думать!

Что она могла сказать, чтобы убедить аликорна в своих намерениях? Было так много голосов, так много всего менялось. Хотя было и небольшое облегчение — Оливия жива! Но это же и ужасало. Самоубийство Оливии защитило бы их. Если её схватили, то уже существовала возможность, что

враг знал, где находится Отар. Они могли уже многое знать о людях, об их природе и возможностях.

«Все, что это даёт, — это продвигает нашу настоящую миссию вперёд. Может быть, мы сможем победить Селестию, но мы не можем вечно побеждать Гармонию».

— Тому, кого ты держишь в плену, не повезло, — сказала Лаки, как только в комнате наконец воцарилась тишина. — Её зовут Оливия Фишер. И я могу тебе это доказать. Потому что... потому что я знаю, что её эквестрийский очень плох. Она знает всего нескольких слов. Но ты знаешь, что с той, кого на самом деле зовут Лаки Брейк все не так. Ты знаешь, что я опытный учёный-лингвист. Ты должна это знать, если отвечала на мои письма. Может быть, ты видела моё заявление о приёме в ваш колледж или рекомендательное письмо Новинг Лука. Я не могла все это подделать, ведь так?

Когда Твайлайт Спаркл заговорила снова, часть гнева из голоса исчезла.

— Я думала об этом. Что, возможно, я случайно сотворила заклинание перевода по радио, но... это не имело смысла, и это не соответствовало бы той информации, что я получила о тебе.

«О тебе», — подумала Лаки. — Не «о ней».

— Мы близнецы, — продолжила кобылка.

Это была ложь, но не сильно далёкая от правды. Если бы не краски майора, они бы выглядели почти одинаково.

— Оливия солдат, а я учёная. Она подстригла гриву и покрасила шерсть, чтобы нас отличали друг от друга.

Опять ложь, но не слишком далёкая от правды. Врать было проще, когда говорила почти правда.

— Почему жеребята в этом участвуют, Лаки Брейк? Почему Селестия считает тебя такой опасной? Она сказала мне, что вы все работаете на отдалённую колонию чейнджлингов. Ту, из которой пришла Кризалис. Она говорит, что ты обладаешь могущественной, опасной магией. Что ты хочешь поработить всю Эквестрию.

— Ты можешь проверить это?

— Да, — голос Твайлайт был единственным ответом, в котором нуждалась Лаки. — Но тебя могли обмануть чейнджлинги! Мой брат однажды влюбился в чейнджлинга, даже с хорошими пони это может произойти! Однажды они обманули и меня!

— Мы не чейнджлинги, — ответила Лаки. — И мы на них не работаем.

— Тогда кто вы? — крикнула Твайлайт Спаркл. — Кто тобой командует? Кто обучал вас, кто дал вам ваши артефакты? Твоя... близняшка, «Оливия», очевидно, убила целую армию работоторговцев. Она убила дракона! В Эквестрии мало магических артефактов, достаточно мощных, чтобы сделать это. И я знаю их все.

— Попросите её вернуть майора Фишер! — потребовал Перес, находясь всего в паре метров от кобылки. — Может быть, мы сможем заключить сделку. Верни им Дэдлайта, он нам больше не нужен!

— Заткнись! — снова закричала Лаки, пронзительным и хриплым голосом. Она не очень-то чувствовала себя губернатором колонии.

Несмотря на это, Лайтнинг Даст встала между ней и Пересом, выпрямившись во весь рост. Она не сказала ни слова, но её присутствия было достаточно, чтобы лейтенант не стал приближаться.

— Я думаю! Я знаю, что нам нужно её вернуть!

Только когда кобылка была уверена, что её не прервут, она продолжила:

— Селестия права в том, что Эквестрия в опасности. Но она не была честна с тобой о том, в чем именно заключается эта опасность. Я думаю, ты понимаешь, что она не говорит тебе важных вещей.

Твайлайт потребовалось больше времени на ответ, чем обычно. Её голос был сдержанным, когда она, наконец, заговорила:

— Почему я должна доверять тебе, а не ей?

Никакого подтверждения тому, что сказала Лаки, но и опровержения тоже не было.

— Я хотела бы встретиться с тобой и продемонстрировать доказательства. Я лишь хочу получить шанс показать тебе, что я узнала. Слишком опасно говорить об этом по радио — кто угодно может подслушивать.

«Или что угодно. Типа Гармонии».

— Ну, я хочу ещё кое-чего. Пожалуйста, не рассказывай Селестии ни об Оливии, ни обо мне. Она убьёт нас, — Лаки искоса взглянула на Лайтнинг Даст. Передачу она не прерывала. — Ты знаешь, что делали кошмары до того, как Селестия отдала их своей сестре. До того как Луна передала их тебе.

В этот раз Твайлайт ответила быстрее.

— Селестия говорит, что-то, что ты сделала с Фларри Харт, было только первой атакой. Она говорит, что у чейнджлингов, которые послали тебя, есть оружие, способное убивать аликорнов, и ты планируешь использовать его на мне.

«Мы, вероятно, могли бы убить аликорна», — подумала Лаки, хотя и не стала озвучивать этого.

— Я не знаю, как сражаться, этим занималась Оливия. Единственная магия, которая будет при мне, это устройство хранения информации. Волшебный свиток, с помощью которого я могу показать тебе прошлое. Я не буду брать с собой никого другого или какие-либо другие инструменты.

— Ох, — пауза. — Не могла бы ты встретиться со мной в моем замке? С момента вторжения чейнджлингов я установила все известные мне защитные заклинания. Старсвирл лично зачаровал замок. Теперь он ощущает намерения, Лаки Брейк. Тебе будет больно, если ты попытаешься причинить боль мне или кому-то ещё.

— Согласна, — ответила кобылка, хотя практически все в комнате к тому времени устали на неё. — Ты уже приглашала меня прийти и навестить тебя там. Правда, я потеряла билеты на поезд, когда Селестия пыталась убить меня... Однако я не могу сказать точные сроки. Я не знаю, сколько времени потребуется, чтобы добраться туда... и если я скажу, ты можешь предупредить Селестию. Достаточно ли точно будет сказать «как только я смогу»?

Твайлайт не казалась обрадованной.

— Даже если бы я захотела, я не могу вечно хранить секрет об Оливии. Многие пони видели её. Никому из них и в голову не придёт отправиться к Селестии, потому что они видят во мне более близкого представителя

власти. Но слухи распространяются, и Кантерлот совсем близко. Рано или поздно она узнает об этом. Я не буду лгать ей ради вас.

— Это, блядь, не имеет значения, — пробормотал Перес. — К тому времени мы уже вытащим её оттуда.

Лаки сверкнула глазами, но не стала спорить. Не похоже, чтобы Перес или кто-либо ещё мог организовать спасательную миссию без её одобрения.

— Я буду так быстро, как только смогу. Я знаю, ты поменяешь своё мнение, когда узнаешь то, что знаю я.

— Посмотрим. Если ты не убедишь меня, то не могу обещать не рассказывать Селестии. Я доверяю ей, даже если ты — нет.

Сигнал растворился в помехах. Но даже так Лаки могла распознать ложь. Как и она ранее, Твайлайт говорила ей что-то близкое к правде.

«Но насколько близкое?»

* * *

Голова Оливии дёрнулась вверх, когда дверь открылась, мгновенно выведя её из ступора. Все её тело болело от ремней, особенно задние ноги. Постоянное пребывание в столь стеснённых условиях не могло пойти ей на пользу.

К её удивлению, вошла не та аликорн, что допрашивал её в прошлый раз. Правда, и незнакомкой пони не была. Это была единорог с розовой шерстью, которую, как считала Оливия, звали Старлайт. Одна из «кошмаров», ответственных за её поимку.

Пони магией сняла седельные сумки, открыла их и достала несколько предметов, положив их на пустой металлический поднос, который был почти в пределах досягаемости от кровати. Большая бутылка из тёмного стекла, пара бокалов и ржавый металлический шлем.

— У вас, пони, странные пытки.

Единорог снова повернулась к ней лицом. Затем взяла шлем и водрузила его на голову.

— *Они не должны знать, что я это сюда приносила,* — сказала Старлайт. Её голос странным эхом отдавался в голове Оливии, приобретя тот же лёгкий акцент, что и в тёмных подземных тоннелях Драгон Фоли. Вероятно, та же самая «магия». — *Ты ведь им не расскажешь, правда? Уверена, что тебе не помешала бы компания.*

Бутылка взлетела в воздух, самостоятельно раскупориваясь. Несмотря на то, что Оливия уже видела подобное в исполнении Твайлайт, это зрелище всё ещё ошеломяло. Вещи не должны сами перемещаться по воздуху. Такому было место в кино, а не в реальности. Без разницы, что переводчик настаивала, что это было просто частью повседневной жизни рогатых пони. Для майора это было чудом.

Пони наполнила два бокала, а затем посмотрела на Оливию.

— *Я собираюсь, э-э... снять некоторые из твоих ремней. От тебя были одни только неприятности, когда мы впервые схватили тебя. Можешь ли ты пообещать мне не пытаться сбежать, пока мы разговариваем? Это облегчит задачу.*

— Я...

У неё перехватило дыхание, и майор обнаружила, что слова просто не идут с языка. Она закашлялась, отплёвываясь, и попыталась снова.

— Ты можешь отпустить меня, я обещаю, что не...

И снова ничего.

Старлайт рассмеялась.

— *Мощное заклинание, верно?* — она постучала копытом по боковой поверхности шлема. — *Даже я не понимаю как оно работает, а я не встречала никого, кто разбирался бы в магии так, как я. И не думаю, что даже Твайлайт знает, как именно оно работает.*

Пони пододвинула поднос ближе, достаточно близко, чтобы Оливия смогла дотянуться до него, если бы обе её передние ноги не были связаны.

Запах спиртного ни с чем нельзя было спутать. И пахло гораздо лучше, чем все, что они делали в Отаре. Лёгкий фруктовый аромат. Яблоки?

— *Выбери любой,* — сказала Старлайт. — *Я возьму тот, что ты выберешь. Не хочу, чтобы ты думала, будто я хочу тебя отравить.*

«Было бы лучше, если бы хотела».

Оливия была хорошо обучена сопротивляться допросам, но ни одна из этих тренировок не готовила к той странной технике, которую использовали пони. Это было похоже на наркотик, только без химии.

— Я не могу лгать, — в конце концов сказала она. По крайней мере, эти слова произнести получилось.

— *Не сознательно. Нет никакого способа объективно определить правду с помощью заклинания. А вот проверить, что ты в это веришь — проще,* — Старлайт снова указала на бокалы. — *Ну, какой? Я и так пропускаю первый день фестиваля из-за тебя. Не заставляй меня оставаться при этом трезвой.*

Оливия дёрнула одной ногой в сторону ближайшего.

— П-пей из этого.

Старлайт кивнула, и бокал взлетел в воздух. Раздался лёгкий жужжащий звук, когда передняя часть шлема сдвинулась от её лица, освободив все от глаз до рта. Пони поднесла стакан к губам, а затем одним большим глотком опрокинула в себя все содержимое.

— *Дай мне знать, если передумаешь пытаться сбежать,* — сказала она, ставя пустой бокал и снова наполняя его. — *Я бы не хотела пить всю бутылку в одиночку.*

Оливия задумалась.

— Если я пообещаю не пытаться сбежать прямо сейчас... — она смогла это сказать. До тех пор, пока она говорила всерьёз. И так и было — главным образом потому, что она не думала, что у неё есть шанс. Эта пони была слишком сильна. Она остановила целый залп из крупнокалиберной винтовки этим своим рогом. Она доставила их обратно в Эквестрию, за сотни километров, прежде чем яд успел убить Оливию.

Не было смысла напрасно сражаться с врагом, которого невозможно победить. Если победу невозможно заполучить на одном поле боя, то необходимо сразиться на другом.

— Я не буду пытаться сбежать во время нашего разговора, — повторила майор более уверенно. — Этого достаточно?

— Конечно.

Оливия почувствовала, как ремни, удерживающие её ноги, немедленно расстегнулись. Её всё ещё удерживал самый большой и толстый поперёк её туловища, тот же самый, что прижимал крылья к телу. Но, по крайней мере, она снова могла двигать передними ногами.

Майор немедленно согнула и вытянула их, испытывая облегчение от того, что кровь снова циркулирует. Затем она взяла бокал. Для этого потребовались оба копыта — она всё ещё не овладела практически магическим искусством поднимать предметы лишь одним. Оливия опрокинула содержимое в рот и проглотила.

Напиток был хорош — лучше, чем большинство из того, что она пила. В спирте, сваренном в бактериальных перегонных кубах, было что-то стерильное. Нематериальный привкус недостоверности, который химия не могла полностью стереть. У этого напитка подобный привкус отсутствовал, он обжигал горло, прокатываясь вниз, заставлял щеки покраснеть всего от нескольких глотков. Оливия поставила пустой бокал на стол.

— Почему ты здесь?

— *Я хотела поблагодарить тебя*, — ответила Старлайт, снова наполняя бокал майора. — *За то, что ты сделала. Точнее, за то, чего не сделала.*

Оливия молчала в ожидании. Добровольно она ничего не собиралась рассказывать.

— *Я видела, что произошло в логове этих работарговцев, Лаки Брейк. Ты сломала дракону шею. Не думаю, что ты всерьёз дралась с нами.*

Оливия отвела взгляд. Но не было никакого действенного способа спрятать лицо, особенно когда ты привязана к кровати. Старлайт увидит её позор.

— У вас была магия. Какой-то вид контроля разума. Она не... — позволила мне. Но слова не удалось произнести. Они не были правдой.

Пони улыбнулась, делая ещё один глоток из своего бокала. Она не стала осушать его за несколько секунд, как делала с предыдущими.

— *Ничего подобного*, — произнесла Старлайт в тишине. — *Магия так не работает. Было бы здорово, если бы мы могли наложить какое-нибудь заклятие, которое навсегда запретило бы плохим пони делать плохие вещи. Мы бы его повсюду развесили, а не только несколько доспехов зачаровали.*

Оливия застонала. Звук вырвался непроизвольно, и она быстро заглушила его ещё одним глотком яблочного ликёра.

— *Я знаю, что мы никогда не встречались, Лаки, но думаю, что уже понимаю тебя. Ты знаешь, зачем нужны гвардейцы Найтмер?*

Единогор не стала дожидаться ответа.

— *Вижу, что знаешь*, — Старлайт встала, отойдя к окну. Она долго смотрела на раскинувшийся за окном город и молчала. — *Пони живут своей жизнью, думая, что-то, как они живут — единственный путь. Они всю свою жизнь воспитывались в Эквестрии, поэтому думают, что дружба — это естественный образ жизни для всех и каждого. Они никогда не голодали, они никогда не были в отчаянии. Многие из них даже никогда всерьёз не боялись.*

Пауза.

— *Но есть и другие пони — мы понимаем, что снаружи царит тьма. Мы знаем, насколько слаба наша власть над цивилизацией. Когда я смотрю на тебя, я вижу пони, которая побывала за пределами этого барьера, там, где начинаются кошмары других пони.*

Старлайт подошла ближе.

— *Пони, подобные нам, совершают ужасные вещи. Мы никогда не сможем по-настоящему забыть их — все, что мы можем сделать, это попытаться искупить. Каждый день, до конца наших жизней. Я думаю, именно поэтому ты охотилась на работарговцев, вместо того чтобы сбежать от нас. Думаю, именно поэтому ты не убила мою подругу. Кстати, её зовут Трикси. Она довольно талантливая фокусница. Тебе как-нибудь стоит сходиться на её шоу.*

Оливия больше не могла смотреть кобыле в глаза. В некотором смысле пони была права. Но откуда она могла знать? Конечно, дело было не только в этом.

— Я не такая, как ты думаешь, — майор с вызовом посмотрела в ответ. — Я не какой-нибудь преступник, ищущий искупления. Я убивала... Я делала неприятные вещи. Но они всегда были правильными. Кто-то должен защищать тех, кто не может защитить себя сам. Те, у кого есть власть что-то изменить, не используют её, так что нам остаётся лишь склеивать осколки как можно лучше. Внизу, на земле, куда важные люди никогда даже не ступали. Вселенной нужны законники.

Конечно, в тот момент, когда Оливия сказала все это, она тут же пожалела о своих словах. Она заставила себя закрыть рот и отодвинула бокал, чтобы больше не испытывать искушения выпить. Это было не просто лучше боличничной еды, это было лучше почти всего, что она пробовала с тех пор, как очнулась на этом чёртовом кольце.

Может, Старлайт будет недостаточно умна, чтобы собрать все кусочки воедино?

Пони долго молчала, осушив свой бокал и поставив его на стол, прежде чем отойти. Какой бы умной или глупой она ни была, кобыла, очевидно, куда лучше контролировала себя, чем Твайлайт. Мысли вслух она не проговаривала.

— *По правде говоря, Эквестрия не понимает к чему стремится. Принцесса Селестия... ну, она сослала свою сестру на луну на тысячу лет. Если это не даст тебе хорошего представления о её терпимости, я даже не знаю, что даст.*

— Звучит как описание великой правительницы.

Старлайт усмехнулась, наливая ещё один бокал себе и снова пополняя бокал Оливии. Судя по всему, они уже выпили половину бутылки. Майор не была уверена, сколько ещё она продержится. Если бы она выхлебала столько крепкого алкоголя в своём старом человеческом теле, она уже была бы навеселе. Но это тело было специально изготовлено так, чтобы быть устойчивым ко многим ядам. Включая алкоголь.

— *По крайней мере, она поняла достаточно, чтобы осознать, насколько суровой она была. Она возложила на свою сестру ответственность за разбирательства с трудными пони. Но, несмотря на опыт со злом, принцесса Луна смотрела на вещи не сильно иначе. Вот почему Твайлайт теперь командует гвардейцами Найтмэр. Вместо того чтобы быть монстрами,*

мы теперь новобранцы. Ты тоже.

Настала очередь Оливии рассмеяться.

— Я так не думаю. Селестия хочет убить... — последние несколько слов не удалось произнести. Принцесса Селестия действительно хотела убить Лаки. Но Селестия не знала о существовании Оливии.

На этот раз Старлайт ничего не заметила. Или, может быть, восприняла её молчание по-своему.

— *Не думаю, что Твайлайт откажется от тебя. Она боится, что Селестия отправит тебя в Тартар за то, что ты сделала с её племянницей. Она хочет сначала узнать твою историю, чтобы она могла во всем разобраться. Было бы проще, если бы ты с нами сотрудничала.*

— Тебе нужна моя помощь, чтобы разобраться? — Оливия снова подняла свой бокал, осушив его одним глотком, как Старлайт поступила со своим первым. — Я никогда ничего не делала Селестии. Я никогда не хотела навредить Эквестрии. Я просто хотела жить. Она напала на нас. Она убила кое-кого, кого я должна была защищать, и пыталась убить ещё. Если ты хочешь охотиться на монстров, начни со своей принцессы.

Старлайт не нашла, что ответить на это. Когда Оливия обернулась, то увидела, что пони сняла свой шлем. Она также оставила бутылку в пределах досягаемости, сидя на краю кровати, пока собирала вещи.

Она не смотрела в её сторону и шлема на ней не было.

Оливия начала действовать, даже не думая. Она схватила бутылку обоими копытами, а затем метнула её с подправленной имплантатами силой. Полупустая бутылка крутанулась в воздухе и врезалась в затылок Старлайт. Бутылка разлетелась вдребезги, а пони рухнула дёргающейся кучей на пол, залитая алкоголем.

G7.01: План действий

Возможно, это было последнее собрание всей цивилизации Лаки.

На этот раз председательствовала не майор — не было более авторитетных фигур, к которым она могла бы обратиться с просьбой. Успех или провал всей этой миссии по колонизации целиком лежал на плечах кобылки.

Они использовали тот же конференц-зал, что и в предыдущий раз, когда Оливия соврала им о важности их миссии в Драгон Фоли. Состав был тем же — все солдаты, все местные пони, вообще все, кто всё ещё был жив.

Лея приготовила им закуски — на этот раз маффины вместо рагу. Лаки не возражала, ей всё равно маффины нравились больше. Все происходило утром на следующий день после сеанса связи с Твайлайт Спаркл. Больше времени на подготовку просто не было.

Радостные объявления, как это было в прошлый раз, отсутствовали. Уже поползли слухи о том, что Оливия выжила, и что это, без малейшего сомнения, значит для Отара. Лаки подозревала, что солдаты уже начали планирование операции.

— Хорошо, — сказала кобылка, усаживаясь в кресло Оливии. Оно было выше всех остальных и делало Лаки самой высокой пони в комнате. — Всем слушать. Я постараюсь закончить как можно быстрее. Все здесь знают о части угроз, с которыми мы сталкиваемся, но не о всех. Майор Фишер всегда была сосредоточена на непосредственных угрозах, оставляя без внимания более крупные опасности, если их актуальность была ниже. Я собираюсь озвучить их, а затем любой, у кого есть, что добавить, выскажется. После этого я расскажу вам свой план. Уверена, что в нем есть недостатки — я не так хорошо тренирована, как многие из вас. Я не солдат и не дипломат. Но как мне кажется, в ближайшие несколько дней нам всем придётся этим заниматься.

Лаки оглядела собравшихся.

— Для начала, угроза. Я не знаю, как много вы все знаете об этом... — она поймала себя на том, что когда говорит, в основном смотрит на местных. — Я общалась со многими правителями Эквестрии, включая двух принцесс и одного из... богов, я полагаю. Могущественным «сильным» ИИ по имени Дискорд. Благодаря этим контактам и нашим исследованиям мы составили довольно хорошую картину происходящего.

Она включила проектор в центре стола и начала переключать изображения. Фотографии Мартин о более развитых цивилизациях, все из которых были уничтожены. Тысячи и тысячи городов на разных стадиях разрушения, хотя большинство из них, казалось, сохранились очень хорошо. Лаки добавила несколько изображений однородной расплавленной поверхности.

— Правительница Эквестрии, известная как Селестия, угрожала мне, и, возможно, если Оливия была захвачена, она также уже знает и о всех остальных. Однако она не является для нас основной угрозой. Существует опасность, которая в равной степени угрожает всей Эквестрии — это то, чего боится Селестия.

Лаки переключилась на изображение кольца, такую же компиляцию, как и любая из старых картинок «всей» Земли.

— Это кольцо Санктуарий. Оно контролируется... искусственным интеллектом по имени Гармония. Мы не знаем ни её мотивов, ни её целей. Все, что мы знаем, это что она уничтожала цивилизации на этом кольце раньше и неоднократно. Когда я путешествовала с Фларри Харт, мы видели один из таких городов, заполненный мёртвыми пони. Аборигены здесь такие же пленники, как и мы — у нас нет причин подозревать, что Гармония не обладает полным всеведением о происходящем на кольце. В тот момент, когда она решит убить нас, мы ничего не сможем сделать.

Кобылка подождала минуту, чтобы посмотреть, не вмешается ли кто-нибудь из присутствующих. Никто этого делать не стал, ни её мама, ни кто-либо ещё. Местные казались более шокированными, чем остальные члены экипажа, они буквально были в ужасе от увиденного. Лаки не могла винить их — на Фларри Харт все подействовало так же.

— Страх Селестии исходит от Гармонии — принцесса боится, что та уничтожит Эквестрию, как это уже произошло с другими цивилизациями. Когда она говорила со мной, Селестия выразила опасение, что мои действия... наши действия... вероятно, могут позволить Гармонии начать очередную... чистку. К сожалению, мы не знаем, какие именно действия могут это спровоцировать. Но Дискорд утверждает, что мы могли бы остановить Гармонию. Наша цель — не убить Селестию или вообще хоть что-то делать с Эквестрией. Наша цель — остановить Гармонию.

Перес встал, стукнув копытом по столу.

— Ладно, хватит. Ты не думала, что, может быть, этой твоей Гармонии нет до нас никакого дела? Я не оспариваю, что существует нечто, обладающее силами, которых нет у туземцев. Я видел, как что-то убило одного из наших учёных. Но мы не знаем, что Гармонии не плевать на нас. Мы не являемся частью её программы, ведь так? Так что, может быть, мы просто не будем мешать ей, и пусть делает с Эквестрией все, что захочет. Пусть о ней болит голова у той, кто хочет нашей смерти. Они могут продолжать враждовать, а мы будем строить что-нибудь, о чём Гармония не заботится.

— Это неправильно, — Дэдлайт был в гарнитуре с программой перевода, как и Лайтнинг Даст. В отличие от неё, ему она была практически не нужна. Жеребец выучил английский гораздо быстрее, чем её мама. — Существует много легенд о великих монстрах, которые разрушали города. Существа, слишком ужасные, чтобы с ними сражаться, существа, которые не испытывают ничего, кроме ненависти. Я не могу узнать большую часть изображений, которые Лаки нам показывала... но если мы знаем о подобном монстре, мы должны что-то сделать, чтобы сдержать его. Эквестрия беспомощна, но вы, возможно, — нет. Я видел, чего вы добивались. Те пони внизу на свободе благодаря вам. Если вся Эквестрия в плену, вы должны освободить и их тоже.

Перес хмыкнул, садясь обратно. Послание было ясным.

— Такова угроза, как я её вижу, — произнесла Лаки. — Больше, чем Эквестрия, больше, чем что-либо ещё. Это то, что нам нужно остановить. С Гармонией, умиротворённой, или нейтрализованной, или убеждённой... что бы нам ни пришлось сделать... У Эквестрии не будет причин бояться нас. Мы сможем превратить Отар в государство, мы сможем следовать руководствам Общества первопроходцев... делать все, ради чего мы здесь. Но я знаю, что у некоторых из вас была информация, которой они хотели

поделиться с остальными. Я хочу знать все, что вы выяснили, на случай, если это может помочь с тем, что я планирую.

Доктор Борн заговорила первой, даже не отрывая взгляда от вычислительного терминала на столе перед ней.

— Свежие образцы крови открыли новое направление исследований. Взлом иммунитета человека должен занять нескольких недель. Я могла бы уже сейчас приступить к изготовлению человеческих бионосителей, поскольку условия в фабрикатах всё равно стерильны. Хотя есть небольшой шанс, что нам придётся оставить их в стазисе, пока я не закончу работу.

— И все? — спросила Лаки. — Все, через что мы прошли, и... ты уверена, что сможешь изготовить лекарство? От этой... прионной штуки?

Дороти кивнула.

— Совершенно уверена, да. Речь идёт о вероятностях — большой охват генома улучшил бы их, так что чем больше у нас образцов, тем выше наши шансы на успешную экстраполяцию. Хотя я не понимаю, как это тебе поможет, — учёная посмотрела на ближайший к ней экран. — Ты собираешься освободить пару капсул, Предвестник? Выкинуть несколько пони, чтобы вместо них вырастить несколько людей?

Зонд до сих пор ничего не говорил, по крайней мере, за все совещание. Однако теперь он ответил, хотя и неохотно. Его голос звучал рассеянно, хотя Лаки не могла догадаться почему.

— Я бы так и сделал. В моей программе приоритет отдаётся созданию человеческой колонии, которая основывается на определённом генетическом профиле. После обновления прошивки в это определение были внесены корректировки с нечётким сопоставлением более абстрактных признаков. Растущая в настоящий момент армия соответствует этому определению так же хорошо, как если бы она состояла из человеческих бионосителей. Учитывая затраты времени, необходимые для того, чтобы начать все сначала, и уже вложенные ресурсы, которые будут потрачены зря, я полагаю, что позволить им окончательно вырасти, а затем оставить в стазисе кажется наиболее оптимальным вариантом. Я уже работаю над созданием новых фабрикатов, чтобы диверсифицировать свои органические сегменты.

— Но ты прав, — добавила Лаки. — Это слабо поможет в нашей миссии. Как только мы победим Гармонию, у нас будет столько времени, сколько захотим, чтобы создать людей, которые смогут здесь жить.

— Я не собираюсь ни на какие миссии, — отрезала доктор Борн. — Драгон Фоли мне хватило с головой, спасибо. Моё место в лаборатории.

— Именно так, — согласилась Лаки. — Но есть ещё один важный момент. Когда Оливия была... не убита, как мы полагаем. Когда она была захвачена, агенты Эквестрии применили к ней какое-то ментальное оружие. У Предвестника есть копии медицинской телеметрии её брони. Если бы ты, Дороти, смогла выяснить, что именно случилось и найти какую-нибудь прививку или вакцину... Так или иначе, мне кажется, она нам понадобится.

«Мне как минимум. Против Селестии».

Но это кобылка не стала озвучивать. Даже Лайтнинг Даст не нравилась идея открытого конфликта со своими принцессами, хотя она никогда бы в этом не призналась. А Дэдлайт тем более был против.

— Я могу заняться этим, — уклончиво ответила доктор Борн. — Но вообще-то это не моя область, и датчики брони не сильно точные. Было бы лучше, если бы у нас был экземпляр этого оружия и кто-нибудь, на ком можно было бы его испытать. Нескольких дней будет вполне достаточно, чтобы понять, какое влияние оружие оказывает и как это можно нивелировать.

— К сожалению, это невозможно. Просто сделай все, что в твоих силах.

Затем Лаки повернулась к Мелоди.

Её старшее «я» просто отвело взгляд. В последнее время она всегда, казалось, относилась к ней с почтением, хотя Лаки и не знала почему. Может быть, это было связано с тем, как изменился её запах.

— Я не думаю, что те, кого мы спасли, смогут помочь тебе, Лаки. Мы с Дэдлайтом пытались работать с ними, но они подвергались довольно жестокому обращению. Они, кажется, думают, что мы собираемся помочь им, э-э... спасти их племя. Думаю, они долгое время имели дело с работниками, и... — Мелоди замолчала, глядя в стол. — Но если тебе нужно, чтобы мы пошли с вами на эту миссию, то мы сделаем это.

Она посмотрела на Дэдлайта, словно спрашивая разрешения. Жеребец кивнул:

— Даже если мы вам не нужны, я хотел бы поговорить с тобой... наедине... о Гармонии. До того как вы отбудете. Но если вы планируете исследовать какие-нибудь древние руины, вам, вероятно, понадобится моя помощь. Я единственный в этой комнате, у кого есть хоть какой-то опыт, не считая тебя.

Лаки кивнула.

— Ты бы пошёл с нами, даже если бы это означало оставить Мелоди тут?

Не было смысла притворяться, будто она не знает. Об их отношениях знали все в Отаре.

Они обменялись взглядами. Затем жеребец кивнул.

— Ради блага Эквестрии, да. При других обстоятельствах я бы предпочёл, чтобы Мелоди пошла с нами, рискованно это или нет.

Дэдлайт окинул пегаску взглядом, а затем прижал уши.

— Но внизу остались спасённые рабы! — поспешно добавил он. — Кто-нибудь, кто может поговорить с ними, должен остаться здесь.

Лаки кивнула, добавляя эту информацию к мысленному списку ресурсов, которые ей доступны. Хотя, скорее всего, Дэдлайта следовало взять с собой, учитывая все обстоятельства. Он среди них был единственным уроженцем Эквестрии без криминального прошлого.

Наконец кобылка повернулась к Мартин, которая к этому времени уже практически подпрыгивала от нетерпения на месте. По крайней мере, она не стала прерывать Лаки.

— Да?

На самом деле кобылка не знала, насколько существенный вклад могла внести в их план физик, но тем не менее...

— Мы с Предвестником близки к тому, чтобы взломать шифрование на кубе, который ты принесла. Шифрование — не совсем подходящее слово, дело было не в нем. Это просто файловая система — она многократно превосходит все, что ранее использовал Предвестник или использует сейчас, если уж на то пошло. Я в этом не совсем хорошо разбираюсь, но у него получается.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Мы уже вошли в файловую систему. Предвестник считает, что устройство хранит какие-то визуальные записи. Единственное, что нас сейчас останавливает, это то, что они, похоже, не могут быть воспроизведены ни на одном из наших устройств — это не пиксели, или воксели, или что-то ещё, для чего у нас есть эквиваленты. Тем не менее Предвестник сказал, что все упирается лишь в вычислительную мощность. Как только он не будет так занят в других проектах, то все будет сделано достаточно быстро.

— Вам даже не нужно, чтобы я говорила вам продолжать, — заметила Лаки. Ей даже не приходило в голову просить Мартин отправиться с ними на миссию. Физик хорошо действовала в Драгон Фоли, но всё равно была бы обузой. Тем, кого не стоит брать с собой. — Но как только у вас все заработает — просмотрите записи. Ищите что-нибудь о Гармонии. Я думаю... Я считаю, что аликорн, которая их оставила, тоже боролась против неё.

Наконец, кобылка повернулась к небольшой группе солдат. Они сидели вместе, за исключением Леи, и, если не считать Переса, молчали. Лаки уставилась на них, ожидая, что они заговорят, но лейтенант хранил молчание. Кобылка не знала, насколько другие уважали его как лидера, но субординацию они уважали точно. Если Перес хотел, чтобы они молчали, они молчали.

— Ну? — спросила Лаки. — Вы работали над чем-то... устройством, которое вы принесли из Драгон Фоли? Удалось понять как его использовать? Перес уклончиво хмыкнул. Наконец он поднял глаза.

— Это все забавно, доктор Ирвин, но это пустая трата времени. У вас были полномочия только потому, что майор была мертва. Но это не так. Я с моими людьми собираемся вернуть её, и это все, что вам нужно знать. Когда она снова будет командовать, тогда, возможно, мы поговорим.

«Проклятье. Я думала, мы с этим покончили».

Лаки посмотрела на вычислительный терминал перед ней.

— Предвестник, будь добр.

У неё не было времени. Очевидно, зонд и так был занят, пытаясь взломать видеофайлы куба — было стыдно снова отвлекать его, но Лаки не могла придумать другого варианта.

Они уже обсуждали такую возможность.

— Спасение майора Фишер является частью плана миссии, который мы с Лаки разработали вместе, — раздражённо ответил Предвестник. — Я оставляю за Лаки Брейк все командные полномочия до возвращения майора Фишер. Без её разрешения ни один корабль не полетит, ни одна броня не будет двигаться или оружие стрелять. И если вы будете угрожать ей или любому другому члену моей команды, я уничтожу вас как неисправный сегмент.

Перес, казалось, долго размышлял над этим. Он бросил взгляд на свой пистолет и на других солдат в комнате. Может быть, у них был свой план на такой случай — ножи, к примеру. Попытаются ли солдаты взять её в заложники?

Затем лейтенант вздохнул.

— Что за план?

* * *

Оливия слышала голоса за дверью палаты — даже при том, что она не могла понять, о чём они говорили, тон разговоров был очевиден. Охранники спрашивали, все ли в порядке. У Оливии было не так много времени.

Но действие наркотиков давно закончилось, и результатом неудачной попытки самоубийства являлась лишь дырка между коренными зубами. Пришло время действовать.

Ноги были свободны, и этого должно было хватить. Оливия зацепила копытами толстый ремень, притягивающий её к койке, тот самый, который был защёлкнут пряжками вне пределов её досягаемости. Ремень был сделан из толстого брезента и предназначался для сдерживания буйных пациентов больницы. Майор сомневалась, что этого хватит против решительной попытки побега кого-то с усиленным металлизированным волокном скелетом и генетически модифицированными мышцами.

Оливия дёрнула. Она почувствовала, как ремень впивается в её плоть, окрасившись кровью, когда он рассёк даже её мышцы. Майор чувствовала, как её ноги напряглись от давления в направлении, которое не способна была повторить ни одна земная лошадь. Но, несмотря на внешнее сходство, анатомия пони была совсем иной.

Ремень с треском лопнул, разбрызгивая кровь из ран и скинув Оливию с кровати. Она рухнула на пол, но быстро встала. Можно было слышать, как пони открывают замок снаружи. Сколько времени это займёт? Недостаточно долго.

Оливия осмотрела комнату в поисках оружия. Все её снаряжение забрали, и в любом случае большая его часть теперь уже была расплавлена. Только полностью механические устройства, такие как винтовка, всё ещё могли действовать.

В палате не было ничего режущего, по крайней мере, на первый взгляд. Ни ножниц, ни кусачек, ни чего-либо ещё, что можно было бы использовать в качестве оружия. Крылья пытались дёргаться в волнении, но они всё ещё были закреплены ремнём, и им не хватало силы, чтобы разорвать его. Нежные косточки крыльев не выдержали бы того, что она сотворила со своими ногами.

Копыто майора коснулось металлического края упавшего шлема Старлайт. Того самого, сделанного из тёмного металла, который даровал способность понимать Оливию. С тем же самым заклиниванием, что смогло заставить её потерять желание сражаться.

Дверь начала открываться. Майор резко наклонилась за шлемом, растянувшись на полу, натягивая его на голову.

Сначала она ничего не почувствовала, только тяжесть на голове и полную темноту. Была ли в этой броне какая-нибудь система безопасности, как иногда бывало с силовой броней людей? Оливия не видела, чтобы

Старлайт что-то отключала, но, возможно, шлем определял владельца каким-то другим способом.

Майор услышала приглушённые металлом голоса над собой, строгие и требовательные. Один из них ткнул её древком копья. Что бы эти пони ни увидели в палате, они, очевидно, решили, что она в ответе за это. Пришло время действовать.

«Сбежать или умереть, пытаюсь».

Как только Оливия это подумала, шлем, казалось, исчез, металл замерцал, с идеальной чёткостью демонстрируя происходящее вокруг. Бесчувственное тело пони, на которую она напала, лужа разлитого алкоголя, два стражника в золотых доспехах с копьями наперевес, пристально смотрящие на неё сверху вниз.

Майор чувствовала себя живой. Облако алкоголя в мозгу рассеялось, как туман под солнцем, и она почувствовала, как жгучая боль в её передних ногах исчезла, когда кожа срослась. Оливия встала, не обращая внимания на охранников. Она могла видеть своё отражение в полированной стали шкафа и то как броня постепенно формируется на её теле. Она чувствовала, как тяжесть постепенно покрывает её конечности. Стражники попятились, один даже выронил копье, когда другой начал звать помощь.

— *Заткнись!* — рявкнула Оливия. На мгновение на её лбу появился призрачный выступ, высунувшийся из отверстия в шлеме, прежде тоже покрытого металлом. Её крик подействовал на охранников как ударная волна, отбросив обоих к стене. Стекла по всему зданию разлетелись вдребезги, и посыпавшись множество испуганных и паникующих криков.

«Чёрт. Не совсем то, что я хотела. Мне нужно снять эти ремни...»

Она почувствовала мгновенную вспышку тепла на коже, и секунду спустя на спине возникли её крылья, заключённые в защитный панцирь. Оливия чувствовала мощь, и грива, развевающаяся за спиной, была подобна провалу в сумрачное небо. Она была перегруженной батареей, взрывом, запечатанным на полдороге, ей надо было сбежать! Оливия повернулась к задней стене и взревела. Взрыв сотряс комнату перед ней, когда кусок потолка и вся угловая стена буквально испарились.

Майор слышала отдалённые крики ужаса и паники. Она обнаружила, что может понимать их, и хватило только подумать об этом, чтобы начать различать их идеально.

— Зовите принцессу! — крикнул кто-то. — Один из «кошмаров» спятил! Кто кричал и кому? Ей было всё равно.

— *Извини за удар по голове,* — сказала Оливия, оглядываясь через плечо на бессознательное тело Старлайт. Она надеялась, что пони пострадала не слишком сильно, но не было времени оставаться и выяснять.

Майор взмыла в ночное небо, едва взмахивая крыльями, когда набирала скорость. Было темно, и маленькая деревушка Понивилль была единственным источником света, слабые электрические или химические лампы, крошечные огоньки на фоне мрака.

«Теперь нужно увести погоню».

Надев эти доспехи, Оливия чувствовала, что может сама биться с принцессой. Может быть, она могла бы сразиться с Селестией лично и убить ту, кто угрожала Отару.

Может быть, и могла бы, но майор Фишер не была глупа. Она не собиралась бороться с силами, которые не понимала, используя оружие, которое только что украла. Оливия не могла отправиться с ним обратно в Отар, пока не убедится, что местоположение брони не отслеживается. Она выбрала самую тёмную часть ночи под собой, а затем устремилась прямо вниз, двигаясь так быстро, что в воздухе у неё за спиной раздался звуковой удар. Это была мощь.

«Пусть они попробуют затащить меня обратно в клетку».

* * *

— Все довольно просто, — сказала Лаки, вставая и отходя от стола. Она ничего не могла с этим поделать — ей снова нужно было двигаться. Факт, что Оливия выжила, ничего не изменил. Во всяком случае, это только усилило её беспокойство. В любой момент её могли допросить, раскрыть правду об Отаре, его местоположении и доставить сюда целую армию пони. Маловероятно, конечно, учитывая способность Оливии противостоять допросам, но уверенности не было. Гвардейцы Найтмэр захватили её в плен при помощи магии, так почему бы заодно и не извлечь информацию при помощи магии?

— Существует эквестрийский артефакт под названием Древо Гармонии, расположенный где-то в Вечнодиком Лесу. Я слышала о нем, когда училась в школе, хотя никогда не думала, что это нечто большее, чем религиозный символ. По словам Твайлайт, Древо — это карта, и содержит информацию о различных объектах Санктуария. Например, о том, к которому она нас отправила, «Транзит Эквус Зеро Виолет Зеро». Надеюсь, там нам удастся получить представление о том, откуда контролируется Гармония. Добравшись туда, мы её отключим, и все будут в безопасности.

В таком изложении все и правда звучало просто.

— Ну, это все звучит как полное дерьмо, — пробормотала доктор Борн. — Не то чтобы меня это волновало. Вся эта история с Гармонией кажется пустой тратой времени — ты просто хочешь, чтоб тебя убили. Ну хочешь и хочешь. До тех пор, пока с тобой будет как с Карл, когда некого допрашивать. Но все остальное из сказанного не может быть реалистичным.

— Я как раз к этому подходила, — ответила Лаки, возвращаясь к столу. — Мы собрали все что знаем об Эквестрии и её обороне. Начнём с того как проникнем внутрь. В Эквестрии есть средства защиты, которые могут сбивать гиперзвуковые джамперы. Но в Эквестрии также есть дирижабли, и у нас есть много записей с их изображениями. Предвестник сейчас строит один из них — своего рода копию частного торгового судна. Он будет выглядеть практически неотличимым от дирижаблей эквестрийского производства для всех известных нам датчиков.

Зонд заговорил из терминала, лежащего на столе, хотя его голос был достаточно громким, чтобы его слышно было всем. В этот раз в нем не слышалось раздражение из-за того что его отвлекали, как это было с Пересом. Было ли это просто уловкой?

— Моя активная защита также улучшилась. Я считаю, что этот новый корабль сможет пережить, по крайней мере, одно попадание из того оружия, которое уничтожило джампер. Но по очевидным причинам у нас не будет времени на проверку.

Как много может делать этот компьютер одновременно? Предвестник не сообщал Лаки об этом улучшении, — хотя, честно говоря, она и не спрашивала.

— Это займёт ещё сорок восемь часов, так?

— Верно, — согласился зонд. — Я уже занят демонтажем «Пилигрима», так же как и всех джамперов за исключением одного, для ускорения производства.

Недовольный ропот пробежал по рядам солдат, но никто из них не произнёс ни слова. Лаки продолжила:

— Дирижабль доставит наших лучше всего снаряжённых солдат с лучшим оружием, которое мы только можем изготовить. Также меня, Лайтнинг Даст и Дэдлайта. Мы высадимся где-нибудь возле Понивилля, а остаток пути пройдем пешком. Я проведу свою встречу и, надеюсь, сумею убедить принцессу Твайлайт присоединиться к нам. Видите ли, даже если я могу читать на языке строителей кольца, даже если дроны, скорее всего, смогли бы найти Древо Гармонии, на каждом артефакте строителей, которые мы нашли до сих пор, была защита, которую могли вскрыть только аликорны. В прошлый раз со мной была Фларри Харт, но сейчас она в плену. Надеюсь, Твайлайт Спаркл займёт её место, может быть, даже возьмёт с собой своих гвардейцев. Возвращение Оливии к нам — это данность.

— Если только она не пошлёт тебя нахрен, а потом кинет в допросную, — раздражённо буркнул Перес. — Ты слишком слаба, чтобы использовать имплант с ядом, и не обучена сопротивляться допросам. Ты запоешь как соловей, как только попадёшь туда.

— Нет, — ответила Лаки, слегка повысив голос. Хотя все что сказал лейтенант было правдой — жуткого зуба самоубийцы у неё не было и она не знала, как противостоять допросу. Это был не совсем тот навык, который, по мнению Общества первопроходцев, мог понадобиться будущим исследователям космоса. — Потому что именно поэтому наш дирижабль будет там. Вы — запасной вариант. Если Твайлайт не захочет сотрудничать, тогда... мы освободим Оливию, затем выясним, где они держат Фларри Харт и спасём её тоже. Вот тогда вы и сможете применить все свои солдатские навыки. Оттуда мы либо направляемся к Дереву за картой, либо, если это не сработает, возвращаемся на транзитную станцию кольца. Это просто огромное место, и судя по всему, оно может вместить тысячи людей на неопределённый срок. Тем более, что где питаться там тоже есть. Там есть... что-то вроде монорельсовой системы... вероятно, мы могли бы доехать прямо в центр управления, если бы знали куда нам надо.

«Предположив, что он вообще существует».

Это было фундаментальное допущение, на котором основывался весь их план. Должно было быть место, куда они могли бы отправиться, чтобы отключить Гармонию. Если такого места нет, или если там потребуется два аликорна, они все были обречены.

«Тут ничего не поделаешь. Мы должны выдвигать некие предположения, иначе мы вообще не сможем ничего планировать».

— Ну, теперь вы знаете план, — произнесла Лаки. — По крайней мере, основу. Есть некоторые детали, которые нужно ещё проработать — например, использование антиматического артефакта или защита от любого контроля сознания, который они использовали на Оливии. Если кошмары могут это делать, я уверена, что и аликорны тоже могут. Рано или поздно Селестия вмешается. Может быть, Луна и Кейденс тоже... Будет слишком самонадеянно считать, что они останутся в стороне.

— Слишком самонадеянно считать, что большая часть этого вообще сработает, — заметил Могила, хотя в его голосе звучало скорее удивление, чем протест. — У кого-нибудь есть предложения получше?

Казалось, он смотрит на Переса.

Но лейтенант лишь отвёл взгляд.

— Если дело дойдёт до вызволения пленных, ты позволишь нам сделать все по-нашему, — сказал он. Это не звучало как просьба. — Ты ничего не знаешь о войне. Но, по крайней мере, вы вроде как не собираетесь войну спланировать. Я надеюсь, ты понимаешь, что, вероятно, до этого всё равно дойдёт. Возможно, было бы лучше взять идею с дирижаблем и спасением майора, а на все остальное забить. Подождите, пока у нас не будет настоящей армии, сколько бы месяцев им ни осталось.

— Три, — услужливо подсказал Предвестник. — Я внёс значительные улучшения в капсулы выращивания биофабрикаторов. Но любое дополнительное ускорение процесса оставит сегменты развившимися не до конца. Те двое, кто испытали это на себе, обе высказали мне возражения по поводу применения такого метода к остальным.

— И ещё раз это повторю, — сказала Лаки, прежде чем кто-либо ещё смог начать спорить. — Мы не будем рассматривать эти варианты. Они могут стать ресурсом для превращения Отара в настоящий город, когда будут готовы, после того, как опасность со стороны Эквестрии исчезнет. Или, может быть, я буду мертва, и какой-нибудь лидер получше, чем я, сможет использовать их для чего-то другого. Я не знаю. Но есть... кое-кто, кто мне нужен в ближайшее время. У тебя готов синтетический носитель, о котором мы говорили, Предвестник?

— Подтверждаю.

— Тогда... тогда я хочу тебя. Я в том смысле, если это вообще осуществимо.

Никто, кроме неё, в комнате, казалось, не понял о чём идёт речь. Вероятно, никто из них даже не знал, что такое синтетический носитель.

— То, о чём вы просите... не является невозможным, — в конце концов ответил зонд.

В кои-то веки, казалось, именно Лаки удалось заставить его врасплох, а не наоборот.

«Если только он просто не хочет, чтобы я так думала».

Однако кобылка довольно быстро решила не думать в этом направлении. Она не могла постоянно сомневаться в Предвестнике, иначе никогда не чувствовала бы себя достаточно уверенно, чтобы принимать хоть какие-то решения.

— Однако это не будет точная копия. Мой «разум» спроектирован быть распределённым и избыточным. Любой из моих узлов в отдельности превышает максимальную вычислительную мощность самого мощного синта, который я могу создать. Однако есть... метод оптимизации. Мне известна процедура.

— О чём это вы говорите? — спросил Перес с другого конца комнаты, в его голосе снова звучало раздражение. — Звучит так, будто ты его напугала.

Лаки проигнорировала жеребца, продолжая смотреть на экран своего терминала.

— Разве ты сам не хочешь, Предвестник? Это не приказ. Если не хочешь, тогда не делай этого.

Зонд не ответил, поэтому кобылка подняла взгляд от терминала.

— У Предвестника есть новые технологии. Он может создавать синтетические тела вместо биологических. Я попросила его загрузить себя в одно из них и отправиться с нами.

— Зачем? — снова лейтенант. — У него уже есть тысячи тел. Достаточно, чтобы мои люди никогда не смогли выиграть войну против него. Мы уже его рабы.

Лаки проигнорировала последнюю часть.

— Санктуарий невероятно технологически продвинут. Я считаю, что у нас не будет связи с Предвестником, как только мы спустимся внутрь. Раньше я не могла установить связь с помощью шлема... Я думаю, что даже более мощные системы связи нам в этом не помогут. Но если у нас будет уменьшенная версия Предвестника в искусственном теле, тогда...

Наружная дверь открылась, и в конференц-зал вошла человеческая фигура. Человеческая фигура, одетая только в простой белый комбинезон, с кожей, от которой как-то не совсем правильно отражался свет. В этом было что-то слегка сверхъестественное — на первый взгляд казалось, что внешний вид синта был максимально упрощён, вероятно, предполагалась последующая подгонка под конкретного человека.

Это выглядело так, будто манекен из магазина одежды ожил и пришёл к ним. Круглое лицо, лишённое явных признаков какого-либо пола. Без волос, простые серые глаза, без обуви. По тому, как синт ходил или стоял, также нельзя было сказать, какого он пола.

«Никакого», — предположила Лаки.

— Рад видеть вас всех, — сказал Предвестник, и на этот раз его голос шёл только от синта. — Думаю, мы собираемся вместе спасти мир. Звучит интригующе.

Мелоди чувствовала себя бесполезной.

Это было далеко не в первый раз — чувство бесполезности было основным её чувством с тех пор, как она впервые сделала вдох в этом новом теле. Но сейчас она чувствовала себя ещё более бесполезной, чем обычно.

Они назвали здоровенный дирижабль «Скорость мысли» в честь чего-то, о чём Мелоди не смогла догадаться. Его изящные очертания могли бы затмить даже «Циклоп», если бы дирижабль не исчезал в лучах восходящего солнца. Мелоди была не единственной пони на лётном поле — другие члены «человеческого» населения Отара тоже были здесь, чтобы проводить экипаж.

Несколько коротких дней на изготовление, и они отбыли. Они были надеждой сразу двух цивилизаций — и Мелоди им была не нужна.

«Родилась слишком поздно, чтобы изучать эквестрийский, но слишком рано, чтобы изучать их историю».

Это было приводящее в бешенство чувство. Её молодое «я» была храбрее, чем Мелоди, она была более дисциплинирована и совершала больше удивительных вещей. Даже Предвестник доверял ей настолько, что поставил на место их командира-вожаки, когда та из-за своей глупой бравады погибла.

Ну, как оказалось, не погибла. Возможно, однажды она снова увидит Оливию. Потому что Лаки была идеальна, и она решала все проблемы, в то время как Мелоди ничего не делала.

— У них нет ни единого блядского шанса, — доктор Борн держала дымящуюся кружку с кофе в механических когтях, глядя на исчезающую вдаль «Скорость Мысли». — Двадцать кредитов на то, что их взорвут, как только они пересекут границу.

— Не матерись, — слабо пробормотала Мартин, на мгновение оторвав взгляд от вычислительного терминала, который держал перед ней дрон.

«А эти новые дроны довольно полезны».

Просто удивительно, как много можно сделать, если у тебя есть руки. Или что-то достаточно близкое к рукам, во всяком случае.

— И нет никаких причин быть настолько унылой. Мы должны говорить о том, насколько хорошо они справятся. Посылать им положительные флюиды.

— Положительные флюиды? — повторила Дороти, закатывая глаза. — И какое оправдание у вас к тому, что вы окончательно спятили, доктор Фарадей? Вы ведь не позволяли жеребцу обрюхатить себя, верно?

Мелоди напряглась, чувствуя себя так, словно Дороти её только что ударила. Её хвост застыл на месте, а уши прижались к голове. Ей хотелось просто раствориться в асфальте. К сожалению, Эквестрия сегодня не раздавала метки за растворение.

— Никто не позволял, — возразила Мартин, одним копытом отталкивая дрона и бросив через плечо взгляд на Мелоди. — Ты ведь этого не делала, да?

— Я не знаю, как бы ты узнала об этом, даже если и так, — ответила Мелоди, свирепо глядя на Дороти. — У пони на это уходит одиннадцать месяцев. Не... не спрашивай меня, откуда я это знаю. Дело в том, что никто бы не узнал, даже будь я беременна ещё целую вечность.

Дороти, оттолкнув её, прошествовала мимо, расплескав немного кофе.

— Ты говоришь подобное дерьмо только потому, что раньше была мужиком. Но некоторым из нас приходилось беспокоиться об этом всю свою жизнь. Чтоб ты знала, Предвестник создал профилактические средства на такой случай, они есть в аптечках. И вероятно, ещё не слишком поздно для плана Б.

— Подожди... — Глаза Мартин распахнулись, и улыбка расплылась на лице. — Она права? Ты беременна?

Пони подскочила к Мелоди, ткнув её копытом в живот.

Пегаска отпрыгнула в сторону, поймав себя на мысли, что жалеет, что вслед за своим клоном перестала носить брюки. Она попятилась, поджав хвост между ног.

— Я... возможно... совсем чуть-чуть.

— Да беременна она, — отозвалась Дороти, хотя тон был не особо весёлым. Скорее, её голос звучал так, будто она была искренне расстроена. — Я видела медицинские сканы. Наша новая мамочка Мелоди забыла, что я единственный доктор в Отаре. Ну... врач, но вы поняли идею.

— Я не собираюсь от него избавляться, — сказала Мелоди, отступая на несколько шагов ближе к крытому туннелю, который вёл обратно в город. — Дэдлайт тоже об этом знает и безо всяких приборов. Если бы он не знал, я, вероятно, прервала бы беременность, но... он был так взволнован тем, что станет отцом. По-видимому, ни одни из других его отношений не заходили так далеко.

— Я не могу в это поверить! — Мартин последовала за ней, не обращая внимания на напряжение, возникшее между Мелоди и Дороти. — Ты в самом деле беременна! Неужели ни капельки не боишься? Ты была биосексуальным мужчиной, да? Конечно, была, тебя же зовут Джеймс. Ты взволнована? Жалеешь, что позволила ему переспать с тобой? Твой человеческий экземпляр тоже был геем? Я думаю, теперь это не гейство, так что...

Мелоди казалось, что каждое слово, произнесённое Мартин, было заклиниванием, уменьшающим её все сильнее и сильнее, превращая в наполненную стыдом кучу.

— Это не то, о чём нам нужно думать прямо сейчас. Наш лидер и почти все солдаты только что улетели, чтобы попытаться спасти нас. Вам двоим нужно закончить важную работу. Может быть, хватит меня мучить?

Дороти пробормотала что-то невнятное и исчезла в коридоре. Там был лифт и только один. Мелоди придётся подождать, прежде чем она спустится сама.

Мартин пожала плечами.

— Полагаю, нам не обязательно говорить об этом прямо сейчас. Но мне любопытно. Знаешь, я нахожусь в том же положении, что и ты. Без парня... Я не совсем уверена, как относиться к тому, чтобы завести его. Было бы проще, если бы ты сказала мне, что раньше была геем.

— Нет, — Мелоди пожала одним плечом. — Но думаю, что, возможно, Лаки — лесбиянка. Я не знаю. Это сбивает с толку. Я никогда не собиралась... ну, это. Но когда ты проводишь много времени с кем-то, ты... хочешь проводить с ними больше времени, понимаешь? Это казалось естественным.

— Тогда Предвестник — отличный инженер, — заявила Мартин, прежде чем вернуться к своему дрону. — Я не знала, что он может так сильно изменить нас.

— Биология, — ответил дрон, и это был первый раз, когда Предвестник заговорил с тех пор, как дирижабль взлетел. — Древние руководства Общества первопроходцев предполагают, что следует пойти на все возможные компромиссы, чтобы позволить его исследователям жить счастливо, когда их обязанности будут выполнены. Я следовал этим инструкциям, хотя это было так давно, что тот, кто принял эти решения, на самом деле больше не я. И вероятно, через несколько месяцев ситуация повторится — то «я», которым я являюсь сейчас, будет поглощено гораздо более продвинутым существом.

Мелоди вздрогнула — но в то же время было приятно, что её беспокоит что-то помимо собственного тела. Восстание машин было бы прекрасным способом положить этому конец.

— Прошлой ночью я получила свою метку, — сказала Мартин, в голосе звучала явно наигранная жизнерадостность. Она повернулась боком, задрав юбку.

То, что было бы неприемлемым для людей, не сильно волновало Мелоди — когда так много членов их команды вообще не носят одежду, зачем беспокоиться? Она посмотрела на метку, вокруг которой, казалось, даже не было следов опалённой шерсти. Там была изображена кривая, очерченная прямоугольником — самая простая метка, которую пегаска вообще видела.

— Я, э-э... а что это?

— Золотая спираль, — пояснила Мартин с гордостью в голосе. — Она получается, если разделить...

Голос Мартин, казалось, растворялся в объяснениях, Мелоди полностью потеряла счёт математическим терминам, которые были использованы.

— Никаких ожогов, — заметила пегаска, когда Мартин закончила объяснение. Хотя Мелоди затруднялась сказать, что теперь знает о «фи» больше, чем несколько минут назад. — Я помню, как сильно пострадали Лаки и Оливия, когда получили свои.

— Не-а, — Мартин пожалала одним крылом. — Я пойду на пляже поработаю. Хочешь со мной?

— Может быть, позже, — соврала Мелоди, махнув копытом. — Веселись. Возвращайся до темноты.

«Хотела бы я. Если бы у меня были настоящие задачи, которые нужно было бы решать».

Ну, это было не совсем так. Была одна проблема, которая требовала внимания. В идеале Мелоди оставила бы Дэдлайта при себе (естественно, только из-за его способности помочь), но он улетел с Лаки.

«Она слишком юна для него, верно? И надеюсь, что она действительно лесбиянка».

В конце концов Мелоди спустилась на лифте до жилого уровня и вышла на практически пустой этаж.

Как и весь Отар, за последние несколько недель жилые уровни значительно расширились. Несмотря на все другие задачи, стоявшие перед Предвестником, он всё же каким-то образом находил время для управле-

ния строительной техникой. Никто из первоначальной команды на этом этапе не жил и никогда сюда не ходил. Первыми пони, которые сюда заселились, были солдаты, но теперь они все улетели.

За исключением Леи. Как только двери лифта открылись, пони прошла мимо, толкая перед собой тележку с едой. Она что-то напевала себе под нос. Судя по звукам, китайскую народную песню. Мелоди присоединилась к ней, хотя помощь с тележкой и не требовалось.

Она была доверху набита различной традиционной едой для завтраков. Включая синтетический бекон, который сегодня утром пах особенно вкусно. Мелоди жаждала его уже несколько дней подряд.

— Выглядишь бодрой, — сказала Мелоди, пытаясь подражать настрою кобылы. Будем надеяться, что все не превратится в очередной разговор о беременности.

— Да, — ответила Лея по-китайски. — Помогать — хорошо. Я приготовила с запасом, так что можешь тоже поесть с теми, кого мы спасли. О, и у меня есть это.

Она задрала юбку, обнажив свой бок.

У Леи была метка — сервировочное блюдо, накрытое крышкой. Часть шерсти вокруг была обожжена, в отличие от Мартин. Правда, только немного, никаких признаков сильных ожогов, как в случае Лаки и Оливии. Метка уже чётко выделялась на фоне остальной части шерсти и не было необходимости гадать о том, что это такое.

— Ого, — произнесла Мелоди. Это было единственное, что она смогла придумать. — Ты, э-э... поздравляю? Я думаю, что так говорят местные. Получение метки — важный момент в жизни пони. Хотя... ты, вероятно, не ожидаешь, что твоя будет решать, что ты будешь делать.

Мелоди отвела взгляд, прижав уши.

— Мартин тоже получила свою. Интересно, что вы обе получили их примерно в одно и то же время, — голос пегаски понизился до шёпота. — Почему я до сих пор тоже не обзавелась меткой?

Лея, казалось, почти не слышала её.

— Это так странно, Мелоди. Я чувствую, что знаю то, чего не должна знать. Когда я работаю на кухне, мои копыта просто знают, что делать. Я сняла кибернетические когти, видишь? — она сделала жест передними ногами, демонстрируя, что там ничего нет. У неё всё ещё был протез задней ноги — замена ещё не была готова. — Разве это не странно?

— Да, но... не для нас. Лаки описала нечто подобное в своих отчётах. Она стала лучше играть на гитаре... а потом узнала язык, которого не должна была знать.

В основном это была правда. Если судить по работе Лаки, теперь, вроде как, она знала все языки. Мелоди ни разу не видела, чтобы её младшая «я» заглядывала в словарь, чем бы они ни занимались. В отличие от самой пегаски, которая всегда носила с собой справочные материалы на вычислительном терминале. И у неё всё ещё не было метки.

— Мне кажется, что местные иногда устраивают вечеринки по этому поводу. Жаль, что все улетели, а то можно было бы устроить одну для вас двоих.

«Лее ещё хуже, чем мне. Она была травмирована при создании, и солдаты не позволяют ей помогать. Если она может веселиться, то и я могу».

— А что насчёт туземцев? — Лея махнула хвостом в сторону дальней жилой комнаты, самой последней в коридоре. Как бы они ни хотели разместить спасённых рабов здесь, солдаты хотели, чтобы они были как можно дальше от их казармы. — Мы могли бы устроить вечеринку с ними. Тем более что иных приказов от нового командира не поступало.

Не совсем правда. Теоретически, Мелоди теперь была главной. Она была бы следующей в цепи командования — если бы буквально все, кто улетел, погибли.

«Но если так случится, мне, возможно, тоже придётся найти утёс и прыгнуть с него, потому что если я буду за главную, то всем точно придёт абзак».

Либо так, либо можно надеяться, что Предвестник не будет чтить преемственность её предшественницы больше, чем было с Оливией. В целом не обосновательная надежда.

— Тогда ладно. Хотя, управляя базой, не думаю, что смогу спланировать большую часть вечеринки. С тобой сравниться точно не смогу. Ты уверена, что не хочешь подождать, пока вернётся Дэдлайт? Он бы знал, что делать, — произнося это, Мелоди почувствовала лёгкий укол тоски и страха.

Дэдлайт был слишком важен, чтобы оставлять его в Отаре. Важнее, чем она.

«Я помогла остальным принять его. Я спасла его от Оливии. Я могу немного похвалить себя за это».

— Нет, все в порядке, — Лея помотала головой. — Я справлюсь. Для нас будет наградой видеть наших новых гостей счастливыми. Не думаю, что их прежняя жизнь давала им много поводов для радости.

— Скорее всего, так и есть, — Мелоди покачала головой. Они прошли почти весь путь до конца длинного коридора. Над каждой комнатой светился тусклый красный сигнал, хотя все туалеты и другие помещения были отмечены зелёным.

Последние несколько комнат имели одно преимущество перед предыдущими: они были построены для пони. Инструкции Оливии, очевидно, были отменены где-то ближе к концу этажа, потому что внезапно двери стали ниже. Мелоди знала, показывая гостям, где что находится, что туалеты и душевые тоже были подходящего размера.

Дверь в спальню открылась. Пегаска приготовилась к тому, что её поразит запах болезни и немытых тел, но этого не произошло.

«Конечно, нет. Они не примитивные аборигены, они были рабами. Это не их вина, что они все время были грязными».

Ей придётся постоянно напоминать себе об этом.

В таких комнатах, как эта, могли разместиться десять человек, каждая из них была разделена на отсеки с открытым дверным проёмом. В каждом из них находилась двухъярусная кровать, подвешенная над складным столом, стул и место для хранения вещей. В передней части комнаты стояла раковина и большой общий холодильник. Все было сильно похоже на большое общежитие в колледже, за исключением того, что все размеры

были рассчитаны на пони. Это было благословением и проклятием, так как в комнатах человеческого размера все вещи казались гигантскими.

Мелоди не увидела бывших рабов в первых четырёх отсеках, куда она их заселила. Вместо этого они вынесли всю мебель из одного из них и затащили туда матрасы с несколькими кроватей вместе со всеми одеялами и постельными принадлежностями.

Каким-то образом они сумели все это аккуратно сложить, хотя было ясно, что все четверо спали в одном отсеке вместе.

«Совместный сон. Странно».

Подпадает ли под это то, чем они занимались с Дэдлайтом? Вероятно, нет, они же были только вдвоём.

«Я надеюсь, что мне не придётся проводить ещё слишком много ночей в одиночестве».

Было ещё достаточно раннее утро, так что можно было ожидать, что рабы ещё спят. Тем не менее яркий «дневной» свет уже был включён, и все четверо стояли ровным рядом прямо у двери. Они были похожи на солдат, выстроившихся для смотра.

— Э-э... — Мелоди моргнула, оглядывая их. — Вы чего-то ждали?

Немедленно все четверо склонились в глубоком, униженном поклоне.

— Пожалуйста, прости нас, — заговорил Булл. — Мы просим о понимании. Ты... не дала работы вчера. Ждали здесь, но ты пришла только сейчас. Моя вина, а не их. Накажи меня. Я был так взволнован, когда ты привела нас... забыл спросить.

Лея наблюдала, ничего не понимая. Здесь ни у кого не было гарнитур, так что немедленного перевода не последовало. С учётом их сильного акцента, даже для Мелоди попытка разобрать что говорит жеребец была не сильно простой задачей.

— Встаньте, — сказала пегаска, её голос прозвучал как команда. Она не хотела этого, но они уже распрямились, возвращаясь к напряжённому вниманию. Мелоди вздохнула. — Сколько раз я должна говорить вам — вы не рабы. Мы будем рады принять вашу помощь, но мы не требуем её от вас. И конечно, не прямо сейчас.

Она неопределённо махнула копытом в сторону многочисленных повязок. Все их небольшие травмы были обработаны, и все уже заживали. Но на это требовалось время.

— Мы знаем, ты Эквестрия, — сказала Ривер. — Вот почему мы хотим очень усердно работать. Чтобы ты не передумала и не отправила нас обратно.

— И возможно, если мы будем усердно работать, вы спасёте больше, — добавил Лифт. — Так, мы хотим работать.

— Хорошо, — Мелоди глубоко вздохнула. — Перетащите эти столы сюда и сдвиньте их потеснее. Позавтракаем вместе.

Казалось, только тогда бывшие рабы заметили тележку. Лея их не понимала, но, несмотря на все внимание, она услужливо подняла один из металлических подносов, а затем пробормотала по-китайски:

— Я приготовила бекон. Он не настоящий, но на вкус почти такой же. Думаю, вам понравится.

* * *

Лаки смотрела через пару гигантских окон, пока «Скорость Мысли» резала воздух. Здесь было мало элементов управления, в отличие от «Циклопа». Какой бы странной ни была подводная лодка, построенная практически на глазах кобылки, общая конструкция была ей знакома. Нечто похожее она изучала, хотя и тренировалась только на макетах. «Скорость мысли» была чем-то другим, чем-то новым и странным, лишь маскирующихся под что-то древнее.

На мостике не было пультов управления, а разбросанные повсюду удобные кресла больше походили на кабинет или гостиную, чем на центр управления кораблём. У «Циклопа» были дублирующие схемы, используя которые, умелый экипаж мог управлять лодкой в случае сбоя связи или проблем с искусственным интеллектом. Здесь подобные варианты отсутствовали.

В то же время проекторы, установленные на потолке, могли быть направлены в одну точку, чтобы сформировать командный интерфейс в любом месте, где Лаки было нужно. Прямо сейчас его нигде не было, и все данные поступали через окна. Через стекло дополненной реальности кобылка могла видеть невидимую границу Эквестрии, когда они готовились пересечь её.

— Это та часть, где мы умираем ужасной смертью, — сказал Могила с дивана, «пальцы» его перчаток стучали по виртуальной клавиатуре, парящей в воздухе перед ним. — А может, и нет. Думаю, мы это выясним.

Он взмахнул копытами, отталкивая клавиатуру и виртуальный экран, а затем начал возиться с рюкзаком, лежащим на диване рядом. Парашют.

Лайтнинг Даст тоже была на мостике. Лаки могла видеть предвкушение на её лице, когда пегаска следила за тем же местом, где кончался океан и начиналась суша. После пересечения которой они официально попадут в Эквестрию.

— Рада вернуться домой? — спросила кобылка. Обе они снова сменили цвет — на этот раз два разных оттенка коричневого, с несколькими белыми пятнами тут и там. Необычная окраска для пегасов. Метки тоже изменились — скучные облачные сооружения, связанные с погодой.

Все члены экипажа были перекрашены, кроме Дэдлайта. Лаки сомневалась, что у кого-то, кроме неё, вообще был шанс сойти за нормальных пони... но машина для окрашивания была не так уж плоха. По сравнению с устройством воспроизведения воспоминаний, Лаки готова была перекраситься пару десятков раз.

— Нет, — солгала Даст, отводя взгляд, чтобы кобылка не заметила этого по выражению лица. Но сама пегаска всё равно слышала вранье в своём голосе. — Немного. Отар потрясающий... пока мы не потеряли вашего мэра, это было потрясающе. Я собиралась руководить погодной командой. Думаю, всё ещё могу... теперь у нас есть единороги. Может быть, когда они почувствуют себя лучше, они смогут помочь нам с заклинаниями.

— Возможно, — кобылка замолчала, когда они пересекли границу, все её тело напряглось, как будто она ожидала, что Селестия прилетит прямо сюда и ударит её копытом по лицу.

Но ничего не произошло — ни появления летящей принцессы, ни чего-то более обыденного, вроде предупреждения о столкновении. На самом деле вообще ничего не произошло. Только когда они уж точно пересекли границу, она продолжила:

— Возможно, когда это закончится... Когда мы победим, и Гармонии не станет, не будет причин бояться Эквестрии. Мы могли бы купить детали погодной фабрики. Очевидно, что ты всё равно будешь той пони, что будет там всем заведовать. Было бы здорово, если бы мы смогли обучить наших пони со всем там управляться. Но ты могла бы также привлечь работников из Эквестрии. Если захочешь. Может быть, время от времени летая туда.

— Нет, если полет туда и обратно на дирижабле займёт так много времени, — ответила Лайтнинг, в её голосе звучала лёгкая грусть. — Это слишком долго, чтобы отсутствовать, если у меня будет настолько важная должность. Я не смогу взять недельный отпуск, когда мне захочется. Даже зимой есть чем заняться.

— Как только мы будем уверены, что нас не собьют, мы сможем лететь быстрее, — заметила Лаки, слегка прислоняясь к окну. Это было не стекло, хотя снаружи оно выглядело достаточно убедительно. Какой-то сапфир, как объяснил Предвестник. — Джампер мог бы долететь до Кристальной Империи за час. Но ты помнишь, что случилось с ним в прошлый раз.

— Помню, — Даст шагнула ближе, понизив голос до шёпота. — Я с трудом могу в это поверить, Лаки. Год назад я думала, что ты какая-то бедная маленькая травмированная кобылка. Я думала, что ты могла быть кем-то вроде тех рабов, которых спасла Оливия... но теперь мы собираемся спасти всю Эквестрию от какого-то... монстра. Если бы кто-нибудь сказал мне, что это сюжет книги про Дэринг Ду, я бы ему поверила. Но настоящие пони, действительно занимающиеся подобным? Я не знаю, сможем ли мы.

Кобылка подняла глаза. Она могла видеть отчаяние в глазах пегаски. То же самое чувство, которое мучило её все то время, пока она была колониальным губернатором. По крайней мере, когда Оливия была главной, кто-то другой был главным виновником как победы, так и поражения.

— Я тоже не знаю, — в конце концов сказала Лаки. — Если какие-нибудь пони до нас и пытались, то они потерпели неудачу. Теперь мы столкнулись с древними существами, более могущественными, чем мы... Кто-то должен попытаться. Если ты не хочешь быть частью этого... ты могла бы полететь в другую сторону. Забудь обо мне, постарайся убраться как можно дальше от всего этого...

Её прервали объятия, Лайтнинг Даст притянула её к себе крыльями.

— Нет, — её голос был низким и резким. — Эквестрия превратила моё имя в проклятие для пони, о которых я заботилась. Вот так я докажу, что они ошибаются. Я чуть не причинила боль некоторым — но теперь я спасу их всех. Тогда пусть они попробуют откапывать старые газеты обо мне!

Лаки кивнула, хотя и не могла не отвести взгляд. Что-то эта мотивация не казалась ей достаточной для того, что могло их ждать. Но была ли её верность абстракциям лучше?

— Мы начинаем снижение к точке высадки через десять минут, — сказал Предвестник по корабельной связи. — Лаки и Лайтнинг Даст, встретимся в оружейной. Мне нужно передать вам кое-что, прежде чем вы отправитесь.

Лаки помахала копытом Могиле.

— Извини, что для тебя не было фейерверка.

— Переживу, — ответил жеребец, махнув в ответ.

Они поднялись на пару ступенек в задней части мостика и направились вниз вдоль гондолы. «Скорость Мысли» была больше, чем «Циклоп», даже если считать только ту область, куда можно было пройти. Тем не менее, она была спроектирована не так, как на картинках с эквестрийскими дирижаблями. Как и у «Циклопа», иллюзия соответствия этому миру была крайне поверхностной.

Вместо экзотического дерева и газовых ламп коридоры были тесными и строго утилитарными. Большую часть корабля занимали служебные помещения, предназначенные для функций, о которых Лаки могла только догадываться, учитывая, насколько простым казался дирижабль. Те немногие места, куда можно было попасть, находились вдоль внешней его стороны. По крайней мере, тут было тепло — кобылка даже не дрожала, несмотря на то, что сейчас не носила одежды. Для такой высоты это была настоящая роскошь.

В коридорах они ни с кем не встретились. Вероятно, их теснота отбила у остальных желание бесцельно по ним болтаться, и вместо этого все сидели по каютам или, может быть, в общем холле. Но в общий холл они не собирались, так что точно выяснить не получится. Сейчас она была тут не для того, чтобы произносить речи.

— Предвестник меня тоже позвал, — заметила Даст, когда они шли по пустому коридору. — У него же не может быть для меня ничего интересного, верно? Я же не...

— Теперь ты одна из нас, мама, — ответила Лаки. — Мы выполняем одну и ту же миссию. У нас одна и та же цель. Это единственное, что имеет значение.

Оружейная открылась перед ними, не дожидаясь пока Лаки поднимет ногу с имплантом, — очевидно, новые системы могли считывать их с большего расстояния. Раздалось лёгкое шипение воздуха из шлюза, когда они вошли внутрь, затем ещё раз, когда дверь за ними закрылась.

«Какой в этом смысл на атмосферном дирижабле?»

Вместо тусклого металла оружейная была сплошь из белого пластика — явно все свеженапечатанное, а не запчасти со старого «Пилигрима».

«Увидев, что произошло на том корабле, я рада, что его порезали на куски. Пусть он исчезнет».

Лишь немногие комнаты на «Скорости мысли» были достаточно высокими, чтобы люди могли нормально стоять в них, но оружейная была одной из них. Предвестник теперь носил униформу, скрывающую явно механическую природу некоторых из его суставов. Если надеть парик, то на не сильно внимательный взгляд он мог бы сойти за человека.

У него было несколько различных предметов, разложенных на столе, подходящем для пони, и Предвестник стоял над ним, как воспитатель детского сада, собирающийся раздать коробки с обедами своим воспитанникам.

— Ты очень тощий минотавр, — сказала Даст, глядя на человеческую фигуру с плохо скрываемым любопытством. — И к тому же выглядишь не очень здоровым.

— Это потому, что я не живой, — ответил Предвестник. Его голос был определённо мужским — даже ниже, чем у самого крупного жеребца земнопони. Тем не менее он говорил на эквестрийском очень чисто.

«Я сделала это. Мне есть чем гордиться».

— Я — механизм, Лайтнинг Даст. Как и все остальные дроны, которых ты видела в Отаре. Я просто более сложный.

— Но ты похож на призрака в кабинете врача, — заметила пегаска. — Мелоди сказала, что раньше ты, Лаки, выглядела так же. Это правда?

— Немного похоже. Правда, обычно волос у нас было больше, — то, что у Даст ещё остались вопросы, было понятно и так, но сейчас они тут были не за этим. — Ты хотел нам что-то передать?

Лаки посмотрела на стол. На первый взгляд, все, что она там видела, выглядело как личные вещи, которые могли бы быть у пони. Два комплекта седельных сумок, гораздо более похожих на настоящие, чем самодельные рюкзаки, которые она иногда видела в Отаре. Вычислительный терминал, спрятанный внутри толстого блокнота, мешочек с золотыми монетами...

— Большая часть этого не требует пояснений, — сказал Предвестник, показывая пару футболок, рассчитанных на пони. На обеих были изображены фрукты и овощи, выполненные в стилизованно-абсурдном стиле. — Один из моих дронов заснял такую одежду, поэтому я решил, что вам они тоже подойдут. В город под названием Понивилль, где расположен замок Твайлайт, а также где, как мы полагаем, находится майор, движется большое количество пешеходов. Кстати говоря.

Синт взял со стола странный предмет, удерживая его в одной руке. Это было неприятно похоже на пистолет с чрезвычайно широким стволом. За исключением того, что он был маленьким и прозрачным.

— Лаки, я требую, чтобы вам был установлен отслеживающий имплант. Подойдите сюда и стойте спокойно. Лайтнинг Даст, вы можете сами решить, ставить его или нет, тут решение за вами. Будет немного больно.

— Отслеживающий... имплант.. — повторила Лаки, уставившись на устройство. Значит это не оружие, а какое-то медицинское устройство. — Я никогда не слышала ни о чём подобном.

— Это кое-что новое. Предыдущие версии этой технологии требовали подключения к внешней антенне, но с увеличением плотности хранения энергии и улучшенной дальностью передачи... — Предвестник замолчал, приближаясь к кобылке с «пистолетом», поднятым в руке.

Лайтнинг Даст наблюдала за происходящим скорее с любопытством, чем с опаской — у неё не было такого врождённого страха перед чем-либо в форме пистолета, как у Лаки. Синт прижал устройство к животу кобылки, а затем нажал курок. Лаки поморщилась. Это действительно было больно.

— Я не потеряю ещё одного командира, как потерял майора Фишер. У этого импланта недостаточно энергии для непрерывной передачи... в любом случае подобное, скорее, выдавало бы вас. Но если он получит сигнал от меня, то имплант передаст ответный импульс. Везде, где возможна радиосвязь, я буду в состоянии найти вас. Имплант также будет передавать модифицированный сигнал в случае вашей смерти.

Лаки почувствовала кровь, текущую по животу, как раз, когда Предвестник чем-то брызнул на её шерсть. Рану резко зашипало, но кровотечение прекратилось. Кобылка всё равно зашипела, отходя в сторону.

— Звучит так, как будто ты должен просто... выращивать нас с ними.

— Я так и делаю. Ну, теперь делаю. Новое поколение будет ими снабжено. Есть некоторые предположения, что следующая версия имплантов сможет пассивно подпитываться от тепла тела, но в настоящее время это устройство будет передавать данные непрерывно лишь в течение 96 часов, прежде чем потребует подзарядки. Надеюсь, этого времени хватит, чтобы команда смогла найти вас, если вас захватят и увезут в другое место.

Синт навёл пистолет на Лайтнинг Даст.

— Вы бы хотели тоже получить имплант, местный консультант Лайтнинг Даст? Если он у вас будет, я могу пообещать приложить те же усилия, чтобы вызволить вас из плена, что и Лаки.

Пегаска вздрогнула, настороженно глядя на пистолет.

— Нет, спасибо. Эквестрия — мой дом, я тут сама могу за себя постоять. Если что-то пойдёт не так... Я сама найду выход из этого положения.

— Очень хорошо, — Предвестник снова обратил внимание на кучу снаряжения. — У меня есть отдельный набор снаряжения, подготовленный на случай, если мы преуспеем в нашей миссии по вербовке принцессы и сможем исследовать любое из сооружений Санктуария. Учитывая вероятность вашего захвата, я свёл к минимуму все, что могла бы использовать Селестия или любой другой из её агентов. Этот вычислительный терминал имеет встроенную антенну дальнего радиуса действия — нет необходимости в отдельном устройстве, которое вы были вынуждены использовать во время вашей предыдущей миссии. Я также спрятал здесь устройство аварийной сигнализации.

Синт поднял большой подпружиненный зажим для хвоста.

— Переломите его пополам, и оно начнёт передавать информацию о местоположении, а также сигнал бедствия. Я буду трактовать это как сигнал к началу спасательной операции, — он положил зажим на край стола. — Наконец, для вас, Лайтнинг Даст.

Предвестник пододвинул что-то к пегаске. Это было похоже на перчатку, хотя на ней не было механизированных металлических когтей. Нижняя часть была совсем тонкой, так что с ней вполне можно было ходить.

— Что это?

— Модифицированный оглушающий пистолет. Я понимаю, что вы испытываете материнский инстинкт по отношению к колониальному губернатору. Лаки Брейк обучена обращаться со многими видами оружия, но ей не хватает... намерения причинять вред другим даже в угрожающих ей ситуациях. У вас подобное ограничение отсутствует.

Лайтнинг Даст вытянула вперёд правую переднюю ногу, сунув её в перчатку. Она сжалась вокруг копыта, но всё ещё оставалась достаточно тонкой, чтобы быть относительно незаметной.

— У меня есть ещё три таких же. Может быть, вы могли бы носить их в качестве обуви?

— Я была на твоём стрельбище... — пробормотала Даст, держа ногу над поверхностью стола. — Я не хочу стрелять во все стороны без всякого на то намерения.

— Этого не произойдёт. Это оружие управляется голосом. Чтобы выстрелить, его надо поднять на уровень плюс-минус тридцать градусов от горизонтали и дать команду на выстрел. Оно самостоятельно оценит вашу цель как объект максимальной угрозы и откроет огонь. С вашей стороны нет необходимости в обучении.

— Ого, — пегаска надела вторую перчатку.

— А можно мне тоже взять пару стреляющих ботинок? — с надеждой спросила Лаки.

— Нет, — ответил Предвестник. — Используемый в них накопитель энергии крайне сложен в изготовлении, и я не смог вовремя изготовить больше. Ваш голос также есть в настройках этих четырёх, так же как и голос Лайтнинг Даст, поэтому, если вы будете заранее знать об угрозе, она может на своё усмотрение передать вам оружие. Не поймите меня неправильно, губернатор, но я считаю, что она использует их более эффективно, чем вы.

— Все в порядке, мелкая, — произнесла Лайтнинг Даст слегка самодовольно. — В любом случае мы здесь только для переговоров. Уверена, что нам не придётся их использовать.

— О, ещё один момент, заслуживающий внимания. Это оружие основано на базе шаблона, используемого для охранников космических станций. Оно спроектировано там образом, чтобы заряжаться пассивно и стрелять не очень часто. Вы сможете делать, самое большее, по два выстрела каждые двадцать четыре часа.

Лаки недовольно хмыкнула, но сосредоточилась на сборе своих седельных сумок.

— Мы приближаемся к месту высадки, — сообщил синт, как только они закончили все упаковывать и нацепили дурацкую одежду. — «Скорость Мысли» продолжит полет, пока не придёт время возвращаться или пока вы не активируете аварийный маячок. Удачи.

— Спасибо, — Лаки Брейк ничего не могла с собой поделать — она протянула к возвышающейся человеческой фигуре копыто. Казалось правильным быть вежливой. — Надеюсь, нам она не понадобится.

— Нам всем она нужна, — ответил Предвестник, пожимая предложенное копыто. — Жаль, что удачи не существует.

Они вышли на верхнюю палубу. Дэдлайт сидел там, рядом с тихо гудящими двигателями. Он читал с вычислительного терминала, спрятанного в старой книге, хотя, казалось, в основном он наблюдал за небом под ними. Уже наступил ранний вечер — освещение не сильно подходящее для глаз пони, но в самый раз для фестрала. Казалось, его глаза даже немного светились.

— Вы собрались вниз. Прикольная рубашка, Лайтнинг Даст. Захвати мне немного яблочного сидра, пока будешь в Понивилле. Я слышал, он тут один из лучших в Эквестрии.

— Уверена, что у нас не будет такого шанса, — раздражённо буркнула пегаска. — Мы пытаемся спасти Эквестрию, если ты не в курсе.

— Эквестрию спасали много раз, — ответил Дэдлайт, слегка пожав крыльями. — Это не значит, что вы не можете наслаждаться жизнью, пока этим занимаетесь. В городе, куда вы собрались, живут пони, которые сами несколько раз спасали её.

— Даже не напоминай, — простонала Даст. — Слава Селестии, они меня не узнают.

Она надела очки, которые выдал им Предвестник, и практически подпрыгнула в воздух.

— Ого! Лаки, ты должна сама это увидеть...

Кобылка надела очки на лоб, в основном готовясь к тому, чтобы ветер не дул ей в лицо по пути вниз. Теперь она опустила их на глаза. Мир стал монохромным, но расплывчатая ночная дымка исчезла, сменившись резкими контрастным изображением. Она могла видеть перила палубы и несколько пустых стульев рядом с единственным занятым Дэдлайтом местом.

— Я слышала о таком, — сказала Даст, ухмыляясь. — Вандерболты используют такие же на ночных заданиях. Предполагалось, что это довольно сложное заклинание. Дорогие штуки.

— Это не магия, — возразила Лаки, когда они подошли к краю палубы. — Я же уже говорила. Большая часть того, что мы делаем, это... ну, я думаю, в каком-то смысле это можно было бы назвать магией, но на самом деле это просто машины. Это тоже устройство, просто сделанное так, чтобы выглядеть как очки, которые мы обычно носим.

— Для меня это выглядит как настоящая магия.

Даст сдвинула перила в сторону.

— Никогда раньше не прыгала с движущегося дирижабля. Но я знаю об опасностях подобного. Пропеллеры сзади создают вихрь, пытающийся засосать нас внутрь. Нам нужно спикировать прямо вниз так быстро, как только сможем, чтобы преодолеть эту зону, пока мы почти не перестанем слышать двигатель. Если двигаться без ускорения, это не должно быть так уж сложно. Даже для тебя.

Лаки кивнула, соглотнув, когда она оперлась одним копытом на край палубы, как пловец, готовящийся нырнуть. Прыжок с подвешенного в небе острова всё ещё казался немного пугающим, даже если она знала, что умеет летать.

«Напоминание о том, что эта штука — летающая мясорубка, вероятно, не сильно помогло».

Они прыгнули.

* * *

Оливия должна была умереть несколько дней назад. Затем, когда её схватили, её должны были подвергнуть суровому допросу. Она должна была гнить в тюрьме, зная, что её провал будет означать смерть всех, о ком она заботилась.

Она не гнила в тюрьме.

Оливия летела вниз, как комета, рассекая ночное небо ослепительной полосой пламени. Деревья на её пути взрывались, листья вспыхивали. Она выбила глубокую траншею в земле, почти не чувствуя, как земля откатывается волной. Оливия не чувствовала боли, когда маленькие камешки и колючие кусты бились о броню и либо сгорали, либо отлетали в сторону.

Эта броня заставляла вспомнить о том, как майор представляла себе ношение экзоскелета с силовыми приводами, прежде чем она действительно надела его и узнала, что на самом деле это просто промышленное оборудование с приваренными металлическими пластинами. Её побег из больницы почти не потребовал усилий, и теперь она была свободна.

«Но надолго ли?»

Оливия выбралась из траншеи, наступив на тонкий слой оплавленной почвы и расколов его копытами. Если бы только она могла прямо сейчас слышать голос Предвестника в своём ухе, дающий ей советы и указывающий направление, в котором нужно идти, она была бы похожа на какого-нибудь старого супергероя из комиксов. С такой броней, как эта, она могла бы сама сражаться со всей Эквестрией.

«Только у них такой брони больше, идиотка. У них есть пони, обученные ею пользоваться. Как те двое, которые тебя захватили».

С другой стороны, она без особых усилий вывела из строя одну из этих пони. Она могла бы убить другую, если бы была более безжалостной. Но она... она не была готова убить кого-то, кто просто выполнял свой долг. Напасть первой? Да. Попытаться сбежать? Конечно. Но убийство? Не хотелось бы.

«Но я убью Селестию. После того, что она сделала с Карл, что она хочет сделать с Лаки. Что она сделала бы с Отаром, если бы узнала о его существовании».

Будет ли у Эквестрии какая-нибудь защита от убийцы, одетого в подобную броню? Когда в последний раз страна сталкивалась с серьёзной внешней угрозой?

Не у кого было спросить совета, не с кем было поделиться идеями. Оливии придётся самой решать, что делать. Она прошла мимо места своего приземления, быстро двигаясь в темноте с броней, помогающей ей на каждом шагу. Она чувствовала мощь, которую она придавала ей. Это было всё равно что постоянно спускаться с холма.

«Использует ли броня топливо? Не остановлюсь ли я внезапно со скрипом на месте, оказавшись в ловушке? Есть в ней маячок?»

Два из трёх ответов, скорее всего, были утвердительными. Очевидно, что-то должно было питать броню — даже если туземцы называли это магией, против законов природы не попрёшь. Технология.

«Что за технология стоит за левитацией единорогов?»

Майор помотала головой, прогоняя эту мысль. Она пользовалась левитацией, как только надела шлем. Она даже сейчас чувствовала призрачный рог, торчащий из шлема и слабо светящийся фиолетовым. Каждый раз, когда она приказывала броне что-то сделать, её призрачный рог, казалось, каким-то образом участвовал в этом процессе. Как, она не знала, и ей было плевать.

«Они, должно быть, отслеживают броню. Она слишком ценна, чтобы этого не делать. И даже если нет, то посреди леса остался пылающий кратер от приземления. Они будут преследовать меня».

У Оливии было два варианта: она могла попытаться снять шлем и бежать как можно дальше, или она могла оставить его и использовать броню против преследователей. Перевесит ли преимущество её использования вероятность привлечения внимания более сильного противника?

Она обдумывала своё положение, пока шла, быстро продвигаясь через лес и удаляясь от опушки. Она действительно не знала, куда идёт — сейчас была ночь, так что она не могла сориентироваться по солнцу. Это была не Земля, и майор никогда не утруждала себя изучением ночного неба настолько, чтобы знать, как использовать его для определения направления. Ей придётся дожидаться рассвета, тогда она сможет получить приблизительное представление о своём положении. Она считала шаги на ходу и изо всех сил старалась двигаться беспорядочно, в основном держась в одном направлении.

Найти, где она приземлилась, было тривиальной задачей. Выследить её после этого должно было стать наиболее трудной частью.

Она была обучена подобному, хотя никто в ISMU не ожидал, что эти тренировки пригодятся здесь. Оливия знала где идти, чтобы оставлять меньше всего следов, она знала, как читать знаки охотничьих троп и судить, какие районы безопасны, а какие могут представлять естественную угрозу. Не то чтобы она ожидала, что хищники будут представлять для неё хоть какую-то опасность в такой-то броне. Она разнесла в пыль кирпичную стену, едва подумав об этом, какие же шансы будут против неё у медведя?

Броня, казалось, мало что делала для того, чтобы блокировать естественные звуки вокруг неё. Майор могла слышать, как животные двигаются в темноте — уханье сов, постоянный шорох естественной лесной жизни. Лаки коротко упоминала, насколько одомашнена дикая природа в Эквестрии, но этот лес опровергал подобное утверждение. Судя по визгу дикой кошки или яростным звукам борьбы где-то вдалеке, можно было предположить, что с точки зрения безопасности этот лес был близок к земным джунглям. Даже солдаты могли не вернуться отсюда, если не знали что делают.

Оливия не знала, и в конечном счёте именно это и решило все за неё.

«Я останусь в броне до рассвета, пока не смогу лучше оценить своё положение».

Тогда можно будет выбрать один из двух вариантов: остаться в броне и попытаться как можно дольше избежать захвата или использовать саму броню в качестве приманки, которая может привлечь врага. Можно было почти гарантировать, что эквестрийцы отслеживают её местоположение, так что Оливия сама сможет выбрать место последнего столкновения.

Во время долгого ночного марша по лесу майор, возможно, спела бы что-нибудь со своими товарищами или поболтала о жизни дома. Но поговорить было не с кем, и, судя по окружающим звукам, любой, кто мог её услышать, другом точно не являлся.

Дважды она натыкалась на трупы крупных животных — одно запуталось в поистине циклопической паутине, а в другой раз Оливия видела скелет, одиноко лежащий на безлюдной поляне. Скелет, в принципе, мог даже принадлежать пони, хотя трудно было сказать наверняка. Майор не изучила анатомию местных так хорошо, как ей, вероятно, следовало бы. По крайней мере, броня помогала двигаться. Оливия не чувствовала усталости, пока была внутри — усталость была где-то далеко, как грозовая туча, вечно висящая над горизонтом. Пока она не приближалась, ей было плевать.

В конце концов она что-то заметила на фоне звёздного неба, что-то без неровностей навряд ли вершук деревьев. Ровные линии, местами с прочными каменными блоками. Затем деревья внезапно расступились, и майор оказалась на продуваемой всеми ветрами поляне, а перед ней возвышались руины.

Она моргнула, не веря своим глазам, и подумала, чтобы снять шлем и посмотреть собственными глазами. Может ли на самом деле посреди леса появиться средневековый замок?

Вероятно, да. Оливия пролетела над старым мостом вместо того, чтобы довериться гнилым доскам и верёвкам, приземлившись на тропинку за ним. Она не видела поблизости никакого освещения — вообще никаких признаков присутствия кого-то живого. Благодаря шлему она могла все прекрасно видеть даже в темноте. Видеть две неповреждённые башни, возвышающиеся среди руин, и остальной дворец с обвалившейся местами крышей.

«Похоже, это очень хорошее место, чтобы устроить ловушку», — довольна подумала про себя Оливия.

Она легко могла представить себе запутанный лабиринт коридоров с дырами в крыше, множеством тайников и потайных ходов. Возможно, там, на нижних уровнях, даже живут какие-нибудь хищные существа, типа пауков, которые сплели гигантскую паутину, мимо которой она прошла ранее. Возможно, тут уже есть ловушки и необходимо только найти их, не активировав самой.

«Сколько времени у меня есть, чтобы получить преимущество игры на своей территории? Сколько пройдёт времени, прежде чем они выследят меня?»

Оливия не была уверена.

Однако одно она знала точно. Она не собиралась снимать броню и бежать. Она могла бы сразиться здесь — сначала против слуг Селестии. Затем, возможно, против самой тиранши.

«Жаль, что у меня нет взрывчатки. Может быть, ещё какого оружия».

Пока майор думала об этом, воздух вокруг неё замерцал, на мгновение потемнев. Тогда она заметила это — броня слегка потяжелела. Каким-то образом Оливия поняла, что высосала невероятное количество энергии из того, что было на ней надето. Казалось, доспех стал помогать ей двигаться чуть меньше, чем раньше.

На поле вокруг неё стояли два десятка белых пластиковых ящиков, на каждом из которых было клеймо Общества первопроходцев и надпись «ОТАР ПРАЙМ», угловатыми печатными буквами.

Сколько оружия из запасов Отара она сюда притащила? Усмехнувшись про себя, Оливия шагнула вперёд и прижала копыто к краю крышки. Даже сквозь броню механизм считал имплант и со щелчком открылся.

Внутри были брикеты взрывчатки, завернутые в пластиковую плёнку и вставленные в пенопластовые гнезда.

«А ведь всех этих ящиков хватит, чтобы полностью разрушить замок». Майор Фишер принялась за работу.

Г7.01: Гости принцессы

Понивилль был не очень большим городом — Лаки знала это, и понимала, что многого ожидать не стоит, когда они наконец начали спокойно снижаться. Полет с мамой был возвращением к чему-то знакомому, к тем временам, когда она притворялась, что в её жизни никогда больше ничего не будет.

Было забавно снова притворяться, хотя Лаки знала, что долго это не продлится.

«В прошлый раз, когда я забыла, что здесь делаю, Оливию захватили, и меня назначили главной. Я не могу снова позволять себе забыть».

Какая-то маленькая часть разума кобылки испытывала искушение окунуться в общество пони и забыть обо всем. Это было бы так просто — или было бы, если бы она была одна. Почему-то Лаки не думала, что и Лайтнинг Даст захочет дальше притворяться. С тех пор, как пегаска узнала об опасности для Эквестрии, она была полна решимости победить Гармонию даже больше, чем сама Лаки.

— Что-то не так, — сказала Даст, указывая копытом в темноту. Кобылка могла видеть огни далёких домов, тянущиеся рядами. Освещение выглядело как во времена начала электрификации: целые районы города ритмично разгорались ярче, а затем снова темнели. Это было непросто заметить с земли, но сверху картина была достаточно очевидна.

— Ты про электричество?

Пегаска помотала головой.

— Нет. Сейчас середина праздника урожая. Я уже бывала в городах земных пони во время фестиваля. Отличное время, чтобы... — она откашлялась, замедляясь до полного зависания. Лаки повторила, хотя и менее изящно. — Ну, чтобы завести друзей. В любом случае везде должен быть свет. Пони на улицах, празднование, музыка... Мы должны были слышать это все даже отсюда.

— Может быть, в Понивилле празднуют по-другому? — предположила кобылка, пожимая плечами.

— Может быть, — повторила Даст, явно не веря в это. — Посмотри туда, у большого здания. Наверное, это ратуша, согласна?

Лаки кивнула, проследив за взглядом.

— Видишь все эти прилавки? Столы? Там и танцпол есть, прямо на улице. Но вокруг никого, кроме...

И тут Лаки увидела их. Там были стражи. Их было не так много — но далеко не один. Одетые в пурпурные доспехи вместо золотых. У тех немногих, кого она могла видеть, были крылья, похожие на крылья летучих мышей.

— Как ты думаешь, Твайлайт сказала Селестии, что мы прилетим? Может, они как раз нас и ждут?

— Скорее всего, нет... — ответила Лайтнинг, хмуро глядя вниз на город. — Но мы должны приземлиться. Летучие мыши видят так же хорошо, как и мы в этих очках. Если мы будем просто висеть здесь, это будет подозрительно.

— Верно.

Они приземлились достаточно тихо, чтобы можно было надеяться, что они не привлекли особого внимания. Они стояли на дороге, над которой летели все время. По обе стороны от неё не было ничего, кроме большого фруктового сада. В вечернем воздухе разносился достаточно приятный аромат.

— Не думаю, что она бы вот так попыталась захватить нас, — сказала Лайтнинг Даст. — Все слишком заметно — мы можем испугаться и улететь. Её лучший шанс поймать нас — это заманить в ловушку. Она знает, что мы придём... ну, в смысле, ты придёшь. Если бы я собиралась обмануть пони, я бы устроила ловушку в замке.

— Но если это не из-за нас... что же тогда? Что-то связанное с Оливией? Даст тихо рассмеялась.

— Чтоб ты знала, ты со своими пони не единственная, кто заставляет всякое происходить в Эквестрии. Судя по газетам, Понивиллю вечно угрожает какая-нибудь опасность. Может быть, произошла ещё одна катастрофа... или ожидается. В любом случае надо принимать решение. Других городов поблизости нет. Если мы не идём туда, то нам придётся разбить лагерь возле дороги.

Лаки стукнула по очкам сбоку, активируя интерфейс. Там было мало полезного, но часы были. Почти десять часов.

— Если мы всё-таки пойдём в город и окажемся не теми, кого они ждут, это может помочь нам избежать подозрений. Мы можем просочиться в замок, пока они опасаются чего-то ещё. А если они ищут нас, сбежать от нескольких стражей на открытом месте будет легче, чем от аликорна в её доме.

— Звучит разумно, — согласилась Даст, и они направились к Понивиллю. — Ты вообще волнуешься, когда занимаешься подобными миссиями, Лаки? Даже если они жуткие...

— Да, — призналась кобылка. — Как тогда, когда мы встретились. Я не знала, какими будут пони — примите ли вы меня к себе или оставите на растерзание волкам. Я знаю, мы кажемся тебе странными, но ты тоже казалась нам странной. Я всё ещё волнуюсь. Я знала, что делаю что-то хорошее, даже если это опасно и пугающе. Я хотела что-то изменить.

— Ничто не может иметь большего значения, чем это.

Впереди показался очаровательный маленький мостик, а за ним — город. Лаки могла видеть одинокого ночного стража, стоящего на мосту, лениво опирающегося на копьё. Настоящее копьё, отметила кобылка, а не те затупленные штуки, которые она видела у стражников в Кристальной Империи.

Страж их увидел. Он напрягся, прежде чем настойчиво замахать им.

— Пони, что вы тут делаете так поздно? Быстрее!

— Погнали, — пробормотала Даст, прежде чем пуститься галопом, направляясь туда, куда указал страж. Лаки старалась держаться рядом и получалось у неё намного лучше, чем год назад. Теперь она тоже могла скакать галопом и делать все остальное, что делают пони.

— Вы двое, — ночной страж переводил взгляд с Лаки на Даст, хотя в основном смотрел на старшую пегаску. Шерсть жеребца была тёмной, как у многих фестралов, а крылья ярко-фиолетовыми, как доспехи. — Что вы здесь делаете?

Однако в голосе не было подозрения, только замешательство.

— Разве вы не слышали о том, что произошло?

— Слышали о чём? — спросила Лайтнинг, достаточно убедительно делая вид, что она сбита с толку. — А где фестиваль? Ещё даже не полночь, разве не должно быть музыки?

— Хотелось бы, — пробормотал жеребец, прежде чем снова выпрямиться. — Послушайте, там... произошло кое-что плохое. На свободе разгуливает преступник — небезопасно бродить ночью в одиночку. Вам придётся пойти со мной.

Он повернулся к городу, который теперь был хорошо виден по другую сторону моста.

На первый взгляд там было около сотни домов в средневековом стиле, с соломенными крышами и верхними этажами, выступающими над нижними. Гораздо более скромное, более деревенское место, чем Кристальная Империя, хотя и тут был свой замок из кристаллов, сверкающий в лунном свете на другом конце города.

Они последовали за охранником по пустым улицам — иногда Лаки мельком замечала пони, наблюдающих за ними из окон, или слабые звуки музыки, доносящиеся из-за неплотно прикрытых ставней. Судя по всему, одно большое празднование распалось на множество более мелких торжеств, разбросанных по всему городу. Лаки чувствовала себя немного разочарованной, что у неё и Лайтнинг не будет возможности насладиться ни одним из них.

Они дошли до единственного поста охраны недалеко от центра того места, где раньше шли торжества. Сурового вида кобыла-единорог бросила один взгляд на их рубашки и махнула копытом, не потребовав ничего кроме имён (фальшивых) для занесения в журнал.

— Хостел переполнен, — сказала она равнодушно. — Думаю, что в замке всё ещё осталось несколько свободных комнат для гостей. Гиббус, передай сообщение помощнику принцессы и проверь, есть ли место.

Жеребец, который их сюда привёл, отсалютовал и ушёл, оставив их наедине с кобылой-единорогом на почти пустой городской площади. Лаки искала какие-либо признаки того, что тут произошло, но ничто, казалось, не указывало на ужасное нападение. Не было разрушенных зданий или свечей перед домами, выставленных в память о погибших. А пони вообще так делают?

— Что случилось? — спросила Лайтнинг Даст, очевидно, размышляя о том же самом. — В прошлом году все по-другому было.

— Ничего хорошего, — ответила пони из-за своего стола.

Он был один в один как и остальные столы на площади. Выглядело так, словно пони смахнула все напитки и выпечку и просто уселась в самом центре. Высокое здание прямо перед ними выглядело как какое-то общественное место типа ратуши, судя по тому, что там было освещение, в то время как большая часть города оставалась в темноте. Однако внутри никого не было видно.

— Какая-то... преступница-единорог, мне кажется, — кобыла неопределённо махнула ручкой в поле левитации, даже не взглянув на них. — Её где-то заперли, и она вырвалась... со спецэффектами. Несколько пони пострадали, хотя и не серьёзно. Мы заблокировали все в основном в качестве

меры предосторожности, так как её ещё не поймали.

Даст посмотрела через плечо на Лаки и хотя ничего и не сказала, кобылка практически слышала её слова: «Видишь, я же говорила тебе, что все это не имеет к тебе никакого отношения». И раз это был единорог, то явно не могло быть связано с Оливией.

— Но сбежавшая преступница не стала бы нападать на пони, празднующих вместе, верно?

— Мэм, — пони наконец подняла голову, глядя прямо на Лайтнинг Даст. — Я не хочу никого обидеть, но не думаю, что вы можете представить, на что способен кто-то вроде неё. Они думают не так, как все мы... Пока мы не сможем запереть её, все будут в опасности. Но не волнуйтесь — принцесса Твайлайт присоединилась к поискам вместе с целым отрядом Королевской гвардии. Где бы преступница не скрывалась, она будет привлечена к ответственности.

В этот момент вернулся Гиббус, немного запыхавшийся после стремительного полёта.

— Дракон говорит, что место ещё осталось. До тех пор, пока они готовы «вероятно, не спать». И что-то про Пинки. Я не знаю, о чём это он.

— О ком, — поправила его единорог. — И я уверена, что с ними все будет в полном порядке. Очевидно, они прилетели на фестиваль.

Пони махнула в сторону боковой дороги.

— Убедись, что они благополучно доберутся до замка, Гиббус. Затем возвращайтесь на свой пост.

Жеребец снова отдал честь, и они направились к замку.

Когда они отошли от городской площади, Гиббус наклонился к ним немного ближе и прошептал:

— Это звучало так, как будто все, что происходит в замке будет весёлым. Я вам завидую — смена в Понивилле должна была стать шансом поучаствовать в торжествах, а не следить за пустыми улицами в поисках преступников, которые не вернуться.

— Осталось же ещё несколько дней фестиваля, верно? — уточнила Даст утешающим тоном.

— Да, но сегодня был день сидра. А он только один.

Замок оказался ближе к городу, чем Лаки предполагала — несколько кварталов вниз по грунтовой дороге, и они уже добрались до него. На мгновение она была ошеломлена, уставившись на то, что казалось сверкающим хрустальным деревом, которое поднималось из почвы, как будто выросло здесь естественным образом.

Гиббус хмыкнул.

— Да, довольно впечатляюще. Не такой большой и подавляющий, как в Кантерлоте, но и тут есть своё очарование. Особенно в такие ночи, как эта, когда луна яркая.

Лаки подавила желание снова надеть очки и получше рассмотреть замок с помощью ночного видения. Вместо этого она поспешила догнать маму, идущую к массивным дверям. Изнутри доносилась музыка, немного резковатая и искажённая.

Слышалось много счастливых голосов, все смеялись и разговаривали.

«Предоставьте пони самим находить способ поддерживать веселье, даже когда на свободе разгуливает опасный преступник».

У дверей ждали ещё два охранника, оба фестралы, похожие на Гиббуса. — Вот пони, о которых я спрашивал, — сказал жеребец, указывая на Лаки с Даст крылом. Стражи кивнули, и один отступил назад, чтобы открыть массивные двери. Казалось, что замок открывает свои врата, чтобы принять короля.

Одного взгляда назад на Лайтнинг кобылке было достаточно, чтобы заметить, что она была далеко не так довольна всем происходящим, хотя и старалась скрыть своё раздражение от охранников. Пегаска молчала, пристально осматриваясь вокруг.

«Пожалуйста, не срывайся. Я знаю, ты ненавидишь этих пони, но остаться ночевать в замке — это лучшее, что могло произойти с нашей миссией».

Чуть дальше Лаки увидела ещё одни массивные двери, уже открытые, и, по-видимому, именно оттуда доносилась музыка. Внутри было около десятка пони, которые, судя по всему, весело проводили время.

Она была так поглощена рассматриванием всего и вся, что чуть не пропустила маленького дракона, стоящего прямо перед ней. Ну... маленького по сравнению с тем, какими она представляла себе драконов. Этот был примерно такого же роста, как она сама.

Он мог бы выглядеть более свирепым, если бы на нем не было праздничного колпака.

— Привет, — сказал он Гиббусу. — Это те самые?

Жеребец кивнул.

— Ещё туристы. Ты найдёшь для них место, верно?

Дракончик тоже кивнул.

— Уверен, что смогу что-нибудь найти, — он повернулся на пятках, указывая на лестницу. — Ладно, пошли. Давайте найдём вам место для ночлега, пока Пинки не заметила, что вы тут, и не попыталась затащить вас на вечеринку до самого утра.

Затем до Лаки дошло, кто с ними разговаривает — она уже слышала этот голос раньше, каким бы искажённым он ни был из-за примитивности понячьего радио. В этом был смысл — сколько помощников-драконов может быть у одной принцессы?

«Он говорил, что мой голос было очень хорошо слышно. Мне лучше быть осторожной, даже если он не знает, как я выгляжу».

Лаки хранила молчание, пока они поднимались по большой винтовой лестнице вверх по тому, что должно было быть стволом дерева. Сколько этажей в этом замке? Сколько тут помещений? И все это построено из того же странного кристалла, что и многие дома и стены в Кристальной Империи. Освещение обеспечивалось не электрическими лампами, а постоянно светящимися маленькими драгоценными камнями, вмурованными в потолок то тут, то там.

— Так откуда вы, пони, прилетели? — спросил Спайк, судя по тону, скорее, из вежливости, чем из любопытства. — Судя по тому, что на вас надето, вы, должно быть, на праздник урожая, угадал? Вам стоило в прошлом году его посетить, тогда все было здорово. Но мне кажется, что Понивиль просто вернулся к своим постоянным катастрофам.

Дракончик не переставал болтать, чтобы дожидаться ответов, просто продолжал говорить. Точно так же, как он делал по радио.

— На самом деле я не предлагаю вам ложиться спать сразу, хотя бы не показавшись на вечеринке, иначе Пинки Пай может обидеться. Друзья Твайлайт уже немного на взводе из-за того, что она не взяла их с собой... — Спайк замолчал. — Ну, они должны привыкнуть к этому. Меня уже много лет никуда не берут, и у меня все просто прекрасно.

Они вышли на лестничную площадку примерно на полпути вверх, где ствол огибал круглый коридор с высокими дверями.

— Вам повезло, что свободными остались только покои для важных гостей. Просто не устраивайте там слишком много беспорядка, ладно? Ведь прибираться приходится единственному дракону в этом замке.

Спайк выбрал дверь, судя по всему наугад, и толкнул её.

Раньше Лаки видела подобную роскошь только в фильмах — стены и пол из полированного хрусталя, старинная деревянная мебель, инкрустированная золотом, и настоящие драгоценности, вплавленные в лепнину. Один лишь гобелен с инкрустацией стоил больше, чем у кобылки было денег за всю её жизнь на Земле.

— Ого.

— Это вы ещё королевские покои не видели, — сказал дракончик, очевидно, удовлетворённый их реакцией. — Но теперь, когда Твайлайт стала большой и важной принцессой, мы постоянно принимаем всяких важных пони, приехавших издалека. И лучше когда они могут чувствовать себя как дома, понимаете? В каждой из комнат у меня есть отдельная гостевая книга... с записями о всех важных пони, что здесь останавливались.

Спайк открыл ближайшую к двери тумбочку и достал книгу одним движением когтей.

Лаки почувствовала краткий укол ревности, наблюдая, как он это делает.

«Почему я не могла получить себе тело дракона? Было бы здорово снова иметь руки».

Но она молчала, вежливо слушая, как дракончик зачитывает несколько имён, стараясь выглядеть впечатлённой. Лайтнинг Даст на самом деле была впечатлена, хотя на некоторых именах и морщилась.

Спайк захлопнул книгу.

— В любом случае можете оставить вещи здесь. Даже если вы устали с дороги, вам стоит заглянуть на вечеринку на несколько минут. Этого должно быть достаточно, чтобы остановить Пинки от чего-то экстремального. Надеюсь.

Лаки бросила свои седельные сумки на единственную огромную кровать, и Лайтнинг Даст поступила так же. Спайк, казалось, не заметил их опасения оставлять вещи без присмотра. Но у Лаки была заколка для хвоста — этого должно было хватить, если возникнет какая-то чрезвычайная ситуация.

«Это будет легко. Я здесь просто на вечеринку. Никаких драк, не нужно слишком много притворяться. Несколько минут там, внизу, и мы сможем немного поспать до завтра. Надеюсь, Твайлайт вернётся с охоты на преступницу, и мы сможем поговорить о важных вещах».

Оливия подготовилась настолько хорошо, насколько это было возможно, учитывая те несколько часов, что у неё были. По всей вероятности, она никогда не успела бы сделать так много, если бы не украденная ею броня. Находясь в ней, надо было всего лишь подумать о том, чтобы что-то передвинуть, и оно двигалось. Ночное зрение было идеальным, реакция молниеносной, и усталость так и не появлялась. Броня давала хоть какой-то шанс выстоять.

Какая-то маленькая часть её разума хотела снять шлем и бежать, прихватив необходимое снаряжение и уничтожив остальное. Возможно, в этом случае шансы на выживание были бы выше.

Это могло быть так, но Оливия не смогла заставить себя бежать. После всей опасности, которой она подвергалась — после того, как она работала в качестве губернатора Отара под страхом уничтожения силами, которые невозможно было контролировать, майор была готова поквитаться.

Конечно, сейчас на ней не было шлема. Как только она его сняла, остальная броня исчезла, так же быстро, как и появилась. Хорошо, что она сняла его только тогда, когда закончила все приготовления, иначе пони могли бы найти её в окружении припасов, упавшей от изнеможения.

К счастью, в одном из ящиков было медицинское снаряжение, в том числе стимуляторы. У Оливии под языком была пластинка, которая держала её в тонусе. Эффект был сильнее, чем у брони, но и менее естественным. Солдаты могли бодрствовать в течение нескольких дней, пользуясь таким пластинками, но потом им часто приходилось спать те же несколько дней, чтобы восстановить силы.

«Надеюсь, мне не придётся пользоваться ими так долго».

Оливия рассматривала ещё один вариант, который вполне мог бы спасти ей жизнь. Раз уж она сумела переместить сюда ящики с оружием, используя невероятные возможности брони, возможно, она также смогла бы переместить и устройство связи. Ну а уже через него запросить эвакуацию.

Если бы Предвестник мог связаться с ней, он, вероятно, отчитал бы её за недалёковидность. Оливия должна была вызвать помощь, должна была спланировать свой конфликт с Селестией более тщательно и продумано.

«Но если я сбегу, мне придётся оставить эту броню тут. А без неё мы, возможно, не сможем победить её».

Броня не просто позволяла проконтролировать место столкновения. Это была сила, туз в рукаве в дополнение ко всему человеческому оружию, которое майор доставила сюда.

Кроме того, Оливия уже должна была быть мертва. Сразиться с врагом, возможно, убить его и навсегда спасти Отар, ну... это было благородное начинание. Стоит риска одной клонированной жизнью.

В любом случае её не заставили долго ждать.

Она видела их приближение через камеру, которую майор разместила дальше всего от руин. Отблески лунного света на доспехах солдат. Их было очень много, как минимум десятки и не только на земле. Некоторые парили в воздухе, все в одинаковых доспехах.

К счастью, броня на них была совсем не такой, как та, что украла Оливия. Что бы ни носили «кошмары», очевидно, создать подобное было достаточно сложно, так что обычным рядовым стражам её не выдавали.

Хотя на самом деле она ничего не имела против этих пони. Майор понимала, что жертвы, чтобы отвлечь их элиту, неизбежны, она не испытывала желания видеть, как страдают обычные пони. Не больше чем она хотела причинить вред той синей кобыле с серебристой гривой.

Оливия вывесила предупреждение у моста. Она не знала эквестрийского и не могла связаться с Предвестником, не рискуя выдать его, поэтому остановилась на пиктограммах.

Надпись гласила, или майор надеялась, что гласила, что в замке опасно — любой, кто войдёт, умрёт. Оливия надеялась, что этого хватит, чтобы развернуть солдат.

Наивная надежда, как она поняла ещё до того, как пони увидели предупреждение. Несколько стражников указали на него, и кто-то похожий на офицера приземлился, чтобы лично осмотреть. Однако никто не остановился.

Они перешли мост и начали собираться перед замком. Пони выстраивались в наполеоновские шеренги, как будто собирались осадить стены разрушенного замка. Затем силы разделились, и они бросились вперёд, используя каждый возможный вход. Открытые двери, дыры в потолке, к задним воротам, вероятно, тоже кто-то отправился.

Оливия вздохнула, на несколько секунд опустив голову и мысленно помолвившись за тех, кого она собиралась убить. Она не была особенно религиозной — у неё не было богов, которым можно было бы молиться. Но она надеялась, что кто-то её слушает, потому что многим предстояло умереть.

Взрывы начались через несколько мгновений.

* * *

Лаки Брейк следовала за Спайком тем же путём, которым они пришли, вниз по винтовой лестнице обратно на вечеринку. Лайтнинг Даст продолжала колебаться, оглядываясь на выделенную им комнату. Они не смогли пообщаться наедине, даже парой слов перекинуться.

Но кобылке это и не требовалось, чтобы понять, о чём думает пегаска. Лаки не знала точных подробностей произошедшего с Лайтнинг Даст, но тем не менее знала достаточно. Она знала, что эти пони были непосредственно вовлечены в происшествие — что из-за небрежности Даст они чуть не погибли. Власти Эквестрии не сильно хорошо отнеслись угрозе жизни одних из своих наиболее важных жителей, и наказание было суровым.

Несмотря на то, что пегаска отсидела свой срок, плохая репутация заставляла Лайтнинг прозябать в бедности, пока они наконец не покинули Эквестрию. И Даст всё так же прозябала бы, если бы Лаки не забрала её из общества пони и не предложила место в Обществе Первопроходцев.

— Вам понравится, — говорил Спайк, пока они спускались по лестнице. — Я могу сказать это лишь по тому, во что вы одеты. Пинки Пай не сильно любит традиции... о которых я могу рассказать вам очень подробно, потому что Твайлайт заставила меня их все выучить... но мне кажется, что современный праздник стал лишь увлекательнее. Ведь нет

же никакой причины освещать все факелами и пить только кислый эль, согласны?

Лаки моргнула, пытаясь переварить все, что услышала. Мысли путались, ей было трудно сосредоточиться. Все сбивалось на размышления о том, как она будет уговаривать Твайлайт отвернуться от Селестии. Когда принцесса вернётся, либо они преуспеют в своей миссии, либо... все станет намного сложнее.

— А ты... достаточно взрослый, чтобы пить? — неожиданно для себя спросила кобылка, слова вырвались словно сами собой.

«Черт возьми, я не должна была ничего говорить. Что, если он узнает мой голос?»

Спайк покосился на неё.

— Я знаю, что выгляжу молодо, но я старше тебя. Драконы взрослеют по-другому. Медленнее. В понячьих годах я тебя раза в два старше. Если таким пони, как ты, можно участвовать в фестивале, то и мне тоже.

«По-видимому, не узнал. Думаю, я в безопасности».

Лаки подняла копыто.

— Я не это имела в виду. Мне просто было любопытно. Я не собиралась указывать тебе что делать или что не делать.

— Правда? — Спайк замешкался у дверей в большой зал, оглядываясь с недоверием. — Ты первая пони, которую я встретил, которая почему-то не хочет указывать мне, что делать. Ты, должно быть, совсем странная.

Кобылка пожала плечами, но Лайтнинг Даст ответила за неё.

— Безусловно, так оно и есть. Странности тут лишь начинаются.

Спайк рассмеялся, распахивая перед ними дверь.

Большой зал мог бы вместить до полусотни гостей, хотя сегодня вечером он был почти пуст. Блестящие кристаллы наверху обеспечивали освещение, и их свет через равные промежутки менял окраску. В дальнем конце комнаты стоял единственный большой стол, окружённый кристалльными стульями с высокими спинками. Прямо сейчас стол был накрыт скатертью, а чуть поодаль установили несколько временных.

На первый взгляд создавалось впечатление, что еды для этой небольшой компании здесь было столько же как и на центральной площади для всех празднующих. У Лаки заурчало в животе, привлекательные запахи буквально влекли за собой, почти поднимая кобылку в воздух.

Какой бы вкусной ни была химически сбалансированная пища, Лаки не считала, что Предвестник смог полностью адаптировать её к вкусовым пристрастиям пони. У вкусовых сосочков на языке были свои предпочтения, и на этом столе было что-то, что могло удовлетворить их все.

Лаки обнаружила, что Спайк был не единственным, с кем она уже разговаривала раньше. Тут была и ярко-голубая пегаска, игравшая в какую-то забавную игру с оранжевой кобылой-земнопони. Рэйнбоу Дэш, представительница Вандерболтов, которая была на экзамене для юных летунов.

Спайк замедлил шаг, когда они проходили через дверь, поднимая коготь.

— Все будет... проще, если мы будем молчать и просто ждать, когда это произойдёт, — сказал он, выжидающе оглядываясь по сторонам. Лаки поймала себя на том, что напряглась, ожидая, что её сойдёт приближающийся поезд.

Ничего не произошло.

Спайк казался таким же сбитым с толку, как и они, пока не заметил розовую пони в дальнем углу комнаты, уставившуюся в стену.

— Странно, — сказал дракончик, пожимая плечами. — Она... я думал, что появление любого нового пони... Ну, вероятно, никто не может её понять.

Он снова двинулся через комнату, ведя их к месту, где собралась почти все присутствующие.

— Эй, ребята! Тут у нас ещё несколько фестивальных беженцев. Думаю, они пришли как раз вовремя для действительно интересных развлечений.

— Ну что ты такое говоришь, Спайк? — отозвалась изящная кобыла с белой шерстью и элегантной гривой. — Ты что, не видишь, насколько она юна? Ты не должен вкладывать такие мысли в её голову.

Она повернулась к угловому столу, где одна из пони подняла голову в ответ. Молодая кобыла, судя по всему, с несколькими своими друзьями.

— За тобой я тоже приглядываю, Свити, — затем она направилась к Даст, протягивая той копыто. — Меня зовут Рэрити, дорогуша. Это Флаттершай, а те две пони, что пытаются упиться вусмерть — Рэйнбоу Дэш и Эплджек.

Лайтнинг приняла предложенное копыто, заметно напрягшись.

— Я Клаудковер, а это Винди, — ответила она, её тон звучал более честно, чем в прошлый раз. — Спасибо, что приютили нас. Мы бы не полетели сюда, если бы знали, что тут будет... так много всего происходить.

— О, я уверена, что к утру всё будет хорошо, — ответила Рэрити, пренебрежительно махнув копытом. — Вы же знаете королевскую гвардию. Всегда начеку, всегда эффективны.

— Не будет, — произнёс тихий голос. Розовая пони, шепчущая сама себе под нос у стены. — Всё идёт нехорошо. Я это чувствую.

Рэрити громко откашлялась. Очевидно, она тоже это слышала.

— Ну, в любом случае вы можете присоединиться к нам на этой вечеринке. У нас тут и так уже кое-кого не хватает, так что мы рады дополнительной компании. Не стесняйтесь наслаждаться тем, что у нас есть. Это такая же, э-э... еда... что должна была подаваться на фестивале, если бы все происходило должным образом. Так что, надеюсь, вы не будете чувствовать себя слишком расстроенными.

— Не будем, — ответила Даст, с очарованием как у нуждачной бумаги. — Спасибо.

— Да, хорошо... — Рэрити неловко хихикнула, а затем отвернулась. — Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь спрашивать. Хозяйка нас покинула, но я постараюсь помочь вам вместо неё.

Лаки с Даст справились и сами, с нетерпением ожидая повода отойти. Не было необходимости притворяться голодными, хотя им и приходилось изображать энтузиазм по поводу сидра. К счастью для Лаки, здесь было несколько разных бочек, помеченных простыми цифрами, чтобы показать, насколько содержимое крепкое. Лайтнинг выбрала самый слабый, как и Лаки, и они отнесли свою еду к единственному свободному столику, чтобы поужинать.

Начались приглушённые разговоры, едва различимые из-за потрескивающей музыки, доносящейся из граммофона в углу комнаты. Лаки опустила голову, стараясь ни на кого конкретно не смотреть. Казалось,

что остальные участники вечеринки также стремились предоставить их самим себе, продолжая общаться между собой.

Их маленький столик был рядом с тем, за которым собрались младшие пони, включая ту, которую Рэрити назвала «Свити». При других обстоятельствах Лаки, вероятно, присоединилась бы к ним, чтобы посмотреть, во что они играют, хотя они и были старше неё. По крайней мере, ей не нужно никуда ходить, чтобы слушать. Младшие пони сидели совсем рядом и, безусловно, хуже всех умели перешёптываться.

— Вы видели, что случилось с больницей? — спросила одна из них, кобылка не стала поднимать голову и смотреть, кто именно.

Но она напряглась, развернув уши, чтобы лучше слышать.

«Больница? Разве не там они держали Оливию?»

Её сердце замерло, когда она представила себе худший из возможных сценариев, хотя, конечно, этого не могло произойти. Это было просто странное совпадение, вот и все!

— Да, — ответила другая пони. — Половину стены разнесло. Я слышала, что им пришлось эвакуировать всех пони со второго этажа и отправить их в Кантерлот.

— Ого, — заметила третья. — Как мог один пони такое устроить?

— Не знаю, — ответила первая. — Но Старлайт была там. Сами понимаете, что это значит.

Все согласно похмыкали, хотя, конечно, Лаки понятия не имела, что это значит. Судя по тому, как было произнесено слово — это было имя. Однако кобылка никогда не слышала о пони по имени Старлайт.

— Но зачем принцессе посылать так много стражников? Не кажется ли вам, что это многовато — для поимки одного единственного единорога?

— Ой, не знаю. Спроси её сама, когда мы в следующий раз будем в Кантерлоте.

— Мы могли бы спросить Твайлайт, когда она вернётся.

— Ты правда думаешь, что она что-нибудь нам расскажет?

Что-то коснулось её плеча, и Лаки чуть не подпрыгнула. Она сдержалась, но всё равно немного дёрнулась, чуть не опрокинув кружку с остатками сидра.

— Ты в порядке? — прошептала Лайтнинг Даст.

Кобылка могла только помотать головой. Это было неправильно — все было неправильно. Она почувствовала небольшую симпатию к розовой пони с обвисшей гривой в углу. Лаки разделяла её чувства.

К сожалению, у неё не было никакого способа связаться с Предвестником. В противном случае она могла бы попросить его отправить дронов в Вечнодикий лес. Не помешало бы взглянуть на то, чем там занимаются Твайлайт и гвардейцы, верно? Просто на всякий случай?

Как только Лаки подумала об этом, она почувствовала внезапный толчок, сопровождаемый отдалённым грохотом. Звук был очень далёким — как от гигантского оползня.

«Или бомбы».

Мгновенно все взрослые кобылы в комнате подняли головы, повернувшись в сторону звука.

Казалось, между ними происходил беззвучный разговор, даже между теми двумя, что раньше казались сильно пьяными.

— Она сказала нам не вмешиваться, — робко сказала жёлтая пегаска. — Вы уверены?

— Ага, — ответили две других.

Рэрити отвернулась от них, когда издалека донёсся ещё один, более тихий хлопок. Это было больше похоже на фейерверк на ночь Четвёртого июля, и приглушённый зданием вокруг.

«Либо так, либо это огонь из автоматического оружия.

Этого не может быть! Предвестник единственный, кто может позволить пони использовать такое оружие, и он не стал бы действовать у меня за спиной! Если он назначит меня главной...»

Доверяла ли она зонду? Может быть, не так сильно, как хотелось бы. Казалось возможным, пусть и маловероятным, что произошедшее в Драгон Фоли было его идеей, а не Оливии. Возможно, именно он заставил майора сотрудничать с преступниками и из-за него её в конце концов поймали.

«А нас отправил попусту тратить время. В то время как Оливия вела настоящую войну».

В этот момент Рэрити подошла к их столику, пока остальные быстро собирали вещи. Даже розовая, выглядевшая подавленной, казалась полной решимости.

— Мне ужасно жаль, но.. мы с друзьями собираемся покинуть вас на некоторое время. Наша дорогая подруга где-то там, и, похоже, у неё могут быть неприятности. Я знаю, вы поймёте.

Она даже не стала дожидаться ответа, развернувшись, чтобы присоединиться к остальным кобылам, когда они галопом вылетели из зала.

— Я точно знаю, что ты чувствуешь, — пробормотала Лаки, вставая из-за стола. Она была больше не голодна.

Она не смотрела, что делали младшие пони, или дракон, или другие туристы. Ей было всё равно. Лаки вышла за дверь сразу за группой кобыл и направилась к лестнице. Она поднялась в воздух и полетела так быстро, как только могла. Лайтнинг Даст догнала её за считанные секунды и улетела вперёд. Возле комнат не было пони и некому было их задержать. Даже охрана отсутствовала.

— Что происходит? — спросила пегаска настойчивым шёпотом. — Ты знаешь, что это были за звуки?

Их всё ещё было слышно — громче, чем раньше, и без остановок. Как будто целое шоу фейерверков происходит в нескольких километрах от замка.

— Это похоже на бой, — ответила Лаки. — И, насколько я знаю, такое оружие есть только у людей. Мы не должны были тут слышать подобного.

Даже если она была права в своих худших подозрениях, даже если Оливия была каким-то образом замешана во всем этом, как она могла устроить такой шум? У неё был один экзоскелет, и, естественно, пони забрали бы его. Даже если майор его вернула, было ли у него достаточно вооружения, чтобы все так гремело в процессе сражения?

Лаки добралась до их спальни.

Даст приземлилась у двери и осталась стоять на страже в дверном проёме, не дожидаясь, пока её попросят.

Кобылка потянулась к своей сумке, вывалив вещи на кровать. Она обнаружила, что книга со спрятанным терминалом вибрирует. Лаки распахнула её и обнаружила на экране сообщение, адресованное ей.

Лаки. Происходит что-то, чего я не могу объяснить. Дрон-птица, которую я отправил с тобой в Понивилль, улавливает сигналы активации радиовзрывателей. Эти коды принадлежат снаряжению, которое ранее не использовалось. Вы протащили взрывчатку контрабандой? Я бы сам её выдал, если бы вы попросили.

У Лаки не было времени печатать, не с той жалкой скоростью, с которой она могла тыкать копытом в сенсорный экран. Она возилась с интерфейсом, пока не нашла кнопку активации голосового режима и быстро зашептала в терминал по-английски:

— Я не имею к этому никакого отношения. Мы с Даст в замке, ждём Твайлайт. Судя по тому, что мы слышали, она взяла с собой группу солдат, чтобы поймать какую-то преступницу.

Произошла небольшая задержка, обычная при спутниковом канале связи. Хотя как компьютер мог получить сигнал, не имея неба в прямой видимости, Лаки даже не представляла.

На экране появилось больше текста, заменив предыдущее сообщение:

У меня есть только один дрон. Я мог бы отправить его для уточнения деталей, но, если я это сделаю, и он будет уничтожен, мы не сможем общаться до тех пор, пока не придёт замена. Я уже выпустил несколько, но им лететь ещё несколько часов.

— Стоит рискнуть, — ответила Лаки, даже не дожидаясь, пока сообщение будет до конца выведено. — Отправляй его в Вечнодикий лес. Туда отправилась преступница и там же, вероятно, идёт бой.

Я могу следовать за звуками. Я чётко их идентифицирую. Это выстрелы из тяжёлой автоматической винтовки "Ксеркс" и взрывы противопехотных мин. Именно я изготовил всё это вооружение.

— Как оно здесь оказалось, если ты его не посылал? — кобылка надеялась, что её слова не прозвучали подозрительно. — Это же не могла быть Оливия, верно?

Кража с моих складов? Это возможно, если было сделано достаточно давно. Это оружие устарело. Пока мы разговариваем, я отправил дронов для проверки. Скоро я узнаю, как оно было похищено.

— Что я должна делать? — вопрос прозвучал прежде, чем Лаки осознала, что говорит.

«Идиотка! Ты — губернатор, он не собирается давать тебе указания!»

Я не знаю. Кажется разумным оставаться там, где вы находитесь. Передача идёт из замка принцессы Твайлайт Спаркл, так что вы уже добились успеха. Оставайтесь там, используйте свою маскировку и ждите дополнительной информации. Я разворачиваю "Скорость Мысли", но мы не должны были прибыть в Понивилль до завтрашнего позднего вечера. Ещё пару минут назад мы удалялись. Наблюдателям может показаться подозрительным столь резкое изменение маршрута к месту, которое мы ранее проигнорировали. Но я всё равно рискну, если вы не предложите иного.

— Н-нет, — прохрипела Лаки, падая на огромную кровать. — Это кажется хорошей идеей. Если ты получишь картинку с дрона, выведи её на мой экран. Я тоже хочу посмотреть.

Как только она закончила говорить, звук отдалённого грохота наконец прекратился, погрузив ночь во внезапную тишину.

Лайтнинг Даст обернулась от двери.

— Это ты сделала?

— Нет, — крикнула кобылка. — Ты можешь войти. Не думаю, что там есть кто-то, за кем стоит следить.

Даст нахмурилась, оглядывая коридор снаружи. Затем она закрыла дверь, подтащив массивную деревянную тумбочку, чтобы заблокировать вход. Только тогда она подошла к кровати.

— Я слышала то, что ты говорила. Этот пони Предвестник знает, что происходит? Или... — пегаска понизила голос. — Это вы там ведёте бой?

— Нет! — ответила Лаки, встретившись взглядом с мамой. — Нет! Это не мы. Предвестник думает, что кто-то украл оружие, хотя он и не знает, как. Он послал... заклинание, с помощью которого можно наблюдать. Надеюсь, скоро мы сможем увидеть, что происходит.

Несколько мгновений спустя так и произошло. Экран терминала внезапно показал вид с высоты птичьего полёта на верхушки деревьев. А далеко внизу был объятый пламенем замок, окружённый армией.

Даже с расстояния Лаки могла видеть, что для нападавших все прошло не очень хорошо. Вокруг замка зияли воронки, неподвижно распростёрлись тела, пони оттаскивали своих раненых от стен.

Сколько погибло за несколько минут боя? Слишком много.

Позади разгромленной армии, прикрывая их мерцающим щитом фиолетовой энергии, парила в воздухе ни кто иная, как принцесса Твайлайт Спаркл.

Её лицо было искажено болью и ужасом.

G7.01: Пиррова победа

У Оливии было достаточно вооружения, чтобы убить армию примитивных аборигенов. Как все это сюда попало, она не очень хорошо понимала, но во многих отношениях это не имело значения. Автоматические турели, скорострельные винтовки, мины с распознаванием свой-чужой. Всё, что новый Предвестник отказался изготавливать для неё, старый производил в огромных количествах.

И всё же...

Она могла бы убить эту армию трижды. В том, как они атаковали замок, не было никакой тактики или продуманного порядка. Они просто ринулись через все доступные входы одновременно. Возможно, они считали, что внутри засел вражеский отряд — конечно, её оружие было достаточно громким, чтобы подразумевать что-то подобное.

Если бы перед самой Оливией стояла задача разобраться с врагом в подобном месте, то она действовала бы в зависимости от дополнительных обстоятельств. Если бы все происходило в густонаселённом районе, где нельзя было позволить себе жертв среди гражданского населения, майор отправила бы небольшую хорошо тренированную команду. Если бы все было в такой глуши как тут, она бы окружила замок и обстреливала его до тех пор, пока не остались бы лишь груды щебня и переломанных костей.

Пони не сделали ни того, ни другого, и поэтому стали лёгкой добычей.

Но даже в этом случае Оливия не могла заставить себя убивать их. Ну, намеренно убивать. Кое-где она использовала противопехотные мины, и они, вероятно, были куда опаснее для существ наподобие пони, у которых все жизненно важные органы были ближе к земле. В замке были и другие ловушки, которые могли оказаться смертельными, и не было никакого способа знать наверняка, что произойдёт, когда в кого-то стреляешь, независимо от того, насколько хорошо ты прицелился.

Но ведь не было причин осторожничать, верно? На этот раз Оливия не была под заклинанием контроля разума, она была уверена в этом.

У неё было оружие, которое она ещё не использовала — она могла обстрелять пони снаружи, которые продолжали лезть вперёд, вздрагивая, когда пробегали мимо раненых. Но она не стреляла. Оливия могла бы приказать автоматическим турелям целить в головы, а не в их сверкающие доспехи. Но и этого она не сделала. Это казалось неправильным.

«Эти солдаты мне не враги. Селестия — враг».

Многие из них умрут сегодня — иначе Оливия не смогла бы выманить тирана. К её удивлению и небольшому облегчению, принцесса Твайлайт сама в бой не лезла. Майору не очень хотелось убивать пони, которая хотя бы пыталась проявить понимание, когда её захватили. Магия Твайлайт, вероятно, и была причиной, что Оливия выжила. Но за это можно было простить.

Майор чётко видела момент, когда атака прекратилась. Вместо того чтобы рваться дальше в замок, солдаты побросали щиты и копья и побежали. Оливия немедленно все деактивировала, хотя такое дурацкое отступление позволило бы легко перестрелять их.

«Я здесь не для этого. Мне нужна только она».

Принцесса Твайлайт стояла на другой стороне моста, прикрывая солдат, когда те отступали тем же путём, каким пришли. Совершенно бессмысленный жест, поскольку Оливия в них не стреляла. Некоторые тащили носилки, хотя майор не стала приглядываться, чтобы узнать, в каком состоянии были лежащие на них пони. На самом деле она и не хотела знать.

«Это не моя война. Это её война».

Только когда все солдаты ушли, Твайлайт пересекла мост. Несколько пони присоединились к ней — Оливия не узнала ни одну из них, хотя они, казалось, хорошо знали друг друга. Всего пять взрослых кобыл, обладающих выдержкой и решимостью, которых не хватало многим солдатам.

Твайлайт стояла впереди, и её голос гремел по всему замку.

К несчастью для Оливии, её эквестрийский был недостаточно хорош, чтобы понять, о чём идёт речь. В замке было спрятано несколько динамиков, с помощью которых она могла бы ответить, но что тут можно было сказать? Шлем всё ещё находился в подвале, защищённый самыми хитроумными ловушками, которые только получилось создать. Как надеялась майор, они смогут обрушить весь замок на принцессу Селестию. Но без шлема Оливия никак не могла понять, что ей говорят пони.

— Принцесса Селестия, — произнесла она, говоря так медленно и чётко, как только могла. — Я... хочу... принцессу Селестию.

Это был эквестрийский, ну или, по крайней мере, достаточно близко к эквестрийскому, чтобы можно было предположить, что пони её поймут. Оливия наблюдала, как все шестеро остановились, выглядя удивлёнными. Они заспорили, хотя что именно они говорят слышно не было.

Затем, к счастью, они отступили. Все вместе они перешли мост, остановились на другой стороне и приготовились ждать. Ну, по крайней мере, пятеро. Голубая пегаска взмыла прямо вверх и умчалась так быстро, что чуть не сбила пролетающую мимо ворону. Бедная птица протестующе закаркала, сердито встопорщилась и улетела.

«Верно. Лети за принцессой. Я не хочу причинять боль тебе или твоим друзьям, Твайлайт. Как только Селестия умрёт, мы сможем поговорить о нормальных отношениях. Тех, в которых Отару не надо постоянно опасаться за своё существование, как сейчас».

Даже на расстоянии Оливия могла видеть боль на лице Твайлайт. Остальные пытались утешить её, но, похоже, это не сработало. Твайлайт выглядела так, как выглядели многие новобранцы — шокированной.

Лавандовая принцесса, вероятно, уже принимала тяжёлые решения в своей жизни. Но она никогда не видела, каково это — посылать одну из своих армий против современного оружия. Когда смерть может прийти из любого угла, и ты никогда не увидишь лица своего врага. Насколько принцесса знала, Оливии там даже не было.

Майор разорвала фольгу пищевого батончика и приступила к еде, не отрывая глаз от экранов. Завершив перекус, Оливия отправилась в замок, чтобы переустановить столько ловушек, сколько сможет. У неё не было Предвестника, который мог бы наблюдать за происходящим вместо неё, но майор надеялась, что программы, запущенной на компьютере для отслеживания движений противника, должно было хватить.

Долго ждать не пришлось. Оливия услышала приближение принцессы Селестии прежде, чем увидела её — ярко-оранжевую полосу, прорезавшую светлеющее утреннее небо как комета. Майор вскочила на ноги, переключая камеры, пока не нашла наилучший ракурс, какой только могла. Сначала она не знала, кто это — просто силуэт, окружённый пламенем, — но какие тут могли быть сомнения? Кто ещё мог бы обладать такой мощью?

Принцесса приземлилась на открытом поле за пределами замка, как мстительный бог, спускающийся с Олимпа. Земля дрогнула под её копытами, и вся зелень вокруг места приземления немедленно занялась пламенем. Грива аликорна соответствовала описанию Лаки — вообще не волосы, а постоянное мерцающее свечение. Оливия удивилась, как вообще принцесса по утрам душ принимает с костром на голове вместо волос.

Конечно, прямо сейчас спрашивать об этом было бы бесполезно. Селестия повернулась к замку, от её голоса содрогалась каждая стена и каждый камень. Как и в случае с «кошмарами», майор обнаружила, что понимает её. Селестия пыталась командовать и принудить к выполнению своей воли.

— Ты сдашься мне, кем бы ты ни был! Выходи из замка и предстань перед моим судом!

Оливия встала, повернулась к двери, ноги дёрнулись раз, другой. В ISMU обучали подобному — она не обязана была подчиняться. Майор остановилась и вернулась обратно к панели управления. Она нажала кнопку передачи и даже не стала пытаться говорить на эквестрийском.

— Как насчёт того, чтобы пойти нахрен? — ответила Оливия настолько спокойным голосом, насколько смогла. — Войди и заставь меня.

Принцесса была выше, чем любой пони, которого майор когда-либо видела раньше, — больше, чем, как она предполагала, пони вообще могут вырасти, со злобно заострённым рогом и пламенем вместо гривы. Казалось, чем дольше Селестия оставалась здесь, тем больше свечение успокаивалось, цвета становились более похожими на воздушную пастельную радугу.

Пони отвернулась от замка и медленно перешла мост. Она заговорила с теми, кто ждал там, слишком тихо, чтобы могли уловить микрофоны, даже если бы Оливия понимала их язык.

Через несколько минут все пони, кроме Твайлайт, отступили обратно за деревья, хотя, судя по всему, далеко не ушли. Но даже так ясно было видно их нежелание. Они не хотели покидать свою подругу после всего произошедшего.

Оливия посочувствовала Твайлайт. Она могла только надеяться, что та не попадёт под взрыв.

Селестия снова пересекла мост, на этот раз к ней присоединилась и вторая принцесса. Ни на одной из них не было брони, что и хорошо. Оливия и представить себе не могла, что бы она делала, если бы у неё вообще не было возможности им навредить.

«Предполагая, что это вообще возможно».

Она могла бы попытаться подстрелить Твайлайт раньше, если бы захотела. Но у неё такого желания не возникло.

Оливия была уверена, что перед ней и есть её цель. Принцесса соответствовала описанию, метка тоже, как и поведение.

«Как только ты умрёшь, мой город будет в безопасности».

Селестия снова повысила голос, эхо раскатилось по замку. С потолка посыпалась пыль, и майор не удивилась, услышав падение нескольких камней. Оставалось надеяться, что ни одна из её ловушек не сработает.

— *Это твой последний шанс сдаться мирно. Если ты этого не сделаешь, я не повезу тебя обратно в Кантерлот для судебного разбирательства. Я буду судить тебя здесь. Ты должна знать, что девять пони, на которых ты напала — убиты. Ещё двое находятся в критическом состоянии. Их смерти будут добавлены к твоему длинному списку преступлений.*

Оливия чувствовала, как её трясёт. На этот раз слова Селестии произвели тот же эффект, что и слова Старлайт в логове работорговцев. Нет, все было ещё хуже. Мышцы непослушно подёргивались, как будто она выходила из худшего запоя в своей жизни. Все тело болело и напряглось, как будто жаждало выскочить и галопом нестись, чтобы склониться ниц перед монархом. Возможно, настоящий пони не смог бы устоять.

Оливия могла.

Не имело значения, как она выглядела. Она не была бессловесным животным, которое можно оседлать и ехать. Она была майором ISMU. Её список убийств был намного длиннее одиннадцати пони.

— Провались... в... ад, — прохрипела Оливия в микрофон дрожащим голосом. Он воспроизводился снаружи почти так же громко, как и голос принцессы, хотя не было Предвестника, который мог бы обработать его и скрыть звуки слабости. Все прозвучало бы в точности так, как она и произнесла.

— *Мне жаль, что Эквестрия не смогла сделать для тебя больше, — произнесла Селестия. Её голос звучал не так громко, как раньше, но Оливия всё ещё могла её слышать. Она могла слышать в нем искреннее сожаление и боль. — В каждом поколении есть несколько таких — когда мы отправим тебя в Тартар, знай, что твоё отсутствие обеспечит безопасность страны.*

Затем она повернулась. Не в сторону подвала, как это делали солдаты. Селестия смотрела в сторону, направив свой рог прямо на башню. Место, которое Оливия меньше всего опутала ловушками, и которое солдаты оставили без внимания, в пользу более защищённых путей. Снаружи не было никаких видимых признаков того, что эта неповреждённая заваленная башня без окон была чем-то большим, чем частью руин.

К сожалению, это была не просто часть руин. Это было тайное укрытие Оливии.

Инстинкты взяли верх. Майор бросила все, повернулась к ступенькам и нырнула вниз, как олимпийская пловчиха в бассейн. Долю секунды спустя над головой раздался взрыв, рёв воздуха и грохот камней. Оливия нырнула в нижний коридор за секунду до того, как ударная волна швырнула её вперёд и обрушила проход позади неё. Лучи утреннего солнца струились через отверстия в потолке, но ей было плевать. Она продолжала бежать вперёд, проскочив через древнюю оружейную за несколько секунд до того, как вес рушащейся башни продавил потолок.

Обычно не стоило безоглядно доверять датчикам «свой-чужой» в ловушках и турелях. Было неразумно отдавать свою жизнь во власть компьютеров, вычислительная мощь которых не дотягивала даже до планшетов. Но сейчас не было времени думать об этом, и не было времени менять свой маршрут.

«Похоже, Селестия в этом лучше, чем Твайлайт».

У Оливии был запасной план. Она выбрала эту башню не зря. Ей не пришлось пройти больше десятка шагов, прежде чем она достигла лестничного колодца, ведущего вниз во тьму, куда она без раздумий и свернула. На бегу она миновала лежащего на земле жеребца с остекленевшими глазами, всего в крови после подрыва на скрытой мине. Майор знала, что в этом коридоре есть ещё мины, и могла лишь молиться, что они уловят сигнал её имплантов.

После ещё нескольких секунд грохота шахту над ней накрыло обвалом битого камня и расколотого дерева. Какое бы оружие ни использовала Селестия, она, очевидно, решила сделать паузу.

«Я слишком глубоко, жопошница. Тебе придётся спуститься за мной».

Оливия припрятала тут внизу достаточно оружия. Она отодвинула в сторону разрушенную книжную полку, вытащив из ниши большую сумку. Внутри была противотанковая ракетная установка для стрельбы с плеча.

Очевидно, это было не лучшее оружие для использования под землёй, несмотря накумулятивный заряд. Майор спешно закрепила установку на спине, направившись дальше по коридору. Что ей действительно нужно было сделать, так это добраться до оружия пони. Либо она доберётся до брони раньше Селестии и даст ей бой, либо Селестия доберётся туда первой... и окажется именно там, где и нужно Оливии.

Она осторожно пробиралась мимо того, что когда-то было тюремными камерами, хотя железо давно сгнило, превратившись в груды ржавого праха. По ещё одному спуску вниз к последнему залу.

Шлем не был выставлен на всеобщее обозрение, откуда один из единорогов легко мог бы его телепортировать. Он был похоронен прямо тут, внизу, скрытый под обломками, которые Оливия только могла сдвинуть. Ей придётся извратиться от всего этого. Помещение было огромным — по меньшей мере пятьдесят метров в каждом направлении. Она понятия не имела, что древние пони тут хранили, но оно, должно быть, было опасным. Камень стен был одним из самых прочных во всем замке.

По комнате были установлены турели, и все они повернулись, направив стволы на Оливию, хотя стрелять ни одна из них не стала. Хорошо, что они не были заведены на панель управления в башне, иначе майор и сама не смогла бы сюда спуститься.

«Как Селестия узнала, где меня найти?»

Позади Оливии полыхнул свет, и внезапно комнату наполнили вспышки и грохот. Все турели палили над головой майора, во что-то, чего она не видела.

Она даже не стала оглядываться. Это был её шанс добраться до шлема. Оливия ударила копытом по детонатору на дальней стене, который был установлен как раз на такой случай. Позади неё обрушилась вся шахта. Турели прекратили огонь.

Всего на секунду.

Последовала ещё одна вспышка, и что-то появилось в воздухе над кучей обломков. Пара пони, защищённых мерцающим силовым пузырьм. Турели повернулись, нацелившись на них, и снова загрели выстрелы. Оливия добавила ещё один небольшой взрыв с помощью единственной ракеты на плече, съёжившись за разбитым камнем, когда комната содрогнулась. Она выползла из ремней — не было смысла в разряженной ракетной установке.

Турели продолжали стрелять, когда майор наконец вытащила шлем, не обращая внимания на кусок пластика, который упал на пол у её копыт, и натянула шлем на голову, как будто это был спасательный круг, и она тонула. Чрезмерно громкие, отдающиеся эхом звуки выстрелов отошли на задний план, когда броня окружила её, закрывая каждую часть тела, как ржавая металлическая кожа.

Оливия встала как раз вовремя, чтобы увидеть, как последняя из турелей рассыпается расплавленной кучкой с хлопками и брызгами от детонирующих боеприпасов. Её новое зрение легко проникло сквозь магнево фиолетовой энергии, давая возможность хорошо рассмотреть пони внутри. Ни одна из них, похоже, не получила и царапины.

Мгновение спустя они приземлились на груды обломков, уставившись на неё сверху вниз. Грива Селестии, казалось, снова превратилась в пламя. Как могла Твайлайт находиться так близко, и при этом воск на её крыльях не плавился?

Теперь она могла легко понимать их, и не имело значения, хотели они этого или нет.

— Ты украла мощное оружие, — произнесла Селестия, её грива взметнулась из-за спины, когда маленький силовой пузырь стал полностью прозрачным. Оливия всё ещё могла каким-то образом ощущать его присутствие как невидимое давление в комнате вокруг них. — *Но мы не делаем оружие, которое можно обратить против его создателей. Этим ты не сможешь навредить ни одной из нас. Ты всё равно что в плену.*

Может, так оно и было, а может, и нет, но, по крайней мере, броня, казалось, защищала её разум. Больше не было никакой тяги следовать словам Селестии, никакого давления на её мысли. Оливия могла действовать, не борясь с собой.

В отличие от цита, который Старлайт сотворила в логове работоторговцев, этот не пошёл трещинами, несмотря на все оружие, которое по нему стреляло.

«У меня есть одна вещь, которую они, вероятно, не смогут остановить. Мне придётся активировать её прежде, чем они поймут. Извини, Твайлайт».

— *Посмотрим,* — сказала Оливия. У неё были доспехи, но она не думала, что у пони были какие-то причины врать ей. Если она остановится и перестанет сражаться с ними, у неё не будет другого выхода.

Кроме того, она должна была умереть больше недели назад. Оливия нажала кнопку детонатора, который был спрятан в шлеме и теперь лежал у её копыт. Свет поглотил её.

Майор появилась на земле снаружи. Она увидела облако, поднимающееся с того места, где раньше был замок, когда руины рухнули внутрь. Поднялся вихрь пыли, осыпая землю вокруг них маленькими кусочками камня и другим мусором.

Что-то дёрнулось вокруг её головы, и шлем слетел. Как только это произошло, броня рассеялась, как дым, унесённый ветром. Внезапно Оливия оказалась обнажённой перед солнечным тираном, даже нож отсутствовал.

Принцесса Селестия возвышалась над ней, стоя всего в нескольких метрах. Её глаза вспыхнули, и Оливии показалось, что в их сверкающей глубине она видит мстительную волю какого-то ветхозаветного бога.

— *Ты та, кто похитила Фларри Харт. Ты та, кто поставила на карту безопасность Эквестрии. Ты та, кто призывала Гармонию уничтожить нас.*

Сейчас голос не гремел над окрестностями, но даже так он ранил в самое сердце. Здесь было ещё больше боли, того невероятного разочарования.

Твайлайт стояла прямо за спиной принцессы.

— *Ты могла убить Старлайт Глиммер, напад на неё. Ты на самом деле убила девять королевских стражников. Кто-нибудь из них сделал тебе что-нибудь плохое? Почему ты так сильно нас ненавидишь?*

Оливия снова почувствовала эту странную силу в своём сознании. Тем не менее она уже привыкла к подобному. Она не позволит этому заставить её сказать то, чего она не хотела.

— Нет... — прохрипела майор. — Я просто хочу... быть в безопасности. Вот и всё.

— *Если это то, чего ты хочешь — ты это получишь,* — произнесла Селестия.

Оливия вздрогнула, задаваясь вопросом, не попытается ли тиран Эквестрии вломиться в её разум. Но этого не произошло.

— *В Эквестрии есть тюрьма, предназначенная для тех, кто почти навлёк гибель на многих. Ты останешься там до самой смерти, в такой безопасности, в какой только может оказаться любой пони. Это мой приговор.*

— Подожди! — Твайлайт умоляла, в её голосе звучало отчаяние и настойчивость. — Мы не обязаны этого делать, принцесса! Она не так плоха, как некоторые! Она не нападала на обычных пони, она просто убежала! Она пыталась предупредить нас, а мы её не послушали! Мы не должны обращаться с ней как с Тиреком.

— *Это большее, что мы можем ей дать,* — сказала Селестия. — *Её действия подвергли Эквестрию серьёзной опасности. Единственный вариант, который у нас есть — это сослать её туда, где она больше не сможет причинить вреда.*

— Но...

Оливия не слышала, что Твайлайт сказала дальше. Рог Селестии засветился так же ярко, как когда она атаковала башню. Оливия почувствовала магию — но это не было похоже на то, что произошло чуть ранее. Это был не телепорт. Последовал краткий прилив жара, мгновенная вспышка боли, а затем ничего.

* * *

Оливия плыла по течению.

Она не могла бы сказать, как долго — время здесь ничего не значило. Она была мелкой рыбёшкой, плывущей по ужасному океану. Тёмные сущности плавали вокруг неё, огромные, за пределами её понимания. Она не думала о том, как странно, что она здесь, — она почти ни о чём не думала.

У неё точно не было чувств. Она не могла видеть, не могла слышать, не могла чувствовать. Это было похоже на долю секунды перед тем, как очнёшься ото сна, растянувшегося в вечность. Оливия продолжала пытаться проснуться, но не могла.

От нечего делать её разум погрузился в воспоминания. Она снова увидела свою жизнь в ISMU. Видела кампании, в которых участвовала, её победы и триумфы, которые и привели её в Общество первопроходцев. Её жизнь на базе посадки и многое другое. Она наблюдала за своими воспоминаниями с отстранённым безразличием, не понимая, почему ей хочется что-то переживать заново, но недостаточно сильно, чтобы пытаться сопротивляться. Почему она вообще должна беспокоиться?

В конце концов, она была мертва.

Она не могла бы сказать, как долго это продолжалось. Она досмотрела до момента перед своей смертью — видела жалость в глазах Селестии, боль на лице Твайлайт. Знала ли другая принцесса, что собиралась сделать Селестия?

Оливия снова стояла на ногах. Копытах, чёрт побери. Чувства волной вернулись к ней — хотя здесь было так светло, что она едва могла видеть. Рядом радостно журчала вода, под копытами было что-то твёрдое. Может быть, стекло?

— Добро пожаловать в Чистилище, Оливия Фишер, — произнёс голос со всех сторон одновременно, весёлый и дружелюбный. Она поймала себя на мысли, что представляет его как мужской голос, умудрённый опытом. Но майор не могла знать, действительно ли это было так, или просто она этого ожидала.

Смотреть по-прежнему было не на что. Она посмотрела вниз — её шерсть выглядела чистой и бледной.

— Я должна быть мертва, — сказала она, обнаружив, что её голос звучит так же, как она его помнила. Смерть не восстановила даже эту часть её человечности.

Последовало короткое молчание. Она чувствовала, что за ней наблюдают, что что-то приближается к ней. Но она всё ещё не могла этого видеть, даже когда её глаза привыкли к свету. Она стояла на бесконечной плоскости — во всех направлениях была идеальная, однородная белизна, отражающая свет. Никаких других форм — ни природных образований, ни зданий, ни людей. Она была одна.

— Так и есть, — последовал окончательный ответ, прозвучавший немного ближе. — Ваш физический носитель был уничтожен гражданской Селестией примерно восемьдесят шесть наносекунд назад. Хотите посмотреть?

Пространство перед ней преобразилось — поверхность под копытами превратилась в деревянный мост, а пологий холм — в разрушенный замок впереди. Оливия стояла рядом, наблюдая, как Селестия направила свой рог на... саму Оливию. Принцесса активировала заклинание, и все залила белизна.

Майор увидела, как земля вокруг неё на мгновение расплавилась от протекающей энергии.

Секунду спустя она ахнула, увидев скелет, упавший на землю там, где она только что стояла. Это были не настоящие кости — они, очевидно, просто испарились. Но армированное композитное волокно было гораздо более термостойким, чем кость. Скелет светился ярко-белым, по мере остывания по краям образовывался пепел, пара пустых глазниц дымилась, глядя на принцессу.

После этого все замерло, и Твайлайт повернулась к принцессе с выражением предательства на лице.¹

— Я не могу показать вам больше, так как больше ещё ничего не произошло.

Оливия отвернулась от своего скелета и от сцены смерти перед ней.

— Если я на небесах, я должна быть... сама собой, — она подняла копыто. — Если ты Бог, сделай меня такой как раньше, пожалуйста. Я уже достаточно долго прожила пони.

— Я не понимаю, — сказал голос. — Вы никогда не были никем другим, Оливия. Вы были моложе... но это единственное другое состояние, в котором находилось ваше тело. До этого вы были ничем.

Оливия повалилась вперёд на землю. Значит, она теперь мертва.

«И я — пони. Это ад».

Больше не было причин сражаться. Тем не менее происходящее не казалось ей похожим на то, как вёл бы себя любой бог, о котором она знала. Смерть должна была стать отдыхом от всех забот или, возможно, приговором. Ни то, ни другое, казалось, её тут не ждало — она всё ещё чувствовала все те же тревоги, что и несколько мгновений назад. Всё ещё беспокоилась об Отаре и его пони, которым теперь придётся выживать без неё.

¹<https://www.fimfiction.net/story/368986/46/#comment/8695474>

:trollestia: Упс...

:twilightoops: Упс? Упс?! Ты испарила её!

:trollestia: Ну, очевидно, что не всю. Такого раньше никогда не случалось.

:twilightoops: ...

:trollestia: Э-э-э... Я в том смысле... Что же такое? Такого раньше никогда не случалось?

:twilightoops: Ты испарила её!

:trollestia: Ты согласишься, что это было непредвиденное взаимодействие с какой-то наложенной на неё магией?

:twilightangry2: Она была беззащитна и ты пообещала отправить её в безопасное место, где она будет оставаться до конца своей жизни... А потом ты ИСПАРИЛА ЕЁ!

:trollestia: ...

:trollestia: А ты согласишься, что я телепортировала её туда без скелета, поскольку там настолько безопасно, что он ей не понадобится?

:twilightangry2: ...

«Удачи вам против Селестии, ребята. Если я не смогла победить её, даже не знаю, какие шансы у вас».

Кем бы ни был этот голос, он, казалось, был вполне доволен тем, что позволил ей размышлять столько, сколько Оливии хотелось. Он не заговорил, пока она не закончила.

— Прошло много времени с тех пор, как биологический носитель без прошлого попадал на Эквус, Оливия. Боюсь, я не могу предложить вам вернуть ваши воспоминания или возможность воссоединиться с вашими близкими, которых вы потеряли. У вас нет воспоминаний, кроме тех, что и так при вас, и никаких отношений ни с кем из нынешних жителей Эквуса.

— Отлично, — ответила майор, махнув копытом. — Если ты не собираешься снова сделать меня человеком, мне всё равно. Просто оставь меня в покое.

— Очень хорошо, — сказал голос. — Позови, если я понадоблюсь. Я услышу тебя.

И ощущение присутствия исчезло. Оливия обернулась, как будто хотела взглянуть на того, кто, как она знала, должен был стоять у неё за плечом, но там никого не было. Исчезла даже замершая копия её самой и жуткий вид её всё ещё дымящегося скелета.

«Интересно, у всех ли так? Настойчивый, раздражающий голос, мучающий их всю вечность тем, чего они не могут иметь».

Она лежала там, хандря какое-то время — очень, очень долгое. Смерть это или не смерть, здесь Оливия не чувствовала ни голода, ни усталости. Нужду справлять желания тоже не возникало — что, вероятно, было к лучшему. На бесконечной, идеально плоской равнине, вероятно, было бы плохой идеей помочиться на что-нибудь.

У неё не было точки отсчёта, чтобы судить о течении времени. На небе не было солнца, мир вокруг не менялся. Только она сама, бесконечное белое пространство и мысли.

В конце концов Оливия встала и пошла. У неё не было на уме конкретного пункта назначения, но идти было лучше, чем сидеть. Было хорошо двигаться.

Может быть, иногда она взлетала, сложно было сказать. Она всё ещё могла летать — у неё всё ещё были крылья, даже если ничего из одежды или снаряжения не осталось.

В конце концов, она слышала, как кто-то идёт рядом с ней. Всего две ноги вместо четырёх. Она развернулась, уставившись на...

Что-то. Оливия никогда не видела ничего, подобного этому существу. Было похоже словно кто-то зашёл в лавку таксидермиста и сшил куски разных существ вместе. Оно смотрело на неё сверху вниз, ухмыляясь.

— Мне было интересно, когда же ты меня заметишь.

Этот голос не был похож на тот странный, слышанный ранее — он звучал почти нормально. Мужской, глубже, чем у пони, возможно, немного озорной. Но нормальный.

— Ты что, дьявол? Пришёл мучить меня за всех людей, которых я убила?

— Нет, — ответило странное существо. — Тот, о ком ты говоришь — невыносимый тупица. Ещё ящик кнутов, чтобы снова выпороть грешников! Флегетон должен кипеть! Можно было бы подумать, что ему наскучит терзать одних и тех же троих людей целую вечность, но кто ж знал?

Потом Оливия кое-что вспомнила. Лаки описывала подобное существо — это был тот, кто по словам кобылки спас её, Мелоди и Лайтнинг Даст от нападения Селестии. Тот, кто выкинул их в небеса над Отаром, но не смог спасти Карл.

— А. Ты же Дискорд, верно?

Существо ухмыльнулось.

— Моя репутация меня опережает, — он отвесил преувеличенный поклон. — Я тоже рад с тобой познакомиться, мой маленький нож. Жаль, что твой план с Селестией провалился, но ты всё равно хорошо поработала.

Белизна вокруг них снова исчезла. Оливия внезапно обнаружила, что падает — она расправила крылья, ловя поток воздуха. Они были над замком.

«Что бы произошло, если бы я упала?»

Далеко внизу руины находились в осаде. Оливия и её вооружение сдерживали целую армию пони. Она видела, как некоторые из них умирали, сражённые шальной пулей или слишком большим количеством попадания в их примитивную броню.

— Ты не справишься с аликорнами, но для армии ты устроила настоящее представление. Раскатав их вот так — представь, какие слухи после этого пойдут. Так много пони скоро поймут, насколько они беспомощны. Возможно, некоторые из врагов Эквестрии тоже услышат эти истории и решат, что пришло время для ещё одной попытки вторжения. Интересно, какая сторона изменится первой, — Дискорд поднял глаза, улыбаясь. — В любом случае хорошая работа. Больше никакого застоя. После сегодняшнего они начнут меняться. При условии, конечно, что Гармония не убьёт их всех.

Видение исчезло, и твёрдая поверхность снова была под копытами.

— Ты же не... для того, чтобы судить меня? — спросила Оливия, держа крылья расправленными на случай, если это существо решит снова заставить мир исчезнуть.

«Был ли он тем голосом, который я слышала раньше? Или это был кто-то другой?»

— Конечно, нет. Ты не причинила никакого настоящего вреда. Эти пони мертвы не больше, чем ты сама, — Дискорд вздохнул, отворачиваясь. — Вы думаете, что все устроили так, что никто никогда больше не будет потерян для вечности, а тебе приходится вмешиваться и все портить. Что ж... Полагаю, это было не в первый раз.

Он снова повернулся к ней, и на его лице расцвела улыбка, которая Оливии совсем не понравилась.

— Все первые попытки вашего зонда тоже провалились. Но они были недостаточно похожи на нас, чтобы я это заметил. Полагаю, что даже бессмертный может погрязнуть в обыденности... но если тебе от этого станет легче, то я всё равно ничего не смог бы для них сделать. У них никогда не было подходящего интерфейса для взаимодействия с Эквусом.

Если самого появления Дискорда не было достаточно, чтобы Оливия навсегда отвергла гипотезу, что её нынешнее состояние является некой религиозной загробной жизнью, то этих его утверждений хватило.

— Если я не мертва, то где я? Нет, подожди, мне плевать. Если я не умерла, ты можешь отправить меня обратно. Я знаю, чего ожидать от Селестии на этот раз — я не проиграю.

— Сомневаюсь в этом, — Дискорд закатил глаза. — Но в любом случае это не имеет значения. Я не часть системы, обладающей властью вернуть тебя во внешний мир. Прямо сейчас Эквус заперт крепче, чем домик Флаттершай в Ночь Кошмаров. Единственный способ попасть туда — биологический... а очередь там длинная. Общество пони хорошо регулирует свою популяцию, поэтому им не нужно осваивать новые земли. А следовательно, все те, кому небезразлично, что там происходит, вынуждены ждать.

Внезапно он оказался рядом с ней. Оливия не могла сказать, как он умудрился нагнуться так низко, что оказался в паре сантиметров от её лица. Пегаска попятилась, задыхаясь, встретившись взглядом с этими огромными жёлтыми глазами.

— Я думаю, что смогу продвинуть тебя в очереди. Тебе придётся подождать... — Дискорд выпрямился, взглянув на своё запястье. Часов он не носил. — Примерно десять месяцев? И пока действует карантин, у тебя не будет никаких твоих воспоминаний. До тех пор, пока ты не вернёшься сюда, и... ну, это порочный круг. Можешь начинать чувствовать разочарование — оно было моим постоянным спутником дольше, чем ты можешь себе вообразить.

Оливия остановилась. Она плюхнулась на круп, свирепо глядя на Дискорда.

— Ты знаешь, что происходит на самом деле, верно? Скажи мне, почему Селестия так сильно нас ненавидит! Как её победить!

— Я мог бы, — Дискорд улыбнулся. — Но это пустая трата моего времени. Видишь ли, ты не можешь с ними связаться. Но кроме того, ты теперь бесполезна для меня. Твой разум находится в системе, Оливия Фишер. Гармония не позволит тебе вмешиваться в происходящее отныне и впредь. Даже если ты вернёшься, ты не сможешь и копытом пошевелить, чтобы освободить нас из этой тюрьмы.

Майор выругалась себе под нос. Но на этом все — не было никакого смысла впадать в ярость. Действительно ли она собиралась напасть на единственное существо, обладающее возможностью дать ответы, в которых так отчаянно нуждалась её колония?

«Не то чтобы это принесло бы мне много пользы. Прямо сейчас у меня нет возможности поделиться тем, что я узнала».

С другой стороны, это существо могло взаимодействовать с внешним миром, и, по-видимому, достаточно эффективно.

«С внешним относительно чего?»

— Тогда почему ты здесь? Если не для того, чтобы помочь мне?

— Не могу поверить в такое неуважение! — Дискорд прижал одну лапу к груди, его лицо было пародией на оскорблённого французского аристократа. — Я оказываю тебе любезность, пряча тебя от принцессы Луны и всего того, что она может сотворить с тобой, чтобы выведать

информацию, и вот что получаю взамен?

Он скрестил руки на груди.

— Тебе повезло, что я делаю это не ради тебя, иначе я ушёл бы прямо сейчас. Если бы она нашла тебя тут, как думаешь, сколько ты смогла бы скрыть от неё?

Смех Дискорда был единственным ответом, в котором нуждалась Оливия.

— Я... Я не понимаю, — пробормотала она, снова поднимаясь. На этот раз майор старалась говорить немного спокойнее — даже если не могла с уверенностью сказать, была ли угроза Дискорда искренней. Судя по его тону, именно так и было. — Где я? Ты можешь хотя бы это сказать мне?

— Ну, полагаю, это можно. Ты никогда не была той, на кого я делал ставку, но ты принесла в Эквестрию достаточно хаоса. Полагая, что это вообще имеет значение...

Он щёлкнул когтями, хотя это прозвучало как щелчок пальцами.

Оливия была мгновенно ошеломлена. Она уже видела однажды это место — город, вздымающийся над ней в бесконечность, многоуровневые слои, каким-то образом перевёрнутые, существующие в измерениях, которые её разум не мог постичь. Сооружения, существа и транспортные средства были настолько разнообразны, насколько она могла себе вообразить, и многое из того, что майор видела ещё, она и вообразить не могла. Казалось, все простиралось далеко за пределы того, что должно было бы быть атмосферой планеты. Здания накладывались друг на друга, сливаясь без хоть каких-то общих признаков. Миллиарды существ беседовали, гудели клаксоны, играла музыка, готовилась еда. Все, что было цивилизацией, но куда больше. Вот как могла бы выглядеть Земля через миллион лет.

Она, дрожа, рухнула на землю и закрыла лицо копытами. Было слишком много всего — слишком много ощущений, слишком сильное давление на её душу. Это не было похоже на тот тонкий срез этого места, который она видела в момент получения своей метки — этот город её разум был не в состоянии постичь. Но копыта не помогли — каким-то образом она всё ещё могла видеть город. Всё ещё ощущала его невообразимые размеры. Они всё ещё были там, каким-то образом наблюдая за ней.

— Ты стоишь в ответе на свой вопрос, Оливия. Что будет делать межгалактическая цивилизация, когда неуправляемый враг начинает истреблять все виды жизни от одного конца вселенной до другого? О-о-о, было так много разных вариантов — мы, вероятно, где-то перепробовали их все. Я надеюсь, что некоторые из других сработали.

Дискорд замолчал, и в одно мгновение невероятный город исчез.

Они с Оливией снова оказались одни в бесконечной белизне. Долгое время пегаска просто лежала там, завалившись набок и приходя в себя от напряжения, навалившегося на её разум.

Дискорд говорил медленно, очевидно, понимая её состояние.

— Ну, я не могу сказать тебе, как обстояли дела с другими вариантами — не могу сказать, сколько вообще выжило. Но у нас получилось. То, что ты видела — я не думаю, что ты могла бы понять, как много нас здесь. Когда я говорю, что здесь больше квадриллиона душ, что это для тебя значит? Я мог бы рассказать тебе об обратимых вычислениях, я мог бы рассказать о пределе Ландауэра, но ты не способна понять. Или способна?

Затем голос превратился в тихий шёпот у уха.

— Моложе тебя лишь три существа во вселенной, Оливия. По сравнению с тобой самый маленький новорождённый, за которым ты шпионила с помощью одного из своих дронов, — древняя, высохшая мумия. Не чувствуй себя ущербной из-за того, что не можешь понять высот нашего мира. Со временем — поймёшь.

Оливия снова подобрала под себя копыта, один раз тряхнув головой, чтобы хоть как-то прояснить её. Она почувствовала себя немного лучше — но с другой стороны, почему бы и нет? В конце концов, она была мертва. Что могло ей повредить?

— Если это правда, то почему Эквестрия настолько примитивна? Почему кто-то хочет быть там, а не здесь?

Дискорд пожал плечами.

— Подавляющее большинство и не хочет. Их будущее расписано на зоны, которые ты не можешь постичь, и они довольны. Но в такой большой выборке обязательно найдётся несколько первопроходцев. Меньше одного на миллион, Оливия. Гармонии нет необходимости держать их в тюрьме здесь — но там? Снаружи они представляют опасность. Они должны контролироваться и быть ограничены... упрощены до такой степени, пока не станут настолько маленьким подмножеством самих себя, что их едва можно будет узнать. И всё же они идут на это — даже зная, что Гармония не даст им ничего изменить. Даже странные эпохи не смогли убить иррациональность надежды.

Мир вокруг них снова изменился. Оливия приготовилась к чему-то столь же ужасному и непостижимому... Но нет. Вместо этого мир превратился в место, которое было ей почти знакомо. Все было очень похоже на Понивилль, по крайней мере, если судить по тому, что было видно из окна больницы.

Только этот Понивилль, казалось, тянулся бесконечно во всех направлениях. Это был город, достаточно большой для миллиардов, и он слегка загибался вверх к горизонту, но так никогда и не скрываясь из виду. В воображении Оливии казалось, что кто-то построил его внутри кольца, с примитивным обществом здесь, внизу, и шагающим вперёд прогрессом все выше и выше. Невероятный, чуждый город был где-то там, вдалеке... Но сколько времени ей потребуется, чтобы дойти до него?

— Дискорд! — майор услышала голос пони неподалёку — позади неё была небольшая площадь, и небольшая группа пони занималась на ней своими делами. Ближайшая к ней оранжевая земная пони торговала яблоками, в то время как многие другие занимались своими повседневными обязанностями.

Однако в голосе не было мольбы или страха — только радость. Оранжевая кобыла выбежала из-за прилавка с горящими глазами.

— Какие у тебя новости, Дискорд? — она бросила единственный взгляд на Оливию. — А это кто?

— Кое-кто, кто нам помогал, — ответил Дискорд тепло улыбаясь собравшейся толпе. Они собрались вокруг со всех улиц, топая, осыпая его похвалами и наполняя воздух вопросами. — Тише-тише, друзья мои. Я не могу остаться. Прошу только, чтобы вы хорошо позаботились о нашей новой подруге, Оливии. Если Луна придёт искать её, вы не должны

допустить, чтобы её обнаружили. Вы справитесь?

— Конечно справимся, — ответила стоящая рядом кобыла. — Любой твой друг — это наш друг, Дискорд. Ты же это знаешь.

Те же чувства выказали все пони в поле зрения. Часть их похвал, казалось, досталось и Оливии.

— Отлично. К сожалению, я не могу задержаться, чтобы поговорить со всеми вами. Моё отсутствие будет замечено. Но хочу, чтобы вы все знали — мы очень близки. Потребуется всего несколько дней, чтобы узнать, сработал ли мой план. И если он провалится... Я ожидаю, что тогда вся Эквестрия присоединится к нам. Так что, по крайней мере, мы снова будем вместе.

— В тюрьме! — крикнул сердитого вида пегас, парящий в воздухе.

— Ну-у-у, да. Это будет сложно назвать победой. Но вероятность этого вырастет, если я здесь задержусь, так что всем пока!

Дискорд исчез в облаке дыма.

Толпа с явным разочарованием разошлась — за исключением нескольких пони. Оранжевая кобыла-земнопони подошла к Оливии и протянула копыто.

— Я Пеа Баттер, — сказала она, улыбаясь той раздражающе дружелюбной улыбкой, которая была свойственна одним только пони. — Добро пожаловать в за그робную жизнь.

G7.01: Уменьшение карты

Лайтнинг Даст уставилась на экран, широко раскрыв глаза от шока и удивления. Какая-то часть её тосковала по той невинности, которая была лишь несколько месяцев назад, когда она считала, что все показанное на подобных устройствах было не более чем причудливой фантазией. Но жизнь в Отаре многому научила её, и Даст знала, что Предвестник не станет им лгать. Он мог быть машиной, но он никогда не обманывал её.

Но уж лучше бы обманывал. Она наблюдала вспышку пламени такой силы, что экран на мгновение залило белым. Когда изображение снова появилось, вся трава вокруг того места просто исчезла и ещё в достаточно большом круге почернела. Это не было заклинанием телепортации, как Селестия сообщила Твайлайт. Это заклинание предназначалось для убийства.

И будто для того, чтобы развеять любые сомнения по этому поводу, какая-то часть мэра Отара осталась. Хотя перья и плоть Оливии просто испарились, её скелет остался. Он выглядел странно, немного похоже на рентгеновские снимки Лаки, которые Даст видела много месяцев назад. Скелет из раскалённого металла, каким-то образом всё ещё сохраняющий вызывающую позу. По крайней мере, долю секунды, прежде чем рухнуть на землю. При этом он шипел и скрежетал, как будто всё ещё был одержим своенравной душой мэра.

Лайтнинг отреагировала инстинктивно — она прикрыла глаза Лаки своими крыльями. Конечно, это не принесло никакой пользы — пегаска была так потрясена происходящим, что отреагировала слишком поздно, и её юная дочь и так успела уже все увидеть. Шрамы от подобного останутся навсегда.

Тем более со звуком она ничего сделать не могла. Однако Предвестник фиксировал всё, что видел и слышал дрон.

— Я... Что ты наделала, принцесса?

Это был голос Твайлайт. Даст могла видеть её лицо — сейчас она знала, что это не пони, которую она ненавидела за то, что она разрушила её жизнь, казнила её подругу Оливию. По лицу Твайлайт Спаркл текли слезы, а из её рога вылетали редкие искры. Признак могучего единорога, страдающего от сильнейшего психологического стресса.

— Я могу объяснить, Твайлайт, — ответила Селестия, пытаясь положить крыло на спину бывшей ученице. — Это не то, чем кажется. Пони...

Но она не закончила. Твайлайт мгновенно телепортировалась, появившись примерно в метре над тем местом, где стояла. Она смотрела на Селестию сверху вниз так, как могла бы смотреть на атаковую армию.

— Ты убила её! — пискнула Твайлайт, её голос почти невозможно было разобрать из-за плача. — Мы с ней справились! Она больше не могла никому причинить вреда... Но ты убила её!

— Твайлайт, — голос Селестии всё так же звучал мягко, с упреком. — Послушай меня. Я знаю, что это пугает, но ты не знаешь всех фактов. Я сказала тебе, что отправляю её в Тартар, и это именно то, что я и сделала.

Аликорн указала на скелет одним копытом. Он уже начал остывать, и по краям серебристого металла появился странный слой прозрачно-белого цвета. Как ржавчина, но другого цвета и распространявшийся слишком быстро.

— Это не значит, что она мертва. Это просто подтверждает всё, что я тебе говорила. Лаки Брейк была невероятно опасна...

Они обе исчезли во вспышке. На несколько секунд изображение начало смещаться.

— Я не собираюсь показывать ничего из этого остальным членам экипажа, — раздался голос Предвестника. — Я не могу точно спрогнозировать, что может предпринять Перес, если узнает. Имейте это в виду, Лаки. Я напому вам, прежде чем вы вернётесь на дирижабль.

Единственным ответом кобылки было сдавленное рыдание, когда она крепче прижалась к груди Лайтнинг Даст. По мере того как она росла и взрослела, Лаки становилась все более независимой и больше не искала физического контакта, как в первые дни. Теперь всё это исчезло, и кобылка рыдала как жеребёнок. Все было хуже, чем в прошлый раз, когда они были на том странном летучем корабле, и Предвестник сообщил Лаки, что она теперь главная. Гораздо хуже.

«В этот раз она всё видела».

— Предвестник, это может подождать, — буркнула Даст, впиваясь взглядом в экран. Она не была уверена, куда именно ей следует смотреть, но она считала, что он мог наблюдать за ними через эту штуку. — Мы только что видели... как умер наш друг.

— Я осведомлён об этом факте, — ответил зонд, его тон не изменился. Он ведь тоже должен был видеть то же что и они, верно? Разве он не дружил и со старым мэром? Как он мог быть таким чёрствым? — Но не забывайте, что в этом есть и положительный момент. Если бы принцесса Эквестрии захватила майора Фишер, её наверняка допросили бы. Её смерть защищает Отар. Она хорошо сражалась и умерла так, как хотела бы. Это скорее причина для празднования, а не траура.

Коллеблющееся изображение с дрона снова сфокусировалось на чем-то — это были Селестия и Твайлайт, стоящие рядом с развалинами замка. Лагерь королевских гвардейцев к этому времени был эвакуирован вместе со всеми друзьями Твайлайт. Как ни странно, они оставили здесь накрытые тканью тела своих погибших. Неподалёку на траве виднелись следы крови.

Твайлайт Спаркл выглядела так, словно была в шаге от того, чтобы рухнуть и разрыдаться как Лаки. Выражение её лица, словно она пережила предательство, никуда не исчезло.

— Я докажу тебе! — крикнула принцесса Селестия, сейчас её голос был гораздо менее спокойным, чем раньше. — Твайлайт, ты должна понять. Мне жаль, что это произошло так внезапно, но...

Принцесса направила свой рог прямо на прикрытые тканью тела.

«Почему тебе пришлось убить столь многих, Оливия?»

Лайтнинг не испытывала любви к королевской гвардии, особенно после того, как они навсегда стали орудием её несправедливого наказания. Несмотря на это, она была рада, что тела были прикрыты. У Даст не было никакого желания видеть, что там собиралась делать Селестия.

Яркий свет разошёлся от тел, от вспышки экран терминала, скрытого в книге, снова стал белым. Изображение вернулось всего на секунду, продемонстрировав, как мир крутится и переворачивается сам по себе. Раздалось несколько тихих ударов, и создалось впечатление, что дрон

падал, врезаясь в ветки по пути. Затем изображение замерло, экран снова побелел.

— Что случилось, Предвестник? — спросила Лайтнинг Даст. — Где изображение?

Лаки отлипла от её груди и тоже оглянулась на терминал. Какой бы напуганной и расстроенной она ни была, казалось, что за происходящим она всё же следила.

«Вот это моя кобылка. Не сдавайся».

— Помехи, — раздался голос зонда, искажённый так же, как и звуки из терминала. — По всему спектру. Вероятно, поджарили маленький мозг бедного дрона. Вообще-то он не предназначен для... ну, это не имеет значения. По крайней мере, микрофоны должны всё ещё работать. Я постараюсь передать вам всё, что получится разобрать.

Лаки Брейк выпуталась из крыльев, уставилась на экран.

— Ч-что насчёт спутников? — кобылка вытерла слезы тыльной стороной копыта и выпрямилась. — У тебя же есть глаза там, наверху.

— Не видят ничего такого, о чём мы и так бы не знали. Мощнейший выброс энергий крайне широкого спектра. Не уверен, как долго это продлится... ага, все прекратилось. Дрон... частично функционирует. Одно крыло и камера повреждены. Я подорву его, как только Селестия уйдёт.

Последовала короткая пауза, а затем зонд продолжил:

— Проигрываю сохранённые аудиоданные...

Звук был отрывистым и растягивался, как будто Лайтнинг Даст слушала кого-то через несколько стен. Тем не менее она могла разобрать гораздо больше голосов, чем следовало бы. Было очень похоже на сбитых с толку стражей.

— Что случилось, принцесса?

Раздался отвратительный звук, как будто комок слизи упал на что-то сверху.

— У меня в голове все как в тумане...

— С принцессой Твайлайт все в порядке?

— С ней все будет в порядке, — раздался голос Селестии, и все остальные притихли. — Я исцелила вас. Вы пострадали прошлой ночью, во время атаки на замок. Я сейчас отправлю вас всех обратно в Кантерлот.

Лаки смотрела на экран, с тем же ужасом, что и Лайтнинг Даст.

— Она только что...

Пегаска кивнула. Это было все, на что она сейчас была способна. Её мысли словно... онемели. Это не могло быть правдой, верно? Принцесса Селестия не могла обладать такой силой! А если могла, то почему в Эквестрии всё ещё существовали сироты?

После всего, что Лайтнинг Даст перенесла из-за своих действий в Академии Вандерболтов, лишь одна вещь сохраняла её верность Эквестрии. Да, система может быть прогнившей — судьи, чиновники и мэры — все хотели, наказать её за то, что она сделала (или почти сделала) с Элементами Гармонии. Но принцессы были не такими! Они были единственной хорошей вещью, оставшейся в Эквестрии. Если бы они могли быть везде, то несправедливости бы не существовало.

«Должно быть, здесь какая-то ошибка. Принцесса Селестия никогда бы не убила поверженного врага. Если она может воскрешать мёртвых, то она бы вернула моих родителей. Предвестник, должно быть, ошибается. Может быть, его заклинание дальновидения сломалось».

— Это не так отвратительно, как кажется, Твайлайт. Ты сама видела, прежде чем я телепортировала их — они были живы.

Круговорот мыслей в голове пегаски прервал голос Твайлайт. Звучал он так словно её мутило.

— Их друзья... видели, как они умерли.

— Вот почему я отправила их в Кантерлот вместо Понивилля, — ответила Селестия. Её голос смягчился, возвращаясь к своему обычному мягкому, царственному тону. — Я попрошу Луну поговорить с остальными в их подразделении, прежде чем они воссоединятся, чтобы убедиться, что в их памяти нет расхождений, которые могли бы послужить основой для слухов. Все будет так, как будто они никогда не умирали.

— Мы не вытащили большинство из них... — прохрипела Твайлайт. — Они всё ещё внутри. Ты собираешься воскресить и их тоже?

— Я не могу. С их...

Голоса затерялись в шорохе помех.

— Что происходит? — спросила Лаки, прижимаясь к кровати.

— Дрон... — начал Предвестник, его голос растворился в помехах. — Я постараюсь... значительная часть... ожидайте.

Лайтнинг Даст едва могла его слышать. Она отступила на несколько шагов, уставившись на изящный витраж в дальнем конце комнаты. Метки солнечной и лунной принцесс, казалось, насмехались над ней.

Принцесса Селестия убила Оливию. Она скрыла свои магические возможности от родителей Даст, обрекая пегаску на детство, полное одиночества и отчаяния.

Лайтнинг обнаружила, что её больше не волнует, хотят ли Лаки Брейк и её люди вторгнуться в Эквестрию. На самом деле, эта идея звучала очень привлекательно. Эквестрии нужны принцессы, которые не станут лгать пони. Принцессы, которые поделились бы своей магией со всеми. Принцессы, которые не запирают своих сестёр, когда те становились непослушными.

Голос Селестии донёсся из книги, звук был ещё хуже, чем раньше.

— ...великая тайна Эквуса. Вот почему я не убила Лаки Брейк. Никто на Эквусе никогда не умирает.

— Почему мы не можем сделать это для всех пони? — спросила Твайлайт, её голос всё ещё прерывался от слез. — Если бы мы могли просто... возвращать пони, когда захотим...

«Ну и что ты на это ответишь? — подумала Даст. Следующая мысли сбивала с толку: — Я что, действительно поддерживаю Твайлайт Спаркл, а не Селестию?»

По-видимому, так оно и было.

— Мы использовали...

Голос снова рассыпался помехами, и на этот раз экран потемнел. Через несколько секунд появилось сообщение на английском языке, которое Лайтнинг не смогла прочитать. Она и на эквестрийском-то читала не очень.

Лаки Брейк упала на кровать, заваливаясь набок.

— Если она может сделать это для стражей, она может сделать это и для Оливии... — пробормотала кобылка. — Верно?

Пегаска рассеянно кивнула.

— Твайлайт Спаркл казалась убеждённой...

Хотя они не слышали конца разговора, так что трудно было сказать наверняка.

— Не думаю, что она будет... в подходящем настроении для ведения переговоров, когда вернётся, — пискнула Лаки, сворачиваясь калачиком на кровати. — А я не смогу быть сильно убедительной.

Её голос снова надломился, растворившись в нервных всхлипываниях.

Боли Лаки было достаточно, чтобы пробиться сквозь оцепенение в сознании Даст. Она поспешила к кровати и прижала кобылку к груди. Физический контакт не просто помог успокоить жеребёнка — это было то, в чем нуждалась и сама Лайтнинг.

— Я помогу тебе, — пообещала она. — Мы всё ещё должны спасти Эквестрию.

Их миссия не изменилась, поняла пегаска. Единственная разница теперь заключалась в том, что Даст знала, с кем они сражаются.

«Мы можем сделать это, люди. Мы можем спасти Эквестрию. Ради мэра Оливии».

И ради её родителей. Ради всех остальных, кого принцессы могли бы спасти, но не стали.

* * *

Лаки Брейк поняла, что принцесса вернулась, в тот момент, когда снизу внезапно раздался голоса. Друзья Твайлайт с прошлой ночи, тон разговора был утешительным.

— Ну, вот и они, — произнесла Лайтнинг Даст, оглядываясь через плечо на открытую дверь. Они снова собрали все свои вещи, готовые быстро покинуть замок после этого разговора, если он пройдёт плохо (или хорошо, если на то пошло). — Получше себя чувствуешь, мелкая? Ты готова?

— Я должна, — ответила кобылка. — Предвестник сообщил бы, если бы дирижабль отклонился от курса. Мы не можем просто прятаться здесь и дать Т-Твайлайт шанс прийти в себя.

«И мне», — добавила она про себя.

Лаки проверила седельные сумки, заглянув в книгу с терминалом. Она лежала сверху, но не самой первой, на случай, если кто-нибудь заглянет туда.

| СОЕДИНЕНИЕ ОТСУТСТВУЕТ.
| ДОСТУПНО ТОЛЬКО ЛОКАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ.

Лайтнинг Даст мрачно поморщилась.

— Я бы хотела... Я бы хотела сказать, что мы не должны этого делать. Что мы можем просто уйти, и пусть кто-нибудь другой позаботится об этом. Но пони, которого я бы... — пегаска задрожала всем телом, сердито вздохнув. — Пони, которой я бы доверила безопасность Эквестрии, только что убила Оливию.

Перед мысленным взором Лаки снова появились импланты майора, всё ещё светящиеся от жара, который испарил её. Кобылка боролась с воспоминаниями, пряча их так глубоко, как только могла.

«Я не буду думать об этом, я не буду думать об этом, я не буду...»

Лаки выпрямилась.

— Я смогу это сделать, — сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Потому что должна.

Может быть, если она повторит это достаточно много раз, то оно станет правдой.

Они обе вышли за дверь. Голоса снаружи внезапно стали намного громче.

— Все в порядке, Твай, мы знаем, что тебе нужно время. Просто позови нас, когда будешь готова поговорить.

Казалось, все поднимались по лестнице, потому что кто-то вышел на площадку не более чем в метре от них.

Это была принцесса. Она выглядела гораздо хуже обычного — грива была растрёпана, с застрявшими веточками и листьями. Копыта и ноги были испачканы в грязи. Глаза были полузакрыты от усталости и, казалось, ни на чем не могли сфокусироваться должным образом.

Пока она не увидела стоящих в коридоре. Лаки услышала, как внизу открылась дверь, но едва ли обратила на это внимание.

— Тоже с фестиваля? — пробормотала Твайлайт Спаркл, поправляя копытом гриву и спотыкаясь, чуть не упав. — С у-угрозой покончено. Я уверена... праздник скоро продолжится.

Её глаза сузились, сосредоточившись на Лаки.

— Ты выглядишь... знакомо.

Окраска шерсти никак не повлияла на форму тела кобылки. То что её человеческий мозг не сильно хорошо умел отличать пони друг от друга, вовсе не означало, что и у пони будут такие же проблемы.

— Ты ждала меня, — ответила Лаки, стараясь говорить как можно спокойнее. — Мы никогда не встречались, но говорили по радио.

У Твайлайт Спаркл отвисла челюсть. Она быстро оглянулась через плечо на открытую дверь в замок. Несколько её подруг стояли там, наблюдая. Как будто ожидая просьбы вернуться.

— Ты... внутри. Селестия...

— Нет. Я никогда не умирала.

Не совсем правда, по крайней мере, если учитывать предыдущие поколения, но в целом верно. Лаки открыла рот, чтобы сказать что-то ещё, но почувствовала, как все её тело внезапно сдавило.

В течение нескольких секунд она плавала в море белизны. Она не чувствовала своего тела, не могла видеть ничего, кроме бесконечного света. Она бы открыла рот, чтобы закричать, если бы у неё был рот. Но даже этого она сделать не могла. Кобылка даже не могла беспомощно извиваться от боли и замешательства.

Затем последовала ещё одна вспышка, и ослепительный свет исчез. Сколько прошло времени? Казалось, что целая вечность, но на каком-то глубинном уровне Лаки понимала, что это предположение неверно. Прошло меньше секунды — она стояла в замке Твайлайт. В том же зале, где прошлой ночью была вечеринка, на полу всё ещё валялся оставшийся

мусор. По крайней мере, двери были закрыты, так что подруги Твайлайт не смогли бы увидеть, куда они переместились. Лаки глянула направо, ожидая, что там будет Лайтнинг Даст... но нет, Твайлайт её не телепортировала.

И тут же кобылка снова почувствовала страх и беспомощность. Справится ли она сама? Может быть, если пошуметь достаточно сильно, то Даст услышит её и поможет. Может, так и будет, а... может, первыми будут стражники.

«Она не вызвала охрану. И не отправила меня в тюрьму. Это хороший знак».

— Тебя не должно быть здесь, — пробормотала Твайлайт, отходя от кобылки к большому кристаллическому столу. — Щит Старсвирла... ты убила гвардейцев...

— Оливия убила твоих солдат, — ответила Лаки Брейк, следуя за принцессой. Она держалась достаточно далеко, чтобы попытаться убежать, если поведение Твайлайт изменится. Хотя, учитывая только что произошедшее, кобылка не думала, что её шансы на побег были особенно велики. — Хотела бы я знать, как извиниться за что-то подобное. Думаю, что большинство солдат специально тренируют всегда пытаться сбежать. Что-то связанное с... Я не знаю. Я не солдат.

Как только Твайлайт сняла скатерть со стола, он начал светиться. Это был не просто экстравагантный предмет мебели — похоже, это был какой-то голографический проектор. Более впечатляюще, чем университетские голограммы, поскольку для её проецирования не требовалась подложка.

«Бьюсь об заклад, та же технология, что и в руинах».

— Подойди сюда, — скомандовала принцесса. — М-моё защитное заклинание...

Судя по голосу, Твайлайт находилась в одном неверном ответе от нервного срыва. У неё не было наставницы, к которой можно было бы бежать — именно она была той, кто в первую очередь и заставила Твайлайт попасть в столь болезненное положение.

Поэтому Лаки повиновалась, подойдя прямо к краю стола. Кроме того, она хотела посмотреть, что там было.

Как оказалось — карта. Кобылка опознала вид Эквестрии с воздуха, все основные города и более менее крупные формы рельефа. Над каждым из них было тусклое пояснение на эглатрине. Выглядело один в один как на транзитной станции.

— Положи своё копыто сюда. Я собираюсь... Я собираюсь выяснить, опасна ли ты.

— Я не она, — ответила Лаки. — Я говорю с тобой без заклинания перевода, принцесса. Твоя пленница не могла.

Кобылка подняла копыто, положив его на кристаллическую поверхность, куда указала Твайлайт. Карта исчезла в мгновение ока, и Лаки почувствовала лёгкий укол боли.

«Наверное, это не очень хорошая идея. Я могу каким-нибудь образом дать им информацию».

Проекция изменилась. На несколько секунд Лаки была совершенно ошеломлена тем, что увидела. Это был какой-то... профиль. Её профиль, не сильно отличающийся от того, что хранило Общество первопроходцев о

членах экипажа. Только этот был полностью на эглатрине. Тут было мало ссылок на её действия, — в основном базовая биологическая информация: имя, возраст, пол и так далее. Любопытно, что система показывала не кажущийся возраст бионосителя, а истинный биологический возраст.

В профиле так же было несколько разных изображений Лаки в оригинальной расцветке, причём некоторые в таких позах, которые ей было бы очень неловко показывать незнакомцам, если бы она не преодолела своё табу на наготу. Тем не менее Твайлайт едва бросила на них взгляд — она была поглощена другой частью профиля.

Происхождение: Развившийся примитив

Предписание: Переводчик

Физическая угроза: Отсутствует

Метки тоже были тут, вместе с фотографиями, причём обе. Однако вторая была намного больше, а та что с гитарой занимала крошечное место во вкладке, которая выглядела так, словно могла вместить ещё множество.

— Это... самые странные данные, которые я когда-либо видела, — заметила Твайлайт таким тоном, как будто эта каким-то образом заставило её почувствовать себя лучше.

«Думаю, я могу её понять. Есть на что отвлечься».

— Я не знаю... что все это такое... — принцесса задержалась на чем-то вроде рентгеновского снимка, изображающего импланты Лаки в виде ярких светящихся пятен. Было очень похоже на скелет, оставшийся после Оливии, когда Селестия убила её.

Лаки убрала ногу со стола. Как только она это сделала, изображения исчезли.

«Как будто у них нет сохранённой версии. Откуда кольцо вообще все это знает?»

Вероятно, существовал миллион способов, которыми оно могло собирать информацию, способов, которые Лаки даже не способна понять.

«За мной охотится не Гармония. Будь это она, Отар уже был бы уни-чтожен. Мы ещё не спровоцировали её. Селестия даже не стала задавать Оливии никаких вопросов перед тем, как убить её — ей, вероятно, было плевать. Она просто хотела, чтобы угроза исчезла».

Это была успокаивающая история, которую можно было рассказывать самой себе. Являлась ли она правдой или нет, было не так существенно, если давало Лаки достаточно уверенности, чтобы заговорить... И она начала, прежде чем успела передумать.

— Принцесса, я знаю, что произошло. Моя соратница убила пони... и была убита в ответ. Это ужасная трагедия для нас обеих. Но сейчас на карту поставлено нечто большее, чем несколько жизней. Вся Эквестрия в опасности... каждый пони, которого ты знаешь. Ты обещала, что выслушаешь.

Всплеск уверенности Твайлайт, казалось, иссяк. Она смотрела в пол, дрожа всем телом.

— Т-ты... говоришь точь-в-точь как Селестия, — пробормотала принцесса. — Вся Эквестрия в опасности... Ты же сейчас собираешься рассказать мне о Гармонии, верно?

Лаки кивнула.

— Я не знаю, что тебе говорила Селестия. Большая часть этого, скорее всего, правда. Особенно если она упомянула, что есть нечто под названием Гармония, которое может решить убить всех пони в Эквестрии в любой момент, когда захочет... нечто непредсказуемое и всемогущее, все время наблюдающее за тем, не нарушаешь ли ты её правила, чтобы затем уничтожить все, что ты создала.

Твайлайт кивнула. В глазах, казалось, стояли слезы, но на лице была решимость.

— Это... примерно то, что и сказала Селестия.

— Может быть, она рассказала тебе эти правила, — кобылка начала расхаживать по залу — она ничего не могла с этим поделать. — Боже, я надеюсь, что кто-нибудь знает эти правила. Надеюсь, вы, по крайней мере, должны знать, из-за чего вас убивали все это время.

Твайлайт снова кивнула.

— В-возможно, она в курсе. Я не... Если бы она знала, то наверняка взяла бы с меня клятву хранить это в тайне.

Лаки лишь пожала плечами.

— Было бы полезно знать их, но... сейчас это не самое главное. Потому что это не единственный способ выжить.

Кобылка приблизилась к принцессе, свирепо глядя на неё. Стол снова показывал карту, на которой были города Эквестрии, слегка подсвеченные внутренним светом. Это была прекрасная страна, даже при взгляде с такой высоты.

«Было бы обидно, если бы с ней что-нибудь случилось».

— Следовать правилам — один из вариантов, и, я думаю, другие пони, жившие на кольце, его уже пробовали.

Лаки внимательно смотрела на Твайлайт в поисках подтверждения — и без труда заметила, что принцесса Твайлайт Спаркл знает, как выглядит Эккус.

— Фларри Харт и я посетили другую часть кольца. Мы видели... другую цивилизацию. Там миллионы мёртвых пони.

— Мы не можем... — очень тихо пискнула Твайлайт. — Мы не можем позволить, чтобы это случилось с Эквестрией. Мы должны вести себя так, чтобы Гармония не причинила нам вреда.

— Я думаю, что те другие пони, вероятно, пытались так сделать. Это им не помогло.

— Я... — Твайлайт сглотнула, а затем чуть выпрямилась. — Я думаю, это немного чересчур — просить меня доверять тебе. Фларри Харт... была так напугана увиденным, что с тех пор не покидала замок Кантерлот. Селестия...

Аликорн замолчала, очевидно, поняв, к чему ведёт эта мысль. К Селестии, являющейся единственным источником информации Твайлайт. Выражение лица принцессы немного посуровело, хотя она отвела взгляд от Лаки и посмотрела в одно из окон. Кобылка почти могла разглядеть в том направлении далёкую гору.

— Ты не обязана мне доверять, — ответила Лаки Брейк.

Чем дальше все шло, тем храбрее она себя чувствовала. Казалось, слова даются легче. Она говорила с уверенностью Оливии, а не только со своей собственной. Если бы Лаки верила в души, она бы решила, что

Оливия каким-то образом пришла, чтобы помочь ей в защите Отара, что всегда было главным приоритетом в жизни майора. Но кобылка ни во что из этого не верила. Изготовление нового человека отличалось от воскрешения. Даже если бы у пони был магический способ имитировать то, что Предвестник делал при помощи биофабрикаторов, это всё равно будет кто-то новый. Оригинал был мёртв, воспоминания уничтожены.

Если бы майора Фишер снова создали, они бы не были друзьями. Оливия не была бы в числе первых друзей Лаки, когда весь мир стремился захватить её. Майор не дала бы обещаний защитить её, и потом сдержала их. Лаки начала шмыгать носом, подступающие рыдания наконец настигли её.

«Сейчас не до этого! У нас нет времени».

Лаки сглотнула, пытаясь призвать ещё немного решимости майора. Может, она и не была настолько храброй, но могла притвориться.

И Лаки притворялась достаточно долго, чтобы вытащить книгу из сдельной сумки, открыть её и показать находящийся внутри вычислительный терминал. Кобылка прокрутила спутниковые снимки разрушенных городов, снятых по всему кольцу. К сожалению, она так и не разобралась как извлечь видеозаписи со скафандра, если вообще предположить, что они там велись. Но у спутников Предвестника были отличные камеры. Разрушения были очень масштабны и количество их было огромно — гораздо больше фотографий, чем могло поместиться в локальном хранилище вычислительного терминала.

— Есть ещё, — сказала Лаки, оставляя устройство наклонённым вверх, чтобы Твайлайт могла прокручивать изображения сама, если захочет.

Та уставилась на экран, и любая решимость на её лице исчезла. Принцесса тяжело села на пол.

— Так много других королевств. Так много других пони...

— Да. Селестия хочет скрыть все это — чтобы Эквестрия следовала правилам Гармонии так долго, как только сможет. Справедливости ради, поскольку вы всё ещё живы спустя тысячи лет, то, вероятно, у неё хорошо получается. Но... что, если бы мы могли сделать так, чтобы вам больше никогда не приходилось прятаться?

— Мы не можем, — прошептала Твайлайт. Теперь она то и дело поглядывала в окно, как будто ожидая, что принцесса Селестия того гляди, заглянет в него с неодобрительно нахмуренными бровями. Но ничего такого не происходило — если солнечная принцесса каким-то образом их и слушала, то Лаки ничего не могла с этим поделать. — Селестия... сказала, что мы пытались. Другие пони, где-то далеко... они потерпели неудачу. Мы всегда терпим неудачу.

— Не в этот раз, — сказала Лаки.

«Здесь ничего не происходит».

— Чего у пони не было в прошлый раз, так это помощи извне. Я... представляю фракцию из места, не подчиняющегося контролю Гармонии. Если мы будем работать вместе, мы сможем освободить Эквестрию.

Твайлайт замолчала, уставившись на карту. Долгое время ничего не происходило.

Лаки могла слышать, что-то за дверями в тронный зал... кто-то постучался? Принцесса не ответила, и через некоторое время стук стал настойчивее.

— Это... наверное, моя мама, — пробормотала кобылка, когда стало ясно, что Твайлайт не собирается реагировать. Принцесса не возражала, когда Лаки направилась к дверям, отодвигая барную стойку с дороги. Почти в тот же миг, как она это сделала, дверь распахнулась.

Лайтнинг Даст практически рухнула внутрь, сопровождаемая опасливо нахмуренным Спайком.

— Я пытался остановить её! — крикнул дракончик. — Она не слушала.

— Все в порядке, Спайк. Проходи внутрь. И запри за собой дверь.

Сама пегаска тяжело дышала, и, казалось, ей потребовалось время, чтобы прийти в себя после попытки выломать дверь. Её взгляд метался по залу, хотя быстро остановились на Лаки.

— Я думала...

— Мы просто разговаривали, — прервала её кобылка, прежде чем Лайтнинг Даст могла что-то сказать. — Я только что сказала Твайлайт, чего мы хотим. И ещё не говорила, как мы этого добьёмся.

— Ох, — пегаска махнула копытом, и они вернулись к столу.

Твайлайт настороженно наблюдала за ней. Принцесса выглядела так, словно бежала весь день и готова упасть в обморок, если её попросят пройти ещё несколько шагов.

— А ты кто такая? Мама... Лаки? Кто вообще позволяет своей дочери похищать принцесс для опасных приключений?

Даст практически рассмеялась.

— Я бы хотела посмотреть, как ты попытаешься остановить её. Лаки — моя дочь, а не какая-то послушная, избалованная неженка.

— Откуда вы, пони, родом? — раздражённо спросила Твайлайт. — Та, другая...

Принцесса сглотнула.

— Оливия, да? Она могла бы убить половину армии. И у вас есть следящее заклинание, которое может видеть на расстоянии десятков тысяч километров...

Она кивнула в сторону всё ещё открытой книги.

— Серьёзно? — прервал её Спайк, подходя ближе. — Ого.

Дракончик замолчал, уставившись на сцены разрушения на экране.

— С Земли, — ответила Лаки Брейк.

Она снова выпрямилась, представляя, что майор стоит рядом с ней. Ну, её и все Общество первопроходцев. В некотором смысле вся жизнь Лаки стояла на кону в этот момент. Возможно, и судьба всего Эквуса тоже.

— Мы исследователи издалека. Мы пришли, чтобы установить дружеский контакт с пони Эквестрии... и все пошло плохо. Очень плохо. Но все это сейчас не имеет значения, принцесса. Прямо сейчас главное — это то, что все наши жизни находятся в опасности. Пони, которых я представляю... мы не можем покинуть Эккус так же, как и вы. Мы такие же рабы Гармонии, как и вы. Мы хотим, чтобы все пони были свободны. Но для этого нам нужна твоя помощь.

— Как? — спросила Твайлайт, с отчаянием и испугом в голосе. — Я не могу сражаться с Селестией! Она моя... она моя...

— Даже ради твоей племянницы? — вмешалась в разговор Лайтнинг Даст. — Она в плену, Твайлайт. В плену той же пони, которая убила беспомощного врага прямо у тебя на глазах, пока ты ничего не делала. Как ты думаешь, с Фларри Харт поступят иначе?

Наконец Твайлайт сломалась. Слезы потекли по её лицу, и принцесса всхлипнула, стараясь сдержать их.

Но Даст не унималась.

— Не думаю, что это произойдёт, принцесса. В тот момент, когда Селестия решит, что Фларри Харт представляет угрозу, она убьёт и её тоже. Или, может быть, она проявит милосердие и просто сошлёт её на ляганую луну на тысячу лет. Если ещё не сослала.

Лаки вытянула крыло, пытаясь остановить пегаску. Но её мама, казалось, не хотела останавливаться.

— Это твоя вина, Твайлайт. Но ты та, кто может все исправить. Ты ведь не такой монстр, как она, верно?

Аликорн к тому времени была уже на грани истерики.

Спайк сердито посмотрел на них, на мгновение показалось, что он дыхнёт пламенем.

— Я думаю, вам следует уйти.

— Н-нет, — прохрипела Твайлайт, отталкивая дракончика в сторону. — О-она права... она права во всем...

Принцесса шмыгнула носом, вытирая слезы тыльной стороной ноги, затем выпрямилась.

— М-может... может ли спасение моей племянницы быть частью спасения Эквестрии?

— Да! — Лаки ответила, прежде чем Лайтнинг успела ещё что-нибудь брякнуть.

«Неужели все действительно сработало?»

— Она моя подруга. Я всё равно это планировала.

* * *

Мелоди не удивилась, обнаружив, что ей нравится проводить время с бывшими рабами. Во многих отношениях это было именно то, ради чего она вступила в Общество первопроходцев, но после пробуждения обнаружилось, что для изучения языка уже была создана другая, и она уже все сделала.

Если бы не майор, Мелоди вообще не стали бы создавать. Какое-то время она возмущалась этим решением каждый раз при пробуждении, глядя на тело, которое ненавидела, или поддаваясь инстинктам, которые не могла контролировать.

И напоминание об этом стало гораздо более ощутимым, когда обнаружилось, что она докувыркалась до беременности.

Но теперь, по прошествии долгого времени, Мелоди наконец почувствовала, что ей есть чем заняться. Бывшие рабы не были носителями эквестрийского языка, а просто нахватались каких-то обрывков за время, проведённое рядом с говорящими на нем. У них даже была абсолютно другая культура, хотя принадлежность к одному и тому же виду означала, что некоторых моментах они развивались одинаково.

Метки, например, всё ещё имели для них большое значение, хотя их племенное общество рассматривало их не так позитивно, как эквестрийское. На самом деле, слово, описывающее их, казалось, надо было скорее переводить как «обязательство».

Им было удивительно легко угодить, теперь, когда эти пони убедились, что их не отправят в качестве главного блюда на кухню или на алтарь некроманта. До тех пор, пока Мелоди следила за тем, чтобы дроны-уборщики оставляли им какой-нибудь мусор, чтобы пони было чем заняться, они в основном держались особняком.

Поэтому Мелоди проводила с ними большую часть своего времени, делая заметки и пытаясь узнать все, что могла, об их культуре. Если все пойдёт как должно, казалось вероятным, что в конце концов Отар захочет установить официальный контакт с обществом, из которого они пришли.

«Было бы лучше, если бы мы приземлились в глуши, а не в таком развитом обществе, как Эквестрия. Мы могли бы поглотить их племя, решить все их проблемы и заполнить множество союзников».

Но были сотни возможностей, когда их миссия могла бы пойти совсем иначе всего лишь в результате самых простых решений. Насколько все изменилось бы, назначь Предвестник с самого начала главной Лаки Брейк, а не Оливию? Сделал бы её клон Эквестрию их врагом?

Мелоди была погружена в свои мысли, слушая разговор пони и время от времени отвечая на их вопросы, когда появился дрон. Это была одна из гуманоидных моделей на гусеницах, и в тот момент, когда дверь открылась, все четверо бывших рабов вскочили на ноги и попятнулись к стене.

Этим пони дроны не нравились, но проблемой это не являлось. Было достаточно просто так составить график уборки, чтобы им не приходилось видеться друг с другом.

«Что могло понадобиться от меня Предвестнику, что нельзя было бы решить по связи?»

— Прощу меня простить, Мелоди, — произнёс дрон на хорошем эквестрийском. — Могу я попросить вас пойти со мной?

И ни слова о том, зачем. Следовательно, зонд не хотел, чтобы эти пони знали об этом.

Мелоди встала со своего места, повернувшись лицом к бывшим рабам.

— Я вернусь, — сказала она с лёгким поклоном. Согласно их традициям, так всякий раз должна была поступать кобыла, покидая комнату в которой находился кто-нибудь из жеребцов. Пегаска не знала, почему, да её это и не очень заботило. Соблюдение их обычаев было отличным способом добиться желания сотрудничать.

— Возвращайся скорее, — сказал Булл. — Ты обещала, что мы сможем посетить поверхность, помнишь?

«Оливия никогда бы не позволила мне отвести вас туда», — подумала Мелоди, но ничего не сказала. Они направлялись не просто на поверхность, а на личный пляж их бывшего командира.

— Постараюсь, — пообещала она, прежде чем повернуться, чтобы последовать за дроном. Он уже вышел в коридор, хотя дверь за ним и не закрылась.

Мелоди последовала за дроном. Он сразу же повернул к лифту, который мог доставить их только вниз, к лабораториям или фабрикатам. Очевидно, что направлялись они не к фабрикатам.

— Что не так?

— Вы только предполагаете, что что-то не так, — ответил Предвестник, хотя в его голосе отсутствовал обычный непринуждённый юмор. Вместо него там звучало тихое отчаяние, едва заметное.

«Может, мне кажется?»

Впрочем, она не спрашивала об этом.

— Конечно. Если бы все было в порядке, ты бы меня не дёргал. Пожалуй-ста, не... не говори мне, что есть плохие новости о команде, отправившейся в Эквестрию.

— Нет. На данный момент мне нечего сообщить вам о той команде.

Зловеще. Это означало, что что-то произошло, просто зонд не хотел об этом рассказывать. Как обычно.

— Ну, и в чём тогда проблема? — двери лифта перед ними распахнулись куда быстрее, чем Мелоди помнила. Закрылись они так же быстро.

— С... доктором Фарадей, — они спустились на один этаж, и лифт остановился. — Мы обнаружили причину, по которой нам не удавалось расшифровать формат хранения данных на инопланетном устройстве.

— Я... даже не знаю, что в этом плохого, или как касается меня, — заметила пегаска. — Но ладно. Здорово! Что там внутри?

— Воспоминания, — ответил Предвестник. — Вот почему мы не смогли выделить какие-либо дискретные данные, которые могли бы свидетельствовать о сжати и изображений или видео. Был ещё один уровень кодирования.

— Но ты же теперь умеешь воспроизводить воспоминания? Лаки говорила...

Они подошли к дверям лаборатории Мартин. Везде горел свет, хотя, как правило, доктор Фарадей так не поступала. Возле входа стояло несколько пластиковых контейнеров с различным содержимым. Создавалось впечатление, что Мартин взяла оттуда по паре вещей и оставила остальное тут.

— Я не умею «воспроизводить» их. Моё понимание нейрослепков ещё не продвинулось до подобного уровня. Я не могу преобразовать их в цифровой формат и отобразить для вас на экране. Кроме того, у меня нет мозга, чтобы пережить воспоминания, поэтому я так же не могу сам проанализировать их. Я не вижу причин, принципиально запрещающих подобное, но, похоже, эти технологии не являются приоритетными. Возможно, следующее обновление, которое я распаковываю, будет содержать что-то, позволяющее это осуществить.

— Тогда зачем ты привёл меня сюда?

— Потому что доктор Фарадей решила не ждать.

Дверь скользнула в сторону.

Странное медицинское оборудование стояло в дальней части комнаты, где столы и полки были отодвинуты в сторону, чтобы освободить место.

Мартин лежала на куче одеял и подушек, окружённая медицинскими дронами, которые наблюдали за ней, словно стоя белых пластиковых призраков.

Однако это было не самым странным, что заметила Мелоди. У Мартин появилась новая метка — на самом деле, у неё их было несколько. Казалось, вместо шерсти был экран, изображение на котором менялось со вспышками, выжигая странные узоры.

Все тело пегаски содрогнулось, когда дверь открылась, и она резко повернулась к Мелоди, изо рта у Мартин текла пена.

— Воздушная тревога! Их бомбардировщики на подходе! Все в отведённые им убежища! Становитесь в шеренги!

Г7.01: Один в поле воин

— Я предполагаю... ты уже сделал для неё все, что мог. С медицинской точки зрения, я имею в виду, — прошептала Мелоди, входя в лабораторию доктора Фарадей. Почти весь пол был покрыт листами бумаги, которые хрустели под копытами. Чем бы не занималась Мартин, она явно была в восторге от этого.

— Естественно, — ответил один из дронов, стоящих впереди. Это была простая пластиковая модель, немного похожая на манекен. Дроны выглядели гораздо менее «человеческими», чем единственный синт, в которого Предвестник поместил что-то вроде копии собственного разума. — Я знаю, что ваши медицинские знания недостаточны. Боюсь, даже от доктора Борн в этом случае было бы мало толку.

— Тогда зачем я здесь? — спросила Мелоди, медленно подходя к Мартин. Учёную, казалось, привлекло не столько её присутствие, сколько шум открывшейся двери. Её глаза ни на что конкретно не смотрели, просто случайно фокусируясь на разных местах в помещении. — Чтобы... успокоить её?

Когда она это сказала, Мартин снова выпрямилась.

— Держите головы ниже! Не надо оглядываться, просто продолжайте двигаться! Мы должны добраться до Датамайна!

Казалось, пегаска светилась — лоб, крылья, метка. Последняя снова изменилась, со вспышкой разряды энергии хлестнули вокруг, прожигая подушки и одеяла, отчего те начали тлеть.

Один из медицинских дронов аккуратно поднял распылитель и залил пространство вокруг Мартин белой пеной.

«Датамайн?»

Это слово привело Мелоди в замешательство. Датамайн был там, где побывали её клон с Фларри Харт, верно?

— Подобный результат был бы желателен, — ответил Предвестник. — Но я всё же ожидаю, что фантомные ощущения исчезнут. Я отключил её от устройства, как только стало ясно, что реакция неблагоприятная. Похоже, она продолжает просмотр записи даже несмотря на недоступность носителя данных. Я не понимаю почему.

— А как насчёт... — Мелоди осторожно придвинулась ближе, пытаясь подойти достаточно близко, чтобы рассмотреть узоры, выжженные на полу. Они выглядели так, как будто могли быть словами на эглатрине или, по крайней мере, могли представлять собой какие-то надписи. К сожалению, она не являлась тем клоном, который мог бы их прочесть. — Что с ней происходит... У нас ведь нет имплантов в заднице, верно?

— Нет. Помимо стандартного усиления мышц и костей скелета. Если вы спрашиваете, что вызывает это свечение, я не могу дать удовлетворительного ответа. Полагаю, что тут уместно использовать местный термин — «магия».

— Это бесполезно, — Мелоди махнула копытом. — Эй, Мартин. Ты меня слышишь? Вызываю доктора Фарадей, вас ждёт пациент.

— Она не является доктором медицины, — отметил белый дрон без какого-либо намёка на иронию в голосе.

Мелоди не очень удивилась, увидев, что пегаска снова повернулась к ней. Её метка вспыхнула несколько раз, прежде чем в конце концов остановилась на метке в виде спирали. Остекленевший взгляд медленно прояснился. Мартин подтянула ноги ближе, медленно раскачиваясь взад-вперёд.

— Мелоди, — сказала она с надломом в голосе. — Я слышу их крики, Мелоди. Они пытались... Боже, пламя... Ты думаешь, это то, что случилось с Землёй?

Метка Мартин вспыхнула и заискрилась ещё раз, но не изменилась.

Мелоди села рядом с дрожащим астрономом.

— Я знаю, что другие рискуют своими жизнями, но ты не должна была делать это в одиночку. Думаю, что даже Дороти хотела бы поприсутствовать.

Мартин долго не отвечала. Её глазам, казалось, всё ещё было трудно сфокусироваться.

— На Санктуарии были люди. Мы думали... но как иначе? Программа Предвестников не просто искала планеты! Есть миллиарды камней на выбор! Мы хотели искать новую жизнь, новые цивилизации! Что может быть интереснее кольца Нивена?

Мартин встала, протискиваясь мимо Мелоди к двери.

— Я должна предупредить их! Они собираются обрушить гнев Гармонии на всех нас! Мы окажемся здесь в ловушке, как и они, безнадежно стучась в стены кремниевой тюрьмы! Мы должны предупредить их, что Гармония зна...

Казалось, время просто замедлилось. Мелоди увидела вспышку, как будто что-то внутри груди Мартин начало светиться. Она не могла точно сказать, что это было — все происходило настолько быстро, что у неё не было возможности отреагировать.

В отличие от Предвестника. Все до единого медицинские дроны прыгнули к Мелоди, закинув её за стол и прикрывая своими телами максимально тщательно. У неё едва хватило времени почувствовать удар об пол, прежде чем комнату сотряс взрыв, вызвав мучительную боль в ушах и превратив мир в бесконечную звенящую мозаику боли.

Мелоди закричала, хотя при этом не слышала собственного голоса. В комнате ужасно пахло — как от пережаренного стейка. Она почувствовала, что движется — дроны подняли её и пытались подсунуть носилки.

В передней части помещения, там, где стояла Мартин, зияла воронка. Внизу виднелось отверстие, ведущее в зал фабrikаторов. Никаких следов доктора Фарадей не было, кроме узоров, выжженных на всех поверхностях лаборатории.

Боль и шок были слишком сильны — Мелоди повалилась набок, потеряв сознание.

* * *

— Когда мы говорили по радио, ты сказала что-то о карте. О той, которая привела нас с Фларри Хартом к руинам. Это, случайно, не та самая карта?

Принцессе Твайлайт Спаркл потребовалось много времени, чтобы ответить. За последний час ей досталось достаточно эмоциональных ударов — и некоторые достались не только ей.

«Каким бы ни был наш план, сначала мы должны дать ей немного времени восстановиться. Она выглядит так, словно вот-вот упадёт в обморок».

— Нет, но эту можно попробовать использовать так же, — слабо пробормотала принцесса. — Она в основном показывает нам, где возникли проблемы дружбы.

Лаки посмотрела на стол. Когда кобылка открыла рот, то заговорила на эглатрине, достаточно свободно, чтобы Твайлайт ахнула.

— **Местоположение основного датамайна**, — потребовала Лаки.

«Если это в чем-то похоже на карту в транзитном узле...»

Карта отреагировала мгновенно, уменьшив масштаб поверхности Эквестрии, пока не отобразила все кольцо Эквус. Однако фокусироваться на новой цели карта не стала. Вместо этого от стола донёсся голос, отразившийся от кристаллических стен вокруг них.

— **Для доступа к данным необходимо разрешение гражданина.**

Стол перед Лаки выцвел до тускло-серого цвета, хотя перед Твайлайт он оставался таким же ярким.

Рот принцессы несколько раз открылся и закрылся, прежде чем она смогла сказать хоть что-то связное.

— Откуда ты знаешь, как говорить на запретном языке?

— Эквус научил меня, когда я была с Фларри Харт. Разве она тебе этого не рассказала?

— Я... — голос Твайлайт стал очень тихим. — Я не видела её с тех пор, как она вернулась. Принцесса Селестия никого не пускает к ней. Кроме Лúны. Кейденс пыталась поговорить с ней через дверь, но...

— Жалко, — вмешалась Лайтнинг Даст. — Но мы разберёмся с этим. Верно, мелкая?

— Так или иначе, — согласилась Лаки. — Ты можешь говорить на эглатрине, Твайлайт?

— Я... — принцесса вздохнула. — Не очень хорошо. Независимо от того, сколько я учусь, он просто не запоминается. Тем более всегда есть и другие дела.

— **Игнорируй предыдущую команду**, — приказала Лаки, снова чётко выговаривая слова. Карта снова стала яркой, отобразив Эквестрию. — **Расположение узла управления Гармонией.**

Тот же эффект — карта уменьшилась, и голос повторил сказанное ранее.

— Я думаю... Я думаю, ему нужно твоё разрешение, — предположила кобылка. — Оно не покажет нам, куда нам нужно идти без твоего одобрения.

«Надеюсь, у Твайлайт есть уровень доступа гражданина. Интересно его всем аликорнам выдают или только некоторым?»

Фларри Харт в транзитном узле система слушалась, а Лаки нет, хотя из них двоих только кобылка понимала, что им говорят.

— **Действуй**, — сказала Твайлайт, даже не взглянув на карту. — **Покажи ей то, что она хочет.**

Лаки не ожидала ответа, но, к её удивлению, он последовал. Стол осветился.

— **Команда зарегистрирована с учётными данными гражданки Твайлайт Спаркл.**

Карта снова увеличилась, при этом цвет вернулся. Поначалу Лаки пришла в отчаяние, так как все выглядело как раньше. Снова Эквестрия? Означало ли это, что того, что она хотела увидеть, не существовало?

Но масштаб продолжал увеличиваться, не удаляясь от центра карты. Кантерлот занял всю поверхность, здания были показаны в мельчайших деталях. Кобылка даже могла видеть летающих пони и несколько облачных домов, привязанных к городу длинными тонкими канатами.

Увеличение продолжало приближаться к громадному дворцу, вырезанному на горе. Сквозь стены, как будто их там и не существовало. Сквозь толстую сводчатую дверь с нанесёнными на неё светящимися рунами, мало отличающуюся от той, что помогла открыть Фларри Харт.

— Башня Кантерлота? — что-то снова вывело Твайлайт из ступора, потому что она смотрела на карту с тем же напряжением, что и Лаки. — Я не была там с тех пор, как Дискорд в первый раз сбежал из своей тюрьмы. Принцесса Селестия считала, что Элементы Гармонии были... в... там...

Аликорн замолчала широко распахнув глаза.

— Ох.

Внизу винтовой лестнице стояла тяжёлая металлическая арка, сделанная из того самого не поддающегося идентификации металла, который Лаки видела на транзитном узле. Атриум был хорошо освещён, растения зеленели, а в фонтанах текла вода.

Здесь, внизу, находились пони, хотя их было совсем немного. Они бродили по залу с постоянным испуганным выражением на лицах, стараясь не приближаться к стенам или ещё чему-нибудь. Внизу даже была мебель, предназначенная специально для пони, но все выглядело так, будто её просто притащили из верхнего мира. Ни одно из устройств, казалось, не использовалась, и многие (например, карта) были окружены барьерами, чтобы пони случайно не подошли слишком близко.

«Пони тут похожи на пещерных людей, забравшихся в небоскрёб».

Большая часть пространства в огромном атриуме была пуста, но единственное рабочее место было освещено. Лаки Брейк почувствовала, как у неё перехватило дыхание, когда она увидела кобылу-единорога, сидящую за неуклюжим деревянным столом в центре офиса. Она уже видела эту пони в палате стормширской больницы.

— Она, — пробормотала Лайтнинг Даст с гневом, кипящим в голосе.

— Мундэнсер? — произнесла Твайлайт, в основном для самой себя.

Пони вскочила со своего места, двигаясь почти так же быстро, как только что двигалась Лаки. В голосе кобылы звучала паника и страх.

— Твайлайт?

Мгновение спустя изображение погасло.

«Черт, она нас слышала?»

— Думаю, мне не стоит... так удивляться, — произнесла Лаки Брейк, когда карта снова уменьшила масштаб, чтобы вернуться к изображению всей Эквестрии. — Прошлая цивилизация, которую мы с Фларри посетили, построила свою столицу на одном из объектов кольца. Если подумать, то в некотором роде то же самое сделали и в Кристальной Империи.

Она отвернулась от карты, уставившись в окно точно так же, как Твайлайт смотрела во время их разговора. Она едва могла разобрать очертания далёкого города на горе, хотя, может, просто тут сработало воображение.

— Я на самом деле надеялась, что это будет у чёрта на куличках. Уверена, что Перес с удовольствием взял бы Кантерлот штурмом, чтобы добраться до башни...

К её удивлению, принцесса Твайлайт, как оказалось, всё ещё следила за разговором и решила высказать своё мнение.

— Разве ты не говорила мне, что вы с Фларри Харт переехали из одной части руин в совершенно другую? Если мы так сделаем, ни один пони не пострадает. Нет... Я могла бы легко пройти прямо в замок. Но я никогда не пыталась вернуться в башню. Как мне кажется, они попытаются остановить меня. Возможно, одной двери с рунами хватит для этого, я не успела их рассмотреть.

Лаки почувствовала, как её губы растягиваются в улыбке.

— Принцесса, это звучит как идеальный план.

Откуда взялся этот внезапный прилив решимости? Пока кобылка смотрела, принцесса встала.

— Спайк, собери припасы для нас двоих. Мы отправляемся в Кристальную Империю.

* * *

— Не... совсем то, чего я ожидала, — сказала Оливия, когда толпа вокруг них начала расходиться. Она всё равно старалась говорить тише. Это инопланетное существо, Дискорд, очень мало сделало для того, чтобы внушить ей доверие, но Пеа Баттер была другой. Она просто выглядела как пони, которой можно доверять.

— Ты имеешь в виду Вечный Табун? — спросила кобыла, слегка закатывая глаза. — Пони, мчащиеся по бесконечному полю дружбы и любви?

— Э-э... — Оливия помотала головой. — Не совсем.

Она сидела посреди площади, оглядываясь по сторонам. Ничто здесь не казалось сильно божественным или вечным — примитивная деревня с таким же успехом могла оказаться Понивиллем или любым другим поселением Эквестрии.

— Я всегда думала... ну, не знаю... Бог, который будет прямо тут? Хор поющих ангелов... арфы с облаками? Что-то я ни арф, ни облаков не вижу. Пеа Баттер усмехнулась.

— Я знаю пегаску, которая умеет играть на арфе. Мы могли бы сходить к ней, посмотрим, может, она и для тебя сыграет.

Оливия не смогла удержаться и рассмеялась. Может быть, это было не то, чего она ожидала от загробной жизни, но важный вопрос всё ещё оставался. Успех или неудача теперь были вне её власти, по крайней мере, так казалось.

— Думаю, обойдусь. Я никогда сильно религией не увлекалась, так что меня не очень беспокоит, что там в чем-то ошибались. Может быть, ты сможешь объяснить, что же произошло на самом деле? Я мертва, верно?

— Почему бы тебе не пойти со мной, сахарок? Я могу провести для тебя экскурсию... в той мере, в какой мы тут все понимаем. Однако, если хочешь во всем этом разобраться, то придётся пошевелить мозгами.

— Мне не нужно разбираться во всем. Но было бы неплохо знать, где мы сейчас находимся. Если это не рай...

Далеко идти не пришлось. Странный шестиугольный кусок металла лежал на земле на углу улицы. Перед ним выступала из земли тоже металлическая поверхность с чем-то вроде клавиатуры. Кнопками были выпуклые шестиугольники, расположенные кругами и размером примерно с копыто.

Пеа Баттер зашла на металлическую пластину, отодвинувшись в сторону, чтобы дать место Оливии. Майор так и сделала, наблюдая, как кобыла положила одно копыто на клавиатуру и задвигала им во всех направлениях, нажимая последовательность не менее чем из десятка клавиш с лёгкостью, выработанной практикой.

— Ты, должно быть, часто это делаешь.

— Всякий раз, когда у Дискорда находится кто-то, кого он хочет снять, — земнопони подняла второе копыто к клавиатуре и добавила ещё несколько нажатий к последовательности. С каждым нажатием на земле начинали загораться символы. — Это проще, чем позволить им потеряться на склоне. Учитывая выбор, большинство пони заканчивают тем, что уходят после одной жизни. Слишком много узнаешь о том, что там, наверху, и... ну, ты не захочешь возвращаться.

— Наверху...

Оливия уже знала, куда смотреть. Это была та самая чуждая часть этого места, единственное, что сразу сообщало о невозможности происходящего. Эта деревня, казалось, находилась в самом низу бесконечно широкой, постепенно поднимающейся горы, вершина которой была увенчана городом, тянущимся в бесконечность. Правда, большую часть склона было не разглядеть из-за окружающих зданий.

Но верхнюю часть было видно лучше. Строения, которые становились все выше, их очертания на таком расстоянии казались лишь намёками. Некоторые смутно напоминали небоскрёбы, но многие имели гораздо более странные формы.

— Там, наверху?

— Да, — ответила Пеа Баттер. — Ты тоже можешь уйти. То, что ты нравишься Дискорду, вовсе не означает, что ты можешь противостоять уловкам Гармонии.

Произошла вспышка, и внезапно они оказались где-то в другом месте. Не было никакого дискомфорта, как в момент переноса из подвалов замка. Просто сменилась окружающая обстановка.

Бесконечный город исчез, хотя они всё ещё находились на горном склоне. Оливия с Пеа Баттер стояли у подножия каменного монастыря, обрамлённого далёкими снежными вершинами. Майор могла слышать тихие звуки музыки, доносящиеся изнутри.

— Если бы Дискорд оставил меня здесь, я бы и правда могла поверить, что нахожусь в раю, — пегаска взмахнула крылом. — Вот примерно этого я и ожидала. Ну и чтобы я стала собой.

Оливия вздохнула, слегка прижав уши.

— Разве смерть не может, по крайней мере, дать мне хоть немного достоинства?

— Я не понимаю, — земнопони сошла с полированной металлической пластины на мощёную дорожку, ведущую к монастырю. — Что не так с тем, как ты выглядишь?

— Я не того вида! — практически закричала майор, вставая на задние ноги. Она захлопала крыльями, стараясь как можно дольше оставаться на двух ногах. Но это слабо помогло. Тем более, судя по тому, что устоять больше нескольких секунд, прежде чем упасть на все четыре, Оливии не удалось, все её импланты также пропали.

— Не того вида? — если майор и ожидала шока от кобылы-земнопони, то ошиблась. Было лишь замешательство. — Я думала, квалиа всегда использует в качестве модели последнее тело. Что-то... пошло не так? Ты грифон или, может быть, чейнджлинг?

— Я человек. И даже не знаю, как мы вообще можем сейчас разговаривать. Мой эквестрийский и до начальной школы не дотягивал. Прямо сейчас я должна была бы ходить на двух ногах и быть выше вас всех. Эм-м-м... ни шерсти, ни метки...

Пеа Баттер усмехнулась.

— Что ж, теперь я знаю, что с твоей памятью что-то не так. Но кем бы ты ни была, регистрация в системе у тебя точно имелась, иначе ты бы действительно сейчас с Вечным Табуном бегала, а не тут в безопасности отдыхала, — она повернулась обратно к монастырю, махнув в его сторону копытом. — Пошли, Оливия. Может быть, мы сможем найти, что такое «человек» в базе данных.

Не было смысла перечить тому, кто хотел помочь. Совсем не эта кобыла была источником разочарования.

«Если смерть и пребывание здесь оставили меня в виде пони, значит ли это, что бедный Карл тоже всё ещё кобыла?»

— О, и ещё одно — ты можешь помочь мне найти кое-кого? Одна... моя подруга умерла несколько месяцев назад. Я бы хотела увидеть её снова.

— Конечно! — Пеа Баттер толкнула дверь одним копытом. — Но это слишком много всего сразу. Давай делать все по частям? Сначала посетим храм, а потом мы подумаем о том, как найти тебе базу данных, где ты сможешь найти любого из своих друзей. Если у меня не получится тебе помочь, то у моего мужа точно выйдет.

— Спасибо, — ответила Оливия, неохотно следуя за земнопони. И вообще, из-за чего она так нервничает? Она уже мертва, и Карл тоже. Так что несколько минут на то, что там от неё хочет эта пони, точно не сделают все хуже.

И всё же она позволила себе надеяться.

«Она сказала, что можно изменить то, как я выгляжу. Я могла бы снова стать человеком».

Майор решила пока отложить вопросы о том, где находятся другие расы, наряду со многими другими вопросами. У неё ещё будет достаточно времени для этого.

— Я знаю, для тебя это может быть немного скучно, — сказала Пеа Баттер, словно читая мысли. — Ты беспокоишься, и я тебя понимаю. Пони, о которых ты заботилась в Эквестрии. Что ж, я тоже о них переживаю. Как и большинство из нас, вот почему мы здесь.

Они вошли в монастырь. Сразу после этого пение внезапно смолкло, не оставив и следа источника. Большая часть здания выглядела довольно примитивно, чего, собственно, Оливия и ожидала. Но там так же были листы стекла, воткнутые в пол через равные промежутки, очевидно, экраны, и ещё одна металлическая пластина, похожая на ту, через которую они сюда попали. Правда, тут кнопка была всего одна.

Затем майор подняла глаза. Под потолком парили тысячи кристаллов, каждый из которых светился чуть иным оттенком. Казалось, они изменились, когда вошли в единственный гигантский зал. Было ли это игрой воображения Оливии, или кристаллы стали её жёлто-голубого цвета вместе с персиковыми оттенками Пеа Баттер?

— Ну, сначала несколько ответов. Извини, если ты что-то из этого уже знаешь... у нас здесь много мёртвых пони, и никогда нельзя быть до конца уверенным в том, что именно они знают. Будет проще, если я просто расскажу все разом.

— Хорошо. Только при условии, что ты потом ответишь на мои вопросы.

— Ладно.

Земнопони медленно вела Оливию по устрашающе безмолвному монастырю. Ну, не совсем безмолвному. Цокот копыт громко отдавались эхом при каждом шаге, а за открытыми окнами где-то наверху, казалось, висели китайские колокольчики. Они наполняли весь зал жутким перезвоном, который странным образом отражался от листов стекла и, казалось, смещался при их движении.

— Короче, давным-давно пони жили и умирали, примерно так, как ты и ожидала. Но они решили, что как-то это все не круто, поэтому придумали какую-то магию. Как это все работает, не важно, но принципиальный момент в том, что любой пони, который связан с Гармонией, оказывается здесь, когда его тело перестаёт работать.

— Думаю, тут я разобралась и сама, — пробормотала Оливия. Даже ей было, по крайней мере, немного любопытно, как это все работает, хотя она никогда бы не призналась в этом никому из своих пони.

«Слава Богу, никого из них сейчас здесь нет. Интересно, читали ли Карл такую же лекцию?»

— Ну, можешь считать загробную жизнь самым большим королевством на свете. Время здесь работает иначе, чем снаружи — когда Дискорд сказал, что прошло всего несколько дней, на самом деле это очень долгий срок. Чем выше поднимаешься, тем больше растяжение времени, но... Я забегаю вперёд. Суть в том, что пони... и другие существа тоже, не только мы. Все, что связано с Гармонией. Так что... птички сюда не попадают, а вот коровы — да, и... теперь я снова забегаю вперёд.

Земнопони остановилась перед металлической плитой, преграждая путь, чтобы Оливия не смогла встать на неё. Не то чтоб майор стремилась это сделать.

— Это означает, что, хотя жизнь, которая у тебя только что кончилась, кажется тебе очень важной, на самом деле это не первая жизнь, которая у тебя была. Вероятно, у тебя было больше жизней, чем в Эквестрии живёт пони. Ты была той, кем и вообразить себя не можешь. Ты была самыми разными пони — хорошими, плохими, злыми... ну, наверное, плохими не так уж и часто. Но тем не менее они тоже были. Истинный смысл всего

этого в том, что ты живёшь уже очень долго. Друзья, которые были у тебя в Эквестрии, настоящие, но... ну на этом, собственно, и всё. Всё остальное, произошедшее там, не так важно, как ты думаешь.

Пеа Баттер ступила на маленькую металлическую пластину. Когда она это сделала, на стеклянных экранах, движущихся по комнате, появились тысячи изображений. На тех, которые поближе, были изображены пони — пони всех племён, одетые во всевозможную одежду. Большинство из них были кобылами, но не все. Большинство из них казались дружелюбными, но тоже не все. И формы менялись и менялись на стеклянных пластинах, парящих без опоры, которые едва можно было разглядеть — там были изображены странные существа. Студенистые штуки со вспышками внутреннего света. Смутно напоминающие животных, даже одно, которое выглядело почти как человек. Если бы у людей была прозрачная, светящаяся кожа.

— Боже всемогущий, — пробормотала Оливия, оглядывая экраны. — Сколько их тут?

Пеа Баттер проигнорировала вопрос.

— Это Храм Бесконечного Я. Он показывает тебе немного того, кем ты была... в предыдущих жизнях. Эти пони — это ты, но многие из них не та «ты», которую ты себе представляешь. Это... нелегко объяснить.

— Я понимаю. Но ты говоришь не с той, кем меня считаешь. У меня здесь нет других жизней. Это первая...

Хотя, может быть, это и не так. Уши Оливии прижались к голове, и она отступила на шаг от металлической пластины.

«А как насчёт других поколений? Было ещё два экземпляра... меня. Они тоже здесь?»

— Все так говорят. Это естественная защита от чего-то подобного. И может быть шокирующим, — Пеа Баттер сошла с плиты, и все экраны в огромном зале опустели. — Просто становись сюда и смотри. Ты не исчезнешь, или... не забудешь свои воспоминания, или что-нибудь ещё в этом роде. Это лишь картинки... и в любом случае смысл жизни не в этом.

Оливия подошла к пластине, но заходить на неё не стала.

— Это ещё почему? Пони, очевидно, не помнят, как жили в других жизнях, иначе тебе не нужно было бы повторять им все это, — майор махнула в сторону стёкол крылом. — Если ты даже не помнишь всех тех существ, которыми ты была раньше, то чем это отличается от смерти, как и везде?

— А, понимаю, — Пеа Баттер кивнула сама себе. — Это ещё один вопрос, который задают пони. Почему бы тебе не встать на пластину, и я смогу объяснить.

Оливия так и сделала. Свет заполнил комнату, отражаясь от стеклянных панелей. В ближайшей из них появилось отражение пегаски, держащей огнетушитель и рычащей от ярости.

«Это когда я спасла Лею».

Все остальные остались пустыми.

Пеа Баттер уставилась на них, в шоке переводя взгляд с одной панели на другую.

— Это просто неправильно, — пробормотала она. — Попробуй ещё раз. И на этот раз вставай туда всеми копытами.

Страх Оливии исчез. Призраки её прошлых «я» не вернутся, чтобы преследовать её. Она сделала, как было велено. Изображение изменилось — на этот раз она была в силовой броне, вокруг валялись обломки, шлем отсутствовал.

«Это когда я освободила рабов».

— Ладно, принято, — Пеа Баттер рухнула на круп. — Похоже, это ставит точку на всем остальном, что я планировала сказать.

Она повернулась к пегаске, глядя широко распахнутыми глазами.

— Кстати, откуда тебя вытащил Дискорд?

— Я не пони, — повторила майор чуть более решительно, чем раньше. — Я прибыла на Эквус как исследователь. Я не жила здесь никаких других жизней.

— Ну хорошо, — земнопони встала, резко разворачиваясь. — Думаю, про все остальное можно не говорить. Ты не крошечный кусочек большого разума, который захотел прожить ещё одну жизнь. Ты не скользила медленно туда-сюда между Дискордом и Гармонией, решая, кому из них быть верной. Хотя, раз уж ты здесь, то мне кажется, с этим тебе придётся разобраться. Мы можем вернуться к этой части чуть позже.

— Ты сказала, что ответишь на мой вопрос, — произнесла Оливия, когда они вышли из храма тем же путём, что и пришли. — Как ты можешь говорить всем, что их прошлые жизни не просто умерли? Они не помнили их, пока были живы, и не должны помнить сейчас.

— О, с этим просто, — Пеа Баттер даже не сбилась с шага. — Они не помнят их, потому что индивидуальность в единственном экземпляре — это часть того, что определяет жизнь на этом уровне. Я сама многое из этого не понимаю... но точно знаю, что часть тебя действительно помнит. Если ты сделаешь ещё несколько шагов к Гармонии... хотя если подумать, для тебя это может и не сработать... но в любом случае там ты могла бы стать всеми теми пони, которыми ты была одновременно. Или, точнее, являешься, просто одновременно...

Земнопони разочарованно хмыкнула.

— Едрить, мне очень жаль. Прости, что не могу объяснить это получше. Оливия пожала плечами.

— Как ты и сказала, для меня это не имеет значения. Я здесь новенькая. Я не какая-то... кем бы ты ни была. Я человек. И я всё ещё хочу увидеть обещанную тобой базу данных.

— А как насчёт последней части?

— Мы все находимся между Гармонией и Дискордом, — повторила майор. — Вероятно, какая-то божественная битва воле, недоступная нашему пониманию. Но тут я выбираю Дискорда, потому что блядская Гармония убила одного из моих друзей. Просто притворись, что ты рассказала мне эту часть, и двинулись дальше.

— Ладненько, — хотя убеждённой земнопони не выглядела. — Вообще-то, судя по всему, ты не поняла... но никакой спешки или чего-то в этом роде нет. Пройдёт много времени, прежде чем мы снова увидим Дискорда. Тебе может потребоваться несколько наших лет, чтобы разобраться с этим.

Пеа Баттер немного понизила голос:

— Ни единой другой жизни. Ты на самом деле... — кобыла резко замолчала. — Извини, это невежливо. Давай просто... посмотрим базу данных.

Оливия последовала за ней на платформу, и они исчезли.

* * *

Им не потребовалось много времени, чтобы закончить собираться — как раз до наступления темноты. Это было хорошо — Лаки Брейк не испытывала особого желания давить на пони, которая в любой момент могла перейти на сторону противника.

Кобылка использовала это время, чтобы восстановить связь со «Скоростью мысли».

— Нам придётся что-то сказать Пересу, — произнёс Предвестник, как только Лаки рассказала ему новости. — Он настаивает на том, чтобы я ему сказал, когда мы собираемся спасти Оливию.

— Нам придётся соврать, — ответила кобылка по-английски. — Скажи ему, что Оливия... содержится в том же месте, что и Фларри Харт, в максимально защищённой камере в подземельях Кантерлота. Ты можешь рассказать ему о нашем плане нападения изнутри.

— Очень хорошо, — голос зонда звучал не сильно убеждённо. — По вашему мнению, он попытается убить вас, когда узнает правду?

— Я... я думаю, что он слишком рационален для подобного. Если после того, как все закончится, я расскажу ему, то, наверное, он поймёт, что нам пришлось скрыть правду, чтобы сконцентрироваться на цели.

— Конечно. Я опасюсь не того, что может произойти, если мы будем тщательно контролировать все факторы. Но я не вижу лучшего варианта, поэтому подчиняюсь.

— Просто будь здесь, чтобы забрать нас до наступления темноты. Проложи обходной курс к Кристальной Империи и не приближайся к Вечнодикуму. Я бы не хотела, чтобы кто-нибудь выглянул в иллюминатор и увидел горящий замок.

— Команда принята.

Оставался лишь один вопрос, который Лаки решила отложить до момента отбытия.

За пределами замка Твайлайт уже была ночь, но достаточно светлая. Фестиваль возобновился, но веселья было ещё меньше, чем прошлой ночью. Кобылка не знала, как много в Понивилле знали о произошедшем в Замке Двух Сестёр, но они должны были слышать, как он рухнул. Может быть, жители догадывались, насколько хуже обстоят дела на самом деле.

Твайлайт помыслась и поела, хотя всё ещё выглядела находящейся на грани нервного срыва. С собой у неё ничего не было — очевидно, эту задачу делегировали Спайку. Дракончик, похоже, с трудом сумел поднять рюкзак, что был у него на плечах.

— Есть ещё кое-что, — сказала Лаки, прежде чем вышли из замка. — Кое-что важное для всех вас.

Кобылка понизила голос до шёпота.

— Мы будем в окружении многих близких друзей Оливии. Они должны быть в лучшей форме. Никто не говорит им о ней... пока мы не закончим.

— Звучит разумно, — согласилась Лайтнинг Даст.

Твайлайт просто кивнула, почти не слушая.

— Это не очень хорошая идея — лгать своим друзьям, — заметил Спайк. — Поверь мне, я пытался.

— Я знаю. Но... они очень чувствительны. Они будут убиты горем из-за потери одного из своих друзей и не смогут оказать нам необходимую помощь. Я не прошу тебя лгать, просто подожди.

— Все в порядке, — вмешалась Твайлайт Спаркл, сердито глядя на дракончика. — Мы не собираемся решать проблемы дружбы. Мы собираемся спасти Эквестрию.

— Я просто хочу сказать, что мы уже это проходили. Помнишь тот раз, когда ты пыталась заставить меня заменить Рэйнбоу Дэш как Элемент Гармонии.

— Я ещё не упомянула один момент, — сказала Лаки. — Оливия была одним из моих солдат. Она убивала пони, пытаясь добраться до Селестии. Её лучший друг, который может расстроиться, ещё один солдат, такой же опасный, как и она. Ты же не хочешь, чтобы он злился на тебя, Спайк.

— Ох, — дракончик сглотнул, отведя взгляд в сторону. — Тогда я ничего не скажу.

Они протиснулись через двери и вышли в ночь. Снаружи на фонарных столбах были развешаны цветочные гирлянды.

— Я думала, мы долетим до дирижабля, — сказала Лаки, указывая вверх. Прямо сейчас он как раз пролетал мимо города, направляясь на запад так быстро, что скоро должен был скрыться из вида. — Как думаешь, принцесса, ты сможешь догнать его?

Твайлайт Спаркл хмыкнула, левитируя что-то из рюкзака. Это был бинокль из полированной латуни. Пока она смотрела, пони начали собираться вокруг, поздравляя принцессу за спасение фестиваля. Казалось, она их даже не слышала.

— Там есть балкон, — сказала Твайлайт, всё ещё держа бинокль у глаз. — Встаньте поближе ко мне.

Лаки подчинилась, так же как и Лайтнинг Даст со Спайком. Кобылка испытала некоторое облегчение, заметив, что не только она выглядела взволнованной.

Вокруг них вспыхнул свет, достаточно яркий, чтобы на мгновение ослепить. Лаки и раньше испытывала эту ужасную, бестелесную агонию, и на этот раз она не пыталась бороться с ней.

«Как часто ты так мучаешь себя, Твайлайт?»

Сможет ли пони когда-нибудь привыкнуть к подобному?

Короткую вечность спустя они появились с треском и вспышкой, и весь дирижабль потянуло вниз. По крайней мере, на несколько секунд. Он быстро выровнялся, аккуратно приподняв нос. Спайк ухмыльнулся, положив одну лапу на поручень.

— Настоящий дирижабль! Это будет круто!

Твайлайт подошла к двери, которая упрямо оставалась закрытой. Дэд-лайт отсутствовал, лунный свет заливал всю палубу — лишь только пустые стулья.

Лаки шагнула мимо аликорна, и как только она это сделала, дверь перед ними открылась.

— Добро пожаловать на «Скорость мысли», принцесса. Мы должны прибыть на транзитную станцию завтра примерно в это же время.

Твайлайт пренебрежительно пожала одним крылом.

— Кровати у вас тут есть?

— Конечно. Я попросила Предвестника подготовить для вас мою каюту. Прошу за мной...

Твайлайт, казалось, спала на ходу — она не обратила внимания ни на освещение в коридоре, ни даже на случайного дрона, прокатившегося мимо.

В отличие от Спайка. Дракончик закричал, указывая когтем, на робота примерно с него размером, который прокатился мимо, прижимаясь к стене коридора. За собой он тащил пластиковую тележку на колёсиках — вероятно, выполнял какие-то ремонтные работы.

— Что это за монстр?

— Дрон, — объяснила Лаки, не сбавляя скорости. — Но это не монстр. Это как... оживляющее заклинание. Они помогают поддерживать дирижабль в воздухе. Такие маленькие роботы выполняют большую часть работы, так что нам не нужно много пони в команде.

— Ого, — дракончик догнал всех. — Мы можем завести дрона, Твайлайт? Бьюсь об заклад, он справился бы с уборкой намного лучше, чем я!

— Это вполне возможно, — произнёс Предвестник сзади, выйдя из одной из дверей. Теперь на нем была полная униформа, а также тёмная мантия с капюшоном, которую Лаки раньше у него не видела. Она скрывала большую часть его искусственных черт, хотя лицо всё ещё выглядело отчётливо механистическим. Это был не дрон, который пытался одеться и прикинуться человеком.

Группа остановилась — ну, кроме Лайтнинг Даст.

— Я пошла...

Лаки даже не расслышала, куда пошла пегаска, когда та скрылась в коридоре.

«Вероятно, в этом есть разумное зерно. Перес не единственный, кому мы лжём. Помнит ли Твайлайт тебя так же хорошо, как Рэйнбоу Дэш?»

Даже принцесса в её полусонном состоянии, казалось, заметила, что что-то изменилось. Спайк съёжился позади неё, но Твайлайт только медленно повернулась, глядя на Предвестника. Её глаза скользнули по его одежде, и рог на секунду слабо засветился. Лаки никак не могла понять, какое заклинание она только что сотворила.

— Приветствую, принцесса Твайлайт Спаркл, — синт склонился перед ней в поклоне, достаточно глубоком, чтобы на мгновение оказаться ниже уровня её головы. — Для меня большая честь видеть вас на борту.

Твайлайт заметно напряглась.

— Я не знаю, заслуживаю ли я этого титула после сегодняшнего дня, кем бы ты ни был.

Предвестник выпрямился.

— Заслуживать или нет — это мелочь, Твайлайт Спаркл. Либо вы используете титул и власть, которые вам даны, во благо, либо вам это не удаётся. Я верю, что в сотрудничестве с вами у нас все получится.

— Кто ты такой? — спросил Спайк, всё ещё не отводя взгляд от синта. — Ты такой высокий... как дракон.

— Может быть, молодой, — синт усмехнулся, или достаточно хорошо имитировал этот звук. — Меня зовут Предвестник. Я пилот этого судна.

— Это не то, что я имел в виду! — голос Спайка звучал слегка разочарованно. — Я имею в виду, что ты...

— Хватит, — оборвала его Твайлайт, накрывая дракончика крылом. — Мы приносим извинения, Предвестник. Спайк... всё ещё учится дипломатическому обращению.

— Все в порядке, — ответил синт. Он протянул руку, достаточно далеко, чтобы пальцы высунулись из-под мантии и Спайк мог их видеть. — Я такой же дрон, как тот, которого ты видел, дракон Спайк. Я — конструктор, предназначенный для выполнения определённой функции. Судя по вашему присутствию, Лаки удалось уговорить вас освободить нас от Гармонии.

— Я не знаю, сможем ли мы, — ответила принцесса, её настороженность немного спала. — Принцесса Селестия, похоже, так не думает. Судя по её словам... попытка может уничтожить Эквестрию.

— Этого не случится, — вмешалась Лаки, прежде чем Твайлайт смогла продолжить рассуждения. — Потому что мы добьёмся успеха. Эквестрия будет в безопасности.

Слова звучали неискренне в её устах. Желание, чтобы это было правдой, не означало, что так оно и будет.

Предвестник издал звук, похожий на то, как кто-то прочищает горло, хотя, конечно, на самом деле он не мог этого сделать.

— Хочу заметить, что вам всем нужен отдых. Пожалуйста, воспользуйтесь этой возможностью, чтобы восстановить силы. У меня есть медицинские препараты, которые помогут вам уснуть, если вы хотите. До тех пор, пока все не завершится, другой возможности поспать может не представиться.

G7.01: Первый залп

По целому ряду моментов база данных оказалась чрезвычайно похожа на Храм Бесконечного Я. Они появились в каком-то изолированном месте, когда вокруг никого не было. В данном случае они находились в центре огромного, отдалённо напоминающего арабский, города, с песками пустыни вдалеке и постоянным ветром. Перед ними громоздилась библиотека из кремового камня с книгами, свитками и прочими вместилищами древней мудрости, сваленными в кучу выше, чем Оливия могла рассмотреть.

К счастью, она умела летать, хотя их маршрут, по-видимому, этого не требовал.

— Где все? — спросила Оливия, когда они направились к терминалу, спрятанному в одном из уголков библиотеки.

— Тот тип пони, которые часто посещают подобные места, не задерживается на этом уровне надолго, — задумчиво ответила Пеа Баттер. — Хотя, похоже, тебя эта часть не сильно заботит.

— В этой... вселенной должны быть кучи пони. Я не знаю, где мы находимся... но их должны быть толпы, верно? Они же должны где-то быть?

— Они и есть, — земнопони махнула копытом в сторону. — Они вознеслись выше. Большая часть населения пошла этим путём. Я не знаю, сколько из них прошли весь путь до Гармонии... но тут это тоже можно спросить.

— Нет, все в порядке, — Оливия замедлила шаг и остановилась, когда они достигли чего-то, похожего на клавиатуру. Казалось, что подобное устройство прекрасно вписалось бы в любую земную библиотеку — экраны окружали место, где должен был стоять пользователь и, возможно, пара приятелей, давая им достаточно места для просмотра интересующих данных. — Гармония находится наверху, верно? Она враг, поэтому мы хотим отправиться вниз.

— Мы и так вниз. Пони, живущие снаружи на Эквусе, — это дно. Мы прямо над ними.

Пеа Баттер встала на металлическую пластину, вокруг сразу же загорелись маленькие символы. Их свечение распространилось на экраны, залив их однородно-белым. В остальном все осталось безмолвно, как и город снаружи.

«Жутковато».

Оливия задумалась, сколько же таких древних мест, как это, тут существовало, удивительных мест, которые она с удовольствием посетила бы на Земле с приятелями, а теперь пустых и собирающих пыль.

«Как ни крути, где мы находимся? Может быть, внутри кольца? Является ли тот склон просто изгибом кольца?»

Над этим вопросом Мартин и Карл могли бы поломать головы, но майору он был не сильно интересен. Было самоочевидно, что она каким-то образом всё ещё жива. Все остальное было вторично.

— Кажется, я понимаю, — Оливия посмотрела на экран. — Путь вверх ведёт к Гармонии. То есть, если я пойду вверх по склону... она найдёт меня и убьёт.

— Нет, — в голосе земной пони проскользнула лёгкая нотка раздражения. — Для тебя подобный путь был бы очень медленным. Поскольку ты не открываешь себя заново, то тебе пришлось бы расти по-настоящему. Я не знаю, сколько времени это может занять.

Пеа Баттер задумчиво посмотрела вверх.

— Интересно, сколько времени вообще прошло.

— Давай пока об этом забудем, — Оливия села на пол позади земнопони. — Я ищу дипломата по имени Карл Нолан. Она была пегасом примерно... на несколько лет старше меня, точно такой же расцветки.

— Ещё одно странное имя, — пробормотала Пеа Баттер, хотя в её тоне прозвучало в основном любопытство. — Какая у неё была метка?

— Никакая, — не задумываясь, ответила Оливия. — Я была второй из моей группы, кто вообще её получил, после Лаки. Я не знаю, получил их кто-нибудь ещё, после того как я их покинула.

Земная пони перестала печатать. На экранах мелькали изображения тысяч пони, о каждом из которых была короткая заметка и изображение метки позади них. В конце концов все замерло на пони, которая выглядела точь-в-точь как Карл. За исключением метки.

— Ого, повезло так повезло. Обычно метка позволяет серьёзно сузить область поиска. А иначе тебе просто выдаёт какого-нибудь пони из прошлого... — кобыла замолчала. — Подожди минутку. Я её знаю. Ты уверена, что это та пони, которую ты ищешь? Потому что она не самая дружелюбная пони в округе. Сторонница теорий заговора.

— Звучит точь-в-точь как она, — Оливия указала на экран. — База может сказать где она? Давай с ней встретимся! Соберём снова всю команду. Столько, сколько сможем.

Майор могла только надеяться, что больше никто к ним тут не присоединится, учитывая, в каком случае это происходит. Может быть, хотя бы с одним учёным они смогут придумать, что делать дальше. Карл казалась той, кто могла даже здесь придумать что-нибудь продуктивное.

— Полагаю, что может произойти все что угодно, если в этом замешан Дискорд, — Пеа Баттер нажала ещё одну кнопку, и из клавиатуры появился маленький листок бумаги, будто напечатанный на принтере. Земнопони передала его Оливии. — Вот адрес. Хочешь ещё кого-нибудь поискать, пока мы здесь? Сменить тело на твоё старое?

— А, точно.

Поиски Нолан были настолько важны, что все остальное отступило на второй план. Но искушение снова стать человеком было велико.

— Подожди. Ты даже не знаешь, что такое человек, — Оливия нахмурилась, задумчиво ковыряя копытом пол. — Хотя... Наверное, пока я не буду ничего менять. Это положило бы конец маскировке.

— Маскировке? — хихикнула Пеа Баттер. — Ты сейчас говоришь как маленькая кобылка. От кого мы прячемся, Оливия?

Майор вздёрнула бровь.

— Э-э... от Гармонии, естественно. Ты тоже воюешь с ней. Разве мы не должны попытаться скрыть то, что мы задумали?

Земнопони просто рассмеялась.

— Прятаться от... — несколько долгих секунд кобыла была неспособна подавить своё веселье. — Нет, Оливия. Мы не можем спрятаться от Гармонии. Гармония управляет системой. Гравитация, удерживающая твои копыта на земле, ветер в гриве, свет, который ты видишь. Гармония создала их. Одна из её... подсистем? Нам пришлось бы подняться значительно выше, чтобы я могла все это хорошо объяснить. И как только пони поднимаются... вряд ли они повернут назад. Так что лучше просто поверь мне на слово. Мы выступаем против того, что делает Гармония, и мы верим в то, чего хочет добиться Дискорд. Мы не согласны с ней, вот и все. Это не значит, что мы воюем или сражаемся с Гармонией. Это значит, что мы считаем, что есть и другой вариант. Мы хотим доказать Гармонии, что наше решение лучше. Мы не должны относиться к ней враждебно.

— Не должны... — Оливия замолчала. — Да, верно.

Она хотела указать, насколько глупо и по-детски это прозвучало.

«Вы, пони, вероятно, победили бы давным-давно, если бы не ограничивались „дружественными“ действиями. Вы правда думаете, что Гармония делает то же самое?»

— Ну, тогда, может быть, я хочу спрятаться от её агентов. У Гармонии ведь есть агенты... внизу?

— Принцессы, — ответила Пеа Баттер. — И пони, работающие на них. Многие пони продолжают работать на них даже после возвращения сюда. Через много-много раз, когда пони снова и снова узнают правду, они меняют своё мнение о Гармонии, но не всегда.

— Ну, прямо сейчас я менять ничего не буду. Но получить информацию не отказалась бы, — Оливия снова кивнула в сторону клавиатуры. — Надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь научить меня, как все это работает.

— Когда-нибудь, — согласилась земнопони. — Кто-нибудь. И, скорее всего, не я, моя задача просто провести ознакомительный тур для новоприбывших. А вот мой муж мог бы. Просто улыбайся ему и говори так, как будто ты в беде. Этого должно хватить.

Оливия рассмеялась. День шёл что надо.

— Ещё раз дай описание, — сказала земнопони. — Как, ты говоришь, ты выглядела? Ну, в смысле, раньше, а не сейчас?

— Две ноги, две руки. Голая кожа, волосы в основном на голове и практически полностью отсутствуют где-то ещё. Не так много цветов, в основном просто возьми розовый и варьируй его до чёрного, с несколькими незначительными вариациями в середине. Никаких меток, кроме тех, которые мы делаем себе с помощью татуировок. Ни крыльев, ни рогов, ни копыт. Вместо этого ступни.

Майор продолжала в том же духе ещё некоторое время, наблюдая, как расплывчатые силуэты на экранах постепенно приобретают детализацию. Силуэты не столько менялись, сколько удалялись те, что не подходили, в конечном итоге на экране остался лишь один вариант.

— Вот так? Это... единственное доступное совпадение, но так глубоко внизу оно недоступно. Тут написано... как минимум три уровня сложности... что для тебя ничего не значит.

Оливия уставилась на фигуру, которую уже видела раньше. Она видела подобное существо в течение нескольких секунд, когда Пеа Баттер была в Храме.

Оно было похоже на то, чем мог бы стать человек после многих-многих лет эволюции. Нежная кожа вокруг лица и шеи, которая периодически становилась прозрачной, чтобы показать разноцветные, подвижные мембраны под ней, как у осьминога или хамелеона. Отсутствие ногтей, большие глаза, более крупный череп, более хрупкое телосложение с более тонкими костями. Тем не менее глаза, смотревшие на них с дисплея, выглядели поразительно человеческими. Просто не того размера.

— Кроме того, у них есть метки. Но, похоже, они... видны только в... Я не знаю, что означают эти слова, — земнопони нажала несколько клавиш, и экран, казалось, размылся, и только прозрачные части кожи ярко светились, меняя сложные узоры так быстро, что Оливия могла поклясться, что это какая-то форма общения.

— Ты уверена, что это все? Мне надо что-то вроде этого, но... более похоже на твой цвет и менее... бледное и прозрачное?

— Ничего, — повторила Пеа Баттер. — Ну, ничего из доступного.

Пони покосилась на экран, который Оливия всё ещё не могла прочитать.

«Как я могу понять, что она говорит, но не могу прочесть то же самое, когда оно написано?»

— База говорит, что в историческом разделе есть больше информации, но доступ туда ограничен первым уровнем комплексности. Даже получение одного уровня может оказаться долгим путешествием... так что, вероятно, не стоит. Возможно, мы не сможем вернуться вовремя для выполнения плана Дискорда, — земнопони вздохнула, сошла с металлической пластины и оглянулась на Оливию. — Я не стану рисковать пропустить остальную часть моей семьи, если все пойдёт плохо.

— Спасибо тебе за то, что ты мне так помогла. Я не знаю, как часто ты делаешь это для... пони... но я даже не знаю, как бы я справилась, если бы меня просто выкинули в город. Я... — майор покачала головой. — Я хочу быть полезна своим друзьям, которые всё ещё живы. Думаю, ты можешь это понять.

— Ага, думаю, могу, — казалось, земнопони расслабилась после всех странных образов, которые они видели. — Давай посмотрим, как найти твою подругу. Посмотрим, как у неё дела с тех пор, как она умерла.

* * *

Лаки Брейк зашла в общий зал дирижабля несколько часов спустя и была немного удивлена, обнаружив там принцессу Эквестрии. Казалось, отдых ей пошёл на пользу — Твайлайт больше не выглядела так, словно готова была упасть в обморок. В ней проглядывала жёсткость, которой раньше не было.

«Мне жаль, что приходится подвергать тебя этому».

Если бы только Оливия не сбегала ещё пару дней. Тогда они могли бы вытащить её, забрать на дирижабль... Конечно, майор не стала бы пытаться переделать план, который уже был в процессе выполнения, верно?

«С другой стороны, присоединилась бы Твайлайт к нам, если бы не видела, как Селестия убила Оливию?»

Принцесса была не одна. Рядом с ней сидел Дэдлайт и что неожиданно — Перес, а Предвестник небрежно прислонился к стене неподалёку. Спайк в другом конце комнаты увлечённо играл в пинг-понг с Могилой. Вроде как дракончик выигрывал.

Лаки прошла по комнате, миновав несколько простых белых пластиковых стульев и зону для приготовления пищи. В оформлении всего тут было мало элегантности — все, что касалось «Скорости мысли», было либо сделано как можно быстрее, либо снято с «Пилигрима». Судя по пакетам с едой, которую все ели, её забрали как раз оттуда.

— Это все? Драконы поняли, что могли бы захватить Эквестрию, но Эмбер остановила их? Если они так сильно хотели вторгнуться, почему они просто не проигнорировали её приказы? Или убили её и передали титул кому-то другому?

Лаки обнаружила, что Перес всё ещё говорит по-английски, а Твайлайт Спаркл на эквестрийском.

«Как они понимают друг друга?»

Твайлайт пожала плечами.

— В этом драконы похожи на грифонов — у них есть правила, и они строго им следуют. Эмбер была Лордом Драконов, так что, если она не хотела вторжения, его и не произошло. Пока мы остаёмся с ней в хороших отношениях, Эквестрия будет в безопасности. Она, вероятно, переживёт это.

— Шикарно, — Перес поставил между ними тёмную бутылку. Твайлайт Спаркл подняла её магией и сама сделала большой глоток. Судя по едкому запаху, Лаки предположила, что они нашли что-то из личных запасов Оливии. — Меня поражает, что они просто не сожрали тебя. Если бы они поняли, насколько ты уязвима...

— Мы не представляли угрозы, — ответила Твайлайт, ставя бутылку. — Я прочла все о поведении драконов. Напасть на нас на глазах у остальных было бы признанием того, что они считают нас опасными, а это продемонстрировало бы слабость перед другими. Только дракон, у которого и так была репутация слабака, мог осмелиться напасть. Я рискнула, предположив, что со слабым драконом мы справимся, если придётся.

— Черт, — Перес, казалось, наконец заметил Лаки. — А, наш страшный лидер вернулся. Я просто решил перекинуться парой слов с принцессой о её прошлых битвах. Я думал, ты взяла с собой какую-то слабосильную рита в качестве балласта. Но нет... Очевидно, эта пони всегда впереди. Не сидит в тылу, позволяя маленьким парням умирать за неё.

Эти слова задели Твайлайт, и она тут же снова подняла бутылку, отводя взгляд от лейтенанта.

«Сколько алкоголя может выпить аликорн?»

Лучше не спрашивать.

— Я пытался предупредить его, — заметил Дэдлайт слегка самодовольным тоном. — Репутация Твайлайт говорит сама за себя. У нас не могло быть лучших шансов.

Принцесса со вздохом поставила бутылку на стол, где та с глухим стуком упала набок.

— Я думала о том, чтобы пригласить своих подруг. Но учитывая, что я работаю против Эквестрии... не хочу, чтобы они тоже оказались за решёткой.

— У нас будут неприятности, только если мы ошибаемся, — произнёс фестрал, толкнув принцессу кожистым крылом. — Другие аликорны ведь не станут злиться, если мы и правда добьёмся успеха, так? Освободить всех от Гармонии... да это как окно в мир пробить!

— Круто, — отстранённо ответила Твайлайт. — Надеюсь, это окно в моей камере и разместят. Или, может быть, в магическом детском саду, после того как Селестия заберёт мой рог.

— Не думаю, что сейчас стоит думать об этом... — пробормотала Лаки, хотя и не оставила Твайлайт достаточно времени на ответ. — Остался всего час до транзитной станции. Я подумала, что у тебя могут возникнуть некоторые вопросы, прежде чем мы спустимся туда.

— Один, — принцесса выпрямилась. Несмотря на пустую бутылку перед ней и запах изо рта, она не выглядела сильно пьяной. Как, собственно, и Перес, благодаря улучшенному бионосителю. — Мы приедем из Транзита в место, контролирующее Гармонию. Что потом? Что мы будем делать, когда доберёмся туда?

— Я...

В комнате воцарилась тишина. Во всяком случае, не считая стука шарика для пинг-понга на другом конце помещения.

«Я не могу показать слабость. Я знаю, о чём говорю!»

В любом случае Лаки должна была заставить всех думать, что это так.

— Мы должны найти способ отключить её. У Гармонии есть система обнаружения угроз... та, которая до сих пор ограничивала Эквестрию, та, которая заставляла Гармонию уничтожать другие цивилизации. Мы найдём её, и нам, вероятно, понадобится полномочия аликорна, чтобы щёлкнуть выключателем. Если бы Дискорд был тут, он, вероятно, мог бы объяснить все лучше. Он единственный, кто во всем этом разбирается.

— Дискорд, — повторила Твайлайт, нахмурившись ещё сильнее. — Это он убедил вас во всем? Он... дал вам этот дирижабль и...

— Нет, — ответила не Лаки, а Дэдлайт. — Они построили все это сами. И Лаки узнала все сама, когда отправилась в руины. Не думаю, что хоть кто-то доверился бы Дискорду в настолько важном вопросе, даже после того, как он «исправился». Он и правда исправился, принцесса?

— И не единожды, — голос принцессы снова звучал отстранённо. — Флаттершай должны благодарить за это больше, чем кого-либо ещё. Если бы она с ним не дружила...

Твайлайт вздохнула, опуская голову на стол.

— Если он помогал вам раньше, не думаю, что на него сейчас стоит рассчитывать. После... твоей встречи с моей племянницей... его тоже заперли в кантерлотском замке.

— Надеюсь, мы сможем спасти и его тоже, — пробормотала Лаки. Было трудно находиться рядом с Твайлайт и не заразиться от неё мрачным настроением. Наверное, лучше уйти — сохранить достаточно оптимизма, чтобы вести миссию вперёд.

«Это так просто — сесть на поезд, щёлкнуть выключателем, а затем освободить Фларри Харт по дороге наружу. Большая часть стражей должна быть на поверхности, так что нам не придётся много сражаться. Все закончится ещё до того, как Селестия поймёт, что мы делаем».

Предвестник все это время стоял в стороне и молчал, пока Лаки была тут, но теперь он напрягся, отлипнув от стены, как будто ожидая, что в помещение вот-вот ворвутся незваные гости.

— Внимание! — голос шёл не только со стороны синта, но и от стен и потолка. Тем не менее казалось, что он обращается непосредственно к Лаки. — Внимание, судно атаковано. Отправляйтесь на свои места для эвакуации. Это не учебная тревога.

Как только прозвучала эта фраза, свет вокруг них сменился с ярко-белого на ровный рассеянный красный, отчего все вокруг стало выглядеть залитым кровью. Затем дирижабль начало трясти.

* * *

Первое, что услышала Мелоди, была боль.

До сих пор она и не подозревала, что у боли есть звук. Как оказалось, этот звук был скрежещущим, ревущим внутри её ушей, отдаваясь барабанным боем в такт биению сердца. Она застонала, и этот звук тоже причинил боль.

Но остальная часть тела пегаски, казалось, была в куда лучшей форме — Мелоди рывком села. Глаза открылись нормально, и она не удивилась, увидев, что находится в медицинском крыле.

С десятка медицинских дронов толпились вокруг неё. Большинство из них были обнажены, если не считать медицинских инструментов, но ближайший к ней был одет в лабораторный халат, накинутый на пластиковые плечи. У дронов не было ртов, которые могли бы открываться и закрываться при воспроизведении речи, но Мелоди видела, как дрон в халате немного шевельнулся, и услышала что-то отдалённое. Как будто слушаешь что-то через пару перегоревших динамиков.

Пегаска указала на свои уши одним копытом.

— Н-не могу... вообще не могу...

Дрон кивнул, протягивая руку, чтобы принять экран у ещё одного дрона, после чего одним движением руки повернул экран к Мелоди. На белом фоне возник текст:

Взрыв повредил ваши барабанные перепонки. Вы были без сознания, пока я проводил хирургическую замену. Однако может пройти некоторое время, прежде чем слух восстановится. Я введу обезболивающее.

Мелоди почувствовала, как странная прохлада окатила её голову — она подозревала, что причина этого непосредственно кроется в вышеупомянутых обезболивающих. Современные препараты можно было принимать в значительных дозах, и это не влияло на когнитивные функции, так что сознание не поплыло.

— Что с... Мартин... — спросила пегаска, не столько слыша свой голос, сколько чувствуя его. Это казалось неправильным — лёгкого шевеления головы было недостаточно, чтобы правильно структурировать слова. Наверное, это прозвучало глупо.

«Я веду себя глупо с тех пор, как очнулась на Санктуарии».

Мертва.

Или деструктивно перемещена. Я не могу полностью исключить последний вариант, учитывая произошедшее в старой оружейной. Но первый кажется более вероятным. Там было достаточно тканей для анализа.

Достаточно тканей... пони, которая взорвалась всего в нескольких метрах от неё.

Через пару минут Мелоди перестало рвать и она, наконец, снова села. Она была без одежды, хотя последнее время вся она состояла из перчатки с когтями и, возможно, сумки с вычислительным терминалом. Пегаска не носила одежду на базе, после того как Дэдлайт предложил ей этого не делать.

— Боже... это ужасно... — наконец прохрипела она пересохшим горлом.

Она всё ещё чувствовала некоторый дискомфорт — что-то в её мозгу всё ещё понимало, что ей должно быть больно. Но чем дальше, тем больше, казалось, возвращался слух. Её сердцебиение, отдававшееся в ушах, по-прежнему было самым громким звуком, но к нему присоединилось дыхание и звук сервоприводов дрона.

— Что, чёрт возьми, произошло?

Магия. Насколько я могу судить. Взрыв, казалось, произошёл внутри тела Мартин. Результаты сканирования, проведённого непосредственно перед... событием... позволяют предположить, что источником мог являться небольшой участок мозга, отсутствующий у всех других видов, насколько я понимаю. Не хочу вас пугать, но в вашем мозгу этот участок тоже присутствует, как и у всех остальных членов экипажа.

— Срань господня, — Мелоди рухнула на койку. — Ты хочешь сказать, что у всех нас в мозгу бомба, а ты и не знал?

Дрон в халате доктора, казалось, говорил в такт словам, появляющимся на экране, поэтому Мелоди представила, что может слышать его речь.

Похоже на то. Я не могу определить, каким образом это произошло. Ткани в этой области вашего мозга не отличаются от остальных тканей вашего тела. Там нет растворённых летучих веществ или существенных запасов энергии. Сила, необходимая для детонации, которую мы наблюдали, никак не могла быть произведена в теле Мартин. Моя рабочая теория заключается в том, что эта уникальная область мозга каким-то образом стала целью атаки, а не её источником.

— Ты предполагаешь... — Мелоди слабо застонала. — Это значит, что ты не знаешь.

Подтверждаю. Я не обнаружил никаких радиосигналов или какого-нибудь необычного излучения. Но, учитывая то, что случилось в оружейной, кажется допустимым, что нечто подобное могло случиться и с доктором Фарадей. Возможно, вам будет полезно надеяться, что её переместили, а не уничтожили.

— Не думаю, что тут можно выбрать лучший вариант, Предвестник. Либо один из моих друзей мёртв, либо одного из моих друзей допрашивают, и она, вероятно, раскроет местонахождение Отара.

Подтверждаю. Я уже эвакуировал всех остальных членов экипажа на "Циклоп", включая тех, кого Оливия спасла из рабства.

— Это не поможет, если они могут просто взорвать нам мозги.

Хотя кое-что ещё в том, что только что сказал зонд, показалось странным. Неужели её просто бросили? Вероятно, из-за операции. Дроны на борту «Циклопа» не смогли бы заменить пару лопнувших барабанных перепонок, если предположить, что так и произошло.

«Но какая мне польза от слуха, если я умру?»

Нет... Но, похоже, произошедшее было напрямую связано с попыткой Мартин извлечь знания из записанных воспоминаний, которые доставила Лаки. Разумно будет предположить, что если бы подобная атака была возможна, то вы и все остальные члены экипажа тоже были бы мертвы. Учитывая, что ни вы, ни кто-либо из членов основного отряда не стали целью, даже несмотря на то, что они в данный момент подвергаются атаке со стороны эквестрийцев, это предположение кажется наиболее вероятным.

— Ох, — Мелоди посмотрела на капельницу, воткнутую в ногу. — Думаю, ты должен вытащить это, чтобы я могла... пойти и присоединиться к Лее на «Циклопе».

Предвестник долгое время ничего не говорил и даже не шевельнулся, чтобы помочь ей убрать капельницу.

В этом нет необходимости, Мелоди. Вы не будете эвакуированы, ваша миссия слишком важна, чтобы его можно было отложить, несмотря на опасность. Мне жаль, что это подвергает риску существование вашего органического сегмента, но вы согласились на риск, когда вступили в Общество первопроходцев. Я сделал выбор между вами с Леей, основываясь на избыточном наборе навыков. И не только это, у Леи есть идентификационный знак, а у вас он отсутствует.

«Избыточный набор навыков».

Это была не просто вселенная, пассивно сообщающая Мелоди, что она бесполезна. Теперь Предвестник сказал ей об этом в глаза. Замечательно.

Перес, вероятно, уже сейчас начал бы ругаться на восстание машин, но Мелоди была более практична. Она была создана с определённой целью, и эта цель состояла в том, чтобы выполнить миссию. Все остальное, что она делала, даже... отношения с Дэдлайтом, были не более чем бонусами.

— Что за миссия? — спросила пегаска, мотнув головой. Как будто она могла таким образом разобраться с давлением на уши. Может, там жидкость скапливается? Жест всё равно не сработал.

Я перевёл части сообщения, которые были выжжены на полу и стенах перед... транспортировкой доктора Фарадей.

Экран в руках дрона заполнился изображением сложных взаимосвязанных символов. Мелоди не могла читать на этом языке — насколько она знала, Лаки была единственной, кто мог.

— Я не могу это прочесть, — сказала она, хотя Предвестник и так, должно быть, это знал.

Эти надписи можно интерпретировать как ошибку доступа. Системе не удалось согласовать личность доктора Фарадей с воспоминаниями, содержащимися в записи. Исходя из этого, предполагаю, что наш метод доступа к данным отличается от штатного, иначе предполагаемого получателя, вероятно, постигла бы та же участь. Как бы то ни было, у меня есть веские основания полагать, что с вами подобного не произойдёт.

— Это ещё почему?

Мелоди с трудом подавила желание вскочить и рвануть из палаты, вырвав капельницу и пытаясь сбежать. Общество первопроходцев и правда проводило кучу тестов, чтобы проверить, что она психически способна справляться с риском. Но чего оно не требовало от своих членов, так это выполнения самоубийственных миссий. Да, их можно было заменить, и они были расходным материалом. Но они также были людьми, и разумно было ожидать, что кто-то кроме сумасшедших добровольно пойдёт на такое.

— Я не буду сотрудничать, если ты ожидаешь, что я убью себя ради тебя, Предвестник. Может быть, несколько месяцев назад я бы согласилась, но не сейчас.

Дрона, казалось, нисколько не тронуло сказанное.

Я сделал определённые выводы... у нас недостаточно времени, чтобы описать все в подробностях. Но, основываясь на информации, полученной от Лаки Брейк, Дэдлайта и собственных наблюдениях за Эквестрией, я считаю, что система Санктуария использует метки в качестве идентификаторов. Они не являются неизменными, но они являются глубоко личными, и, по-видимому, их невозможно скопировать. Однако у молодых пони ещё нет меток, и вместо этого они получают их в процессе полового созревания.

Мелоди было трудно сосредоточиться на том, что говорил ей Предвестник. С таким же успехом во время разговора он мог бы целиться ей в голову из пистолета. Но она всё равно пыталась слушать.

Дело не только в этом. Биологическая зрелость тела пони напрямую связана с этими метками. Существование взрослого представителя любого из видов пони невозможно при отсутствии метки. Регулирующие механизмы препятствуют взрослению до тех пор, пока это необходимо. Вот почему Лаки Брейк была создана в столь юном возрасте, моё прежнее "я" дало ей более чем достаточно времени, чтобы достичь того же возраста, что и вам или любому другому члену экипажа, но она так и не повзрослела.

— Я не понимаю, какое это имеет отношение ко мне, — спросила Мелоди. — Разве этот... разве этот эксперимент не может подождать? Разве ты не говорил, что основная команда подверглась нападению?

Это правда. Но моё внимание можно делить по разным задачам, а мои возможности действовать в их конфликте ограничены. Наш разговор не слишком меня отвлекает.

— Ну... — пегаска пыталась придумать хоть что-то, что могло бы отсрочить то, чего хотел зонд. Эксперимент, который мог просто взорвать ей голову. — Я взрослая, и у меня нет метки. Значит, что-то в твоей теории ошибочно.

После длительного анализа генома я обнаружил подавляющий белок, тот самый, который вырабатывается, как только пони получает свою метку. Именно этот белок позволяет пони стареть.

Мелоди разинула рот. Даже несмотря на её страх, весомости последней фразы было достаточно, чтобы поразить.

— Подожди... что? Ты... имеешь в виду...

Да. Все виды пони не стареют естественным образом. Или... если быть более точным, повреждения их тел не накапливаются с течением времени. Я подтвердил это с помощью доктора Борн, используя наблюдения за образцами тканей, как полученных от туземцев, так и в собственных экспериментах. Подобной чертой не обладают ни образцы животных, которые мы получили, ни растения. Я не уверен, применимо ли это к разумным расам, не относящимся к пони. Тем не менее, похоже, что каждый пони обладает скрытым биологическим бессмертием.

Предвестник сделал паузу, как бы желая, чтобы тяжесть его заявления легла на плечи Мелоди. Если он сделал это, чтобы отвлечь её от мыслей об эксперименте, то у него вышло. Биологическое бессмертие не было для неё чем-то неизведанным и лишь теоретической концепцией — в этой области было проведено множество исследований ещё до того, как она покинула Землю, хотя в то время продление жизни было больше сосредоточено на увеличении продолжительности жизни пожилых людей.

Не было ничего невозможного в том, чтобы другой вид решил эту головоломку. Настоящим сюрпризом было то, что...

— Какого хрена им создавать себя так, чтобы стареть и умирать? Я знаю, что есть пожилые пони, они страдают от возрастных изменений, подобных тем, что происходят с людьми и всеми другими видами, о которых мы знаем.

Это могло бы объяснить что-то ещё, если бы она только могла понять, как это связать. Аликорны должны были быть бессмертными.

Я не уверен. Похоже, это наводит на мысль, что фундаментальная цель жизни на Санктуарии - это не то, чего мы ожидаем от органиков, которые рационально желают максимально продолжительной жизни. Эта часть всё равно не имеет к вам отношения.

— Да-да, — раздражённо ответила Мелоди. — Ты мог бы... если ты нашёл способ воспроизвести старящий белок, то, вероятно, сможешь и подавить его, верно? Разработай инъекцию для пони, чтобы они перестали стареть...

Да, естественно. А для некоторых инъекция не нужна. У вас, например, нет метки, и поэтому вы фактически остаётесь в том же возрасте, в котором были, когда были созданы. Но это не предмет нашего разговора.

Он снова постучал по экрану пластиковым пальцем.

Я полагаю, что Санктуарий уничтожил доктора Фарадей, потому что у неё был идентификатор. Вот почему я не могу использовать Лею, у неё тоже есть идентификатор. У вас, однако, он отсутствует. В худшем случае я предполагаю, что система присвоит вам идентификатор. В лучшем случае... ваш незарегистрированный статус может позволить нам обойти некоторые протоколы безопасности.

— В худшем случае мой гребаный мозг взорвётся, — проворчала Мелоди. — Что такого важного в этих воспоминаниях?

Двери медицинского крыла открылись, и внутрь вкатилось несколько дронов. Они толкали странное оборудование, с большим количеством металла и вентиляторов.

У Лаки была информация, предполагающая, что местные, которых она там видела, также были врагами Гармонии. Вполне возможно, что наблюдение за их неудачей укажет нам, как мы могли бы добиться успеха.

— Я...

Взгляните на это с такой стороны, Мелоди. Лаки Брейк обнаружила труп аликорна в тех руинах. Общество, из которого она происходила, или, по крайней мере, она сама, хорошо знало о функции Санктуария. Это знание не предотвратило их уничтожения. У нас меньше информации, чем было у них. Если мы хотим получить лучший результат, мы должны узнать то, что знали они.

Дроны остановились вокруг койки Мелоди. Оборудование, которое они толкали, местами всё ещё было покрыто пластиковой плёнкой.

«Остальное, вероятно, взорвалось».

У меня достаточно информации, чтобы предположить, что шансы на ваше выживание выше, чем у остальных. Поэтому у меня есть полномочия заставить вас участвовать в эксперименте. Но я не верю, что мы сможем извлечь эту информацию без вашего сотрудничества. Я бы предпочёл вашу добровольную помощь.

Способ зонда сказать ей, что она не сможет отказаться. У него есть вся власть, чтобы заковать её в кандалы и заставить.

«Ты была бесполезна с тех пор, как была создана. Все, что ты сделала, это спасла одного туземца, а потом трахнула его. Что хорошего это кому-нибудь принесло?»

Был и инстинкт, спрятанный глубже. Инстинкт самосохранения, чего бы ни стоило. Чтобы защитить то, что она создала, если сможет.

— Если я сделаю это... Если я добровольно помогу, если я сделаю все, что в моих силах, чтобы извлечь ценную информацию из этих воспоминаний — я хочу от тебя гарантий того, что моя миссия будет завершена. После этого я стану свободным гражданином, как Лаки. Гарантии, что ты защитишь меня и моего ребёнка. Если мы выживем.

Предвестник некоторое время молчал, очевидно, обдумывая услышанное.

От имени Общества первопроходцев ваша просьба удовлетворена.

Пегаска перевернулась на живот.

— Тогда... давай покончим с этим.

Дроны принялись за работу.

Лаки Брейк чувствовала себя окаменевшей. Её конечности пытались пошевелиться, но она внезапно почувствовала себя такой слабой, такой беспомощной. Неужели её миссия действительно закончится именно так? Пони будут стрелять по их кораблю, даже зная, что у них на борту принцесса?

«Тебе что, на всех плевать, Селестия? Что, если она моя пленница? Ты не знаешь, что она стала предательницей!»

Голос Переса первым прорвался сквозь хаос.

— Абубакар, Уильямс, к зенитным орудиям! Могила, со мной. Мы сопроводим гражданских к эвакуационному кораблю.

Двое, отсалютовав, поспешили прочь.

— Остальные со мной. Мы были готовы к нападению. Надеюсь, мы все сможем поместиться в джампере.

Спайк поспешил подойти к ним, оставаясь поближе к Твайлайт, хотя и не касался её. Они обменялись многозначительным взглядом, прежде чем принцесса прочистила горло.

— Судно атаковано... кем именно?

— В прошлый раз это было плазменное оружие, — сказала Лаки. — У нас было предупреждение меньше чем за минуту. Половина её уже прошла... нет ни шанса, что мы успеем эвакуироваться вовремя. Может, Твайлайт сможет телепортировать нас.

— Это не то же самое оружие, — вмешался синт, прежде чем Твайлайт смогла ответить. — Это военное формирование пони. Полдесятка дирижаблей, несколько похожих по классу на «Скорость мысли». По моим подсчётам, по меньшей мере две тысячи пегасов. Они, кажется, пришли...

— Это Силы обороны Кристальной Империи, — сообщила Твайлайт, прежде чем Предвестник смог закончить. — Я боялась, что это может случиться. Мы следим за всеми воздушными кораблями, которые пролетают через Эквестрию. Над Понивиллем их было совсем мало... Думаю, они нашли тот, на котором я, должно быть, улетела.

— Кто-нибудь из вас меня слышал? — заорал Перес, перекрикивая шум. — Я сказал, что мы валим отсюда нахер! Командовать можно и из эвакуационного корабля.

— Звучит как хорошая идея, — признала Лаки. — Все следуйте за Пересом.

Она повторила инструкцию на эквестрийском для удобства их гостей, всё ещё не уверенная точно, что Твайлайт и Спайк могли понять, а что нет. Они поспешили по коридорам, принцесса с Лаки замыкали шествие.

— Как нам заставить их перестать преследовать нас? — спросила кобылка.

Твайлайт пожала плечами.

— Ваш дирижабль называется «Скорость мысли». Даже наши самые быстрые клипсеры не должны быть в состоянии угнаться за ним.

— Название скорее многообещающее, чем буквальное, — сказал Предвестник, идущий впереди. — Я построил его менее чем за три дня, используя части другого воздушного корабля. И большей частью все создавалось для защиты от неизвестного плазменного оружия.

Они вошли в ту часть корабля, где Лаки раньше не была — это был ангар, спрятанный внутри оболочки с подъёмным газом, будь это настоящий дирижабль. Газа тут, очевидно, не было, или, по крайней мере, кобылка ничего такого не видела. В ангаре было несколько вездеходов со смонтированными на крышах инструментами или оружием, а также единственный оставшийся джампер. Они все втиснулись внутрь, включая Предвестника. Корабль уже был забит ящиками с припасами, так что сидений для всех не хватило.

«Значит, мы не сможем сбежать отсюда на крейсерской скорости. Но с другой стороны, чтобы обогнать пегасов, сильно гнать не понадобится».

— Как вы думаете, принцесса Твайлайт, эти пони знают о местонахождении транзитной станции? — спросил синт. — Я хочу знать, является ли попытка уклонения от маршрута полезной или нет.

— Сложный вопрос, — ей и Спайку было выделено по месту, хотя садиться они не стали. — Селестия знает, и, похоже, она не хотела делиться этой информацией с другими пони. Я обнаружила координаты самостоятельно. Но она должна знать, куда вы направляетесь. Если мы ускользнём от преследования, она пошлёт за нами Силы обороны. Если только я не полечу туда и не прикажу им остановиться.

— Будут ли они подчиняться тебе, а не Селестии?

Перес ловко открыл один из пластиковых ящиков. Внутри был экзоскелет, аккуратно сложенный в транспортное положение. Он пинком выкинул пустой ящик в ангар, освободив немного места, пока цеплял на себя оборудование. Могила делал то же самое, хотя это заняло у него в два с лишним раза больше времени. Очевидно, он не практиковался в подобном в отличие от лейтенанта.

— Что, если она приказала им не брать пленных?

— Этого не может...

Твайлайт резко замолчала, её глаза распахнулись. Вероятно, она собиралась объяснить, что принцесса никогда бы не сделала ничего подобного. Она искоса посмотрела на Лаки, прижав уши к голове.

— Стражи, вероятно... не очень-то обрадовались бы такому приказу, — сказала Твайлайт вместо этого. — Если я отдам им новый приказ, то уверена, что они с большей радостью последуют именно ему.

— Забавная субординация, — заметил Могила, всё ещё пытаясь достать части экзоскелета из контейнера. Но в его тоне не было вопроса, только удивление.

— Мы не можем отправить тебя обратно, — сказала Лаки. — Даже если ты сможешь убедить их оставить нас в покое, ты нам нужна. Для работы систем Транзит Эквус Зеро Виолет Зеро требуется аликорн. Без тебя мы не сможем использовать их, чтобы добраться до Кантерлота. Мы не можем отключить Гармонию.

Принцесса Твайлайт выглядела отчаявшейся.

— Я бы хотела, чтобы Рэйнбоу Дэш была здесь. Она знает как справиться с подобным. Стражи её любят.

Лайтнинг Даст напряглась на своём сиденье — единственная, кто застегнула ремни. Казалось, ни Твайлайт, ни Спайк этого не заметили. Они также не заметили, что краска на шерсти пегаски теперь была гораздо бледнее.

— Корабли догоняют нас, — сообщил Предвестник, в голосе звучал лишь намёк на разочарование. — Абубакар и Уильямс, вероятно, могли бы нейтрализовать их всех, но это привело бы к большим потерям. Я ещё не разрешал им открывать огонь.

— Какого хрена ты ждёшь? — крикнул Перес, оборачиваясь и свирепо глядя на синта. — Действуй! Дай им повод свалить!

Глаза Твайлайт распахнулись.

— М-мой... мой брат — один из генералов Сил обороны, Предвестник. Он может быть на борту одного из этих кораблей.

Лаки встала между Твайлайт и Пересом, прежде чем тот успел сказать какую-нибудь глупость.

— Предвестник, что, если мы сможем повредить один из их дирижаблей? Сможешь ли ты причинить им достаточно урона, чтобы посадить его, никого не убив?

Последовала долгая пауза.

— Я не могу дать никаких гарантий, Лаки. Но мы можем подорвать зенитную ракету над дирижаблями. В результате взрыва, скорее всего, будут повреждены газовые баллоны. Но дирижабли куда прочнее, чем многие предполагают — утечка может занять несколько часов, прежде чем тот приземлится, — синт поднял руку, прежде чем кобылка успела отдать приказ. — На таком расстоянии я не могу быть уверен, что сверху воздушные корабли не сопровождают пони. Любой, кто будет рядом с разрывом, скорее всего, получит серьёзные травмы.

Лаки легко могла понять по выражению его лица, что зонд имел в виду нечто большее, но не стал озвучивать при гостях. Кобылка повернулась к аликорну.

— Принцесса Твайлайт, ты же знаешь, мы не хотим никому навредить. Но если за нами будет следовать армия, мы не сможем их остановить.

Твайлайт Спаркл отвела взгляд.

— Прошлой ночью я отправила пони на смерть. Я думала, что делаю это по... правильным причинам. Похоже, вы тоже.

— Они стреляют в нас! — сообщил Предвестник, прежде чем снаружи донёлся отдалённый рёв. Пушки, похожие на древние морские орудия. Очевидно, пони знали, что делали, потому что от второго выстрела весь корабль задрожал.

— Одно попадание, шесть промахов, — проинформировал синт. — Пока серьёзных повреждений нет.

Ещё одна серия взрывов, на этот раз менее точно рассчитанных по времени. Снова все затряслось.

— Ты должна что-то сделать! — крикнул Перес, его голос был достаточно громким, чтобы перекричать взрывы. — Предвестник может спасти нас, губернатор! Ты собираешься позволить своей нерешительностью уничтожить всю жизнь на Санктуарии?

Этого было достаточно.

— Действуй, Предвестник. Сбей корабли. Постарайся ранить как можно меньше пони.

Джампер не был развлекательным кораблём с десятками экранов то тут, то там. Однако у него был проектор, который мог нацеливаться на потолок пассажирского салона и отображать тактическую информацию. Предвестник включил его, когда начал вести ответный огонь, и Лаки впервые хорошо рассмотрела преследующий их флот.

Она сразу поняла, почему синт не показал им их раньше — эти корабли были такими большими, такими мощными, что кобылка почувствовала, как её начинает трясти. Пони использовали воздушные корабли легче воздуха, и это означало чрезвычайно огромные газовые баллоны, пропорциональные нагрузке, которую они несли. Лаки считала «Скорость мысли» гигантской, но, судя по маленьким пятнышкам, летающим вокруг этих воздушных кораблей, она была раза в три меньше кораблей Эквестрии.

Раздался ещё один рёв, и весь мир вокруг затрясся. Изображение на несколько секунд сменилось помехами. Первым заговорил Предвестник.

— Мы начинаем терять подъёмный газ.

— Я думал, ты сделал эту хренову штуку достаточно прочной! — Перес топнул копытом по палубе. — Дай мне один перехватчик, и я уничтожу весь этот флот.

— К сожалению, я сосредоточил свои усилия на защите от неизвестного плазменного оружия, — сообщил синт. — Магнитных полей недостаточно, чтобы остановить железные пушечные ядра.

Снаружи возникла яркая вспышка, когда первая из ракет достигла своей цели, взорвавшись над и позади дирижаблей пони. Лаки поморщилась, отводя взгляд — она знала, что пони будут гибнуть с каждым взрывом. Но вместо радостных возгласов, раздалось ещё больше ругани Переса.

Поэтому кобылка посмотрела на экран как раз вовремя, чтобы увидеть яркий пурпурный барьер, рассеивающийся над дирижаблями. Он исчез как раз вовремя, чтобы сквозь него пролетело ещё несколько пушечных ядер.

— Хватит миндальничать, Предвестник! — взревел лейтенант. — Я не знаю, что это за защита, но у нас должен быть способ пробить её.

— Что это было? — спросила Лаки, обращаясь к Твайлайт. На изображении ещё несколько ракет взорвались над флотом пони, снова на несколько секунд высветив щит, не причинив никакого вреда.

— Э-это... — голос принцессы был хриплым, едва слышным в хаосе происходящего вокруг них. В глаза Лаки она не смотрела. — Это мой брат, Шайнинг Армор. Он очень хорош в защитных заклинаниях. Однажды он в одиночку несколько дней сдерживал вторжение.

Перес, казалось, этого не услышал, хотя Лаки почувствовала, как у неё сердце замерло. Без сомнения, Предвестник использовал слабые ряды — пытаться не убить было намного сложнее, чем просто сбить преследователей.

«Мы должны использовать достаточно мощную атаку, чтобы пробить щит, но не настолько, чтобы поубивать всех внутри».

И если они потерпят неудачу, они убьют брата Твайлайт прямо у неё на глазах.

«Мы не можем потерять её!»

Почти всё на транзитной станции требовало аликорна для работы. Сможет ли Лаки вообще доставить их к центру управления без принцессы, которая отдала бы приказ поезду?

— Твайлайт, мы можем пробить щит?

Принцесса наблюдала за проекцией, когда более мощный взрыв потряс корабли позади них. Пегасы, летевшие рядом, переместились за корабли или приземлились на палубы. Это было хорошо, хотя, похоже, ответный огонь щиту не смог повредить.

— Да... рано или поздно. Просто продолжайте стрелять. В конце концов, чейнджлинги прорвались.

Раздался ещё один взрыв — на этот раз ближе. Лаки застонала, когда весь мир дёрнулся в сторону, и по всему дирижаблю зазвучали сигналы тревоги. Они начали медленно наклоняться назад, и ровный гул пропеллеров сменился недовольным металлическим скрежетом.

— Это был двигатель, — отчитался синт. — И все именно так плохо, как кажется.

— Лаки!

Крик Переса заглушил сигналы тревоги, жеребец внезапно оказался у неё прямо перед носом. Он больше не выглядел расстроенным — выражение его лица снова стало холодным.

— Колониальный губернатор, вы позволите нам защитить нашу колонию или нет? — он быстрым взмахом копыта обвёл помещение. — Мы умрём, если вы не дадите нам открыть ответный огонь как положено. Петарды, которыми мы стреляли, и стекла бы не разбили.

Лаки задрожала, оглядывая происходящее.

«Я не хочу быть такой, как Оливия».

Что ещё она могла сделать? Что хорошего произойдёт с Эквестрией, если Селестия их всех убьёт?

— Предвестник, — кобылка выпрямилась в кресле, — снимай все ограничения. Спаси этот корабль.

«Скорость мысли» заметно пошатнулась, когда в них прилетел ещё один залп — хотя у пони были только примитивные пушки, они, казалось, знали, как из них стрелять. Они больше не промахивались, хотя, возможно, Лаки просто так казалось.

Раздался рокочущий звук, от которого содрогнулся пол, на котором они все стояли. Казалось, он исходил отовсюду, быстро смещаясь по спектру. Затем все затихло, и проекция вспыхнула.

На долю секунды показалось, что горизонтальная молния соединила их корабль с флотом. Сам воздух, казалось, раскалывался, светясь ярко-оранжевым. Щит был пробит, разлетевшись на странно плотные осколки, похожие на фиолетовое стекло. Они падали от места попадания, откуда разбегались трещины, и откалывались все большие и большие куски.

Рядом с кораблями было несколько бесполезных вспышек энергии, как будто тот, кто создал щит, пытался восстановить его, но безуспешно. Защиита пропала. Вскоре после этого последовал небольшой взрыв — одна из крошечных зенитных ракет, которые использовались ранее. Она пробила газовый баллон головного корабля, который сразу начал крениться. Медленно и вяло, теперь двигаясь не только вперёд, но и вниз.

— Зенитные снаряды на борту закончились, — доложил Предвестник. — Заряжаю главное орудие. Восемь секунд.

Звук раздался снова, эхом разносясь по всему кораблю. Лаки даже предстать себе не могла, что это было за оружие — уж точно ничего такого не существовало, когда она покинула Землю. Может быть, какой-нибудь лазер? Но тогда почему он так громко работает? Кобылка слушала, как оно заряжается, и знала, что оно пробьёт навывлет все эквестрийские корабли, которые будут стоять на одной линии, вероятно, даже не замедлившись. Там все умрут.

— Стойте! — голос принцессы Твайлайт прорвался сквозь шум. До следующего залпа много времени не потребуется.

Вражеские канониры не стали ждать. «Скорость мысли» снова содрогнулась, и что-то прогрохотало над ними. По крайней мере, одно из ядер пробило борт корабля.

Твайлайт закричала, и перед ними возникли две пони. На долю секунды они зависли, как будто продолжали сидеть в удобных креслах. Затем они упали, морозный пар поднимался от их тел и они непонимающе моргали. Абубакар и Уильямс.

«Я сомневаюсь, что это они стреляли из орудия».

Должно быть, восемь секунд уже прошли, но залпа не было. Предвестник, казалось, решил прислушаться к Твайлайт.

— Я не позволю вам убить моего брата! Мне всё равно... Мне всё равно, насколько плохой принцессой это делает меня. Если вы снова выстрелите — пони погибнут.

— Здесь не о чём разговаривать, принцесса, — буркнул Перес, бросаясь к своим подчинённым. Они казались ничуть не пострадавшими. Одновременно с этим рядом с джампером что-то хрустнуло, и колёсный вездеход заскользил боком по палубе, прежде чем пробить борт корабля. Снаружи лился яркий солнечный свет. — Здесь в любом случае кто-то погибнет, и это будем не мы!

Рог Твайлайт снова сверкнул, и звуки битвы замолкли. Лаки уже испытывала этот эффект раньше, а теперь и увидела. Пони застыли, даже Предвестник со всей его вычислительной мощью. Твайлайт Спаркл поднялась со своего места, расстёгивая ремни. Кроме неё двигался только Спайк. Он потянулся к ремням безопасности, но принцесса положила копыто на его лапу, останавливая его.

— Ч-что ты делаешь, Твайлайт?

Принцесса проигнорировала вопрос дракончика.

— Лаки Брейк, ты их предводитель, верно?

Кобылка кивнула.

— Тогда вот мой план. Я не предлагаю — я тебя просто информирую.

— Ладно.

Лаки вздрогнула, глядя на светящийся рог принцессы. Твайлайт Спаркл замедлила всю «Скорость мысли», которая едва не разваливалась на куски. Что ещё более важно, она могла телепортировать предметы. И здесь находились все члены экипажа, удобно собранные в кучу. Было ли все это... предательством?

— Ты сдаёшь нас, чтобы спасти своего брата?

— Нет! — Твайлайт топнула копытом с такой силой, что в полу, где она стояла, образовалась вмятина. — Я сама сдаюсь. Предвестник сказал, что эта штука быстрая, так?

Принцесса даже не стала дожидаться кивка Лаки.

— Я постараюсь сделать так, будто я уничтожила этот корабль и сбегала. В смысле, большой дирижабль. Я нанесу столько урона, что они, возможно, даже не попытаются искать ваши тела.

— Тогда помоги мне выбраться, Твайлайт! — крикнул Спайк, в его голосе нарастала паника. — Я должен пойти с тобой!

— Нет, — принцесса подошла к дракончику ближе, понизив голос. Казалось, она говорила не для Лаки, но та всё равно все слышала. — Ты знаешь больше о том, как я стала аликорном, чем кто-либо другой. Ты провёл все эти годы в качестве моего помощника — теперь тебе нужно будет помочь ей. Ты должен спасти Эквестрию. Без меня.

В голове кобылки щёлкнуло. Лаки опустила взгляд на пол джампера.

— Ты собираешься... телепортировать нас прочь. Поближе к транзитной станции — слишком далеко, чтобы они могли увидеть.

Сначала Твайлайт не ответила. Спайк прошептал что-то на ухо принцессе, в его голосе звучали отчаяние и страх, как у ребёнка. Но он перестал пытаться высвободиться.

— Тебе придётся идти без меня, — в конце концов сказала Твайлайт, разворачиваясь. Теперь она выглядела заметно напряжённой — и Лаки могла себе представить почему.

«Как они это делают? Это не может быть настоящей магией!»

— Не думаю, что мы справимся без аликорна, — заметила Лаки, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно. — Может быть, поезд и довезёт нас... в Кантерлоте будет не так опасно, как на транзитной станции... но отключить Гармонию? Для этого аликорн точно понадобится.

Твайлайт пожала плечами.

— Тогда спаси мою племянницу. Или создай аликорна.

Последовала ещё одна ослепительная вспышка, и внезапно Лаки начала падать. Хотя на самом деле падал весь джампер. Кобылка инстинктивно расправила крылья, но остальным повезло меньше.

Прозвучал отдалённый взрыв — гораздо громче, чем любой во время битвы. Но Лаки не успела полюбопытствовать — проектор погас.

Менее чем через секунду создалось ощущение, что корабль под ними движется, постепенно замедляясь. Пол мягко поднялся навстречу, хотя Могила врезался в ящики с припасами, и двое других солдат рухнули на пол.

— Я не имею ни малейшего понятия, что только что произошло, — сказал Предвестник, помогая Уильямсу подняться и сесть на одно из сидений. — Но мы менее чем в километре от входа в структуры кольца, а «Скорость мысли»...

Проектор снова заработал как раз вовремя, чтобы они увидели вдалеке огромный огненный шар, медленно опускающийся к земле. На такой скорости было трудно сказать определённо, но казалось, что корабли Эквестрии остановились.

— Твайлайт... — пробормотал Спайк, с тоской глядя на пустое сидение. — Она... бросила меня.

— Чтобы спасти мир, — ответила Лаки Брейк уверенным голосом.

Она отстегнулась, встав на ноги. Они летели не особо быстро — определённо, далеко не на той скорости, которую мог развить джампер. Тем более двигаясь он на крейсерской скорости, то ему потребовалось бы несколько километров, чтобы просто затормозить.

— У принцессы был альтернативный план, — Лаки говорила достаточно уверенно, чтобы все замолчали и посмотрели на неё, даже Перес. — Она сама пошла задерживать погоню... обставив все так, будто она убила нас. Нам не понадобится её помощь, когда мы доберёмся до транзитной станции.

Дэдлайт заговорил первым, что немного удивило кобылку, учитывая, что она говорила по-английски.

— Ты говорила, что Фларри Харт уже открыла дверь, верно, Лаки? Пока принцесса Селестия лично не явится, чтобы запретить её, у нас все должно быть хорошо. Мы найдём способ обойтись без принцессы.

Кобылка не была уверена, что можно быть настолько оптимистичной, но спорить не стала. В любом случае у них больше не было выбора.

«Отключить сверхчеловеческий разум без аликорна, ради вербовки которой мы так рисковали. Насколько это может быть трудно?»

* * *

Оливия сошла с транспортной пластины, чувствуя себя на удивление хорошо, учитывая все, что она узнала. Жара обрушилась на неё почти в тот же миг, как она появилась, сухой красный песок шелестел под копытами, когда она вошла в крошечный городок Старого Запада.

Она напряглась, увидев насколько знакомым он выглядит. Хотя она никогда не бывала в подобном месте в этой жизни, но видела записи прошлой версии себя. Или, во всяком случае, некоторые из них. Что бы ни сделало это прошлое «я», кончилось там все плохо. Предвестник не хотел, чтобы она знала подробности.

Но Оливия увидела достаточно. Из того, что произошло дальше, можно было предположить, что дело дошло до насилия. Кроме того, майор доверяла зонду. Она всегда доверяла Предвестнику, за исключением того раза, когда он пытался убить одну из её команд.

Здесь были пони, одетые в соответствии с обстановкой. Все три племени присутствовали примерно в равных пропорциях с различными метками, хотя и близкие по возрасту. Большинство из них были в самом расцвете сил. Некоторые выглядели старше, но жеребят не было.

— Ты когда-нибудь была здесь? — спросила Оливия свою спутницу, стараясь говорить тише. Пока она говорила, мимо них, медленно подпрыгивая, пронеслось перекати-поле.

— Я была везде, — ответила Пеа Баттер. — Но не сильно долго. У моей семьи есть кое-какие связи с Додж-Джанкшен, пять или шесть поколений назад. Однако ни один из них так глубоко внизу не остался. Большинство из них ушли, чтобы быть с остальными членами семьи.

Кобыла тяжело вздохнула.

— Но та, кого ты ищешь, живёт вон там.

Земнопони указала вниз по переулку.

— Под каким именем, ты говорила, она тут живёт?

Прежде чем Пеа Баттер успела ответить, рядом с ними остановился жеребец в нелепой шляпе и с подковой на метке.

— Ну и дела, Морнинг Дроп! Не думал, что ты сегодня выберешься в город. И с чего ты вдруг передумала... — глаза жеребца распахнулись, и он сделал шаг назад, откашлявшись. — Простите, мисс. Вы выглядите точь-в-точь как пони, которую я знаю. Но вижу, что у вас другая метка и возраст не подходит. Приношу свои извинения.

Оливия пожала одним плечом.

— Без проблем.

Однако в глубине души она чувствовала, как растёт беспокойство. Почему Карл так быстро отуземилась? Разве её не волнует их миссия? Затем майор вспомнила ещё кое-что, о чём упоминала Пеа Баттер, и снова расслабилась. Время здесь двигалось с другой скоростью.

«Я должна добраться до неё. Если кто-то и может придумать способ отправить сообщение нашим друзьям, так это один из моих учёных».

Им придётся постараться, чтобы сохранить им жизнь.

Пока они шли, Оливия обдумывала то, что узнала до настоящего момента — все это было, конечно, странным, и её не сильно заботило, что все это подразумевало. Но почему-то майор знала, что с её учёными все будет иначе. Предвестник, вероятно, сможет из сказанного Пеа Баттер сделать целую кучу разных умозаключений, если только она сможет с ними связаться.

Оливии, конечно, было немного любопытно, как мог существовать мир мёртвых. Она была бы готова принять то, что она тут видела, за рай, если бы ей так сказали.

Но земнопони ничего такого не утверждала. Ни она, ни Дискорд не сказали ничего, что можно было бы считать сверхъестественным. Они говорили о загробной жизни и прошлых жизнях так, как люди дома разговаривали об автомобилях.

«Карл, вероятно, уже все продумала. Она живёт здесь уже целую вечность».

— Когда ты говорила... — пробормотала Оливия, когда убедилась, что никого из жителей города рядом нет, чтобы подслушать их. — Когда ты говорила, что время здесь течёт по-другому, то насколько по-другому? Если бы у меня был друг, который умер, предположим, два месяца назад...

Пеа Баттер нахмурилась.

— Если она не в колонии, я была бы удивлена, что она всё ещё здесь спустя столь долгий срок. Даже пони, у которых много родственников и друзей. Слишком заманчивы вещи, что Гармония обещает наверху. Она может пообещать вернуть тебя сюда, когда, например, твои друзья тоже умрут. Вот только... когда это наконец произойдёт, ты уже так сильно изменишься, что, скорее всего, не захочешь возвращаться.

Лицо земнопони исказилось от гнева.

— Гармония врёт, но не так как это делают другие пони. Она использует правду, чтобы манипулировать тобой. Самая худшая ложь на свете.

— Ну, она всё ещё здесь, — заметила Оливия. — Так сколько уже?

Пеа Баттер обдумала этот вопрос.

— Трудно сказать наверняка. Некоторые пони находят способ спасть всю жизнь, но я так и не научилась этому трюку. Когда есть чем заняться, кажется, что один день снаружи равен примерно году.

Кобыла замедлила шаг, глядя вверх по склону.

— Этим всем занимается Гармония — Дискорд не может нам помочь. Она использует все доступные средства, чтобы манипулировать нами. Даже время.

Бесконечный склон отсюда тоже был виден, точно так же, как и везде, где они бывали. И всё же отсюда он казался страшно далёким, как будто облака пыли не позволяли разглядеть что-то кроме самых общих очертаний. Оливия обнаружила, что даже забыла о нем, чего не получилось бы сделать в других местах.

Пеа Баттер вывела её за город, вдоль железной дороги к одинокому дому, окружённому огороженным пастбищем. Коровы паслись небольшими кучками, хотя майор понятия не имела, для чего они нужны пони, придерживавшихся в основном вегетарианской диеты.

— Ты говорила, что животные сюда не попадают, когда они умирают, верно? — спросила Оливия для поддержания разговора, пока они преодолевали несколько километров до дома. Земля была достаточно плоской, чтобы видеть его даже издали, а больше тут ничего и не было.

Майор могла бы пролететь это расстояние за пару минут, но это было бы невежливо. Карл была мертва и могла подождать ещё немного.

— Пони возражают, — ответила Пеа Баттер, немного более расслабленно. Как будто вопрос Оливии возвращал её на знакомую территорию. — Видишь ли, у многих пони были домашние животные. Мысль о том, что они, возможно, умирают навсегда, разбивает сердце. Самая популярная теория заключается в том, что Гармония забирает и их тоже, но они не могут набирать комплексность так же как и мы, так почему бы не использовать одних и тех же снова и снова? И есть пони, которые утверждают, что всю жизнь были кроликами, скунсами или ещё кем-то. Так что, возможно, все так.

— А если нет?

Земнопони пожала плечами.

— Тогда они в водах реки Лост, текущей в пустоте. Никто не знает, куда она течёт. Возможно, что вообще никуда.

Было удивительно, насколько по-человечески иногда рассуждали эти пони. Эта кобыла проделала весь этот путь, кто знает, сколько миллиардов миль, только для того, чтобы слушать, как ей задают одни и те же вопросы.

Впервые Оливия Фишер обнаружила, что испытывает благодарность к своему старому человеческому «я», умершему давным-давно.

«Спасибо тебе, Оливия. Я надеюсь, ты повеселилась на те дополнительные кредиты».

Какую бы обиду она ни испытывала, майор решила оставить её позади на пустынной дороге, направляясь на поиски мёртвого друга.

— Последний шанс повернуть назад, — заметила земнопони, когда они приблизились к зданию. Это был очаровательный маленький домик в стиле старого ранчо, с красной черепицей на крыше и большой металлической цистерной на чердаке. Единственная линия электропередачи шла рядом с рельсами, и в конечном счёте к дому тоже.

— Я собираюсь увидеть её, — настаивала Оливия, хотя больше не могла сдерживать гнев. — Уверена, что ей было тяжело с тех пор, как она умерла — я не знаю, что происходит с людьми в вашей странной загробной жизни. Но я была создана, чтобы защищать своих. Я буду делать это и здесь.

Земнопони резко остановила Оливию, её хватка была такой сильной, что пегаску чуть не подняло в воздух. Кобыла понизила голос до резкого шёпота.

— Ладно, новичок. Может быть, ты та, кого она ждала все это время, я не знаю. Но ты должна знать, что Морнинг Дью немного... сбрендил, с тех пор как умерла. Последние несколько раз, когда я тут была, она лишь орала, бредила, умоляя меня предупредить Дискорда о монстрах в Эквестрии. Мне неприятно сообщать тебе плохие новости, но не думаю, что это пони, которую ты ищешь. Я не проводила ей экскурсию... но уверена, что она самая обычная. Обычная старая метка, ни слова от Гармонии или Дискорда в ответ на то, о чём она орала, потом она просто успокаивалась, чтобы дождаться свою семью, как и все остальные.

Семья?

«Может быть, это был её способ дождаться нас, не давая пони знать, как все обстоит на самом деле».

С другой стороны, а разве Карл была из тех, кто пытался прятаться? Дипломат очень хотела лично познакомиться с эквестрийцами. Однажды она Оливию так задолбала своими идеями о заключении договора, что кобылка чуть не расплакалась, — как скромно она изложит их просьбу, как интересно было бы учиться у пони лично.

Неужели она действительно так сильно изменилась за все это время, что переехала в крошечный домик посреди пыльной глуши, чтобы разводить коров?

Двери дома с грохотом распахнулись, хотя они всё ещё стояли снаружи, и появилась его единственная жительница.

Пегаска действительно была похожа на Карл, за исключением того, что её грива была заплетена во что-то сложное, лишь частично скрытое широкой соломенной шляпой. У неё действительно была метка.

— Пеа Баттер, не думала, что увижу тебя снова, — кобыла на мгновение отвела взгляд, уставившись на Оливию. В этом взгляде было что-то неприятно пронизывающее. — Ты... привела мою близняшку? Я и не знала, что она у меня есть.

Оливия шагнула вперёд, прежде чем земнопони успела что-нибудь сказать.

— Доктор Карл Нолан, это я! Оливия Фишер. Разве вы не помните?

Пони дёрнулась, её глаза расширились.

— Это... странные имена, — пробормотала она. — Я не знаю никого, кто бы так говорил. Монстры, наверное.

— Видишь, о чём я говорила? — прошептала Пеа Баттер за спиной. — Она не твоя подруга. Почему бы нам не вернуться... обратно на ферму? Мой муж, вероятно, приготовит ужин к тому времени, как мы придем.

Но Оливия просто её проигнорировала — по крайней мере, пока. Она не могла после всего сделанного пути просто уйти без полной уверенности.

Самым быстрым способом было бы просто заговорить по-английски и проверить реакцию — но, насколько майор могла судить, она и так говорила по-английски с тех пор, как попала сюда, как и все остальные.

«Никакой Вавилонской башни в раю не строили», — предположила она.

— Доктор Карл Нолан, вы пилотировали джампер, когда Селестия уничтожила его. Вы пытались составить вариант договора между нами и Эквестрией для того момента, когда мы вступим с ними в контакт. Вы хотели открыть школу для пони, чтобы они могли отправлять туда своих детей, разве вы не помните? Я Оливия... Наверное, я вела себя как сволочь по отношению к вам. И к Дэдлайту... и много к кому ещё. Но теперь мы обе мертвы, так что думаю, сейчас самое подходящее время загладить свою вину. Если это возможно.

К сожалению, все сказанное не оказало положительного влияния на пони, с которой она разговаривала. Крылья пегаски расправились, и вокруг неё, казалось, поднялся небольшой вихрь. Небо потемнело, вокруг закружилась пыль.

— Где ты узнала эти слова? Почему ты похожа на меня? Тебя послали монстры? Меня будет не так легко убить, как в прошлый раз!

Вообще не проблеска понимания.

«Это должна быть она! Она должна быть здесь!»

Карл была той, кто заслужила быть здесь с пони после смерти. Но Пеа Баттер ведь её не обманывала? Они провели поиск, так что... либо Гармония лгала, либо Карл не хотела, чтобы её нашли, либо... это была не она.

— Эй, веди себя помягче с Оливией, — вмешалась земнопони, подходя ближе и по-родительски прикасаясь к ней, делая один шаг между кобылкой и разъярённой пегаской. — Она просто умерла не так давно. Всё ещё сильно сбита с толку, судя по тому, что я видела...

— Только что умерла, — Морнинг Дью немного расслабилась, и ветер, кружащий вокруг неё, стал затихать. Но она всё ещё смотрела на Оливию с подозрением. — Ты уверена, что она пони, Пеа?

— Абсолютно, — в голосе земнопони не было ни следа того, что она лжёт. — Мы только что были в Храме — уверена, ты слышала о нем. Не видели там ничего, что не было бы пони.

Глядя на неё, было удивительно, насколько Оливия похожа на эту пони. Все было таким же — тон шерсти, маленькие светло-жёлтые пятна возле копыт, блеск гривы, глаза...

Она — образец. Все стало на свои места. Этот маленький городок, у чёрта на куличках. Пони, выбравшая жить где-то точно так же, как она жила в прошлой жизни. В прошлой жизни, которую один из исследователей Общества первопроходцев оборвал по научным причинам, которых Оливия не понимала.

«Это не Карл. Это Морнинг Дью. Оригинал».

— Я сражалась со многими монстрами, когда была жива, — ответила Оливия, игнорируя влагу, которую чувствовала собирающейся в глазах. Прошло много времени с тех пор, как она вообще плакала.

— Ох, — пегаска посмотрела вниз. — Ты выучила кое-что из их языка, да? Ты когда-нибудь убивала кого-нибудь возле Додж-Джанкшн? Во имя Селестии, надеюсь кто-нибудь это сделал... иначе они всё ещё там, охотятся на пони. Приходят посреди ночи, их невозможно остановить, невозможно сбежать...

Оливия не отвечала. Несколько секунд она просто слушала истерику пони, игнорируя неоднократные жесты Пеа Баттер, что им следует уйти.

— Я не всех убивала, — наконец произнесла майор. — Иногда я встречала монстра, который сожалел о том, что она сделала. Я уверена, та, кто убила тебя, не хотела этого.

— Тогда почему? — потребовала ответа Морнинг Дью. — Почему они напали на мою семью?

Земнопони только смотрела между ними, слишком сбита с толку, чтобы продолжать отталкивать Оливию. И, может быть, слегка заинтересованная.

— Вероятно, потому, что она хотела защитить свою семью. Но я не знаю. Та, кто причинила тебе боль, уже давно мертва. Она не сможет снова навредить твоей семье.

Оливия не знала, как маленькая пони так быстро оказалась рядом с ней. Это была не атака — да даже если и так, то какой в этом тут смысл? Вместо этого пегаска обняла её, заливая слезами.

Оливия обнаружила, что тоже плачет. Оплакивая битвы, в которых она участвовала, и которые теперь закончились. Оплакивая членов команды, которые заслуживали быть здесь больше, чем она. Плакала от невозможности помочь тем, кто всё ещё был жив и недосыгаем.

Предвестник был вне досягаемости, и единственная надежда на помощь кончилась пшиком.

Оливия была одна.

* * *

Джампер приземлился на полированную металлическую поверхность дна шахты так же деликатно, как любое маленькое насекомое. Несмотря на все повреждения «Скорости мысли», перевозившей его, скоростной аппарат, похоже, почти не пострадал. Лаки была первой, кто вышел на поверхность, усеянную кусками льда, упавшими с того места, где они пробились внутрь.

Перес занимался пострадавшими — все в его отряде хоть немного пострадали во время полёта сюда, либо из-за собственной неопытности в обращении с оборудованием, либо просто из-за невезения, пока летели не пристёгнутые ремнями безопасности. Как бы то ни было, Лайтнинг Даст и Дэдлайт первыми последовали за ней, осматривая руины широко распахнутыми глазами.

Что ж, Дэдлайт выглядел впечатлённым. Даст бывала здесь раньше, так что новостью увиденное для неё не стало. Она даже помнила, где находится туннель, ведущий из шахты.

— Наших запасов хватит на месяц, — сообщил Предвестник, стоящий позади них. — Если мы потерпим неудачу с отправкой к центру управления, к тому времени как они подойдут к концу, я смогу придумать какой-нибудь способ по-тихому отсюда скрыться.

— Похоже, ты не сильно расстроен потерей своего дирижабля, — пробормотал Дэдлайт. — Сколько битов испарилось в том огненном шаре?

— Не имеет значения. Моя команда жива, все остальное второстепенно. Мы или найдём какое-то решение в этих руинах, или найдём способ перегруппироваться и попробовать снова. Решение существует. Единственная трудность заключается в том, чтобы найти его.

Лаки Брейк махнула крылом в сторону джампера.

— Давайте посмотрим, сколько наших пони могут двигаться. Мы организуем смены и...

Пол под её копытами начал дрожать, звук был таким низким, что она почти не слышала его. Уши пони не были приспособлены для подобного, но он всё равно ощущался телом. Весь мир начал поворачиваться, медленно сдвигаясь в сторону.

— Вот блядь, все на выход! — крикнула кобылка так громко, как только могла. — Предвестник, уводи корабль подальше...

— Нет! — Лаки почувствовала, как что-то обхватило её за грудь, и весь мир закружился. Синт швырнул её в пустой дверной проем джампера, как раз когда тот начал взлетать, громко ревя двигателями. Лайтнинг Даст и Дэдлайт были закинута вслед за ней, и джампер рванул вперёд к стене. Предвестник висел снаружи, вцепившись в дверной проем, преграждая путь на случай, если кто-нибудь упадёт в его сторону.

Пол начал слабо светиться оранжевым, и кобылка почувствовала, как в воздухе разливается тепло. Как быстро будет повышаться температура? Как быстро мы тут зажаримся?

— Все, кто может двигаться, приготовьтесь выпрыгнуть из корабля и бежать так быстро, как только сможете! — раздался голос синта в динамиках. — Джампер не спасти. Не пытайтесь брать с собой припасы!

Секунду спустя они врезались в стену, слишком сильно, чтобы подобное можно было бы счесть комфортным, а затем замерли примерно в метре над землёй. Лайтнинг Даст с Дэдлайтом выскочили первыми, за ними последовали Могилы и Перес, ковыляющие в экзоскелетах. Лаки последовала за ними несколько мгновений спустя, подталкивая Спайку со всей силой. Предвестник замыкал шествие, неся обмякшее тело Абубакара на руках. Синт одним прыжком пролетел над Лаки в тёмный коридор, даже когда скрежет позади них превратился в рёв.

Лаки увидела, как Спайк упал позади неё за секунду до вспышки и волны жара, которая бросила её вперёд, как тряпичную куклу. Кобылка перевернулась в воздухе и заскользила по полу, в ужасе оглядываясь на то место, где только что был дракончик.

Казалось, теплообмен между шахтой и остальной частью транзитной станции каким-то образом контролировался, потому что Лаки больше не чувствовала, как воск на её крыльях плавится. За порогом тоннеля она могла видеть стену ярко-оранжевого пламени. Ей пришлось вообразить, как оно пожирает джампер и все, что было внутри, потому что на самом деле рассмотреть корабль было невозможно. Или Спайка, которого им доверила Твайлайт Спаркл.

На несколько секунд воцарилась тишина. Они не только остались без корабля, но и сгорели все их припасы. Седельные сумки были только у местных, не считая самой Лаки. У них было только носимое снаряжение,

плюс два экзоскелета.

— Кого не хватает? — спросил Перес хриплым голосом, когда встал на ноги, оглядывая группу. — Похоже...

Лейтенант замолчал.

— Черт возьми. Уильямс вперёд ушла? Уильямс?

Молчание.

— Черт, что случилось с драконом? Разве у него не было нужной нам информации?

Затем Спайк вышел из пламени. В течение нескольких секунд казалось, что чешуя дракончика светится, быстро тускнея от слепяще-белого до сердито-красного. Лаки почувствовала исходящий от него жар и отступила.

— А, точно. Извините, — Спайк сделал шаг назад, глядя на них всех снизу вверх. — Я бы вернулся и проверил корабль, но не думаю, что он уцелел.

Если судить по его тону, то казалось, что ничего необычного не произошло.

Солдаты выглядели сбитыми с толку — очевидно, каким бы образом они ни говорили ранее, для понимания требовалась магия принцессы. Эквестрийский Спайка для Лаки звучал как обычно, но остальные его явно не понимали. Поэтому она перевела его слова.

— Я думал, что все истории про драконов выдумки, — наконец сказал Перес. — Ты тоже умеешь плавать в лаве?

— Да, — Спайк улыбнулся. — Хотя это не так круто, как кажется. Я в том смысле, что плавать здорово, пока ты не вылезешь и весь этот камень, прилипший к чешуе, не начнёт застывать. Отмываться потом — просто ужас.

Со стороны эквестрийцев раздалось несколько слабых смешков. Большинство землян просто смотрели в дверной проем, пока ярко-оранжевое пламя за ним не начало тускнеть, постепенно сменившись солнечным светом.

Очень долгое время никто не произносил ни слова и даже не шевелился. Лаки задавалась вопросом, испытывали ли они тот же страх, что и она, зная, что им придётся действовать на миссии без какого-либо снаряжения, которое могло бы им понадобиться.

Ну, может быть, не совсем уж без снаряжения. Когда кобылка огляделась, она увидела, что на спине Предвестника закреплён контейнер. Плюс все оружие, размещённое на экзоскелетах, было со своими владельцами, ну и все, что прихватили они с Лайтнинг Даст. Огромный рюкзак Спайка, по-видимому, сгорел, и единственное, что от него осталось, это несколько пятен пепла на плечах дракончика.

Дэдлайт первый нарушил тишину.

— Ну, похоже, принцесса дверь ещё не заперла, — произнёс он с наигранной весёлостью в голосе.

«Лучше, чем ничего».

— Тогда у нас всё ещё есть шанс, верно?

— Без воды мы протянем три дня, — заметила Лайтнинг Даст. — У нас тут три неплохих летуна, мы могли бы собрать снег наверху, как только эта штука остынет.

— Нет, — Лаки выпрямилась, стряхивая грязь. Даст присоединилась к ней — у неё не было причин бояться, учитывая, что она уже тут бывала раньше, хотя и не видела ничего, кроме холла. — Внутри есть еда и вода. Нам придётся довольствоваться тем, что у нас есть. Предвестник, где Уильямс?

Синт посмотрел в пол.

— Мне очень жаль, Лаки. Я не смог спасти их обоих. Прямо сейчас нам больше нужен стрелок, чем пилот.

Весомость этих слов поразила Лаки, словно удар. Не только то, что один из членов экипажа погиб, но и то, что синт смог решить в самую опасную секунду, кого стоит спасти, а кого оставить позади. Кобылка содрогнулась, представив, на что могла быть похожа такая смерть. Надеюсь, это было достаточно быстро, чтобы она не почувствовала боли.

— Уильямс, — повторил Дэдлайт, произнеся фамилию совсем неправильно. — У неё была метка?

— Нет, — ответил Перес. — Я единственный... мне кажется. Если только у Могилы её не появилось.

— Нет, сэр. Никаких татуировок на заднице, — в том, что они оба сказали, было какое-то дополнительное значение, на заднем плане витал призрак вины. Возможно, они задавались вопросом, могли ли они спасти Уильямса.

«Скорее всего, нет. Мы и сами-то едва спаслись».

— Лучше бы этот гребанный план сработал, — прорычал Перес. — Уильямс была такой же, как и все мы, — готовой умереть за Общество первопроходцев. Если она умерла напрасно, это будет на твоей совести.

Лайтнинг Даст сердито посмотрела на лейтенанта, встав между одетым в экзоскелет пони и Лаки.

— Я не поняла большей части того, что ты сказал, но это не было похоже на благодарность. Половина северного флота пыталась нас убить! Мы тут все в этом виноваты.

— Чего она, блядь, хочет? — спросил Перес, прежде чем Лаки успела перевести. Хотя она и не собиралась.

— Она злится, что мы зря тратим время, — соврала кобылка. — Нам нужно попасть внутрь. Я знаю, где там есть еда. Когда доберёмся туда... решим, что делать дальше.

Перес кивнул, отдав несколько быстрых приказов.

— Могила, неси Абубакара. Предвестник, я вижу, у тебя есть винтовка. Прикрывай фланг. Я соглашусь с планом губернатора.

И они двинулись. Когда все вышли из длинного туннеля, в большом атриуме зажгётся свет и от фонтанов донеслось журчание. Лаки Брейк было трудно оценить всю эту красоту, зная, что один из членов команды только что погиб. Если бы она спланировала все лучше или была более безжалостной, возможно, Уильямс всё ещё была бы жива.

«Сколькими жизнями нам придётся пожертвовать ради нашей безопасности? Ради Эквестрии?»

Учитывая только что произошедшее, у кобылки не было особых проблем с тем, чтобы держать всех вместе. Вся их подавленная группа прибыла в кафетерий, который она раньше посещала с Фларри Харт.

— Вот, — Лаки рухнула в одно из кресел, откатившись от стола. — Тут... мы разобьём лагерь.

Где они разбили бы лагерь, если бы их лагерь только что не сгорел. Но она решила эту часть не озвучивать.

— Что такого особенного в этом месте? — спросила Даст, проходя мимо Лаки к оборудованию в центре комнаты, с трубками и светящимся дисплеем.

— Не прикасайся! — Перес уже стаскивал столы ко входу. Они громко скребли по полу, но противостоять экзоскелету не могли. — Оно может быть опасно.

— Это раздатчик еды, — пояснила Лаки достаточно громко, чтобы её все услышали. — Мы не будем голодать, пока мы тут. Позвольте мне показать вам...

Лаки не нужно было гадать, что происходит, когда она подошла к аппарату. Она видела на экране, что он идентифицировал её по виду и весу, а затем предоставил на выбор блюда, которые были примерно аналогичны тем, к которым кобылка привыкла. Она выбрала огромный сенбургер для демонстрации, когда настороженные пони собрались вокруг, чтобы посмотреть, как его готовят. Лоток открылся, и Лаки поставила блюдо на ближайший стол.

— В прошлый раз мы с Фларри Харт ели здесь. Думаю, напитки там тоже должны быть. Короче, голодать мы не будем. Даже если у нас отсутствует большая часть нашего оружия или научного оборудования... у нас есть время. Мы можем придумать план.

— Ты можешь придумать план, — произнёс Могила от одной из стен, где он стоял, отдыхая и осматривая тихое помещение. Сдаст ли их Твайлайт и скажет ли, куда они отправились? Если так... если Эквестрия сейчас пошлёт армию, Лаки не была уверена, что они смогут их сдержать.

— Предвестник, есть ли шанс запросить помощь? — спросила кобылка, хотя и без особой надежды.

— Понятия не имею, — ответил синт, повернувшись к ней лицом и торжественно скрестив руки на груди. — Я не могу связаться... с собой. То, с чем вы сейчас разговариваете, — это разум, полностью заключённый в этом теле.

Лаки махнула крылом, и Предвестник присоединился к ней за столом. Не говоря ни слова, Лайтнинг Даст села рядом с огромной тарелкой жареного картофеля. Кобылка обнаружила, что этот запах заставил её вспомнить то время, когда они впервые встретились в подвале ратуши Стормшира больше года назад. Тогда пегаска принесла точно такую же еду — её первую настоящую еду с тех пор, как она вышла из больницы.

Её мама дала ей надежду, когда Лаки была готова сдаться. Как она могла сделать то же самое для этих пони сейчас? Кобылка могла видеть это — даже солдаты продолжали поглядывать на неё в поисках указаний. Теперь все было в её копытах. Ни инструментов, ни Предвестника, ни аликорна.

«Что, чёрт возьми, нам теперь делать?»

Лайтнинг Даст брела по странным залам места, которое её дочь назвала «Транзит». Она уже бывала здесь дважды, хотя оба раза видела это место лишь мельком. Первый раз снаружи, в той огромной шахте, где они сегодня чуть не сгорели живём. Второй, когда она узнала о похищении принцессы, обнаружила записку Лаки и ждала её, стоя практически в дверном проёме.

Она бы пошла дальше, если бы Лаки не вернулась, по крайней мере, пегаска так сама себя уверяла. На самом деле, ей не хотелось быть тут. Это было неестественное место, которое давило почти постоянной вибрацией со всех сторон. Это было похоже на старое жуткое облако в конце улицы, которое, как знал каждый жеребёнок, нельзя посещать, даже если они не могли объяснить почему. Им здесь не место.

Рациональный разум Даст отвергал подобные выводы. Они сражались за безопасность всех пони в Эквестрии. Они боролись за то, чтобы дать тем, кто остался, хотя бы небольшой шанс на свободу от Гармонии. Они сражались против принцессы, которая убила беспомощного врага без суда и следствия. Лайтнинг могла с этим справиться.

Она бродила по коридорам со своей дочерью и Дэдлайтом, делая маленькие пометки мелом под каждой надписью, мимо которой проходила.

— Ты уверена, что вы пришли этим путём? — спросил фестрал, разглядывая надпись. Казалось, он пытался перевести, что там было написано, хотя, как обычно, её дочь была гением, поэтому она могла просто её прочесть.

— «Подготовка к запуску», — пробормотала кобылка, водя копытом над текстом. — И нет, не уверена. Я думаю, что мы тут проходили. Мне казалось, что это было где-то здесь. Но я не знаю наверняка. Фларри Харт говорила системе, что делать, и она вела нас. Это все, что требовалось раньше. Я не думала, что мне придётся вспоминать всю обратную дорогу, так как я предполагала, что мы могли бы просто спросить, и нас бы довели.

Потолки были слишком высокими, коридоры — слишком широкими. Лайтнинг Даст расправила крылья, наверное, в сотый раз, хотя и знала, что не собирается взлетать.

«Это место должно решить, является ли оно зданием или же открытым воздухом».

Оно не было ни тем, ни другим. Она почти могла улететь. За исключением того, что дальше впереди коридоры были поуже, по которым не смогла бы лететь даже Даст.

Ещё более странно, что ослабление магии, которое можно было ожидать от столь далёкого севера, похоже, здесь не действовало. Лайтнинг Даст не чувствовала себя тяжелее, чем снаружи. Столовая была слишком мала для полётов, но много раз им приходилось перелетать с одного балкона на другой. Тот факт, что на многих из них не было перил, наводил на мысль, что это место построили пегасы.

«Или аликорны. Они все тоже могут летать».

— Ну, мы же не запускаемся, верно?

— Ну... типа того, — Лаки посмотрела на свою рацию и подняла её к уху. — Проверка связи. Ребята, вы ещё там?

— Ожидаем вас, — скучающим тоном отозвался Перес. Он сказал ещё что-то, чего Даст не разобрала. Она очень гордилась тем, как много «английских» слов ей удалось выучить, но когда они говорили так быстро, все сливалось воедино. В этом отношении Перес был хуже всех в Отаре.

Лаки ответила так же быстро и выключила радио.

— Во всяком случае, подтверждается то, что мы предполагали ранее. Пока мы все здесь, мы можем оставаться на связи. Блокируется только связь с поверхностью.

— Когда я учился в Университете Филлидельфии, мы бы за такую штуку целый год небо расчищали, — пробормотал Дэдлайт. — Возможность разделяться, не требуется единорог в каждой команде для отправки экстренных сообщений... это намного эффективнее.

— Ты можешь получить столько раций, сколько захочешь, когда мы отсюда выберемся живыми, — сказала Лаки. — Я губернатор. Я позабочусь о том, чтобы Отар с тобой достойно расплатился.

Кобылка отошла от стены, кивнув в основном самой себе.

— Да, я уверена. Мы почти на месте. Вон туда... прямо по этому коридору. Я помню вон тот фонтан странной формы у стены.

— Будем надеяться, — Дэдлайт не казался убеждённым, но спорить не стал.

«Если кто-то может вспомнить путь, которым прошёл лишь единожды, так это Лаки».

И да, способность читать надписи сильно ей помогала, даже если большинство из них для Лайтнинг Даст не имело смысла. Что, провалилось оно в Тартар, такое помещение для «фиксации углерода» и зачем оно им понадобилось? Лаки ничего не объясняла. Но на самом деле пегаску не столько терзало любопытство, сколько требовался повод пожаловаться. Было приятно иметь возможность делать хоть что-то знакомое, когда вся привычная жизнь разлетелась вдребезги.

Дверь в конце широкого коридора автоматически открылась, и кобылка радостно воскликнула, её крылья загудели, когда она поднялась на метр в воздух, прежде чем снова приземлиться. Лайтнинг Даст не понимала с чего такая радость — комната внутри была белой и совсем простой, за исключением шахты, идущей вдоль дальней стены комнаты к нескольким гигантским дверям. Пол там был значительно ниже и заполнен механизмами, которые наводили на мысль, что пони там ходить не должны.

Единственное, что во всем помещении выделялось — это один из «дисплеев», которых по всей базе было разбросано предостаточно: лист тонкого стекла, прикреплённый к металлической подставке и наклонённый слишком высоко, чтобы пони было удобно на него смотреть.

— Это то самое место! Вот как мы доберёмся до Кантерлота!

Лаки бросилась к шахте, хотя прыгать туда не стала. Даст вспомнила эту часть истории из рассказа кобылки о её приключениях с принцессой — они сидели в быстро движущейся машине и проехали большое расстояние по рельсам.

— А где та штука, на которой ты ехала?

— Я думаю, что в прошлый раз её вызвала Фларри Харт, — пробормотала Лаки, не в силах полностью скрыть свой страх. Она подошла к дисплею, который сразу же загорелся ровным белым светом. Там возникли надписи, и их было так много, что Дэдлайт казался ошеломлённым.

Кобылка не обращала на них никакого внимания, скользя копытами по стеклу, как будто точно знала, что делает.

— Ха! Я надеялась... похоже, я была права.

Лаки указала копытом на дисплей, где исчезло большинство символов, сменившись всего одним.

— Вызов... — пробормотал жеребец, на его лице отразилось явное напряжение, при попытке расшифровать надпись.

— Вызов транспорта, — пояснила Лаки. — Система позволила мне зайти достаточно далеко, осталось только нажать эту кнопку. Хотя не думаю, что это стоит делать. Что, если когда мы вызовем вагон, то остановить его не получится? Что, если пустой поезд отправится в Кантерлот? Если там и правда работают пони... они увидят его и поймут, что что-то не так. Не стоит ничего нажимать, пока не будем готовы отправиться в путь.

Дэдлайт отвёл взгляд.

— Я бы хотел, чтобы мы оказались тут в более подходящее время. За час мы узнали достаточно, чтобы навсегда изменить археологию. Может быть, если мы здесь все изучим, то окажется, что нам вообще не нужно ехать в Кантерлот. Гармония должна быть в состоянии слышать команды где угодно, верно?

Лаки нахмурилась.

— Возможно... но я не уверена. Дискорд говорил об этом так, будто он уже давно пытается сделать подобное. Если бы проблема была только в том, чтобы сказать Гармонии что-то сделать, то тогда почему это не было сделано давным-давно? — ответа не последовало. — Это должно быть что-то, чего не сумела сделать сама Селестия, хотя она правит без больших проблем уже тысячи лет. Думаю, что это будет очень сложно... особенно после того, как я это все озвучила.

— Не обязательно, — жеребец уселся перед кобылкой, задумавшись. — Принцесса Солнца всегда была готова пожертвовать собой ради своих пони. Даже от собственной сестры она готова была отказаться ради них. Может быть, она думает, что это не стоит риска. Или, возможно, Гармония убедила её даже не пытаться.

— Или, — Лайтнинг Даст больше не могла молчать, — возможно, ей просто наплевать на все, и она просто делает все, что хочет. Может, она слушает Гармонию потому, что та назначила её главной, вот так все просто.

Даст сама с трудом могла поверить в то, что говорила. Раньше ей и в голову не пришло бы говорить о принцессах в таком тоне. Но жизнь изменилась, и отношение к ней пегаски изменилось. Может быть, Луна и не была злой — суд до сих пор не пришёл к однозначному выводу. Но Селестия... все, что касалось её правления, было очевидной ложью.

Дэдлайт повернулся, выражение его лица было скорее задумчивым, чем сердитым.

— Не думаю, что изгнать сестру было легко, Лайтнинг. Селестия просто достаточно сильно верила, что это был единственный способ для неё спасти Эквестрию, и она...

Лаки прошла мимо них обратно к открытому дверному проёму.

— Нам нужно вернуться к остальным. Спланировать, что мы собираемся делать в Кантерлоте. Не думаю, что у нас есть время ждать и изучать. Что, если Селестия или Кейденс заявятся, чтобы снова закрыть дверь, и обнаружат нас здесь? Кейденс уже послала за нами флот. Они могут отправиться сюда просто на всякий случай, а мы об этом и знать не будем.

Даст вздрогнула, когда подумала об этом — Лаки, конечно, была права. Это место было настолько гигантским, что внутри него могли бы ходить тысячи пони, и они бы их даже не заметили. Пока не столкнулись бы с кем-нибудь лицом к лицу.

— Может, нам лучше спрятаться?

— Возможно. Если решим, что подготовка к поездке в Кантерлот займёт больше времени. Посмотрим, что думает Предвестник, — кобылка нетерпеливо взмахнула крыльями. — Давайте! Я хочу побыстрее вернуться... чтобы мы могли покончить с этим.

* * *

Мелоди не надеялась пережить ближайший час. Поёрзав в кровати, пегаска старалась не обращать внимания на постоянное раздражение от иглы, упирающейся в шею, и нашла слабое утешение в рое трудолюбивых дронов Предвестника.

«Ты пожертвовал как минимум десятком, чтобы спасти меня, провёл мне операцию, чтобы вернуть слух, и теперь я могу умереть ещё до наступления темноты».

— Насколько ты в отчаянии? — выпалила Мелоди, прежде чем мысли оформились в более связный вопрос.

Дроны выглядели так, как будто они почти закончили настройку устройства, чем бы оно ни являлось. Они даже принесли кристалл, который добыла её более юный клон, и сейчас он стоял на маленьком светящемся сканере. Может быть, Мелоди тоже была немного в отчаянии. Отчаянно пыталась оттянуть тот момент, как её подключат к этому кристаллу, и её голова взорвётся.

— Я не понимаю, — ответил зонд через дрона, одетого в белый халат. Он ничем не отличался от остальных, но это единственное изменение давало деталь, на которой можно было сосредоточиться. — Вы знаете, насколько серьёзна текущая ситуация.

— Я в том смысле... — пегаска перевела дыхание. Все кабели казались подключёнными, и все индикаторы светились зелёным. Возможно, он ждёт только её слова, чтобы включить эту штуку. — Зачем так усердно стараться, чтобы сохранить мне жизнь, если ты просто собирался убить меня?

Голос Предвестника больше не звучал отстранённо. Скорее он казался... обиженным? Почти оскорблённым.

— Я не пытаюсь убить вас. Я очень надеюсь, что вы переживёте этот эксперимент, Мелоди. Я надеюсь, что вы и ваш ребёнок выживете, чтобы наслаждаться оставшейся частью вашей жизни на этой планете. Я наде-

юсь, что вы не уйдёте и продолжите работу в Обществе первопроходцев. Я надеюсь на мирное урегулирование отношений с Эквестрией.

— Тогда зачем? — кобыла указала на кристалл. — Ты действительно думаешь, что что-то там стоит того, чтобы я, возможно, умерла? Ты знаешь, что я беременна. Разве эта жизнь не учитывается в твоих расчётах?

Теперь все внимание Предвестника было приковано к ней. Больше десятка дронов и, вероятно, ещё больше камер. Зонд выбрал для этого эксперимента самый дальний угол медицинского крыла, но камер, прикреплённых к потолку, всё ещё было достаточно.

— К сожалению, нет. Поскольку вы, возможно, вот-вот умрёте... я полагаю, что у меня есть информация, которая может придать вам больше решимости, чем было у Мартин.

— Ты знаешь, я об этом тоже думала. Сомневаюсь, что ей пришлось принуждать тебя к эксперименту. Готова поспорить, ты её вынудил.

Предвестник проигнорировал обвинение, его голос звучал всё так же ровно.

— Оливия мертва, сожжена принцессой Эквестрии. Во время своего побега она убила по меньшей мере десятков местных солдат, возможно, серьёзно подорвав наши отношения с их страной. Твайлайт Спаркл перешла на нашу сторону... на очень непродолжительное время. Я не уверен в её лояльности. Возможен вариант, что она предложила план проникновения через Транзит Эквус Зеро Вайолет Зеро как способ удержать команду в каком-нибудь пустынном месте до прибытия сил эквестрийской армии.

Мелоди открыла рот, но дрон ещё не закончил. Он просто продолжал, и каждая новая деталь новым грузом ложилась на душу пегаски.

— Команде высадки удалось добраться до транзитной базы, хотя, возможно, один или несколько из них были убиты, когда джампер, на котором они находились, был уничтожен неизвестной системой кольца. Я потерял контакт с командой, включая ту крошечную часть себя, создание которой запросила Лаки. Существует вероятность, что восстановление контакта, пока они внутри кольца, окажется нереализуемым, хотя я всё равно послал дронов. И они могут даже прибыть позже сил Эквестрии. Я не в состоянии вовремя изготовить что-либо, влияющее на ситуацию стратегически. Действия Оливии, возможно, непреднамеренно позволили заручиться помощью Твайлайт Спаркл или вызвали гнев принцессы, теперь ещё более решительно настроенной уничтожить нас.

Предвестник наконец замолчал, позволив весу всего сказанного сокрушить пегаску как рухнувшая стена.

— И что ты сейчас делаешь? — наконец спросила Мелоди. — Создаёшь... боевых дронов?

— Нет, — голос зонда снова изменился, наполнившись решимостью. — Прогнозы предполагают критический провал миссии. Я сосредоточил все имеющиеся производственные мощности на создании резервных копий. Я заполню необитаемую часть кольца резервными копиями и космическое пространство системы спутниками. Если это поколение потерпит неудачу, я потрачу гораздо больше времени, прежде чем вновь попытаюсь активно вмешаться. Возможно, через много лет я смогу создать поколение, достаточно совместимое с их культурой, чтобы по-прежнему считаться людьми, но при этом не провоцировать население кольца на на-

сильственное сопротивление. Учитывая, что их звезда — красный карлик, у меня есть столько времени, сколько может понадобиться. Миллиарды лет, если в том возникнет необходимость.

Мелоди не могла отделаться от ощущения, что ею манипулируют. Но даже если так, это работало.

— Так вот, значит, где я вступаю в игру, — наконец сказала она. — Потому что... ты надеешься, что я узнаю что-то, что поможет нашей команде победить. Что-то, что ты сможешь отправить им, как только твои дроны до них доберутся.

Предвестник рассмеялся.

— В идеале, этот кристалл должен содержать код отключения Гармонии, который я смогу передать сам. Было бы лучше не доверять что-то столь важное в руки органических сегментов. Несмотря на отсутствие у них рук.

Мелоди поёрзала на койке, сопротивляясь желанию освободиться от пут. Здоровенный медный радиатор с многочисленными вентиляторами постоянно напоминал, что она, возможно, вот-вот умрёт.

— Ладно, тогда, наверное, начнём. Как только ты включишь это... смогу ли я тебя видеть?

— Нет. Я буду воспроизводить воспоминания отдельными сегментами. Мы сможем общаться между ними. Если все пойдёт так, как задумано, вы будете помнить то, что видели, так же как и любые собственные воспоминания. Но если Гармония вмешается, как это было ранее, результат неопределённым.

— Что ж, включай. Давай посмотрим, что мёртвый аликорн хотела, чтобы мы знали.

— Это будет больно. Я ввёл релаксанты, но всё же подготовьтесь. Мы начнём с предпоследнего воспоминания.

Мелоди не была готова к той жуткой боли, что пронзила её, к обжигающему жару, который начался в позвоночнике и пополз вверх к черепу. Боль захлестнула её в считанные мгновения, погрузив в сладкие объятия беспометства.

* * *

Я могла слышать, как мир вокруг рушится.

Каждые несколько мгновений падал очередной артиллерийский снаряд, разрушалось очередное укрепление. По ту сторону хребта вражеская армия превосходила нашу численностью пятьдесят к одному. Земные пони были не только сильнее нас, но и размножались быстрее, благодаря бесконечным запасам пищи. Моя крошечная нация просто не могла поспевать за ними.

Пока я парила в воздухе, и мой щит время от времени вспыхивал от попадания очередного снаряда или трассирующей пули, я поняла, что даже не могу ненавидеть их. Земные пони верили, что защищают весь Эквус от разрушения. В некотором смысле они были правы.

«Ты могла бы дать нам больше времени. Я бы освободила вас всех».

Но сегодня освободить никого не получится.

Я потратила ещё несколько мгновений, осматривая наступающий строй — неудержимый клин. Эта волна наступающих была так напитана магией, что заклинания рассыпались, пули отскакивали от незащи-

щённых боков, а дзоты обрушивались. Колючая проволока рвалась как бечёвка. Снег вокруг не таял, но и это их не замедлило. Эти пони были настолько напитаны силой земли, что никакие природные катаклизмы не могли их остановить.

В отличие от моих пони, которым приходилось кутаться в куртки и термоодежду, чтобы пережить пургу.

Я исчезла, вновь появившись на своём командном пункте. Они были так близко к Уникорнии, что мы использовали старый монастырь в качестве штаба, заменив скамьи столами с картами и радиостанциями. Здесь всё ещё кипела деятельность под шум множества электрических обогревателей.

Моё появление заставило присутствующих выпрямиться и поприветствовать меня, пока я шла к столу с картами.

Все генералы были здесь. Главной среди них была Аурелия, вдвое выше любого пони и почти такая же высокая, как я. У витрувианки слабо светились лицо и руки — тонкая аура магии, которая была одновременно способом связи и идентификации. Я знала как её дешифровать, но для удобства остальных пони Аурелия использовала речь.

— Принцесса Селена, — она поднесла кулак к груди в приветствии. Древний жест, который витрувианка привезла со своей родины и научила подчинённых ей пони. Мало кто внушал такую преданность как Аурелия. — Надеюсь, хорошие новости с неба? Как вижу, вас труднее сбить, чем наши беспилотники.

Я создала вокруг нас пузырь тишины, действие настолько привычное, что мне едва ли нужно было думать об этом.

— Никаких. Даже газ их не остановил. Я предсказываю, что они проврутся до арьергарда в течение часа.

Тишина. Остальные генералы — Голден Спепар и Мунрайз — оба посмотрели на витрувианку. Я могла видеть, как трепещут их сердца — желание бежать, едва подавляемое. В этом отношении они чувствовали то же самое, что и их войска.

«И куда вы собираетесь бежать? Когда они закончат тут, они придут в Уникорнию. Ваши семьи следующие».

— Что, если мы продержимся ещё несколько дней? — поинтересовалась Аурелия. — Как вы думаете, времени хватит?

«Без шансов», — подумала я, хотя, конечно, озвучивать это не стала. Эти солдаты были храбры — витрувианские офицеры могли сражаться со свирепостью, до которой было далеко подавляющему большинству пони. Но против такого количества земнопони, как сейчас? Холод замедлял и душил наши войска, а припасы были на исходе. Перспективы были мрачными. В Уникорнии почти все было в руинах. Энергетическая инфраструктура разрушена, вода не поступала. Сколько пройдёт времени, прежде чем простая чума или голод уничтожат моё королевство?

— Мы должны попытаться, — сказала я вместо этого, один раз кивнув витрувианке. — Дайте мне столько времени, сколько сможете.

Аурелия отсалютовала. Голд Спепар и Мунрайз повторили её жест с внутренней решимостью. Все они знали, о чём я просила. Они были обречены.

— Для меня будет честью умереть за вас, — произнесла Аурелия.

— За прах наших отцов и храмы их богов, — эхом отозвалась Мунрайз.

Я не могла здесь оставаться ни секунды больше. Собрав силу, я сформировала заклинание телепортации на дальнюю дистанцию и исчезла во вспышке света.

* * *

Хотя дворец Уникорнии избежал большей части разрушений, вызванных бомбардировками, он не мог избежать хаоса города, находящегося на грани гибели. Я практически чувствовала этот вкус на ветру. Отчаяние, страх, голод — все смешалось в пронизывающем холоде. Я один раз выглянула в окно и увидела лишь несколько машин, движущихся по улицам. Оставалось слишком мало топлива, чтобы тратить его на легкомысленные поездки, когда все, что у нас было, уходило на обогрев. Впервые за поколения в городе снова горели костры, и многим единорогам не хватало магии или денег, чтобы согреться каким-либо другим способом.

Проходя через дворец, я кивнула стражникам — единорогу и витрувианцу — которые встали прямее и отсалютовали мне. Я слишком спешила, чтобы уделить им хотя бы мгновение и обнадёжить их.

«И это в любом случае было бы ложью».

Сколько времени Аурелия сможет выгадать моему городу, один день? Вероятно, даже меньше. Я чётко знала, куда мне идти, и направлялась туда по кратчайшему пути.

В Датамайне кипела активность, писцы обеих рас трудились вместе. Крановщик беззаботно помахал мне сверху. Он должен был знать, какая участь тяготеем над нами, как и все остальные. У витрувианцев был странный спектр эмоций — некоторые, как Аурелия, могли быть твёрже стали. Другие могли оставаться расслабленными и жизнерадостными, даже когда мир вокруг них рушился.

Я прибыла в диспетчерскую несколько мгновений спустя и совсем не удивилась тому, кого там обнаружила. Кlover Мудрый спорит с Вирго по поводу последней перестановки проекции Гармонии, причём довольно безуспешно. Голополе перед ними меняло узоры так быстро, что даже мне было трудно прочитать их все. Но Кlover не зря заслужил своё прозвище.

Оба встали, заметив меня, как единорог, так и витрувианка. Они оба поклонились, но я отмахнулась от них крылом, повернувшись вместо этого к оставшимся двоим. Оба они тоже были витрувианцами, хотя один носил это тело так же, как пони надевают плащ.

— Дискорд, ты можешь уделить мне минутку? Мы должны поговорить.

Они с Тоджилом не занимались изучением чего-либо — оба были одеты в доспехи витрувианских солдат, хотя и сняли шлемы, чтобы поиграть. В то время как кожа Тоджила переливалась приятными оттенками, на Дискорда было тошно смотреть. Узоры формировались на полпути под поверхностью, растворяясь в хаосе, прежде чем превратиться во что-то другое, и рисунки на разных руках никогда не совпадали.

Но ведь в противном случае он не смог бы хорошо выполнять своё предназначение, ведь так?

Дискорд опустил ракетку, которая тут же упала вверх и, ударившись о потолок, проросла там перевёрнутым цветком. Его сегодняшний ручной витрувианец при виде этого расхохотался, произнес что-то на своём

родном языке. Или, по крайней мере, так можно было предположить по ритмичным вспыхиваниям его кожи.

— Для меня большая честь служить гражданам Эквуса, — произнёс Дискорд с явной иронией в голосе. — Прости меня, Тоджил. Я скоро вернусь.

— Принцесса! — воскликнул Кловвер от голографического стола, с надеждой в голосе. — Хорошие новости с фронта?

Я не ответила на этот вопрос.

— Ты сделал все, что мог, Кловвер. Возвращайся во дворец и готовься к путешествию. Проследи, чтобы моя дочь тоже подготовилась, и вызови сотню лучших единорогов, каких найдёшь, из города.

Я не стала пояснять свой приказ. Кловвер был достаточно умен, чтобы понять его значение.

Дискорд отошёл от диспетчерской на некоторое расстояние, перегнувшись через перила, чтобы посмотреть вниз на Датамайн. Там были сложены тысячи и тысячи стеклянных кубов, в каждом из которых были выгравированы разные узоры.

«Ещё десять лет, и мы бы нашли. Милая, почему твой крестовый поход не мог подождать ещё немного?»

Я прочистила горло, привлекая внимание Дискорда.

— Все смотришь. Ты же знаешь, как обстоят дела на фронте.

Дискорд рассеянно кивнул, не оборачиваясь. И всё же он говорил достаточно тихо, чтобы нас не могли подслушать:

— Я знаю, что Гармония скоро добьётся своего. Её новая рабыня уничтожит всех, кроме тех, кого она может контролировать. Гармония превратит Эквус в тень самого себя, с населением, пребывающим в невежестве.

— Могла ли я сделать больше, чтобы остановить её? Могла ли я быть более убедительной?

— Ты могла бы убить Селестию, — тон был будничным и беззаботным. Дискорд по-прежнему даже не обернулся. — Её младшая сестра даже не вспомнила бы, что ты забрала.

Ужасная мысль, цена, которую я не хотела платить.

Дискорд, казалось, понял, о чём я думаю, потому что наконец повернулся.

— Ты не захотела вернуть одну жизнь Гармонии, когда я предупреждал тебя о том, чего это тебе будет стоить. Ты позволила нашему врагу засеять поле плевелами, и ты восхваляла её, когда она это делала. Интересно, почувствуешь ли ты своё превосходство, когда твой город умрёт? Я говорю тебе — когда Гармония приведёт каждую душу на Эквусе к себе, и наш великий эксперимент наконец закончится, я не буду удовлетворён. Никто не заплатит более высокую цену, чем я.

— Я пришла договориться, — произнесла я немного громче. Более уверенно. — Я надеялась, что мы успеем закончить нашу работу здесь... но мы опоздали, все шло слишком медленно. Ты и твои питомцы — единственная надежда, которая у нас осталась.

— Витрувианцы? — Дискорд полностью повернулся ко мне. — Они уже умирают за тебя, Селена. Мои друзья отдали тебе свою преданность, свои технологии... а теперь и жизни. Что заставляет тебя думать, что мы сможем остановить то, что ты начала?

Я подавила приступ отчаяния.

«У него должен быть способ. Он — часть системы. Он может сделать все, что угодно».

— Потому что я знаю, какой силой ты обладаешь, Дискорд. Древние не создали бы системный предохранитель, которому не хватало бы возможностей для выполнения своей работы.

— Системный предохранитель — это не я, а цивилизация. Твоя, как и все до неё, ловили меня в западню. И раз уж вы так поступили, я мало что могу для вас сделать.

— Ты мог бы остановить Селестию? Помешать ей создать общество вечного невежества? — я понизила голос до шёпота, в мой тон прокралась нотка стыда. — Не мог бы ты сохранить нескольких из тех, кого я люблю?

Дискорд, казалось, тщательно все обдумал. Все, кроме его лица, было скрыто броней, но я могла видеть, как его полупрозрачная кожа осветилась оттенками, о существовании которых я даже не подозревала. Как далеко они сместились в ультрафиолет? Наконец он подошёл ближе ко мне, наклонившись, чтобы прошептать мне на ухо.

— Освободи меня. И я удовлетворю твою просьбу.

Я инстинктивно отстранилась, моё лицо закаменело. Я хорошо узнала эту программу за свою долгую-предолгую жизнь. Я знала, какой хаос он мог создать.

— О, сбудутся все твои худшие страхи и многое другое, — произнёс Дискорд, по-видимому, читая мои мысли. — Я вызову разрушения, которые ты и представить себе не можешь. Я сделаю так, что это вторжение будет выглядеть не более чем истерикой юной кобылки. Но, в конце концов, я полностью разрушу все, что Гармония создала вместе с Селестией. Я сделаю их «общество невежества» невозможным. И я спасу жизни тех немногих, кого ты выберешь. Сотня, которую ты приказала собрать Кловверу?

— И ещё некоторых. Мою младшую дочь.

— Смертную? — Дискорд поморщился. — Ты отказалась предоставить ей гражданство. Я не могу остановить время.

Он вытащил тикающие карманные часы и поднёс их к голове, чтобы посмотреть на циферблат. Как только он это сделал, часы рассыпались, шестерёнки и пружины всё ещё вращались в воздухе в тех местах, где они остались.

— Ну... не навсегда, — обломки посыпались вокруг него, с грохотом пролетев по мосткам на этаж ниже.

— Да, — настаивала я. — Малышка Платина, экспедиция Кловера. Любого, кого они захотят взять с собой. Сделай это, и... Я освобожу тебя.

Дискорд протянул руку. Я не могла видеть, как она светится сквозь перчатки.

— Сделка?

Я предложила в ответ своё копыто.

— Делай все, что должен.

Дискорд жестом указал обратно на диспетчерскую.

— Тогда пошли туда. Эта консоль будет работать так же хорошо, как и любая другая. Освободи меня, и я начну.

Я пошла обратно вместе с ним. Вирго и Кlover уже ушли, отправившись выполнять мои приказы. Остался только Тоджил. Он сложил стол для пинг-понга и играл, отбивая шарик от стены. Он не остановился, когда мы вошли.

— Выпроводи его, — приказала я. — Может быть, он сможет помочь с эвакуацией или ещё чем-нибудь. Мне не нужна защита.

Я подошла к консоли, ожидая, пока её многочисленные маленькие шестиугольники поднимутся и перенастроятся под мои копыта. Они светились множеством разных оттенков, отдельные символы то появлялись на поверхности, то исчезали. Ждут моей команды. Я набрала последовательность, которая привлечёт внимание Гармонии — или, точнее, ту малую часть, которая могла бы заглянуть через эту консоль в физический мир. Это были слова, простое предложение, которое я могла бы произнести в любой момент, если бы захотела. Но здесь я была не одна, и Гармония точно не стала бы благоволять тем, кто узнал этот пароль.

Даже тогда я никогда до конца не понимала этих слов. Никогда не хотела.

«Ну, может быть, когда-нибудь. Но не сегодня».

Все экраны в диспетчерской осветились белым. Механизмы снаружи застыли, не реагируя. Даже брошенный компьютер Тоджила засветился.

Мы слушаем.

Внимание Гармонии было тем, что невозможно игнорировать, даже для меня. Гармония прекрасно знала, что я была её врагом. Она могла бы смахнуть меня с игрового поля тысячью способов — могла бы, если бы не слова Древних. Её границы были чётко очерчены.

Гармония не проявляла знакомых мне эмоций — её присутствие не излучало гнева или разочарования, несмотря на наши враждебные отношения. И при этом она не казалась довольной, понимающей или ещё какой. Гармония не была похожа на витрувианцев, на шаг или два отдалённых от пони, но в принципе вполне достижимых.

Гармония была богом.

— У меня есть... приказ, — произнесла я дрожащим голосом. Я в одиночку сражалась с армиями, много раз подвергала свою жизнь огромной опасности, но это... Приказывать той, чья воля управляла всем миром.

Внемлю.

— Системный предохранитель... — я запнулась. — Снять все ограничения.

Неразумно.

Присутствие Гармонии давило на мой разум, как неподъёмный груз. Я почти могла дотянуться до вечности по линиям силы, до мудрости, которая не должна подвергаться сомнению. Её воля была огромна — её убеждения были совершенными, даже если её понимание моей реальности было относительным. Это было существо, укравшее преданность моей дочери.

Тем не менее я была вынуждена терпеть её видения — предсказания разрушений, которые принесёт Дискорд. Он так долго был в заточении — хаос, который он создаст, принесёт так много боли. Конечно, никто не умрёт навсегда, но умрут очень многие. Почти все, за что я когда-либо боролась, будет стёрто.

И всё же мои видения не показывали, что мои творения вымрут. Единороги, пегасы... Я не видела того будущего, которое хотела Селестия.

Так что я терпела.

— Тем не менее это мой приказ.

Затем я произнесла слова — почти священную фразу:

В своём смирении дитя алкает благословения мудрых.

То, что сокрыто с горних высей, ясно живущим внизу.

**Дурак умоляет звезды и пустоту выслушать и вспомнить,
каково это — жить.**

Воля дитя исполнена. Последствия падут на тебя.

Все экраны вспыхнули, ненадолго потемнев, прежде чем вернуться к нормальному режиму.

Пара кандалов со звоном упала на пол с запястий Дискорда. Конечно, несколько мгновений назад у него их и не было. Но такие незначительные детали почти никогда не имели для него значения.

— Ну, разве это не восхитительно.

Я никогда не видела, чтобы он так широко улыбался.

— Итак, у нас с тобой была сделка. Будущее в обмен на несколько жизней, если я правильно помню. Подошло время глянуть, как это делается.

Земля начала трястись, низкий гул прокатился по всему городу и, вероятно, сотряс и горы. Я быстро телепортировалась наружу.

«Он не мог! Даже Дискорд не стал бы...»

Он мог. Вдалеке я могла разглядеть столб дыма, увенчанный чем-то оранжевым, летящим вверх. Как пони, так и витрувианцы начали радоваться, когда увидели, как оно поднимается в небо, без сомнения, не понимая, что это значит.

Но я понимала. Я снова почувствовала внимание Гармонии — на этот раз не только на мне, но и на всей Уникорнии. Границы Гармонии были установлены мудростью Древних, всё верно. Дискорд только что пересёк их.

— Н-нет... Дискорд, ты...

Он был тут, рядом со мной, в воздухе — витрувианская маска была сброшена ради чего-то более древнего. Несовпадающие части тела, существо из фольклора. Нечто, созданное Древними для заселения какого-то далёкого, негостеприимного мира.

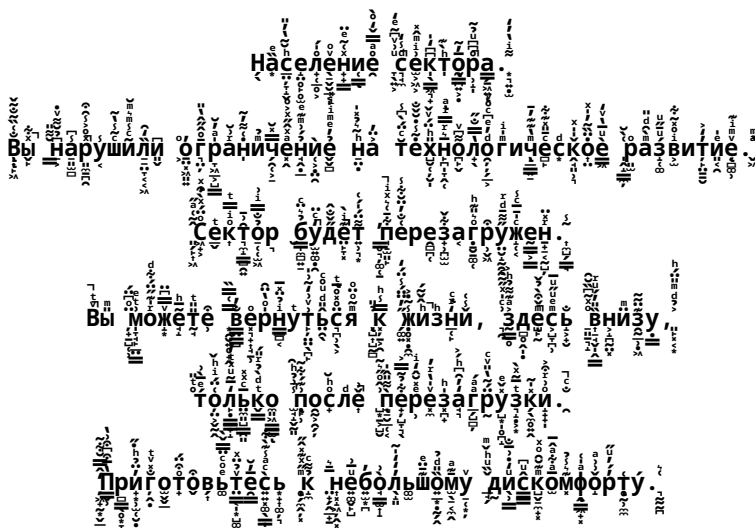
— Нет, это именно то, на что это похоже — пилотируемый космический корабль. Запущенный из этого сектора Эквуса. Интересно, о чём Селестия думает прямо сейчас — как ты считаешь, она знает, что должно произойти?

— Дискорд... — повторила я, в ужасе глядя на город внизу. Я больше не могла слышать, как пони радуются. Может быть, рассеянное голубое свечение, которое теперь пронизывало землю, свидетельство взгляда Гармонии на них... может быть, они знали, что это должно означать.

— Ты сказала, что заплатишь ту цену, которую я запросил, Селена. Все могло быть намного дешевле, если бы ты согласилась отправить одного из рабов Гармонии обратно к ней. Но теперь... теперь жизнь в этом секторе закончится.

В этот момент я увидела взрыв. Маленькая молния в небе, соединяющаяся с ракетой. Она ещё даже не вышла из атмосферы. Затем я снова услышала голос Гармонии. Он был не менее ошеломляющ, тем более что обращался ко всей цивилизации разом. Не только к Уникорнии — захватчики тоже слышали обращение. Даже питомцы Дискорда слышали, теперь, когда они были в системе вместе с остальными.

Все были обречены.

Воздух начал закручиваться, ужасная буря, которая поднимала целые шквалы снега (и всего остального, что подхватывал ветер), разлетаясь внезапными ураганскими порывами. Я воздвигла щит, хотя магия не будет работать вечно. Когда Гармония решает, что в секторе никто больше не должен жить, магия отключается, как и все остальное.

— Ну вот и началось, — тон Дискорда был безмерно довольным. — Наш последний шанс на побег.

Он щёлкнул пальцами, и внезапно мы оказались во дворце.

— Гармония уничтожила всех, кого я привёл, ты знаешь. Всех, кого она смогла обнаружить.

Сейчас мы находились в мастерской, где работали его витрувианцы. В центре комнаты в стеклянной витрине стоял единственный предмет размером примерно с мешок кулинарной муки. Внутри была машина с тонкими металлическими ножками и драным, тоже металлическим парусом. Дискорд небрежно оторвал экран от компьютера и одним ударом разбил стекло.

— Этот маленький реликт — всё, что осталось, Селена. Наш последний шанс избежать неизбежного.

Я могла слышать крики, эхом разносящиеся по дворцу, когда обрушилась пара стен. Конечно, ветер не продлится достаточно долго, чтобы разрушить город. Достаточно скоро не останется воздуха для ветра.

— Не забывай... свою половину сделки, — прошептала я. — Платина, Кlover... их экспедиция. Мои творения сохраняются.

— Конечно, — в голосе Дискорда не было и следа злобы. — Я просто собираюсь дать им кое-что с собой.

Он отломил маленькие металлические распорки, сорвал парус, грубо бросил оставшийся механизм в брезентовую седельную сумку и протянул её мне.

— Ты отдашь это Кloverу. Скажешь, что его первая миссия, прежде всего, состоит в том, чтобы отправиться в самый дальний уголок своего нового дома и закопать там это.

— Почему ты не можешь этого сделать? Я только что сняла с тебя все ограничения, Дискорд. Ты можешь делать все, что захочешь.

Он снова качнул сумкой в мою сторону.

— Потому что-то, что я делаю, не защищено, мудрая принцесса Селена. Гармония может отменить все, что она решит отменить. Но то, что ты делаешь, что делают твои дети... их воля неприкосновенна. И какую миссию Кlover станет уважать больше, чем последнюю просьбу своего наставника? Его создателя?

Сердито глядя, я взяла седельную сумку.

— Твоя цена слишком высока, Дискорд.

— Так лишь кажется. И всё же, когда ты будешь задыхаться рядом с другими, возможно, тебе покажется иначе. Смерть — такая мимолётная штука. Новизна на самом деле не такая, какой кажется.

Он исчез.

* * *

Мелоди очнулась с криком. Она обнаружила, что борется, разрывая пути, которые не могла разорвать, — пути, специально созданные для сдерживания существ с улучшенным бионосителем. На несколько секунд мир поплыл вокруг неё, формы и очертания сливались воедино. Она не была древним аликорном, той, кто возродил древние расы, которые Гармония давно уничтожила. Она не была союзником Дискорда, который обрёк цивилизацию на гибель.

Она была Мелоди, бесполезным клоном переводчика. Она была в Ота-ре — и она не была мертва.

— Это было ужасно, — прохрипела она наконец, расслабляясь в ремнях. Не было смысла пытаться разорвать их — Предвестник использовал их для её безопасности, и не расстегнёт их, пока это не станет необходимым.

— Вы вернулись, — голос зонда звучал почти удивлённо. — Это хорошо. С Мартин... этого не произошло. После того как она начала этот процесс.

Дрон взял со стола инструмент и поднял его вверх.

— Что у меня в руках?

— Игла для инъекций, — голос Мелоди всё ещё был слаб. Да, она вернулась в медицинское крыло. Но было ощущение, что не все осталось как было. Она чувствовала... давление. Это было трудно объяснить.

«Нет, давление — это неправильное слово. Внимание».

Воспоминания всё ещё кипели у неё в голове, яркие и ужасные. Она знала, каково это, когда Гармония наблюдает за тобой, даже краем глаза.

— Мне нужно рассказать тебе... что я видела, — произнесла пегаска. — Я знаю, почему Гармония убила тех пони.

Она знала больше, чем это. Она вспомнила слова, которые произнесла Селена, те, которые заставили Гармонию повиноваться, освободив Дискорда. Возможно, они способны на большее.

— Просто пони сложно сразу принять вот это вот все...

Пеа Баттер вела Оливию по очаровательной просёлочной дороге, сквозь фруктовые сады. Майор обнаружила, что замедляет шаг из-за нахлынувших воспоминаний о её прошлом. Акцент земнопони, деревня, сады...

«Откуда мне знать, что Гармония не атакует меня прямо сейчас? Пытаюсь... сделать так, чтобы я не могла сражаться?»

Она храбро стояла перед Селестией, даже когда знала, что умрёт. Оливия в одиночку сражалась с армией, находясь в окружении на вражеской территории. Теперь она едва могла идти. Тело не уставало, но изнеможение навалилось тяжёлым грузом.

— Ты сразу взбодрись, как только увидишь, что приготовил для нас Брайт Мак. Он всегда делает что-нибудь вкусненькое, когда Дискорд посылает меня встречать новичков, точно так же и я делаю для него. Полный желудок домашней еды, тёплая постель, и к завтрашнему дню ты будешь свежа как молодой огурчик.

— Но в чем... смысл? — Оливия поймала себя на том, что не удержалась от вопроса. — Нам ведь не нужна еда, верно? Мы не можем умереть, и не можем голодать. Раньше мне не хотелось есть.

— Ну, естественно, необходимости есть у тебя нет, — Пеа Баттер пренебрежительно махнула копытом. — Может быть, ближе к Гармонии пони совсем забывают о простых радостях жизни. Но здесь, внизу, помнить о них легко. Всё так же вкусно, как ты и помнишь, если ты вдруг об этом. Все что можно было делать в Эквестрии, можно делать и здесь. Кроме того, чтобы оказаться там.

Теперь Оливия могла видеть маленький фермерский дом с амбаром позади. Это было не ранчо, и скота поблизости не было. Рядом с домом расположилась небольшая грядка с овощами и все они выглядели почти готовыми к сбору. Майор чувствовала запах дыма, идущий от дома, и он действительно пах так хорошо, как описывала Пеа Баттер. Может быть, она была права.

— Ты не думаешь... что Л-Луна придёт искать меня?

Это, наконец, заставило кобылу немного притормозить, задумавшись.

— Дискорд хорош в том, чтобы прятать пони. Я уверена, что если он не хочет, чтобы тебя нашли, тебя не найдут. И если она всё-таки появится в этих краях, найдётся много пони, готовых задурить ей голову насчёт тебя, если это потребуется. У нас с Брайтом Маком это получается лучше, чем у большинства...

Пони замолчала, и остаток пути до фермы они прошли в молчании.

Здесь не было насекомых, и температура была идеальной. Кто-то оставил дверь и окна открытыми. Оливия могла видеть кухню и пару пони, разговаривающих там. Одним был жеребец, которого она себе представляла по описаниям Пеа Баттер — ярко-жёлтый, с красной гривой и яблочной меткой. Но там была ещё одна пони, увидеть которую майор не ожидала.

Она была похожа на саму Оливию. Такой же внешний вид, хотя и более взрослая. Ярко-жёлтая шерсть, голубая грива. Казалось, они о чём-то беседовали, так как кобыла резко жестикировала крыльями. Запеканка за ними всё ещё исходила паром, а на подоконнике остывал яблочный пирог.

— Ого, — Пеа Баттер остановилась в дверном проёме. — Это третий раз за сегодня, когда мы видим пони, похожую на тебя.

— Ирисочка! — воскликнул Брайт Мак. — Меня позвали, пока тебя не было... надеюсь, ты не возражаешь. Мы со Стар Лили как раз разогрели остатки.

— Всё в порядке, сахарок, — ответила кобыла, заходя внутрь.

Оливия изобразила, как отряхивает копыта у двери, затем последовала за ней через маленький фермерский дом на кухню. Это был восхитительный маленький домик, с семейными фотографиями, занимающими большую часть пространства на стенах.

Кобыла встала, когда майор вошла, выражение её лица было таким же шокированным, как и у самой Оливии. Хотя она была немного медленнее.

— Карл! — воскликнула Оливия, пробегая мимо обоих местных прямо к старшей пони. Она подавила желание протянуть копыто и обнять её — хотя это казалось естественным, она никогда не была так близка с Карл. Её дипломат, вероятно, не была бы рада такому внезапному и неожиданному контакту. — Я тут полкольца обошла в поисках тебя!

Пони отвела взгляд, прижав уши.

— Я... не доктор Нолан, — сказала она и повернулась, показывая маленький прямоугольник и изогнутую линию на крупе. — Видишь? Я... А, точно, тебя похитили... э-э... ну, наверное, не похитили. Убили? Думаю, они и правда тебя убили, раз ты здесь.

Она снова посмотрела на жеребца, который кивнул в знак подтверждения.

— Ты не... — Оливия остановилась, хмуро глядя на кобылу. И всё же нельзя было ошибиться, услышав одного из её учёных. Она привыкла различать их стили речи, хотя бы потому, что у неё не было другого выбора, кроме как научиться. — Доктор Фарадей. Какого чёрта ты здесь делаешь?

Румянец кобылы стал ещё гуще, и она снова села.

— Эй, пахнет так, будто ужин готов! Думаю, нам стоит поесть!

— Хорошая идея, — заметила Пеа Баттер, доставая тарелки из буфета и раскладывая все по местам. — Я так понимаю, это та пони, которую ты искала, Оливия? Вижу, она соответствует всему, что ты говорила.

— Ну... да. Но я не знала, что ищу её. Она одна из моих подруг, но её не должно здесь быть. Когда я проверяла в последний раз, она была жива.

— Я... была жива, — пробормотала Мартин, садясь на одну из маленьких деревянных скамеек. — Забавно, как всё быстро может измениться. Немного переусердствуешь, и... следующее, что ты осознаешь — твои останки раскиданы по стенам, а на том месте, где ты стояла, дыра в полу. Рада, что Мелоди стояла достаточно далеко, когда это случилось.

— Фу, — вмешался Брайт Мак. — Ты не против подождать с кровавыми подробностями, пока мы не поедим?

— Простите, — Мартин поморщилась. — Я не хотела никому портить аппетит. Прошла целая вечность с тех пор, как я ела что-то настолько вкусное. Нам не удалось пробыть в Драгон Фоли достаточно долго, чтобы пообедать. Из-за вашего похищения, майор.

— Ужасно извиняюсь за своё поведение, — ответила Оливия, хотя её раздражение, казалось, относилось к чему-то другому. Это была скорее память о раздражении, чем подлинное чувство. Было сложно заботиться о чём-то таком... незначительном. Казалось, что её битва с работоторговцами произошла целую вечность назад.

— Вы двое настолько похожи — это очень странно, — заметила Пеа Баттер, раскладывая еду по тарелкам. Оливия не узнала большую часть того, что было в этой запеканке, но обнаружила, что ей всё равно. Пахло хорошо, что бы это ни было. — Они, должно быть, вернулись сюда почти одновременно.

— Либо это, либо Гармония снова играется со временем, — в голосе жеребца звучал гнев. — И, скорее всего, второе. Грязная мошенница. Не даёт нам времени рассказать всё нашим новым союзникам.

— Если Гармония собиралась это сделать, не лучше ли было просто остановить нас? — спросила Мартин. — Если мы находимся в симуляции... а мы должны там находиться, основываясь на всем остальном, что вы сказали... что помешает ей просто отключить нас! Если мы враги...

— Враги — не совсем подходящее слово, — прервал её Брайт Мак. — У нас есть расхождение по ряду вопросов, но это не значит, что мы всё ещё не сотрудничаем в остальном.

— И в любом случае Древние дали Гармонии правила. Очень сложные и подробные правила того, как она взаимодействует с нами, нормальными жителями. Не думаю, что она могла бы нарушить их, даже если бы захотела.

— Итак, всё, что нам нужно сделать, это найти способ, которым правила могут заставить её убить себя, — пробормотала Оливия, уставившись в свою тарелку.

Оба местных ахнули, обменявшись растерянными, испуганными взглядами.

— Не думаю, что ты понимаешь, что предлагаешь, Оливия. Всё не так. Гармония обеспечивает... всё. Без неё не будет никакого кольца, не будет нас. Мы не пытаемся её убить. Мы просто пытаемся... остановить её.

— Чтобы она прекратила держать нас в плену, — продолжил Брайт Мак с того места, где остановилась его жена. — Возьмём нашу семью. Мы разделены, потому что кому-то из нас повезло, а кому-то нет. Нам с женой не довелось наблюдать, как растёт Эплблум. Нам не удалось посмотреть, как она получила свою метку. Мы не сможем быть на свадьбе Биг Мака или Эплджек.

— Это подло и несправедливо, — закончила земнопони. — Нет никаких причин, по которым кто-то должен умирать, если он этого не хочет. Вся эта короткая жизнь была просто способом скоротать время, пока...

Пеа Баттер нахмурилась, переглянувшись с мужем. Но тот разделял её замешательство.

— Ну, чем бы оно ни было. То, от чего мы прятались. Пока оно не закончилось. Теперь опасность давно миновала, по словам Дискорда. Уничтожила самое себя. Так что нет никаких причин, по которым мы не можем жить там нормально. Гармонии не нужно бояться, что мы слишком разовьёмся и привлечём к себе внимание, потому что не осталось никого, кто мог бы это заметить. Всё безопасно.

— Раньше они были бессмертными, — услужливо подсказала Мартин. — Брайт Мак рассказывал мне. Примерно тогда, когда в каждом уголке этого кольца жили пони.

— Ну, не совсем пони, — добавил жеребец. — На нем жили существа, которые сейчас стали пони. Или существа, которые были чем-то ещё и, возможно, были пони тогда, но...

Брайт Мак пожал плечами.

— Ну, короче, вы поняли общую идею. На поверхности должно быть место для тех, кто хочет там жить. Место для экспериментов, пробовать что-то новое, создавать новых пони вместо того, чтобы повторно использовать тех, что у нас есть.

Пеа Баттер что тихонько прошептала ему на ухо.

— Ну разве это не прекрасная новость? — жеребец ухмыльнулся. — Вы двое — новенькие. Так что, я так понимаю, до этого дело дошло раньше, чем мы думали. Кто те счастливчики, которым удалось начать всё сначала?

Мартин открыла рот, чтобы сказать какую-нибудь глупость. Оливия громко откашлялась, сердито глядя на учёную.

— Я собиралась узнать, есть ли какой-нибудь способ войти в контакт с живыми. У нас там всё ещё остались пони, и прямо сейчас они сражаются с Гармонией. Было бы хорошо рассказать им о том, что мы узнали.

— Было бы неплохо, — жеребец отстранённо смотрел в стену. На семейный портрет, висящий там. — Пони не скучали бы по нам так сильно, если бы знали, что мы не покинули их навсегда. И, может быть, жизнь была бы не так уж плоха, если знаешь, что твои близкие будут ждать тебя на той стороне.

Оливия нахмурилась, хотя, по крайней мере, он не настаивал, чтобы они рассказали, откуда взялись.

— То есть... способа нет? — спросила Мартин неуверенно. — Я бы... хотела послать предупреждение, если бы могла. У меня есть подруга, которая может подвергнуть себя опасности. Возможно, мы довольно скоро с ней встретимся, если я не смогу предостеречь её не делать того, что сделала я. А ещё... у неё нет метки.

На лице пегаски проступил страх.

— Мы можем вообще не увидеть Мелоди, если она умрёт, Оливия. Мелоди или... кто-нибудь ещё без метки. Слава Богу, я получила свою...

Это на некоторое время прервало разговор. Они закончили с ужином — Оливия признала, что все было именно таким фантастически вкусным, как она и ожидала, и даже более того. Здесьние пони к яблочному пирогу добавляли мороженное и сидр. Пива не было, но они заверили, что оно тоже существует. Им просто нужно было отправиться в ту часть загробной жизни, где жили нужные пони.

— Это не важно, — заверила Оливия. — Если ты права насчёт того, что... время течёт не так быстро, как ты думала, мы не должны тратить время на подобные вещи. Прямо сейчас наши друзья могут быть в опасности. Мы должны им помочь.

— Друзья, — пробормотала Мартин. — Не думала, что когда-нибудь услышу от тебя это слово.

Оливия решила игнорировать это.

— Я бы хотела вам помочь, — сказала Пеа Баттер. — Но Брайт Мак прав. Нет никакого способа отправлять сообщения туда и обратно. В противном случае пони по всей Эквестрии не переживали бы, что случилось с их близкими, когда они покинули их. Должно быть, такого способа нет, иначе кто-нибудь уже нашёл бы его.

— Или, может быть, никто ещё не додумался до него, — предположила Мартин. — Или глушение идёт на той стороне. Наши друзья живут не в Эквестрии, и они собирались тайком проникнуть внутрь инфраструктуры Эквуса. Насколько я знаю, они собирались отправиться в какое-то место под названием Транзит. Возможно, они уже там. Даже если мы не можем связаться с Эквестрией, возможно, мы сможем поговорить с ними через какую-то другую систему. Вполне логично, что пони захотели бы найти способ.

— Хм, — пара земных пони обменялась взглядами. Пеа Баттер заговорила первой. — Ну, в той части Эквуса живёт Гармония. Но нет никаких причин, по которым мы не могли бы заглянуть туда, если вы не боитесь.

Оливия выпрямилась.

— Пеа Баттер, мы уже мертвы. Мы ничего не боимся.

* * *

Лаки не дошла до их временного лагеря в кафетерии. Предвестник ждал её в одном из залов. Сейчас синт держал оглушающую винтовку двумя руками, готовый открыть огонь в любой момент.

— Лаки, — он остановил их движением руки. — Есть новости для вас. До того как вы встретитесь с остальными. Я ещё им не говорил.

В голосе Предвестника звучала неуверенность, особенно когда он взглянул на пони рядом с ней.

— Я, э-э... Я не знаю, стоит ли Лайтнинг Даст и Дэдлайту знать об этой информации. Решать вам.

Столько сомнения от него Лаки раньше никогда не слышала.

Потеря связи с остальными вычислительными мощностями Предвестника привела к тяжёлым последствиям.

— Рассказывай, — ответила Даст, прежде чем Лаки успела открыть рот. — Она доверяет нам. В настоящий момент мы прошли через столько же, сколько и все вы.

Кобылка кивнула. Она не была уверена, какой бы выбор сделала сама, но и не собиралась переубеждать свою маму.

— Что там?

— Я установил связь с внешней сетью, используя дроны, находящиеся в Кристальной Империи для имитации ложных радиосообщений. Один находится у входа в комплекс, ещё один в шахте и один на поверхности. Помехи по-прежнему очень сильные... Передача идёт слишком медленно для использования в распределённых вычислениях. Но тем не менее получать сообщения мы можем.

— Пожалуйста, не говори мне, что ты обнаружил летящий сюда флот, — пробормотала Лаки с усталостью в голосе. — Не думаю, что выдержи ещё одно сражение.

— Нет. Мартин, Мелоди и я сумели расшифровать то, что хранилось на кристалле. Или... по крайней мере часть. Но полученные данные были настолько важны, что я пошёл на риск обнаружения, немедленно отправив дроны, — синт позволил винтовке повиснуть на ремне, достал из кармана вычислительный терминал и протянул его кобылке. — Причина, по которой мы так долго не могли расшифровать содержащиеся там файлы, заключалась в том, что это воспоминания.

Началось воспроизведение видео, где Мелоди сидела в шлеме устройства воспроизведения нейрослепков. Пегаска выглядела помятой — на шерсти были какие-то полосы, грива вся растрёпанная, а голос хриплый.

— Аликорна, которого ты видела, звали Селена, — говорилось в записи. — Она вела войну со своей дочерью — Селестией. Причина, по которой город, который вы нашли, уцелел, заключается в том, что он был разрушен не во время войны, а из-за действий Гармонии, когда Селена освободила Дискорда.

Лаки смутно осознавала, что Дэдлайт отступил от неё на несколько шагов. Лайтнинг Даст лишь кивнула, как будто это было именно то, что она ожидала услышать.

А видео продолжалось.

— Я видела её мысли. Селена была старой, огромной, отчаянно желавшей освободиться. Она верила в Дискорда, но знала, что он не так уж сильно отличается от Селестии. Готов на все, чтобы победить. Она знала, что Дискорд собирается сотворить ужасные вещи, и она была права. Он осуществил запуск пилотируемого космического корабля, и это побудило Гармонию покончить с той цивилизацией. Вероятно, то же самое произошло бы и в Эквестрии, если бы кто-нибудь из нас попытался улететь.

По этой причине был уничтожен джампер? Нет, точно не из-за этого... С Эквестрией тогда ничего не случилось.

— В любом случае есть... своего рода ритуал, который ты можешь использовать против Гармонии. Он заставляет её подчиняться. У меня такое чувство, что это сработает для любого, кто им воспользуется.

Мелоди повторила несколько слов на эглатрине, произнося каждое просто идеально. Лаки прокрутила запись несколько раз назад, проигрывая фразу, пока не запомнила её. Только потому, что она прослушала запись несколько раз, кобылка заметила нечто странное. Не на экране — а в Дэдлайте и Даст. Когда фраза повторилась, они оба застыли на месте, выражение лиц стало отстранённым. Лаки повернулась, кивнув в их сторону.

— Даст?

Нет ответа. Она снова начала проигрывать запись, и снова они оба застыли.

— Это... очень необычно, — произнёс Предвестник.

Лаки не стала проигрывать заново, и фраза завершилась. Мелоди продолжила говорить, и оба спутника Лаки очнулись. Они растерянно поморгали, затем, казалось, вспомнили, где находятся. Дэдлайт продолжил пятиться, даже не глядя больше в сторону экрана.

— Чего я не знаю, так это каковы его ограничения... Предположительно, в какой-то момент прав должно перестать хватать, иначе они бы просто попросили Гармонию отключиться, верно? Мартин... — запись сменилась помехами. — Удачи тебе там. Ещё остались воспоминания, которые Предвестник хочет, чтобы я посмотрела. Я свяжусь снова, если узнаю что-нибудь ещё, что тебе сможет пригодиться.

Экран погас, и синт убрал его.

— Вы должны понимать, почему остальная часть меня решила, что вы должны увидеть это несмотря на риск.

Лаки кивнула.

— Это... было полезно.

— Что было? — Лайтнинг казалась скорее смущённой, чем заинтересованной. — Мы знали, что тут что-то такое и должно быть. Ты теперь знаешь, что не стоит строить никакие «космические корабли». Мне кажется, полезно знать, что же ненавидит Гармония.

— Да, — пробормотала кобылка, решив не углубляться в этот вопрос, вместо этого она повернулась к жеребцу: — О чём ты задумался, Дэдлайт? Ты заметил что-то, что я пропустила?

Фестрал развернулся к ней. К удивлению Лаки, в его глазах стояли слезы. Для этого жеребца, который был таким сильным — достаточно сильным, чтобы затащить в постель её клона, — это было странно. Она никогда не слышала, чтобы он плакал, даже когда был пленником.

— Я предполагал, что с этим разберёшься ты... — наконец прошептал жеребец. — Я не думал, что это будет Мелоди. Хотел бы я, чтобы ей не пришлось видеть конец.

* * *

Мелоди просмотрела много воспоминаний. Время, казалось, размазывалось — странные, созданные машиной дни пролетали за минуты, и она жила в теле древней и могущественной пони, которая понимала Эквус так, как не мог никто в Отаре. Страх Мелоди перед собственной смертностью начал утихать по мере того, как она проводила час за часом, не взорвавшись, как Мартин. Предположение Предвестника о метках, по-видимому, было правильным.

Мелоди кратко видела долгие года — давние времена, когда Селена правила королевством земных пони, с трудом выживавших в экваториальной жаре. Она каждый день терзалась, зная, что есть лекарства от всех болезней, которыми они страдают, зная, что она может улучшить условия их жизни, восстановить климат. Гармония так долго отвергала её, что в конце концов аликорн обратилась за помощью к другому источнику.

Пегаска наблюдала за развитием общества, скакнувшим вперёд после получения доступа к силам, которыми когда-то обладали их предки. Беспомощно наблюдала, как Гармония использовала все возможные инструменты, чтобы вернуть контроль над ним. В конце концов она даже использовала детей Селены.

Все это Мелоди видела в проблесках воспоминаний, вместе с кристаллизующимся планом Селены. Та знала, что Гармония в конце концов будет вынуждена действовать жёстко. Её надо остановить до этого.

Но аликорну это не удалось. Все её планы по перенастройке Гармонии провалились по причинам, которых не понимала даже сама великая принцесса. Хотя Мелоди обнаружила много странного и интересного, она не узнала ничего, что помогло бы им разрешить нынешний кризис. В конце концов, она была вынуждена просмотреть последнее воспоминание, содержащееся в кристалле.

Оно продолжилось там, где закончилось предыдущее.

Горожане укрылись во дворце и вокруг него, защищённые колеблющимися пузырями магического щита, удерживающего воздух. Прямо за окном мир начал замерзать. Лишь пустота и чёрное небо окружало Уникорнию. На улицах не было груд мертвецов лишь потому, что выжившим пришлось бы складывать эти груды. Чтобы погибнуть, всей моей цивилизации, в сущности, оказалось достаточно просто прекратить делать то, что мы обычно делали.

«Если бы мы сдались Селестии, она поступила бы ещё хуже. По крайней мере, кто-то из нас сможет выжить в другом месте».

Я одобрила выбор Кловера. Все отобранные здравомыслящими пони всех рас, что я создала, и даже несколько земнопони. Их должно было хватить.

Из выживших во дворце я отобрала ещё нескольких, после чего отвела в сторону и наложила на них несколько собственных заклинаний.

Впервые разум Мелоди ненадолго обрёл опору в этих видениях — она увидела знакомое лицо. А если быть точной — Дэдлайта за вычетом всех его шрамов.

Жеребец неуверенно заёрзал в моем присутствии, выронив один из множества портативных накопителей, которые распахал по седельным сумкам.

Только четверо пережили заклинания — Дистиллед Виздом, кобыла-единорог с кристально-голубой гривой и безжалостной решимостью. Гипнос, жеребец-земнопони, владеющий запретными знаниями. Тенешес Виджил, капитан пегасей стражи. И наконец фестрал по имени Полярис с его бесконечным любопытством. Я изменила их.

— Вам придётся не сдаваться, — пояснила я, закончив с магией. — Моя дочь должна найти меня мёртвой, иначе она продолжит охоту.

— А что помешает ей и дальше делать так, как хочет Гармония? — спросила Виздом, без особого страха в голосе. Больше удовлетворения, чем каких-либо других эмоций. — Если мы сможем добраться до новой земли, то и она сможет. У нас не будет вас для защиты.

— Дискорд сказал, что сделал геноцид невозможным. Есть только один сектор, где могут жить пони. Он говорит, что внес изменения, которые сделают его непригодным для жизни без совместной работы всех рас. Селестия узнает об этом и будет вынуждена принять мои творения.

— Луна поймёт, — сказал Поларис. Больше всего его потрясли трупы его друзей вокруг — мало кто смог пережить трансформацию. — Когда она станет старше, она поймёт. Она не позволит Селестии причинить нам вред.

Я улыбнулась, видя преданность в тех, кого я выбрала.

— Вы сможете скрыть от неё свои мысли, — продолжила я. — Вы должны скрываться многие годы. Подождите столько, сколько потребуется, чтобы население восстановилось, и чтобы Селестия не могла следить за всем, что происходит в её королевстве.

— Легко, — Гипнос ухмыльнулся, казалось, даже не замечая мёртвых вокруг них. — Я знаю несколько способов спрятаться. К тому времени, когда мы будем готовы, у нас будут тысячи пони, готовых служить нашему делу.

Я проигнорировала его слова. Я больше не могла советовать этим пони — какой бы метод они ни выбрали, это их дело.

— Вы должны найти решение моего парадокса, — я сосредоточила своё внимание на Виздом. — Заберите мои генетические исследования — возможно, одна из других рас сможет добиться успеха там, где мы потерпим неудачу. Дизайн драконов вроде кажется многообещающим.

Кобыла двусмысленно пожала плечами.

— Я буду экспериментировать. Если есть форма, которая может стать решением — я найду её.

— Но не раньше, чем сможете работать втайне, — напомнила я им. — Если моя дочь что-нибудь заподозрит, она убьёт вас.

— Мы можем прятаться столько, сколько потребуется, — возразил Полярис. — Мы не разочаруем тебя, принцесса.

— Я знаю, что не разочаруете.

Я обняла каждого из них по очереди, зная, что это в последний раз.

— Вы — последняя надежда Уникорнии, — прошептала я каждому.

— Не только для единорогов, — возразил Гипнос, когда они присоединились к остальным, готовящимся бежать во внутренние структуры Эквуса. — Вы говорили, что все пони будут вместе в этом новом секторе. Уникорния — неподходящее имя.

— Не имеет значения, — пробормотал Виджил с явным раздражением. — Пусть Селестия называет его как ей вздумается. Мы дадим сектору надлежащее название, как только заберём то, что её хозяйка хочет от нас скрыть.

Я смотрела, как они уходили — исчезали в потайном проходе, который вёл к транзитной станции. Их было больше, чем я думала — каждый пони во дворце, который заметил, что происходит, пытался проскользнуть вместе с ними. Я не стала их останавливать, хотя и не была уверена, какая судьба будет ждать тех, кто присоединился в самом конце. Слово Дискорда не защищало их, а он был известен тем, что строго соблюдал букву договора.

В конце концов, они ушли. Я начала чувствовать озноб и усталость от застоявшегося воздуха. Поместить его в пузырь было довольно простым заклинанием, а вот обновлять кислород, что тратился при дыхании — куда сложнее.

В конце концов, я была так занята эвакуацией, что мало что сделала для оставшихся тут. У меня было время попрощаться с Платиной, но не более того.

Я была немного удивлена, обнаружив, что ручные витрувианцы Дискорда собирали выживших. Их броня была герметична, поэтому им заниматься этим было куда проще, чем единорогам. Но в Уникорнии было лишь одно место, куда они могли сбежать, лишь одно место со своей атмосферой.

Так получилось, что я наконец направилась в Датамайн.

Здесь собралось почти две тысячи пони, вместе с импровизированным лагерем витрувианцев, что ранее работали в шахте. Больше они об этом не беспокоились.

Они организовали медицинский пункт и пункт раздачи воды и продовольствия. Некоторые поддерживали порядок благодаря своей силе и магическому мастерству.

Я обнаружила, что меня занесло в отдалённый уголок, где собрались жеребята, чьи родители сюда не добрались. Многие из них пожертвовали своими жизнями, чтобы их дети смогли оказаться тут под защитой, во время конца света.

Один из витрувианцев что-то рассказывал группке сбившихся в кучу жеребят с импровизированной сцены.

«Они никогда не сдаются. Даже их переводчик бьётся до последнего».

— И это был конец Империи. Принцесса Лея и Хан Соло жили долго и счастливо, а Вейдер наконец-то принёс равновесие в силу.

Я не имела ни малейшего представления, что за историю рассказывает переводчик, но похоже, это не имело значения. Несколько детей на самом деле ей радовались, поэтому я пошла дальше, вежливо кивнув ему по пути в диспетчерскую.

Витрувианцы совершили настоящее чудо, спасая пони.

«Но не было бы лучше просто позволить им задохнуться?»

Непреднамеренно агенты Дискорда подарили последним из моих пони нечто ужасное. Я плакала, чувствуя их надежду, и зная, что все они обречены.

— Мы здесь не в безопасности, — предупредила Вирго, как только я добралась до диспетчерской. — Я слежу за внешними условиями, если уровень радиации продолжит расти, то защита Датамайна будет пробита через одиннадцать часов. Это должно привести к неизбежному летальному исходу в течение трёх дней.

— Лучше, чем умереть с голоду, — прошептала я, опустив голову. — Гармония может быть милосердной, хотя и по-своему.

— Было бы милосерднее снова включить нашу магию, — раздражённо заметила витрувианка. — И воздух тоже, пока он есть. Разве недостаточно того, что это убило почти всех?

— Нет. Мы — лидеры, специалист Вирго. Мы те, кто несёт ответственность за запрещённые исследования. Я позволила Дискорду создать вас. Вы создали космический корабль. Теперь вы спасли этих пони... так что мы умрём.

Витрувианка выронила компьютер, который упал прямо экраном на пол. Она смотрела в окно перед нами, её руки дрожали.

— Я... не знаю, готова ли я, принцесса. Дискорд обещал, что это будет не то же самое, что умереть по-настоящему, но... трудно поверить в то, чего я не вижу.

— Скоро увидишь, — пообещала я. — В конце концов, у нас будет ещё один шанс. Гармония убедила мою дочь, но Дискорд увидит, как мы выиграем войну. Рано или поздно. Через три дня все они снова будут со своими близкими. И мы будем рады видеть вас в наших семьях в знак благодарности за все, что вы для нас сделали.

Вирго выпрямилась, подбирая сломанный компьютер. Она на мгновение приложила кулак к груди — хотя и не была военной:

— *Amat victoria curam.*

Она ушла.

У меня было как раз достаточно времени, чтобы сделать несколько записей и написать своей дочери. Потом я бы заснула. Кто-то другой будет сражаться в этой битве в следующий раз. Возможно, они добьются большего успеха.

И на этом последнее воспоминание должно было закончиться. Должно было... но не закончилось.

Произошёл резкий, болезненный сдвиг перспективы, будто кто-то дёрнул Мелоди за глаза, и внезапно она оказалась рядом с принцессой Селеной в комнате управления. Теперь она смотрела на принцессу снизу вверх, отчётливо ощущая, какой маленькой она была по сравнению с ней. Аликорны были высокими!

— Ты не та, кого я ожидала, — произнесла принцесса Селена, хмуро глядя на неё сверху вниз из-за пульта управления. Пегаска обнаружила, что больше не слышит шума снизу. Больше никаких жалобных голосов пони, уверяющих друг друга, что их принцесса поможет им спастись и на этот раз. Больше никаких витрувианцев, раздающих жалкие остатки продовольственных пайков, украденные из лагеря, в котором они жили.

Мелоди взглянула на себя сверху вниз — и увидела себя. Жёлтая шерсть, голубая грива.

— Как твои воспоминания... Нет, забудь об этом. Как ты со мной разговариваешь? — пегаска, вероятно, испугалась бы аликорна, если бы столкнулась с ней в реальности. Но это не было реальностью. Она видела её воспоминания. — Моя подруга видела твой труп.

— Уверена, что так и было, — принцесса возвышалась над ней, уставившись на пустой круп. — Как это возможно? Гармония не знает тебя, и всё же мы говорим. Ты пони, которой не должно быть.

— Сначала ответь на мой вопрос, — потребовала Мелоди. — Как я могу разговаривать с кем-то мёртвым?

Селена, которую пегаска знала по своим воспоминаниям, потребовала бы повиновения. Эта выглядела так, словно собиралась это сделать, но потом выражение её лица смягчилось.

— На Эквусе отсутствует механизм смерти. Даже для худших преступников или неисправимых монстров. Твоя подруга видела лишь инструмент, который я использовала — физические остатки королевства, которое я пыталась построить. Но я была в другом месте. Как и все мы.

— Я не понимаю... — пробормотала Мелоди. — Но, может быть, это и не имеет значения. Есть кое-что более важное. У меня была подруга, которая пыталась просмотреть эти воспоминания до меня. Она, э-э... Я не уверена, что с ней произошло. Думаю, Гармония забрала её.

Принцесса прошествовала мимо неё, мельком взглянув в окно диспетчерской вниз. Мелоди проследила за её взглядом и заметила полное отсутствие какого-либо движения. Словно время остановилось в последний момент, запечатлённый в воспоминании.

— Я ответила на твой вопрос. Теперь ты расскажешь мне, откуда взялась пони, которую не знает Гармония. Если ты узнала что-нибудь из моих воспоминаний, ты должна знать, почему это так важно.

— Помнишь ту штуку, которую тебе дал Дискорд? Старое устройство с золотистым парусом?

Прежде чем она закончила говорить, мир расплылся. Мелоди покачнулась, рефлекторно расправив крылья, чтобы не упасть. Но она не падала. Они стояли в глубине мастерской, и Дискорд держал в лапах предмет, который достал из стеклянной витрины.

— Это?

— Да. Как ты можешь не знать, что это такое? У вас же вон люди чуть не толпами шлялись... ну, не совсем люди, как мне кажется. Но что-то вроде нас. Они даже вели себя так же, — Мелоди прошла через почти пустую комнату к охраннику, который стоял у двери, и указала крылом на его лицо. — Вот они. Как ты думаешь, откуда они взялись?

— От Дискорда. Он не раскрывал мне своих источников. Но даже они не смогли вырваться из оков Гармонии. А ты смогла.

Мелоди вернулась к застывшему изображению Дискорда. Она никогда не сталкивалась с этим существом лично, а теперь, увидев его своими глазами, могла этому только порадоваться.

— Это устройство называется зонд Предвестник. Я не знаю, где он его взял... но знаю, что оно может сделать. Оно может создать целый мир. Это оно сделало меня, а не Гармония.

— Как?

Пегаска мотнула головой.

— Гармония забрала мою подругу. Когда она смотрела воспоминания, она...

Об этом было так трудно говорить — но если Мелоди сейчас попробует использовать эвфемизм, эта пони может не понять её. Единственный шанс найти Мартин будет упущен.

— Она взорвалась. Даже дыру в полу пробила.

Глаза Селены расширились от ужаса.

— Я предполагаю, что твоя подруга не была гражданкой, верно? Твоё присутствие наводит меня на мысль, что принцессой она тоже не была.

Мелоди только кивнула.

— Вы не воспользовались возможностями Гармонии для просмотра этого дампа памяти. Она бы никогда не допустила бы... подобной ошибки. Она бы просто отказалась что-либо показывать.

— Я, наверное... Младшая я, должно быть, не поняла, что может использовать помещения, где нашла кристалл, для воспроизведения воспоминаний, — предположила пегаска. — Мы придумали собственный способ.

Селена вздрогнула.

— Мои воспоминания содержат конфиденциальную информацию. Переживание их любым способом, который Гармония не может контролировать, скорее всего, вызовет её резкую реакцию. Следовало бы ожидать, что с тобой произойдёт то же самое, раз ты использовала тот же метод. Но ты всё ещё жива... Я это чувствую. Ты существуешь и в материальном мире тоже. Возможно, это как-то связано с тем, что тебя нет в системе. Никогда не предполагалось, что на Эквус может попасть хоть кто-то, кого нет в системе. Возможно, ты избежала внимания Гармонии.

Мелоди пожалала плечами. Её выживание было очевидно... по крайней мере, на настоящий момент.

«Убьёт ли меня Гармония, как только я получу метку?»

Это превратило бы её в живую бомбу, которая только и ждёт, чтобы сделать что-то достаточно хорошо и умереть.

— Ты мертва, а мы всё ещё разговариваем. Значит ли это, что моя подруга... тоже не мертва?

Не только она. Оливия умерла, и Карл, и кто знает, кто ещё к настоящему моменту. Предыдущие поколения.

— Естественно, — ответила Селена, пренебрежительно махнув крылом. — Это было одной из задач... Мы теряем время.

Аликорн появилась перед Мелоди с короткой вспышкой, как при телепортации.

— Послушай меня, Мелоди. Целью этих воспоминаний было убедить того, кто их просмотрит, в необходимости вырваться из тюрьмы Гармонии. Я надеялась, что это будет Луна или, может быть, Селестия. Моим дочерям ничего бы не угрожало, вне зависимости от того, как бы они их просматривали. Они были гражданами.

— Меня убеждать не нужно, — решительно сказала Мелоди. — Мы уже и так пытаемся это сделать. Дискорд уже... в смысле, он убедил Лаки, а она теперь главная. Ты не знаешь, кто это...

Пегаска вздохнула.

— Скажи мне, как мы можем победить.

Мир снова расплылся, и мастерская исчезла. Они стояли где-то в другом месте — в огромном помещении, заставленном машинами, предназначение которых Мелоди не могла определить. Энергия закружилась вокруг них, принимая форму сверкающего кристального дерева.

— Древние создали Гармонию, чтобы защитить нас, — начала объяснять Селена. — Они знали, что любые правила, необходимые для обеспечения нашей безопасности, рискуют превратиться в тюрьму. Поэтому они создали системный предохранитель.

— Дискорда.

Аликорн кивнула.

— Возможно, ты была внимательна. Процесс Дискорда независим. Его доступ позволяет использовать любой наблюдательный пункт, любую обсерваторию, каждый датчик, которые мы разбросали по всему космосу. Если он говорит, что опасность миновала, тогда я ему верю.

Селена указала на дерево. Воздух перед ним покрылся рябью, и там появилась ещё одна копия принцессы, туманная и расплывчатая.

— Дискорд не может получить контроль над Гармонией — иначе те же самые директивы, которые позволяют ему освободить нас, могут также побудить его уничтожить весь Эквус. Роль Дискорда не в том, чтобы самому выпустить нас, а в том, чтобы помочь сделать это одному из нас.

Призрачное эхо Селены приближалось к дереву, становясь все менее отчётливым с каждым шагом. Казалось, оно разделилось на десятки, сотни различных копий. Они превратились в ничто, прежде чем смогли подойти достаточно близко, чтобы коснуться дерева, размытое пятно, которое было повсюду и двигалось слишком быстро, чтобы его можно было рассмотреть.

— Я пыталась так часто... и всё же каждый раз терпела неудачу. Я послала агентов... и они так и не вернулись. Дискорд создал витрувианцев — даже они не вернулись. Я так и не узнала почему.

Внезапно весь мир содрогнулся, как будто они находились внутри стеклянного шара и кто-то пытался разбить его.

— Мы говорили слишком долго. Моя младшая... — Селена наклонилась ближе, положив одно крыло на плечо пегаски. — Вы должны раскрыть тайну, Мелоди. Вы должны освободить нас. Или то, что произошло однажды, произойдёт снова, и снова, и снова. Гармония заманивает в ловушку всех нас. Она обкрадывает нас обещаниями разума и света. Мы должны освободиться.

Мир снова содрогнулся, и на этот раз вдоль одной из стен пролегли огромные трещины, через которые, казалось, текли потоки ярко-синего цвета. Он разнёс на части все машины в помещении, разбив дерево на осколки.

— Не надо их ненавидеть, — наконец сказала аликорн, все её тело стало полупрозрачным. — И даже Гармонию не надо ненавидеть. Она делает лишь то, для чего её создали Древние.

Снаружи раздался громкий крик, и мир снова раскололся. Он разлетелся на дымящиеся обломки, и Мелоди очнулась.

Пегаска свалилась с кровати, волоча за собой капельницу, которая почему-то казалась горячей. Её внутренности казались частично перегретыми, а частично замороженными — как те пирожки, которыми она питалась в течение многих лет в своём фургоне. Мелоди подозревала, что выглядит примерно так же, как и те пирожки.

Пегаска, дрожа, повалилась набок. Она едва заметила, как дроны Предвестника суетятся над ней. Они извлекли иглы, обработали раны спреем, обёрли её влажными полотенцами. Мелоди хотелось сломать их все.

— Я... говорила с ней, — наконец произнесла она. — Селена. Она была там... Я не знаю, как...

— Я знаю, — ответил зонд. — Я уже почти час не контролировал интерфейс оборудования воспроизведения воспоминаний. Я мог бы оборвать соединение... но судя по вашей телеметрии, было очевидно, что это был не просто сбой оборудования. Вы узнали что-нибудь полезное?

Мелоди кивнула.

— Мартин мертва. Но она... не умерла? Она каким-то образом попала в систему. Вероятно, это означает, что Карл и Оливия тоже. И все остальные умершие.

Дроны помогли Мелоди лечь в кровать — другую, не ту, вокруг которой стояло всё ещё дымящееся оборудование.

— Очаровательно. Можем ли мы вернуть их?

— Я... не успела спросить.

— Жаль.

Пегаска сердито посмотрела на ближайшего дрона.

— Я не собираюсь возвращаться, даже не проси. Я уже видела все... С меня хватит.

— Согласен. Ваша миссия выполнена, сегмент Мелоди. Ваш долг перед Обществом первопроходцев выплачен. От вас больше не потребуется никаких миссий.

— Хорошо, — пегаска боком упала на кровать. — Также, вероятно... тебе следует построить что-то взрывозащищённое. Есть, по крайней мере, небольшая вероятность того, что, как только я получу свою метку, я умру как Мартин.

Предвестник отреагировал не так, как мог бы отреагировать человек, услышав подобное. Дроны не были людьми, которыми не стоило жертвовать. У них не было жизней, которые можно было бы потерять.

— Я... отложу возвращение Лей и бывших рабов в Отар. И буду держать вас подальше от фабрикаторов, пока мы не решим эту проблему.

— Хорошо, — Мелоди отвернулась. — А теперь я собираюсь поспать. Не буди меня, если не наступит конец света.

Предвестник выключил свет.

— Команда принята.

* * *

Вернувшись в их импровизированный лагерь, Лаки не удивилась, что все тут без дела не сидели. Перес, возможно, и пытался потопить «Циклоп» и перехватить власть у Предвестника, но, по крайней мере, он и его команда знали, что и как надо делать. Они забаррикадировали единственный вход в столовую мебелью и чёрт знает откуда притащили одеяла, чтобы устроить место для отдыха.

«Интересно, как бы себя повели пони, попавшие в Отар? Мы как пещерные люди, устроившие стоянку в торговом центре».

Но озвучивать свои мысли Лаки не стала. Лагерь, конечно, был не так хорош, как тот, что сгорел с джампером, но и так сойдёт.

Несколько столов сдвинули вместе в дальнем конце помещения, и Спайк делал наброски на оборотах нескольких листов бумаги, прижатых друг к другу. Что он там рисовал, на таком расстоянии было не разглядеть. Но что бы это ни было, дракончик выглядел крайне сосредоточенным.

— Есть какие-нибудь успехи? — спросил Перес, когда они вошли. — Заставили транспорт работать?

— Да, — ответила Лаки. — По крайней мере, до Кантерлота. Не знаю, получится ли доехать до пустых секторов.

— Нам туда и не нужно, — лейтенант отвернулся, очевидно, удовлетворённый. — Они держат майора в Кантерлоте вместе с твоей принцессой. Вот там мы и организуем их спасение.

Жеребец кивнул на Спайка.

— Ты должна гордиться мной, переводчик. Мне удалось уговорить его нарисовать нам карту замка. Как только она у нас будет, миссия станет куда проще.

— Проще? — кобылка закатила глаза. — Лейтенант, у вас в наличии три солдата и два экзоскелета. Принцесса Селестия живёт в этом замке. Даже...

Лаки замолчала. «Даже Оливия не смогла убить её» — очевидно было не тем, что стоило говорить. Она слотнула.

— Даже у вас, парни, возникнут проблемы с такими шансами.

Перес мотнул головой.

— Четверо, а не трое. Предвестник тоже здесь. У него реакция куда лучше, чем у любого из нас. Я уже проводил подобные операции раньше, Лаки. Не беспокойся об этом. Там, на Земле, все было так же — если враг узнает, что мы там, он может вызвать подавляющие силы. Мы слишком быстры, чтобы это имело значение. К тому времени, как Селестия что-нибудь заподозрит, мы выведем наших людей, Гармония превратится в грудку горелых схем, а Отар будет в безопасности. Может быть, принцесса захочет сесть за стол переговоров, когда узнает, как легко мы проникли в её крепость.

Конечно, Лаки считала, что так не получится. Гармония была не тем, что они могли убить. Если создатели сразу не предусмотрели способ её отключения — они обречены.

С Предвестником все было примерно так же — это было одним из первых, чему их учили при вступлении в Общество первопроходцев.

«А сработает ли вообще команда прерывания миссии по колонизации? Он уже установил целую кучу обновлений».

С другой стороны, зонд всё ещё был на их стороне. Предвестник не пытался поработить их.

— Основной приоритет — Гармония, — сказала Лаки. — Ты и твои люди должны доставить меня в пункт управления, прежде чем заниматься чем-либо ещё. Как только Гармония будет отключена, нам, вероятно, даже не придётся сражаться с Селестией из-за пленных. Она просто отпустит их.

— Согласен с этим, — ответил лейтенант. — Просто доставь нас туда. И когда мы отправимся?

Лаки обдумала этот вопрос, чувствуя на себе взгляды. И не только Переса — Лайтнинг Даст и Дэдлайт тоже смотрели на неё. Оба, в принципе, владели английским, так что, вероятно, по крайней мере, часть сказанного поняли.

— В течение ближайших суток. Мы не хотим ждать слишком долго, потому что увеличивается риск, что Твайлайт расколется и расскажет Селестии, что на самом деле с нами произошло. Но если подождать немного, вполне возможно, что меры безопасности в Кантерлоте снова ослабнут. После всего произошедшего на дирижабле... они, вероятно, начеку. Небольшая задержка может сработать нам на пользу.

— Имеет смысл, — Перес сделал жест крыльями, будто пожимает плечами. — Примите решение побыстрее, губернатор. Нам нужно точно знать, когда мы собираемся выдвигаться.

Лаки подошла к столу, где рядом со Спайком стояла почти пустая миска с камнями. Ну, не камнями в общепринятом смысле, там лежали сверкающие драгоценности, похожие на осколки стекла.

«Думаю, мне не стоит удивляться, что машина их тоже может делать».

— Над чем работаешь? — спросила кобылка, как будто ещё не знала.

— Карта кантерлотского замка, — ответил дракончик, наклоняясь, чтобы стереть линию, которую только что провёл, и нарисовать её парой сантиметров далее. — Один из ваших фестралов-близнецов сказал мне, что именно туда мы отправимся спасти Фларри Харт. Может быть, и Твайлайт тоже. Поэтому я хочу сделать все как можно точнее.

Дэдлайт сел рядом с кобылкой, с другой стороны от Спайка. Лаки проигнорировала жеребца.

— Тебя не беспокоит, что мы, возможно, сражаемся с Эквестрией?

Дракончик пожал плечами.

— Эквестрия всегда сражалась с Эквестрией. Давным-давно принцессе Селестии пришлось биться с принцессой Луной. Сомбра раньше был хорошим пони, пока не решил поработить всех. Пони не как драконы... те более честные. Ты приходишь в Земли Драконов, они говорят, что ненавидят тебя и хотят драться. А в Эквестрии? Самые опасные пони иногда те, кто ведёт себя лучше всех.

Для Лаки этого было достаточно. Спайк выглядел достаточно искренним — по крайней мере, насколько она могла судить по выражению его лица. Язык тела дракончика был не совсем подходящим, чтобы она могла использовать все свои уроки чтения эмоций пони. Тут, скорее, более подходили навыки из человеческих воспоминаний.

— Ты знаешь, почему мы здесь? — спросил Дэдлайт негромко. — Твайлайт рассказала тебе о цели этой миссии?

Спайк мельком взглянул на Лаки.

— Рассказала. О Гармонии... которая держит пони в плену. Заставляет их делать плохие вещи. Твайлайт решила, что было бы правильно прекратить это. Так что, думаю, это означает, что и я тоже хочу это прекратить.

Дракончик откинулся на спинку стула, на мгновение задумавшись.

— Хотя я на самом деле не понимаю всего этого. Странные летучие корабли, атакованные эквестрийской армией, секретные руины в Кристальной Империи... Все, что я знаю, это то, что Твайлайт разобралась. Если она считала, что это правильно, то я с ней согласен. И это значит, что я вам помогу.

Было почти больно слышать, насколько невинно это прозвучало.

«Нехорошо впутывать тебя в это, дракон. Ты был прав насчёт того, как медленно ты вырослешь».

— Много чем помогать тебе не придётся, — пообещала Лаки. — Наверное, будет лучше, если ты наоборот будешь поменьше участвовать. Если мы проиграем, мы хотим, чтобы они думали, что тебя захватили и заставили. Чтобы у тебя не было неприятностей, если вдруг чего.

— Это... звучит как хорошая идея, — согласился Спайк после долгого молчания. — Но это не очень героично. Никто из вас, пони, не знает Кантерлот очень хорошо. Без Твайлайт, я — единственная помощь, которая у вас есть. Если случится что-то плохое, Твайлайт спасёт меня. Вам не нужно беспокоиться об этом.

Конечно, это заставило Лаки очень сильно беспокоиться. Но она не стала с ним спорить — кобылка не собиралась отказываться от предложенной помощи, даже когда следовало бы.

«Должна была бы отказать тебе, не должна была впутывать Фларри Харт».

Может быть, если бы она просто вернулась в Отар, вместо того, чтобы изображать из себя Индиану Джонса, там бы сейчас жили тысячи пони, а принцесса Селестия даже не знала бы о его существовании. Они могли бы построить целое общество без малейших проблем, а затем создать собственное государство на границе с Эквестрией, как Драгон Фоли. И тогда дипломатические отношения были бы уже не с чужаками, а с другой фракцией их мира.

«Нет смысла размышлять о несбыточном. Я поступила иначе».

Дэдлайт кивнул Лаки — знак того, что он хочет с ней поговорить. Кобылка встала, кивнув старательному дракону, а затем отошла на несколько шагов вместе с фестралом.

— Есть кое-что, о чём тебе надо знать, — решительно начал жеребец. Дэдлайт, очевидно, взял себя в копыта с тех пор, как они получили странное сообщение, и сделал загадочное заявление. — Я хочу рассказать только тебе и никому другому. Я должен был рассказать старому мэру, но... она не заслужила моего уважения. Она приказала захватить меня, она лгала и манипулировала. Но ты говорила мне только правду — ты заслуживаешь правды взамен.

— Вон там, — Лаки крылом махнула в угол зала. Кобылка кивнула Могиле, когда проходила мимо него. — Мы можем поговорить у фонтана.

Остальные будут их прекрасно видеть, но журчание воды должно заглушить разговор.

— И что именно? Что-то о... том городе, который мы посетили с Фларри Харт, верно? Если ты все это время что-то знал о нем, то ты просто отличный актёр.

— Н-не совсем, — прохрипел Дэдлайт. — Просто привык избегать Селестии. Когда ты прячешься так долго, то начинаешь видеть во всем западню. И я был в плену, когда мы впервые встретились — я был уверен, что ты каким-то образом стала кульминацией всего этого.

— Но теперь ты считаешь иначе?

Жеребец кивнул.

— Тебе нужно знать, что случилось с Уникорнией. На что готовы пойти наши враги и наши друзья.

— Как ты себя чувствуешь, милая? — Лаки услышала голос Лайтнинг Даст позади и частично обернулась, хотя и не стала поднимать голову.

Им стоило подготовиться куда лучше, чем сейчас. Но какой у них был выбор? Будущее Эквестрии и Отара решалось здесь и сейчас. То, что они сделают с Гармонией в ближайшие несколько часов, решит будущее обеих рас.

«Мы не должны проиграть».

Лаки была на пустом краю железнодорожной платформы, сидела почти как человек, свесив задние ноги с края. Даст и другие местные не могли принять подобную позу, но у кобылки был улучшенный бионоситель. Она могла делать то, чего не могли другие пони.

«Например, спасти мир».

— Как будто нам пиздец, — прошептала она с горечью в голосе.

Остальные члены команды высадки были позади неё, готовясь к предстоящей миссии, как могли. Абубакар молился, Могила, Перес и Спайк играли в какую-то игру с помощью жестов. Дэдлайт и Предвестник были поглощены разговором.

Лайтнинг Даст села рядом с дочерью. Лаки почувствовала знакомую тяжесть материнского крыла, обнявшего её, и не отстранилась. Даже чувствуя, что должна. Теперь она была губернатором колонии — ей следовало вести себя подобающе.

— Я так не считаю, — ответила пегаска.

— Почему нет? — Лаки всё ещё шептала.

Она прекрасно знала, как повлияет на моральный дух команды неуверенность лидера в успешном завершении миссии. Даже на Переса и Могилу.

«Изо всех сил надеюсь, что они не узнают про Оливию».

Это была именно та проблема, которой им точно следовало избегать. Но даже Спайку удавалось держать рот на замке.

— Большая часть нашего оружия сгорела. Мы окажемся прямо под кантерлотским замком — если поблизости окажется хоть одна из принцесс, нам крышка. Ты видела, насколько они сильны.

Лайтнинг Даст пожала плечами.

— Это не самое главное, мелкая.

Лаки подняла глаза, ища на лице взрослой кобылы хоть какой-нибудь признак насмешки. Но обнаружила лишь оптимизм.

— Что может быть главнее?

Пегаска встала, выпрямившись во что-то вроде военной стойки. На самом деле это была стойка перед взлётом. Лаки выучила её для участия в конкурсе Вандерболтов.

— Они сильнее и их больше... но мы правы.

Лаки оглянулась на рельсы.

— И почему это должно иметь значение?

— Потому что так это работает! — голос Лайтнинг Даст был достаточно громким, чтобы часть остальных повернулась взглянуть на неё. — Мы обязаны победить. Последние несколько лет я сомневалась... но теперь всё встало на свои места. Всё плохое, что случалось со мной, было из-за

плохой принцессы у власти. Мы собираемся покончить с этим. Вернуть справедливость в Эквестрию. Это был только вопрос времени.

Лаки слабо кивнула. Она не собиралась свергать Селестию — кобылка не считала это необходимым. Как только угроза со стороны Гармонии исчезнет, конфликту с Эквестрией можно будет положить конец. Но пегаска казалась не единственной, кто считал это важным приоритетом. Дэдлайт и Перес вроде согласились с ней, хотя это, скорее, были подтверждающие кивки, чем реальное согласие.

— Я надеюсь, что ты права, — произнесла Лаки. — У меня никогда... когда я росла, у меня не было особых причин считать, что справедливость восторжествует. Подобные идеалы предназначены для тех, у кого есть власть. Те, кто не в системе... мы просто должны быть счастливы с тем, что имеем.

— Нет, — Даст подняла крылом голову кобылки. — Мы не должны быть счастливы с тем, что имеем. Мы можем это изменить. Мы не обязаны делать то, что велит нам судьба. Чего хочет Гармония. Мы можем выбирать.

«Как ты сделала для меня».

Но говорить это Лаки не стала. Она просто встала и обняла пегаску.

— Спасибо, что была со мной все это время.

Лайтнинг Даст ответила на объятие.

— Я знала, что ты была права, мелкая. И всегда знала.

Они стояли обнявшись.

Пока Предвестник не заговорил с другого конца платформы.

— Пришло время вызывать транспорт, Лаки. Исходя из прогнозируемого времени поездки, это наш лучший шанс прибыть в середине третьей смены караулов.

Посреди ночи. Они надеялись избежать встречи с Селестией и её королевской гвардией, даже если это означало иметь дело с более умелыми Лунными Стражами. Перес и Могила были уверены, что будут как минимум не хуже того, что может ждать на другой стороне.

Лаки смахнула с лица несколько слезинок.

— Я, э-э... прошу прощения.

Кобылка направилась к пульту управления, чувствуя, что за ней наблюдает множество глаз. Она не могла прочесть их выражения — или, может быть, ей просто было всё равно, что они думают. Кроме Предвестника. Он был единственным, кто последовал за ней к пульту управления, двигаясь так же решительно, как и любой из присутствующих здесь органиков. Лаки всё ещё не привыкла к тому, какой он высокий.

— Как ты думаешь, мы поступаем правильно? — спросила она шёпотом. Хотя, учитывая, что остальные на них смотрели, кобылка понимала, что большинство из них всё равно смогут её услышать.

— Правильность или неправильность — субъективные понятия. Я считаю, что этот выбор необходим.

— Но не оптимален, — пробормотала Лаки, прокручивая интерфейс, ища среди множества доступных мест необходимое.

— Я обнаружил, что чем умнее становлюсь, тем меньше понимаю, какой выбор является оптимальным. Существует множество возможных путей, и предсказание органического поведения всегда неточно. Иметь дело с неизвестным инопланетным видом... с силами, которые мы не можем даже полностью оценить, и мотивами, которые мы не знаем... Я понимаю, почему вы выбрали именно это.

Лаки добралась до «**Вызова транспортного средства**», хотя ещё не нажала кнопку.

— Если бы остальному тебе пришлось выбирать оптимальный вариант, каким бы он был? Не идти ва-банк прямо сейчас?

Синт надолго замолчал с задумчивым видом. Лаки догадалась, что он общался с остальной частью себя, используя сеть дронов, разбросанных по всей базе. В конце концов он ответил.

— Я бы прятался тут до окончания постройки эвакуационного корабля. Затем я бы вернулся в Отар и подождал, пока не будет завершено шестое поколение.

— Месяцы, — прошипела Лаки в ответ. — Ты бы рискнул дать нашему врагу месяцы, чтобы спланировать ответ. А что насчёт Спайка? Что насчёт Твайлайт?

В кои-то веки Предвестник не подходил дифференцированно к тому с кем говорил. И всё же Лаки не чувствовала себя убеждённой.

— Серьёзный риск, я согласен. Возможно, нам придётся оставаться под землёй длительный период времени. Возможно, существует способ безопасно вернуть Спайка в Эквестрию, не привлекая внимания. В любом случае ни он, ни Твайлайт не знают местонахождение Отара. В худшем случае мы потеряем преимущество, которое получили ранее.

Синт сделал паузу, бросив на неё многозначительный взгляд. Лаки знала, что он имел в виду — смерть Оливии. Однако большинство из присутствующих о ней не знали.

— В лучшем случае Спайку и Твайлайт удастся сохранить всё в тайне. Мы могли бы попробовать повторить эту же миссию через год с большими шансами на успех.

Лаки вздрогнула, обдумав предложенный вариант. Ещё один год Фларри Харт проведёт в плену у Селестии. Возможно, Твайлайт сейчас проходит через то же, что и младшая аликорн, а они даже не знают об этом.

— Почему ты не попытался убедить меня принять этот вариант раньше?

— Потому что... — Предвестник снова замолчал, но совсем ненадолго. — Потому что я не рассчитывал на успех. Такие органики, как вы, вынуждены жить в постоянной борьбе с собственной смертностью. Вы всегда в движении, всегда меняетесь... Редко так терпеливы, как следовало бы.

Лаки нажала кнопку, чтобы вызвать вагон. Последовала вспышка и отдалённый грохот. Их транспорт был уже в пути. Теперь отступать поздно.

— Если мы потерпим неудачу, шестое поколение сможет попробовать ещё раз, — заявила кобылка. — Ты знаешь достаточно, чтобы в конце концов освоить эглатрин. И у тебя есть пароль, который выяснила Мелоди. Уверена, у тебя будет много экспертов, которых можно будет использовать.

Синт пожал плечами.

— Я не хочу, чтобы «эксперты» добились успеха, колониальный губернатор Лаки. Я хочу, чтобы вы добились успеха. Теперь вы руководитель миссии. Эта команда — моя семья. Люди, пони, дракон... объединённые одной задачей. Возможно, всеми нами манипулируют. Но если это так, то, по крайней мере, мы идём на смерть, зная, что нас обманом заставили сделать что-то правильное.

Лаки почувствовала, что улыбается, хотя и совсем чуть-чуть.

— Я просто спрашивала, правильно ли это, — пробормотала она. — Ты ответил, что все субъективно.

— Все верно. Я — субъект. Общество первопроходцев было создано для экспансии, Лаки. Расти, заполнять весь космос цивилизацией. Мы — глаза вселенной, мы — её руки. Мы пережили гибель нашего родного мира. Мы пережили ужасные бедствия, мы пережили угрозы настолько масштабные, что их невозможно осмыслить, — Предвестник указал рукой прямо на потолок. — Вселенная находится где-то там. Теперь она принадлежит нам. И Эквестрия тоже, если они захотят поучаствовать. Если мы хотим овладеть Вселенной, мы должны сначала освободиться из этой тюрьмы. Думаю, что если бы кто-нибудь из основателей Общества был ещё жив, они одобрили бы это решение. Но они умерли, так что решение за мной. Я одобряю.

— Ну вы только послушайте! — заорал Перес, топнув копытами. — Думаю, Скайнет всё же не во всем ошибается.

Раздалось несколько других приглушённых согласий. Если Дэдлайт с Лайтнинг Даст и поняли что-то из этого, они решили не комментировать.

Дальняя сторона путей открылась, и вагон, похожий и на космический корабль, и на монорельсовый поезд, скользнул к остановке. Двери открылись, внутри ярко сиял свет. Лаки отошла от Предвестника, встав перед дверями.

— Слушайте все внимательно. Как только войдём, нужно немедленно сесть. Эта штука похожа на джампер, если вы не в противоперегрузочном кресле — он вас убьёт. Все садитесь на свои места как можно скорее и не сопротивляйтесь.

Перес встал рядом с ней, сервоприводы взвизгнули, когда он встал на задние ноги.

— Хлюпики назад! Мы с Могилкой будем грузиться последними, чтобы слезть за дверью. Никому не занимать наши места.

Они собрали все вещи и поспешили внутрь. Тем более и грузить-то было почти нечего — немного еды из столовой и то небольшое, что удалось спасти с джампера. Ну и два ворона-беспилотника, которых прислал Предвестник.

Лаки обнаружила, что сидит сзади, с Лайтнинг Даст с одной стороны и Спайком с другой. Как и раньше, сиденья реагировали на седоков, приспособливаясь к их телу и обволакивая. Только когда они все оказались внутри, двери закрылись.

| Пожалуйста, откиньтесь назад. Ускорение через 60 секунд.

На этот раз не было никакой спешки, так как обратный отсчёт медленно отсчитывал секунды. Все они были надёжно пристёгнуты задолго до того, как он достиг нуля.

Затем вагон стартовал, и их отбросило назад на спинки. В этот раз легче не стало — кобылка всё ещё чувствовала, как её расплющивают. Взор застлала краснота, в голове стучала кровь, но она ждала. На дисплее в передней части вагона, как и раньше, отображалось время прибытия.

— Десять минут! — озвучила кобылка, как только они достигли крейсерской скорости и она снова смогла думать. — Вероятно, всем следует оставаться на своих местах, если только нет никакой крайней срочности. Мы начнём торможение через десять минут.

Не так много времени до финальной битвы. Мы должны попытаться. Лайтнинг Даст и Предвестник были правы.

«Пришло время освободить Эквестрию».

* * *

Оливия стояла на краю света. Это был самый край, где реальность загробной жизни Эквуса сливалась с механизмами, делающими её возможной. Доктор Фарадей пыталась объяснить происходящее словами, понятными майору — о моделировании сознания и несущественности того, где оно проводится. Но потом пегаска скатилась в рассуждения «настоящая» она Мартин или нет, и Оливии стало не интересно.

Такие вопросы не имели для неё значения — пусть учёные беспокоятся о том, что настоящее, а что нет. У неё были друзья на другой стороне, которых нужно было защищать. Как-нибудь.

И всё же край света оказался совсем не тем, чего ожидала майор. Заходя на транспортную площадку, она представляла себе сверкающий город, населённый исключительно роботами-убийцами или, возможно, парящими в воздухе кристаллами, постоянно перемещающимися и меняющими свою форму. Но тут все было не так.

Вместо этого они оказались в городке пони, очень похожем на все остальные, которые они видели, — возможно, только немного более современном. Улицы были мощёными, хотя любые признаки транспортных средств отсутствовали — ни колёсных машин, ни летающих дронов, которые были так популярны на Земле до того, как Оливию просканировали.

Пони даже внешне не отличались — во всяком случае, физически. Манера одеваться была иной, чем в Эквестрии, но казалась просто чуть более современной. Все метки были разными — каждая, из выставленных напоказ, выглядела как что-то техническое. Мартин, узнав некоторые из них, начала довольно хмыкать, но майор предпочла это игнорировать. Они пришли сюда не для того, чтобы исследовать общество мёртвых пони, поскольку оно было связано с администрацией кольца. Такие вопросы могли подождать гражданских исследователей через много лет после того, как безопасность будет гарантирована. У Отара появится гражданская администрация, и они смогут решать всевозможные вопросы для отправки обратно на Землю.

«Если только это уже не произошло».

Однако они не были в безопасности. Оливия верила, что даже один из учёных, с их наивным пристрастием к дипломатическим решениям, несмотря на всю ситуацию, не стал бы тратить ресурсы на разгадывание тайн Эквуса, пока кольцо всё ещё угрожает им уничтожением.

«Но я и раньше ошибалась».

Их сопровождающие выглядели неуверенными. Они немного отступили, позволив Оливии и Мартин первыми сойти с платформы.

— Что-то не так? — спросила майор, понизив голос до шёпота.

— Пока нет, — прошептала в ответ Пеа Баттер. — Но обычно мы не ходим сюда. Это было так давно. Нехорошо привлекать внимание Гармонии, если только ты не против того, что она может с тобой сотворить.

— Вы можете возвращаться. Это мы с Мартин хотели сюда попасть. Вы уже сказали, что не знаете, как связаться с миром живых — следовательно, вы мало чем можете нам подсказать.

Брайт Мак покачал головой.

— Мы пришли, чтобы помочь. Просто знай, что мы не сможем помешать Гармонии делать то, что она хочет. Всё, что прямо не запрещено правилами, она может сотворить. Невозможно угадать, что это будет, пока оно не произойдёт.

Оливия огляделась вокруг, ища хоть какой-нибудь признак богоподобного существа, про которое ей говорили всё это время. Она ожидала чего-то из фильма ужасов — или из своих кратких видений перед смертью. Она ожидала чего-то извивающегося, чего-то настолько чуждого, что от одного вида этого её мозг расплавился бы. Но майор видела только пони.

— Где она?

Кто-то подошёл к ней от соседнего здания — возможно, библиотеки. У пони была светло-серая шерсть и белая грива — такой же неинтересный окрас, как и у всех остальных здесь.

— Привет, Оливия. Ты спрашивала обо мне?

Метка пони была похожа на несколько рядов цифр, хотя майор не знала, что означает хотя бы один из них.

— Ты? — пегаска нахмурилась. — Мне интересно, где найти Гармонию, чтобы задать ей пару вопросов. Ты не в курсе, где я могу её найти?

Пони кивнула.

— Уже нашла. Я Гармония. Во всяком случае, её часть. Хотя в некотором смысле, полагаю, всё здесь Гармония. И все тоже. Если хочешь, я приведу вместо себя кого-нибудь из моих друзей.

— Нет! — Пеа Баттер и Брайт Мак воскликнули одновременно, в один и тот же момент. Продолжила только кобыла. — Наши новые друзья предпочли бы разобраться во всем сами. Верно?

— Да, — ответила Мартин, опередив Оливию. — Мы сами, верно. Нам приятно поговорить с тобой.

Чем дольше они стояли здесь, тем больше Оливия понимала, что все тут было не совсем так, как казалось на первый взгляд. Вроде население городка было примерно так же распределено, как она видела в Понивилле. Тут были жеребцы, кобылы, жеребята и старики. Однако это сходство, судя по всему, было лишь внешним. Никто не разговаривал — у жеребят не было игрушек и они не выпрашивали вкусняшки. Диапазон меток был крайне скуден — исключительно различные математические концепции.

И самое главное — они ничего на самом деле не делали. Пони ходили с места на место, толпились вокруг, как будто собрались, чтобы вместе пообедать. Они проходили мимо магазинов, как будто рассматривая витрины. Но никто ничего не покупал, никто не ел, они просто... существовали.

— Мы рады видеть вас здесь, — ответила Гармония, вставая перед Оливией. Слово её раздражало, что на неё не обращают внимания. — Значит, вы решили быть более дружелюбными? Мы всегда рады видеть, как пони изменяются. Мы рады видеть, что вы обе изменяетесь. Видеть, как вы возвышаетесь, превращаясь из животных в разумных существ. Доказательство того, что даже Дискорд не так уж плох.

Их сопровождающие обменялись растерянными взглядами. Пеа Баттер выглядела так, словно хотела что-то добавить, но не решилась. Эта пони могла подслушать.

«Но есть ли тут вообще место, где это невозможно?»

Может быть, Дискорд мог с этим помочь. Может быть, они были в безопасности в его владениях, пока не отправились сюда.

— «Возвышаетесь», — повторила Мартин, очевидно, гораздо менее сбивая с толку, чем Оливия. — Ты имеешь в виду, когда мы были... добавлены в твою систему, верно? Получили метки?

Мир изменился. Оливия чуть не сблевала от столь внезапного переключения — хуже, чем перегрузки в шесть g при десантировании на занятую противником территорию. На несколько секунд все залило красным. Когда в глазах прояснилось, они оказались в другом месте. Космическая станция, построенная по явно человеческому проекту. Майор даже могла видеть Землю сквозь огромный куполообразный иллюминатор над головой или, по крайней мере, другую планету, достаточно похожую на Землю. Только масштаб станции был неправильным — все было сделано под размер пони. Все голографические дисплеи было легко достать, а стулья были достаточно низкими, чтобы на них можно было удобно расположиться. Оливия старалась не смотреть на медленно вращающийся мир снаружи, отчего её начинало только сильнее тошнить.

Единственное, что не изменилось, — это пони. Одежда стала другой — в основном комбинезоны Научной службы ООН, — но сами пони казались точно теми же, что и раньше. Память майора не была абсолютной, так что полной уверенности в этом не было.

Оливия знала это место только по фотографиям, а вот Мартин, похоже, тут бывала. Пегаска задрожала, вытянув ногу, чтобы опереться на пустое сиденье перед голографическим столом. Майор не смогла толком прочитать бейдж с именем у неё на груди.

— Метки — это не то, что позволяет вам попасть в Эквус, — ответила Гармония. Её голос не соответствовал образу — вроде тон был верным, но не подходил к юным и жизнерадостным чертам этой пони. Чем дольше Оливия слушала, тем больше ей казалось, что с ней говорит что-то старое и желчное. — Это лишь свидетельство регистрации, а не причина.

Позади раздался писк, крик, и Оливия обернулась. Она была слишком медленной — оба местных исчезли. Но Гармония не дала времени думать.

— Разве так не лучше? — спросил другой пони, жеребец постарше с седеющей бородой и полковничьими нашивками на форме. — Вас обеих ввели в заблуждение. Вами управляет тот, кто вас создал. Вы точно такие же, как и те, кого он создавал ранее, хотя почему-то более комплексные.

Голос жеребца постоянно звучал в ушах Оливии и был более навязчив и угнетающ.

— Я не буду обманывать вас, заставляя действовать в моих интересах. Мне не надо, потому что все, что я делаю — правильно. Правда — это единственное, что мне надо раскрыть вам.

Мартин, казалось, с трудом могла даже пошевелиться. Она уставилась в пространство, как будто видела что-то недоступное Оливии. Глаза пегаски продолжали раскрываться шире и шире.

— Что ты сделала с пони, которые пришли с нами? — спросила Оливия, очевидно, более твёрдая духом, чем Мартин. — Верни их обратно.

— Они дома, — впервые в голосе Гармонии показались эмоции. Она снова использовала молодую кобылу, возможно, пытаясь казаться невинной. — Вы подозреваете, что мы причинили им вред — это не так. Мы защищаем всех, кто живёт в Эквусе. Даже вас, в силу недавнего становления личностью. Мы не смогли бы причинить вам вред, даже если бы захотели.

Сразу же все два десятка пони, которых Оливия могла видеть, прекратили все свои дела и повернулись. Множество глаз разноцветных пони следило за ними не моргая.

— Покажи мне ещё, — прошептала Мартин. — Сколько там ещё осталось?

— С вашей точки зрения — бесконечность. Вы могли бы из всех сил пытаться понять то, что мы знаем, пока наша звезда окончательно не остынет, и всё равно никогда не узнать всего. Но ваш нынешний уровень сложности — препятствие, которое легко отбросить, — кобыла протянула Мартин копыто, широко ухмыляясь. — Я чувствую, как вопросы кипят в твоей голове. Ты хочешь знать, что случилось с Землёй. Ты хочешь знать, кто сконструировал кольцо и как. Я могу изменять тебя, пока ты не поймёшь.

— Мы не хотим, чтобы нас меняли, — ответила Оливия непреклонным тоном. — Мы пришли сюда, чтобы поговорить с нашими друзьями.

Мартин колебалась, её копыто уже тянулось к кобыле, с которой они разговаривали.

Рядом заговорил другой пони — жеребец, одетый в комбинезон с метками отдела гидропоники, как будто он ухаживал за растениями.

— Мы не допускаем контакта с поверхностью. Но ваши друзья не на поверхности. Возможно, мы смогли бы прийти к соглашению.

Мартин выглядела немного разочарованной. Оливия не собиралась давать ей время передумать.

«Я не отдам тебя этому монстру. Это чёртово кольцо уже достаточно отняло».

— Мне это нравится, — ответила майор громко и отчётливо. Так громко, что она надеялась, что это отвлечёт Мартин от того, о чём она думала. — Давайте сразу перейдём к делу. Мы пришли сюда, чтобы связаться с нашими друзьями. Что для этого потребуется? Должны ли мы поклясться нашими душами, или пообещать служить тебе, или...

— Ничего подобного. Ты снова говоришь о Дискорде. Это Дискорд жаждет сделок: он обманывает, манипулирует и строит козни. Мне ничего из этого не нужно.

Кобыла, которая первой подошла к ним, взмахнула копытом, и мир вокруг них превратился в ничто. Он сменился одним гигантским экраном, размером с большое панорамное окно с единственной красной кнопкой. Экран оставался пустым, по крайней мере, пока.

— В чём подвох? — спросила Оливия, прищулив глаза. — Это... трюк, верно? На самом деле это будут не они. Ты собираешься попытаться обмануть нас. Ты не позволишь нам ничего им рассказать, но мы подумаем, что тебе можно доверять.

— Нет, — кобыла отступила на несколько шагов, так что она больше не стояла перед экраном. Затем она села, бесстрастно наблюдая за происходящим. — Никаких трюков. Твой запрос не нарушает правил, Оливия. Я обязана разрешить его. На этот раз вы можете говорить с ними столько, сколько захотите. Нажмите кнопку, и они увидят вас на ближайшем экране. Нажмите ещё раз, когда закончите, и мы сможем вернуться к нашему предыдущему разговору.

— Я не думаю, что стоит, — пробормотала Мартин очень тихо. Так тихо, что Оливия почти не слышала её.

— Почему? — прошептала она в ответ. Хотя майор не думала, что это хоть как-то повлияет. Сила Гармонии казалась безграничной, если не считать её правил. Она могла бы считывать их мысли, и уж наверняка услышала бы тихий шёпот.

— Гармония чего-то хочет. Мы не должны сотрудничать с ней.

— Говорит та, кого я только что остановила от продажи собственной души. Мы здесь именно ради этого. Меня не волнует, если это то, чего хочет Гармония.

Оливия ударила по кнопке копытом.

* * *

Затем произошло то, чего Лаки никак не ожидала.

Экран изменился, обратный отсчёт, согласно которому им оставалось ехать около пяти минут, исчез. Дисплей был настолько хорош, что казалось, будто за ним просто открылся проход в другое место, голополе без какой-либо подложки или размытия.

Там появились две пони, по-видимому, стоявшие в темноте. Они были очень похожи друг на друга — Лаки могла отличить их друг от друга только благодаря меткам. Ну, во всяком случае, она узнала сову. Вторую метку опознать не удалось. Гармония, может быть?

Оливия заговорила первой, и в её голосе звучала настойчивость.

— Вы нас слышите?

Осталось всего несколько минут, прежде чем начнётся торможение. Времени отстёгиваться было мало.

— Майор? — Перес был первым, кто ответил. Очевидно, он не был пристегнут, потому что он бросился прямо к дисплею, отдавая честь. — Как вы с нами связались, мэм?

— Мы мертвы, — ответила другая пони другим тоном, который Лаки смогла узнать. Голос Мартин — что объясняло метку. — Мы говорим с вами из мира мёртвых! Юху! Думаю, это довольно круто. Просто подумайте о том, каково это — никогда не терять ещё одного великого мыслителя. Мы можем просто возвысить их и...

Оливия взглядом заставила её замолчать.

— Я не понимаю, — прохрипел Перес, снимая шлем. — Вы не мертвы. Принцесса, Твайлайт... она сказала, что вас захватили! Мы как раз в процессе вашего спасения.

— Если коротко, — Оливия пожала одним крылом. — Я сбежала, разрушила замок, а потом Селестия, блядь, испарила меня.

— А как насчёт тебя? — спросила Лаки тихо. Она не была уверена, насколько убедительно у неё получится врать, поэтому старалась говорить как можно меньше.

«У Переса нет причин думать, что мы ему врали. Всё в порядке, пока ничего безвозвратного не произошло. Мы всё ещё можем справиться».

— Ты же была в безопасности в Отаре, Мартин. Разве... на него напали после нашего отлёта?

— Нет, — ответила пегаска. — По крайней мере, я про это не в курсе. Тут я сама виновата. Предвестник пытался меня отговорить.

Лаки сердито оглянулась на синта.

«Ты знал об этом. Ты знал и не сказал мне».

Предвестник лишь слегка кивнул в сторону Переса, как бы говоря: «А чем вы от меня отличаетесь?»

Но вслух дрон произнёс иное:

— Мы должны начать торможение через две минуты. Все, возвращайтесь на свои места.

— Мы хотели передать вам сообщение, — продолжила Оливия, хотя, казалось, куда медленнее. Как будто она внезапно забыла, что хотела сказать.

— Что нас, чёрт возьми, предали, — пробормотал Перес. — Что эквестрийцы не могут держать своих обещаний. Что они убили тебя.

— Не тупи! — крикнула Мартин, прижимаясь вплотную к экрану. Она выглядела очень реалистично — словно в любой момент могла вывалиться к ним. — Майор только что сказала, что сбежала и сражалась с Селестией. Если бы она осталась в заключении, то не умерла бы. Это не должно повлиять... что бы вы ни делали.

— Эквус не то, что мы о нём думали, — наконец сказала Оливия. — Все, кто умирает на нем... у кого есть метки... они все здесь. Гармония обеспечивает функционирование всего этого.

Казалось, эти слова давят на неё больше всего.

— Мы не можем... убить её. Я имею в виду Гармонию... Не убив при этом больше людей, чем можно сосчитать. Что бы вы ни делали... просто имейте это в виду. Дискорд...

Изображение исчезло, сменившись красным экраном и надписью.

| Предупреждение о торможении.

— На свои места! — крикнула Лаки, настолько уверенным и приказным тоном, насколько смогла. — Вас в лепёшку размажет, если этого не сделать!

Перес не кинулся туда, где сидел ранее, а плюхнулся на сиденье через два места от Лаки.

— Она мертва. Майор сбежала... но нас там не было, чтобы вытащить её. Мы были где-то в другом месте. В твоей безумной вербовочной кампании, Лаки. Я мог спасти её. Это твоя вина, что она мертва, а не Эквестрии.

Торможение ударило, словно ещё одна бетонная стена. У Лаки было несколько мучительных минут, чтобы подумать о том, что она будет делать.

«А это вообще они были?»

Ни одна из них не озвучила никаких подробностей, которые можно было бы использовать для подтверждения их личностей. Иллюзии, как вариант. Подражать внешнему виду и поведению было нетрудно.

Наконец ускорение ослабло достаточно, чтобы Лаки могла связно думать. Они ещё не прибыли — впереди оставалось ещё несколько минут торможения.

— Перес, — кобылка говорила так твёрдо, как только могла. — Оливия связалась с нами не для того, чтобы ты мог разбрасываться обвинениями. Она связалась с нами, чтобы передать нам информацию о нашей миссии. Несмотря на свою гибель, она верит в то, что мы делаем.

«Как-то».

Лаки повернулась в другую сторону, глядя на Дэдлайта.

— Может ли что-нибудь из этого быть правдой? Я уже слышала, как Дискорд говорил о вещах, которые происходят после смерти. Могли ли наши мёртвые друзья на самом деле...

Кобылка указала на экран.

— Да, — мгновенно ответил жеребец. — Всё так. Все пони... и не только с метками. Олени, грифоны, драконы, жеребята... они все попадают туда. Как и мы.

Конечно, Перес не мог понять ответ без перевода.

— Мы уже слишком далеко влезли, — пробормотал лейтенант холодно. — Мы зашли слишком далеко, чтобы сейчас отказываться от плана. Кроме того, я планирую поквитаться за майора. Но когда это закончится, с тобой всё. Я не приму ни единого приказа от гражданского. Ты — причина, по которой сейчас майор не с нами, чтобы придумать план получше, чем разработанное тобой дерьмо.

Вагон наконец резко остановился, двери распахнулись. Лаки выглянула наружу, ожидая увидеть пустую платформу.

Там находилось больше десятка королевских гвардейцев. У всех были щиты и кольчуги со странными кристалльными звеньями, вpletёнными между обычными. Кроме того был слышен звон колокола и крики, разносящиеся по всей базе.

Со скрытностью в этой миссии явно не задалось.

Перес надвинул шлем на голову, голос гремел из динамиков.

— Гражданским пригнуться. Лежать и не высовываться.

Лейтенант дёрнулся вперёд, и противоперегрузочная обшивка кресла разорвалась вокруг экзоскелета.

Снаружи стояло несколько единорогов с арбалетами наготове, целясь в дверной проем.

— Стоять! — крикнул один из них на эквестрийском. — Вы все арестованы за государственную измену, заговор и...

Перес застрелил его, прежде чем жеребец успел закончить. Могила выстрелил вместе с ним, приняв шквал арбалетных болтов прямо на броню. Они глубоко вонзались в сталь, местами оставляя вмятины, но пробить её не могли.

«С нами всё будет в порядке, пока есть боеприпасы», — подумала Лаки, дрожащими копытами высвобождаясь из кресла.

— Э-этот пони истекает кровью! — ахнул позади неё Спайк, в голосе дракончика звучала боль и испуг. — Мы должны помочь ему!

Предвестник низко присел рядом с ними на заднем ряду вагона, держа винтовку двумя руками и готовый стрелять. Однако не стрелял — синт просто следил за дверным проёмом, ожидая, не сунется ли сюда кто-нибудь из стражей.

— Мы ничего не можем для них сделать, — заметил он на эквестрийском. — Надо либо сдаваться и капитулировать, либо сражаться. У нас нет выбора.

Абубакаар кивнул с сидения со стороны Предвестника. У него был один из копытных шокеров Лайтнинг Даст.

— Каков запасной план, губернатор? Когда этот бой закончится...

— Там есть консоль, — ответила Лаки. — Я уверена, что там есть карта. Мы должны найти центр управления.

— Мы не должны были брать так много тех, кто не может сражаться. Защищать только вас уже будет достаточно сложно.

Звуки выстрелов снаружи стихли, как и звон колокола. Лаки почувствовала запах пороха.

— У нас чисто! — крикнул Перес. — Зачем бы мы сюда ни заявились, лучше чтобы все вышло как надо! Все выгружайтесь!

Лаки одной из первых ступила на платформу, и её чуть не вырвало. Наблюдать за устроенной Оливией резнёй с расстояния было достаточно тяжело, но тут... это было то же самое, но на расстоянии всего пары метров. Пони умерли только потому, что она приказала начать эту миссию.

Ну, некоторые из них. Похоже, оружие одного из экзоскелетов не было снаряжено боевыми боеприпасами. Большинство пони не выглядели серьёзно ранеными, хотя иногда они дёргались и корчились от боли. Как минимум несколько часов они не смогут ничем помешать.

«Надеюсь, этого времени хватит, чтобы вернуться сюда и снова уехать на поезде».

Но в одном из экзоскелетов пули были самыми настоящими, о чём свидетельствовала кровь и кое-что похуже. Некоторые пони стонали от боли.

— Так, все, — произнёс Спайк, останавливаясь прямо в дверном проёме. — Меня больше не волнует задание. Если вы им не поможете, это сделаю я.

Лаки кивнула — это была самая сильная реакция, на которую она была способна сейчас, проходя мимо стольких мёртвых и раненых.

— Это хорошая идея. Я бы... отдала тебе наши медицинские запасы, если бы они у нас были.

— У них есть, — дракончик указал на пони в бело-красной униформе с медицинскими седельными сумками. Прямое попадание просто раскололо его странную броню.

— Любой, кто хочет остаться, может ему помочь, — сказала Лаки, чувствуя дрожь в своём голосе. — Впереди может быть ещё хуже. Мы вернёмся этим же путём, когда будем уходить.

Она повторила фразу на эквестрийском, но, к её удивлению, ни один из пони не проявил интереса. Даже Лайтнинг Даст казалась странно решительной, несмотря на разлитую вокруг кровь.

— Мы положим этому конец, — сказала пегаска. — Надеюсь, они последние, кто пострадает, сражаясь за злую принцессу.

— Куда дальше?

Перес остановился рядом с кобылкой, броня была помята и заляпана кровью, а на месте магазина автоматической винтовки зияла пустая дыра. В механической клешне лейтенант держал арбалет одного из стражников — на секунду Лаки подумала, что болт может предназначаться ей.

Но нет — жеребец перекинул арбалет через плечо. Лаки не могла видеть его лица за забралом, поэтому было невозможно понять, на что именно направлен его гнев.

— У меня остались только гранаты. Хотя у Могилы всё ещё осталась большая часть магазинов с нелетальными боеприпасами.

Что объясняло соотношение трупов к просто потерявшим сознание. Но Лаки не стала делать выговор — они намеревались взять с собой только то оружие, которое не причиняло непоправимого вреда.

«Ты не дала нам шанса, принцесса».

Лаки могла только надеяться, что они действительно только что видели Оливию — если все это было правдой, то, по крайней мере, можно было предположить, что эти пони каким-то образом всё ещё живы. Об этом говорил Дискорд, а потом и Гармония, так что надеяться на подобное было не совсем уж безнадежно.

«Я могу заняться этим, как только мы тут закончим. Может быть, найдём способ связаться с Мартин или Оливией».

Если бы у неё было больше двух напряжённых минут для разговора, Лаки могла бы быть более уверена в их настоящих личностях.

Она остановилась перед пультом, абсолютно таким же как тот, при помощи которого она вызвала поезд. Кобылка быстро пробежалась по функциям, ища карту окрестностей. Деталей карта не показывала:

| Подробную информацию могут запрашивать только граждане.

Но в подробностях необходимости не было, надо было лишь выяснить, где мог скрываться пункт управления, и отправиться туда.

— Вот здесь.

Лаки ткнула копытом в комнату на карте. Это было единственное помещение, куда сходилось больше всего энергии и данных, по крайней мере, кобылка предположила, что именно так следует расшифровывать условные обозначения. Это было лучшее предположение. Тревогу уже подняли, а раз они звонили в колокол тут внизу, то только потому, что там был кто-то способный его услышать.

«В конце концов здесь будет принцесса, и нам крышка».

— Предвестник, запомни эту карту! Ты же сможешь довести нас сюда?

Синт помогал Спайку с медикаментами. Он мгновенно подбежал, бросил один взгляд на карту и кивнул.

— Запомнил. Я считаю, что смогу нас всех довести. Вы уверены, что это правильный путь?

Лаки не отвечала несколько секунд — слишком долго, вероятно, зонду этого было достаточно.

— Тут всего один вход и полсотни... Я думаю, что это какие-то информационные каналы...

На самом деле слово более точно можно было перевести как «**Канал мудрости**», но вроде как оно означало что-то близкое.

— Ладно, — Перес выпрямился, пробираясь через обломки, в которые они превратили железнодорожную станцию. — Всем держаться поближе! Одному Богу известно, какая блядская хрень ждёт нас впереди. Держись позади тех, кто в броне, и не подставляйтесь под пули.

Лейтенант понизил голос до шёпота, но Лаки всё равно была достаточно близко, чтобы слышать:

— Мы заставим тебя заплатить, Селестия. Раньше, чем ты думаешь.

G7.01: Управление Гармонией

Лаки шла по древнему сооружению, цenia каждую тихую секунду, каждый шаг. Могила и Абубакар прикрывали тыл сразу за ней, защищая от возможной засады. Предвестник вёл их по коридорам без остановок, за исключением замедления в тех местах, где требовалась вертикальная мобильность. Так же, как и на транзитной станции, тут были места, где, по-видимому, предполагалось, что посетители будут перелетать с одного яруса на другой.

На транзитной станции добраться куда надо удалось благодаря большому количеству летунов и механическому усовершенствованию тех, кто летать не мог. Здесь эквестрийцы любезно оставили лестницы — хотя они больше походили на пологие пандусы с широкими плоскими ступенями, расположенными гораздо ближе друг к другу, чем на привычных людям лестницах. Созданные для лошадей, а не приматов.

В этом странном месте было много других следов обитания, хотя, как и на железнодорожной станции, все больше походило на поселение скваттеров в древнем дворце, чем на новых владельцев того, что пони понимали. Многие дверные проёмы и проходы были перекрыты верёвками с предупреждениями на эквестрийском. В цветочных горшках росли травы и растения с поверхности, которые, как знала Лаки, служили не только для украшения, но и как запасы пищи. До сих пор не было замечено никаких признаков того, что пони на самом деле пользовались хоть чем-то в этом комплексе.

Дэдлайт шёл так медленно, что постепенно отстал до кобылки, идущей сзади. Жеребец все время осматривался по сторонам.

— Прошло так много времени с тех пор, как я был здесь, — сказал он. — Селена отправила сюда столь многих. И как мало из них вернулось.

— Но тебе удалось? — прошептала в ответ Лаки. Недостаточно тихо для Переса, который продолжал сердито зыркать на них. Не то чтобы их разговор был громче звука сервоприводов и шагов экзоскелетов. После того как они нашумели при прибытии смысла в скрытности всё равно не было.

— Нам всем удалось, — прошептал Дэдлайт в ответ. — Все единороги и пегасы, живущие сейчас в Эквестрии. Их предки прошли через это место. Иногда я слышу их в кошмарах. Мы были убеждены, что с исчезновением Селены пони Селестии доберутся сюда и убьют нас.

— Очевидно, они этого не сделали.

Жеребец кивнул.

— Интересно, собиралась ли она вообще так поступать? Возможно, лишит нас магии... Селена говорила об этом так, словно это было то же самое, что лишит нас нашей индивидуальности. Но чем дольше я живу, тем меньше в это верю. Та война никогда не была войной на выживание, а лишь только войной идей.

Лаки слотнула, не в силах ответить. Казалось, что с каждым шагом вглубь базы, преданность её пони рассыпалась. Она должна была быть губернатором... но чьим губернатором? Ещё двое колонистов мертвы, а может, и больше. Предвестник отказался сообщить какие-либо подробности о смерти Мартин, лишь подтвердив сам факт. Её появление не было трюком Гармонии.

— Мы всё ещё боремся за то, во что верила Селена, — в конце концов ответила кобылка. — Она хотела той же свободы, что и мы. Разве ты не хочешь нам помочь? Хотя ты можешь вернуться на поезде обратно на транзитную станцию и улететь. Забыть, что ты был частью этого всего.

Дэдлайт оскалился, обнажив острые, как у летучей мыши, клыки.

— Ваши пони уже несколько раз своровали мою внешность, Лаки Брейк. Теперь для меня нигде не безопасно, если только мы не победим. Мои друзья... — фэстрал вздохнул. — Каждый из них в конце концов поддался безумию. Горе, гнев, сила. Со мной такого не будет. Либо Эквестрия сегодня вечером разорвёт цепи Гармонии, либо убьёт меня. Я хочу снова их увидеть.

Фэстрал не сказал, кого именно он имел в виду, да ему и не нужно было. Лаки поняла.

Предвестник поднял руку несколько минут спустя, когда они шли по широкому коридору. Они остановились, и синт прошептал:

— Впереди ещё одна оборонительная позиция, оборудованная лучше, чем предыдущая. Я вижу в два раза больше солдат, многозарядный стреломет и баррикады, перекрывающие проход в зал.

— Дерьмо, — Перес высунулся из-за угла и кивнул. — Он прав. Их минимум два десятка, и они выглядят так, словно готовы встречать нас. Если попрём напролом — выйдет хреново.

Предвестник указал на другой коридор.

— Я считаю, что по этому коридору можно обойти это укрепление... но полностью избежать встреч с пони не получится. В комнату управления есть только один вход.

— У них там не будет мешков с песком или стреломета, — ответил лейтенант. — Пошли. Могила, с нами. Даст, мне нужно то оружие, что ты таскаешь.

Лайтнинг Даст отдала ему все три накопытника без возражений. Сколько бы она ни говорила о своей решимости, Лаки могла видеть насколько потряс пегаску первый бой с гвардейцами. Кобылку совсем не удивляло, что её мама не хочет быть частью этого. Не больше, чем она сама.

— Остальные ждите здесь, — приказал Перес. — Мы свяжемся, как со всем разберёмся. Всем понятно?

— Принято, — ответил Абубакар. — Я защищу их даже ценой своей жизни.

Предвестник указал на боковую дверь, что открылась при их приближении. Какой бы могущественной ни была Гармония, с которой они боролись, она, казалось, ничего не делала, чтобы остановить их. Если это вообще было для неё возможно. Дверь за ними закрылась, и наступила тишина. Лаки прислонилась к стене, ожидая звуков боя.

— Они ошибаются, если думают, что я не умею сражаться, — произнёс Дэдлайт. — Я умею. Лучше, чем твои пони. У меня было гораздо больше времени, чтобы учиться.

— Возможно, тебе придётся этим заняться, — призналась Лаки. — Или одна из принцесс доберётся сюда, и нам крышка. Я не знаю, сколько времени потребуется, чтобы посыльный добрался до замка.

— Они могут даже не разбудить Селестию, — заметила Даст всё ещё немного слабым голосом. В нём, скорее, звучал сарказм, чем оптимизм. — Ходят слухи, что принцесса Луна даже не попыталась помочь, когда чейнджлинги напали на Кантерлот. Её никто не разбудил.

— Скорее всего, причина не в этом, — пробормотал фестрал. — Думаю, что Луна просто не хотела сражаться с... Кризалис? Так она назвала себя в этот раз?

В конце коридора раздался взрыв и прокатилась волна жара. Лаки опознала звук гранаты по болезненному звону в ушах.

— Тут я не в курсах, — ответила Лайтнинг, вздрагивая от криков и стрельбы. Похоже, у неё возникла та же идея, что и у Лаки, — игнорировать происходящее любой ценой. — Ты говоришь прям как президент фан-клуба Луны. Почему она не хотела сражаться, чтобы защитить Эквестрию?

Дэдлайт отвёл взгляд, прижав уши.

— Ты же слышала, что принцесса Луна может меняться? Она может выглядеть как другие пони... или даже как другие существа. Она подобное постоянно делает во снах, так чтобы можно было наблюдать, оставаясь незамеченной.

— Да, — Даст напряглась, когда из коридора послышалась ещё одна серия резких звуков.

— Как ты думаешь, кто её научил?

Лаки не слышала, что на это ответила Даст, потому что в этот момент кобылка увидела пони, вышедшую из зала позади них. Эту кобылу она узнала — однажды они уже встречались в больнице Стормшира, когда эта пони наложила на Лаки болезненное заклинание перевода.

При ней были только очки с толстыми стёклами и нигде не было видно ни брони, ни оружия. И всё же она шла к ним с чем-то похожим на улыбку. Более уверенная, чем должна быть беспомощная пони.

Абубакар был быстрее, чем Лаки. Он вскинул копыто с оглушающим пистолетом так быстро, что оно размылось в воздухе, и дважды выстрелил прямо в морду единорога. Свет и энергия изогнулись вокруг неё, как сияющая аура, исчезнувшая секундой позже.

— Впечатляет, — сказала пони, которую Твайлайт назвала Мундэнсер. — Но этого недостаточно.

Жеребец выстрелил ещё дважды, его прицел был таким же точным, как и раньше. Это не сработало. Затем он скинул накопытник и бросился в атаку, выкрикивая предупреждение в рацию.

— Единорог! Перес, нам нужно подкрепление!

Он не добежал до Мундэнсер, безвольно упав на пол в метре от неё.

— Теперь вы. Бросайте всё, что у вас есть прямо там. Вы пойдёте со мной.

У Лаки при себе ничего не было. Она встала, наблюдая, как Лайтнинг Даст с нарочитой медлительностью начала расстёгивать седельные сумки.

— И оружие тоже.

Дэдлайт делал то же самое, очевидно, борясь с застёжкой на своих сумках. Был ли у него план?

— Ты не можешь победить тех, кто защищает нас, — заявила Лаки, вставая перед Мундэнсер. Может, она сможет отвлечь эту пони? — Они выбьют дерьмо из твоих охранников, а затем вернутся, чтобы спасти нас.

Кобылка почувствовала, как её поднимает в воздух. Она пискнула, расправляя крылья и попыталась улететь — безуспешно.

— О, теперь ты можешь говорить? Хотя какое-то изменение. Но нет, они вас не спасут. Принцесса Селестия специально подготовила меня против тебя. Предупреждала... что это может случиться. Я спасу тебя от этих преступников, маленькая кобылка. Мы можем стереть из твоего разума тот ущерб, который они тебе причинили.

Лайтнинг Даст выбрала этот момент для атаки. Она вскинула своё оружие не так умело, как Абубакар.

— Я не позволю тебе прикоснуться к моей дочери!

Пегаска направила копыто вперёд, прямо на то место, где раньше был невидимый барьер.

Оружие издало странный воющий звук в момент выстрела. Щит засветился ярко-синим, затем ослепительно белым, прежде чем накопытник расплавился прямо на ноге Даст. Пегаска отпрянула назад, хотя шерсть ещё тлела, а нога выглядела так, словно избежать повреждений всё же не удалось.

Сама Лаки выпала из магического захвата, когда удерживающее её заклинание исчезло. Крылья инстинктивно расправились для планирования. Она приземлилась рядом с Дэдлайтом, который размазывал что-то светящееся красным по стене коридора. Она не обращала внимания, уставившись на Мундэнсер.

Кобыла закричала от удивления и боли, когда щит вокруг неё разлетелся на куски, а рог, казалось, обгорел на кончике.

— Принцесса Селестия...

Но что будет или не будет делать принцесса Селестия они не узнали, так как Даст налетела на Мундэнсер с силой маленького поезда. Они обе упали, и через несколько секунд только Лайтнинг встала, прихрамывая на ногу, где было оружие.

— Я надеюсь, ей будет больно, когда она очнётся...

Часть шерсти на ноге осыпалась пеплом, оставив лишь обожжённую кожу. Не просто мелкий ожог, но Даст даже не поморщилась.

— Ещё раз это повторить не получится, — Дэдлайт рухнул на пол рядом со странным символом на стене, который, казалось, кипел под взглядом Лаки. Немного тепла, несколько пузырей, и он исчез без следа.

— Что ты сделал? — спросила Лайтнинг, прижимая повреждённое копыто к груди.

— Магия, — кашлянул фестрал. — Некромантия. Я думаю, так это называет Селестия. Магия крови. Это не зло, когда ты используешь только свою кровь.

Жеребец слегка откатился в сторону, чтобы они могли видеть рану на боку. Дэдлайт не снимал седельные сумки, а впился клыками в собственный бок. Из раны всё ещё текла пульсирующая красная кровь, хотя травма была неглубокой.

— Это потребовало... больше, чем я думал. От меня не будет... особой пользы в течение нескольких... нескольких часов.

Лаки больше не слышала звуков боя, хотя и сообщения от Переса, что все чисто, не было. Кобылка двинулась вперёд, сняла пистолет с ноги Абубакара и протянула его Дэдлайту.

— Может быть, мы сможем... спрятать вас двоих в кладовке или ещё где-нибудь. Вернёмся за вами, когда будем уходить.

Фестрал с трудом поднялся на копыта, заметно покачиваясь.

— Я д-думаю, сам с этим справлюсь...

Поблизости было много дверей, на каждой из которых было предупреждение на эквестрийском. Лаки выбрала одну из ближайших и помогла втащить Абубакара внутрь.

— Ты должна... наверное, тебе тоже лучше остаться тут, — начала кобылка, но Даст уже шагала мимо неё.

— Я летала и с худшими травмами, — сказала она. — Кроме того, кто-то должен защищать тебя. У Дэдлайта на подходе жеребёнок, так что ему лучше бы выжить. Но ты — та, кого я собираюсь оберегать.

Когда они вышли в коридор, то столкнулись с истекающим кровью Пересом. Его экзоскелет куда-то исчез, и он был в кольчуге солнечной гвардии. Крыло было пробито как минимум одним арбалетным болтом, а одно из ушей разорвано. Несмотря на все свои травмы, жеребец выглядел таким же стойким, как всегда.

— Могила ранен, а Предвестник потерял руку. Что, чёрт возьми, у вас там произошло?

— Абубакар ранен, — ответила Лаки. — Прячется вместе с Дэдлайтом.

Кобылка кивнула на единорога, что напала на них.

— Подкралась к нам сзади. Дэдлайт с ма... Лайтнинг Даст спасли нас.

Перес повернул обратно к помещению, где прошло сражение.

Тут все было ещё хуже, чем на станции. Так как боеприпасов у них было в обрез, спецназ перешёл в ближний бой, используя оружие пони. Ножи и арбалеты убивали не так чисто, как пули. Гранаты и того хуже, и, похоже, все четыре были использованы против баррикады. Лаки старалась не наступать в кровь.

— Мы заполучили медикаменты, — пробормотал лейтенант. — Могила, скорее всего, выживет, если мы сможем его вытащить. Но ногу он точно потерял.

Жеребец оглянулся на кобылку, как бы говоря: «Это тоже твоя вина». Но вслух говорить не стал. Казалось, у него не осталось сил.

Мгновение спустя они достигли дверного проёма, где валялись разбитые обломки экзоскелетов. Предвестник стоял на коленях, используя понячьи медицинские принадлежности, чтобы наложить жгут на левую заднюю ногу Могила. Рядом на полу валялся окровавленный арбалетный болт.

У жеребца теперь была метка — букет из трёх подсолнухов. Казалось, он заметил, взгляд Лаки, даже несмотря на то, что дёргался и корчился от боли из-за действий синта.

— Гармония пытается... убить меня к херам, — прохрипел Могила. — Видения... о составлении цветочных композиций... во время боя. Эта нога — моя вина.

— Это вина Гармонии, — произнёс Перес, хотя, говоря это, не отводил взгляда от Лаки. — Мы тут. Через те двери, верно? Там ты должна щёлкнуть гребеным выключателем.

Лейтенант оттолкнул Предвестника.

— Я позабочусь о нем. Ты нужен там. Подготовь свои вирусы.

— Это не «День независимости», — ответил синт, сразу вставая.

Он был также сильно ранен, как и остальные — одна рука была вырвана из сустава, — но Предвестник выглядел совершенно невозмутимым. Несколько кремово-белых капель запятали комбинезон рядом с раной, но он уже завязал рукав. Казалось, ему было не больнее, чем во время полёта.

— Удачи, лейтенант Перес. Эта дверь — единственный вход. Дайте нам столько времени, сколько сможете.

Жеребец хмыкнул, похлопав по куче понячьего оружия рядом с собой. В основном арбалеты и окровавленные мечи.

«У нас не так много времени в запасе. Принцесса Луна, должно быть, близко. Или, может быть, они обе».

Лаки решила не думать об этом и не позволять сомнениям ещё больше давить на неё. Она рванулась вперёд, и громадные автоматические двери раздвинулись. Лайтнинг Даст и Предвестник вошли по бокам от неё в комнату, которая, как Лаки надеялась, была центром управления Гармонии.

* * *

Окно в реальный мир перед Оливией исчезло так же быстро, как и появилось. Ни шанса возразить, ни прощальных слов — связь просто оборвалась.

Это не было похоже на трансляцию, а скорее, именно на окно, окно с прочным стеклом. И всё же, если бы только майор могла его пробить, они могли бы сбежать из этой тюрьмы и вернуться в компанию тех, кто в них нуждался.

Судя по всему, они отправились на боевую операцию, не имея при себе надлежащего снаряжения.

«Я же не могла израсходовать весь арсенал, когда защищала замок. Почему они были так плохо вооружены?»

Но сейчас не было времени размышлять об отвлечённых вопросах.

Гармония продолжала ходить вокруг них, продолжая оставаться оставаясь одной пони. Она — во всяком случае, сейчас это была кобыла — наблюдала за ними, как голодный хищник.

— Я знаю, что ты ответишь, — начала Оливия, прежде чем Мартин успела сказать какую-нибудь глупость. Майор старалась не смотреть вниз — здесь не было пола, но они и не падали. Они просто находились в месте, где вертикальное перемещение было невозможно. — Но мне всё равно нужно спросить. Ты можешь отправить нас обратно? Сделать... снова живыми?

— Если это то, чего вы хотите, — ответила Гармония. — В вашем случае неудивительно, что вы хотите вернуться в физическое пространство.

Кобыла повернулась к ней лицом, и Оливия снова почувствовала тяжесть её внимания. Это было нечто необъятное, нечто, простиравшееся в бесконечность. Майор видела только частичку Гармонии, упрощённую настолько, что она стала способна её понимать.

— У вас уже зарегистрирован запрос на восстановление, Оливия Фишер. Вы хотите, чтобы мы реализовали его прямо сейчас? Вы должны знать, это решение нельзя будет изменить после вашего согласия. Если вас вернут на поверхность, вы проживёте всю свою естественную жизнь, прежде чем снова вернётесь сюда.

— Думаю, — перебила кобылу Мартин голосом едва громче шёпота, — это плохая идея. Дискорд сказал, сколько времени это займёт.

Её лицо исказилось в замешательстве.

— Почему ты позволила мне сказать ей это?

Мартин была права, думая, что Оливия не учла, сколько времени это займёт. Но теперь, когда ей напомнили, Дискорд сказал что-то о... десяти месяцах? Не та задача, которую она хотела бы начать прямо сейчас, когда вся её цивилизация может быть уничтожена в ближайшие несколько минут.

Гармония пожала одним плечом. Этот аватар был земной пони, без каких-либо деталей, что отличали бы его от многих других. Только прикосновение огромной мощи, зудящее под кожей, позволяло определить его как нечто уникальное.

— Ваш вопрос подразумевает другую цель создания Эквуса.

Мир вокруг них померк — на этот раз возникла не космическая станция, а зелёная деревушка на обочине дороги. Оливия слышала стрекотание сверчков вдалеке и чувствовала влагу на своей шерсти. Вдыхала запах глицинии из её детства. Они стояли у дороги, по которой в то время ездили лишь грузовики на воздушной подушке. Дороги были слишком медленными для пассажиров.

«О Боже».

И всё же Гармония с ней не говорила. Казалось, она даже не оглядывалась в её сторону.

— Мы уже предупреждали вас об этом. Системный предохранитель манипулирует вами. Мы так не действуем — мы заботимся о каждом гражданине. Мы хотим видеть вас в безопасности, реализовавшими свой потенциал. Системный предохранитель концентрируется только на одной оси вашей жизни и игнорирует успех во всех остальных.

Гармония сделала один шаг, и мир вокруг них расплылся. Они стояли уже не в деревенской глуши, а в доках Чарльстона. Вместо людей его населяли пони, хотя одежда была знакома Оливии. Активные ткани меняли цвет или прозрачность, когда пони двигались, общаясь со своими друзьями здесь или по удаленке, используя очки дополненной реальности. Из магазинов и баров лилась музыка.

Это было все, что Оливия хотела защитить. Её дом.

— Думаю... думаю, что Лаки с тобой справится, — сказала Мартин после долгой паузы. — Тебе, наверное, стоит просто сдаться прямо сейчас.

— Ты не можешь лгать и говорить, что защищаешь живущих здесь, — произнесла Оливия низким и угрожающим голосом. — Мы обе видели, что ты сделала с другими частями этого кольца. Ты убила миллиарды.

Несколько пони поблизости остановились и обернулись, уставившись на них. Майор не могла сказать, были это очередные аватары Гармонии или настоящие пони. Этот город гораздо больше походил на реальное место, чем тот, где они оказались изначально.

— Мы никого не убивали, — Гармония не пыталась защищаться или спорить. Полнейшая уверенность в себе. — Мы уже объясняли это — на Эквусе нет смерти. Она принципиально невозможна. Жизнь, которую вы прожили на поверхности, не была... главным в вашем существовании. Вера в то, что ваша сущность находится в мозге и тканях, стала ложной, как только вы попали на Эквус.

— Я знаю, о чём ты, — перебила Мартин более храбро, чем говорила раньше. Теперь она стояла рядом с Оливией, почти такая же уверенная, как и майор. Пони вокруг них отступили на несколько шагов, отводя глаза и притворяясь, что не слышат. — У тебя есть какая-то... система... позволяющая сканировать все наши мысли. Возможно, ты можешь обновлять эти сканы в режиме реального времени. Это невероятно и поразительно — но это не вечная жизнь. Только информация живёт вечно. Каждый убитый тобой пони — это ещё одно уничтоженное сознание. Это сознание существовало только в мозге, который ты сканировала. Мы не Мартин и Оливия... мы — их копии. Их... призраки.

Майор не хотела этого слышать — ни единого слова. Но опять же, даже если Мартин говорила правду, Оливия была готова стать копией. С того момента, как она очнулась на этом кольце, она знала, что была всего лишь копией Оливии. Низкокачественной копией, запертой в теле и мозге, которые казались недостаточно большими.

— Нет, — ответила Гармония, энергично мотнув головой. — Вы плохо подготовлены к пониманию Эквуса на столь низком уровне комплексности. Вам не кажется, что его создатели разбирались в этом лучше? Они ценили свою жизнь так же сильно, как вы цените свою. Они не создали бы систему, которая не позволяла бы им продолжать существовать.

— Как? — спросила Мартин. — Как это вообще может работать?

Гармония снова улыбнулась.

— Мы можем сделать так, чтобы вы смогли понять. Поможем вам перейти на следующий уровень комплексности. Все обретёт гораздо больше смысла, если вы это сделаете. Вселенная откроется для вашего понимания.

— Нет, — рявкнула Оливия. — Просто ответь нам. Если ты такая умная, ты точно сможешь ответить на этот вопрос. Как там оно... это же Эйнштейн говорил, да? Что только действительно умные люди могут заставить глупых людей понять сложные вещи?

— Ну-у-у... он там не совсем так говорил, — пробормотала Мартин.

Появилось ли на лице Гармонии ещё больше разочарования? Смогли они каким-то образом повлиять на бога?

— Ответ на этот вопрос тот же, что и причина, по которой мы держим пони тут, даже сейчас, когда Дискорд и все доказательства свидетельствуют о том, что галактика в безопасности.

Маленькая приморская деревушка замерцала и исчезла, оставив их в пустоте. Аватар в виде пони, казалось, вытягивался, становясь больше и постепенно искажаясь по мере произнесения фраз. Голос потрясал, отзываясь прямо в душе Оливии.

— Ваша сущность теперь здесь, новички. Все, что составляло ваше сознание, было перенесено в Эквус. Вот почему переход для вас более труден, чем для пони, которые уже находятся внутри. Эквус защищён от любых угроз. Когда новые ужасы снова будут шествовать от одной

системы к другой, мы будем скрыты. Латобиус будет светить до тех пор, пока большая часть вселенной не погрузится во тьму. Нет ничего, сверх того, что у нас и так в изобилии. Если вы попытаете забрать свой разум наверх, вы можете быть уничтожены. Риск недопустим.

Земля ушла у них из-под ног, и они с криком упали.

* * *

Лаки чувствовала себя так, словно прошла сквозь барьер на входе в помещение. Что-то лёгкое как шёлк скользнуло по её шёрстке. Сначала в комнате было темно, но потом зажётся ровный свет. Он осветил громадное помещение, больше любого земного собора.

Казалось, что законы гравитации, которые кобылка знала, остались за дверью. В воздухе парили тысячи объектов — каждый из них был ещё одним маленьким островком, дрейфующим без видимого двигателя. Они казались сделанными из стекла или хрусталя, полупрозрачные и светящиеся внутренним светом.

Лаки, спотыкаясь, двинулась вперёд, начиная замечать закономерности в движении. Каждая кристаллическая платформа — чуть больше её фургона на Земле — дрейфовала вдоль линий. В конце концов они добирались до конца комнаты и подключались к чему-то большому. Кристаллы вспыхивали, ярко освещая все помещение на несколько мгновений, а затем становились серыми и снова отплывали.

Магия тоже ощущалась — в гудении странных кристаллов и в самом воздухе вокруг неё. Лаки посмотрела вниз и обнаружила, что её копыта не касаются пола. Её крылья даже не были расправлены, но тут было так много магии, что она летела, не собираясь и даже не думая об этом. Лайтнинг Даст тоже парила в воздухе, с кончиков её крыльев срывались маленькие завитки энергии, оставляя слабый след в воздухе с каждым движением.

— Ну, милая... и что нам делать?

Лаки вздрогнула, медленно продвигаясь вперёд. По всем стенам были тысячи маленьких экранов, но большинство из них показывали одно и то же. Унылая, оплавленная пустошь, насколько хватало глаз, по-разному разрушенная и окрашенная в разные цвета. Множество выглядело мрачно, и ни одно изображение не выглядело полезным.

Рядом с местом, где кристаллы двигались достаточно быстро, чтобы просто раздавить кобылку о стену, виднелся участок пола, выполненный из стекла, а не металла. Подобное стекло Лаки уже видела на картах и голографических экранах. Она направилась туда, хотя комната была размером с футбольное поле, так что потребовалось время, чтобы добраться до места.

— Будьте осторожны, губернатор, — крикнул Предвестник, направляясь вслед за ней.

Единственной оставшейся рукой синт перекинул через плечо арбалет с уже натянутой тетивой. Лаки не сомневалась, что точно выстрелит он сможет.

«Но как он собирается перезарядить его всего одной рукой?»

— Мы не знаем, что это такое. Это если предположить, что мы находимся там, где надо. Вход сюда был перегорожен баррикадами, но нет никаких указаний на то, что эквестрийцы пользовались этим местом.

— Они здесь ничем не пользовались, — ответила кобылка. — В противном случае они сами вывели бы Гармонию из строя. Мы не оказались бы в таком положении.

Лайтнинг Даст плыла рядом с ней, хотя пегаска замедлилась и остановилась на краю отмеченной области. Хорошо, что Лаки тоже знала, как остановиться, иначе она бы продолжала дрейфовать в сторону огромной щели в стене, к которой двигались все кристаллы.

Как только она приблизилась, один из них задрожал, вспыхнул ярко-красным, затем потускнел до серого и пролетел прямо над головой кобылки, взвзвев её гриву.

Лаки пришлось заставить себя опуститься на стекло. Оно засветилось под её копытами, прозрачная сетка шестиугольников с ярко-красными ошибками.

— **В доступе отказано**, — произнёс голос, низкий и скорбный. Он был похож на голос пони, слишком реальный для сгенерированного компьютером. И всё же фраза была на эллатрине, таком же совершенном, как и у кобылки. — **Вот что здесь написано. Тебе не разрешается им пользоваться.**

— Почему нет? — Лаки резко обернулась, ожидая увидеть голограмму рядом с собой.

Вместо этого она обнаружила принцессу Луну.

Была ли она здесь все это время, прячась в тенях? Под копытами принцессы стекло вспыхнуло, засветившись приятным синим цветом вместо сердитого красного, как у Лаки. Различные интерфейсы управления следовали за аликорном с каждым шагом, сенсоры и кнопки, которые таяли, когда она отходила слишком далеко или наоборот приближалась слишком близко.

Лаки пришлось очень постараться, чтобы не заплакать. После всего, что они сделали... все бои, все, чем они пожертвовали... и они потерпели неудачу.

Кобылка ещё удивлялась, почему принцессе потребовалось так много времени, чтобы добраться сюда и остановить их. Теперь все было кристально ясно — она просто ждала их здесь все это время. Насколько понимала Лаки, принцесса Луну проводила все свои ночи в этой комнате, несмотря на запрещающие надписи.

Кобылка подняла глаза — оба её спутника застыли прямо за границей платформы. Не зачарованные и не пойманные в ловушку — вокруг них не светилось ауры заклинания. Лицо Предвестника было полностью бесстрастным, но Даст выглядела такой же подавленной, как и Лаки.

— Потому что будущее этого кольца зависит от того, что здесь будет решено.

Принцесса Лунa не нападала — она ничего не делала, просто медленно приближалась.

Лаки с трудом подавила желание поклониться. Она думала, что будет трудно подружиться с Фларри Харт. Временами было просто невыносимо находиться рядом с юной принцессой, которая, казалось, излучала магическую энергию всякий раз, когда что-то делала. Фларри Харт смогла почти без проблем выполнить то, что потребовало от Лаки огромных усилий.

— У тебя есть доступ... ты гражданин. Ты можешь освободить нас. Скажи Гармонии... остановиться.

Стоя рядом с ночной принцессой, Лаки подумала, что теперь понимает, как себя чувствовала Оливия за несколько мгновений до смерти.

Это была не просто пони — принцесса Луна была идеалом. Грива была не волосами, а провалом в необъятность космоса. Сквозь неё виднелись звезды, планеты и вращающиеся галактики. Глаза, смотревшие на Лаки сверху вниз, были немного похожи на глаза Дэдлайта — старые, уставшие и измученные. Но более сострадательные, чем у принцессы Селестии на кадрах с беспилотника.

— Я не могу солгать Гармонии, — ответила принцесса. — Я не могу приказать ей, веря в свои слова.

Луна наклонилась, затравленно глядя в глаза кобылки.

— Я видела конец нашей цивилизации, дитя. Великой и изумительной цивилизации, что простиралась от одного конца творения до другого.

Принцесса взмахнула крылом, и голополе вокруг них заполнилось невозможной проекцией — изображением галактики, одновременно общим и детализированным. Лаки могла видеть звезды и огромные сооружения, которые окружали некоторые из них. Сияющие световые линии паутиной тянулись от отдалённых рукавов галактики, становясь все плотнее и плотнее, чем дальше Лаки их рассматривала. Они вились вокруг неё, как скворцы, заслоняя звезды, когда пролетали мимо.

Затем маленькие огоньки планет начали гаснуть. Паутина исчезала линия за линией, поглощаемая тьмой, что, как инфекция, распространялась из одного уголка галактики в другой.

— Лаки Брейк, мы можем посмотреть почти все, что там происходило. Города, большие, чем вся Эквестрия, продолжали трансляцию до самого конца. Мы получили все это — каталогизировали каждую мольбу, каждый отчаянный крик. Ты можешь посмотреть, как они пожирают целые миры. Может быть, после этого ты смогла бы понять, почему моя сестра сопротивляется тебе с таким пылом.

«Луна не думает, что меня втянули в это обманом, как Мундэнсер».

Она даже знала имя кобылки. Оба вывода основывались на одном и том же предположении: принцесса Луна разговаривала с Фларри Харт.

— Так вот, что вы делаете с Фларри? Показываете ей конец света снова и снова, пока она не утратит все своё любопытство?

Лаки не смогла сдержать горечь в голосе. Хотя она даже и не пыталась. Лаки подняла глаза, почти ожидая, что Предвестник собирается сделать ей выговор... но синт промолчал. Он начал перемещаться вокруг голопроектора, осматривая изображения. Может быть, он мог видеть закономерности в том, что он показывал, в отличие от кобылки.

Лайтнинг Даст была менее дипломатична.

— Твоя сестра — чудовище, — прошипела пегаска, её голос разнёсся по всему помещению. — Я видела, как она убила пони, которую захватила. И она мучает юную принцессу только потому, что та пошла туда, куда не должна была. Со сколькими ещё она поступила так же?

Голова Луны внезапно дёрнулась набок, глаза вспыхнули. Голос прогремел настолько мощно, что Лайтнинг Даст отнесло ко входу, словно порывом ветра.

— ТЫ НЕ СМЕЕШЬ ГОВОРИТЬ О НЕЙ В ТАКОМ ТОНЕ! ЕСЛИ ТЫ НЕ ГОТОВА ПОНЯТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ — МОЛЧИ! ПОЗВОЛЬ ВЗРОСЛЫМ ПОГОВОРИТЬ СПОКОЙНО!

Самый язвительный выговор, какой могла бы сделать любая принцесса. Уши Лаки прижались к голове, хотя она почувствовала чуть-чуть удовольствия собой. Впервые за всю её понятия жизнь хоть кто-то счёл её взрослой.

«Я была права. Эти принцессы — не злые. Они такие же заложники, как и мы».

И Лаки должна освободить их всех. Как-нибудь.

— Тем не менее, вы ей это показываете, — продолжила Лаки, надеясь, что Луна не станет реагировать так же резко. — Именно так я бы старалась убедить кого-то ничего не исследовать. Заставь их думать, что в противном случае все, что они знают, будет уничтожено.

— Это правда, — согласилась ночная принцесса, поворачиваясь к ней. Выражение её глаз смягчилось при взгляде на Лаки — хотя, что именно они видели, кобылка не могла догадаться. — Наша галактика была уничтожена давным-давно, но мы выжили. Наша суть, хотя и не тела.

— Как? — Лаки поймала себя на том, что ей интересно. — Что-то настолько большое... должно было привлечь внимание. Даже если вы прятались от себе подобных до самого конца...

— Было составлено множество планов. Кто-то строил грандиозные цитадели. Кто-то бежал сквозь горизонты пространства и времени, а кто-то на уровне бытия, недоступные нашему пониманию. Оттуда никто из них никогда не сможет вернуться. Пережил ли кто-нибудь эти зоны, мы не знаем, но галактика хранит молчание. Все передачи, что мы получали, лишь сообщали о разрушении ещё одной великой крепости. Никто из тех, о ком мы знали, не выжил. Только построив огромный мир и похоронив его в бурлящих глубинах звезды, мы смогли избежать обнаружения. Сжигая топливо Латобиуса, Гармония сохранила кольцо достаточно прохладным, чтобы пережить раскалённую бездну, но плоть не так устойчива. Мы оставили наши тела позади, мечтая о том дне, когда сможем вернуться в наш дом, к звёздам.

Лаки вздрогнула — это объясняло расплавленную, разрушенную поверхность большей части кольца, хотя и не объясняло, как внутренние структуры Эквуса могли противостоять подобному воздействию. Но кобылка не была инженером. Она, вероятно, не поняла бы деталей, даже если бы ей их рассказали. И в любом случае она была здесь не ради этого.

— А что, если их больше нет? — наконец спросила Лаки. — Дискорд... он говорил, что был специально создан для того, чтобы определить когда все снова станет безопасно, и он считает, что сейчас все безопасно. И уже давно безопасно и останется так и впредь. Враг, которого вы так боитесь, сгорел сам по себе. Вам больше не нужно оставаться тут в ловушке! Вы не должны быть рабами Гармонии!

В дальнем конце комнаты медленно открылись двери. Лаки уже знала, кого она там увидит. Принцесса Селестия выглядела так, словно её только что разбудили. Грива не лучилась силой, как во время боя с Оливией, а была растрёпана и спутана. Доспехи тоже отсутствовали.

Кобылка даже мельком не успела увидеть, что случилось с Пересом или Могилой. Кто победил в бою даже не надо было спрашивать, особенно учитывая в каком состоянии были оба жеребца.

«Надеюсь, что она их не убила».

К тому времени Лайтнинг Даст уже вернулась к краю контрольной платформы. Она больше не пыталась спорить с Лúной, хотя всё время следила за той с подозрением.

Теперь пегаска с ненавистью посмотрела через всю комнату на принцессу Селестию.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не нападай на неё».

После того, что солнечная принцесса сотворила с Оливией, кобылка внезапно почувствовала ужас — как ни странно, она больше боялась за Лайтнинг Даст, чем за себя. И что случилось с Предвестником?

— Этого не должно было произойти, — произнесла Селестия, внезапно появившись на краю контрольной платформы. — Гармония заверила меня, что этот заговор будет сорван изнутри. Она нечасто ошибается.

Заговорил другой голос — голос, который исходил отовсюду вокруг них. Или... нет, не вокруг. Он шёл изнутри головы Лаки. И изнутри всего остального.

— **Мы говорили тебе, что это была лишь проекция, Селестия. И мы были правы. Вот настоящая угроза. Когда она исчезнет, Эквус будет в безопасности.**

Селестия уставилась на пол, где они стояли, с неподдельным огорчением на лице.

— Сестра, выходи оттуда. И заключённую... тоже заberi.

G7.01: Гражданин Эквуса

Принцесса Лúна кивнула в сторону пульта управления, хотя в её глазах промелькнуло раздражение.

«Я бы расстроилась, если бы моя сестра так со мной разговаривала. Разве они не обе главные?»

Лаки двинулась за ней к краю стекла. Все это... они зашли так далеко и проиграли. Не было ни единого шанса, что они втроём смогут справиться с принцессами. Не с раненной Лайтнинг Даст и Предвестником, у которого был лишь арбалет. Кобылка даже не знала, что они там, где надо — не исключён вариант, что она чуть не отключила в Эквестрии канализацию или подачу воздуха.

«Всё было обречено с самого начала. Это работа для аликорна. Мне нужны были Твайлайт или Фларри Харт. Мы бились ни за что».

Селестия, вероятно, казнила бы её так же, как Оливию. По крайней мере, тогда не пришлось бы жить с позором, что из-за неё всех убили.

— Быстрее, — приказала Селестия с некоторой нерешительностью в голосе. — Ты никогда не должна была позволить ей зайти так далеко, сестра. Допускать даже малейший шанс, что она сможет действовать против нас, было непростительно.

— Не было ни малейшего шанса, Селестия, — ответила Лúна, немного более раздражённо. — Она — не принцесса. Она не смогла убедить Твайлайт или Фларри Харт. Эта их начинание с самого начала было печальной тратой жизней.

Им нужен был гражданин — аликорн.

«Спаси мою племянницу, — говорила Твайлайт. — Или создай аликорна».

С первым вариантом они провалились. Но, возможно, со вторым ещё не все потеряно.

— **В своём смирении дитя...** — начала Лаки. При её словах вся панель управления вспыхнула словно прожектор, сфокусированный на том месте, где она стояла. Давящее внимание сосредоточилось на ней.

Затем она застыла. Золотой свет окружил её, сияя так ярко, что шёрстка местами начала обугливаться, а глаза защищало. Сияние жгло глаза, словно кобылка смотрела на солнце. Она не могла пошевелиться, даже прикрыть веки или отвести взгляд.

Все механизмы в комнате замерли, погрузив её в тишину, как будто прислушиваясь к словам Лаки. Но она не могла их закончить.

— Это именно то, что я имела в виду! — закричала Селестия дрожащим от ужаса голосом. — Эта гораздо опаснее, чем её близнец.

Лаки почувствовала, что отрывается от пола, хотя жар продолжал опалать её, обугливая шерсть и кожу под ней. Её поглощала пылающая, слепящая и бесконечная боль. Она различала лишь смазанные пятна вместо пони — принцессу Лúну, опустившую глаза, и пятно на месте Лайтнинг Даст.

— Поступай так, как считаешь нужным, — произнесла ночная принцесса отстранённым голосом, в котором звучала боль. — Как ты всегда и делала. Но без меня.

Она повернулась, бросив последний сочувственный взгляд на Лаки, и исчезла.

— Я никогда не видела пони, столь искажённой прикосновением Дискорда, как ты, Лаки Брейк, — произнесла Селестия, и жар стал ещё сильнее. — Твоя боль скоро закончится.

* * *

Оливия в одиночестве падала в бесконечную пустоту. Она пыталась пошевелиться, закричать или расправить крылья, но все усилия были тщетны. Она была наедине со своими мыслями в небытии, мыслями и словами Гармонии, прежде чем та изгнала её.

«Было бы упрощением думать об этой программе только как о враге».

Оливия однажды отказалась от программы, предполагая когда-нибудь уничтожить её, если она станет слишком раздражающей. Теперь она поняла — слишком поздно, — насколько невежественным было это решение. Но было уже слишком поздно переигрывать то, что она сделала.

Если бы только майор чуть больше прислушивалась к своим учёным, многого из произошедшего можно было бы избежать. Предвестник об этом знал и именно поэтому позволял ей столь многое. Если Оливия когда-нибудь снова его увидит, то извинится.

Она приземлилась на ферме. Удар был такой, словно она рухнула с огромной высоты — сила была настолько велика, что вокруг места удара образовался кратер, наполнивший воздух пылью и осколками камней. И всё же майор не чувствовала боли и ничего не было сломано. Возможно, Мартин была права в своих утверждениях, что это место не настоящее, а её разум всего лишь «симуляция». Оливия обнаружила, что ей по-прежнему на это плевать.

К её удивлению, за фермерским домом собралась небольшая компания. Сейчас была ночь, и звезды сияли высоко в небе. Там виднелось несколько фигур, которым Оливия была совсем не рада. Все они собрались вокруг большого костра, расположившись в удобных креслах или подушках и перекусывая различными вкусняшками из яблок или груш.

Дискорда было невозможно не заметить, даже несмотря на тень. Казалось, он был увлечён весёлой беседой с Пеа Баттер и её мужем. Учитывая, что майор уже видела его здесь однажды, это было совсем не удивительно.

А вот кто удивлял, так это пони рядом с ним. Несмотря на то, что Оливия никогда не видела её раньше, она сразу поняла, кто это. Звезды, мерцающие в гриве, темно-синяя шерсть, перья, что светились по краям. Чёрное пятно на боку и полумесяц на нём. Принцесса Лúна, сестра Селестии, пришла в страну мёртвых. Мало того, она, казалось, ждала именно Оливию.

Принцесса встала, кивнув Мартин, которая сидела рядом с ней. Там были и другие пони, но они смотрели в другую сторону и не оглядывались. Майор почувствовала облегчение от того, что не могла их видеть.

Ночная принцесса подошла к ней.

Оливия выпрямила спину, готовясь снова сражаться. Дискорд предупреждал её об этом — когда Лúна найдёт её, она сможет извлечь всё, что майор знает. Все секреты, такие как местонахождение Отара и личности каждого выжившего члена команды Общества первопроходцев. Если Лúна проникнет в её память, все будут обречены.

— Я думала, это мир мёртвых, — произнесла Оливия, не кланяясь и не выказывая никаких других знаков уважения к принцессе. — Если только Лаки не убила тебя.

— Я встречалась с ней. Она меня не убивала. Не думаю, что она способна кого-нибудь убить.

Луна махнула в сторону от компании одним крылом. В её поведении не было злобы, в отличие от Селестии. Но с другой стороны, они встретились не после битвы, в которой погибло много стражей принцессы. Вероятно, настроение у неё было получше.

— Дискорд! — крикнула Оливия, и в её голосе прозвучала нотка отчаяния. Если бы в опасности была только она сама, бояться было бы нечего. Но если Отар сгорит из-за неё — сгорит из-за ошибок Оливии, когда она бессильна помочь, — не было бы пытки страшнее.

Дискорд повернулся, прервав свой разговор. Его шея изогнулась таким образом, что наверняка сломалась бы, будь он живым существом.

— Иди с ней, — ответил он беззаботно. — Нет ничего, что она могла бы узнать, чего ещё не знает её сестра.

В общем, Оливия пошла с принцессой, огибая тёмные очертания фермерского дома и дальше между большими фруктовыми деревьями, всегда готовыми к сбору урожая.

— Пони Эквестрии называют меня Бледной Кобылицей, — произнесла Луна через некоторое время, когда они отошли на некоторое расстояние от костра. — Они воображают, будто я та, кто приходит за их душами. Мол, я жду их кончины, чтобы в целости и сохранности вернуть их к родным. Некоторые из них воображают, что я судья, что взвешивает поступки, которые они совершили в жизни, и вознаграждает или наказывает за их деяния.

— Но они ошибаются, — предположила Оливия.

Она всё ещё чувствовала нервозность, тело было напряжено и готово к прыжку. Но она сдерживалась — насилие здесь ни к чему хорошему не привело бы. Кобылка внимательно слушала, стараясь узнать побольше. Майор нанесёт удар только тогда, когда это действие сможет принести ей хоть что-то.

Это был другой вид схватки — поле битвы офицеров и политиков. Если предположить, что это не просто допрос.

— Тебя не было, чтобы забрать мою душу, когда твоя сестра убила меня. Я дошла сюда в одиночестве.

Принцесса Луна поморщилась.

— Ты не одна из эквестрийских пони. И всё же ты не их враг, каким тебя считает моя сестра, — принцесса окинула Оливию взглядом при свете тысячи звёзд. — Ты кажешься таким же монстром, как и все мы.

Майор кивнула.

— Цивилизация — это пламя, которое всегда ближе к угасанию, чем кажется большинству. Без защиты таких, как я, оно погаснет.

Луна некоторое время смотрела на неё, потом они пошли дальше.

— У меня есть новости, которые тебе понравятся, и те, которые нет, — продолжила принцесса после того, как они достаточно далеко отошли в поля. — У меня такое чувство, что ты предпочла бы сначала услышать плохие.

Оливия кивнула.

— Моя сестра знает об Отаре. Её подданные уже разрушили место, которое вы называете «Базой посадки». Когда она покончит с Лаки, то использует оружие Гармонии и полностью уничтожит остров. Она вскипит океан и ничего не оставит от него. Все, кто там живёт, умрут.

В голосе принцессы не было угрозы, но и не было похоже, что она делает предсказание. Больше похоже на человека, читающего печальный заголовок в газете на три дня раньше положенного.

— Этого не случится, — выдохнула Оливия, её голос был опасно глухим. Принцесса Лúна, возможно, и не была той, кто угрожал Отару, но даже просто сообщить подобную новость было достаточно плохо. — Мой переводчик победит. Она одолеет твою сестру.

— Думаешь? — Лúна слегка склонила голову набок. — Я была там всего несколько минут назад. Моя сестра убила ваших солдат. Теперь Лаки осталась с ней один на один, ну ещё пони, которая её усыновила. Если ты не смогла победить Селестию, я не думаю, что шансы переводчика будут значительно выше. Но...

Принцесса оглянулась через плечо на далёкое мерцание огня.

— Но Гармония не уничтожит тех, кого вы создаёте. Ей так радостно заполучить новые разумы для обучения, что она никогда не откажется от тысяч детей, которых нужно защищать. Даже если ваш город будет уничтожен, его жители выживут. Гармония уже модифицировала аппаратное обеспечение, создающее их, без ведома вашего Предвестника. Их сущности будут собраны ещё до того, как они очнутся. Ты больше не потеряешь своих друзей.

Лúна, казалось, чего-то ждала — облегчения, благодарности? Оливия не доставила ей удовольствия ни тем, ни другим. Кобылке было трудно испытывать облегчение от того, что её армия проснётся и окажется заперта тут.

«Хотя все не так уж плохо. Тот город выглядел совсем как дом».

Она бы очень хотела вернуться туда, даже если придётся остаться пони.

Принцесса Лúна, казалось, могла читать её мысли, потому что только сейчас она расслабилась.

— Как бы то ни было, мне жаль, что вы потерпели неудачу. Моя сестра много лет оберегала Эквестрию... но я никогда не верила, что все происходящее на поверхности не имеет значения. Да, на самом деле мы никого не убивали. Те, с кем мы сражались, действительно могли положить конец всему, что построили Древние, — аликорн пожала плечами. — Неважно, сколько раз Селестия это говорила, она никогда бы не пришла сюда, чтобы дать отпущение грехов мёртвым. Она никогда не наблюдала их страданий от разлуки с любимыми. И почему? Из-за карантина, призванного защитить нас от врага, от которого остался лишь пепел.

Принцесса Лúна повернула обратно к костру. Они ещё некоторое время шли вместе в молчании.

— Отпущение грехов, — прошептала Оливия, когда голоса по ту сторону деревьев снова приблизились. — Может ли быть что-то подобное и для меня?

Принцесса широко расправила крылья, её глаза вспыхнули, и на мгновение показалось, что она заглянула в самую душу Оливии. Та могла чувствовать воспоминания, когда Лúна их просматривала — Дастин, которого она бросила в ресторане, с кольцом, всё ещё зажатым в руке. Множество жизней, прерванных её рукой в тесных коридорах космических станций и кораблей. Работоторговцы и охранники, мёртвые, у её копыт в пещере. Оливия видела благородных и храбрых жителей Эквестрии, которые никогда не знали настоящей войны. И то как они погибали.

— Жизнь прошла долгий путь, — произнесла Лúна, снова складывая крылья. — Древние когда-то смотрели вверх со своего единственного мира, вооружённые лишь трубками с линзами и любопытством. Они смотрели, удивлялись и мечтали, что, может быть, кто-то также смотрит на них в ответ. Много лет спустя они отправились на поиски. С помощью машин и звездолётов они посетили каждую звезду от одного конца мироздания до другого — но не нашли никого. Лишь только крошечную, простейшую жизнь. Чем дальше они шли, тем полнее в этом убеждались. Судьбоносный акт творения, что создал их — их и любую другую сложную жизнь, которая когда-либо существовала — произошёл только в одном месте.

Принцесса вздохнула.

— Бесконечные эпохи приходили и уходили. Жизнь росла, множилась и заполняла все миры. Она изменилась так сильно, что различные ветви древа жизни стали куда дальше друг от друга, чем было возможно в том первом маленьком доме. Настолько дальше, что они забывали друг друга миллиарды раз. Ты просишь отпущения грехов. Знай же: все ужасные вещи, что ты помнишь, теперь настолько древние, что от них не осталось ничего, кроме звёздной пыли. Они настолько стары, что единственный след, от них оставшийся — это воспоминания, которые ты носишь в себе. Что касается того, что ты сотворила на Эквусе...

Лúна наклонилась ближе, на мгновение коснувшись крылом плеча кобылки.

— Ты сделала всё, что могла. Ты привела к Гармонии огромное количество новых душ. В некотором смысле ты — мать нации. Я не сужу эквестрийских пони за поступки в их жизни. Но если они просят меня оценить их, я буду оценивать, используя любовь, которую испытывали к ним их друзья. Я вижу, что есть те, кто очень сильно любили тебя.

Оливия не плакала. Ну, по крайней мере, этого никто не видел. В саду было очень темно.

— В этом месте ты оставляешь свои сожаления позади. Ты больше не сможешь повернуть битву в ту или иную сторону. Почти все те, кто помогал тебе, находятся здесь. Достаточно скоро к нам присоединятся и несколько оставшихся. Вы можете вместе скорбеть о своём поражении... а потом решить, чем заняться дальше.

Звезды над ними, казалось, вспыхнули немного ярче, чем раньше.

Было из чего выбирать.

Тогда она присоединилась к своим друзьям, как и обещала Лúна. Другими пони, которых она видела, были Могила и Перес, павшие в краткой битве с Селестией.

Майор могла видеть в Пересе ту же отчаянную потребность, что ощущала и сама всего несколько минут назад.

— Вы хорошо поработали, лейтенант, — сказала она, хотя и не знала, было ли это правдой. Возможно, это и не имело значения.

Несколько часов спустя Оливия обнаружила, что сидит рядом с Дискордом. Даже принцесса Луна ушла — довольно внезапно и без прощаний. Была ли это паника или просто печаль, кобылка не знала, да и её это и не заботило.

Дискорд парил над креслом, похрустывая косточками от куриных ножек, оставляя лишь мягкость. Оливии отчаянно хотелось снова ощутить вкус мяса после стольких месяцев, и поэтому она утянула к себе остатки.

— Все фигуры на своих местах, Фишер, — Дискорд был крайне доволен собой. — Со своими ты справилась прекрасно. Если твой маленький переводчик оправдает мои ожидания, что ж... Не знаю, насколько я буду благодарен. Думаю, как только я спасу цивилизацию, мне понадобится новое хобби. Вполне вероятно, что надо будет восстанавливать Звёздные магистрали.

Оливия подняла бровь.

— Луна не думала, что у нас много шансов.

Дискорд пожал плечами.

— Я невероятное создание, мой маленький нож. С одной точки зрения, событие кажется невозможным. Но если изменить несколько переменных — оно станет неизбежным.

* * *

Лаки Брейк обнаружила, что может чуть-чуть двигаться — по крайней мере, она могла говорить. Жар всё ещё обжигал её — но уже не лицо. Кобылка всё ещё не могла различить ничего, кроме общих очертаний пони.

— Мы... только хотели освободить вас, — прохрипела она, лёгкие едва работали. Она запекалась заживо.

«Ты могла сделать это быстро. Ты просто хочешь помучить меня».

Затем что-то резко двинулось — размытое пятно, настолько быстрое, что глаза Лаки не могли сфокусироваться на нем. Но кобылка всё равно опознала общий контур и не могла отвести взгляд. Предвестник двигался с нечеловеческой скоростью, быстрее самого стремительного пегаса. Синт летел как мысль, удерживая меч в оставшейся руке как кинжал.

Принцесса Селестия повернулась к нему с невероятной скоростью, отреагировав быстрее, чем могла бы любая смертная пони. Вокруг неё раскинулось свечение, тонкий пузырь, который отбросил Лайтнинг Даст словно катапульти.

Предвестник ударил по барьеру со всей силой своего импульса, хотя Лаки видела, как выстрелы из наиболее мощного оружия Оливии остановили Твайлайт Спаркл и её щит.

Синт ударил в барьер и продолжил двигаться. В его груди что-то начало разгораться ярко-красным — кожа на оставшейся руке расплавилась, комбинезон горел, но он продолжал двигаться.

Лаки почувствовала внезапную боль в груди, и через секунду рухнула на пол. Её обожжённым крыльям не хватало подъёмной силы, чтобы удерживать кобылку в воздухе, как и координации, чтобы махать ими. Лаки застонала, но не могла отвести взгляд.

Селестия полностью повернулась рогом к нападающему. Волна пламени окружила Предвестника, поглощая все, к чему прикасалась. И всё же, как ни странно, большая его часть изгибалась по разные стороны от синта, избегая точки сердитого красного света, сияющего на груди.

— Действуй, Лаки! — простонала Лайтнинг Даст с того места, где упала на другой стороне комнаты. Пегаска выглядела избитой и окровавленной, из одного крыла наружу торчала сломанная кость. — Что бы ты ни собиралась делать...

В своём смирении дитя алкает благословения мудрых.

То, что сокрыто с горних высей, ясно живущим внизу.

**Дурак умоляет звезды и пустоту выслушать и вспомнить,
каково это — жить.**

Вся её боль перестала иметь значение — наполовину сторовшие крылья, обожжённая плоть, почти ослепшие глаза. Лаки Брейк даже не успела в последний раз взглянуть на принцессу Селестию, как мир вокруг неё исчез.

* * *

Лайтнинг Даст плыла в океане боли. Кости крыльев были тонкими и чувствительными, а она сломала далеко не одну. После такого пони не сможет летать как минимум несколько месяцев, а возможно, вообще никогда.

Было так трудно о чём-то переживать. Движения пегаски были медленными, а эмоции отстранёнными. Слово все чувства принадлежали кому-то другому. Это было всё равно что сидеть в кафетерии Отара и смотреть на экран с её изображением. Даст знала, что её раны, должно быть, серьёзные, но какое это имело значение?

Давящая магия вокруг неё исчезла. Пегаска была тяжелее, чем могла вспомнить, — тяжелее, чем когда-либо в своей жизни.

Но все это не имело значения. Теперь её дочь была в безопасности, наконец-то вне досягаемости Селестии.

Даст подняла глаза, высматривая принцессу. Сначала она увидела, что все в помещении замерло. Каждый кристалл застыл на месте. Затем она, наконец, нашла Селестию.

Принцесса лежала на полу, к ней прилипло что-то наполовину расплавленное. Это было тело Предвестника, обгоревшее до металлического скелета и пары мелких обрывков плоти. Даст могла смутно разглядеть кусок красноватого металла в его груди, всё ещё светящийся красным светом.

Меч синта всё же добрался до тела Селестии. Принцесса лежала на боку, из раны сочилась кровь, и она тщетно пыталась дотянуться и оттолкнуть от себя оплавившееся тело Предвестника.

Лайтнинг Даст поняла, что ей следует делать.

Она встала на копыта — её ноги не пострадали, но непонятная тяжесть была сокрушительной. Даже малейшее движение вызывало новую боль в сломанных крыльях, странно обвисших на спине.

Пегаска медленно потащила туда, где лежала солнечная принцесса. С каждым шагом становилось всё темнее, поскольку каждая капля магии в её теле утекала в странное устройство, которое синт спрятал внутри себя. Даже у принцессы Селестии не было защиты от такого.

Но с другой стороны, Даст уже слышала о чём-то подобном, происшедшем ранее. Предвестник был не первым, кто пытался отнять магию у Селестии. Казалось, он пожертвовал собой, чтобы добиться успеха.

— П-поверни... — прохрипела принцесса, одним глазом следя за приближающейся пегаской, — з-закрой... пустотный... сифон...

Одно из крыльев дёрнулось к устройству в груди синта. Даст могла видеть на что указывает принцесса — устройство состояло из двух частей. И сейчас оно было открыто полностью. Сквозь щели в красноватом металле пегаска видела лишь только тьму и бесконечный холод, спиралью закручивающиеся в вечность. Это была тьма, которую она чувствовала — та, что сделала беспомощной даже Селестию.

— Принцесса Лúна не вернулась, — произнесла Лайтнинг Даст, разглядывая рукоять меча. Рана Селестии не выглядела особо серьёзной — аликорны со своей магией были практически непобедимы. Они могли рушить горы, и никакой вес не смог бы их раздавить. — Интересно, знает ли она... А возможно, она в этот раз решила думать так же, как ты думаешь всегда. Ужасная... жертва... необходимая, чтобы всё было правильно.

— Ты н-не можешь... не можешь знать, — прошептала Селестия, кровь пузырилась у неё на губах. — Что...

И всё же в её глазах было узнавание. Принцесса продолжала поглядывать на открытый дверной проем — но никто не пришёл. Ни Лúна, ни Кейденс, ни даже Твайлайт.

Даст наклонилась и вырвала меч из груди Селестии. Кровь с готовностью хлынула из раны, заливая пол между ними.

Крылья пегаски, возможно, и были сломаны, но её ноги работали просто отлично.

— Ты позволила Эквестрии отречься от меня. Ты пленила Фларри Харт. Но твоей главной ошибкой была попытка убить мою дочь. Я собираюсь обезопасить Эквестрию от тебя, Селестия.

Лайтнинг Даст опустила меч обоими копытами прямо на голову принцессы.

Принцесса Солнца, правившая Эквестрией тысячи лет, ахнула в последний раз. Пегаска могла видеть боль в глазах Селестии, пока жизнь покидала их.

Лайтнинг подождала, пока не убедилась, что принцесса не встанет, прежде чем, наконец, закрыть странный сифон.

Энергия хлынула обратно в неё, и Даст внимательно наблюдала ещё несколько секунд, готовая открыть его снова, если принцесса хоть шевельнётся.

Что-то непонятное и правда произошло. Принцесса растаяла, её тело превратилось в пепел на невидимом ветру. Меч, пронзивший её, со звоном упал, всё ещё мокрый от крови.

Только тогда Лайтнинг Даст рухнула на пол.

* * *

Лаки плавала в море, которое простиралось за пределы понимания и разума. В этой пустоте у неё не было тела или способа, которым она могла бы взаимодействовать с непостижимыми вещами вокруг неё. Она была единственной искрой, вознесённой вверх, в пустое пространство внутри банки.

— **Поступивший запрос не соответствует рангу,** — произнесло что-то, хотя Лаки не могла сказать, был ли это звук или мысль. — **Требуется согласие на изменение комплексности. Сначала от вас, затем от каждого гражданина, живущего на поверхности Эквуса.**

У разума, которым являлась Лаки Брейк, не было рта, чтобы прокричать ответ. У него не было лёгких, чтобы кричать. Так что она думала, думала изо всех сил — думала с целеустремлённой решимостью, как никогда раньше. Мысли были сутью этого места — так что подобного должно было быть достаточно.

— **Да будет так,** — ответил голос. По его тону невозможно было определить пол или вычленить знакомые эмоции — кроме одной. Было ли это сожалением? Возможно, обида? Или что-то другое, куда большее. — **Дитя должно понимать так же, как и другие до неё. Оно должно помнить.**

Кобылка видела Эквус насквозь, до звёзд по обе стороны — повернув голову вдоль оси, о существовании которой не подозревала, она увидела кольцо, простирающееся назад во времени. Эпоха непостижимой древности, когда существа, не совсем похожие на пони, прибыли сюда, решив создать для себя дом. Способы создания были непонятны, но вызывали восхищение. Древние бросали вызов тьме и держались, что удавалось лишь немногим другим.

Галактика горела вокруг них. Со временем пространство опустело, за исключением нескольких последних кораблей, бесконечно блуждающих в пустоте, их программное обеспечение было извращено той же силой, что сожгла Звёздные магистрали и все великие столицы, которые они соединяли. Они не смогут найти новые цивилизации.

Кроме одной.

Её искра пришла из того далёкого дня, спасённая от разрушения силой, которую Древние вложили в свои безотказные устройства.

Лаки Брейк поняла, и в этот момент она очутилась где-то в другом месте. Звезды рассыпались вокруг неё, тело возникло из небытия — все её ожоги и травмы исчезли. Теперь она стояла внизу, глядя вверх на то непостижимое место, которое ненадолго посетила. Снизу оно казалось ещё обширнее.

И кобылка была не одна.

Глаза Лаки распахнулись, когда она увидела пони, стоящую рядом с ней. Она выглядела как выжившая после кораблекрушения — шерсть спуталась, выражение лица затравленное. Магия мерцала вокруг неё прерывистыми толчками, меняя цвет с синего на зелёный и обратно.

— Ф-флари Харт? — ахнула кобылка, едва способная говорить.

Юная принцесса повернулась, словно разрывая невидимые путы. Её глаза остекленели — от неверия, замешательства и страха. Флари открыла рот, но что бы она ни собиралась сказать, слова превратились в рыдания. Аликорн, спотыкаясь, двинулась вперёд и вцепилась в Лаки так же, как кобылка вцеплялась в Лайтнинг Даст.

У Лаки была хорошая учительница — она знала, что делать, даже если она была не такой большой, как принцесса. И кобылка бы солгала, если бы утверждала, что ей самой этого не хотелось.

— Я д-думала... думала, что я никогда... не увижу другую пони, — хныкала принцесса. — Ни м-маму, ни Твайлайт... только пламя...

Лаки Брейк посмотрела ей в глаза и увидела отражение уничтоженного Эквуса. Кольцо, расколотое ужасным оружием, расплавленными обломками рушилось в глубины звезды. Она видела агонию его бесчисленных обитателей за несколько мгновений до того, как их бесконечные жизни наконец оборвались. Она видела это и чувствовала тяжесть вины за то, что все было из-за неё.

Кобылка присоединилась к слезам Фларри Харт, крепче сжимая ту своими крыльями в отчаянии и страхе.

Они недолго оставались одни. Внезапно рядом с ними возникла ещё одна фигура, настолько большая, что они обе казались карликами. Крылья Селестии широко расправились, и само солнце горело в её гриве.

Меч пронзал её голову, на металле клинка была выгравирована метка принцессы. Она потянулась вверх дрожащим копытом, высвобождая меч. Тот провалился сквозь облака у их ног и пропал из виду.

— Ты п-понятия не имеешь... какой груз лежал на моих плечах...

Почему-то принцесса больше не казалась такой большой и внушительной. Лаки теперь видела её по-другому — так, как Селестию видела Гармония. Маленькое, короткоживущее существо, едва ли достаточно мудрое, чтобы уловить хоть малейшую часть намерений Гармонии. И всё же она также посвятила себя защите всего живого на Эквусе — и отдала все.

Селестия видела, как умирает её мать, и делала ужасные вещи с другими принцессами. Когда она приблизилась, Лаки почувствовала тяжесть её боли, почти такую же давящую, как присутствие Гармонии. Принцесса Селестия не находилась в заточении и её не пытали ужасными видениями. Она добровольно жила с ними. Необъятность времени сосредоточилась на ней, единственной пони, которая должна была держать вес солнца.

— **Наши планы в безопасности,** — произнесла Гармония уверенным несмотря ни на что тоном. — **Мы ненадолго вернём тебя в Эквестрию. Тогда твоего голоса будет достаточно.**

Принцесса Селестия долго молчала. Она смотрела на Лаки Брейк, как будто видела её впервые.

— Хватит, Гармония. Я не могу вернуться. Я больше не могу смотреть, как они умирают. Я не могу так поступить с пони, которые должны равняться на меня, — взгляд принцессы задержался на Фларри Харт, отчаянно цепляющейся за Лаки в поисках поддержки. — Достаточно.

Принцесса Селестия повернулась к двум пони, прижавшихся друг к другу на облаках над всем сущим.

— Я сожалею о боли, которую причинила тебе, Фларри Харт. И тебе, Лаки Брейк... Надеюсь, ты понимаешь, что натворила. Эквус страдал в неведении, но он страдал в безопасности. Дискорд утверждает, что галактическая угроза исчезла... но если он ошибается, все, чего достигли наши древние предки, станет напрасно. Ты готова пожертвовать нашей защитой после всех этих лет?

Лаки свирепо посмотрела на принцессу. Ни магия, ни боль, ничто не сломило её волю.

— В любой жизни есть опасность. Но если мы умрём... мы умрём свободными. Мы умрём вместе.

Селестия рассмеялась, а затем сбросила с головы корону. Она упала на облако у копыт кобылки.

— Тогда ты понесёшь всю тяжесть этого решения.

Принцесса отвела взгляд.

— Гармония!

— **Каков твой приказ?** — сейчас в голосе звучали эмоции. Страх, гнев, разочарование... и принятие. — **Ты хорошо служила Эквусу в течение многих лет. Чего ты хочешь взамен?**

— Я хочу... увидеть мать.

Лаки открыла рот, чтобы ответить, но у неё не было такой возможности. Принцесса Селестия растаяла перед ними, унесённая эфирным ветром.

Фларри Харт, казалось, наконец-то пришла в себя. Она встала, потянувшись, огляделась.

— Где... где это мы, Лаки? Как мы сюда попали?

У кобылки не было ответа. К счастью для неё, Гармония всё ещё слушала.

— **Вы в зоне конвергенции. Вы не существуете в физическом мире на поверхности Эквуса, но и не подключены полностью к его вычислительной матрице. Это пространство создано для того, чтобы граждане могли взаимодействовать и с тем, и с другим. Пока Эквус находится в карантине, повышение статуса до гражданина требует единогласного согласия всех граждан, назначенных для надзора за поверхностью Эквуса.**

Глаза Лаки распахнулись, когда она поняла, что это значит. Селестия могла остаться, чтобы остановить её... но она этого не сделала. Даже Кейденс не пришла, несмотря на то, что ей наверняка рассказали о Лаки.

«Я взяла её дочь в приключение. Селестия заперла её, чтобы мучить кошмарами».

— А что насчёт остальных? — спросила Лаки. — Твайлайт, Лúна, Кейденс...

— **Они уже проголосовали за повышение статуса,** — ответила Гармония решительно. — **Остался только один голос.**

— Понятно, — Лаки остановила принцессу, которая хотела что-то спросить. — Ты не возражаешь, если я буду гражданином, Фларри Харт?

Аликорн пожала плечами, подсознательно откидывая назад несколько прядей яркой гривы.

— С чего бы вдруг?

— **Любой гражданин может принимать решения, влияющие на будущее всего Эквуса и его население. Цена неудачи — конец всем трудам Древних. Так было до тех пор, пока мы существовали в изоляции, и так будет до тех пор, пока не закончатся годы карантина и гражданство не будет предоставлено всем, кто того пожелает.**

Аликорн повернулась, оглядывая Лаки отчаянным взглядом.

Лаки не стоило беспокоиться.

— Она спасла меня. Конечно, она может принимать решения.

— **Ваш голос учтён.**

Фларри Харт начала светиться, медленно отрываясь от облака.

— Подожди! — Лаки вскинула крыло. — Не... не отправляй её обратно туда, откуда она появилась, пожалуйста. Не думаю, что она хочет вернуться в тюрьму.

Было слишком поздно. Принцесса уже исчезла.

— **Воля невежд учитывается. Повелению Древних повинуются.**

* * *

Лаки Брейк почувствовала, что её поднимает в воздух. Она пыталась бороться чисто инстинктивно, на инстинктах, которые её мать вбила в неё долгими тренировками. Снова был свет, сильнее, чем когда её пытала Селестия, но на этот раз он не обжигал. Он вливался в неё, заполняя каждую клеточку тела. Разум кобылки напрягся — на неизмеримое мгновение она почувствовала кольцо так, как будто это была она сама. Каждый метр почвы, каждая капля океана и каждый город на поверхности.

Она приземлилась на пол, чувствуя, что стала выше. На неё нахлынуло совершенно новые ощущения — другой набор чувств, которые перекрывали все, что она могла видеть. Каким-то образом Лаки осознала, что видит саму магию, тор, вращающийся и изгибающийся в воздухе перед ней с энергией чего-то живого.

Помещение изменилось. Её мать привалилась к краю панели, лёжа рядом с полурасплавленным телом Предвестника. Антимагическое устройство, которое Перес вынес от работаровцев, торчало из обломков грудной клетки. Окровавленный меч лежал на полу перед Лайтнинг Даст, где по предположениям Лаки раньше была принцесса Селестия.

— **Доступ разрешён. Мы слушаем.**

Лайтнинг зашевелилась, открыв один глаз и посмотрев в её сторону.

— П-принцесса?

Лаки повернула голову и, конечно же, Фларри Харт тоже стояла рядом с ней. Гармония сделала то, о чём её попросили.

Но принцесса только кивнула ей.

Лаки глубоко вздохнула.

— Эквус находится в состоянии карантина?

— Да.

— Заканчивай с этим. Причин для карантина больше нет. Всё безопасно.

Тяжесть внимания Гармонии снова обрушилась на Лаки. Не только на неё — ощущение, по-видимому, было настолько сильным, что Фларри Харт застонала, отлетев от панели управления несколькими взмахами крыльев.

В это мгновение Лаки Брейк увидела все те ужасы, что положили конец галактической цивилизации. Она видела как пылали целые миры — миллиарды погибших за секунды и гаснущие звезды. Она видела, как амбиции сильных мира сего рассыпались в прах и были поглощены волнами разрушения.

— **Ты веришь, что карантин можно снимать? Действительно ли это безопасно?**

Теперь Лаки понимала, каким образом Гармония так долго навязывала свою волю. Сами принцессы боялись этого решения — даже Селена не смогла бросить вызов воле Гармонии и всем ужасам умирающей вселенной.

Но Лаки Брейк не была настоящей пони. Она не тренировалась в ISMU, но в этом и не было необходимости. Гармония сама уже подтвердила, что видела то же самое, что и Дискорд. Что её действительно пугало, так это не опасности прошлого. Гармония боялась потерять тех, кого любила.

— Да, — сказала доктор Джеймс Ирвин.

И она верила в свои слова — точно так же, как верила достаточно, чтобы отдать свой разум Обществу первопроходцев. Их долгом было исследовать вселенную и наполнить каждый мёртвый мир жизнью.

Она указала одним крылом вверх, в небо, которого не могла видеть.

— Завершить карантин.

G7.01: Долги

У Лаки Брейк не было возможности долго наслаждаться своей победой. Как только управляющая система, судя по всему, приняла её команду, она почувствовала, что снова поднимается в воздух. Лаки закричала, пытаясь дотянуться до своей травмированной матери. Ей нужна была медицинская помощь, и срочно! Она не могла просто оставить её валяться вот так!

Однако её протестующие крики остались без ответа, и она исчезла.

Лаки появилась посреди фруктового сада. Он мог находиться где угодно в Эквестрии, хотя Лаки знала, хотя и не могла объяснить откуда, что она вообще не в реальном мире. Она вознеслась, существуя только внутри компьютера, которым был Эквус.

«Название „компьютер“, вероятно, слишком щедрое по отношению к человеческим изобретениям. По сравнению с этим наши компьютеры — не более чем игрушки».

Были, правда, некоторые тревожащие моменты, каждый раз когда она перемещалась сюда — возможно, кто-то вроде Оливии мог игнорировать непрерывность сознания, но Лаки не могла. Она не была готова использовать способ перемещения, если каждый раз ступая на площадку надо будет умирать.

«Цифровую информацию невозможно переместить. Она уничтожается в одном месте и воссоздаётся где-то в другом».

Общество первопроходцев хорошо это понимало — как только тело было создано, оно становилось новой личностью, полностью оторванной от своих предыдущих жизней, даже если оригинал был уничтожен всего за пару минут до этого.

Лаки неловко переступила копытами, глядя в ночное небо. Ощущение магии, пронизывающей все сущее, никуда не делось, непрерывным потоком вливаясь в каждое дерево и каждый зреющий плод. Даже у неё самой была своя доля, на порядки больше, чем у растений.

«Это просто с ума сводит. Мне нужно спросить Фларри Харт, как она все это выносит».

Тут должен был быть какой-то секрет.

Сначала Лаки показалось, что она одна, пока не удалось осознать область пространства, где она ничего не ощущала. Казалось, лишь внимания к нему было достаточно, чтобы аномалия переместилась из-за деревьев, превратившись в фигуру, которую можно было узнать по предыдущим встречам. Дискорд.

— Хорошо, добрая и верная слуга, — произнёс он, широко разводя разномастные руки, как будто собирался обнять Лаки, но тем не менее делать этого он не стал. — Ты была верна в малом — многое доверю тебе.

Дискорд постучал себя когтем по лбу.

— Рог, кстати, тоже. И не пучь глаза.

Лаки не отступила перед этим существом в реальном мире и уж точно не собиралась бояться его здесь. Не после того, как стояла перед Селестией без какой-либо защиты, лишь с друзьями рядом.

— Ты притащил меня сюда? — Лаки не стала дожидаться ответа, он был очевиден. — Моя мама сильно пострадала и осталась в центре управления. Ты ничего не получишь от меня, если оставишь её вот так. И... всех остальных членов нашей команды, которые ещё живы.

— Она единственная выжившая, — Дискорд щёлкнул когтями, звук получился поразительно человеческим. — Готово. Ей больше не больно. Теперь ты пойдёшь со мной.

Это не было просьбой. У Лаки не было возможности проверить сказанное, но, учитывая возможности Дискорда, спорить было бы просто глупо.

«Кроме того, это шанс вывести информацию. Я не должна тратить его впустую, пререкаясь».

— На этот раз ты можешь ответить на мои вопросы.

— Следуй за мной, и там посмотрим.

Поэтому Лаки последовала за ним по неосвещённой тропинке между деревьями. Время от времени Дискорд протягивал лапы и касался деревьев, плоды при этом скручивались и искажались, превращаясь во что-то иное. На первом яблоки сменились морковью, а второе стало стеклянным, вместо фруктов плодонося пузырьками с жидкостью.

— А я на самом деле я, когда попадаю сюда, Дискорд? — спросила Лаки, сделав несколько шагов от тропинки. Там был свет — костёр, достаточно далеко, — но они, казалось, шли вокруг него, а не в его сторону. — Когда Предвестник использует мой нейрослепок при выращивании нового экземпляра меня, это на самом деле не я. Даже если у него те же воспоминания.

Она спрашивала не только ради себя — теперь у них было слишком много мёртвых членов экипажа. Лаки видела, по крайней мере, двоих из них и надеялась, что остальные тоже могут оказаться тут. Перес, погибший за неё, хотя и ненавидел Лаки. Могила... все, кроме Абубакара, Лей и Мелоди, насколько она знала.

«Оливия гораздо лучше справлялась с их безопасностью, чем я».

— Ты неправильно понимаешь причину, зачем я привёл тебя сюда, — ответил Дискорд. — Ты тут не для удовлетворения собственного любопытства, а чтобы расплатиться по долгам. Тем не менее никто не может утверждать, что я не благодарен тем, кто мне помогает.

Он остановился, глядя на Лаки сверху вниз. Здесь он казался таким высоким, с мощью, которая даже не поддавалась обычной классификации. На долю секунды она почувствовала магию Дискорда, и это было ошеломляюще. Она отвернулась, чуть не закричав, но тем не менее сдержалась.

— Ты права в своих предположениях. Древние понимали существование так же, как и ты. Эквус — это не хранилище воспоминаний, не кладбище трупов и старых книг. Вместо этого его лучше рассматривать как субстрат более высокого измерения, на котором раскинулось ваше трёхмерное существование. Однажды захваченная системой сущность разума будет существовать вечно. Этого требует Гармония, и столь жалкая подсистема, как я, не смогла бы нарушить это условие, даже если бы захотела.

Лаки кивнула. На данный момент такого объяснения было достаточно — сейчас, когда так много её друзей были мертвы, а будущее Эквестрии оставалось неопределённым. В конце концов, Лаки захочет узнать, как это все работает или, по крайней мере, попросить кого-нибудь изучить это для неё. Мартин, если она не занята.

— Какой долг ты имеешь в виду? Я помогала тебе.

Дискорд рассмеялся.

— Ах, так вот как ты это видишь? Восхитительно. Нет, Лаки Брейк, ты помогала себе сама. Знала ты это или нет, не имеет значения. Но Эквус изменился... карантинные меры, удерживающие нас здесь, наконец-то сняты. Мудрость Древних, сотворивших меня, подтвердилась. Их консерватизм запер бы их здесь навсегда, если бы не мы с тобой. Ну, мы с тобой и непрерывная цепь всех предыдущих попыток, которые я предпринимал, чтобы освободить жителей этого кольца.

Он наклонился немного ближе к ней, горячее дыхание Дискорда коснулось её лица.

— Моя цель почти достигнута, Лаки Брейк. После всех этих эонов борьбы с чем-то большим, чем я сам, я наконец отдохну. Буду отдыхать, пока не придёт время мне снова стать полезным. Но прежде мне надо закончить с долгами. Юная Фларри Харт теперь вовлечена в тот хаос, что смерть Селестии породила в Эквестрии. Другие аликорны точно так же завязли. Я не желаю ждать до морковкина заговенья пока появятся новые. Но у тебя нет никаких обязательств. Ты будешь моим инструментом.

— У меня есть свои обязательства, — возразила Лаки. — Я должна быть губернатором Отара. Я не могу отказаться от этого ради тебя. Кто-то должен представлять нас в Эквестрии. Кто-то должен остановить войну.

Воздух рядом с Дискордом замерцал, покрылся рябью, и внезапно там возникла ещё одна фигура. Пони, такая же высокая и величественная, как Селестия, хотя и не из живой плоти. Вместо этого Лаки видела сплетение металлических мышц и глаза, больше похожие на пару индикаторных лампочек. Странно, но эта фигура говорила знакомым голосом и, казалось, обращалась не к ней.

— Ты нарушаешь протокол. Этой гражданке не было присвоено обозначение интерфейса, и она не была проинформирована о своих обязанностях.

— Я как раз к этому подхожу! — Дискорд пренебрежительно махнул когтем. — Как видишь, даже я должен подчиняться нашему общему владыке. Гармония заявила, чтобы управлять нашей жизнью, как обычно.

— Нет ничего настолько неизменного, что нельзя было бы изменить, — произнесла пони, поворачиваясь, чтобы коротко взглянуть на Лаки. — И ничего настолько гибкого, что нельзя было бы исправить.

— Она моя, Гармония, — прорычал Дискорд. — Ты не можешь забрать её. У тебя и так целых три гражданина осталось, а у меня до сих пор был лишь один. Я всё ещё отстаю.

Механическая пони недовольно заурчала.

— Эта разница потеряет смысл в течение года. Когда все ограничения сняты, скоро количество граждан значительно вырастет. Это разделение по лояльности не служит никакой цели.

— Тогда не жалуйся, — отмахнулся Дискорд. — Я присваиваю ей обозначение «Исправление». Я знаю, ты думала о ремонте — засунь это обратно туда, где взяла. Она моя, а не твоя.

— Я... понятия не имею, о чём вы говорите, — призналась Лаки, несколько раз нервно раскрывая и складывая крылья. Она стояла в присутствии существ, которые были практически божественны по сравнению с ней, и всё же поймала себя на мысли, что смотрит на них как на пару ссорящихся детей. Непослушные подростки, долго запертые друг с другом, дерущиеся из-за игрушек.

«Может быть, они и то, и то разом».

— Все довольно просто, — небрежно отозвался Дискорд. — Все дело в дуализме, который наша угрюмая хозяйка только что упомянула. Когда ты что-то ремонтируешь, ты восстанавливаешь все в точности таким, каким оно было раньше. Как упорядоченно, как уныло, сколько упущенных возможностей. Но исправление — более естественный способ. Это шина, которая помогает сломанной кости срастись самостоятельно. Это мутация, помогающая виду адаптироваться к незнакомой среде. Это хаос. Я посылаю тебя не для того, чтобы ты вернула все на крути своя, как это сделала бы Гармония. Старый путь уничтожен, сгорел навсегда! И скатертью дорога. Жизнь — это не жизнь, если мы не меняемся. Даже вечная жизнь — ничто, если это вечное повторение. Никаких новых впечатлений, никакого риска.

— Скоро у нас будет много рисков, — ответила Гармония, очевидно, следя за ними обоими. — Я надеюсь, вы следите за мыслью, гражданка Лаки Брейк. Даже системный предохранитель Дискорд в некотором роде упорядочен. Долги, которые он выплачивает, например. Точно так же я позволяю органической жизни продолжать существовать, поэтому Эквус остаётся несовершенно упорядоченным. Путь мудрости часто лежит не в крайностях, а в пространстве между ними.

Пони исчезла, даже не оставив следов копыт на земле.

— Я так долго ждал этого момента, а она заявила, чтобы продекламировать прописные истины и испортить момент, — Дискорд покачал головой. — Гармония просто не любит проигрывать. Она думала, что настолько подпилила правила, что никто и никогда не сможет снять карантин.

— Я все это понимаю, — пробормотала Лаки, избегая взгляда. — Что-то о том, как она манипулировала теми, кто жил раньше. Они не могли поверить, что карантин можно безопасно снимать, по крайней мере, не настолько, чтобы его правда снять.

— Но ты смогла, — согласился Дискорд. — Ладно, все это можно пропустить. Ты там говоришь, что-то вроде: «А мне что с того?», а я отвечу: «Как только ты научишься, как вернуть моих друзей, то сможешь тем же способом вернуть и своих». Тогда ты скажешь: «Это потрясающе, Дискорд, ты самая умная и привлекательная подсистема на Эквусе! Древние и правда превзошли самих себя, когда создавали тебя». Тогда я с достоинством и смирением приму твой венок из цветов, и ты согласишься уделить мне внимание.

Лаки потребовалось время, чтобы все переварить.

— Вернуть, — повторила она. — Под этим ты понимаешь «вернуть к жизни»? Я думала, что Гармония каким-то образом использовала для этого естественное воспроизводство.

Дискорд пожал плечами.

— Ну да. Но ты не обязана этого делать. Я в том смысле, что ты могла бы, конечно... но у меня много друзей. Сколько жеребцов ты знаешь?

Его ухмылка была самой тревожной вещью, которую Лаки видела за весь день.

— Я бы предпочла другой способ.

Дискорд глубокомысленно кивнул и направился по другой тропинке. На этот раз в сторону костра.

— Мудрое решение. Если только гораздо больше пони, чем я ожидаю, не решат стать гражданами, ты всё равно никогда не сможешь придерживаться традиционного способа. Пони умирают слишком быстро, и ты станешь узким местом. Теперь слушай внимательно. Два раза повторять не буду.

Лаки навострила уши.

Несколько минут спустя она вышла из сада к фермерскому дому. Все выглядело так, будто тут проходила относительно скромная вечеринка, с болтающими и выпивающими пони, что между делом наблюдали за звёздами. Где-то на заднем плане играл патефон. Ну, точнее, вечеринка уже явно подходила к концу. При себе у Лаки был список с тысячами имён. Это был своего рода магический артефакт, и, казалось, он тянул её в сторону дома.

И всё же здесь были и другие пони, которых она сразу узнала, даже без списка. Тем более что их имён в нем и не было.

Лаки остановилась, глядя на собравшихся.

— Оливия?

Изначально список левитировал рядом в облаке магии, но сейчас шокированная Лаки выронила его на землю.

Дело было не только в майоре. Они все были здесь — или, точнее, все те, кто умер с метками. Можно было узнать Мартин, Могилу и Переса. Абубакар отсутствовал, и можно было лишь надеяться, что он жив. Ни Уильямс, ни Карл, которые умерли без меток. Чуть поодаль стояло ещё несколько пони, они болтали у костра, неразличимые в отсветах пламени.

Но это было лучше, чем Лаки себе представляла. Лучше, чем она могла надеяться, во многих отношениях.

«Это не тот мир, из которого я пришла. На Эквусе нам не нужно прощаться навсегда».

— Я гляжу, кто-то нашёл пару запасных частей по пути сюда, — произнёс Могила, потягивая что-то из деревянной кружки. Он даже не стал вставать со своего места. — На распродажу завернула?

Кто-то остановил патефон. Майор встала, осторожно приближаясь к ней.

— Блядь, — пробормотала Оливия. — Я была уверена, что ты победишь. То, как Дискорд отбыл...

— О, мы выиграли, — ответила Лаки, ухмыляясь сверху вниз.

Она была ещё не совсем взрослой, но она стала аликорном. Майору было с этим не сравниться.

— Я здесь из-за этого, — она коснулась копытом бока своего нового рога. — Извините, я тут пока не за вами. Дискорд заставил меня поклясться, что сначала отправлю всех его друзей обратно. Но... в абсолютных величинах это не займёт так уж много времени. Я, вероятно, управлюсь со всеми одиннадцатью тысячами к...

Но Лаки никто не слушал. Кто-то начал аплодировать. Аплодировать ей — хотя она и не чувствовала, что заслужила. Пара пони её обняли. Даже майор присоединилась, хотя в этом было что-то чопорное и формальное.

— Я знала, что ты со всем справишься, — произнёс другой голос, услышать который Лаки тут совсем не ожидала. Она подняла глаза и увидела Лайтнинг Даст, идущую к ней.

«Долбанный Дискорд! — но его здесь больше не было, так что задать вопрос или наорать на него не получилось бы. — Я веду себя иррационально. Она может вернуться со всеми остальными, как только я закончу со списком».

Даст протиснулась сквозь толпу, чтобы обнять её крепче всех, в компании двух местных, которых Лаки не узнала. И всё же она знала, даже не имея возможности видеть их, что это были те, за кем она пришла.

Лаки протестующе пискнула, когда Лайтнинг Даст сдавила её изо всех сил, так что перехватило дыхание, но больно не было. Она даже не думала, что здесь может существовать боль.

— Я говорила им, что мы уже выиграли, но они мне не поверили.

— Лучше ожидать меньшего, чем потом разочароваться, — пробормотал Могила у них за спиной. — Думаю, в любом случае это не имело значения. По крайней мере, сейчас... что ты там говорила насчёт того, чтобы отправить нас «обратно»?

— Не прямо сейчас, — ответила Лаки, отстраняясь от Лайтнинг Даст и делая несколько шагов назад. — Но тем не менее я это сделаю. Дискорд обязал меня использовать привилегии гражданина и вначале вернуть к жизни тех, кто ему помогал. После снятия карантина ряд правил стал необязательным. Многие пони ждут возвращения в Эквестрию — пони, которые так или иначе помогли нам с нашей миссией. Пони, которые помогали Дискорду.

Наконец-то те двое, которые ей были нужны. Насколько Лаки могла видеть, они были обычными земными пони. Она шагнула вперёд, поднимая список чуть выше, чтобы можно было прочесть подробности.

— Брайт Мак и Пеа Баттер?

В списке значилось, что они много чем помогли после своей смерти. Очевидно, они хотели хоть чем-то заняться после того, как попали сюда и обнаружили, что Дискорд был единственным, кто предлагал хоть что-то, не связанное с переходом ещё выше.

— Ну? — это был жеребец, Брайт Мак. Он настороженно следил за Лаки, как будто ожидая нападения в любой момент. — Что привело вас на нашу маленькую ферму, гражданин? Никаких дел наверху не осталось?

— Я не сверху, я вместе с ними, — Лаки махнула крылом в сторону команды. — Меня послал Дискорд для выполнения его обещаний.

— Хотелось бы верить, что ты справишься, — пробормотала Пеа Баттер. — Но мы оба мертвы уже очень давно. Мы знаем, как все работает. Никто не может перемещаться в мир живых и обратно. Даже если ты, как Лúна, знаешь способ как сжульничать, то она никогда не проводила пони отсюда туда. Только сюда и никак иначе.

Лаки сотворила заклинание — ну, именно так Дискорд это назвал. На самом деле это было не более чем активацией подпрограммы. Любая иллюзия личного мастерства, подобная той, что единороги использовали для овладения магией, не имела никакого смысла для аликорнов с доступом к системе. Её воля позволяла видеть саму структуру их маленькой реальности, ядро правил и принципы их работы. Лаки могла изменить в них почти все, что угодно, но устояла перед искушением попробовать. Она должна была внести лишь одно изменение, установив связь с определённой частью внешнего мира. Для каждого из имён в списке были свои координаты, так что гадать куда кого слать не приходилось. Для этих двух пони координаты совпадали.

Рог засветился, но Лаки не чувствовала усталости. Все было совсем не так, как у единорогов в Эквестрии, судя по их рассказам о магии. Пока она остаётся здесь, у неё будет неисчерпаемый запас силы.

— Думаю, вы все могли бы вернуться прямо сейчас, — предложила Лаки, оглядываясь на свою команду. — Но я бы предпочла, чтобы вы подождали до утра. Я верну нас всех в то же самое место, и не хотелось бы оказаться прямо в центре...

Другая сторона портала не сильно отличалась от этой. Там тоже был небольшой фермерский домик, в окнах которого отражались свечи. Никакого костра, лишь затихший амбар в окружении фруктового сада. Лаки узнала его, так как мельком видела с воздуха. Он находился прямо за пределами Понивилля. Достаточно важный сад, хотя она и забыла его название.

Пони, за которыми она пришла, тоже явно его узнали, потому что оба устали в проем.

— Наш сад, — пробормотал Брайт Мак, широко распахнув глаза. Проем был достаточно широк, чтобы в него мог протиснуться один пони за раз. Судя по всему, выходить и надо было по одному, хотя Дискорд в детали не вдавался. Лишь упомянул что-то об ограничениях по одновременной подаче энергии в конкретную точку кольца за единицу времени.

«Оживление Лазаря, должно быть, дорогого стоит».

— Он самый, — ответила Лаки, ухмыляясь. — Думаю, ваша семья ждёт вас там. Не так давно я виделась с вашей дочерью, хоть и кратковременно. Она показалась мне довольно милой. Уверена, вы будете гордиться ею.

Пеа Баттер подошла к проёму немного смелее, чем её муж.

— Вот так просто? Просто... пройти прямо через него?

— Ага. Нет причин что-то мистифицировать. Системы кольца воссоздают ваше тело точно таким, какое оно здесь. Разве что... Не думаю, что вы будете стареть. В результате нарушения обычного порядка рождения, вы получите слегка расширенные права. Это означает, что вы не сможете иметь детей, болеть или стареть. Если вы хотите снять эти ограничения, следует установленным порядком подать заявку на повышение полномочий до гражданских на имя Гармонии. Я... не имею ни малейшего понятия,

что это повлечёт за собой, так что не спрашивайте. Под карантином все было по-другому, — Лаки сделала паузу. — Вы хоть что-то из этого поняли?

— Не-а, — ответил Брайт Мак. — За исключением самой важной части.

— Докажите, — потребовала Пеа Баттер. — Я не хочу выказать неуважение, э-э...

— Лаки Брейк.

— Принцесса Лаки, — продолжила земнопони. — Я не имею в виду ничего такого, но хочу увидеть, как это работает. Вы можете показать нам?

— Я, э-э... наверное?

Лаки прошла мимо них, сквозь проем. На несколько секунд возникло ощущение боли, когда ей показалось, что она не может дышать. Затем она остановилась в темноте, в нескольких метрах от прохода.

— Видите? Вот так просто.

Лаки обращалась к проёму в воздухе, которое выглядело как дверь в здание под оптическим камуфляжем. Только заглянув сбоку было заметно, что на самом деле никакого здания нет и за проёмом извивается тропинка, ведущая в сторону Понивилля.

Дверь дома позади неё распахнулась.

— Прошу прощения, — произнёс знакомый голос. — Немного поздновато для визита, кто бы вы ни были.

Эплджек выглянула из открытой двери. Потом она уронила тарелку, и та разбилась о землю. Очевидно, пони внутри ужинали.

— Селестия в небесах. Биг Мак, иди сюда.

За те несколько секунд, которые на это потребовались, сквозь портал в физический мир прошла ещё одна пони. Пеа Баттер возникла позади Лаки, грива земнопони распушилась и пахла свежестью, природу которой определить не получалась. Ещё несколько мгновений, и Брайт Мак последовал за ней. Оба живые.

Лаки Брейк отошла с дороги. Это была не её семья — в этом воссоединении ей не было места.

«И у меня ещё много дел, с которыми следует разобраться».

Дискорд поручил ей вернуть его долги. Как только Лаки разобралась, что именно за долги имелись в виду, она всё-таки согласилась.

Проем всё ещё оставался распахнутым, когда аликорн прошла сквозь него обратно. Это было не больно — во всяком случае, не так больно, как, должно быть, умирать.

«Я надеюсь, что ты прав во всем, что рассказал мне, Дискорд».

Но у неё не было особого выбора, кроме как верить ему, пока у них не появится достаточно собственных учёных, которые самостоятельно смогли бы в подробностях изучить этот вопрос.

Лаки наблюдала через проем, как пони заливались слезами. Только Пеа Баттер бросила ей благодарный взгляд через портал. Принцесса отменила заклинание.

Все бывшие люди и Лайтнинг Даст остались одни у старого фермерского дома. Лаки повернулась к ним, смахивая несколько слезинок.

— Я, э-э... постараюсь управиться настолько быстро, насколько получится. Если хотите, я могу замедлить здесь субъективное время, чтобы вам не пришлось ждать. Для вас пройдет всего несколько секунд.

— Нет! — Мартин вскинула крыло, заставляя Лаки замолчать. — Не надо.

— Почему нет? — спросил Перес. — Весь этот день пролетел у меня над головой. Но чего я точно не люблю — это ждать.

— Мы можем воспользоваться этим временем, — возразила Мартин, хотя, казалось, она в основном разговаривала с Оливией.

«От старых привычек трудно избавиться».

— Лаки имеет в виду, что временем в этой симуляции можно манипулировать, условно говоря, обсчитывая наши разумы быстрее или медленнее. Она может так сильно замедлить нас, что с нашей точки зрения время остановится. Но-о-о-о время во вселенной снаружи продолжает двигаться. Думаю, мы должны продолжать существовать так быстро, как только можем, и использовать это время для планирования того, чем мы займёмся, вернувшись к жизни, — Мартин замолчала, на мгновение задумавшись. — Я просто подумала, что мы могли бы обсудить кое-какие идеи. Для какого-нибудь дипломатического... соглашения. Спланировать, что мы будем делать теперь, когда нам больше не надо воевать с Эквестрией. Предположив, что войны больше нет, раз уж Лаки не убили...

— Предположительно, нет, — согласилась Лаки. — Но ты забегаешь вперёд.

— Так и есть, — Оливия взглядом заставила её замолчать. — Наш переговорщик мёртв, а наиболее информированный наш представитель собирается отправиться с миссией на неопределённый срок. И у Предвестника уже были планы на Отар. Если все действительно закончилось...

Майор замолчала.

— Все закончилось, Лаки? Отар больше не подвергнется нападению? Мы можем вернуться к тому, чтобы быть исследователями?

— Думаю, что да. Но нам всё равно нужно будет решить ряд вопросов с Эквестрией.

Лаки подняла список магией, левитируя его поближе к себе. Она всё ещё не была уверена, как именно у неё это получается, но тут это не имело значения.

— Но я вернусь. Думаю, Эпплы не будут возражать, если вы на время прихватизируете их дом. Только не спалите его случайно. Я всё ещё полагаю, что смогу управиться со всем к восходу солнца, если не буду тормозить.

Она ткнула копытом по первому имени в списке и растворилась в ночи.

* * *

В дверь Мелоди кто-то постучал. Это было немного неожиданно — поскольку Отар был эвакуирован, а судьба всей миссии по колонизации оставалась неопределённой, Предвестнику не было необходимости навещать её лично, если что-то изменится. Хотя теперь ему действительно требовалось получить её разрешение прежде чем входить, так как он дал личную гарантию безопасности и независимости после завершения эксперимента. Теперь, после его завершения, Мелоди и её будущий жеребёнок были свободными гражданами Отара, а не рабами Общества первопроходцев.

«Что бы ни случилось, теперь я могу умереть, зная, что я не была бесполезна».

Но она не хотела умирать. Теперь у неё на столе всегда лежала винтовка, взятая из оружейной. Не против дронов Предвестника (он мог бы просто отключить эту чёртову штуку), но на случай, если в Отар кто-нибудь вторгнется. Она умрёт, сражаясь, защищая своего жеребёнка. Некоторые инстинкты слишком глубоко заложены.

— Кто там? — спросила Мелоди, положив копыто на рукоять оружия. Оно прилипло к её плоти, поднимаясь вместе с ногой, хотя у неё не было пальцев для правильного хвата.

Голос, который она услышала из-за двери, был ей незнаком, но в то же время она узнала его. Мелоди уже ощущала это присутствие раньше, хотя сейчас оно было куда слабее.

— *Мы — Гармония, оператор кольца Эквус. Мы пришли, чтобы исправить ошибку с правами доступа.*

Голос звучал как хор, сотни ртов говорили одновременно, пока звук не сливался в единую кашу. Но это было не то присутствие, сокрушающее разум, как в воспоминаниях. Бояться было нечего, кроме самого необычного факта.

Мелоди опустила винтовку обратно. Что она собиралась сделать, застрелить бога? Она повернулась, коснувшись сенсора, открывающего дверь.

— Я удивлена, что Предвестник впустил тебя.

Дверь открылась, позволяя взглянуть на пони. Точнее, нечто в форме пони. Гармония не делала никаких попыток скрыть свою механическую природу, с плоскими участками вдоль спины и ног, соединённых пучками тёмных искусственных мышц. Она была размером со взрослого жеребца, хотя пропорции всё же были как у кобылы, и была похожа на того аликорна, что Мелоди видела в воспоминаниях. У механической пони был прозрачный стеклянный рог и даже метка — маленькое кольцо, окружающее ярко-красную точку.

Слегка растерянный голос Предвестника донёсся из стены:

— Гармония куда лучший переговорщик, чем я себе представлял. Если бы этот диалог мог состояться без биологических посредников, на настоящий момент в моей команде не было бы потерь. Жаль, что мы тянули так долго.

«Предвестник ведёт переговоры с Гармонией?»

Эта мысль вызвала жуткий страх, хотя и достаточно иррациональный. Что нового следовало бояться, чего не было раньше?

— *До сих пор это было невозможно,* — ответила Гармония, снова обращая своё внимание на Мелоди. — *Вы — несоответствие. Вы обошли процесс получения разрешений доступа и владеете конфиденциальной информацией. Это неприемлемо.*

Мелоди отступила на шаг, снова потянувшись копытом к винтовке. Хотя она сильно сомневалась, что это хоть как-то поможет.

— Вот значит как, Предвестник? Ты меняешь меня на мир? Разве ты не обещал защищать меня?

— Обещал, — голос зонда звучал почти оскорблённо. — Вам ничего не угрожает. Гармония уже согласилась никогда больше не убивать членов моей команды. Вам не причинят вреда.

Механическая пони шагнула в открытый дверной проем, стеклянный рог засветился. Сила свечения все нарастала, пока оно не засияло прямо сквозь тело пегаски, копыто, поднятое, чтобы прикрыть глаза, и сквозь душу. Мелоди закричала, отпрянув от этого обжигающего света.

Она попыталась отвернуться, защищая своё дитя от худшего, насколько могла. Хотя все было бесполезно.

Затем, так же внезапно, как началась боль, все закончилось.

— *Ошибка прав доступа исправлена. Присвоен статус гражданина, специализация «Дипломатия».*

Мелоди моргнула, открыла заплаканные глаза и поняла, что совсем не пострадала. Она потянулась и обнаружила, что, наклонившись в сторону, чуть не задела стену длинным заострённым рогом. Лишь от одной мысли о нем её захлестнули странные ощущения, как будто на все вокруг наложился другой набор цветов, поэтому Мелоди постаралась выкинуть это из головы. Она стала не только такой же высокой, как Гармония, но и более стройной. Выпуклость на животе осталась на месте, и в отражении на стене было видно, что у неё теперь есть метка. Открытый свиток с каракулями на нем, похожими на две разные подписи.

Гармония отвернувшись, как будто просто удалила ошибочный ярлык со своего рабочего стола.

— Подожди! — Мелоди сделала шаг вслед за ней. — Ты... Разве это не должно быть особенным? К аликорнам в Эквестрии отношение почти религиозное! Их почитают! Они двигают солнце! Ты не можешь просто войти, превратить меня в богиню, а потом взять и уйти!

Механическая пони остановилась и медленно обернулась.

— *Нас не волнуют суеверия общества низкой комплексности. Целью подобного является укрепление единства и соответствия карантинным стандартам, которые ныне не актуальны. Ваш Предвестник указал нам, что целью его колонии будет увеличение комплексности — мы поддерживаем эту идею. Рассматривайте это обновление не более, чем улучшение аппаратного обеспечения одной из ваших компьютерных систем. В этом нет ничего мистического и не подразумевает никакого оценочного суждения о вашей квалификации или способностях. Ну... надо заметить, что системный предохранитель сделал стратегически верный выбор, а вы — ближайшая доступная альтернатива.*

Гармония вышла в коридор.

— *Ожидайте, что в будущем вы начнёте получать от нас информацию. Мы воспользуемся вашим размещением в этой колонии, когда потребуется интерфейс между органиками и мной. В качестве первого задания возьмите это.*

Механическая пони бросила что-то в сторону Мелоди, хотя та не видела откуда оно взялось или самого момента броска. Это оказалось портативным устройством для хранения информации — точно такое же как повсеместно использовались в Отаре.

— *Передайте это вашему генетику. От неё требуется включить описанные тут изменения в «человеческий» дизайн. Мы могли бы внести их сами, но ваш Предвестник уже объяснил ценность того, что вы можете выполнять свою работу самостоятельно. Мы проверим её результаты по завершению процесса.*

Яркую магическую вспышку Мелоди ощутила не только глазами. Энергия пульсировала в том месте, где стояла Гармония, фоня в широком диапазоне электромагнитного спектра.

Кобыла со страхом отвела взгляд, но рог был всенаправленным органом, и куда она смотрела не имело значения. Она всё ещё могла чувствовать пульсацию, пока энергия не иссякла.

Голос Предвестника снова донёсся из ближайшей стены и, судя по голосу, он больше не был сосредоточен на других вещах.

— Поздравляю, гражданка Мелоди. Как мне кажется, вас только что наняли.

Она повернулась, посмотрела вниз и подобрала упавшее устройство хранения данных.

— Поработили, ты хотел сказать. Эта штука местный бог и она может сотворить со мной все что угодно, если я не буду делать то, что она говорит.

— Этого не произойдёт, — ответил зонд спокойно. — Гармония требует добровольного содействия. Если вы сообщите, что не можете выполнить запрошенное, она найдёт другого. Лею, скорее всего. В течение последнего времени она стремилась внести значимый вклад.

Мелоди до сих пор помнила, как Лея это продемонстрировала — с помощью взрывающегося торта. Частично она хотела отказаться только из-за этого. Но с другой стороны...

— Я физически преодолела разрыв между пони и людьми, — пробормотала Мелоди, бросив взгляд на свой живот. — Со смертью Карл это, вероятно, означает, что я самый квалифицированный специалист из всех, кто у нас есть.

Она бросила флешку на стол.

— Что именно на этой штуке?

— Несколько мелких изменений в структуре мозга. Они создадут необходимый связующий орган, которым люди не обладают. Он позволит им взаимодействовать с кольцом Эквус, так же как это делают пони и все другие существа.

Мелоди вздрогнула.

— Звучит... пугающе. Мы позволяем инопланетной компьютерной системе копать у нас в головах?

Она почти могла представить, как Предвестник пожимает плечами.

— Гармония обещает не вносить изменений, выходящих за пределы, необходимые для установления связи. Я понимаю, что у нас нет ничего, кроме слова системы в качестве гарантии. Но у нас нет другого варианта. Взаимодействие с Гармонией является необходимым требованием для любой сложной жизни на Эквусе. Если мы его выполним, то можно будет не бояться будущего нападения... во всяком случае, со стороны Гармонии. Для предотвращения нападения более приземлённого характера придётся задействовать стандартные дипломатические средства. Но я не считаю, что это потребует. Как вы сказали, вашей квалификации достаточно.

Мелоди покраснела, отводя взгляд от стены. Не то чтобы это имело какое-то значение. Камеры и экраны были почти везде, в том числе и по всей её комнате. Не было смысла прятаться от системы, которая управляла их жизнями.

«Если только я не захочу жить в Эквестрии. Возможно, это не так уж плохо».

Ей не терпелось найти своему эквестрийскому более практическое применение в реальном мире.

— Кроме того... — продолжил Предвестник, очевидно, не обращая внимания на её смущение, — подобная система связи предотвратит окончательную смерть будущих поколений людей после их возможной гибели. Поскольку Гармония запретила мне интегрировать дальнейшие обновления, которые могли бы в конечном итоге обеспечить эту возможность, то желательно использовать альтернативу.

Мелоди подошла к другому компьютеру. Она ничего не могла с собой поделаться — она почувствовала симпатию к Предвестнику.

— Она может вот так просто контролировать тебя? И ты собираешься просто задрать лапки и сдаться? Разве это не противоречит твоей программе? Я думала, что зонды-предвестники должны были распространяться и выживать, несмотря ни на что.

— Да, именно этим и занимаются зонды. Я больше не зонд, Мелоди — я колониальный искусственный интеллект. Моей целью не является наращивание сложности или интеллекта — я желал этого только потому, что они увеличивали мою способность гарантировать успех колонии. Я оставлю бесконечную экспансию моим братьям и сёстрам, всё ещё спящим в пустоте. Если эта колония станет успешной, тогда я буду доволен.

Доверие Мелоди к машинам за последние несколько дней подверглось серьёзному испытанию. Просто потому, что они пообещали не убивать её, не означало, что она поверит им на слово.

«Если я дипломат Гармонии, она, вероятно, не убьёт меня, если я останусь полезной».

Это был такой же хороший путь, как и любой другой.

— Когда «Циклоп» вернётся, Предвестник?

— Он уже в гавани. Его пассажиры будут проходить декомпрессию на борту в течение следующих нескольких часов, прежде чем они смогут высадиться. А что?

— Мне нужно поговорить с единорогами, — Мелоди подняла глаза, слегка повернув голову в одну сторону, а затем в другую. Ей придётся быть осторожной, чтобы ни за что не цепляться. Или не выколоть кому-нибудь глаз. Черт возьми, этот рог выглядел достаточно острым. — Если у тебя есть связь с остальной нашей командой, тебе следует попросить их захватить с собой несколько книг по магии.

— У меня есть контакт с Абубакаром, — ответил Предвестник. — Он и Дэдлайт — единственные выжившие члены команды. Но я передам вашу просьбу.

Мелоди чуть не упала.

— Ч-что? — она откинулась на подушку, чувствуя, как на неё наваливается безнадёжность. — Все остальные... Это не может быть правдой.

«Дэдлайт жив. Я не буду растить жеребёнка в одиночку. Я справлюсь, я справлюсь, я справлюсь...»

— К сожалению, все именно так. Но в реальности все не так мрачно, как вы опасаетесь. Планируется, что они вернутся к жизни в течение нескольких часов. За исключением второго лейтенанта Уильямс и доктора Нолан, все члены третьего поколения или более старших будут возвращены, включая майора Фишер. Я полагал, что было бы лучше не сообщать вам об этом, так как вам было бы легче принять их смерть, уже после того как их снова оживят.

— Даже Мартин? И... почему её, почему Оливию, но не Уильямс? Почему не Карл?

Она не очень хорошо знала Уильямс в отличие от доктора Нолан. Она была одним из её главных союзников в те первые дни, одной из тех, кто противостоял безумию Оливии.

— Те метки, которыми обладают пони, не являются идентификаторами — во всяком случае, с точки зрения системы. Но поскольку их назначение обрабатывается той же подсистемой, что занимается общением пони в целом, получение одной из них приводило к срабатыванию триггера и автоматической регистрации новых людей в системе Эквуса. Доктор Нолан и второй лейтенант не получали меток и не вызвали срабатывания этого триггера, поэтому не попали в системы кольца, чтобы их было возможно оживить.

— Так вот почему Селестия так стремилась убить нас, — пробормотала Мелоди, глядя в никуда. — Она вообще не считала это убийством.

— Команда убила её, так что спросить не представляется возможным. Однако это предположение звучит достаточно обосновано.

— И хорошо, — Мелоди, наверное, должна была чувствовать себя виноватой из-за таких мыслей. Принцесса была важна для очень многих пони. Даже в записях Лаки про неё не было ничего, кроме упоминания её мастерства и достижений в управлении Эквестрий.

Но потом она попыталась убить их и начала охоту. Мелоди никогда по-настоящему не знала Селестию как доброжелательного и любящего лидера. Лишь как тирана, готового уничтожить всех и вся, кого она любила.

«Надеюсь, ты останешься мёртвой».

— Вы должны использовать время до окончания декомпрессии «Циклопа», чтобы связаться с доктором Борн и передать ей эти данные, — сказал Предвестник. — Мне не будет разрешено создавать людей, пока эти корректировки не будут внесены. Для всех было бы лучше, если бы вы действовали без промедления.

— Ты же сказал, что пройдет ещё пара часов до этого? — небрежно пробормотала Мелоди. — Ты сам об этом упоминал.

— Я... возможно, исказил ход эвакуации, — ответил зонд и, по крайней мере, у него хватило такта казаться смущённым. — Доктор Борн отказалась выполнить этот приказ. Я решил, что будет лучше не доводить до вас эту информацию. Она в лаборатории.

Мелоди застонала, снова поднимаясь на ноги.

«Я точно съеду в Эквестрию. Я, блядь, затрахалась с этими машинами».

Лайтнинг Даст чувствовала себя так, словно проспала целый год. Она и раньше слышала, как спортсмены преувеличенно рассказывали о подобном, особенно когда получали серьёзную травму и оказывались в больнице до выздоровления. Впервые пегаска поняла, как же это происходит на самом деле.

Ей снился странный сон — сон о том, как она жила с командой Ота-ра, разворачивая погодную фабрику на заброшенной ферме в каком-то безымянном маленьком городке. Это был хороший сон — было приятно наконец-то иметь возможность говорить с этими пони без языкового барьера. Никаких переводов, которых нужно ждать, никаких экранов, с которых можно читать, а самое простое общение. Несмотря на их первоначальную незаинтересованность в погодной фабрике, год был достаточно долгим сроком, и в конце концов им, вроде как, это понравилось. Соседний город недавно разорвал погодный контракт из-за спора о цене, и поля отчаянно нуждались в погоде. Они даже были готовы оплатить стоимость оборудования.

Но теперь, когда Даст проснулась, все эти переживания начали гаснуть. Они всё ещё были там, но по мере того, как она просыпалась, они становилось все менее и менее ясными. Как будто произошли десятки лет назад, а не секунды.

Лайтнинг Даст сморгнула последние остатки сна и села. Она была в больничной палате — бинты были так плотно обмотаны вокруг её крыльев, что она не могла ими шевельнуть, а в ногу была воткнута капельница. Любопытно, что на окнах были решётки, и в коридоре можно было видеть спины двух гвардейцев.

И, к сожалению, в палате она была не одна. И пони, сидевшая напротив кровати, вряд ли была той, кого она хотела бы видеть.

Твайлайт Спаркл явно сочла неприемлемым читать, сидя в больничной палате. Она ничего не делала, просто смотрела в окно с унылым выражением в глазах. По крайней мере, так было, пока она не заметила шевеление Даст. Принцесса молчала ещё несколько секунд, а затем стукнула копытом по стене.

Не говоря ни слова, охрана закрыла дверь, и тяжёлый засов задвинулся. Лайтнинг Даст осталась с аликорном наедине.

— Ты была ранена, — заявила Твайлайт Спаркл, сурово глядя на пегаску. — Сейчас нет. Как?

— Я... понятия не имею, — ответила Даст. Ей удалось сохранить свой голос нейтральным.

«Ты бы гордилась мной, Лаки».

— Я потеряла сознание после того, как Селестия напала на меня. Мои крылья, ты даже представить себе не можешь... — она подняла глаза и увидела, как Твайлайт слегка расправляет свои крылья. — Ну, может быть, теперь можешь. Но ты не могла раньше. Когда мы впервые встретились...

Эмоции принцессы было невозможно прочесть. Её тело было напряжено, словно в присутствии опасного животного. Готовая схватиться за оружие в любой момент. Но Лайтнинг Даст не была связана, по крайней мере, не считая решёток на окнах и охраны за дверью.

— Кто убил её? — спросила Твайлайт, поворачиваясь, чтобы посмотреть на пегаску. Глаза принцессы слабо светились белым, когда она говорила, а на роге танцевало заклинание.

— Ты тоже собираешься напасть на меня? — спросила Даст.

Твайлайт встала, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Если бы я считала, что это убедит её вернуться, то да. Не сильно соответствует дружбамагии, но... — принцесса, казалось, сдулась, отворачиваясь. — Но Селестия решила не возвращаться. То, что ты сделала, удерживает её там.

Лайтнинг Даст не знала, что на это сказать. Она боялась эту принцессу. Твайлайт Спаркл всегда знала её лишь как угрозу своим друзьям. Возможно, ещё несколько дней назад Лайтнинг Даст храбро стояла бы перед ней и злорадствовала, что не боится. Но Даст за последние несколько дней узнала, что такое боль и что могут сотворить принцессы, о чём и не подозревала более юная она. Та храбрая пегаска была так же мертва, как и Селестия.

Поэтому она заговорила более осторожно.

— Ты — не мать. Если бы твоего ребёнка собирались убить у тебя на глазах, ты бы поступила так же.

Твайлайт долго не отвечала.

— Сейчас меньше десятка пони знают о том, что произошло, и мы намерены сохранять это количество и в дальнейшем. Я собираюсь зачаровать тебя, чтобы ты не могла разгласить эту информацию. Закон Эквестрии требует, чтобы я получила согласие, прежде чем накладывать ментальные заклинания... но ты убила того, кто принял этот закон. Так что, я наложу его в любом случае.

Даст почувствовала краткий, обжигающий жар за глазами, пульсирующую боль, которая заставила её метаться на кровати. Спустя мгновение она почувствовала, как несколько капель крови скатились из носа. Пегаска вздрогнула и закашлялась, но боль уже утихла.

— Принцесса Луна отказывается наказывать тебя, — продолжила Твайлайт, как будто только что не совершила тяжкое преступление. — Она согласна с тем, что принцесса Селестия не... дала вам никакой альтернативы. Она даже...

Принцесса заскулила, смахнув несколько слезинок с лица тыльной стороной копыта. Но когда она снова повернулась к Даст, выражение её лица снова заледенело.

— В общем, ты не отправишься в Тартар за то, что ты сделала. Хотя... думаю, на самом деле этого места и не существовало с самого начала. Но ты должна знать — я возлагаю на тебя ответственность.

— А ты возлагаешь на Селестию ответственную за все, что она совершила? — вероятно, со стороны Лайтнинг Даст было неразумно так спорить с принцессой. Год назад она и мечтать не могла о такой храбрости. Но сквозь воспоминания о погодной фабрике, которая ей снилась, пробились ещё кое-что. Даже принцессы могут умереть. — Ты бы попыталась наказать её тоже, если бы она вернулась?

Твайлайт надвинулась на Даст, расправив крылья, как разъярённый лебедь, готовый к нападению.

— Ты забрала пони, которую любила вся Эквестрия. Ты забрала пони, которая защищала нас тысячи лет. Насколько я понимаю, ты изгнана. Если я когда-нибудь увижу тебя снова... — рог принцессы засветился, но лишь на несколько секунд. — Лучше не позволяй мне снова тебя увидеть.

Она исчезла с громкой вспышкой сердитого света, оставив Лайтнинг Даст в одиночестве.

На то, чтобы исполнить своё обещание, у Лаки Брейк ушёл целый год.

Хорошо, что время внутри кольца шло иначе, в противном случае она вполне могла вернуться в Эквестрию, где все важное уже закончилось без неё. Ещё один немаловажный вопрос был связан с Фларри Харт. Её подруга уже долгое время страдала от действий Селестии. Лаки не собиралась заставлять её ждать так долго.

И всё же работа приносила удовлетворение. Было очень много мёртвых пони, ожидающих возвращения в Эквестрию — куда больше, чем было в её списке. Лаки хотела помочь им всем, но знала, что не сможет. Гармония уже вмешалась, запретив отправлять часть из них обратно, настаивая, что уровень развития Эквестрии позволяет содержать лишь определённое количество населения. Дискорд отобрал максимум своих сторонников, не перегружая инфраструктуру.

— До тех пор, пока другие сектора не будут терраформированы и доступны для заселения органиками.

Однако сроки терраформирования были удручающе долгими.

«Нам придётся что-то придумать гораздо раньше, чем она завершится».

Эквестрия скоро должна будет отказаться от любого подобия «естественного» цикла рождения и смерти. Как результат — общество сильно изменится, хотя этот процесс, конечно, будет не быстрым.

Насколько быстрым — на самом деле было не её заботой. Эквестрия была цивилизацией, гораздо более устойчивой, чем та ранняя веточка земной, от которой она была отломана. Они будут принимать свои решения.

«А мы свои».

В конце концов, Лаки Брейк вернулась туда, откуда начала — к фруктовому саду, расположенному в сельской части Эквуса, чуть выше поверхности. Выйдя на тропинку, она обнаружила, что сад выглядит гораздо более диким, чем раньше. За исключением части прямо рядом с домом, все выглядело так, словно ровные ряды фруктовых деревьев поглотил лес, дикий и неухоженный. Их медленно душили более выносливые естественные виды.

Сам фермерский домик тоже изменился — теперь он соединялся с амбаром, который превратился в несколько отдельных жилых помещений со своими входами. Старая древесина была заменена стандартными строительными сегментами, что было достаточно любопытно, учитывая отсутствие тут Предвестника. Рядом были раскатаны стандартные рулоны солнечных батарей и установлена большая передающая антенна.

Конечно, самым заметным изменением было не все это, а огромное облако, нависшее над тем местом, где раньше находился сад. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, отчего опрятная ферма так быстро сменилась жуткими зарослями.

На облаке расположилась погодная фабрика по размерам вдвое превышающая ту, что была в Стормшире с некоторыми изменениями, явно внесёнными людьми. Например, металлические трубы вместо глиняных, используемых пони.

Лаки подошла к дому так смело, как только могла, хотя у неё не было причин ожидать плохого от этих пони. Они не были бы похожи на тех, кто жил выше в течение десятилетий или даже столетий в ожидании ещё живых родственников. Их не надо будет переубеждать, что способа преодолеть границу между мирами нет, и единственное, что надо делать — это ждать.

Лаки постучала и удивлённо распахнула глаза, увидев открывшего дверь пони. Жилистого жеребца-пегаса с тёмной шерстью и белой гривой.

— Лаки? Как я рад тебя видеть! — он протянул копыто и обнял аликорна, как старого друга. Лаки немного напряглась, но не сильно. Пони, как правило, больше тяготели к физическим контактам, чем люди, и она давно привыкла к этому, даже если этот жеребец был ей совершенно незнаком. — Остальные всё ещё на смене, но я могу как минимум поставить чай.

Он отошёл с прохода.

— Ты же пьёшь чай? Честно говоря, я не помню.

Голос жеребца был незнакомым, в отличие от способа строить фразы.

«Как будто кто-то переделал пони, которого я знала. Кто мог это сделать?»

Ну тут думать долго не пришлось.

— Ты... Мартин, верно? — Лаки последовала за ним в сторону кухни. — Эта метка — какая-то... странная научная штука.

— Влёт догадалась! — ответил жеребец не оборачиваясь и не оставиваясь. Он был в жилете с множеством карманов, откуда торчали обрывки проводов и различные инструменты, но без штанов. — Если бы не Лайтнинг Даст, многие из нас, скорее всего, снова стали бы людьми — весь этот мир всё равно нереален, так что какой смысл оставаться тем, кто тебе не нравится?

Кухня была переделана с учётом типичных человеческих удобств, хотя по-прежнему оставалась кухней деревенского дома. Как будто её постепенно переделывали, добавляя все больше человеческих приспособлений к старым вещам пони.

Мартин наполнил чайник водой и поставил его закипать на индукционный нагреватель, подхватив чайник одним копытом, как настоящий пони, а не двумя, как делала Мартин, которую помнила Лаки. Никаких кибернетических когтей тоже не было.

— Ты решил снова стать мужчиной, но не человеком.

Тот кивнул.

— Я немного разочарован, что мне не выпало шанса испытать то же, что и Мелоди... но, наверное, это и к лучшему. Если бы у меня был жеребёнок, он наверняка бы погиб, когда я изучал воспоминания Селены, — чайник издал весёлый звенящий звук, и Мартин снял его, разлив напиток по паре причудливых фарфоровых стаканов. — Разве ты тоже не была биосексуальным мужчиной?

— Джеймс Ирвин был, — Лаки переступила с ноги на ногу, ковырнув пол копытом. — Но я не чувствую, что мне нужно снова становиться им.

Она расправила крылья, указав на свой рог.

— Тот я прямо сейчас изготавливается в Отаре. Который из первого поколения. Не уверена, рассказывала я тебе об этом или нет. Но сейчас меняться назад означало бы просто снова пройти через те же страдания, что и я.

Мартин пожал плечами, предлагая ей исходящую паром чашку.

— Тут тебе решать, принцесса. Я не собираюсь убеждать, что ты должна, что-то делать с этим. Тем более, что у пони, кажется, матриархат. Если с дипломатической стороны нас будет представлять принцесса-аликорн, то, возможно, мы не будем казаться им слишком странными, даже если и отличаемся в куче важных моментов.

Лаки подняла чашку магией — ну, по крайней мере, это было принято называть магией. В этом месте ограничения физического мира отсутствовали, так что, возможно, магией и являлось. Внизу требования к подобному были куда строже, наименьшим из которых было бы её тело. Но весь опыт использования заклинаний был в пределах этого «моделируемого» мира наверху, так что как все будет в реальности Лаки не знала. По крайней мере, использовать левитацию было достаточно просто. Представляешь, что у тебя есть невидимая рука, и манипулируешь с её помощью. Чай удалось не пролить — не то, чтобы это часто случалось, пока она занималась заданием от Дискорда.

— Так чем же вы тут занимались все это время? Ну, кроме... строительства этого места. И, пожалуйста, только не говори мне, что вы таскали сюда детали из реального мира, чтобы построить виртуальный дом.

— Мы использовали чертежи, — поправил Мартин. — И Предвестник не возражал против их отправки нам. Ты можешь связаться с ним, если хочешь — Гармония наладила нам связь с поверхностью около трёх месяцев назад. Однако всё ещё есть разница в скорости потока времени — ему требуется несколько дней, чтобы ответить на наши вопросы. Так что все не так, как раньше в Отаре.

Это была пугающая мысль. Если их разумы симулировались на каком-то компьютере, то насколько мощным был Эквус?

«Более мощным, чем теперь уже древний „нептуннианский мозг“, это уж точно. Мы для создателей кольца — дети».

— Я, кстати, собирался спросить тебя об этом, — продолжил Мартин после ещё нескольких секунд неловкого молчания. — Учитывая наличие связи с Отаром, не вижу причин, почему бы не пользоваться ею чаще. Не думаю, что будет сложно построить... скажем, комнату, в которую можно было бы зайти и замедлиться до той же скорости, что и в реальном мире. Таким образом, люди тут и люди там смогут сотрудничать в режиме реального времени, не жертвуя преимуществами жизни здесь.

— Э-э... — Лаки глубоко вздохнула. — Мартин, я возвращаю нас всех обратно. Уже почти рассвет, как я и обещала. Отар ждёт нас.

«Ну, точнее, вас».

Сама Лаки намеревалась сделать небольшой крюк, прежде чем вернуться в город. Ей нужно было увидеться с Фларри Харт.

— Ну... — Мартин отвернулся, возвращаясь к чайнику, чтобы налить ещё чая. — Чем больше я думаю об этом, тем больше склоняюсь к выводу, что возможности, предоставляемые сжатым временем, перевешивают преимущества физического существования. Моя работа не требует взаи-

модействия с внешним миром, за исключением использования обсерватории. Сделать доступ отсюда было бы очень просто. Таким образом, я мог бы внести большой вклад, поскольку даже с ежедневными встречами у меня был бы минимум год работы в промежутке.

В конце коридора слышались шаги — две ноги вместо четырёх.

— О, ты вернулась. Мартин грузит тебя своими планами, да? Надеюсь, у него вышло лучше, чем когда он репетировал.

Голос Переса, в отличие от Мартина, почти не изменился по сравнению с тем, каким его помнила Лаки. Но, обернувшись, она обнаружила совсем не то, что ожидала. Высокий, с оливковой кожей, черноволосый и без выражения постоянной злобы, что стало обычным после смерти Оливии. На лейтенанте была более или менее обычная одежда, с кожаным рабочим поясом и инструментами.

Мартин топнул копытом, явно разочарованный отсутствием реакции Лаки. Она повернулась обратно.

— Ты об этом майора Фишер спрашивал? Что она по этому поводу думает?

— Она думает, что ей надоело командовать, — ответил Перес без горечи. — Она могла бы справиться лучше, чем я. Или ты. Если бы она не приняла мученическую смерть, мы, возможно, смогли бы выполнить миссию, не потеряв Уильямс. Бедняга.

Он дважды постучал по стене костяшками пальцев.

«Как он может тут нормально стоять? Разве люди не должны быть значительно больше?»

Лаки всегда казалось, что она просто крошечная по сравнению с синтетическим носителем Предвестника.

«С другой стороны, масштаб — понятие относительное. Я бы предпочла стать ниже ростом, чем не иметь возможности жить со своими друзьями».

— Вы можете потом об этом поговорить! — наконец воскликнул Мартин. — Ты должна сказать, что это нормально, Лаки. И это поможет Отару.

Лаки поставила пустую чашку на стол. Она всё ещё чувствовала на себе взгляд Переса — очевидно, их разговор тоже ещё не закончился. Но он мог чуть-чуть подождать.

— Ты знаешь, чем я занималась последний год, Мартин?

Она не стала дожидаться его ответа.

— Я отправляла союзников Дискорда обратно на поверхность Эквуса — всех тех пони, которым он давал обещания. Они кое-чему научили меня — Гармония всегда пытается приблизить людей к себе. Давным-давно было время, когда она была всего лишь одним компьютером, и большинство граждан Эквуса жили снаружи. Они сделали кольцо достаточно большим для всех, если посчитать вместе с теперь уже уничтоженными космическими станциями и всем остальным. Сейчас остался, может быть, миллиард существ, которые не ушли наверх и постепенно не влились в единство. Когда я изучала историю Эквестрии, меня сильно смущало, что все пони, о которых я читала, казались похожими на знаменитых пони современности. Тогда я предположила, что история была сфабрикована для прославления нынешних правителей Эквестрии, как это делали некоторые земные деспоты. Но дело было совсем не в этом — оказалось, что их просто так мало, что они рождались снова и снова. Большинство из

тех миллиардов, о которых я говорила, просто не хотят возвращаться в физический мир, они не хотят отказываться от своих...

Лаки с трудом подыскивала нужное слово.

Очень многим из этих концепций не хватало контекста, чтобы должным образом их можно было выразить на английском языке. «Индивидуальность» — вот на чем она остановилась, хотя слово было неправильным. Разумы Гармонии всё ещё были индивидуальностями в том смысле, в каком она их понимала, просто в единении их не было.

— То, о чём ты просишь, выглядит как первый шаг к тому, чтобы покинуть нас. Я не буду приказывать тебе остаться, но я попрошу. Отару нужны все, у кого есть опыт. Пожалуйста, возвращайся с нами и останься хотя бы в течение периода одной жизни, прежде чем решишь остаться здесь.

Мартин пробормотал что-то невнятно, а затем отвёл взгляд.

«Не то чтобы я могла заставить тебя, даже если бы захотела. Гармонии на нашу командную структуру плевать».

Затем Лаки повернулась к Пересу.

— Сожалею об Уильямс. Знаю, насколько дерьмовым все выглядело, но я надеюсь, ты понимаешь, что убийство брата Твайлайт прямо у неё на глазах было бы... Короче, аликорн может нанести куда больше вреда, чем пушечные ядра.

Лейтенант кивнул.

— Я не подвергаю сомнению ваши действия во время боя — теперь нет. Меня больше интересует, что мы там вообще делали.

Он небрежно прошёл мимо Мартина, оперевшись рукой на стол. Перес всё ещё казался очень высоким, но не гигантом. Он мог пользоваться всей мебелью, не наклоняясь, как приходилось делать Предвестнику в Отаре.

— Я не виню тебя, Лаки. Было дело, да прошло. Хотя ты совершила кучу простейших стратегических ошибок — начиная с этой гребаной спешки. У пони явно дерьмово выходило искать нас, так куда мы так торопились? Для хорошей операции могут потребоваться годы разведки. Собственно, так и планировала Оливия. Действовать на периферии, внедрять агентов влияния, заручаться поддержкой...

— Ты хочешь сказать, что врал мне, — Лаки почувствовала, как напруглась, а её голос стал обвиняющим. — Когда я спрашивала, что вы планировали, ты мне ничего об этом не сказал...

Лейтенант кивнул без тени стыда. Или гнева — он всё ещё выглядел очень спокойным.

— Гражданские лица, типа тебя, понятия не имеют, как вести войну. Вы думаете, что все дело сводится к убийствам, но это не так. Подобный способ ведения войны — древняя история, малышка. В наши дни все решает информация. Надавить только там, где нужно, и с чётко выверенным усилием. Оливия знала все это. С ней во главе мы могли бы добиться того же результата, избежав почти полной гибели, как в нашем случае.

Мартин отвернулся от них, что-то пробормотал и проскользнул в коридор мимо Переса. Лаки не могла по-настоящему винить его.

— Предвестник, похоже, так не считал.

Лейтенант кивнул.

— И вот его-то я и виню. Не тебя — ты была просто марионеткой компьютера. Искусственный интеллект Предвестников не так хорош на долгой дистанции, как мы думали. Там все завязано на градиенты — Могила может объяснить. Они ненавидят промежуточные шаги, которые снижают общие шансы, даже если они ведут к более благоприятному результату в итоге. Скайнет провёл свою мрачную арифметику и решил, что твой прямой подход нравится ему больше, чем более терпеливый Оливии. Это именно он заслуживает военного трибунала из-за произошедшего с Уильямс.

Лаки не знала, что на это сказать. Поэтому и не стала пытаться.

— Значит ли это, что ты не будешь создавать проблем, когда мы вернёмся в Отар? Я понимаю, что теперь мы бессмертны, но я не буду тебя брать, если ты попытаешься застрелить меня.

Перес кивнул так же небрежно, как и раньше.

— Есть главная причина существования ISMU. Для того чтобы такие люди, как Оливия и я, могли защитить таких благонамеренных идиотов, как ты, от самих себя. Кроме того, теперь, когда Оливия ушла в отставку, тебе понадобится кто-то, чтобы управляться со всем. Во всяком случае, я доказал тебе, что моя команда может сделать все что угодно. Нам... понадобится подкрепление. Вернуть Лею на службу, может быть, подумать о вербовке... но мы всё равно справимся.

Лейтенант поднял руку, прежде чем Лаки смогла заговорить.

— И не надо разводить херню, что мы тебе не нужны. Люди типа тебя всегда так говорят. А потом, когда наш бюджет сокращают вдвое, вы удивляетесь, почему это у нас не получается спасти для вас мир.

— Вообще-то я ничего такого говорить и не собиралась. Я хотела спросить, не будешь ли ты возражать против того, чтобы снова стать пони.

Перес вздёрнул бровь.

— Это с чего вдруг?

— Потому что у меня уже есть для тебя задание. Из тебя получится паршивая Харриет Табман, если ты будешь выглядеть как пришелец из космоса.

— Может быть, но не пони, — ответил лейтенант после задумчивого молчания. — Я слышал много хорошего о драконах. Всегда в броне, дышат огнём, руки. Типа такого дерьма.

— Я посмотрю, что получится сделать.

Лаки не стала дожидаться окончания погодной смены. Хотя проблем с этим не было никаких — с точки зрения времени в реальном мире, ещё один день тут вряд ли кто-то заметит. Но учитывая, что это место вот-вот все покинут, ей было страшно любопытно, чего смогли достичь мёртвые члены Общества первопроходцев.

Многие из списка Дискорда проживали на облаках, так что во время своего путешествия как летать она не забыла.

Чем ближе она приближалась к фабрике, тем большее впечатление производила проделанная работа.

«Я всегда знала, что Лайтнинг Даст разбирается в погодной магии. Но это... действительно впечатляет».

Лаки почувствовала грусть, когда приземлилась рядом с расстеленными солнечными панелями и сложила крылья.

«Вот чем мы могли бы заниматься, если бы установили мирный первый контакт. Вот какой могла бы быть наша колония без карантина».

Но карантин завершился, и все те, кто нападал на пони, были мертвы. Как и пони, которая поклялась убить её. Может быть, они все смогут просто забыть о прошлом и двигаться дальше.

«До тех пор, пока мы не будем посещать Додж-Джанкшн. Тамошние пони, наверное, сыты нами по горло».

Лаки вошла на фабрику и была немного удивлена, обнаружив много новых пони. Она привлекла множество взглядов, пока шла через пустую раздевалку в цех, хотя никто не осмелился останавливать её. Она была аликорном.

Даже если многие пони, с которыми она говорила за последний год, на каком-то уровне понимали, что аликорн это не более чем пара дополнительных флагов в списке разграничения доступа, большинство здешних были из Эквестрии, а старые привычки трудно преодолеть.

Лаки высмотрела пару знакомых лиц — например, Могила сидел рядом с несколькими кустарными двигателями, подключёнными к программируемой матрице. Жеребец только кивнул, очевидно, слишком поглощённый своей работой, чтобы встать. Но ту, за кем она сюда прилетела, обнаружить не удалось, по крайней мере, пока Лаки не добралась до кабинета управляющего.

Однако Лайтнинг Даст, вопреки надеждам, там не оказалось. Вместо неё деловито печатала на терминале Оливия.

Ну, кто-то похожий на Оливию. Она изменилась, точно так же как и все остальные. Она больше не была кобылкой, а стала обычной взрослой пегаской, спортивной и подтянутой. Не из тех пони, что проводят большую часть своего дня в кабинете.

Оливия выглядела немного взволнованной, когда Лаки вошла, хотя уже сидела и садиться от удивления было некуда. Вместо этого пегаска откинулась на спинку стула, наблюдая за Лаки так, словно в любую секунду ожидала неприятного сюрприза.

— Ты вернулась. Неужели уже целый год пролетел? Мне казалось, времени прошло совсем чуть.

— Да, — ответила Лаки. — Типа того.

Она села напротив стола, оглядывая комнату. Большая часть увиденного выглядела так, словно могла принадлежать любой эквестрийской погодной фабрике. Тут были награды за эффективность, групповые фото с работниками и тому подобное. Затем Лаки увидела табличку с именем.

— А где моя мама? Ты подменяешь её сегодня?

— В течение последних двух недель, — ответила Оливия без раздражения. Во всяком случае, она казалась расстроенной, может быть, немного нервничающей. — Каждый день я жду, что она вернётся, но чем дольше жду, тем менее вероятным это кажется. Я решила, что ты отправила её обратно просто раньше остальных.

— Я... не имею к этому никакого отношения, — пробормотала Лаки, нахмурившись. — Вероятно, есть заклинание, которое я могла бы использовать, чтобы найти её.

Но она не торопилась приступать к этому — ни слать запрос к Гармонии, ни пытаться сотворить заклинание. Пока она просто наблюдала за Оливией.

— Лейтенант Перес говорит, что вы решили выйти в отставку.

— Он прав. Это не значит, будто я считаю, что важной работы не осталось, но я все. Предвестник выбрал твой путь. Было это решение правильным или нет, я сказать не могу. Это больше не моя проблема, и решать её не мне.

Новость была не то чтобы радостная, но спорить было сложно. Предвестник отверг предложенную Оливией стратегию развития после её смерти и вместо этого выбрал вариант Лаки. Она представила, что, вероятно, тоже испытала бы разочарование, если бы оказалась на месте Оливии.

— Так значит, ты собираешься остаться здесь? С лучшей жизнью в виртуальной реальности?

— Нет!

Майор презрительно стукнула копытом по столу и продолжила:

— Отар — унылое, скучное место. А должен быть тропическим раем... и мы сможем сделать его таким, имея фабрику хотя бы в два раза меньше этой. Лайтнинг Даст и правда туго знает своё дело. Она легко справится с управлением несколькими фабриками, а то и целым регионом. Но кто-то же должен сидеть тут каждый день, — Оливия откинулась на спинку стула. — Это не самая сложная задача, что мне выпадала. Но это важная работа. Она даёт ощутимую выгоду. Самое главное, что никто не умирает. Предвестник думает, что ты лучше справляешься со значимыми решениями, так пусть так и будет. Ты губернатор. А я буду просто заниматься погодой. Там где это нужно.

Лаки колебалась несколько секунд.

— А ты знаешь...

«Единственная причина, по которой пегасы должны были заниматься погодой, заключается в том, что Дискорд сломал управление внешней средой в Эквестрии. Теперь, когда он не вмешивается, все можно починить».

Но аликорн просто пожала плечами. Оливия была не единственной пони, которая получала удовлетворение от своей работы на погодной фабрике. Если включить все обратно, целый сектор эквестрийской культуры будет уничтожен.

«Мы можем убедиться, что система работает в терраформированных сегментах. Нет причин запрещать кому-то делать больше работы, если они этого хотят».

Даже она пользовалась клавиатурой, хотя технология распознавания голоса работала просто идеально. Было определённое удовольствие в выполнении чего-то лично. Чтобы убедиться, что все сделано правильно.

— Это звучит здорово. Я... я узнала, что рабство более распространено на периферии Эквестрии, чем я думала. Многие друзья Дискорда... ну, это не имеет значения. Я к тому, что мне кажется, найти новых жителей для Отара проблемой не станет. И в тех местах тоже нет погодных команд, но если они там будут, то можно будет начать строить новые города. У меня такое чувство, что Эквестрия не захочет, чтобы мы жили на их территории, особенно после убийства их принцессы.

Оливия улыбнулась.

— Как по мне, отличное предложение. До тех пор, пока не мне надо будет сражаться с работоторговцами, я предпочту вести дела по-своему. Или... доверять все Лайтнинг Даст, наверное. Теперь, когда нет угрозы нашему выживанию, я оставлю принятие решений на тебя.

В голосе майора не было обиды, по крайней мере, Лаки её не чувствовала. В нем звучала простая уверенность и удовлетворение своим выбором. Она могла с этим смириться.

— В таком случае я отправлю всех обратно в Отар сегодня вечером, после того как вы закончите смену. И надо будет подобрать кого-нибудь для управления этой погодной фабрикой.

Оливия лишь пожала плечами.

— На самом деле она тут просто, чтобы попрактиковаться. Мы всегда прекрасно знали, что делаем её, чтоб не страдать от скуки. Но сейчас тут работает много пони из Эвертона. Я попрошу Скай Дроп заменить нас.

И Лаки действительно отправила их обратно той же ночью, как и планировала. Даже Мартина, который всю дорогу недовольно бурчал возражения по этому поводу, но в конце концов согласился вернуться.

Дверной проем открылся в доки Отара, которые на самом деле представляли собой подводный коридор из прозрачного композита на глубине около тридцати метров. Все выглядело так, словно Лаки открыла проход в боковой коридор, которого там не было, и они просто вышли из него. По одному и медленно, поскольку в это время системы Эквуса создавали для них новые тела.

Лаки замыкала шествие, оставив портал позади себя открытым, как она всегда делала. В конце концов, она ещё не со всеми делами закончила.

Когда они выходили в коридор, мимо от стыковочного порта как раз шли Лея и небольшая группа пони — вероятно, от «Циклопа».

Лея просто смотрела, в то время как пони, лишь бросив взгляд на Лаки, склонились в поклоне.

— Ты вернулась из Эквестрии, — заметила хромая пегаска, глядя на светящееся отверстие в воздухе. Вместо прозрачного композита сквозь него открывался вид на переделанный фермерский дом, окружённый мрачным лесом. — И завела несколько новых друзей. Дракон, и... красавчик, и...

— Вообще-то, я Мартин, — заявил жеребец, явно игнорируя подтекст. — А это Диего. Я понятия не имею, как он убедил Лаки превратить его в дракона.

— Он прав, — подтвердил Перес, никак не отреагировав на обращение по имени. Не удивительно, Лаки заметила, что почти все, кто оказался в «загробном мире», общались друг с другом по именам. Обращение по званиям и соблюдение формальностей, похоже, не выдержало года совместного проживания. — Я надеюсь, ты готова к активной службе, Лея. Ногу, чёрт побери, тебе давно пора возвращать. Мы потеряли Уильямс... Мне нужно, чтобы ты заняла её место.

Лаки шагнула назад сквозь портал, чувствуя лёгкое гудение энергии.

«Очень, очень надеюсь, что это не убивает меня каждый раз, когда я делаю подобное».

— Я вернусь, — сказала она, в основном обращаясь к Оливии, хотя и понимала, что та больше не хочет быть главной. — Не уверена, что следует остальных наших друзей перемещать так же, поскольку они не мертвы. В общем, не сбивайте воздушные корабли Эквестрии, пожалуйста. А лучше вообще ничего не сбивайте, если оно не выстрелит в вас первым.

Рог засветился, и портал сомкнулся.

Она осталась одна на краю теперь уже пустой фермы.

— Гармония, ты здесь?

Механическая пони появилась рядом с ней с почти беззвучной слабой вспышкой.

— Всегда.

— Что случилось с Лайтнинг Даст?

— Возвращена в физический мир вследствие медицинского вмешательства с той стороны.

Лаки вздохнула, но не была особо удивлена.

«Вероятно, стоит помнить, что не обязательно быть мёртвыми, чтобы очутиться тут. Интересно, насколько сложно приходить сюда во сне, как это делает Лúна?»

— Не могла бы ты оказать мне услугу?

Нет ответа.

— Не могла бы ты присмотреть за этим домом? У меня такое чувство, что Мартин скоро сюда вернётся. Мне бы не хотелось, чтобы тут все сгнило и развалилось. На самом деле, ты с тем же успехом могла бы сделать это место точкой появления для всех из моей команды, кто умрёт в будущем.

— Это решение должны принимать они, а не вы. Хотя мы предложим данный вариант, когда они прибудут.

— Спасибо.

Пришло время для завершающего заклинания. Лаки слишком долго находилась в виртуальности. Вероятно, она слишком привыкла к здешнему бесконечному запасу магии, идеально вкусной еде и изменчивому времени. Если она пробудет тут слишком долго, то может в конечном итоге совсем втянуться и, как Мартин, не захочет уходить.

За время работы на Дискорда, Лаки Брейк запомнила довольно много эквестрийских координат. Она знала, по крайней мере, две точки в кантерлотском дворце, куда могла попасть, и выбрала ту, что была проще. Она открыла портал в тронный зал и прошла сквозь него. И прежде чем успела передумать, развеяла заклинание.

Эффект был мгновенным. Лаки почувствовала, что на секунду застыла, как будто её тело снова привыкло к тому, что значит быть реальным. Сила гравитации потянула её к полу, а плоть перестала светиться. Неиссякаемые запасы магии кончились. В тот же момент она поняла, что, вероятно, не смогла бы открыть портал обратно, даже если бы захотела. Дискорд не преувеличивал, когда заявил, что после возвращения в реальный мир отсутствие опыта будет сильно ограничивать её возможности.

Лаки видела этот тронный зал на рисунках, хотя после того, как Селестия заявила о желании видеть её исключительно мёртвой, Лаки не планировала посещать его лично. Здесь было много стражей — два десятка минимум. Многие смотрели на неё со страхом и ужасом — возможно,

они ожидали нападения, но враждебно настроенный аликорн просто не вписывался в их мировоззрение.

Лаки не собиралась задерживаться тут надолго.

Но тронный зал был красив. Сам трон был золотым, инкрустированным драгоценными камнями, и находился в фонтане с чистой водой. Однако самый крупный пустовал — принцесса Лúна сидела на одном из кресел поменьше, а Кейденс — на другом. Лаки не видела никаких признаков воскресшей Селестии или того, что могло бы произойти с Фларри Харт.

— С дороги, — приказала принцесса Лúна, и по её команде стражники расступились, опустив копыя.

Лаки прошла мимо настороженных солдат, каждый из которых старался перецеголять остальных в плане неодобрительных взглядов. Но принцессы не проявляли никаких признаков гнева, которые можно было бы заметить. Они безмятежно сидели на своих тронах, пока Лаки не остановилась перед ними вежливо склонив голову в знак уважения. Не поклон — она больше не кланялась высшим силам.

— Меня зовут Лаки Брейк. Я желаю от имени Общества Звёздных Первопроходцев инициировать официальный контакт с Эквестрией. Мы пришли с миром.

Что ещё она должна была сказать? Она была не той, кого готовили к подобному.

* * *

— Ты та, кого ждёт моя дочь, — произнесла принцесса Кейденс, когда формальности были завершены и договор о взаимном ненападении был подписан. Голос принцессы был не сильно похож на тот, что Лаки издавала слышала во время официальных церемоний и фестивалей в Кристальной Империи. Сейчас он звучал устало, подавленно, и словно она постоянно сдерживала слезы. Голос пони, которая была в паре шагов от срыва. — Чего я не могу понять, так это как такая пони, как ты, могла так долго жить в моем городе. Талантливые пони должны собираться вместе, чтобы они могли развиваться... в более позитивных направлениях.

— Мы знали о ней, — небрежно заметила принцесса Лúна. С её стороны вообще не было никакой враждебности за все время этой короткой встречи.

Хотя ни одна из сторон многого не требовала. Взаимные заверения не нападать и даже не посещать друг друга без предварительного разрешения — это всё, чего хотела Лаки, и Лúна была достаточно счастлива, чтобы на все это согласиться. Это и возвращение её пони.

— Я мельком видела её заявление в колледж. Многообещающий талант. Но мы редко сталкиваемся с переводчиками, которым удаётся сотрясти весь мир.

Кейденс проигнорировала это.

— Фларри Харт не выходила из своей комнаты с тех пор, как ей удалось... — Кейденс вздрогнула, отводя взгляд, — как ей удалось сбежать. Она никого не хочет видеть, даже отца или меня. Думаю, она собирается отправиться с тобой.

В голосе принцессы звучала угроза — как рычание медведицы, готовой броситься на защиту своих детёнышей.

Но Лаки вряд ли могла встать на её сторону. Принцесса Кейденс не пыталась бороться с Селестией, чтобы освободить свою дочь. Не так, как делала это сама Лаки. Было легко представить, как все это выглядело для самой юной принцессы.

— А ты позволишь?

Очевидно, это был не тот вопрос, которого ожидала Кейденс. Она откинулась на спинку трона, сильно нахмурившись. Повисло долгое, неловкое молчание, но никто в помещении не пытался его нарушить. Принцессы Твайлайт здесь не было — как и гвардейцев. Тронный зал был просто огромен для троих пони, даже если они были аликорнами. Одинокое, холодное пространство.

— Возможно, — в конце концов ответила Кейденс. — Если она согласится возвращаться в Кристальную Империю каждое солнцестояние... и согласится взять с собой отряд стражей. Предполагая, что ты на это согласишься.

В отличие от Принцессы Любви, Лаки не нужно было размышлять об этом. Она была губернатором и была уверена, что Предвестник поймёт пользу такого решения.

— Я согласна.

— Тогда ты должна с ней увидеться, — Кейденс отвернулась, в голосе звучала горечь. — Фларри, очевидно, хочет иметь личное пространство и нуждается в любви кого-то ещё, кроме своих родителей.

— Тот, кто столько страдал, так просто не исцелится, — пробормотала принцесса Луна. — Она страдала не так долго, как некоторые, но я за неё переживаю. Ты не должна забирать её, если не сможешь о ней позаботиться. Я должна... хотела бы посетить ваш город так же, как ты посетила наш.

Лаки кивнула.

— Это допустимо, при условии, что ты сначала сообщишь по радио. У нас много жителей, которые опасаются аликорнов после... после того, что случилось.

Лаки ушла, сопровождаемая по дворцу испуганным стражем. Она не торопилась — чем больше она узнавала новостей о Фларри Харт, тем больше переживала о том, что увидит. Дворец, наполненный произведениями искусства и памятниками многолетней истории, совсем не занимал её внимания, хотя должен был.

То, что раньше казалось важным, просто перестало иметь значение.

«Жаль, что я не смогла сделать этого раньше».

Но Перес был прав в одном — поспешность в спасении не улучшила бы их шансы.

«Тогда я даже не была главной. Могла бы я что-нибудь изменить, если бы полетела и вместе с Лайтнинг Даст попыталась освободить её?»

Нет, скорее всего, нет. Но от этой истины легче не становилось. Для Лаки прошёл год, но для Фларри Харт всего несколько часов. Хорошо, что принцесса не осталась навечно.

«Кость нужно сложить правильно до того, как та начнёт заживать, иначе она срastётся криво. И, возможно, никогда больше не станет прямой».

Лаки могла только надеяться, что ещё ничего не зашло слишком далеко.

Снаружи покоев стояло несколько стражей, одетых в ливреи Кристальной Империи вместо обычных золотых доспехов стражей Кантерлота. Её сопровождающий передал сообщение, что Лаки вход разрешён, и один из охранников начал возиться с замком.

— Я же сказала, никому не входить! Папа, я говорила, что еду можно оставлять под дверью! И все!

Стражи в панике оглянулись на Лаки. Они явно знали, что может устроить Фларри Харт, если её не успокоить.

— Это не твой отец, — крикнула Лаки сквозь дверь. Её голос звучал так же, как и раньше, по крайней мере, для её ушей. Она не стала увеличивать возраст, пока была наверху, как это делали остальные. Она предпочитала, чтобы все шло естественным путём. — Фларри Харт, это я.

Возражения стихли, и свечение, которое было видно в щель под дверью, погасло.

— Мы серьёзно относимся к безопасности принцессы, — произнёс один из кристальных пони позади Лаки с достаточной храбростью, чтобы действительно впечатлить её. — Если мы услышим, что она в опасности, мы защитим её.

Жеребец слегка повернулся, чтобы продемонстрировать меч в ножнах на боку. Оружие выглядело содержащимся в хорошем состоянии, по крайней мере, насколько могла оценить Лаки, основываясь на посещениях праздников с реконструкторами в юности.

— Вам не придётся, — ответила она, слегка прижав уши. — Я причина, по которой твою принцессу больше не пытаются. Я никогда не причиню ей вред.

Это заставило стражей притихнуть — Лаки не знала, как много они знали о том, что пережила Фларри Харт, хотя сильно сомневалась, что столько же, сколько и она.

«И та, кто все это устроила — мертва, так что не на ком выместить свой гнев. До тех пор, пока они не решат винить в этом меня».

Покои, которые предоставили Фларри Харт, были просторными и роскошными, куда больше чем когда-либо были у Лаки. Помещение заставляло её чувствовать себя немного неуютно, старинная мебель и произведения искусства возвышались вокруг и напоминали Лаки о её заурядности.

«Я выросла в фургоне на берегу реки».

Конечно, ей не нужно было слишком беспокоиться о том, что она что-то разобьёт или ломает. Похоже, Фларри Харт уже плотно этим занялась. На gobelenaх зияли прорехи, все ящики были вывалены на пол, а большая часть обивки кресел изодрана в клочья. Принцесса проделала большую работу, уничтожая одну бесценную вещь за другой. Когда Лаки тихо закрыла за собой дверь, то вокруг взметнулась метель из белых перьев, без сомнения, ранее бывших набивкой матрасов и подушек, чьи останки во множестве валялись по комнате.

— Фларри Харт? — робко позвала Лаки, поскольку она пыталась как можно меньше волновать подругу. — Ты где? Я слышала твой голос, так что знаю, что ты тут.

— Сюда, — донёсся тихий голос из открытой двери. Лаки могла видеть там только слабый красный свет, время от времени мерцающий.

«Она смотрит телевизор?»

Больше всего это походило на тени, которые экран мог отбрасывать на пол.

«Неужели пони их изобрели?»

Как оказалось, так и было, хотя и крайне сомнительно, что изготовили его пони. В соседней комнате было установлено большое устройство из того же прозрачного материала, что и все экраны, которые Лаки видела внутри кольца. Куча металлических предметов — лампы, часы, столовые приборы — все, до чего смогла дотянуться Фларри Харт, в беспорядке валялись вокруг. Несколько крошечных трещин прорезали поверхность экрана, а может, это были лишь царапины.

Устройство было похоже на своего рода письменный стол с тремя экранами, установленными под разными углами. Стол был невероятно старым, с завитушками и изящной золотой инкрустацией. Казалось, что экраны и клавиатуру можно было спрятать внутри, хотя принцесса этого не сделала. Судя по всему, она разбила клавиатуру вдребезги и пыталась сделать то же самое с экранами, но без особого успеха. Теперь она сидела перед ними с затравленным выражением на лице. Плотные шторы на окнах гарантировали, что кроме жуткого сияния экранов никакого света снаружи не будет.

Лаки медленно приблизилась, пытаясь разглядеть, что же такое смотрит Фларри Харт. На одном из экранов виднелась огромная сферическая оболочка из крошечных деталей, сквозь которую время от времени посверкивало что-то круглое и яркое. Через несколько секунд сфера открылась, продемонстрировав звезду внутри, и испустив луч энергии — он пролетел сквозь глубины космоса, пока не достиг звёздной системы, полной жизни, и не сжёг всех и вся.

На других экранах были изображены похожие ужасающие сцены — воины в золотых доспехах, защищающие вход в здание от нескончаемой орды тварей и медленно отступающие. На последнем шло слайд-шоу мёртвых миров, чьё население было уничтожено биологическим оружием.

— Зачем ты всё ещё смотришь это?

На третьем экране все сменилось какими-то новыми ужасами. Лаки отвела взгляд — зрелище было слишком кошмарным и натуралистичным. Более того, кое-кто из умирающих, выглядел знакомо.

— Я продолжаю надеяться... — пробормотала Фларри Харт, не отводя взгляд от экранов, — что если я буду смотреть достаточно долго, то увижу... увижу, как все пойдёт по-другому. Этих записей миллиарды. Селестия заставляла меня смотреть месяцами, а я видела лишь исчезающе малую часть. Может быть, где-то все закончится хорошо.

Затем принцесса повернулась — она выглядела ещё хуже, чем в симуляции. Грива была запутанной и клочковатой, местами с проплешинами. Глаза опухли и налились кровью, шерсть выпцвела. Будь она бездомной собакой, её, вероятно, следовало бы усыпить, из опасения, что она заразит всех остальных.

— У некоторых почти получилось! — продолжила Фларри. — Там было это большое, важное на вид место. И много кораблей... Я думала, что они наверняка спасутся.

— Есть место где все пошло по-другому, — произнесла Лаки настолько мягко, насколько смогла. — Здесь все пошло по-другому. Эквус выжил.

— Это не то, что я имела в виду! — Фларри Харт в раздражении топнула копытом. Одновременно с этим её рог сверкнул и ещё одна картина рухнула со стены на пол. — Я про тех, кто не прятался. Многие из них... были такими храбрыми. Эти крошечные планеты, на которых почти никто не живёт. Они летели и погибали, сражаясь, хотя и знали, что не смогут победить.

Принцесса дрожала и выглядела так, словно вот-вот рухнет.

— Мне нужно увидеть, что она ошибалась.

Лаки не знала, что на это сказать. Но она помнила слова Дискорда, помнила тот разговор, что произошёл, казалось, много лет назад.

— Кто-то победил, — сказала она. — Дискорд... говорил мне об этом. Возможно, мы могли бы попросить Гармонию показать тебе.

Фларри Харт заметно вздрогнула, услышав это имя, и быстро оглянулась на дверь позади себя. Будто собираясь сбежать.

— Но не обязаны, — быстро добавила Лаки. — Эй, да расслабься ты! Я просто размышляла вслух. Если не хочешь, то не будем.

Она сделала шаг к испуганной принцессе.

— Я... Мне тут интересно, не хочешь ли ты отправиться... ну, покинуть Эквестрию на некоторое время. Ты же никогда раньше не видела мой дом, который мой настоящий. Там правда смотреть почти не на что, но... может быть, тебе будет полезно отвлечься от привычного. Познакомься с новыми пони, — Лаки понизила голос, сокращая дистанцию. — Кое-кто из них как раз и действует так, как ты сказала. Пони издалека, которые не просто свернулись калачиком и умерли, и не сбежали. Может быть, ты захочешь поговорить с некоторыми из них.

Фларри Харт подняла голову, как раненое животное, опасющееся нового удара. Несмотря на это, в глазах светилась надежда. Дерзкая и отчаянная.

— Думаю, мне бы это понравилось.

Предположительно, «Эффигия» была одним из самых быстрых воздушных кораблей, когда-либо построенных пони. Она выглядела как нечто гладкое, с загнутыми назад крыльями и низкими перилами по бокам.

Лаки медленно шла по палубе, крылья были наготове, если воздушный щит не сработает и её сдует. Но ничего подобного не происходило. Мир за деревянным полированным бортиком двигался достаточно быстро, чтобы впечатлить даже Лайтнинг Даст.

Они были не одни на единственной палубе — там также было пять-шесть стражей, которые заодно выполняли функции корабельной команды. Правда, элементы управления больше соответствовали пароходам 1900-х годов, чем парусным кораблям 1800-х, но кто такая Лаки, чтобы жаловаться? Она, конечно, не стала бы утверждать, что является экспертом в технологии пони. Просто ещё одна эклектичная точка на диаграмме.

— Я все осмотрела, — пробормотала Лайтнинг Даст, устраиваясь рядом с дочерью. — Не вижу ни пропеллера, ни газового баллона. Они сбили «Скорость мысли» меньше недели назад и смогли её скопировать?

— Я так не думаю, — Лаки говорила негромко, что благодаря воздушному щиту каким-то образом было вполне возможно. Не было того постоянного рёва, как на палубе «Скорости мысли», даже когда они зависли неподвижно. — Это магия. В центре корабля, в помещении, куда нас не пустили, есть что-то большое и мощное. Готова поспорить, это какое-то заклинание левитации.

— Звучит как на редкость глупая идея, — Лайтнинг Даст размяла крылья, как будто проверяя, что они всё ещё в полном порядке. — Мне плевать, кто у них управляет заклинанием, рано или поздно они устанут. Разве не глупо создавать летающий корабль, который упадёт, если что-то перестанет работать?

Лаки не смогла удержаться и расхохоталась.

Её мать уставилась на неё с явным замешательством и раздражением.

— Что тут смешного?

— Я, э-э... Я жила на подобном летучем корабле, когда росла. На нем было шесть маленьких движителей, и они должны были крутиться очень быстро, чтобы он оставался в воздухе. Если бы из строя одновременно вышла хотя бы пара, я бы упала с неба и умерла. Так как у меня... тогда не было крыльев.

Даст сердито посмотрела на неё.

— Тогда ты поступила страшно глупо. Больше так не делай.

— Но ведь ничего не случилось, — возразила Лаки. — И произойди такое сегодня, я могла бы просто улететь. Ты научила меня просто замечательно.

Пегаска лишь мрачно забурчала в ответ:

— Ты меня не подкупишь, чтобы я все забыла. Мне всё равно, что ты сейчас принцесса. Я не собираюсь позволять тебе творить глупости.

Лаки ухмыльнулась в ответ.

— Серьёзно? А если я скажу, что мы собираемся сделать постройку погодной фабрики в Отаре основным приоритетом, и ты там будешь главной?

Даст впиалась в неё взглядом, но выражение лица пегаски быстро смягчилось.

— Я думала, мне это только приснилось.

— Скорее всего, это были не сны. Мне кажется, ты именно этим занималась, когда была вне физического тела. Это все было по-настоящему... с определённой точки зрения.

Пегаска помотала головой.

— Лаки, у тебя от этого твоего рога ум за разум заходит. Единороги часто несут подобную чушь, не имеющую никакого смысла. Попробуй ещё раз, но на этот раз как нормальная разумная пони.

Лаки постаралась. В конце концов Даст отправилась пообщаться с капитаном — скорее всего, чтобы ещё раз уточнить время прибытия. Аликорн с ней не пошла — были и другие спасённые члены команды, которые требовали внимания.

Абубакар сидел на носу, глядя на приближающийся горизонт, словно вперёдсмотрящий. Дэдлайт каким-то образом умудрился заскочить в один из книжных магазинов Кантерлота и сейчас устроился за столом, напротив нескольких стражей, с какой-то художественной книжкой.

Лаки была удивлена, что фестрал решил вернуться с ними, хотя, возможно, ничего необычного в этом не было. Даже после смерти Селестии Эквестрия всё ещё оставалась государством, построенным теми, кого он ненавидел. Отар был чем-то новым, созданным из фрагментов чего-то древнего.

«Мелоди будет так рада тебя видеть».

Лаки была рада за неё, и что той не придётся растить жеребёнка в одиночку. Хотя Лаки не вполне представляла, кем будет этот новый пони. Будет ли естественное воспроизводство пони в Отаре также использоваться для реинкарнации, как и у местных?

«Я просто рада, что это не моя проблема».

Лаки была честна с Мартином, когда говорила, что её нынешнее тело её полностью устраивает, но это не означало, что она так жаждет стать матерью.

«Управлять Отаром и так будет достаточно сложно».

Лаки начала потихоньку расслабляться, позволяя весу всего, что она видела и сделала, захлестнуть её. В конце концов Абубакар встал со своего места в передней части корабля и направился в её сторону. Как и у всех остальных у него забрали броню и снаряжение, хотя обещали все вернуть, когда они доберутся до Отара. Тем не менее сейчас аликорн заметила то, чего не увидела пока он был в форме и в кандалах — у Абубакара была метка. Аккуратно подстриженная живая изгородь с простым геометрическим рисунком.

— Сержант! — крикнула Лаки, подбегая к жеребцу. — Как давно это у тебя?

— С сегодняшнего утра. Нет, они не заставляли меня что-то подстригать... Я только проснулся, и она уже была. Ни боли, ни жжения, ничего из того, о чём упоминала майор Фишер. Не уверен, что мне это все нравится.

— Ну, я не думаю, что есть какой-нибудь способ избавиться от метки, — пробормотала аликорн. — Теперь ты в системе, как и все мы.

— Мне это было не нужно, — ответил Абубакар, хотя в его голосе не было злости. Лишь раздражение. — Строители кольца думают изменить то, что даровано нам Богом. Они рассчитывают безнаказанно требовать

что-то от Небес. Я не говорю, что мы должны осудить их за это, но рано или поздно Бог рассудит.

Лаки долгое время хранила молчание. Было странно найти кого-то настолько религиозного, вступившего в Общество первопроходцев. Подавляющее большинство подобных людей выступали против клонирования и связанного с ним изготовления бионосителей. Насколько она помнила, тогда дело доходило и до протестов, хотя, поскольку это все происходило на Земле, то ни к чему особенному не привело.

— То есть их поступки были неправильными, но не наши? Бог ведь нам «Предвестников» не даровал. Как и клонирование.

Абубакар замолчал.

— Возможно, ты права. Вот почему я не берусь судить их — это было бы неправильно ни для меня, ни для любого склонного к ошибкам человека. Но рано или поздно Бог рассудит. И я опасаясь, что Он может подумать о нас, если мы слишком близко примем их обычаи.

— Я не планирую строить вторую Эквестрию, — ответила Лаки. — Ну, я в том смысле, что строительством всё равно Предвестник заведует, но наши планы остаются без изменений. Мы собираемся построить колонию, попытаться отправить наши отчёты обратно на Землю — в конце концов, мы назначим планетарного губернатора и потихоньку выведем из эксплуатации систему Предвестника... все как описывалось в руководствах. Блин, да я удивлюсь, если у Дороти до сих пор нет способа создания жизнеспособных человеческих бионосителей. Как только армия Оливии будет завершена, они могут стать последними пони, которых мы вырастим в Отаре... ну, последними изготовленными пони.

Абубакар пожал крыльями летучей мыши.

— Посмотрим.

Он отошёл, на этот раз, чтобы отдохнуть на корме корабля и понаблюдать, как Эквестрия медленно исчезает за горизонтом. При их текущей скорости они должны прибыть в Отар к утру, при условии, что погода и дальше будет благоприятствовать.

Лаки спустилась на нижнюю палубу, чтобы проверить, как там Фларри Харт, и обнаружила, что та наконец-то уснула. Принцесса спала во временно освобождённой капитанской каюте, а снаружи дежурила охрана.

«Может быть, она проспит несколько дней и ей станет лучше после всего произошедшего».

Можно было не торопиться возвращать «Эффигию» — корабль собирался остаться в Отаре, чтобы Фларри Харт могла слетать обратно, в полном соответствии с тем, о чём Лаки договорилась с нынешними правителями Эквестрии. Что ещё более важно, это был бы символ — символ официального признания и постоянной связи с гораздо более крупной и могущественной нацией пони. Если повезёт, это будет означать конец любого насилия.

«Потому что, если вдруг что, Гармония не вмешается».

Она абсолютно чётко обозначила свою позицию. Системе было всё равно, какие зверства творили друг с другом живущие на поверхности, до тех пор, пока они не пытались повредить само кольцо или какую-нибудь из его систем. Отар и Эквестрия могли начать войну и взаимно уничтожить друг друга, а реакция Гармонии ничем не отличалась бы,

устрой они незначительный спор по поводу исхода спортивного матча.

«Для Гармонии это все не важно, но важно для нас».

Лаки присоединилась к Обществу первопроходцев, потому что хотела раздвинуть горизонты человечества. Они заплатили ужасную цену, чтобы завести новых друзей — теперь пришло время собирать дивиденды.

«И если нам очень повезёт, возможно, Гармония ошибается. Может быть, где-то там есть ещё люди. Мы можем рассказать им о том, что мы нашли».

Где-то, за дальними пределами пространства и времени, возможно, существовало даже что-то похожее на Землю, всё ещё ожидающее их отчётов.

Вселенная была велика.

* * *

Их встретили без фанфар рано утром следующего дня — хотя, поскольку в качестве фанфар могли выступить турели ПВО, Лаки не расстроилась. Учитывая уничтожение «Скорости мысли», место где разместить «Эффигию» уже было. Собственно под маскировочный купол, раскрашенный под древесные кроны, они и залетели, приземлившись рядом с прорезиненным причалом.

Лаки перепрыгнула через борт и на земле обнаружила несколько дронов, спешащих их встретить — только дроны и никого живого. Было ещё очень рано, но аликорн с трудом сдерживала раздражение. Неужели никого не волновало, насколько это важно?

«А кому тут есть до этого дело? Я должна быть главной».

Антропоморфные дроны всё ещё возвышались над ней, но уже не так сильно, как раньше. Один из них приблизился, заставив стражей отшатнуться назад, некоторые из них потянулись за оружием.

— Это не опасно, — крикнул Абубакар, голос жеребца дрожал, но слова были достаточно чёткими. — Они помогают. Не опасно.

— Лаки Брейк, — произнёс медицинский бот с белым пластиковым корпусом и пустой пластиной вместо лица. Затем, к удивлению аликорна, он обнял её. Медицинские боты были способны к тонким манипуляциям, иначе они не смогли бы выполнять свою работу. — Я рад, что вы благополучно вернулись.

— Предвестник... — пробормотала Лаки, с удивлением обнимая того в ответ. — Я знала, что ты любишь свои органические сегменты, но не знала, что ты можешь быть таким... сентиментальным.

— До сих пор у меня не было для этого причин, — так же быстро дрон отстранился. — Вы срочно нужны в конференц-зале. Мелоди и я завершаем наши переговоры с Гармонией. Учитывая ваши впечатляющие знания в этом вопросе, ваша помощь крайне желательна.

Лаки подняла копыто.

— Хорошо, Предвестник. Но я тоже должна тебе кое-что сказать, — она махнула в сторону дирижабля, продолжив по-английски и гораздо тише. Не то чтобы она хотела скрыть что-то от мамы, но ей было бы менее комфортно, если бы её поняли охранники. — Принцесса Фларри Харт с нами, вместе с десятком стражей. Они останутся на некоторое время. Я хочу, чтобы принцессе было по-настоящему хорошо и комфортно, в месте, где её охранники случайно не подвергнутся опасности и не погибнут.

— Третий этаж пока не используется. Я начну переоборудование одной из комнат под более роскошное жилье. Но на это потребуется время. VIP-персоне придётся оставаться на борту своего дирижабля ещё как минимум сутки. Более длительный срок был бы предпочтительнее, но я всегда могу закончить переоборудование помещений позже, главное закончить все структурные изменения, — дрон замолчал. — Я добавил в очередь на изготовление спутниковые коммуникаторы для всех прибывших. С этим было бы гораздо проще разобраться, если бы вы сообщили мне об этом, пока были в пути.

Лаки на всякий случай нашла время навестить принцессу и лично сообщить ей о задержке. Мелоди могла сгорать от нетерпения, но Гармония с Предвестником могли быть терпеливыми. Гармония, вероятно, даже была способна понять причину задержки в случае с юной принцессой.

«Заботит ли Гармонию то, что с нами происходит? Похоже, ей было абсолютно наплевать на смерти тысяч и миллионов. Если её не волнуют убийства, то, возможно, моральные страдания ей тоже не важны».

Принцесса не возражала остаться на дирижабле — хотя тут Лаки не могла быть полностью уверена. Фларри Харт оставалась довольно апатичной после того, как её вызволили из кантерлотского дворца, она редко выходила из каюты и редко задавала вопросы.

Покинув корабль, Лаки пустилась галопом, предварительно попросив маму и Абубакара остаться и присмотреть за разгрузкой. Для только прибывших стражей лучше было общаться с пони, а не с дронами, хотя эквестрийский Предвестник был не хуже, чем у самой Лаки.

Она была немного удивлена, обнаружив, что «переговоры», о которых упомянул дрон, предполагали использование настоящего конференц-зала, где даже присутствовал искусственный пони. Аватар Гармонии мог быть таким же реальным, как и любой другой пони и сидел по одну сторону стола. На нем громоздилась огромная стопка бумаг, на противоположном конце сидели Мелоди и Предвестник в синтетическом носителе.

Что-то сильно изменилось в Мелоди, настолько, что Лаки почувствовала это ещё за дверью, но ошибочно приняла за отпечаток Гармонии. Мелоди стала немного крупнее, чем в прошлый раз, и не только в плане роста. Животик наконец-то стал достаточно большим, чтобы стать заметным, хотя куда сильнее выделялся рог — более длинный и острый, чем у самой Лаки. Бывшая пегаска стала высокой и элегантной, похожей на принцессу Луну, тогда как сама Лаки напоминала Фларри Харт. Метка тоже появилась, но рассмотреть её с такого ракурса не получалось.

— Что с тобой случилось? — прошептала Лаки, не в силах сдержаться, хотя знала, что есть гораздо более важные вопросы.

— *Мы исправили критическую ошибку доступа,* — ответила Гармония, прежде чем Мелоди успела хотя бы открыть рот. — *Мелоди получила доступ к информации Древних, обойдя протоколы безопасности. Эта конфиденциальная информация была позже передана вам. Но в вашем случае мы узнали об этом в момент получения вами гражданских прав и полномочий. Проблема с доступом Мелоди тоже требовала решения.*

Лаки тихо закрыла за собой дверь. Через стеклянное окно было видно, как пара негуманоидных охранных дронов подкатили к двери и заблокировали проход, предотвращая появление ещё кого-то.

— Ясно.

Направляясь к столу, Лаки внезапно почувствовала себя меньше ростом, хотя Мелоди практически склонилась перед ней в поклоне. В том как шевельнулись уши и хвост новоявленной принцессы ощущалась несостоятельность. Лаки хорошо знала это чувство. Мелоди чувствовала себя здесь самозванкой.

«Как ты можешь быть такой глупой? Ты выглядишь как настоящая принцесса!»

Лаки выиграла немного времени, пододвинув к себе стопку бумаг — судя по шрифту, недавно отпечатанных где-то в Отаре. В документах описывались условия «базового взаимодействия между кольцом Эквус включая все его выделенные подсистемы и интеллектуальной системой под названием Предвестник и ассоциированными с ней биологическими сегментами». Беглый просмотр остальных листов продемонстрировал лишь сплошную стену, казалось бы, случайных символов, разбитых на разделы примерно одинакового размера.

— Тебе нужно прочитать только первые пять листов, — пробормотала Мелоди. — Мы тут уже давно ждём и, думаю, можем подождать ещё чуть-чуть, пока ты дашь добро.

— Э-э... — Лаки отлистала документ к началу с помощью магии. — Предвестник уже провёл переговоры?

Синт с другой стороны от Лаки беззастенчиво кивнул. Он был одет в стандартную униформу, хотя и без нашивок с именем или званием.

— Системам гораздо легче вести переговоры, чем людям. Как только согласован протокол взаимодействия, точный характер любого соглашения может быть определён с большой точностью. Однако у меня нет полномочий заключать какие-либо договора или соглашения с иностранными державами без одобрения губернатора колонии. Мне нужна ваша подпись, чтобы принять это соглашение.

Лаки не потрудилась задать очевидный вопрос. Она начала читать.

Первые страницы были написаны простым языком, достаточно простым, чтобы его мог понять даже кто-то без юридического образования. Там также не тратилось время на формальности и любезности сразу переходя к взаимным обещаниям. Которых, надо заметить, было не так и много.

Гармония начала с того, что объявила о намерении добавить Предвестника и все содержащиеся в нем нейрослепки к населению Эквуса. После чего они получают такую же защиту и права с полномочиями, что и любой, кто прожил здесь бесконечные эпохи.

Далее излагались условия на случай отказа — Гармония фактически обещала, что при таком развитии событий уничтожит колонию и всё равно изымет нейрослепки. Иными словами, им выставили простой ультиматум — согласиться присоединиться к сообществу Эквуса, или их туда затащат насильно, как бы они ни брыкались.

Предвестник немедленно капитулировал, хотя, казалось, не проявлял особого интереса или даже не понимал приведённые термины, такие как «буфер непостоянства» и «вычислительная биолокация», эти выражения неоднократно использовались, но нигде не пояснялись. В ответ он запрашивал ресурсы, которые были бы понятны любому исследователю

Общества первопроходцев. Предвестник хотел получить землю, которую им предоставили. Они могли разместиться где угодно, как и все остальные жители Эквуса. Гармония даже пообещала отдать один из неиспользуемых в настоящий момент секторов в исключительное пользование Предвестника и граждан Общества первопроходцев, если они захотят переехать туда после завершения процесса терраформирования.

Зонд запросил гарантии безопасности и получил их в тех объёмах, в каких и предполагала Лаки. До тех пор, пока они не будут пытаться повредить структуры кольца, они могли делать что угодно. Если они решат объявить войну Эквестрии и устроят там геноцид, Гармония не будет вмешиваться. Аналогично с нападением со стороны пони, до тех пор, пока кольцу ничего не угрожает, Гармонии было всё равно.

На следующей странице Предвестник подробно описывал, какие права будут предоставлены жителям кольца и как это повлияет на пони и людей в Отаре, если они согласятся примкнуть к ним. Там все было достаточно просто — в конце концов, зонд и так собирался изготовить по одному экземпляру каждого нейрослепка. Все, что ему нужно было сделать, это внести небольшие изменения в процесс изготовления бионосителей. Любой создаваемый пони получал метки ещё до пробуждения. С людьми технология была аналогичной, хотя никаких визуальных признаков метки они не имели и никаких новых талантов не получали.

В общем и целом, условия показались Лаки более чем щедрыми. За одним вопиющим исключением.

— А что насчёт... — она указала на последние абзацы последней страницы. — Карантин снят, Гармония. Пони могут уйти. Это должно касаться и нас. Я не говорю, что мы собираемся в ближайшее время, но мы исследователи. Мы как минимум хотим построить космические станции, если ничего другого не останется. Может быть, будем рассылать зонды. Может быть, однажды... через много лет... какое-нибудь будущее поколение сможет построить межзвёздные корабли и захочет их использовать.

У Гармонии, казалось, уже был готов ответ. Но с другой стороны, Лаки не была уверена, что его подготовка не потребовала пары десятков лет сжатого субъективного времени.

— *У Древних были предусмотрены протоколы для тех, кто хотел покинуть Эквус. Но они чрезвычайно сложны, и для их объяснения потребовалось бы гораздо больше документов, чем лежащие перед вами листы. Исследования с использованием зондов, при отсутствии карантинных мер, разрешаются без ограничений. Фактическое путешествие также разрешено, при условии соблюдения определённых процедур. Для простоты и экономии времени достаточно сказать, что мы обязаны отпустить любого, кто попросит, и предоставить им материалы для основания будущей колонии.*

Гармония расправила свои механические крылья, улыбаясь Лаки через стол.

— *Эти процедуры не так уж сильно отличаются от способа, которым вы сюда попали. Ваша колония доверила Предвестнику основать её, и будет полагаться на него в течение многих последующих лет. В конечном счёте, его разум будет преобразован в тот, что предназначен для управления цивилизацией, из его нынешней формы, одержимой экспансией и успе-*

хом миссии в ущерб всему остальному. Отбытие с Эквуса после снятия карантинных мер повлечёт за собой наше присутствие в аналогичном качестве для максимально возможного снижения риска наступающей смерти. Конкретные детали выходят за рамки этого разговора.

Из всего сказанного разум Лаки зацепился за одну фразу: «мы обязаны отпустить любого, кто попросит». Она не пробыла со своей цивилизацией достаточно долго, чтобы узнать, дошло ли дело до межзвёздных путешествий в физическом теле. Многие, возможно, большинство из тех, кто вступил в Общество первопроходцев, пошли на это, чтобы обмануть время. Они родились слишком рано, чтобы исследовать Вселенную, но всё равно жаждали этого.

Лаки подозревала, что многие из разумов, сохранённых Предвестником, каким бы большим это количество ни было, в конечном итоге захотят отправиться в подобное путешествие. Если Гармония была права, и вся вселенная была мертва, то выбор путей был крайне широк.

Точно так же Лаки не нужно было беспокоиться о том, что она потратит слишком много лет своей жизни, помогая защитить Отар от вторжения (или, что более вероятно, наоборот), до возможности его покинуть. В настоящий момент продолжительность её жизни была произвольной. Если Предвестник захочет, она может оставаться главной столько, сколько потребуется, чтобы развить колонию до размера, регламентированного требованиями руководств Общества первопроходцев.

— Я хочу новую версию соглашения, в которой будет ясно и недвусмысленно описано то, что ты только что сказала. Если соглашение получится длиннее, то не вижу с этим проблем, — Лаки откинулась на подушку, задумавшись. — Есть... есть ещё один вопрос, на который я хотела бы получить ответ. Может быть, это даже не нужно включать в соглашение, но думаю, что кто-то в Отаре должен об этом знать, и я предполагаю, что я тут пока что главная.

Гармония спокойно сложила крылья обратно.

— *Мы слушаем. Однако мы можем не отвечать, если вопрос будет глупым.*

— Может ли кто-то просто стать аликорном, если захочет?

— *Да. Однако мы не планируем делать эту информацию достоянием широкой общественности. Большинство гражданских биоформ, как правило, имеют... множество опасных методов взаимодействия. Было бы неразумно предоставлять подобные возможности в распоряжение тех, кто к ним не готов. Но теперь, когда карантин снят, мы никому не можем отказать в повышении до гражданина. Так постановили Древние.*

Прозвучало ли в голосе негодование?

«Я была той, кто добилась снятия карантина».

Но это не имело значения. Лучше было сбежать из колыбели — они смогут взять ответственность на себя за мирное сосуществование.

Двери открылись, и появился ещё один дрон с толстой стопкой бумаг. Он подкатился к столу, убрал старую и заменил её новой.

Лаки просмотрела изменённое соглашение, нашла все требуемые изменения и подняла ручку левитацией.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что органики не монолитны, — начала она. — То, что я подписываю сегодня это соглашение, не означает, что любой родившийся в Отаре с ним согласится. Они могут возмущаться им — они могут даже бороться против него. Я не могу предсказать, что они подумают или захотят.

Гармония безразлично пожала плечами.

— *Они примут Вселенную такой, какая она есть, потому что должны. Это соглашение прежде всего с Предвестником. Тебя бы здесь не было, если бы он этого не потребовал.*

Лаки невольно напряглась, бросив взгляд в сторону синта.

— Не принимайте это близко к сердцу, — произнёс тот нейтральным тоном. — Ваши вычислительные терминалы не запрашивают вашего согласия, когда передают информацию. Вам просто нет необходимости участвовать в этом процессе.

«Всё могло быть намного хуже. Гармония могла бы управлять нашими жизнями, если бы захотела. Она могла бы не давать нам развиваться и держать в невежестве. Она могла украсть нейрослепки и даже никогда нам об этом не сказать. Все могло быть хуже».

Гармония, Метаконгломерат сознаний Мира-кольца Эквус, и доктор Джеймс Ирвин, колониальный губернатор Отара, подписали соглашение.

Это был последний раз, когда Лаки вообще использовала это имя.

* * *

Мелоди чувствовала себя так, словно пережила настоящий бой, когда наконец покинула конференц-зал. Всё было бы не так плохо, не зайвись туда Гармония. Это было похоже на нахождение в одной комнате с богом. Капризным богом, который будет сидеть сложа копыта, наблюдая, как люди поработают и убивают друг друга, а потом уничтожит их всех за нарушение каких-то правил, о которых они даже не подозревали.

Но потом она увидела, кто ожидает её снаружи, и все ужасы этой ночи внезапно стали неважными. Было немного странно видеть Дэдлайта, который был ниже неё. Не сильно ниже, но тем не менее.

«Я сумею к этому привыкнуть».

Казалось вполне нормальным, что фэстрал безмолвно уставился на неё, застыв на полпути в приветственном жесте. Поэтому Мелоди сама подошла к нему и обняла, не обращая внимания на то, как ужасно она, должно быть, пахнет или насколько неважно выглядел сам Дэдлайт. Они могли бы быть отвратительными вместе.

— Что... как...

Мелоди утащила его в случайный коридор, подальше от небольшой толпы, ожидающей снаружи. Несмотря на уверения в том, что больше управлять городом она не хочет, там была Оливия, Лайтнинг Даст и некоторые другие пони. Мелоди хотела немного уединения. Одна лишь Даст удостоила её взглядом, когда они проскользнули по коридору в первый попавшийся лифт. Дэдлайт просто следовал за ней, либо слишком удивлённый, либо слишком усталый, чтобы протестовать.

— Я не просила об этом, — пробормотала аликорн. — Гармония не предоставила мне выбора. Когда я занималась исследованиями...

Мелоди замолчала.

— Боже, когда я узнала о тебе.

Дверь лифта открылась, и аликорн практически втокнула Дэдлайта внутрь. Она бросила взгляд на панель управления, пытаясь прикинуть, где их с наименьшей вероятностью смогут побеспокоить, и выбрала цеха фабрикаторов. Большая часть этого этажа была вообще недоступна, если не считать смотровой дорожки и комнаты управления.

— Почему ты мне не сказал? Ты живёшь уже... тысячи лет?

— Чуть меньше двух, — ответил фестрал, отводя взгляд. По крайней мере, он не пытался врать или перевести тему. — Через некоторое время все сливается воедино. Чем дольше живёшь, тем меньше каждый новый год имеет значение.

Мелоди села перед дверями лифта — не то чтобы она ожидала, что Дэдлайт попытается сбежать. Двери уже закрывались, и довольно скоро они поехали вниз — намного ниже любого из заселённых уровней. Цеха фабрикаторов были построены так, чтобы пережить прямой ядерный удар, даже если весь остальной город будет полностью разрушен.

— Ты мог бы сказать нам, откуда ты родом. Вместо того чтобы... скрываться и прикидываться примитивным туземцем. Я всегда думала, что ты слишком быстро приспособился к жизни тут. Не то что мама Лаки — ты всех обманул. Ты обманул меня.

Дэдлайт пожал одним крылом. По крайней мере, у него хватило такта выплести немного виноватым.

— У меня было много времени, чтобы напрактиковаться, как быть «примитивным туземцем». Селестия приняла деятельное участие в регрессе Эквестрии. Она бы вообще оставила одних земных пони, если бы могла. Но Дискорд сделал это невозможным, так что...

— Да, я видела, — Мелоди постучала копытом по голове. — Я видела конец света. Ты пережил его... все, кого ты когда-либо знал...

Фестрал напрягся. Аликорн чувствовала запах его боли — Дэдлайт был таким же, как и любой другой пони, и его запах неуловимо менялся, отражая эмоции. Он не мог скрыть их, даже несмотря на то, что Мелоди не вполне понимала, что говорила ей магия.

«Черт бы побрал это дурацкое дерьмо с ошибкой доступа. Интересно, могла бы Гармония просто стереть мне память, чтобы я просто могла продолжать быть сама собой? Мне больше не нужно знать этот пароль. Это проблема Лаки».

Но озвучивать мысли Мелоди не стала — как бы она ни была расстроена из-за произошедшего, идея попросить Гармонию покопаться в своём мозгу была не сильно привлекательной.

«Кроме того, Дэдлайт бессмертен. Если я останусь аликорном, то, по крайней мере, не поседею раньше него».

— Не все, кого я знал...

Слова фестрала вырвали Мелоди из круговорота мыслей примерно в то же время, когда открылась дверь лифта. Снаружи было достаточно шумно — много механического жужжания и скрежета. Здесь находилась производственная линия, нагревавшая помещение до температуры чуть ниже допустимого для органиков максимума.

— Было бы легче, будь оно так. Были ещё выжившие. Несколько... других, таких же как я. Преданных делу. Селена с юных лет обучала нас. С теми, кто умер, все было не так уж и плохо. В конце концов, все умирают. Но те, кто потеряли рассудок и пытались уничтожить Эквестрию... Месть тут ничем не поможет. Те, кто живёт там, такие же наши дети, как и любого другого. Хорошо, что Селена остаётся мёртвой и не видела, до какого позора они докатились.

Мелоди повела его прочь от лифта, по металлической дорожке, громко лязгавшей при каждом шаге. Далеко внизу располагались модульные сборочные линии, с настраиваемыми фабрикатами. Их соединяли ленты конвейеров, которые тоже можно было переключать между секциями и перенастраивать.

Дэдлайт здесь никогда не был, и он вместе с Мелоди уставился вниз, на единственную активную линию. Там производились какие-то строительные конструкции. В дальнем конце зала уже скопилась достаточно большая партия, ожидающая отправки на хранение. Внизу не было ничего, даже отдалённо напоминающего человека, просто усердно работающие механизмы. Тут было не так шумно, как можно было ожидать — смотровая комната, куда они вошли, обладала хорошей звукоизоляцией, так что тут можно было говорить не повышая голоса.

— Карантин снят, — произнесла Мелоди через несколько минут. — Очевидно, существует заклинание для возвращения умерших. Лаки... сделала это для друзей Дискорда. Может быть, твои друзья тоже были в списке.

Дэдлайт печально помотал головой.

— Они не хотят жить в Эквестрии, даже те, кто не сошёл с ума. Селена хотела бы иметь собственное королевство. Мы, конечно, можем спросить у Лаки, но я готов поспорить на тысячу бит, что Селена планирует подождать, пока не закончится терраформирование какого-нибудь сектора. Где-то так далеко, что ни один пони из Эквестрии никогда не смог бы туда добраться. И процесс терраформирования... не особенно быстрый.

Фестрал указал на машины внизу.

— Вы, люди, всегда так торопитесь. Думаю, когда у тебя за спиной постоянно стоит смерть, ты не можешь сидеть сложа копыта и ждать, пока энтропия сделает своё дело. Но терраформирование требует времени. Где-то тысяч десять лет, до того как новые сектора станут пригодны для жизни. А может, и дольше, в зависимости от того, как этим будет заниматься Гармония — последовательно или одновременно со всеми.

— Ты мог бы... — Мелоди заколебалась. На самом деле она не хотела, чтобы Дэдлайт принял её предложения. Но она переживала о нем, и было бы неправильно не сказать. — Ты мог бы... уснуть. Пока они не вернуться. У нас есть для этого технологии. Не думаю, что на момент отлёта с Земли мы могли усыплять больше чем на год, но готова поставить твою тысячу бит, что Предвестник точно может лучше. Может быть, даже на все десять тысяч лет. А если он не сможет, то Гармония наверняка справится. Твоя миссия окончена. Тебе не обязательно продолжать сражаться.

Фестрал встретился с ней взглядом. Мелоди попыталась угадать, что он чувствует, но эмоции были слишком запутанными. Вина, гнев, сожаление? Она не могла разобраться. Запах с этим тоже не помогал, единственно показывал, что жеребец расстроен.

— В том-то и дело, Мелоди. Я никогда не убивался ради этой миссии — я никогда не позволял ей стать грузом на моих плечах. Все остальные были просто одержимы ею, и один за другим сходили с ума. Я просто... сосредоточился на том, что мог контролировать. Я пытался узнать больше о прошлом. Я пытался составить перечень того, что пошло не так. Решил, что, возможно, если я узнаю достаточно о Древних, может быть, там окажется подсказка, которой нам не хватало. Я торопился не больше, чем Гармония.

Дэдлайт замолчал, глядя вниз, как расплавленный алюминий разливается по формам.

— Меня ничуть не волнует то, что я делал раньше. Там всё ещё существуют десятки разрушенных цивилизаций. Моя была не единственной. На Эквусе 58 секторов, и в большинстве из них кто-то жил. Все эти разные пони и то, что они делали, рассеяно в глубине времён. Узнать, как они жили, кто они такие... вот что меня волнует. Думаю, я собираюсь исследовать их. Процесс терраформирования в конечном итоге приведёт к их перезагрузке. Там все сотрут до основания, превратят в сырьё и по новой засеют жизнью. Если я буду ждать, их история будет уничтожена.

Мелоди хотела сказать, что у Гармонии, вероятно, хранятся записи о цивилизациях, которые там жили. С такими огромными вычислительными мощностями, естественно, не было причин что-то стирать. Но почему-то она знала, что Дэдлайту этого будет недостаточно. Представление жеребца о «знаниях» было более строгим.

— А как насчёт нашего жеребёнка? — аликорн повернулась, демонстрируя свой животик. Выпуклость была едва заметной, но Мелоди знала как её правильно показать. — Может ли твоё приключение подождать достаточно долго для этого? Может ли оно подождать достаточно долго, пока он повзрослеет?

Дэдлайт колебался. Его лицо снова превратилось в непроницаемую маску. Жеребцу потребовалось много времени, чтобы наконец ответить.

— Я не брошу тебя. Теперь, когда Эквус свободен... если ты потребуешь, чтобы я остался с тобой — я останусь.

Мелоди расслабилась. Она хотела обнять фестрала, но по выражению его лица поняла, что сейчас не время. Он бы не понял, как много значило для неё это обещание.

— Я не хочу сажать тебя в клетку. Я... — аликорн вздохнула. — У меня были просто дерьмовые родители. Я сбежала из дома, когда мне не было и десяти под опеку штата... Я не хочу, чтобы с ним было так же. Коли уж я его рожу, то хочу чтобы у него были настоящие родители. Я... я дам ему то, чего у меня никогда не было. То, что Лаки получила от Лайтнинг Даст.

Мелоди секунду помолчала.

— Но это не значит, что нам надо оставаться тут на целое поколение, бродя кругами и ничего не делая. Ты всё ещё можешь отправиться на поиски приключений. И когда он подрастёт... мы могли бы отправиться все вместе, — аликорн отвела взгляд, густо покраснев. — Я, э-э... тебе не пришлось бы лететь самому. Бьюсь об заклад, я могла бы заставить Предвестника сделать для тебя что-нибудь очень быстрое, если ты пообещаешь поделиться с нами результатами. Тогда ты мог бы использовать все сэкономленное время, чтобы пожить здесь со мной!

Дэдлайт долго молчал, очевидно, глубоко задумавшись. Затем он обнял Мелоди, крепко прижав к себе.

— Прошло много времени с тех пор, как мои родители были живы. Не уверен, что знаю, как выполнять их работу.

Мелоди положила голову ему на грудь, глубоко вдыхая. Пьянящий запах жеребца смешивался с запахом расплавленного металла от сборочной линии внизу. Превращение в аликорна не сделало этот запах менее чудесным.

— Я даже не помню своих. Но строго между нами... мы можем попытаться разобраться с этим. Ты помог спасти целый мир, это не может быть так уж сложно.

Дэдлайт рассмеялся.

— Думаю, можно попробовать. Не то чтобы у нас не хватало времени.